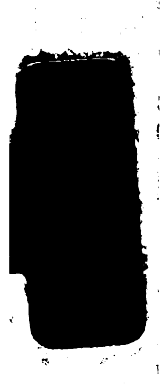

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ XCIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1857.

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Согласенъ».

12 апрѣля 1857 г.,
въ С. Петербургѣ.

ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

О ТРУДАХЪ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Археографическая Коммиссія, учрежденная въ царствованіе Августѣйшаго родителя Вашего Императорскаго Величества, занимается изданіемъ источниковъ отечественной исторіи, Русскихъ лѣтописей и актовъ, также документовъ и сказаній о Россіи на языкахъ иностранныхъ.

Тридцать три тома лѣтописей и актовъ, напечатанныхъ ею при жизни Высокаго ея основателя, содержатъ въ себѣ богатые матеріалы о древнемъ до-Петровскомъ бытѣ Россіи. Многими изъ этихъ матеріаловъ уже воспользовались Русскіе ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, многіе остаются еще не разработанными.

Продолжая свои занятія, Коммиссія окончила теперь печатаніе слѣдующихъ изданій: 1) седьмаго тома *Полнаго собранія*

Русскихъ лѣтописей; 2) шестаго тома *Дополненій къ актамъ историческимъ;* 3) перваго тома *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи*, и 4) *Собранія грамотъ, объясняющихъ сношенія сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ.*

Всеподданнѣйше представляя Вашему Императорскому Величеству означенныя изданія Археографической Коммиссіи, долгомъ своимъ считаю сказать нѣсколько словъ о ихъ содержаніи.

I. Въ седьмомъ томѣ *Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей* заключается первая половина весьма обширной по своему объему лѣтописи по Воскресенскому списку. Разсказъ событій въ этой, нынѣ напечатанной, половинѣ оканчивается 1353 годомъ, кончиною великаго князя Симеона Іоанновича, прозваннаго Гордымъ.

Лѣтопись по Воскресенскому списку, составленная въ концѣ XVI столѣтія неизвѣстнымъ лицемъ, начинается сборникомъ, состоящимъ изъ разныхъ статей, преимущественно историческаго и генеалогическаго содержанія. Изъ числа сихъ статей особеннаго вниманія заслуживаетъ любопытная и важная въ географическомъ отношеніи роспись Русскихъ городовъ. Непосредственно за симъ сборникомъ, который не встрѣчается при другихъ редакціяхъ лѣтописей, слѣдуетъ Временникъ Нестора, отличающійся отъ древняго его текста, сохранившагося въ Лаврентьевскомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, распространеніемъ однихъ извѣстій, сокращеніемъ другихъ и измѣненнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ, согласно съ новыми историческими взглядами, возникшими въ XVI столѣтіи, вслѣдствіе желанія царя Іоанна IV Васильевича Грознаго имѣть родоначальникомъ своему царственному дому Римскаго императора Августа. Послѣ Временника Нестора повѣствуется о происшествіяхъ Новгородскихъ и Кіевскихъ, а начиная съ XIV вѣка — почти исключительно о событіяхъ, совершившихся въ Московскомъ государствѣ. Описаніемъ нашествія на Россію,

въ 1541 году, Крымскаго хана Саипъ-Гирея заключается лѣтопись по Воскресенскому списку.

Составитель сей лѣтописи, или, точнѣе сказать, лѣтописнаго сборника, имѣлъ подъ руками матеріалы, до насъ недошедшіе, или до-сихъ-поръ остающіеся неизвѣстными, и отъ того въ его трудѣ, послѣ Временника Нестора, встрѣчаются извѣстія, которыя не находятся въ изданныхъ доселѣ лѣтописяхъ, или которыя изложены въ нихъ не такъ полно и не съ такими подробностями. Въ этомъ отношеніи лѣтопись по Воскресенскому списку, подобно Софійскому Временнику, представляетъ весьма важный матеріалъ для исторіи Московскаго государства въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ, когда оно, едва только утвердивъ свою самостоятельность и укрѣпивъ самодержавіе уничтоженіемъ удѣльнаго разновластія, должно было непрестанно вести упорную борьбу съ Литвою, Казанью и Крымомъ, съ сими постоянно-враждебными намъ сосѣдями.

Первая половина лѣтописи по Воскресенскому списку издана по тремъ рукописямъ, чѣмъ дополнено и во многомъ исправлено прежнее ея изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1793—1794 годахъ.

II. Въ шестомъ томѣ *Дополненій къ актамъ историческимъ* помѣщены грамоты и другіе документы послѣднихъ годовъ царствованія Алексѣя Михаиловича, 1670—1676 годовъ. Акты эти не представляютъ полной картины внутренняго состоянія тогдашней Россіи и дипломатическихъ ея сношеній, но тѣмъ не менѣе любопытны они, какъ матеріалы для ученыхъ изслѣдованій, какъ оффиціальныя данныя по разнымъ предметамъ. Такъ въ нихъ встрѣчаются свѣдѣнія: а) объ устройствѣ новыхъ слободъ, о поселеніи въ нихъ крестьянъ и бѣломѣстныхъ казаковъ, и о переселеніи Поморскихъ крестьянъ въ Сибирь; б) объ инородцахъ, обитающихъ въ Россіи, и о числѣ жителей Якутскаго уѣзда; в) о тогдашнихъ городахъ, монастыряхъ и епархіяхъ; г) объ обязанностяхъ должностныхъ лицъ; д) о рыбномъ и соляномъ промыслахъ и поташныхъ заводахъ;

о торговлѣ внутренней и внѣшней; о привозныхъ и отпускныхъ товарахъ, и о цѣнахъ различныхъ предметовъ; е) о государственныхъ доходахъ по городамъ, денежныхъ и хлѣбныхъ сборахъ, пошлинахъ, оброкѣ и ясакѣ; ж) о военномъ дѣлѣ, о присутствіи царя, вмѣстѣ съ Датскимъ резидентомъ и Персидскимъ посланникомъ, при стрѣльбѣ изъ пушекъ на Ваганьковскомъ полѣ, близъ Москвы; объ усмиреніи бунта Стеньки Разина, и о дѣйствіяхъ Русскихъ на рѣкѣ Амурѣ; з) о путешествіи Милованова въ Китай и сношеніяхъ съ Персіею и Швеціею; и) о снаряженіи походной аптеки царя; о покупкѣ царской діадимы и скипетра, драгоцѣнныхъ камней для царя и царицы, и серебряныхъ игрушекъ для царевича Петра Алексѣевича.

III. Первый томъ *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи*, содержитъ въ себѣ матеріалы, подходящіе подъ слѣдующія названія: «выборы, выписи, грамоты, данныя, доклады, допросы, досмотры, доѣзды, духовныя, дѣла, дѣльныя, записки, записи, извѣты», и обнимающіе пространство времени отъ 1253 года до XVII вѣка. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) *Льготныя* и *жалованныя грамоты* монастырямъ и частнымъ лицамъ, изъ коихъ многія восходятъ до конца XIV и первой половины XV вѣка. 2) Докладныя записки или *доклады*, указывающіе на раздачу митрополитами принадлежавшихъ имъ земель въ пожизненное владѣніе разнымъ лицамъ; 3) *Духовныя*, изъ коихъ двѣ начала XV вѣка, одна половины этого-же вѣка (духовная Осипа Окинфова) съ Татарскими подписями, имѣющими оффиціальное значеніе, ибо одна изъ нихъ сдѣлана митрополичьимъ дьякомъ, который названъ въ подлинникѣ Ярлыкомъ, и еще одна, принадлежащая старцу Симонова монастыря Андріану Ярлыку, заслуживающая сверхъ того вниманіе также по имени подписавшаго ее дьяка, Карла. 4) *Дѣла*, представляющія начало и обсужденіе, подъ вліяніемъ органовъ правительства, какихъ-либо гражданскихъ отношеній, а въ сферѣ уголовнаго права тѣхъ или другихъ преступленій и окончательное объ нихъ рѣшеніе. 5) *Записи:*

артельная, жилая, складная, третейская и особенно такъ-называемыя *записи отписныя* XV вѣка, данныя митрополитамъ, о неосвоеніи земли и разныхъ угодій, жалованныхъ ими частнымъ лицамъ или своимъ подчиненнымъ въ пожизненное владѣніе. Кромѣ сего, этотъ томъ содержитъ акты, объясняющіе нѣкоторыя черты или даже начала нашего древняго быта, какъ-то: а) *начало выборное*, по которому въ различныя должности избраніе дѣлалось *міромъ;* и даже сельскіе священники выбирались міромъ-же, состоявшимъ изъ прихожанъ извѣстной церкви, архимандриты и игумены монастырей соборомъ братій, а поповскіе старосты и десятскіе мѣстнымъ духовенствомъ; б) *значеніе должностныхъ лицъ, облеченныхъ правомъ суда*; в) начало свободнаго товарищества или *складчинъ* (союзъ *складниковъ*) и артелей, составлявшихся съ частными цѣлями, и г) *укрѣпленіе крестьянъ по принадлежности земли.* Остальные документы, напечатанные въ этомъ томѣ, относятся: до службы военной и гражданской въ древней Россіи, до участія духовенства въ дѣлахъ свѣтскаго вѣдомства, до уголовнаго судопроизводства и до такъ-называемыхъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ. Многіе изъ напечатанныхъ здѣсь древнихъ документовъ сообщены въ Археографическую Коммиссію отставнымъ гвардіи полковникомъ Головинымъ.

IV. *Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, XII, XIII и XIV столѣтій*, найдены Напьерскимъ въ Рижскомъ городскомъ архивѣ и изданы Коммиссіею въ точныхъ снимкахъ, съ означеніемъ содержанія и хронологическими объясненіями. Нѣкоторые изъ князей, встрѣчающихся въ этихъ грамотахъ, до-сихъ-поръ были вовсе неизвѣстны Русскимъ историкамъ, а о другихъ, хотя и извѣстныхъ, находимъ новыя обстоятельства, объясняющія историческое ихъ значеніе. При этомъ нельзя не обратить вниманія на грамоту князя Герденя, 1264 года, какъ на древнѣйшую изъ извѣстныхъ намъ документовъ великихъ князей Литовскихъ, писанныхъ на Русскомъ языкѣ. Изъ Новгородскихъ грамотъ въ

этомъ собраніи первая писана около 1195 года; она содержитъ въ себѣ мирный договоръ князя Ярослава Владиміровича съ городами, составившими впослѣдствіи Ганзейской союзъ, и представляетъ любопытныя данныя для древняго Русскаго уголовнаго права. Грамота князя Александра Ярославича Невскаго, 1257—1259 года, заключаетъ въ себѣ мирныя постановленія относительно торговыхъ сношеній Новгорода съ Ганзейскимъ союзомъ. Грамоты сына его, князя Андрея Александровича, принадлежатъ къ началу XIV вѣка, и одна изъ нихъ любопытна, какъ первое оффиціальное свидѣтельство о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Даніею. Изъ Смоленскихъ актовъ особенно замѣчательна *правая грамота* великаго князя Θеодора Ростиславича, 1284 года, какъ древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ сего рода. Изъ Полоцкихъ документовъ заслуживаютъ вниманія: грамота князя Изяслава Полоцкаго, неизвѣстнаго историкамъ, 1265 года, и торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою, заключенный около 1335 года; по своему содержанію и выраженіямъ, этотъ актъ составляетъ важное пріобрѣтеніе для Русской археологіи.

Кромѣ оконченныхъ теперь изданій, Археографическая Коммиссія приготовляетъ къ печати новыя: 1) VIII томъ *Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей*, въ составъ котораго войдетъ вторая половина Воскресенской лѣтописи, сохранившаяся только въ двухъ спискахъ, Синодальномъ и Парижскомъ. Относительно послѣдняго я вошелъ въ сношеніе съ Россійскимъ посольствомъ въ Парижѣ. 2) VII томъ *Дополненій къ актамъ историческимъ*, который будетъ содержать документы царствованія Θеодора Алексѣевича. 3) II томъ *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи.* 4) Второе изданіе сочиненія Котошихина: *О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича.* 5) *Собраніе документовъ, объясняющихъ исторію Чермной Руси.* 6) *Алфавитный указатель къ Полному собранію Русскихъ лѣтописей* и 7) *Хронологическій указатель всѣхъ Русскихъ старинныхъ актовъ.*

Изложивъ содержаніе оконченныхъ Коммиссіею изданій и показавъ настоящіе ея труды, я считаю своею обязанностію довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что редакціею оконченныхъ теперь изданій занимались члены Коммиссіи: 1) VI тома «Дополненій къ актамъ историческихъ» — академикъ *Коркуновъ*, награжденный въ день священнаго коронованія Вашего Величества, за службу его по Академіи наукъ, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; 2) VII тома «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей»—статскій совѣтникъ *Бычковъ;* 3) I тома «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи», — коллежскій совѣтникъ *Калачевъ*, принявшій на свой счетъ всѣ расходы по изданію сего тома, и 4) «Грамотъ, касающихся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами» — академики *Коркуновъ* и *Куникъ*. Не могу также не засвидѣтельствовать о дѣятельномъ участіи въ означенныхъ трудахъ чиновниковъ Коммиссіи *Тимоѳеева* и *Бермельева;* первый занимался перепискою старинныхъ актовъ, а вторымъ сдѣланы снимки (fac-simile) съ грамотъ и лѣтописей.

Въ заключеніе имѣю счастіе испрашивать всемилостивѣйшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества на представленіе къ наградамъ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ лицъ.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія А. Норовъ.*

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ФЕВРАЛЬ 1857 ГОДА.

6. (12 февраля) *О воспитаніи въ Нерехтскомъ Маріинскомъ училищѣ одной дѣвицы, подъ именемъ: «пансіонерки Ея Величества».*

Государыня Императрица Марія Александровна, съ удовольствіемъ извѣстясь о полезной дѣятельности учрежденнаго въ 1837 году дворянствомъ и жителями г. Нерехты дѣвичьяго учебнаго заведенія, въ 1855 году удостоеннаго именованія Маріинскаго училища, — изъявила желаніе, чтобы въ ономъ воспитывалась на счетъ суммъ Ея Величества одна дѣвица, изъ среды бѣдныхъ дворянъ Костромской губерніи и преимущественно г. Нерехты, съ тѣмъ чтобы дѣвица эта именовалась пансіонеркою Ея Величества.

7. (18 февраля) *Объ объявленіи Высочайшей благодарности дворянамъ Орловской губерніи за пожертвованіе.*

По всеподданнѣйшему докладу о пожертвованіи дворянами Орловской губерніи суммы на содержаніе въ благородномъ пансіонѣ при Орловской гимназіи двухъ воспитанниковъ изъ дѣтей и родственниковъ убитыхъ и раненныхъ офицеровъ Черноморскаго флота, Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ пожертвованіе принять и объявить жертвователямъ Высочайшую благодарность.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ОПРЕДѢЛЕНЪ:

По Харьковскому учебному округу.

Отставной коллежскій секретарь князь *Гагаринъ* — почетнымъ смотрителемъ Валковскаго уѣзднаго училища (20 февраля).

УТВЕРЖДЕНЪ:

По Кіевскому учебному округу.

Почетнымъ попечителемъ Каменецъ-Подольской гимназіи — состоявшій въ той-же должности по прежнимъ выборамъ, дворянинъ *Косельскій* (9 февраля).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Помощникъ столоначальника главнаго управленія западной Сибири, титулярный совѣтникъ, магистръ университета *Чугуновъ* — въ Казанскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта (5 февраля); почетный смотритель Юрьевскаго (Владимірской губ.) уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Полозовъ* — исправляющимъ должность помощника управляющаго Владимірскою удѣльною конторою (9 февраля); почетный смотритель Теофильпольскаго дворянскаго уѣзднаго училища, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ *Юшневскій* — директоромъ Кіевской конторы государственнаго коммерческаго банка, по выбору дворянъ Подольской губерніи (23 февраля); почетный смотритель Луцкаго уѣзднаго дворянскаго училища, подпоручикъ *Оржешко* — Владимірскимъ (Волынск. губ.) уѣзднымъ предводителемъ дворянства по выбору дворянъ (26 февраля).

УВОЛЕНЫ:

По Министерству народнаго просвѣщенія.

Чиновникъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, коллежскій ассессоръ *Данилевскій* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника (20 февраля).

По учебнымъ округамъ.

Харьковскому: Почетный смотритель Валковскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Пассекъ* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника (20 февраля).

Виленскому: Почетный смотритель училищъ Гродненскаго уѣзда, губернскій секретарь *Левковичъ* — по прошенію (20 февраля).

НАГРАЖДЕНЫ:

Орденомъ Св. Анны 3-й степени.

Почетный попечитель Кишиневской гимназіи, надворный совѣтникъ *Казиміръ* а исправляющій должность правителя канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, коллежскій секретарь *Соболевъ* — за заслуги по содержанію статута (3 февраля).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ФЕВРАЛЬ 1857 ГОДА.

2. (13 февраля) *Объ оставленіи въ дѣйствіи распоряженія по Варшавскому учебному округу относительно учениковъ гимназій, удостоенныхъ перевода въ 5 классъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ оставить и на будушее время въ дѣйствіи сдѣланное въ 1852 году по Варшавскому учебному округу распоряженіе о неподверганіи учениковъ гимназій сего округа, удостоенныхъ перевода въ 5 классъ, особому испытанію изъ предметовъ, пройденныхъ въ низшихъ классахъ. Но при семъ предложилъ подтвердить мѣстнымъ начальствамъ о наблюденіи при переводныхъ испытаніяхъ за умственнымъ развитіемъ учениковъ, чтобы они могли съ успѣхъ изучать предметы, преподаваемые въ высшихъ классахъ; что-же касается до учениковъ, переходящихъ въ 5 классъ гимназій и высшихъ реальныхъ заведеній изъ уѣздныхъ училищъ или частныхъ пансіоновъ, то они должны быть подвергаемы особому установленному въ § 112 училищнаго Устава 1840 г. испытанію.

3. (21 февраля) *Объ утвержденіи правилъ для академической муссы при Дерптскомъ университетѣ.*

Министръ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ представленный попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа проектъ правилъ для учрежденнаго при Дерптскомъ университетѣ уве-

селительнаго собранія, подъ названіемъ *академической муссы*, разрѣшилъ принять сіи правила въ руководство.

УТВЕРЖДЕНЫ:

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: Профессоры С. Петербургскаго университета: ординарные — *Горловъ* и *Срезневскій* и экстраординарный — *Сомовъ* и коллежскій совѣтникъ *Дель* — инспекторами частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ на 1857 годъ (16 января).

Московскому: Ординарный профессоръ Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Анке* и состоящій при попечителѣ округа чиновникомъ особыхъ порученій, коллежскій ассессоръ *Арсеньевъ* — инспекторами частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ на 1857 годъ (5 февраля).

НАЗНАЧЕНЪ:

По археографической коммиссіи.

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Полъвановъ* — чиновникомъ археографической коммиссіи, съ оставленіемъ при занимаемой имъ должности (20 февраля).

УВОЛЕНЪ:

По С. Петербургскому учебному округу.

Служащій въ канцеляріи главноуправляющаго дворцовыми правленіями и г. Царскимъ Селомъ, коллежскій регистраторъ *Сабиръ* — отъ должности почетнаго смотрителя Царскосельскаго уѣзднаго училища, по прошенію (18 февраля).

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Почетному попечителю Екатеринославской гимназіи, поручику *Коху* — за пожертвованіе въ пользу сей гимназіи и благороднаго при ней пансіона (20 февраля).

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О

РАЗВИТІИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ

ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

(*Окончаніе*).

Къ одному разряду со способностію воображенія относится и память, какъ такая сила души, которая удерживаетъ всѣ представленія вмѣстѣ съ выражающими ихъ произвольными знаками. Прежде, въ переходѣ чувственнаго воззрѣнія въ воображеніе, чувственное дознаніе предмета преобразовывалось въ представленіе или мысленный образъ его; а въ отправленіи памяти, на-оборотъ, сила воображенія снова какъ-бы выходитъ изъ мысленной, внутренней области представленій и послѣдовательно выражаетъ ихъ въ опредѣленныхъ знакахъ, слышимыхъ, или видимыхъ, или въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Всего лучше душа наша выражаетъ себя въ послѣдовательности членораздѣльныхъ звуковъ слова: потому-что въ ней каждое слово, съ одной стороны, не заслоняетъ своею неподвижностію теченія мыслей, но какъ оттѣнокъ послѣдовательно-идущихъ

представленій, подобно имъ мгновенно исчезаетъ, уступая мѣсто другому; съ другой — вся совокупность слова можетъ выражать и все предметное разнообразіе представленій. Въ этомъ отношеніи всѣ другія средства выраженія мыслей далеко уступаютъ слову: самые гармоническіе звуки музыки не выговариваютъ опредѣленно никакой мысли, и самое художественное произведеніе живописи или ваянія схватываетъ только одинъ моментъ жизни. Сначала слово имѣетъ еще много сходства съ чувственными предметами, возбудившими представленіе, а потому оно еще крайне ограниченно: сюда относятся звукоподражательныя слова и символическое письмо. Но мало-помалу эти знаки переходятъ въ произвольные, какъ звуковые, такъ и письменные. Такое слово уже несравненно удобнѣе выражаетъ все богатство представленій: оно есть какъ-бы выросшій изъ мысли, ея-же собственный, внѣшній организмъ; въ немъ каждое представленіе уже и безъ образа становится знàкомъ, и каждый знакъ — представленіемъ. На основаніи этого совершенства словесныхъ знаковъ представленій, самая память получаетъ высшее значеніе въ дѣлѣ умственнаго образованія: помощію слова память не только сохраняетъ внутренній міръ помысловъ и представленій, но и сохраняетъ его въ значительной полнотѣ, послѣдовательности и опредѣленности; она доставляетъ матеріалъ умственной дѣятельности, широту и опредѣленность самосознанію. Вотъ причина, почему хорошая память въ молодости считается признакомъ хорошихъ дарованій, и почему необходимо заботиться объ усовершенствованіи этой способности въ періодъ воспитанія, когда мы преимущественно расширяемъ и упрочиваемъ запасъ необходимыхъ познаній. По безобразности знаковъ представленій, по свободному удерживанію ихъ и вызову къ сознанію, память въ послѣдовательномъ ходѣ способностей души примыкаетъ уже къ отвлеченной дѣятельности мышленія.

Въ самомъ назначеніи памяти и въ положеніи, которое занимаетъ она между низшими и высшими познавательными спо-

собностями души, заключается указаніе на средства, которыя могутъ способствовать усовершенствованію ея.

Преимущественнымъ поприщемъ памяти служатъ словесные знаки съ соотвѣтственными имъ представленіями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда между ними нѣтъ ни внутренней или логической связи, ни внѣшней или случайной, извѣстной подъ именемъ ассоціаціи идей (associatio idearum): потому-что связь перваго рода составляетъ прямой предметъ мышленія, вторая — воображенія, хотя конечно и память участвуетъ при затверживаніи связныхъ представленій, и мышленіе и воображеніе дѣйствуютъ при заучиваніи на-память. Такое отсутствіе связи мы замѣчаемъ, во-вторыхъ, между произвольными словесными знаками и соотвѣтствующими имъ представленіями (*); далѣе и цѣлые ряды представленій, облеченныхъ въ слово, могутъ не имѣть этой связи. Отсюда само собою слѣдуетъ, что къ первымъ и прямымъ средствамъ прочности заучиванія и укрѣпленія памяти нужно отнести все то, что способствуетъ только механическому, какъ-бы безсознательному напечатлѣнію и удерживанію въ памяти знаковъ съ ихъ представленіями. Одни изъ такихъ средствъ касаются самаго субъекта заучивающаго и дѣйствуютъ отдаленно, другія дѣйствуютъ ближе, и касаются самаго способа упражненія памяти или заучиванія. Къ числу первыхъ мы относимъ сохраненіе тѣлеснаго здоровья и душевнаго спокойствія. Что касается тѣлеснаго здоровья, то въ этомъ отношеніи весьма важно для крѣпости памяти сохраненіе нервовъ въ умѣренномъ напряженіи: ибо извѣстно, что память много ослабляется тѣми особенно болѣзнями, отъ которыхъ страдаетъ нервная система. Къ физическимъ причинамъ, вредно дѣйствующимъ на память, относятся также ушибы головы, истощеніе силъ отъ долговременныхъ болѣзней, или объ злоупотребленій, наконецъ даже частое, чрезмѣрное

(*) Такъ, напримѣръ, звуками: *дерево*, *Baum*, *arbre* — выражается одно и то-же представленіе; но между этими звуками и самымъ содержаніемъ представленія нѣтъ внутренней связи.

утомленіе отъ долговременнаго напряженія при заучиваніи. Для избѣжанія причинъ, ослабляющихъ память, должно еще замѣтить, что она болѣе другихъ способностей требуетъ успокоенія и отдыха. Душевное спокойствіе весьма важно для сохраненія и развитія прочной памяти уже потому, что оно удерживаетъ въ порядкѣ наши чувствованія и представленія. Безпорядочная дѣятельность воображенія, неистовство страстей, внутреннія тревоги приводятъ душу и все, что ее наполняетъ, въ хаотическое состояніе, смѣшиваютъ ея представленія и производятъ забывчивость. Ближе и прямѣе содѣйствуютъ не только сохраненію, но и развитію памяти самыя упражненія этой способности; они должны способствовать какъ можно лучшей воспріимчивости и прочности памяти, а прямое упражненіе памяти состоитъ въ заучиваніи. Само собою разумѣется, что оно должно касаться предметовъ необходимыхъ и полезныхъ въ дѣлѣ образованія. Чтò-же именно способствуетъ большей прочности его? Заучиваніе бываетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ, во-первыхъ, большимъ количествомъ чувственныхъ впечатлѣній оно сопровождается; во-вторыхъ, чѣмъ чаще мы повторяемъ предметъ заучиванія. На этомъ основаніи громкимъ и раздѣльныхъ чтеніемъ лучше можно напечатлѣть что-нибудь въ памяти, нежели тихимъ, или мысленнымъ. Еще сильнѣе напечатлѣваются слова, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, если произносимъ ихъ по диктовкѣ (Vorsagen) другаго лица. По этой-же причинѣ крѣпче замѣчается то, что мы сперва записали, а потомъ прочитываемъ медленно и ясно, а не быстро и слитно. Но какъ-бы ни было сильно однократное воспріятіе многихъ впечатлѣній, оно не можетъ быть такъ прочно, чтобы навсегда осталось въ памяти; по-крайней-мѣрѣ такая сила однократнаго впечатлѣнія случается очень рѣдко: для прочности запоминанія требуется еще нѣкоторая многократность одинаковыхъ впечатлѣній. На этомъ основаніи необходимо нѣсколько разъ прочитывать заучиваемое; повторять то, что уже пройдено, далѣе, полезно упражняться въ заучиваніи однородныхъ предметовъ

въ продолженіе нѣкотораго времени. Отсюда-же вытекаютъ и другія, частнѣйшія правила: такъ, напримѣръ, совѣтуютъ не пропускать ни одного дня безъ того, чтобы не заучить что-нибудь, или прочитывать уроки съ-вечера и повторять поутру. Подобными упражненіями, если они происходятъ непрерывно и методически, незамѣтно укрѣпляется сила памяти, такъ-что даже дѣти, отличающіяся слабою памятью, могутъ наконецъ значительно улучшить ее. Подобными-же упражненіями, укрѣпляющими память, развивается и самая воспріимчивость ея; частнѣе это качество памяти пріобрѣтается только въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, въ заучиваніи которыхъ мы чаще упражняемся. Кто заучивалъ часто ряды чиселъ, тотъ скорѣе заучиваетъ потомъ новые ряды ихъ, нежели тотъ, кто совсѣмъ не упражнялся въ заучиваніи чиселъ.

Всѣ эти средства прочнаго заучиванія и укрѣпленія памяти можно назвать внѣшними или механическими. Но есть и другаго рода средства, которыя необходимо соединять съ первыми, по-крайней-мѣрѣ тамъ, гдѣ это возможно; въ отличіе отъ первыхъ, ихъ можно назвать внутренними: потому-что они происходятъ отъ участія сознательной мысли или пониманія въ дѣлѣ памяти. Память есть служебная способность разумной мысли, пользующейся ея матеріаломъ, какъ орудіемъ; а потому мысль, подобно хозяину въ экономіи всей умственной дѣятельности, входитъ и въ занятіе памяти, и съ своей стороны содѣйствуетъ ей въ заучиваніи тѣхъ предметовъ, въ которыхъ есть внутренняя связь и послѣдовательность. Она способствуетъ прочности заучиванія, во-первыхъ, силою-же внутренней связи представленій, притягивающей ихъ одно къ другому, во-вторыхъ, большею впечатлительностію: потому-что понятное имѣетъ для насъ болѣе занимательности и вызываетъ больше усилія и воспріимчивости со стороны памяти, нежели не понятное. На этомъ основаніи, необходимо стараться, чтобы разсудокъ, во всѣхъ доступныхъ ему предметахъ, оказывалъ свое содѣйствіе памяти. Это содѣйствіе бываетъ двоякаго рода:

когда мы или показываемъ предметы и ихъ изображенія при заучиваніи соотвѣтственныхъ имъ словъ, и такимъ образомъ соединяемъ въ умѣ учащагося слова съ представленіями самыхъ предметовъ, или объясняемъ связь между цѣлымъ рядомъ представленій, выраженныхъ словомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ то, что мы заучиваемъ, даже какъ предметъ памяти, получаетъ гораздо болѣе опредѣленности, а все опредѣленное гораздо крѣпче напечатлѣвается и удерживается въ ней. Неразлучность заучиванія съ пониманіемъ заучиваемаго сдѣлалась теперь уже педагогическою аксіомою, отличающею нынѣшнюю практику педагогическую отъ средневѣковой, когда дѣйствовали преимущественно на память и мало заботились о самомъ развитіи умственныхъ способностей и о предметномъ или реальномъ образованіи. Первый обратилъ вниманіе на это разумное облегченіе памяти и на совмѣстное развитіе ея съ разумѣніемъ Аммосъ Команій, а дальнѣйшее развитіе получилъ его методъ обученія въ филантропической школѣ Базедова и у Песталоцци. Но неосновательно было-бы думать, будто разумнымъ знаніемъ предмета или пониманіемъ его исключается необходимость заучиванія по памяти. Заучиваніе частію буквальное, а частію, по-крайней-мѣрѣ, точное и твердое со стороны содержанія необходимо: потому-что такимъ образомъ это содержаніе превращается въ нашу собственность въ опредѣленномъ его развитіи и обогащаетъ насъ запасомъ новыхъ и раздѣльныхъ представленій. Это правило относится особенно къ тѣмъ, кто не пріобрѣлъ еще твердыхъ основныхъ свѣдѣній въ изучаемомъ предметѣ, а потому не можемъ еще такъ легко присоединять новыя, дальнѣйшія свѣдѣнія къ прежде пріобрѣтеннымъ. Часто ученикъ думаетъ, что онъ усвоилъ себѣ урокъ и можетъ пересказать его, коль скоро понялъ его при собственномъ чтеніи или при объясненіи преподавателя; но очень рѣдко эта увѣренность не бываетъ самообольщеніемъ. Понявъ предметъ, мы, конечно, совершили большую половину дѣла; но иное дѣло пониманіе смысла по готовымъ словамъ въ книгѣ, или въ из-

ложенія преподавателя, а иное — пониманіе съ самостоятельнымъ, свободнымъ и вѣрнымъ воспроизведеніемъ всего его развитія. Чтобы вполнѣ овладѣть урокомъ, нельзя останавливаться на одномъ пониманіи его: нужно усвоить его до того, чтобы можно было потомъ воспроизвесть его, и такъ какъ это воспроизведеніе требуетъ запаса соотвѣтственныхъ выраженій, то необходимо до нѣкоторой степени и заучиваніе слова. Стало быть, чѣмъ ниже въ комъ-либо внутреннее развитіе, чѣмъ скуднѣе запасъ слова нужный въ извѣстномъ кругѣ познаній, тѣмъ полезнѣе твердое и близкое заучиваніе. Этимъ мы нимало не отрицаемъ пользы упражненія дѣтей въ свободномъ пересказываніи того, что они читали, или слышали; мы хотимъ только сказать, что не всегда безъ ущерба для ихъ образованія можно распространять этотъ родъ упражненій и на такъ-называемые уроки, по-крайней-мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ въ виду прочное, классическое образованіе питомца.

Кромѣ этихъ средствъ прочнаго и разумнаго заучиванія, способствующаго и укрѣпленію памяти, есть еще нѣкоторыя особенныя, которыя придуманы не столько для укрѣпленія, сколько для облегченія памяти: это такъ-называемыя мнемоническія средства. Какое внутреннее основаніе этихъ средствъ и какое педагогическое значеніе ихъ?

По закону взаимнаго тяготѣнія представленій, сближенныхъ единствомъ мысли, гораздо легче заучивать представленія, между которыми есть внутренняя, понятная намъ связь, нежели безсвязныя; припоминанію пособляетъ въ такомъ случаѣ единство мысли, одушевляющей представленія. Между тѣмъ, не всегда бываетъ эта связь между представленіями, которыя мы должны замѣтить. Часто очень трудно бываетъ удержать даже тѣ представленія, между которыми есть внутренняя связь, если они очень разнородны и многочисленны, какъ напримѣръ въ исторіи. Въ томъ и другомъ случаѣ, для облегченія памяти мнемоника прибѣгаетъ къ другимъ, искусственнымъ средствамъ: вмѣсто внутренней связи, которой или

не достаетъ представленіямъ, или которую трудно удержать въ памяти, мнемоническое искусство придумываетъ какую-нибудь внѣшнюю, случайную связь между ними. Она не имѣетъ внутренняго отношенія къ содержанію представленій, но приводитъ ихъ въ соприкосновеніе и вызываетъ одно за другимъ въ памяти помощію какого-нибудь внѣшняго намека и случайнаго, безразличнаго для нихъ сближенія. Нельзя исчислить всѣхъ видовъ искусственнаго сближенія представленій: потому-что это сближеніе, какъ случайное, зависитъ отъ свойства, настроенія и степени развитія лица; одинъ при взглядѣ на какой-либо предметъ припоминаетъ себѣ одно, другой—другое. Но общія основанія случайнаго сближенія представленій не многочисленны. Психологія обыкновенно различаетъ ихъ четыре разряда: по *соприкосновенію въ пространствѣ и времени*, по *сходству и противоположности*. На этихъ-же самыхъ законахъ случайнаго сближенія представленій основываются и всѣ мнемоническія средства для пособія памяти, съ тою только разницею, что въ нѣкоторыхъ употребляется въ дѣло одно, а въ другихъ разомъ нѣсколько основаній этого сближенія. Такъ, напримѣръ, сближеніе представленій по пространству и времени употребляется въ историческихъ таблицахъ, когда въ однихъ полосахъ, раздѣленныхъ графами, помѣщаются названія лицъ и событій; по времени—когда по годамъ, выставленнымъ въ этихъ графахъ, припоминаются всѣ событія и лица, относящіяся къ извѣстной эпохѣ. Сюда относятся и хронологическія таблицы Язвинскаго (*). Сближеніе по сходству присоединяется къ предыдущимъ, когда употребляются, вмѣсто именъ и событій, ихъ символы, какъ напримѣръ, въ исторической таблицѣ Жуковскаго (**) и въ таблицахъ историческихъ и этнографическихъ съ бѣлыми и темными полосами, какъ символами невѣжества и просвѣщенія. На сходствѣ-же или одинаковости основывается такъ-назы-

(*) Метода преподаванія хронологіи исторіи, *Язвинскаго*. С. Петербургъ, 1837 г.

(**) См. Журн. м. н. пр., 1836, ч. X.

ваемое упрощеніе историческихъ чиселъ. На этихъ-же самыхъ основаніяхъ сближенія представленій основаны и мнемоническія средства, представленныя недавно Карломъ Отто (Ревентловъ) для легчайшаго заучиванія словъ и чиселъ (*).

Но какъ-бы ни были разнообразны средства, придумываемыя мнемоникою для облегченія памяти, для насъ важно то, что всѣ они имѣютъ одно общее свойство, по которому можно опредѣлить и педагогическое значеніе ихъ. Касаются-ли они представленій, не имѣющихъ внутренней связи, или связныхъ, но слишкомъ многочисленныхъ и разнородныхъ, въ томъ и другомъ случаѣ мнемоника, для пособія памяти, привноситъ къ нимъ связь случайную, стороннюю, не имѣющую къ нимъ существеннаго отношенія. Положимъ, что въ примѣненіи къ словамъ и представленіямъ, не имѣющимъ внутренней связи, эти средства не мѣшаютъ умственному развитію и познавательной

(*) Для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ, Ревентловъ каждую изъ девяти цифръ — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, дѣлаетъ представителемъ одной или нѣсколькихъ буквъ Нѣмецкой азбуки, такъ впрочемъ, чтобы каждая буква, отнесенная къ извѣстной цифрѣ, имѣла съ нею какое-нибудь сходство по начертанію, или по произношенію. 1-ницу онъ выражаетъ буквами t и d, 2 = n, v, 3 = m, w, 4 = r, q, 5 = s, sch, sz, 6 = b, p, 7 = t, ph, pf, 8 = h, j, 9 = g, k ck, ch, 0 = 1, z; буква-же x, означаетъ (какъ и gs) 95. На основаніи такого распредѣленія буквъ по цифрамъ, слово Vater будетъ значить 214. При этомъ должно замѣтить, что только первыя три буквы въ словѣ и притомъ согласныя, принимаются во-вниманіе, остальныя-же согласныя въ словѣ, равно и всѣ гласныя не имѣютъ числительнаго значенія. Здѣсь облегченіе памяти происходитъ отъ того, что одно слово или нѣсколько словъ, составляющихъ одну мысль, легче замѣтить, нежели число, состоящее изъ множества цифръ: ибо тамъ мы должны утвердить одно впечатлѣніе, а здѣсь много, — именно столько, сколько цифръ въ числѣ.

Для легчайшаго заучиванія словъ, не имѣющихъ внутренней связи, Ревентловъ совѣтуетъ придумать какую-нибудь произвольную связь между ними, на основаніи которой за однимъ словомъ въ нашей памяти слѣдовало-бы другое, за другимъ — третье и такъ далѣе. При этомъ нужно стараться, чтобы каждое слово имѣло какую-нибудь связь только съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ. Такъ, напримѣръ: при заучиваніи словъ *panis*, *piscis*, *amnis*, *vomis* и т. д. за словомъ *panis* (хлѣбъ) мы припоминаемъ легко *piscis* (рыба), потому-что рыбу ѣдятъ съ хлѣбомъ, за *piscis* мы припоминаемъ *amnis* (рѣка), потому-что рыбу ловятъ въ рѣкѣ и т. д. Praktisches Lehrbuch der Mnemotechnik ... Von Carl Otto. Stuttg. u. Tübing. 1847.

дѣятельности; но за то они, какъ кажется, предполагаютъ гораздо большую умственную оборотливость, нежели какую можно предполагать въ питомцѣ, особенно въ малолѣтномъ и слабыхъ дарованій. Кромѣ того, быть можетъ, иногда они потребуютъ отъ него много времени и вниманія къ тому, что не имѣетъ существеннаго отношенія къ дѣлу. Что касается употребленія мнемоническихъ средствъ въ предметахъ, имѣющихъ внутреннюю связь, то, по-крайней-мѣрѣ при излишнемъ употребленіи, оно можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на умственное развитіе. Занимая вниманіе питомца указаніемъ на какую-нибудь случайную, внѣшнюю послѣдовательность представленій, эти средства, такъ-сказать, заслоняютъ отъ него внутренній ходъ предмета и внутреннюю зависимость его частей. Положимъ, что при употребленіи мнемоническихъ пособій мы не будемъ терять изъ виду и внутренней связи предмета; но уже самое раздвоеніе вниманія, отклоненіе его къ чему-то случайному, что нужно потомъ забыть, можетъ ослабить и способность къ самостоятельному изслѣдованію и къ основательному знанію внутренняго строенія предмета. Такъ, напримѣръ въ историческомъ развитіи народовъ, не графы и не цвѣтныя полосы соединяютъ непрерывною послѣдовательностію рядъ лицъ и событій, но опредѣленное взаимное соотношеніе между ними; между тѣмъ воображеніе навыкаетъ представлять ихъ послѣдовательность только при помощи цвѣтныхъ полосъ и символическихъ знаковъ, отмѣченныхъ на картѣ. На этомъ основаніи, въ приложеніи мнемоническихъ пособій къ предметамъ, образующимъ связное цѣлое, нужна большая умѣренность и осторожность. Если и принять ихъ, то, кажется, лучше было-бы употреблять ихъ не въ началѣ, но спустя нѣсколько времени, пока утвердится нѣсколько вниманіе къ внутренней сторонѣ предмета,—да и тогда не постоянно, но изрѣдка, именно только для облегченія памяти, если предметъ, по объему и разнородности содержанія, слишкомъ обременителенъ для памяти. Но гораздо лучше и полезнѣе употреблять тѣ простыя

пособія для памяти, которыя вмѣстѣ способствуютъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не препятствуютъ и умственному развитію и самостоятельному изученію предмета. Таково, напримѣръ, сосредоточенное, чуждое разсѣянности, настроеніе духа, громкое чтеніе, различеніе главнаго отъ второстепеннаго, записываніе, составленіе извлеченій, очерковъ, подробныхъ конспектовъ науки и тому подобное. Каковы-бы, впрочемъ, ни были пособія для облегченія памяти, должно замѣтить, что наука не можетъ обойтись безъ труда, что никакія пособія не исключаютъ необходимости заучиванія, что наконецъ цѣль всякаго облегченія состоитъ не въ угожденіи лѣни и изнѣженности, но въ выигрышѣ силъ и времени для того-же труда.

Въ органической послѣдовательности познавательныхъ способностей души память составляетъ уже переходное звено къ дѣятельности мышленія. Можно выражать свои мысли въ образахъ и картинахъ воображенія; но нельзя въ нихъ выразить всѣхъ изгибовъ мыслительнаго анализа и синтеза. Для этого необходимо точно обозначать представленія не только конкретныхъ предметовъ, но и всевозможныхъ сочетаній и отношеній между ними. Безъ этихъ подробныхъ представленій, обозначенныхъ произвольными словесными знаками, мысль была-бы наполнена только чувственными образами; все недоступное чувственному было-бы недоступно и мысленному оку, и проходило-бы для нея безъ слѣда, безъ имени, какъ тѣни въ Дантовомъ адѣ. Память воспринимаетъ, удерживаетъ и вызываетъ къ сознанію всѣ—и идеальныя и чувственныя представленія, выраженныя словомъ. Дѣятельность ея, подобно дѣятельности воображенія, разсматриваемой отдѣльно отъ мышленія, еще безотчетна. Только съ постепеннымъ возникновеніемъ царственной силы разумной мысли, постепенно входитъ сознательный порядокъ какъ въ пріобрѣтенныя, такъ и во вновь пріобрѣтаемыя его представленія. Но въ удерживаемыхъ памятію представленіяхъ, выраженныхъ словомъ, мышленіе владѣетъ уже болѣе гибкимъ органомъ для выраженія всѣхъ от-

тѣнковъ своей отвлеченной работы. Пользуясь представленіями и словесными знаками ихъ, удерживаемыми памятію, мысль выражаетъ и невыразимое въ образѣ; она не имѣетъ уже такой нужды въ картинахъ, которыя частію объясняютъ, а частію затемняютъ мысль. Она уже непосредственно отливаетъ всѣ свои представленія въ удерживаемыхъ памятію словесныхъ знакахъ, и также непосредственно воспринимаетъ всю ткань представленій изъ слова. Такимъ образомъ самое совершенствованіе слова и разумѣніе идетъ параллельно, и взаимно подвигается одно другимъ. Вотъ главная причина, почему языкоученіе служитъ главнымъ средствомъ умственнаго развитія: въ сознательномъ употребленіи слова, въ изученіи его составныхъ частей, ихъ значенія и способа сочетанія, мы изучаемъ изгибы самой разумной мысли. Изъ этой тѣсной связи между мыслію и словомъ само собою слѣдуетъ, что упражненіе мыслительной способности можно начинать въ питомцахъ уже съ того времени, какъ только они начали ясно и опредѣленно выговаривать слова и выражать хотя-бы самыя простыя свои представленія о вѣщахъ, свои чувствованія и желанія. Это не значитъ, что способность мышленія можетъ получить совершенное развитіе, отдѣльно отъ самыхъ предметовъ систематическаго обученія; нѣтъ, полное, такъ-называемое формальное образованіе невозможно безъ занятія науками, особенно тѣми, въ которыхъ наибольшее количество пріемовъ мышленія находитъ для себя примѣненіе, или тѣми, которыя существенно различаются этими преобладающими въ нихъ пріемами, наконецъ и теоретическимъ изученіемъ законовъ и формъ мышленія. Тѣмъ не менѣе можно и должно дѣйствовать на развитіе мыслительной способности нѣкоторыми особенными упражненіями, какъ во-время систематическаго обученія, особенно въ началѣ его, такъ и до наступленія его, соблюдая въ нихъ нѣкоторый порядокъ и послѣдовательность. И такъ, какой способъ развитія мыслительной способности можетъ указать наука воспитанія?

Въ развитіи каждой способности души воспитаніе должно соображаться съ назначеніемъ ея. Какое-же существенное свойство мышленія въ ряду познавательныхъ способностей? Въ чувственномъ воззрѣніи на предметы преобладаетъ еще страдательность, въ сочетаніяхъ-же воображенія, разсматриваемаго отдѣльно отъ вліянія разумной мысли, господствуетъ произволъ, случайность; въ дѣятельности мышленія уже нѣтъ такихъ одностороенностей — ни страдательности, ни произвола, но чистѣйшая свобода, или по-крайней-мѣрѣ стремленіе къ ней, какъ гармоніи нашей мысли съ законами бытія. Въ чувственномъ воззрѣніи преобладаетъ частность, отдѣльность одного предмета отъ другаго; воображеніе носитъ въ себѣ цѣлую бездну необъятной, всеобщей формы, но еще безразличной въ отношеніи къ предметамъ, поглащаемымъ ею, а мышленіе стремится къ познанію истины; оно проникаетъ въ связь явленій съ закономъ, созерцаетъ частное въ связи съ общимъ. Эта высшая задача мышленія безконечна и вполнѣ недостижима; по-крайней-мѣрѣ она постоянно присуща мышленію и постоянно движетъ его. Если таково назначеніе мышленія, если оно стремится къ познанію истины, а въ познаніи истины предполагается признаніе или утвержденіе умѣстности явленій по связи ихъ съ дознаннымъ закономъ: то очевидно, что эта способность, разсматриваемая въ смыслѣ формальной дѣятельности, вноситъ сознательную связь въ массу представленій, которыя въ воображеніи и памяти соединены были только внѣшнимъ образомъ. Этотъ ходъ сознательнаго сочетанія представленій совершается въ понятіи, сужденіи и умозаключеніи; упражняя питомца въ составленіи правильныхъ понятій о вещахъ, заставляя его составлять самостоятельныя сужденія и умозаключенія, мы тѣмъ самымъ будемъ содѣйствовать и развитію въ немъ способности мышленія. Но какъ всѣ эти три дѣйствія мышленія выражаютъ одну и ту-же его дѣятельность, именно—сознательное сочетаніе представленій, и различаются только большею или меньшею развитостію формъ: то

въ системѣ первоначальнаго обученія нужно обращать особенное вниманіе на упражненія питомца въ составленіи правильныхъ и основательныхъ понятій о вещахъ. Когда онъ навыкнетъ составлять основательныя понятія соединеніемъ существенныхъ признаковъ ихъ въ одно представленіе, то для него легче уже будетъ составлять и самыя сужденія и умозаключенія о вещахъ: потому-что въ сужденіи и умозаключеніи происходитъ только примѣненіе общихъ понятій къ даннымъ явленіямъ или случаямъ, — примѣненіе, непосредственное въ первомъ, и при помощи выраженнаго средняго между ними понятія — во второмъ. Объясненіе видоизмѣненій въ самомъ строеніи этихъ дѣйствій или формъ мышленія можно предоставить дальнѣйшему ходу обученія.

Понятія образуются изъ представленій, а какъ представленія зависятъ отъ способности воззрѣнія и наблюденія, то очевидно, что *первое* условіе правильныхъ понятій находится въ связи съ образованіемъ воззрѣній и представленій: поэтому, все, что было говорено о пріобрѣтеніи правильныхъ воззрѣній, и здѣсь имѣетъ примѣненіе. Если наши воззрѣнія и образовавшіяся изъ нихъ представленія прочны и ясны, то и понятія также могутъ имѣть эти качества. Прочность и ясность представленій, а вслѣдъ за ними и понятій зависятъ: во-первыхъ—отъ свойства чувственныхъ впечатлѣній, во-вторыхъ—отъ частаго повторенія одинаковыхъ наблюденій и представленій. Нѣтъ ничего вреднѣе для основательности разсудка, какъ бѣглое обозрѣніе предметовъ наблюденія и бѣглое составленіе представленій. Если въ питомцѣ замѣтна наклонность къ бѣглости, къ поверхностному пересмотру предметовъ, о которыхъ нужно составить правильное понятіе, то необходимо возвращать его къ внимательнѣйшему наблюденію: тутъ медленность гораздо лучше, нежели бѣглость и поспѣшность. Питомцы, привыкшіе съ дѣтства поспѣшно схватывать общія представленія, безъ внимательнаго наблюденія частностей, бываютъ крайне поверхностны, и—что еще хуже—самонадѣянны; ихъ

вводитъ въ самообольщеніе широта взгляда, не имѣющая у нихъ содержанія. На первыхъ порахъ подобное знакомство съ общностями бросается въ глаза; но потомъ оно оказываетъ вредное вліяніе на питомцевъ и останавливаетъ ихъ развитіе, если только они, пользуясь общими понятіями, не заботятся при этомъ и о самостоятельномъ изслѣдованіи и повѣркѣ данныхъ, на основаніи которыхъ они составлены. Еще полезнѣе для развитія навыка къ составленію правильныхъ понятій, если воспитанникъ пріучается составлять что-нибудь самъ, по собственному соображенію и плану: потому-что и предметъ представленія и каждая форма умственной дѣятельности слабѣе напечатлѣвается однимъ воспріятіемъ, вниманіемъ, нежели самостоятельною умственною работою.

Отъ основательнаго пересмотра воззрѣній и представленій, полагаемыхъ въ основаніе понятія, зависитъ потомъ ихъ жизненность и плодотворность. Когда мы составили понятія объ извѣстныхъ предметахъ на основаніи собственнаго внимательнаго и частаго наблюденія предметовъ, тогда и примѣненіе такихъ понятій къ частнымъ случаямъ бываетъ и удобно и чрезвычайно полезно. Они не только проливаютъ свѣтъ на массу этихъ случаевъ, но и сами наводятъ на вѣрныя частныя заключенія. Блистательнымъ примѣромъ полезнаго примѣненія такихъ понятій служатъ заключенія Кювье о цѣломъ организмѣ допотопнаго животнаго по нѣкоторымъ остаткамъ его скелета. Подобныя заключенія можетъ сдѣлать только тотъ, кто составилъ себѣ понятіе объ устройствѣ и видахъ животныхъ организмовъ на основаніи долговременнаго и внимательнаго изученія ихъ на дѣлѣ.

Другая необходимая принадлежность понятій есть соединеніе сходныхъ признаковъ въ одно общее представленіе. Это соединеніе происходитъ въ насъ отчасти само собою еще въ то время, когда мы начинаемъ именовать предметы: потому-что почти всѣ слова выражаютъ что-нибудь общее, напримѣръ: *столъ*, *столъ ясневый*, *животное*, *волкъ*, *дерево*, *тополь*, и т. д.

Однакожь воспитаніе должно и здѣсь пособлять природѣ. Это пособіе тѣмъ необходимѣе, что логическое сочетаніе представленій въ одно понятіе можетъ встрѣтить препятствіе со стороны другаго, случайнаго, а потому и болѣе легкаго сочетанія ихъ. Для соединенія многихъ сходныхъ представленій, дѣйствій, внутреннихъ состояній въ одно понятіе, необходимы особенно два условія. Первое изъ этихъ условій состоитъ въ различеніи существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ: потому-что только изъ существенныхъ признаковъ можетъ произойти вѣрное понятіе о вещахъ. Отъ смѣшенія признаковъ существенныхъ съ несущественными происходятъ ложныя и сбивчивыя понятія. Другое, не менѣе важное условіе для составленія правильныхъ понятій, состоитъ въ нѣкоторой послѣдовательности въ переходахъ отъ представленій къ понятіямъ и отъ понятій менѣе общихъ къ болѣе общимъ. Для этого нужно объяснять подчиненіе однихъ понятій другимъ и происходящія отсюда понятія о видахъ, родахъ, классахъ и т. п.

Въ объясненіи несущественныхъ и существенныхъ признаковъ предметовъ, въ отдѣленіи однихъ и соединеніи другихъ, въ послѣдовательномъ объясненіи видовъ и родовъ, будетъ уже достаточное упражненіе для питомца въ способѣ составленія понятій. Но педагогія должна позаботиться еще о способѣ привитія и укрѣпленія въ умѣ его образцовъ извѣстныхъ сочетаній. Для достиженія этой цѣли, нужно стараться, чтобы притяженіе однородныхъ представленій, необходимыхъ для составленія основательныхъ понятій, совершалось также медленно и постепенно. Для упроченія ряда представленій, которыя должны войти въ составъ понятія, воспитаннику нужны время и свобода отъ вторженія другихъ, инородныхъ представленій. Дѣти, окруженныя средою предметовъ слишкомъ разнородныхъ, безпрерывно и быстро смѣняющихся, воспитанники, безпрерывно занимающіеся чтеніемъ разнородныхъ книгъ, схватываютъ только зародыши представленій и понятій; но эти зародыши не получаютъ у нихъ никакого развитія и обнаружи-

ваются потомъ самыми поверхностными и хаотическими сужденіями. Напротивъ того, отъ достаточнаго упражненія въ образованіи однородныхъ представленій происходитъ основательность, выработанность и полнота понятій.

Общее условіе при образованіи понятій состоитъ въ обозначеніи вѣрнымъ и опредѣленнымъ словомъ всего, что только мы желаемъ объяснить питомцамъ. На этомъ основаніи, должно обращать особенное вниманіе, чтобы дѣти выражались точными и опредѣленными словами, и въ случаѣ неточностей, не только замѣнять ихъ выраженія другими, но и пользоваться каждымъ такимъ случаемъ для объясненія различія между значеніемъ словъ, ими употребленныхъ, отъ словъ, которыя нужно употребить.

Для большей успѣшности всѣхъ первоначальныхъ упражненій разсудка, нужно еще устранять внутреннія препятствія, мѣшающія образованію понятій. Эти препятствія могутъ происходить со стороны низшихъ способностей души—воображенія и памяти. Въ понятіяхъ мы соединяемъ представленія, имѣющія существенное соотношеніе; въ основаніи ихъ сближенія лежитъ разумная необходимость. Между тѣмъ въ душѣ нашей возможны сочетанія представленій случайныхъ, которыя происходятъ помимо преслѣдуемаго нами разумнаго соотношенія между предметами: это сочетаніе представленій, заученныхъ памятью, и такъ-называемое сцѣпленіе ихъ (associatio idearum). Когда разсудокъ дѣйствуетъ еще слабо, или когда память и воображеніе развиты на счетъ мыслящей силы, тогда легко можетъ случиться, что, вмѣсто сознательнаго тяготѣнія всѣхъ нужныхъ представленій къ одной главной мысли, память и воображеніе будутъ выдвигать представленія другаго рода, не имѣющія никакого логическаго отношенія къ основной мысли. Отсюда нить стройнаго образованія понятій безпрерывно прерывается. Такъ, напримѣръ, мы желали-бы изобразить характеръ какого-либо историческаго лица. Для этого мы должны обратить вниманіе на разныя обстоятельства его жизни, на его

мысли, слова, поступки и тому подобныя. Когда никакія сторонния представленія не мѣшаютъ этой умственной работѣ, тогда сочетаніе всѣхъ данныхъ въ одно цѣлое возможно; типическій обзоръ возникаетъ самъ собою. Но если память, вмѣсто нужныхъ намъ обстоятельствъ лица, выдвигаетъ къ сознанію совсѣмъ другіе ряды представленій по одному только механически-заученному ихъ порядку, или если представленія объ этомъ лицѣ смѣшиваются въ воображеніи съ представленіями другими, по одному только случайному ихъ соприкосновенію, тогда и стройное развитіе понятія объ этомъ лицѣ невозможно. Повторяясь часто, подобное сочетаніе представленій можетъ повредить и умственному развитію. Примѣры этого вреднаго вліянія памяти и воображенія можно встрѣчать не только въ молодости, но и въ зрѣломъ возрастѣ. Одинъ ученый даже въ старости жаловался, что онъ не можетъ, отъ преобладанія памяти, излагать свои мысли въ непрерывной связи: потому-что, взявшись за перо, онъ тотчасъ припоминаетъ цѣлыя статьи чужія, подходящія къ его вопросу, и невольно смѣшиваетъ свое изложеніе съ чужимъ. Сюда относятся и тѣ люди, которые, задавъ себѣ какіе-нибудь вопросы изслѣдованія, безпрерывно переходятъ, по случайнымъ сочетаніямъ, отъ однихъ представленій къ другимъ, переполняютъ свою рѣчь всевозможными тропами и фигурами, вопросами и восклицаніями и никакъ не могутъ выбиться на путь прямаго и стройнаго развитія. Подобный недостатокъ тѣмъ хуже, что онъ можетъ ввести молодыхъ людей въ обольщеніе, которое обнаруживается только въ то время, когда приходитъ пора сосредоточить на бумагѣ, или изустномъ отчетливомъ отвѣтѣ, все пройденное великолѣпными рѣчами. Противоположный примѣръ можно наблюдать въ людяхъ съ гармоническимъ развитіемъ познавательныхъ способностей. Читая, или слушая такихъ людей, вы не можете налюбоваться стройностію изложенія, и какъ-будто слышите какой-то логическій риѳмъ, какую-то дивную симфонію въ самомъ складѣ ихъ мысли. Преобладаніемъ памяти и воображенія

объясняется отчасти причина, отъ чего нѣкоторыя дѣти, вначалѣ обнаруживавшія по-видимому большія способности, оказываются потомъ самыми посредственными. Кажущаяся значительность ихъ умственныхъ способностей состояла только въ томъ, что къ ихъ памяти и воображенію скоро привились цѣлыя группы представленій, которыя, между тѣмъ, не только не представляютъ никакихъ образцовъ сочетаніямъ разсудочнымъ, но напротивъ вредятъ и противодѣйствуютъ имъ. Въ то время, когда воспроизводительная дѣятельность умственныхъ способностей должна постепенно смѣняться производительною, когда наступаетъ время употребленія въ-дѣло собственнаго соображенія, такія дѣти встрѣчаютъ гораздо больше затрудненій, нежели другія, съ обыкновенными дарованіями, но съ достаточнымъ запасомъ разсудочныхъ упражненій. Для устраненія этихъ вредныхъ послѣдствій, необходимо наблюдать, чтобы развитіе памяти и воображенія совершалось въ связи и подъ вліяніемъ разума.

Но не одни только эти, такъ сказать, ближайшія общія понятія, происходящія отъ соединенія сходныхъ признаковъ наблюдаемыхъ предметовъ, требуютъ педагогическихъ упражненій. Предметомъ приготовительныхъ разсудочныхъ упражненій могутъ быть даже тѣ общія понятія или формы разсудка, по которымъ онъ производитъ въ разныхъ направленіяхъ сочетанія сходныхъ представленій. Такъ, напримѣръ, разсказывая дѣтямъ, что солнечный свѣтъ и влага необходимы для развитія травы, мы можемъ при этомъ случаѣ объяснить имъ, что первыя два явленія называются причиною, а развитіе травы есть ихъ дѣйствіе. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ доставитъ имъ довольно ясное представленіе о причинѣ и дѣйствіи. Подобнымъ образомъ можно объяснять имъ и другія общія понятія или формы разсудка, какъ-то: качества и количества, необходимаго и возможнаго, цѣли и средствъ, сущности и явленія, цѣлаго и частей и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что первоначальное обученіе не имѣетъ нужды въ от-

влеченномъ, систематическомъ разсмотрѣніи этихъ формъ. Оно относится къ той наукѣ, которая специально ими занимается.

Когда питомецъ привыкаетъ находить отличительныя свойства предметовъ, соединять общіе многимъ предметамъ признаки, дабы составить изъ нихъ общее понятіе о вещи, то этимъ самымъ оно навыкаетъ уже судить и отчасти даже умозаключать: потому-что, при соединеніи и раздѣленіи представленій, мы уже необходимо судимъ и умозаключаемъ. Поэтому къ общимъ приготовительнымъ средствамъ развитія этой способности должно отнести все, что было говорено о развитіи навыка въ составленіи понятій. Употребляя въ дѣло сужденія и умозаключенія, при составленіи понятій о вещахъ, питомецъ, конечно, можетъ еще не знать, чѣмъ именно отличаются эти три дѣйствія мышленія: понятіе, сужденіе и умозаключеніе; но объясненіе ихъ и самое упражненіе въ нихъ болѣе точное, изустное и письменное, будетъ уже очень удобно, послѣ этихъ неоднократно повторявшихся предварительныхъ упражненій. Въ частности мы легко объяснимъ питомцу свойство умозаключенія, когда научимъ его находить причину, по которой онъ соединяетъ или раздѣляетъ два понятія въ сужденіи: потому-что въ причинѣ будетъ такъ-называемый средній терминъ, при помощи котораго соединяются или раздѣляются эти понятія. Къ этому мы должны присовокупить два примѣчанія: во-первыхъ, для развитія въ питомцѣ способности мышленія въ дѣйствительную силу недостаточно однихъ объясненій преподавателя; необходимы еще постепенныя упражненія питомца въ разнообразныхъ формахъ соединенія и раздѣленія представленій и понятій: способность мышленія превращается въ дѣйствительную силу только по мѣрѣ упражненій и только въ примѣненіи къ тѣмъ видамъ сужденій и умозаключеній, частое употребленіе которыхъ оставило въ ней прочные образцы. Во-вторыхъ, для развитія способности мышленія нужно пробуждать въ питомцѣ самомышленіе, собственное сужденіе о вопросахъ близкихъ къ его разумѣнію, а не одно только подра-

жаніе сужденіямъ другихъ. Для этого необходимо обращать вниманіе на ихъ отвѣты устные и письменные, стараясь при этомъ случаѣ не только показывать, въ чемъ именно ихъ мысли правильны и въ чемъ неправильны, но и пріучать ихъ самихъ находить и исправлять свои ошибки.

Всѣ эти средства развитія высшей познавательной способности относятся къ приготовительнымъ; ихъ можно употреблять и во-время классическаго первоначальнаго обученія, и внѣ его. Какія-же дальнѣйшія средства для развитія этой способности? Преобладающій характеръ вышепоказанныхъ упражненій есть формальность; они составляютъ какъ-бы гимнастику мысли: потому-что въ нихъ содержаніе для развитія способности мышленія употребляется только въ видѣ примѣровъ, но не съ тою цѣлію, чтобы сообщить питомцу въ послѣдовательномъ порядкѣ какую-нибудь отрасль знанія. Между тѣмъ цѣль развитія мысли не въ гибкомъ употребленіи ея формъ, но во взаимномъ отраженіи предмета въ мысли и мысли въ предметѣ, въ примѣненіи ея формъ къ предметамъ знанія. Если такъ, то дальнѣйшимъ средствомъ развитія высшей познавательной способности служитъ изученіе наукъ или началъ ихъ. Но какъ всѣхъ наукъ нельзя изучать, да и не всѣ онѣ имѣютъ одинаковое образовательное вліяніе: то педагогика избираетъ только начала нѣкоторыхъ наукъ для первоначальнаго общаго обученія, руководствуясь въ этомъ случаѣ преимущественно двумя основаніями: во-первыхъ, она избираетъ такую группу предметовъ общаго первоначальнаго преподаванія, въ которой-бы нѣкоторые имѣли особенное образовательное вліяніе, приводя въ движеніе всѣ способности души, и всѣ вмѣстѣ исчерпывали-бы по возможности главные, отличительные пріемы познанія; во-вторыхъ, въ этомъ сочетаніи предметовъ наблюдаетъ гармонію между образованіемъ идеальнымъ или духовнымъ и реальнымъ или матеріальнымъ, изъ коихъ однимъ развивалось-бы въ насъ самопознаніе, а другимъ — познаніе міра внѣшняго. И вотъ тотъ пунктъ, гдѣ наука воспитанія переходитъ въ науку обу-

ченія или въ дидактику. Первая занимается правилами развитія способностей души; своею практикою она сообщаетъ имъ только извѣстное настроеніе; но, доходя до мышленія, какъ такой силы, которая сообщаетъ сознательный характеръ всѣмъ силамъ души, педагогика дѣйствуетъ уже иначе. Она не ограничивается только субъективнымъ развитіемъ и настроеніемъ, но отражаетъ въ немъ самые предметы знанія, или, иначе, пособляетъ ему въ изученіи жизни внутренней и внѣшней.

Здѣсь оканчиваются первоначальныя или низшія средства развитія способности мышленія, но — не всѣ. Почему именно такъ? Въ первыхъ средствахъ этого развитія, гдѣ мы имѣли въ виду не систематическое изложеніе предметовъ обученія, но развитіе мышленія бесѣдами, упражненіями, примѣрами, нѣтъ еще систематической полноты ни по формѣ, ни по содержанію; во вторыхъ — гдѣ мы упражняемъ мысль систематическимъ примѣненіемъ ея къ начальнымъ предметамъ обученія, есть уже систематическое содержаніе для упражненія мысли, но нѣтъ еще систематическаго понятія о самыхъ законахъ и формахъ мышленія и объ отношеніи ихъ къ предметамъ знанія. Только въ философіи съ полнотою міровоззрѣнія соединяется полное и систематическое обозрѣніе законовъ и формъ мышленія. Поэтому въ философіи заключается и средство высшаго развитія этой способности. Преимущественная важность философіи, какъ высшаго средства для образованія мыслящей способности, не даетъ еще права распространять ея значеніе и необходимость на всѣ степени и виды образованія. Низшее образованіе рѣшительно можетъ ограничиться только первоначальными практическими средствами развитія способности мышленія. Въ этомъ отношеніи философія можетъ имѣть полезное вліяніе только отдаленное, систематическимъ распредѣленіемъ практическихъ упражненій разсудка, примѣненнымъ къ главнымъ дѣйствіямъ и формамъ мышленія. Но высшему образованію трудно оставить философскія науки безъ ущерба для себя: съ забвеніемъ философіи оно постепенно будетъ терять

свою высшую жизненную силу, и превратится наконецъ въ массу многознанія, лишенную духа и жизни. Вредныя для высшаго образованія слѣдствія отъ забвенія философіи бываютъ незамѣтны только потому, что оно освѣжается отъ времени до времени философскими идеями, выработанными на почвѣ другихъ образованнѣйшихъ народовъ, идеями какъ отвлеченными, такъ и примѣненными уже къ разнымъ отраслямъ знанія. Такимъ образомъ, не имѣя оригинальности, оно можетъ имѣть по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые, часто обманчивые признаки самостоятельной жизни. Даже среднее общее обученіе, быть-можетъ, много выиграло-бы и гораздо болѣе развивало-бы познавательныя способности, еслибы къ средствамъ формальнаго и реальнаго образованія присоединено было умное преподаваніе по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ частей философіи, какъ-то: логики (*), психологіи или антропологіи. Первая

(*) Иногда говорятъ, что *логика для умныхъ не нужна, для глупыхъ безполезна.* Быть можетъ, кто-нибудь останется вполнѣ доволенъ этимъ забавнымъ замѣчаніемъ: развѣ не случается, что нѣсколько остроумныхъ фразъ берутъ верхъ надъ самыми сильными доводами? Но кто ищетъ убѣжденій основательныхъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что остроуміе, какъ оно ни увлекательно, часто и само впадаетъ и другихъ вводитъ въ заблужденіе: остроуміе одинаково оказываетъ услуги и истинѣ и лжи. Положимъ, что логика безполезна для глупцовъ и идіотовъ; но почему, въ самомъ дѣлѣ, она не нужна для умныхъ, или, правильнѣе, для способныхъ сдѣлаться умными? Быть можетъ, скажутъ: потому-что мыслящая сила въ каждомъ изъ насъ сама собою дѣйствуетъ какъ нужно, хотя мы и не знаемъ логики, подобно желудку, въ которомъ исправно варится пища, хотя мы и не изучали физіологіи. Конечно, желудокъ варитъ пищу, знаемъ-ли мы, или не знаемъ законы пищеваренія; но неужели поэтому и физіологія не нужна? Еслибы логика не имѣла даже никакого вліянія на развитіе способности мышленія, то и тогда, какъ наука, изображающая строеніе одной изъ самыхъ высшихъ способностей нашего духа, она имѣла-бы высокое значеніе въ дѣлѣ высшаго образованія. Быть не можетъ, чтобы мышленіе, силою котораго мы познаемъ себя и окружающій насъ міръ, было только сплетеніемъ пустыхъ формъ, которыхъ знать совсѣмъ не нужно, въ складѣ которыхъ нѣтъ ничего соотвѣтственнаго внутреннему складу жизни. Но именно потому и нужно и полезно сознаніе — и чѣмъ оно будетъ глубже, тѣмъ лучше — законовъ и строенія нашей мысли, что ей свойственна сознательность, которою она отличается отъ безсознательнаго дѣйствія желудка, и что дѣятельность ея совершенствуется по мѣрѣ возрастающаго сознанія о ней. Отрицать вліяніе логики на

доставила-бы мыслящей способности больше крѣпости и само-углубленія, вторая ознакомила-бы ихъ съ внутреннею жизнію человѣка, и доставила-бы имъ возможность зрѣлѣе потомъ понимать основанія нравственныхъ (понимаемъ это слово въ обширномъ смыслѣ) наукъ, исторіи, эстетики, правовѣдѣнія и т. д.

Важная выгода философскаго образованія, какъ средства высшаго развитія мыслительной способности, состоитъ еще и въ томъ, что оно объясняетъ различныя направленія мышленія и знаніе ихъ. Уже и въ первоначальномъ развитіи умственныхъ способностей должно обращать вниманіе на эти напра-

---

развитіе мышленія можетъ только тотъ, кто не уяснилъ себѣ, какъ и въ чемъ оно обнаруживается. Кто воображаетъ, что для основательнаго мышленія необходимо помнить перечисленіе всѣхъ формъ мышленія, ихъ опредѣленія и т. д., тому, разумѣется, трудно понять существенное значеніе этой науки. Хотя и это знаніе не безполезно, однакожь по-крайней-мѣрѣ справедливо, что, и забывши букву логики, можно правильно мыслить. Но существенная польза логики состоитъ не въ этомъ памятованіи ея опредѣленій, не во внѣшнемъ настояніи ея, въ качествѣ надзирателя, надъ работою нашего ума, но въ сліяніи ея содержанія съ живою мыслящею силою въ насъ. Чѣмъ больше вы будете подниматься на высоту науки, чѣмъ глубже будете уразумѣвать ея изслѣдованія и примѣнять ихъ въ собственныхъ упражненіяхъ мысли; тѣмъ тѣснѣе логика, какъ наука, будетъ совпадать съ живою мыслящею силою въ васъ. Помните-ли вы, или не помните букву науки, все-таки мыслитъ въ васъ ваша собственная мысль, а не наука логики; однакожь, съ принятіемъ въ себя вліянія науки, ваша мысль созрѣла, окрѣпла, и дѣйствуетъ гораздо могущественнѣе и основательнѣе. Вы уже не можете отличить, что̀ именно въ вашей мысли есть ея собственное и что̀ пріобрѣтенное отъ науки; и однакожь анализъ тотчасъ можетъ открыть вліяніе науки въ основательности, въ стройности вашей мысли и даже въ способѣ, какъ вы проводите ее въ подробностяхъ, точно такъ-же, какъ химическій анализъ открываетъ и въ однородномъ по-видимому веществѣ разныя составныя части. Да, польза логики состоитъ въ сліяніи идеальной мысли, изображаемой въ логикѣ, съ живою индивидуальною силою мысли въ насъ, т. е. именно въ томъ, что и мѣшаетъ поверхностному взгляду видѣть пользу этой науки: потому-что съ этимъ сліяніемъ нѣтъ того явственнаго двойства, котораго обыкновенно ищетъ простое представленіе. Впрочемъ, доказывая пользу логики, мы совсѣмъ не думаемъ такъ безусловно отстаивать ея значеніе, какъ безусловно отвергаетъ его авторъ вышеприведенныхъ словъ. Есть разныя степени образованія, какъ есть разнаго рода умные люди. Умнымъ можно назвать и здравомыслящаго поселянина и ученаго спеціалиста и человѣка съ высшимъ образованіемъ. Изъ того, что не учившись логикѣ, можно быть образованнымъ и умнымъ вообще, совсѣмъ не слѣдуетъ, что и никому не нужно изучать эту науку.

вленія разсудка, и для избавленія отъ исключительнаго преобладанія одного изъ нихъ развивать по возможности и другія. Одно дитя привыкаетъ спрашивать «изъ чего это сдѣлано», другое — «для чего», третье — «откуда», или «для какой цѣли». Такое-же одностороннее направленіе обнаруживается потомъ иногда и въ примѣненіи къ высшимъ вопросамъ жизни, и можетъ усилиться отъ исключительнаго занятія одною какою-либо наукою: потому-что по-крайней-мѣрѣ каждая группа наукъ имѣетъ какія-нибудь особенности въ пріемахъ и направленіи изслѣдованій. Особенно замѣтно это значительное различіе въ духѣ и пріемахъ на крайнихъ предѣлахъ всей системы наукъ. Тѣ самые пріемы мышленія, которые въ одной группѣ наукъ имѣютъ полное примѣненіе, окажутся недостаточными и даже вредными — въ другой. Такъ, напримѣръ механикъ, привыкшій разсматривать цѣлое состоящимъ изъ частей, захочетъ примѣнять эту форму или категорію цѣлаго и частей къ существу духовной жизни, между-тѣмъ какъ это только одна изъ категорій, которыми пользуется разсудокъ и совсѣмъ не выражаетъ существа нашего духа. Для противодѣйствія этой односторонности въ направленіяхъ мышленія, необходимо обращать на нихъ вниманіе еще во-время первоначальнаго развитія разсудка. Дальнѣйшимъ противодѣйствіемъ этой односторонности служитъ основательное философское образованіе: оно объясняетъ значеніе, предѣлы примѣненія и слѣдствія каждаго направленія мысли.

Въ развитіи способности мышленія возможны своего рода крайности, какъ и въ развитіи каждой способности, для избѣжанія которыхъ необходимы предосторожности. Двѣ главныя крайности можно различать въ развитіи этой способности: одна касается формы или внѣшняго ея употребленія, другая — внутренняго. Первая обнаруживается педантскимъ пристрастіемъ къ схоластическимъ формамъ изложенія. Для предохраненія отъ этого недостатка, самое лучшее средство заключается въ чтеніи образцовыхъ произведеній словесности. Гораздо важнѣе и

опаснѣе другой недугъ, — это умничанье или самомнѣніе мышленія, когда, увлекаясь неумѣреннымъ понятіемъ о его могуществѣ, мы думаемъ, что предѣлами его обозначается все царство истины, всѣ тайны жизни. Это недугъ самый опасный, потому-что онъ обольщаетъ ложными признаками силы и здоровья. Такъ-какъ причины этого недуга бываютъ и теоретическія и практическія, то и средства, противодѣйствующія ему, имѣютъ характеръ сложный. Со стороны практической или нравственной, для противодѣйствія этому недугу, необходимо развитіе грубокаго уваженія къ кореннымъ нравственнымъ истинамъ, со стороны теоретической—развитіе чувства вѣры. Каковы-бы ни были видоизмѣненія чувства вѣры, но и въ простотѣ вѣрующаго сердца оно можетъ быть также здраво и чисто, какъ и въ духѣ первостепённаго мыслителя; въ этомъ послѣднемъ оно также необходимо, какъ и въ первомъ.

Ордин. проф. унив. св. Владиміра

С. ГОГОЦКІЙ.

АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ (*),

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ГРЕЧЕСКАГО И ОБЪЯСНЕННЫЙ

ПРОФ. В. Н. КАРПОВЫМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій во всѣ времена занимали мѣсто между прочимъ два діалога, озаглавленные именемъ знаменитаго Аѳинскаго полководца Алкивіада. Оба

(*) Профессоръ С. Петербургской духовной академіи В. Н. Карповъ давно уже предпринялъ огромный трудъ перевести *творенія Платона* съ Греческаго подлинника, присоединивъ для пополненія ихъ все, что представляютъ въ этомъ отношеніи изслѣдованія наиболѣе уважаемыхъ комментаторовъ и филологовъ. Въ 1841 и 1842 годахъ было издано 2 тома этого перевода. Печатаніе остановилось по весьма простой причинѣ: переводчикъ не имѣетъ средствъ продолжать изданіе, а въ публикѣ мало нашлось цѣнителей этого поистинѣ благороднаго литературнаго подвига. Между тѣмъ всѣ основательно просвѣщенные и мыслящіе люди убѣждены въ томъ, что знакомство съ древнею классическою литературою составляетъ необходимую потребность прочнаго и неодносторонняго образованія, и что усвоеніе лучшихъ ея произведеній отечественной литературѣ можетъ имѣть самое благотворное вліяніе на ходъ и успѣхи послѣдней. Нѣтъ ни одного просвѣщеннаго общества, которое-бы не позаботилось внести ихъ въ сферу своей умственной жизни то посредствомъ основательнаго изученія ихъ въ самыхъ источникахъ, то посредствомъ хорошихъ переводовъ. Мы, призванные идти по одному пути со всѣми великими образованными народами, не можемъ быть равнодушны ни къ одному изъ этихъ способовъ, какими достигаются на этомъ пути всѣ высшія умственныя цѣли. Время, кажется, думать и намъ о серіозныхъ литературныхъ трудахъ, а не объ одномъ пріятномъ, но легкомъ живописаніи текущихъ, такъ-сказать ежедневныхъ интересовъ, движеній и сплетней жизни и сердца — живописаній, безъ сомнѣнія, имѣющихъ свою зани-

они, нося одно и то-же заглавіе, не сходны между собою ни по содержанію, ни по достоинству изложенія. Сочиненіе, носящее имя Алкивіада перваго, было весьма высоко цѣнимо древними любителями Платонова ученія. Въ этомъ діалогѣ они видѣли начало всей философіи своего корифея, и потому многократно

мательную и даже свою важную сторону, но далеко не могущихъ наполнить собою всей литературы народа развившагося и способнаго къ многосторонней образованности. Время стараться о сочетаніи въ изящномъ того, что есть въ немъ возбуждающаго, съ тѣмъ, чѣмъ оно приводитъ душу къ строгимъ, великимъ и проясняющимъ началамъ жизни и убѣжденіямъ. Общество, которое довольствуется въ искусствѣ произведеніями легкими, не глубокими, не окрѣпшими, такъ сказать, въ изученіи первообразныхъ красотъ и великихъ истинъ человѣчества, произведеніями, — болѣе изображающими нравственную и эстетическую потребность, чѣмъ ее питающими, — такое общество и въ жизни и въ идеяхъ привыкаетъ ко всему поверхностному, шаткому, не глубоко истинному. Отвѣтственность въ этомъ лежитъ на литературѣ. Конечно, высшія творенія и литература созидаются не желаніями и не теоріями, а избранными, могучими талантами; но почему-же литературѣ, прежде чѣмъ она достигнетъ счастія увидѣть эти таланты, не принять лучшаго умственнаго направленія, способнаго идти имъ навстрѣчу, когда она явится болѣе соотвѣтствующею великимъ задачамъ образованности? Почему напр., при отсутствіи оригинальныхъ первоклассныхъ произведеній, не позаботиться о переводѣ ихъ съ языковъ, гдѣ они существуютъ, хотя-бы подобные переводы даже красотою своею и не совершенно удовлетворяли своему назначенію, а только знакомили читателя съ механизмомъ и пріемами созданія, развитіемъ ихъ основной идеи и общими изящными чертами подлинника? Нѣтъ сомнѣнія, что это было-бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для литературы и публики, для первой тѣмъ, что вносило-бы въ нее стихіи не летучей отцвѣтающей, а вѣковой критики, для второй тѣмъ, что постепенно расширяло-бы ея умственный горизонтъ, дѣйствовало-бы благотворно на образованіе ея вкуса и пріумножило бы ея умственный капиталъ дарами лучшихъ умовъ всего міра. Въ этомъ смыслѣ прекрасный трудъ г. Карпова заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Намъ извѣстно, что всѣ творенія Платона имъ переведены, но скоро-ли будутъ изданы въ свѣтъ, не знаемъ. Отъ-времени-до-времени въ журналѣ нашемъ будутъ печатаемы нѣкоторые переведенные имъ діалоги величайшаго изъ мыслителя древности, коего многіе философскія идеи не устарѣли и до-сихъ-поръ, а способъ ихъ изложенія всегда будетъ образцомъ діалектическаго искусства. На этотъ разъ мы предлагаемъ читателямъ нашимъ діалогъ, подъ названіемъ *Алкивіадъ первый*, въ которомъ авторъ съ свойственными ему глубокомысліемъ и точностію разсуждаетъ о томъ, сколько нужно предварительныхъ усилій, чтобы сдѣлать себя способнымъ къ отправленію важныхъ государственныхъ должностей, и какъ необходимо, чтобы къ нимъ приступали люди, приготовленные основательнымъ ученіемъ.

Примѣчаніе редакціи.

объясняли содержаніе его историческими и филологическими замѣчаніями. Между такими комментаторами мы встрѣчаемъ современнаго Лонгину платоника Демокрита, Ямвлика, Дамасція, Гарпократіона и другихъ. Болѣе-же всѣхъ занимались Платоновымъ Алкивіадомъ Проклъ и Олимпіодоръ (1). Притомъ, люди ученые въ разныя времена брали изъ этого діалога и вносили въ контекстъ своихъ сочиненій отдѣльныя мысли и цѣлые монологи; а Римскій поэтъ Персій воспользовался его содержаніемъ почти для всей четвертой своей сатиры. Все это, повидимому, могло-бы быть достаточнымъ ручательствомъ за подлинность Алкивіада перваго; но, не смотря на то, въ наше время нѣкоторые критики сильно возстаютъ противъ свидѣтельствъ древности и доказываютъ, что разсматриваемое сочиненіе неправильно приписывается Платону. Къ числу такихъ критиковъ относится не только Астъ (2), который свои приговоры часто утверждаетъ на основаніяхъ недостаточныхъ, но и Шлейермахеръ (3), изслѣдователь строгій и осмотрительный. Они находятъ, что въ содержаніи Платонова Алкивіада иное не соотвѣтствуетъ обыкновенной методѣ Платона въ изложеніи доказательствъ, другое не совсѣмъ согласно съ духомъ и характеромъ его ученія; а есть, по ихъ мнѣнію, и такія мѣста, которыя противорѣчатъ историческимъ соображеніямъ и обличаютъ въ писателѣ только стараніе подражать Платону. Чтобы виднѣе было, справедливы-ли ихъ замѣчанія, мы считаемъ нужнымъ сперва открыть логическую нить изслѣдованій въ разсматриваемомъ разговорѣ, а потомъ опредѣлить его цѣль, показать, подлинны-ли частныя мысли его содержанія, обратить вниманіе на характеристическія черты, подъ которыми являются въ немъ Алкивіадъ и Сократъ, и оцѣнить самое его изложеніе. Что-же касается до предполагаемыхъ въ немъ историческихъ несообразностей и подражаній, то объ этомъ будемъ

(1) Creutzer, edit. Procli et Olympiodori. P. I, Fasc. I. p. XIV sqq.
(2) De vita et script. Plat, p. 435 sqq.
(3) Opp. Plat. II, 3, p. 293 sqq. и въ примѣч.

имѣть случай сказать, чтò нужно, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Алкивіада.

На первыхъ страницахъ разсматриваемаго діалога дѣлается вступленіе въ бесѣду и устанавливается главная ея тема. Сократъ говоритъ Алкивіаду: вотъ уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ я не сказалъ съ тобою ни слова, а только со стороны вникалъ въ характеръ твоихъ отношеній къ людямъ. Теперь-же, когда всѣ друзья, оттолкнутые твоимъ презрѣніемъ, разбѣжались и оставили тебя одного съ убѣжденіемъ, что благопріятныя твои обстоятельства поставляютъ тебя внѣ всякой зависимости отъ кого-бы то ни было, — я пришелъ къ тебѣ и хочу сказать слѣдующее: чрезъ нѣсколько дней ты долженъ вступить въ собраніе Аѳинскаго народа, куда принесешь такое честолюбіе, съ которымъ устремишься къ владычеству надъ всѣмъ Греческимъ материкомъ, а еслибы достигъ этого, то захотѣлъ-бы имѣть вліяніе и на всю Азію. Но ни какія личныя и гражданскія твои преимущества не представятъ тебѣ возможности пріобрѣсть столь великую силу: *одинъ только я могу помочь тебѣ въ этомъ отношеніи* (103—105).

Алкивіадъ, юноша самонадѣянный внѣшними своими преимуществами и ими смѣло прикрывающій нравственное свое ничтожество, заинтересовывается такимъ положеніемъ Сократа и какъ-бы въ тонѣ насмѣшливомъ требуетъ, чтобы онъ доказалъ свою мысль. Сократъ доказываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Еслибы тогда, какъ ты, взошедши на каѳедру, станешь подавать Аѳинянамъ совѣты, я спросилъ тебя: лучше-ли всѣхъ знаешь ты то, что совѣтуешь: то, конечно, услышалъ-бы отъ тебя отвѣтъ положительный. Однакожъ онъ не вывелъ-бы меня изъ сомнѣнія: ибо что мы знаемъ, то либо у другихъ переняли, либо сами измыслили. А ты, чему научился отъ другихъ,—напримѣръ, музыкѣ, фехтованью, грамотѣ,—о томъ не захотѣлъ-бы давать совѣты въ народныхъ собраніяхъ; касательно-же чего теперь хочешь совѣтовать и въ чемъ признаешь себя знающимъ,—напримѣръ, относительно мира и войны, —

тому ты никогда не учился. Вѣдь въ подобныхъ случаяхъ надобно знать, съ кѣмъ заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, съ кѣмъ лучше, когда лучше и на сколько времени лучше то и другое. А это все *должно основываться на справедливости* (106 A — 106 C).

Пришедши къ сему положенію, Сократъ далѣе доказываетъ, что Алкивіадъ никогда и ни отъ кого не могъ узнать, что такое — справедливость и несправедливость. До возраста отроческаго, говоритъ онъ, познаніе столь важнаго предмета вовсе невозможно. А въ отрочествѣ, обращаясь съ сверстниками, ты былъ уже увѣренъ, будто-бы ясно разумѣешь это. Кто-же научилъ тебя? Народъ, говоришь ты. Но народъ не въ состояніи научить не только справедливости, даже шашечной игрѣ. Правда, онъ хорошій учитель Греческаго языка: потому что одну и ту-же вещь всѣ Греки называютъ однимъ и тѣмъ-же словомъ, и несогласія въ этомъ отношеніи не бываетъ. Но касательно справедливости и несправедливости народы столь не согласны между собою, что по этому поводу вступаютъ въ войну одинъ съ другимъ. Если-же народъ не знаетъ, что справедливо и несправедливо, то и ты, ученикъ народа, *не разумѣешь, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость* (109 E — 113 C).

Согласившись въ этомъ, Алкивіадъ не хочетъ однакожь отказаться отъ права давать совѣты народу и старается защитить его новымъ взглядомъ на дѣло народнаго оратора. Народъ, говоритъ онъ, рѣдко разсуждаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, но болѣе — о полезномъ и вредномъ; полезное-же не всегда бываетъ справедливо, равно какъ вредное — не всегда несправедливо. Явно, что этотъ новый вопросъ не избавлялъ Алкивіада отъ непріятной необходимости отвѣчать, знаетъ-ли онъ, что̀ полезно и что̀ вредно, и у кого научился такому знанію: но Сократъ опровергаетъ своего собесѣдника съ другой стороны. Все справедливое, говоритъ онъ, похвально; а все похвальное хорошо; слѣдовательно и все справедли-

вое хорошо, и доброты отъ справедливости отдѣлять не возможно. Потомъ, кто поступаетъ хорошо, тотъ счастливъ, то есть, пріобрѣтаетъ себѣ пользу; но кто справедливъ, тотъ поступаетъ хорошо; слѣдовательно, кто справедливъ, тотъ счастливъ, то есть пріобрѣтаетъ себѣ пользу. А изъ этого явствуетъ, что *польза неотдѣлима отъ справедливости* (113 С—Д).

Послѣ сего Алкивіадъ приходитъ къ сознанію, что у него кружится голова и что объ одномъ и томъ-же онъ полагаетъ то то, то другое. Сократъ берется объяснить ему это состояніе и говоритъ: Если объ одномъ и томъ-же ты полагаешь то то, то другое; то предмета, о которомъ судишь, не знаешь. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ никогда не противорѣчитъ себѣ, кто утверждаетъ то, что знаетъ. Равнымъ образомъ никогда не впадаетъ въ противорѣчія и тотъ, кто, не зная чего-нибудь, такъ и говоритъ, что не знаетъ. Противорѣчатъ сами себѣ только тѣ, которые, не зная чего-нибудь, думаютъ, будто знаютъ это. И такъ твое состояніе есть состояніе несознательнаго и самомнительнаго невѣжи, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ важнѣе тѣ предметы, въ отношеніи къ которымъ ты почитаешь себя знающимъ, тогда какъ вовсе не знаешь ихъ, то есть, въ отношеніи къ справедливому, прекрасному, похвальному и полезному. И такъ, *ты худо дѣлаешь, что спѣшишь принять участіе въ управленіи республикою, не зная того, что необходимо знать правителю* (116 Д—119 С).

Находя обличеніе Сократа справедливымъ, Алкивіадъ не находитъ однакожь нужнымъ учиться тому, чего онъ не знаетъ: потому-что Аѳинскою республикою управляютъ тоже не мудрецы, но люди большею частію слабые и необразованные, предъ которыми онъ, по своимъ способностямъ и другимъ качествамъ, и безъ науки будетъ имѣть преимущество. Эта представленная Алкивіадомъ оборона невѣжества подаетъ Сократу поводъ къ изложенію такихъ мыслей, которыя совершенно обезоруживаютъ его собесѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ разговору высокій интересъ. Твои слова, говоритъ Сократъ,

унижають личныя твои достоинства. Вступая въ управленіе республикою, ты долженъ бороться не съ домашними, а съ иноземными врагами, и стараться пріобрѣсть способы для одержанія побѣды надъ ними. Правителю мало умѣть удовлетворять обыденнымъ потребностямъ общества; онъ своими совершенствами обязанъ стать выше тѣхъ народныхъ вождей, которыхъ мы имѣемъ причины особенно бояться и съ которыми часто ведемъ войны, — именно выше царей Лакедемонскаго и Персидскаго. А царственныя достоинства правителей Лакедемона и Персіи — и по происхожденію, и по воспитанію и по богатству ихъ, таковы, что твои, въ сравненіи съ ними, ничего не значатъ. Этимъ представленіемъ Сократъ совершенно обуздываетъ кичливость Алкивіада и приводитъ его къ вопросу: *что-же надобно мнѣ дѣлать, чтобы быть достойнымъ правителемъ республики?* (119 C — 124 B).

Приступая къ рѣшенію предложеннаго вопроса, Сократъ, по обыкновенію, избѣгаетъ тона догматическаго и продолжаетъ держаться методы эротематической. Будемъ, говоритъ онъ, изслѣдывать вмѣстѣ, что̀ должны мы дѣлать, чтобы оказаться добрыми и мудрыми. Отвѣчая на вопросы Сократа, Алкивіадъ для этой цѣли представляетъ необходимымъ знаніе искусства управлять обществомъ и, изслѣдывая, что надобно разумѣть подъ именемъ сего искусства, приходитъ къ заключенію, что оно должно состоять въ умѣньи управлять людьми, дѣлающими что-нибудь съобща. Но это понятіе, бывъ приложено Сократомъ къ такимъ общимъ дѣйствіямъ, каковы, на-примѣръ, дѣйствія матросовъ на кораблѣ, пѣвчихъ въ хорѣ, плясуновъ въ хороводѣ, оказывается слишкомъ обширнымъ. Посему Алкивіадъ ограничиваетъ его и полагаетъ, что искусство управлять людьми касается человѣческихъ дѣлъ, совершаемыхъ съобща въ жизни гражданской, и достигаетъ своей цѣли добрымъ совѣтомъ. А добрый совѣтъ, говоритъ онъ, долженъ клониться къ тому, чтобы общество лучше и развивалось и сохранялось. Развивается-же и сохраняется оно лучше тогда, когда между

гражданами царствуетъ любовь, состоящая во взаимномъ ихъ согласіи и единомысліи. Но при этомъ Сократъ спросилъ: что должны дѣлать граждане, чтобы между ними сохранилось согласіе? Они должны, отвѣчаетъ Алкивіадъ, каждый дѣлать свое. Если-же каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое, возразилъ Сократъ, то у нихъ произойдетъ несогласіе и вражда, и такимъ выводомъ показываетъ, что его собесѣдникъ составилъ неправильное понятіе о любви. На это возраженіе Алкивіадъ ничего не могъ отвѣчать и снова признался въ своемъ незнаніи. Тогда Сократъ, доказавъ, что молодой собесѣдникъ его не только не приготовился къ управленію республикою, но и не разумѣетъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы приготовиться къ этому, какъ-бы ободряетъ его и подъ видомъ ободренія предлагаетъ ему общее и главное правило приготовленія себя къ достиженію задуманной имъ цѣли. Не унывай, говоритъ онъ, но *заботься о себѣ* (124 В — 127 Д).

Очевидно, что это правило съ перваго взгляда должно было представляться Алкивіаду слишкомъ неопредѣленнымъ. Посему Сократъ дальнѣйшіе свои вопросы начинаетъ направлять къ опредѣленію его. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на значеніе слова «о себѣ» и указываетъ различіе между «собою», «своимъ» и «принадлежащимъ къ своему». То, посредствомъ чего мы дѣлаемъ что-нибудь, говоритъ онъ, не есть «мы», а есть «наше» — это надобно почитать только орудіемъ нашего *я*. Такъ, глаза, уши, руки и все тѣло суть «наше», а не «мы»; что-же касается до вещей, относящихся къ орудіямъ нашего *я*, то онѣ даже и не «наше», а только бываютъ принадлежностями чего-либо «нашего». Такъ палецъ есть «наше», а перстень на пальцѣ лишь относится къ «нашему». Изъ этого явствуетъ, что человѣкъ не есть нѣчто, служащее тѣлу, не есть равнымъ образомъ и тѣло, поколику оно имѣетъ значеніе служебнаго начала души и находится подъ ея управленіемъ. Человѣкъ въ собственномъ смыслѣ есть только душа. Посему, кто заботится о богатствѣ, о почестяхъ, о красотѣ и проч., тотъ заботится

вовсе не о человѣкѣ. Не человѣка также имѣютъ въ виду и тѣ, которые знакомы съ какимъ-нибудь искусствомъ усовершать свое тѣло. *Заботиться о себѣ, какъ о человѣкѣ, значитъ пещись о своей душѣ*, и на этомъ только основаніи, Алкивіадъ, утверждается моя любовь къ тебѣ (127. Д — 132 В).

Но попеченіе о душѣ есть понятіе, все еще недовольно ограниченное. Поэтому Алкивіадъ обнаруживаетъ желаніе изслѣдовать, какимъ образомъ душа можетъ быть предметомъ попеченія. Чтобы удовлетворить его желанію, Сократъ напоминаетъ ему о Дельфійской надписи: «познай самого себя», и способъ самопознанія прекрасно объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. Какъ око тѣла, еслибы ему надлежало видѣть себя, должно было-бы достигнуть этого чрезъ смотрѣніе на вещь, въ которой оно отражалось-бы, на-примѣръ, чрезъ смотрѣніе на глазной зрачокъ кого-либо другаго: такъ и душа, если надобно ей познать себя, должна всматриваться въ божественное начало жизни, въ которомъ она отражается. Но созерцаніе божественнаго въ себѣ производится разсудительностію, безъ которой нельзя знать себя. И такъ *единственный способъ самопознанія есть разсудительность* (132 В — 133 Е).

Если-же въ человѣкѣ нѣтъ разсудительности, т. е., если, онъ не знаетъ, что̀ для его души хорошо или худо, что̀ приноситъ ей вредъ или пользу: то нельзя ему знать и того, что надобно почитать добромъ или зломъ для другихъ. Посему человѣкъ безъ разсудительности, не будучи въ состояніи пещись о себѣ, тѣмъ менѣе можетъ приносить пользу обществу; и еслибы въ этомъ состояніи взялся онъ за управленіе дѣлами общественными, то не зная того, что полезно или вредно другимъ, поставилъ-бы общество въ обстоятельства весьма неблагопріятныя. И такъ *пока разсудительность еще не пріобрѣтена, лучше управляться кѣмъ-нибудь другимъ, чѣмъ самому управлять обществомъ* (133 Е — 135 В).

Къ этой мысли Сократъ пришелъ, какъ къ послѣднему результату бесѣды. Послѣ сего ему оставалось только закон-

чить свое разсужденіе обращеніемъ къ Алкивіаду и внушить ему, чтобы слово перевелъ онъ въ правило, а правило оправдалъ самымъ дѣломъ. Видишь-ли теперь, Алкивіадъ, говоритъ Сократъ, въ какомъ ты состояніи? Это — состояніе рабства, а не свободы: потому-что злу естественно рабствовать, а наслаждаться свободою свойственно добродѣтели. Алкивіадъ совершенно соглашается съ заключеніемъ Сократа и обѣщаетъ отнынѣ обмѣняться съ ними ролями; т. е., какъ прежде Сократъ ходилъ за нимъ, чтобы наблюдать надъ образомъ его мыслей и дѣйствій, такъ теперь онъ самъ будетъ ходить за Сократомъ, чтобы учиться у него разсудительности и сдѣлаться достойнымъ совѣтникомъ общества. Твое намѣреніе благородно, говоритъ на это Сократъ; но *я боюсь, какъ-бы народъ не пересилилъ и меня и тебя* (135 В — Е). Этимъ краткимъ, загадочнымъ замѣчаніемъ оканчивается разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ.

Разсматривая ходъ главныхъ мыслей въ «Алкивіадѣ» и обращая вниманіе на связность и зависимость ихъ, мы съ этой стороны не видимъ въ немъ ничего, несогласнаго съ методою изложенія истинъ въ прочихъ разговорахъ Платона. Правда, діалогическая форма его не довольно сложна и заключаетъ въ себѣ мало искусственности; нить бесѣды въ немъ тянется весьма замѣтно и не затрудняетъ наблюденія; индукція здѣсь недалеко уходитъ отъ главной своей темы, а Сократическая иронія рѣдка и не такъ игрива, какъ во многихъ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ. За то впродолженіе всего разговора съ какою вѣрностію выдерживается свойственный Сократу способъ постепеннаго ограниченія предмета! Какъ разнороденъ составъ входящихъ въ него мыслей и, не смотря на то, какъ послѣдователенъ, связенъ и строенъ ходъ ихъ! По всесторонности содержанія въ «Алкивіадѣ», или по краткому изложенію въ немъ началъ почти всего, чему училъ Платонъ, этотъ діалогъ можно назвать энциклопедіею Платоновой философіи. Отъ того-то еще древніе весьма высоко цѣнили его между прочимъ со

стороны педагогической и когда юноши желали читать Платона, то совѣтовали имъ начинать чтеніе именно Алкивіадомъ. Не менѣе согласно съ Платоническимъ характеромъ изложенія мыслей и то, что заключенія въ этомъ разговорѣ скрываютъ въ себѣ основанія для новыхъ заключеній, которыя однакожь не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ читателя плодоносное сѣмя для размышленія. Тутъ ясно видѣнъ Сократъ, философствующій примѣнительно къ искусству матери своей Фенареты. «Съ моими слушателями, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (4), бываетъ то-же, что съ родильницами: они страдаютъ болями день и ночь, — еще сильнѣе, чѣмъ послѣднія. Возбуждать эти боли и унимать ихъ есть дѣло моего искусства».

Подозрѣніе критиковъ въ подложности Алкивіада основывается преимущественно на невѣрно понимаемой цѣли этого разговора. Астъ полагаетъ, что «Алкивіадъ» есть неудачное истолкованіе Сократовой любви къ Алкивіаду, высказанной въ Платоновомъ Симпосіонѣ (5), въ которомъ слова Алкивіада ἀναγκάζει γαρ με ὁμολογεῖν, ὅτι πολλοῦ ἐνδεὴς ὢν αὐτός ἔτι ἐμαυτοῦ μεν ἀμελτω τὰ δὲ Ἀθηναίων πράττω, — составляютъ будто-бы самую его тему. По мнѣнію Аста, писатель этого сочиненія старается защитить Сократа отъ нареканій въ предосудительномъ обращеніи его съ Алкивіадомъ и внушить читателямъ, что сынъ Софрониска привязывалъ къ себѣ своего ученика узами любви нравственной, основанной на добродѣтели и справедливости. Но такое представленіе цѣли этого діалога кажется намъ вовсе несправедливымъ: потому-что, принявъ его за вѣрное, нельзя было-бы почитать умѣстными въ этомъ разговорѣ многія вошедшія въ составъ его изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, какую связь имѣли-бы тогда съ предполагаемой Астомъ цѣлію всѣ мысли Сократа объ Аѳинскомъ народѣ, что, то есть, онъ — плохой учитель юношества, что имъ самимъ управляютъ люди слабые и невѣжды, и что съ другой стороны

(4) Theact 149.
(5) Sympos. 216 A.

въ его рукахъ много силы, могущей одолѣть не только Алкивіада, но и Сократа? Съ этою послѣднею мыслію разговора мы соединяемъ особенно важное значеніе и думаемъ, что она самою своею загадочностію вѣрно указываетъ цѣль разсматриваемой бесѣды. Внимательно слѣдуя за направленіемъ всѣхъ ея мыслей и каждую изъ нихъ почитая необходимою частію въ составѣ цѣлаго, кажется, естественно приходишь къ заключенію, что цѣлію, какую представлялъ себѣ писатель этой бесѣды, было открыть истинную причину превратныхъ понятій и дѣйствій Алкивіада въ нѣдрѣ Аѳинской республики, что онъ развращенъ былъ не внушеніями Сократа, а легкомысленностію Аѳинскаго народа, и что Сократъ, прежде чѣмъ ученикъ его вступилъ на народную каѳедру, пробудилъ въ немъ любовь къ разсудительности. Эту именно цѣль Платонова Алкивіада предполагалъ и Персій (6), примѣняя его содержаніе къ характеру Римской трибуны.

Dic, o magni pupille Pericli!
Scilicet, ingenium et rerum prudentia velox
Ante pilos venit? dicenda tacendaque calles?
Expecta: haud aliud respondeat haec anus. nunc:
Dinomaches ego sum! Suffla: sum candidus! Esto,
Dum ne deterius sapiat pannucca Baucis,
Cum bene distincto cantaverit ocima vernae.

Представляя такую цѣль разсматриваемаго діалога, мы теперь ясно видимъ, въ чемъ состоитъ ошибка Аста. Онъ выдвигаетъ на первый планъ изслѣдованія мысль, имѣющую значеніе слишкомъ частное и служащую почти всегдашнею у Сократа формою ироніи: — разумѣемъ напоминаніе его о любви къ Алкивіаду. Это напоминаніе, сдѣланное при самомъ вступленіи въ разговоръ, очевидно, есть только оборотъ рѣчи πρὸς Χάριν, которымъ Сократъ, по своему обыкновенію, воспользовался для начатія изслѣдованій предположенной имъ темы; а

(6) *Pers.* Sat. IV.

къ ходу и цѣли бесѣды, какъ показываетъ самое ея содержаніе, оно не имѣетъ никакого отношенія. Впрочемъ, подобныя недоразумѣнія критики касательно Алкивіада бывали и прежде. Извѣстно, что въ Стефановомъ изданіи Платоновыхъ сочиненій разсматриваемый разговоръ обозначенъ вторичнымъ или объяснительнымъ заглавіемъ. Желая указать на самое его содержаніе, издатель озаглавилъ его такъ: Ἀλκιβιάδης πρῶτος, ἢ περὶ τῆς ἀνθρώπου φύσεως. Это послѣднее или матеріальное заглавіе онъ прибавилъ, конечно, потому, что изложенную въ діалогѣ мысль о самопознаніи и о томъ, въ чемъ собственно состоитъ природа человѣка, почиталъ мыслію главною, тогда какъ изъ хода бесѣды явствуетъ, что она здѣсь раскрывается въ значеніи ученія только посредствующаго, направленнаго къ рѣшенію вопроса: какъ надобно заботиться о себѣ, чтобы приготовиться къ прохожденію поприща государственной службы.

И такъ правильное понятіе о содержаніи Алкивіада должно основываться на вѣрномъ уразумѣніи его цѣли; а вѣрно уразумѣть его цѣль можно не иначе, какъ чрезъ внимательное разсмотрѣніе того, что въ немъ есть главное и второстепенное. Почитая главною и особенно выпуклою его мыслію мнѣніе Сократа о легкомысленности Аѳинскаго народа и загадочное его опасеніе, какъ-бы народъ не уничтожилъ и самыхъ добрыхъ намѣреній сына Клиніасова, мы въ-правѣ смотрѣть на этотъ разговоръ, какъ на опроверженіе того, распространившагося между Аѳинянами мнѣнія, будто Сократъ діалектическими своими изслѣдованіями развращалъ современное юношество, особенно-же причинилъ республикѣ много зла своимъ вліяніемъ на Алкивіада и Критіаса, поправшихъ законы отечества и устремившихся къ неограниченной тираніи (7). Внимая этому обидному для памяти Сократа и несправедливому обвиненію, признательный ученикъ его Платонъ естественно могъ рѣшиться защитить своего учителя и въ защиту его написать такой діа-

(7) *Xenoph* memor. 1, 2, 12. *Aeschin*. adv. Timarch, p. 169 ed. Koisk.

логъ, который показывалъ-бы самымъ дѣломъ, къ чему наклонялъ Сократъ юную, но сильную и энергическую душу Алкивіада, и сколько пользы принесъ-бы онъ обществу, еслибы народъ въ своихъ согражданахъ цѣнилъ не лесть, а истинное дарованіе и доблесть нравственную. Что-же касается частныхъ мыслей Сократа въ Алкивіадѣ, то мнѣніе на-примѣръ о гибельномъ вліяніи Аѳинскаго народа на юношество, и о томъ, что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость, есть, очевидно, Платоновское, какъ это явствуетъ изъ снесенія его съ мыслями многихъ, несомнѣнно Платоновыхъ сочиненій, особенно съ нѣкоторыми положеніями въ Горіасѣ и Республикѣ. То-же надобно сказать и о другихъ мѣстахъ Алкивіада, въ которыхъ Сократъ бесѣдуетъ о душѣ, какъ существенной части человѣка, имѣющей божественное происхожденіе, и потому сродной съ божественными предметами. Стоитъ только вспомнить весьма замѣтные отдѣлы Филеба, Федона, Тимея и нѣкоторыя изслѣдованія въ книгѣ о законахъ (8), чтобы увѣриться, что эти положенія были философемами Платона и Сократа. А ученіе о самопознаніи въ томъ-же самомъ смыслѣ излагается и въ Федрѣ, и въ Хармидѣ, и во многихъ другихъ Платоновыхъ разговорахъ. Вообще въ содержаніи разсматриваемаго діалога не представляется ничего такого, что было-бы чуждо Платону и давало-бы достаточныя основанія сомнѣваться въ подлинности этого сочиненія.

Подвергая сомнѣнію подлинность его, Астъ и Шлейермахеръ основываются особенно на томъ, что будто-бы въ немъ невѣрно выставлены характеры Алкивіада и Сократа. Алкивіадъ, съ пламенными своими способностями, энергическимъ чувствомъ сердца и сознаніемъ личныхъ своихъ достоинствъ, въ этомъ діалогѣ, говорятъ они, такъ ребячески слабъ и безхарактеренъ, что нетолько равнодушно выслушиваетъ выраженія Сократа, обидныя для его самолюбія, но еще слѣдуетъ

(8) Phaed. p., 80 A. 94 B.—Phileb. p. 16.—C. Leg. V. Кромѣ того см. *Xenoph.* mem. 1, 4, 8. *Cicer.* de N. D. II, 6. III 11.

за направленіемъ его вопросовъ, какъ тѣнь за тѣломъ, и наконецъ совершенно предается его водительству. Это замѣчаніе критиковъ вообще справедливое, не доказываетъ однакожь подложности разговора. Самомнѣніе и заносчивость Алкивіада выказываются въ самомъ началѣ бесѣды его съ Сократомъ, а потомъ не менѣе обнаруживаются, когда онъ начнетъ сравнивать себя съ тогдашними правителями народа. Но должно замѣтить, что и по свидѣтельству исторіи (9), Алкивіадъ имѣлъ душу чрезвычайно измѣнчивую и непостоянную. Первая высказанная Сократомъ мысль, что Богъ доселѣ не позволялъ ему бесѣдовать съ Алкивіадомъ, кажется, потому, что прежде бесѣда ихъ могла быть напрасна, а теперь Онъ велитъ, — эта первая мысль, имѣющая характеръ истинно Сократическій, естественно могла расположить сына Клиніасова ко вниманію. Когда-же потомъ Сократъ сказалъ, что безъ его помощи Алкивіаду невозможно достигнуть политической своей цѣли, молодой и горячій мечтатель о лаврахъ народнаго вождя долженъ былъ совершенно увлечься словами своего учителя и спокойно выслушивать даже его обличенія. Впрочемъ, это отнюдь не удостовѣряетъ Сократа въ томъ, что онъ устоитъ въ своей рѣшимости, что народъ не съумѣетъ овладѣть гибкою и воспріимчивою его душею. И такъ характеръ Алкивіада обрисовывается здѣсь чертами, дѣйствительно ему принадлежащими. Не менѣе вѣренъ себѣ въ «Алкивіадѣ» и Сократъ. Критики находятъ, что онъ въ самомъ началѣ разговора не выдерживаетъ той скромности, которою въ другихъ діалогахъ такъ искусно прикрываетъ свое знаніе, и слишкомъ самоувѣренно говоритъ, что Алкивіадъ безъ его помощи не сдѣлаетъ ничего хорошаго. Но должно замѣтить, что сынъ Софрониска въ этомъ мѣстѣ ограждается авторитетомъ воли Божіей, подобно тому, какъ въ

(9) *Corn. Nep.* Alc. Cap. 1 et 2. *Xenoph.* memor. 1, 2, 18. Ὀιδα δὲ κἀκοίνῳ (Critiam et Alcibiadem) σοφρονοῦντε, ἔστε Σωκράτει συνήςην., οὔ φοβουμένω, μή ζημιοῖντο ἤ παίοιντο ὑπό Σωκράτους; ἀλλ᾽ οἰομένω τότε κράτιστον εἶνας οὕτο πράττειν. Снес. прекрасное мѣсто Symp. p. 216.

Федрѣ, ссылаясь на божественное воодушевленіе, произносить рѣчь въ похвалу Эроса и обличаетъ Лизіаса въ его грѣхѣ противъ бога любви (10). Притомъ помощь, которую онъ намѣревается предложить Алкивіаду, должна была направляться только къ тому, чтобы пробудить въ немъ сознаніе своего незнанія; а съ такою помощію является онъ почти во всѣхъ разговорахъ Платона, и оказываетъ ее каждому, почитающему себя знатокомъ изслѣдываемаго предмета. Нисколько не чуждо характеру Сократа и то, что, заставивъ Алкивіада сознать свое незнаніе, онъ по-видимому не совсѣмъ вѣжливо описываетъ его состояніе. Кто находитъ въ этомъ несообразность, тотъ забываетъ, что Сократъ здѣсь бесѣдуетъ не съ софистомъ, который хвастался-бы своимъ знаніемъ, а съ любимымъ ученикомъ, который тщеславится только своимъ богатствомъ, происхожденіемъ и красотою.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изложеніи или о внѣшней формѣ разсматриваемаго діалога. Съ этой стороны онъ не нравился критикамъ прежде всего потому, что Сократъ въ немъ часто пускается въ длинныя разсужденія,—чего, говорятъ они, не дѣлаетъ въ другихъ разговорахъ Платона. Но, вникая въ содержаніе этихъ длинныхъ монологовъ, мы замѣчаемъ, что они, по самому существу своему, не могли быть изложены въ формѣ діалогической: ибо состоятъ большею частію изъ разсказовъ о какихъ-нибудь вводныхъ предметахъ. Да и то несправедливо, будто въ другихъ діалогахъ Сократъ всегда кратокъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ разсужденія его столь обширны, что иногда развиваются въ формѣ цѣлыхъ рѣчей. Таковы, на-примѣръ, они въ первой части Федра во многихъ мѣстахъ Республики, Критона, Ѳедона и др. Изложеніе Платонова Алкивіада заключаетъ въ себѣ только одинъ недостатокъ, котораго оправдать никакъ не возможно: это — растянутость рѣчи, излишнее усиліе Сократа научить Алкивіада тому,

(10) Phaedr. 241 E. 244 A.

что онъ долженъ былъ знать и безъ науки, въ чемъ никто не сомнѣвается и что ясно само по себѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтны мѣста: p. 117. B. C. и p. 124 D sqq. Имѣя ихъ въ виду, критика дѣйствительно могла усомниться въ подлинности разсматриваемаго діалога и прійти къ заключенію, что онъ есть произведеніе ума еще неопытнаго, незнакомаго съ искусствомъ управлять діалектическою методою. Не думая оправдывать этого недостатка, мы въ-правѣ однакожь замѣтить, что несправедливо было-бы полагать, будто всѣ сочиненія Платона должны имѣть равныя литературныя достоинства. Весьма вѣроятно, что умственные плоды его юности далеко не были столь совершенны, какъ тѣ, которые изданы имъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Притомъ извѣстно, что Платонъ до самой смерти исправлялъ и обработывалъ свои діалоги. Почему-же не допустить, что дѣло исправленія не успѣло коснуться Алкивіада, и что онъ послѣ смерти своего писателя остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ набросанъ юношескою тростію Платона? А что Алкивіадъ написанъ Платономъ дѣйствительно въ ранней его молодости, можно заключать изъ того, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на позднѣйшую судьбу Сократа. Напротивъ, видно, что во время его написанія, народная молва только еще начинала обвинять сына Софронискова въ развращеніи юношества. Притомъ надобно замѣтить, что Платонъ, конечно, не безъ причины начинаетъ этотъ діалогъ упоминаніемъ о любви Сократа къ Алкивіаду. Плутархъ говоритъ (11), что Алкивіадъ, сдѣлавшись ученикомъ Сократа, сталъ обнаруживать явное презрѣніе ко многимъ своимъ сверстникамъ и между прочимъ къ Аниту. Посему Платонъ, излагая это свое сочиненіе, могъ направлять его и къ вразумленію Анита съ его товарищами, когда они рѣшились сдѣлать доносъ на Сократа, — т. е. могъ

(11) De vita Alcib. C. 4. ὥστε θαυμάζειν ἅπαντας, ὁρῶντας αὐτὸν Σωκράτει μὲν συνδειπνοῦντα καὶ συμπαλαίοντα καὶ συσκηνοῦντα, τοῖς δὲ ἄλλοις ἐρασταῖς χαλεπὸν ὄντα καὶ δυσχείρωτον, ἐνίοις δὲ καὶ παντάπασι σοβαρῶς προσφερόμενον ὥσπερ Ἀνύτῳ τῷ Ἀνθεμίωνος ἐτύγχανε μὲν γὰρ ἐρῶν τοῦ Ἀλκιβιάδου.

имѣть въ виду ту мысль, что Сократъ, любя Алкивіада, располагалъ его не къ враждѣ противъ сверстниковъ, а къ справедливости. И такъ если этого діалога, по изложенію его, нельзя почитать отличнымъ, то нельзя также, ради одного упомянутаго недостатка, относить его и къ сочиненіямъ подложнымъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

Сократъ и Алкивіадъ.

Сокр. Ты удивляешься, думаю, сынъ Клиніаса, что полюбивъ тебя прежде, чѣмъ другіе, я люблю и теперь, когда прочіе уже перестали, и что другіе надоѣдають (12) тебѣ своими бесѣдами, а я, въ-продолженіе столь многихъ лѣтъ (13), не ска-

(12) *Надоѣдаютъ тебѣ*; — Δὶ ὄχλου γένεσθαι τινί — Греческій идіотизмъ, встрѣчающійся у многихъ древнихъ писателей, означаетъ причинять досаду. *Thucyd*. 1. 73. Εἰ καὶ δὶ ὄχλου μᾶλλον ἔσται ἀεὶ προβαλλομένοις ἀνάγκη λέγειν. *Dionys. Hal*. T. V. p. 471 ed. Keisk. δὶ ὄχλου γαρ ἤδη τοῦτο γε. etc.

(13) *Въ-продолженіе столь многихъ лѣтъ*. Зиверcъ въ своемъ разсужденіи объ Аристофановыхъ «Облакахъ» недоумѣваетъ, какимъ образомъ слова Платона, — что, когда Алкивіаду было около двадцати лѣтъ отъ роду, Сократъ не бесѣдовалъ съ нимъ многіе годы, — согласить съ словами Олимпіодора (p. 89. 1), что они находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ при отступленіи Аѳинянъ отъ Деліи, а это происходило, когда живъ еще былъ Периклъ, слѣдовательно пятью годами прежде того времени, въ которое Алкивіадъ вступалъ въ права гражданина. Но, обращая вниманіе на выраженіе въ этомъ діалогѣ (p. 103 B), надобно предположить, что разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ происходилъ еще при жизни Перикла. А какъ до этого разговора Сократъ не бесѣдовалъ съ сыномъ Клиніасовымъ, то настоящую бесѣду его надобно относить къ третьему или второму году до сраженія при Потидеѣ, ибо и въ Симпосіонѣ Платоновомъ говорится (219 E sqq.), что въ это именно время завязалась тѣсная дружба между Сократомъ и Алкивіадомъ. Къ тому же времени подходило и совершеннолѣтіе Алкивіада, т. е. осьмнадцатилѣтній возрастъ его жизни, въ которомъ, по Аѳинскимъ законамъ, юношѣ позволялось уже имѣть голосъ въ народныхъ собраніяхъ (Menex. 234 A). Слѣдовательно Алкивіадъ участвовалъ въ Потидейскомъ сраженіи, имѣя отъ роду около двадцати лѣтъ. Впрочемъ, ранѣе этого онъ и не могъ быть ни въ какомъ заграничномъ походѣ: потому-что юноши, достигшіе совершеннолѣтія, у Аѳинянъ чрезъ два года исполняли должность τῶν περιπόλων (о чемъ см.

залъ съ тобою ни одного слова. Препятствовала этому причина не человѣческая, а божественная, которой силу ты узнаешь впослѣдствіи (14). Теперь она уже не препятствуетъ, и вотъ я пришелъ; надѣюсь, что и впредь препятствовать не будетъ. Почти во все это время я внимательно наблюдалъ, какъ ты держишь себя въ отношеніи къ лицамъ, тебя любящимъ. Много было ихъ, и они отличались высокоуміемъ; но всѣ, побѣжденные твоею разсудительностію, разбѣжались. Я раскрою причину (15) твоего презрѣнія къ нимъ. Тебѣ, говоришь, ни въ комъ изъ людей и ни для чего нѣтъ надобности, потому-что богатство твое велико: все есть, начиная съ тѣла до души. Во-первыхъ, ты считаешь себя красивымъ и знатнымъ (16), и всякій ясно видитъ, что не обманываешься. Во-вторыхъ, ты происходишь изъ семейства самаго храбраго (17) въ цѣломъ

Petit. Legg. Attic. p. 653. sq. et. *Platner*. Symbol. ad. Attic. p. 172 sq). Съ этимъ согласно и то, что Алкивіада, нѣсколько далѣе (p. 123 Д), Сократъ называетъ юношею ἔτι οὐδέπω γεγονὸν σφόδρα εἴκοσιν. И такъ сынъ Софрониска удалялся отъ бесѣды съ Алкивіадомъ, пока онъ не достигъ еще до совершеннолѣтія, и только наблюдалъ за нимъ издали; когда-же увидѣлъ, что пришло ему время вступить въ народное собраніе и что онъ, при извѣстномъ руководствѣ, можетъ оказать Аѳинянамъ важную пользу, рѣшился сблизиться съ нимъ и началъ разговоръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и Ксенофонтъ (Mem. I. 2. 16), и Плутархъ (Alcib. 1, p. 34).

(14) *Узнаешь впослѣдствіи* — указываетъ на дальнѣйшее свое доказательство. p. 103. Д. Е. Шлейермахеръ замѣчаетъ, что подобныя указанія у Платона не въ обычаѣ; но это значило-бы Платонову рѣчь подвергать слишкомъ строгимъ ограниченіямъ.

(15) *Я раскрою причину* — τὸν δὲ λόγον — ἐθέλω διελθεῖν. Въ сочиненіяхъ Платона это выраженіе обыкновенно значитъ: *хочу разсмотрѣть, прослѣдить, объяснить*; а въ этомъ мѣстѣ оно имѣетъ значеніе *открыть причину*. Посему Шлейермахеръ настоящее употребленіе его почитаетъ не Платоновскимъ. Однакожь надобно замѣтить, что оно чисто-Греческое, слѣдовательно Платонъ въ другую эпоху своей жизни легко могъ употребить его для означенія другаго оттѣнка мысли.

(16) *Красивымъ и знатнымъ* — κάλλιστός τε καὶ μέγιστος. Такое соединеніе эпитетъ, прилагаемыхъ къ лицу Алкивіада, нисколько не странно. Оно повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Menex p. 235. A. ἡγούμενος ἐν τῷ παραχρῆμα μείζων καὶ γενναιότερος καὶ καλλίων γεγονέναι.

(17) *Изъ семейства самаго храбраго* — νεανικωτάτου γένους. Этимъ выраженіемъ означается какъ-бы наслѣдственное, фамильное мужество; de Rep. VI. p. 503. E. νεανικοί τε καὶ μεγαλοπρεπεῖς τὰς διανοίας. Ib. p. 512. E. νεανικὴ φύσις

городѣ, величайшемъ между городами Эллиновъ; а потому со стороны отца у тебя очень много знаменитыхъ друзей и родственниковъ, которые, еслибы понадобилось, готовы служить тебѣ. Не менѣе ихъ и не хуже они также со стороны твоей матери. Но, по твоему мнѣнію, болѣе всѣхъ упомянутыхъ мною лицъ доставляетъ тебѣ силы Периклъ, сынъ Ксантиппа, котораго твой отецъ назначилъ тебѣ и твоему брату въ опекуны, и который не только въ своемъ отечествѣ, но и въ цѣлой Элладѣ, даже во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ (18), можетъ дѣлать все, что хочетъ. Я прибавилъ-бы еще, что ты — одинъ изъ людей богатѣйшихъ; но въ этомъ отношеніи у тебя мало самомнѣнія. Гордясь такими преимуществами, ты овладѣлъ всѣми своими ласкателями, и они, какъ слабѣйшіе, подчинились твоей власти. Это тебѣ извѣстно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что̀ за мысль у меня — не бросать своей любви, въ какой надеждѣ я остаюсь вѣренъ ей, не смотря на бѣгство прочихъ.

Алк. Но, можетъ быть, тебѣ не извѣстно, Сократъ, что ты чуть-чуть предупредилъ меня. Вѣдь я первый собирался прійти къ тебѣ и спросить тебя именно объ этомъ, то есть, чего ты хочешь и съ какою цѣлію надоѣдаешь мнѣ, заботливо являясь вездѣ, гдѣ я случайно бываю. Да, для меня въ самомъ дѣлѣ удивительно, какое-бы могло быть твое намѣреніе, и я охотно желалъ-бы знать объ этомъ.

Plaut. Trinumm. V. 2. 9. Eum sororem despondisse suam in tam fortem familiam. Отецъ Алкивіада былъ Клиніасъ, а дѣдъ — Алкивіадъ первый, въ Платоновомъ Эвтидемѣ (p. 275. A) называемый ὁ παλαιός. У него было два сына: Аксіохъ и Клиніасъ, изъ которыхъ послѣдній, по свидѣтельству Геродота (VIII, 17) и Плутарха (Alcib.) съ отличною похвалою сражался ἰδιοστόλῳ τριήρει при Артемизіи, и сражаясь при Херонеѣ во 2. 83 Олимп. вмѣстѣ съ полководцемъ Толмидою былъ убитъ. Мать Алкивіада была Диномаха, дочь Мегелы. Происхожденіемъ своимъ по матери онъ гордился по-видимому столько-же, какъ и по отцѣ. *Palmerii* exercitt. p. 682 sq.

(18) *Во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ.* Къ поколѣніямъ варварскимъ относимы были тогда не только жители средней и восточной Азіи, но и Европейцы, какъ-то: Македоняне, Ѳракійцы и другіе народы не Греческаго происхожденія.

Сокр. Такъ видно ты будешь слушать меня со вниманіемъ, если, какъ говоришь, желалъ-бы знать мое намѣреніе. Пожалуй слушай и имѣй терпѣніе, все скажу.

Алк. Безъ сомнѣнія, буду слушать, — только говори.

Сокр. Смотри-же; вѣдь нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ трудно мнѣ начать, такъ трудно будетъ и кончить.

Алк. Говори, добрякъ; а я ужъ буду слушать.

Сокр. Приходится говорить (19). Хотя тому, кто любитъ, и не легко относиться къ человѣку, который не ниже людей ему преданныхъ, однакожъ я осмѣлюсь высказать свою мысль. Еслибы я видѣлъ, Алкивіадъ, что ты доволенъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ сейчасъ упомянуто мною, и намѣренъ былъ съ этимъ провесть свою жизнь, то давно-бы, сколько знаю себя, отказался отъ своей любви. Но теперь я хочу раскрыть предъ тобою другіе твои помыслы, изъ чего ты уразумѣешь, что я непрестанно наблюдалъ за тобою. Еслибы, кажется, какой-нибудь богъ сказалъ тебѣ: Алкивіадъ! хочешь-ли жить, наслаждаясь тѣмъ, что имѣешь, или тотчасъ умереть, не надѣясь получить что-нибудь болѣе?—то ты, думаю, избралъ-бы смерть (20). И я скажу, какая теперь твоя надежда. Ты думаешь, что какъ скоро явишься въ собраніе Аѳинскаго народа,—а это будетъ чрезъ нѣсколько дней,—то докажешь Аѳинянамъ, что стòишь такого по-

---

(19) *Приходится говорить* — λεκτέον ἀν' εἴη. Таталя-же форма выраженія употреблена Theaet. p. 181. B. Σκεπτέον ἀν εἴη, σοῦ γε οὕτω προθυμουμένου. Euthyphr. p. 273. Д. Καλόν ἄν που τό ἔργον ὑμῶν εἴη. Еслибы эти выраженія Шлейермахеръ имѣлъ въ виду, то не сказалъ-бы (p. 514): Und wie schlecht steht auch das λεκτέον ἄν εἴη, da!

(20) *Ты, думаю, избралъ-бы смерть.* Подобнымъ образомъ говоритъ Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 16) о Критіасѣ и Алкивіадѣ: ἐγώ γὰρ ἡγοῦμαι, θεοῦ διδόντος αὐτοῖν ἢ ζῆν ὅλον τὸν βίον ὥσπερ ζῶντα Σωκράτην ἑώρων, ἢ τεθνάναι, ἑλέσθαι ἂν αὐτώ μᾶλλον τεθνάναι. Шлейермахеру и это не нравится. Онъ почитаетъ невозможнымъ, чтобы юноша, только-что вступающій въ права гражданина, могъ такъ далеко простирать мечты честолюбія. Не должно представить себѣ и свойства, и обстоятельства, и воспитаніе Алкивіада. Юноша богатый, съ обширными связями, съ пылкими способностями, воспитанный въ домѣ Перикла и хорошо понимавшій достоинства современныхъ правителей, о чемъ не могъ возмечтать съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ народное собраніе!

чтенія, какимъ не пользовался ни Периклъ, никто другой изъ мужей, когда-либо существовавшихъ, и, доказавъ это, пріобрѣтешь въ городѣ величайшую силу; пріобрѣтши-же силу здѣсь, будешь могущественъ и у прочихъ Эллиновъ, да не только у Эллиновъ, даже у варваровъ, обитающихъ на одномъ съ нами материкѣ (21). Потомъ, еслибы тотъ-же богъ снова сказалъ тебѣ, что твоя власть должна ограничиваться только Европою, а въ Азію перейти тебѣ не позволятъ и къ тамошнимъ дѣламъ рука твоя не прострется: то ты, кажется, не захотѣлъ-бы жить и при этихъ условіяхъ, не захотѣлъ-бы жить безъ надежды—наполнить своимъ именемъ и силою цѣлое, можно сказать, человѣчество. Кромѣ Кира и Ксеркса, для тебя, думаю, нѣтъ человѣка, о которомъ стоило-бы говорить. Что именно такою воодушевляешься ты надеждою, это я знаю, а не догадываюсь. Но сознаваясь, что я говорю правду, ты, можетъ быть, спросишь: какъ-же это, Сократъ, относится къ причинѣ твоей безотвязности, которую ты спѣшилъ-было открыть мнѣ, и по которой не оставляешь меня? Скажу и это, любезный сынъ Клиніаса и Димонахи. Цѣли всѣхъ этихъ помысловъ безъ меня достигнуть ты не можешь. Таково, думаю, мое вліяніе на тебя и на твои обстоятельства. Потому-то Богъ, давно уже полагаю я, и не позволялъ мнѣ разговаривать съ тобою, а я все ждалъ, пока позволитъ. Ибо какъ ты надѣешься (22) имѣть великую силу въ обществѣ, доказавъ ему предпочтительное

(21) *На одномъ съ нами материкѣ*, т. е. въ Европѣ. Подъ именемъ варваровъ разумѣются здѣсь Македоняне, Θракійцы и другіе народы.

(22) *Ибо какъ ты надѣешься*.... ὥσπερ γὰρ σὺ ἐλπίδας ἔχεις εν τῇ πόλει.......... Греческій текстъ этого періода рѣчи очевидно перепутанъ и испорченъ. Вмѣсто ἐπιδέιξασθαι οτι.... кажется, надобно читать: ἐπιδειξάμενος ὅτι αὐτῇ παντὸς ἄξιος ε', καὶ, οὐδὲν ὅτι οὐ παραυτίκα δυνήσῃ: οὕτω κἀγὼ παρὰ σοὶ ἐλπίζω μέγιστον δυνήσεσθαι.... Это послѣднее μέγιστον δυνήσεσθαι надобно поставить въ зависимость отъ управляющихъ глаголовъ той и другой части періода, т. е. и отъ выраженія: σὺ ἐλπίδας ἔχεις, и отъ глагола ἐγὼ ἐλπίζω. Бутманъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ, основываясь на трехъ кодексахъ Алкивіада, находятъ нужнымъ изгнать изъ текста всѣ слова, начиная съ ἐνδειξασθαι до δυνησεσθαι; но я думаю, что чрезъ это потерялась-бы мысль, соотвѣтствующая мысли, слѣдующей далѣе — ἐνδειξάμενος, ὅτι παντὸς ἄξιός εἰμὶ — σοὶ καὶ...

свое достоинство, и что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго: такъ и я надѣюсь имѣть величайшее вліяніе на тебя, доказавъ, что въ отношеніи къ тебѣ значу болѣе всѣхъ, что ни опекунъ, ни родственникъ, никто кромѣ меня, лишь-бы Богъ помогъ, не въ-состояніи сообщить тебѣ ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты былъ моложе и еще не питалъ этой надежды, Богъ не позволялъ мнѣ бесѣдовать съ тобою — кажется потому, что наша бесѣда тогда могла быть напрасна: а теперь Онъ велитъ, теперь ты можешь слушать меня.

Алк. Я нахожу, Сократъ, что начавъ говорить, ты сдѣлался гораздо страннѣе, чѣмъ былъ прежде, когда слѣдовалъ за мною молча, хотя и въ то время казался очень страннымъ. Питаю-ли я такія мысли, или нѣтъ, — у тебя, какъ видно, уже рѣшено: и еслибы я сталъ отказываться, это нисколько не помогло-бы мнѣ убѣдить тебя. Пусть такъ. Однакожь, еслибы я и совершенно проникнутъ былъ подобными мыслями, то какимъ-же образомъ осуществятся онѣ чрезъ тебя, а безъ тебя ничего не выйдетъ? Можешь-ли сказать это?

Сокр. Ты такъ спрашиваешь, какъ будто я долженъ произнести тебѣ длинную рѣчь, къ какимъ столь привычно твое ухо (23). Нѣтъ, мое дѣло не таково. Я, кажется, только въ-состояніи доказать тебѣ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, если ты хоть немного поможешь мнѣ.

Алк. Лишь-бы не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я согласенъ.

Сокр. А трудно-ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать (24) на вопросы.

Алк. Не трудно.

---

(23) *Къ какимъ столь привычно твое ухо.* Сократъ разумѣетъ μακρολογίαν σοφιστικήν — то длиннословіе, надъ которымъ онъ шутитъ въ Горгіасѣ, Теэтетѣ, Республикѣ, Протагорѣ. Что Алкивіадъ учился у нихъ этому искусству, свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 30. 40).

(24) *А трудно-ли по твоему мнѣнію отвѣчать* — εἰ χαλεπὸν δοκεῖ τό ἀποκρίνεσθαι. Условная частица εἰ здѣсь вовсе неумѣстна. Поэтому, согласно съ поправкою Бутмана и съ переводомъ Фицина, я читаю: ἦ χαλεπὸν δοκεῖ...

Сокр. Отвѣчай-же.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Но вѣдь я буду спрашивать тебя, какъ человѣка, проникнутаго именно тѣми мыслями, которыя тебѣ приписаны мною.

Алк. Пожалуй, если хочешь, только-бы знать, о чемъ будешь спрашивать-то (25).

Сокр. Хорошо. И такъ ты думаешь, говорю я, чрезъ нѣсколько времени сдѣлаться совѣтникомъ Аѳинянъ. Но еслибы въ минуту твоего вступленія на каѳедру, я взялъ тебя за руку и спросилъ: Алкивіадъ! ты встаешь съ своимъ совѣтомъ, когда Аѳиняне вознамѣрились открыть совѣщаніе: скажи, потому-ли рѣшаешься на это, что разумѣешь дѣло лучше ихъ? — Что отвѣчалъ-бы ты?

Алк. Конечно, отвѣчалъ-бы, что разумѣю дѣло лучше ихъ.

Сокр. Слѣдовательно ты — хорошій совѣтникъ въ томъ самомъ, что случилось тебѣ уразумѣть?

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. А разумѣешь ты только то, что узналъ отъ другихъ, или открылъ самъ?

Алк. Что-же болѣе?

Сокр. Но можно-ли изучить, или открыть что-нибудь, не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать (26)?

(25) *Только-бы знать, о чемъ думаешь спрашивать-то* — ἵνα καὶ εἰδῶ ὅ τί καὶ ἐρεῖς. Замѣчательное употребленіе καὶ послѣ ἵνα и предъ глаголомъ для сообщенія ему особенной выразительности. Этотъ союзъ въ подобныхъ случаяхъ употребляется весьма часто. De Rep. IV. p. 445. C. δεῦρο νῦν, ἴδῃς, ὅσα καὶ εἴδη ἔχει ἡ κακία. Такихъ примѣровъ собрано много у Штальбома ad. h. l. По-Русски въ конструкціи сего рода καὶ надобно переводить частицами, усиливающими значеніе глаголовъ, предъ которыми этотъ союзъ поставленъ.

(26) *Не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать?* — μήτε μανθάνειν ἐθέλων μήτε αὐτὸς ζητεῖν; критика притязательная и мелочная, усиливаясь что-нибудь доказать, иногда доходитъ до смѣшнаго. Шлейермахеръ рѣшился, во что-бы то ни стало, доказать, что Алкивіадъ подложенъ, и въ угожденіе своей рѣшимости говоритъ, что приведенныя слова Платонъ написалъ-бы такъ: μήτε ζητεῖν ἐθέλων μήτε μανθάνειν. Между тѣмъ юношѣ Алкивіаду надлежало пріобрѣтать познанія сперва посредствомъ ученія, а потомъ, въ возрастѣ зрѣломъ, чрезъ собственное изслѣдованіе. Это, кажется, согласнѣе съ логикою, а потому и съ тактомъ Платоновой рѣчи.

Алк. Нельзя.

Сокр. Что-жъ? видно, думая что-нибудь узнать, ты захотѣлъ найти и изучить это?

Алк. Не иначе.

Сокр. Слѣдовательно было время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убѣжденію, не зналъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Но вѣдь мнѣ извѣстно, чему ты учился, а что не извѣстно, скажи. На моей памяти, ты учился грамотѣ, играть на цитрѣ и фехтовать; флейтою-же заниматься не хотѣлъ (27). Вотъ что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искусству, которое ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, выходя изъ дома, ты, думаю, не скрылся-бы отъ меня ни днемъ, ни ночью.

Алк. Да я и не ходилъ ни къ какимъ другимъ учителямъ, кромѣ этихъ.

Сокр. И такъ, еслибы Аѳиняне совѣщались о грамотѣ, какимъ-бы образомъ правильно писать, всталъ-ли-бы ты съ своимъ совѣтомъ?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Ну, а когда-бы разсуждали объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Никакъ не всталъ-бы.

Сокр. Но въ собраніяхъ вѣдь не имѣютъ обыкновенія разсуждать о фехтованьѣ.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ о чемъ-же-бы Аѳинянамъ совѣщаться? Ужъ не о домостроительствѣ-ли?

Алк. И то нѣтъ.

---

(27) Что касается до игры на флейтѣ, то и по свидѣтельству Плутарха (Vit. Alcib. C. 2) Алкивіадъ къ этому искусству имѣлъ великое нерасположеніе. Дальнѣйшія слова: *ты не укрылся-бы отъ меня ни днемъ ни ночью*, очевидно, сказаны ὑπερβολιχῶς. Потомъ слово ходить — φοιτᾶν указываетъ на учениковъ, ходящихъ, для слушанія уроковъ, въ домъ учителя; отъ этого ученики сего рода у Грековъ назывались также φοιτηταί. Polluc. Onom. IV. 43.

Сокр. Вѣдь объ этомъ домостроитель будетъ разсуждать лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Ты не захочешь также участвовать, когда Аѳиняне вздумаютъ совѣщаться и о прорицаніи?

Алк. Не захочу.

Сокр. Потому-что прорицатель въ этомъ отношеніи лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Не смотря на то, мало извѣстенъ онъ, или знатенъ, красивъ или безобразенъ, благороденъ или неблагороденъ (28).

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. Потому-что совѣтъ-то о каждомъ предметѣ бываетъ, думаю, со стороны знающаго, а не богатаго.

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. То есть, когда Аѳиняне держатъ совѣтъ, какимъ-бы образомъ сохранить здоровье гражданъ, то для нихъ все равно, бѣденъ совѣтникъ или богатъ; они только наблюдаютъ, чтобы совѣтовалъ имъ врачъ.

Алк. И справедливо.

Сокр. Такъ о чемъ должны они разсуждать, чтобы, вставъ въ качествѣ совѣтника, ты всталъ кстати?

Алк. О своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Напримѣръ, о дѣлахъ, относящихся къ кораблестроенію, то есть, какіе они должны строить корабли?

Алк. Но тутъ я не всталъ-бы, Сократъ.

Сокр. Потому-что строить корабли ты, думаю, не умѣешь. Эта причина, или другая?

Алк. Именно эта.

Сокр. О какихъ-же своихъ дѣлахъ, говоришь ты, должны они разсуждать?

---

(28) *Не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ или знатенъ*... намекъ на тѣ преимущества Алкивіада, которыми онъ особенно гордился.

Алк. О войнѣ, о мирѣ и о другихъ дѣлахъ общественныхъ, Сократъ.

Сокр. Не то-ли разумѣешь ты, что они должны совѣщаться, съ кѣмъ заключить миръ, съ кѣмъ вести войну и какимъ образомъ?

Алк. Да.

Сокр. А это — съ тѣмъ, съ кѣмъ лучше?

Алк. Да.

Сокр. И тогда, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. И столько времени, сколько выгоднѣе?

Алк. Да.

Сокр. Но еслибы Аѳиняне совѣщались, съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться (29) и какимъ образомъ; то ты-ли лучше-бы посовѣтовалъ, или гимнастикъ?

Алк. Конечно, гимнастикъ.

Сокр. И ты можешь сказать, на что смотря, гимнастикъ посовѣтовалъ-бы, съ кѣмъ схватываться, съ кѣмъ нѣтъ, когда схватываться и какимъ образомъ? На-примѣръ, съ тѣмъ-ли надобно схватываться, съ кѣмъ лучше, или нѣтъ?

Алк. Съ тѣмъ.

Сокр. И столько, сколько выгоднѣе?

Алк. Столько.

Сокр. И тогда, когда выгоднѣе?

---

(29) ***Съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться.*** τίνι χρὴ προσπαλαίειν, καὶ τίσιν ἀκροχειρίζεσθαι. Значеніе этихъ глаголовъ объясняется правилами Греческой гимнастики. Timaeus Gloss. p. 19.— ἀκροχειρίζεσθαι πυκτέυειν ἢ παγκρατιάζειν πρὸς ἕτερον ἄνευ συμπλοκῆς, ἢ ὅλως ταῖς ἀκραῖς μετ᾽ ἄλλου γυμνάζεσθαι, т. е., бороться, схвативши другъ друга только за руки. Принимаемому въ этомъ смыслѣ глаголу ακροχειρίζεσθαι хорошо противополагается глаголъ προσπαλαίειν, выражающій такую борьбу, въ которой борцы обхватывали другъ друга по поясу. Имѣя въ виду это несомнѣнное значеніе упомянутыхъ глаголовъ, странными кажутся слѣдующія слова Шлейермахера: Das ἀκροχειρίζεσθαι was sonst bei Platon nicht vorkommt, ist auch ein ganz unnutzes Auskramen gimnashscher Gelehrsamkeit; ein populäres Beispiel hatte weit besser dasselbe ausgerichtet. Но почему это выраженіо кажется Шлейермахеру не популярнымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А кто поетъ, тотъ долженъ-ли иногда сопровождать пѣніе цитрою и мѣрнымъ движеніемъ?

Алк. Конечно, долженъ.

Сокр. И не тогда-ли, когда лучше?

Алк. Да.

Сокр. И не столько-ли, сколько лучше?

Алк. Согласенъ.

Сокр. Что-жъ? Признавъ лучшее въ томъ и другомъ, то-есть, и въ сопровожденіи пѣсни цитрою, и въ борьбѣ, что̀ именно назовешь ты лучшимъ въ игрѣ на цитрѣ? Вотъ въ борьбѣ лучшее, говорю я, есть то, что бываетъ гимнастически; а тамъ что будетъ оно, по твоему мнѣнію?

Алк. Не понимаю (30).

Сокр. Но попытайся подражать мнѣ. Я уже, кажется, отвѣчалъ, что то состоитъ въ совершенной правильности; а правильность, безъ сомнѣнія, есть сообразность съ искусствомъ. Не такъ-ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Искусство-же тутъ не гимнастика-ли?

Алк. Чему-же быть иному?

Сокр. Такъ вотъ я и сказалъ, что въ борьбѣ лучшее есть гимнастика.

Алк. Да, сказалъ.

Сокр. И вѣдь хорошо?

Алк. Кажется.

---

(30) *Не понимаю* — οὐκ ἐννοῶ. Критикамъ особенно странною кажется такая непонятливость даровитаго Алкивіада. Конечно, ходъ Платоновой діалектики въ этомъ мѣстѣ недовольно ловокъ; но кто долго наблюдалъ, какъ иногда и способныя головы, не привыкшія къ мышленію, мѣшаются и оказываются непонятливыми на самой первой степени отвлеченія представленій, тотъ не будетъ удивляться и непонятливости Алкивіада. Всякій понимаетъ, что въ музыкѣ бываетъ лучшее и худшее: но въ какомъ родовомъ объемѣ надобно мыслить лучшее? Какъ назвать его вообще? На это непривычный къ строгому логическому мышленію не вдругъ можетъ отвѣчать.

Сокр. Ну, теперь скажи и ты, — вѣдь и тебѣ нужно говорить хорошо, — скажи, къ какому искусству относится игра на цитрѣ, пѣніе и мѣрное движеніе. Какъ вообще называется это искусство? Неужели еще не можешь отвѣчать?

Алк. Да, не могу.

Сокр. Но попытайся такъ: кто тѣ богини, чье это искусство?

Алк. Ты разумѣешь Музъ, Сократъ?

Сокр. Конечно. Смотри-же, какъ, по ихъ имени, называется это искусство?

Алк. Мнѣ кажется, ты говоришь о музыкѣ?

Сокр. Точно такъ. Что-же въ отношеніи къ ней бываетъ правильно? Въ отношеніи къ искусству гимнастическому я уже назвалъ тебѣ правильное: а здѣсь что назовешь ты такимъ? По требованіямъ музыки что правильно?

Алк. Мнѣ кажется, музыкальность.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее въ войнѣ и въ сохраненіи мира: какъ ты назовешь это лучшее? Тамъ, говоря о каждомъ дѣлѣ, ты призналъ лучшимъ въ одномъ музыкальность, въ другомъ согласіе съ гимнастикою: постарайся и здѣсь указать на что-нибудь такое (31).

Алк. Но не такъ-то могу.

Сокр. А вѣдь стыдно. Еслибы кто-нибудь, слушая твои разсужденія и совѣты касательно пищи, что, то есть, въ настоящее время и въ такомъ-то количествѣ одна пища лучше другой, наконецъ спросилъ: что называешь ты лучшимъ, Алкивіадъ? Ты, и не выдавая себя за врача, конечно отвѣчалъ-бы, что лучшее здѣсь — преимущественно здоровье: какъ-же-бы не умѣть тебѣ, кажется, отвѣчать на вопросъ о томъ, въ чемъ ты выдаешь себя за знатока и касательно чего сталъ-бы давать

(31) *Постарайся и здѣсь указать на что-нибудь такое.* Общее понятіе, о которомъ здѣсь спрашивается, въ умѣ Сократа есть δικαιότερον, а не πολιτικώτερον, что предполагаетъ Шлейермахеръ: ибо справедливость, по разуму древнихъ философовъ и особенно Платона, составляетъ сущность науки о гражданскомъ обществѣ.

совѣты, будто человѣкъ знающій? Вѣдь это стыдно; — или думаешь, нѣтъ?

Алк. Конечно, стыдно.

Сокр. Вникни-же и постарайся сказать, къ чему клонится лучшее какъ въ сохраненіи мира, такъ и въ войнѣ, съ кѣмъ должно?

Алк. Вникаю, но не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, въ чемъ во время войны мы обвиняемъ другъ друга, что почитаемъ причиною начатія военныхъ дѣйствій и какъ называемъ эту причину?

Алк. Знаю. Мы находимъ, что насъ обманываютъ, притѣсняютъ, или лишаютъ чего-нибудь.

Сокр. Постой-же; что мы терпимъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ? Постарайся сказать, что бываетъ особеннаго тутъ или тамъ?

Алк. Говоря объ особенномъ тутъ или тамъ, не разумѣешь-ли ты, Сократъ, справедливости, или несправедливости (32)?

Сокр. То-то и есть.

Алк. Да этимъ-то отличается все вообще.

Сокр. Что-жъ? Противъ кого идти войной посовѣтуешь ты Аѳинянамъ? Противъ справедливыхъ, или несправедливыхъ.

Алк. Труденъ вопросъ! Пусть-бы кто и подумалъ, что надобно воевать съ справедливыми, все-таки не призналъ-бы этого.

Сокр. Видно потому, что это незаконно.

Алк. Конечно; да кажется и не хорошо.

Сокр. Слѣдовательно твои рѣчи будутъ въ пользу справедливости?

Алк. Необходимо.

Сокр. Такъ не справедливое-ли будетъ лучшее въ отноше-

---

(32) *Не разумљешь-ли ты, Сократъ, справедливости и несправедливости?* Этотъ вопросъ, выражающій сомнѣніе Алкивіада, весьма естественно могъ быть предложенъ юношею, который наслушался софистовъ: потому-что софисты никакого понятія не извращали столько, сколько понятія о справедливости, какъ это дѣлаетъ Тразимахъ въ первой книгѣ о Республикѣ. И такъ недоумѣніе Шлейермахера и здѣсь неумѣстно.

нія къ тому, надобно-ли воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и съ кѣмъ нѣтъ, когда воевать и когда нѣтъ? Не справедливое-ли будетъ то лучшее, о которомъ я недавно тебя спрашивалъ?

Алк. Да, кажется.

Сокр. Какъ-же такъ, любезный Алкивіадъ? Развѣ ты забылъ, что этого не знаешь? Или можетъ быть я и не замѣтилъ, когда ты учился этому и ходилъ къ наставнику, который научилъ тебя различать справедливое отъ несправедливаго? Да кто онъ? скажи и мнѣ, порекомендуй ему въ ученики и меня.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Заклинаю тебя именемъ моего и твоего бога дружбы (33), которымъ я никогда не клянусь по-пусту: если у тебя есть такой учитель, скажи мнѣ, кто онъ.

Алк. Но что, если его нѣтъ? Нельзя-ли тебѣ предположить, что справедливое и несправедливое я узналъ какъ-нибудь иначе?

Сокр. Можно, если ты самъ открылъ.

Алк. А что не открылъ, не представишь?

Сокр. И очень, если искалъ.

Алк. А что не искалъ, не подумаешь?

Сокр. Пожалуй; если согласишься, что не знаешь.

Алк. Да, было время, когда я не зналъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь; но можешь-ли указать на то время, въ которое не почиталъ себя знающимъ справедливое и несправедливое? На-примѣръ, въ прошедшемъ году испытывалъ-ли ты себя и думалъ-ли, что не знаешь! или не думалъ? Да отвѣчай вѣрно, чтобы нашъ разговоръ шелъ не по-пусту.

Алк. Думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ-же-ли въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ году назадъ?

---

(33) *Именемъ моего и твоего бога дружбы, которымъ я никогда не клянусь.* Объ этой клятвѣ см. 17 прим. къ Евтифрону. Форма рѣчи: которымъ я никогда не клянусь, часто повторяема была по подражанію Гомеру. Iliad. O. 39. σὺ θ' ἱερὴ κεφαλὴ καὶ νωΐτερον λέχος αὐτῶν κουρίδιον, τὸ μὲν οὐκ ἂν ἐγώ ποτε μὰψ ὀμόσαιμι.

Алк. Такъ-же.

Сокр. А прежде этого времени ты былъ еще мальчикомъ? не правда-ли?

Алк. Да.

Сокр. Тогда-то, разумѣется, ты думалъ, что знаешь.

Алк. Откуда-же это разумѣется?

Сокр. Я часто слыхалъ, что во время своего дѣтства, играя въ кости, или въ какую-нибудь иную игру, въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, ты не сомнѣвался въ справедливомъ и несправедливомъ, но громко и смѣло говорилъ, что такой-то мальчикъ золъ и несправедливъ, что онъ обижаетъ (34) тебя. Не такъ-ли бывало?

Алк. Да что-жъ мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда меня обижали?

Сокр. А спрашивалъ-ли-бы ты, что тебѣ дѣлать, еслибы не зналъ, обижаютъ тебя, или нѣтъ (35).

Алк. Но клянусь Зевсомъ, — я не то что зналъ, а ясно сознавалъ, что меня обижаютъ.

Сокр. Поэтому, бывъ еще мальчикомъ, ты уже думалъ, что разумѣешь справедливое и несправедливое.

Алк. Конечно, да и въ самомъ дѣлѣ разумѣлъ.

Сокр. Когда-же ты это открылъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда думалъ, что знаешь?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ въ какое время ты думалъ, что не знаешь? Смотри, вѣдь такого времени не найдешь.

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я не могу указать на него.

---

(34) *Что онъ обижаетъ тебя* — καὶ ὡς ἀδικεῖ. Если среди игръ одно дитя какъ-нибудь обманывало другое, то обманутое обыкновенно говорило: ἀδικεῖς. Это было поговоркою Аѳинянъ въ подобныхъ случаяхъ. Весьма ясный примѣръ читаемъ у Аристофана (Nub. 25): φίλων, ἀδικεῖς! *Faber*: de ludo talorum V. ad. Remp. 1. p. 333 A.

(35) Т. е., быть не можетъ, чтобы кто-нибудь сталъ спрашивать, что ему дѣлать, когда его обижаютъ, не узнавши напередъ, что такое — справедливость и несправедливость.

Сокр. Стало-быть ты узналъ это не чрезъ открытіе.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. А сейчасъ сказалъ, что и не учился знать. Если-же и не открылъ и не учился, то какъ и откуда знаешь?

Алк. Но можетъ быть я и несправедливо отвѣчалъ тебѣ, что упомянутое знаніе самъ открылъ. Это случилось, вѣроятно, такъ: должно быть и я научился этому, какъ другіе.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ЮГО-ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ

ВЪ XIV СТОЛѢТІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Четырнадцатый вѣкъ на юго-востокѣ Европы открывается вторженіями Мало-Азійскихъ Турокъ въ области восточной Римской имперіи,—вторженіями, не предвѣщавшими въ-началѣ того политическаго переворота, который, столѣтіемъ позже, долженствовала ощутить Европа, когда воинственные потомки Османа съ мечемъ въ рукѣ возсѣли на престолѣ Багрянородныхъ. Исходной точкой ряда завоеваній, внесенныхъ Османами въ юго-востокъ Европы, можно почитать паденіе Брусы (1326 г.) подъ ударами Османа, и уже трудно было отвести тотъ притокъ Турецкихъ завоевателей, который съ каждымъ годомъ началъ болѣе и болѣе увеличиваться. Самое положеніе восточной Римской имперіи, безпорядки и неустройства, господствовавшія въ Царѣградѣ при династіи Палеологовъ, враждебныя отношенія къ Болгарамъ и Сербамъ, еще болѣе облегчили путь завоеваній, начатый Османомъ и такъ счастливо продолженный его потомками. Вслѣдствіе исторической вражды Сербовъ и Болгаръ съ Греками, нельзя было разсчитывать болѣе на дружескій отпоръ народовъ этихъ отдѣльныхъ государствъ и тѣмъ остановить дальнѣйшія завоеванія Турокъ въ Европѣ. Борьба, которая, по несчастному стеченію обстоятельствъ, должна была завязаться у преддверій Европы и Азіи, была борьба на жизнь и

смерть, отчаянная схватка отдѣльныхъ народностей за-Балканскаго полуострова съ народомъ, превосходившимъ ихъ и силою нравственной воли и силою оружія. Разсчитывать на соединенныя силы Болгаръ и Сербовъ, Албанцевъ, Волоховъ и Пелопонезцевъ или Морейцевъ, было также невозможно. Отдѣльныя части этихъ народностей, которыя однѣ и могли-бы въ общемъ союзѣ противостать возраставшей власти Османовъ въ Европѣ, первыя подпадаютъ подъ власть этихъ новыхъ завоевателей. Мы увидимъ ниже тѣ несчастныя обстоятельства, которыя сопряжены были съ паденіемъ Болгарскаго и Сербскаго государства, — паденіемъ, которое окончательно парализировало силы Византіи.

Желая представить главныхъ дѣятелей юго-востока Европы въ XIV в., необходимо будетъ, хотя въ главныхъ чертахъ, изобразить характеръ Византійскаго общества временъ политическаго и нравственнаго упадка имперіи, способствовавшій болѣе всего ея разслабленію. Юго-Славянскія государства были чужды тому изолированному развитію, которое приписывали имъ историки, представившіе нѣсколько несовершенныхъ, по этому предмету сочиненій. Внутренняя связь съ Византіей, и въ этомъ случаѣ съ *одной Византіей*, какъ средоточіемъ разнородныхъ и несвоеобычныхъ элементовъ гражданственности, существовала во всѣ времена. Эта связь дѣйствовала отрицательно на Сербовъ и преимущественно на Болгаръ, дѣйствовала въ-ущербъ ихъ народности и самостоятельнаго развитія, и ослабила ихъ коренныя силы до того, что они первые подпали подъ мечъ мусульманскаго нашествія.

Восточная Римская имперія, сохранившая въ продолженіе столькихъ вѣковъ единство государственнаго управленія при разнородныхъ областяхъ, входившихъ въ ея составъ и разбросанныхъ на двухъ материкахъ стараго свѣта, болѣе нежели другое государство должна была-бы представлять прочность своихъ государственныхъ постановленій. Пока правительственныя формы древняго Рима, перенесенныя на востокъ и при-

мѣненныя къ гражданству новыхъ народностей, были насильственнымъ выраженіемъ частной и общественной жизни этихъ послѣднихъ, древняя Византія могла еще сохранить единство и нераздѣльность монархіи. Но когда съ X в. Греческій элементъ, поглощенный до-тѣхъ-поръ формами Рима, началъ реакцію тѣмъ, что старался выбиться изъ этихъ формъ, стремился создать новыя, тогда и самый характеръ народа, или, вѣрнѣе, характеръ Византіи, измѣнился. Уже не Римляне, не Греки являются дѣятелями у преддверій Европы и Азіи въ послѣдующія четыре столѣтія до паденія Царяграда, а какіе-то Ромео-Греки, нравственно-политически перерожденные, медленно выдыхаютъ изъ себя послѣдній остатокъ государственныхъ силъ нѣкогда всемірнаго колосса.

Западная имперія, подточенная переродившеюся администраціей Рима, исчезаетъ съ конца V в. подъ ударами народовъ Германскаго міра. Цѣлымъ тысячелѣтіемъ пережила Византія свой первообразъ, и этимъ она отнюдь не была обязана измѣненію прежнихъ административныхъ формъ своихъ въ мудрыя своеобычныя постановленія. Она пережила старшую сестру свою стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыя не сошлись-бы такъ счастливо и удобно въ другомъ государствѣ. Но это тысячелѣтіе представляетъ собою громадную картину политическаго и нравственнаго разрушенія всемірнаго колосса, представляетъ постоянную его борьбу съ разнородными племенами трехъ частей свѣта, въ которой замѣтно изсякали государственныя силы имперіи.

Власть восточныхъ императоровъ не была основана, подобно тому, какъ въ Римѣ, на силѣ дружинной, заключавшей въ самой себѣ зачатки быстраго низверженія этой власти. Она покоилась на государственныхъ формахъ, въ основѣ которыхъ лежали законы и постановленія, неизмѣнно перешедшія въ новый христіанскій міръ Византіи отъ временъ языческой республики, и, не смотря на постоянные перевороты, эти государственныя постановленія остались одни и тѣ-же.

Исторія постоянныхъ внутреннихъ волненій Византіи есть лучшій и вѣрнѣйшій источникъ къ познанію тайны политическаго существованія этой имперіи. Трудно, почти невозможно раскрыть завѣсу, скрывающую отъ насъ эти вѣчные заговоры, которые производились исключительно въ тишинѣ дворцовыхъ палатъ, на недоступныхъ половинахъ женъ кесарей, — женъ властолюбивыхъ и преданныхъ неукротимымъ, необузданнымъ страстямъ. Долголѣтнее правленіе императора, крѣпкое здоровье, предвѣщавшее бодрую старость, пробуждали преступные замыслы императрицъ, и рука не содрагалась извести *святѣйшаго* кесаря, чтобы дать мѣсто на престолѣ Багрянородныхъ царицѣ или ея избраннику. Часто дѣти, нетерпѣливо выжидавшіе кончину родителя, ускоряли преждевременно его смерть, чтобы вкусить радости самовластія. Часто честолюбивые министры, пользуясь слабостью властителей и предвидя ихъ быстрое паденіе, тайно способствовали ихъ низложенію, чтобы возложить на себя падавшій вѣнецъ съ главы монарха. Нерѣдко случалось также, что главнокомандующіе военными силами, счастливо окончивъ походъ противъ непріятеля и пользуясь расположеніемъ къ нимъ легіоновъ, легко возбуждали ихъ къ мятежу, возводившему ихъ на престолъ Византійскій. Властолюбіе было неизмѣннымъ проводникомъ и двигателемъ всѣхъ сословій общества. Византійскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки и династіи постоянно смѣнялись. Низведенный съ престола императоръ, его дѣти, родственники, нерѣдко случалось въ томъ числѣ и приближенные подвергались изувѣрной казни — лишенію глазъ, ссылкѣ въ монастыри, или смерти. Два обстоятельства содѣйствовали къ поддержанію столь противоестественнаго порядка вещей, продливъ цѣлыми столѣтіями разслабленное существованіе имперіи. Области ея, подверженныя постояннымъ нападеніямъ народовъ иноплеменныхъ, одна за другой переставали входить въ составъ управленія Византійскаго. Прежнее ихъ ничтожное состояніе замѣнялось независимостью или зависимостію отъ другихъ государствъ,

и жалобы обитателей этихъ провинцій не тревожили сладостнаго усыпленія кесарей. Деспотизмъ сихъ послѣднихъ ограничивался тѣснымъ кругомъ двора и столицы, поражая однихъ приближенныхъ. Онъ не простирался прямо на народъ, который, погружаясь болѣе и болѣе въ ничтожество, не замѣчалъ постоянно увеличивающееся самовластіе императора. Съ другой стороны, народы, входившіе въ составъ восточной Римской имперіи, не были подвержены тѣмъ бѣдствіямъ, которыя обыкновенно существуютъ въ государствахъ деспотическихъ: судебному самоуправству и неправильному распредѣленію податей. Византійцы обладали законодательствомъ, съ мелочною точностью опредѣлявшимъ всѣ отношенія истца и отвѣтчика, а система взыманія податей, учрежденная Константиномъ великимъ, простиралась на всѣ слои общества, на всякаго рода имущества безъ исключенія.

Ромео-Греки никогда не были народомъ въ смыслѣ политическомъ. Жизнь общинная, формы представительнаго правленія были болѣе свойственны духу Ромео-Греческой народности, нежели жизнь государства, имперіи въ обширномъ смыслѣ. Механизмъ широкой государственной администраціи Рима былъ, какъ мы сказали, насильно привитъ къ политической жизни не многихъ оставшихся Греческихъ общинъ; но со стороны сихъ послѣднихъ не выразилось никакого стремленія къ сознательному воспріятію сихъ формъ. Греки оставались вѣрны своей традиціи, началу семейному. Не смотря на всѣ усилія правительства поддержать новыя формы правленія, не смотря на внутреннія усобицы и вторженія извнѣ, народъ Греческій и особенно обитавшій въ провинціяхъ, подвергавшійся болѣе всего неурядицамъ, самовластно отдалялся отъ правительственныхъ формъ Царяграда и учреждалъ у себя правленіе, сообразное со своими понятіями, — правленіе независимыхъ общинъ. Отношенія этихъ отдѣльныхъ конгрегацій къ метрополіи ограничивались только тѣмъ, что правильнымъ взносомъ ежегодныхъ податей, поддерживавшихъ роскошь двора и покрывав-

шихъ военныя издержки, онѣ составляли, такъ сказать, одно номинальное единство имперіи.

Впрочемъ, существовала связь, которая болѣе или менѣе единила и сближала разнородныя племена, входившія въ составъ восточной Р. имперіи. Связь эта заключалась въ религіи и въ единствѣ вѣрованій. Сила религіозныхъ убѣжденій была до такой степени развита, что, не смотря на раздѣленіе территоріи Византійскаго государства на патріаршества, управляемыя независимо одно отъ другаго, не смотря на отсутствіе сосредоточенной духовной власти въ одномъ лицѣ, какъ это искони было на западѣ, церковь Греческая въ продолженіе вѣковъ оставалась сильною своимъ единствомъ. Не должно однакожь забывать, что единство это имѣло постоянно-сильную опору въ Цареградскихъ Кесаряхъ.

Діаметрально-противоположно этому религіозному единству было отрицательно-развито начало династическое, составлявшее жизненную потребность имперіи. Говоримъ отрицательно развито: потому-что, при всей непреложности этого начала, нигдѣ династіи такъ часто не смѣнялись, какъ на престолѣ Багрянородныхъ. И между тѣмъ среди этихъ безконечныхъ интригъ Влахернъ и Буколеона, среди постоянныхъ волненій Цареградской черни и мятежнаго духа легіоновъ, лица, хотя и смѣнялись, но принципъ императорской власти оставался непоколебимъ. Часто во время нашествій извнѣ, или во время возстаній отдѣльныхъ провинцій, власть императора не простиралась далѣе стѣнъ Византіи и ея предмѣстій; но, не смотря на эти временныя стѣсненія, политическая и административная власти не измѣняли обычнаго хода своихъ дѣлъ и выжидали только удобнаго случая, чтобы снова развить и расширить кругъ своихъ дѣйствій. Поддержать подобное государство вооруженной силою было-бы также недостаточно.

Военныя поселенія (тэмы), поддерживавшія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій восточную Р. имперію, еще со временъ взятія Царяграда Латинами окончательно пали. Всѣ усилія послѣдней Ви-

зантійской династіи Палеологовъ возстановить ее были тщетны, и только одно ея номинальное существованіе напоминало прежнее ея значеніе. Было, правда, еще другое средство отстоять отживавшую имперію Багрянородныхъ отъ окончательнаго паденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить независимость государствъ Сербскаго и Болгарскаго,—это было пособіе запада; но кому неизвѣстно, подъ какимъ условіемъ можно было ополчить Римско-католическій міръ въ защиту православія? и когда въ 1339 императоръ Андроникъ напрасно умолялъ главу Римско-католическаго міра о помощи, когда государства западной Европы оставили Византію на произволъ обстоятельствъ, — Іоаннъ Кантакузенъ первый открываетъ Османамъ путь въ Европу.

I.

На небольшомъ пространствѣ земель передовой части Малой Азіи, заключающемся съ сѣверной стороны между *Іени-Шегеромъ* и *Караджа* — или *Эски-Шегеромъ* (древ. Doryloeum), и простирающемся отъ рѣки *Сакарія* (Sangarius) на западъ до горы *Олимпа*, вмѣстѣ съ сѣверными отлогостями *Туманджидага*, явилось съ началомъ XIV в. первое независимое государство Османовъ. Предпріимчивый основатель этого юнаго государства, Османъ I, стремился къ другимъ завоеваніямъ, которыя съ каждымъ годомъ расширяли границы его владѣній и не болѣе какъ чрезъ четверть столѣтія *Бруса*, *Никомидія* и *Никея* находились уже въ его власти. Быстрыя и можно сказать легкія завоеванія Османовъ въ Азіатскихъ областяхъ восточной Р. имперіи отнюдь не ограничились на этихъ трехъ пунктахъ Малой Азіи. Приблизясь къ Мраморному морю, жадность къ грабежу естественнымъ образомъ влекла ихъ нестройныя толпы на многолюдные города и селенія Европейскаго берега, гдѣ часто богатая добыча вѣнчала ихъ дерзкія нападенія. Первое изъ этихъ вторженій случилось въ 1263 г. Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ послѣдней Византійской династіи, дозволилъ

12000 Туркамъ-Сельджукидамъ, подъ предводительствомъ Салтыкдэдэ, поселиться по побережью Чернаго моря въ нынѣшней Добруджѣ. Кэйкавусъ, братъ Конійскаго султана Килиджарслана, удалившись въ Константинополь, задумалъ съ помощію поселившихся въ Добруджѣ земляковъ своихъ завладѣть Византіей и провозгласить себя императоромъ. Вотъ до какой степени была ослаблена власть Цареградскаго властителя, когда уже гнусному изурѣру могла прійти подобная мысль! Заговоръ этотъ принялъ-было широкіе размѣры; уже все было готово къ приведенію въ исполненіе столь смѣлаго предпріятія, когда одинъ изъ приближенныхъ Кэйкавуса, родомъ Грекъ, открылъ существованіе его Греческимъ властямъ. Начальники заговора были схвачены, а Добруджская орда ушла въ Крымъ и поселилась между Татарами. До 1000 Турокъ дозволено было остаться въ Константинополѣ по принятіи ими христіанства, и, по свидѣтельству Грегора (1), долго еще послѣ него они были извѣстны подъ именемъ Туркопуловъ.

Второй набѣгъ случился въ 1307 г. Объ немъ упоминаетъ Пахимеръ (2) нѣсколько подробнѣе. Разсказъ его невольно открываетъ безсиліе Византіи; изъ него мы узнаемъ, что 400 бродягъ, высадившись у самой столицы, рѣшились аттаковать императорскую гвардію, расположенную на равнинѣ Ипсальской (3). Измѣна наемныхъ отрядовъ, передавшихся на сторону Турокъ, дала послѣднимъ легкую побѣду. Такъ объясняетъ Пахимеръ это пораженіе. Отряды, измѣнившіе Грекамъ, состояли изъ Аланъ и Каталонцевъ. Одна часть Турокъ, подъ предводительствомъ Мелекъ-Исака, отдѣлилась и направилась въ числѣ 1500 ратниковъ въ Сербію предложить свои услуги Милютину Кралю, который имѣлъ однакожь осторожность обезо-

(1) T. I, p. 224—233.

(2) L. VII, C. 11.

(3) Пахимеръ повѣствуетъ, что одинъ изъ дворцовыхъ стражей видѣлъ во снѣ берега Малой Азіи и поле Скутарійское наполненными несмѣтными толпами Турокъ, которые, вмѣстѣ съ безчисленными дромадерами, взвившись на воздухъ, направили полетъ свой къ Европѣ.

ружить ихъ (4). Другая-же часть въ 1300 всадниковъ и 800 пѣхотинцевъ, подъ начальствомъ Халиля, получила дозволеніе отъ императора возвратиться въ Азію. Турецкій-же отрядъ, отправлявшійся въ Сербію, былъ, по случаю возмущенія его, частію изрубленъ, частію обращенъ въ рабство (5), такъ-что Европейскую сторону Геллеспонта можно было почитать очищенною отъ Азіатскихъ набѣжниковъ. Вторженія эти, съ начала незначительныя, стали принимать болѣе широкіе размѣры, когда въ 1327 г. султаномъ Мало-Азійскихъ Турокъ явился Уршанъ, сынъ Османа I. Избравъ Брусу мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, Уршанъ первый изъ султановъ началъ показывать явное стремленіе къ завоеванію Европейскихъ областей Византійской монархіи и ничто не могло отвратить его отъ мысли быть верховнымъ обладателемъ роскошныхъ равнинъ и угорій Ѳракійскаго Херсонеса. Начиная султаномъ Уршаномъ историческій разсказъ Турецкихъ завоеваній въ Европѣ, мы имѣемъ въ виду эпизодически изобразить то несчастное состояніе юго-Славянскихъ государствъ — Сербіи и Болгаріи, въ XIV в., которое было слѣдствіемъ внутреннихъ смутъ и неустройствъ, подготовившихъ султанамъ столь легкую побѣду. Дѣйствительно, Сербія и Болгарія первыя подпадаютъ подъ власть Османовъ. Коссовопольская и Никопольская битвы въ короткое время рѣшили судьбу этихъ двухъ, нѣкогда славныхъ царствъ, и не смотря на то, что уже прошло болѣе четырехъ съ половиной столѣтій со времени ихъ порабощенія, не смотря на политическое ничтожество, въ которое повергло ихъ иго Турецкаго владычества, народы эти, сохранивъ свою народность, вѣру и языкъ до нашего времени, составляютъ и теперь исключительное населеніе Европейской Турціи.

Но обратимся къ Уршану. Бруса, избранная имъ мѣстомъ постояннаго пребыванія, болѣе всего способствовала его смѣлымъ замысламъ. Отсюда отдѣльные его полки, или, вѣрнѣе,

(4) *Энгель*. Gesch. von Serbien, стр. 249.
(5) Ibid.

нестройныя толпы, часто переправляясь чрезъ Геллеспонтъ, грабили берега Ѳракіи и Македоніи, не имѣя другой цѣли, кромѣ наживы. Эти летучіе набѣги начинаются 1326 годомъ. Толпа Турокъ, пересадившись на Ѳракійскій берегъ, достигла Димота (Дидимотихонъ); но, разбитая отрядомъ Греческихъ всадниковъ, подъ предводительствомъ Андроника, находившагося въ это время на охотѣ въ окрестностяхъ этого города, удалилась назадъ въ Азію. Въ слѣдующемъ году новая нестройная толпа Турокъ явилась въ окрестностяхъ Вереи и снова была разбита и прогнана Андроникомъ. Нельзя сказать, чтобы эти отдѣльныя вторженія Турокъ были стремленіемъ стать твердою ногой на почвѣ Европейскаго материка. Оборонительное состояніе Геллеспонта въ эту эпоху было въ самомъ жалкомъ положеніи. Переправа у Галлиполи вовсе не была охраняема, такъ что легкіе каики Турецкихъ мародеровъ безпрепятственно причаливали къ Европейскому берегу на нѣсколько десятковъ стадій отъ зубчатыхъ стѣнъ Галлипольскихъ. Но въ слѣдующемъ, 1332 г., по свидѣтельству Кантакузена, (6), уже не отдѣльная толпа Турокъ стремилась попытать счастія въ Европѣ, а цѣлый отрядъ всадниковъ появился вдругъ между Родосто и Селивріей, предавая все огню и мечу. Другое нападеніе, записанное Византійцами подъ 1335 г., совершено было подъ предводительствомъ Умуръ-бега, владѣтеля Смирны. Занявши съ 55 каиками островъ Самоѳраки, Умуръ-бегъ пересаживаетъ многочисленный отрядъ на Ѳракійскій берегъ и безъ сопротивленія занимаетъ окрестности Пороса. Андроникъ, получивъ извѣстіе объ этомъ новомъ вторженіи, поспѣшилъ изъ Константинополя предупредить дальнѣйшее опустошеніе своихъ областей. Недалеко отъ мѣстечка Кумулджина, отрядъ Греческихъ всадниковъ настигъ Турокъ. Не смотря на выгодное положеніе и преимущество предъ непріятелемъ, Андроникъ не рѣшался однакожь сдѣлать нападеніе, ожидая подкрѣпленія

(6) Т. II, стр. 434—435.

пѣхоты. Умуръ-бегъ, предчувствуя неудачу, поспѣшилъ войти въ переговоры и успѣлъ склонить Андроника дозволить ему спокойно удалиться (7).

Это нападеніе заставило Андроника послать къ Уршану посольство съ богатыми подарками для переговоровъ о мирѣ (8). Миръ былъ дѣйствительно заключенъ, говоритъ Кантакузенъ, и Уршанъ «обѣщалъ быть другомъ императору и не тревожить болѣе Римскихъ подданныхъ». Если и былъ дѣйствительно заключенъ этотъ миръ на подобныхъ условіяхъ, то съ другой стороны слабость Византійской монархіи и возраставшее со-дня-на-день могущество Османовъ едва-ли могли сохранить надолго миролюбивыя отношенія между Уршаномъ и Андроникомъ. Османскій писатель Сеадеддинъ говоритъ, что Уршанъ, утвердившись на трехъ главныхъ пунктахъ Малой Азіи, отнятыхъ у Византіи, т. е. въ *Брусѣ*, *Исникѣ* (Никеѣ) и *Исмидѣ* (Никомидіи), неоднократно замышлялъ перенести истребительные полки свои чрезъ Геллеспонтъ для завоеванія Греціи. Пламенно желая покорить Грецію, молилъ онъ Бога денно и нощно, дабы даровалъ ему средство исполнить его намѣреніе (9). Перемиріе, какъ должно было ожидать, продолжалось недолго. Чрезъ два года послѣ обмѣна подарковъ, т. е. въ 1337 г., тридцать шесть судовъ пересаживаютъ въ окрестности Царяграда полки Уршана, которые были далеко не то, что прежнія малочисленныя и нестройныя толпы Турокъ. Турецкій предводитель, двинувшійся такъ смѣло къ столицѣ, разсчитывалъ, какъ увѣряетъ Никифоръ Грегора (10), на помощь Венеціанъ и Генуэзцевъ, населявшихъ Галата, одно изъ Константинопольскихъ предмѣстій. Движенія Османовъ были такъ быстры, предпріятіе такъ смѣло и неожиданно, что вѣсть объ этомъ новомъ нападеніи только

(7) Cantacuz. T. I, pag. 470.

(8) Ibid.

(9) Въ Италіянскомъ переводѣ *Brattuti*. Chronica dell'origine e progressi della Casa Ottomana. Viena. 1649.

(10) Hist. Byzantina. T. I, pag. 539. Онъ называетъ ихъ Латинами — ἔχοντας δὲ μεθ' ἑαυτῶν καὶ τὴν γνώμην τῶν ἐν τοῖς Γαλάτου Λατίνων.

нѣсколькими часами предшествовала самому появленію Турецкихъ полковъ въ Европѣ. Среди безпечности и веселія Цареградскаго двора, среди безпрерывныхъ празднествъ и еженедѣльныхъ облавъ въ окрестностяхъ столицы, быстро влетѣвшая въ Триллійскую гавань трирема принесла страшную вѣсть, что Турки въ слѣдующую-же ночь намѣрены пересадиться на Европейскій берегъ. Между тѣмъ въ столицѣ не было ни одного воина. Единственная оборона, которую могла выставить Византія въ эту критическую минуту, состояла только изъ 60 человѣкъ, кое-какъ вооруженныхъ. Съ ними великій доместикъ имперіи Іоаннъ Кантакузенъ предпринялъ замедлить, сколько возможно, переправу, между тѣмъ какъ Андроникъ, съ тремя вооруженными триремами, вышелъ въ море, чтобы съ своей стороны принудить Турокъ возвратиться въ Азію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ одни Византійскіе лѣтописцы (11). За ними новѣйшіе историки Османовъ Гаммеръ и Цинкейзенъ (12) повторяютъ то-же самое, и вѣрятъ, что пораженіе Уршановыхъ воиновъ было совершенное. Андроникъ, какъ повѣствуетъ Грегора, сдѣлалъ непростительную ошибку, замѣченную даже его современниками. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить столицу и стараться по-возможности преградить путь въ Европу Мало-Азійскимъ Туркамъ, онъ изъ ихъ-же среды нанимаетъ 2000 воиновъ, сопутствовавшихъ ему въ Иллирійскомъ походѣ (13). Но Андроникъ не надолго могъ удержать ихъ въ своей службѣ. Отдѣлившись отъ главнаго ополченія Грековъ, Турки эти бросились на села и города, разграбили и пожгли все, встрѣтившееся имъ па пути, и обремененные добычею поспѣшили удалиться къ своимъ родичамъ въ Азію. Но эти, такъ сказать,

---

(11) Greg. T. I, pag. 51. sqq. — Cantacuz. T. I, pag. 505—507.

(12) ***Hammer***. Geschichte des Osman. Reiches. T. I, p. 123—124. Pest. 1840. ***Zinkeisen***. Gesch. des Osm. Reiches in Europa. T. I, p. 189—190. Hamburg. 1840:

(13 Одинъ Грегора упоминаетъ объ Иллирійскомъ походѣ — μεθ' ὧν (т. е. съ наемниками) δὴ καὶ ἀρχομένου ἐσβαλὼν ἐς τὴν Ἰλλυρίων χώραν... походъ этотъ одинъ изъ тѣхъ, какъ увидимъ ниже, который предпринимали Греки противъ Стефана Душана Сильнаго.

частныя вторженія и опустошенія Турокъ, и тѣ, которыя записаны Греческими историками подъ 1340 и 1341 годами, если и не были для нихъ всегда удачны, не лишали ихъ однакожь возможности снова и неожиданно появляться по сю сторону Геллеспонта.

II.

Отношенія Османовъ къ восточной Римской имперіи стали еще тѣснѣе, еще выразительнѣе и болѣе опредѣленными, когда въ 1342 г. великій доместикъ имперіи, Іоаннъ Кантакузенъ, былъ объявленъ соимператоромъ юному и слабому Іоанну Палеологу. Этотъ необыкновенный человѣкъ временъ упадка имперіи, первый на полѣ брани и первый въ совѣтѣ, только одинъ и могъ поддержать клонившійся къ совершенному паденію колоссъ Византійской монархіи. Знаменитое происхожденіе рода Кантакузеновъ, роднившихся съ Комненами, Ангелами и Палеологами, терялось во練 мракѣ временъ. Будучи сыномъ Матвѣя Кантакузена, правителя Пелопонеса и Ѳеодоры Палеологъ, внуки императора Михаила, Іоаннъ, женившись въ свою очередь на Болгарской царевнѣ Иринѣ Асѣнь, связалъ съ судьбою своей личности и судьбу Болгарскаго царства. Огромныя его помѣстья, состоявшія изъ городовъ, селъ и цѣлыхъ острововъ на Архипелагѣ, несли ему ежегодную дань, равнявшуюся, по удостовѣренію современниковъ, дани, которую получалъ самъ императоръ. Не смотря на молодость, онъ былъ возведенъ въ званіе великаго доместика и ему было поручено управленіе Ѳракійской провинціей. Съ юныхъ лѣтъ сталъ онъ неотлучнымъ товарищемъ Андроника III, сына Михаила Палеолога, и во все продолженіе извѣстной борьбы двухъ Андрониковъ, дѣда и внука, не переставалъ быть главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, главнымъ двигателемъ внутренней и внѣшней политики Византійской имперіи, до-той-поры, пока самъ не сѣлъ рядомъ на престолѣ съ Іоанномъ Палеологомъ. Званіе соимператора дало

ему значительный перевѣсъ въ дѣлахъ, такъ-что настоящій монархъ былъ только одною тѣнью Кантакузена. Обезпокоиваемый со стороны Сербіи походами Стефана Душана и при непріязненныхъ отношеніяхъ къ царю Болгарскому Александру, онъ вынужденъ былъ заключить союзъ съ Мало-Азійскими Турками. Первый, съ которымъ онъ вошелъ въ сношенія, былъ Умуръ-бегъ, владѣтель Смирны, который въ 1342 г. отправилъ Кантакузену на 380 судахъ чрезъ Эгейское море 28,000 воиновъ, высадившихся у устья Марицы, на берега Ѳракіи. Самъ Умуръ предводительствовалъ войскомъ. Изъ Димота онъ былъ готовъ слѣдовать за Кантакузеномъ въ Сербію; но, по разсказу послѣдняго (14), устрашась ненастья и дурной погоды, возвратился назадъ. Весной слѣдующаго года онъ снова пустился въ море съ 300 судами. У Негропонта буря разсѣяла его флотъ, такъ-что только двѣ трети достигли Европейскаго берега неподалеку Солуни. Въ Константинополѣ между тѣмъ партія недовольныхъ, во главѣ которыхъ была мать императора, Анна, и великій адмиралъ имперіи Апокавкъ, отъявленный врагъ Кантакузена, всѣми силами старались удалить изъ Европы этого новаго союзника Грековъ. Десять тысячъ золотыхъ, посланныхъ Анной Умуръ-бегу, убѣдили послѣдняго удалиться въ Азію, — но, удаляясь, онъ обѣщалъ Кантакузену явиться къ нему вскорѣ съ болѣе значительными силами.

Союзъ, заключенный Кантакузеномъ съ Турками и двукратное ихъ появленіе во Ѳракіи, западная сторона которой въ эту эпоху принадлежала Сербіи, а сѣверо-восточная — Болгаріи, вызвалъ Александра Болгарскаго и Стефана Душана Сербскаго заключить съ своей стороны союзъ между собою противъ Кантакузена. Къ нимъ присоединилась императрица Анна съ недовольными царедворцами. Но не одни связи Кантакузена съ Умуръ-бегомъ были причиной Болгаро-Сербскаго союза. Тай

(14) Cantacuz. T. II, p. 344—345.

ныя его пружины сосредоточивались въ Цареградѣ, на который въ теченіе 20-лѣтняго царствованія (съ 1336 по 1356) тринадцать разъ ополчался Стефанъ Душанъ Сильный, и гдѣ притязатель Болгарской короны сынъ Михаила-Страшиміра и Неды Стефановны Урошъ, молодой Шишманъ не прекращалъ своихъ притязаній противъ царя Александра. Покровительство, которое оказывалъ ему Кантакузенъ, отказъ, полученный Болгарскими боярами, явившимися въ Цареградъ съ требованіемъ выдачи Шишмана (15), и еще болѣе, тайныя сношенія Александра со вдовствующей императрицей Анной и Апокавкомъ, все это способствовало, казалось, къ низложенію Кантакузена. Въ тайныхъ совѣщаніяхъ Влахернъ и Буколеона было даже положено (1341 г.), что если съ общаго согласія Кантакузенъ не удалится отъ дѣлъ, то Цареградцы готовы будутъ предложить престолъ или Болгарскому царю, или Латинамъ (16). Стѣсненный такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, Кантакузенъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщанной помощи Умуръ-бега, своего союзника. Дѣйствительно, въ 1345 г. Умуръ-бегъ приводитъ 20,000 воиновъ къ Геллеспонту и безпрепятственно переправляетъ ихъ на Европейскій берегъ. Приблизившись къ Димоту, куда были стянуты полки Кантакузена, и гдѣ этотъ послѣдній имѣлъ главную стоянку, Умуръ-бегъ посылаетъ одинъ отрядъ къ Сересу, осажденному Душаномъ, а другой — къ городамъ, расположеннымъ по Ѳракійской отлогости Балкановъ, находившихся подъ властію Болгаръ. Сербскій походъ 1345 г. былъ шестымъ, который предпринялъ Стефанъ противъ Грековъ. Держа въ осадѣ Сересъ, Душанъ вошелъ въ переговоры съ недовольными гражданами этого города, которые рѣшились-было заставить Греческій гарнизонъ отворить ворота повелителю Сербовъ. Но показавшіеся передовые полки

(15) Любопытныя подробности объ этомъ изложены въ Cantacuz. hist. T. II, p. 19—25. 52—58. editio Bonn.

(16) Ἀλεξάνδρῳ τῷ Μυσῶν βασιλεῖ δουλεύειν τὴν πόλιν παραδόντας — Cant. T. II. p. 207.

Турецкаго отряда и знамена Греческихъ легіоновъ Кантакузена, заставили Душана наскоро снять осаду и удалиться къ Македонскимъ горамъ. Въ это время Кантакузенъ получилъ вѣсть о смерти опаснѣйшаго своего врага, Апокавка. Не теряя времени, онъ обращаетъ къ Константинополю всѣ свои силы, но Умуръ-бегъ отказывается слѣдовать за нимъ и возвращается въ Азію.

Между-тѣмъ-какъ безполезные походы Умуръ-бега въ Европу съ каждымъ годомъ ослабляли его силы, повелитель Виѳиніи и побережной Пафлагоніи, владѣтель Брусы, Никеи и Никомидіи, султанъ Уршанъ, снова готовился дѣйствовать. Находясь въ сосѣдствѣ съ столицей восточной Римской имперіи, съ которою находился въ мирѣ, онъ не спускалъ однакожь глазъ съ Европейскаго берега и съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая вмѣшаться въ дѣла Византіи. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Недовольный званіемъ соимператора, Кантакузенъ рѣшился присвоить себѣ всю власть надъ имперіей и 21 мая 1346 г. провозгласилъ себя въ Адріанополѣ императоромъ. Анна, защищая права несовершеннолѣтняго своего сына Іоанна Палеолога, обратилась за помощію къ Уршану. Кантакузенъ и Никифоръ Грегора, у которыхъ событія этого времени описаны довольно подробно, говорятъ, что сношенія между Анной и Уршаномъ ограничились одними переговорами и не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій. Кантакузенъ однакожь, не надѣясь на прежняго своего союзника Умуръ-бега и предвидя, что сосѣдство Уршана можетъ содѣлаться для него опаснымъ, не смотря на неудавшуюся попытку императрицы Анны вооружить его противъ себя, рѣшился воспользоваться случаемъ и заключить не только политическій, но и родственный союзъ съ Уршаномъ. По разсказу самого Кантакузена, Уршанъ сдѣлалъ ему предложеніе выдать за него дочь его Ѳеодору; но изъ другаго современнаго источника открывается (17), что Кантакузенъ самъ всего

(17) Duca. pag. 33 sqq. Editio Bonn.

болѣе домогался этого союза, не смотря на отвращеніе христіанскихъ государей отдавать дочерей своихъ въ супружество за невѣрныхъ. Какъ-бы то ни было, событіе это, имѣвшее столь гибельныя послѣдствія на православныя государства юго-востока Европы, представлено въ исторіи самого Кантакузена какъ-бы вынужденнымъ обстоятельствами. Изъ его разсказа видно, что посольство Уршана, отправленное изъ Брусы просить для престарѣлаго султана руку его дочери, не имѣло большаго успѣха. Что Кантакузенъ, отпустивъ пословъ обратно въ Азію, обѣщалъ только отправить вскорѣ къ Уршану съ своей стороны уполномоченныхъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Далѣе повѣствуетъ Кантакузенъ, что его друзья и приближенные, узнавъ о предложеніи Уршана, единогласно одобрили это сближеніе. Прежній союзникъ Кантакузена Умуръбегъ, къ которому также былъ посланъ по этому случаю гонецъ съ извѣстіемъ о предполагаемомъ союзѣ, поспѣшилъ отвѣчать ему, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, дружба Уршана есть единственное средство для поддержанія своихъ правъ противъ императрицы Анны. Выставляя Кантакузену всѣ выгоды, которыя онъ могъ извлечь изъ подобнаго союза, Умуръбегъ вынуждалъ его къ нему еще болѣе тѣмъ, что Уршанъ, владѣя пространствомъ земель, границы которыхъ соприкасались почти съ Геллеспонтомъ, могъ во всякое время посылать полки свои къ нему на помощь. Съ другой стороны онъ успокоивалъ совѣсть Кантакузена, касательно брака княжны-христіанки съ мусульманиномъ, напоминая ему, что и до него многіе христіанскіе государи заключали подобные союзы и что никто не думалъ вмѣнить имъ въ преступленіе подобные связи (18). Легко можно замѣтить, что всѣ эти аргументы, приписываемые Умуръ-бегу, родились въ головѣ самого Кантакузена, когда позднѣе, сложивъ власть и корону и удалив-

(18) Cantacuz. T. II, p. 585—587... καὶ παρά αὐτοῦ βεβασιλευκότων οὐκ ὀλίγοι Σκύθαις καί ἄλλοις τισί βαρβάροις τὰς θυγατέρας ἐξέδωκαν τὰς ἑαυτῶν πρὸς τὸ λυσιτελουν τοῖς ὑπηκόοις.

шись сначала въ монастырь Мангана, а за тѣмъ въ Ватопедъ на Аѳонѣ, онъ сталъ составлять въ уединенной келліи хронику своего времени; чтобы прикрыть свой необдуманный поступокъ, онъ всячески старался оправдать себя и предъ современниками и предъ потомствомъ. Скорѣе Кантакузенъ вызванъ былъ къ подобному родству страхомъ видѣть Уршана въ союзѣ съ своими непріятелями, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Грегора ясно говоритъ, что посольство Уршана явилось *съ требованіемъ руки его дочери* и даже *грозило* Кантакузену *въ случаѣ отказа*. Какъ-бы то ни было, послѣдній поспѣшилъ отправить въ Брусу формальное приглашеніе, чтобы Уршанъ не медля послалъ-бы сватовъ принять невѣсту.

Обрадованный Уршанъ недолго заставилъ себя ждать. Тридцать судовъ выступили въ море вмѣстѣ съ отрядомъ конницы, которую высадили у Селивріи. Въ то-же время самъ Кантакузенъ, сопутствуемый Ириной и дочерью своей Ѳеодорой (19), не замедлилъ также прибыть изъ Димота въ Селиврію, въ пристани которой уже развѣвались разноцвѣтные флаги Уршановой эскадры. Чрезъ нѣсколько дней происходили по Византійскому обряду смотрины за городскими стѣнами. Тамъ на открытомъ полѣ были выстроены высокіе подмостки, на которыя должна была явиться невѣста. У самаго этого возвышенія раскинутъ былъ шатеръ, въ которомъ провели предпрощальную ночь съ невѣстою мать ея Ирина и двѣ другія ея сестры. Самъ Кантакузенъ оставался въ лагерѣ. На другой день къ вечеру Ѳеодора, невидимая никѣмъ, взошла на приготовленную возвышенность и скрытая за великолѣпными коврами и тканями ожидала минуты, въ которую должна была явиться Уршановымъ сватамъ. По данному знаку ковры и ткани, скрывавшіе доселѣ Ѳеодору отъ жадныхъ взоровъ многочисленной толпы, пали къ ея ногамъ, и она предстала удивленнымъ зри-

(19) Мы слѣдуемъ разсказу Кантакузена. У Никифора Грегора невѣста названа Маріей.

телямъ во всемъ блескѣ молодости и поразительной красоты, при свѣтѣ факеловъ и окруженная колѣнопреклоненными евнухами. Чтобы довершить обстановку этого церемоніала Византійскаго двора, музыка, составленная изъ трубъ, лиръ, флейтъ и литавровъ, привѣтствовала первое появленіе невѣсты, и когда все смолкло, хоръ пѣвцевъ въ свой чередъ началъ воспѣвать красоту и другіе добродѣтели будущей султанши. Нѣсколько дней съ-ряду продолжались шумныя пиршества, по окончаніи которыхъ юная Θеодора была торжественно отвезена въ Азію къ Уршану, который, согласно обѣщанію, данному имъ Кантакузену, отсталъ отъ союза съ императрицей Анной (20).

Наконецъ, настало время на дѣлѣ доказать дружбу, которую султанъ Уршанъ, вслѣдствіе новаго родства, обязался питать къ своему тестю. Весной 1347 г. онъ отправляетъ въ Европу 10,000 Турокъ, подъ предводительствомъ своего старшаго сына Сулеймана, подчинивъ ему отряды, предводимые меньшими братьями. Походы Душана болѣе всего безпокоили Кантакузена и призванная Турецкая рать назначена была остановить успѣхи Сербскаго оружія. Сынъ Кантакузена, Матвѣй, предводительствуя Греческими легіонами, двинулся въ ущелія Христополя, въ Мигдоніи, но былъ разбитъ воеводами Душана. Сулейманъ, вмѣсто того, чтобы идти на помощь Грекамъ, обращаетъ Турецкіе полки на беззащитныя города и селенія, подвластныя Кантакузену. Опустошивъ и ограбивъ ихъ, онъ пригналъ къ ожидавшимъ его судамъ многочисленные толпы плѣнниковъ, которыхъ велѣлъ отправить въ Азію (21). Эта явная измѣна Сулеймана начала, кажется, открывать глаза Кантакузену, который могъ ясно видѣть, къ чему стремился Уршанъ, навязывая ему родство и дружбу. Но, не смотря на это, положеніе его въ Европѣ было такъ шатко и не прочно,

(20) Подробное описаніе свадьбы см. Cantacuz. T. II, стр. 585—589.

(21) Событіе это и походъ Сулеймана противъ Сербовъ упоминается и въ Хиландарской лѣтописи. (Срав. *Раича* Ист. разн. Слав. народовъ. Ч. II, стр. 636).

что чрезъ два года, въ 1349 г., снова явились въ Европу по его-же просьбѣ 20,000 Турецкихъ воиновъ, и снова обратили ихъ противъ Сербовъ. Главнымъ предводителемъ ихъ является опять Сулейманъ; но и въ этотъ разъ цѣль Кантакузена не была достигнута. Лишь только Греко-Турецкое войско выступило въ походъ, какъ гонецъ, посланный Уршаномъ, уже за Марицей настигъ Сулеймана и тайно передалъ ему приказаніе отца, чтобъ не медля, со всѣмъ войскомъ поспѣшилъ онъ обратно въ Виѳинію, которой угрожали отдѣльные, независимые князья Малой Азіи. Сцены грабежа и опустошеній повторились снова со всѣми ужасами по южной Мизіи и Ѳракіи; богатая добыча, плѣнники и стада снова были переправлены чрезъ Геллеспонтъ. Трудно описать жалкое положеніе, въ какое поверглись жители Европейскихъ областей Византійской имперіи. Азіатскія области, можно сказать, были окончательно потеряны для Греціи. И не отъ однихъ измѣнъ Уршановыхъ полковъ страдали города и селенія Мизіи и Ѳракіи. По разсказу Византійцевъ, въ 1348 г. два отдѣльные отряда Турокъ, хотя и не многочисленные, въ одно и то-же время опустошили окрестности Визіи и самаго Царяграда. Только огромная сумма золота, высланная Турецкимъ предводителямъ императрицей Анной, успѣла заставить ихъ удалиться (22). Финансы имперіи, не смотря на непомѣрные налоги, стали видимо уменьшаться еще со временъ усобицы двухъ Андрониковъ; частыя-же выдачи Туркамъ до того истощили казну, что, по свидѣтельству Никифора Грегора, драгоцѣнности и украшенія Цареградскихъ храмовъ были обращены въ наличныя деньги, чтобы

(22) Никифоръ Грегора, въ Hist. byzant. T. II, стр. 835—839. Кантакузенъ T. III, стр. 53 sqq. Подробности, въ которыя входятъ оба лѣтописца объ этихъ вторженіяхъ Турокъ, показываютъ, какъ слаба была Византійская имперія, трепетавшая предъ нестройной толпой Турецкихъ мародеровъ. По показанію обоихъ, при вторженіи 1348 г., одна толпа Турокъ, опустошившая Визію и полуостровъ Халкидики, состояла изъ 2,600 человѣкъ. Другая-же, перешедшая Геллеспонтъ безъ вѣдома Уршана въ 1346 г., состояла изъ 6,000 человѣкъ.

хотя сколько-нибудь, прикрыть главнѣйшіе и необходимѣйшіе расходы (23).

III.

Положеніе Кантакузена со дня на день становилось опаснѣе. Уршанъ не скрывалъ болѣе своихъ замысловъ, и намѣреніе перенести свою столицу въ Европу проявлялось во всѣхъ его поступкахъ. Кантакузену оставалось еще одно средство, если не устранить, то, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, быть можетъ на долго, отсрочить распространявшуюся власть Османовъ и преградить имъ путь въ Европейскія области имперіи: средство это было—склонить на свою сторону Сербовъ и Болгаръ. Но тутъ, съ одной стороны, недовѣрчивость Душана, интриги Цареградскаго двора съ другой, посѣяли новую распрю между Сербами и Греками въ то самое время, когда все, казалось, было приготовлено къ миру и даже назначено свиданіе между Душаномъ и Кантакузеномъ. Свиданіе это происходило недалеко отъ Солуня въ 1350 г. Кантакузенъ, въ сопровожденіи отряда тѣлохранителей, явился вмѣстѣ съ Іоанномъ Палеологомъ на назначенное мѣсто. Вскорѣ показался и Душанъ, окруженный также небольшимъ отрядомъ, и переговоры начались (24). Четырнадцать лѣтъ, какъ Стефанъ Душанъ правилъ Сербіей, которой предѣлы значительно расширилъ на югъ и востокъ приращеніемъ земель и городовъ, отнятыхъ у Грековъ. Утомленный беспрерывными походами, онъ соглашался на миръ съ Кантакузеномъ не иначе, какъ подъ условіемъ оставаться владѣтелемъ завоеванныхъ городовъ. Кантакузенъ не соглашался. Послѣ долгихъ преній съ обѣихъ сторонъ, положено было, что Акарнанія, Θессалія и города, расположенные по рѣкѣ Струмѣ до Сереса, будутъ возвращены имперіи. Душану-же уступались: Сихна, Сересъ, Меленикъ, Струмница, Костуръ

---

(23) Niceph. Gregor. T. II, c. XV.
(24) Свиданіе и переговоры изложены у Cantacuz. hist. T. III, p. 135—166.

и значительная часть западной Македоніи. Душанъ согласился, тѣмъ болѣе, что, имѣвъ уже столкновеніе съ Турками, онъ былъ очевидцемъ ихъ быстро возраставшей власти. Переговоры приходили къ концу, сближеніе Душана съ Кантакузеномъ можно было почитать рѣшеннымъ, уже назначены были пятеро уполномоченныхъ съ той и другой стороны для занятія спорныхъ мѣстъ, какъ вдругъ дѣла получили другой оборотъ. Прабли̇женные къ Іоанну Палеологу, пользуясь случаемъ посѣять новую крамолу между Кантакузеномъ и царемъ Сербскимъ, какъ-бы не нарокомъ упрекаютъ перваго въ похищеніи императорской власти. Нѣкоторые изъ нихъ тайно отправляются ночью въ лагерь Душана и, представивъ послѣднему отъ имени Іоанна всю противозаконность власти, которою пользовался Кантакузенъ, склоняютъ Сербскаго царя на свою сторону. Душанъ на другое утро объявилъ Кантакузену, что миръ на предложенныхъ имъ условіяхъ не можетъ состояться, что города и области, уступленные имперіи на словахъ, не могутъ быть уступлены на дѣлѣ, и что если Кантакузенъ искренно желаетъ мира, то долженъ признать эти мѣста за Сербіей. Страшась междоусобія, котораго былъ нѣкоторое время однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей, Кантакузенъ не настаивалъ; онъ понялъ причину неустойки Душана, и возвратившись въ Константинополь, обратился къ Болгарскому царю Александру, стараясь по-крайней-мѣрѣ его склонить на свою сторону. Кантакузенъ, какъ видно изъ его записокъ, намѣренъ былъ вооружить Александра на Душана, съ-тѣмъ-чтобы самому свободнѣе потомъ дѣйствовать противъ Турокъ.

Въ началѣ 1351 г. посланные его явились въ Терново, но Александръ холодно встрѣтилъ предложеніе Кантакузена, который всячески старался оправдывать себя въ томъ, что нападенія Турокъ на пограничныя города и села, принадлежавшія Болгаріи, были сдѣланы безъ вѣдома Греческаго правительства; что напротивъ самъ Кантакузенъ не разъ протестовалъ противъ этихъ вторженій. Уполномоченные должны были упо-

требить всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы склонить Александра на сторону Кантакузена; но какъ видно, родство послѣдняго съ Уршаномъ и союзъ его съ невѣрными, были причиной, что ни Душанъ, ни Александръ не рѣшались послать ему свои полки на помощь. Кантакузенъ разсказываетъ (25), что когда въ одинъ праздничный день Александръ въ сопровожденіи Греческаго посланника шелъ по Терновскимъ улицамъ, столпившійся народъ началъ кричать и просить царя склониться на просьбу Кантакузена и избавить Болгарію отъ опустошеній, причиняемыхъ набѣгами Турокъ. Посланникъ, не понимая по-Болгарски, обратился, для объясненія ему этого волненія толпы, къ Александру, который объяснилъ ему слова, вылетавшія изъ толпы (26). Будучи тронутъ этимъ обстоятельствомъ, Александръ рѣшился заключить съ Кантакузеномъ миръ и дать нужную сумму денегъ на военныя издержки и на вооруженіе флота. Но радость Кантакузена не была продолжительна. Не извѣстно по какому случаю, Александръ отказался отъ своего обѣщанія; видно однакожь, что и здѣсь тайные враги Кантакузена, окружавшіе Іоанна Палеолога, ревностно слѣдя за всѣми поступками перваго, успѣвали уничтожать всѣ его предпріятія (27). Приводимыя самимъ Кантакузеномъ причины, будто-бы Александръ оправдывался упреками, которые

---

(25) Cantacuz. hist. T. III, p. 164.

(26) Ibid. ἡρμήνευεν ἀυτὸς ἑλληνιστί.

(27) Что дѣйствительно и случилось чрезъ два года, именно въ 1352. Іоаннъ Палеологъ началъ уже явно дѣйствовать противъ Кантакузена. Борьба эта продолжалась въ 1357 г., въ который Кантакузенъ сложилъ съ себя императорскую власть и удалился сначала въ монастырь Мангана, за тѣмъ на Аѳонскую гору въ Ватопедъ. Душанъ и Александръ въ этой борьбѣ явились ревностными приверженцами партіи Іоанна Палеолога. Душанъ послалъ ему 7,000 всадниковъ, подъ начальствомъ знатнаго воеводы Каснича Борисовича — Κασνιτζὸς ὁ Μποριλοβίχης προσαγορευόμενος, ἐχ τῶν ἐπιφανεστάτων μάλιστα ὢν τῶν παρὰ Τριβαλοῖς. Cantac. T. III, p. 246. Александръ также съ своей стороны пôслалъ къ Палеологу помощь и постоянно подозрѣвалъ Кантакузена въ томъ, что онъ не только не останавливалъ, но даже поощрялъ набѣги Турокъ на его области. — ἦνγὰρ ἀεὶ πρὸς βασιλέα τὸν Κανταχουζινὸν ἐν ὑποψίαις, ὅτι μὴ κωλύσι Πέρσας κατατρέχειν τὴν ἐκείνου γῆν. Ibid. pag. 267.

дѣлалъ ему Душанъ относительно союза съ Греками, недостаточны, и всѣ старанія Кантакузена, склонить его на свою сторону, остались тщетными (28).

Среди этихъ безпорядковъ Византійскаго двора и бѣдственнаго состоянія Царяграда, созрѣлъ наконецъ въ головѣ стараго Уршана планъ покоренія восточной Р. имперіи. По описанію Сеадеддина, Уршанъ торжественно приготовлялся къ колоссальному предпріятію, и, совершивъ вечернюю молитву, въ тишинѣ ночи собралъ на совѣтъ главнѣйшихъ своихъ вождей: Адже-бега, Хазифасиля, Эвреносъ-бега и Хаджи-Ильбеки. Ночное это совѣщаніе, на которомъ рѣшалась судьба нѣкогда всемірной монархіи, происходило среди величественныхъ развалинъ древней Кизикіи. Исполнителемъ своей завѣтной мысли Уршанъ назначилъ сына своего Сулеймана, котораго частыя переправы на Европейскій берегъ и походы во Ѳракію дали ему возможность ближе ознакомиться съ мѣстностью. Изъ словъ Турецкаго историка видно, что мысль покоренія Европейскихъ областей восточной Р. имперіи преслѣдовала Сулеймана и въ то время, когда онъ только налетомъ являлся въ Европу, какъ союзникъ Кантакузена (29). Se Iddio, — говорилъ онъ, когда было ему объявлено о назначеніи его главнымъ предводителемъ предпринимаемаго похода, — m'assisterà con la sua gratia, e gl'auspicii paterni mi secondaronno, ho buona speranza d'effettuare quest 'impresa quantunque ardua e malagevole, e di strappare col bracio della patenza la corona e il scetro Reale dalla mano dei nemici (30). Рѣшено было, что для удобнѣйшаго исполненія этого предпріятія необходимо занять и утвердиться на какомъ-нибудь пунктѣ Европейскаго берега, откуда легко-бы было направлять полки по усмотрѣнію главнаго начальника. Не

(28) Cantacuz. T. III, p. 165.

(29) «Если милость Божія и родительское благословеніе будутъ мнѣ способствовать, надѣюсь исполнить это предпріятіе, какъ-бы оно трудно и опасно ни было, и сильною рукою отнять у враговъ царственный скипетръ и вѣнецъ».

(30) Сеадеддинъ въ пер. Bratutti, p. 59.

большая крѣпость Цимпи, нынѣшній Джеменликъ, находящаяся по близости Галлиполи, своимъ удобнымъ положеніемъ остановила на себѣ вниманіе ночныхъ совѣщателей и въ слѣдующую-же ночь Адже-бегъ и Хази-Фасилъ переправились на Европейскій берегъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Случай навелъ ихъ на одного Грека, находившагося въ виноградникахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Джеменлика. Схваченный и перевезенный въ Азію, плѣнный объявилъ Сулейману, что Цимпа была слабо охраняема и вызвался даже указать легчайшую и ближайшую дорогу къ самой крѣпости. Не имѣя подъ рукой судовъ и не желая откладывать свое намѣреніе, Сулейманъ приказалъ наскоро сколотить два плота, на которыхъ могло помѣститься не болѣе 80 человѣкъ, — и смѣло пустился къ противоположному берегу. Полный успѣхъ вѣнчалъ его дерзкое предпріятіе. Съ разсвѣтомъ жители Дежеменлика увидѣли себя во власти Османовъ, которые тутъ-же переправили ихъ на Азіатскій берегъ, откуда, на тѣхъ-же плотахъ, новые толпы Турокъ спѣшили въ занятую Сулейманомъ крѣпость (31). Это первое завоеваніе по сю сторону Геллеспонта, предшествовавшее покоренію болѣе важнаго пункта въ Дарданелахъ, именно Галлиполи, случилось въ 1356 г. въ то время, когда въ Константинополѣ менѣе всего думали о своихъ Азіатскихъ сосѣдахъ. Кантакузенъ, уже не разъ обманутый въ своихъ надеждахъ, сталъ теперь осторожнѣе обходиться съ Уршаномъ; но положеніе его было такъ опасно, что не смотря на помощь, посланную Уршаномъ къ Іоанну Палеологу противъ Кантакузена, не смотря на возмущеніе Генуэзцевъ, населявшихъ Галата, воздвигнутое и тайно поддерживаемое имъ-же, не смотря наконецъ на завоеваніе Цимпи сыномъ его Сулейманомъ, Кан-

---

(31) Это смѣлое нападеніе разсказано Сеадеддиномъ и повторено другими Турецкими историками, приводимыми Гаммеромъ въ Gesch. des Osmanischen Reiches. T. I, p. 133. Кантакузенъ и прочіе Греческіе историки молчатъ объ немъ. Сулейманъ успѣлъ въ продолженіе трехъ дней пересадить въ Европу на двухъ упомянутыхъ паромахъ до 3,000 воиновъ, для занятія Цимпи.

такузенъ все-таки обратился къ нему за новою помощію, и Уршанъ поспѣшилъ на просьбу своего тестя выслать ему 10,000 воиновъ. Предводимый и на этотъ разъ Сулейманомъ отрядъ этотъ выступилъ противъ Іоанна Палеолога и его союзниковъ — Душана и Александра. Вошедши въ Эносскій заливъ, Сулейманъ поднялся вверхъ по Марицѣ къ Димоту, въ окрестностяхъ котораго разбилъ войско Палеолога и его союзниковъ и возвратился обратно въ Малую Азію (32).

Успокоенный нѣкоторымъ образомъ со стороны домашняго своего соперника Іоанна Палеолога, Кантакузенъ вошелъ снова въ сношенія съ Уршаномъ, и не надѣясь на свои силы, дипломатическимъ путемъ пытался возвратить имперіи Цимпу. Уршанъ отвѣчалъ, что возвращеніе этой крѣпости зависитъ отъ доброй воли Сулеймана, если Кантакузенъ согласится дать за нее выкупъ. Десять тысячъ золотыхъ немедлено были посланы Сулейману, который тутъ-же отправилъ на Европейскій берегъ приказъ очистить Цимпу. Но въ то время, когда одни только развалины этой крѣпости (33) переходили въ обратное владѣніе имперіи, гарнизонъ, занимавшій ее, бросился на другія укрѣпленныя мѣста, находившіяся въ окрестностяхъ Галлиполи, и предводимый Адже-бегомъ и Хази-Фасилемъ приступилъ къ самому Галлиполю и осадилъ его. Во время осады окрестныя укрѣпленныя мѣста, въ томъ числѣ и небольшая крѣпость Конуръ, заняты были Османами. Начальникъ Конура, именемъ Калаконія, долго отбивалъ ихъ нападенія, но во время вылазки былъ схваченъ и пригвожденъ къ воротамъ крѣпости. Конуръ сдался. Взятіе его облегчило завоеваніе Галлиполи, начальникъ котораго Галлопуло принужденъ былъ сдаться подъ условіемъ,

(32) Cantacuz. T. III, p. 247 sqq. Изъ разсказа Кантакузена видно, что одни Сербы и Болгары вступили въ битву съ Сулейманомъ и войскомъ Кантакузена. Воевода Сербскій, Касничъ, приведшій 7,000 воиновъ, едва успѣлъ спастись съ немногими, Болгары-же успѣли скрыться въ стѣнахъ Димота.

(33) Cantacuz. T. III, p. 277, разсказываетъ, что, во время передачи крѣпости, сильное землетрясеніе разрушило не только Цимпу, но повредило множество другихъ мѣстъ по всему Европейскому берегу Геллеспонта.

что Османы дадутъ ему и всему гарнизону свободный пропускъ въ Константинополь.

Сулейманъ въ это время находился въ своей резиденціи, Караси, въ Малой Азіи. Взятіе Галлиполи случилось въ 1357 г. въ то самое время, когда Кантакузенъ, наскучивъ долгою борьбой съ Іоаномъ Палеологомъ и разочарованный въ дружбѣ и въ родствѣ Уршана, рѣшился сложить съ себя корону и удалиться въ монастырь. Это послѣднее обстоятельство и пріобрѣтеніе Галлиполи заставили Сулеймана поспѣшить въ Европу и съ жаромъ приняться за укрѣпленія вновь завоеванныхъ мѣстъ. Болѣе всего обратилъ онъ вниманіе на укрѣпленіе Галлиполи, который обвелъ новою стѣной съ бойницами. Свѣжіе полки Османовъ были пересажены на Ѳракійскій берегъ для подкрѣпленія находившагося здѣсь войска. Кантакузенъ говоритъ, что множество Османскихъ семействъ со всѣмъ имуществомъ были пересланы Сулейманомъ въ покоренныя мѣста, и что онъ «принудилъ многихъ знатныхъ родомъ (Османовъ) поселиться въ Галлиполи» (34); Греческое-же населеніе этихъ мѣстъ было насильно переправлено въ Малую Азію. Подобная система колонизаціи завоеванныхъ земель, такъ часто проявлявшаяся въ исторіи Византійской имперіи, и естественно заимствованная Турками у Грековъ, была одной изъ главныхъ причинъ быстраго возвышенія Османовъ и насильнаго, временнаго развитія ихъ силы въ Европѣ.

Утвердившись въ Галлиполи, Сулейману легче и свободнѣе открывался путь на Европейскія провинціи имперіи, и города: Болгаръ-кёю, Малгара, Ипсала (у Византійцевъ Кипсела) на р. Марицѣ, и Родосто (по Тур. Родосджикъ) на Мраморномъ морѣ, въ короткое время и безъ всякаго сопротивленія со стороны Грековъ были заняты Османами. Направленія ихъ нападеній были различны; главный путь, по которому распространялись ихъ завоеванія, лежалъ вверхъ по рѣкѣ Марицѣ и на востокъ — къ Хирополю и Чорлу, откуда открывалась широ-

(34) Cantac. T. III. p. 277. — καὶ τῶν ἐπιφανῶν παρ' αὐτῷ πολλοὺς ἠνάγκασεν εἰς ἐκείνην (въ Галлиполи) μετοικίζεσθαι, καὶ στρατίαν ἐγκαθίδρυσε πολλήν.

кая и прямая дорога на Константинополь. Вмѣстѣ съ постепеннымъ распространеніемъ власти Османовъ, распространялись и колонизація вновь занятыхъ земель, и Турецкая система управленія. Завоеванныя мѣста поручаемы были управленію главнымъ войсковымъ предводителямъ, изъ числа которыхъ Адже-бегъ и Хази-Фасилъ получили въ управленіе Галлиполи съ окрестными мѣстами (35). Чтобы имѣть ближайшія сношенія съ войскомъ, находившимся во Ѳракіи, Сулейманъ переѣхалъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ Галлиполи, поручивъ управленіе своей резиденціи, Конуромъ, Хаджи-Ильбэки. Такимъ образомъ первое владычество Османовъ въ Европѣ, начатое завоеваніемъ Галлиполи и Ѳракійскаго Херсонеса, простиралось къ сѣверу не далѣе *Ипсалы*, и къ сѣверо-востоку до города *Чарлу*. Столицею этого пространства, входящаго въ настоящее время въ санджакъ Галлиполійскій, и населенное еще при завоеваніи его почти въ половину Турецкими колонистами, является ***Галлиполи***, который по своему положенію былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Византійской монархіи (36).

Съ каждымъ днемъ увеличивалась слава Сулеймана, которому Уршанъ вполнѣ предоставилъ верховное управленіе завоеванными землями въ Европѣ. Самъ Уршанъ оставался постоянно въ Бруссѣ и ни разу не заглянулъ въ области, пріо-

---

(35) Не долго однакожь наслаждались они мирнымъ управленіемъ мѣстъ, дарованныхъ имъ Сулейманомъ. Эти вожди древнихъ Османовъ, — первые, положившіе своими завоеваніями въ Европѣ начало новой власти, будучи удручены лѣтами, скоро скончались и были погребены не далеко отъ Галлиполи.

(36) Кантакузенъ въ своей исторіи Османовъ разсказываетъ, что когда Іоаннъ Палеологъ получилъ извѣстіе о взятіи Турками Галлиполи, то сказалъ съ усмѣшкой, что они завладѣли, ни болѣе ни менѣе, какъ свинымъ хлѣвомъ. Этимъ онъ намѣкалъ на названіе одного укрѣпленія, находившагося по близости Галлиполи, — *Хиридо-кастро* — χοιρηδόκαστρον — ***свиная крѣпость***. Вотъ какъ описываетъ Сеадеддинъ значеніе, какое имѣлъ Галлиполи въ его время: Passo della Grecia ed Italia, scala delle caravane e mercantie che vengono di levante e di ponente. Transito delle navi di Chietta, di Chirm (Крымъ), di Russia e d'altri paesi settentrionali, e chiave d'aprire e soggiogare molte provincie. Въ пер. Bratutti.

брѣтенныя его сыномъ по сю сторону Геллеспонта. Не долго однакожь могъ наслаждаться Сулейманъ своими новыми завоеваніями. Смерть его послѣдовала чрезъ годъ послѣ завоеванія Галлиполи, т. е. въ 1358 г. Кончина застала его среди новыхъ плановъ, новыхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлію дальнѣйшее распространеніе власти Османовъ въ Европѣ. По свидѣтельству Турецкихъ историковъ (37), Сулейманъ умеръ вслѣдствіе неосторожнаго паденія съ лошади на охотѣ въ окрестностяхъ Болгаръ-кёю, и замѣчанія достойно то обстоятельство, что онъ былъ первымъ изъ потомковъ Османа, который погребенъ по сю сторону Босфора. Не долго жилъ и престарѣлый Уршанъ по смерти любимаго сына. Не будучи въ состояніи пересилить скорбь свою, онъ пережилъ Сулеймана только двумя мѣсяцами и скончался въ началѣ 1359 г. на 75 году своей многотрудной и богатой подвигами жизни, послѣ 35-лѣтняго управленія. Гробъ его находится въ Бруссѣ, гдѣ впослѣдствіи хоронили всѣхъ потомковъ его рода. Турецкіе историки превозносятъ его правосудіе и доброту, острый умъ, возвышенность души и личную храбрость, какъ наслѣдственную черту Османлидовъ. Множество благотворительныхъ заведеній, воздвигнутыхъ Уршаномъ, какъ-то: мечети, молельни, училища, караванъ-сераи и поварни для снабженія бѣдныхъ пищею, еще долго послѣ него оставались несомнѣннымъ свидѣтельствомъ его величія. Не задолго предъ кончиною, Уршанъ поручилъ главное начальство надъ войсками, находившимися въ Европѣ, второму своему сыну Мурату, который, надѣвъ на себя въ 1359 г. саблю Отмана, новыми побѣдами и приращеніями окончательно упрочилъ Турецкое владычество на юго-востокѣ Европы.

IV.

Въ то время, когда восточная Римская имперія съ каждымъ днемъ слабѣла и постоянно отживала свою независимость,

(37) У Сеадеддина стр. 70. Также у Леунклавія Annales Turc. p. 21. Ср. Цинкейзена Gesch. des Osm. Reiches. стр. 214—215. Т. I.

государства, издревле основанныя на ея почвѣ и въ ея древнихъ границахъ, представляли Османамъ гораздо болѣе затрудненій къ распространенію ихъ завоеваній, нежели Византійская монархія. Султанъ Муратъ I, явившись на сцену событій, лучше своихъ предшественниковъ понялъ положеніе имперіи и всѣ свои силы обратилъ преимущественно на завоеваніе Сербіи и Болгаріи. Государства эти, вмѣстѣ съ Албанцами на югѣ, Румунами и Венграми на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, составляли какъ-бы живой оплотъ, живую цѣпь народовъ, полныхъ еще мужественной силы и отваги, населявшихъ пространство земель отъ Адріатическаго до Чернаго моря, и отъ Карпатъ и верховьевъ Тиссы до южныхъ оконечностей Эпира, Ѳессаліи и сѣверныхъ береговъ Эгея. На этомъ обширномъ четыреугольникѣ впервые завязалась между Славянами и Османами борьба, исходъ которой долженствовалъ рѣшить участь Византіи. Нельзя сказать, чтобы недостатокъ въ средствахъ къ дружному отпору былъ причиною паденія Сербіи и Болгаріи, Албаніи и Влахо-Молдавіи. Средства были: они заключались въ твердомъ сознаніи своихъ силъ, въ независимомъ и самостоятельномъ состояніи этихъ государствъ и въ томъ браннолюбивомъ духѣ народа, который изъ столѣтія въ столѣтіе перешелъ къ позднѣйшимъ потомкамъ, какъ наслѣдственная принадлежность южнаго Славянина. Разительные этому примѣры намъ современны: Албанскіе клефты и арматолы, Сербскіе ускоки, Болгарскіе гайдуки и Румунскіе пандуры пережили отжившую независимость этихъ народовъ. Но въ ихъ войнолюбивыхъ сердцахъ пламенная любовь къ родинѣ еще не потухла и то, что составляетъ ихъ современную ничтожность, еще сильнѣе отозвалось въ эпоху Турецкаго покоренія. Имъ не доставало тогда единства, сознанія общаго интереса въ тѣсномъ междуплеменномъ союзѣ, чтобы въ самомъ началѣ остановить завоеванія Османовъ. Параллельно съ этимъ вѣчно-юнымъ Славянскимъ элементомъ былъ вполнѣ развитъ и стоялъ на апогеѣ своей отрицательной славы другой элементъ—Ромео-Гре-

ческій. Распространявшій нѣкогда свое вліяніе на пространство отъ Адріатики до границъ Персидскихъ, отъ Дуная до сѣверныхъ береговъ Африки, онъ сталъ скованъ и сжатъ во время Турецкихъ нашествій въ одной Византіи. Накликавшій бѣдоносную тучу Османовъ на народы, готовые идти по пути зараждавшагося ново-Европейскаго просвѣщенія, этотъ элементъ былъ въ свою очередь изгнанъ въ наши дни и на нашихъ глазахъ изъ юнаго королевства Греціи. Пожигающій и сокрушающій своимъ тлетворнымъ дыханіемъ нравственную жизнь Дунайскихъ княжествъ, Болгаріи, Ѳессаліи и Македоніи, этотъ элементъ, повторяемъ, въ лицѣ Фанаріотовъ сохранилъ также образчики своего перерожденія въ современномъ ихъ ничтожествѣ. Болѣе всего отозвался онъ въ политической жизни Болгаріи второй династіи и Валахо-Молдавіи со-временъ пришествія туда князей-Фанаріотовъ; менѣе всего подчинились его вліянію Сербія и Албанія, въ которыхъ, къ несчастію, вліяніе Германо-Италійское стало брать въ свою очередь перевѣсъ.

Исторія юго-Славянскихъ народностей не была еще предметомъ серьезной обработки новѣйшей науки, и только съ недавняго времени стали вызывать цѣлый міръ Славянъ изъ хаотическаго забвенія и пытаться ввести ихъ въ Европейскую жизнь. Но и здѣсь, какъ часто случается, односторонность и незнаніе живыхъ народностей заставило многихъ впасть въ грубыя ошибки, а слѣдовательно представлять исторію этихъ народовъ въ искаженномъ видѣ (38). Новѣйшіе писатели о юго-Славянахъ мало или вовсе не обращали вниманія на Латино-Греческое вліяніе, отозвавшееся на Сербо-Албанскомъ и на Болгарскомъ племени. Два противоположныя начала и два противоположныя направленія въ политической и гражданской жизни этихъ народовъ. Самый союзъ противъ Мурата, вызвавшій, какъ увидимъ ниже, въ одно время дружины Болгаръ,

(38) Труды Чехо-Русскихъ ученыхъ сюда не входятъ. Мы подразумѣвали здѣсь писателей западной Европы, которыхъ авторитетъ искони почитается непреложнымъ.

Сербовъ, Венгровъ, Босняковъ и Валаховъ, не былъ слѣдствіемъ кореннаго государственнаго сознанія, а частнымъ интересомъ отдѣльныхъ князей. Политическое состояніе этихъ государствъ въ эпоху Турецкаго нашествія обрисуетъ положительнѣе и представитъ яснѣе самое завоеваніе Турокъ, которые, покореніемъ юго-Славянъ и конечнымъ отдѣленіемъ ихъ отъ Царяграда, тѣсно связаннаго съ ихъ преданіями и исторіей, облегчили себѣ покореніе самой Византіи. Исторія записала тѣ случаи, когда южные Славяне одни выносили на своихъ мощныхъ плечахъ тяжелые удары, падавшіе на Константинополь и со стороны Сарацынъ и со стороны Крестоносцевъ. Раскройте страницы лѣтописей и онѣ вамъ скажутъ, что когда Латинское завоеваніе утвердилось въ Византіи, Іоаннъ I Асѣнь уничтожилъ лучшій цвѣтъ Крестоносцевъ въ тѣснинахъ Габровскихъ и отбросилъ остальные ихъ отряды къ Солуни и Константинополю. Когда-же Латины оправились отъ этого перваго удара, Іоаннъ II Асѣнь, уже въ союзѣ съ Никейскимъ императоромъ Ватаци, не прекращалъ нападеній на отдѣльныя укрѣпленныя мѣста Ѳракіи, занятыя рыцарствомъ запада. Послѣ этихъ ударовъ Болгаръ, обезсиленные Латины не были болѣе въ состояніи противостать Палеологамъ, возстановившимъ престолъ Багрянородныхъ.

Изъ предшествовавшихъ главъ мы видѣли, какимъ путемъ и при какихъ обстоятельствахъ открыты были походы Турокъ въ Сербіи и Болгаріи. Окончательное-же покореніе этихъ государствъ послѣдовало при султанѣ Муратѣ I, и прежде чѣмъ обратимся къ разсказу объ этомъ покореніи, познакомимъ читателей съ политическимъ состояніемъ отдѣльныхъ народностей юго-восточной Европы, которыя первыя подпали подъ власть Османовъ.

Рельефнѣе и знаменательнѣе рисуется покореніе *Сербіи*. Исторія довольно подробно записала отчаянную ея битву за независимость, а поэтическая форма народной пѣсни и преданіе перенесли къ позднѣйшему потомству тѣ обстоятельства

которыя пропущены грустною лѣтописью объ этомъ завоеваніи.

Еще Константинъ Багрянородный обозначилъ земли, которыя въ X в. населены были Сербскимъ племенемъ, когда исторія впервые ясно отдѣлила ихъ народность отъ народности прочихъ племенъ юго-востока Европы (39). Земли эти и въ настоящее время обитаемы тѣмъ-же племенемъ. Города, въ нихъ процвѣтавшіе, отчасти и теперь существуютъ съ многолюднымъ населеніемъ, отчасти лежатъ въ живописныхъ развалинахъ, отчасти содѣлались однимъ достояніемъ исторіи. Собственно такъ-называвшаяся *Сербія* лежала по обѣимъ берегамъ рѣки Босны, по Дрину, Расицѣ и по западному рукаву рѣкъ Моравы и Колобары. Къ ней, какъ къ центру дружинной власти, примыкали отдѣльныя ея области: *Боснія*, *Захолмье*, *Неретва* или *Паганія*, Παγάνια, *Требинь*, *Конавлэ* и *Дукля* (40), находившіяся подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей или жупановъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, одинъ былъ великій жупанъ или великій князь *Сербіи*, имѣвшій резиденцію свою въ Десникѣ (гдѣ-то по рѣкѣ Дрину). Походы Симеона, царя Болгарскаго, опустошившаго Сербскія области, прилегавшія къ границамъ Болгаріи, дали случай жупану Дуклянскому (41) усилиться и присвоить себѣ званіе великаго жупана. Отъ этого-то Дуклянскаго дома происходилъ Стефанъ Неманя или Неманичъ, архидинастъ *Неманичей*, царствовавшихъ въ Сербіи до половины XIV в., столицей которыхъ содѣлалась Раса, нынѣ Новый-Пазаръ (42). Усвоивъ власть надъ Сербскимъ племенемъ, Неманъ первый уже вступаетъ въ связи и сношенія съ западомъ и послы его являются при дворѣ импе-

(39) Const. Porph. de Admin. Imp. c. 30.

(40) Отсылаемъ любознательныхъ читателей за географическими и топографическими подробностями къ Const. Porph. loco citato, и къ Slovans. Starož. Шафарика. Т. II, § 32.

(41) Область Дукля лежала тамъ, гдѣ нынѣ Черногорье.

(42) Въ послѣдствіи крали и цари Сербскіе избирали по произволу мѣстопребыванія свои, какъ-то: въ Приштинѣ, Скоплѣ, Призрени и др. мѣстахъ.

ратора Фридриха I. Сынъ его Стефанъ вѣнчается на царство короной, полученной имъ изъ Рима чрезъ епископа Меѳодія (43); но позднѣе, братъ его, преподобный Савва, посвященный въ Никеѣ патріархомъ Германомъ въ архіепископы Сербіи, въ свою очередь вѣнчаетъ Стефана на царство по чину православной церкви (1222). Очевидно, что въ древнѣйшія времена Сербія, по географическому своему положенію и по политическому состоянію юго-восточной Европы, когда элементъ западный былъ временно занесенъ въ Византію Крестоносцами, принужденная подчиниться вліянію Римскокатолическаго міра, была отстояна преподобнымъ Саввой, бывшимъ, какъ извѣстно, первымъ дѣятелемъ къ установленію и образованію Сербской іерархіи.

Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ этихъ первыхъ династовъ рода Немани отъ предпослѣдняго ихъ потомка Стефана Душана (царст. 1336—1356), который, быстро возвысивъ Сербію болѣе завоеваніями, нежели гражданскими постановленіями, привилъ къ ней начатки еще быстрѣйшаго ея паденія. Правда, Душанъ нашелъ Сербію вовсе не ту, которой топографическій очеркъ мы представили выше. Еще Стефанъ Неманя присоединилъ къ ней около 1159—1195 г. часть Приморья по устью Дрина, Патково, принадлежащее Болгарамъ, Хвостно, Подримье, Поморавье и другія области; но Стефанъ Душанъ съ рѣдкимъ счастіемъ завоевателя развернулъ силы Сербіи и въ составъ ея внесъ вмѣстѣ съ новыми приращеніями, и новыя инородныя племена, не сочувствовавшія отнюдь завоевателямъ. Племена эти были постоянно тлѣющимъ волканомъ, готовымъ вспыхнуть при удобномъ случаѣ.

Мы уже упомянули о знаменитыхъ походахъ Душана въ области Греческой имперіи и стремленіе его приблизиться къ Царюграду. Походы эти, числомъ тринадцать, были предпринимаемы Душаномъ систематически, почти изъ-года-въ-годъ, и

(43) Ср. *Энгеля* Geschichte von Serbien.

кончились тѣмъ, что принудили Кантакузена вызвать противъ юго-Славянъ вообще толпы фанатическихъ Османовъ. Замѣтимъ однакожь, что расширеніе границъ Душановой Сербіи совершилось до начатія его походовъ въ Грецію, и совпадаетъ исключительно съ такъ-называемой первой его войной съ Греками. Около 1337 г. овладѣвъ *Струмницей* на рѣкѣ Струмѣ или Стримонѣ, Душанъ стянулъ чрезъ годъ значительныя силы въ Скопле (нѣнѣ Юскупъ), откуда почти безъ сопротивленія овладѣлъ всѣми военными пунктами *Македоніи*, такъ-что передовые отряды его доходили до Солуня. Заняты были также островъ *Евбея*, города *Костуръ* и *Янина*, а смѣлые его летучіе отряды являлись даже въ окрестностяхъ Византіи. Императоръ Андроникъ за стѣнами Солуня униженно просилъ мира. Душанъ согласился и условія этого міра были подписаны 26 августа 1340 года, въ силу которыхъ отошли къ Сербіи: Охрида, Прилѣпъ, Струмница, Хлерно, Желѣзнякъ, Водяна, Черменъ, Аверія, Серръ, Трикала, Костуръ, Янина и Ханина (44).

Характеръ Душана рисуется не столько во внѣшнихъ его предпріятіяхъ, сколько во внутренней организаціи обширной его державы. Широки и громадны были его замыслы относительно Сербіи, которую раздѣлилъ онъ на намѣстничества; но онъ не разсчитывалъ на то, въ состояніи-ли его наслѣдники, или вѣрнѣе, наслѣдникъ, неуклонно идти по пути, имъ проложенному. Раздѣленіе вновь завоеванныхъ земель на намѣстничества естественнымъ образомъ вселило въ нихъ соперничество и стремленіе къ отложенію и независимости. Византійскому двору были извѣстны всѣ эти обстоятельства, и хотя нѣтъ никакихъ историческихъ подтвержденій, но нельзя не допустить, чтобы онъ всѣми силами не старался раздувать искру раздора. Лаоникъ Халкокондикъ записалъ имена этихъ намѣстничествъ и сохранилъ также названія правителей ихъ въ слѣдующемъ

---

(44) Отсылаемъ читателя къ картѣ Лапи или Киперта, чтобы судить о значительности этихъ завоеваній.

порядкѣ (45): земли южной Македоніи, расположенныя по Аксію (нынѣ Вардаръ) Душанъ отдалъ въ управленіе *Зарку* (46),— мужу, имѣвшему первое почетное мѣсто послѣ самого царя. Лѣвое теченіе Вардара до Серръ было поручено управленію *Богдана*, человѣку доброму (ἀνδρί ἀγαϑῷ) и искусному въ военномъ дѣлѣ. Отъ Серръ до Дуная—двумъ братьямъ *Вукашину* кралю и *Углешь*, изъ которыхъ первый былъ кравчимъ (οἰνοχόος), а другой главнымъ конюшимъ (ἱπποκόμος) Душана. Земли-же по Дунаю поручены были управленію *Вуку Лазарю* сыну Бранка (47); Трикала и Касторія — *Николаю* Жупану, а Этолія — *Прилюпу* (48); Охриду-же и Прилѣпъ — *Плакиду* или Младеню (49).

Это несвоевременное раздѣленіе Сербіи на сильныя, почти самостоятельныя намѣстничества, вовсе не сообразное съ ея юридическимъ развитіемъ, было только одною изъ многосложныхъ причинъ ея упадка. При наслѣдникѣ Душана, его единственномъ сынѣ Урошѣ V, высказалась вполнѣ слабость Сербіи и непрочность ея организаціи. Урошу было 19 лѣтъ, когда скончался Душанъ среди огромной рати и громаднаго предпріятія предупредить Турецкое покореніе Цареграда. Въ продолженіе девяти лѣтъ, окончившихся трагической его смертію,

---

(45) Laonici Chalcocond. de rebus turcicis. стр. 28—29. Ed. Bonnae.

(46) Лице чревычайно замѣчательное. Кантакузенъ въ своей хроникѣ (t. II. 360—362) правителемъ этой области называетъ *Стефана*, брата царя Душана. Народное преданіе и пѣсни даютъ ему другое названіе—*Старацъ Югъ* съ знаменитыми въ пѣсняхъ Сербскихъ девятью Юговичами дѣтьми Югъ-Богдана. Въ Fragmen. de rebus Epiri (p. 209—211) сказано прямо, что Душанъ назначаетъ брата своего *Симеона* правителемъ и княземъ (ἀρχηγόν καὶ ἡγεμόνα) Этоліи. Сбивчивость этихъ показаній можетъ повести къ объясненію тожества личностей Старца-Юга, Югъ-Богдана, Зарка, находящихся въ воображеніи каждаго Серба.

(47) Лазарю Гребильяновичу.

(48) Fragm. de rebus Epiri p. 209. Прилюпъ правилъ землями до Янинъ, которые носили названіе Греческой Влахіи Βλαχία Ἑλλάδι.

(49) Раичъ говоритъ, что онъ былъ родоначальникомъ рода Бранковичей. Кромѣ вышеприведенныхъ правителей, историкъ Грегора (t. I pag. 418) упоминаетъ о Михаилѣ Асѣнѣ, правителѣ *Просѣка* (Προσίακον), принадлежавшемъ также Сербіи.

Урошъ поперемѣнно былъ игрушкой отдѣльныхъ владѣтелей обширныхъ областей, ратовавшихъ между собою о первенствѣ надъ Сербіей въ ущербъ ея законному наслѣднику. Владѣтель Срема и Подунавья Лазарь, съ одной стороны, властитель обширной области восточной Сербіи Вукашинъ—съ другой, болѣе и настойчивѣе всѣхъ домогались верховной власти. Ниже мы встрѣтимся снова съ этими знаменательными личностями Сербіи временъ ея упадка. Онѣ равно принадлежатъ области исторіи и области преданія и народной пѣсни. Обозримъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ сущность исторіи Сербіи подъ управленіемъ Неманичей, и сколько позволятъ данныя, укажемъ и на ея внутренній бытъ и организацію.

Два слишкомъ столѣтія домъ Дуклянскихъ жупановъ владѣлъ престоломъ Сербіи, которой далъ въ продолженіе этого времени восемъ кралей и двухъ царей (50). Законъ престолонаслѣдія въ древней Сербіи не былъ строгимъ выраженіемъ преемства правъ верховной власти. Отсюда частыя неустройства и междоусобія партій, напоминающія удѣльный періодъ Русской исторіи. Пробѣгая какъ лѣтописи отечественныя, такъ и иностранныхъ писателей о Сербскомъ народѣ и его дѣяніяхъ, нельзя не замѣтить эту отличительную черту Славянскаго племени относительно присвоенія верховной власти (51). Чувствовалъ-ли Душанъ необходимость установить законъ престолонаслѣдія, мы не знаемъ. Скорѣе можно полагать, что онъ не въ

---

(50) Родъ *Немани* владѣлъ Сербіей въ слѣд. порядкѣ: *Стефанъ Неманъ* въ 1159 г. Сынъ его: *Стефанъ Первовѣнчанный* по 1224. За нимъ три его сына одинъ за другимъ: a) *Радославъ* по 1230, b) *Владиславъ* по 1237 и c) *Стефанъ Урошъ*, названный Великимъ Кралемъ, по 1272. За тѣмъ сыновья послѣдняго: a) *Стефанъ Драгутинъ* по 1275 и b) *Стефанъ Милютинъ*, названный Святымъ Кралемъ, по 1321. Наконецъ сынъ послѣдняго *Стефанъ Урошъ Дечанскій*, отецъ *Стефана Душана Сильнаго;* послѣ него *Урошъ V*, съ которымъ прекращается династія Неманичей.

51) Даже въ Венгріи, въ первый періодъ ея развитія, Славянскій обычай родоваго старшинства былъ также въ большомъ ходу. Во все продолженіе Арпадскаго періода, усобицы такъ-называемыхъ Reges juniores не прекращались.

силахъ былъ освободиться отъ кореннаго обычая своего народа: потому-что въ единственномъ юридическомъ памятникѣ его времени, въ такъ-называемомъ *Законѣ благовѣрнаго царя Стефана*, о престолонаслѣдіи Сербіи не сказано ни слова (52).

Изъ *Законика* Душана мы усматриваемъ, что народъ въ Сербіи состоялъ изъ четырехъ сословій: *духовенства, дворянъ, купцовъ* и *поселянъ*.

Духовенство (преимущественно православное) было въ большой силѣ у Сербовъ и первенствовало во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частной жизни. Состоя изъ патріарха, котораго престолъ находился въ Ипекѣ или Пекѣ, изъ двадцати митрополитовъ, епископовъ, множества игуменовъ, священниковъ и монаховъ, оно обладало огромными имѣніями и имѣло средства часто вмѣшиваться и въ политическія дѣла Сербіи. Самостоятельность Сербскаго духовенства и политическая независимость его отъ Константинопольскаго патріаршаго престола видна изъ многихъ актовъ (53). Въ Далмаціи, въ Приморьи, Сербы Римскокатолическаго исповѣданія составляли сильную партію, и ихъ архіепископы и епископы неусыпно старались подавить православіе въ прочихъ областяхъ Сербіи, употребляя на это проповѣдь доминиканцевъ, миноритовъ и другихъ миссіонеровъ, и стараясь чаще всего приводить въ столкновеніе дѣла Сербіи съ западными государствами. При малѣйшей неурядицѣ, при первыхъ признакахъ войны съ кѣмъ бы то ни было, Римскіе прелаты являлись тутъ-же съ предложеніемъ кралямъ Сербскимъ вступить въ союзъ съ Италіянскими, Нѣмецкими или Французскими государями, и условіе этого союза было во всѣ времена одно и то-же: при-

(52) Въ древней Сербіи общественные вопросы обсуждались на *соборахъ* (скупчинахъ Новой Сербіи), гдѣ первенствовало высшее духовенство и большіе и малые дворяне. На одной изъ такихъ скупчинъ утвержденъ былъ въ 1354 *Законъ* царя Душана. Подробное извѣстіе объ этомъ помѣщено Шафарикомъ въ Jahrbücher der Literatur. Wine, B. 53, S. 38—43.

(53) Такъ напр. изъ окружной грамоты Константинопольскаго патріарха Ѳилоѳея (1371) Сербскимъ церквамъ.

знать надъ собою суприматію престола св. Петра. Римскіе католики всегда находили въ православныхъ святителяхъ Сербіи стойкость и неподдатливость; но, не смотря на твердость религіозныхъ убѣжденій православныхъ Сербовъ, борьба, затѣянная Римомъ, продолжается еще и теперь, съ тою только разницею, что въ настоящее время средства ко введенію уніи въ беззащитныя страны южныхъ Славянъ увеличились гораздо болѣе (54).

Дворяне въ Сербіи были двоякаго рода — *большіе* и *малые*, или, какъ они названы въ Законникѣ Душана, — *властеле* и *властеличити*. Къ первымъ принадлежали *кнезы*, *боляры*, или *вельможи* и *властеле*. Значеніе-же *властеличити* было, какъ кажется, равносильно нашимъ мелкопомѣстнымъ дворянамъ. Въ отношеніи-же къ простолюдину дворяне назывались *господари* и *проняри* (55). Владѣя обширными помѣстьями, особенно высшее дворянство, т. е. властеле, они были обязаны во время войны выставлять на свой счетъ извѣстное число ратниковъ. Проистекало-ли это устройство изъ чисто-Сербскаго элемента, рѣшить трудно. Вѣроятнѣе всего, что оно было заимствовано отъ феодальнаго запада и заимствовано или Душаномъ или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ. Душанъ внесъ его въ законъ и сдѣлалъ обязательными въ этомъ отношеніи однихъ властелей. Ниже мы приведемъ нашу догадку, изъ какого сословія людей выставляемы были эти воины. Изъ этого высшаго дворянства, и именно изъ *властелей*, вышли тѣ немногіе роды сильныхъ владѣтелей, которые, часто чрезъ содѣйствіе родства съ царствующею династіей, составили въ Сербскомъ го-

(54) Великій канцлеръ Венгріи, кардиналъ Колоницъ, высказалъ мысль свою, какими средствами введенъ былъ Римскій католицизмъ въ Венгрію: *faciam Hungariam captivam*, *postea mendicam*, *deinde catholicam* — путь вѣрный, предложенный іезуитами и поддержанный Вѣнскимъ дворомъ.

(55) Изъ *властелей* выбирались *властеле-стегоноше* (знаменосцы). Военные чины назывались: *воеводами*, *краишниками* (Gränzherr), *кефаліами*, *поглаварями*. Гражданскіе-же чины распадались на *судіе*, *кнезы*, *примикири владальцы*, *прѣстайницы* и *челницы*.

сударствѣ родъ олигархіи, бывшей, какъ сказано выше, одною изъ главныхъ причинъ паденія Сербіи.

Сословіе *купцовъ* (торговцы) собственно въ Сербіи не имѣло того обширнаго значенія, какое усвоено имъ было въ Приморьи и въ городахъ Далмаціи. Хотя во времена Душана купцы и почитались свободными, но они не имѣли значенія гражданскаго. За то въ Далмаціи гражданство купцовъ было вполнѣ развито. Находясь нѣкоторое время подъ властію Сербіи, Далматинскіе города много способствовали къ развитію внутренней торговли Сербской страны. Торговыя сношенія ихъ съ Венеціею, съ Италійскими и Греческими берегами, частыя морскія плаванія и чрезъ то — столкновенія съ западными приморскими государствами, придали Далматамъ много навыка въ дѣлахъ общественной жизни, и вмѣстѣ съ златарями, архитекторами, ремесленниками очень часто снабжали они Сербію и людьми государственными.

Низшее сословіе въ Сербіи, сословіе поселянъ, распадалось на слѣдующіе классы: *Неропхи* (меропхи) упоминаются въ Законникѣ въ смыслѣ земледѣльцевъ, и, какъ видно, будучи поселены на помѣщичьихъ земляхъ, обязаны были нести крестьянскія повинности (56). Законъ, впрочемъ, ясно ограждалъ ихъ отъ притѣсненій землевладѣльца (57). *Отроки* едва-ли подходили подъ всѣ условія неропховъ; этотъ классъ составлялъ, какъ намъ кажется, людей дворовыхъ, принадлежавшихъ господарю, составлявшихъ его свиту и несшихъ однѣ дворовыя работы.

(56) § XXIV. «О Неропхахъ законъ по всей землѣ: въ недѣлѣ два дни обязаны работать помѣщику и платить ему въ годъ одинъ *перперъ;* одинъ день косить сѣно, и одинъ день копать виноградъ...» Климатическія условія края, времени и отношеній житейскихъ могли позволить Сербскому селянину XIV в. нести въ недѣлю четырехдневную работу своему господину. Ниже § CXVIII «Если Неропхъ убѣжитъ отъ своего господина и будетъ пойманъ, то послѣдній имѣлъ право *да га осмоуди* (т. е. наложить клеймо), *и нось моу разьпори* и *оуемьчи*, взять обратно *да в опеть егова, а ино нища да моу не оузьме.*»

(57) Огражденіе правъ Неропха выражены въ § LXIX Законника. — Мы пользовались изданіемъ Шафарика въ Pámatky dřevniho pismenictvi Jihoslovanůw. V Praze 1851.

Изъ Законника видно, что отроками владѣло преимущественно одно высшее дворянство — властеле. Они принадлежали дому и переходили изъ рода въ родъ (58). Полагаемъ, что изъ этого класса людей властеле обязаны были выставлять войско, тѣмъ болѣе, что законъ запрещалъ разрознивать отроковъ отдачей ихъ въ приданое (59), чтобы всегда имѣть подъ рукой извѣстное число людей-воиновъ. Кромѣ этихъ двухъ классовъ, въ Законникѣ упоминаются еще *Себры*, значеніе которыхъ неизвѣстно, и сельскія сословія изъ народовъ покоренныхъ, какъ то: *Влахи* и *Арбанаши*. Города, отторженные отъ восточной Римской имперіи и населенные *Греками*, сохраняли свои права, выраженныя въ особенныхъ грамотахъ и указахъ (60), которыми они были ограждены. Упоминаются въ Законникѣ также *Саксы* (61), о которыхъ Шафарикъ замѣчаетъ, что это были наемные воины изъ Нѣмцевъ. Извѣстно, что при Стефанѣ Душанѣ въ Сербіи служили и Нѣмецкіе волонтеры.

Таково было внутреннее состояніе Сербіи въ эпоху Душана,—состояніе, не вполнѣ выраженное, отрывочно переданное потомству. Одинъ духъ *Сильнаго* въ состояніи былъ поддержать въ ней силу и единство. Мы возвратимся еще къ Сербіи при д угихъ обстоятельствахъ, когда Турки не одними временными набѣгами стали безпокоить области этой страны, но многочисленнымъ, правильно-устроеннымъ войскомъ внесли въ нее торжество корана надъ православіемъ. Теперь-же обратимъ вниманіе на другое государство, подобно Сербіи основанное въ древнихъ областяхъ восточной Римской имперіи, или, вѣрнѣе, слившее подъ одну власть разнородныя Славянскія племена, издревле обитавшія за Дунаемъ во Ѳракіи и Македоніи.

---

(58) § LXXVIII. «И отроки, принадлежащіе властелямъ, должны переходить къ нимъ по наслѣдству и дѣти ихъ должны вѣчно быть наслѣдственны владѣльцу.»

(59) Ibid. *а отрокъ оу пракию* (πρῖξ, ново-Греч. προῖκα) — *да се не да ни когда.*

(60) § LXXXIX. *Хрисовоуле и простагме.*

(61 Ibid. LXXXVIII.

V.

Два раза являлась *Болгарія* государствомъ самостоятельнымъ, и оба раза элементъ Ромео-Греческій пересиливалъ и подчинялъ себѣ ея своеобычное развитіе. Вѣрные нашему положенію, высказанному выше, мы намѣрены представить съ этой точки зрѣнія главнѣйшіе факты исторіи Болгаръ, подчинившіе ее мало-по-малу Византійскому вліянію, которое, только въ другой формѣ, держитъ эту несчастную страну еще и теперь въ угнетеніи.

Въ составъ Болгаріи въ обширномъ смыслѣ входили Славянскія племена, занимавшія пространство земель вдоль по Дунаю до рѣки Дравы, т. е. племена, поселенныя въ Молдавіи, Валахіи и южной Венгріи; далѣе за Дунаемъ отъ его устья до рѣки Моравы, и за тѣмъ разселенныя по Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи и части Албаніи. Исторія этихъ племенъ, содѣлавшихся уже съ V в. извѣстными Византійскимъ писателямъ, составляетъ такъ сказать заголовокъ исторіи Болгаръ Дунайскихъ. Находясь то въ дружественныхъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ къ Византіи, они наконецъ совершенно отложились отъ сей послѣдней и подъ знаменемъ *Кубратичей*, водруженнымъ на вершинахъ Балканскаго хребта, основали сильное, независимое свое господство (62).

---

(62) Объ этихъ Славянахъ и ихъ жилищахъ см. *Византійскихъ писателей* и Monumenta Germaniae *Перца*. За тѣмъ Vita S. Demetrii у Тафеля De *Thess. ejusque agro* въ отношеніи географическихъ положеній ихъ жилищъ. Касательно-же историческихъ данныхъ смотри изслѣдованіе Филарета, епископа Харьковскаго, въ Чт. Имп. Общ. исторіи и древностей, 1848, Кн. 6, *Св. Великомученикъ Димитрій.* Также Шафарика Slav. Staroz. T. II. § 30.—Представляя здѣсь перечень этихъ племенъ и ихъ жилищъ, не излишнимъ считаемъ замѣтить, что далеко не всѣ они, быть можетъ, сохранены лѣтописцами для потомства. Греческимъ писателямъ обязаны мы преимущественно сохраненіемъ отрывочныхъ объ нихъ извѣстій, которыя представлены, болѣе или менѣе, въ слѣд. порядкѣ. *Бодричи* и *Браничевцы*, первые у слитія Тимока въ Дунай и въ Верхней Венгріи на р. Боброкѣ; вторые, гдѣ нынѣ Панчово и въ его окрестностяхъ по обоимъ берегамъ Дуная. *Кучане* и *Тимочане*, — одни у Кучай-планины, на юго-востокъ отъ Браничева, другіе по

Посвятимъ нѣсколько словъ первому появленію Болгаръ на Дунаѣ. Орда смѣлыхъ наѣздниковъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшихъ между Волгой и Дономъ въ такъ-называемой Великой Болгаріи или Скиѳіи, движимая жаждою славы и корысти, въ первый разъ, сколько извѣстно, переходитъ Дунай въ 487 г. Дикія ихъ дружины, отброшенныя Ѳеодосіемъ отъ границъ имперіи, вторгаются снова въ 493 г. въ области Византіи, и спустившись съ горъ во Ѳракію, предаютъ ее грабежу и опустошенію. Третье ихъ нападеніе, записанное лѣтописями подъ 499 г., было также неудачно для нихъ, какъ и предшествовавшія. Долго потомъ не было слышно объ нихъ ни въ Византіи, ни въ подвластныхъ ей областяхъ, примыкавшихъ къ Дунаю; но около половины VII в. (634—641) они снова появляются на сцену исторіи подъ начальствомъ *Кубра-*

теченію Тимока, составляющему теперь границу между Сербіей и Болгаріей. Эти области, по догадкѣ Шафарика, назывались Нижнею или Болгарскою Моравой, жители которой носили названіе Мораванъ—Mareћani; *Нижнею*-же—для отличія отъ *Верхней* или *Велико-Моравскаго царства*. Въ Македоніи встрѣчаемъ слѣд. семь Славянскихъ племенъ: 1) Собственно называемыхъ *Славянъ* или Σκλαβινία и 2) *Берзитію*, Βερζητία, которыхъ топографическое положеніе не извѣетно. 3) *Смолены*—область, лежавшая на границахъ Ѳракіи и Македоніи по рѣкѣ Местѣ. 4) *Сакулаты* или *Сагудаты* обитали въ окрестностяхъ Солуня. 5) *Драговичи*, примыкавшіе къ Сагудатамъ. 6) *Ваюниты* и 7) *Рункуны*, — первыхъ жилища положительно не извѣстны, а вторые, упоминаемые въ житіи св. Димитрія, какъ сосѣди Струмянъ, жили близъ моря и извѣстны были морскими набѣгами. Вѣроятно, побережье при впаденіи Струмы было населено этимъ племенемъ. Во Ѳракіи извѣстны были двѣ Славянскія области: *Загорье*, простиравшееся по отлогости Балкана отъ нынѣшняго Чали-Кавака до Чернаго моря, и *Драговиція* — по рѣкѣ Драговицѣ (соед. съ р. Карловой и впадаетъ близъ Татаръ-Пазарджика въ Марицу), отъ которой Филиппопольскіе митрополиты получили и теперь еще носятъ титулъ экзарховъ Θράκης Δραγοβιτιάς. Что-же касается до Славянскихъ племенъ, жившихъ отдѣльными общинами въ Албаніи, Эпирѣ, Ѳессаліи и Пелопонезѣ, то исторія записала весьма не много объ нихъ извѣстій и только вскользь упомянула о *Велеюстичахъ* близъ залива Воло, о *Загорьи* у юго-западной части Пинда, о *Мильчанахъ* и *Езерцахъ* въ Пелопонезѣ. Не смотря однакожь на скудость историко-топографическихъ извѣстій, все пространство названныхъ земель, испещренное Славянскими названіями городовъ, горъ, рѣкъ, озеръ и урочищъ, достаточно свидѣтельствуетъ, кто были обитателями этихъ странъ въ смутную средневѣковую эпоху.

та, современника императору Ираклію, съ которымъ онъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ. *Аспарухъ*, одинъ изъ пяти сыновей Кубрата, почитается основателемъ Болгарскаго господства на Нижнемъ Дунаѣ, въ бывшемъ Буджакѣ, древне-Болгарскомъ *Онглъ* или *Углъ*, что между Дунаемъ, Прутомъ и Чернымъ моремъ. По побережью сего послѣдняго до г. Варны, и отъ устья Дуная вверхъ по его теченію до земли Аварской, тамъ, гдѣ, нѣсколько ниже города Смедерево, вливается въ Дунай Сербская Морава, — обитали *семь Славянскихъ племенъ* (63), издавна поселившихся на этомъ пространствѣ, носившемъ названіе Мизіи. Эти-то Славянскія племена были покорены Болгарами, когда предводитель ихъ Аспарухъ, присосѣдясь къ Дунаю, устремился по слѣдамъ Константина Пагоната, предпринявшаго въ 678 г. походъ, чтобы отбросить ихъ въ глубь Онгла. Слѣдовательно Добруджа и Дунайская долина, имѣя съ сѣвера р. Дунай, а съ юга цѣпь Гемскихъ горъ до Сербской Моравы, были границами Болгарскаго владычества на Дунаѣ въ первую эпоху водворенія ихъ въ областяхъ восточной Римской имперіи.

До появленія Крума, повелителя Тисскихъ Болгаръ въ первыхъ годахъ IX в., вышеочерченныя границы ихъ господства не измѣнялись. Крумъ происходилъ отъ четвертаго сына Кубрата, двинувшагося со своей ордой въ Паннонію, гдѣ онъ поселился, съ согласія Обровъ, на р. Тиссѣ и Марошѣ. Когда же родъ Кубратичей, линіи Аспаруха, прекратился въ концѣ VIII ст. на Нижнемъ Дунаѣ, то предводитель Тисскихъ Болгаръ, Крумъ, является также княземъ Болгаръ Мизійскихъ и завоеванія сихъ послѣднихъ принимаютъ болѣе широкіе размѣры.

Не будемъ входить въ подробности постепенныхъ завоеваній Болгаръ во Ѳракіи и Македоніи. Скажемъ только, что Крумъ, въ частыхъ своихъ походахъ противъ Грековъ, имѣлъ случай частію привлечь на свою сторону, частію покорить Сла-

---

(63) Σκλαβινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς. Theoph. Chronogr. T. 1, p. 549 ed. Bonnae.

вянскія племена, обитавшія въ Македоніи и Ѳракіи, которыя, полстолѣтіемъ позже, при Борисѣ, уже входили въ составъ Болгарскаго государства.

До *Бориса* (843) стремленіе къ государственной централизаціи Болгаръ было задержано постоянными войнами, направленными преимущественно противъ Грековъ. Первые годы правленія самаго Бориса носятъ тотъ-же бранолюбивый характеръ, какой отличаетъ правленіе его предшественниковъ (64). Одна христіанская вѣра остановила его на пути завоеваній, а утвержденіе его за Дунаемъ, въ Великой Прѣславѣ, положило начало государственному развитію Болгаріи.

Долголѣтній миръ съ Восточной имперіей и дружественныя съ нею сношенія дали возможность Борису поставить себя въ положеніе самостоятельное, тѣмъ болѣе, что онъ, принявъ отъ Византіи христіанское ученіе, не смотря на происки Рима, торжественно призналъ также надъ Болгаріей главенство Константинопольскаго патріаршаго престола. Борисъ оставилъ *Симеону* государство, котораго границы простирались отъ Великой или Болгарской Моравы вдоль по теченію Дуная до его устья; отсюда все побережье Чернаго моря до Бургасскаго залива; за тѣмъ часть сѣверной Ѳракіи, земли Верхней Албаніи и почти всю Македонію до рѣки Ибара, составлявшей въ его время границу Болгаро-Сербскую. Кромѣ этихъ земель, онъ обладалъ обширными областями по сю сторону Дуная — въ Дакіи, Седмиградіи, по Тиссѣ и Марошу, но по недостатку указаній трудно обозначить границы этихъ областей (65).

Воспитанный въ Цареградѣ, усвоивши себѣ тогдашнюю образованность Грековъ настолько, насколько она могла возвысить и облагородить въ немъ народность Болгарскую, Си-

---

(64) Завоеванія и измѣненіе границъ Болгарскаго государства при Борисѣ См. «Вѣкъ Болг. царя Симеона». С.Пб. 1852. стр. 29—33.

(65) Подробнѣе о границахъ Болгаріи въ X в. См. *Шафарика* Slav. Slarox. T. II, § 30. Также «Вѣкъ Болг. царя Симеона». стр. 29 seqq.

меонъ явился повелителемъ многочисленнаго народа (66), съ болѣе развитыми понятіями о значеніи династическаго достоинства. Принявъ титулъ *царя Болгарскаго*, онъ возбудилъ тѣмъ въ Цареградѣ серьезное опасеніе. Установленіемъ-же въ Прѣславѣ независимаго духовенства, Симеонъ развилъ еще болѣе вражду между двумя правительствами, продолжавшуюся почти во все время его царствованія (67). Рѣдкое явленіе представляла Болгарія въ Славянскомъ мірѣ въ исходѣ IX вѣка и началѣ X. Проходитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея обращенія въ христіанство и уже она становится центромъ Славянскаго образованія, центромъ и разсадникомъ того самаго образованія, которое было вытѣснено Римскимъ католичествомъ изъ Велико-Моравскаго княжества. Понятно опасеніе Цареградскаго двора при видѣ столь быстраго, своеобычнаго развитія Болгарской народности, главнымъ двигателемъ которой явился Симеонъ. Сначала Византійцы съ пренебреженіемъ смотрѣли на громкій титулъ царя Болгарскаго и на введеніе въ Болгарію народныхъ пастырей, вмѣсто назначеннаго

---

(66) Болгарскій народъ во всѣ времена былъ гораздо многочисленнѣе Грековъ (*). Свидѣтельствомъ этому мы имѣемъ положительное извѣстіе одной Греческой грамоты XIV в., гдѣ ясно говорится о численномъ превосходствѣ Болгаръ надъ Греками. Грамота эта, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, касающимися политическихъ и церковныхъ дѣлъ Болгаръ, была сообщена мнѣ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ, изъ богатаго собранія Греческихъ грамотъ, переписаннаго для него въ императорской Вѣнской библіотекѣ.

(*) Общеизвѣстна цифра населенности Ново-Греческаго королевства. Единоплеменники ихъ, обитающіе въ Европейской и Азіатской Турціи, на островахъ Іоническихъ, Эгейскаго и Средиземнаго моря, не превышаютъ 1,800,000. Прибавивъ къ нимъ цифру новѣйшей статистической вѣдомости народонаселенія королевства 1,043,153 (Le Moniteur Grec, 1856, 27 мая), получимъ 2,843.153. Между тѣмъ, недавно основанный въ Аѳинахъ журналъ Ἥλιος (1855, 23 декабря) насчитываетъ 10,000,000 Грековъ и 4,000,000 готовыхъ огречиться Болгаръ (ἑλληνιζόντων Βουλγάρων), и чрезъ 30 лѣтъ обѣщаетъ 30 милліоновъ чисто-Греческаго племени!!! Любителей парадоксовъ отсылаемъ къ вышеозначенному журналу, къ статьѣ, озаглавленной: *Двѣ Эллады, зримая и незримая* — Αἱ δύο ἑλλάδες ἡ ὁρατὴ καὶ ἡ ἀόρατος.

(67) О Болгарскомъ народномъ духовенствѣ мы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія во *Временникѣ*, 1855, № 21, въ статьѣ: *Синодикъ царя Бориса*, ркп. XIV в.

Константинопольскимъ патріаршествомъ Греческаго церковнаго причта (68). Это повело къ долголѣтнимъ войнамъ между Болгарами и Греками. Но пренебреженіе и надменность дорого стоили Византійцамъ, и исторія записала, какъ гордый наслѣдникъ кесарей, Романъ, униженно, почти у ногъ Болгарскаго царя, просилъ мира для своей имперіи (69).

Постоянная неудача Греческаго оружія на нѣкоторое время отсрочила стремленіе Византійцевъ подчинить Болгарію политической и духовной суперматіи Цариграда. *Петръ*, наслѣдовавъ Симеону Болгарскій престолъ въ 927 г. мимо старшаго брата Михаила, и породнившись съ императорскимъ домомъ, положилъ тѣмъ начало будущаго господства Ромео-Греческаго элемента надъ Болгаріей (70). Вѣрно были разсчитаны средства остановить это государство на пути его политическаго развитія. Иначе и быть не могло: Византійцамъ оставалось на выборъ, — или перенести въ Азію государственную свою дѣятельность и отказаться отъ Европейскихъ своихъ провинцій, а можетъ быть и отъ царственнаго града кесарей, или-же, во чтобы то ни стало подчинить Болгаръ своей власти. Они смѣло принялись за послѣднее и сорокалѣтнее царствованіе Петра Симеоновича показываетъ, какъ далеко отстала Болгарія отъ стремленій Симеона, съ другой-же стороны, какъ далеко ушла

---

(68) Сохранились письма патріарха Николая Мистика къ Симеону, изъ которыхъ видно, что послѣдній удалилъ изъ Болгаріи Греческихъ священниковъ и замѣнилъ ихъ Болгарскими. Письма эти хранятся въ Ватиканѣ и напечатаны въ Spicil. Romanum, изданномъ Анжело-Маи въ Римѣ.

(69) Подробнѣе см. *Вѣкъ Бол. царя Симеона.*

(70) Петръ родился отъ втораго брака Симеона съ сестрою боярина Георгія Сурсубула. Старшій сынъ его Михаилъ, рожденный отъ перваго брака, былъ еще при жизни отца постриженъ въ монахи. Сурсубулъ, назначенный опекуномъ молодому Петру и вмѣстѣ съ тѣмъ правителемъ царства, думалъ, что родственнымъ союзомъ съ Византіей обезпечитъ власть своего племянника, въ случаѣ еслибы Михаилъ, жившій въ заточеніи, вздумалъ-бы предъявить свои права на царство. По этому, особеннымъ посольствомъ, въ которомъ онъ принималъ лично главное участіе, заключенъ былъ съ императоромъ Романомъ миръ, скрѣпленный брачнымъ союзомъ Маріи, дочери кесаря Христофора и внуки императора, съ Петромъ.

впередъ Византійская политика, быстро приближаясь къ предположенной цѣли. Призваніе Святослава Игоревича на Болгаръ, и, подъ предлогомъ изгнанія Руссовъ изъ Болгаріи, — занятіе Цимисхіемъ главнѣйшихъ укрѣпленныхъ мѣстъ по восточному хребту Балканъ, явно показали, къ чему стремился Византійскій дворъ, но было уже поздно. Не доставало оффиціальности этому предательски-подготовленному присоединенію Болгаріи къ восточной Римской имперіи. Эта оффиціальность проявилась въ низложеніи патріарха Дамiана и въ подчиненіи Болгарской церкви духовной власти Царяграда. Но дѣло этимъ не кончилось. Былъ еще въ-живыхъ наслѣдникъ и сынъ Петра, *Борисъ*, довѣрчиво признавшій покровительство Цимисхія надъ собою и Болгаріей. Облеченнаго въ знаки царскаго сана Цимисхій призвалъ его во дворецъ. И неслыханное событіе совершилось въ палатахъ кесарей, — когда, отдавшемуся подъ покровительство Грековъ Борису, вмѣсто гостепріимныхъ почестей, Цимисхій приказалъ сложить съ себя эти знаки, торжественно объявивъ конецъ независимости царства Болгарскаго.

Борисомъ кончается династія Кубратичей (ок. 972) на Дунаѣ. Смерть Іоанна Цимисхія (976) пробудила, но не надолго, восточныхъ Болгаръ отъ усыпленія, и возстаніе воеводы Шишмана и четырехъ его сыновей не имѣло большаго успѣха. Укрѣпленныя мѣста по Дунаю, по Черному морю и по восточному хребту Балканъ были заняты Греческими гарнизонами. Видя невозможность завладѣть ими, отважные сыновья Шишмана бросились въ Македонскія горы, въ Албанію и Ѳессалію и одинъ изъ нихъ, *Самуилъ*, основалъ свое пребываніе сначала въ Преспѣ, а потомъ въ Охридѣ. Здѣсь, окруженный сплошнымъ племенемъ Сербо-Болгарскихъ Славянъ, Самуилъ могъ бросить сѣмена будущей самостоятельности, что однакожъ предвидѣлъ Константинопольскій дворъ и рѣшился уничтожить самые слѣды Болгарскаго владычества. Императоръ Василій, прозванный Болгароктономъ (Болгаробойцемъ), успѣлъ вполнѣ въ семъ предпріятіи и натискомъ всѣхъ силъ имперіи, продол-

жавшимся тридцать лѣтъ (981—1019), уничтожилъ новообразовавшееся царство. До конца XII в. изрѣдка и только тѣнью проявлялись поборники Болгарской свободы въ лицахъ нѣкоторыхъ храбрыхъ воеводъ, какъ-то: Доляна, Алузіана, Петра Боди и др., но возвратить Болгаріи прежнюю ея независимость удалось только династіи Асѣней.

С. Н. Палаузовъ.

III.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РУКОПИСИ

БИБЛІОТЕКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ дополненіе къ описанію Славяно-Русскихъ историческихъ рукописей библіотеки Императорскаго Казанскаго университета (*), представляю краткое обозрѣніе рукописей такого-же содержанія, писанныхъ на разныхъ другихъ Европейскихъ языкахъ. Порядокъ описанія принимаю также алфавитный.

I. BILANCIO POLITICO DEL COMMERCIO. XVIII *в.* № 1896 *Докум. Кат.*

Книга въ листъ, въ синемъ папковомъ переплетѣ. Писана тщательно. Всѣхъ страницъ 174 и одна таблица. Полное заглавіе этой рукописи слѣдующее: *Prefazione dell' Inspettore Generale Scorza apposta al Bilancio Politico del Commercio dello Stato di Milano dell' anno* 1778.

Авторъ сначала говоритъ вообще о торговомъ балансѣ, потомъ въ частности, и довольно подробно, разсматриваетъ привозъ и вы-

(*) Жур. м. н. пр. Ч. LXXV, LXXXIII, XC, отд. III.

возъ (l'importazione e l'esportazione) предметовъ царства ископаемаго, растительнаго и животнаго, всегда сравнивая между собою 1769 и 1778 годы. Послѣ этого въ особыхъ приложеніяхъ (allegati) разсматриваетъ: 1) общее сравненіе баланса 1769 и 1778 г., 2) балансъ торговли Милана съ Австрійскими провинціями, 3 и 4) сборъ хлѣбовъ; 5) сборъ шелка, 6) сборъ сыра, 7) esistenza delle bergamine, 8) народонаселеніе.

Въ концѣ приложена особая таблица на листѣ, содержащая въ себѣ *Bilancio del commercio politico dello stato di Milano in tre prospetti. Primo per l'anno* 1769. *Secondo per l'anno* 1778 *alla stima del* 1769. *Terzo per l'anno* 1778 *alla nuova stima co' rispettivi confronti. e col prod.^to di Fin.^ra del* 1778.

Рукопись эта есть собственно представленіе или донесеніе г. Скорцы королевской камерѣ графовъ (Regio Camera de'Conti). Въ окончаніи рукописи сказано: *Sono col maggior ossequio Milano. Pmo Maggio* 1783.

II. CHOU-KING. XVIII *в.* № 15321 *Док. Кат.*

Книга въ листъ, переплетена въ синюю китайку. Писана на китайской бумагѣ. Всѣхъ листовъ 173. На оборотѣ верхней доски рукою бывшаго профессора Китайскаго языка архимандрита Даніила (Сивиллова), отъ котораго была пріобрѣтена библіотекою эта рукопись, надписано: «Переводъ на Латинскомъ языкѣ древней Китайской лѣтописи Шу-дзинъ».

Первые три листа — бѣлые.

Л. 4. *Monitum lectori circa versionem libri Chou King.* Здѣсь переводчикъ — имя котораго, къ сожалѣнію, нигдѣ не упомянуто, объясняетъ, что онъ занимался переводомъ въ часы досуга отъ занятій миссіонерскихъ и гидравлическихъ, которыя производилъ во дворцѣ Богдыхана (это обстоятельство можетъ служить указаніемъ при опредѣленіи имени переводчика) и еще потому, что Французскій переводъ Гобиля былъ отправленъ въ Европу, но извѣстій о немъ не было никакихъ. Латинскій-же языкъ выбранъ имъ для перевода потому, что онъ употребителенъ и извѣстенъ между всѣми миссіонерами въ Китаѣ болѣе, нежели языкъ Французскій. Кромѣ комментарій Китайскихъ на книгу Шу-Цзинъ, переводчикъ руководствовался также переводомъ

этой книги, сдѣланнымъ Гобилемъ. (Chou King etc. Traduit du chinois par le P. Gaubil et enrichie des notes par M. Desguines. Paris 1770, in 4°).

Л. 6. *Prefatio in librum Chou-king.* Изслѣдованіе о времени сочиненія этой книги, о Китайскихъ ея изданіяхъ; о содержаніи ея, и т. п.

Л. 11. *Introductio ad Chronologiam libri Chouking* — раздѣлено на слѣдующіе четыре параграфа: 1) *Variae temporis divisiones*, 2) *Constellati nes sinicae vulgo eul-eul-che-pa-sou*, 3) *De cyclis* и 4) *Usus cyclorum in chronologiâ sinicâ.*

Л. 17 — бѣлый.

Самый переводъ начинается съ 18 листа, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Antiquissimi Sinarum annales sive liber classicus Chang-chou vel vulgatius Chou-King.* Въ переводѣ всѣ собственныя имена, а также названія частей книги и тому подобныя слова написаны по-Китайски съ подстрочною транскрипціею ихъ произношенія.

Но вообще должно сказать, рукопись эта писана не большимъ латинистомъ. Видно, что переписчикъ, не разбирая словъ, копировалъ ихъ черта въ черту и отъ того надѣлалъ много грубыхъ ошибокъ въ словахъ самыхъ обыкновенныхъ. По-крайней-мѣрѣ это болѣе замѣтно на первыхъ 17 листахъ. На-примѣръ: *mibi* = mihi, *mascimé* = maximé, *untiquorum* = antiquorum, *gleriam* = gloriam, *desnastiae* = dynastiae, *esc* = ex и т. д. Не писанъ-ли этотъ манускриптъ Китайцемъ? Тѣмъ болѣе позволительно такое предположеніе, что Китайскія буквы писаны вообще хорошо и правильно.

III. LE COMUNITA. XVIII *в.* № 5134 *Док. Кат.*

Книга въ листъ, въ папковомъ переплетѣ. Листы обрѣзаны лѣсенкою по алфавиту, какъ принято въ конторскихъ книгахъ. Всѣхъ листовъ 54. На ярлычкѣ, наклеенномъ не верхней доскѣ переплета, надписано заглавіе: *Le comunità componenti lo Stato di Milano esposte per ordine alfabeticoil* g*ño* 12 *luglio MDCCXC.* Было MDCCXCI, но I зачеркнута. Перечень этотъ составленъ въ видѣ таблицъ. Всѣ страницы раздѣлены вдоль на пять полосъ: въ первой — *Comunità*, во второй — *Pieve*, въ третьей — *Delegazione*, въ четвертой — *Provincia*, въ пятой — *Popolazione*.

Comunita.	Pieve.	Deleg[e].	Prov[a].	Popol[e].
Abbiategrasso. . .	Corbetta	XVI.	Pavia	5125.
Acqua bella. (unita.	a Segrate	s —	Milano	Gregorio-vecchio.
Acqua longa. . . .	—	VIII.	Cremona	442.
— — Badona.	—	IV.	detta	. . . . .
Acqua negra.. . .	Zezio inferiore.	—	Como	. . . . .
и т. д.				

Таблицы эти довольно любопытны для статистики Миланской области.

IV. CONSIDÈRATIONS SUR L'EMPIRE RUSSE. XVIII *в.* № 2158 *Док. Кат.*

Книга въ четверть листа, въ красномъ папковомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Писана очень тщательно. Всѣхъ страницъ 388 (ошибочно показано 389; см. стр. 87—88). Полное заглавіе помѣщено на страницѣ 5-й: *Considérations sur l'Empire Russe par Mr Formaleoni, à Venise* 1790.

На страницѣ 4 нарисована тушью аллегорическая картина, на которой изображена женщина, стоящая между Меркурія и Беллоны; два генія возлагають ей на голову вѣнки лавровый и розовый; у ногъ ея сидитъ другая женская фигура, подпершая голову правою рукой, а въ лѣвой держащая скипетръ; у ногъ лежитъ корона.

Стр. 7—14 оставлены бѣлыми, можетъ-быть, для предполагавшагося предисловія или посвятительнаго посланія.

Съ 15 страницы начинается самый текстъ, раздѣленный на восемнадцать главъ: 1) Monarchies universelles: Assyriens, Persans, Grecs, Romains, Empires des Arabes, des Francs, des Turcs. 2) Monarchie Espagnole sous Charles V. Causes de ses progrès et de sa décadence. 3) Monarchie françoise sous Louis XIV. Balance politique de l'Europe. 4) Décadence de l'Empire Ottoman. Élévation de l'Empire de Russie. 5) Causes de la formation et du dépérissemeut des anciennes monarchies. 6) Source de la puissance de l'Empire Russe. Étendue, population, barrières. 7) Avantages des Russes sur les Turcs. 8) Impuissance des Alliès de la Porte Ottomane. 9) Caractères

des Russes. Etat de la Grèce. Considèrations sur le systéme militaire et sur l'esprit de liberté renaissant en Europe. 10) La balance politique de l'Europe ne sauroit étre renversé par la destruction de l'Empire Turc. 11) Génie militaire des Russes. Parallèle entre les Russes et les Romains. 12) La Russie est appellée au commerce de l'Inde. Tableau des Anglois au Bengale. 13) Premières tentatives des Czars dans le siècle XVI. Projets de Pierre le Grand. Plan à suivre par les Russes pour le commerce de l'Inde. 14) Avantages du trafic indien par la voie de terre. Les Russes jouissent d'une superiorité decidée sur toutes les anciennes nations qui firent ce commerce. 15) Desavantages de la Russie и т. д. Двѣ послѣднія статьи 18-ей главы озаглавлены такъ: Services rendus par la Russie à l'Europe. Eloge de Catherine II.

V. DESCRIPTION DE MEDAILLES ANTIQUES. XIX *в.* № 1769 *Док. Кат.*

Книга въ восьмую долю листа, въ корешковомъ переплетѣ. Всѣхъ страницъ 673. Рукопись эта содержитъ въ себѣ *вторую часть* описанія древнихъ медалей Міоннѐ: *Description de médailles antiques grecques et romaines avec leur degré de rareté et leur estimation etc. par T. E. Mionnet.*

Копія эта сдѣлана строка въ строку и страница въ страницу съ печатнымъ изданіемъ 1807 года. На заглавномъ листѣ сдѣлана приписка: *Commencé le* 1 *juin* 1837 *et finit de le copier le* 15 *Octobre de la même année, à cette époque ce deuxieme volume étant très rare et même difficile à trouver, j'ai entrepris de le copier.* На другомъ листѣ приписано: *à Paris copié de l'ecriture de.....* (двѣ строки, въ которыхъ было имя переписчика, зачеркнуты) — 1837.

Рукопись эта доставлена въ библіотеку Берлинскимъ книгопродавцемъ Финке, вмѣстѣ съ прочими частями всего экземпляра сочиненія Міоннѐ. Отъ того полный экземпляръ этого сочиненія обошелся библіотекѣ во 176 р. 78¾ к. сер.

VI. DISCOURS SUR L'UTILITÉ DES MONUMENS PUBLICS. XVIII *в.* № 1578 *Док. Кат.*

Рукопись, писанная на александрійской бумагѣ in-4°, что все равно infolio. Переплетена въ кожу, съ золотымъ обрѣзомъ. На

корешкѣ оттиснуто: «Discou. sur les monum.» Доски снаружи и внутри обведены золотыми коймами. По угламъ золотые оттиски Георгія Побѣдоносца на конѣ, поражающаго копьемъ змія. По срединѣ золотые двуглавые орлы подъ короною; на груди гербъ Московскій; по крыльямъ 6 гербовъ. Листовъ, кромѣ бѣлыхъ, 44. Писано тщательно и красиво. На каждой страницѣ сдѣланы красками чрезъ трафаретъ бордюры изъ цвѣтовъ.

На 1-мъ листѣ: *Discours sur l'utilité et les avantages des monumens publics en tous les genres. Adressé à Messieurs de l'Académie des Sciences, Inscriptions et Belles Lettres de Saint-Pétersbourg. Suivi d'une Description de monument public dedié et consacré à la gloire de Catherine Alexiewna II, Imperatrice des Russes. Par M. l'Abbé de Lubersac, nôble françois vicaire général du Diocèse de Narbonne, Abbé commendataire de Noirlac et Prieur de Brives, des academies des Arcades, de Rome, de Naples, de France etc.* Слова des académies и проч. приписаны рукою самого Люберсака.

Л. 2 и 3: Посвятительное письмо Екатеринѣ II, полное высокихъ хваленій. Подписано: le très humble et très obéissant serviteur l'abbé Comte de Lubersac. France. Paris le 20 9-bre 1778.

Въ текстѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы поправки и перемѣны рукою Люберсака.

Это разсужденіе оканчивается на 38 полулистѣ.

Л. 39: *Description d'un monument public projété pour etre élevé à Saint-Pétersbourg et consacré à la gloire de Catherine II, Imperatrice de toutes les Russies. Par M. l'abbé de Lubersac, noble françois.*

Этотъ монументъ былъ-бы что-то въ родѣ Мюнхенской Валгаллы, или храма въ честь апоѳеозы императрицы Екатерины. II. На храмѣ Люберсакъ предлагалъ сдѣлать надпись: «*Catharina II Tethis altera*» и проч. Оборотъ 42 листа и часть 43, содержавшіе описаніе того, какъ Юпитеръ приноситъ жертву Екатеринѣ, перечеркнуты; и съ боку рукою Люберсака приписано: tout ceci n'est point rendu sur le tableau du monument.

Въ концѣ описанія также рукою автора прибавлено: par M. l'abbé Comte de Lubersac noble français en 1778. Envoyé de Paris cette même année à St. Pétersbourg.

VII. FORMULA REGIMINIS CURLANDIAE. XVIII *в.* *№* 9279 *Док. Кат.*

Книга въ четверть листа безъ переплета. Листовъ 48. Полное заглавіе: *Formula Regiminis Curlandiae ejusque Jura et Leges, Statuta sic dicta; secundum originale.* А внизу написано: *C. Voigdt.* 1797.

Это списокъ грамоты 18 марта 1617 года, данной коммиссарами Сигизмунда III, короля Польскаго: Іоанномъ Кочборскимъ (Koczborski) епископомъ Померанскимъ, Адамомъ Тальвуа (Taluois), Максимиліаномъ Пршеребскимъ (Przerebski), Андреемъ Млечко (Mleczko) и Вильгельмомъ Коханскимъ (Kochanski) въ Митавѣ, въ подтвержденіе разныхъ правъ и привилегій Курляндцевъ. На поляхъ указаны всѣ сокращенія подлинника. На-прим. въ копіи вездѣ писано: *Dominis, Domini* и проч., а на полѣ всегда замѣчено: *im Orig. abrevirt* и т. п.

Въ концѣ, л. 43—48, помѣщены: *Anmerkungen zur Kurlandischen Regimentsformeln.* Эти примѣчанія составлены самимъ переписчикомъ К. Фогтомъ.

VIII. FRIEDENS-TRACTATEN. XVIII *в.* *№* 9280 *Док. Кат.*

Книга въ четверть листа, въ папковомъ переплетѣ. Всѣхъ листовъ 59. На верхней доскѣ наклеенъ ярлычекъ съ надписью: *Nystadtscher und Aboischer Friedens-Tractat.*

Трактатъ Ништадтскаго договора 1721 года занимаетъ 47 листовъ (93 страницы).

Листы 48—59 заключаютъ въ себѣ печатную брошюру: Ewiger Friedens-Tractat zwischen dem Russischen Reiche und der Kron Schweden den 7. aug. 1743 zu Abo geschlossen. 1743. Мѣсто печатанія не означено. Сверху заглавія надписано чернилами: *Prod...... in Collegio justitiae d.* 17 *Aug.* 1752.

IX. HISTOIRE DES MING. XVIII *в.* *№* 15320 *Док. Кат.*

Книга въ листъ въ новомъ корешковомъ переплетѣ, писана на китайской бумагѣ. Всѣхъ листовъ 261 (стр. 6 и 509).

Сначала идетъ *Preface à l'histoire des Ming* (стр. 1—6). Это предисловіе начинается такъ: Lorsq j'eus achevé l'histoire des Yuen ou mongou tartares ou finit l'histoire authentiq de Chine qui ait parue jusq'icy en public, je voulois attendre q'on fit paroitre celle des Ming avec la mesme authorité pour la joindre aux dynasties qui l'ont precedées, plus[rs] raisons m'ayants déterminés à ne pas pousser plus loin l'histoire gñle de Chine q je donnois à l'Europe. И прочее.

Послѣ предисловія начинается самая «Исторія» подъ такимъ заглавіемъ: *Histoire générale de Chine Dynastie des Ming.* Она раздѣлена на 20 книгъ (livres) и обнимаетъ событія отъ 1364 до 1644 года включительно. На поляхъ показаны годы и сдѣланы разныя примѣчанія. Во многомъ она почти буквально сходна съ переводомъ «Тунъ-цзянъ ганъ-му» де Моаріакъ де Маллья (Histoire générale de la Chine etc. par le feu Pére Joseph-Anne-Marie de Moyriac de Mailla etc)-томъ X-только авторъ вездѣ говоритъ отъ своего лица и ссылается на свои исторіи другихъ Китайскихъ династій. На прим.

Рукопись стр. 1.

Tchu yuen tchang fondat[r] de la dynastie des Ming estoit comme je l'ay indiqué sur la fin de la dynastie des Yuen, fils d'un labour[r] fort pauvre qui demeuroit dans un village de la despend[ce] de Sse-tcheou du despartem[t] de Fong yang-fou de la prov[ce] du Kiang nan; Tchu yuen tchang estoit le cadet de 4 fils q'avoit son père et d'une complexion si foible q Ses parens craign[s] de le perdre etc.

Переводъ Маллья, X, стр. 1.

Tchu-yuen-tchang, fondateur de la dynastie des Ming, étoit le second des fils d'un pauvre laboureur, qui demeuroit dans un village de la dependence de Ssé-tcheou, du département de Fong-yang-fou de la province du Kiang-nan. Ses parens, craignant de le perdre, parce qu'il étoit d'une complexion delicate, etc.

Можно думать, что эта исторія есть переводъ той-же Ганъ-му (*), а раздѣленіе на главы и ссылки на другія исторіи позволяютъ предположить, что разсматриваемая рукопись едва-ли не переводъ (и даже не автографъ-ли) знаменитаго іезуита Антонія

(*) Исторія «Тунъ-цзянъ ганъ-му» сокращенно называется Китайцами просто «Ганъ-му» а иногда, впрочемъ рѣже, «Тунъ-цзянъ».

Гобиля, который, какъ извѣстно, въ дополненіе своей «Исторіи Чингисъ-Хана» (L'histoire de Gentchiscan et de toute la dynastie de Mangoux. Paris, 1739) написалъ исторію нѣкоторыхъ Китайскихъ династій и послалъ свои рукописи въ Европу, но до-сихъ-поръ найдена только одна «Исторія династіи Танъ» (Memoires concernant les Chinois, XV, XVI).

X. REISE. XVIII *в.* № 7866 *Док. кат.*

Книга въ восьмую долю листа въ кожаномъ переплетѣ. Всѣхъ страницъ перемѣченныхъ 213.

На бѣломъ листѣ, приклеенномъ къ обороту верхней доски, написано: *Forthgesetzte Reisen mit dem Jüngen Graffen von Reventlow. Erste Reise: Von Hamburg über Holland, Brabant, Frankreich, Italien und wieder zurück durch teutschland biss Hamburg. Andere Reise: Von Hamburg durch Holland Brabant, Frankreich, England, Frankreich, Wien, Dresden Leipzig und zürück nach Hamburg.*

Рукопись эта содержитъ въ себѣ краткія путевыя замѣтки, веденныя однимъ изъ спутниковъ—едва-ли не гувернеромъ—графа Ревентлова. Вездѣ сказано, въ которомъ часу утра или вечера пріѣхали въ какой-нибудь городъ, чтò осматривали въ немъ, когда выѣхали изъ него — и только. Особенныхъ замѣчаній о лицахъ, встрѣчавшихся въ путешествіи, нигдѣ нѣтъ.

Первое путешествіе, продолжавшееся съ 5 марта 1712 года по 19 іюля 1714, описано на 181 страницѣ. Второе (стр. 185—213) предпринято было въ ноябрѣ 1714 года и окончено въ маѣ 1719. Оно описано еще короче перваго и, какъ надобно полагать, уже по возвращеніи въ Гамбургъ, потому что маршрутъ по днямъ не показанъ, какъ въ первомъ путешествіи.

Составитель этого дневника нигдѣ себя не именуетъ, но вездѣ говоритъ во множественномъ числѣ: Wir, Wir kommen, Wir gangen, Wir fahren и проч.

XI. ROEMISCHE KAISERGESCHICHTE. XVIII *в.* № 7860 *Док. Кат.*

Книга въ четверть листа въ папковомъ переплетѣ. Всѣхъ листовъ 128.

Полное заглавіе этого манускрипта слѣдующее: *Römische Kaisergeschichte von Carolo magno an bis auf Iosepho I.*

На корешкѣ-же переплета наклеенъ ярлычекъ съ надписью: *Notationes ad Historiam. Essig.*

Событія изложены вездѣ кратко, и въ подробностяхъ вездѣ ссылки на исторію Эссига, которой эта рукопись, какъ кажется, служитъ дополненіемъ и комментаріемъ.

А. Артемьевъ.

V.

ИСТОРІЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ЖИЗНЬ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ЯКОБИ.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ЛЕЖЕНОМЪ-ДИРИХЛЕ ВЪ ПАМЯТЬ ЕГО, ВЪ БЕРЛИНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 1 ІЮЛЯ 1852 ГОДА (*).

Рѣшаясь изобразить ученую дѣятельность величайшаго изъ математиковъ, бывшихъ послѣ Лагранжа дѣйствительными членами нашей академіи, я живо сознаю затрудненія, мнѣ предстоящія. Не легка задача представить всю важность заслугъ человѣка, который, избравъ предметомъ своихъ изслѣдованій почти всѣ отрасли науки, развивавшейся въ теченіе двухъ тысячелѣтій, вездѣ, куда-бы не обращался онъ, открывалъ новыя истины и, вводя новыя основныя идеи въ науку, много способствовалъ къ усовершенствованію математическаго анализа. Одно только убѣжденіе, что подобныя заслуги предъ наукою возлагаютъ долгъ благодарности на каждаго ученаго, могло подавить во мнѣ тѣ сомнѣнія,

(*) Хотя эта рѣчь не есть новость въ литературѣ, но мы рѣшились сдѣлать ее извѣстною читателямъ нашего журнала въ переводѣ на отечественный языкъ, потому-что она содержитъ біографію одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ нашего вѣка, о жизни котораго и заслугахъ наукѣ, сколько намъ извѣстно, у насъ ничего не было писано. *Примѣчаніе редакціи.*

которыя порождаетъ сознаніе собственнаго безсилія; тѣмъ болѣе, что никто не обязанъ столь много покойному, какъ я, не только споспѣшествуемый учеными трудами его, подобно всѣмъ сотрудникамъ по наукѣ, но и извлекавшій пользу и поученіе изъ долговременныхъ и близкихъ сношеній съ великимъ геометромъ.

Карлъ Густавъ Яковъ Якоби, сынъ достаточнаго купца, родился въ Потсдамѣ 10 декабря 1804 года. Дядя его, со стороны матери, г. Леманъ (Lehmann), былъ его первымъ наставникомъ, и съ ними-то молодой Якоби началъ изученіе древнихъ языковъ и основаній математики. Благодаря благоразумію этого перваго учителя, который не столько долженъ былъ понуждать способнаго своего ученика, сколько направлять умственную его дѣятельность, Якоби развивался чрезвычайно быстро, такъ-что уже на двѣнадцатомъ году своей жизни былъ принятъ во второй классъ Потсдамской гимназіи, изъ котораго черезъ полгода былъ переведенъ въ первый. Въ послѣднемъ онъ оставался въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ для того, чтобы, достигнувъ 16-лѣтняго возраста, посѣщать университетскія лекціи. Способъ изучать математику, какъ науку одной памяти, не могъ соотвѣтствовать умственному развитію молодаго Якоби, и потому отношенія его къ учителю были сначала неблагопріятны; въ послѣдствіи однако они перемѣнились, ибо благоразумный учитель предоставилъ болѣе свободы необыкновенному своему ученику. Такимъ образомъ Якоби изучалъ «Introductio» Эйлера, въ-то-время-какъ остальные товарищи его учили на-память основныя начала математики, не понимая ихъ. О высокой степени умственнаго развитія Якоби, въ это время, свидѣтельствуетъ опытъ его рѣшить уравненіе 5-й степени, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій.

Не одинъ уже изъ математиковъ, достигшихъ славнаго имени, испытывалъ силы свои въ рѣшеніи этой задачи, и понятенъ интересъ, который имѣла задача эта для каждаго пробуждающагося таланта, когда еще невозможность ея рѣшенія не была доказана; къ знаменитости, которую сообщили ей столь многія тщетныя усилія, присоединялось еще и то обстоятельство, что задача эта, примыкая къ самымъ основнымъ началамъ математики, казалось, не требовала глубокихъ знаній.

Въ университетѣ Якоби занимался филологическими, философскими и математическими науками. Принимая участіе въ упражне-

ніяхъ филологической семинаріи, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе сослуживца нашего Бёка (Böckh), бывшаго начальникомъ этого института и полюбившаго молодаго человѣка за его проницательный и оригинальный умъ. Якоби, какъ кажется, рѣдко посѣщалъ математическія лекціи, которыя, по причинѣ элементарности, не могли приносить пользы молодому ученому, уже знакомому съ главнѣйшими трудами Эйлера и Лагранжа; за то онъ тѣмъ съ большею ревностію изучалъ математическую литературу и особенно старался пріобрѣсти общій взглядъ на огромныя сокровища, собранныя въ здѣшнихъ книгохранилищахъ. Не довольствуясь однимъ только собираніемъ познаній, но всегда стремясь къ совершенному обладанію предметами занятій, Якоби, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, убѣдился въ необходимости отказаться или отъ филологіи или отъ математики. Такъ-какъ выборъ его оказался въ послѣдствіи столь важнымъ, не только для него, но и для науки, которой онъ исключительно посвятилъ себя: то, я полагаю, будетъ интересно узнать отъ него самого причины, рѣшившія его сомнѣнія. Вотъ, что онъ пишетъ по этому поводу къ своему дядѣ, о которомъ мы уже выше имѣли случай говорить:

...Занимаясь нѣкоторое время серьёзно филологіею, мнѣ удалось бросить хотя одинъ взглядъ на прелести древней эллинской жизни, такъ-что я по-крайней-мѣрѣ не безъ борьбы съ самимъ собою могъ отказаться отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій этого предмета. Отказаться-же отъ нихъ теперь я долженъ совершенно. Огромное зданіе, воздвигнутое трудами Эйлера, Лагранжа, Лапласа, требуетъ также огромнаго усилія и напряженныхъ размышленій отъ того, кто рѣшился вникнуть во внутрь его и не довольствуется одною только внѣшностію. Желаніе, овладѣть имъ, чтобъ не страшиться ежеминутно быть имъ подавлену, сильно и не даетъ покоя до-тѣхъ-поръ, пока не стоишь на вершинѣ и пока однимъ взглядомъ не обнимешь его со всѣхъ сторонъ. Тогда только можно покойно заниматься усовершенствованіемъ отдѣльныхъ частей и такимъ образомъ споспѣшествовать развитію всей науки, когда постигнута идея ея.

Темою своей докторской диссертаціи Якоби избралъ предметъ, уже часто занимавшій геометровъ, именно разложеніе алгебраическихъ дробей. Здѣсь онъ первый доказалъ замѣчательныя формулы, данныя Лагранжемъ безъ доказательствъ въ мемуарахъ нашей академіи. Далѣе въ этомъ-же сочиненіи онъ переходитъ къ другому способу разложенія, не столь опредѣленному, какъ тотъ, которымъ онъ до-сихъ-поръ занимался, и заключаетъ статью разыска-

ніями о преобразованіи рядовъ, при чемъ обнаруживается новое начало, употребляемое имъ часто въ послѣдствіи въ другихъ сочиненіяхъ.

Тотчасъ послѣ полученія степени доктора, Якоби прочелъ въ здѣшнемъ университетѣ лекцію о кривыхъ линіяхъ и поверхностяхъ. По свидѣтельству одного изъ тогдашнихъ его слушателей надо полагать, что способность преподавать уже тогда была развита въ немъ въ высокой степени и что онъ умѣлъ излагать предметъ свой ясно и занимательно. О зрѣлости молодаго доцента (онъ былъ тогда 21 года) можно судить также и по тому, что онъ, не смотря на недовѣрчивость, съ которою смотрѣлъ тогда, подъ вліяніемъ сильнаго авторитета, на способъ безконечно-малыхъ, въ своемъ изложеніи слѣдовалъ именно этому способу и съ успѣхомъ старался доказать, что способъ этотъ только по сокращенной, внѣшней формѣ различествуетъ отъ строгой методы древнихъ, и что именно эта сокращенность необходима при рѣшеніи болѣе запутанныхъ вопросовъ.

Вниманіе, которое начиналъ обращать на себя Якоби, побудило высшее начальство предложить ему должность привать-доцента въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, гдѣ, по причинѣ только-что открывшагося мѣста профессора математики, болѣе было надеждъ на повышеніе, нежели въ Берлинѣ.

Весьма важно было для Якоби то, что, переселясь въ Кёнигсбергъ, онъ лично познакомился съ знаменитымъ астрономомъ Бесселемъ, и такимъ образомъ вошелъ въ близкія сношенія съ человѣкомъ, проявившимъ геніяльныя способности въ наукѣ, столь близкой къ его собственной. Не смотря на то, что Якоби съ малыхъ лѣтъ привыкъ къ усиленнымъ занятіямъ, необыкновенное прилежаніе великаго Бесселя не могло не производить на него благодѣтельнаго вліянія, о которомъ онъ часто въ послѣдствіи вспоминалъ съ благодарностію.

Счастливымъ обстоятельствомъ для литературной дѣятельности Якоби, безъ-сомнѣнія, было то, что съ началомъ ея совпадаетъ также и основаніе журнала, изданіе коего составляетъ важную и неотъемлемую заслугу нашего сослуживца Крелле (Crelle), который этимъ изданіемъ много способствовалъ не только къ распространенію, но и къ оживленію математическихъ занятій. Якоби, принадлежавшій къ первымъ сотрудникамъ этого журнала, оставался ему вѣрнымъ до своей смерти; и дѣйствительно, почти всѣ его со-

чиненія, исключая двухъ («Fund. nova» и «Canon arith.») въ первый разъ были напечатаны въ журналѣ Крелле.

Уже въ первыхъ сочиненіяхъ своихъ Якоби является искуснымъ математикомъ. Обращается-ли онъ къ какой-либо уже извѣстной теоріи, — онъ удачно разсматриваетъ ее съ новой точки зрѣнія, съ которой она представляется болѣе простою, таковы напримѣръ статьи его «О способѣ Гаусса для приближеннаго опредѣленія интеграловъ» и «О способѣ Пфаффа для интегрированія уравненій въ частныхъ дифференціалахъ»; подвергаетъ-ли онъ своимъ изслѣдованіямъ еще нерѣшенные вопросы, — онъ достигаетъ новыхъ результатовъ. Изъ сочиненій, принадлежащихъ къ послѣднему разряду, я укажу здѣсь только на два: во-первыхъ, на тотъ необъемистый трактатъ, въ которомъ онъ доказываетъ неизвѣстное до-тѣхъ-поръ свойство функціи, введенной въ науку Лежандромъ, и играющей столь важную роль во всѣхъ позднѣйшихъ общихъ изслѣдованіяхъ о притяженіи; и во-вторыхъ, на статью его «О кубичныхъ вычетахъ». Послѣднее сочиненіе заключаетъ одни только положенія безъ доказательствъ, но положенія эти таковы, что никакъ нельзя предположить ихъ результатами индукціи; напротивъ-того, они даютъ право думать, что Якоби въ то время уже обладалъ новыми и плодовитыми началами въ той вѣтви математическихъ наукъ, въ которой соединяется высшая алгебра съ теоріею чиселъ, и которую за двадцать пять лѣтъ только-что началъ развивать Гауссъ. Впрочемъ, самъ Якоби подтвердилъ въ послѣдствіи справедливость послѣдняго заключенія, ссылаясь въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій своихъ на письмо, въ которомъ будто-бы онъ сообщилъ Гауссу начала, о которыхъ идетъ рѣчь, именно въ ту эпоху времени, къ которой относится статья его «О кубичныхъ вычетахъ». Дальнѣйшему изслѣдованію этого предмета препятствовалъ другой трудъ, предпринятый Якоби въ это время и доставившій ему вскорѣ столь громкую славу и почетное мѣсто въ ряду знаменитѣйшихъ современныхъ математиковъ, именно разысканія его объ эллиптическихъ функціяхъ.

Счастіе, улыбавшееся до-сихъ-поръ молодому геометру при его изслѣдованіяхъ въ различныхъ отрасляхъ науки, казалось, измѣнило ему, когда онъ обратился къ теоріи эллиптическихъ функцій. Недовольный своею неудачею, онъ отвѣчалъ одному изъ друзей своихъ, справлявшемуся о причинѣ его нерасположенія: «Я намѣре-

ваюсь отослать обратно въ библіотеку вотъ эту книгу (Exercices etc. Лежандра), съ которою мнѣ рѣшительно не посчастливилось. Всегда, до-сихъ-поръ, когда я изучалъ какое-либо замѣчательное сочиненіе, во мнѣ возбуждались собственныя мысли, приводившія къ болѣе или менѣе важнымъ результатамъ. Теперь этого не было и мнѣ не пришло ни одной идеи».

Неудача, сопровождавшая Якоби при началѣ его изслѣдованій о теоріи эллиптическихъ функцій, не была, впрочемъ, продолжительна и собственныя мысли, заставившія сначала ожидать себя, явились впослѣдствіи въ такомъ богатствѣ, что въ совокупности съ современными-же идеями Абеля неожиданно распространили и совершенно преобразовали одну изъ важнѣйшихъ отраслей анализа.

Такъ какъ теорія эллиптическихъ функцій развивалась въ это время съ двухъ различныхъ сторонъ, то, говоря о разысканіяхъ Якоби, необходимо будетъ упомянуть также о современныхъ имъ трудахъ Абеля. Открытія этихъ двухъ мужей, не смотря на то, что каждый изъ нихъ шелъ своею дорогою, такъ тѣсно связаны между собою, дополняя другъ друга, что врядъ-ли можно изобразить вѣрно всю важность однихъ, упуская изъ виду другія.

Начало теоріи эллиптическихъ функцій, въ лѣтописяхъ которой неразрывно связаны имена Абеля и Якоби, положено не далѣе какъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Необыкновенно остроумный математикъ, Италіянскій графъ Фагнано, родомъ изъ Папскихъ владѣній, открылъ слѣдующее замѣчательное свойство интеграла, выражающаго дугу Лемнискаты, — кривой, сильно занимавшей въ то время математиковъ, именно: онъ замѣтилъ, что интегралъ этотъ имѣетъ свойства подобныя тѣмъ, коими пользуется другой простѣйшій интегралъ, выражающій дугу круга; что напр. между предѣлами двухъ подобныхъ интеграловъ, изъ которыхъ одинъ вдвое больше другаго, существуетъ простая алгебраическая зависимость и, что слѣд. дугу Лемнискаты, кривой высшаго порядка, можно вдвое увеличить или-же раздѣлить пополамъ помощію геометрическаго построенія, подобно тому, какъ удвоиваютъ или дѣлятъ на двѣ равныя части дугу круга.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Эйлеръ опредѣлилъ настоящую причину этого и другихъ подобныхъ свойствъ интеграла Фагнано, давъ теорему, принадлежащую къ числу прекраснѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ этимъ великимъ геометромъ. По этой теоремѣ Эйлера, нѣкоторый извѣстный интегралъ, болѣе общій, чѣмъ тотъ,

коимъ занимался Фаньяно и называемый по нынѣшней терминологіи эллиптическимъ интеграломъ перваго рода, такимъ образомъ зависитъ отъ своего предѣла, что два подобные интеграла, каковы-бы ни были ихъ предѣлы, всегда могутъ быть соединены въ одинъ, коего предѣлы находятся въ простой алгебраической связи съ предѣлами двухъ первыхъ,—подобно тому, какъ синусъ двойной дуги находится въ алгебраической зависимости отъ синуса простой дуги. Но эллиптическій интегралъ общѣе интеграла, выражающаго дугу круга; дѣйствительно, будучи приведенъ къ простѣйшему виду, онъ зависитъ не только отъ своего предѣла, какъ послѣдній, но также и отъ другой величины, входящей въ подъинтегральную функцію, и называемой модулемъ. Теорема Эйлера давала зависимость только между интегралами, имѣющими одинъ и тотъ-же модуль. Первый примѣръ зависимости между интегралами съ различными модулями представился при открытіи, сдѣланномъ въ послѣдствіи Ланденомъ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ Лагранжемъ; въ силу этого открытія, одинъ эллиптическій интегралъ можетъ быть преобразованъ въ другой того-же рода помощію простаго алгебраическаго подстановленія.

Вотъ на какой степени развитія находилась теорія эллиптическихъ функцій, когда Лежандръ возымѣлъ счастливую мысль, обезсмертившую его имя, заняться серьезнѣе эллиптическими интегралами, замѣчая въ только-что приведенныхъ открытіяхъ своихъ предшественниковъ начала важной отрасли анализа. Плодомъ этихъ занятій, которымъ великій геометръ посвятилъ полжизни, была самостоятельная теорія, распространяющаяся на всѣ интегралы, въ которыхъ, кромѣ квадратнаго корня, не заключается ирраціональностей и въ которыхъ подкоренная функція не выше четвертой степени относительно перемѣнной. Уже Эйлеръ замѣтилъ, что теорема его съ нѣкоторыми измѣненіями можетъ быть примѣнена къ подобнымъ интеграламъ; но Лежандръ первый старался привести всѣ интегралы эти къ простѣйшимъ видамъ, чего онъ и достигъ, убѣдившись, что всѣ они распадаются на три разряда, различающіеся между собою по формѣ. Подвергая потомъ своимъ изслѣдованіямъ каждый изъ этихъ трехъ родовъ, онъ открылъ многія важныя ихъ свойства. Не легка однакожъ была эта работа и особенно велики были затрудненія, представлявшіяся ему при изслѣдованіи эллиптическихъ интеграловъ третьяго рода. Но настойчивость и прилежаніе побѣждали эти затрудненія съ такимъ успѣ-

хомъ, какого едва можно было ожидать при тѣхъ средствахъ, которыми могъ въ то время располагать математикъ.

Много было еще загадочнаго и необъяснимаго въ теоріи эллиптическихъ функцій, когда Абель и Якоби принялись за ея развитіе. Такъ напр. было извѣстно, что степень уравненія, составляемаго по теоремѣ Эйлера, отъ рѣшенія котораго зависитъ дѣленіе эллиптическаго интеграла, пропорціональна не числу частей, какъ это имѣетъ мѣсто при рѣшеніи подобнаго вопроса о дѣленіи дуги круга, но квадрату этого числа. Понятно было значеніе дѣйствительныхъ корней, коихъ число равнялось послѣднему, но многочисленнѣйшее количество корней мнимыхъ оставалось безъ объясненія. Тѣмъ не менѣе никто до временъ Абеля и Якоби не предполагалъ сокровенной причины этого обстоятельства, никто не искалъ ее. Имъ было предназначено первымъ удивляться этому и другимъ подобнымъ явленіямъ въ теоріи эллиптическихъ интеграловъ, — что̀ въ математикѣ, какъ и въ другихъ наукахъ, часто составляетъ первую часть открытія.

Хотя преобразованіе теоріи эллиптическихъ функцій, произведенное Абелемъ и Якоби, имѣло своею причиною одновременное содѣйствіе нѣсколькихъ, другъ друга дополняющихъ идей, но всетаки, кажется, двѣ изъ нихъ достойны особеннаго вниманія, ибо онѣ оказали свое вліяніе на всѣ части новой теоріи. Прежніе ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ, разсматривали эллиптическій интегралъ перваго рода, какъ функцію его предѣла. Абель и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, независимо отъ него, Якоби убѣдились въ необходимости измѣнить этотъ способъ воззрѣнія; они начали разсматривать предѣлъ и двѣ другія величины, связанныя съ нимъ такъ-же нераздѣльно, какъ синусъ связанъ съ косинусомъ, какъ функціи интеграла. Подобное воззрѣніе было не ново; тѣмъ-же путемъ уже прежде нашли различныя важныя свойства трансцендентныхъ величинъ, зависящихъ отъ круга, разсматривая синусъ и косинусъ, какъ функціи дуги, а не дугу, какъ функцію сихъ послѣднихъ.

Другая мысль, также общая Абелю и Якоби, имѣетъ не меньшую важность; они ввели въ теорію эллиптическихъ функцій мнимыя выраженія и Якоби часто повторялъ въ послѣдствіи, что только съ помощію этихъ выраженій возможно было разрѣшить загадочные вопросы прежней теоріи. Еслибы опытъ не научалъ насъ ежедневно, что идеи, до которыхъ остается сдѣлать одинъ

шагъ, не смотря на это, часто долгое время остаются сокровенными: то надо было-бы удивляться, какъ послѣдняя мысль не пришла уже Эйлеру, достигшему столь блестящихъ результатовъ въ теоріи круговыхъ функцій, именно чрезъ введеніе мнимыхъ выраженій.

Абель и Якоби, введя мнимыя выраженія въ функціи, полученныя ими изъ эллиптическаго интеграла перваго рода, на основаніи вышепомянутаго ихъ воззрѣнія и по преимуществу называемыя эллиптическими, увидѣли, что функціи эти соединяютъ въ себѣ свойства какъ показательныхъ, такъ и круговыхъ; но какъ первыя періодичны только для мнимыхъ, вторыя-же только для дѣйствительныхъ значеній, то эллиптическія функціи соединяютъ въ себѣ эти оба рода періодичности.

Эта истина открыла новое, обширное поприще изслѣдованіямъ Абеля и Якоби, изъ которыхъ каждый избралъ предметомъ своихъ разысканій уже особую часть теоріи, хотя исходною точкою обоимъ служило начало двойной періодичности. Абель обратился къ рѣшенію вопросовъ, относящихся къ умноженію и дѣленію эллиптическихъ интеграловъ. Вникая помощію начала двойной періодичности въ самую сущность корней уравненія, отъ рѣшенія котораго зависитъ это дѣленіе, онъ дошелъ до неожиданнаго заключенія; именно онъ замѣтилъ, что дѣленіе эллиптическаго интеграла всегда возможно помощію алгебраическихъ дѣйствій, ибо приводится къ извлеченію корня, — если только предположимъ уже совершеннымъ частное дѣленіе такъ-называемаго полнаго интеграла. Послѣднее-же дѣленіе, какъ кажется, возможно только при нѣкоторыхъ модуляхъ, изъ которыхъ простѣйшій тотъ, коему соотвѣтствуетъ Лемниската. Рѣшая задачу для этого весьма частнаго случая, Абель увидѣлъ, что дѣленіе Лемнискаты совершенно подобно дѣленію круга, и въ тѣхъ-же случаяхъ можетъ быть произведено помощію геометрическихъ построеній, въ которыхъ возможно это для круга и которыя разобралъ Гауссъ въ превосходной своей теоріи, данной имъ двадцатью-пятью годами ранѣе.

Послѣдній трудъ Абеля замѣчателенъ еще и въ историческомъ отношеніи. Въ введеніи къ послѣдней главѣ своего сочиненія «Disq. arith», посвященной теоріи дѣленія круга, Гауссъ мимоходомъ замѣчаетъ, что то-же начало, на которомъ основывается это дѣленіе, можетъ быть приложено и къ Лемнискатѣ; и въ самомъ дѣлѣ Абель принялъ идею Гаусса, по которой корни уравненія,

подлежащаго рѣшенію, приводятъ къ тому, чтобъ одинъ выводился изъ другаго однимъ и тѣмъ-же способомъ, за основаніе своего дѣленія Лемнискаты. Но такъ точно, какъ при рѣшеніи вопроса о дѣленіи дуги круга, требовалось знать давно уже извѣстныя свойства тригонометрическихъ функцій: для того, чтобы дать корнямъ требуемый видъ при подобномъ вопросѣ о дѣленіи Лемнискаты, необходимо было сознаніе такихъ свойствъ эллиптическихъ функцій, которыя возможно узнать только при помощи начала двойной періодичности. И такъ замѣчаніе въ сочиненіи Гаусса, о которомъ мы упомянули, неопровержимо доказываетъ, что великій геометръ, далеко опередивъ вѣкъ свой, обладалъ этимъ началомъ уже въ первые годы текущаго столѣтія. Но доказательство это, сдѣлавшись яснымъ только въ слѣдствіе позднѣйшихъ трудовъ Абеля, не отнимаетъ ни отъ него, ни отъ Якоби славы ихъ открытія.

Кромѣ уже упомянутыхъ результатовъ, относящихся къ дѣленію интеграловъ, изслѣдованія Абеля повлекли за собою еще одно важное открытіе. Приравнивая безконечности множитель, входящій въ формулы для выраженія эллиптической функціи многократнаго аргумента чрезъ функціи простаго аргумента, онъ получилъ замѣчательныя выраженія для эллиптическихъ функцій въ видѣ безконечныхъ рядовъ, или-же дробей, коихъ числители и знаменатели состояли изъ безконечныхъ произведеній. Вотъ другое открытіе Абеля, которое для анализа, можетъ быть, еще важнѣе, чѣмъ его доказательство возможности алгебраическаго рѣшенія уравненій, относящихся къ дѣленію.

Въ то время, какъ Абель производилъ эти прекрасныя разысканія, Якоби не съ меньшимъ успѣхомъ занимался другою частію той-же теоріи. Подстановленіе (Ланденово), о которомъ мы выше говорили и посредствомъ коего одинъ эллиптическій интегралъ преобразовывается въ другой того-же рода, было до-сихъ-поръ единственно извѣстное. Правда, Лежандръ нашелъ другое преобразованіе эллиптическихъ интеграловъ, съ которымъ, по его мнѣнію, предметъ этотъ истощился; но какъ открытіе это было ново, то извѣстіе о немъ еще не успѣло распространиться въ Германіи. Поэтому надо удивляться остроумію, предъугадавшему существованіе цѣлой безконечной цѣпи по одному звену ея и силѣ мысли рѣшенія вникнуть въ самую сущность этой цѣпи.

Слѣдуя наведенію, въ которомъ господствовала мысль разсматривать съ одной точки зрѣнія преобразованіе и умноженіе аргу-

ментовъ, и при томъ послѣднее, какъ частный случай перваго, Якоби дошелъ до предположенія, что раціональныя функція, съ членами какой ни есть степени способны преобразовывать одинъ эллиптическій интегралъ въ другой того-же рода. Это предположеніе дѣйствительно оправдалось: ибо число произвольныхъ коэффиціентовъ оказалось достаточнымъ для удовлетворенія всѣмъ условіямъ, влекомымъ требованіемъ, чтобъ преобразованный интегралъ было одного вида съ преобразуемымъ. Но хотя эти простыя соображенія не допускали почти сомнѣнія въ возможности подобнаго преобразованія, все-таки оставались еще затрудненія при опредѣленіи аналитическихъ свойствъ дробныхъ выраженій, способныхъ къ этому преобразованію. Здѣсь не мѣсто останавливаться на томъ, въ чемъ эти затрудненія состояли и какими соображеніями Якоби ихъ побѣдилъ. Также невозможно исчислить здѣсь всѣ важныя заключенія, которыя проистекли изъ окончательнаго рѣшенія задачи. Укажу только на замѣчательный результатъ этихъ разысканій, состоящій въ томъ, что посредствомъ двухъ преобразованій по модулю всегда можно произвести умноженіе.

Въ то время, какъ Абель и Якоби совершенствовали двѣ различныя части теоріи, судьба, кажется, рѣшилась раздѣлить равнымъ образомъ славу успѣха между юными сподвижниками: ибо способъ, какимъ одинъ развивалъ открытія другаго, ясно доказывалъ, что каждый изъ нихъ совершилъ-бы все дѣло собственными трудами, еслибы другой не предупредилъ его.

Такъ Якоби въ своихъ изслѣдованіяхъ о преобразованіи интеграловъ предпологалъ, что первоначальная перемѣнная выражена раціонально посредствомъ новой. Абель занялся болѣе общею задачею, и, предположивъ, что перемѣнныя эти связаны какимъ ни есть алгебраическимъ уравненіемъ, нашелъ, что въ этомъ случаѣ рѣшеніе задачи всегда можетъ быть приведено къ тому, который разсмотрѣлъ Якоби съ такою подробностію.

Съ не меньшимъ успѣхомъ Якоби совершенствовалъ данную Абелемъ общую теорію дѣленія. Хотя изслѣдованія Абеля и показали, что корни всегда могутъ быть выражены алгебраически, но они требовали для выраженія этихъ корней составленія извѣстныхъ симметрическихъ соединеній сихъ послѣднихъ,—составленія, которое надо было производить въ каждомъ частномъ случаѣ. На основаніи новаго начала, о которомъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи, Якоби получилъ общія выраженія этихъ корней, выра-

женія, имѣющія силу для каждой степени уравненія и выводящія-ся непосредственно изъ данныхъ задачи. Сверхъ того выраженія эти были по формѣ проще Абелевыхъ. Обнародывая въ краткой запискѣ полученные результаты послѣдняго труда, Якоби надѣялся удивить Абеля этимъ усовершенствованіемъ рѣшенія задачи о дѣленіи; но надежда эта не исполнилась. Абель только-что скончался, на двадцать седьмомъ году своей жизни, когда не прошло еще и двухъ лѣтъ со времяни обнародыванія первыхъ трудовъ его въ теоріи эллиптическихъ функцій. Такъ кратко было время, назначенное Провидѣніемъ для дѣятельности великаго геометра.

Дальнѣйшія изслѣдованія Якоби объ эллиптическихъ трансцендентныхъ, также какъ и сейчасъ мною упомянутое, основывались на мысли, которая, по важности своихъ слѣдствій, занимаетъ, можетъ быть, первое мѣсто въ ряду идей, введенныхъ имъ въ науку. Мысль эта была — ввести въ анализъ, какъ самостоятельныя трансцендентныя, тѣ безкоченыя произведенія, отношеніями коихъ Абель выразилъ эллептическія функціи. Какъ скоро удалось ему выразить рядами эти безконечныя произведенія, которыя, впрочемъ, всѣ одинаковыхъ свойствъ и могутъ быть разсматриваемы, какъ частныя случаи одной и той-же трансцендентной функціи: то онъ былъ приведенъ къ функціи, представлявшейся уже Французскимъ математикамъ въ математической физикѣ; но последніе мало изслѣдовали ее и изъ свойствъ ея было извѣстно до-тѣхъ-поръ только одно; Якоби подвергъ ее глубоко-вникающему изслѣдованію и, ознакомившись съ нею, ввелъ въ теорію эллиптическихъ интеграловъ 2-го и 3-го родовъ. Это привело его не только къ сознанію внутренней связи между извѣстными уже, но отдѣльно стоящими свойствами этихъ интеграловъ, но и къ важному открытію того, что интегралы 3-го рода, зависящіе отъ трехъ элементовъ, выразимы посредствомъ новой трансцендентной функціи, содержащей только два такіе элемента.

Впослѣдствіи, излагая на лекціяхъ теорію эллиптическихъ функцій, Якоби начиналъ это изложеніе съ разсматриванія только-что помянутой функціи, въ слѣдствіе чего все ученіе представлялось чрезвычайно просто и ясно. Кромѣ того, обратный ходъ этотъ замѣчателенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ служилъ образцомъ при другихъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ я скажу нѣсколько словъ въ послѣдствіи.

Если обратимъ вниманіе на господство новой функціи въ тео-

ріи эллиптическихъ трансцендентныхъ; если вспомнимъ важныя теоремы высщей ариөметики, которыя вывелъ Якоби изъ свойствъ ея, если наконецъ примемъ въ соображеніе значеніе ея въ разныхъ приложеніяхъ, изъ которыхъ укажу для примѣра на выраженіе вращательнаго движенія посредствомъ этой функціи — одинъ изъ послѣднихъ и прекраснѣйшихъ трудовъ Якоби: то нельзя отказать ей въ первомъ мѣстѣ послѣ давно уже введенныхъ въ науку элементарныхъ трансцендентныхъ функцій. Замѣчательно, что столь важная функція не имѣетъ названія и до-сихъ-поръ обозначается только буквою Θ, по примѣру Якоби обозначавшаго ее такимъ образомъ. Математики исполнили-бы только долгъ благодарности, еслибы согласились назвать функцію эту по имени Якоби, къ числу важнѣйшихъ заслугъ котораго принадлежитъ открытіе свойствъ и важности этой трансцендентной.

Вышеупомянутые труды Абеля были не единственными плодами его дѣятельности, и даже не важнѣйшими. Величайшее его открытіе заключается въ теоремѣ, прозванной по его имени и носящей на себѣ отпечатокъ необыкновеннаго его ума, стремившагося всегда къ самому общему рѣшенію вопросовъ науки.

Теорема Эйлера, о которой мы уже выше упомянули, — мы говоримъ здѣсь о ней, какъ о началѣ, не касаясь слѣдствій, изъ нея выводимыхъ, коихъ число увеличивалось со-дня-на-день, — составляла тогда границу той отрасли науки, къ которой принадлежала; и напрасны были старанія Эйлера, Лагранжа и другихъ предшественниковъ Абеля перейти за эту границу. Каково-же должно было быть общее удивленіе, порожденное открытіемъ, которое, обнимая интегралы всѣхъ алгебраическихъ функцій, давало основное ихъ свойство?

Лежандръ называетъ теорему Абеля *monumentum aere perennius* и Якоби говоритъ, что теорема эта, «необлеченная вычисленіемъ и выражая въ простомъ видѣ самую глубокую и объемлющую мысль математики, есть величайшее математическое открытіе нашего времяни, хотя только будущій, и можетъ быть не близкій, огромный трудъ покажетъ всю ея важность».

Трудъ этотъ начатъ и самъ Якоби совершилъ не малую часть его.

Естественно было испытать, нельзя ли ввести въ анализъ обращенныя функціи Абелевыхъ интеграловъ, подобному тому, какъ это сдѣлано было съ такимъ успѣхомъ для эллиптическихъ. Но

опытъ этотъ оказался скоро неисполнимымъ и изслѣдованія по этому предмету привели только къ самымъ непонятнымъ противорѣчіямъ. Дѣйствительно, Якоби скоро убѣдился, что эти обращенныя функціи четверной и даже высшей періодичности; а между тѣмъ всякая аналитическая функція, имѣющая всегда одно только опредѣленное значеніе, какъ напр. функціи эллиптическія и круговыя, и непрерывная въ сопредѣльности всѣхъ конечныхъ значеній, можетъ быть, не выше, какъ двойной періодичности. И такъ здѣсь нужна была новая мысль для того, чтобы теорема Абеля не осталась безплодною, но напротивъ того сдѣлалась основаніемъ огромной аналитической теоріи.

Якоби обдумывалъ предметъ этотъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ нашелъ рѣшеніе загадки. Онъ увидѣлъ, что здѣсь одновременно надо разсматривать четыре или болѣе интеграловъ, и изъ нихъ-то чрезъ обращеніе составить двѣ или болѣе функціи о столькихъ-же аргументахъ. Это открытіе обнародовалъ онъ въ статьѣ о 10 страницахъ, за которою черезъ два года послѣдовала другая, бо̀льшаго объема, показавшая въ полномъ свѣтѣ аналитическія свойства этихъ обращенныхъ функцій.

Хотя позднѣйшій взглядъ на эти функціи принадлежитъ не Якоби, а двумъ молодымъ необыкновенно-даровитымъ геометрамъ, я все-таки считаю долгомъ упомянуть здѣсь объ этомъ важномъ успѣхѣ: такъ какъ въ немъ несомнѣнно обнаруживается вліяніе перваго. Гепель (Goepel) и Розенгайнъ (Rosenhain), принявъ въ образецъ изложеніе теоріи эллиптическихъ функцій Якоби, оба основали свои превосходныя изслѣдованія на разсматриваніи рядовъ, законъ образованія которыхъ хотя и общѣе того, по которому составленъ рядъ, выражающій функцію Якоби, тѣмъ не менѣе одного рода съ послѣднимъ.

Говоря объ открытіяхъ Якоби въ теоріи эллиптическихъ и Абелевыхъ функцій, я касался только главнѣйшихъ трудовъ его; все-таки изложеніе это приняло размѣры, которые заставляютъ меня ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ прочихъ результатовъ его дѣятельности, и умолчать о многихъ изслѣдованіяхъ, касающихся частныхъ вопросовъ и, такъ сказать, подробностей науки.

Уже выше я имѣлъ случай говорить о разысканіяхъ Якоби, относящихся къ дѣленію круговой дуги, и о ихъ приложеніяхъ къ высшей ариѳметикѣ, и мы видѣли, что они принадлежали къ пер-

вымъ его трудамъ. Основывая эти разысканія на томъ видѣ, которой сообщилъ Лагранжъ рѣшенію двухчленныхъ уравненій, данному уже прежде Гауссомъ, онъ достигъ результатовъ, изъ которыхъ многіе найдены были также и знаменитымъ математикомъ Коши, занимавшимся въ то время тѣмъ-же предметомъ. Послѣдній упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ въ краткомъ изложеніи своихъ трудовъ, обнародованномъ имъ во время перваго пребыванія Якоби въ Парижѣ.

Однимъ изъ прекраснѣйшихъ результатовъ занятій Якоби по этому предмету была теорема, до которой дошелъ также и Коши. Въ силу этой теоремы, извѣстная степень всякаго простаго числа, дающаго при дѣленіи на другое данное простое число, умноженное на единицу или-же на четыре, въ остаткѣ единицу, всегда выразима помощію такъ-называемой квадратичной формы, коей опредѣлитель (determinante) есть данное простое число, взятое со знакомъ минусъ; притомъ показатель степени зависитъ только отъ даннаго числа. Основываясь на этой теоремѣ, Якоби предположилъ, что показатель этотъ долженъ согласоваться съ числомъ всѣхъ различныхъ квадратичныхъ формъ, соотвѣтствующихъ вышепомянутому опредѣлителю; и какъ это предположеніе оправдывалось всѣми численными примѣрами, то онъ не замедлилъ обнародовать свое замѣчаніе въ краткой запискѣ. Я полагалъ не лишнимъ указать здѣсь на доселѣ неизвѣстный источникъ послѣдняго результата, о которомъ я узналъ отъ самого Якоби, какъ на примѣръ остроумнаго наведенія, хотя строгое доказательство этого результата не можетъ, кажется, быть выведено изъ теоріи дѣленія круговой дуги и требуетъ началъ, введенныхъ уже позже въ науку и относящихся къ интегральному исчисленію и теоріи рядовъ.

Въ 1832 году явился въ свѣтъ второй трактатъ Гаусса о двуквадратичныхъ вычетахъ, достигшій такой извѣстности высказанною въ немъ мыслію разсматривать въ высшей ариѳметикѣ сложно-радикальныя цѣлыя числа (complexe ganze Zahlen), точно такъ-же, какъ разсматриваются дѣйствительныя количества, и закономъ взаимности, существующимъ въ теоріи двуквадратичныхъ вычетовъ между двумя сложно-радикальными простыми числами (complexe Primzahlen). Это сочиненіе послужило Якоби поводомъ возвратиться къ прежнимъ своимъ занятіямъ и ему удалось вывести весьма просто не только-что помянутую важную теорему Гаусса, а

другую, совершенно ей подобную и относящуюся къ кубичнымъ вычетамъ изъ теоріи дѣленія круговой дуги.

Хотя въ-теченіе годовъ отъ 1836 до 1839 Якоби и изложилъ письменно только-что упомянутыя разысканія и другія находящіяся въ связи съ ними, о которыхъ мнѣ нельзя даже и упомянуть, однакожь онъ все-таки ихъ не обнародовалъ. Замедленіе это проистекало изъ желанія дать бóльшую общность нѣкоторымъ изъ результатовъ; а между-тѣмъ другія занятія не давали ему на то нужнаго времени. Тѣмъ не менѣе часть этихъ изслѣдованій, именно доказательства теоремъ, относящихся къ взаимности, сдѣлались извѣстными Германскимъ математикамъ изъ дополненій къ лекціямъ о теоріи дѣленія дуги круга и о приложеніяхъ ея къ теоріи чиселъ, читанныхъ Якоби въ Кёнигсбергѣ въ зимы годовъ 1836 и 1837.

Другой весьма обильный источникъ для высшей ариѳметики открылъ Якоби въ теоріи эллиптическихъ функцій. Изъ этой теоріи онъ вывелъ прекрасныя теоремы, относящіяся къ числу разложеній числа на два, четыре, шесть и восемь квадратовъ, и другія, относящіяся къ числамъ, содержащимся одновременно въ нѣсколькихъ квадратичныхъ формахъ. Всѣ эти важныя обогащенія науки суть плоды вышепомянутаго введенія функціи Якоби въ теорію эллиптическихъ трансцендентныхъ.

Якоби нѣсколько разъ занимался преобразованіемъ и вычисленіемъ двойныхъ и кратныхъ интеграловъ. Я укажу здѣсь преимущественно на простой способъ, посредствомъ коего онъ привелъ опредѣленіе поверхности эллипсоида о трехъ осяхъ къ эллиптическимъ функціямъ перваго и втораго рода. Уже прежде Лежандръ занимался этимъ вопросомъ и разъисканія его по этому предмету, принадлежащія къ прекраснѣйшимъ трудамъ великаго геометра, привели къ тѣмъ-же результатамъ; но достигнуть ихъ онъ могъ только при помощи весьма скрытыхъ свойствъ интеграловъ 3-го рода. Въ другой сюда принадлежащей статьѣ Якоби распространилъ теорему Эйлера, относящуюся къ сложенію на двойные интегралы, и вскорѣ послѣ того онъ показалъ, какимъ образомъ Абелева теорема способна къ подобному-же распространенію.

Труды Якоби, относящіеся въ поименованной статьѣ интегральнаго исчисленія, только частію были обнародованы. Обширный трактатъ о притяженіи эллипсоидовъ, давно уже почти оконченный, до-сихъ-поръ не напечатанъ и сдѣлался извѣстнымъ толь-

ко чрезъ извлеченія, при случаяхъ являвшіяся. Занимаясь рѣшеніемъ этой задачи, Якоби дошелъ до прекрасной теоремы, по которой притяженіе точки безконечно-тонкимъ слоемъ, ограниченнымъ отрѣзками двухъ подобныхъ и подобно-расположенныхъ эллипсоидальныхъ поверхностей, можетъ быть выражено безъ помощи интегральнаго знака. Той-же теоремы достигъ одновременно съ нимъ и Пуассонъ, и вотъ почему онъ никогда не упоминалъ объ этомъ обстоятельствѣ, не смотря на то, что онъ могъ-бы сослаться на свидѣтельство нѣсколькихъ математиковъ, которымъ сообщилъ онъ эту теорему передъ первымъ объявленіемъ о статьѣ Пуассона. Съ этими изслѣдованіями связанъ другой трудъ Якоби, о которомъ мы должны упомянуть по причинѣ неожиданнаго его результата. Какъ извѣстно, Маклоренъ первый показалъ, что однородная капельно-жидкая масса, вращаясь равномѣрно около неподвижной оси, не измѣняетъ внѣшняго своего вида, если видъ этотъ есть эллипсоидъ вращенія. Прекрасный результатъ этотъ дополнили въ послѣдствіи Даламбертъ и Лапласъ, показавъ, что всякому значенію угловой скорости, если скорость эта не превосходитъ извѣстнаго предѣла, соотвѣтствуютъ два (и только два) такіе эллипсоида. Лагранжъ, кажется, первый думалъ о возможности также удовлетворить условію устойчивости вращенія предположеніемъ трехъосной эллипсоидальной фигуры для жидкой массы; по-крайней-мѣрѣ, разсматривая этотъ предметъ въ своей аналитической механикѣ, великій геометръ основываетъ свои разысканія на формулахъ, справедливыхъ для всякаго эллипсоида. Получивъ такимъ образомъ два условныя уравненія, въ которыя двѣ экваторіальныя оси входятъ симметрично, онъ изъ этой симметричности выводитъ заключеніе, что эти оси должны быть равны, междутѣмъ-какъ изъ нея только слѣдуетъ, что они могутъ быть равны, и въ этомъ случаѣ оба уравненія приводятся къ одному, и именно къ тому, которое далъ Маклоренъ и которое изслѣдовали Даламбертъ и Лапласъ.

Авторъ извѣстнаго руководства, послѣдовавшій въ изложеніи этого предмета Лагранжу и подтвердившій послѣднее слишкомъ поспѣшное заключеніе словомъ «nothwendig» (необходимо), первый возбудилъ въ Якоби сомнѣніе на счетъ непреложности этого заключенія; слѣдствіемъ этого сомнѣнія было болѣе внимательное изслѣдованіе вышепомянутыхъ двухъ уравненій, которое привело

къ неожиданному результату, что каждый эллипсоидъ можетъ удовлетворять условію равновѣсія.

По поводу изслѣдованій о притяженіи эллипсоидовъ, Якоби занялся поверхностями 2-го порядка и открылъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ свойствъ этихъ поверхностей и изящный способъ ихъ построенія. Предѣлы статьи заставляютъ меня ограничиться этимъ указаніемъ и, говоря о прочихъ трудахъ Якоби, относящихся къ геометріи, упомянуть только о ихъ содержаніи. Поэтому я укажу здѣсь только на его трактатъ объ одной задачѣ элементарной геометріи, разсмотрѣнной до него только въ частныхъ случаяхъ, коей общее рѣшеніе онъ вывелъ изъ теоріи эллиптическихъ функцій; на его разысканія относительно числа двойныхъ касательныхъ (Doppeltangenten) къ алгебраическимъ кривымъ и наконецъ на тѣ менѣе объемистыя статьи, въ которыхъ онъ доказываетъ чисто-синтетическимъ путемъ теоремы, относящіяся къ кривизнѣ поверхностей и кратчайшихъ линій.

Къ важнѣйшимъ трудамъ Якоби относятся изслѣдованія его въ аналитической механикѣ. Гамильтону принадлежитъ любопытное открытіе, въ силу котораго интегрированіе дифференціальныхъ уравненій механики всегда можетъ быть приведено къ интегрированію двухъ совокупныхъ уравненій въ частныхъ дифференціалахъ; но открытіе это, не смотря на его замѣчательность, оставалось совершенно безплоднымъ до-тѣхъ-поръ, пока Якоби не освободилъ его отъ излишней сложности, показавъ, что искомое рѣшеніе должно удовлетворять только одному изъ двухъ уравненій въ частныхъ дифференціалахъ. Чтобы привести хотя одинъ примѣръ многочисленныхъ приложеній такимъ образомъ упрощенной теоріи, я укажу здѣсь на изслѣдованіе до-тѣхъ-поръ еще нерѣшенной задачи опредѣлить геодезическую линію на эллипсоидѣ о трехъ осяхъ. При помощи эллиптическихъ координатъ, которыми Якоби уже прежде пользовался съ большимъ успѣхомъ, ему удалось проинтегрировать уравненія въ частныхъ дифференціалахъ и такимъ образомъ представить уравненіе геодезической линіи посредствомъ двухъ Абелевыхъ интеграловъ. Послѣднее открытіе Якоби послужило основаніемъ одному изъ прекраснѣйшихъ отдѣловъ высшей геометріи, развитому впослѣдствіи соревнованіемъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ геометровъ.

Вышепомянутая зависимость между системою обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій и однимъ уравненіемъ въ частныхъ

дифференціалахъ привела Якоби на мысль обратить ходъ соображеній и возвратиться къ теоріи уравненій въ частныхъ производныхъ, составлявшей предметъ одной изъ первыхъ статей его, именно статьи о методѣ Пфаффа. Результатомъ этихъ изслѣдованій было замѣчаніе, что изъ всего ряда системъ интегрированія, коихъ требуетъ Пфаффъ, достаточно проинтегрировать только первую и что, слѣдовательно, уже первый шагъ прежней методы приводитъ къ желаемой цѣли.

Подобный-же характеръ представляетъ то усовершенствованіе, которое произвелъ Якоби въ варіаціонномъ исчисленіи. Хотя существованіе наибольшаго и наименьшаго требуетъ исчезанія первой варіаціи, однакожь условіе это недостаточно и только вторая варіація рѣшаетъ — имѣетъ-ли мѣсто наибольшее или наименьшее или-же не существуетъ ни того ни другаго. Теорія, въ томъ состояніи, въ которомъ она находилась до Якоби, требовала, кромѣ интегрированій, влекомыхъ условіемъ исчезанія первой варіаціи, еще другихъ, представлявшихся при изслѣдованіи второй варіаціи. Якоби-же показалъ, что уже первыя заключаютъ въ себѣ вторыя, и что слѣдовательно и здѣсь первый шагъ приводитъ къ полному рѣшенію задачи.

Хотя отличительный характеръ новѣйшей математики и состоитъ въ стремленіи къ господству мысли надъ механизмомъ вычисленія, однакожь все-таки существуютъ отрасли этой науки, въ которыхъ все зависитъ отъ искусства вычисленія. Якоби, столь много способствовавшій тому сремленію, достигалъ однакожь и въ этихъ отросляхъ важныхъ результатовъ. Сюда относятся статьи его о преобразованіи однородныхъ функцій 2-й степени; объ исключеніи; о корняхъ, удовлетворяющихъ одновременно нѣсколькимъ уравненіямъ; объ обращеніи рядовъ и о теоріи опредѣлителей, въ которой онъ далъ полную теорію выраженій, названныхъ имъ *функціональными опредѣлителями* (Functional-Determinanten). Глубоко преслѣдуя аналогію этихъ выраженій съ дифференціальными коэффиціентами, онъ дошелъ до того общаго начала, извѣстнаго подъ названіемъ *начала послѣдняго множителя*, которое при всѣхъ почти задачахъ объ интегрированіи, встрѣчающихся въ приложеніяхъ, даетъ средства къ послѣднему интегрированію, опредѣляя a priori необходимаго множителя.

Не полно было-бы очертаніе вліянія Якоби на успѣхи науки, еслибы мы не упомянули о педагогической его дѣятельности. Не

его дѣло было передавать далѣе уже готовое и ему самому переданное. Предметы его лекцій рѣдко заключались въ обыкновенныхъ руководствахъ; почти всегда онъ избиралъ ихъ изъ тѣхъ частей науки, въ которыхъ онъ самъ изслѣдовалъ, разъискивалъ, открывалъ, и слѣдовательно онѣ представляли большое разнообразіе. Его изложеніе отличалось не тою понятностію, которою часто обладаетъ и ограниченность, но ясностію высшаго рода. Онъ всегда искалъ главной идеи, служащей основаніемъ какой-либо теоріи; и, удаляя всякую искусственность, выводилъ рѣшеніе задачъ такимъ естественнымъ путемъ, что возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ надежду на собственное творчество. Излагая самые трудные и запутанные вопросы науки просто и ясно, онъ имѣлъ полное право ободрять слушателей увѣреніемъ, что въ своихъ лекціяхъ онъ сообщитъ имъ самыя простыя и удобопонятныя мысли.

Результатъ столь необыкновеннаго способа изложенія, какъ только-что описанный и возможный только творческому уму, превзошелъ всякое ожиданіе. Что теперь въ Германіи познаніе различныхъ методъ анализа распространено въ такой степени, въ какой никогда не было распространено; что много молодыхъ геометровъ съ успѣхомъ развиваютъ различныя отрасли науки, всему этому большею частію содѣйствовалъ Якоби. Почти всѣ замѣчательные математики новѣйшаго времени были его учениками. Рѣдко пробуждающійся талантъ оставался имъ не замѣченъ и, если онъ замѣчалъ его, то никогда не отказывалъ ему въ совѣтѣ и ободряющемъ участіи.

До-сихъ-поръ я старался представить Якоби, какъ ученаго и какъ учителя. Предпринимая изобразить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ общественномъ быту передъ не коротко-знакомыми съ математическими науками, я долженъ означить главнѣйшею чертою его характера то, что онъ всегда совершенно жилъ въ мірѣ идей и что размышленіе, требующее даже у замѣчательныхъ людей нѣкоторыхъ усилій, принадлежало къ его нормальному состоянію, такъ сказать, сдѣлалось его второю натурою. Если что-либо въ жизни или въ наукѣ обращало на себя его вниманіе, то онъ оставлялъ этотъ предметъ не ранѣе, какъ обративъ его въ достояніе своего ума; съ этою непрерывною умственною дѣятельностію соединялась въ немъ необыкновенная память, утверждавшая за нимъ полное господство надъ предметами, коими онъ хотя разъ занимался. Неисчерпаемый запасъ свѣдѣній и собственныхъ мыслей, находившійся во всякое время въ полномъ рас-

поряженіи Якоби; геніальная сила ума, дававшая ему средства приспособляться къ понятіямъ каждаго возраста и всякой индивидуальности, и наконецъ оригинальный, юмористическій и всѣ предметы рѣзко-очерчивающій способъ выраженія давали великому геометру необыкновенное значеніе также и въ общественномъ быту, — значеніе, которому способствовала еще всегдашняя готовность его излагать безъ всякаго приготовленія предметы науки. Готовность эта проистекала изъ самой глубины его характера, находившаго удовлетвореніе только въ преодолѣніи затрудненій, и потому онъ любилъ знакомить съ результатами науки даже тѣхъ, которые не обладали знаніями, по-видимому, необходимыми для уразумѣнія излагаемыхъ истинъ. Только въ этихъ случаяхъ онъ хотѣлъ быть увѣренъ, что тѣ, съ которыми онъ бесѣдовалъ, находили дѣйствительный интересъ въ наукѣ. Встрѣчая-же безсмысленное любопытство или-же слыша положительно-высказываемыя мнѣнія отъ людей, никогда не подвергавшихся трудной работѣ размышленія, онъ терялъ терпѣніе и оканчивалъ разговоръ ироническимъ, часто рѣзкимъ замѣчаніемъ. Его часто упрекали въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ онъ слишкомъ пользовался превосходствомъ своего ума. Но тѣ, которые его такимъ образомъ осуждаютъ, перемѣнили-бы, можетъ быть, свое мнѣніе, еслибы знали цѣну, которою онъ купилъ право на подобное сознаніе своего достоинства. Письмо Якоби, написанное имъ въ 1824 годѣ, слѣдовательно еще въ эпоху его неизвѣстности, когда не было ему причины изображать свои умственныя усилія слишкомъ рѣзкими красками, содержитъ мѣсто, которое я приведу здѣсь, какъ замѣчательное дополненіе къ характеристикѣ необыкновеннаго человѣка. Ему было тогда 20 лѣтъ отъ роду и уже съ годъ онъ исключительно занимался математикою.

«Тяжкій трудъ совершилъ я — пишетъ онъ — и тяжкій трудъ я совершаю. Прилежаніе и память не приводятъ здѣсь къ цѣли, они только послѣдніе слуги движущейся отвлеченной мысли. Но упорное и напряженное размышленіе требуетъ бо́льшихъ усилій, чѣмъ самое продолжительное прилежаніе. И если мнѣ удалось безпрерывнымъ упражненіемъ въ размышленіи пріобрѣсти въ немъ нѣкоторую силу, то несправедливо было-бы думать, что пріобрѣтеніе это далось мнѣ безъ труда, какъ слѣдствіе какой-либо счастливой способности. Тяжкіе, тяжкіе труды переносилъ я и трепетъ размышленія часто губительно потрясалъ мой организмъ. Правда, сознаніе пріобрѣтенныхъ силъ — прекраснѣйшая награда этого труда и въ мѣстѣ съ тѣмъ поощреніе — не ослабѣвая продолжать начатое. Люди безъ мысли, незнакомые съ трудомъ и слѣд. не-

знакомые и съ этимъ сознанiемъ, стараются уничтожить утѣшенiе послѣдняго и такимъ образомъ отнять единственную опору бодрости на трудномъ пути. Они называютъ сознанiе собственной свободы и самостоятельности — вѣдь только въ движенiи мысли человѣкъ свободенъ и у себя — самодовольностiю и самонадѣянностiю. Всякiй, носящiй въ груди своей идею какой-либо науки, не можетъ оцѣнивать вещи иначе, какъ по степени проявленiя въ нихъ человѣческаго разума, и потому многое, достойное вниманiя въ глазахъ прочихъ, теряетъ свое значенiе, будучи измѣрено этимъ масштабомъ Такъ и меня часто упреками въ самонадѣянности, или-же, желая осудить меня и произнося величайшую похвалу, говорили, что я гордъ относительно всего низшаго и смиренъ только передъ высшимъ. Но, прилагая то безконечное мѣрило въ мiру внѣшнему и внутреннему, мы не можемъ слишкомъ высоко оцѣнить себя, ибо всегда имѣемъ передъ глазами безконечно высшую цѣль и ограниченность собственныхъ силъ. Я всегда буду пребывать въ той гордости и въ томъ смиренiи, да всегда буду стараться быть еще гордѣе и еще смиреннѣе».

Слова Якоби, въ которыхъ онъ говоритъ про себя, что онъ оцѣниваетъ вещи только по степени проявленiя въ нихъ человѣческаго разума, не были одною пышною фразою; это онъ показалъ въ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни, въ которыхъ онъ на все не касавшееся мiра идей смотрѣлъ не равнодушно, не съ хладнокровiемъ. Всего удивительнѣе проявилось это истинно-философское спокойствiе въ то время, когда онъ потерялъ все наслѣдованное имъ отъ отца имущество,—несчастiе тѣмъ болѣе чувствительное, что онъ, уже десять лѣтъ женатый, былъ главою многочисленнаго семейства. Никто изъ видѣвшихъ его въ то время, приспѣвшаго съ совѣтами на помощь къ своей матери, которая раз дѣляла его несчастiе, не могъ замѣтить въ немъ ни малѣйшей перемѣны. Онъ съ тѣмъ-же живымъ участiемъ говорилъ о предметахъ науки и сожалѣлъ только о томъ, что неожиданное путешествiе оторвало его отъ разысканiй, коими онъ въ то время занимался.

Мы уже выше говорили о благородной признательности, съ которою Якоби встрѣтилъ великiя открытiя Абеля. Подобный характеръ проявлялъ онъ при появленiи всего разумно-замѣчательнаго и къ нему непримѣнимо изрѣченiе древняго писателя, утверждавшаго, что люди удивляются только тому, что по ихъ мнѣнiю они сами могли-бы совершить. Якоби признавалъ всякую заслугу на поприщѣ умственной дѣятельности, и всякое открытiе въ своей наукѣ онъ встрѣчалъ тѣмъ съ большею радостiю, чѣмъ болѣе оно отли-

чалось отъ его собственныхъ твореній. Слѣдуя естественному влеченію, онъ въ такихъ случаяхъ усиливалъ свое одобреніе признаніемъ, что эта мысль никогда не пришла-бы ему.

Теперь мнѣ осталось только дополнить въ краткихъ словахъ то, что я уже выше говорилъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Якоби.

Онъ былъ еще доцентомъ, когда началъ свои изслѣдованія объ эллиптическихъ функціяхъ; удивленіе, порожденное его открытіями въ тѣхъ, которые были въ состояніи оцѣнивать подобныя заслуги, повлекло за собою повышеніе его на мѣсто экстраординарнаго, и вскорѣ послѣ того ординарнаго профессора.

Говоря о пріемѣ, который встрѣтили въ ученомъ мірѣ открытія Абеля и Якоби (здѣсь оба имени неразлучны), мнѣ нельзя не упомянуть въ особенности о томъ мужѣ, который, на основаніи долголѣтнихъ разысканій своихъ, особенно былъ въ состояніи оцѣнить всю важность неожиданнаго успѣха. Лежандръ, такъ часто упрекавшій своихъ современниковъ въ безъучастіи и изъявившій еще незадолго сожалѣніе, что любимѣйшая имъ отрасль знанія, оставленная всѣми безъ вниманія, развивалась и истощена имъ, какъ онъ думалъ, только послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ его,— Лежандръ встрѣтилъ открытія Абеля и Якоби, раздвинувшія далеко предѣлы теоріи (далѣе, чѣмъ даже онъ самъ полагалъ это возможнымъ), съ такимъ живымъ, одушевленнымъ одобреніемъ, что не знаешь, кого болѣе украшаетъ этотъ энтузіазмъ: молодыхъ-ли геометровъ, заслужившихъ его при началѣ своей дѣятельности, или маститаго ученаго, сохранившаго на закатѣ дней своихъ такую теплоту чувства.

Не менѣе лестнымъ отличіемъ было для молодыхъ дѣятелей то, что вскорѣ послѣ того Парижская академія наукъ признала ихъ достойными большой математической преміи, которую она и раздѣлила между Якоби и наслѣдниками Абеля, не смотря на то, что между темами, назначенными для соисканія этой награды, ни одна не касалась теоріи эллиптическихъ функцій.

Я долженъ здѣсь ограничиться указаніемъ на тѣ только доказательства признательности къ заслугамъ Якоби, которыя ознаменовали вступленіе его на ученое поприще. Предѣлы, мнѣ назначенные, не позволяютъ привести здѣсь также и тѣ отличія, которыми онъ пользовался въ послѣдствіи въ столь высокой степени, и которыя не могутъ быть опущены въ подробной біографіи.

Обнародовавъ въ 1829 году сочиненіе свое «Fundamenta nova theoriae funct. ellipt.», содержащее только часть разысканій его по этому предмету, Якоби предпринялъ первое большое путешествіе за границу. Онъ отправился въ Геттингенъ, чтобы лично познакомиться съ Гауссомъ, и оттуда въ Парижъ, въ которомъ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, и гдѣ въ то время кромѣ Лежандра, съ которымъ онъ уже прежде переписывался и къ которому онъ всегда чувствовалъ глубокое уваженіе, находились еще Фурье, Пуассонъ и другіе пережившіе Якоби знаменитые геометры.

Второе путешествіе за границу предпринялъ Якоби въ 1842 году, въ сопровожденіи своей супруги, женщины необыкновенныхъ дарованій, на которой онъ былъ женатъ съ 1831 года. Нельзя не упомянуть здѣсь о лестной причинѣ этой поѣздки. Просвѣщенный государственный мужъ, находившійся тогда во главѣ управленія Пруссіи, желалъ въ видахъ науки, чтобы Бессель и Якоби, уже часто приглашаемые присутствовать на ежегодномъ собраніи ученыхъ въ Англіи, хотя разъ воспользовались этимъ приглашеніемъ, и потому онъ обратился къ королю съ просьбою о назначеніи суммы на такое путешествіе. Его величество исполнилъ эту просьбу съ королевскою щедростію.

Вскорѣ по возвращеніи изъ этого путешествія, у Якоби показались признаки, къ несчастію, неизлечимой болѣзни. Долгое время онъ находился въ большой опасности; и когда она миновалась, то врачи объявили, что для его подкрѣпленія необходимо прожить ему нѣкоторое время въ болѣе южномъ климатѣ. Это рѣшеніе врачей поставило Якоби въ затруднительное положеніе, которое однакожь продолжалось не долго; лишь только сослуживецъ нашъ Алекс. фонъ-Гумбольдтъ, нигдѣ не отказывающій въ своемъ содѣйствіи, гдѣ того требуетъ честь науки или благо ея двигателей, успѣлъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія его величества, какъ снова королевскимъ великодушіемъ назначена была значительная сумма для путешествія Якоби въ Италію.

Здоровый климатъ Рима, въ которомъ Якоби прожилъ зиму, подѣйствовалъ на него такъ благодѣтельно, что видѣвшіе его тамъ не только не подозрѣвали въ немъ больнаго, но даже не могли надивиться его необыкновенной дѣятельности. Во время пятимѣсячнаго своего пребыванія въ Римѣ, Якоби написалъ, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей, помѣщенныхъ въ тамошнемъ повременномъ изданіи, важный и объемистый трактатъ для журнала Крелле

и предпринялъ разборъ рукописей Діофанта, хранящихся въ Ватиканѣ.

Возвратясь въ отечество, онъ былъ переведенъ изъ Кёнигсберга въ Берлинъ, коего сравнительно умѣренный климатъ менѣе угрожалъ его здоровью. Здѣсь онъ не имѣлъ постоянныхъ занятій въ университетѣ и на него возлагалась обязанность читать лекціи только тогда, когда позволяло это его здоровье. Литературная его дѣятельность и въ это время не ослабѣвала и могла равняться съ тою, которая ознаменовала лучшіе годы пребыванія его въ Кёнигсбергѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ статьи его, написанныя въ продолженіе шести лѣтъ и наполняющія два толстые тома in 4°.

Въ началѣ 1851 года его постигъ припадокъ гриппа; но какъ онъ скоро отъ этого оправился и снова ревностно началъ заниматься, то друзья его надѣялись, что Провидѣніе сохранитъ его для нихъ и для науки, какъ вдругъ 11-го февраля онъ снова заболѣлъ. Уже при началѣ болѣзни состояніе его возбудило опасенія; когда-же черезъ нѣсколько дней увидѣли, что онъ заболѣлъ оспою, принявшею самый злокачественный характеръ, то всякая надежда исчезла. 18-го февраля, слѣдовательно спустя недѣлю послѣ первыхъ признаковъ болѣзни, въ 11 часовъ вечера онъ спокойно скончался.

Якоби дѣйствовалъ на ученомъ поприщѣ ровно четверть столѣтія, слѣдовательно ему было дано гораздо менѣе времени, нежели почти всѣмъ прочимъ первоклассным̆ъ геометрамъ и едва половина доставшагося на долю Эйлеру, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства какъ по многосторонности и плодовитости, такъ и по тому свойству, по которому всѣ вспомогательныя средства науки всегда находились въ его распоряженіи.

Смерть, похитившая его такъ рано и неожиданно въ полномъ цвѣтѣ умственныхъ силъ, лишила науку тѣхъ великихъ пріобрѣтеній, которыхъ она была въ-правѣ ожидать отъ неутомимой дѣятельности Якоби. Я говорю это не только на основаніи предположенія, что въ столь геніальномъ умѣ творческая сила можетъ потухнуть только вмѣстѣ съ силами физическими, но и потому, что имѣю передъ глазами рядъ почти оконченныхъ статей, требовавшихъ только послѣдней обработки, которую Якоби былъ-бы въ состояніи дать имъ въ самое короткое время — во время печатанія, можетъ быть, какъ это онъ часто дѣлалъ въ послѣднее время.

Теперь статьи эти явятся въ свѣтъ какъ отрывки, въ несовершенномъ видѣ, изданные друзьями покойнаго.

Еще во время своей послѣдней болѣзни, за четыре дня до смерти, онъ жаловался на неудачу, сопровождавшую многіе изъ трудовъ его, прерванныхъ болѣзнію или семейными несчастіями. «Если потомъ, прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ, я опять обращался къ занятіямъ, то охотно начиналъ что-либо новое и покидалъ прежнія разысканія, возбуждавшія во мнѣ столь печальныя воспоминанія. Но я знаю, что не долженъ долѣе медлить обнародованіемъ этихъ прежнихъ трудовъ моихъ, коимъ я посвятилъ большую часть лучшихъ силъ, если желаю принести ими пользу наукѣ. Къ-счастію, мнѣ нужно на это только немного времени, котораго, надѣюсь, я не буду лишенъ».

И. И.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

О жидкомъ стеклѣ или стеклянной поливѣ и способахъ ея употребленія. Москва, 1857.

Земная кора состоитъ изъ смѣси и соединеній множества веществъ, но между ними есть три обыкновеннѣйшія: песокъ, глина и известь или, правильнѣе, кремнеземъ, глиноземъ и углекислая известь. Вся почти поверхость земли покрыта соединеніями или смѣсями этихъ окисловъ. Дѣло науки изучить ихъ возможно лучшимъ образомъ, дѣло промышлености извлечь изъ нихъ возможно большую выгоду. На земной поверхности есть еще два тѣла: вода и воздухъ, которыхъ столь-же много, если не больше, чѣмъ глины и песку. Вода и воздухъ служатъ добрую службу человѣку, промышленость извлекла изъ нихъ множество выгодъ. Хотя много воздуха и воды потребляется на многія техническія производства, на жизненныя силы растеній и животныхъ, тѣмъ не менѣе не уменьшается на землѣ количество этихъ тѣлъ. Это происходитъ оттого, что истребляемая вода или измѣняемый воздухъ снова, посредствомъ образовательныхъ силъ природы, образуются и пополняютъ убыль. Для того, чтобы вырости дереву, ему нужно было много истребить воздуха и воды, долго было нужно дышать и всасывать. Но приходитъ время смерти, и опять изъ

гніющаго или горящаго дерева, изъ опадшихъ листьевъ создаются тѣ элементы, которые дерево временно заняло у природы; дерево возвращаетъ ей и воду и углекислоту. А какъ количество растительности, среднимъ числомъ, постоянно на землѣ, или даже уменьшается, то и понятно, что растительность не измѣняетъ средняго количества воздуха и воды. Такъ и всѣ производства и явленія, основанныя на употребленіи тѣхъ-же общераспространенныхъ веществъ.

То-же самое происходило-бы, еслибы мы употребляли повсюдные богатые земные запасы столь-же часто, какъ употребляемъ воду и воздухъ. Вы возьмете изъ Англіи глину въ видѣ фарфора. Онъ разобьется когда-нибудь, его выбросятъ и онъ попадетъ подъ вліяніе разнообразныхъ силъ природы; рано или поздно изъ него будетъ опять та-же глина, изъ какой былъ сдѣланъ фарфоръ. Вы возьмете мѣлъ, обожжете его и превратите въ известь, а ее употребите для бѣленія стѣнъ и для кладки печей вашего дома. Онъ когда-нибудь погибнетъ, развалится, сгніетъ, тогда и известь вымоется дождемъ изъ развалинъ дома, и опять станетъ такою-же углекислой известью, какая составляла взятый вами мѣлъ. Оттого такъ выгодно и такъ важно для промышлености всякое производство, основанное на потребленіи вездѣ находящихся обыкновенныхъ веществъ. Если не требуются матеріалы извѣстнаго рѣдкаго достоинства по чистотѣ, то производство становится весьма выгоднымъ и общеполезнымъ. Таково производство кирпича, ѣдкой извести, стекла. До-сихъ-поръ почти для всѣхъ другихъ производствъ, основанныхъ на употребленіи известняковъ, глины и песку, требуются рѣдкія качества этихъ матеріаловъ. Такъ известнякъ плотный, мѣлко-кристаллическій, чистаго цвѣта образуетъ дорогой мраморъ, хотя онъ по составу и не отличается отъ обыкновеннаго мѣла и известняка, употребляемаго для обжиганія на известь. Глина, не сопровождаемая примѣсями, чистая и рыхлая, идетъ на производство фаянсовой и форфоровой посуды и цѣнится несравненно высоко въ отношеніи къ обыкновенной глинѣ. Та-же почти глина т. е. по химическому составу тотъ-же глиноземъ (или окись металла глинія или алюминія) въ видѣ кристалловъ даетъ дорогія камни: наждакъ, корундъ, сафиръ, рубинъ. Вещество, образующее песокъ, т. е. кремнеземъ или окись кремнія или силицін, можетъ образовать дорогой горный хрусталь и яшму, кремень, трепелъ, употребляемый для шлифованія, плотный песчанникъ, при-

годный для постройки, и много другихъ весьма цѣнныхъ веществъ. Песку, глины и известняковъ всюду много, а между-тѣмъ весьма цѣнны многія ихъ формы, многія ихъ измѣненія. Наука и промышленость должны стремиться къ тому, чтобъ извлечь всевозможную пользу изъ повсюдныхъ веществъ, должны научить превращать одну форму глины во всѣ остальныя, одинъ видъ известняка или кремнезема — въ любой другой видъ.

Мы не боимся за будущіе вѣка, что имъ не достанетъ дерева на постройку и отопленіе, что мало будетъ мѣста для взращиванія волокнистыхъ растеній, необходимыхъ для одежды; что будетъ невыгодно кормить животныхъ, дающихъ шерсть; что расплодившійся народъ все больше и больше возьметъ земель подъ посѣвы. Мы не боимся всего этого, ибо увѣрены, что усилія науки и ея сцѣпленіе съ жизнію доведутъ до возможности совершенно оставить употребленіе дерева, замѣнить его глиною, известью, пескомъ, мы увѣрены, что можно будетъ со-временемъ отапливать или тающимъ льдомъ (*), или водородомъ (**), или механическимъ движеніемъ, для котораго достаточно вѣтровъ и теченія воды. Мы увѣрены, что и для одежды, въ случаѣ недостатка въ растеніяхъ и животныхъ, можно употреблять минеральныя вещества: вѣдь были-же въ модѣ лѣтъ 10 тому назадъ стеклянныя матеріи, сдѣланныя изъ гибкихъ и тончайшихъ нитей стекла. А что необходимо человѣку для того, чтобъ онъ могъ жить, кромѣ пріюта, одежды и топлива? Многое и многое скажете вы: пища, освѣщеніе, предметы удобствъ, упражненія, книги, экипажи, не считая всего относящагося къ міру нравственному. О послѣднемъ не станемъ говорить, а только припомнимъ, что образованіе нравственное не можетъ идти успѣшно безъ развитія удобствъ жизни, безъ облегченія способовъ отыскивать необходимое въ жизни, безъ развитія довольства.

Что касается до пищи, освѣщенія, и т. п., то наука въ своемъ современномъ состояніи указываетъ уже возможность полученія ихъ изъ элементовъ не живой части земли. Нечего и говорить объ освѣщеніи: оно и теперь производится газомъ (свѣтильнымъ или углеродисто-водороднымъ, иначе маслороднымъ или эѳиленомъ

(*) Извѣстно, что ледъ при таяніи отдѣляетъ значительное количество теплоты.

(**) Водородъ извлекается изъ воды и сгарая отдѣляетъ огромное количество теплоты и образуетъ съ кислородомъ воздуха воду.

или элаеномъ), водородомъ, гальваническимъ токомъ. Питательныя вещества до-сихъ-поръ мы беремъ только изъ растеній и животныхъ и не получили еще ихъ искусственно. Но новому времени принадлежитъ честь указанія на возможность полученія ихъ,—указанія, основаннаго на опытахъ. Долго думали, что въ рукахъ химика есть средство только разрушать органическія вещества, а не созидать ихъ. Послѣднюю способность считали принадлежностію существъ живыхъ. Растеніе изъ воды, углекислоты, щелочей, амміака, кислорода и азота производятъ почти всѣ равнообразнѣйшія свои произведенія. Животныя берутъ ихъ отъ растеній и въ себѣ видоизмѣняютъ и отчасти сами создаютъ. Человѣкъ беретъ питательныя вещества отъ тѣхъ и другихъ. Въ разнообразныхъ способахъ обработки почти всегда разрушается часть этихъ веществъ. Такъ крахмалъ картофеля и пшеницы переходитъ въ патоку (сусло), а изъ нея (бродитъ) переходитъ въ вино, распадаясь въ это время на спиртъ (алькоолъ) и углекислоту. До-сихъ-поръ изъ углекислоты и спирта не удалось сдѣлать сахару, а изъ сахару крахмала. Но вѣроятность говоритъ въ пользу возможности по-крайней-мѣрѣ перваго превращенія.

Приведемъ тому примѣръ. Спиртъ или алькоолъ при многихъ обстоятельствахъ легко распадается на эѳиръ и воду; но изъ эѳира и воды легко возпроизвести снова алькоолъ. Тотъ-же алькоолъ, при дальнѣйшемъ распаденіи, даетъ маслородный газъ (свѣтильный) и воду. Но изъ маслороднаго газа и воды снова легко можно получить спиртъ. Такъ Бертело, въ 1855 году, получилъ алькоолъ изъ маслороднаго газа, взбалтывая его продолжительное время съ сѣрною кислотою. Значитъ изъ элементовъ есть возможность произвести тѣ вещества, изъ которыхъ произошли эти элементы. Потому есть надежда изъ спирта и углекислоты получить сахаръ или патоку. А спиртъ можно получить, какъ мы видѣли, изъ маслороднаго газа и воды. Маслородный-же газъ можетъ-быть полученъ изъ каменнаго угля и, по послѣднимъ изслѣдованіямъ Бертело, даже изъ чисто неорганическихъ веществъ—сѣрнистаго углерода и сѣрнистаго водорода. И такъ изъ тѣлъ мертвой природы, изъ веществъ неорганическихъ, мы можетъ получить маслородный газъ, воду, углекислоту, амміакъ. Эти вещества дадутъ начало алькоолю, уксусной кислотѣ, различнымъ эѳирамъ, эѳильамину и др. Изъ нихъ можно, вѣроятно, получить уже и сахаръ. Но пока нѣтъ еще намека на способъ полученія

сахара, мы уже имѣемъ намекъ на полученіе изъ неорганическихъ элементовъ стеариновой кислоты, глицерина и слѣдовательно всѣхъ жировъ. Вотъ уже одинъ родъ пищи. А кто рѣшится сказать, что далеко время полученія азотистыхъ веществъ, въ родѣ теина, гликокколя и т. п. изъ амміака и органическихъ тѣлъ?

Мы думаемъ, что со-временемъ можно будетъ приготовлять всякое органическое вещество изъ запаса повсюдныхъ веществъ. Пока не дошли до этого, все-же полезно извлекать всевозможную выгоду изъ тѣхъ веществъ, которыхъ такъ много во всѣхъ мѣстностяхъ. Оттого съ такимъ сочувствіемъ встрѣчено было извѣстіе о глиніѣ или алюминіѣ—металлѣ и красивомъ и весьма удобномъ для употребленія въ общежитіи: потому-что онъ въ огромномъ количествѣ распространенъ всюду въ видѣ глины. Къ ряду подобныхъ-же блестящихъ примѣненій общедоступныхъ веществъ къ промышлености принадлежитъ и жидкое стекло или стеклянная полива.

Кремнеземъ, образующій песокъ, кварцъ, кремень, песчаникъ и многія другія тѣла, входящій въ составъ всѣхъ родовъ почвы и всѣхъ почти камней, этотъ кремнеземъ есть окись т. е. соединеніе кислорода съ кремніемъ. Въ большей части камней этотъ кремнеземъ соединенъ съ другими окисями и образуетъ нарастворимое (въ водѣ) соединеніе, напримѣръ полевой шпатъ, слюду, горный ленъ, гранатъ и т. п. Такое-же соединеніе представляетъ и стекло. Оно есть соединеніе кремнезема съ известью и кали (т. е. съ окисью кали, заключающуюся въ поташѣ). Соединеніе кремнезема съ кали образуетъ вещество растворимое—это и есть жидкое стекло или полива. Подобно тому, какъ сѣрная кислота съ одними окислами даетъ нерастворимыя соединенія (такъ гипсъ есть соединеніе сѣрной кислоты съ известью), а съ другими растворимыя (такъ мѣдный купоросъ есть соединеніе сѣрной кислоты съ окисью мѣди), такъ точно и кремнеземъ съ множествомъ окисловъ даетъ каменистыя, нерастворимыя соединенія, а съ кали и натромъ даетъ растворимыя соединенія. Эти соединенія были получены Мюнхенскимъ профессоромъ Фуксомъ. Для этого онъ бралъ чистый песокъ, смѣшивалъ его съ $^2/_3$ по вѣсу поташа или воды и съ $^1/_{10}$ угля, и стиралъ всю смѣсь и сплавлялъ ее до совершенной жидкости. Тогда углекислота, содержащаяся въ поташѣ или содѣ, улетучивалась въ видѣ пузырьковъ, а кремнеземъ соединялся съ кали или натромъ. Къ смѣси прибавлялся уголь для того, чтобы устра-

нить вредное вліяніе нечистоты поташа или соды. Послѣ охлажденія получается темная (отъ примѣси угля) масса, похожая по виду и по твердости на стекло, масса хрупкая и съ краевъ просвѣчивающая; изъ нея можно выдѣлывать всѣ предметы, какъ изъ обыкновеннаго стекла. Такую-то массу или поташное или натровое стекло толкутъ въ порошокъ, кипятятъ съ небольшимъ количествомъ воды и получаютъ растворъ. Его процѣживаютъ и въ такомъ видѣ онъ образуетъ *растворимое* или *Фуксово стекло* или *стеклянную поливу*. Если такой растворъ стекла нагрѣть до высушиванія, то получается плотная стеклянная масса, которую снова можно растворить. Если оставить растворъ Фуксова стекла на воздухѣ, то углекислота воздуха соединится съ кали и произойдетъ поташъ, а кремнеземъ образуетъ съ водою студенистый осадокъ и растворъ воднаго кремнезема. Если этотъ измѣненный растворъ выпарить или высушить, то полученная масса не можетъ уже вполнѣ растворится въ водѣ, и останется высушенный кремнеземъ.

Потому должно сохранять растворимое стекло въ хорошо закупоренныхъ сосудахъ. Если къ раствору стекла прилить какой-нибудь кислоты, то кали или натръ соединится съ кислотой, а водный кремнеземъ получится отчасти въ видѣ студени, отчасти-же въ видѣ раствора. Если къ раствору Фуксова стекла прилить какой-нибудь соли, напримѣръ азотнокислой извести, то кали соединится съ кислотою соли, а кремнеземъ съ окисью образуетъ осадокъ. Такъ въ нашемъ примѣрѣ кали дастъ съ азотною кислотою азотнокислое кали или селитру, а известь, соединившись съ кремнеземомъ, дастъ твердый бѣлый осадокъ кремнекислой извести.

Вотъ главнѣйшіе факты, упоминаемые во всѣхъ учебникахъ и необходимые для свѣдѣнія при употребленіи названнаго стекла. Употребленіе это весьма многоразлично. Вотъ-что говорилъ объ этомъ г. Д. Галль въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, 19 января 1857 года (стр. 5):

«Если вы желаете предохранить отъ огня ваши дома, ваши анбары, ваши фабрики, то покрывайте въ нихъ стеклянною поливою все, что можетъ воспламеняться; если вы желаете, чтобы ваши церкви и храмы, ваши театры и другія великолѣпныя зданія, ваши памятники, статуи и барельефы устояли отъ разрушительнаго вліянія времени, покрывайте ихъ тою-же поливою. Если вы хотите избавиться отъ гибельнаго дѣйствія сырости и предохранить отъ нея ваши жилища, скотные дворы и фабрики, то покры-

вайте ихъ тѣмъ-же стекломъ; если вы любите чистоту и опрятность, отъ которыхъ нерѣдко зависитъ успѣхъ промышленаго дѣла, то покрывайте жидкимъ стекломъ ваши молочные погреба, ваши винные, пивоварные, свеклосахарные заводы и всѣ кадки и сосуды, въ которыхъ сберегаются различныя жидкости; если вы желаете дать прочность стѣнной живописи и дорогимъ обоямъ, украшающимъ ваши покои, употребляйте для того стеклянную поливу; если вы желаете»....

Долгобы пришлось исчислять всѣ примѣненія, для какихъ совѣтуетъ употреблять ее г. Кульманъ; немного далѣе мы упомянемъ о главнѣйшихъ изъ этихъ примѣненій, а теперь пока замѣтимъ о томъ, отчего стали въ послѣднее время такъ много говорить о веществѣ, извѣстномъ уже съ давнихъ поръ, изобрѣтатель котораго уже предвидѣлъ многоразличное примѣненіе описаннаго имъ тѣла.

Указаніе свойствъ Фуксова стекла показало, что если имъ покрыть дерево, то оно, какъ всякій растворъ, вопьется въ дерево, въ его поры, тамъ высохнетъ и подъ вліяніемъ углекислоты воздуха сдѣлается нерастворимымъ. Значитъ, вся масса и внутренность поръ или скважинъ дерева покроется тонкимъ слоемъ воднаго кремнезема — вещества негорючаго и твердаго, негніющаго. Посему такое дерево должно было быть прочнымъ, негніющимъ, твердымъ и негорючимъ. Дѣйствительно, гніеніе и горѣніе требуетъ, чтобы вещество имѣло непосредственное и прямое прикосновеніе съ воздухомъ; а въ деревѣ, покрытомъ стеклянною поливою, этого прямаго прикосновенія не можетъ быть. И дѣйствительно, опытъ показалъ, что дерево, пропитанное стеклянною поливою, не горитъ, а только тлѣетъ, и то съ трудомъ и весьма сильно сопротивляется гніенію. Это свойство вызвало примѣненіе растворимаго стекла въ техникѣ, и потому уже лѣтъ 20—30 тому назадъ въ Австріи и во Франціи устроены были заводы для приготовленія растворимаго стекла. Въ послѣдствіи увидѣли, что то-же вещество можетъ имѣть и многія другія примѣненія; тогда фабрики и изслѣдованія свойствъ растворимаго стекла стали распространяться. Одинъ изъ фабрикантовъ, извѣстный ученый *Кульманъ*, въ Лиллѣ, особенно много новаго сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Либихъ, проѣзжая съ Парижской выставки, останавливался на фабрикѣ Кульмана и былъ пораженъ тѣмъ, что видѣлъ тамъ. Это было описано Либихомъ въ Мюнхенской газетѣ и слова ветерана химіи

заставили весьма многихъ обратить вниманіе на растворимое стекло. Въ Германіи стали много писать объ этомъ предметѣ, завели много фабрикъ. И унасъ въ Россіи спеціальные журналы обратили также вниманіе на вещество, всѣхъ интересующее. Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, секретарь его, г. Масловъ, обратилъ особенное вниманіе присутствовавшихъ на растворимое стекло и, по поводу этого, появилась брошюра, заглавіе которой выписано нами выше. Ее составилъ г. П. А. изъ статьи г. Галля, изъ письма Либиха, рѣчи г. Маслова и статьи г. Докт. Маркварта (Polyt. Jour. v. Dingler. 1856 іюнь 2 кн.). Мы присовокупимъ сюда еще извлеченія изъ многихъ статей г. Кульмана, помѣщавшихся въ Erdmann's Journal für pract. Chem., и такимъ-образомъ изложимъ приготовленіе и примѣненіе растворимаго стекла.

Растворимое стекло можно приготовлять изъ кремнезема (т. е. песку или кварца, песчаника, опала и т. п.) и натра или кали. Натровое (содовое) стекло дешевле калистаго (поташнаго), потому во-первыхъ, что сода въ настоящее время дешевле поташа, а во-вторыхъ потому, что для всѣхъ соотвѣтствующихъ соединеній всегда потребно кали въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ натра, или поташа въ $1^1/_5$ раза больше, чѣмъ соды (*). Для приготовленія было-бы выгодно брать какъ можно меньше соды и поташа, а больше кремнезема или песку, потому что всѣ свойства жидкаго стекла принадлежатъ кремнезему, а кали должно быть въ послѣдствіи удалено или оно вредитъ предмету, на который наложена полива; напримѣръ портитъ цвѣтъ дерева, выступаетъ на камнѣ растравляетъ матерію. Но, къ-сожалѣнію, нѣтъ возможности брать очень мало поташа или соды: потому что тогда образуется стекло нерастворимое въ водѣ т. е. негодное для употребленія. Такъ какъ операція (описанная нами выше) расплавленія поташа и песку, измельченія и кипяченія весьма продолжительна и не даетъ ручательства въ томъ, что въ растворѣ нѣтъ избытка натра, то Кульманъ и употребляетъ слѣдующій способъ. Кварцъ, кремни и тому подобные сорты кремнезема, размельченные, подвергаютъ дѣйствію кипящаго

(*) Это основывается на томъ, что пай натрія 289 меньше пая калія 488. Потому соотвѣтствующія количества кали и натра относятся между собою, какъ (488 + 100): (289 + 111) = 588: 389 почти = $1^1/_2$: 1. Для поташа и соды (488 + 100 + 75 + 200): (289 + 100 + 75 + 200): = 863: 664 почти какъ $1^1/_5$: 1.

раствора натроваго щелока въ чугунномъ котлѣ, закрытомъ плотною крышкою, такъ чтобы пары не могли улетучиваться. Въ этомъ котлѣ, для предупрежденія разрыва, дѣлаютъ предохранительный клапанъ, который соотвѣтствовалъ бы 8—10 атмосферамъ давленія. Для приготовленія натроваго щелока (т. е. раствора натра въ водѣ), берутъ, по общепринятому способу (такъ приготовляютъ щелокъ на мыловаренныхъ заводахъ), соду и ѣдкую известь. Щелокъ растворяетъ при нагрѣваніи и высокомъ давленіи кремнеземъ, и насыщаясь имъ, прямо образуетъ поливу. На заводѣ Маркварта въ Боннѣ приготовляютъ растворъ троякой крѣпости: 33%, 40% и 60% т. е. въ 100 ч. раствора содержится или 33% или 40% или 60% твердыхъ стеклянныхъ частей, а остальное есть вода. Во многихъ случаяхъ такіе растворы должно разводить водою. Хорошій и крѣпкій растворъ, весьма годный для употребленія, имѣетъ удѣльный вѣсъ около 1,24. Приготовленную поливу разливаютъ въ бутыли и плотно закупориваютъ, чтобы не было доступа воздуха. Если-же готовятъ растворимое стекло по первому, въ началѣ нами описанному способу, то весьма часто пускаютъ въ продажу въ твердомъ видѣ, и такіе куски прекрасно сохраняются, но при употребленіи должно долгое время кипятить порошокъ ихъ съ водою. На фабрикѣ въ Вейсгрюнѣ пудъ твердаго стекла продается по 7 р. с., а пудъ жидкаго—по 2 р. сер. Въ Москвѣ у Мартена пудъ жидкаго стекла продается по 6 р. с.

Употребленіе жидкаго стекла въ техникѣ состоитъ въ томъ, что имъ смазываютъ или пропитываютъ какіе-либо предметы. Для этого берутъ сначала негустой растворъ, и кистью, смоченною въ немъ, смазываютъ предметъ. Когда онъ высохнетъ, кладутъ еще слой или даже два и нѣсколько слоевъ, предварительно дождавшись того, когда предыдущій слой высохнетъ. Для послѣдующихъ слоевъ берутъ растворы болѣе и болѣе крѣпкіе. Когда кладутъ самый послѣдній слой, то считаютъ весьма полезнымъ прибавлять къ нему мелко-истолченнаго мѣлу. Предметъ, покрытый такимъ растворимымъ стекломъ, представляетъ различныя отношенія къ самой поливѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при покрышкѣ дерева, происходитъ разложеніе поливы главнымъ образомъ при содѣйствіи воздуха и именно заключающейся въ немъ углекислоты. Она соединяется съ натромъ поливы и образуетъ соду, а кремнеземъ въ видѣ коры облекаетъ тѣ части, до которыхъ успѣлъ проникнуть. Въ другихъ случаяхъ самый матеріалъ

покрываемой вещи способствуетъ затвердѣнію поливы, образуя съ нею твердое химическое соединеніе. Это случается напримѣръ каждый разъ, когда въ покрываемой вещи есть известь, ибо она соединяется тогда съ кремнеземомъ. Потому-то и прибавляютъ къ послѣднему или верхнему слою поливы мѣлу, чтобъ образовать на поверхности тѣла кремнеземистую известь. Но, во всякомъ случаѣ, примѣсь свободной соды и сода, образующаяся при дѣйствіи углекислоты воздуха на поливу, вредно дѣйствуютъ на покрываемый предметъ или по-крайней-мѣрѣ не приносятъ пользы, а напротивъ того вывѣтриваются и даютъ на поверхности налетъ. Посему было-бы полезно удалять натръ изъ пропитаннаго предмета или по-крайней-мѣрѣ превращать его въ безвредное тѣло. Кульманъ въ прошедшемъ году посовѣтовалъ употреблять для этой цѣли кремне-фористо-водородную кислоту (*). Она, какъ извѣстно, есть одна изъ немногихъ кислотъ, дающихъ съ щелочами трудно-растворимыя соединенія. Предметъ покрываютъ сначала жидкимъ стекломъ, а потомъ смачиваютъ названною кислотою. Тогда послѣдняя соединяется съ щелочью поливы и образуетъ, равно какъ и кремнеземъ, плотную массу внутри или на поверхности тѣла. Тогда уже не будетъ образоваться соды или поташа, слѣдовательно не будетъ вывѣтриванія и порчи покрываемаго предмета. Этотъ способъ есть, безъ сомнѣнія, самый раціональный (**). Теперь намъ будутъ понятны всѣ примѣненія, которыя можетъ имѣть жидкое стекло (Wasserglas) или полива или Фуксово стекло. Первое примѣненіе относится къ дереву. Станемъ называть дерево, покрытое поливою, окремнѣлымъ деревомъ. Такое дерево дѣйствительно во многомъ сходно съ *окремнѣлымъ деревомъ*, ибо послѣднее и есть дерево, проникнутое насквозь кремнеземомъ (или другимъ твердымъ тѣломъ). Окаменѣлыя деревья лежатъ милліоны лѣтъ подъ землею и не портятся, и еслибы мы могли получать столь-же окамнѣлыя деревья, то могли-бы строить изъ дерева не горящія, весьма твердыя, негніющія, полирующіяся и вѣковыя вещи. Окремнѣніе есть первый шагъ къ этому. Окремнѣлое дерево не горитъ,

(*) Для полученія ея нагрѣваютъ смѣсь плавиковаго шпата, песку и сѣрной кислоты и происходящій газъ проводятъ въ воду. Въ водѣ образуется осадокъ кремнезема и растворъ кремне-фористо-водородной кислоты.

(**) Кульманъ называетъ покрытіе предмета поливою *окремнѣніемъ* (Silicatisation, Verkieselung), а покрытіе кремне-фористо-водородною кислотою— *фтороокремнѣніемъ* (Fluosilicatisation, Fluorverkieselung).

а тлѣетъ, трудно гніетъ, легко чистится, не пропускаетъ влажности и паровъ, а потому весьма полезно въ тысячи случаевъ, о которыхъ нѣтъ даже нужды упоминать, ибо вездѣ полезнѣе употреблять такое дерево, чѣмъ обыкновенное. Окремнѣлое дерево принимаетъ другой цвѣтъ. Такъ молодой дубъ становится похожимъ на старый, темный. Вообще-же окремнѣніе вредитъ виду дерева, а потому лучше всего покрывать одновременно краскою и поливою. Такое дерево удобно мыть водою. Для окремнѣнія дерева должно брать жидкій растворъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ не глубоко проникаетъ въ дерево и такое дерево легко даетъ трещины.

Второе, еще болѣе важное примѣненіе поливы есть окремнѣніе известняковъ. Если кусокъ мокраго и мягкаго мѣлу опустить на нѣсколько времени въ жидкое стекло, то мѣлъ станетъ твердымъ, непишущимъ, полирующимся. Это происходитъ отъ того, что известь мѣла образуетъ съ кремнеземомъ поливы нерастворимое вещество, которое вмѣстѣ съ самою поливою даетъ тѣло совершенно сходное по составу съ обыкновенными стекломъ, ибо въ послѣднемъ, кромѣ кремне-земистаго натра (полива), заключается еще кремнеземистая известь. Кромѣ того и сама углекислая известь мѣла съ кремнеземистою известью образуетъ химическое соединеніе. Словомъ, масса каменѣетъ. И такъ вы имѣете рыхлый мѣлъ, пористый крупчатый известнякъ, напримѣръ въ родѣ того, какимъ изобилуютъ окрестности Одессы, вы имѣете мягкій доломитъ, наконецъ мягкую плиту. Изъ нихъ вы легко выточите камни, по формѣ вамъ пригодной. Если сложите изъ нихъ домъ, то онъ будетъ сырой, холодный, непрочный; но вы прежде окремните ваши камни, и тогда получите прочнѣйшій домъ. Съ поверхности вы можете его отполировать, нарѣзать на немъ фигуры, придать всевозможныя формы. Вамъ можно будетъ мыть стѣны вашего дома, вамъ нечего бояться сырости, и чѣмъ дольше будетъ стоять вашъ домъ, тѣмъ прочнѣе и каменистѣе будетъ становиться. Въ вашихъ странахъ нѣтъ камня годнаго для скульптурныхъ украшеній, но много мѣлу, песку. Пропитайте мѣлъ поливою, смѣшайте съ нею песокъ, прибавьте предварительно какихъ угодно красокъ, и вы дома можете получить и мраморо-видные и яшмовидные камни всякаго цвѣта. И это еще далеко не послѣдняя услуга окремнѣлой извести. Известь служитъ, какъ извѣстно, для скрѣпленія (цементовъ) кирпичей и каменьевъ, для бѣленія и крашенія стѣнъ. Въ обоихъ случаяхъ окремнѣлая известь пригоднѣе

обыкновенной. Известь, смѣшанная съ водою и пескомъ, служитъ цементомъ, потому-что при дѣйствіи времени и подъ вліяніемъ воздуха образуетъ твердую каменистую массу. Такой цементъ выходитъ и плотнѣе и прочнѣе и дѣйствуетъ быстрѣе тогда, когда къ извести будетъ прибавлено растворимое стекло: потому-что въ послѣднемъ случаѣ легко происходитъ кремнеземистая известь — вещество, какъ мы уже говорили, твердое и постоянное. Особенно важно употребленіе жидкаго стекла, въ смѣси съ известью, для подводныхъ работъ. Тамъ не можетъ быть употребляема обыкновенная известь, потому-что она размывается водою, и для всѣхъ подобныхъ построекъ употребляютъ дорогой цементъ или гидравлическую известь, которая находится только въ немногихъ мѣстностяхъ и потому дорого цѣнится. Чаще всего для подводныхъ работъ употребляютъ смѣсь обыкновенной извести съ цементомъ т. е. такимъ веществомъ, которое образуетъ съ обыкновенною известью гидравлическую, твердѣющую подъ водою. Такіе цементы всегда содержатъ такое вещество, въ которомъ есть кремнеземъ способный образовать съ известью твердое нерастворимое соединеніе. Такой цементъ образуютъ пуццолана, тракъ, даже простой кирпичъ. Но дѣйствіе этихъ цементовъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше въ нихъ кремнезема, могущаго переходить въ растворъ: посему жидкое стекло съ большимъ удобствомъ и выгодою можетъ замѣнять дорогую пуццолану и другіе цементы. Для того смѣшиваютъ 100 частей жженной извести съ 10 частями сухаго Фуксова стекла и смѣсь прямо употребляютъ для подводныхъ работъ. Этотъ способъ полученія гидравлической извести есть одинъ изъ самыхъ раціональныхъ. Стеклянная полива съ большою пользою можетъ итти для окраски стѣнъ домовъ и комнатъ. Обыкновенныя, употребляемыя въ техникѣ (известковыя, клѣевыя и масляныя) краски представляютъ многія неудобства, особенно-же то, что онѣ пачкаютъ, не могутъ быть мыты, теряютъ видъ отъ дождя, легко выцвѣтаютъ и потому требуютъ частой поправки. Примѣшивая къ известковой краскѣ жидкаго стекла, мы получимъ послѣ окраски почти стекловатую поверхность, которая превосходно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Она имѣетъ въ особенности то важное достоинство, что можетъ долго сохраняться и отъ мытья становится каждый разъ какъ-бы новою; притомъ, покрывая стѣну плотнымъ слоемъ, она защищаетъ домъ отъ сырости, вѣтровъ и т. п. Для того, чтобы выкрасить стѣну такою кра-

скою, поступаютъ такъ: сперва покрываютъ стѣну слабымъ раствором поливы или, лучше, насосомъ опрыскиваютъ всю стѣну. Высохшую стѣну покрываютъ смѣсью мѣлу, жидкаго стекла и краски, а иногда смѣсью одной краски съ жидкимъ стекломъ. Послѣднее окрашиваніе повторяютъ нѣсколько разъ. Для бѣлой краски употребляютъ мѣлъ или, лучше, свинцовыя или цинковыя бѣлила. Употребляя смѣсь поливы съ бѣлилами, получаютъ краску, весьма быстро высыхающую, а чтобы воспретятствовать этому, прибавляютъ порошка тяжелаго шпата (барита или, правильнѣе, сѣрнокислой окиси барія). Для другихъ красокъ берутъ смѣсь мѣлу или бѣлилъ съ охрою, хромокислымъ цинкомъ, сѣрнистымъ кадміемъ, ультрамариномъ, киноварью и др. Для красокъ нельзя употреблять Берлинскую лазурь, Парижскую синь и растительныя краски. Можно также выкрасить стѣну обыкновенною краскою или покрыть обоями и потомъ сверху покрыть стекляною поливою.

Красками, приготовленными на поливѣ, можно красить металлы, напримѣръ желѣзо, чугунъ, цинкъ, мѣдь. Выкрашенныя вещи можно безопасно нагрѣвать; тогда кремнеземъ образуетъ съ металломъ соединеніе еще болѣе плотное. Выкрашенные металлы, устраненные отъ доступа воздуха, защищаются такимъ образомъ отъ ржавчины. Особенно пригодно подобное окрашиваніе для печей и заслонокъ, для котловъ, паровиковъ и т. п. Стеклянная полива можетъ также служить для окраски и живописи на стеклѣ, фарфорѣ, глиняныхъ издѣліяхъ и т. п. Смѣсь краски и поливы, высыхая на стеклѣ, оставляетъ окрашенный плотный слой, который часто не отмывается горячею водою. Для окрашиванія стекла въ молочный цвѣтъ смѣшиваютъ поливу съ порошкомъ тяжелаго шпата. Окрашенный этимъ путемъ предметъ при прокаливаніи покрывается совершенною эмалью. Стекляныя, фарфоровыя и металлическія вещи могутъ быть скрѣпляемы посредствомъ крѣпкаго или густаго раствора Фуксова стекла. Для того нагрѣтыя куски на мѣстѣ слома смазываютъ поливою, прикладываютъ, связываютъ и даютъ стоять въ тепломъ мѣстѣ. Примѣшивая наждакъ или мумію, можно склѣенную вещь накаливать. Сращенные куски пристаютъ столь плотно, что на мѣстѣ скрѣпленія труднѣе образуется трещина, чѣмъ на новомъ мѣстѣ.

Смѣсь жидкаго стекла и красокъ можетъ служи
танія на бумагѣ (для обоевъ) и на матеріяхъ. Для т

нія употребляютъ или растворимое вещество, переходящее въ послѣдствіи въ нерастворимое вещество, или нерастворимое тѣло, которое въ такомъ случаѣ накладываютъ на поверхность тѣла и прикрѣпляютъ къ ней. Въ томъ и другомъ случаѣ для окраски потребно такое вещество, которое скрѣпляло-бы ткань и краску, необходима такъ-называемая протрава. Для нея обыкновенно употребляютъ растворъ уксуснокислаго глинозема, получаемый чрезъ смѣшеніе квасцовъ и свинцоваго сахару. Ткань пропитываютъ такимъ растворомъ и сушатъ. Тогда уксусная кислота улетучивается, а оставшійся глиноземъ не можетъ уже быть отмытъ отъ ткани. Пропитывая ее краскою, получимъ прочную краску, происходящую отъ того, что глиноземъ соединяется или удерживаетъ краску. Для протравъ можно употреблять и многія другія вещества, способныя плотно приставать къ ткани, соединяться съ красками, переходить изъ растворимаго соединенія въ нерастворимыя и невредящія ни ткани ни краскамъ. Такія условія въ отношеніи ко многимъ краскамъ имѣетъ стеклянная полива. Кульманъ, для окраски бумаги и тканей, смѣшивалъ краски съ поливою и печаталъ узоры или покрывалъ ткань поливою и послѣ печаталъ на ней краскою. Образующееся (отъ вліянія воздуха на поливу) углекислое кали можно отмывать водою, чтобы оно не вредило ткани. Можно также насыщать кали и дѣлать кремнеземъ свободнымъ при содѣйствіи слабыхъ кислотъ, напримѣръ уксусной, соляной и гр. Набойка нѣкоторыхъ красокъ выходитъ весьма прочною и обходится дешевле, чѣмъ всѣми другими протравами. Это относится напримѣръ къ ультрамарину. Стеклянную поливу можно употреблять также для серебренія и золоченія листками и порошкомъ, для книгопечатанія и для чернилъ. По совѣту Кульмана, смѣсь мелко-истолченнаго угля и поливы даетъ прекрасныя чернила. Такія чернила легко получаются, если въ растворъ ѣдкаго щелока опустить кусокъ кожи, и къ полученной смѣси угля и щелочи прибавить воднаго кремнезема.

Столь многочисленныя примѣненія жидкаго стекла заставляютъ полагать, что оно займетъ со-временемъ почетное мѣсто въ ряду веществъ необходимыхъ для промышлености. Употребленіе Фуксова стекла еще столь ново, что, безъ сомнѣнія, его ожидаютъ многія улучшенія. Но не должно ошибаться въ надеждахъ извлечь изъ него тѣ выгоды, какихъ оно не можетъ принести. Такъ почти всѣхъ и прежде всего поражаетъ способность стекляной поливы

дѣлать дерево несгараемымъ и негніющимъ. Но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи должно ожидать отъ поливы наименьшей выгоды. Мы основываемъ наше мнѣніе на слѣдующемъ: 1) окремнѣніе дерева обходится довольно дорого; 2) окремнѣлое дерево становится хрупкимъ; 3) оно способно тлѣть, 4) и медленно гніеть; 5) вода вымываетъ современемъ часть поливы, хотя не можетъ отмыть остальной части; 6) поташъ или сода вывѣтривается и притягиваетъ влажность; 7) дерево теряетъ свой цвѣтъ, и многія изъ свойствъ и т. д. Если окремнѣлое дерево и будетъ когда-либо введено во всеобщее употребленіе, то не иначе, какъ при возможности получить совершенно окаменѣлое дерево, притомъ легкимъ способомъ. Полезно было-бы окремнѣлое дерево вымывать водою. Тогда вода извлекла-бы образующіяся углекислыя щелочи и весь избытокъ поливы, такъ-что не было-бы безполезной потери матеріала. Для подводныхъ и подземныхъ работъ было-бы весьма полезно употреблять окремнѣлое дерево, точно такъ-же, какъ и всякое дерево, пропитанное минеральными веществами, напримѣръ Берлинскою лазурью, гипсомъ и др. Скорѣе всего можно ожидать примѣненія окремнѣлаго дерева въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть большая опасность отъ пожара и гдѣ необходимо однако употребленіе дерева, и оно не можетъ быть замѣнено камнемъ, напримѣръ въ баняхъ, сушильнахъ и т. п. Гораздо бо́льшаго ожидаемъ мы отъ другихъ примѣненій стекляной поливы, особенно въ отношеніи къ окраскѣ стѣнъ и тканей. Здѣсь открывается богатое поле для опытовъ и изслѣдованій. Главное предлагаемое средство для укрѣпленія красокъ гораздо дешевле извѣстныхъ намъ до-сихъ-поръ, особенно если принять во-вниманіе прочность, какую напримѣръ даетъ полива стѣннымъ краскамъ. Въ этомъ отношеніи представляется столь много интереснѣйшихъ предположеній, что мы не рѣшаемся въ статейкѣ, назначенной для рецензіи, вступать въ столь длинное объясненіе о предполагаемомъ и ожидаемомъ. Сколько блестящихъ, самыхъ вѣроятныхъ предположеній разрушило время, опровергъ опытъ?... Къ нему должно обратиться въ этомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ, съ издателемъ названной брошюры и съ г. Масловымъ нельзя не пожелать развитія фабрикаціи жидкаго стекла въ Россіи. Однако больше, чѣмъ развитія новой промышлености, мы желаемъ изученія свойствъ и средствъ для употребленія растворимаго стекла: потому что, прибавимъ еще разъ, ожидаемъ въ этомъ отношеніи весьма многаго.

Если войдетъ въ большое употребленіе растворимое стекло и именно въ тѣ роды промышлености, на которые мы указали, то прибавится новое сильное орудіе человѣку, получится возможность домашними средствами обходиться во множествѣ случаевъ, уменьшится потребность въ веществахъ органическихъ, а вещество, вездѣ распространенное, ничего нестоющее, получитъ новое огромное примѣненіе. Много, много выгодъ, да что-то скажетъ опытъ, что выйдетъ изъ наблюденій?

Д. Менделѣевъ.

Руководство къ статистикѣ, написанное ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета *Александромъ Рославскимъ-Петровскимъ*. Харьковъ, 1856 г. 161 стр. in-8.

Недавно мы извѣщали нашихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ, «Руководства статистики» г. Ивановскаго; нынѣ предстоитъ намъ сказать о появленіи новаго руководства по тому-же предмету, написаннаго въ Харьковѣ г. Рославскимъ-Петровскимъ.

Приступая къ разбору сочиненія ученаго профессора, укажемъ на цѣль, съ которою оно написано, и затѣмъ прослѣдимъ, въ какой мѣрѣ выполнена она; отсюда будетъ ясно значеніе разсматриваемаго труда и мѣсто, которое должно принадлежать ему въ нашей литературѣ.

Авторъ въ краткомъ предисловіи говоритъ, что предлагаемое «Руководство статистики» издано имъ въ пользу Русскаго юношества и называетъ прямо свою книгу учебникомъ: слѣдовательно главною цѣлію профессора было подарить нашу литературу новымъ пособіемъ при изученіи науки, которая и у насъ начинаетъ пріобрѣтать значеніе и интересовать многихъ.

Нельзя не поблагодарить ученаго автора за его благое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что статистика у насъ вообще мало еще разработана.

Руководство г. Рославскаго-Петровскаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: теоріи науки, исторіи ея и сравнительнаго статистическаго очерка пяти первоклассныхъ государствъ Европы. Уже одно это дѣленіе говоритъ въ пользу сочиненія ученаго профессора: потому-

что только при такомъ взглядѣ на статистику возможно изученіе ея, какъ самостоятельной науки. Изъ числа руководствъ по этому предмету, появившихся въ нашемъ отечествѣ, почти всѣ ограничивались однимъ изображеніемъ данныхъ, по которымъ можно судить о степени благосостоянія государства въ извѣстное время, не касаясь теоретической стороны науки. Можно смѣло сказать, что ни одинъ учебникъ до-сихъ-поръ не представилъ яснаго, отчетливаго понятія о статистикѣ, не возвелъ ее на ту ступень, на которой должна стоять она, не далъ ей точнаго опредѣленія: вездѣ мы находимъ только исчисленіе предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію статистики, безъ указанія точки воззрѣнія на нихъ послѣдней, находимъ статистическія данныя, но безъ научнаго характера ихъ. Въ этомъ отношеніи, заслуга автора разсматриваемаго руководства несомнѣнна.

Въ отдѣлѣ теоріи статистики авторъ сдѣлалъ хотя краткій, но ясный обзоръ различныхъ опредѣленій, данныхъ наукѣ учеными прошедшаго и настоящаго столѣтій: начиная съ Ахенваля онъ обозрѣлъ опредѣленія Мальхуса, Шнабеля, Пёлица, Шуберта и другихъ, новѣйшихъ писателей, и пришелъ къ тому заключенію, что хотя статистика различными писателями опредѣляется различно, но это несогласіе есть болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное, и не имѣетъ существеннаго вліянія на способъ обработыванія науки. Самъ авторъ послѣ этого опредѣляетъ науку слѣдующимъ образомъ: статистика есть не иное что, какъ наука объ элементахъ государственной жизни. Элементы эти суть: земля, жители, государственное устройство и культура. Изслѣдованіе ихъ, говоритъ авторъ (стр. 5), возлагаетъ на статистику другія условія, чѣмъ простое изложеніе отрывочныхъ фактовъ, относящихся къ современному состоянію того, или другаго предмета въ государствѣ. При этомъ авторъ приводитъ справедливыя мысли нашего политико-эконома г. Вернадскаго. Въ статьѣ «Задача статистики» (см. Жур. м. н. пр., ч. LXXIV, 1852), г. Вернадскій говоритъ: знать общество, въ его современной формѣ, есть главная задача статистики. Но что значитъ знать общество? Развѣ частныя явленія могутъ имѣть значеніе ученое, если они не подведены подъ какое-нибудь общее начало? Развѣ простое изложеніе данныхъ отрывочныхъ, не объясненныхъ отношеніемъ ихъ къ началамъ, вслѣдствіе которыхъ они являются, можетъ быть названо наукою? Разумѣется—нѣтъ. И дѣйствительно, развѣ для то-

го только, чтобы имѣть удовольствіе знать это, изучаютъ статистику практическіе люди? Нѣтъ, они изучаютъ эти факты только для того, чтобы выводить изъ нихъ слѣдствія и чтобы ими руководствоваться въ своей общественной дѣятельности. Слѣдовательно между этими разрозненными фактами они предполагаютъ причинную связь, видятъ въ нихъ проявленіе извѣстныхъ законовъ. Не одни голые факты и даже не ихъ взаимныя отношенія только, а взаимную причину связь, законы, дѣйствующіе въ нихъ, должна представлять статистика. Этого требуетъ отъ нея значеніе ея, какъ науки, и къ этому стремятся всѣ современныя изысканія въ области ея. Г. Рославскій-Петровскій, въ своемъ сочиненіи, вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе: цѣлію статистики полагаетъ онъ систематическое изложеніе тѣхъ законовъ, которымъ подчиняются общественныя явленія въ своемъ развитіи. Подобный взглядъ на статистику начинаетъ распространяться болѣе и болѣе. Между иностранными учеными онъ имѣетъ на своей сторонѣ авторитеты Дюфо и знаменитаго Кетлѐ: первый называетъ статистику наукою о законахъ, по которымъ развиваются общественные факты, а послѣдній — наукою, научающею выводить изъ сходныхъ численныхъ терминовъ законы послѣдовательнаго движенія общественныхъ явленій. Изъ этого мы видимъ, что авторъ, опираясь на такихъ представителей науки, каковы Дюфо и Кетлé, держится самаго современнаго взгляда на статистику и даетъ ей то значеніе, которое по праву принадлежитъ ей.

Излагая систему статистики, г. Рославскій-Петровскій по-очередно разсматриваетъ составныя части государства и указываетъ отношеніе, въ которомъ каждая изъ нихъ находится къ общественному организму. Первый элементъ государства есть земля—мѣсто трудовъ и дѣятельности народа. Опредѣляя статистическій взглядъ на эту важнѣйшую составную часть государства, авторъ при этомъ дѣлаетъ вѣрное разграниченіе статистики отъ географіи. Первая, изслѣдуя мѣстность государства, говоритъ г. Рославскій (стр. 8), смотритъ на землю, какъ на средство къ осуществленію цѣлей народа, и тѣмъ отличается отъ географіи, занимающейся изслѣдованіемъ самыхъ пространствъ и перемѣнъ, происходившихъ на нихъ, по мѣрѣ историческаго движенія человѣчества. Собственно говоря, статистика разсматриваетъ не мѣстность, но вліяніе ея на жизнь государства. При этомъ замѣтимъ, что и самое опредѣленіе географіи какъ нельзя болѣе современно: оно принадлежитъ зна-

менитому Риттеру, который возвелъ ее въ послѣднее время на степень науки.

Разсмотрѣвъ землю, авторъ переходитъ къ народу — второй главной силѣ въ государственномъ организмѣ, и здѣсь съ ясностію и послѣдовательностію указываетъ предметы, изъ которыхъ должна выводить статистика свои законы, и затѣмъ приступаетъ къ третьему элементу бытія государства — государственнымъ учрежденіямъ, или такъ-называемой административной статистикѣ, которая, къ-сожалѣнію, въ настоящее время почти не существуетъ, тогда-какъ по своему значенію она представляетъ высокій интересъ какъ для любознательности, такъ и для государственныхъ соображеній. При этомъ ученый авторъ дѣлаетъ мѣткое разграниченіе между положительнымъ правомъ и статистикой: первое разсматриваетъ государственныя учрежденія съ точки зрѣнія догматической, какъ систему обязательныхъ правилъ, принятыхъ народомъ въ основаніе своихъ дѣйствій, а вторая изслѣдуетъ вліяніе этихъ правилъ на жизнь общества и результаты народной дѣятельности. Отсюда видна вся важность этой части статистики: какія плодотворныя истины можетъ она представить и сколько полезнаго можно извлечь изъ такихъ соображеній. Законъ не долженъ терять практическаго характера: онъ тогда только хорошъ, когда цѣль, для которой онъ изданъ, вполнѣ достигается; а мѣру этого достиженія можетъ показать только статистическое наблюденіе надъ его приложеніемъ. Къ-сожалѣнію, въ настоящее время многія причины препятствуютъ развитію административной статистики, особенно недостатокъ матеріаловъ для ея выводовъ, полагающій преграды и развитію статистики вообще, какъ науки, по преимуществу основанной на наблюденіяхъ.

Послѣдній предметъ въ государствѣ, подлежащій разсмотрѣнію статистики, есть культура, т. е. промышленость и образованіе, какъ совокупность средствъ, удовлетворяющихъ физическимъ и духовнымъ потребностямъ человѣка и образующихъ богатство въ обширномъ смыслѣ. Задача статистики въ этомъ отношеніи показать: какимъ-образомъ народъ пользуется естественными своими удобствами. Здѣсь, какъ и при разсмотрѣніи другихъ составныхъ частей государственнаго организма, авторъ указываетъ на предметы, на которые должна обратить вниманіе статистика, и точку зрѣнія для этихъ изслѣдованій.

Вообще объ этомъ отдѣлѣ сочиненія г. Рославскаго-Петровска-

го должно сказать, что онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ хорошаго руководства и соотвѣтствуетъ своей цѣли: потому-что онъ съ ясностію показываетъ путь, коему должно слѣдовать при пользованіи статистическими матеріалами, предметы, на которые должно обратить при этомъ вниманіе, и средства познать законы, въ нихъ дѣйствующіе.

Такое-же слово благодарности должно сказать автору и за второй отдѣлъ его книги—исторію статистики. Здѣсь представленъ очеркъ историческаго развитія науки съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Говоря о причинахъ поздняго развитія статистики, авторъ удачно объясняетъ, почему эта наука ни въ древніе, ни въ средніе вѣка не могла получить того значенія, которое пріобрѣла она нынѣ. Для рожденія ея, говоритъ авторъ (стр. 31), нужно было, чтобы человѣчество достигло извѣстной зрѣлости, чтобы тяжкія испытанія поколебали въ немъ довѣріе къ умозрѣніямъ и дали ему почувствовать всю цѣну уроковъ опытности. Но народы древніе были еще слишкомъ молоды для подобнаго разочарованія, и отсюда проистекала ихъ самонадѣянность. При томъ разобщеніи, въ которомъ они находились, было невозможно пріобрѣтеніе свѣдѣній о другихъ государствахъ, и кругъ ихъ опытности ограничивался весьма тѣсною сферою, откуда нельзя было извлечь никакихъ постоянныхъ правилъ для жизни. Еще менѣе благопріятствовало занятіямъ статистикою состояніе общества въ средніе вѣка — въ этотъ продолжительный періодъ феодальной анархіи и упадка просвѣщенія. Отсутствіе правильной центральной власти и безпрерывныя внутреннія смуты, въ соединеніи съ воинственными нравами Германскихъ народовъ, полагали неодолимыя препятствія успѣхамъ просвѣщенія, скрывавшагося въ стѣнахъ уединенныхъ монастырей. Только послѣ паденія феодализма въ XIV и XV столѣтіяхъ духъ любознательности началъ вновь пробуждаться въ Европѣ, и къ этому времени относятся первыя попытки правительствъ къ приведенію въ извѣстность разныхъ предметовъ государственнаго быта. Но еще много протекло времени прежде, нежели возродились истинныя понятія о значеніи общественнаго человѣка—этого краеугольнаго камня статистическихъ изслѣдованій. Правители державъ, продолжаетъ авторъ, смотрѣли на государства, покоренныя оружіемъ ихъ предковъ, какъ на свои вотчины, и заботились болѣе о своихъ домашнихъ интересахъ, нежели о благѣ подданныхъ; а потому, при собираніи статистическихъ свѣдѣній,

вниманіе ихъ исключительно обращено было на предметы, имѣющіе важность собственно для казны, какъ-то: военныя силы, финансы и количество жителей, по вліянію его на два первые предмета; а вопросы, касающіеся массъ, т. е. народонаселенія, оставались почти вовсе нетронутыми. Но этотъ односторонній взглядъ на общественную жизнь мало-по-малу уступилъ мѣсто болѣе истиннымъ понятіямъ, по мѣрѣ того, какъ просвѣщенныя правительства поняли свое высокое назначеніе и научились не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ ввѣренныхъ имъ народовъ, въ благосостояніи которыхъ они поставляютъ свое собственное величіе и гордость.

Отсюда авторъ справедливо выводитъ, что для происхожденія статистики потребны были слѣдующія условія: во-первыхъ, извѣстная зрѣлость человѣчества, во-вторыхъ значительный запасъ опытности и наконецъ въ-третьихъ тѣснѣйшее соединеніе, или, лучше сказать, тожество интересовъ правительствъ съ интересами народовъ; и потому только въ недавнее время статистика поступила въ число наукъ и ждетъ еще для себя дѣятелей,—хотя по матеріаламъ, безъ научнаго характера, она существуетъ давно, съ-тѣхъ-поръ, какъ возникли государства, достигшія извѣстной степени образованности. Въ разсматриваемомъ сочиненіи находимъ очеркъ такого постепеннаго развитія статистики и перехода ея въ науку, вслѣдствіе просвѣщенныхъ усилій правительствъ и частныхъ лицъ. Доведя свой очеркъ до нашего вѣка, авторъ исчисляетъ мѣры, которыми способствовали, при содѣйствіи правительствъ, частныя лица развитію статистики. Со стороны правительствъ эти мѣры состояли въ введеніи статистики въ кругъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ обнародованіи отчетовъ правительственныхъ мѣстъ, учрежденіи статистическихъ бюро; частныя лица съ своей стороны издавали сборники статистическихъ матеріаловъ, періодическія и отдѣльныя сочиненія по этому предмету и образовали статистическія общества. При такомъ обзорѣ авторъ необходимо долженъ былъ коснуться и самой литературы науки, при чемъ имъ указаны главнѣйшія сочиненія по статистикѣ и въ заключеніе изложены мысли и положенія знаменитаго Кетлé и ревностнаго поборника его, Дюфо.

Изъ этого обозрѣнія первыхъ двухъ отдѣловъ руководства г. Рославскаго-Петровскаго видно, что они составляютъ прекрасный подарокъ для Русскаго юношества, знакомя съ началами,

выработанными современною наукою, и проливая на нее ясный свѣтъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ своего труда авторъ предлагаетъ статистическій очеркъ пяти первоклассныхъ державъ Европы. Этотъ предметъ уже былъ не разъ обработываемъ руководствами, явившимися у насъ по части статистики, которыя обращали на него преимущественное вниманіе, оставляя въ сторонѣ теоретическіе вопросы, и потому представили его въ большей подробности, чѣмъ г. Рославскій-Петровскій, посвятившій этому отдѣлу всего 40 страницъ. Впрочемъ, вѣрный своей основной мысли, что статистика не должна представлять простаго перечня отрывочныхъ фактовъ, авторъ, не смотря на краткость отдѣла, умѣлъ соблюсти это требованіе науки, и его обозрѣніе является систематическимъ очеркомъ главнѣйшихъ элементовъ и условій государственной жизни пяти первоклассныхъ державъ Европы.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о замѣчаніяхъ, приложенныхъ авторомъ къ своему сочиненію. Они составляютъ дополненіе къ третьему отдѣлу и заключаютъ въ себѣ болѣе подробное развитіе вопросовъ, касающихся статистики Россіи. Здѣсь мы находимъ разсмотрѣніе особенностей почвы Россіи, заимствованное изъ изданнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ «Обзора дѣйствій департамента сельскаго хозяйства»; затѣмъ показана средняя годовая температура различныхъ мѣстностей Россіи, таблица числа дождливыхъ и снѣжныхъ дней и количества выпадающей влаги. Кромѣ подобныхъ мелкихъ примѣчаній, находимъ здѣсь довольно большое извлеченіе изъ статьи автора: «О движеніи народонаселенія въ Россіи», напечатанной въ третьей книгѣ «Вѣстника» Императорскаго Русскаго географическаго Общества за 1853 годъ.

Этимъ мы заключимъ обзоръ нашъ сочиненія г. Рославскаго-Петровскаго, уже подарившаго нашу литературу подобнымъ-же сочиненіемъ въ 1844 году, и снова благодаримъ его за трудъ, составляющій прекрасное руководство къ наукѣ, которая, по справедливому замѣчанію автора, проливая свѣтъ на состояніе страны и истинныя потребности народа, даетъ правительству возможность вѣрнѣе устроить благо гражданъ, истребляя дурное, питая и поддерживая хорошее.

Д. И.

Elements de calcul infinitesimal, par *Duhamel*, membre de l'Institut (Académie des sciences). 2 vol. in-8. Paris, 1856.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (*), мы указали любителямъ математическихъ наукъ на сочиненіе г. Дюгамеля, не задолго передъ тѣмъ обнародованное подъ заглавіемъ: «Elements de calcul infinitesimal».

Въ упомянутой статьѣ нашей мы старались познакомить читателя съ содержаніемъ и достоинствами перваго тома сочиненія, о которомъ говоримъ, и обѣщали извѣстить о появленіи въ свѣтъ втораго тома, еще находившагося тогда въ печати. Не безъ любопытства ожидали мы этого появленія: второй томъ долженъ былъ заключать въ себѣ теорію дифференціальныхъ уравненій и правила ихъ интегрированія, — правила, относящіяся, вообще говоря, только къ частнымъ случаямъ. Эта отрывочность, это отсутствіе общаго начала, или, лучше сказать, общаго правила, изъ котораго всѣ другія выводились-бы какъ слѣдствія, весьма затрудняетъ изложеніе предмета. Дѣйствительно, собирая изъ сочиненій различныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, всѣ частные случаи дифференціальныхъ уравненій, которыми они занимались, и приводя всѣ особые пріемы, которые они употребляли для достиженія цѣли, т. е. для интегрированія этихъ дифференціальныхъ уравненій, мы можемъ наполнить ими нѣсколько томовъ, но все-таки не удовлетворимъ тѣхъ требованій, не исполнимъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ достоинство учебника.

Въ-самомъ-дѣлѣ, подобное сочиненіе, безъ сомнѣнія, полезное всякому болѣе опытному математику, и въ особенности самому автору, было-бы напраснымъ трудомъ въ рукахъ человѣка, только-что знакомящагося съ этою отраслію математическаго анализа, ибо онъ не отличилъ-бы существеннаго отъ менѣе важнаго и, стараясь запомнить все, запомнилъ-бы весьма мало.

Если-же, съ другой стороны, слишкомъ ограничить число разбираемыхъ случаевъ, то опять-таки учащійся не извлечетъ желаемой пользы, ибо будетъ умѣть интегрировать только тѣ уравненія, которыя подобны предложеннымъ въ руководствѣ. Теперь естественно раждается вопросъ: какимъ-же образомъ должно быть составлено руководство для того, чтобы оно приносило наи-

(*) См. Журн. м. н. пр. ч. XCII, отд. VI.

большую пользу? Какимъ образомъ воспользоваться трудами великихъ геометровъ для того, чтобы труды эти не только рѣшали-бы ту или другую задачу, давали-бы способъ интегрировать то или другое уравненіе, но и служили-бы въ назиданіе, открывали-бы путь къ дальнѣйшему совершенствованію науки?

Намъ кажется, что этому требованію можно удовлетворить, обращая особенное вниманіе только на теорію дифференціальныхъ уравненій т. е. знакомя учащагося съ самою сущностію вопроса объ ихъ интегрированіи, указывая ему на ихъ происхожденіе т. е. на связь ихъ съ искомыми интегралами.

Дѣйствительно, такъ какъ интегрированіе есть дѣйствіе обратное дифференцированію, то только тогда и можно ожидать успѣха отъ усилія проинтегрировать уравненіе, когда основною идеею всѣхъ соображеній будетъ служить понятіе о связи его съ искомымъ интегральнымъ уравненіемъ. Но этого недостаточно: ибо теорія интегрированія, какъ и всякаго другаго, обратнаго дѣйствія, не можетъ дать вѣрныхъ правилъ, которыя приводили-бы неминуемо къ желаемой цѣли. Тутъ-то должно обратиться къ примѣрамъ и указать на тѣ пріемы, которые были употребляемы знаменитыми математиками, для интегрированія того или другаго уравненія, но выборъ этихъ примѣровъ не совершенно произволенъ, а объусловливается требованіемъ, чтобъ они допускали сколь возможно бо̀льшую общность, или-же знакомили учащагося съ какимъ-либо остроумнымъ пріемомъ, и такимъ образомъ способствовали къ развитію его умственныхъ силъ. Само собою разумѣется, что такимъ образомъ выбранные примѣры все-таки не дадутъ ожидаемыхъ результатовъ, если авторъ въ изложеніи ихъ не укажетъ читателю на идею предлагаемаго способа; если онъ не объяснитъ ему, почему въ такомъ-то случаѣ всего выгоднѣе употребить такой-то пріемъ, и почему въ другомъ онъ не выгоденъ или даже непримѣнимъ. Конечно, всякій болѣе внимательный и опытный читатель и самъ найдетъ основную мысль, самъ разрѣшитъ подобные вопросы; но если замѣтимъ, что учебники составляются для начинающихъ, то врядъ ли кто-нибудь не согласится съ нами въ только-что сказанномъ. Кромѣ того, подобное изложеніе полезно не только потому, что читатель ясно пойметъ изложенной тажимъ образомъ предметъ, но и потому, что въ читателѣ имъ развивается способность къ математическимъ соображеніямъ т. е. та сила ума, безъ которой невозможенъ дальнѣйшій успѣхъ въ математиче-

скомъ анализѣ. Наконецъ послѣднее условіе, которое должно быть исполнено хорошимъ руководствомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы за всякимъ болѣе общимъ и ясно объясненнымъ пріемомъ слѣдовало нѣсколько примѣровъ, предлагаемыхъ читателю для рѣшенія. Такимъ образомъ онъ лучше усвоитъ только-что изложенный пріемъ, пріобрѣтетъ навыкъ въ его примѣненіи; а это въ интегрированіи весьма важная вещь. Вообще, кажется, напрасно было-бы еще болѣе распространяться о пользѣ подобныхъ примѣровъ, въ ней врядъ-ли кто-либо сомнѣвается. «In scientiis addescendis exempla prosunt magisquam paecepta» сказалъ великій геометръ (Newton. Arith. univ).

Во всемъ только-что сказанномъ мы хотѣли указать читателю на главнѣйшія затрудненія, представляющіяся при составленіи учебника объ интегрированіи уравненій, и на тѣ условія, исполненіе которыхъ мы въ-правѣ требовать отъ всякаго автора подобнаго учебника; мы такимъ образомъ представили на судъ благосклоннаго читателя тѣ соображенія, на основаніи которыхъ мы скажемъ наше мнѣніе о достоинствахъ втораго тома сочиненія г. Дюгамеля, только-что обнародованнаго. Въ первой статьѣ нашей по поводу этого сочиненія мы старались познакомить читателя съ достоинствами перваго тома, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательными. Прочитавъ этотъ первый томъ мы съ нетерпѣніемъ ожидали втораго, надѣясь съ появленіемъ его имѣть случай указать нашимъ соотечественникамъ на другое прекрасное произведеніе знаменитаго Французскаго геометра.

Къ-сожалѣнію, ожиданія наши не оправдались: вновь появившаяся книга не представляетъ ничего особеннаго и по нашему мнѣнію нельзя дать ей никакого преимущества предъ другими подобными учебниками. Правда, въ ней нѣтъ никакихъ важныхъ недостатковъ, но ихъ никто и не могъ ожидать, зная имя автора. Напрасно было-бы, кажется, долѣе удерживать вниманіе читателя, излагая въ подробности содержаніе книги и разные способы, предлагаемые въ ней для интегрированія дифференціальныхъ уравненій. Скажемъ только, что въ ней, кромѣ теоріи и способовъ интегрированія дифференціальныхъ уравненій, заключаются начала варіаціоннаго исчисленія и исчисленія въ конечныхъ разностяхъ. Замѣтимъ еще, что авторъ, занимаясь интегрированіемъ дифференціальныхъ уравненій, только касается теоріи особенныхъ рѣшеній, только, такъ сказать намекаетъ на сущность ихъ и предлагаетъ способы

бодныхъ отъ нихъ (ibid. № 20); *виновныхъ въ плотскихъ грѣхахъ и не познавшихъ ихъ* (ibid. № 22); *тѣхъ, кои оплакиваютъ дѣла грѣховныя, и тѣхъ, кои оплакиваютъ самые помыслы грѣховные* (ibid. № 24); блаж. Іеронима, *О предпочтеніи цѣломудреннаго вдовства второму браку* (ibid. № 23); св. Димитрія Ростовскаго, *Слово въ недѣлю 18-ю по пятидесятницѣ* (ibid. № 26); св. Амвросія Медіоланскаго, *Бесѣда на перенесеніе мощей св. мучениковъ Гервасія и Протасія* (ibid. № 27); св. Діонисія Ареопагита, *О значеніи различныхъ чувственныхъ изображеній ангельскихъ силъ* (ibid. № 31); св. Иринея, епископа Ліонскаго, *О томъ, что Аврааму и другимъ праотцамъ и пророкамъ являлся самъ Сынъ Божій и научалъ ихъ познанію объ Отцѣ* (ibid. 36).

2) По церковному краснорѣчію: высокопреосв. Филарета, митрополита Московскаго: *Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны; Рѣчь благочестивѣйшему Государю Императору Александру Николаевичу предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества въ Успенскій соборъ; Рѣчь благочестивѣйшему Государю Императору Александу Николаевичу, говоренная по совершеніи священнаго коронованія Его Императорскаго Величества* (Приб. къ тв. св. Отц. въ Русс. перв. кн. 3); *Бесѣда по освященіи домовой церкви Пресвятыя Богородицы; Бесѣда въ день тезоименитства благовѣрнаго Государя, Наслѣдника Престола, Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича* (ibid. кн. 4); высокопр. митрополита Никанора: *Слово въ недѣлю 24-ю и Слово, произнесенное въ Козельской Введенской Оптиной пустыни* (Христ. чт. ноябрь); высокопреосвящ. Григорія, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго: *Рѣчь при встрѣчѣ Государя Императора и Государыни Императрицы въ Казанскомъ соборѣ, въ день торжественнаго въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С. Петербургъ 2 октября; Слово при вступленіи на Новгородскую и С. Петербургскую каѳедру* (ibid.); высокопр. Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго: *Рѣчь при освященіи города Севастополя по оставленіи его непріятелями* (Христ. чт. сент.); *Слово къ возвращеніи изъ Москвы, послѣ присутствія тамъ при священнѣйшемъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ* (ibid. дек.); преосвящ. Елпидифора, епископа Вятскаго и Слободскаго: *Поученіе въ недѣлю 10-ю по пятидесятницѣ* (Христ. чт. авг.); *Поученіе въ недѣлю по воздвиженіи* (ibid. сент.); *Слово въ день Вве-*

денія во храмъ Пресвятыя Богородицы (ibid. дек.); преосвящ. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго: *Слово въ церкви прихода, наполненнаго мнимыми старообрядцами* (ibid. окт.).—Сверхъ того: *Слово въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія; Слово въ день памяти препод. Сергія* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 3); *Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы* (Христ. чт. авг.); *Поученіе къ поселянамъ, по случаю неурожая* (ibid. сент.); *Рѣчь предъ выносомъ* и *Слово предъ погребеніемъ тѣла въ Бозѣ почившаго высокопреосвящ. Никанора, митрополита Новгородскаго, С. Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго* (ibid. окт.); *Слово въ день рожденія благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны* (Воскр. чт. № 15); *Слово въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня* (ibid. № 23, 30 и 39); *Слово въ недѣлю* 21 и 26 *по пятидесятницѣ* (ibid. № 29); *Поученіе древнихъ Русскихъ архипастырей священнослужителямъ* (ibid. № 34 и 37); *Слово въ день Рождества Христова* (ibid. № 38).

— «Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны.—Темою этого слова высокопреосв. Филарета послужило слѣдующее наставленіе апостола Павла: *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* «Если обратимъ вниманіе на то, — говоритъ нашъ архипастырь — въ какое время написалъ святый апостолъ Павелъ сіе наставленіе епископу Тимоѳею: то можемъ усмотрѣть всеобъемлющее пространство любви христіанской, открыть глубокую боговдохновенную прозорливость апостола, и глубоко почувствовать силу нашей обязанности молиться за царя. Святый Павелъ написалъ наставленіе о молитвѣ за царя и за сущихъ во власти тогда, какъ во всемъ мірѣ не было ни одного царя христіанскаго; когда цари и власти были Іудейскіе, невѣрующіе во Христа, и языческіе, погруженные въ заблужденія и пороки идолопоклонства, которые, приходя въ соприкосновеніе съ христіанствомъ, большею частію являлись врагами его и гонителями, съ намѣреніемъ совершенно истребить оное. Разумъ естественный, конечно, сказалъ-бы: это несообразность—молиться за людей, которые хотятъ васъ истребить. Но любовь христіанская говоритъ: молитесь и за сихъ; желайте и просите имъ всякаго блага; можетъ-быть, въ благодѣяніяхъ познаютъ они благодѣтеля Бога,

познавъ увѣруютъ въ Него, увѣровавъ умиротворятся въ отношеніи къ другимъ вѣрующимъ въ Него; если-же и не такъ, по заповѣди возлюбленнаго Спасителя, *молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы* (Матѳ. 6, 44.)». При воззрѣніи на чуждыя христіанства и даже враждебныя ему расположенія современныхъ апостолу земныхъ властей, его наставленіе представляетъ видъ необычайности еще въ томъ, что онъ заповѣдуетъ *творить* за нихъ не только *молитвы*, но и *благодаренія*. Не-ужели враги и враждебныя дѣйствія, гонители и гоненія могутъ быть предметомъ благодарности? Сіе недоумѣніе будетъ устранено, если примемъ въ разсужденіе, что святый Павелъ есть не просто наставникъ боговдохновенный. Взоръ боговдохновеннаго, проницающій будущіе вѣка, встрѣчаетъ Константина, умиротворяющаго церковь и освящающаго вѣрою царство; Ѳеодосія, Юстиніана, защищающихъ церковь отъ наглости ересей, — конечно видитъ далѣе и Владиміра, и Александра Невскаго и многихъ распространителей вѣры, защитниковъ церкви, охранителей православія. Послѣ сего не удивительно, что святый Павелъ пишетъ: *молю творити* не только *молитвы*, но и *благодаренія за царя и за всѣхъ, иже во власти суть:* потому-что будутъ цари и власти не только такіе, за которыхъ надобно молиться съ скорбію, или съ утѣшеніемъ, но и такіе, за которыхъ, какъ за драгоцѣнный даръ Божій, должно благодарить Бога съ радостію. Глубокое смиреніе, и вмѣстѣ сильное желаніе святаго Павла сдѣлать дѣйствительнымъ преподаваемое наставленіе, открывается въ томъ, что онъ не излагаетъ истину равнодушно, и не повелѣваетъ властію апостольскою, но проситъ и умоляетъ, чтобы приносимы были молитвы за царя, *молю*, говоритъ, *творити молитвы за царя*. И можемъ-ли мы не чувствовать глубоко и сильно сей обязанности, столь убѣдительно намъ внушаемой? Какъ ни отдалены мы отъ святато Павла временемъ; но мнѣ кажется, что звукъ его апостольскаго вѣщанія громче и сладостнѣе отдается въ нашихъ сердцахъ, нежели въ близкихъ къ нему христіанахъ Ефесской и другихъ церквей. Со страхомъ, сквозь слезъ должны были они молиться за царей чуждыхъ христіанства и угрожающихъ ему. Нашимъ отцамъ и намъ предлежало и предлежитъ молиться за царей благочестивѣйшихъ, распространителей вѣры, защитниковъ церкви, охранителей православія, — молиться съ миромъ, съ радостію, съ благодарностію. Подкрѣпляя свое ученіе о молитвѣ за царя, святый апостолъ ука-

зываетъ на ожидаемый отъ нея плодъ: *да тихое* и *безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* Итакъ онъ полагаетъ, что отъ царя, по молитвѣ церкви и царства, Богомъ просвѣщаемаго и укрѣпляемаго, весьма много зависитъ *тихое и безмолвное житіе*, то-есть, жизнь спокойная и безопасная, и не только *тихое и безмолвное житіе*, но и житіе *во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* Чтобы уяснить сію истину, не вдадимся въ область умозрѣній и состязаній, въ которой нѣкоторые люди, не знаю, болѣе-ли другихъ обладающіе мудростію, но конечно болѣе другихъ довѣряющіе своей мудрости, работаютъ надъ изобрѣтеніемъ и постановленіемъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, началъ для образованія и преобразованія человѣческихъ обществъ. Уже болѣе полувѣка образованнѣйшая часть рода человѣческаго, по мѣстамъ, по временамъ, видитъ ихъ преобразовательныя усилія въ самомъ дѣйствіи: но еще нигдѣ, никогда, не создали они *тихаго и безмолвнаго житія.* Они умѣютъ потрясать древнія зданія государствъ; но не умѣютъ создать ничего твердаго. Внезапно по ихъ чертежамъ строятся новыя правительства, и такъ-же внезапно рушатся. Они тяготятся отеческою и разумною властію царя, и вводятъ слѣпую и жестокую власть народной толпы и безконечныя распри искателей власти. Они прельщаютъ людей, увѣряя, будто ведутъ ихъ къ свободѣ, а въ-самомъ-дѣлѣ ведутъ ихъ отъ законной свободы къ своеволію, чтобы потомъ низвергнуть въ угнетеніе. Надежнѣе самодѣльныхъ умствованій можно учиться царственной истинѣ изъ исторіи народовъ и царствъ, и особенно изъ исторіи, преимущественно достовѣрной, какъ писанной не страстями человѣческими, а пророками Божіими, — изъ исторіи древле-избраннаго народа Божія. Она показываетъ, что лучшее и полезнѣйшее для человѣческихъ обществъ обыкновенно дѣлаютъ не люди, а человѣкъ, не многіе, а одинъ». За симъ витія приводитъ примѣры изъ исторіи народа Еврейскаго, и одинъ примѣръ изъ исторіи царствъ христіанскихъ, подтверждающіе, что благотестіе царя утверждаетъ благосостояніе народа.

—«Рѣчь благочестивѣйшему Государю Императору Александру Николаевичу, по совершеніи священнаго коронованія Его Императорскаго Величества».—Сохранимъ вполнѣ на страницахъ нашего журнала это высокое и многознаменательное по событію произведеніе нашего архипастыря: «Благочестивѣйшій Богомъ вѣнчанный Великій Государь Императоръ! Благосло-

венъ Царь царствующихъ! Онъ *положилъ на главѣ Твоей вѣнецъ отъ камене честна* (Псал. 20, 4.). Съ увѣренностію говорю сіе: потому-что изъ устъ пророка беру слово, изображающее судьбу Царя, праведно воцарившагося. Богъ вѣнчалъ Тебя: ибо Его Провидѣніе привело Тебя къ сему закономъ престолонаслѣдія, который Онъ-же положилъ и освятилъ, когда, пріявъ царя въ орудіе Своего Богоправленія, изрекъ о немъ Свое опредѣленіе: *отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ* (Псал. 131, 11.). Богъ вѣнчалъ Тебя: ибо Онъ *даетъ по сердцу* (Псал. 19, 5.), а Твое сердце желало не торжественнаго только явленія Твоего Величества, но наипаче таинственнаго осѣненія отъ Господня *Духа владычняго, духа премудрости и вѣдѣнія, духа совѣта и крѣпости.* Мы слышали Твою о семъ молитву нынѣ: Сердцевѣдецъ внялъ ей ранѣе; и когда Ты медлилъ пріять Твой вѣнецъ, потому-что продолжалъ защищать и умиротворять Твое царство, Онъ ускорилъ утишить бурю брани, чтобы Ты въ мирѣ совершилъ Твою царственную молитву, и чтобы вѣнецъ наслѣднія былъ для Тебя и вѣнцемъ подвига. Итакъ *Господа силою возвеселися*, Боговѣнчанный *Царь, и о спасеніи Его возрадуйся зѣло* (Пс. 20, 1.)! Возрадуйся такожде и Ты, Благочестивѣйшая Государыня, о славѣ Твоего Всепресвѣтлѣйшаго Супруга, свыше освѣщаемой и освящаемой, и лучемъ священнымъ и Тебя озаряющей. Утѣшься и возрадуйся Благочестивѣйшая Матерь Царя. Се уже зрѣлъ плодъ чрева Твоего, и сладокъ для Россіи. Свѣтло возрадуйся, православная церковь, и твоя соборная молитва вѣры, любви и благодарности да восходитъ къ престолу Всевышняго, когда Онъ на *избраннаго отъ людей* своихъ полагаетъ священную печать Своего избранія, какъ на вожделѣннаго первенца твоихъ сыновъ, на твоего вѣрнаго и крѣпкаго защитника, на преемственнаго исполнителя древняго о тебѣ слова судебъ: *будутъ царіе кормители твои* (Псал. 49, 23.). Свѣтися радостію, Россія. Божіе благословеніе возсіяло надъ тобою въ священной славѣ Царя твоего. Чтò можетъ быть вожделѣннѣе, чтò радостнѣе, чтò благонадежнѣе для царства, какъ Царь, Который полагаетъ *сердце свое въ силу Божію* (Псал. 17, 14.), Которому царскій вѣнецъ тогда пріятенъ, когда принятъ отъ Царя небеснаго, — Который царскія доблести, намѣренія, дѣятельность желаетъ освятить и освящаетъ *помазаніемъ отъ Святаго?* Поистинѣ, Благочестивѣйшій Государь, чтобы отъ *вѣнца* Царева, какъ отъ средоточія, на все царство прости-

рался животворный свѣтъ *честнѣйшей каменій многоцѣнныхъ* (Прит. 3, 15.), мудрости правительственной, — чтобы мановенія *скипетра* Царева подчиненнымъ властямъ и служителямъ воли Царевой указывали всегда вѣрное направленіе ко благу общественному,—чтобы рука Царева крѣпко и всецѣло объимала *державу* Его, — чтобы *мечь* Царевъ былъ всегда уготованъ на защиту правды, и однимъ явленіемъ своимъ уже поражалъ неправду и зло,—чтобы царское *знамя* собирало въ единство и вводило въ стройный чинъ милліоны народа, — чтобы труда и бдѣнія Царева доставало для возбужденія и возвышенія ихъ дѣятельности, и для обезпеченія покоя ихъ, — не высшій-ли мѣры человѣческой потребенъ для сего въ Царѣ даръ? Но посему-то наипаче и радуемся мы, что Ты, будучи рожденъ царствовать, будучи приснопамятнымъ Родителемъ Твоимъ уготованъ царствовать, дѣйствительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И вѣренъ *Вознесшій Тебя отъ людей Своихъ* (Псал. 88, 20.), по вѣрѣ Твоей и Твоего народа, въ пріемлемомъ Тобою нынѣ видимо священномъ помазаніи даровать Тебѣ невидимо помазаніе благодатное, свѣтоносное, пребывающее, дѣйствующее Тобою къ нашему истинному благополучію, къ Твоей истинной радости о нашемъ благополучіи, — подобно какъ древле, по царскомъ помазаніи, благодатно и благотворно *ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ* (1 Цар. 16, 13.)».

— «Бесѣда въ день тезоименитства благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича». — Пришедшая витіи на мысль пророческая молитва: *Боже, судъ Твой Цареви даждь, и правду Твою Сыну Цареву* (Псал. 71, 1), навела его на слѣдующія размышленія: «Слово: *правда* многознаменательно въ священномъ Писаніи; но, будучи соединено съ словомъ: *судъ*, получаетъ чрезъ сіе опредѣленное значеніе. Правда значитъ здѣсь постоянное расположеніе справедливо судить и по справедливому сужденію дѣйствовать, отдавать всякому свое, оправдывать правое, не оправдывать неправаго, не позволять себѣ несправедливаго сужденія и несправедливаго дѣла, и, по возможности, возбранять сіе другимъ. Какъ дѣйствіе такой правды, пророкъ предвозвѣщаетъ царю то, что онъ *спасетъ сыны убогихъ, и смиритъ клеветника; отъ лихвы и отъ неправды избавитъ души ихъ, и честно имя его предъ ними.* Если о правдѣ, какъ о вожделѣнномъ и преимущественно благо-

потребномъ дарѣ Божіемъ, царь и пророкъ Давидъ заботился для сына своего Соломона: то что-же Соломонъ? Такъ-же ли о ней мыслилъ, такъ-же ли заботился и съ какимъ успѣхомъ? Когда Соломонъ, по восшествіи на престолъ отца своего, въ слѣдствіе усерднаго жертвоприношенія, въ нощномъ видѣніи получилъ отъ Бога позволеніе просить, чего хочетъ: тогда онъ просилъ себѣ мудрости, и получилъ сей даръ. Но чѣмъ открыта мудрость его царству его? — Правдою или правосудіемъ. Въ темномъ дѣлѣ двухъ матерей, которыя обѣ присвояли одного младенца живаго, и обѣ отказывались отъ другаго, неосторожностію матери лишеннаго жизни, при недостаткѣ свидѣтелей и другихъ признаковъ истины, Соломонъ съ необычайною проницательностію вывелъ на свѣтъ правду, посредствомъ притворнаго повелѣнія разсѣчь живаго младенца и раздѣлить между соперницами. Сильно подвигнутое материнское чувство обнаружило истинную мать: потому-что она пожелала лучше отдать младенца въ чужія руки живымъ, нежели видѣть его разсѣченнымъ. Книга Царствъ, пересказавъ сей судъ, заключаетъ: *и слыша Израиль судъ сей, имже суди Царь, и убояшася отъ лица Царева* (3 Цар. 3. 28.). Примѣчайте, какъ велико значеніе царственной правды. Одно сильное явленіе правды царевой распространяетъ во всемъ царствѣ благоговѣніе къ царю, укрѣпляетъ союзъ между царемъ и народомъ, обезпечиваетъ царю усердное повиновеніе подданныхъ и подданнымъ надежду безопасности подъ щитомъ правды царевой. Но одному-ли царю предлежитъ забота о правдѣ въ царствѣ? — Можетъ-ли одна личная правда царя сдѣлать для блага народа все, чего желаетъ царева благость? При всей мудрости, проницательности, дѣятельности, ревности о благѣ общемъ можетъ-ли царь одинъ все въ царствѣ видѣть, все знать, все изслѣдовать, все сообразить, все предположить и исполнить, озарить свѣтомъ всякую правду, затмѣваемую неправдою, обнажить всякую неправду, покрывающуюся личиною правды? Его верховному, на все простирающемуся дѣйствованію не нужны-ли частныя разныхъ степеней орудія наблюденія, дознанія, изслѣдованія, управленія, сужденія, распоряженія, исполненія, орудія правды, одушевляемыя и движимыя также правдою? *Боже правду Твою даждь* не только *Царю и Сыну Цареву*, но и всему царству и всякому сыну царства! Но поелику Богъ даруетъ Свои дары существу свободному не безъ участія его свободы: то каждый изъ насъ, прося себѣ правды отъ Бога, долженъ и самъ подвизаться, чтобы обрѣ-

сти и пріобрѣсти правду, чтобы ее познать и исполнить. Не знаю, *рекуть*-ли мнѣ, но не отлагаю рещи самъ себѣ *притчу сію: врачу исцѣлися самъ*; занятый мыслями о правдѣ для другихъ, не забудь воспользоваться ими для себя. Такъ, братія служители алтаря, не слышимъ-ли слова пророка: *священницы Твои, Господи, облекутся въ правду* (Псал. 131, 9.). Не заповѣдано-ли намъ воспоминать сіе слово каждый разъ, когда облачаемся въ священную одежду, дабы мы непрестанно памятовали, что какъ одеждою облекаются члены тѣла, такъ правдою должны быть облечены наши помышленія, намѣренія, дѣянія, жизнь? Мы призваны быть служителями не только правды, но и милосердія, быть не только священниками, но, когдо нужно, и жертвами за спасеніе ближнихъ. Еще не велико требованіе, когда отъ насъ требуется правда. Какая правда? — въ молитвѣ, чтобъ она была отъ сердца, а не по внѣшнему только обряду;—правда въ церковномъ служеніи, чтобъ оно не измѣняло общепреданному уставу;—правда въ ученіи, чтобы оно вѣрно было истинѣ Божіей, и не льстило страстямъ человѣческимъ; — правда въ попеченіи о пасомыхъ, чтобы мы имѣли въ виду и въ намѣреніи питаніе и безопасность стада, а не млеко и волну его;—правда въ жизни, чтобы наша жизнь не была ложью противъ нашего ученія. Правда моего служенія не была-бы удовлетворена, еслибы и другимъ званіямъ и состояніямъ не предложилъ я о правдѣ нѣкоторыхъ напоминаній. Самое обыкновенное требованіе правды бываетъ обращено къ судіямъ. И справедливо. Что̀ будетъ съ благоустройствомъ общества, что̀ будетъ съ безопасностію частною и общественною, если ищущіе суда, и тамъ, куда прибѣгаютъ отъ неправды, вновь будутъ впадать въ руки неправды; если и тамъ, гдѣ надѣются найдти спасеніе отъ грабительства, будутъ подвергаться новому грабительству? — Посему богопросвѣщенные мудрецы крѣпко взываютъ къ судіямъ, чтобы они или возлюбили правду или отказались отъ сего званія. *Возлюбите правду судящіи земли* (Прем. 1, 1.). *Не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды* (Спр. 7, 6.). Но съ требованіемъ правды не надобно-ли обратиться и къ тѣмъ, которые требуютъ ея отъ судей? — Вы жалуетесь на неправду судей: но вы для чего приносите въ судъ явную неправду, вмѣсто того, что въ обществѣ, въ которомъ владычествуетъ правда, надлежало-бы въ судѣ искать только разрѣшенія недоумѣній о правдѣ, происходящихъ отъ неясности и столкновенія правъ? Вы вопіете противъ мздоим-

ства судей: но для чего вы сами прельщаете ихъ мздою? Для чего усиливаетесь затмить въ судѣ непозлащенную правду вашею позлащенною неправдою? — Праведно пророкъ велитъ учиться правдѣ не судіямъ только, но всѣмъ *Правдѣ научитеся живущіи на земли* (Иса. 26, 9.). Начальствующимъ есть о правдѣ напоминаніе Соломона: *съ правдою уготовляется престолъ начальства* (Прит. 16, 12.) Если правда присѣдитъ начальствующему, то она, по свойству своему, располагаетъ его дѣйствовать ко благу начальствуемыхъ, съ забвеніемъ своего покоя и удовольствія, съ устраненіемъ всякихъ постороннихъ видовъ; правда неутомимо бодрствуетъ надъ охраненіемъ общественнаго порядка и благоустройства; неупустительно укрощаетъ нарушителей благоустройства и спокойствія; не попускаетъ неблагонравія; въ подчиненныя должности и служенія избираетъ людей способныхъ, свѣдущухъ, благонамѣренныхъ, не позволяя пристрастію или человѣкоугодію унижать достоинство избранія. Такъ благотворное дѣйствіе правды отъ начальствующаго простирается на весь кругъ его дѣйствованія; и если остаются сынове неправды и беззаконія, то они скрываются, какъ ночныя птицы, не смѣя показаться и искать себѣ добычи при господствующемъ свѣтѣ правды. Такъ *съ правдою уготовляется престолъ начальства*, то-есть, начальство является твердымъ, и удовлетворяетъ своему назначенію въ обществѣ. Въ соотвѣтствіе правдѣ начальствующихъ правда подчиненныхъ дѣйствователей власти должна проявлять себя наипаче вѣрностію въ исполненіи обязанностей и поручаемыхъ имъ дѣлъ, прямодушіемъ предъ начальствомъ, представленіемъ начальству точныхъ свѣдѣній о состояніи людей и дѣлъ, стремленіемъ къ общей пользѣ, безъ уклоненія къ своекорыстію. Желаніе представить начальству въ блескѣ свою дѣятельность и закрыть отъ него темную сторону дѣлъ ослабляетъ истинный благотворный свѣтъ и увеличиваетъ вредную силу мрака. Своекорыстіе есть червь въ плодѣ общественной пользы: червь скрытно точитъ, и плодъ увядаетъ, и падаетъ на землю».

— «Слово по возвращеніи изъ Москвы, послѣ присутствія тамъ при священномъ короновании Ихъ Императорскихъ Величествъ».—Въ настоящемъ словѣ, высокопреосв. Иннокентій предлагаетъ, вмѣсто обыкновеннаго поученія, разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ въ Москвѣ во время совершившагося тамъ великаго событія. Общее впечатлѣніе древней первопрестольной столицы;

посѣщеніе двухъ пресловутыхъ кладбищъ, которыя, по выраженію архипастыря «являются нынѣ свѣжею нивою, удобною къ пріятію сѣменъ здраваго ученія»; сонмъ избранныхъ сыновъ отечества изъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи, а также сонмъ сыновъ чужеземныхъ, собравшихся въ Москвѣ; нашъ Царственный Домъ во всей полнотѣ его — вотъ, что составляетъ предметъ первой части этого прекраснаго слова. «Наконецъ—говоритъ онъ далѣе— мы удостоились быть при совершеніи самаго священнѣйшаго коронованія Августѣйшаго Монарха и Супруги Его и молитвенно участвовать въ ономъ. Ахъ, брат., что было видимо и слышимо тутъ, послѣ того нѣтъ уже, мнѣ кажется, ничего, что можно-бы видѣть болѣе величественнаго на этой землѣ — въ нашемъ мірѣ человѣческомъ; остается только уготовлять себя къ видѣнію и слышанію того, что превыше земли и людей. Какъ свѣтелъ и всеблистающъ былъ на главѣ Монарха тотъ вѣнецъ, который, какъ сами знаете, устроенъ не годами, какъ у другихъ, а цѣлыми вѣками, устроенъ изъ многочисленнаго собранія вѣнцевъ разныхъ царствъ и княженій! Какъ величественъ и лучезаренъ былъ въ десницѣ Монарха тотъ скипетръ, по манію коего движится столько милліоновъ подданныхъ, направляется въ дѣйствіяхъ своихъ столько народовъ и племенъ! Какъ видимо тверда и несокрушима казалась въ шуйцѣ Его та держава, на которую уже столько разъ опирались, среди всесвѣтныхъ колебаній, спокойствіе и порядокъ всемірный! Какъ обширною являлась на раменахъ Его порфира, которая должна осѣнять собою седмь морей и тысящу градовъ, служить убѣжищемъ для каждаго страждущаго и обремененнаго! Взирая на царя нашего, вѣнчанна и превознесенна, можно было съ увѣренностію обратиться не къ Россіи токмо, но ко всей вселенной, съ словами Пѣсни Пѣсней: *изыдите и видите Царя нашего въ вѣнцѣ, имъ же вѣнча мати его* — православная церковь Всероссійская, *въ день обрученія его* — съ народомъ своимъ, *въ день веселія сердца его* (Пѣс. Пѣсн. 3, 2). Но особенно умилительны были въ семъ торжественномъ священнодѣйствіи три минуты: *Первая* — когда Благочестивѣйшій Государь, приступая къ принятію вѣнца прародительскаго, въ-слухъ всея церкви произнесъ Символъ Вѣры православныя. Это былъ Константинъ Великій, произносящій исповѣданіе вѣры въ-слухъ собора вселенскаго! *Вторая* разительная минута — когда Монархъ, увѣнчанный уже и облеченный во всѣ утвари царскаго сана, преклонилъ, подобно послѣдне-

му изъ своихъ подданныхъ, колѣна предъ Царемъ царствующихъ и возгласилъ смиренную молитву о дарованіи Ему духа премудрости и разума, во еже судити людемъ своимъ въ правду, духа силы и крѣпости, во еже хранить, устроять и возвышать благоденствіе боговвѣряемой Ему державы Всероссійской. Это былъ юный Соломонъ, предъ лицемъ храма испрашивающій въ молитвѣ у Бога отцевъ своихъ мудрости правительственной! *Третья* изъ самыхъ священныхъ минутъ — когда Самодержецъ, при окончаніи литургіи, отложивъ знаки царскаго величія, въ единой порфирѣ приступилъ къ помазанію св. мγромъ, для пріятія даровъ Духа Святаго, и вслѣдъ за тѣмъ — ко причащенію божественныхъ Таинъ, для укрѣпленія себя на великій подвигъ царствованія. Въ сіи минуты Онъ весь былъ благоговѣніе, весь—смиреніе христіанское, весь—страхъ Божій. По самому свойству служенія моего, много видѣлъ я всякаго рода причастниковъ св. Таинъ, но никогда не зрѣлъ подобнаго умиленія въ причащающемся. Въ лицѣ Помазанника, казалось, соединялась тогда священнотайнѣ съ Богомъ вся Россія. У многихъ изъ предстоящихъ потекли изъ очей слезы. Отъ избытка чувствъ я едва не забылъ, что мнѣ надлежало послужить послѣ причащенія омовенію устъ и рукъ державныхъ. Говорить-ли за симъ предъ вами о радости и восторгѣ окружавшаго храмъ народа, когда Боговѣнчанный Помазанникъ, изшедъ изъ храма, какъ Ангелъ Божій, явился предъ нимъ, одѣянъ и преукрашенъ всѣми знаками сана державнаго? Отъ звука церковныхъ кампановъ въ Кремлѣ содрогается не воздухъ только, а и земля: но и сей поражающій звукъ былъ не разъ заглушаемъ громомъ восклицаній народныхъ. Разсказывать-ли вамъ о той благости, съ которою Боговѣнчанный Царь, во все продолженіе празднествъ народныхъ, обращалъ лице свое ко всѣмъ, великимъ и малымъ, богатымъ и нищимъ? Каждый видѣлъ и чувствовалъ, что сердце Его готово было объять любовію всю Россію, доставить покой и радость всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ, изгнать съ лица земли Русской всѣ печали и бѣдствія. Къ сказанному развѣ присовокупить единое. На утріе дня вѣнчальнаго, когда все вокругъ престола гласило славу Боговѣнчаннаго и вся Россія, въ лицѣ представителей своихъ, спѣшила съ привѣтствіями предъ лице Самодержца и Супруги Его, — пріемля оное въ ряду іерарховъ и отъ меня, яко пастыря страны сей, о чемъ, — думаете вы, — между-прочимъ, благоволилъ Онъ провѣщать мнѣ? О томъ, что это былъ

послѣдній день нашего южнаго Севастополя.... Скажите сами, не подобно-ли это тому, какъ Богочеловѣкъ, среди самой славы Ѳаворской, бесѣдовалъ нѣкогда съ Моисеомъ и Иліею о Голгоѳѣ (Лук. 9, 31), бывшей тогда для Него еще впереди, а теперь для насъ уже пройденной? Таковы, брат., впечатлѣнія и чувства, изнесенныя, безъ сомнѣнія, не мною однимъ изъ первопрестольной столицы во всѣ края Россіи. Не имѣя возможности быть свидѣтелями происходившаго тамъ, вы однакоже сами заранѣе могли судить о семъ уже по чрезвычайному потоку милостей, тотчасъ истекшихъ на всю Россію отъ престола Царева, и, безъ сомнѣнія, съ радостію замѣтили господствующую въ этихъ милостяхъ черту милосердія, этой боголюбезной добродѣтели, которая наиболѣе уподобляетъ царей земныхъ Вседержителю небесному. Еще ближе могли судить о томъ-же по любвеобильному, можно сказать, четвероевангельскому гласу признательности Царской, простертому къ четыремъ областямъ многострадальной страны нашей, и въ особенности по тѣмъ безпримѣрнымъ словамъ, въ коихъ съ такимъ преизбыткомъ отеческой милости ублаженъ и возвеличенъ градъ нашъ»....

3) По церковной исторіи: Высочайшее *посѣщеніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры*; *Служеніе св. Іоанна Златоустаго въ санѣ пресвитера Антіохійской церкви* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 3); *Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій; Святый Петръ, архіепископъ Александрійскій; Нѣкоторыя свѣдѣнія о церковной Алтайской миссіи* (ibid. № 4); *Состояніе Русской церкви со времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла II* (Христ. Чт. іюль, сент., ноябрь, дек.); *Очеркъ жизни преосвященнѣйшаго митрополита Никанора* (ibid. ноябрь); *О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ* (Поповщины и Безпоповщины) *на многіе мелкіе толки* (Правосл. собес. кн. 4); *Благовѣрная Евдокія — Евфросинія, великая княгиня Московская* (Воскр. Чт. № 13); *Прорицатель Валаамъ* (ibid. № 14); *Открытіе и перенесеніе мощей св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ Вышгородъ и установленіе праздниковъ въ честь ихъ* (ibid. № 16); *Страданіе св. мученика Евпла діакона* (ibid. № 17); *Иродъ Антипа, патріархъ Галилейскій* (ibid. № 20); *Прообразованія креста Господня въ В. Завѣтѣ, особенно знаменательныя* (ibid. № 22); *О ветхозавѣтныхъ пророкахъ, не оставившихъ подъ своимъ именемъ особыхъ пророческихъ книгъ* (ibid. № 24); *Ѳивскій легіонъ* (ibid. №

26); ***Препод. Иларіонъ великій*** (ibid. № 28); ***Препод. Спиридонъ и Никодимъ просфорники Печерскіе*** (ibid. № 29); ***Благовѣрная княгиня Анна Всеволодовна*** (ibid. № 30); ***Объ освѣщеніи, употребляемомъ въ церкви при богослуженіи*** (ibid. № 35); ***Праведный Исаакъ*** (ibid. № 30); ***Іеффай, судія Израильскій*** (ibid.); ***Обѣтованіе, данное Давиду о великомъ Потомкѣ его*** (ibid. № 37); ***Пророчество Валаама объ Іисусѣ Христѣ*** (ibid. № 38); ***Пророчество Давида о Мессіи*** (ibid.).

— «Святый Кипріанъ, епископъ Кареагенскій». — Св. Кипріанъ, епископъ Кареагенскій, есть одинъ изъ тѣхъ пастырей церкви III вѣка, которыхъ дѣятельность ознаменована была мудростію и ревностію о спасеніи ближнихъ. Напрасно угрожали ему смертію за исповѣданіе вѣры Христовой; какъ добрый пастырь, онъ съ радостнымъ упованіемъ пожертвовалъ своею жизнію во свидѣтельство истинности ученія, которое возвѣщалъ своимъ пасомымъ. Когда наступило время мученической его кончины, христіане Кареагенскіе изъявляли рѣшительную готовность вмѣстѣ съ нимъ пролить кровь свою за св. вѣру. Такъ пламенно любили они своего пастыря, и такъ глубоко могъ онъ вкоренить въ ихъ сердцѣ, силою своего благодатнаго слова, любовь къ Господу Іисусу Христу. За святость жизни и мученическій подвигъ Кипріанъ причисленъ былъ къ лику святыхъ, и въ IV вѣкѣ память его праздновалась уже «не только въ Африкѣ, но и въ странахъ, лежащихъ за моремъ». Равнымъ образомъ и къ писаніямъ св. Кипріана древняя церковь питала глубокое уваженіе: его писанія, по словамъ блаж. Іеронима, были извѣстнѣе самаго солнца; изъ нихъ приводили свидѣтельства отцы Ефесскаго и Халкидонскаго соборовъ для защищенія вѣры противъ еретиковъ. Лактанцій, которому обыкновенно отдаютъ первенство въ краснорѣчіи предъ всѣми древними Латинскими церковными писателями, говоритъ: «трудно различить, краснорѣчивѣе-ли Кипріанъ въ выраженіи мыслей, или счастливѣе въ изъясненіи, или сильнѣе въ убѣжденіи». Кромѣ сего, точныя и подробныя свѣдѣнія о жизни св. Кипріана проливаютъ свѣтъ и на всю исторію сѣверо-Африканской церкви въ III вѣкѣ. Какъ епископъ главнаго города въ области, св. Кипріанъ предсѣдательствовалъ на соборахъ, принималъ живое участіе и въ благоустроеніи другихъ церквей Нумидіи, Африки и Мавританіи, и преподавалъ совѣты епископамъ многихъ другихъ городовъ, обращавшимся къ нему съ недоумѣніями по дѣламъ цер-

ковнымъ. По всему этому изслѣдованіе о жизни и писаніяхъ св. Кипріана вполнѣ достойно вниманія всякаго рода читателей, ищущихъ истины и назиданія.

—«Святый Петръ, архіепископъ Александрійскій».—Св. Петръ—священное, какъ говоритъ Евсевій, украшеніе епископовъ и учителей церкви и по святости, и по упражненію въ божественныхъ глаголахъ, непобѣдимый ратоборецъ, какъ называетъ его Ѳеодоритъ, былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ блаженному Ѳеонѣ, архіепископу Александрійскому. Съ 295 года онъ былъ начальникомъ Александрійскаго училища. Возложеніе на него этой должности показываетъ, что онъ отличался образованіемъ. Александрійское училище, начало котораго возводится ко времени евангелиста Марка, славилось успѣхами образованія. Бывшіе начальники сего училища Аѳинагоръ, Пантенъ, Климентъ, Оригенъ, св. Діонисій, Піерій, глубокимъ изученіемъ священнаго писанія и защищеніемъ христіанства противъ язычниковъ и еретиковъ, пріобрѣли себѣ славу, и привлекали любителей духовнаго просвѣщенія. Борьба съ врагами христіанства заставляла ближе знакомиться съ ученіемъ противниковъ; но знакомство съ неправыми мнѣніями не осталось безъ вліянія на извѣстнаго учителя Александрійскаго училища Оригена. Исправить заблужденія, и такимъ образомъ ниву Божію очистить отъ плевелъ было священною обязанностію преемниковъ его, святаго Діонисія и потомъ св. Петра.

— «Состояніе Русской церкви со-времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла II». — Приводимъ здѣсь вступленіе въ это обширное и весьма замѣчательное изслѣдованіе, обнимающее эпоху Русской церкви съ 1147 по 1240 годъ. «Если знаменательно было избраніе и возведеніе на митрополитскій престолъ Иларіона соборомъ Русскихъ епископовъ при вел. кн. Ярославѣ, то еще болѣе знаменательнымъ должно назвать подобное же избраніе Климента, случившееся во дни вел. кн. Изяслава II. Тогда все совершилось спокойно: не видно, чтобы кто-либо изъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, воспротивился волѣ князя и назвалъ избраніе Иларіона незаконнымъ; не видно, чтобы новоизбранный митрополитъ не захотѣлъ подчинить себя власти Константинопольскаго патріарха, или послѣдній не согласился признать Иларіона въ санѣ первосвятителя Русской церкви; не видно, наконецъ, чтобы такое избраніе первосвятителя имѣло какія-либо послѣдствія въ Русской церкви, произвело въ ней какія-либо пере-

мѣны. Событіе произошло тихо и безъ всякой борьбы, можетъ быть, отъ того, что, съ одной стороны, Русскіе, по недавности своего обращенія къ вѣрѣ, еще не привыкли считать необходимостію избраніе и поставленіе своего митрополита Константинопольскимъ патріархомъ, а съ другой—Константинопольскіе патріархи еще окончательно не рѣшили, какъ смотрѣть на Русскую церковь, и не предоставить-ли ей самой, согласно съ древними канонами, права избирать для себя первосвятителя. Теперь, когда со времени основанія Русской церкви протекло уже болѣе полутораста лѣтъ, когда избраніе и поставленіе Русскихъ митрополитовъ въ Константинополѣ освятилось обычаемъ, теперь видимъ совсѣмъ другое. На соборѣ, который созвалъ вел. кн. Изяславъ для избранія и поставленія митрополита Климента безъ сношенія съ Константинопольскимъ патріархомъ, нашлись епископы, которые назвали такой поступокъ незаконнымъ и не соглашались участвовать въ немъ. Константинопольскій патріархъ, узнавшій о возведеніи Климента на каѳедру митрополіи Русской, не хотѣлъ признать его въ этомъ санѣ. Самъ Климентъ считалъ себя независимымъ отъ патріарха и впродолженіе девяти лѣтъ своего пастырства вовсе не поминалъ его при богослуженіи въ молитвахъ. Нѣкоторые изъ епископовъ Русскихъ не захотѣли подчиниться Клименту, какъ первосвятителю, до самой его кончины. Нѣкоторые даже изъ князей не соглашались признать его законнымъ архипастыремъ и просили себѣ митрополита отъ Константинопольскаго патріарха. Видимо происходила борьба двухъ началъ, продолжаавшаяся около двадцати лѣтъ (1146—1164): начала Византійскаго, которое стремилось къ тому, чтобы удержать за Константинопольскимъ патріархомъ полную власть надъ Русскою церковію, и начала Русскаго, домогавшагося независимости Русской церкви отъ патріарха или, по-крайней-мѣрѣ, того, чтобы онъ, безъ предварительнаго согласія Русскаго вел. князя, не избиралъ и не присылалъ къ намъ митрополитовъ. Византійское началю на этотъ разъ превозмогло, и еще около ста лѣтъ Русская церковь оставалась, по прежнему, въ совершенной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха. Въ гражданскомъ отношеніи у насъ продолжался такъ-называемый періодъ удѣльный, съ его кровавыми междуособіями, съ набѣгами дикихъ Половцевъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, съ гребежами и опустошеніями, отъ которыхъ едва-ли даже не болѣе, чѣмъ прежде, страдали не толь-

ко православные жители Россіи, но и храмы Божіи и св. обители: самый Кіевъ и его лучшія церкви и монастыри были разорены двукратно. Но, съ другой стороны, у насъ совершилась тогда въ гражданскомъ быту весьма важная перемѣна, начался новый порядокъ вещей. Древній первопрестольный градъ Кіевъ — мать градовъ Русскихъ, и великое княженіе Кіевское—самое главное и могущественное изъ Русскихъ княженій, потеряли свое политическое значеніе. Въ замѣнъ того на сѣверѣ Россіи, по державной волѣ Андрея Боголюбскаго, возникла новая столица — Владиміръ на Клязьмѣ и образовалось новое великое княженіе Владимірское, которое вскорѣ возвысилось и надъ Кіевскимъ, и надъ всѣми прочими. Жизнь Русская прилила съ юга на сѣверъ и начала быстро развиваться здѣсь. Эта гражданская перемѣна осталась не безъ вліянія и на церковныя дѣла. Андрей Боголюбскій пытался открыть въ своей новой столицѣ новую митрополію, отдѣльную отъ Кіевской. Одинъ изъ Владимірскихъ епископовъ, поставленный непосредственно Константинопольскимъ патріархомъ, не хотѣлъ признать надъ собою власти Кіевскаго митрополита. Во Владимірѣ, Боголюбовѣ и другихъ мѣстахъ великаго княженія Владимірскаго воздвигнуты новые великолѣпные храмы, явились новыя обители. Наконецъ, вся Россія, и сѣверная и южная, а вмѣстѣ съ нею Русская церковь, подверглись страшному нашествію Монголовъ (1224—1240). Усилія папъ подчинить себѣ Русскую церковь въ настоящій періодъ не только не уменьшились, но, кажется, даже увеличились: по-крайней-мѣрѣ, извѣстно гораздо болѣе попытокъ въ этомъ родѣ, хотя по прежнему остававшихся безъ успѣха. Только въ двухъ мѣстахъ Россіи обстоятельства нѣсколько поблагопріятствовали Латинянамъ: на югѣ, гдѣ область Галицкая къ концу XII и въ началѣ XIII вѣка попадала владычеству Венгровъ, и гдѣ открылось-было явное гоненіе на православныхъ отъ ревнителей папства, и на сѣверѣ—въ Ливоніи, гдѣ около того-же времени поселились и утвердились Меченосцы и начали обращать къ Римской вѣрѣ коренныхъ обителей страны, дотолѣ платившихъ дань Полоцкому князю, и мало-по-малу изглаждать слѣды Русскаго владычества и православія». Все настоящее изслѣдованіе раздѣляется на четыре главы, которыя озаглавлены слѣдующимъ образомъ: 1) Митрополитъ Климентъ и его преемники; состояніе епархій и замѣчательнѣйшіе изъ іерарховъ; новые успѣхи въ распространеніи вѣры. 2) Монастыри. 3) Бого-

служеніе и 4) Духовное просвѣщеніе, ученіе и письменность. Изъ послѣдней главы приведемъ здѣсь слѣдующей отрывокъ. «Для того, чтобы судить о состояніи духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, въ обозрѣваемый нами періодъ, мы имѣемъ троякаго рода данныя. Это, прежде всего, отзывы современниковъ о нѣкоторыхъ нашихъ тогдашнихъ іерархахъ и инокахъ, правда, краткіе и весьма не многіе. Во-вторыхъ, это извѣстія о бывшихъ у насъ тогда училищахъ, хотя довольно подробныя, но, къ-сожалѣнію, сохранившіяся только въ сводной лѣтописи Татищева. По словамъ его, Смоленскій князь Романъ Ростиславичъ, будучи самъ весьма ученымъ, понуждалъ къ ученію многихъ, и особенно, не желая имѣть необразованныхъ священниковъ, устроялъ училища, содержалъ учителей, Грековъ и Латинянъ, и на все это до того истощалъ свои доходы, что, по смерти его (1180), жители Смоленска должны были сдѣлать добровольный сборъ для погребенія своего любимаго князя. Галицкій князь Ярославъ Владиміровичъ (ум. 1188), большой любитель книгъ и знатокъ языковъ, ревнуя о благоустроеніи церковнаго клира, искорененіи въ народѣ суевѣрій и распространеніи правыхъ понятій о вѣрѣ, вмѣнялъ черноризцамъ въ обязанность обучать дѣтей грамотѣ и удѣлять на то часть монастырскихъ доходовъ. Еще болѣе замѣчательнымъ ревнителемъ просвѣщенія былъ вел. князь Владимірскій и Суздальскій Константинъ Всеволодовичъ. Наученный многимъ языкамъ, онъ не щадилъ ничего для пріобрѣтенія книгъ, держалъ при себѣ ученыхъ людей и заставлялъ ихъ переводить съ Греческаго языка на Славянскій; въ библіотекѣ его находилось однѣхъ Греческихъ книгъ болѣе тысячи, которыя частію были куплены имъ самимъ, а частію получены въ даръ отъ патріарховъ, слышавшихъ о его любомудріи. Предъ своею кончиною (1218) онъ пожертвовалъ собственный домъ во Владимірѣ, всю свою библіотеку и разныя волости для училища, гдѣ иноки, Русскіе и Греки, обучали малолѣтныхъ дѣтей. Училище это продолжало существовать и по смерти князя, хотя въ 1227 г., во время страшнаго пожара Владимірскаго, лишилось многихъ. Передавая сказаніе о Константинѣ Всеволодовичѣ, Татищевъ ссылается на какую-то лѣтопись св. Симона, епископа Владимірскаго (ум. 1125); но как эта лѣтопись до насъ не дошла и нѣтъ возможности судить о степени ея подлинности, а свидѣтельства Татищева и о другихъ училищахъ неизвѣстно откуда имъ заимствованы: то, не

отвергая ихъ совершенно, мы удерживаемся признать ихъ и вполнѣ достовѣрными. Впрочемъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что какія-либо школы, по-крайней-мѣрѣ, для первоначальнаго обученія у насъ существовали: потому что а) всегда были у насъ люди грамотные, цѣлый классъ пастырей церкви, которые у кого-нибудь да учились читать и писать; б) въ житіи преп. Авраамія Смоленскаго говорится, что когда онъ пришелъ въ возрастъ, родители его «даста и̓ книгамъ учити», и что онъ «не унываше, якоже прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извыче, сему же на игры со инѣми не исхождаше»; значитъ, въ Смоленскѣ точно было училище; в) объ учителяхъ, занимавшихся въ Россіи приготовленіемъ людей для церковнаго служенія, упоминаетъ въ своемъ посланіи (1228) Константинопольскій па́тріархъ Германъ къ нашему митрополиту Кириллу. Наконецъ, третье и самое важное данное, по которому мы можемъ судить какъ о просвѣщеніи, такъ и объ ученіи въ нашей церкви, представляютъ собою сохранившіеся остатки тогдашней нашей духовной литературы. Разумѣемъ: 1) довольно многочисленныя и разнообразныя сочиненія св. Кирилла, епископа Туровскаго; 2) посланія св. Симона, епископа Владимірскаго, и Поликарпа, инока Кіево-печерскаго, которыя, по единству предмета и внутреннему характеру, составляютъ какъ-бы одно нераздѣльное цѣлое; 3) небольшія сочиненія другихъ нашихъ писателей менѣе извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ, равно какъ не многіе уцѣлѣвшіе памятники тогдашней церковной письменности». Читатели найдутъ здѣсь самое полное и отчетливое изложеніе содержанія сочиненій вышеупомянутыхъ святыхъ отцевъ и іерарховъ.

4) По христіанскому ученію: *О вѣчности мученій* (Приб. къ тв. св. отц. и въ Русск. пер. кн. 4); *О христіанской любви къ ближнимъ. Изъясненіе* 13-*й гл.* 1-*го Посланія св. апостола Павла къ Коринѳянамъ* (Христ. Чт. авг.); *Какъ, по ученію Іисуса Христа, должно творить милостыню, молиться и поститься* (Правосл. собес. кн. 3); *О книгѣ: «Большой катихизисъ»* (ibid. № 3, 4); *О существѣ христіанской жизни* (Воскр. Чт. № 15); *О благословеніи церковномъ вообще* (ibid. № 17); *Правила житейскаго благоразумія, преподанныя въ св. писаніи* (ibid. № 18); *О св. жертвенникѣ или престолѣ* (ibid. № 21); *Акаѳистъ сладчайшему Іисусу* (ibid. № 27)

5) Назидательныя размышленія: *Бесѣда священника съ прихожаниномъ объ исповѣди; Внезапныя перемѣны жизни; Несча-*

стные люди (Христ. Чт. іюль); *Небреженіе о благодати* (ibid. авг.); *Старое и новое время* (ibid. сент.); *О бодрствованіи надъ собою въ общественной жизни*; *Не пецытеся на утрей*; *Смерть праведника* (ibid. окт.); *Родственное и дружеское собраніе въ послѣдній день ода* (ibid. дек.); *Выписка изъ записной книжки одного стараго почтеннаго законоучителя* (Правосл. собес. кн. 3); *Не должно прилѣпляться къ земнымъ благамъ* (ibid. кн. 4); *Разговоръ священника съ прихожаниномъ по случаю Высочайшаго манифеста о предстоящей коронаціи Государя Императора* (Воскр. Чт. № 12); *Мысли о безсмертіи человѣка* (ibid.); *Предзнаменованіе несчастнаго событія* (ibid.); *Достопамятныя изреченія св. женъ подвижницъ, собранныя аввою Исаіею* (ibid. 14, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 27); *Чудесное знаменіе надъ просфорою* (ibid. № 15); *Материнская любовь* (ibid. № 19); *О зломъ недовѣріи или подозрительности* (ibid.); *Благость и премудрость Божія въ устройствѣ свѣта* (ibid. № 20); *Достопамятныя изреченія двухъ отшельницъ* (ibid. № 26); *Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ* (ibid, № 29, 30, 35, 36); *О милостынѣ, какъ спасительной силѣ, спасающей отъ преждевременной и внезапной смерти* (ibid. № 287); *Владычество человѣка надъ неразумною тварію* (ibid. № 31, 32); *Храненіе ангеловъ* (ibid. № 31); *Поучительные уроки изъ примѣра сострадательнаго Самарянина* (ibid. № 33); *Зависть* (ibid.); *Указанія въ природѣ человѣка на безсмертную жизнь его по смерти* (ibid. № 35); *Поучительные уроки изъ евангельской притчи о званныхъ на вечерю* (ibid. № 36); на тексты св. писанія: *Тщаніемъ нелѣниви, духомъ горяще Господеви работающе* (ibid. № 13); *Аще возможно есть, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (ibid. № 14); *Основанія иного никто же можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ibid. № 17); *Смерть убо въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ* (ibid. № 23).

— Сообщаемъ выписку изъ записной книжки одного стараго почтеннаго законоучителя, заключающей себѣ весьма полезныя наставленія. «Законоучители обучаютъ дѣтей вѣрѣ, т. е. православному христіанскому ученію, къ-несчастію, не одинаково. Иные стараются напечатлѣвать христіанское ученіе только въ памяти дѣтей. Иные кромѣ сего стараются и о томъ, чтобы дѣти основательно поняли христіанское ученіе, но при семъ не стараются произвести въ ихъ сердцѣ расположенія жить согласно съ тѣмъ ученіемъ. Иные стараются произвести въ дѣтскомъ сердцѣ и рас-

положеніе жить по христіанскому ученію, но не довольно просвѣщаютъ дѣтскій разумъ, не раскрывая Христіанскаго ученія вполнѣ и во взаимномъ отношеніи его истинъ. Иные, наконецъ, не только достаточно просвѣщаютъ дѣтскій разумъ и твердо укрѣпляютъ христіанское ученіе въ дѣтской памяти, но и производятъ въ сердцѣ дѣтей живое расположеніе жить по принятому ими ученію. Изъ всѣхъ этихъ законоучителей полезно и спасительно дѣйствуютъ только послѣдніе. Поэтому истинно-полезное и спасительное наставленіе дѣтей христіанскому ученію бываетъ только тогда, когда дѣти 1) ясно выразумѣютъ преподанное имъ ученіе, 2) твердо запечатлѣваютъ его въ своей памяти и 3) получаютъ живое расположеніе жить сообразно съ тѣмъ ученіемъ.

«Дабы твердо напечатлѣть христіанское ученіе въ памяти дѣтей, должно стараться довести ихъ д› всевозможно яснаго выразумѣнія того ученія. Ясное выразумѣніе ученія всего надежнѣе укрѣпляетъ то ученіе въ памяти. Чтобы произвести въ дѣтяхъ живое расположеніе жить по тому ученію, законоучителю необходимо нужно имѣть въ себѣ: а) страхъ Божій, б) усердіе научить, в) кротость, г) терпѣніе, д) любовь, е) отеческую степенность и строгость, ж) жизнь по преподаваемому ученію. Ежели у тебя нѣтъ этихъ качествъ, то не берись учить дѣтей: ты испортишь ихъ. Ежели-же ты имѣешь ихъ, то принимайся съ Богомъ. Два твои слова произведутъ больше, нежели многіе, отличные уроки другихъ учителей. Потому-что все, что ты будешь говорить, будешь говорить отъ полнаго сердца; а до сердца всегда доходитъ и движетъ сердце только то, что исходитъ отъ сердца. Чтобы тебѣ, какъ законоучителю, надежнѣе пріобрѣсти страхъ Божій и постоянное усердіе правильно учить дѣтей христіанскому ученію, тебѣ нужны три слѣдующіе способа: 1) Когда смотришь на дѣтей, которыхъ тебѣ дожно учить, думай такъ: «эти дѣти суть дѣти Божіи, всѣ куплены безцѣнною кровью Сына Божія, всѣ обречены въ храмъ Всесвятаго Духа, всѣ воспитанники ангеловъ, радость родителей, цвѣтъ человѣчества, надежда будущаго лучшаго потомства». 2) Когда смотришь на дѣтей, которыхъ тебѣ должно учить, думай такъ: «ежели бы эти дѣти знали, какъ много зависитъ ихъ благочестивая жизнь отъ моей жизни: то всѣ они бросились бы передо мною на колѣни, и въ одинъ голосъ умоляли бы меня съ самымъ сердечнымъ чувствомъ: любезный учитель!

будь истинно-благочестивъ, дабы заставить насъ быть благочестивыми! Иди неуклонно на небеса, дабы и мы стремились туда-же»! 3) Когда смотришь на дѣтей, которыхъ тебѣ должно учить, думай такъ: «при моемъ внимательномъ наставленіи, эти дѣти Божіи могутъ навсегда остаться дѣтьми Божіими, и крайне будутъ благодарить меня при своей смерти, а особливо на судѣ Божіемъ. Въ противномъ случаѣ, они удобно могутъ испортиться, уклониться съ пути спасенія и ужасно будутъ проклинать меня при своей смерти и на судѣ Божіемъ! Своими упреками во всю вѣчность они будутъ умножать мои и безъ того ужаснѣйшія муки въ аду». Чтобы урокъ твой былъ спасителенъ, тебѣ непремѣнно должно: 1) *Имѣть чистоту намѣренія*, т. е. истинное желаніе просвѣтить разумъ и согрѣть сердце дѣтей, къ которымъ идешь съ урокомъ. Безъ этой чистоты намѣренія ты будешь или пустъ, и посему бездѣйственъ, или еще проникнутъ корыстолюбіемъ, тщеславіемъ, честолюбіемъ. А корыстолюбіе, тщеславіе и честолюбіе желаютъ, чтобы дѣти казались быстро успѣвающими и знали особенно то, что нравится ихъ родителямъ или начальникамъ, а не то, что полезно дѣтямъ. И какъ дѣти какъ-то всегда гораздо легче принимаютъ уроки памятью, нежели разумомъ: то всѣ дурные учители всегда стараются болѣе укоренять свой урокъ въ памяти дѣтей, между тѣмъ какъ разумъ ихъ остается безъ свѣта, а сердце безъ теплоты. 2) Имѣть *смиреніе*. Смиреніе весьма нужно тебѣ потому, что при всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ и при всемъ своемъ стараніи, самъ собою ты не можешь преподать дѣтямъ ни одного ученія такъ, чтобъ они обратили его въ правило своей жизни. Ибо, какъ говоритъ св. апостолъ, мы только сажаемъ и поливаемъ, а возращаетъ Богъ (1 Коринѳ. 3, 7). Да и вообще *Богъ даетъ Свою благодать*, а слѣдовательно успѣхъ во всякомъ дѣлѣ, смиреннымъ (Іаков. 4, 6). 3) Имѣть *упованіе на Божію помощь*. Это упованіе крайне нужно законоучителю потому, что онъ очень часто можетъ найтись въ такомъ положеніи, что ему кажется, будто онъ, при всемъ своемъ стараніи о дѣтяхъ, не произведетъ въ дѣтяхъ ничего. Упованіе-же на помощь Божію, ежели оно въ немъ живо, тотчасъ укрѣпитъ его мыслію, что Господь Богъ создалъ его учениковъ для вѣчной жизни, что Сынъ Божій умеръ за ихъ спасеніе, что св. Духъ избралъ ихъ въ храмъ себѣ, и что, слѣдовательно, Господу Богу угодно, чтобъ они всѣ познали истину, сдѣлались благочестивыми и спаслись (1 Тимоѳ. 2, 4); а посему, конеч-

но, Онъ всѣмъ имъ далъ способность познать истину и сдѣлаться благочестивыми. 4) Наконецъ имѣть *молитву:* ибо всякой совершенный даръ ниспосылается намъ, какъ говоритъ св. апостолъ, отъ Отца свѣтовъ по молитвѣ (Іаков. 1, 18). Посему безъ усердной молитвы никогда нельзя ждать ни отъ какого нашего предпріятія ничего истинно-добраго и спасительнаго. Посему законоучителю всякой разъ, какъ онъ желаетъ дать урокъ, прежде должно молиться какъ о себѣ, такъ и объ ученикахъ.

«Ученія въ христіанской вѣрѣ двоякаго рода: одни постижимы для насъ, другія не постижимы. Ежели как е-либо ученіе для насъ постижимо, то мы можемъ и должны смотрѣть на него окомъ разума и окомъ вѣры. Отъ такого двоякаго взора на него не должно удалять и дѣтей. Впрочемъ, при этомъ надобно поступать съ большою осторожностью: потому что если дѣтямъ объясняется что-либо преимущественно посредствомъ разума, то въ нихъ возбуждается охота ломать голову, а вѣра остается безъ упражненія, мало-по-малу ослабѣваетъ, и иногда даже совсѣмъ пропадаетъ. Посему и при такомъ ученіи, истина котораго познается нашимъ разумомъ, всегда должно класть въ основаніе вѣру, т. е. пріучать дѣтей, чтобъ они вѣрили истинѣ какого-либо ученія не потому, что истина того ученія усматривается разумомъ, но потому, что то ученіе сказано Господомъ Богомъ. Ибо дѣтямъ преимущественно должно образовать вѣру, частію потому, что вѣра раскрывается въ человѣкѣ всегда прежде разума, частію потому, что она нужна намъ и тогда, когда мы понимаемъ что-нибудь и посредствомъ разума: ибо убѣжденіе вѣры гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на нашу дѣятельность, нежели убѣжденіе разума. И такъ при ученіи, которое можно и полезно постигать разумомъ, сказать дѣтямъ: «это ученіе можно понять и разумомъ», но всегда надобно въ то-же время сказать и то, что ученіе то должно принять за истину не потому, что понимаемъ его разумомъ, а потому, что его сказалъ Богъ. Мы можемъ заблуждаться въ мышленіи, но Богъ — никогда. Что сказалъ Богъ, то несомнѣнно истина, и не можетъ не быть истиною. Богъ всевѣдущъ и совершенно истиненъ. Въ случаѣ словъ человѣка недовѣрчиваго или упрямаго: «это непонятно», — всегда надобно твердо говорить: «мы очень многаго не понимаемъ, но это не причина не принимать за истину того, чего не понимаемъ. Мы не понимаемъ, какъ наша душа приводитъ въ движеніе нашъ глазъ, нашу руку, ногу и т. п., од-

накожь мы нимало не сомнѣваемся, что это такъ. Если-же мы не понимаемъ многаго изъ земнаго, то удивительно ли, что не понимаемъ много небеснаго»? Многіе стараются объяснять непостижимыя тайны подобіями; но какъ этого часто нельзя дѣлать безъ вреда, то лучше всего никогда не пользоваться симъ способомъ изъясненія, а твердо говорить, что такъ сказалъ или установилъ и повелѣлъ Богъ».

— «Указанія въ природѣ человѣка на безсмертную жизнь его по смерти». — Въ настоящемъ изслѣдованіи предлагаются, въ видѣ писемъ, указанія на безсмертную жизнь въ общемъ устройствѣ нашей природы, а потомъ въ ея состояніи обновленномъ, или что то-же — въ состояніи человѣка, во-первыхъ, томъ, въ которое поставляютъ его первое рожденіе, а затѣмъ въ томъ, которымъ онъ, какъ христіанинъ, обязанъ второму рожденію, или возрожденію. Обращаясь къ первому состоянію, авторъ разсуждаетъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Если человѣкъ созданъ для одной здѣшней жизни, то въ природѣ его должно быть только то, что потребно для одной этой жизни. Ему, какъ совершеннѣйшему животному земному, нужны для сего орудія чувствъ, органы для дыханія и пищеваренія, члены для движенія и извѣстные инстинкты. На что ему еще что-нибудь болѣе? На что ему то, что здѣсь остается безъ полнаго употребленія или совсѣмъ безъ предметовъ? Напротивъ, когда человѣкъ сотворенъ и для другой жизни высшей, то недовольно ему того, что нужно для одного животнаго, хотя-бы совершеннѣйшаго. Въ такомъ случаѣ, мы въ правѣ искать въ его природѣ высшаго чувства и высшихъ силъ, которыя не ограничиваются предметами здѣшней жизни,—*силъ грядущаго вѣка*, началъ жизни другой, совершеннѣйшей. И мы дѣйствительно находимъ и сознаемъ въ себѣ такія силы и начала. Природа наша сама въ себѣ носитъ залоги и свидѣтельства другой, безсмертной жизни, и эти свидѣтельства не трудно усматривать въ ней, особенно христіанину, проникающему въ нее не при одномъ свѣтильникѣ разума, а и при яснѣйшемъ свѣтѣ откровенія. Когда разсматриваемъ младенца, изъ состоянія жизни приготовительной, въ утробѣ матери, перешедшаго въ кругъ жизни обширнѣйшій, видимъ, что онъ образованъ и пришелъ въ этотъ міръ со всѣми орудіями, приспособленными къ нашей земной жизни. Далѣе видимъ — младенецъ возрастаетъ, дѣлается отрокомъ, потомъ юношей и достигаетъ совершеннаго возраста. Тогда видно уже не

простое животное, а разумное, видно существо, ищущее познаній и благъ не для одного тѣла, но и для души. Въ немъ обнаруживается стремленіе къ предметамъ, превышающимъ всю область видимаго міра, открывается нѣкое высшее чувство духовное, алчущее и предметовъ духовныхъ; но око души *не насытится зрѣти*, и *ухо* ея *не исполнится слышанія* (Еккл. 1, 8): потому что въ этомъ мірѣ нѣтъ того, что могло-бы насытить и исполнить безпредѣльныя желанія нашего духа. При самомъ, по видимому, полномъ раскрытіи чуловѣческой природы, духъ нашъ оказывается самъ младенцемъ, отверзающимъ уста и ищущимъ своей природной пищи. Этой пищи не находитъ онъ въ мірѣ чувственномъ: потому силится воспарить выше всего чувственнаго и только приближаясь къ міру горнему, духовному, чувствуетъ нѣкую отраду, подобно тому, кто восходитъ изъ душной, тяжелой атмосферы въ болѣе чистую и легкую. Такимъ образомъ у этого младенца не видѣнъ-ли организмъ высшій, назначенный и для высшей жизни? Для его ока не долженъ-ли быть свой свѣтъ, котораго онъ жаждетъ; для его внутренняго слуха не готовы-ли гдѣ, только ему внятные, звуки и *глаголы неизреченные* (2 Кор. 12, 4)? Если, по слову того-же Соломона, *Богъ сотвори* человѣковъ, *да убоятся отъ лица Его* (Еккл. 3, 14), а по словамъ другаго, *положилъ есть око свое на сердцахъ ихъ, показати имъ величество дѣлъ своихъ, и завѣтъ вѣчный постави съ ними* (Сирах. 17, 7. 10): то среди суеты и тлѣнія мы должны помышлять о томъ, что неизмѣняемо и нетлѣнно, и самымъ крушеніемъ духа побуждаться искать успокоенія предъ лицемъ Того, кто положилъ око свое на сердцахъ нашихъ, и завѣтомъ вѣчнымъ, списокъ коего сохраняется въ нашемъ духѣ, обѣщалъ намъ новую, совершеннѣйшую жизнь, уже незнающую суеты и крушенія. Такъ, сама природа наша свидѣтельствуетъ противъ всѣхъ невѣрующихъ ея безсмертію будущему, и она, безъ сомнѣнія, обличаетъ ихъ въ этомъ невѣріи. Тщетно хотѣли-бы они заглушить ея голосъ, исходящій изъ глубины нашего сердца: онъ проторгается сквозь всѣ полагаемыя ему преграды, и тѣмъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ долѣе задерживается, какъ глубоко и долго задержанное въ насъ дыханіе. И зачѣмъ заглушать этотъ голосъ? Зачѣмъ лишать себя наилучшаго утѣшенія, какое только можно имѣть въ этой жизни? Одинъ развращенный до крайности человѣкъ ищетъ для себя въ невѣріи ложнаго утѣшенія, потому что съ истиною безсмертія видитъ тѣсную связь истины воздаянія въ

той области жизни, гдѣ живетъ правда вѣчная. Но наши мудрователи ужели причтутъ себя къ числу крайне развратныхъ? Они, напротивъ, хвалятся строгою нравственностію. Итакъ, одна гордость разума, желающаго стать выше общей вѣры людей, вѣры всего рода человѣческаго, заставляетъ ихъ строить тѣ странныя умозрѣнія, которыми подавляется внутреннее свидѣтельство ихъ совѣсти. А эта гордость, поступая такимъ образомъ, не унижаетъ-ли человѣка до безсловесныхъ? Подлинно, эти мудрецы *осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце; глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Римл. 1, 21, 22). И такъ вотъ что скажемъ мы мудрователямъ, возстающимъ противъ истины безсмертія: войдите лучше въ самихъ себя, войдите въ святилище духа, и тамъ послушайте свидѣтельства на отвергаемую вами истину. *Духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11), живетъ какъ странникъ, но имѣетъ при себѣ вѣрныя свидѣтельства о своемъ высокомъ происхожденіи и назначеніи. Желающему познать эти свидѣтельства и разуму и сердцу — онъ предъявляетъ ихъ».

II. Философія.

Къ области философіи принадлежатъ двѣ статьи: *Характеръ философіи Бэкона*, ст. Маколея (Библ. для чт. № 12); *О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи*, И. В. Кирѣевскаго (Русск. Бес. № 2).

— «Характеръ философіи Бэкона».—«Главнѣйшая особенность философіи Бэкона заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на тѣ вопросы, которые никогда не были предметомъ изслѣдованій его предшественниковъ. Таково было и его собственное мнѣніе: Finis scientiarum, сказалъ онъ, a nemine adhuc bene positus est. Цѣль стремленій Бэкона—уменьшить человѣческія страданія и умножить удобства жизни, «улучшить нашъ бытъ», commodis humanis inservire; efficaciter operari ad sublevanda vitae humanae incommoda; dotare vitam humanam novis inventis et copiis. Вотъ что было цѣлью всѣхъ его изысканій во всѣхъ отрасляхъ наукъ— въ нравственной философіи, въ законодательствѣ, въ политикѣ, въ естественныхъ наукахъ. Два слова характеризуютъ ученіе Бэкона— польза, успѣхъ; философы до него не заботились о пользѣ и довольствовались неподвижностію. Этого нельзя не видѣть въ теоріяхъ нравственнаго усовершенствованія, которыя были такъ выс-

пренни, что навсегда остались теоріями, въ стремленіи разрѣшить неразрѣшимое, изслѣдовать составы нашего духа, не подлежащіе изслѣдованію. Они не могли снизойдти до смиренной услуги усовершенствованія людскаго существованія. Всѣ школы смотрѣли на эту услугу, какъ на паденіе; нѣкоторые презирали ее, какъ безнравственность. Одинъ только Посидоній, талантливый авторъ временъ Цицерона и Цезаря, до того забылся, что включилъ въ число услугъ, оказанныхъ философіей человѣчеству, изобрѣтеніе сводовъ и введеніе въ употребленіе металловъ. Эта похвала была принята, какъ оскорбленіе, и впослѣдствіи вооружила противъ себя Сенеку. Дѣйствительно, уваженіе къ знаменитымъ философамъ древности заставляетъ насъ думать, что ихъ способности были дурно направлены; иначе, чѣмъ объяснить, что такія громадныя силы принесли такъ мало пользы человѣчеству. Вращающій колесо мельницы имѣетъ болѣе средствъ выказать силу своихъ мышцъ, нежели идущій по большой дорогѣ; но послѣдній постоянно подвигается впередъ, между тѣмъ какъ первый остается на мѣстѣ. Древняя философія была мельничнымъ колесомъ, а не дорогой. Она принимала въ себя всѣ спорные вопросы, которые всегда оканчивались начальнымъ положеніемъ; она требовала много усилій, но не допускала успѣха. Чѣмъ была философія во время Цицерона, тѣмъ она осталась во время Сенеки и Фаворина. Вопросы, занимавшіе средневѣковыхъ ученыхъ, были совсѣмъ другаго содержанія, но столько-же неопредѣленные, безполезные, замысловатые, какъ и тѣ, на которыхъ изощряли свой умъ словоохотливые, остроумные Греки. Подобными пустяками были заняты проницательные, сильные умы схоластиковъ въ то время, когда на западѣ стала воскресать наука. Наконецъ пришло время паденія этой безплодной мудрости, поглощавшей всѣ способности даровитѣйшихъ людей, являвшихся въ теченіе столь многихъ вѣковъ. Она износила много формъ, смѣшалась со многими преданіями, она пережила политическіе перевороты, въ которыхъ погибали монархіи, языки, народы. Слова, одни слова и ничего кромѣ словъ — вотъ жалкій плодъ отъ тяжкаго труда шестидесяти поколѣній славнѣйшихъ мудрецовъ! Многія причины расположили умы къ великой перемѣнѣ. Сравнительное изученіе древнихъ писателей, конечно, не могло измѣнить общаго направленія философскихъ изслѣдованій, немного содѣйствовало къ ослабленію слѣпаго поклоненія авторитету Аристотеля. Возникновеніе Флорентинской шко-

лы платонистовъ, считавшей въ числѣ своихъ членовъ нѣсколькихъ величайшихъ умовъ XV вѣка, было событіемъ не послѣдней важности. События XV и XVI столѣтій дали философіи новое направленіе. Система Рамоза стала вытѣснять ученіе Аристотеля изъ нѣсколькихъ Шотландскихъ университетовъ. Такимъ образомъ еще до рожденія Бэкона, авторитетъ схоластической философіи былъ пораженъ въ самомъ основаніи. Въ это время явился Бэконъ. Многіе мыслители, изъ которыхъ Рамоза наиболѣе извѣстенъ, стремились къ образованію новой философской секты. Участіе Бэкона въ этомъ переломѣ было такое-же, какъ участіе Бонапарте въ судьбѣ Франціи. Древній порядокъ вещей былъ разрушенъ прежде его появленія. Нѣсколько педантовъ еще хранили память о падшемъ могуществѣ древней философіи и ласкали себя надеждой на его возстановленіе; но большинство общества думало иначе. Свободные отъ цѣпей схоластики, но не умѣющіе пользоваться своей свободой, ученые не могли принять опредѣленнаго направленія и не находили предводителя, способнаго вести ихъ ихъ впередъ. Наконецъ явился предводитель. Его система была нова въ полномъ смыслѣ слова. Она отличалась отъ ученія философовъ древности не только формой, но и содержаніемъ. Предметомъ этой новой философіи была польза человѣчества, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимала и понимаетъ масса человѣчества. «Meditor, сказалъ Бэконъ, instaurationem philosophiae ejusmodi quae nihil inanis aut abstracti habeat, quaeque vitae humanae conditiones in melius provehat. Что сдѣлалъ Бэконъ для философіи, думаемъ, можетъ быть выражено такимъ образомъ. Цѣли мыслителей, предшествовавшихъ Бэкону, могли быть достигнуты безъ точныхъ наблюденій: потому они и не заботились о точности своихъ выводовъ. Важность заслуги Бэкона заключалась не въ томъ, что онъ далъ мыслителямъ правила для составленія наведенія, но въ томъ, что онъ указалъ цѣль точнаго употребленія этого метода. Направить общество на путь, съ котораго ему не сойдти во-вѣки,—вотъ рѣдкая привилегія величайшихъ геніевъ. Книга «Опыты» сдѣлала Бэкона извѣстнымъ толпѣ. O Novum Organum et de Augmentis много говорили, но мало писали. Они произвели огромное вліяніе на общее направленіе умовъ, но не прямо, а чрезъ посредниковъ. Они подвинули умы, которые сообщили движеніе цѣлому міру. Только въ «Опытахъ» Бэконъ пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ своими читателями. Здѣсь онъ открылъ школу

и заговорилъ языкомъ для всѣхъ понятнымъ и для всѣхъ интереснымъ. Нисколько не унижая доинствъ De Augmentis, мы должны сказать, что величайшее произведеніе Бэкона—первая книга Novum Organum. Всѣ особенности его духа достигли здѣсь высочайшаго развитія. Многіе афоризмы, и особенно тѣ, въ которыхъ онъ приводитъ примѣры вліянія предубѣжденій — idola, по его выраженію, доказываютъ необыкновенную утонченность наблюденій и до-сихъ-поръ не имѣютъ ничего равнаго. Каждая страница этой книги блещетъ остроуміемъ, которое служитъ къ уясненію и украшенію истинъ. Никакая книга не произвела такого великаго переворота въ мысленіи, не опрокинула столько предубѣжденій, не утвердила столько новыхъ мнѣній. И однакожь въ ней нѣтъ ничего напоминающаго о полемикѣ; она побѣждаетъ не мечомъ, а мѣломъ. Умъ принимаетъ предложеніе за предложеніемъ и принимаетъ не какъ побѣдителей, но какъ друзей, и, хотя они ему были вовсе не знакомы, вдругъ становятся близкими, родными. Нельзя также не удивляться поразительной способности ума, обнимающаго безъ труда всѣ отрасли наукъ, благія предвѣщанія прошлаго и свѣтлыя надежды грядущихъ вѣковъ».

— «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». — Авторъ, обозрѣвъ въ краткомъ очеркѣ историческое развитіе философіи и отношенія философскихъ системъ къ религіи, дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «Характеръ господствующей философіи зависитъ отъ характера господствующей вѣры. Гдѣ она и не происходитъ отъ нея непосредственно, гдѣ даже является ея противорѣчіемъ, философія все-таки рождается изъ того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особымъ характеромъ вѣры. Тотъ-же смыслъ, которымъ человѣкъ понималъ Божественное, служитъ ему и къ уразумѣнію истины вообще. Подъ вліяніемъ Римскаго исповѣданія, этотъ смыслъ—былъ логическая разсудочность, которая однакожь дѣйствовала только отрывочно, не имѣя возможности собраться въ свою отдѣльную цѣльность, ибо полнота ея дѣятельности разрушалась вмѣшательствомъ внѣшняго авторитета. Подъ вліяніемъ чиновѣданій протестантскихъ, эта разсудочность достигла полнаго развитія въ своей отдѣленности и сознавая себя въ этой полнотѣ своего развитія, какъ нѣчто высшее, назвала себя разумомъ (die Vernunft) въ противоположность отъ прежней своей отрывчатой дѣятельности, для которой оставила названіе разсудка (der Verstand). Но для насъ, воспитанныхъ

внѣ Римскаго и протестантскаго вліяній, ни тотъ, ни другой способъ мышленія не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны. Хотя мы и подчиняемся образованности запада, ибо не имѣемъ еще своей, но только до-тѣхъ-поръ можемъ подчиняться ей, покуда не сознаемъ ея односторонности. Въ церкви православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отлично отъ церкви Римской и отъ протестантскихъ исповѣданій. Это отличіе заключается между прочимъ въ томъ, что въ православной церкви божественное откровеніе и человѣческое мышленіе не смѣшиваются; предѣлы между божественнымъ и человѣческимъ не переступаются ни наукою, ни ученіемъ церкви. Какъ-бы ни стремилось вѣрующее мышленіе согласить разумъ съ вѣрою, но оно никогда не приметъ никакого догмата откровенія за простой выводъ разума, никогда не присвоитъ выводу разума авторитетъ откровеннаго догмата. Границы стоятъ твердо и нерушимо. Но чѣмъ яснѣе обозначены и чѣмъ тверже стоятъ границы божественнаго откровенія, тѣмъ сильнѣе потребность вѣрующаго мышленія согласить понятіе разума съ ученіемъ вѣры. Ибо истина одна, и стремленію къ сознанію этого единства есть постоянный законъ и основное побужденіе разумной дѣятельности. Но чтобы согласить разумъ съ вѣрою, для православно-мыслящаго недостаточно устроивать разумныя понятія сообразно положеніямъ вѣры, избирать соотвѣтственныя, исключать противныя и такимъ образомъ очищать разумъ отъ всего противорѣчащаго вѣрѣ. Еслибы въ такой отрицательной дѣятельности заключались отношенія православнаго мышленія къ вѣрѣ, то и результаты этого отношенія были-бы такіе-же, какъ на западѣ. Понятія, несогласныя съ вѣрою, происходя изъ того-же источника и такимъ-же способомъ, какъ и понятія, согласныя съ нею, имѣли-бы одинаковое съ ними право на признаніе, и въ самой основѣ самознанія произошло-бы то болѣзненное раздвоеніе, которое рано или поздно, но неминуемо уклонило-бы мышленіе внѣ вѣры. Но въ томъ и заключается главное отличіе православнаго мышленія, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою. По этой-же причинѣ въ мышленіи православно-вѣрующаго совокупляется всегда двойная дѣятельность: слѣдя за развитіемъ своего разумѣнія, онъ

вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за самымъ способомъ своего мышленія. Внутреннее сознаніе, или иногда только темное чувство этого искомаго, конечнаго края ума, присутствуетъ неотлучно при каждомъ движеніи его разума, при каждомъ, такъ-сказать, дыханіи его мысли, и если когда-нибудь возможно развитіе самобытной образованности въ мірѣ православно-вѣрующемъ: то, очевидно, что эта особенность православнаго мышленія, исходящая изъ особеннаго отношенія разума къ вѣрѣ, должна опредѣлить ея господствующее направленіе. Такое только мышленіе можетъ современемъ освободить умственную жизнь православнаго міра отъ искажающихъ вліяній посторонняго просвѣщенія, также какъ и отъ удушающаго гнета невѣжества, равно противныхъ просвѣщенію православному. Ибо развитіе мышленія, дающее тотъ или другой смыслъ всей умственной жизни или, лучше сказать, развитіе философіи условливается соединеніемъ двухъ противоположныхъ концевъ человѣческой мысли: того, гдѣ она сопрягается съ высшими вопросами вѣры, и того, гдѣ она прикасается развитію наукъ и внѣшней образованности. Философія не есть одна изъ наукъ, и не есть вѣра. Она общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ, и проводникъ мысли между ими и вѣрою. Тамъ, гдѣ вѣра народа имѣетъ одинъ смыслъ и одно направленіе, а образованность, заимствованная отъ другаго народа, имѣетъ другой смыслъ и другое направленіе, тамъ должно произойдти одно изъ двухъ: или образованность вытѣснитъ вѣру, пораждая соотвѣтственныя себѣ убѣжденія философскія; или вѣра, преодолѣвая въ мыслящемъ сознаніи народа эту внѣшнюю образованность, изъ самаго соприкосновенія съ нею произведетъ свою философію, которая дастъ другой смыслъ образованности внѣшней и проникнетъ ее господствомъ другаго начала». Въ *чаяніи* этого послѣдняго авторъ полагаетъ, «что философія Нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-Русской образованности и могущемъ подчинить раздвоенную образованность запада цѣльному созназію вѣрующаго разума».

III. Педагогика.

По части педагогики напечатаны слѣдующія статьи: *Нѣ-*

сколько словъ Русскаго купца о воспитаніи (Москв. № 6); *Матеріалы для исторіи Русскаго образованія*, сообщ. П. И. Ивановымъ (ibid. № 7); *Письмо къ купцу, автору статьи: «Нѣсколько словъ о воспитаніи»* (ibid. № 10); *Обзоръ современнаго состоянія науки и образованія въ высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ во Франціи*, К. Штахеля (От. Зап. № 10).

Дѣтская литература пріобрѣла статьи:

Въ Журналѣ для дѣтей: *Приключенія молодой акаціи* (№ 7); *Болѣзни хлѣбовъ* (ibid.); *Послѣдній Испанскій предводитель въ Арауко* (ibid.); *Путешествіе вокругъ свѣта. Тридцать семь дней* (ibid.); *Экспедиція въ сѣверную Австралію* (ibid.); *Капитанъ Маржеретъ и его книга о Россіи* (ibid.); *О рѣкѣ Нигерѣ* (ibid.); *Физіономія растеній*. Изъ Гумбольдта (ibid.); *Несчастія Фоскари* (ibid.); *Отправленіе каравана въ степь*. Разск. Мусульманина (ibid.); *Приключеніе въ рудникѣ Райя, въ Мексикѣ* (№ 8); *Взяточникъ и проситель* (ibid.); *По-чемъ продаются картины* (ibid.); *Воротъ*. Стих. Фета. Разборъ (ibid.); *Вліяніе морскихъ теченій на климатъ* (№ 9); *Тенеко, сирота Самоѣдъ*. Повѣсть (ibid.); *Внутреннее море въ Африкѣ* (ibid.); *Увеличительныя стекла и телескопъ*. Ст. III (ibid.); *Кювье*. Очеркъ его жизни и трудовъ (ibid. № 10); *Три стихотворенія Огарева*. Разборъ (№ 9); *Басни. Знакомство съ ними старыхъ пастухъ. Сказка о волшебной мухѣ* (№ 10); *Изъ жизни Тамерлана* (ibid.); *Счастье быть богатымъ*. Повѣсть (ibid.); *Проектъ подводной желѣзной дороги между Дувромъ и Кале* (ibid.); *Большое соляное озеро въ Америкѣ* (ibid.); *Встрѣчи въ лѣсу и въ полѣ* (№ 11); *Первое поселеніе Европейцевъ въ Новой Голландіи* (ibid.); *Валканъ Мауна-Лоа*. На Сандвичевыхъ островахъ (ibid.); *Бальдеръ*. Изъ Скандинавской миѳологіи (ibid.); *Стремленіе въ даль* (ibid.); *Приданое*. Литовская пѣсня, переведенная Бергомъ. Разборъ (ibid.); *Жизнь растеній зимою* (ibid.); *Разсказъ водолаза* (ibid.); *Слѣпой философъ* (№ 12); *Материнскія пѣсни простаго народа разныхъ племенъ* (ibid.); *Соколы* (ibid.); *Голосъ весны* (ibid.); *Портретъ* (ibid.); *Суевѣрное преданіе о происхожденіи людей* (ibid.); *Сказаніе объ одномъ походѣ Карла Великаго* (ibid.); *Американская эскадра въ Японіи* (ibid.); *Американскіе орѣхи* (ibid.); *Американская любознательность* (ibid.); *Торопливость* (ibid.).

Въ Лучахъ: *Старая дѣвица*. Съ Нѣм. Ю. Шишкова (№ 7); *Записки о Ригѣ и Прибалтійскомъ краѣ* (ibid. № 9); *Отчего употребляютъ большее пищи на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ*, А. В. (№ 7);

Путешествіе въ портъ Аянъ. Августы Вороновой (№ 9); *Лувенскій студентъ* (ibid.); *Зимовье во льдахъ.* Съ Фр. Л. (№ 10); *Разсказы изъ средней исторіи: Магометъ.* Съ Нѣм. О. П. (ibid.); *О церковной музыкѣ у древнихъ Іудеевъ*, В. Шероцкаго (ibid.); *Письмо изъ Твери*, Л. П—ва (ibid.); *Лѣтнія ночи.* Августы Вороновой (ibid.); *Морская раковина.* Съ Фр. Н. Циглера (№ 11); *Нагорная проповѣдь Христа*, свящ. В. Гречулевича (ibid.); *Знаменитый ботаникъ Линней* (ieid.); *О гимнастикѣ древней и новѣйшей* (ibid.); *Пасмурное утро*, Ольги П. (№ 12); *Франциска Д'Обинье.* Съ Фр. Маріи С. (ibid.); *Волки-охотники.* Съ Англ. (ibid.); *Арабы въ Испаніи.* Съ Нѣм. О. П. (ibid.); *Священная поэзія псалмовъ пророка Давида*, В. Шероцкаго (ibid.); *Богъ любитъ трудъ* (ibid.); *Гастрономическіе вкусы нѣсколькихъ знаменитостей* (ibid.); *Нѣсколько словъ о Теньерѣ* (ibid.).

Въ Звѣздочкѣ: *Двоюродныя сестры* (№ 7 и 8); *Альпійскія горы* (№ 7); *Густавъ III и молодая крестьянка* (ibid.); *Гнѣзда общежительныхъ щурокъ* (ibid.); *Змѣи въ Африкѣ* (ibid.); *О томъ, какъ мухи ловятъ пауковъ* (ibid.); *Наша Парголовская дача* (ibid.); *Бабушкины уроки* (ibid. № 9); *Американскій дроздъ* (№ 8); *Простые разсказы изъ ботаники и естественной исторіи* (ibid.); *Гостинцы*, Б. (ibid.); *Утонувшее дитя* (ibid.); *Труднѣе подумать, чѣмъ сказать*, Августы Вороновой (ibid.); *Ансты.* Съ Англ. Б. (ibid. № 11); *Неудачный день* (№ 9); *Англійскій языкъ для дѣтей* (Т. Робертсона) (ibid. № 11); *Мальчикъ и волки* (№ 9); *Щедрость и великодушіе* (№ 11); *Тирольскій охотникъ за сернами* (ibid.); *Переписка дѣтей* (ibid.); *Нѣсколько анекдотовъ о львахъ* (ibid.); *Месть за Ватерлоо.* Съ Фр. Христины Журавлевой (ibid.); *Гарлемскій герой-мальчикъ.* Съ Англ. Б. (ibid.); *Кукла* (ibid.); *Фонарный столбъ* (ibid.); *Еще уголокъ Россіи*, А. Вороновой (№ 12); *Земная жизнь Христа Спасителя* (ibid.); *Н. Д. Ульяновъ. Некрологъ* (ibid.); *Праздникъ Рождества у Французскихъ дѣтей* (ibid.).

Къ области педагогики должны быть отнесены и слѣдующія замѣчательныя статьи, помѣщенныя въ Морскомъ Сборникѣ: *Вопросы жизни*, проф. Н. И. Пирогова (№ 9); *Изъ одного мѣста разныя вѣсти*, Н. Тыртова (ibid.); *Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи дѣтей*, А. И. З. (№ 10); *Еще мысли о воспитаніи по поводу статьи г. Бема*, Вл. Михайлова (ibid.); *О педагогическихъ наградахъ и наказаніяхъ*, Авг. Фабриціуса (№ 12); *По поводу разсу-*

жденія г. Бема и воспитаніи, учителя Разина (№ 14); *Домашнее и общественное воспитаніе*, пастора Зедергольма (ibid.).

— «Нѣсколько словъ Русскаго купца о воспитаніи». — Въ настоящее время, когда вопросъ о воспитаніи содѣлался общественнымъ, почти въ каждомъ изъ нашихъ журналовъ былъ разсмотрѣнъ этотъ важный вопросъ съ той или другой точки зрѣнія, и даже въ послѣднее время явились два спеціальные журнала о воспитаніи. Это явленіе тѣмъ отраднѣе, что выражаетъ собою теплое сочувствіе нашего общества къ дѣлу воспитанія, на которомъ основывается благосостояніе государствъ и народовъ. Настоящая-же статья показываетъ, что и купечество наше не хочетъ отставать отъ другихъ сословій въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Вотъ главныя положенія автора: «Воспитаніе двоякое: физическое и духовное. Первое является потребностію съ рожденіемъ каждаго изъ насъ, второе-же—тогда, когда человѣкъ начинаетъ сознавать, что онъ есть существо, рѣзко отдѣленное отъ другихъ существъ разумомъ; потому это послѣднее должно быть разумное, основанное на здравомъ смыслѣ. Изъ такого опредѣленія ясно видно, что то и другое для насъ необходимо, какъ общія необходимыя потребности человѣка. При воспитаніи необходимо обращать вниманіе на три обстоятельства,—обстоятельства въ высшей степени важныя, именно: климатъ, религію и національность. Какъ тропическое растеніе, пересаженное въ почву суроваго климата, не можетъ расти безъ искусственной поддержки, безъ теплицъ и разныхъ подмогъ, такъ точно и человѣкъ, перешедшій изъ одной полосы его въ другую, не можетъ быть доволенъ послѣдней, потому что она ему не по-натурѣ, и потому будетъ стараться возсоздать ту природу, въ которой онъ родился и выросъ. Такъ точно чужеземный воспитатель, съ самаго начала воспитанія, начинаетъ передѣлывать природу дитяти на свой ладъ: или кутать тогда, когдабы не слѣдовало, или надѣвать куцое платье тогда, когда нужнобы было одѣть его въ шубу. Отъ такихъ несообразностей естественно бываетъ то, что онъ или простуживается или дѣлается прямо больнымъ. Словомъ, такое ненормальное воспитаніе дѣлаетъ его физически изнѣженнымъ; а съ разстройствомъ физическимъ непремѣнно является разстройство и душевное. Священная обязанность воспитателя—слѣдить за всѣми дѣйствіями своего воспитанника, руководить его, заставлять привыкать къ исполненію предписанныхъ условій человѣческой жизни, неуклонно исполнять

обряды той религіи, какую исповѣдуютъ отцы его и онъ самъ, пріучать къ исполненію обязанностей христіанина по той религіи. Положимъ, условія человѣческой жизни, т. е. жизни общественной, условія суть общія для всего человѣчества; по этому кто-бы ни руководилъ воспитанникомъ, онъ не можетъ погрѣшить, потому что долженъ руководить его по общимъ правиламъ; но въ дѣлѣ религіи совсѣмъ другое: здѣсь воспитатель различной религіи съ воспитанникомъ на каждомъ шагу будетъ грѣшить противъ совѣсти и грѣшить безсознательно. Каждый народъ имѣетъ свои собственныя вѣрованія, свои убѣжденія, свой собственный характеръ, свою физіономію, свои нравы, обычаи, свои преданія, и тѣмъ отличается отъ другихъ народовъ. Все это передается съ кровію изъ поколѣнія въ поколѣніе. И это-то называется національностію. Отнимите у Француза вѣтренность, непостоянство, онъ не будетъ Французомъ; внесите распашную жизнь Русскаго въ философскую упругую жизнь Нѣмца, онъ не будетъ Нѣмцемъ; словомъ, все чуждое, если только оно не общечеловѣчно, внесенное въ другую національность, сначала дѣлаетъ ее ни тою, ни другою и уже по времени смѣшанною національностію. Такой переходъ болѣе всего совершается при двухъ условіяхъ: при завоеніи одного народа другимъ, и при воспитаніи дѣтей воспитателями различной націи съ воспитанниками. Въ первомъ случаѣ, какъ-бы по праву сильнаго, а во второмъ—незамѣтно пришлый элементъ переливается въ другую національность, какъ съ молокомъ кормилицы переходятъ къ дитяти ея привычки, ея характеръ и наклонности. Но какими-бы путями ни перешелъ чуждый элементъ, онъ не можетъ совершенно подавить туземнаго, потому что послѣдній перелитъ съ кровію изъ поколѣнія въ поколѣніе, и потому часто бываетъ, что дитя, воспитанное совершенно подъ условіями другой націи, имѣетъ болѣе наклонности къ той, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Во время этихъ проявленій является борьба и оканчивается иногда вредомъ для той или другой стороны. Пришлый элементъ, если только онъ не присущъ всему человѣчеству, вреденъ для каждаго народа, какъ язва, какъ зараза».

— «Матеріалы для исторіи Русскаго образованія». — Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены четыре выписки изъ подлинныхъ дѣлъ Московскаго университета, содержащія въ себѣ: 1) Указъ правительствующаго сената 1765 г., марта 5 дня о первоначальномъ снабженіи типографіи Московскаго университета изъ Мо-

сковской синодальной типографіи находящимися въ этой послѣдней мѣдными «градоровальными досками съ разными инструментами и печатными разными кунштами прежнихъ переводовъ и сочиненій и книгами математическими или историческими, къ гражданству принадлежащими, а не духовными». 2) Указъ 1760 г. февраля 29 дня, которымъ подтверждается указъ 1757 г. мая 5 дня и даже усилены изложенныя въ немъ мѣры противу домашнихъ иностранныхъ учителей, находящихся въ Россіи и не имѣющихъ свидѣтествъ и аттестатовъ отъ «Десіансъ академіи» и Московскаго университета. 3) Выписку изъ подлинныхъ дѣлъ 1760 г. объ учрежденіи гимназій и школъ для воспитанія шляхетнаго юношества. 4) Вѣдомость объ академическомъ жалованьи въ 1744 году. Изъ этой вѣдомости видно, что профессоры получали не одинаковое жалованье; такъ Делиль получалъ 5,200 р., а Рихманъ 340 р.

— «Обзоръ современнаго состоянія науки и образованія въ высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ Франціи». — Сказавъ нѣсколько словъ о связи устройства общественнаго съ системою воспитанія юношества, авторъ изображаетъ общій характеръ воспитанія во Франціи, начиная съ эпохи возрожденія по настоящее время. «Во второй половинѣ XVIII вѣка, по изгнаніи іезуитовъ, ихъ система образованія стала во Франціи всеобщей, національной. Ораторіанцы и другія духовныя корпораціи, посвящавшія себя воспитанію, только улучшали въ частностяхъ и распространяли ту-же самую методу. Переворотъ 1789 и послѣдующихъ годовъ, основаніемъ нормальнаго училища и училища политехническаго, положилъ начало новой системѣ; но эта система осталась до-сихъ-поръ въ зародышѣ, потому что Наполеонъ, рядомъ съ новыми заведеніями, возстановилъ всѣ прежнія: Сорбону, Французскій коллегіумъ и проч., замѣнивъ только прежнія духовныя корпораціи сословіемъ свѣтскихъ учителей, соединенныхъ въ единое тѣло подъ страннымъ именемъ Université de France. Наполеонъ запечатлѣлъ учебное устройство тѣмъ-же характеромъ, которымъ отличаются всѣ его учрежденія, т. е. усиленной централизаціей. Не безъ удивленія прочла Французская буржуазія въ донесеніи, поданномъ королю Луи-Филиппу Вильменомъ, бывшимъ тогда министромъ просвѣщенія, что прежде 1789 г. среднія учебныя заведенія были многочисленнѣе, заключали въ себѣ болѣе учениковъ и давали имъ полнѣйшее образованіе; самъ Вильменъ

приписывалъ этотъ упадокъ не централизаціи, а какимъ-то случайнымъ причинамъ. Французы объясняли несовершенство и окончательную неудачу своей учебной системы вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и условіями современной общественной жизни. Послѣ 1848 г. среднія учебныя заведенія подпали вліянію духовенства. Такое преобразованіе, которымъ возстановлялось вліяніе, прежде принадлежавшее іезуитамъ, съ тѣмъ новымъ условіемъ, что духовныя корпораціи (въ особенности—Les frères de la doctrine cthrétienne) стремятся теперь завладѣть воспитаніемъ всего народа, а не высшихъ только классовъ, не вполнѣ удовлетворило требованіямъ буржуазіи. Ей казалось необходимымъ, вслѣдствіе многолѣтнихъ возгласовъ противъ отвлеченнаго характера образованія, доваемаго юношеству, противъ общеполезности трудовъ и времени, посвященныхъ изученію древнихъ языковъ, измѣнить всю систему, въ пользу болѣе практическаго направленія. Французская буржуазія считала нужнымъ преобразованіе учебной системы въ смыслѣ практической приложимости. Ошибка эта была осуществлена въ новой организаціи, данной Французскому университету послѣднимъ, недавно умершимъ министромъ просвѣщенія Фортулемъ. Кромѣ того, что онъ ввелъ въ разные совѣты, которымъ порученъ надзоръ за учебными заведеніями, епископовъ и другихъ духовныхъ вмѣстѣ съ судьями, префектами, мерами и вообще чиновниками, непринадлежащи къ ученой части, этотъ-же министръ раздѣлилъ высшіе классы лицеевъ (гимназій) на два отдѣленія, изъ которыхъ одно назначено для приготовленія къ ученымъ или промышленымъ занятіямъ, а другое къ званію адвоката, профессора литературы и т. п. Это новое устройство названо раздвоеніемъ (bifurcation) и, по-видимому, въ короткое время казалось столь-же неудобнымъ, какъ и безполезнымъ. Поступающіе въ отдѣленіе наукъ не могутъ окончить удовлетворительно филологическаго курса, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходятъ изъ училища съ весьма недостаточнымъ спеціальнымъ образованіемъ. Недавно въ отношеніи къ учащимся сдѣлана попытка поправить ихъ и приготовить къ жизни практической изученіемъ спеціальныхъ, положительныхъ наукъ. Эти стремленія должны были отразиться въ нравственномъ настроеніи учителей и учениковъ. Учители, даже тѣ, которые посвятили себя наукѣ по охотѣ и по призванію, ждутъ, пока получатъ каѳедру въ факультетѣ, а до-того-времени исполняютъ механически должность, занимающую ихъ не болѣе, какъ

всякое другое ремесло. Съ учениками они не связаны даже привычкой, потому что безпрестанныя перемѣщенія лишають ихъ осѣдлости, и они смотрятъ на своихъ питомцевъ, какъ на входящія и исходящія бумаги, какъ на нумера. Не говорю уже о наставникахъ, избравшихъ учебную часть потому только, что она избавляетъ ихъ отъ военной службы, а такихъ во Франціи множество... Ученики, съ своей стороны, смотрятъ на учителей, какъ на мертвыя книги, на лексиконы, съ которыми не безъ отвращенія надобно справляться, и любятъ ихъ даже менѣе книгъ, потому что книги не бранятся и не жалуются директору. Тѣ изъ мальчиковъ, которые поумнѣе, приноравливаются къ механической системѣ, безъ труда заучиваютъ на-память отвѣты по приготовленной программѣ, а остальное время читаютъ, что имъ въ руки попадется. Для Французскаго школьника, почти безъ исключенія, ученье состоитъ въ томъ, чтобы выдержать экзаменъ, получить премію и потомъ поступить въ заведеніе, гдѣ онъ пріобрѣтетъ право быть адвокатомъ, медикомъ, инженеромъ и проч., объ образованіи-же ума не заботятся ни дѣти, ни ихъ родители: это приходитъ какъ-то само собою, а учебныя заведенія совсѣмъ не для того учреждены: ихъ дѣло поставлять маленькихъ буржуа, снабженныхъ орудіями обыкновеннаго буржуазнаго развитія, приложенными къ современнымъ потребностямъ. Сами начальники и преподаватели сознаютъ недостатки устройства учебной части во Франціи, по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что касается заведеній второстепенныхъ».

— «Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи дѣтей». — Въ этой статьѣ изложены практическія замѣтки о первоначальномъ воспитаніи и образованіи дѣтей: онѣ обнаруживаютъ въ авторѣ опытнаго педагога и отлично образованнаго человѣка. Не смотря на свое скромное заглавіе, замѣтки эти обнимаютъ собою почти всю систему первоначальнаго нравственнаго, умственнаго и физическаго образованія дѣтей. Къ-сожалѣнію, мы не можемъ привести здѣсь извлеченія изъ этой статьи, потому что всѣ положенія ея имѣютъ строгую, органическую связь: ее надобно помѣстить всю, чего не дозволяютъ намъ предѣлы нашего обозрѣнія. Совѣтуемъ родителямъ и воспитателямъ читать настоящую статью, а еще болѣе совѣтуемъ имъ строго слѣдовать изложеннымъ въ ней правиламъ, «чтобы изъ ребенка сдѣлать истиннаго христіанина, усерд-

наго слугу царю и отечеству, добраго исполнителя своихъ обязанностей и вообще полезнаго человѣка».

— «О педагогическихъ наградахъ и наказаніяхъ».—Эта статья заимствована изъ книги: «Das Buch der Erziehung in Haus und Schule v. Körner und Burow. Въ введеніи къ статьѣ авторъ въ немногихъ словахъ излагаетъ развитіе педагогіи, какъ науки. «Она *образуется* (говоритъ онъ) и *повѣряется* посредствомъ научнаго наблюденія и разумнаго опыта; *правила* свои заимствуетъ изъ законовъ мышленія и душевной дѣятельности (логики и психологіи); ея *предметъ* (почва)—умъ и душа юношескіе; *цѣль*—ихъ образованіе; *средство*—наставленіе, т. е. воспитаніе и обученіе; основаніемъ-же ей служитъ воспріимчивость, т. е. любознаніе и способность юношества образоваться. Слѣдственно она, хотя (и по этому своему естеству) никогда не будетъ доведена до математической точности, все-таки принадлежитъ къ практическимъ наблюдательнымъ наукамъ, подобно напр. медицинѣ, которая съ нею совпадаетъ и тожественна въ пользованіи умственныхъ и душевныхъ недуговъ. И при все томъ нельзя не признаться, что она еще недавняя и во многихъ частяхъ необработанная наука, и въ практикѣ еще далеко отстоитъ отъ своихъ теоретическихъ началъ. Вотъ главнѣйшія изъ новыхъ воззрѣній на педагогію: 1) Воспитаніе не должно уничтожать *самостоятельности*, самимъ Богомъ каждому человѣку дарованной, но такъ приложить къ молодымъ умомъ и сердцамъ общія правила педагогіи, чтобъ они въ одно и то-же время сохраняли отпечатокъ своей личности и по возможности соотвѣтствовали общему идеалу человѣческаго совершенства. 2) По этому направленіе образованія (т. е. воспитанія и обученія) не должно быть *произвольное*, но имѣть въ виду развитіе способностей и понятій, соотвѣтствующее постепенному возрастанію умственныхъ и душевныхъ силъ дѣтей. 3) Слѣдственно воспитаніе имѣетъ цѣлью *самодѣятельное* развитіе способностей, для того, чтобы возрастающее поколѣніе сдѣлалось способнымъ управлять собою, для достиженія своихъ общечеловѣческихъ и частныхъ гражданскихъ цѣлей. 4) И такъ воспитаніе и обученія не дожны быть *односторонни*. 5) Педагогія имѣетъ предметомъ всего человѣка, и заботится не только объ умственномъ и нравственномъ, но о тѣлесномъ, возможно гармоническомъ развитіи юношескаго возраста. 6) Важность образованія дѣвицъ и мальчиковъ одинакова. Авторъ статьи, имѣя въ виду, что очень многіе частные выводы, истекаю-

щіе изъ изложенныхъ общихъ правилъ, еще недовольно признаны и мало распространены между родителями и воспитателями, заимствовалъ изъ «Книги воспитанія» Кернера, въ которой изложено многое, что еще недовольно было извѣстно, содержаніе главы «о педагогическихъ наградахъ и наказаніяхъ». За этотъ добросовѣстный трудъ, безъ сомнѣнія, будутъ благодарны ему родители и воспитатели.

— «По поводу разсужденія г. Бема: о воспитаніи».—Эта статья содержитъ въ себѣ весьма дѣльныя практическія замѣчанія на нѣкоторыя частныя положенія г. Бема, изложенныя въ его прекрасномъ трудѣ, помѣщенномъ въ январской книжкѣ «Морскаго сборника».

— «Домашнее и общественное воспитаніе».—Въ этой дѣльной и хорошо написанной статьѣ авторъ дѣлаетъ строгое различіе между *воспитаніемъ* и *ученьемъ*. Вотъ главная мысль автора: «Воспитаніе можетъ быть собственно одно *домашнее*. Только отецъ и мать истинные воспитатели, только отцовскій домъ настоящій воспитательный домъ. Конечно, порядокъ, господствующій въ учебныхъ заведеніяхъ и вліяніе наставника на угащаюся также нѣкоторымъ образомъ есть воспитаніе, и, безъ сомнѣнія, также общественное воспитаніе есть довершеніе домашняго; но оно только есть верхъ дома, а не основа его, не цѣлый домъ, и одно публичное воспитаніе, безъ домашняго, есть весьма недостаточный суррогатъ послѣдняго. Домашнее воспитаніе должно *осуществить* христіанское ученіе, которое, разумѣется, можетъ имѣть благое вліяніе на жизнь воспитываемаго только тогда, когда оно проникаетъ душу его».

IV. Правовѣдѣніе.

Къ области правовѣдѣнія принадлежатъ слѣдующія статьи: *О законѣ по Римскому праву*, Варадинова (Журн. мин. вн. дѣлъ № 8 и 9); *О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ*, С. М. Шпилевскаго (Врем. Москов. Общ. исторіи и древн. Россійск. кн. 24); *Проектъ новаго закона объ отмѣнѣ узаконеннаго третейскаго суда во Франціи*, М. Н. Капустина (Русск. Вѣстн. № 19); *Обозрѣніе внутренняго законодательства*, Кн. Черкасскаго (Русск. бесѣда № 3); *Процессъ и казнь отравителя Вильяма Пальмера* (Сынъ Отеч. № 15); *О правѣ помилованія*, проф.

Баршева (Моск. Вѣд. № 119); *О ссылкѣ и мѣрахъ исправленія преступниковъ въ Австраліи* (Морск. сборн. № 9).

— «О законѣ по Римскому праву». — Въ общемъ употребленіи слышится выраженіе «законъ» обыкновенно въ смыслѣ постановленія, обязательнаго или во всемъ государствѣ или въ извѣстной мѣстности его; между тѣмъ это понятіе имѣетъ и другія значенія какъ въ законодательствѣ, такъ и въ наукѣ законовѣдѣнія. Разъясненіе различныхъ значеній выраженія «законъ», по какому-либо праву, составляетъ предметъ высокой важности, характеризуя не только систему занодательства, но и самый гражданскій бытъ народа, иногда даже самую юридическую его исторію. Такимъ образомъ въ Римскомъ правѣ разъясненіе выраженія «lex» имѣетъ историческій характеръ: въ различныхъ значеніяхъ его читается наглядно, какъ на таблицѣ, вся исторія Римскаго законодательства отъ самаго основанія Рима до изданія знаменитыхъ сборниковъ законовъ императора Юстиніана: Institutiones, Pandectae или Digestae и Codex. По понятіямъ Римлянъ и началамъ ихъ права, «lex» имѣлъ слѣдующія значенія: 1) Обязательное постановленіе для всѣхъ подданныхъ. 2) Постановленіе, состоявшееся въ собраніи народа по предложенію какой-либо власти. 3) Постановленіе, начертанное на 12 таблицахъ Рима. 4) Постановленіе, состоявшееся въ собраніи плебеевъ. 5) Обязательное поставленіе вообще, т. е. безъ означенія законодательной власти, издавшей оное, въ томъ числѣ постановленія обычнаго права, преторскаго эдикта и введенное Римскими юристами правило. 6) Постановленіе сената. 7) Повелѣніе императора. 8) Совокупность городскихъ (муниципальныхъ) постановленій или городское право вообще. 9) Договоромъ установленное обязательство. 10) Послѣдняя воля умирающаго, выраженная въ духовномъ завѣщаніи. 11) Вѣроисповѣданіе. При опредѣленіи этихъ разнородныхъ значеній слова «lex», авторомъ указаны и памятники Римскаго законодательства, въ которыхъ встрѣчаются исчисленныя значенія этого слова. Сверхъ того изложена имъ и краткая исторія Римскаго законодательства, изъ которой видно, когда и какимъ способомъ образ.вались всѣ разнородныя значенія слова «законъ».

— «О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ». — «Законы благоустройства составляютъ особую систему законовъ, имѣющихъ въ виду содѣйствовать народу въ развитіи и обезпеченіи его благосостоянія. Благосостояніе народа состоитъ

въ извѣстной мѣрѣ личныхъ правъ, личной свободѣ, безъ которой невозможно никакое благосостояніе; во-вторыхъ, оно предполагаетъ извѣстную мѣру вещныхъ, или имущественныхъ правъ, потому что безъ имущества, какъ безъ свободы личной, никакого благоустройства быть не можетъ; въ третьихъ, необходимы извѣстныя средства сближенія между собою членовъ государства и его силъ для благосостоянія, удобство сообщеній и сношеній (пути сообщенія и почты). Все это, въ отличіе отъ другихъ предметовъ благоустройства, можно назвать условіями благоустройства, потому что безъ этого оно невозможно. Самое благосостояніе народа можетъ быть матеріальное или моральное. Матеріальное благосостояніе предполагаетъ, во-первыхъ, обиліе имуществъ, необходимое для существованія человѣка количество произведеній природы и труда человѣческаго, извѣстную сумму благъ вещныхъ; во-вторыхъ, оно зависитъ отъ того, въ какомъ количествѣ находится народонаселеніе: число его и умноженіе составляютъ необходимые вопросы для матеріальнаго благосостоянія. Къ духовному благосостоянію принадлежитъ развитіе знаній, образованіе и просвѣщеніе въ тѣсномъ смыслѣ, развитіе нравственное и религіозное. Благосостояніе матеріальное зависитъ отъ народной промышлености сельской или земледѣльческой, ремесленной или мануфактурной и торговой; по этому законы благоустройства имѣютъ въ виду содѣйствіе симъ тремъ отраслямъ промышлености. Но мало того, чтобы дать народу извѣстную сумму богатствъ: одно количество богатствъ ничего не значитъ, если оно неправильно распредѣлено между членами общества, если сумма богатствъ находится въ рукахъ немногихъ, причемъ бо̀льшая масса народа терпитъ нищету и бѣдность; поэтому необходимо правильное распредѣленіе богатства между народомъ. Наконецъ благосостояніе народа требуетъ обезпеченнаго пользованія богатствомъ; для этого правительство принимаетъ мѣры противъ внѣшней природы, угрожающей матеріальному богатству, противъ пожаровъ, наводненій и разныхъ явленій природы, которыя могутъ гибельно дѣйствовать на матеріальное благосостояніе. Потомъ правительство старается о сохраненіи народонаселенія, и поэтому предохраняетъ его отъ голода, болѣзней, нищеты и проч.; наконецъ, предоставляя запрещеніе и кару преступленій юстиціи, т. е. законамъ гражданскимъ и уголовнымъ, законы благоустройства въ трехъ формахъ принимаютъ мѣры къ предупрежденію преступленій, угрожающихъ народному благосо-

стоянію матеріальному и моральному—постановленія о паспортахъ, тайныхъ обществахъ и цензурѣ. Обыкновенно человѣкъ, для совершенія преступленій, оставляетъ свою общину и идетъ въ новую, гдѣ его никто не знаетъ и гдѣ онъ потому надѣется скорѣе остаться безнаказаннымъ; поэтому необходимъ для каждаго паспортъ отъ его прежней общины для вступленія въ новую; предъявляя паспортъ въ новой общинѣ, онъ указываетъ ей на себя, какъ на новаго человѣка, и новая община начинаетъ надзирать за нимъ. Потомъ преступленія могутъ совершаться совокупными силами нѣсколькихъ людей, цѣлыми обществами: поэтому правительство должно имѣть надзоръ за цѣлію соединенія людей въ общества и запрещаетъ тайныя общества. Наконецъ, человѣкъ, не составляя тайнаго общества, можетъ говорить съ народомъ, дѣйствовать на него посредствомъ своихъ сочиненій, при этомъ могутъ быть злоупотребленія, введеніе народа въ заблужденіе и развращеніе его; поэтому является необходимость цензуры. Вотъ вообще предметы, относящіеся къ благоустройству». Авторъ дѣльно и основательно разсмотрѣлъ постановленія Русскаго законодательства XVII вѣка по предметамъ благоустройства, сколько это было возможно узнать изъ Уложенія и другихъ юридическихъ памятниковъ. Результатомъ его изслѣдованія является, главнымъ образомъ, то положеніе, что община была въ древней Россіи важнѣйшимъ дѣятелемъ въ развитіи и сохраненіи народнаго благосостоянія. Въ настоящее время вопросъ о значеніи общины въ древней Русской жизни имѣетъ большой интересъ; но Русскіе историки расходятся во мнѣніяхъ о значеніи общины. На важное участіе общины въ дѣлѣ народнаго благоустройства и благочинія уже указалъ г. Лешковъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ, Временникѣ и въ нашемъ журналѣ. Онѣ служили автору важнѣйшимъ руководствомъ при настоящемъ его трудѣ; нѣкоторые отдѣлы его изслѣдованія представляютъ только подтвержденіе и пополненіе новыми данными положеній г. Лешкова.

V. Политическія науки.

По этой отрасли знаній явились слѣдующія статьи: ***Отчетъ С. Петербургской ремесленной управы за 1855 годъ*** (Журн. мин. вн. дѣлъ № 7); ***О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго здравія въ городахъ Франціи и Англіи*** (ibid.); ***Известковыя копи во Владимірской***

губерніи (ibid.); *Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ* 1856 *году* (ibid. и № 8—12); *Производство и вывозъ пшеницы и нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ изъ Остиндіи* (ibid. № 7); *Запасы кофе и сахара въ главныхъ складочныхъ мѣстахъ по* 1 *апрѣля* (ibid.); *Нѣсколько словъ о Воронежской губерніи въ* 1818 *и* 1855 *годахъ* (ibid.); *О состояніи торговли по Рижской биржѣ въ* 1855 *году* (ibid.); *Печорскій край и рѣка Печора* (ibid.); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ въ С. Петербургъ и Москву за май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь и октябрь* 1856 (ibid. и № 8—12); *Таблица цѣнъ на главныя жизненныя потребности въ имперіи по* 1 *декабря* 1856 *г.* (ibid. и № 8—12); *О евангелическо-лютеранской церкви въ Россійской имперіи* (ibid. № 8); *Мѣры правительства къ распространенію шелководства въ Россіи* (ibid.); *Торговля Азовскаго бассейна въ* 1850 *годахъ* (ibid.); *Отчетъ управленія Германскаго таможеннаго союза за* 1855 *годъ* (ibid.); *О пребываніи въ Москвѣ губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ, по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ* (ibid. № 9); *О несовершеннолѣтнихъ преступникахъ и мѣстахъ ихъ заключенія во Франціи* (ibid.); *Городъ Тара и его округъ, Тобольской губерніи* (ibid.); *Состояніе урожая хлѣба въ Европѣ* (ibid.); *Торговля сахаромъ* (ibid.); *Привозъ главныхъ товаровъ въ Великобританію, въ первое полугодіе* 1855 *и* 1856 *гг.* (ibid.); *Объ Армяно-Григоріанской церкви въ Россійской имперіи* (ibid. № 10); *Маріинскій посадъ, Казанской губерніи* (ibid.); *Киренскій округъ Иркутской губерніи* (ibid.); *Рѣка Воронежъ* (ibid.); *О ходѣ торговли въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ* (ibid.); *Торгъ скотомъ въ Воронежской губерніи и городѣ Воронежѣ, и причины упадка этого торга въ настоящее время* (ibid.); *О торговлѣ лѣсомъ въ Самарѣ* (ibid.); *О каменномъ льнѣ* (азбестѢ) *въ округѣ Невьянскаго завода, Пермской губерніи* (ibid.); *Изслѣдованія о народонаселеніи* (ibid. № 11); *Малые тракты во Франціи* (ibid.); *Французское общество кредита движимыхъ цѣнностей* (ibid.); *Краткій обзоръ внѣшней и внутренней, по главнѣйшимъ ярмаркамъ, торговли Россіи, въ* 1854 *году* (ibid.); *Сборъ шелка въ южной Европѣ* (ibid.); *О золотѣ и серебрѣ* (ibid.); *Объ экономическомъ положеніи рабочихъ классовъ въ Бельгіи* (ibid.); *Описаніе города Колы* (ibid.); *Село Рождественское или Ямаши, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи* (ibid.); *Николошартомскія фабрики, Владимірской губерніи* (ibid.); *Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Министра вну-*

тренних дѣлъ за 1855 *годъ* (ibid. № 12); *О торговлѣ дровами въ С. Петербургѣ* (ibid.); *Нижегородская ярмонка въ* 1856 *г.* (ibid.); *О желѣзной промышлености въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ* (ibid.); *Народонаселеніе Китая и переселеніе изъ него* (ibid.); *Внѣшняя торговля Великобританіи* (ibid.); *Денежный кризисъ во Франціи* (ibid.); *О селитряной и торфяной промышлености въ Курской губерніи* (ibid.); *О лѣсномъ богатствѣ Россіи и о выгоднѣйшемъ способѣ разработки его*, Семена Анненкова (Журн. мин. госуд. им. № 7); *Поземельный кредитъ*, В. Безобразова (ibid. № 9); *Заселеніе въ Калмыцкихъ степяхъ* (ibid. № 8); *О состояніи сельскаго хозяйства въ южной Россіи* (ibid. № 9); *Статистическія изслѣдованія относительно усадебныхъ мѣстъ у государственныхъ крестьянъ Ярославской губерніи* (ibid. № 11); *О вліяніи путей сообщенія на хозяйство и промышленость* (ibid.); *Русское общество пароходства и торговли* (ibid.); *Мѣры къ развитію каменноугольной промышлености въ Землѣ войска Донскаго* (ibid.); *Одесская торговля за первую половину* 1856 *года* (ibid.); *Извлеченіе изъ отчета министра государственныхъ имуществъ за* 1855 *годъ* (ibid. № 12); *О производствѣ хлѣба и о хлѣбной торговлѣ въ Минской губерніи*, Д. Лаппы (ibid. № 12); *Объ употребленіи льда на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря и о введеніи торговли льдомъ*, Бэра (ibid.); *Кредитъ въ сельскихъ промыслахъ* (ibid.); *Торговые и кредитные обороты по миткалеткацкой и ситценабивной промышлености во Владимірской губерніи* (ibid.); *О производствѣ, распредѣленіи и цѣнности дорогихъ металловъ*, проф. И. Х. Горлова (Библ. для чт. № 7); *Еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* (Русская бесѣда, кн. 1); Д. Н. Журавскаго (Совр. № 9); *О торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ западнымъ Китаемъ*. Дополненія къ этой статьѣ г. Спасскаго (Москв. № 6); *По поводу одной статьи г. Вернадскаго*, В. Лешкова (ibid.); *О торговомъ мореплаваніи на Черномъ морѣ*, капитанъ-лейтенанта Савинича (Совр. № 10); *Французскій національный банкъ*, Эжена Форкада. Съ примѣчаніями переводчика П. А. Валуева (От. зап. № 7); *Парижская биржа*, Экс—и ((ibid. № 8, 9 и 11); *Парижская учетная контора*, П. А. Валуева (ibid. № 8); *Рижскія городскія кредитныя кассы, торговая и учетная*, его же (ibid. № 9); *Новѣйшія кредитныя и финансовыя учрежденія во Франціи*, ст. I, К. Штахеля (ibid. № 10); *Зундская пошлина*, М. Н. Капустина (Русск. вѣстн. № 13 и 14); *Монталамберъ объ Англіи*, Я. (ibid.

№ 15); *Италіянскій вопросъ*, М. Н. Капустина (ibid. № 15); *Биржевыя операціи*, В. П. Безобразова (ibid. № 17 и 18); *Куда дѣлось серебро?* И. К. Бабста (ibid. № 20); *Народное хозяйство въ Венгріи*, его-же (ibid. № 22); *Колебаніе относительной цѣнности золота и серебра* (ibid. № 24); *Желѣзныя дороги*, А. С. Ершова (Русск. бесѣда № 2); *Протоколы Парижскаго конгресса* кн. В. А. Черкасскаго (ibid.): *О Кургессенской церкви* (ibid.); *Еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* (Совр. сентябрь 1856 г. Отвѣтъ Русской бесѣдѣ № 1), А. И. Кошелева (ibid. № 3); *Обозрѣніе свеклосахарнаго производства въ Россіи* (ibid.); *О вліяніи развитія фабричной промышлености на земледѣліе*, С. Бѣльскаго (ibid. № 4); *Внѣшняя торговля Россіи въ 1853 и 1854 годахъ* (Сынъ от. № 8); *Всемірная выставка промышлености*, Луи-Ребо (ibid. № 10 и 11); *Листокъ Брамбеуса* (ibid. № 15, 16, 34, 35); *Замѣтка Русскаго человѣка*, М. Р. (ibid. № 34); *Еще о внѣшней торговлѣ*, г. Вернадскаго (С. Пб. вѣд. № 146); *Заграничная переписка С. Петербургскихъ вѣдомостей* (ibid. № 148, 153, 194, 223, 226, 239, 247, 261); *Замѣтки на статью г. Герсеванова: «Какія желѣзныя дороги удобнѣе въ южной Россіи»* (ibid. № 148); *Еще нѣсколько замѣчаній о желѣзной дорогѣ изъ Курска въ Динабургъ* (ibid.); *И еще о внѣшней торговлѣ*, г. Вернадскаго (ibid. № 164); *Предполагаемая постройка Московско-Коломенской желѣзной дороги* (ibid. № 193); *Нѣсколько цифръ, касающихся желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* (ibid. № 211); *Замѣтки о Русскихъ дорогахъ* (ibid. № 234); *О Русскомъ желѣзѣ*, Н. фонъ-Б. (ibid. № 245); *Брюссельскій междонародный конгрессъ таможенныхъ реформъ* (ibid. № 255, 260, 270, 272, 278, 280 и 281); *Президентъ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ* (Русск. инв. № 281); *Современные вопросы* (Сѣв. пч. № 152); *Общій характеръ свободной торговли.* Изъ книги: Essai sur la liberté du commèrce des nations, examen de la théorie anglaise du libre échange, par Charles Gouraud, 2 tirage (ibid. № 155); *Нѣсколько мыслей по поводу статьи г. Андреева, помѣщенной въ № 141 С. Петербургскихъ вѣдомостей* (ibid. № 160); *Нѣсколько замѣчаній на статью г. Вернадскаго о внѣшней торговлѣ*, В. Рагозина (ibid. № 168 и 169); *Мысли по случаю статей о свободной торговлѣ въ Россіи*, К. Микешина (ibid. № 178); *О желѣзной дорогѣ изъ Риги въ Курскъ* (ibid. № 180); *Желѣзная дорога изъ Москвы въ Муромъ* (ibid. № 190); *Нѣсколько словъ о Кях-*

тийской торговлѣ (ibid. № 199 и 200); *Современный вопросъ о внѣшней торговлѣ* (ibid. № 217 и 218); *О желѣзной дорогѣ въ Крымѣ и о направленіи ея внутри полуострова* (ibid. № 224); *Мысли по вопросу о внѣшней свободной торговлѣ* (ibid. № 236); *Современный вопросъ о Русской мануфактурной промышлености* (ibid. № 249); *Желѣзныя дороги въ политико-экономическомъ отношеніи* (ibid. № 253); *О желѣзной дорогѣ на Моршанскъ* (ibid. № 257); *О желѣзныхъ дорогахъ* (ibid. № 265); *О причинахъ возвышенія цѣнъ въ Европѣ на предметы жизненной потребности* (ibid. № 271); *Либавскій и Рижскій порты и желѣзныя дороги къ нимъ*, П. К. (ibid. № 273); *О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи* (ibid. № 279); *Противъ новаго ученія о свободной торговлѣ* (ibid. № 285); *Оттоманское государство*, А. Костылева (Моск. вѣд. № 79, 83, 85, 88, 92); *Харьковская шерстяная ярмонка* (ibid. № 82); *Мысли о сельскомъ хозяйствѣ въ песчаныхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи*, А. Смирнова (ibid. № 87); *Еще два слова по поводу предполагаемой желѣзной дороги отъ Курска до Динабурга* (ibid. № 92); *Австрійскіе финансы и большія промышленыя предпріятія* (ibid. № 95 и 99); *Экономическій вопросъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ*, А. Строева (ibid. № 96 и 98); *По поводу статей г. Вернадскаго о свободной торговлѣ*, Д. Скуратова (ibid. № 97); *Замѣчанія на статью г. Смирнова*, Семена Правдина (ibid. № 106); *Экономическая замѣтка.* Письмо къ редактору Московскихъ вѣдомостей В. Безобразова (ibid. № 114); *О свободной торговлѣ.* Въ отвѣтъ на статью г. Скуратова и другихъ, И. Вернадскаго (ibid. № 138); *Нѣсколько словъ по поводу статьи, напечатанной въ №№ 247, 248, 249 и 250 Сѣверной пчелы, подъ заглавіемъ: «Современный вопросъ о Русской мануфактурной промышлености»*, Д. Ф. (ibid. № 144); *Нѣсколько словъ по поводу возбужденныхъ вопросовъ о способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота* (ibid. № 151); *Выгодны-ли желѣзноконныя дороги для южной Россіи?* Николая Сементовскаго (Одесск. вѣстн. № 94); *О желѣзныхъ дорогахъ въ южной Россіи. Отвѣтъ г. Сементовскому*, Гусевакова (ibid. № 96); *Объ Одесской торговлѣ за первую половину* 1856 *года* (ibid. № 102).

Сюда должны быть отнесены и слѣдующія статьи, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Русскаго географическаго Общества: *Свѣдѣнія о кузнечномъ мастерствѣ въ Шуйскомъ уѣздѣ*, В. Бо-

рисова (№ 4); *Условія успѣховъ оффиціальной статистики* (ibid.); *Съѣзды ученыхъ въ Брюсселѣ въ* 1856 *году*, Е. И. Ламанскаго (№ 5); *Урожай ячменнаго хлѣба въ Березовскомъ краѣ, Сургутскаго отдѣла, въ селѣ Юганскомъ*, свящ. І. Тверитина (ibid.); *Важность народонаселенія и необходимость его статистическихъ изслѣдованій* (кн. 6); *Важность центральныхъ статистическихъ комитетовъ для успѣховъ оффиціальной статистики*, Е. Л. (ibid.).

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1856 году». — Вотъ общіе итоги этихъ оборотовъ по ярмаркамъ:

	Привезено.	Продано.
Троицкой въ г. Лебядяни, Тамбовской губерніи на	766,325 р.	407,783 р.
Иностранныхъ на	195,675 р.	96,332 р.
Коренной въ г. Курскѣ всѣхъ товаровъ на	6,555,600 р.	3,918,000 р.
Собрано дохода съ лавокъ и пр.		30,189 р.
Троицкой въ Корсунѣ, Симбирской губерніи, всѣхъ товаровъ на	372,620 р.	273,980 р.
Иностранныхъ на	108,430 р.	75,030 р.
Верхнеудинской, въ Забайкальской области, всѣхъ товаровъ на	625,962 р.	345,502 р.
Иностранныхъ на	46,500 р.	4,200 р.
Петропавловской, въ м. Бѣшенковичахъ, Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи, всѣхъ товаровъ на	403,450 р.	159,650 р.
Иностранныхъ на	37,100 р.	15,400 р.
Ильинской, въ г. Полтавѣ, всѣхъ товаровъ на	18,101,078 р.	14,481,980 р.
Иностранныхъ на	1,410,950 р.	1,030,610 р.
Собрано доходу съ лавокъ и пр.		78,039 р.
Мосляиской, въ г. Ромнѣ, Полтавской губерніи, всѣхъ товаровъ на	5,175,665 р.	2,905,438 р.
Иностранныхъ на	607,500 р.	408,900 р.
Вознесенской, въ г. Ромнѣ, Полтавской губерніи, всѣхъ товаровъ на	4,737,420 р.	2,551,550 р.
Иностранныхъ на	251,000 р.	149 200 р.
Въ м. Зельвѣ, Волынскаго уѣзда.		

Гродненской губерніи, всѣхъ товаровъ на	580,730 р.	288,260 р.
Иностранныхъ на	63,400 р.	26,150 р.
Ивановскому торжку, въ Шадринскомъ уѣздѣ, Перм. губ. всѣхъ тов. на	641,447 р.	333,460 р.
Иностранныхъ на	61,650 р.	41,530 р.
Успенской, въ г. Харьковѣ, всѣхъ товаровъ на	3,446,874 р.	2,088,620 р.
Иностранныхъ на	207,000 р.	139,700 р.
2-й Коренной Рождественской, въ г. Курскѣ, всѣхъ товаровъ на	119,000 р.	92,950 р.
Маргаритинской, въ г. Архангельскѣ, всѣхъ товаровъ на	410,900 р.	397,754 р.
Иностранныхъ на	107,807 р.	107,807 р.
Покровской, въ г. Лебедяни, Тамбовской губерніи, всѣхъ товаровъ на	1,025,680 р.	490,472 р.
Иностранныхъ на	339,000 р.	161,250 р.
Крестовоздвиженской, въ г. Кролевѣ, Черниговской губер., всѣхъ товаровъ на	5,882,510 р.	2,999,160 р.
Иностранныхъ на	1,003,000 р.	551,800 р.
Доходу съ лавокъ и проч. сбору . . .		28,900 р.
Крестовоздвиженской, въ г. Одессѣ, всѣхъ товаровъ на	323.130 р.	139,754 р.
Крестовоздвиженской, въ г. Новочеркасскѣ, Земли войска Донска, всѣхъ тов. на	347,650 р.	125,350 р.
Иностранныхъ на	15,000 р.	5,000 р.
Въ станицѣ Метикинской, Донецкаго округа, Земли войска Донскаго, всѣхъ товаровъ на	631,120 р.	302,145 р.
Иностранныхъ на	143,006 р.	54,166 р.

— «О евангелическо-лютеранской церкви въ Россійской имперіи.»—«До времени Петра Великаго, въ Россіи существовали лютеранскія общества только въ Москвѣ и управлялись сами собою, безъ всякаго участія правительства. При покореніи прибалтійскихъ губерній, когда присоединилось къ подданству Россіи значительное число Лютеранъ, Петръ утвердилъ всѣ прежнія ихъ привилегіи, *поколику оныя могутъ сообразоваться съ новымъ правленіемъ и временемъ*, въ отношеніи къ религіи. Главное постановленіе еван-

гелическо-лютеранской церкви, которое служитъ для оной, такъ сказать, основаніемъ и началомъ, есть извѣстное Аугсбургское исповѣданіе 1530 г. Впослѣдствіи къ этому исповѣданію прибавлены нѣкоторыя пояснительныя дополненія, изданныя въ XVI столѣтіи богословами лютеранской церкви, и принятыя большею частію протестантскихъ правительствъ, въ томъ числѣ и Шведскимъ. Сіи поясненія, будучи соединены съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ подъ названіемъ Liber concordiae, составляютъ символическія книги лютеранской церкви. Въ этихъ книгахъ содержится подробное изложеніе ученія евангелическо-лютеранской церкви, относительно управленія дѣлами ея. Главнѣйшія постановленія относительно церковнаго управленія, съ коими прибалтійскія губерніи пришли въ подданство Россійской державы, были слѣдующія: 1) Уставъ 1634 г., изданный собственно для Лифляндіи. 2) Общій Шведскій церковный уставъ 1686 г. и принадлежащее къ оному особое учрежденіе (Gerichts-Process bei den Domcapiteln) 1687 г. о порядкѣ дѣлопроизводства въ консисторіяхъ. 3) Священническая привилегія (Priester-Privilegium) 1675 г. 4) Курляндскій церковный уставъ, изданный первымъ Курляндскимъ герцогомъ Готтардомъ Кетлеромъ, въ 1570 г. Сначала Русское правительство обращало мало вниманія на дѣла евангелическо-лютеранской церкви: все управленіе оными было предоставлено особому мѣсту, подъ названіемъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, которая въ то время завѣдывала и Римско-католическими дѣлами. Нововведенія въ религіи, распространившіяся въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, примѣтно поколебали въ Россіи прежнее устройство евангелическо-лютеранской церкви. Манифестомъ 25 іюля 1810 г. учреждено главное управленіе духовныхъ иностранныхъ исповѣданій, въ составъ коего, по протестантскимъ исповѣданіямъ, отдѣлены отъ юстицъ-коллегіи всѣ дѣла, относящіяся къ державному праву (jura circa sacra) и къ административной части. Это управленіе составляло съ 1817 по 1824 г. часть министерства народнаго просвѣщенія. 20 іюля 1819 г. Высочайшимъ указомъ установлено епископское достоинство для евангелической церкви въ Россіи и повелѣно учредить евангелическую генеральную консисторію въ С. Петербургѣ. Высочайшимъ указомъ 22 мая 1828 г. былъ образованъ въ С. Петербургѣ особый комитетъ для начертанія проекта общаго устава протестантской евангелической церкви въ Россіи. Комитетъ составилъ

уставъ, который и удостоился Высочайшаго утвержденія 28 декабря 1832 г.; этимъ уставомъ руководствуются донынѣ управленія евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи. Главною цѣлію при начертаніи устава было: съ одной стороны, чтобы всѣ положенія онаго были въ точности согласны съ коренными законами евангелическо-лютеранской церкви, однакожь соотвѣтствовали-бы современному состоянію и потребностямъ оной; съ другой, чтобы сіи положенія ни въ чемъ не противорѣчили общимъ государственнымъ постановленіямъ и чтобы въ отношеніяхъ сей церкви къ власти верховной и ко всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ въ государствѣ мѣстамъ, постановленіями устава предоставлено было правительству то вліяніе на дѣла евангелическо-лютеранской церкви, которое принадлежитъ ему по основнымъ законамъ имперіи и самой церкви протестантской. На основаніи этого устава, управленіе евангелической церкви въ главныхъ чертахъ является слѣдующимъ: евангелическое достоинство сохранено въ томъ-же видѣ, какъ въ Пруссіи, т. е. въ видѣ почетнаго титула; образованы 8 консисторій, составленныя всѣ изъ равнаго числа свѣтскихъ и духовныхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ свѣтскаго президента, съ-тѣмъ-чтобы мѣсто вице-президента въ оныхъ было занимаемо генералъ-суперъ-интендентомъ или суперъ-интендентомъ; учреждена предположенная еще въ 1819 г. генеральная консисторія для бракоразводныхъ и другихъ судныхъ дѣлъ, а равно для наблюденія за чистотою ученія церкви и за управленіемъ церковнаго имущества. Генеральная консисторія по дѣламъ распорядительнымъ подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ, а по суднымъ—правительствующему сенату, съ нѣкоторыми исключеніями. При генеральной консисторіи состоитъ прокуроръ: о дѣлахъ судныхъ онъ представляетъ министерству юстиціи, а о прочихъ—министерству внутреннихъ дѣлъ. Какъ средство для правительства узнавать истинныя нужды и желанія лютеранской церкви въ Россіи, установленъ генеральный синодъ, составляемый изъ депутатства и членовъ лютеранскихъ консисторій и созываемый по усмотрѣнію правительства. Онъ только совѣщательное собраніе. По числу консисторій, управленіе лютеранскими приходами въ Россійской имперіи раздѣлено на 8 консисторіальныхъ округовъ, въ составъ которыхъ входятъ слѣдующія губерніи: 1) *С. Петербургскій* округъ состоитъ изъ С. Петербургской губерніи съ гг. Кронштадтомъ и Нарвой, Новгородской, Псковской, Воло-

годской, Олонецкой, Архангельской (кромѣ евангельскаго прихода въ Архангельскѣ), Костромской, Ярославской, Смоленской, Черниговской, Волынской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, съ г. Одессою, и области Бессарабской. 2) *Лифляндскій*—изъ Лифляндской губерніи, кромѣ приходовъ, находящихся на островахъ Аренсбургскаго уѣзда и принадлежащихъ къ вѣдоству г. Риги; въ этомъ городѣ однакожь приходъ св. Іакова принадлежитъ вѣдомству Лифляндской консисторіи. 3) *Эстляндскій* — изъ Эстляндской губерніи, кромѣ церквей и приходовъ, въ самомъ городѣ Ревелѣ находящихся; изъ нихъ вѣдомству Эстляндской консисторіи принадлежитъ только приходъ Вышгородской церкви. 4) *Курляндскій*—изъ губерній Курляндской, Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской. 5) *Московскій* — изъ губерній Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Нижегородской, Пензинской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской, Харьковской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Астраханской, Ставропольской, Сибири, Грузіи и нынѣшней Кутаисской губерніи. 6) *Эзельскій* — изъ острововъ Эзеля, Мона, Руна и прочихъ мелкихъ, принадлежащихъ къ Аренсбургскому уѣзду. 7) *Рижскій* — изъ г. Риги и церковнаго Рижскаго округа (Stadt und Patrimonialgebiet), со всѣми въ оныхъ находящимися лютеранскими церквами, за исключеніемъ лишь церкви св. Іакова съ ея приходомъ. 8) *Ревельскій*—изъ всѣхъ находящихся въ г. Ревелѣ церквей, кромѣ одной лишь Вышгородской (Domkirche) и сверхъ того сельскихъ обществъ, принадлежащихъ къ Эстляндской городской церкви. Въ 1856 г. во всѣхъ 8 округахъ было: церквей—приходскихъ 397, приписныхъ 195, молитвенныхъ домовъ 353; духовныхъ лицъ: высшихъ сановниковъ 9, проповѣдниковъ 414; прихожанъ 1,830,012.

— «Отчетъ управленія Германскаго таможеннаго союза, за 1855 годъ». — Количество таможенной пошлины, взысканной за ввозъ товара, представленнаго къ очищенію пошлиною въ таможняхъ Германскаго таможеннаго союза за 1855 годъ, хотя и превышаетъ значительно доходъ за предшедшіе 1853 и 1854 годы, однакожь, сравнительно съ народонаселеніемъ, не достигло еще цифры 1852 года. Валовой доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ привоза распредѣляется такъ:

	Доходъ.	Народонаселеніе.
1852 году.	22,465,936 тал.	30,009,639 душъ.
1853 —	22,175,659 —	30,705,329 —
1854 —	23,154,664 —	32,771,710 —
1855 —	26,167,854 —	32,771,698 —

—«Объ Армяно-Григоріанской церкви въ Россійской имперіи».— «Въ Россіи положеніемъ 1836 г. учреждено 6 Армяно-Григоріанскихъ епархій, изъ которыхъ 5 управляются архіепископами, а одна составляетъ область самого верховнаго патріарха-католикоса. Онѣ суть слѣдующія: 1) *Нахичеванская* и *Бессарабская*. Къ ней причислены церкви, находящіяся въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, также въ губерніяхъ Новороссійскихъ и въ области Бессарабской. 2) *Астраханская*. Сюда причислены всѣ остальныя церкви въ имперіи, за исключеніемъ Закавказья. 3) *Эриванская*. Составлена изъ бывшей области Армянской, съ присовокупленіемъ бывшей провинціи Ордубатской, дистанціи Шурагельской и части провинціи Карабагской. Подчинена непосредственно верховному патріарху-католикосу. 4) *Грузинская*. Составлена изъ бывшихъ собственно Грузіи и округа Елисаветпольскаго, съ присовокупленіемъ дистанцій Борчалинской, Казахской, Шампадильской и частію Бамбакской, также округа Ахалцихскаго, Имеретіи и Гуріи. 5) *Карабагская*. Составлена изъ бывшихъ провинцій Карабагской, Шекинской и Талышинской. 6) *Ширванская*. Составлена изъ бывшихъ провинцій Ширванской, Кубинской, Бакинской и Дербентской. Высшее управленіе дѣлами Армянской церкви съ самыхъ первыхъ временъ сосредоточивается въ лицѣ патріарха-католикоса. Ему содѣйствуетъ въ управленіи синодъ, состоящій изъ 8 членовъ (4 архіепископовъ или епископовъ и 4 архимандритовъ). Главная обязанность синода состоитъ въ наблюденіи за сохраненіемъ въ управленіи церковными дѣлами установленнаго порядка. Члены синода избираются патріархомъ и утверждаются Высочайшею властію. При синодѣ состоитъ прокуроръ, опредѣляемый отъ правительства. Епархальные архіепископы назначаются Высочайшею властію и суть полные духовные начальники въ Высочайше ввѣренныхъ имъ епархіяхъ, отвѣтствуя за управленіе оными предъ высшимъ правительствомъ и предъ своимъ духовнымъ начальствомъ. Въ управленіи дѣлами содѣйствуютъ имъ консисторіи и духовныя правленія. Въ 1855 году было: церквей — каѳедраль-

ныхъ 13, приходскихъ 577; кладбищъ и молитвенныхъ домовъ 300; бѣлаго духовенства: священно-служителей—1,021, церковно-служителей—794; монастырей 34; монашествующихъ: мужескаго пола—76, женскаго 24; прихожанъ обоего пола 357,558; учебныхъ заведеній: семинарій — 2, приходскихъ и др. училищъ — 19.

— «Изслѣдованія о народонаселеніи».—Эта статья заимствована изъ статьи г. Гейшлинга, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ Journal des Economistes по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія «Bevölkerungswissenschaftliche Studien aus Belgien, mit durchgehender vergleichender Erforschung der entsprechender Verhältnisse in Oesterreich, Sachsen, Preussen, Frankreich, England, Holland und andern Staaten, von M. I. E. Horn». Въ настоящей статьѣ представлены только главныя положенія Горна о народонаселеніи Бельгіи. Они относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ: 1) народонаселеніе неотносительное и относительное; 2) народонаселеніе по областямъ, по племенамъ, по городамъ и деревнямъ; 3) домы и жилища; 4) семейная жизнь; 5) народонаселеніе по различію пола; 6) народонаселеніе по возрастамъ; состояніе здоровья; 7) браки, и 8) рожденія. Вотъ нѣкоторыя данныя о народонаселеніи абсолютномъ и относительномъ Бельгіи: «По ревизіи 1846 г., народонаселеніе Бельгіи простирается до 4,337,196 человѣкъ. Такая численность составляетъ только осьмую часть народонаселенія Франціи, которая, также какъ Россія, Австрія и Англія, считается державою перваго разряда. Если причислить ко второму разряду тѣ державы, которыхъ народонаселеніе простирается отъ 10 до 30 мил., т. е. Пруссію, Испанію и Европейскую Турцію, и къ третьему разряду тѣ, коихъ народонаселеніе меньше 10 миль.: то Бельгія, въ отношеніи народонаселенія, занимаетъ низшее мѣсто противъ королевства Обѣихъ Сицилій, Швеціи, Норвегіи и Баваріи, но превосходитъ въ томъ-же отношеніи Голландію, Данію, Ганноверъ, Саксонію и Виртембергъ. Народонаселеніе Бельгіи почти вдвое больше народонаселенія Швейцаріи и въ пять разъ больше народонаселенія Греціи. Герцогства Баденское, Гессенское, Моденское и нѣкоторыя другія небольшія государства заключаютъ въ себѣ едва $^1/_{20}$ часть народонаселенія Бельгіи. Относительное народонаселеніе Бельгіи представляетъ результаты болѣе благопріятные. Имѣя 4,387,196 жит. на пространствѣ земли въ 2,945,593 гектара (536 кв. миль), т. е. 8,091 жит. на квадратную милю, Бель-

гія занимаетъ первое мѣсто въ отношеніи къ сжатости населенія. Если принять за единицу мѣры эту Нѣмецкую, географическую квадр. милю, то различныя государства Европы, по сжатости народонаселенія, займутъ мѣсто въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Квадр. миль.	Жит. на квадр. милю.
Бельгія	536	8,090
Саксонское королевство	272	7,000
Нидерландское	554	5,100
Виртембергское	354	5,100
Англія и Ирландія	5,701	4,800
Королевство Обѣихъ Сицилій	2,033	4,290
Франція	9,594	3,690
Сардинія (твердая земля)	938	3,500
Швейцарія	718	3,330
Пруссія	5,104	3,200
Австрія	12,120	3,000
Испанія	8,598	1,660
Греція	717	1,380
Европейская Россія	90,117	600
Швеція	8,005	430
Норвегія	5,799	230

Считая пространство Европы въ 180,000 квадр. геогр. миль, съ народонаселеніемъ въ 260 мил. душъ, сжатость народонаселенія будетъ, среднимъ числомъ, на милю 1,444 чел. Еслибы это среднее число было втрое больше, а число жителей возрасло до 780 мил. душъ, то и тогда оно достигло-бы только половины сжатости народонаселенія Бельгіи. Народонаселеніе пяти первыхъ державъ Европы составляютъ болѣе $^2/_3$ (68,17 на 100) всего народонаселенія Европы. Въ Бельгіи считается болѣе 13,000 мѣстностей (городовъ, селъ и деревень), раздѣленныхъ на 2,524 административныя общины, въ числѣ которыхъ 86 городовъ. Въ отношеніи абсолютнаго народонаселенія, эти 2,524 общины раздѣляются слѣдующимъ образомъ: 496 общинъ съ народонаселеніемъ въ 500 душъ и менѣе; 805 общинъ, имѣющихъ отъ 501 до 1,000 душъ; 945—отъ 1,001 до 3,000 душъ; 243—отъ 3,001 до 10,000 д.; 15—отъ 10,001 до 15,000 д.; 12—отъ 15,001 до 70,000 д., и 4 об-

щины, въ которыхъ болѣе 70,000 д. Среднимъ числомъ, народонаселеніе каждой общины простирается до 1,719 челов. Въ числѣ 86 городовъ, 4 имѣютъ болѣе 70 т. жителей; 4 — болѣе 25 т. ж.; 5 имѣютъ отъ 20 т. до 25 т. ж.; въ 3 отъ 15 т. до 20 т.; въ 9 отъ 10 т. до 15 т. ж.; въ 28 отъ 5 т. до 10 т.; въ 33 менѣе 5 т. ж.».

— «Нижегородская ярмарка въ 1856 г.». — Оборотный капиталъ простирался на 69,593,760 р.; сравнительно съ ярмаркою 1855 г. — на 5,805,965 болѣе. Всѣхъ вообще Русскихъ товаровъ привезено было на 52,152,615 р., а за продажею осталось на 5,174,995 р. Сравнительно съ ярмаркою 1855 г. привозъ и сбытъ оказываются болѣе: первый — на 3,732,280 р., а второй — на 3,386,265 р. Въ томъ числѣ:

	Привезено:	Осталось за продажею:
Бумажнаго товару.................	5,927,770 р.	273,800 р.
Шерстяныхъ издѣлій.............	3,866,150 »	282,800 »
Льняныхъ и пеньковыхъ...........	2,699,450 »	94,400 »
Шелковыхъ и полушелк............	3,000,700 »	350,700 »
Мягкой рухляди..................	3,934,675 »	418,900 »
Кожъ и издѣлій кожев............	2,461,040 »	65,900 »
Металловъ и металл. издѣлій.......	10,412,400 »	882,500 »
Разной посуды, стеколъ и зеркалъ..	916,150 »	166,725 »
Хлѣба........................	8,832,630 »	2,026,120 »
Рыбнаго товару..................	1,208,440 »	— »
Напитковъ......................	854,750 »	71,300 »
Разнаго товару..................	7,996,860 »	542,400 »
Лошадей и рогатаго скота.........	49,600 »	— »

Европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ привезено было на 5,216,800 р., а осталось за продажею на 754,650 р. Москотильныхъ и аптекарскихъ товаровъ привезено было на 2,707,000 р., а осталось за продажею на 271,000 р.; Китайскихъ товаровъ привезено было и продано на 6,920,000 р.; Бухарскихъ привезено и продано на 427,030 р.; Персидскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ привезено на 1,494,070 р., и осталось за продажею на 212,500 р.».

— «О торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ западнымъ Китаемъ». — Эта замѣчательная статья есть отрывокъ изъ неизданной

наго сочиненія: «Обозрѣніе торговыхъ и частію государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ и среднею Азіею». Отрывокъ этотъ, относясь собственно къ настоящей нашей торговой дѣятельности, можетъ еще имѣть и тотъ особенный интересъ для торговцевъ, что знакомитъ ихъ съ новымъ путемъ для сбыта и пріобрѣтенія товаровъ, чрезъ западный Китай, какъ въ бо̀льшемъ количествахъ, такъ и въ бо̀льшемъ разнообразіи. Въ этомъ отрывкѣ изложены также и тѣ трудности, которыя должно было преодолѣть для достиженія нынѣшнихъ торговыхъ оборотовъ, хотя и не вполнѣ удовлетворительныхъ, но не лишенныхъ надеждъ на будущее преуспѣяніе. Статья содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) первоначальныя мѣры для открытія постоянной торговли съ западнымъ Китаемъ; 2) попытка къ возстановленію караванной торговли съ Китаемъ; 3) водвореніе Русской торговли въ городахъ Кугучахъ и Кульджи; 4) толки противъ и въ защиту раздѣленія Кяхтинской торговли; 5) будущіе виды къ дальнѣйшему развитію нашей торговли въ западномъ Китаѣ, и 6) пути сообщенія съ Чугучакомъ и Кульджею. «Изъ сравненія — говоритъ авторъ — нашихъ торговыхъ оборотовъ и производимыхъ западными Европейцами съ Китаемъ, оказывается, что ввозъ и вывозъ ими товаровъ заключаетъ и такіе предметы, которые могутъ быть усвоены или усилены и съ нашей стороны. Таковы, напр., изъ отпускныхъ товаровъ: льняные и пеньковыя ткани, мѣдь, желѣзо, стекло, хрусталь, шерсть и проч. Первые изъ этихъ товаровъ отчасти сбываются и нынѣ, но шерсть вовсе не ввозится въ Китай, между-тѣмъ какъ иностранцы продаютъ ее огромное количество. Въ одинъ 1844 г. доставлено было ими туда этого товара болѣе нежели на 5 милл. руб. Изъ вывозимыхъ-же товаровъ, шелкъ-сырецъ ограничивался у насъ съ 1824 по 1846 среднимъ числомъ 140 пудами ежегодно, тогда-какъ Англичанами вывезено было только въ 1846 г. до 43,839 пудовъ шелку; сахарный песокъ почти не требуется въ Россію, Англичанами-же вывезено было его въ 1844 г. на 520,400 р.; фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія, составляющія важную отрасль Китайской промышлености, также очень мало нами требуются. Для бо̀льшаго оживленія торговой дѣятельности въ западномъ Китаѣ, было-бы не безполезно проникнуть и въ городъ Яркендъ, который лежитъ на рубежѣ Китая, въ двѣнадцати переходахъ отъ Малой Кульджи, и обращалъ на себя вниманіе еще Петра Великаго, хотя собственно и не въ торговомъ отношеніи, а по вымывкѣ изъ

песковъ золота, которая тамъ и донынѣ производится. Послѣ того Китайцы овладѣли Яркендомъ, и онъ считается однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ тамошняго края. Кромѣ другихъ товаровъ, сюда доставляются въ большомъ количествѣ: чай, изъ среднихъ областей Китая, также сахаръ невысокаго сорта, дорогіе металлы, фаянсъ и мускусъ. Все это преимущественно идетъ въ Бухару и другіе города средней Азіи, и развѣ транзитно достигаетъ къ намъ. Китайцы постоянно живутъ въ Яркендѣ, мало вмѣшиваясь въ управленіе краемъ, а предоставляя оное болѣе туземному начальнику изъ мухаммеданъ, извѣстному подъ именемъ гакимъ-бега, или акимъ-бека. Самимъ-же туземцамъ въѣздъ въ Китай строго воспрещенъ. Ознакомленіе нашихъ купцовъ на Яркендскомъ рынкѣ съ произведеніями Тибета можетъ возродить въ нихъ охоту пробраться и въ эту страну, доселѣ для насъ недоступную, да и меркантилизмъ Англичанъ едва-ли еще въ нее проникъ, не смотря на многія къ тому попытки. Такъ-какъ торговля нерѣдко напутствовала къ изученію невѣдомыхъ странъ и въ другихъ многихъ отношеніяхъ, то чрезъ нее, можетъ быть, и мы достигнемъ до исполненія намѣренія Императора Александра I, предполагавшаго съ такою цѣлью отправить въ Тибетъ черезъ Кашгаръ и Яркендъ ученую миссію, которой сопутствовать приглашаемъ былъ и знаменитый Гумбольдтъ».

— «Важность центральныхъ статистическихъ комитетовъ для успѣховъ оффиціальной статистики».—Эта статья—извлеченіе изъ доклада втораго отдѣленія статистическаго конгресса, представленнаго докладчикомъ отдѣленія, директоромъ оффиціальной статистики въ Австрійской имперіи, барономъ Черницъ фонъ-Чернгаузеномъ. «Настоятельная потребность, говоритъ докладчикъ, административной статистики заключается въ *централизаціи* ея работъ. Для этой цѣли слѣдуетъ поставить статистика въ соприкосновеніе съ дѣлами различныхъ министерскихъ департаментовъ и доставить ему содѣйствіе людей замѣчательныхъ, которые провели всю свою жизнь, изучая и углубляясь въ эти дѣла. Но одного этого содѣйствія все еще будетъ недостаточно. Ему необходимо еще содѣйствіе ученыхъ и людей замѣчательныхъ на поприщѣ сельскаго хозяйства, промышлености и торговли. Только при этомъ условіи статистика можетъ исполнять прилично свое назначеніе и содѣйствовать къ благоденствію человѣчества.

Этотъ результатъ иначе и не можетъ быть достигнутъ, какъ устройствомъ центральныхъ статистическихъ коммиссій. И это не есть одно только простое желаніе, не одна простая надежда, основанная на разсужденіи, но уже совершившійся фактъ. Подобная коммиссія существуетъ въ Бельгіи. Вѣроятно, что Франція и Англія вскорѣ послѣдуютъ ея примѣру и учредятъ у себя такія-же коммиссіи. Въ Пруссіи, кромѣ статистической коммиссіи, положено нѣкоторое начало централизаціи, по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что относится къ торговой статистикѣ Германскаго таможеннаго союза. Въ Австріи нѣтъ еще центральной коммиссіи, но уже существуетъ примѣненіе тѣхъ началъ, на которыхъ она должна существовать. Статистическое отдѣленіе, преобразованное въ дирекцію административной статистики, тѣсно связано съ самимъ управленіемъ; лица, управляющія работами ея, суть администраторы. Оно имѣетъ право, и пользуется имъ, къ истребованію изъ всѣхъ министерствъ и къ собранію чрезъ нихъ всѣхъ данныхъ и матеріаловъ, которые считаетъ для себя необходимыми. Еще въ послѣднее время императоръ повелѣлъ министру юстиціи, по общему соглашенію съ министерствомъ торговли, при которомъ состоитъ статистическое отдѣленіе, положить основаніе къ собиранію матеріаловъ для судебной статистики и излагать ее со всею возможною полнотою и подробностію. Статистическое отдѣленіе, кромѣ-того, употребляло въ пользу и познанія спеціальныхъ людей, постороннихъ собственно для управленія. Безъ ихъ просвѣщеннаго содѣйствія оно не было-бы въ состояніи изложить подробной статистики промышлености имперіи, ни статистики своихъ путей сообщенія. Отдѣленіе конгресса сочло долгомъ войдти въ эти объясненія; оно не задаетъ вамъ новаго дѣла, весьма сомнительнаго или неудобоисполнимаго, но предлагаетъ учрежденіе существенно практическое, имѣющее въ свою пользу освященіе опытомъ и введеніе котораго весьма легко для всѣхъ государствъ». Заключенія доклада, изложеннаго барономъ Чернигомъ, единогласно приняты и утверждены на конгрессѣ.

Сюда же должны быть отнесены и слѣдующія критическія статьи по политической экономіи: *О мѣстѣ, занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія, и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности. Рѣчь ордин. проф. университета св. Владиміра, Н. Бунге,* А. Е. Львова (Русск. вѣстн.

№ 24); *О понятіи промысловаго налога и проч. соч. Е. Осокина*, С. Л. (Моск. вѣд. № 107).

— Въ помѣщенномъ выше перечнѣ статей по части наукъ политическихъ, явившихся въ нашихъ журналахъ и газетахъ въ теченіе послѣдняго полугодія 1856 года, находится весьма много статей о желѣзныхъ дорогахъ и свободной торговлѣ — двухъ вопросахъ, въ настоящее время особенно обратившихъ на себя всеобщее у насъ вниманіе. Но предѣлы нашего обозрѣнія не позволяютъ намъ познакомить читателей съ содержаніемъ упомянутыхъ статей въ такомъ объемѣ, какого потребовало-бы число, а тѣмъ болѣе важность предмета ихъ.

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРУ Г. Н. ГОРОДЧАНИНОВУ (*).

1. Отъ 12 іюня 1807. Хутынь.

Благодарю любезному другу Григорію Николаевичу за письмо отъ 14 маія, которое также какъ и прежнее долго въ пути пробыло. Слава Богу, что вы поздоровѣе и повеселѣе стали. А я

(*) Имя преосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова столько извѣстно въ ученыхъ Обществахъ и всему просвѣщенному міру, что въ настоящее время, при изданіи писемъ сего доблестнѣйшаго архипастыря къ заслуженому профессору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику Григорію Николаевичу Городчанинову, не требуетъ какихъ-либо поясненій (1). Извѣстно также въ Русской литературѣ и имя профессора Городчанинова, который столь долгое время обогащалъ ее своими просвѣщенными трудами (2), который былъ предсѣдателемъ Общества любителей отечественной словесности при Казанскомъ университетѣ и сотоварищемъ на поприщѣ краснорѣчія и поэзіи знаменитѣйшихъ мужей:

(1) Въ настоящемъ случаѣ довольно указать на біографіи пресв. митрополита Евгенія, напечатанныя въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей, М. 1845 г. стр. 1—20, и во Временникѣ Имп. Моск. Общ. ист. и древн. Росс. 1854 г. кн. 19 стр. 1—8, гдѣ приложенъ и портретъ митрополита.

(2) Городчаниновъ скончался 22 декабря 1852 года, а печатные труды его начинаются еще съ 1791 года.

пользуюсь лѣтнимъ воздухомъ въ Хутынѣ, и то только съ 8 сего іюня. Ибо май весь у насъ былъ хуже сентября. Холода и дожди насъ измучили, а притомъ и полая вода у насъ такая, какой ни-

---

Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, съ коими велъ также переписку (3). Знакомство, или вѣрнѣе дружество преосв. Евгенія и Городчанинова началось въ то время, когда первый обучался въ Московской духовной академіи и слушалъ вмѣстѣ съ студентомъ Городчаниновымъ (4) лекціи въ Московскомъ университетѣ; а переписка ихъ возникла съ того времени, когда Евгеній былъ уже наставникомъ и префектомъ въ Александро-Невской академіи (1800—1804), и продолжалась до самой кончины преосв. митрополита въ 1337 года (5). Истинное ученое призваніе и непрерывное въ разсадникѣ просвѣщенія дѣланіе обоихъ поддерживали взаимное ихъ дружество и переписку. Сберeглись-ли письма Городчанинова къ преосв. Евгенію, неизвѣстно; а письма преосвященнаго къ Городчанинову составляютъ безцѣнную принадлежность сына его, статскаго совѣтника Николая Григорьевича Городчанинова, и хранятся у него въ Новгородѣ въ особо переплетенной книжкѣ. Всѣ письма сіи (ок. 140) (6), часть которыхъ нынѣ предлагается вниманію читателей, писаны самимъ преосвященнѣйшимъ собственноручно, запросто, по-дружески, иногда на почтовой, а иногда на простой бумагѣ, въ 8 и въ 12 долю листа. Эти письма имѣютъ близкое и несомнѣнное отношеніе къ ученымъ трудамъ преосв. Евгенія, вѣрно указывая на удивительную, неутомимую ревность его къ симъ занятіямъ, на источники, коими онъ пользовался и кои заботливо всюду отыскивалъ, и на его критическій взглядъ на нѣкоторыхъ писателей и на ихъ сочиненія. Въ этихъ дружескихъ письмахъ открываются необыкновенный умъ, изящный вкусъ, теплота души, нѣжность чувствъ, твердый и открытый характеръ преосв. Евгенія; а вмѣстѣ съ симъ часто открывается и духъ того времени, особенно въ отношеніи къ литературѣ и ученымъ тогдашнимъ вопросамъ. При таковой занимательности, многія изъ этихъ писемъ могутъ быть несомнѣнно сочтены за образцовыя въ качествѣ дружескихъ или пріятельскихъ: въ нихъ соединены и простота самая естественная, и ученость глу-

---

(3) О. Г. Н. Городчаниновѣ и его ученыхъ трудахъ въ журналѣ Другъ Просвѣщенія за февраль 1806 года, въ Телеграфѣ за 1830 годъ, гдѣ помѣщена рецензія г. Полеваго о его сочиненіяхъ, въ Словарѣ Русск. свѣтск. писат. т. 1. стр. 153, и наконецъ въ Казан. Губ. Вѣд. за 1853 годъ № 34 и 37, гдѣ помѣщенъ его некрологъ. Сочиненія Городчанинова въ послѣдній разъ были изданы въ 1829 и 1830 годахъ. Переведенная имъ исторія Аббата Рейналя, въ 6 томахъ, особо была напечатана дважды. Замѣчательно также сочиненіе его: «Разборъ перевода графа Хвостова Боало L'art Poëtique».

(4) Хотя Городчаниновъ былъ моложе преосв. Евгенія 5 годами.

(5) Послѣднее письмо м. Евгенія къ Городчанинову писано изъ Кіева, за пять дней до кончины преосвященнаго, послѣ коего Городчаниновъ жилъ еще 15 лѣтъ.

(6) Письма м. Евгенія къ Городчанинову вскорѣ будутъ напечатаны всѣ. Но въ настоящее время Редакціею избраны къ изданію 32 письма. *А. М.*

кто не помнитъ, и всѣ низменныя мѣста, никогда подъ водою небывавшія, затопила, а тѣмъ произвела много разореній.

Сердечно благодарю вамъ за обѣщаніе біографіи профессоровъ вашихъ, а особливо за обѣщаніе г. Фукса. Вы обѣщались мнѣ доставить оный на *будущей* почтѣ. Но много уже прошло будущихъ почтъ. Сдѣлайте изъ нихъ какую-нибудь *прошедшую* въ этомъ дѣлѣ.

Вы думаете въ Казани уже о хуторишкѣ. Браво.—Это доброй прогностикъ для вашего Лисеночка (*). Дай Богъ вамъ богатѣть и здоровѣть для ея счастья.

2. Отъ 4 апрѣля 1807 года.

Вы, любезный другъ, долго ждали моего отвѣта, но я еще долѣе ждалъ вашего. И не знаю, почему письмо ваше, писанное 10 марта, получилъ я только вчера отъ Михаилы Михаиловича. Но какъ бы то ни было, однакожъ дождался и сердечно благодарю, а въ знакъ благодарности на другой-же день вамъ отвѣчаю. Въ Петербургѣ я пробылъ двѣ недѣли и видѣлъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, кромѣ васъ. Слышалъ тамъ между-прочимъ вашу жалобу на Казанскій климатъ и удивлялся. Кажется, Казанская натура несравнено легче болотной Петербургской. Можетъ-быть, ипохондрическая меланхолія представила вамъ его въ превратномъ видѣ. Но весна разсѣяла снѣги и туманныя мечты. Стыдно философу равняться съ простолюдинами во мнѣніи. *Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.*

Разсужденія вашего за недосугами не успѣлъ я еще прочитать, а прочетши послѣ скажу вамъ мое мнѣніе. Поспѣшайте Рейналемъ. Подпищикамъ его долго дожидаться.

бокомысленная, и откровенность чистосердечная, и остроуміе затѣйливое и находчивое. Въ нихъ видѣнъ духъ преосв. Евгенія гораздо болѣе, нежели въ другихъ его ученыхъ произведеніяхъ, — видѣнъ во всемъ величіи и простотѣ. Двадцать лѣтъ уже прошло, какъ преставился преосв. Евгеній въ лѣтахъ маститой старости (70 лѣтъ); но перо его въ этихъ письмахъ такъ бойко и сильно, такъ молодо и свѣжо, что читая ихъ невольно забываешь о давнемъ времени, когда они писаны. Очень часто преосвященный употребляетъ въ нихъ фразы на языкѣ Французскомъ, часто и на Латинскомъ, по духу того времени и по учености, коею обладалъ онъ едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ въ отечествѣ современниковъ. *А. М.*

(*) Дочь Городчанинова Елисавета донынѣ остается въ живыхъ.

О спискѣ Веревкина пожалуйте покончите. Я поправляю словарь ко второму изданію, а нужно пополнить сію статью.

Стишки ваши въ Вѣстникѣ Европы я видѣлъ. Сердечно благодарю за ваше желаніе причислить меня въ членство вашего университета. Эту честь я принялъ-бы съ признательностію. Въ прошломъ декабрѣ и Россійская Академія прислала мнѣ дипломъ на членство.

Дѣйствительно, чуденъ пріѣздъ къ вамъ Якова Ивановича. Попечитесь о немъ, буде можно. Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова. Дай Богъ встрѣтить и проводить его, да и со здоровьемъ и съ удовольствіемъ.

Письмо мое очень развязно, отъ того что недосугъ и спѣшу не упустить почту. Но я по прежнему

Преданный вамъ

Евгеній.

3. Отъ 19 марта 1808. Вологда.

Спасибо любезнѣйшему другу Григорію Николаевичу за долго мною ожиданное письмо и за приложеніе печатнаго его разсужденія. Это прибавочная статья въ вашу біографію. Желаю поскорѣе васъ поздравить екстра-профессоромъ, а о чемъ, думаю, не упустите увѣдомить меня. Поздравляю васъ съ ласковымъ пріемомъ отъ Дм. Прок. и Министра просвѣщенія, такъ какъ вы поздравляете меня на новомъ мѣстѣ, которое и самому мнѣ очень понравилось. Ибо всѣмъ изобильно, а отъ большихъ дорогъ, производящихъ дороговизну, отдалено. Дай Богъ только спокойно пожить.

О вашемъ шуринѣ можно попросить Политковскаго. Но я не получилъ еще отъ него ни одного здѣсь письма; и не знаю, не загордился-ли онъ на новомъ мѣстѣ. Когда онъ отзовется ко мнѣ, то можно будетъ приписать и о вашей прозьбѣ.

Пока будете въ Питерѣ, пишите побольше новостей. А я за симъ писавый кланяюсь.

Вашего высокоблагородія милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга

Е. Е. В.

Нельзя-ли въ Казань ѣхать чрезъ Вологду на Ярославль. Вѣдь несравненно прямѣе. Взгляните на карту.

4. Любезнѣйшій другъ Григорій Николаевичъ! Письмо ваше отъ декабря безъ числа весьма обрадовало меня и увѣрило, что вы меня не забыли. Я получилъ и изъ Питера ваше письмо отъ 10 сентября, но не зналъ, куда отвѣчать вамъ. Съ сихъ поръ буду писать чрезъ Ник. Ник.

Мѣстечко вы получили въ Москвѣ весьма теплое и совѣтую не искать другихъ; а Москва покойнѣе Питера, который всѣмъ бока вытеръ.

Сердечно благодарю васъ за увѣдомленіе о благосклонномъ ко мнѣ расположеніи вашего вицепрезидента. Я счастьемъ почту, естьли ваше сбудется предувѣдомленіе. Нельзя-ли вамъ достать и прислать комнѣ регламентъ медико-хирургической вашей Академіи, дабы мнѣ возымѣть о ней понятіе, котораго теперь я вовсе не имѣю. Рейналя вашего два экземпляра получилъ я отъ М. Мих. Оканчивайте скорѣе послѣдній томъ.

Спасибо за стихи — *Христосъ Рождается*. Но вы требуете о нихъ моего мнѣнія. Вотъ оно: первой стихъ слову-*раждается* должно-бы соотвѣтствовать что-нибудь повыразительнѣе. Союзъ *бо* негодится, и вообще два послѣдніе стиха слабы. Знаю, что автору такой судъ кисель. Боало говоритъ, что какъ скоро критикъ скажетъ автору:.... de ce vers l'expression est basse;
то авторъ отвѣчаетъ: Ah monsieur! pour ce vers se vous demande grace.

Критикъ скажетъ:... ce mot me semble froid.
Авторъ: C'est le plus bel endroit.
Критикъ: Ce tout ne me plait pas.
Авторъ: tout le monde l'admire
Aussitot il vous quitte et content de sa Muse
S'en va checher ailleurs quelque fat qui l'abuse.

А я вамъ скажу Боаловыми-же словами:

Faites vous des amis prompts à vous censurer;
Qu'ils soient de vos ecrits les confidens sincères,
Et de tous vos defauts les zélés adversaires.
Depouillez devant eux l'arrogance d'auteur.
Mais sachez de l'ami discerner le flatteur.
Tel vous semble applaudir, qui vous vaille et vous joue.
Aimez qu'on vous conseille et non pas qu'on vous loue.
Boileau. L'art poët. ch. 1.

Вотъ вамъ сколько стиховъ за ваши стихи въ отплату.

Прошу въ письмахъ своихъ помѣщать вѣсти и о Московской литературѣ. А изъ Вологды вѣстей не ждите, кромѣ подтвержденія, что по прежнему непремѣнно навсегда

Преданнѣйшій вамъ Евгеній.

1809 года, съ коимъ васъ и поздравляю, 4 января.
Вологда.

5. Отъ 28 февраля 1809 Вологда.

Homo proponit, Deus disponit, говаривали намъ въ школахъ. Я этому не удивляюсь, памятуя вашъ зарокъ не жениться. Видно, надобно къ тому примолвить Виргиліево слово: Omnia vincit amor et nos cedamus amori.

А за тѣмъ искренно поздравляю васъ съ симъ новымъ союзомъ и призываю на васъ благословеніе Божіе. Будьте здоровы, спокойны и счастливы: но не забудьте удѣлить счастья своего и несчастной сироткѣ Лизочкѣ. Пусть новая супруга ваша замѣнитъ ей потерю матери. А Богъ, защитникъ сиротъ, ея ради милостивѣе призритъ и на новый союзъ вашъ. Хорошо сдѣлаете, есть-ли возмете ее изъ Питера къ себѣ. Родные ея тамошніе не въ состояніи дать ей воспитаніе приличное.

Поздравляю васъ и съ должностію ученаго секретаря. Въ ученомъ мѣстѣ сіе званіе важно, не смотря на косые взгляды всѣхъ Нѣмецкихъ сочленовъ. Зависть всегда прозябаетъ и между Парнасскими плодами.

За симъ усерднѣйше благодарю васъ и за поздравленіе ваше меня избраніемъ въ сочленство ваше. Дай Богъ, чтобы сіе утвердилось и свыше. О послѣдствіи прошу увѣдомить меня. Симъ отличіемъ признаю себя одолженнымъ единственно дружбѣ вашей, а не моимъ достоинствамъ какимъ либо. Объ открытіи Академіи вашей я читалъ въ вѣдомостяхъ и порадовался, встрѣтивъ имя моего друга при описаніи сего торжества.

По обѣщанію вашему не забудьте прислать мнѣ уставъ Академіи вашей, о которой я еще не имѣю обстоятельнаго понятія, кромѣ что мой другъ въ ней ученымъ секретаремъ и библіотекаремъ, которому я издавна душевно преданъ.

Е. Е. В.

P. S.

Вы дружески вызываетесь исполнять мои коммисіи. Вотъ первая: сообщите и пришлите мнѣ каталоги продающихся Французскихъ и Латинскихъ книгъ.

6. марта 15 1809. Вологда.

Сердечно благодарю любезнѣйшему другу за увѣдомленіе и поздравленіе меня съ утвержденіемъ моего вамъ сочленства. Но увѣдомленія о семъ отъ вицепрезидента не получилъ я на прошлой почтѣ. Видно, вы не успѣли. Также не знаю, когда и отъ кого получу я изъ Петербурга дипломъ.

Вы ничего не пишите о моемъ вамъ отвѣтѣ на первое письмо. Видно еще не получили оное. А я при семъ паки искренно поздравляю васъ со вступленіемъ въ службу новаго Гименея. Дай Богъ и новыхъ Лизуточекъ.

Призывая на васъ и почтенную половину вашу благословеніе Божіе, есмь съ преданностію

вашъ Е.

7. Отъ 4 маія 1809. Вологда.

На воззваніе: *Христосъ Воскресе!* отвѣтствую любезному другу Григорію Николаевичу: *Воистину воскресе!* Но дивлюсь, какимъ образомъ письмо ваше отъ 9 апрѣля чрезъ 400 только верстъ дошло до меня уже 30 апрѣля. А надобно-бы поспѣть ему въ Вологду дня въ три.

Сердечно благодарю вамъ за присылку листа о курсѣ вашей Академіи. Буду ждать и біографіи Ефрема Осиповича. А сочиненія его у меня въ словарѣ уже означены. Однакожъ дабы какого не пропустить, приложите и вы списокъ оныхъ. Снабдите меня біографіями и другихъ вашихъ профессоровъ. Послужные ихъ списки, думаю, у васъ всѣ есть, а переслать ихъ можете подъ казенною печатью.

Диплома я осю-пору изъ Питера еще не получалъ. Не знаю присланъ-ли къ вамъ, графу Разумовскому. Вывѣдайте у Орлая, скоро-ли они ко мнѣ пришлютъ.

Въ новомъ адресъ-календарѣ мое имя въ числѣ вашихъ Академиковъ уже напечатано. Но вашего имени я тамъ не нашелъ, не знаю почему.

Весьма жалко покойнаго, добраго Павла Аѳанасьевича. Остались ли у него дѣти? Пришлите мнѣ его послужной списокъ съ росписью трудовъ. Да нельзя-ли прислать и печатныя его изъясненія на Цицерона de officiis.

Благодарю за Мерзлякова стихи на смерть его. Николай Ник. прислалъ мнѣ еще и Геймову ему епитафію.

Да чтоже вы забыли обѣщаніе свое, прислать мнѣ книжные иностранные каталоги? По званію библіотекаря вы теперь, думаю, со всѣми иностранными библіотекарями и книгопродавцами знакомы, и потому легко достать можете. А доставши стоитъ только завернуть въ пакетъ и препроводить къ члену вашей Академіи.

Будьте здоровы и благополучны avec votre chère moitié et avec votre petite tiers — Lisette.

Taut à vous E.

Какова-то у васъ весна? А у насъ со вчерашняго дня земля вмѣсто зелени покрылась снѣгомъ. Кажется и природа нынѣ подражаетъ политическому состоянію Европы. Все пошло навыворотъ.

А вотъ подоспѣла и просьба: читая Московскія газеты въ № 32 на стран. 754 нашелъ я, что вашъ книгопродавецъ Буватъ публикуетъ между-прочимъ éditions stéréotypes des auteur classiques François по 75 к. книжку. Нельзяли мнѣ купить на первый случай Jean-Bapt. Rousseau, 2) Théâtre de Corneille, 3) Depréaux Boileau?

8. Отъ 31 маія 1809. Вологда.

Сердечно благодарю вамъ любезнѣйшему другу за письмо отъ 21 маія и за приложенную біографію почтеннаго Ефрема Осиповича, коего операціи славятся уже и въ чужестранныхъ газетахъ. Слава Богу, что отечество наше имѣетъ въ немъ столь знаменитаго хирурга! Скажите и ему отъ меня искреннюю благодарность за присылку трехъ его книжекъ. Попросите его, чтобы онъ чрезъ васъ доставилъ мнѣ полный списокъ своихъ напечатанныхъ сочиненій *съ означеніемъ формата книги, также мѣста и года печатанія*. Вы знаете, что по плану моего словаря это нужно. А также въ послужномъ спискѣ не означено, въ какихъ училищахъ онъ учился. Сіе также нужно. Прошу сіе дополнить.

Буду ждать отъ васъ біографіи и покойнаго Павла Аѳанасьевича съ его цицероновыми листками.

Вы жалуетесь на позднюю весну. А мы 400 верстами сѣвернѣе васъ живущіе и поготово должны жаловаться. Весь май у насъ былъ сентябремъ. И теперь только начинаемъ видѣть весну. За то всѣ предвѣщають долгую и ведряную осень.

Въ письмѣ своемъ вы приписали, что посылаете Французской каталогъ. Но его не приложили.

Впредь адресуйте пакеты изъ своей Академіи ко мнѣ надписывая: *члену оныя.*

Будьте здоровы и благополучны. J'implore sur vous et votre moitié toutes les bénédictions du ciel.

Tout à vous E.

9. Отъ 26 іюля 1809. Вологда.

Любезный другъ Григорій Николаевичъ! Письмо ваше отъ 2 іюля получилъ я и съ диссертаціею и каталогомъ Французскихъ книгъ. Сердечно вамъ благодарю. На нынѣшней почтѣ получилъ и собраніе сочиненій Ефрема Осиповича. Сердечно благодарю и за сіе какъ ему, такъ и вамъ.

Возвращаю при семъ и записку стереотипическихъ изданій. Прошу мнѣ ихъ прислать, а за деньги не стою. Прошу ихъ немедля получить отъ Николая Николаевича, о чемъ я къ нему нынѣже и пишу. А книги чрезъ Академію или чрезъ Николая Николаевича мнѣ перешлите.

Естьли увидите Сопикова, то спросите его, получилъ ли онъ отъ меня посланный ему каталогъ книжной чрезъ почтамскаго Яковлева.

Благополучнаго пути вамъ желаю въ Питеръ за Лизуточкою.

А на васъ со всѣми вашими призываю благословеніе Божіе.

Преданнѣйшій вамъ Е.

10. Отъ 30 августа 1809. Вологда.

Mon très cher ami!

Дружеское письмо ваше отъ 5 августа дошло до меня, не знаю почему, уже 20 сего мѣсяца послѣ стереотипическихъ книгъ. Но какъ-бы-то ни было, сердечное вамъ спасибо за то и другое. Не найдете-ли вы еще стереотипическаго изданія Расина Волтеро-

выхъ трагедій? Естьли сыщутся, то пришлите. А деньги получите отъ Николая Николаевича, у коего мои есть.

Спасибо и за дополнительную біографическую записку о почтенномъ Ефремѣ Осиповичѣ. Все сіе будетъ включено въ свое мѣсто.

Сердечно поздравляю васъ съ квартирными деньгами и съ рекомендаціею, представленною министру. Все идетъ къ лучшему по увѣренію Панглосса.

Отъ Сопикова осю-пору я ни отвѣту, ни привѣту не вижу. Видно слишкомъ занятъ. Слышно, что у васъ вицепризидентъ будетъ новой, а кто, неизвѣстно.

Вѣчный покой Өедору Герасимовичу! Всѣ наши старинные профессоры идутъ въ вѣчную отставку,

Михаила Михаиловичъ ежепочтно продолжаетъ ко мнѣ писать. А къ вамъ видно пересталъ писать за то, что вы сами, правду сказать, не скоры на пріятельскіе отвѣты.

Будьте здоровы, спокойны и благополучны. Сего отъ сердца желаетъ вамъ

Преданнѣйшій Е.

11. Отъ 28 февраля 1810. Вологда.

Любезный другъ Григорій Николаевичъ! За дружеское письмо ваше сердечно благодарю, а также и за извѣстія ваши о ветеринарной вашей школѣ, которая вѣрно охотнѣе будетъ купать, нежели лѣчить животныхъ. Впрочемъ этимъ лѣкарямъ выгоднѣе человѣческихъ. Ибо у нихъ и умершіе ихъ и больные имъ полезны по-крайней-мѣрѣ хоть шкурою.

Любопытно, кто у васъ останется начальникомъ. Увидимъ и изъ газетъ.

Отецъ Порфирій дѣйствительно мнѣ сосѣдомъ и въ декабрѣ посѣщалъ уже меня. Надѣется и опять возвратиться, когда обстоятельства перемѣнятся.

А я непремѣнно преданный вамъ tibi notus.

12. Отъ 25 іюля 1810 года. Вологда.

Любезный другъ Григорій Николаевичъ! Благодарю вамъ за письмо отъ 3 іюня и за извѣстіе о типографіи Всеволожскаго. Это

дѣйствительно не бывалое еще въ Россіи заведеніе, дѣлающее честь хозяину.

Жизнь князя Шаховскаго читалъ я письменную. Но она худымъ слогомъ писана. Развѣ поправлена будетъ.

Немогу не одобрить вашего отреченія отъ переводу Монтескіевой книги. Авторъ писалъ ее во время повсемственнаго почти нечестія, которое тогда было въ модѣ и которымъ всякой тогдашній ученый щеголять старался. Впрочемъ скажу вамъ, что и по философскому отношенію мыслей, книга сія давно уже признана во многихъ своихъ началахъ неосновательною и запутанною, а индѣ темною до непонятности, сколько ни писано было на оную даже комментаріевъ. И такъ книга сія и въ философскомъ мірѣ вышла уже изъ моды. Слѣдовательно напрасно Сопиковъ думаетъ ввести ее въ моду у Русскихъ. Довольно для насъ и выписокъ изъ нея. Прочія мысли пусть останутся въ обояніи революціонныхъ головъ, отъ которыхъ да избавитъ Господь Богъ отечество наше. Новизнолюбивые умы чаще всего бываютъ не истинполюбивы, а только славолюбивы, хотябы то и на щетъ общаго блага. Они похожи на непріятелей отечеству, у которыхъ аксіомою Виргиліево слово:

Dolus, an virtus, qvis in hoste veqvirat.

Будь здоровъ и благополученъ; сего желаетъ отъ сердца

Преданный вамъ Е.

13. Отъ 2 маія 1810. Вологда.

Mon très cher ami!

Поздо, очень поздо отвѣчаю на ваше письмо мартовское. Но лучше поздо, нежели никогда, а послѣдняго я съ вами какъ съ другомъ еще не дѣлывалъ и дѣлать не располагаюсь. И такъ прошу только васъ не строго винить меня за опозданіе.

По отъѣздѣ вашего попечителя не произойдутъ-ли перемѣны и по вашей части. Нынѣ всѣ заражены новизнолюбіемъ и испровергаміемъ того, что прежде было. А все молодые изобрѣтатели! По-неволѣ вспомнишь Цицероново слово de senectute cap. VI—maximas respublicas ab adolescentibus labefactatas, a senibus sustentatas et restitutas.

Монтескіеву 1-ю часть о законахъ прислалъ и мнѣ нашъ пріятель Сопиковъ. Но на два мои письма ни слова не отвѣчаетъ. Вступитесь хоть вы за меня. А мнѣ надобенъ отъ него щетъ.

tout à vous E.

14. Отъ 6 іюня 1810. Вологда.

Спасибо любезному другу Григорію Николаевичу за письмо отъ 19 маія и за увѣдомленія. Въ университетъ вашъ попечителемъ дѣйствительно Кутузовъ. Но что съ вашею Академіею будетъ, не знаю. Увѣдомьте. А также и гдѣ вы пристроитесь, любопытно знать. Нынѣ дѣйствительно тѣсно уже и на Парнассѣ.

Вашего призидента Всеволожскаго книги о типографіи не только не видалъ я, но и не слыхалъ. Пожалуста пришлите.

Жаль, что Орлай вышелъ изъ Академіи медицинской. Вѣрно, отъ какихъ нибудь неудовольствій. Естьли знаете, увѣдомьте и о семъ.

Вы спрашиваете задачи у меня для какого нибудь классическаго сочиненія въ Русской словесности. Прежде спросите: имѣемъ ли мы осю-пору свою классическую словесность? Не все-ли у насъ заимственное? Есть-ли хотя 200 книгъ оригинально Русскихъ? Изчислите ихъ и опишите; тогда и эта книга будетъ классическою въ словесности нашей. Самая Россійская Академія не установила еще порядочныхъ правилъ языка и не объявила въономъ классиковъ. Многихъ изъ писакъ нашихъ мы называли и Расинами и Виргиліями и Гораціями, и Пиндарами. Но что-то никто не вѣритъ, а чаще иностранцы говорятъ про насъ и Ювеналову:

O imitatores! servum pecus!

Будьте здоровы и благополучны.

tuus totus tibi notus.

15. Любезнѣйшій другъ!

Григорій Николаевичъ!

Послѣ долгаго вашего молчанія письмо ваше отъ 5 января было мнѣ драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ. Признаюсь началъ-было я сомнѣваться въ вашей памяти. Но теперь вышелъ изъ сомнѣнія.

Благодарю за присылку новѣйшаго произведенія вашей музы. Это доказательствомъ, что она можетъ еще пѣть и въ 40 лѣтъ. Но правда музы не старѣются, пока не сходятъ съ Парнасса.

Типографія ваша прекрасная и дѣйствительно едвали есть подобная въ Москвѣ. Но что вы ею будете печатать?

Давно подписчики ваши ждутъ 5-й части Рейналя и кончить обязательство надобно.

Отецъ архимандритъ Іосифъ изъ Курска переведенъ не въ Вологду, а въ Переславль-Залѣсскій и тамъ нынѣ находится.

Interim vive, vale et nos amare perge.

tuus ex animo E.

Съ пріѣздомъ сиротки Лизочки поздравляю. Да будетъ на ней благословеніе Божіе!

Деньги за стереотипы получили-ль вы отъ Николая Николаевича?

16. Отъ 28 іюня 1810 года. Вологда.

Да, любезный другъ! Нынѣ и Парнассъ сталъ не надежное убѣжище. По сказанію стихотворцевъ, бывали ссоры на Олимпѣ между богами; но никогда между музами. А нынѣ и музы, какъ кокетки, другъ друга поработить и посрамить хотятъ. Одинъ сочиняетъ, а другіе изъ ненависти только къ нему разоряютъ. Но между-тѣмъ подчиненные страждутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Московская медицинская школа опять возстановится. Ибо и прежде неоднократно въ надеждѣ на университетъ покушались ее уничтожить, но послѣ усматривали, что университетъ никогда не выучивалъ лѣкарей? Надобно однакожъ сего дожидаться.... А вы безъ мѣста....

Писалъ я къ Николаю Николаевичу на нынѣшней почтѣ о ходатайствѣ у министра за васъ. Настойте и сами.

Поздравляю васъ съ чиномъ новымъ. Желаю скорѣе поздравить и съ мѣстомъ новымъ. Между-прочимъ ищите пропитанія у музъ. Хорошо вы сдѣлали, что познакомились съ почтеннымъ любителемъ музъ Платономъ Петровичемъ. Онъ можетъ вамъ пріискать и дѣло.

Interim vive, vale et nos amare perge.

tuus totus tibi notus.

17. Отъ декабря 1810. Вологда.

Любезнѣйшій другъ Григорій Николаевичъ! Дружеское письмо ваше отъ 15 декабря получилъ я и дивлюсь больше вашего, что вы

моихъ писемъ не получали. Я ни одного не оставлялъ безъ отвѣта и препровождалъ къ Николаю Николаевичу, который почасту долго васъ не видя, вѣрно засовывалъ куда-нибудь мои къ вамъ письма и забывалъ. Спросите. Авось и отыщетъ. Теперь искренно поздравляю васъ съ новымъ или лучше сказать съ прежнимъ мѣстомъ, злачнымъ и покойнымъ. Послѣ Румовскаго оно будетъ конечно и еще покойнѣе и безопаснѣе.

Взаимно поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ, а вмѣстѣ и новорожденною дочерью. Желаю вамъ воспитать ее до совершенныхъ лѣтъ и вывести въ свѣтъ.

Теперь буду ожидать вашихъ писемъ изъ Казани. Но прежде отъѣзду пришлите мнѣ какую-нибудь книжку типографіи Всеволожскаго, наилучше отпечатанную для посмотрѣнія искуства сей славящейся типографіи. А я ничего еще не видалъ изъ нее.

tuus totus tibi notus.

18. Отъ 15 января 1811. Вологда.

Amice carissime!

Письмо ваше отъ 19 декабря получилъ я чрезъ Н. Н. сего мѣсяца 9 и благодарю вамъ за поздравленія ваши. А васъ взаимно поздравляю съ прошедшими уже праздниками и наступившимъ новымъ годомъ, а также и умноженіемъ вашего семейство. Дай Богъ благоуспѣшно воспитать до совершеннаго возраста.

Надпись вашу — льстить не хочу — я не одобрилъ. Много сказано: *Полсвѣта блюсти надежду и славу* и *стерь чужеязычіе*. Правда, Горацій de arte poët. v. g. сказалъ: pictoribus atque poëtis Qvid-libet avdendi semper fuit aeqva potestas.

Но тутъ-же примолвилъ:

Sed non ut placidis coëant immitia; non ut
Serpentes avibus geminentur, tigribus agni.

Пріятель нашъ Тульскій В. М. Протопоповъ скончался еще 1810 года марта 21, оставивъ кучу сиротъ.

Благодарю за сообщеніе Казанскихъ новостей и за обѣщаніе образчика вашихъ газетъ. А я вамъ сообщаю при семъ Петербургскую литературную новость. Тамошніе палеофилы или древностелюбцы отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго Славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ *пѣсни Полку Игоревѣ*, и еще

Оракулы древнихъ Новогородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаминѣ древними Славенорунническими буквами, задолго якобы до христіанства Славеноруссовъ. Естьли это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ, и естьли не ими выдумана сія славенорунническая азбука и не составлена изъ разныхъ сѣверныхъ руническихъ письмянъ, кои описываетъ Далинъ въ своей Шведской исторіи часть 1. гл. VIII; то открытіе сіе испровергаетъ общепринятое мнѣніе, что Славяне до IX вѣка не имѣли письмянъ. Я прилагаю при семъ вамъ срисовку первой строфы Бояновой пѣсни и первой строчки жрецова оракула.

Въ Петербургѣ еще идутъ споры о семъ. Что-то скажутъ о семъ ваши Казанскіе ученые? Увѣдомьте меня. При подлинникѣ увидите здѣсь и переводъ. Замѣчательно, что въ рунахъ сихъ есть и буква ѫ, коей происхожденіе въ нашей азбукѣ мы доселѣ отыскать не могли.

Interim vive, vale et nos amare perge.

tuus ex animo E. E. V.

19. Отъ 6 мая 1812 года.

Amice cavissime!

Письмо ваше отъ 26 марта получилъ я и чтобы далѣе не оставаться передъ вами въ долгу, отвѣчаю теперь. О Бояновомъ гимнѣ и оракулахъ Новогородскихъ (кои всѣ сполна у меня уже есть) хотя спорятъ въ Петербургѣ, но большая часть вѣритъ неподложности ихъ. Дожидаются изданія. Тогда въ публикѣ больше будетъ шуму о нихъ. Хорошо, что и у васъ есть искатели древностей хотя Татарскихъ. Но думаю, что сія нація потеряла уже свои древности, или по-крайней-мѣрѣ уже не разумѣетъ ихъ.

Въ адресъ-календарѣ читалъ я и о членахъ вашего общества любителей словесности. Но дѣлаете-ли что нибудь? Московскія общества часто въ газетахъ хвалятся своими упражненіями....

Вотъ вамъ еще коммисія: спросите у отца ректора Епифанія, получила-ли Казанская Академія посланныя ей отъ меня Греческія книги? Они давно уже отъ Николая Николаевича туда отправлены, и онъ увѣдомлялъ меня уже о довезеніи ихъ до Ниже-города. Но изъ Казани о полученіи осю-пору извѣстія нѣтъ. А я собираюсь и еще тудаже въ Академію отправить нѣсколько книгъ.

Interim vive, vale et nos amare perge.

tuus ex animo E.

20. Отъ 11 сентября 1812.

Любезный другъ Григорій Николаевичъ! Благодарю сердечно за письмо и за приложенный *гласъ*. Все пишется хорошо, но не такъ хорошо дѣлается. Да сохранитъ насъ Господь Богъ! Письма вашего чрезъ Н. Н. я не получалъ. Старику нѣкогда заниматься пересылкою писемъ.

Кто будетъ у васъ попечителемъ, не знаю и отгадать не могу. Но кто-бы ни былъ, а заранѣе у васъ пойдетъ лучше прежняго вялаго.

Слава Богу, что вы здоровы, а я во весь годъ нынѣшній страдалъ сильнымъ ревматизмомъ и теперь еще не освободился. А лѣкари мучатъ пуще болѣзни. Наступившая осенняя погода не благопріятствуетъ и лѣченью. Впрочемъ да будетъ воля Божія!

Желая вамъ всякаго благополучія,

есмь преданный вамъ Е.

21. Amice carissime.

Письмо ваше отъ 11 августа получилъ я уже въ Калугѣ, куда переселился я изъ Вологды съ 12 сего сентября. На новосельѣ много хлопотъ и дѣлъ; а потому не успѣлъ еще разсмотрѣть присланную мнѣ вашу книжку, за которую пока благодарю вамъ. Не сомнѣваюсь между-тѣмъ, что она полезна будетъ и для семинарій; а со временемъ потребую у васъ нѣсколько и для своей. Но примѣръ вашъ, взятый изъ Карамзина, я бы не выбралъ. Лучше-бы для классическаго разбора взять Ломоносово слово похвальное Петру Великому. А у Карамзина тутъ одни только обороты мыслей, но для учениковъ мало словеснаго краснорѣчія. Даже нельзя сію рѣчь назвать реторическою, а историческою только, каковыхъ много у Ливія, Саллустія, Гер діана, Ѳукидида и проч. Курціевы больше похожи на ораторскія.

Желая вамъ добраго здоровья и призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь

tibi addictissimus Evgenius E. Kalugensis.

25 сентября 1813 года.
Калуга.

22. Отъ 25 сентября 1814. Калуга.

Письмо ваше, mon cher ami, отъ 22 іюня дошло до меня только вчера. Потому-что на почтѣ было затеряно и найдено уже распечатанное. И такъ вотъ причина, что вы о сю пору не имѣли моего отвѣта. Благодарю за извѣстія о себѣ и о своемъ выздоровленіи. А я и о сю пору страдаю ревматизмомъ въ ногахъ. Осенняя сырая погода только умножаетъ его. Но буди воля Божія, страданіями насъ укрощающая въ сей жизни.

Объ открытіи вашего университета читалъ я въ газетахъ, и поздравляю васъ производствомъ въ ординарные. Дай Богъ вамъ успѣхъ и въ воспитаніи дочери.

За приложенные при письмѣ стихи благодарю. Муза ваша не старѣетъ. А я по новости епархіи и множеству дѣлъ ничѣмъ ученымъ не занимаюсь. Словарь давно весь кончилъ и отослалъ въ Московское Общество исторіи.

Tout à vous E.

23. Отъ 25 октября.

Amice carissime!

На письмо ваше отъ 22 іюня я давно отвѣчалъ, а на 27 сентября теперь отвѣчаю спасибомъ за оное и за приложенную оду.

Радуюсь вашему здоровью и благополучію и поздравляю ординарнымъ проф. и успѣхами въ воспитаніи дочери. Послѣднее труднѣе профессорства и особливо въ наше время, когда просвѣщеніе дешево, а жизнь дорога, и по словамъ Горація,—et genus et formam regina pecunia donat.

Interim vive, vale et nos amare perge.

Tuus ex animo E.

24. Отъ 24 ноября 1814. Калуга.

Любезнѣйшій другъ Григорій Николаевичъ! Письмо ваше отъ 25 октября вѣрно дошло до меня, и сердечно благодарю вамъ за оное, равно какъ и за попеченіе причислить меня къ вашему ученому обществу. Вы въ другой уже разъ такую мнѣ оказываете услугу. А я о сю пору имѣю уже девять такихъ титлъ. Равно благодарю васъ и за поздравленіе меня съ новымъ орденомъ, котораго я вовсе не ожидалъ. Но нечаянность тѣмъ пріятнѣе.

Оду вашу я исправно получилъ и, помнится, отвѣчалъ вамъ. Я читалъ ее съ удовольствіемъ и переплету въ собраніе съ прочими таковыми же памятниками. Муза ваша еще не старѣетъ. А я отъ епаршескихъ хлопотъ не успѣваю ничѣмъ литературнымъ заниматься.

Прошу приложеніе доставить сотруднику вашему Василью Матѳѣевичу.

Tuus ex animo E.

25. Отъ 7 февраля 1815.

Благодарю вамъ, amicorum optime, за письмо отъ 9 января; благодарю и за поздравленіе съ сочленствомъ вашимъ. Видно по пословицѣ: имущему дано будетъ и преизбудетъ. Ибо я о сю пору имѣю уже 8 дипломовъ, и на сихъ дняхъ еще одинъ получилъ отъ Петербургской духовной Академіи. Но силы и охота заниматься науками уже проходятъ; да и досугу отъ должностей и знакомствъ мало. Взаимно поздравляю съ лестнымъ отвѣтомъ Г. Р. Державина. Это стоитъ диплома. Желаю вамъ заслуживать таковыхъ болѣе.

Tuus ex animo E.

26. Отъ 4 іюля 1815.

Получилъ я ваше, любезный другъ, письмо отъ 17 маія и благодарю, что вы еще вспоминаете обо мнѣ хотя изрѣдка.

Слухъ о переводѣ меня въ Черниговъ не справедливъ. А вмѣсто того назначили мнѣ мѣсто во Псковъ. Но и это когда случится, не извѣстно. Ибо Государю теперь не до насъ дѣло.

Мнѣніе мое о журналѣ, ожидаемомъ отъ вашего общества, сообщилъ я Анастасевичу приватно. А онъ самъ отъ себя передалъ вамъ оное. Когда состоится сей журналъ, то подпишитесь и за меня на полученіе его. Пришлите и актъ открытія вашего общества, хотя подъ казенною печатью, яко къ члену университета. Благодарю и за лирическую пѣснь на Казанское ополченіе. Видно, во всей Казани вы одинъ стихотворецъ. Тѣмъ больше вамъ чести.

Tu interim vive, vale et nos amare perge.

Tuus ex animo E.

Прошу чаще увѣдомлять меня о новостяхъ и открытіяхъ Казанскихъ. А въ вашей Америкѣ много для насъ новаго и свѣту

неизвѣстнаго. Путешествовавшіе по вашимъ краямъ повторяли намъ только Линнея, а себѣ собирали собольи шубы. Но для Русскихъ ничего не сдѣлали, и не открыли новаго.

27. Отъ 26 августа 1815 года.

Carissime!

На письмо ваше отъ 15 іюля ровно чрезъ мѣсяцъ отвѣчаю вамъ, хотя и давно уже получилъ я оное. А причиною мой отъѣздъ, бывшій недѣли на двѣ въ городъ Козельскъ.

Возвратясь оттуду, на дорогѣ прочиталъ я вашу *рѣчь* письменную и *стихи* печатные. По прозьбѣ вашей на первую посылаю вамъ мои *примѣчанія*, изъ коихъ отгадаете мое мнѣніе о вашей рѣчи. А о стихахъ скажу только, что они лучше многихъ вашихъ прежнихъ. Но частое повтореніе *се* можнобы перемѣнить? Не прогнѣвайтесь на откровенность мою предъ вами. Пусть иные во всемъ хвалятъ васъ; а я желаю предостерегать моего друга отъ безразборныхъ похвалъ и слѣдую правилу Гораціеву de arte poët. v. 444—452. Не будьте только вы упрямы. Тогда я замолчу, или васъ съ прочими хвалить только буду. Но похвалы такія будутъ, по 433 стиху Гораціеву, не очень завидныя. Благодарю вамъ за поздравленіе меня сочленствомъ вамъ и въ вашемъ *обществѣ словесности.* Старайтесь отличать оное отъ другихъ соименныхъ особливо *Казанщиною*, а не *иностранщиною* въ переводахъ; развѣ съ Татарскаго только, Черемискаго, Мордовскаго и Чувашскаго переводы могутъ быть вамъ приличны. Весьма-бы желательно, чтобы сочлены ваши занялись собраніемъ и объясненіемъ словъ и фразъ Татарскихъ, вшедшихъ въ нашъ языкъ. У васъ сіи способы подъ руками. Примите какого-нибудь муллу въ сочлены, и онъ вамъ все растолкуетъ. Профессоръ вашъ Френъ успѣлъ уже воспользоватся Татарами, и его объясненіе слова *деньга* хотя для насъ не новое, но съ новыми доказательствами. Происхожденіе разныхъ Казанскихъ народовъ, замѣчаніе народныхъ различій, развалины, надписи, преданія, пѣсни, пословицы и проч. много доставятъ вамъ любопытной матеріи; а пособія первоначальныя найдете въ Палласовыхъ, Миллеровыхъ и Георгіевыхъ путешествіяхъ. Во многомъ и ихъ поправите. Ибо они часто мимоѣздомъ обозрѣвали.

Отъ секретаря вашего Общества я получилъ отношеніе, и уже отвѣчалъ съ посылкою двухъ книжекъ и 25 р. денегъ. Увѣдомьте о полученіи.

Журнала *Амфіона* я не читалъ, и потому ничего сказать вамъ не могу о статьѣ *гимнъ дѣятельности*.

Tu interim vive, vale et nos amare perge.

Tuus ex animo E.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву 1813 года подарилъ я Обществу исторіи многія подлинныя Татарскія и Калмыцкія грамматы. Естьли-бы зналъ я, что буду у васъ Казанскимъ сочленомъ, то приличнѣе всего отослать-бы ихъ къ вамъ. Въ Москвѣ онѣ будутъ только на показъ.

Увѣдомьте меня, есть ли у васъ по библіотекамъ князя Курбскаго исторія о взятіи Казани при царѣ Иванѣ В. Естьли ни у кого нѣтъ, то я сообщилъ-бы вамъ списокъ. А печатной ей быть нельзя.

Есть и еще у меня другая краткая исторія о завоеваніи Сибири и Казани, также еще неизданная. Могу и ее сообщить для Общества.

28. Отъ 29 сентября 1815. Калуга.

Желаю знать: при несчастіи Казани уцѣлѣли-ль вы, любезный другъ. Мы съ ужасомъ читали газетныя извѣстія. Но вамъ еще ужаснѣе было смотрѣть на это. Опишите мнѣ то, чего въ газетахъ не помѣщено.

Увѣдомьте, получили-ль вы мое письмо отъ 29 августа, получило-ль и Общество ваше мой отвѣтъ съ книгами и 25 р. денегъ.

Interim vive, vale et amare nos perge.

Tuus ex animo E.

Читалъ я въ газетахъ и о двухъ задачахъ Общества вашего. Увѣряю васъ, что вы отвѣтовъ не получите, и потому что ту-не требуете, и потому что въ отвѣтчикѣ потребно обширное свѣдѣніе языковъ. Покойный Шлецеръ касался второй задачи. Но рѣшать ее предоставилъ другимъ. Впрочемъ въ своей Русской грамматикѣ онъ собралъ довольно достаточный этимологическій словарь, для сличенія нашего языка съ другими. Недавно оконченный уже и Линдовъ словарь много поможетъ сему. Прибавьте къ сему и Екатерининъ двухсотъ-язычный.

29. Отъ 19 декабря 1815.

Amice delectissime!

Замедлилъ я отвѣчать на письмо ваше отъ 25 октября. Но теперь отвѣчаю. Благодарю за историческую записку о Казанскихъ пожарахъ. Я сообщитъ ее и преосв. Тульскому.

При сочиненіи диссертацiи о Русскомъ языкѣ, надобно ссылаться больше на мертвыхъ писателей, а не на живыхъ, которыхъ и хвалить и критиковать еще не время. Ваша правда, что иное прилично прозѣ, а иное стихамъ, и что въ одной годится, то въ другомъ часто не пристойно. Но все сіе приличіе и неприличіе ни на чемъ больше не основано, какъ на воцаряющемся временномъ вкусѣ и употребленіи, какъ и Горацій говоритъ de arte poët v. 70 etsq. А во всякое время правило то неизмѣняемо, что излишній неологизмъ и архаизмъ est vitium sermonis. Щеголяющіе тѣмъ и другимъ виноваты, хотябы они были и классическіе писатели золотаго вѣка. Мы прощаемъ только Горацію и Виргилію слова: omneis, heïc, avlai и проч.; а Саллюстію optumus, maxumus, experiunda, scribunda и проч., за многія другія красоты въ нихъ находящіяся, но въ семъ не подражали имъ и современники. Прекрасное правило: medio tutissimus ibis.

Новые ваши стихи на случай манифеста хороши, по-крайней-мѣрѣ пестротою каданса и шумомъ скрыпучихъ слоговъ.

Посылаю при семъ списокъ лѣтописи Курбскаго. Прошу отъ меня поднести оный въ даръ вашему обществу. Біографія Курбскаго, приложенная къ сему списку съ оглавленіемъ и примѣчаніемъ, моего сочиненія.

Vive, vale et nos amare perge.

Tuus ex animo E.

Другую Казанскую лѣтопись послѣ получите.

30. Отъ 17 февраля.

Carissime! письмо ваше отъ 24 января я получилъ и поздравляю съ предсѣдательствомъ составленія ученыхъ записокъ, а меня поздравьте съ Архіепископствомъ Пскова и всей Лифляндіи и Курляндіи. Скоро изъ Калуги и отправлюсь. Почему пишите уже во Псковъ. Вашъ владыка Амвросій не замедлитъ также къ вамъ прибыть по зимнему пути.

Сочиненій своихъ я не совѣтовалъ бы такъ скоро издавать. Загляните въ правила Горяціевы Lib. 1. sat. X.—

Отъ недосуговъ и хлопотъ писать больше не успѣваю.

Vive, vale et ama tuum E.

31. Отъ 3 іюля 1816. Псковъ.

Carissime! Ровно почти чрезъ два мѣсяца отвѣтствую на письмо ваше отъ 7 маія писанное съ приложеніемъ новаго вашего стихосогрѣшенія, присланнаго мнѣ въ подарокъ на новоселье.

Естьлибы и я былъ стихогрѣшникъ то слѣдовало-бы мнѣ отблагодарить васъ такимъ-же подаркомъ. Но къ счастію уже со времени выбытія изъ школъ я въ этомъ неповиненъ. А благодарить васъ чужими стихами не смѣю; развѣ позволите только сослаться на басню Измаилова: *страсть къ стихотворству* въ новомъ изданіи стран. 65 и слѣдующую.

Поздравляю васъ съ началомъ печатанія трудовъ вашего общества. Sit felix favstumqve! Съ удовольствіемъ прочитаемъ и мы. Поздравляю еще васъ и съ Деканствомъ. Довѣренность сія дѣлаетъ вамъ честь.

Tu interim vive, vale et nos amare perge.

Tuus ex animo E.

32. Отъ 15 апрѣля 1817.

Amice carissime!

Послѣ долгаго вашего молчанія на силу подали вы мнѣ о себѣ голосъ: ita-ne te coepere oblima nostri? воскликну Овидіевыми словами вамъ также стихотворцу. Но вы оправдываетесь уже пословицею: *лучше поздо, нежели никогда.*

Благодарю за поздравленіе меня съ прошедшимъ христіанскимъ праздникомъ и за присылку, вмѣсто краснаго яичка, прекрасныхъ вашихъ сочиненій. Лучшія изъ нихъ, по мнѣнію моему, оды стран. 4, 7, 19, 25 — прекраснѣйшая, а классическія замѣчанія стран. 68 испорчены худою корректурою. Видно, по болѣзни вашей самому не удалось корректурить. Не знаю, ваша ли ошибка въ примѣч. стран. 66, или Мишенькина путешествія, Фетида (надобно-бы написать Ѳетида) протолкована Венера. Это два совсѣмъ разныя лица, и Ѳетида не Венера, какъ всѣмъ стихотворцамъ должно

быть извѣстно. Өетида богиня моря, жена Пелея Өессалійскаго царя, дочь Нерея и мать Ахиллесова.

Жаль весьма, что вашъ оріенталистъ Френъ оставляетъ вашъ университетъ. Онъ много бы еще намъ открылъ въ вашемъ полу-татарскомъ краю. А сколько еще за Волгою въ степяхъ и подъ землею неислѣдовано памятниковъ восточныхъ? Прежніе Академики путешественники за незнаніемъ восточныхъ языковъ многаго и понять и отгадать не могли.

Искренное принимаю участіе въ страданіи вашемъ отъ Казанскаго климата. По Вологодскому, не лучшему Казанскаго, я опытомъ узналъ, какъ убійственно вліяніе сыраго и перемѣнчиваго воздуха на слабые нервы. Я отдохнулъ уѣхавши оттуда. Совѣтую и вамъ тоже. Да и для чего вы давно на сіе не рѣшились. Для профессоровъ самое легкое дѣло переходить изъ университета въ университетъ другой. Вамъ стоитъ только съ засвидѣтельствованіемъ доктора подать прозьбу къ попечитителю для представленія главному училищъ правленію или министру о переводѣ васъ въ другой университетъ. А ходатаемъ за васъ можетъ быть Озерецковскій. Что касается до предлагаемаго вамъ Дм. Пр. совѣтничьяго мѣста, то ни жалованье онаго, ни должность не по васъ. Да теперь уже и поздо сего надѣяться, какъ услышите. Не надѣйтеся на князи и проч.

Благодарю вамъ (за) увѣдомленіе о вашемъ преосвященнѣйшемъ. А я на мое письмо къ нему отъ 17 ноября еще и отвѣта не получалъ; вѣрно отъ хлопотъ епархіальныхъ. Тоже и отъ г. Яковкина на письмо мое отвѣта не имѣю; но причины не знаю. Первой части словесныхъ трудовъ вашихъ давно ждемъ, но не видимъ еще.

Будьте здоровы и благополучны, а я semper tuus Е.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Панскій приказъ. — Покойный профессоръ *Неволинъ*, въ своей превосходной статьѣ «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго» (см. Журн. мин. нар. пр. 1844 г., часть XLI), въ числѣ приказовъ, завѣдывавшихъ иностранными дѣлами, помѣстилъ и панскій. Онъ говоритъ объ этомъ приказѣ слѣдующее: «Въ одномъ актѣ 1620 г. упоминается панскій приказъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ приказѣ совсѣмъ не имѣется. Названіе его показываетъ, что происхожденіе его скрывается въ отношеніяхъ Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, развившихся изъ событій, которыя предшествовали вступленію на престолъ Михаила Θеодоровича». Актъ, о которомъ говоритъ г. Неволинъ, есть царская грамота игумену Кирилова Бѣлозерскаго монастыря. (Ак. Эксп. т. III, № 113, 1620 г.). Царь приказываетъ игумену отправить въ Тобольскъ содержавшихся въ монастырѣ подъ началомъ двухъ Нѣмцевъ Анцу Локмана и Матюшку, «что былъ Нѣмецкой попъ», — и объ исполненіи этого приказанія донести въ Москву, «а отписку отдати въ *панскомъ* приказѣ боярину нашему князю Θеонасію Васильевичу Лобанову-Ростовскому да дьяку Василію Ларіонову». Изъ этого мѣста невозможно сдѣлать никакого положительнаго заключенія о значеніи панскаго приказа, и г. Неволинъ отнесъ его къ приказамъ иностранныхъ дѣлъ, какъ видно, только потому, что въ приведенномъ актѣ говорится о Нѣмцахъ.

Въ настоящее время, съ изданіемъ разрядныхъ книгъ, мы можемъ съ достовѣрностью опредѣлить значеніе панскаго приказа. Въ разрядѣ 1614 г. сказано: «И государь, царь и великій князь Михайло Θедоровичъ всеа Русіи.... указалъ послать съ Москвы стольника и воеводу Ивана Васильева сына Измайлова, а въ походѣ съ Иваномъ Измайловымъ указалъ государь быть Литвѣ и Нѣмцомъ и всякимъ иноземцомъ, которыхъ вѣдаютъ въ разрядѣ и въ *панскомъ приказѣ*» (*).

(*) См. Книги Разряд., издан. II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 1853 г., т. I, стр. 13.

Изъ этого мѣста разрядныхъ книгъ ясно видно, что панскій приказъ имѣлъ значеніе военное, а не дипломатическое (какъ думалъ профессоръ Неволинъ): онъ завѣдывалъ служившими въ нашемъ войскѣ плѣнными Поляками и Нѣмцами.

Въ Московскомъ государствѣ различные роды служилыхъ людей вѣдались въ различныхъ приказахъ: дворяне и дѣти боярскіе — въ разрядномъ, стрѣльцы — въ стрѣлецкомъ, рейтары — въ рейтарскомъ, казаки — въ казачьемъ, наемныя иностранныя войска — въ иноземскомъ. Образованіе особеннаго панскаго приказа въ царствованіе Михаила Өеодоровича было вызвано по всей вѣроятности тѣмъ, что множество плѣнныхъ Литовцевъ, Поляковъ и Нѣмцевъ волею и неволею вступили въ ряды нашихъ войскъ; нѣкоторые изъ нихъ получали, наравнѣ съ Русскими дворянами и дѣтьми боярскими, помѣстья, другіе были записаны въ кормовое войско, т. е. получали отъ казны жалованье деньгами и хлѣбомъ. Напр. въ 1628 г. въ большомъ полку въ Тулѣ находилось «иноземцовъ помѣстныхъ Поляковъ и Литвы съ ротмистромъ съ Яковомъ Рогановскимъ, Литвы помѣстныхъ 118 человѣкъ, съ ротмистромъ съ Денисомъ Фан-Висинымъ Нѣмецъ помѣстныхъ 63 ч., съ ротмистромъ съ Прокоѳьемъ Кремскимъ кормовыхъ Поляковъ и Нѣмецъ 120 ч., Бѣльскихъ Нѣмецъ съ Томосомъ съ Герномъ помѣстныхъ 10 да кормовыхъ 54 ч.» (*). Такое обращеніе въ военную службу плѣнныхъ, постоянно или временно до заключенія мира, весьма часто происходило нетолько въ древней Россіи, но и въ XVIII вѣкѣ (**).

Впослѣдствіи панскій приказъ не упоминается болѣе въ разрядныхъ книгахъ; видно, онъ былъ уничтоженъ по заключенія мира съ Польшей и Швеціей: большая часть плѣнныхъ возвратилась въ отечество; остальные, принявшіе Русское подданство, были подчинены тѣмъ-же приказамъ, въ которыхъ вѣдались Русскіе служилые люди.

Мы оправдываемъ появленіе нашей замѣтки о панскомъ приказѣ только важностью статьи профессора Неволина.

Профессоръ Ришельевскаго лицея

А. Лохвицкій.

(*) Тамъ-же т. II, стр. 17.

(**) См. наше изслѣдованіе «О плѣнныхъ по древнему Русскому праву», гл. II, стр. 5 и 6.

ОБЪ ИЗДАНІИ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА, ПРЕДПРИНЯТОМЪ СТУДЕНТАМИ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Въ дополненіе къ оффиціальному извѣстію объ этомъ прекрасномъ предпріятіи (см. мартовскую кн. Жур. м. н. пр., отд. 1), помѣщаемъ здѣсь нижеслѣдующую статью, которую заимствуемъ изъ *С. Петербургскихъ вѣдомостей.* — На университетскомъ актѣ (8 февраля 1857 года) объявлено объ изданіи, предпринятомъ студентами С. Петербургскаго университета, въ видѣ сборника, безсрочными выпусками, подъ заглавіемъ: «Труды студентовъ Императорскаго С. Петербургскаго университета». Разрѣшеніе на это изданіе воспослѣдовало отъ г. министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе ходатайства совѣта университета, которому студенты подавали прошеніе. Эта новость весьма-замѣчательна въ исторіи нашей образованности. Университеты, какъ центръ образующейся молодежи, должны обращать на себя общее вниманіе; здѣсь молодые люди сдружаются съ наукою, здѣсь они должны развить свои умственныя силы, должны привыкнуть уважать истинное достоинство и не увлекаться блестящими призраками. Безспорно, что всякое общее дѣло, основанное на благородныхъ началахъ, развиваетъ какъ нравственныя, такъ и умственныя силы общества и отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ его. Предполагаемое изданіе есть первое общее дѣло, задуманное Русскими студентами съ чисто-ученою цѣлью. Вотъ какъ высказали свои цѣли и намѣренія сами издатели, студенты С. Петербургскаго университета, въ проектѣ, поданномъ ими въ совѣтъ при прошеніи:

«Студенты, слушая лекціи въ университетѣ, должны по самой сущности университетскаго курса, сознательно утвердить въ себѣ свѣдѣнія, вынесенныя изъ университетскихъ аудиторій. Они чувствуютъ необходимость и желаніе извлечь бо́льшую пользу изъ своего свободнаго времени. Кто знаетъ студентовъ, тотъ знаетъ, что въ нихъ есть все нужное для благороднаго, энергическаго труда: и свѣжесть силъ, развивающихся въ ихъ душѣ, и горячее желаніе испытать эти силы на дѣлѣ; есть все нужное для труда, лучшаго права студентовъ.... Нѣтъ только исхода трудамъ. Не видя его, студентъ по большей части ограничивалъ занятія свои только тѣмъ, что̀ существенно-необходимо для учебнаго его званія, хотя этимъ и не можетъ ограничиться человѣкъ, желающій вполнѣ ознакомиться съ наукою. И вмѣстѣ съ тѣмъ погибаетъ много драгоцѣнныхъ золотыхъ песчинокъ, если не цѣлыхъ зеренъ,

въ душевныхъ рудникахъ ихъ, много здравыхъ мыслей и чистыхъ, теплыхъ чувствъ гибнетъ въ нихъ навсегда, при самомъ своемъ зачатіи, а черезъ это, какъ знать?—не ослабѣваетъ-ли съ годами та благотворная, производительная сила духа, которая такъ возвышаетъ жизнь въ глазахъ человѣка? Предполагаемый «Сборникъ» можетъ служить вѣрнымъ, всегда открытымъ пріютомъ для всякаго добросовѣстнаго труда, для всякаго добраго чувства и задушевной мысли. Такимъ-образомъ утѣшительные результаты, ожидаемые отъ изданія, суть слѣдующіе: 1) Обработывая ученымъ образомъ различные вопросы изъ области наукъ, студентъ ознакомится съ технической стороною подобныхъ трудовъ, требующею упражненія и навыка, поэтому и по окончаніи курса ученая дѣятельность для студента будетъ доступнѣе и знакомѣе. 2) Посредствомъ такого изданія, которымъ вѣроятно запасется большая часть студентовъ, произойдетъ обмѣнъ разнообразныхъ свѣдѣній и понятій, выносимыхъ изъ различныхъ слушаемыхъ въ факультетахъ наукъ. Въ массѣ студентовъ явятся имена, отличенныя дѣльнымъ трудомъ, соревнованіе оживитъ молодыхъ людей и побудитъ къ новой дѣятельности. 3) Бѣдные студенты, получая вознагражденіе за свои труды, если на то будетъ возможность, избавятся отъ необходимости прибѣгать къ средствамъ, отвлекающимъ ихъ отъ своего дѣла. 4) Такое изданіе будетъ выраженіемъ того нравственнаго и ученаго направленія, которое пріобрѣтаютъ студенты въ университетѣ. Оно будетъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ результатовъ, которыхъ университетъ ожидаетъ отъ своихъ воспитанниковъ. Университетъ увидитъ ясно: достигаетъ-ли онъ своей цѣли — приготовленія будущихъ слугъ отечеству. 5) Имѣя такое значеніе, изданіе это будетъ служить для всякаго вѣрнымъ средствомъ ознакомленія съ университетомъ и его наукой. Молодые люди, оканчивающіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или получающіе домашнее воспитаніе и желающіе поступить въ университетъ, найдутъ въ «Сборникѣ» полезныя и даже необходимыя для нихъ свѣдѣнія объ университетѣ, о предметахъ его науки, о цѣли и значеніи студентовъ; тѣ-же, которые ограничатся курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, найдутъ въ этомъ изданіи много полезныхъ для себя страницъ, украшенныхъ высокими идеями университетской науки, безъ которыхъ всякое образованіе не полно. Такимъ-образомъ «Сборникъ» можетъ довольно-тѣсно сблизить съ университетомъ Русское молодое поколѣніе».

Программа изданія предположена слѣдующая:

1) Оригинальныя сочиненія исключительно ученаго содержанія по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ университетскій курсъ: сюда войдутъ между-прочимъ нѣкоторыя изъ кандидатскихъ и медальныхъ диссертацій. 2) Переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ и статей, заслужившихъ авторитетъ въ наукѣ. 3) Всякаго рода учено-литературныя замѣтки; все, что̀, не имѣя законченности и полной обработки, тѣмъ не менѣе тѣсно связано съ интересомъ науки. Изъ этого видно, что направленіе «Сборника» исключительно ученое. Бельлетристическія произведенія будутъ принимаемы только въ такомъ случаѣ, если носятъ на себѣ признаки несомнѣннаго таланта.

Къ участію и сотрудничеству въ изданіи приглашаются студенты всѣхъ университетовъ, все молодое поколѣніе, стоящее близко къ университетской наукѣ. Каждая статья предварительно поступаетъ или къ одному изъ студентовъ-редакторовъ, который передаетъ ее профессору-редактору, или прямо этому послѣднему, который сообщаетъ о ней студентамъ. Всѣ статьи не иначе печатаются, какъ съ одобренія того изъ профессоровъ, по каѳедрѣ котораго писано сочиненіе.

По общему желанію студентовъ, профессоромъ-редакторомъ избранъ адъюнктъ-профессоръ Русской словесности *М. И. Сухомлиновъ*. Вслѣдствіе отношенія г. исправляющаго должность ректора, М. И. Сухомлиновъ приступилъ къ трудамъ по редакціи. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ уже ведутся дѣла редакціи, которая состоитъ изъ 12 студентовъ, также избранныхъ студентами. Вотъ имена ихъ: *Тихменевъ* и *Новиковъ* (ист.-фил. фак.), *Богушевичъ* и *Ивановъ* (фак. вост. яз.), *Коркинъ* и *Красновскій* (мат. фак.), *Фогель* и *Аверкіевъ* (фак. естест. наукъ), *Глуховъ* и *Остолоповъ* (юрид. фак.), *Утинъ* и *Андреевъ* (камер. фак.).

Матеріальныя средства пріобрѣтаются посредствомъ особой подписки на пожертвованіе для составленія капитала, процентами котораго изданіе было-бы обезпечено. Эта подписка предлагается редакціей какъ студентамъ С. Петербургскаго университета, настоящимъ и бывшимъ, такъ и вообще всѣмъ, кто пожелаетъ выразить свое сочувствіе къ этому общественному предпріятію посильнымъ приношеніемъ. Всякаго рода сношенія съ редакціей должны быть на имя профессора-редактора *Михаила Ивановича*

Сухомлинова (*въ университетѣ*) или черезъ г. инспектора студентовъ *для передачи* г. Сухомлинову. Имена жертвователей будетъ отпечатаны особо.

Такимъ-образомъ основывается органъ университетской жизни и студентскихъ трудовъ. Съ помощью его, дѣятельность студентовъ увеличится, облагородится, оживится, а слѣдовательно и университетъ еще болѣе приблизится къ разрѣшенію своей великой задачи. Она состоитъ въ образованіи молодаго поколѣнія въ томъ направленіи, которое указано наукой и современностью. Приступая къ разрѣшенію своей задачи, университетъ долженъ стараться о пріобрѣтеніи общественнаго уваженія и довѣрія. Надо, чтобы подъ именемъ университетской науки всѣми понималась наука современная, постоянно обновляющаяся результатами новыхъ опытовъ. Тогда студенты будутъ носить свое званіе съ любовью, тогда изъ нихъ образуются такіе общественные дѣятели, которыхъ честь неподкупностью своей, а труды дѣльностью заслужатъ общую благодарность и обезпечатъ будущность отечества.

Какъ плодъ добросовѣстности и трудолюбія, предполагаемый «Сборникъ» навѣрное будетъ явленіемъ полезнымъ для науки. Кандидатскія и медальныя диссертаціи, которыя предположено печатать въ «Сборникѣ», заключаютъ въ себѣ нерѣдко драгоцѣнные ученые матеріалы. Но они оставались до-сихъ-поръ по бóльшей части неизвѣстными для публики въ архивѣ университета. Немного труда, немного указаній профессора, и изъ каждой изъ нихъ навѣрное можетъ выйдти дѣльная статья. Вспомнимъ два *Изслѣдованія о Псковской судной грамотѣ* Устрялова и Энгельмана, явившіяся въ печати въ 1856 году; о *Возвышеніи Московскаго княжества*, Вишнякова, статью о *Лукинѣ* Пыпина (Отеч. Зап. 1853 г.). Все это медальныя сочиненія или извлеченія изъ нихъ. Отзывы гг. профессоровъ объ этихъ диссертаціяхъ, печатающіеся въ университетскихъ актахъ, нерѣдко доказываютъ высокую степень ученаго интереса, заключающагося въ нихъ. Такъ напримѣръ, судя по отзыву, весьма-любопытно сочиненіе гг. Корелкина, Григоровича и Новикова о «Герберштейнѣ», Шнейдера о »Консульскихъ учрежденіяхъ» и т. д. Отъ остальныхъ трудовъ студентовъ всегда можно ожидать добросовѣстности, свѣжести мысли, трудолюбія, любви къ дѣлу. Посильныхъ предметовъ для изслѣдованій, безъ всякаго сомнѣнія, найдется очень-много по всѣмъ отраслямъ знаній. Потребность въ переводахъ до того чувствуется въ кругу

образованныхъ читателей, что удовлетвореніемъ ея «Сборникъ» можетъ принести существенную пользу. За выборъ сочиненій для переводовъ ручается опытность профессоровъ, а за выполненіе — основательное знакомство нѣкоторыхъ студентовъ съ иностранными языками, не только съ новыми Европейскими, но и съ древними: Греческимъ, Латинскимъ и даже съ Азіатскими. Между-прочимъ этотъ «Сборникъ», мысль о которомъ самостоятельно возникла между Петербургскими студентами, найдетъ отголосокъ во всѣхъ университетахъ. Сочувствіе ученаго сословія университетскаго выразилось уже въ особой лекціи, прочитанной профессоромъ Русской словесности А. В. Никитенко 23 февраля въ одной изъ аудиторій Санктпетербургскаго университета, о цѣли и значеніи изданія. Это напутственное слово вызвало всеобщій восторгъ многочисленныхъ слушателей. Студенты Санктпетербургскаго университета, получивъ разрѣшеніе и одобреніе своего начальства, взываютъ теперь къ сочувствію своихъ товарищей, студентовъ другихъ университетовъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ они не могутъ не уважать во имя науки, истины и добра. Это сочувствіе послужитъ важнымъ подкрѣпленіемъ ихъ нравственныхъ силъ, которыя они повергаютъ на справедливый судъ общества.

Рѣчь, произнесенная графомъ Е. Тышкевичемъ, при открытіи засѣданія Виленской Археологической Коммиссіи, 11 февраля 1857 года.—«Мм. Гг. Настоящее наше засѣданіе, кромѣ обычныхъ мѣсячныхъ собраній, имѣетъ еще особенное, глубокое для насъ значеніе. Это открытіе новаго отдѣла нашего музеума. Вы видите здѣсь библіотеку нашей коммиссіи, состоящую уже изъ 11 т. томовъ; но, кромѣ того, позвольте обратить ваше вниманіе на наше новое значительное приращеніе, на единственный въ своемъ родѣ орнитологическій кабинетъ, образованный извѣстнымъ Европейскимъ орнитологомъ, графомъ Константиномъ Тызенгаузомъ, всю жизнь свою посвятившимъ на изученіе любимой имъ науки. Достойный сынъ его, сочленъ нашъ, графъ Райнольдъ Тызенгаузъ, сдѣлалъ намъ это богатое приношеніе. Честь и слава благородному сподвижнику просвѣщенія! Какъ положившій основной камень сему учрежденію, благодарю его отъ всей души, благодарю отъ имени всего края, отъ имени нашего потомства, коему онъ доставилъ возможность спеціальнаго изученія столь важной науки. Понимаю всю великость принесенной имъ жертвы, и вижу въ ней отблескъ собственной моей идеи

и желанія содѣлать наши собранія народнымъ достояніемъ и неотъемлемою собственностію г. Вильны. Въ благотворной волѣ Государя Императора, въ благородномъ сердцѣ и просвѣщенномъ взглядѣ доблестныхъ Его Намѣстниковъ — мы оба видимъ надежный оплотъ исполненія сихъ нашихъ желаній.

«Сегодня мы вступаемъ во-второй годъ существованія нашей коммиссіи. При открытіи ея, я обращалъ ваше, милостивые государи, вниманіе на значительность приношеній, и тогда уже наполнявшихъ залу нижняго этажа. Что-же теперь сказать мнѣ? Въ такихъ случаяхъ самые факты говорятъ громче и явственнѣе словъ. Нельзя не вспомнить, что, по странному стеченію обстоятельствъ, музеумъ нашъ образовался въ то самое время, когда среди всѣхъ ужасовъ войны, на южномъ берегу Россіи, непріятельскія войска грабили и разоряли славный Керчинскій музеумъ; какъ будто въ доказательство, что брань оружія не можетъ препятствовать развитію умственнаго элемента въ Россіи, на западныхъ ея предѣлахъ возникаетъ новое подобное древлехранилище.

«Обращаясь къ прожитому нами году, воспоминая всѣ случаи, содѣйствовавшіе или преграждавшіе избранный мною путь, и видя наконецъ осуществленіе своихъ надеждъ, видя не только упроченное бытіе новаго пріюта науки, но и столь значительное его приращеніе, не могу не изъявить здѣсь моей искренней благодарности вамъ, благородные покровители науки, и вамъ, мои почтенные сочлены, и наконецъ всѣмъ моимъ согражданамъ, съ тою пламенною любовью и самоотверженіемъ приносившимъ посильныя лепты на алтарь роднаго края. Благ дарю за изъ довѣріе, за то ихъ довѣріе, за то живое участіе, которое они постоянно принимали въ судьбѣ созидаемаго мною музеума. Я-бы оскорбилъ благородныя чувства всѣхъ васъ, ежелибы захотѣлъ благодарить и за то, что на васъ не имѣли никакого вліянія злословіе, клевета, ложь, порождаемыя завистью, слѣпымъ фанатизмомъ, неукротимымъ ожесточеніемъ. Были вѣдь люди, кои и въ самыхъ благихъ начинаніяхъ хотѣли видѣть одну злонамѣренность и какую-то мнимую загадочность дѣйствій; были и такіе, кои по невѣжеству, непониманію истинныхъ цѣлей народнаго образованія, недостатку смѣлой и рѣшительной воли, не довѣряли намъ, боялись нашихъ предпріятій. Забудемъ объ этомъ. Не станемъ сѣтовать, ибо правда всегда превозмогаетъ; мы провели уже и доведемъ до конца

начатое дѣло чрезъ эту длинную нить мелочныхъ противодѣйствій Укажемъ имъ лучше примѣръ, который подаютъ намъ живущіе у подножія Везувія. Едва всеразрушающая, волканическая лава истребитъ ихъ дома, еще не совсѣмъ простынетъ раскаленный пепелъ, они уже воздвигаютъ новыя для себя жилища, опять воздѣлываютъ свои поля, и съ теплою вѣрою и надеждою снова вступаютъ на стезю полезныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ. Скажу болѣе: ежели въ будущемъ, огонь или другой непредвидѣнный случай истребитъ музеумъ (ибо ничто не вѣчно на свѣтѣ), я не буду сожалѣть объ этотъ: ибо сѣмена, брошенныя на богатую ниву, гораздо прежде произведутъ обильные плоды. Мы уже и теперь пользуемся ими: люди, неимѣвшіе никакого понятія объ археологическихъ древностяхъ, находимыхъ въ землѣ, истреблявшіе ихъ, или передѣлывавшіе на земледѣльческія орудія, уже и теперь, видя, съ какимъ уваженіемъ сохраняемъ мы эти предметы, съ радостію отдаютъ ихъ въ это древлехранилище. Юное-же наше поколѣніе, особенно здѣсь воспитывающееся, для коего всегда открыта дверь нашего музеума, съ жадностію слѣдя за каждымъ новымъ нашимъ приращеніемъ, учится еще глубже понимать значеніе сихъ предметовъ, и когда само вступитъ на гражданское поприще, уже навѣрно сохранитъ и сдѣлаетъ достойное употребленіе изъ этихъ живыхъ остатковъ угасшихъ поколѣній. Наконецъ орнитологическій кабинетъ, наполнивъ ту рѣзкую пустоту, которая была столь ощутительна и едва ли когда-нибудь замѣнима, — столь значительно обогащая учебныя пособія здѣшняго учебнаго округа, проложитъ новый путь къ болѣе точному и систематическому преподаванію естественной исторіи. Вотъ, милостивые государи, убѣдительныя доказательства, что въ наше время, подъ мощнымъ скипетромъ Александра II, при благости души Его, при неограниченной любви къ просвѣщенію, и въ *нашемъ краѣ* частныя лица могутъ подвизаться на пользу своей родины, развивать науки и искусства, содѣйствовать къ изученію столь назидательной для всѣхъ, а для насъ въ особенности, книги судебъ своего края. Да будетъ-же благословенъ тотъ часъ, когда возлюбленному Нашему Монарху благоугодно было осуществить давнишнія наши надежды».

Открытіе комитета акклиматизаціи животныхъ при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. — 30 января, въ домѣ г

президента общества кн. С. И. *Гагарина*, въ присутствіи г. вице-президента, генералъ-адъютанта С. П. *Шипова* и многихъ членовъ общества, было открытіе вновь основаннаго при немъ комитета акклиматизаціи животныхъ, въ которомъ приняли участіе и члены комитета акклиматизаціи растеній. Въ этомъ засѣданіи происходило между прочимъ слѣдующее:

1) Г. непремѣнный секретарь общества, С. А. Масловъ, сообщилъ комитету уставъ его, утвержденный въ годичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, 20 декабря 1856 г., и составляющій дополненіе къ собственному его уставу. Передавая уставъ, г. непремѣнный секретарь привѣтствовалъ учредителей комитета съ основаніемъ будущихъ его дѣйствій и выразилъ искреннее желаніе, чтобы просвѣщенная и благонамѣренная дѣятельность его членовъ принесла честь Обществу и пользу любезному всѣмъ намъ отечеству. За симъ прочтенъ былъ уставъ комитета, цѣль котораго, какъ сказано въ § 1, состоитъ «въ распространеніи свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ науки и опыта: во-1-хъ, о сохраненіи полезныхъ животныхъ, уже извѣстныхъ въ Россіи, но истребляемыхъ отъ невниманія промышлениковъ къ ихъ сбереженію для пользы промысла; во-2-хъ, о постепенномъ перемѣщеніи извѣстныхъ породъ животныхъ изъ одного климата въ другой для разведенія ихъ въ мѣстностяхъ Россіи, къ тому удобныхъ, и въ-3-хъ, о возможности и способахъ пріурочиванія полезныхъ дикихъ животныхъ къ домашней жизни».

2) На основаніи § 3 сего устава, надлежало прежде всего избрать директора комитета изъ лицъ, занимающихся спеціально вопросами по акклиматизаціи животныхъ и въ помощь директору учебнаго секретаря и правителя дѣлъ. По единодушному желанію всѣхъ членовъ, въ директоры комитета избранъ г. профессоръ К. Ф. *Рулье*, а по предложенію его, въ ученые секретари — А. П. *Богдановъ*, которому принадлежитъ мысль основанія комитета при Обществѣ; въ правители дѣлъ—состоящій уже при Обществѣ въ званіи старшаго письмоводителя *П. И. Андреевъ*.

3) За тѣмъ, избранный въ директоры комитета профессоръ Рулье обратился къ членамъ со слѣдующею рѣчью:

«Принося вамъ, мм. гг., искреннюю благодарность за то радушіе, съ которымъ вамъ было угодно довѣрить мнѣ участіе въ комитетѣ, я чувствую, какъ сильно нуждаюсь въ снисхожденіи, котораго законно ожидать для новаго многосложнаго дѣла. Намъ

придется сѣять на нови и сѣять самую мысль о комитетѣ, а это, какъ весьма справедливо сказалъ г. непремѣнный секретарь нашего Общества, несравненно труднѣе, нежели выполнять ее; часто труднѣе, скажемъ мы отъ себя, нежели сѣять растенія и животныхъ въ степи и на водѣ, до чего уже доходитъ современная практическая наука. Идея нашего комитета нова въ наукѣ: въ первый разъ ее осуществили въ 1854 году въ Парижѣ; понынѣ сложилось нѣсколько Обществъ для разработки этой идеи. Въ Россіи нашъ комитетъ впервые принялъ на себя тотъ-же трудъ. Потому-то, приступая къ нему, полагаю необходимымъ уяснить идею самаго комитета: это тѣмъ болѣе нужно, что названіе его, нынѣ установившееся, не вполнѣ выражаетъ сущность его. Я дозволю себѣ говорить по преимуществу о животныхъ и только указать на занятія комитета, предоставляя подробное развитіе будущимъ трудамъ его. Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что матеріальная жизнь дорожаетъ, и дорожаетъ постоянно, помимо временныхъ причинъ, выражающихъ, какъ въ послѣдніе года и особенно въ нынѣшній, временную дороговизну. *Удешевить матеріальный бытъ человѣка*, увеличить его матеріальное довольство, — довольство, лежащее въ основаніи каждаго правильно развивающагося, нравственнаго довольства, удешевить этотъ матеріальный бытъ — вопросъ существенной потребности, всегда и повсюду современный. Всматриваясь въ числа, выражающія наростаніе дороговизны матеріальной жизни, замѣчаемъ, что не всѣ они одинаковаго рода: одни дѣйствительно возрастаютъ и довольно быстро, другія напротивъ того даже уменьшаются, хотя гораздо медленнѣе. Послѣднія числа — это цѣнности мануфактурныхъ произведеній, а первыя — цѣнности произведеній естественныхъ. Фактъ самый обыкновенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражающій и вызывающій глубокую думу: значитъ, относительно произведеній искусствъ и ремеслъ, въ остаткѣ человѣкъ по преимуществу *производитель*, относительно-же естественныхъ произведеній онъ всего болѣе *потребитель*. Таково отношеніе естественныхъ произведеній страны къ намъ; что-же будетъ съ ними въ отношеніи къ тѣмъ, которые, со-временемъ, выразятъ собою наростающее народонаселеніе? Выселенія, къ-несчастію, могутъ имѣть матеріальную причину — уменьшеніе естественныхъ угодій. Искать средствъ усилить количество наростанія естественныхъ произведеній должно по преимуществу у естественныхъ наукъ: ихъ свѣтъ, внесенный въ

приложеніе по данному предмету, долженъ уяснить искомую цѣль; сельское хозяйство, и относительно животныхъ — скотоводство, должно отвѣтить на тревожное ожиданіе потребителей: болѣе нужды — давай болѣе удовлетворенія, усиль производительность тобою пущеннаго въ оборотъ капитала на удовлетвореніе потребителей. Достичь того можно только двумя средствами: или улучшить способы производства по указанію опыта и науки, или приложить къ нему новыя части капитала, доселѣ не бывшія въ народномъ оборотѣ. Дай ему болѣе капитала, особенно капитала упроченнаго, примѣненнаго къ нуждамъ потребителей, и ты, конечно, усилишь производительность твоего оборота. Первое есть цѣль и содержаніе заботъ Общества скотоводства, послѣднее—цѣль комитета акклиматизаціи животныхъ. Охранить полезное дикое животное, перенести его туда, гдѣ оно полезно, и гдѣ его не было; изъ дикаго быта животное перенести въ домашній бытъ человѣка, вотъ, мм. гг., идея нашего комитета,—идея, которая относится къ идеѣ скотоводства, какъ предыдущее къ послѣдующему, какъ пріобрѣтаемое къ пріобрѣтенному, какъ начало къ продолженію, какъ начальныя страницы къ необходимо за ними слѣдующимъ въ той крѣпко связанной книгѣ, на которой отъ начала труда человѣческаго написано крупными буквами: *первая изъ первыхъ наукъ, первое изъ первыхъ искусствъ—сельское хозяйство.* Оборотный капиталъ скотоводства не великъ; наличность его составляютъ всего 43 вида животныхъ, и выведенныя изъ нихъ искусственныя породы. 43 вида животныхъ изъ 200,000 видовъ, нынѣ извѣстныхъ,—конечно, не великъ капиталъ, и особенно капиталъ неудовлетворительный, ежели возьмемъ въ соображеніе его неподвижность. Нѣкогда и нынѣ, классическая древность и вѣкъ XIX, нѣкогда и нынѣ, раздѣленные пароходомъ и телеграфомъ, привычками, потребностями, пользуются однимъ и тѣмъ-же капиталомъ. Древніе знали почти всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ и пользовались ими; а между тѣмъ потребности ихъ и наши далеко не однѣ и тѣ-же: они жили въ одномъ уголкѣ, въ соприкосновеніи Европы, Азіи и Африки, а мы знаемъ, что эта классическая древность занимала только ничтожную часть трехъ материковъ; къ этимъ тремъ мы прибавили новые два, прожили лишнія полторы тысячи лѣтъ и не умножили нашего оборотнаго капитала: тѣ-же животныя служатъ намъ въ домоводствѣ, которыя служили и классической древности. Америка едва дала двухъ домашнихъ жи-

вотныхъ. Новая Голландія ни одного. Мы только потребляемъ и мало производимъ, не увеличиваемъ нашего запаснаго капитала полезныхъ животныхъ. Настаетъ и чувствуется пора увеличить оборотный капиталъ внесеніемъ въ него новыхъ животныхъ, способныхъ служить на пользу человѣка. Дикія животныя, родичи нашихъ домашнихъ, искуссственныхъ, вотъ запасной капиталъ, изъ котораго трудомъ и наукою извлекаемъ мы нашъ оборотный капиталъ. Все наше дѣло должно состоять въ томъ, чтобы уяснить себѣ: на какую пользу, на какое движеніе способенъ этотъ капиталъ, предлагаемый намъ природою; способно-ли дикое животное принести человѣку многоразличную пользу: 1) Человѣкъ охранитъ дикое животное, ему полезное, или заботясь о его пищѣ и пріютѣ, или оградивъ его отъ неблагоразумнаго истребленія. 2) Человѣкъ перенесетъ дикое животное изъ одного мѣста въ другое, туда, гдѣ его не было, и гдѣ оно можетъ быть полезно. 3) Человѣкъ озаботится охраненіемъ тѣхъ животныхъ, которыя нашли пріютъ около его дома, т. е. *охранитъ домовое животное*. 4) Человѣкъ пріучитъ къ себѣ нужное животное и, ежели не на потомство, то по-крайней-мѣрѣ, на особь, на избранное, отдѣльное животное положитъ власть хозяина: онъ *приручитъ* животное. 5) Оцѣнивъ пользу прирученнаго животнаго, человѣкъ озаботится его размноженіемъ; изъ прирученнаго животнаго сдѣлаетъ *порабощенное, домашнее животное*, которое 6) иногда трудъ и науку человѣка вознаградитъ образованіемъ новыхъ свойствъ ему полезныхъ, не бывшихъ у первоначальныхъ родичей, иногда 7) только тогда принесетъ возможно совершеннѣйшую пользу, когда получитъ опредѣленное назначеніе въ домоводствѣ, когда будетъ приспособлено на извѣстное потребленіе, когда будетъ *пріурочено* къ опредѣленному уроку, и наконецъ 8) когда жизнь его и образованіе его нужныхъ качествъ, будутъ присоблены къ обитанію данной мѣстности—когда будетъ *акклиматизировано*. Акклиматизація животнаго—конечная цѣль власти человѣка на полезное и дикое животное; постепенное измѣненіе его отъ дикаго до акклиматизированаго животнаго—водъ рядъ постепенныхъ измѣненій, на которыя способно дикое животное; вотъ то движеніе, на которое способенъ естественный запасной капиталъ, служащій источникомъ дѣятельности комитета акклиматизаціи и, окончательно, Общества скотоводства. Родится человѣкъ на Божій свѣтъ одинъ, немощенъ и сиръ, и получаетъ столько-то чувствъ, столько-то

орудій удовлетворять своимъ нуждамъ и вкушать отъ источниковъ довольства. Благодать Божія для всѣхъ открыта, изливается на каждаго по мѣрѣ средствъ и орудій принятія ея. Чтò можетъ быть тягостнѣе нѣмо-глухо-слѣпо-рожденнаго? И на него изливается благодать, и изливается по мѣрѣ того, какъ вызываются, какъ восполняются отсутствующія чувства, чтобы сдѣлать его сноснымъ членомъ общества; нужна вся та степень самоотверженія выше разсчета, которая, восполняя отчасти отсутствующія чувства, изъ окружающихъ его лицъ дѣлаетъ ихъ служителями его. Развивается человѣкъ, вступаетъ въ тѣсныя связи одного тѣснаго человѣческаго общества—и чувствуется необходимость въ новыхъ искусственныхъ орудіяхъ: являются микроскопы и телескопы, пароходы и телеграфы, и желѣзныя дороги, сократившія до возможности время и пространство. Растетъ всѣ далѣе общество человѣческое и чувствуется необходимость новыхъ средствъ, новыхъ источниковъ довольства, и новыми будутъ здѣсь только старые источники, естественные, къ производительности которыхъ человѣкъ приложитъ особенный трудъ. Широко легла наша Россія, богатыремъ пораскинулась. Здѣсь лѣса хватитъ, что закроетъ съ лихвою Аппенинскій полуостровъ; тамъ степь легла, что изъ-за нея и лѣса не видать; здѣсь рѣки бушуютъ и несутъ воды и лѣсъ и льды; тамъ засуха едва не круглый годъ; тамъ степь песчаная, тамъ ковыльная, тамъ тундровая; здѣсь лѣсомъ и степью не пройдешь, тамъ моремъ не пристанешь, и все это на довольство, все это на благо: умѣй подмѣтить, чтò тутъ родится и привольно живетъ, чтò тебѣ годится и тебя спасетъ, а что лучше тебѣ лѣсъ, иль степь, иль воды, иль сухость — поразмысли. Широко въ Россіи межь шести морей, разнообразны нужды твои, да и разнообразны и источники естественныхъ довольствъ. Познай, чтò въ каждомъ источникѣ довольствъ твоего отечества тебѣ пригодно и нужно; чтò изъ того ты можешь избрать и пріурочить къ твоимъ нуждамъ; изслѣдуй средства къ тому, пытай и пытай, и не прежде переставай, какъ путемъ опыта ты извѣдалъ что ты ложно взялся за дѣло. Тогда опять начинай снова, и опять пытай, и опять вѣдай».

4) По новости идеи акклиматизаціи животныхъ, г. директоръ комитета предложилъ какъ для уясненія предстоящихъ трудовъ, такъ и для собиранія, отъ разныхъ лицъ свѣдѣній, могущихъ служить матеріаломъ для разработки комитета и съ цѣлью придать бòльшую

правильность и занимательность самымъ засѣданіямъ, положить нѣсколько практическихъ вопросовъ, которыхъ обсуживаніе, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, будетъ стоять на очереди въ ближайшемъ засѣданіи. Теоретическое уясненіе и развитіе идеи комитета предоставляется дѣятельности самаго комитета. Г. Директоръ комитета акклиматизаціи растеній Н. И. Анненковъ предложилъ таковые-же вопросы, относящіеся до растеній. Опредѣлено: принять предложеніе гг. директоровъ; вопросамъ дать нужную извѣстность и, напечатавъ ихъ, разослать къ лицамъ внутри Россіи, отъ которыхъ можно ожидать желаемымъ свѣдѣній. Вопросы эти относительно животныхъ слѣдующіе: a) Нѣтъ-ли въ народѣ свѣдѣній о какихъ-либо животныхъ, которыя были приручаемы, или жили въ домоводствѣ, и которыхъ нынѣ человѣкъ не держитъ? b) Неизвѣстно-ли какихъ-либо средствъ, употребляемыхъ народомъ для прирученія дикихъ животныхъ (напр. дикихъ гусей, утокъ, тетеревей и т. д.)? c) Какія породы домашнихъ животныхъ разводятся въ данной мѣстности? d) Разведеніе какихъ породъ домашнихъ животныхъ было-бы полезно въ данной мѣстности? e) Какія дикія животныя служатъ предметомъ промысла и куда идетъ сбытъ ихъ?

5) Такъ какъ главная и ближайшая дѣятельность комитета должна состоять въ уясненіи теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по акклиматизаціи и, по достаточномъ уясненію ихъ, въ самой практикѣ акклиматизаціи: то опредѣлено издавать «Записки» по акклиматизаціи животныхъ и растеній, въ которыхъ предметъ долженъ излагаться въ послѣдовательности, опредѣляемой сущностью и постепеннымъ развитіемъ самаго предмета акклиматизаціи.

Открытіе комитета акклиматизаціи растеній при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. — 12 февраля, въ домѣ президента Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, происходило открытіе состоящаго при Обществѣ комитета акклиматизаціи растеній, въ коемъ приняли участіе гг. члены комитета акклиматизаціи животныхъ. Въ этомъ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Г. директоръ комитета *Н. И. Анненковъ* открылъ засѣданіе слѣдующею вступительною рѣчью: «Сегодня въ первый еще разъ члены нашего Общества собрались съ исключительною цѣлью по-

святить часть своихъ трудовъ и занятій на успѣхи акклиматизаціи растеній. Послѣ блестящей статьи г. Богданова и руководящей рѣчи г. профессора Рулье, произнесенныхъ въ предыдущихъ засѣданіяхъ, конечно, не остается никакой надобности пояснять ни цѣли, ни пользы учрежденія комитета акклиматизаціи растеній. Всѣ мы, находящіеся здѣсь, понимаемъ благія послѣдствія какъ теоретическаго развитія мысли объ акклиматизаціи, такъ и будущую практическую пользу его. Но чтобы доставить всѣмъ желающимъ возможность принять участіе въ дѣлѣ столь важномъ и интересномъ, я полагаю не лишнимъ привести въ извѣстность сужденія комитета относительно возможныхъ способовъ его дѣйствій къ достиженію предположенной цѣли. Акклиматизація растеній, въ обширномъ смыслѣ слова, существуетъ у насъ давно. Разведеніе всѣхъ хозяйственныхъ растеній, хлѣбныхъ, луговыхъ, промышленыхъ и врачебныхъ, огородныхъ овощей, садовыхъ плодовъ, цвѣтовъ и деревьевъ есть то-же результатъ акклиматизаціи, начавшейся съ-издавна и доведенной настойчивымъ трудомъ и умѣньемъ до окончательнаго водворенія. Любопытныя статьи г. Забѣлина въ «Журналѣ садоводства» показали намъ какъ, много дѣятельнаго участія принимало правительство, даже въ отдаленное отъ нынѣшняго время, въ разведеніи различныхъ растеній въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Труды на этомъ поприщѣ въ настоящее время весьма обширны. Улучшенная культура, вліяніе климата и преднамѣренный способъ обращенія — произвели обширное число разновидностей съ различными физическими признаками и съ различной степенью воспріимчивости къ внѣшнимъ вліяніямъ. Огромное число растеній освоилось съ климатомъ совершенно, и изъ разряда акклиматизируемыхъ перешло, по-крайней-мѣрѣ для извѣстныхъ мѣстностей, въ разрядъ хозяйственныхъ и слѣдовательно изъ круга занятій комитета — въ область сельскаго хозяйства и его отраслей: садоводства, огородничества, лѣсоводства. Перенесеніе этихъ растеній въ страны съ другими внѣшними условіями, а также попытки разведенія вновь открываемыхъ полезныхъ растеній, тоже имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ Россіи и занимали многихъ ученыхъ и любознательныхъ ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, лѣсоводовъ и садоводовъ. Достаточно указать на всѣми уважаемыя имена Стевена, Скаржинскаго и заслуги, оказанныя Императорскимъ ботаническимъ садомъ въ С. Петербургѣ, различными училищами садоводства и лѣсными питомниками, учреж-

деннымп министерствомъ государственныхъ имуществъ, чтобы видѣть, что въ отношеніи одного только водворенія лѣсныхъ и кустарныхъ породъ сдѣланы громадныя попытки. Надъ другими растеніями трудились, вѣроятно, тоже многіе; но труды эти, равно какъ и предыдущіе, не вполнѣ кончены. Изъ частнаго достоянія они не перешли еще въ общую сокровищницу знаній и не приняли опредѣленнаго плана и научнаго характера. Существующія свѣдѣнія о нихъ или разбросаны въ различныхъ періодическихъ журналахъ или остались совершенно неизвѣстными публикѣ. Вѣроятно также, что разведеніе многихъ полезныхъ растеній и не принесло желаемыхъ результатовъ, частію по причинѣ невѣдѣнія, какъ съ ними обращаться, а частію по недостатку времени и настойчиваго труда для ихъ усвоенія; тѣмъ-болѣе, что занимавшіяся ихъ водвореніемъ особы имѣли часто въ виду только одно экономическое значеніе растенія, и неисполненіе ихъ ожиданій на первые-же годы отнимало у нихъ охоту продолжать опыты безъ плана, цѣли и увѣренности въ будущей пользѣ. Трудиться на этомъ поприщѣ есть долгъ комитета акклиматизаціи, и эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что для будущихъ успѣховъ акклиматизаціи весьма важно было-бы прежде всего «собрать всѣ историческія и хозяйственныя свѣдѣнія о тѣхъ растеніяхъ, которыя подвергались когда-либо опытамъ акклиматизаціи, и о тѣхъ результатахъ, которые были получены при этомъ». Рядомъ съ этимъ первымъ шагомъ комитета на пути акклиматизаціи должно поставить необходимость «производства наибольшаго числа опытовъ и наблюденій въ различныхъ мѣстностяхъ надъ тѣми растеніями, акклиматизація которыхъ обѣщаетъ быть полезною въ какомъ-бы ни было отношеніи». Только путемъ опыта и притомъ продолжительнаго и разумнаго можетъ быть рѣшено: при какихъ условіяхъ и въ какихъ мѣстностяхъ можетъ быть успѣшно водвореніе извѣстнаго растенія. Разнообразіе внѣшнихъ условій у насъ такъ значительно, что трудно отыскать какое-нибудь растеніе умѣреннаго пояса, которое-бы не нашло себѣ у насъ пріюта и удобства. Особы, заинтересованныя въ предметѣ акклиматизаціи, пусть получаютъ у насъ сѣмена, разводятъ ихъ и сообщаютъ комитету свѣдѣнія о ходѣ развитія и успѣхѣ акклиматизаціи; но для научныхъ цѣлей надо, чтобы эти свѣдѣнія облечены были въ извѣстную форму опредѣленности и нужной полноты, и по этому комитету предстоитъ надобность составить рядъ вопросовъ и, приведя

ихъ въ извѣстность, желать, чтобы свѣдѣнія о растеніяхъ были сообщаемы въ связи съ предлагаемыми вопросами. Позвольте еще обратить вниманіе комитета на послѣднее обстоятельство. Разсматривая естественныя произведенія Россіи, нельзя не сознаться, что мы еще весьма мало воспользовались богатствами ихъ. Большая часть водворенныхъ у насъ растеній перенесена къ намъ съ запада; относительно-же своихъ собственныхъ произведеній мы очень-мало знаемъ полезныхъ свойствъ ихъ и еще менѣе стараемся ими воспользоваться. Всѣмъ намъ извѣстно, что Россія богата превосходнымъ строевымъ матеріаломъ, разнообразнымъ по различію климатовъ, обильна множествомъ не только врачебныхъ, но и полезныхъ растеній въ общежитіи, какъ-то: виноградъ въ Дауріи и на Кавказѣ, солодка, черемша, сарана, дикуша, вострецъ въ Сибири, марена, кермекъ, сумахъ, шафранъ и др. на югѣ, морошка, поленика, куманика и др. на сѣверѣ; всѣ мы знаемъ, что въ южной и восточной Россіи произрастаютъ дико такія роскошныя растенія, которыя-бы составили украшеніе любаго цвѣтника,—однакожь много-ли мы знаемъ примѣровъ перенесенію таковыхъ растеній изъ мѣста ихъ родины въ другія страны, можемъ-ли мы указать на тѣ случаи, гдѣ-бы наука практически помогла распространенію этихъ растеній? Впрочемъ, желающій подвергнуть испытанію мало извѣстныя растенія нашей обширной Россіи встрѣтилъ-бы величайшія затрудненія въ способѣ пріобрѣтенія сѣмянъ ихъ. Гораздо легче отыскать въ продажѣ фунты сѣмянъ новооткрытыхъ Американскихъ и Новоголландскихъ растеній, нежели золотникъ какого-нибудь Русскаго не совсѣмъ обыкновеннаго растенія. Странно подумать, что бóльшая часть находящихся въ продажѣ сѣмянъ лиственницы, пихты, даже березы получается изъ-за границы. Общество наше, имѣющее членовъ во всѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, можетъ оказать въ этомъ отношеніи величайшую услугу комитету акклиматизаціи, и смѣю думать, что сверхъ того было-бы весьма полезно какъ для распространенія естественно-хозяйственныхъ свѣдѣній о Россіи, такъ и для будущихъ успѣховъ акклиматизаціи, пригласить къ участію въ занятіяхъ комитета всѣхъ извѣстныхъ коллекторовъ—корреспондентовъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи и просить ихъ доставлять въ комитетъ всѣ чѣмъ-либо замѣчательныя растительныя произведенія Россіи. Въ обиліи естественныхъ произведеній Россіи есть много такихъ, о важности и пользѣ которыхъ, не говоря уже о научной сторонѣ вопроса,

нельзя сомнѣваться. Труды каждой ученой экспедиціи обогащаютъ науку множествомъ новыхъ открытій. Неужели можно сомнѣваться, что столь продородная почва уже вся истощена относительно произведенія полезныхъ растеній? Нѣтъ. «Будемъ собирать ея сокровища, испытывать ихъ достоинство, опредѣлять путемъ опыта ихъ относительную важность въ общежитіи, изучать условія ихъ водворенія, и распространять между нашими соотчичами все то, что можетъ принести имъ пользу».

2) Г. директоръ представилъ письмо *В. П. Скаржинскаго*, въ которомъ онъ выражаетъ участіе къ занятіямъ по акклиматизаціи растеній и изъявляетъ сожалѣніе, что тяжкая болѣзнь съ давняго времени приковала его къ одному углу комнаты и лишаетъ силъ послужить своею опытностію любителямъ садоводства и лѣсоводства. Далѣе онъ высказываетъ нѣсколько практическихъ мыслей, почерпнутыхъ изъ собственной долговременной опытности. *Опредѣлено:* благодарить В. П. Скаржинскаго за сообщеніе интересныхъ практическихъ свѣдѣній и, въ уваженіе его громадныхъ заслугъ въ отношеніи водворенія новыхъ древесныхъ породъ въ Новороссійскомъ краѣ, избрать его въ почетные члены.

3) Г. директоръ комитета, обращая вниманіе на важность собиранія свѣдѣній объ опытахъ акклиматизаціи, представилъ составленный имъ списокъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, перенесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ и частію уже усвоенныхъ въ садахъ: Императорскомъ ботаническомъ, лѣснаго института, Царскосельскомъ и въ Петербургѣ, Моск. землед. школы, Сокольницкаго питомника въ Москвѣ, села Никольскаго князя Трубецкаго въ Моск. губ., въ Пензинскомъ училищѣ садоводства и въ лѣсныхъ питомникахъ Воронежскомъ, Орловскомъ и Польскомъ. Опредѣлено напечатать въ «Запискахъ комитета».

4) Д. ч. *Ѳ. А. Баталинъ* читалъ статью о приложеніи теоріи вѣроятностей къ акклиматизаціи растеній. Комитетъ, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ любопытный взглядъ автора, опредѣлилъ благодарить его, статью напечатать въ «Запискахъ» и предложить гг. членамъ дѣлать опыты съ цѣлію собрать достаточное число наблюденій для приложенія этой теоріи въ практикѣ.

Въ заключеніе избраны въ дѣйствительные члены комитета: президентъ Россійскаго общества любителей садоводства П. А. *Новиковъ*, Н. П. *Шиповъ*, академикъ Н. И. *Желѣзновъ*, академикъ *Рупрехтъ*, членъ географическаго общества *Маакъ* и А. *Сипягинъ*.

Римскіе католики въ Англіи въ 1856 году. — Любопытны слѣдующія цифры, обнародованныя Римскимъ дворомъ о числѣ Римскихъ католиковъ и заведеній ихъ въ Англіи, въ 1856 году, а именно ихъ было: 1 архіепископъ и 12 епископовъ въ Англіи; 4 архіепископа и 26 епископовъ въ Ирландіи; 6 архіепископовъ и 46 епископовъ въ колоніяхъ. Число Римскокатолическихъ священниковъ въ Англіи и Шотландіи простирается до 1,162 (двадцатью болѣе, нежели въ 1855 году). Въ Англіи находится 730 Римскокатолическихъ церквей, въ Шотландіи 164 (сорока пятью болѣе, нежели въ 1855). Въ Англіи существуютъ двадцать три религіозныя общины (монастыря) для лицъ мужскаго пола, и сто для женскаго, а въ Шотландіи девять для мужчинъ и шесть для женщинъ (девятью болѣе, нежели въ 1855). Въ Англіи находится десять Римскокатолическихъ коллегіумовъ и одинъ въ Шотландіи, а также сорокъ женскихъ пансіоновъ, управляемыхъ монахинями. Англійскій коллегіумъ въ Римѣ основанъ въ 1572 году папою Григоріемъ XIII, а другой учрежденъ въ 1852 папою Піемъ IX. Тотъ-же папа основалъ въ Римѣ Шотландскій коллегіумъ. Два подобные-же существуютъ въ Вальядолидѣ, а сверхъ того одинъ основанъ былъ въ Лиссабонѣ въ 1624 году, одинъ въ Дуэ въ 1611; въ Регенсбургѣ учрежденъ также Шотландскій коллегіумъ.

Школы Доминиканцевъ во Франціи. — Доминиканцы, возстановленные во Франціи за двадцать лѣтъ предъ симъ аббатомъ *Лакордеромъ*, распространяютъ свои заведенія. У нихъ уже были домы въ Парижѣ, Нанси, Греноблѣ, Тулузѣ; теперь вновь открытъ домъ въ Бордо. Сверхъ того аббатъ Лакордеръ ввелъ между доминиканцами новое занятіе — обученіе юношества. Три учебныя заведенія основаны уже ими въ Улленѣ, близъ Ліона, въ Буржѣ и Соррезѣ. Послѣднее заведеніе, управляемое самимъ Лакордеромъ, имѣетъ до трехъ-сотъ питомцевъ.

Новыя періодическія изданія: «Молва» и «Иллюстрація». — Вотъ еще двѣ еженедѣльныя газеты, которыми увеличивается Русская повременная литература. Съ апрѣля мѣсяца начала издаваться, въ Москвѣ, подъ редакціею г. *Шпилевскаго*, литературная газета Молва, а съ октября будетъ издаваться въ С. Петербургѣ Иллюстрація. Въ объявленіи объ изданіи первой газеты между-прочимъ сказано:

«Назначеніе «Молвы» — служить отголоскомъ всѣмъ явленіямъ литературнаго міра, особенно Русскаго, и касаться при этомъ всѣхъ умственныхъ и жизненныхъ вопросовъ. По своему объему и значенію газеты, она не можетъ представлять полныхъ изслѣдованій, оконченно обработанныхъ статей; ея цѣль — указывать, возбуждать вопросы, отзываться на каждое проявленіе въ литературѣ и общественной жизни (публичныя чтенія, театры, концерты, увеселенія и пр.). Современная текущая жизнь совершается среди мелочей, не важныхъ самихъ по себѣ, но важныхъ въ своей совокупности, по тому духу, который въ нихъ выражается; въ мелочахъ часто таится общее значеніе, а въ силу этого общаго значенія всякая мелочь можетъ быть занимательна и стоитъ вниманія. Очень часто ошибочныя и ложныя мысли и стремленія, не имѣя въ себѣ прочнаго задатка, являются и скоро исчезаютъ, такъ что критика иногда почти не успѣваетъ произнести надъ ними своего суда. Но этого недостаточно, если ошибочное или ложное явленіе исчезнетъ само-собою: освобожденіе отъ ошибки или отъ лжи только тогда вполнѣ полезно, когда сопровождается сознаніемъ. Изъ всего сказаннаго видно, что характеръ «Молвы» преимущественно долженъ быть критическій. Она, по мѣрѣ возможности, предполагаетъ давать отчетъ, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, о всякой вновь выходящей книгѣ и вести такимъ образомъ наиболѣе полную библіографическую хронику. Въ то же время «Молва» будетъ помѣщать на листахъ своихъ и произведенія по части изящной словесности, искусствъ и наукъ, какъ скоро они своими размѣрами не переходятъ предѣловъ газеты. Извѣстія, толки, новости и пр. будутъ, разумѣется, составлять принадлежность «Молвы». Она не раздѣляется наружнымъ образомъ на отдѣлы; но, какъ сказано, она будетъ касаться всѣхъ вопросовъ, всѣхъ сторонъ умственныхъ и жизненныхъ, не держась извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ формъ въ статьяхъ своихъ. Напримѣръ, по части наукъ могутъ быть помѣщаемы или краткія статьи, или матеріалы, или свѣдѣнія или замѣтки.»

Объемъ «Молвы»—одинъ печатный листъ; въ случаѣ надобности, онъ будетъ увеличиваться до $1^1/_2$ и до 2 печатныхъ листовъ. Выходить «Молва» будетъ каждую недѣлю (*).

(*) Подписная цѣна 3 руб. сер.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и для иногородныхъ съ пересылкою — 4 руб. сер.

«Главное вниманіе редакціи «Иллюстраціи» (сказано между прочимъ въ объявленіи объ изданіи ея) будетъ обращено на событія въ Россіи, ея исторію, преданія, нравы, типы и народныя сцены, топографическія и этнографическія описанія и проч. Главною цѣлью изданія будетъ ближайшее ознакомленіе съ умственными и матеріальными богатствами нашего отечества. На столбцахъ «Иллюстраціи» явятся замѣчательнѣйшіе памятники, виды мѣстностей, древности нашего отечества и т. п. Вновь открываемыя линіи желѣзныхъ дорогъ дадутъ возможность представить читателямъ очерки живописныхъ мѣстъ, по которымъ будутъ пролегать новые пути сообщенія, и вообще все къ нимъ относящееся». Нумера этой газеты будутъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

Политика: еженедѣльное обозрѣніе постановленій и распоряженій, обнародованныхъ нашимъ правительствомъ; лѣтопись событій политическихъ, военныхъ и проч.; статьи по поводу текущихъ событій; корреспонденція изъ главвыхъ городовъ Русскихъ и иностранныхъ. — *Литература:* романы, повѣсти, стихотворенія, театральныя піесы, критика, біографія, мемуары, фельетонъ и проч. Отдѣлъ иностранной литературы будетъ постоянно передавать въ вѣрныхъ переводахъ все замѣчательное, явившееся въ другихъ странахъ. Обширные романы будутъ представлены въ извлеченіи или разборѣ. — *Искусства:* музыка, живопись, ваяніе, театры Русскіе и иностранные, игры и общественныя увеселенія, каррикатуры, комическія сцены, моды и проч. — *Науки:* исторія, археологія, путешествія, статистика, политическая экономія, естественныя науки, медицина и гигіена, военное искусство, навигація, технологія, ремесла, торговля, промышленость (коммерческіе бюллетени, биржевые курсы), агрономія и проч. и проч. — Объявленія литературныя, художественныя, ученыя и промышленыя. Редакція журнала поручена опытному литератору.

«Иллюстрація» приглашаетъ всѣхъ соотечественниковъ доставлять статьи и рисунки мѣстностей, достопамятностей, костюмовъ, народныхъ сценъ, портретовъ замѣчательныхъ лицъ, съ описаніями, шахматныя задачи, ребусы и вообще все замѣчательное.

Всѣ рисунки, признанные удобными къ помѣщенію, будутъ исполнены лучшими артистами и воспроизведены со всею тщательностью типографскаго искусства.

Для того, чтобы дать возможность ознакомиться съ этимъ изданіемъ, открывается, въ послѣдней четверти нынѣшняго года, подписка только на три мѣсяца (съ октября 1857 по январь 1858 г.) съ платою по 5 руб., съ пересылкою во всѣ города Россіи. Желающіе подписаться на полгода, вносятъ 9 руб., — на цѣлый годъ 16 руб., съ пересылкою. Каждые 25 нумеровъ газеты (или полугодіе) составятъ томъ (*).

(*) Письма, посылки и подписка принимаются у издателя «Иллюстраціи» Алексѣя Осиповича Баумана, въ С. Петербургѣ. Подписка принимается также въ газетной экспедиціи С. Петербургскаго почтамта и, для городскихъ жителей, въ магазинѣ С. Дюфура, въ домѣ Голландской церкви, у Полицейскаго моста.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предтетовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА МАРТЪ 1857 ГОДА.

8. (20 января) *Объ открытіи конкурса для сочиненія біографіи бывшаго государственнаго канцлера князя Безбородко.*

Отставному штабсъ-ротмистру графу Николаю Кушелеву-Безбородко Высочайшее разрѣшено открыть конкурсъ для сочиненія біографіи прадѣда его, бывшаго государственнаго канцлера князя Безбородко, съ выдачею автору перваго, лучшаго, сочиненія 5 т. руб. сер., а автору втораго — процентовъ съ этой суммы, которые имѣютъ накопиться до истеченія срока, назначеннаго для конкурса. Присужденіе сихъ премій предоставлено Академіи наукъ (*).

9. (12 февраля) *О возложеніи на отдѣльнаго цензора въ Дерптѣ цензированія иностранныхъ книгъ.*

Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, вслѣдствіе представленія Министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: на отдѣльнаго цензора въ Дерптѣ возложить цензированіе иностранныхъ книгъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя не посылались къ нему непосредственно изъ таможенъ, или съ почты, а передавались ему только изъ комитета цензуры иностранной, или, по распоряженію сего

(*) Ниже, въ отдѣленіи Разныхъ извѣстій, помѣщено объявленіе о семъ конкурсѣ отъ Академіи наукъ.

комитета, изъ другихъ ценсурныхъ учрежденій, и чтобы онъ свои заключенія о доставляемыхъ на его разсмотрѣніе сочиненіяхъ представлялъ комитету ценсуры иностранной для дальнѣйшаго распоряженія.

10. (8 марта) *О назначеніи для говѣнія учениковъ послѣдней недѣли великаго поста.*

Государь Императоръ, въ видахъ доставленія учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства народнаго просвѣщенія болѣе времени для классныхъ занятій и чтобы не прерывать ученія въ продолженіе великаго поста, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства народнаго просвѣщенія говѣли не на четвертой, а на страстной недѣли великаго поста.

11. (13 марта) *О принятіи денегъ, жертвуемыхъ бывшими начальниками дружины Рязанскаго ополченія, на содержаніе одного пансіонера въ Рязанской гимназіи.*

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: жертвуемыя бывшими начальниками дружинъ Рязанскаго ополченія деньги 3,500 руб. сер. обратить, согласно желанію жертвователей, на содержаніе одного пансіонера при Рязанской гимназіи, съ тѣмъ чтобы воспитанникъ этотъ былъ назначаемъ губернскимъ предводителемъ дворянства, съ согласія бывшаго начальника ополченія Рязанской губерніи, генералъ-маіора Павленкова, а послѣ смерти сего послѣдняго — однимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, изъ дѣтей офицеровъ Рязанскаго ополченія, служившихъ въ минувшую отечественную войну, и ихъ потомковъ, и назывался *воспитанникомъ Рязанскаго ополченія 1855 года*, и за благотворительное пожертвованіе поблагодарить генералъ-маіора Павленкова и бывшихъ начальниковъ дружинъ Рязанскаго ополченія.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

По Министерству народнаго просвѣщенія.

Отставной статскій совѣтникъ *Чихачевъ* — съ причисленіемъ къ Министерству (9 марта).

По университетамъ.

Московскому: Лекарь *Глинка-Кендюковъ* — ассистентомъ терапевтическаго отдѣленія госпитальной клиники Московскаго университета (2 марта).

Св. Владиміра: Лекарь *Моравскій* — ассистентомъ акушерской клиники университета св. Владиміра (2 марта).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: Отставной губернскій секретарь *Яновскій* — почетнымъ смотрителемъ Рѣжицкаго уѣзднаго училища (7 марта).

Кіевскому: Отставной коллежскій совѣтникъ *Гудима* — исправляющимъ должность директора училищъ Черниговской губерніи (3 марта).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По Московскому учебному округу.

Почетными попечителями гимназій: Рязанской — состоявшій въ этой должности по прежнимъ выборамъ, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рюминъ;* вновь избранные: Калужской — въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ *Яковлевъ* и Тверской — коллежскій ассессоръ князь *Голицынъ* (14 марта).

НАЗНАЧЕНЫ:

По Московскому учебному округу.

Коллежскіе совѣтники, инспекторы Московскихъ гимназій: первой — *Грифцовъ* — директоромъ 3-й тамошней реальной гимназіи (3 марта); третьей реальной — *Падренъ-де-Карне* — исправляющимъ должность директора Виленскаго дворянскаго института (7 марта).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Почетный смотритель 3-го Московскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Базилевскій* — въ вѣдомство Министерства иностранныхъ дѣлъ (1 марта); младшій помощникъ правителя канцеляріи начальника Казанской губерніи, коллежскій секретарь *Каховскій* — почетнымъ смотрителемъ Чистопольскаго уѣзднаго училища (16 марта); почетный смотритель Чухломскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Щулепниковъ* — Солигаличскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (19 марта).

УВОЛЕНЫ:

По Московскому университету.

Ассистентъ терапевтическаго отдѣленія госпитальной клиники Московскаго университета, лекарь *Чижовъ* — по прошенію (2 марта).

По Демидовскому лицею.

Лекторъ, коллежскій ассессоръ *Салюсъ* — по прошенію (5 марта).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: Почетный смотритель Яренскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Порошинъ* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ титулярнаго совѣтника (7 марта); почетный смотритель С. Петербургскаго Никольскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Гейденрейхъ* — по прошенію (29 марта).

Московскому: Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Рязанскаго — коллежскій ассессоръ *Дубовицкій* (5 марта) и Кологривскаго — губернскій секретарь графъ *Толстой* (29 марта) — по прошеніямъ, послѣдній съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго секретаря.

Харьковскому: Директоръ училищъ Тамбовской губерніи и членъ совѣта тамошняго Александринскаго института благородныхъ дѣвицъ, статскій совѣтникъ *Дзюбинъ* (14 марта).

Казанскому: Почетный смотритель Чебоксарскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Леонтьевъ* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ мундиромъ, присвоеннымъ должности (12 марта).

Кіевскому: Директоръ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ *Богаевскій* — по прошенію, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности (3 марта); почетный смотритель Симбирскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Аксаковъ* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго секретаря (29 марта).

Объявлено Монаршее благоволеніе.

Императорскаго Харьковскаго университета: статскимъ совѣтникамъ — декану медицинскаго факультета, ординарному профессору *Гану;* ординарнымъ профессорамъ *Наранович*у, *Гордѣенко*, *Струве*, *Демонси* и коллежскому совѣтнику *Иллинскому* и экстраординарному профессору, статскому совѣтнику *Свиридову;* адъюнктамъ того-же университета и директорамъ: Харьковской конторы коммерческаго банка — статскому совѣтнику *Рындовскому* и тамошняго дѣтскаго пріюта — коллежскому ассессору *Питра* — за отлично-усердную ихъ службу и за пользованіе раненныхъ и больныхъ въ Харьковскомъ военно-временномъ госпиталѣ (16 марта).

НАГРАЖДЕНЫ:

а) *Орденами.*

Св. Владиміра 3-й степени: Ординарный профессоръ Харьковскаго университета, медикъ-консультантъ Харьковскаго инсти-

тута благородныхъ дѣвицъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Калениченко* (23 февраля).

Св. Владиміра 4-й степени: Бывшій старшій учитель Иркутской гимназіи, коллежскій секретарь *Маакъ* — во вниманіе къ особымъ трудамъ его, состоящимъ въ томъ, что онъ, по порученію Императорскаго Русскаго географическаго Общества, изъ любви къ наукѣ, совершилъ двѣ, сопряженныя съ большими трудностями и опасностями, ученыя экспедиціи — одну въ долину р. Вилюя, а другую на р. Амуръ, и при этомъ собралъ много свѣдѣній о сихъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ предѣлахъ имперіи (26 марта).

Св. Анны 2-й степени, съ алмазными украшеніями: Предсѣдатель ареопага, профессоръ Аѳинскаго университета *Ралли* (Rhally) — въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія къ ученымъ трудамъ его (18 января).

Св. Станислава 3-й степени: Прозекторъ анатоміи при Харьковскомъ университетѣ, врачъ и преподаватель медицины при Харьковской семинаріи и врачъ при Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ, коллежскій совѣтникъ *Вилкомирскій* (23 февраля).

б) *Подарками.*

Иностранецъ *Куанде* (Coindet) — за поднесеніе Его Величеству экземпляра изданнаго имъ сочиненія: «Histoire de la peinture en Italie» (26 февраля); бывшій профессоръ Деритскаго университета, статскій совѣтникъ *Крузе* — за поднесеніе Его Величеству изданной имъ книги: «Путешествіе Зецена по востоку» (17 марта).

в) *Серебряными медалями, съ надписью:* «за усердіе», *для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ.*

Староста Аларскаго инородческаго вѣдомства, 1-го Хонходорскаго рода, Иркутскаго округа, Сондомпилъ *Чойвановъ* — за содержаніе имъ на свой счетъ при Аларской степной думѣ приходскаго училища; Баргузинскій 3-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ *Цивилевъ* — за сдѣланное имъ въ пользу Баргузинскаго приходскаго училища пожертвованіе; торгующій крестьянинъ Томской губерніи и округа, Боготольской волости, Яковъ *Хотимскій* — за сдѣланныя имъ пожертвованія (25 марта).

г) *Единовременными выдачами:*

Состоящіе въ IX классѣ ординаторы клиники Харьковскаго университета: терапевтическаго и акушерскаго отдѣленій — *Киселевъ*, хирургическаго отдѣленія — *Ковальчуковъ;* помощникъ ординатора того же отдѣленія — *Романкевичъ* (23 февраля).

Состоящему въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, коллежскому совѣтнику, въ званіи камеръ-юнкера, барону *Бюлеру*—Всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ Главнаго управленія цензуры (9 марта).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА МАРТЪ 1857 ГОДА.

4. (23 марта) *О порядкѣ замѣщенія должностей почетныхъ блюстителей приходскихъ училищъ въ С. Петербургѣ.*

На разрѣшеніе Министерства внутреннихъ дѣлъ было представлено:

1. Возбужденное купеческимъ отдѣленіемъ С. Петербургской городской общей Думы предложеніе о выборѣ въ почетные блюстители, для попеченія о приходскихъ училищахъ, состоящихъ въ С. Петербургѣ, кромѣ купцовъ, и совершеннолѣтнихъ купеческихъ сыновей.

2. Вопросъ о томъ, нужно-ли требовать согласіе купеческаго общества на вторичное утвержденіе въ должности почетнаго блюстителя, по истеченіи перваго трехлѣтія службы: такъ какъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ положеній Комитета Министровъ, 1 нояб. 1839 г. (§§ 34 и 35) и 23 апр. 1840 г., почетные блюстители избираются училищнымъ начальствомъ, съ согласія городскаго общества, изъ желающихъ поступить въ сіи должности, и утверждаются въ семъ званіи военнымъ генералъ-губернаторомъ на три года службы, то имъ предоставляется право оставаться въ ней и долѣе сего срока, если училищное начальство признаетъ службу ихъ полезною для ввѣренныхъ попеченію ихъ училищъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшило оба эти вопроса слѣдующимъ образомъ:

1. Какъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ 1 нояб. 1839 г. сказано вообще, что почетные блюстители избираются изъ купеческаго сословія, то въ эти должности могутъ быть избираемы и совершеннолѣтніе купеческіе сыновья, съ тѣмъ однакожь, чтобы при назначеніи сихъ лицъ въ службу равнымъ образомъ соблюдался порядокъ, указанный въ §§ 34 и 35 сего положенія.

2. Порядокъ вторичнаго утвержденія въ должности почетнаго блюстителя разрѣшается положительно буквальнымъ смысломъ закона, ибо по § 34 означенаго положенія, согласіе купеческаго общества необходимо только при первоначальномъ назначеніи лица на должность почетнаго блюстителя; для полученія-же права на утвержденіе въ сей должности на послѣдующія трехлѣтія требуется только согласіе назначаемаго въ сію должность лица и училищнаго начальства, и въ семъ послѣднемъ случаѣ лица, служащія въ должностяхъ почетныхъ блюстителей, равнымъ образомъ освобождаются отъ городской службы.

УТВЕРЖДЕНЫ:

По археографической коммиссіи.

Старшій помощникъ редактора журнала Министерства народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Галанинъ* — членомъ (20 марта).

По университетамъ:

Харьковскому: Экстраординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Станиславскій* — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и Россійскихъ гражданскихъ законовъ (6 марта).

Дерптскому: Штатный частный преподаватель, статскій совѣтникъ *Асмусъ* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ зоологіи (6 марта).

О КНИГАХЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Сочиненія о христіанскомъ востокѣ, архимандрита *Порфирія.*

Архимандритъ *Порфирій* издалъ въ нынѣшнемъ году часть своихъ сочиненій о христіанскомъ востокѣ, а именно: 1) «Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году, съ картою священныхъ мѣстъ Синайскихъ»; 2) «Второе путешествіе туда-же въ 1850 году, съ картою Синая и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ»; 3) «Письмена Кинея Манаѳы на Синайскихъ утесахъ, съ картою сихъ надписей»; 4) «Путешествіе по Египту и въ монастыри св. Антонія великаго и преподобнаго Павла Ѳивейскаго въ 1850 году»; 5) «Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнагѳ благочинія Египетскихъ христіанъ», и 6) «Востокъ христіанскій, Египетъ и Синай». Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію ихъ, пріобрѣтать для библіотекъ училищъ означенныя сочиненія. Цѣна этимъ шести книгамъ 15 руб. за экземпляръ, съ пересылкою.

Собраніе занимательнѣйшихъ путешествій, изданныхъ *Брифомъ.*

Бывшій книгопродавецъ *Брифъ* издалъ, въ переводѣ на Русскій языкъ, первый выпускъ собранія занимательнѣйшихъ путешествій, назначая его для дѣтскаго чтенія. Двѣ книжки этого выпуска содержатъ: «Путешествіе Ал. Гумбольдта въ Новую Андалузію» и «Ледовитое море или поѣздка на китовую ловлю». Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ о выходѣ въ свѣтъ означенныхъ двухъ книжекъ извѣстить учебныя за-

веденія для свѣдѣнія. Цѣна каждой книжкѣ 75 к. въ бумажкѣ, а въ переплетѣ 90 к. за экз.

Краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка и другихъ животныхъ, изд. *Жолкевичемъ.*

Преподаватель Пажескаго Его Величества корпуса, коллежскій совѣтникъ *Жолкевичъ* издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка и другихъ животныхъ». Управляющій Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній книгу эту пріобрѣтать для библіотекъ училищъ, по мѣрѣ способовъ ихъ.

Для полученія всѣхъ вышеозначенныхъ книгъ надлежитъ обращаться къ коммиссіонеру департамента народнаго просвѣщенія, книгопродавцу Глазунову.

Карта Европы, изд. *Сидовымъ*, и Генеральная карта Европы, изд. *Зуевымъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній пріобрѣтать, по ихъ усмотрѣнію, для библіотекъ и для употребленія въ классахъ, означенныя выше карты Европы, изъ коихъ первая издана за границею, на Русскомъ языкѣ, капитаномъ Прусской службы *Сидовымъ* и посвящена имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I, а послѣдняя — въ С. Петербургѣ, надворнымъ совѣтникомъ *Зуевымъ.* Цѣна картѣ Сидова, наклеенной на холстѣ, въ картузномъ футлярѣ, 4 руб. 90 коп. за экземпляръ, а картѣ Зуева — въ листахъ съ черными рисунками 3 руб. 85 коп., а съ раскрашенными — 4 руб. 40 коп. за экземпляръ; для полученія сихъ картъ надлежитъ обращаться въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Портретъ Императора Петра Великаго.

Управляющій Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній, по-мѣрѣ способовъ

училищъ, пріобрѣтать для оныхъ портретъ императора Петра Великаго, гравированный бывшимъ профессоромъ Императорской академіи художествъ *Вендрамини*, — съ тѣмъ, чтобы для полученія этого портрета обращались къ коммиссіонеру департамента, книгопродавцу Глазунову.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ифигенія.
Тоасъ, царь Тавриды.
Орестъ.
Пиладъ.
Аркасъ.

Мѣстомъ дѣйствія: роща передъ храмомъ Діаны.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ того, какъ я имѣлъ уже случай подробно изложить значеніе и составъ «Ифигеніи» Гёте (*), мнѣ остается теперь напомнить читателю только общіе результаты моего разсужденія объ этомъ предметѣ.

1. «Ифигенія» Гёте есть плодъ долгаго и основательнаго изученія древне-классическаго искусства и литературы. Поэтъ выразилъ въ ней тѣ идеи объ идеально-прекрасномъ, которыя указаны Винкельманомъ въ лучшихъ созданіяхъ античной скульптуры. Всѣ характеры, выведенные въ трагедіи, отдѣланы съ чистотою и тонкостью линій, какихъ требуетъ совершеннѣйшая пластика. Все подчинено законамъ строгой гармоніи и умѣренности; дѣйствіе развивается медленно, но съ величествен-

(*) См. «Библіотека для чтенія», августъ и сентябрь 1856 года.

ной плавностью и полнотою, сосредоточиваясь, какъ и въ трагедіяхъ Софокла, преимущественно на главныхъ моментахъ: въ этомъ отношеніи, созданіе Гёте, по художественности формы, имѣетъ неоцѣненное достоинство.

Мы уже не говоримъ про характеръ Ифигеніи, въ которомъ съ задушевностью чувства, благоразуміемъ и любовію къ семейству, свойственными Германской женщинѣ, такъ чудесно соединены пылкая отвага Антигоны и нѣжность героинь Еврипида; все содержаніе трагедіи во многомъ проникнуто духомъ истиннаго классицизма. Это видимъ какъ въ отдѣльныхъ сценахъ и разсказахъ, на которые мы укажемъ въ примѣчаніямъ, такъ и въ идеѣ грозной, карающей судьбы, служащей мотивомъ дѣйствія, хотя и второстепеннымъ.

2. Трагедія Гёте любопытна для изученія и съ другой стороны: она указываетъ намъ на извѣстный моментъ въ собственномъ развитіи поэта. Отрекаясь отъ пылкихъ, необузданныхъ порывовъ юности, онъ видимо старается помирить въ себѣ всѣ начала истинной человѣчности, и потому высшимъ, царящимъ надъ всѣмъ закономъ представлена всепримиряющая любовь, основанная на правдѣ и благости душевной. Здѣсь уже образъ Ифигеніи принимаетъ черты, несвойственныя Греческой героинѣ, или только слегка въ ней обозначенныя.

Ифигенія Еврипида (*), какъ и Антигона Софокла, жертвуетъ собою прежде всего для родныхъ и отечества, потомъ и для высшихъ правъ человѣчества: онѣ прекрасно-любящія женщины, но еще болѣе прекрасныя гражданки. Согласимся, пожалуй, что въ Антигонѣ Софокла обѣ эти стороны развиты въ одинаковой мѣрѣ.

Совсѣмъ не то у Гёте. Быть представителемъ славы своего семейства и отечества предназначено у него Оресту; Ифигенія только грустить, молитъ и, гдѣ нужно, съ энергіей защищаетъ свое личное чувство. Но основаніемъ этого личнаго чувства

(*) Мы разумѣемъ «Ифигенію въ Авлидѣ».

служитъ чистѣйшая любовь къ человѣчеству, и тѣмъ самымъ получаетъ оно свое высокое значеніе (*). Самая идея трагедіи состоитъ въ примиреніи требованій сердца съ закономъ внѣшней необходимости: сердце, конечно, должно одолѣть эту мертвящую необходимость. Герои Гёте не способны дѣйствовать до-тѣхъ-поръ, пока не помирятся вполнѣ со своею совѣстью: одинъ веселый, дѣятельный Пиладъ своей философіей практическаго человѣка успокоилъ въ себѣ разъ навсегда всѣ нравственные вопросы. Но Орестъ страдаетъ, какъ убійца матери; Ифигенія — въ своей борьбѣ за чувство благодарности къ Тоасу. На этой внутренней борьбѣ и основанъ весь интересъ трагедіи. По наружности-же завязкою ея служитъ вопросъ, какъ-бы похитить статую Діаны и счастливо уйти изъ Тавриды, и въ концѣ пятаго акта оказывается, что вовсе нѣтъ надобности трогать статуи съ мѣста.

Такимъ образомъ трагедія Гёте, служа разрѣшеніемъ важныхъ психологическихъ вопросовъ, не составляетъ драмы въ Шекспировскомъ смыслѣ слова. Это, подобно «Фаусту», драматическая поэма. Гёте прекрасно понялъ, что самая сущность событія и положеніе лицъ требовали такого развитія дѣйствію. Дѣло шло о перенесеніи статуи Діаны и объ избавленіи Ореста отъ фурій. Неужели-же преступленіе можно было загладить новымъ проступкомъ: обманомъ и насиліемъ? Еврипидъ въ своей «Таврической Ифигеніи» выводитъ на сцену богиню Аѳину, чтобы оправдать похищеніе истукана. Но Еврипидъ думалъ только о прославленіи своей родины. Несравненно естественнѣе это искусственное явленіе божества у Гёте замѣнено божественнымъ голосомъ совѣсти, которая, направляя къ добру поступки человѣка, указываетъ ему средства къ примиренію съ богами. А въ этомъ и состоитъ вся сущность событія, заключающаяся въ преданіи объ Орестѣ. У Эсхила самъ герой долгими страданіями искупаетъ свой тяжкій грѣхъ; у

(*) Съ этой точки зрѣнія Ифигенія является и спасительницею своего семейства. Ея благочестіе примиряетъ боговъ съ родомъ Тантала.

Гёте достигаетъ онъ этого еще чрезъ мольбы непорочной сестры своей. Греческая Артемида чуждается дикихъ варваровъ, приносящихъ ей человѣческія жертвы; Артемида Гёте, покровительствуя самымъ варварамъ, чрезъ свою жрицу Ифигенію смягчаетъ ихъ нравы: съ этой точки зрѣнія лирическій характеръ трагедіи Гёте также оправдывается ея идеею.

Что сказать теперь о самомъ переводѣ? Предоставляю судить объ этомъ читателямъ. Я съ своей стороны старался, сколько умѣлъ, вмѣстѣ съ буквальною близостью къ подлиннику сохранить мелодію и ясную пластику стиховъ Гёте.

АКТЪ I.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИФИГЕНІЯ (*одна*) (1).

Подъ вашу сѣнь, священныя вершины
Густовѣтвистой, темной древней рощи,
Какъ въ тихое святилище богини,
Съ благоговѣйнымъ трепетомъ и нынѣ

(1) Все дѣйствіе драмы происходитъ передъ храмомъ Діаны, въ священной рощѣ. Ифигенія выходитъ изъ храма въ эту рощу, чтобъ посмотрѣть на близлежащее море и погрустить вновь о своей далекой Греціи. Какъ попала Ифигенія въ Тавриду, она сама объясняетъ далѣе въ рѣчи своей Тоасу. Царь страны держитъ ее *въ священныхъ узахъ рабства*. Этимъ опредѣляетъ она свое положеніе, какъ жрицы, и въ то-же время, какъ чужеземки, принужденной покоряться суровымъ обычаямъ народа, среди котораго поселила ее Діана, спасши отъ закланія на жертвенномъ кострѣ. Ифигенія вспоминаетъ въ своемъ монологѣ объ отцѣ, Агамемнонѣ, который принесъ ее въ жертву Діанѣ (Артемидѣ), чтобы отплыть счастливо изъ Авлида къ Троѣ, о матери Клитемнестрѣ, о братѣ, Орестѣ, и сестрѣ, Электрѣ. Болѣе 10 лѣтъ живя вдали отъ свѣта, она ничего не знаетъ ни о взятіи Трои, ни о страшной гибели отца своего, ни о мщеніи, совершенномъ за его убійство Орестомъ.

Вступаю, будто первый разъ вступала;
Все не обыкла видѣть васъ душа.
По волѣ высшей, власть которой чту,
Ужъ много лѣтъ живу здѣсь сокровенно;
Но все-жъ, какъ въ первый годъ, я на чужбинѣ.
Меня отъ милыхъ раздѣляетъ море,
И долго я стою на берегу,
Летя душой къ странѣ прекрасной Грековъ;
И на мой вздохъ лишь слышу шумъ волны,
Плескающей изъ темной глубины.
О горе тѣмъ, которые далеко
Отъ всѣхъ родныхъ томятся одиноко:
Отравленъ имъ тоскою лучшій мигъ!
Все въ домъ отцовскій ихъ мечты уносятъ,
Гдѣ въ первый разъ на безпредѣльномъ небѣ
Блеснуло солнце имъ, гдѣ братья, сестры
Средь дѣтскихъ игръ тѣснѣе и тѣснѣе
Соединялись въ узахъ нѣжной дружбы.
Я на боговъ не жалуюсь, но все-же
Удѣлъ жены не радостенъ. Въ дому
И на войнѣ мужчина властелинъ,
Онъ и въ чужой землѣ добудетъ счастье;
Его стяжанье радуетъ, побѣда
Его вѣнчаетъ, слава въ самой смерти.
А какъ ничтожна женщины судьба!
Уже супругу грубому покорность
Ей долгъ и лучшій даръ.... О какъ несчастна,
Когда еще враждебный рокъ умчитъ
Ее отъ милыхъ и родныхъ далеко!
Такъ и Тоасъ, мужъ благородный, здѣсь
Меня въ священныхъ узахъ рабства держитъ.
Какъ стыдно мнѣ признаться, что служу
Я съ тайнымъ ропотомъ тебѣ, богиня,
Тебѣ, моя спасительница! Жизнь
Должна-бъ я посвятить тебѣ свободно.
Да, я всегда надѣялась и нынѣ
Еще надѣюсь на тебя, Діана!
Ты приняла отверженную дочь
Великаго царя съ заботой нѣжной
Въ свои объятья. Дочь Зевеса!

Когда могучій мужъ, кому ты страхомъ
Дочерней крови требуя, была,
Когда богоподобный Агамемнонъ,
Свое дитя тебѣ принесшій въ жертву,
Тобой отъ стѣнъ разрушенныя Трои
Въ родимый край со славой возвращенъ
И сохранила ты всѣхъ благъ дороже
Ему: супругу, сына и Электру:
То возврати-же и меня къ моимъ,
Спаси меня, ты, спасшая отъ смерти,
Еще отъ жизни здѣсь, второй мнѣ смерти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія. Аркасъ (2).

Аркасъ.

Меня сюда самъ царь отправилъ къ жрицѣ
Діаниной съ поклономъ и привѣтомъ.
Въ сей день еще чудесною побѣдой
Обязана страна своей богинѣ.
Спѣшу сюда я отъ царя и войска
Тебѣ сказать, что онъ сейчасъ придетъ.

(2) Явленіе Аркаса служитъ къ тому, чтобъ указать противорѣчіе, въ которое поставлена Ифигенія между ея любовью къ родинѣ и благодарностью къ жителямъ страны, принявшей ее гостепріимно. Обязанность не столько въ отношеніи къ Тоасу, сколько въ отношеніи къ этимъ варварамъ, для которыхъ Ифигенія становится благодѣтельницей, должна была привлекать ея сердце къ Тавридѣ. Но любовь къ роднымъ съ годами все болѣе въ ней усиливается, и въ этомъ является она истиннымъ идеаломъ женщины. Сватовство Тоаса къ жрицѣ выведено здѣсь не съ пустою цѣлію придать драмѣ романтическую завязку, или угодить вкусу Германской публики; оно непосредственно мотивируетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствія и объясняетъ отношеніе царя къ Ифигеніи: его долгую къ ней привязанность и почетъ, которымъ она пользовалась, какъ благодѣтельница народа, его рѣшеніе возобновить прежній кровавый законъ, по которому пойманные Орестъ и Пиладъ должны быть принесены въ жертву, и наконецъ борьбу въ собственномъ сердцѣ Ифигеніи за благодарность. Такимъ образомъ въ сценѣ съ Аркасомъ уже начинается постепенное развитіе драматическаго дѣйствія.

ИФИГЕНІЯ.

Готовы мы принять его достойно.
Богиня наша милостиво взглянетъ
На благодушный даръ изъ рукъ Тоаса.

АРКАСЪ.

О еслибъ также жрицы взоръ безцѣнный,
Твой многочтимый, ясный, дѣва, взоръ
Сіялъ свѣтлѣе, добраго всего
Намъ знакомъ! Но еще глубоко скрыта
Твоя душа въ таинственной печали;
Напрасно ждемъ мы изъ груди твоей
Ужъ много лѣтъ довѣрчиваго слова.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ знаю здѣсь тебя, то взоръ,
Передъ которымъ трепещу невольно,
Какъ будто сердце у тебя въ груди
Заковано желѣзомъ неразрывнымъ.

ИФИГЕНІЯ.

Какъ и должно изгнанницамъ, сироткамъ!

АРКАСЪ.

И здѣсь считаешь ты себя такою?

ИФИГЕНІЯ.

Намъ родины чужбина не замѣнитъ.

АРКАСЪ.

Тебѣ не стала-ль родина чужою?

ИФИГЕНІЯ.

Вотъ отчего мое и страждетъ сердце
Неисцѣлимой раной. Въ раннихъ лѣтахъ,
Едва душа привыкла понимать,
Любовь отца, родимой и сестеръ,
Едва младыя вѣтви дружно, стройно
Изъ корня древняго прорвались къ свѣту, —
Тогда, къ-несчастью, чуждое проклятье,
Меня настигнувъ, отняло у милыхъ
И разорвало нашъ союзъ прекрасный

Рукой желѣзной! Радость первыхъ лѣтъ.
Все наслажденье юности умчалось;
Во мнѣ, спасенной, только тѣнь осталась,
А ужъ увялъ навѣки жизни цвѣтъ.

Аркасъ.

Когда себя считаешь столь несчастной,
Могу и я назвать неблагодарной.

Ифигенія.

Я благодарна.

Аркасъ.

Только не отъ сердца,
Не такъ, чтобъ за добро добромъ воздать:
Веселый взоръ, души довольной радость,
И благосклонность сердца показать.
Когда ужъ много лѣтъ назадъ тебя
Глубокой тайны полная судьба
Въ храмъ этотъ привела, какъ богомъ данной
Тебѣ Тоасъ съ почтеньемъ и любовью
На встрѣчу вышелъ; этотъ берегъ, бывшій
Всѣмъ чужеземцамъ ужасомъ дотолѣ,
Тебѣ явился дружескимъ и мирнымъ:
Всѣ до тебя вступавшіе къ намъ въ царство
Крававой жертвой на ступеняхъ храма
По старому обычью умирали.

Ифигенія.

Не жизнь одна даетъ дышать свободно.
И что за жизнь, когда въ священномъ мѣстѣ,
Подобно тѣни у своей могилы,
Я лишь скорбѣть должна? назвать-ли это
Самосознанья полной, свѣтлой жизнью,
Коль каждый день, въ пустыхъ мечтахъ погибшій,
Насъ приближаетъ къ тѣмъ угрюмымъ днямъ,
Что у тѣней на брегѣ сонной Леты
Въ самозабвеньи праздномъ протекаютъ.
Безъ пользы жизнь подобна ранней смерти,
И эта участь женщины — моя.

АРКАСЪ.

Что ты сама собою недовольна,
Прощаю: эта гордость благородна;
Но жаль тебя мнѣ, всю утѣху жизни
Ты отнимаешь этимъ у себя.
И будто съ дня прибытья твоего
Ты ничего здѣсь не свершила? Кто-же
Царя угрюмый духъ развеселялъ?
Кто убѣжденьемъ кроткимъ постепенно
Обычай дикій отклонять умѣлъ,
Чтобъ не платился жизнью чужеземецъ
У алтаря Діаны? кто въ отчизну
Столь многихъ плѣнныхъ возвратилъ, избавивъ
Отъ вѣрной смерти? и сама Діана,
Не гнѣваясь, что прежней лишена
Кровавой жертвы, на твой кроткій гласъ
Не отвѣчала-ль щедрыми дарами?
Не носится-ль крылатая побѣда
За войскомъ вслѣдъ и войска впереди?
И не блеснула-ль лучшихъ дней заря
Здѣсь каждому, съ тѣхъ поръ, какъ царь, столь долго,
Столь мудро, твердо нами управлявшій,
Въ присутствіи твоемъ душѣ дозволилъ
Еще и кротость, чтобы облегчить намъ
Безмолвнаго повиновенья долгъ?
И въ этомъ пользы нѣтъ? когда тобой
Отрада льется тысячамъ, когда,
Низпосланная богомъ, для народа
Источникомъ лишь счастья стала ты —
И на враждебномъ берегу пришельцамъ
Спасеніе готовишь и возвратъ?

ИФИГЕНІЯ.

Легко исчезнетъ малое предъ взоромъ,
Который много видитъ впереди.

АРКАСЪ.

Похвалишь тѣхъ, что дѣлъ своихъ не цѣнятъ?

ИФИГЕНІЯ.

Того хулятъ, кто вѣсъ имъ придаетъ.

Аркасъ.

И тѣхъ, что истинныхъ заслугъ не видятъ
По гордости, равно какъ тѣхъ, что ложнымъ
Тщеславно цѣну придаютъ. Повѣрь мнѣ,
На слово мужа положись, который
Тебѣ и вѣренъ и безъ лести преданъ.
Какъ царь съ тобой заговоритъ сегодня,
То облегчи ему сказать, что̀ въ мысляхъ.

Ифигенія.

Меня пугаешь каждымъ добрымъ словомъ.
Не безъ труда я часто отклоняла
Его мнѣ предложенья....

Аркасъ.

Но подумай,
Что дѣлаешь и что тебѣ полезно.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ царь лишился сына, мало
Кому изъ ближнихъ довѣряетъ онъ,
И то не такъ, какъ прежде; нерадушно
Подозрѣваетъ въ каждомъ благородномъ
Онъ замыселъ на царство; одинокой,
Безпомощной онъ старости боится,
Быть можетъ, также дерзкаго возстанья
И смерти преждевременной. Но Скиѳъ
Не любитъ многословья, царь — тѣмъ меньше.
Привыкшій лишь повелѣвать и дѣлать,
Не знаетъ онъ искусства въ тонкой рѣчи
Едва замѣтно мысль свою раскрыть.
Не затрудни-жъ его молчаньемъ скрытнымъ;
Не притворись, что словъ не понимаешь.
Сама на встрѣчу выдь въ полудорогѣ.

Ифигенія.

Я ускорить должна себѣ грозу?

Аркасъ.

Ты сватовство его зовешь грозою?

Ифигенія.

Да, это мнѣ всего страшнѣй на свѣтѣ.

Аркасъ.

Хоть будь къ нему довѣрчивой за дружбу.

Ифигенія.

Пусть прежде страхъ съ души моей онъ сниметъ.

Аркасъ.

Зачѣмъ предъ нимъ скрываешь ты свой родъ?

Ифигенія.

За тѣмъ, что жрицѣ тайна ужъ прилична.

Аркасъ.

Передъ царемъ не должно тайны быть.
Хоть онъ того не требуетъ, но знаетъ,
Глубоко чувствуетъ въ душѣ великой,
Что ты предъ нимъ заботливо таишься.

Ифигенія.

Онъ недоволенъ, онъ скучаетъ мной?

Аркасъ.

Почти что такъ. Хоть предъ тобой молчитъ онъ;
Но нѣсколько случайныхъ словъ, намековъ
Мнѣ пояснили, что въ его душѣ
Желанье твердое владѣть тобою.
О, не оставь его на жертву злу,
Чтобы въ груди созрѣвшая печаль
Тебѣ не обратилась въ ужасъ; поздно
Тогда ты вспомнишь добрый мой совѣтъ.

Ифигенія.

Какъ? мыслитъ царь, чего-бы не помыслилъ
Во-вѣки тотъ, кто именемъ своимъ
Лишь дорожитъ и страхъ святой имѣетъ
Къ богамъ: онъ мыслитъ взять у алтаря
И силой влечь меня къ себѣ на ложе?
То призову я всѣхъ боговъ и прежде
Всего Діану, твердую богиню;
Она свою защиту жрицѣ вѣрно,
Какъ дѣва дѣвѣ, радостно окажетъ.

Аркасъ.

Не бойся: пыла юношеской крови
Въ царѣ ужъ нѣтъ, чтобъ на такой поступокъ
Отважиться. Страшусь, въ его мысляхъ
Другое есть жестокое рѣшенье,
Которое исполнитъ неотмѣнно:
Такъ твердъ и непреклоненъ духъ его.
Прошу-же, если оказать другаго
Ему не можешь, будь хоть благодарной.

Ифигенія.

О что еще ты знаешь, все скажи....

Аркасъ.

Спроси его. Вотъ, вижу, самъ идетъ онъ.
Ты чтишь его; съ довѣрчивостью дружбы
Велитъ тебѣ ужъ собственное сердце
Его принять; а съ ласковою рѣчью
Надъ благороднымъ мужемъ много власти
Имѣетъ женщина.

Ифигенія (*одна*).

Но все-жъ не вижу,
Какъ доброму послѣдовать совѣту.
Исполню долгъ мой: за благодѣянье
Съ царемъ какъ можно ласковѣе быть;
Когда-бы только сильному могла я
Пріятное сказать и вмѣстѣ правду!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ифигенія. Тоасъ.

Ифигенія.

О царственнымъ добромъ благослови
Тебя богиня! дай побѣду, славу
Богатство, счастье подданнымъ твоимъ;
Тебѣ свершенье всѣхъ благихъ желаній.

Чтобъ, управляя многими въ заботѣ,
Изъ многихъ лучшимъ счастьемъ наслаждался!

Тоасъ.

Доволенъ былъ-бы я хвалой народа:
Что пріобрѣлъ я, больше моего
Другимъ въ утѣху служитъ. Всѣхъ счастливѣй
Тотъ человѣкъ, будь царь онъ или нищій,
Кто счастіе въ своемъ дому находитъ.
Брала участье въ скорби ты моей,
Какъ мечъ враговъ у сердца моего
Послѣдняго, любимца сына отнялъ.
Покуда месть душой моей владѣла,
Дворецъ пустымъ мнѣ не казался; нынѣ-жъ,
Когда исполнилъ я свое желанье,
Ихъ царство разоривъ, отмстивъ за сына,
Въ дому ничто не радуетъ меня.
Веселая покорность, въ каждомъ взорѣ
Сіявшая мнѣ прежде, ужъ тускнѣетъ
Теперь заботой, тайнымъ невольствомъ.
Всѣ мыслятъ, что̀-то ждетъ ихъ впереди
И за бездѣтнымъ слѣдуютъ по нуждѣ.
Вотъ прихожу сегодня въ этотъ храмъ,
Куда столь часто я вступалъ побѣды
Молить и за побѣду благодарный.
Несу я въ сердцѣ старое желанье;
Не будетъ неожиданнымъ иль чуждымъ
Оно тебѣ: надѣюсь я, на счастье
Народа моего, на счастье мнѣ,
Ввести тебя въ свой домъ супругой нынѣ.

Ифигенія.

Для неизвѣстной слишкомъ уже много
Щедроты, царь.... Бѣглянка предъ тобой
Краснѣть готова: здѣсь на берегу
Себѣ защиты только и покоя
Она искала; все, ты все ей далъ.

Тоасъ.

Что предо мною ты, какъ предъ послѣднимъ,
Скрываешь тайну своего прибытья,

Въ странѣ то всякой было-бы нечестно.
Пришельцамъ страшенъ этотъ берегъ: такъ
Законъ повелѣваетъ и нужда.
Тебѣ-же всѣ права даны: у насъ
Обласканная гостья, жизнь приводишь
По собственной ты прихоти и волѣ;
За наше все гостепріимство больше
Я отъ тебя довѣренности ждалъ.

Ифигенія.

Нѣтъ, царь, причина есть тому иная,
Что имя я родителей и домъ свой
Скрываю.... Ахъ, когда-бъ ты только зналъ,
Кто предъ тобою, подъ какимъ проклятьемъ
Тобой такъ нѣжно призрѣнная дѣва!
Затрепетала-бъ въ ужасѣ невольно
Душа твоя великая: не тронъ
Мнѣ предложилъ-бы раздѣлять, а можетъ
Ужъ изгналъ-бы меня давно изъ царства;
Меня-бы, прежде чѣмъ возвратъ счастливый
Съ концемъ блужданья мнѣ сужденъ, быть можетъ,
Ты ввергъ въ бѣду, какая ждетъ повсюду
Изгнанниковъ изъ родины, скитальцевъ,
Съ подъятою, безжалостной рукою.

Тоасъ.

Чтобъ ни рѣшили боги о тебѣ,
Чтобъ ни судили дому твоему,
Все-жъ развѣ мало благостей съ небесъ
Нисходитъ къ намъ, съ-тѣхъ-поръ-какъ ты у насъ,
Почетомъ гостя пользуясь, живешь.
Съ трудомъ повѣрю, чтобъ въ тебѣ вину
Души преступной взялъ я подъ защиту.

Ифигенія.

Не гость, а милость благъ тебѣ податель.

Тоасъ.

Добра не будетъ въ милости къ преступнымъ.
Оставь-же нынѣ скрытность и молчанье;

Душѣ моей чужда несправедливость;
Богиня мнѣ тебя передала:
Какъ ей свята была ты, такъ и мнѣ.
Ея мнѣ воля и впередъ законъ.
Коль на возвратъ тебѣ надежда есть,
Отъ требованій всѣхъ тебя избавлю.
Но изгнанъ родъ твой иль какимъ великимъ
Несчастьемъ истребленъ, по всѣмъ законамъ
Моя, моя ты.... говори-жъ открыто:
Ты знаешь, слово я сдержу навѣрно.

Ифигенія.

Какъ трудно разрѣшить отъ старыхъ узъ
Свои уста, чтобъ наконецъ открыть
Скрываемую долго тайну! Разъ ужъ
Повѣрена, покинетъ безъ возврата
Въ глубокомъ сердцѣ вѣрный свой пріютъ,
Къ вреду иль къ пользѣ? воля въ томъ боговъ, —
Узнай-же: я изъ Танталова рода (3).

Тоасъ.

Великое произнесла ты слово.
Изъ предковъ не того-ли называешь,
Кто сталъ извѣстенъ свѣту, какъ любимецъ
Боговъ когда-то? — Тотъ-ли это Танталъ,
Что принятъ Зевсомъ былъ, какъ собѣседникъ,
Чей разговоръ, живой игры ума
И опытности полный, какъ оракулъ
Самихъ боговъ увеселялъ?

Ифигенія.

Тотъ самый.
Но боги не должны-бы обращаться

(3) Отчего, послѣ долголѣтняго пребыванія въ Тавридѣ, Ифигенія теперь въ первый разъ открываетъ свое происхожденіе? Къ этому понуждаетъ ее благодарность за великодушіе къ ней царя. Весь за тѣмъ слѣдующій разсказъ въ точности составленъ по Греческимъ преданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ драмахъ, касающихся судебъ Атреева дома, у Эсхила, Софокла и Еврипида. О казни Тантала упоминаетъ и Гомеръ (Одис. XI, 582—592). Этими преданіями прекрасно воспользовался Гёте, чтобы дать драматическую обстановку своей трагедіи. Въ нихъ на самомъ дѣлѣ болѣе сценическаго дѣйствія, чѣмъ въ идеальныхъ чувствахъ Ифигеніи и Ореста.

Съ людьми, какъ будто съ равными; родъ смертныхъ
Ужъ слишкомъ слабъ, чтобъ твердо устоять
На непривычной высотѣ. Безчестенъ,
Или какой измѣнникъ не былъ Танталъ.
Но для слуги высокъ, а для пріязни
Съ властителемъ громовъ лишь человѣкъ.
Какъ человѣкъ и согрѣшилъ онъ; судъ ихъ
Жестокъ былъ; говорятъ пѣвцы: надмѣнность,
И непокорство отъ трапезы Зевса
Къ позору Тártара его низвергли.
Ахъ, и весь родъ его понесъ съ собою
Ихъ ненависть!

ТОАСЪ.

Виной своей иль предковъ?

ИФИГЕНІЯ.

Грудь мощная и крѣпкій духъ Титановъ
Отчáсти сыновей его и внуковъ
Наслѣдьемъ были; но вокругъ чела ихъ,
Казалось, богъ сковалъ желѣзный обручъ;
Умѣренность, совѣтъ, терпѣнье, мудрость
Сокрылъ предъ ихъ угрюмымъ, дикимъ взоромъ.
Страсть каждая имъ въ ярость обращалась
И ярость ихъ ни въ чемъ границъ не знала;
Ужъ Пéлопсъ, волею гигантъ, любимый
Сынъ Тáнтала, убійствомъ и измѣной
Прелестную себѣ супругу дóбылъ
Гипподамію, Эномая дочь (4).
Два сына были плодъ желанный брака,
Атрей и Ѳіестъ. Съ завистью взирали
Они на брата старшаго: отцемъ
Любимый больше, онъ еще отъ первой
Жены родился. Злоба ихъ сдружила
И втайнѣ совершить они рѣшились
Братоубійство, первое злодѣйство.
Отецъ-же ложно обвинилъ въ убійствѣ

(4) По преданію, Пелопсъ, чтобъ получить Гипподамію, долженъ былъ состязаться съ Эномаемъ въ колесничномъ бѣгѣ. Онъ подкупилъ возницу царя, Миртила, и такимъ образомъ выигралъ побѣду; Эномай погибъ, выпавъ изъ колесницы.

Гипподамію; грозно у нея
Сталъ требовать онъ сына.... умертвила
Она сама себя....

Тоасъ.

Замолкла ты?...
Что-жъ? продолжай.... быть искренной не бойся.

Ифигенія.

Счастливъ, кому пріятна мысль о предкахъ,
Кто слухъ займетъ плѣнительнымъ разсказомъ
Объ ихъ дѣлахъ, величьи, и въ ряду
Прекрасномъ ихъ звеномъ послѣднимъ цѣпи
Увидитъ съ тихой радостью себя.
Не вдругъ родится полубогъ иль извергъ
Въ какой-нибудь семьѣ; но цѣлый рядъ
Злыхъ или добрыхъ свѣту наконецъ
Приноситъ ужасъ, радостью бываетъ.
По смерти ихъ отца, Атрей и Ѳіестъ
Владѣли вмѣстѣ городомъ. Согласье
Не долго длилось; скоро ложе брата
Осквернено Ѳіестомъ; мстя Атрей
Изгналъ его изъ царства. Ужъ давно,
О тяжкомъ злодѣяньи мысля, Ѳіестъ
Искусно сына братняго похитилъ
И льстивый, тайно, будто своего,
Вскормилъ въ дому. Онъ яростью и мщеньемъ
Его наполнилъ грудь и въ царскій городъ
Отправилъ, чтобъ отца роднаго въ дядѣ
Онъ умертвилъ. Но замыселъ открытъ,
Царемъ казненъ подосланный убійца,
Какъ брата сынъ. Ужъ поздно онъ узналъ,
Кто среди пытокъ умеръ передъ взоромъ
Его слѣпымъ. Сгарая жаждой мщенья,
Замыслилъ онъ неслыханное дѣло:
Явивъ себя спокойнымъ, равнодушнымъ,
Онъ брату миръ притворно объявилъ,
Призвалъ его къ себѣ съ двумя сынами,
Схватилъ дѣтей, убилъ ихъ и — ужасно!....
Онъ эту отвратительную пищу

На первомъ пиршествѣ поднесъ отцу.
Какъ Ѳіестъ собственной своею плотью
Насытился, тоска его взяла:
Дѣтей онъ требуетъ; ужъ вотъ, казалось,
Шаги ихъ, голосъ слышитъ у дверей....
Тогда Атрей бросаетъ съ ѣдкимъ смѣхомъ
Ему убитыхъ голову и ноги....
Ты въ ужасѣ свой отвращаешь взоръ, —
Да, царь, такъ ликъ свой солнце отвратило,
И, содрогнувшись, колесница Феба
Отъ колеи небесной уклонилась.
Вотъ предки твоей жрицы; не одну
Еще судьбу злосчастную мужей
И не одно безумства злое дѣло
Скрываетъ подъ крыломъ тяжелымъ ночь,
Намъ только блѣдный сумракъ оставляя.

Тоасъ.

Сокрой и ты въ молчаньи. Ужъ довольно
Намъ ужасовъ. Скажи, какимъ-же чудомъ
Отъ дикой отрасли родилась ты.

Ифигенія.

Атрея старшій сынъ былъ Агамемнонъ.
Онъ мой отецъ. Но съ самыхъ первыхъ дней,
Могу признаться, я привыкла видѣть
Въ немъ мужа совершеннѣйшаго образъ.
Отъ Клитемнестры у него родились
Я, первенецъ любви, потомъ Электра.
Спокойно правилъ царь; давно желанный
Миръ данъ былъ дому Тáнтала, казалось.
Для счастія родителей лишь сына
Недоставало, и едва желанье
Исполнилось, что между двухъ сестеръ
Орестъ любимецъ выросъ, ужъ гроза
Опять надъ тихимъ домомъ поднялася.
До васъ дошла молва о той войнѣ,
Которая на месть за похищенье
Жены прелестной всѣхъ вождей Эллады
Къ стѣнамъ Троянскимъ грозно привела.

Я не слыхала, взять-ли ими городъ,
Достигнута-ли цѣль ихъ. Мой отецъ
Начальствовалъ надъ Греками. Въ Авлидѣ
Они вѣтровъ попутныхъ ждали тщетно.
На ихъ вождя великаго Діана
Гнѣвна была, спѣшившихъ удержала
И требовала Ка́лхаса устами
На жертву старшей дочери царя.
Вотъ приманили съ матерью меня
Обманомъ въ лагерь, на алтарь схватили
И принесли меня богинѣ въ жертву.
Она смягчилась; не желала крови
Она моей и въ облакѣ укрывъ,
Спасла меня; отъ смерти первый разъ
Ужъ только въ этомъ храмѣ я очнулась.
И вотъ та Ифигенія сама,
Атрея внучка, дочь Агамемнона,
Богини достоянье, здѣсь съ тобою!

Тоасъ.

Для дочери царя довѣрья больше
Иль предпочтенья, чѣмъ для неизвѣстной,
Нѣтъ у меня; но повторяю то-же:
Пойдемъ со мной и все раздѣлимъ вмѣстѣ.

Ифигенія.

Какъ на такой мнѣ шагъ рѣшиться, царь?
Одна богиня, спасшая меня
Владѣетъ жизнью, ей ужъ посвященной.
Убѣжище мнѣ давъ, хранитъ она,
Быть можетъ, лучшей радостью на старость
Меня отцу, который ужъ довольно
Моею мнимой смертью былъ наказанъ.
Мнѣ можетъ близокъ радостный возвратъ,
И по ея путямъ я не пойду,
Свяжу себя ея противно волѣ?
Чтобъ здѣсь остаться — знаменье мнѣ нужно.

Тоасъ.

Что все ты здѣсь, ужъ знаменьемъ тому.
Такихъ не нужно робкихъ отговорокъ:

Въ отказѣ рѣчи длинныя напрасны;
Кому отказъ, тотъ слышитъ только: нѣтъ.

Ифигенія.

То не слова, чтобъ только ослѣплять.
Я сердце все мое тебѣ открыла.
Сознайся самъ, какъ съ боязливымъ чувствомъ
Должна я къ матери, отцу и сестрамъ
Душой стремиться? Чтобъ въ палатахъ древнихъ,
Какъ будто о новорожденной радость
Цвѣты сплетала отъ колоннъ къ колоннамъ!
О, еслибъ ты послалъ меня туда!
И мнѣ и всѣмъ жизнь новую ты далъ-бы.

Тоасъ.

Такъ возвращайся! дѣлай, какъ по сердцу,
А доброму совѣту и разсудку
Внимать зачѣмъ? Будь женщиной вполнѣ,
Отдайся необузданному чувству,
Которое несетъ подобно вихрю
Туда-сюда. Ужъ если загорится
Въ васъ это чувство, никакія узы
Святыя не помогутъ: соблазнитель
Васъ у супруга, у отца отниметъ
Изъ вѣрныхъ, долго васъ хранившихъ рукъ.
Молчитъ-же страсть кипучая въ груди,
То золотыя, вѣрныя уста
Всей силой убѣжденья васъ не тронутъ.

Ифигенія.

Царь, слово благородное мнѣ далъ ты!
За искренность мою такая-ль плата?
Все слышать былъ, казалось, ты готовъ.

Тоасъ.

Но не къ тому, чего совсѣмъ не ждалъ.
А ждать былъ долженъ: развѣ я не зналъ,
Что дѣло съ женщиной имѣю?

Ифигенія.

Царь,
Нашъ бѣдный полъ напрасно не кори.

Хоть и не столь блистательно, какъ ваше,
Но также честно женщины оружье.
Повѣрь мнѣ: въ томъ мой перевѣсъ, что лучше
Твое я счастье вижу, чѣмъ ты самъ.
Ты мнишь, себя не зная и меня,
Что въ узахъ болѣй близкихъ ждетъ насъ счастье.
Съ желаньемъ добрымъ, съ доброю надеждой
Настойчиво мнѣ руку предлагаешь,
А я благодарю боговъ, что дали
Они мнѣ твердость не принять союза,
Который былъ-бы ими осужденъ.

Тоасъ.

Твое то сердце говоритъ, не боги!

Ифигенія.

Они чрезъ сердце наше и гласятъ намъ.

Тоасъ.

А я ихъ слышать права не имѣю?

Ифигенія.

Не слышенъ въ шумѣ бури нѣжный голосъ.

Тоасъ.

То жрица только можетъ имъ внимать?

Ифигенія.

Пусть прежде всѣхъ имъ внемлетъ царь.

Тоасъ.

Тебя
Твой санъ святой, наслѣдственное право
На дружбу Зевса близитъ ужъ съ богами
Не такъ, какъ сына дикаго земли.

Ифигенія.

То остается мнѣ лишь сожалѣть,
Что такъ тебѣ довѣрилась невольно.

Тоасъ.

Я человѣкъ; и лучше намъ покончить.
Не отступлю отъ слова: будь, какъ прежде,

Богини жрицей, по ея-жъ избранью;
Но мнѣ прости Діана, что донынѣ
Неправо, съ тайнымъ совѣсти упрекомъ
Лишалъ ее старинной жертвы я.
Лишь ты своею дружбою, въ которой
То дочери я нѣжную любовь,
То тихую привязанность супруги
Съ утѣхой видѣлъ, какъ волшебной цѣпью,
Меня сковала и забылъ я домъ свой.
Ты успокоила во мнѣ сомнѣнья,
И ропота народа я не слышалъ.
Теперь ужъ громко въ ранней смерти сына
Меня винитъ онъ: для тебя не стану
Я болѣе удерживать толпу,
Чтó требуетъ съ настойчивостью жертвы.

Ифигенія.

Вѣкъ для себя того я не желаю.
Не понимаетъ тотъ боговъ, кто видитъ
Въ нихъ кровожадность; лишь свою жестокость
Имъ придаетъ онъ. Не сама-ль богиня
Спасла меня изъ рукъ жреца? моя
Пріятнѣй служба ей была, чѣмъ смерть.

Тоасъ.

Не слѣдуетъ своимъ разсудкомъ шаткимъ
Намъ смѣло толковать иль измѣнять
По прихоти души святой обычай.
Свой долгъ исполни, я исполню свой.
Два чужеземца найдены въ пещерѣ
На берегу; землѣ моей добра
Не жду отъ нихъ, велѣлъ я ихъ схватить.
Пускай твоей богинѣ будутъ первой,
Законной, ужъ давно желанной жертвой.
Пришлю сюда ихъ; службу знаешь ты.

(*Уходитъ*).

Ифигенія (*одна*).

Облака ты имѣешь, моя спасительница,
Чтобъ укрыть въ нихъ невинно-гонимую,

Унести изъ рукъ желѣзной судьбы
На вѣтрахъ, черезъ бездны морскія,
Чрезъ пространства земли безпредѣльныя,
И куда лишь угодно тебѣ, милосердая.
Ты мудра, ты провидишь грядущее,
Для тебя нѣтъ забвенья минувшему,
И твой взоръ надъ твоими покоится,
Какъ твой свѣтъ, оживляющій ночь,
Надъ землей усыпленною бодрствуетъ (5).
Воздержи, воздержи мои руки отъ крови,
Никогда въ ней не будетъ добра и покою;
И убійцу печально тревожнаго
Образъ даже случайно убитыхъ
Въ часъ ночной сторожитъ и пугаетъ.
Да, безсмертные милуютъ доброе племя
На землѣ необъятной живущихъ людей.
Готовы охотно смертнымъ они
Срокъ мимолетной жизни продлить;
Охотно даруютъ еще хоть на мигъ
Ихъ святое, вѣчное небо
Въ наслажденьи любви созерцать.

АКТЪ II.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Орестъ. Пиладъ.

Орестъ (6).

То смертный путь теперь лежитъ предъ нами;
Моя душа спокойнѣй съ каждымъ шагомъ.

---

(5) Извѣстно, что Діанѣ поклонялись между прочимъ какъ лунѣ, богинѣ ночи. Напротивъ, братъ ея Аполлонъ былъ олицетвореніемъ солнца. Вся молитва Иѳигеніи къ Діанѣ написана въ духѣ хорическихъ пѣсней Еврипида, исполненныхъ часто самаго возвышеннаго лиризма, но выражаетъ идею человѣколюбія, болѣе свойственную христіанскому міру.

(6) Во второмъ актѣ мы видимъ Ореста и Пилада скованными, пока Иѳигенія не снимаетъ съ нихъ цѣпи. Орестъ прибылъ въ Тавриду, чтобъ, испол-

Какъ Аполлона я молилъ избавить
Меня отъ грозныхъ, мстительныхъ богинь,
Сопутницъ неотступныхъ, онъ, казалось,
Оракуломъ, ласкающимъ надежду,
Мнѣ помощь и спасенье обѣщалъ
Въ святилищѣ своей многолюбимой
Сестры, которой власть надъ всей Тавридой;
Исполнилось теперь, что всѣ напасти
Окончатся вполнѣ съ моею жизнью.
Какъ мнѣ легко, когда рука боговъ
Смыкаетъ сердце, омрачаетъ умъ,
Съ прекраснымъ свѣтомъ дня навѣкъ разстаться.
Пусть не дано Атрея внукамъ въ битвѣ
Съ вѣнцомъ побѣднымъ гибнуть; пусть, какъ предки,
Какъ мой отецъ, и я въ кровавыхъ мукахъ
Паду подобно жертвенному звѣрю —
Пускай! все-жъ лучше здѣсь при алтарѣ,
Чѣмъ въ потаенномъ мѣстѣ, гдѣ злодѣй,
Родной вашъ близкій, скрытно сѣти ставитъ.
Подземные, покою мнѣ покуда!
Вы, что за кровью, каплющей повсюду
Со стопъ моихъ, мой означая путь,
Слѣдите чутко, жаднымъ псамъ подобно —
Покою! скоро, скоро къ вамъ сойду.
И мнѣ, какъ вамъ, не видѣть свѣту дня;
Земли коверъ зеленый, пышный мертвымъ
Не будетъ мѣстомъ поприща. Найду васъ
Тамъ подъ землею: въ вѣчной тусклой ночи

нивъ оракулъ Аполлона, избавиться отъ преслѣдованія фурій. Онъ, какъ полагаетъ, долженъ похитить истуканъ Артемиды и перенести его въ Грецію. Но вотъ съ самаго начала герой уже не можетъ дѣйствовать, по двумъ причинамъ: онъ въ цѣпяхъ и кромѣ того на его совѣсти лежитъ тяжкій грѣхъ. Фуріи, выведенныя у Эсхила на сцену, замѣнены у Гёте внутреннимъ страданіемъ: мрачнымъ уныніемъ и отчаяньемъ души, заклейменной пятномъ убійства. Такимъ-образомъ сцены между Орестомъ, Пиладомъ и Ифигеніей, исполненныя самаго живаго дѣйствія у Еврипида (въ Ифигеніи въ Тавридѣ), у Гёте выражаютъ одни томленія чувства, на цѣлые два акта останавливающія движеніе драмы. Одинъ только бодрый характеръ Пилада, совершенно погруженнаго во внѣшнія событія, оживляетъ нѣсколько сценическое дѣйствіе. Какъ-бы то ни было, всѣ эти лирическія сцены истинно-прекрасны и вполнѣ вытекаютъ изъ общей идеи драмы.

Тамъ всѣхъ одна судьба соединитъ.
Тебя лишь, мой Пиладъ, тебя, безвинный
Моей вины участникъ и изгнанья,
Какъ жаль мнѣ брать тебя, еще младаго,
Въ юдоль печали! Жизнь твоя иль смерть
Одной еще надеждой мнѣ иль страхомъ.

Пиладъ.

Я не готовъ еще, какъ ты, Орестъ,
Переселиться въ это царство мертвыхъ.
Надѣюсь все: по сбивчивымъ стезямъ,
Ведущимъ насъ, какъ мнится, къ темной ночи,
Еще мы можемъ выпутаться къ жизни.
О смерти я не думаю; я мыслю,
Я вслушиваюсь, не дадутъ-ли боги
Совѣтъ и путь намъ къ радостному бѣгству.
Боимся, не боимся-ль смерти, все-же
Ея не избѣжать. Какъ жрица руку
Подниметъ срѣзать наши кудри въ жертву,
Одной я только мыслью о твоемъ
И о моемъ спасеньи буду занятъ.
То ободрись душей; своимъ сомнѣньемъ
Опасность ускоряешь ты; намъ слово
Далъ Аполлонъ: въ святилищѣ сестры
Утѣха, помощь — все тебѣ готово.
Слова боговъ двузначны не бываютъ,
Какъ митъ въ своемъ уныньи несчастливецъ.

Орестъ.

Ужъ мать покровомъ чернымъ осѣнила
Чело мнѣ молодое; такъ возросъ я,
Во всемъ отца подобье, и нѣмой
Мой взоръ всегда упрекомъ ѣдкимъ былъ
Ей и ея любовнику. Какъ часто,
Когда сестра Электра одиноко
Въ тиши палатъ сидѣла у огня,
Въ тоскѣ жестокой ей на грудь я падалъ
Оцепенѣлый.... и въ слезахъ блистали
Ея большія очи. Говорила
Она мнѣ много объ отцѣ великомъ.

Какъ видѣть я желалъ его, обнять!
То мыслью въ Троѣ былъ съ нимъ, то въ дому...
И день насталъ....

ПИЛАДЪ.

Оставь: объ этомъ часѣ
Пусть духи тьмы бесѣдуютъ въ ночи.
Воспоминанье лучшихъ дней намъ дастъ
На новый путь геройскій новой силы.
Богамъ на службу нуженъ кой-какой
Искусный мужъ въ обширномъ здѣшнемъ мірѣ.
У нихъ и ты въ счету; тебѣ не дали
Они сопутствовать отцу, который
Насильно былъ сведенъ въ Аидъ.

ОРЕСТЪ.

О лучше-бъ,
Одежды край схвативъ, за нимъ сошелъ я!

ПИЛАДЪ.

Но боги, сохранившіе тебя,
И обо мнѣ заботились: чтобъ сталось
Со мной, погибни ты, представить трудно.
Съ тобой и только для тебя живу
И жить могу я съ самыхъ дѣтскихъ дней (7).

ОРЕСТЪ.

Не вспоминай о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ,
Когда твой домъ пріютъ мнѣ далъ свободный.
Съ любовью мудрой честный твой отецъ
Полупоблекшій цвѣтъ младой лелѣялъ;
И ты, всегда веселый сотоварищъ,
Какъ радужный, игривый мотылекъ
Вкругъ темнаго цвѣтка, вокругъ меня

(7) Когда Клитемнестра убила супруга, Электра спасла своего маленькаго брата, и онъ воспитанъ былъ въ домѣ отца Пиладова, Строфія, который былъ мужемъ сестры Агамемнона. Объ этомъ разсказываетъ самъ Орестъ въ третьемъ актѣ. Какъ ни идеальна дружба его съ Пиладомъ, однакожъ она въ точности воспроизводитъ главнѣйшую черту Греческихъ нравовъ: дружба у Грековъ стояла несравненно выше эгоистическихъ отношеній мужчины къ женщинѣ.

Порхалъ, рѣзвился, полонъ юной жизни,
Своей утѣхой на душу мнѣ вѣялъ,
Чтобъ, окрыленъ отвагой молодой,
Извѣдать счастье я летѣлъ съ тобой.

Пиладъ.

Къ тебѣ съ любовью началась тогда
И жизнь моя.

Орестъ.

Скажи: «мое несчастье» —
Вѣрнѣе скажешь. То всего ужаснѣй
Въ моей судьбѣ, что, какъ изгнанникъ чумный,
Скорбь тайную и смерть ношу въ груди;
Что, гдѣ ступлю среди людей здоровыхъ,
Вокругъ меня въ чертахъ цвѣтущихъ лицъ
Ужъ видны смерти медленныя муки.

Пиладъ.

Такъ я, Орестъ, скорѣе всѣхъ-бы умеръ,
Когда-бъ твое дыханье отравляло.
Не полонъ-ли я все отваги бодрой?
А вѣрь мнѣ, бодрость свѣтлая, любовь
Для дѣлъ великихъ крылья...

Орестъ.

Дѣлъ великихъ?
Да, было время, мы о нихъ мечтали!
Какъ по горамъ и доламъ за звѣрями
Гонялись вмѣстѣ мы, надѣясь также,
Подобны славнымъ предкамъ грудью, дланью,
Съ мечемъ и грозной палицей въ рукахъ,
Чудовище, грабителя настигнуть;
Какъ вечеромъ, безмолвные, другъ къ другу
Склонясь, въ раздумьи тихомъ мы сидѣли
У моря безпредѣльнаго, и волны
Играя, къ нашимъ падали ногамъ;
Широкъ, открытъ лежалъ предъ нами свѣтъ, —
Тогда одинъ изъ насъ за мечъ хватался,
И дѣлъ грядущихъ блескъ насъ окружалъ,
Безчисленныхъ, какъ звѣзды въ тьмѣ ночной.

Пиладъ.

Трудъ безконеченъ, что душа стремится
Исполнить. Каждый подвигъ нашъ хотѣли-бъ
Такимъ великимъ тотчасъ мы содѣлать,
Какъ возрастетъ онъ, много лѣтъ спустя,
Когда его уста пѣвца возвысятъ,
По всѣмъ землямъ изъ рода въ родъ прославивъ.
Когда, во млгѣ вечерней отдыхая,
На арфѣ тихо юноша играетъ,
Содѣланное нашими отцами
Звучитъ такъ сладко; дѣло-жъ нашихъ рукъ
Какъ было и у нихъ, одинъ пустой,
Недовершенный и тяжелый трудъ!
Бѣжимъ за тѣмъ мы, что отъ насъ летитъ,
И сами своего пути не видимъ:
И предковъ намъ стопы едва замѣтны
И слѣдъ земной ихъ жизни подлѣ насъ.
Мы все спѣшимъ за тѣнью ихъ; далеко
Она вѣнчаетъ, какъ небесный призракъ,
На облакѣ златомъ горы вершину!
Я не цѣню того, кто все мечтаетъ,
Какъ можетъ быть его народъ возвыситъ;
Но, юноша, благодари боговъ,
Что въ юныхъ лѣтахъ много такъ содѣлалъ.

Орестъ.

Кому боговъ даяньемъ славный подвигъ,
Что отъ друзей онъ гибель отклонилъ,
Свое возвысилъ царство, безопасность
Границамъ далъ, и старые враги
Бѣгутъ иль гибнутъ — тотъ благодари.
Послѣдняя и первая на свѣтѣ
Дарована ему богами радость.
Быть палачомъ они меня избрали,
Убійцей матери всегда почтенной;
И дѣло мстя постыдное, постыдно
По волѣ ихъ я гибну. Вѣдь мнѣ, судъ
Надъ домомъ Тантала рѣшенъ; послѣдній,
Не безъ вины, не съ честью я умру.

Пиладъ.

На сынѣ мстить отцовскаго злодѣйства
Не будутъ боги; добрый или злой,
Получитъ всякъ за собственное дѣло
И мзду свою; отцевъ благословенье,
А не проклятье служитъ намъ наслѣдьемъ (8).

Орестъ.

Не думаю, чтобъ ихъ благословенье
Насъ привело сюда.

Пиладъ.

Но все-же воля
Боговъ святая.

Орестъ.

Воля ихъ сгубить насъ.

Пиладъ.

Свершай велѣнье только ихъ и жди.
Какъ Аполлону возвратишь сестру,
И нераздѣльно въ Дельфахъ будутъ жить
Они, народомъ чтимы благодушнымъ,—
То за такое дѣло, вѣрно, милость
Небесная чета тебѣ окажетъ:
Спасетъ изъ рукъ богинь подземныхъ; въ эту
Ужъ рощу ни одна изъ нихъ не вступитъ (9).

Орестъ.

То хоть спокойной смерти я достигну.

---

(8) Въ этихъ словахъ высказывается главнѣйшая мысль Гётевой драмы. Греки допускали милосердіе боговъ на столько, что потомство, уже испытавъ на себѣ кару безсмертныхъ, идущую изъ рода въ родъ, наконецъ достигаетъ примиренія съ ними.

(9) У Эсхила однако фуріи (Евмениды), преслѣдующія Ореста, смѣло являются сначала въ Дельфахъ, а потомъ въ храмѣ Минервы (Аѳины); но благодѣтельная богиня смиряетъ ихъ неукротимый нравъ и заставляетъ благотворительствовать смертнымъ. На это измѣненіе характера фурій Гёте не обратилъ вниманія: онѣ остаются у него по прежнему адскими богинями.

Пиладъ.

Совсѣмъ иначе думаю: искусно
Минувшее я съ будущимъ связалъ,
И обсудилъ въ тиши. Давно ужъ дѣло
Великое въ совѣтѣ у боговъ,
Быть можетъ, зрѣетъ. Изъ земли сей дикой,
Отъ жертвы человѣческой, кровавой
Душа Діаны жаждетъ удалиться;
Мы избраны на сей прекрасный подвигъ,
На насъ возложенъ онъ: чудесный случай,
Едва приплыли, насъ привелъ сюда (10).

Орестъ.

Съ искусствомъ дивнымъ сплесть въ одно умѣешь
Совѣтъ боговъ ты и свои желанья.

Пиладъ.

Чтὸ мудрость человѣка, если къ высшей,
Небесной волѣ слуха не склоняетъ?
Богъ призываетъ на тяжелый подвигъ
Преступнаго во многомъ человѣка;
И невозможно, кажется, исполнить,
Но побѣдитъ герой: богамъ и свѣту
Онъ служитъ честно, и бываетъ чтимъ.

Орестъ.

Назначенъ я, чтобъ дѣйствовать и жить,
То пусть мнѣ богъ съ тяжелаго чела
Недугъ тотъ сниметъ, что подобно вихрю
Меня влечетъ по скользкому пути,
Обрызганному матернею кровью,
Въ подземный край, — пусть, милостивъ, осушитъ
Источникъ, что изъ материнскихъ ранъ,
Струясь ко мнѣ, меня пятнаетъ вѣчно.

---

(10) Такъ дѣйствительно представлено у Еврипида (Ифигенія въ Тавридѣ); но у Гёте главный интересъ сосредоточенъ на Ифигеніи, которая, какъ увидимъ, достигаетъ того, что варвары становятся *достойными* имѣть у себя ликъ богини.

ПИЛАДЪ.

Съ терпѣньемъ жди! ты умножаешь зло
И дѣло фурій на себя берешь.
Дай мнѣ обдумать, самъ спокоенъ будь!
Я послѣ призову тебя на дѣло:
Соединивши силы, мы приступимъ
Съ разумною отвагой къ исполненью.

ОРЕСТЪ.

То самого Улисса рѣчь.

ПИЛАДЪ.

Не смѣйся.
Себѣ героя каждый долженъ выбрать,
Которому во слѣдъ тропу къ Олимпу
Пробьетъ онъ. Я готовъ сознаться: хитрость
Имѣть съ умомъ не стыдно вовсе мужу,
Идущему на смѣлый подвигъ.

ОРЕСТЪ.

Я-же
Цѣню того, кто смѣлъ и вмѣстѣ прямъ.

ПИЛАДЪ.

Вотъ отъ того и не просилъ совѣта
Я у тебя. Ужъ сдѣланъ первый шагъ.
Подобная богинѣ, чужеземка
Сковать успѣла здѣсь законъ кровавый.
Молитву, сердце чистое богамъ
И мирры дымъ она приноситъ; славятъ
Всѣ доброту ея; она, какъ слышно,
Изъ роду Амазонокъ, и бѣжала,
Спасаясь отъ великаго несчастья (11).

ОРЕСТЪ.

Мнѣ кажется, сіянье кроткой власти
Ея померкло съ близостью злодѣя,

(11) Это представленіе объ Ифигеніи жители Тавриды могли составить по причинѣ ея суровой дѣвственности. Амазонки, какъ извѣстно, жили, если вѣрить преданію, на Кавказѣ и покорили себѣ Крымъ, Иберію и другія сосѣдніе страны.

Котораго, подобно темной ночи,
Проклятіе объемлетъ отовсюду.
Обычай древній на погибель намъ
Раскованъ вновь и кровь нужна богамъ.
Намъ смерть готовитъ царь въ порывѣ дикомъ,
И женщина не въ-силахъ насъ спасти.

Пиладъ.

То счастье намъ, что женщина! Мужчина,
И лучшій даже, скоро пріобыкнетъ
Къ жестокости, и подъ конецъ закономъ
Себѣ онъ ставитъ то, чего гнушался;
Привычка дѣлаетъ его суровымъ.
Но женщины, ужъ принятая разъ,
Наклонность неизмѣнна; на нее
Разсчитывать вѣрнѣе и въ худомъ
И въ добромъ дѣлѣ. Тише! вотъ идетъ....
Оставь однихъ насъ. Не открою тотчасъ,
Какъ насъ зовутъ, нельзя довѣрить прямо
Судьбу ей нашу. Ты теперь уйди....
Все разузнавъ, скажу тебѣ, что̀ дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія. Пиладъ.

Ифигенія.

Откуда, чужеземецъ? ты, какъ мнится,
Похожъ на Грека больше, чѣмъ на Скиѳа.

(*Снимаетъ съ него цѣпь*).

Опасна мною данная свобода;
Пусть боги отклонятъ, что вамъ грозитъ.

Пиладъ.

О сладкій голосъ! О привѣтный звукъ
Роднаго языка въ землѣ чужой!
Съ живой отрадой, узникъ, предъ очами
Я вижу снова горы голубыя

Отеческой земли... пусть радость эта
Тебя увѣритъ, что я также Грекъ.
Я на минуту позабылъ, какъ много
Въ тебѣ нуждаюсь, и душа была
Объята вся видѣніемъ чудеснымъ.
Скажи, скажи, — коль не смыкаетъ рокъ
Твои уста, — къ которому изъ нашихъ
Племенъ, богиня, ты принадлежишь?

Ифигенія.

Съ тобою жрица говоритъ: Діана
Сама, меня избравши, посвятила;
Доволенъ этимъ будь; скажи мнѣ, кто ты?
Какой судьбы губительною властью
Ты приведенъ со спутникомъ сюда?

Пиладъ.

Не трудно разсказать тебѣ, какое
Преслѣдуетъ насъ тягостное горе.
О еслибъ ты, божественная, также
Легко дала намъ сладкій лучъ надежды!
Изъ Крита, сыновья Адраста, мы:
Я младшій, Кефалъ именемъ, а онъ
Старѣйшій въ домѣ, Лаодамъ. Межъ нами
Росъ средній братъ нашъ, дикій и свирѣпый.
Ужъ въ играхъ первой юности помѣхой
Согласью и веселью былъ онъ. Все
Мы, повинуясь матери, сносили,
Пока сражался нашъ отецъ подъ Троей;
Когда-жъ вернулся онъ съ добычей многой
И послѣ вскорѣ умеръ, то вражда
О царствѣ и наслѣдствѣ снова братьевъ
Разъединила; къ старшему присталъ я,
Убилъ онъ брата. За кровавый грѣхъ
Его и гонитъ фурія повсюду.
На этотъ дикій берегъ Аполлонъ
Дельфійскій насъ послалъ и далъ надежду:
У алтаря сестры его насъ ждетъ
Спасительная помощи рука.

Мы пойманы, сюда приведены
И отданы тебѣ.... зачѣмъ? ты знаешь.

Ифигенія.

И Троя пала? Другъ! могу-ли вѣрить?

Пиладъ.

Такъ точно. Ты увѣрь въ спасеньи насъ.
Даруй обѣщанную Зевсомъ помощь;
Надъ братомъ сжалься. Отъ тебя услышитъ
Пусть доброе и радостное слово;
Щади его, съ нимъ говоря: объ этомъ
Одномъ прошу; легко его душа
Воспоминаньемъ, радостью и горемъ
Объята и растерзана бываетъ.
Впадаетъ вдругъ въ горячку онъ безумства,
И преданъ фуріямъ свободный духъ.

Ифигенія.

Твое велико горе, но молю:
Забудь его, пока мнѣ все не скажешь.

Пиладъ.

Высокій градъ, что цѣлыхъ десять лѣтъ
Боролся съ войскомъ Греческимъ, лежитъ
Въ развалинахъ и больше ужъ не встанетъ.
Но лучшихъ нашихъ воиновъ могилы
Еще чужой напоминаютъ берегъ.
Тамъ палъ Ахиллъ съ своимъ прекраснымъ другомъ.

Ифигенія.

И вы, боговъ подобіе, во прахѣ!

Пиладъ.

Аяксъ, сынъ Теламона, Паламедъ
Уже не зрѣли также дня возврата.

Ифигенія.

(Онъ объ отцѣ ни слова.... межъ убитыхъ
Его не называетъ.... Да! онъ живъ!
Его увижу..... О, надѣйся, сердце)!

Пиладъ.

Но тысячи, отъ рукъ врага погибшихъ
Счастливы смертью горестной, но славной,
Затѣмъ-что возвратившимся въ отчизну
Враждебный богъ готовилъ не тріумфъ,
А дикій ужасъ и конецъ кровавый....
Къ вамъ развѣ не дошла молва людская?
Вездѣ она, куда проникнуть можетъ,
О сихъ дѣлахъ неслыханныхъ гласитъ.
Такъ горе, что Микенъ чертоги воплемъ
И стонами наполнило не разъ,
Тебѣ осталось тайной? Клитемнестра,
Соединясь съ Эгистомъ, обманула
Супруга и убила въ день возврата.
Да, этотъ царскій домъ сама ты чтила!
Я вижу, грудь взволнована твоя
При вѣсти неожиданной, ужасной.
Его ты друга дочь? иль можетъ близко
Родилась въ томъ-же городѣ? Не скрой
И не вмѣни въ вину, что первый я
Злодѣйство это возвѣстилъ.

Ифигенія.

Скажи,
Какъ дѣло это тяжкое свершилось?

Пиладъ.

Въ день своего прибытья, какъ изъ ванны
Царь, освѣженный, всталъ, и взять одежды
Спокойно руку протянулъ къ супругѣ,
Коварная накинула ему
На голову и плечи ткань, искусно
Въ безчисленныхъ віющуюся складкахъ,
Опутывая тѣло; тщетно онъ
Изъ этой сѣти вырваться пытался;
Эгистъ, предатель, умертвилъ его:
Такъ и сошелъ къ тѣнямъ великій вождь.

Ифигенія.

Что-жъ было соучастнику наградой?

Пиладъ.

Престолъ и ложе, коимъ ужъ владѣлъ.

Ифигенія.

Такъ поводомъ къ постыдному злодѣйству
Была лишь страсть преступная?

Пиладъ.

И также
лубокое старинной мести чувство.

Ифигенія.

Но чѣмъ-же царь такъ оскорбилъ ее?

Пиладъ.

Поступкомъ тяжкимъ: оправдать ее
Могло-бы это, еслибъ оправданье
Убійству было. Онъ ее призвалъ
Со старшей дочерью въ Авлидъ, когда
Противными вѣтрами божество
Отплытію препятствовало Грековъ:
И дочь тамъ, Ифигенія, была
Принесена предъ алтаремъ Діаны
Кровавой жертвой для спасенья Грековъ.
И это, говорятъ, такую злобу
Вселило въ сердце ей, что предалась
Она Эгисту и сама супруга
Опутала губительною сѣтью.

Ифигенія (*удаляясь*).

Довольно. Я еще тебя увижу.

Пиладъ (*одинъ*).

Она казалась тронута глубоко
Судьбою дома царскаго. Она,
Кто-бъ ни была, царя навѣрно знала,
И намъ на счастье продана сюда
Изъ дома знатнаго.... О тише, сердце!

Теперь къ звѣздѣ надежды, намъ блеснувшей,
Направимъ путь мы бодро и разумно (12).

АКТЪ III.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ифигенія. Орестъ.

Ифигенія.

Несчастный! въ знакъ еще печальной долѣ
Судьбы, твои оковы разрѣшаю.
Свобода, что святилище даруетъ, —
Какъ взоръ послѣдній, свѣтлый жизни взоръ
У тяжело больнаго, — вѣстникъ смерти.
Еще сказать я не могу, не смѣю
Сама себѣ, что вы погибли! какъ мнѣ
Рукой убійцы васъ отдать на смерть?
Никто изъ смертныхъ вашей головы,
Пока Діаны жрицей я, не смѣетъ
Коснуться. Но исполнить откажусь,
Чтò на меня возложено царемъ;
Пусть выберетъ въ замѣнъ меня другую

(12) Второе явленіе этого акта наконецъ снова выставляетъ Ифигенію въ борьбѣ за родственное чувство; но до самаго четвертаго акта эта борьба заключается въ страданіяхъ героини, узнающей о бѣдствіяхъ своего дома. Теперь слышитъ она только о смерти отца; тяжелая скорбь сжала ей сердце, но она имѣетъ еще твердость спросить: какъ погибъ онъ? Послѣ разсказа Пилада, она быстро удаляется, чтобы скрыть сильную душевную тревогу. Гёте съ намѣреніемъ оставилъ разспросы о дальнѣйшихъ событіяхъ для слѣдующаго акта, гдѣ вновь является на сцену Орестъ: объ убійствѣ Клитемнестры разсказываетъ самъ совершитель грознаго дѣла, и такимъ-образомъ самъ пробуждаетъ въ себѣ всѣ тяжкія угрызенія совѣсти, доводящія его до безумія. Тогда Ифигенія исполняетъ свою высокую роль посредницы между имъ и богами. Сцена, гдѣ жрица разспрашиваетъ о своемъ домѣ, отличается необыкновенной драматической живостью у Еврипида; у Гёте этого не допускаетъ характеръ Ифигеніи, сильно сосредоточенной въ своихъ чувствахъ: героиня его въ этомъ отношеніи болѣе похожа на героинь Софокла.

Изъ дѣвъ прислужницъ, и тогда горячимъ
Желаньемъ только вамъ могу помочь.
Единоземецъ милый! на чужбинѣ
Намъ дорогъ и послѣдній рабъ, служившій
У очага боговъ домашнихъ. Какъ мнѣ
Васъ не принять съ восторгомъ и любовью:
Вы образъ мнѣ напомнили героевъ,
Которыхъ чтить родители еще
Меня учили; въ глубинѣ мнѣ сердце
Вы обласкали новою надеждой.

Орестъ.

Съ благоразумной цѣлью ты скрываешь
Твой родъ и имя? или знать мнѣ можно,
Кто, какъ богиня, здѣсь меня встрѣчаетъ?

Ифигенія.

Ты долженъ знать, кто я. Теперь скажи мнѣ,
Что въ половину слышала отъ брата
Я твоего, о тѣхъ концѣ, которыхъ
Ужъ на порогѣ дому при возвратномъ
Пути изъ Трои встрѣтила сурово
Нежданная, жестокая судьба.
Приведена я очень молодой
На этотъ берегъ; но еще я помню,
Какимъ стыдливымъ и несмѣлымъ взоромъ,
Дивясь, взирала я на тѣхъ героевъ.
При выступленьи ихъ въ походъ, казалось,
Олимпъ раскрылъ врата свои и выслалъ
На ужасъ Иліону древнихъ дней
Блистательные образы, и всѣхъ
Прекраснѣй Агамемнонъ былъ! Скажи:
Онъ палъ, вступая въ домъ свой, черезъ козни
Своей супруги и Эгиста?

Орестъ.

Такъ.

Ифигенія.

О горе вамъ, несчастные Микены!
То внуки Тантала рукою щедрой

Посѣяли проклятье на проклятьи,
Какъ дикую траву, что средь пустыни,
Свои головки отряхая, сѣетъ
Вокругъ различныхъ тысячи семенъ,
Они вскормили родственныхъ убійцъ
Дѣтямъ дѣтей для вѣчной и взаимной
Ихъ ярости (13). Открой, что въ рѣчи брата
Мракъ ужаса вдругъ предо мной сокрылъ.
Какъ пережилъ кровавый этотъ день
Послѣдній сынъ отъ славнаго колѣна,
Прекрасное дитя, Орестъ, кому
Назначено быть мстителемъ отца?
Подобная-ли участь обвила
Его въ сѣтяхъ Аверна (14)? Что? спасенъ онъ?
Онъ живъ? жива еще Электра?

Орестъ.

Живы.

Ифигенія.

О, золотое солнце, дай мнѣ лучшій
Твой лучъ, его сложу я благодарно
Къ престолу Зевса! такъ бѣдна, нѣма я.

Орестъ.

Когда ты въ дружбѣ съ этимъ царскимъ домомъ,
Иль въ узахъ болѣй близкихъ — какъ твоя
Прекрасная свидѣтельствуетъ радость —
То сердце усмири, скрѣпи его!
Для радостныхъ возвратъ нежданный къ горю

(13) Въ приведенномъ здѣсь сравненіи мы видимъ прекрасный примѣръ пластики въ рѣчи Гёте: и изученіе естественной исторіи давало ему порою матеріалъ для поэтическихъ образовъ. Но важно здѣсь то, что древнеклассическое образованіе не останавливало его на однихъ ученыхъ комментаріяхъ къ Гомеру, Цицерону и т. д., а самымъ естественнымъ путемъ привело его къ убѣжденію, что все искусство Грековъ состояло въ точномъ познаніи природы.

(14) Аверномъ собственно называлось болото или озеро въ Кампаніи, извѣстное своими ядовитыми испареніями. По преданію древнихъ, здѣсь былъ спускъ въ подземное царство Плутона. Ифигенія хочетъ здѣсь спросить: не погибъ-ли и Орестъ чрезъ коварство Клитемнестры?

Невыносимъ. Ты, вижу, только знаешь
О смерти Агамемнона.

Ифигенія.

Что-жъ? развѣ
Мнѣ этого извѣстья не довольно?

Орестъ.

Лишь половину ужасовъ ты знаешь.

Ифигенія.

Чего-жъ бояться мнѣ еще? Орестъ,
Электра живы....

Орестъ.

А за Клитемнестру
Ты не боишься?

Ифигенія.

Не спасетъ ее
Ни страхъ ужъ, ни надежда

Орестъ.

Такъ, она
Свое прости сказала ужъ надеждѣ

Ифигенія.

Не пролила-ли кровь свою сама
Въ терзаніи раскаянья она?

Орестъ.

Нѣтъ, но ея-же кровь ей смерть дала (15).

---

(15) Игра словъ и неясность выраженій, заключающіяся въ этомъ разговорѣ, составляютъ вѣрное подражаніе подобнымъ-же сценамъ въ Греческихъ драмахъ. Припомнимъ хотя слѣдующее мѣсто изъ «Антигоны» Софокла:

Хоръ.

Какое-жъ горе царское пришелъ ты
Намъ извѣстить?

Вѣстникъ.

Ихъ гибель; смерти ихъ
Виновники живые.

Ифигенія.

Скажи понятнѣй, я теряюсь въ мысляхъ.
Крыломъ тяжелымъ, чернымъ неизвѣстность
Вкругъ робкаго чела трепещетъ, бьется.

Орестъ.

То боги вѣстникомъ меня избрали
Такого дѣла, что его охотно
Сокрылъ-бы въ царствѣ мрачномъ и глухомъ
Безгласнаго Аида. Противъ воли
Даю отвѣтъ на дружеское слово;
Печальнаго желала и получишь.
Въ тотъ день, какъ палъ отецъ, Электра брата,
Укрывъ, спасла, а Строфій, тесть отца,
Его охотно принялъ; вмѣстѣ съ сыномъ
Своимъ, Пиладомъ, воспиталъ его.
Два юноши въ тѣснѣйшихъ узахъ дружбы
Соединились скоро, и межъ-тѣмъ,
Какъ возрастали, возрастало въ нихъ
Горячее желанье отомстить
За смерть царя. Не узнаны, одѣты,
Какъ чужеземцы, прибыли они
Въ Микены, будто съ вѣстью о кончинѣ
Ореста и съ его могильной урной.
Царица приняла ихъ дружелюбно,
И въ домъ вошли они. Орестъ открылся
Электрѣ: эта пламя мести въ немъ,
Ужъ тухнуть начинавшее при видѣ
Священномъ матери, сильнѣй раздула.

Хоръ.

Кто-жъ убилъ
И кто убитъ, скажи?

Вѣстникъ.

Погибъ Гемонъ,
Своей рукою окровавленъ....

Хоръ.

Какъ?
Своею иль отцовскою рукою?

Вѣстникъ.

Убилъ себя онъ въ гнѣвѣ на отца.

Она тихонько привела его
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ ихъ палъ, гдѣ легкій,
Старинный слѣдъ пролитой дерзко крови
Уликой, на полу не разъ омытомъ,
Еще виднѣлся въ блѣдныхъ полосахъ.
Обрисовала огненною рѣчью
Она тутъ всѣ подробности злодѣйства,
Свою рабыни горестную жизнь,
Предателя счастливаго надмѣнность,
Опасность ту, какая имъ обоимъ
Отъ безпощадной матери грозила.
Тутъ древній мечъ она ему вручила,
Который въ домѣ Тантала давно ужъ
Свирѣпствовалъ, и пала Клитемнестра,
Сыновнею рукой умерщвлена.

Ифигенія.

Безсмертные, на легкихъ облакахъ
Вкушающіе сладость легкой жизни!
За тѣмъ-ли столько лѣтъ вдали отъ свѣта
Меня скрывали вы, къ себѣ такъ чудно
Приблизили, невинный поручили
Мнѣ трудъ хранить огня святаго пламя,
Какъ пламя, чисто-дѣвственную душу
Восхитили до вашего Олимпа,
Затѣмъ-ли только, чтобъ потомъ живѣе
Мнѣ чувствовать домашнихъ бѣдствій ужасъ?
Скажи мнѣ о злосчастномъ! объ Орестѣ
Скажи мнѣ!

Орестъ.

О когда-бы могъ о смерти
Его сказать я! Грозный мститель духъ
Возникъ изъ крови матери убитой,
Возвалъ онъ къ древнимъ Ночи дочерямъ:
«Да не спасется матери убійца;
Преслѣдуйте злодѣя, вамъ онъ жертвой!»
Услышали и впалыя ихъ очи
Вокругъ взглянули съ алчностью орла,
Подвигнулись въ своихъ пещерахъ темныхъ

И тихо за собой влекутъ сопутницъ —
Сомнѣнье и Раскаянье. Отъ нихъ
Тяжелымъ смрадомъ Ахерона вѣетъ.
Воспоминанья призракъ неотступный
Надъ головой преступнаго темнѣетъ,
Какъ облаковъ густѣющихъ клубы;
И Фуріи, губить имѣя право,
Вступаютъ въ край, взлелѣянный богами,
На землю плодотворную, откуда
Изгнало ихъ старинное проклятье.
Бѣгущаго преслѣдуютъ онѣ
Стопою быстрой; на мгновенье роздыхъ
Даютъ, чтобъ съ новой силою страшить.

Ифигенія.

Несчастный, вижу: участью вы сходны;
Ты терпишь то-же, что бѣглецъ тотъ бѣдный.

Орестъ.

Что говоришь ты? чья здѣсь участь сходна?

Ифигенія.

Тебя убійство брата тяготитъ,
Какъ и его; ужъ все мнѣ разсказалъ
Твой младшій братъ (16).

Орестъ.

Прекрасная душа!
Я не стерплю передъ тобой неправды.
Хитрить обыкшій, ловкій чужеземецъ

---

(16) Ифигенія указываетъ здѣсь на исторію, придуманную во-второмъ актѣ Пиладомъ. Зачѣмъ Пиладъ не открываетъ прямо о происхожденіи своемъ и Ореста? Этому могла быть таже причина, которую выставляетъ Ифигенія, разсказывая о себѣ Тоасу.

«Когда-бъ ты только зналъ,
«Кто предъ тобою, подъ какимъ *проклятьемъ*
«Тобой такъ нѣжно призрѣнная дѣва». и проч.

Проклятье, тяготѣвшее надъ Орестомъ, было еще ужаснѣе, и Пиладъ на первый случай сплелъ свою исторію о сыновьяхъ Адраста. Но правдивость Ореста гнушается обманомъ: онъ въ этомъ одинакихъ чувствъ со своею сестрою.

Ткань лжи искусной чужеземцамъ сплелъ
На первый случай; но межъ нами правда
Пусть будетъ! Я Орестъ! моя, моя
Преступная глава въ могилу смотритъ
И ищетъ смерти: смерть во всякомъ видѣ
Мнѣ даръ желанный. Кто-бъ ты ни была,
Тебѣ и другу моему спасенья
Желаю, мнѣ его не нужно вовсе.
Ты не охотно остаешься здѣсь,
Какъ мнится мнѣ; найдите средства къ бѣгству,
Меня-же здѣсь оставьте. Пусть низвергнутъ
Мой трупъ бездушный будетъ со скалы,
Пускай до моря кровь моя дымится
И на берегъ чужой несетъ проклятье!
Идите, тамъ въ странѣ прекрасной Грековъ
Жизнь новую съ любовію начнете.

(*Удаляется*) (17).

Ифигенія.

Такъ вотъ нисходишь наконецъ ко мнѣ,
О ты, дитя прекрасное Зевеса,
Богиня Исполненья! Какъ громаденъ
Твой образъ, предо мной теперь стоящій!
Едва достигнетъ взоръ твоей руки,
Плоды и свѣтлый радости вѣнки,
Сокровища Олимпа, приносящей,
Какъ узнаемъ въ избыткѣ всѣхъ даровъ
Царя, который малостью считаетъ,
Что тысячѣ другихъ богатствомъ служитъ:
Такъ, боги, видны вы въ дарахъ, что мудро
И долго намъ готовя, сберегали.

(17) Признаніе Ореста, конечно, должно было произвести въ немъ со-состояніе души совершенно противоположное съ тѣмъ, которое произведетъ въ Ифигеніи. Тогда-какъ она не чувствуетъ ничего, кромѣ безмѣрной радости при свиданіи съ братомъ, о которомъ столько лѣтъ мечтала, и въ этомъ добромъ чувствѣ вдругъ забываетъ всѣ скорби, — Орестъ полонъ только мыслями о своемъ преступленіи. Въ неистовствѣ отчаянія онъ не хочетъ признать сестры и, когда признаетъ, то для новыхъ терзаній. Сестра должна погубить! Въ припадкѣ замозабвенія онъ уже видитъ себя въ Аидѣ, среди тѣней отца и матери; но тутъ таинственно сходитъ на него душевный миръ чрезъ прикосновеніе къ непорочной жрицѣ.

Вы знаете одни, что намъ полезно,
И въ области грядущаго безмѣрной,
Гдѣ звѣзды ночи и покровъ тумана
Намъ зримы только, все для васъ понятно.
Когда мы просимъ скораго свершенья,
Мольбѣ вы нашей дѣтской равнодушно
Внимаете; но никогда незрѣлы
Не принесетъ плоды златые неба
Рука намъ ваша; и бѣда тому,
Кто, наслажденья жадный, ихъ до срока
Срываетъ: самъ онъ смертную отраву
Себѣ готовитъ. О пускай-же счастье
Внезапное, но жданное такъ долго,
Не минетъ для меня теперь напрасно
Съ тройною мукой, какъ пустая тѣнь
Навѣки насъ покинувшаго друга.

Орестъ (*снова подходитъ къ ней*).

Не называй меня въ молитвѣ, если
Ты за себя и за Пилада молишь.
Ты не спасешь злодѣя: съ нимъ въ союзѣ
Раздѣлишь только горе и проклятье.

Ифигенія.

Твоя судьба съ моею въ тѣсной связи.

Орестъ.

Нѣтъ, нѣтъ! одинъ, безъ спутниковъ пускай
Сойду къ тѣнямъ. Сама своимъ покровомъ
Преступнаго ты осѣнишь, не скроешь
Отъ взора тѣхъ, что бодрствуютъ всегда.
Небесная! присутствіе твое
Ихъ устранитъ на мигъ, но не отгонитъ.
Подъ сѣнь священной рощи не дерзаютъ
Онѣ вступить своей стопой желѣзной;
Но издали я слышу здѣсь и тамъ
Ихъ смѣхъ противный. Волки воютъ такъ
Вкругъ дерева, на коемъ путникъ спасся.
Тамъ ждутъ онѣ, свой станъ расположивъ.
Чуть я покину рощу, всѣ возстанутъ,

Змѣиными главами потрясая,
Взрывая отовсюду прахъ, и будутъ
Свою добычу гнать передъ собой.

Ифигенія.

Орестъ, послушай дружескаго слова!

Орестъ.

Оставь его тому, кто другъ боговъ.

Ифигенія.

Отъ нихъ тебѣ надежды новой свѣтъ.

Орестъ.

Сквозь мракъ и муки вижу я мерцанье
Рѣки тѣней, свѣтящей мнѣ въ Аидѣ.

Ифигенія.

Одна-ль сестра, Электра, у тебя?

Орестъ.

Одну я зналъ; но старшей участь все-же
Была счастливѣй, хоть такою страшной
Казалась намъ: всѣхъ ранѣе ее
Злосчастье дому нашего постигло.
Оставь свои вопросы и сама
Не будь въ числѣ Эриній; рады мнѣ
Вредить, онѣ съ души сдуваютъ пепелъ,
Чтобъ страшнаго пожарища остаткамъ,
Объявшаго намъ домъ, во мнѣ спокойно
Не дать дотлѣть. Уже-ли будетъ вѣчно
Нащадно душу жечь, терзая, это,
Умышленно вожженное во мнѣ,
Питаемое адской сѣрой, пламя?

Ифигенія.

Не дамъ ему пылать въ тебѣ: пускай
Любви дыханье чистое прохладой
На жаръ души твоей тихонько вѣетъ.
Орестъ, мой дорогой, уже-ль не видишь?

Уже-ль богинь сопуствіе ужасныхъ
Всю въ жилахъ изсушило кровь тебѣ?
Иль голова Горгоны тайной силой
Всѣ члены вдругъ въ тебѣ окаменила?
О если мать, которой пролилъ кровь,
Зоветъ тебя въ Аидъ глухимъ стенаньемъ,
Уже-ль сестры невинной голосъ нѣжный
Не призоветъ боговъ къ тебѣ на помощь.

Орестъ.

Зоветъ! О, да! ты хочешь, чтобъ погибъ я?
Сокрыта и въ тебѣ богиня мщенья?
Скажи, кто ты, чей голосъ такъ ужасно
Всю глубину души моей потрясъ?

Ифигенія.

Да, то тебѣ уже сказало сердце.
Орестъ, я Ифигенія! смотри:
Жива я....

Орестъ.

Ты!

Ифигенія.

Мой братъ!

Орестъ.

О, прочь отсюда....
Моихъ кудрей совѣтую не трогать.
Огонь неугасимый отъ меня,
Какъ отъ Креузы свадебнаго платья,
Все сожигаетъ.... Прочь! пусть недостойный
Умру постыдной смертью Геркулеса (18).

(18) Креуза была супруга Язона, который женился на ней, отвергши Медею. Эта изъ ревности послала къ ней въ подарокъ платье, которое сожгло ее. Смерть Геркулеса извѣстна: онъ погибъ также отъ водарка Деяниры, который состоялъ въ туникѣ, пропитанной ядовитою кровью кентавра Несса. Оба миѳологическія сравненія очень удачно выражаютъ душевную пытку. Далѣе Орестъ, не понимая пламеннаго порыва Ифигеніи, спрашиваетъ: Не жрица-ли она Бахуса, полная вдохновеннаго имъ неистовства?

Ифигенія.

Ты не погибнешь! О, когда-бъ хоть слово
Спокойно мнѣ сказалъ ты! Разрѣши
Мои сомнѣнья; пусть увѣрюсь въ счастьи,
Котораго такъ долго я молила.
Во мнѣ крутится колесомъ чрезъ душу
Тоска и радость; удаляетъ страхъ
Меня отъ чужеземца; но съ какимъ
Влеченьемъ страстнымъ рвется сердце къ брату!

Орестъ.

Ліэя храмъ здѣсь? Не святая-ль ярость
Неукротимо жрицей овладѣла?

Ифигенія.

О выслушай! взгляни, какъ послѣ долгой,
Нѣмой тоски душа во мнѣ раскрылась
Для самаго прекраснаго блаженства,
Какое свѣтъ мнѣ можетъ дать: твою
Поцаловать главу, принять въ объятья,
Къ пустымъ вѣтрамъ простертыя донынѣ!
Дозволь! дозволь! Свѣтлѣе не струится
Парнасса вѣчный ключь сбѣгая шумно
На камень съ камня къ золотой долинѣ,
Какъ бурною волною льется радость
Отъ сердца моего, кругомъ объемля,
Подобно морю, всю меня восторгомъ.
Орестъ! Орестъ! мой братъ!

Орестъ.

О прелесть-нимфа!
Тебѣ и ласкамъ я твоимъ не вѣрю.
Діана строгихъ требуетъ прислужницъ
И мститъ за поруганіе святыни.
Подальше руку отъ моей груди!
Когда, спасая, юношу ты хочешь
Любви прекраснымъ счастьемъ одарить,
То сердце къ другу моему склони.
Онъ больше стоитъ этого. Поди,

На той скалѣ вонъ ты его найдешь;
Меня оставь, ему воздай что должно.

Ифигенія.

Опомнись, братъ! найденную тобой
Сестру узнай. Ея святую радость,
Чистѣйшую, уже-ли назовешь
Ты безразсудной и преступной страстью?
О пусть спадетъ съ очей оцепенѣлыхъ
Его обманъ, чтобъ лучшій мигъ восторга
Не сдѣлалъ онъ для насъ втройнѣ печальнымъ!
Здѣсь, предъ тобой, пропавшая давно
Сестра твоя! Отъ алтаря меня
Богиня увлекла и, спасши, здѣсь
Дала въ своемъ святилищѣ пріютъ.
Ты пойманъ, жертвой приведенъ во храмъ,
И вотъ свою сестру находишь въ жрицѣ.

Орестъ.

Несчастная! то пусть увидитъ солнце
Послѣдній дому нашего позоръ!
Электры нѣтъ-ли здѣсь? и ей-бы съ нами
Погибнуть, чтобъ не длить напрасно жизни
Для болѣ тяжкой участи и мукъ.
Готовъ я, жрица! къ алтарю пойдемъ:
Братоубійства вѣдь не новъ обычай
Въ колѣнѣ нашемъ; благодаренъ много
Вамъ, боги, что бездѣтнаго меня
Искоренить назначили. Совѣтъ мой:
Ни звѣздами, ни солнцемъ не плѣняйся.
Ступай за мной въ глухое царство тьмы!
Какъ отъ чаровъ возникшіе драконы
Другъ друга истребляютъ, губитъ такъ
Само себя неистовое племя;
Бездѣтна и невинна мнѣ послѣдуй!
Ты съ состраданьемъ смотришь на меня?
Напрасно! такъ глядѣла Клитемнестра,
Какъ сына въ сердце думала пронзить....
Но ей-же въ грудь ударилъ мечъ ошибкой,
И пала матерь! Злобный духъ, явись!

Вы, фуріи, сходитесь въ тѣсный кругъ,
Присутствуйте при зрѣлищѣ отрадномъ,
Послѣднемъ и позорнѣйшемъ изъ всѣхъ.
Не злоба и не мщенье мечъ острятъ;
Нѣтъ! милая сестра исполнить это
Принуждена. Не плачь! ты не виновна.
Тебя, сестра, любить-бы могъ, какъ врядъ-ли
Всю-жизнь мою кого-нибудь любилъ.
Да, не щади, вонзай свое желѣзо,
На части рви мнѣ грудь, свободный путь
Дай тѣмъ струямъ, что здѣсь во мнѣ кипятъ!

(*Падаетъ въ безпамятствѣ*).

Ифигенія.

Но это мнѣ и счастье и мученье
Невиносимы. Гдѣ-же ты, Пиладъ?
Гдѣ дорогой, твою найду я помощь?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Орестъ (*приходитъ въ себя и встаетъ*).

Еще одинъ! Еще изъ токовъ Леты
Послѣдній, освѣжительный мнѣ кубокъ!
И судорожный трепетъ жизни скоро
Въ груди затихнетъ и спокойно духъ мой
Струямъ забвенья преданъ, потечетъ
Къ вамъ, тѣни, въ вѣчную обитель мрака:
Пусть сынъ земли, отшедшій въ землю, сладко,
Средь васъ уснетъ на лонѣ тишины!
Но что за шорохъ слышу я въ вѣтвяхъ?
Тамъ въ сумракѣ какой-то легкій шумъ....
Идутъ ужь встрѣтить новаго пришельца!
Какой чудесный сонмъ! Не домъ-ли царскій
На пиршество блистательное собранъ?
Стеклися мужи, жены, старъ и младъ,
Семьею мирной; видомъ лики ихъ
Богоподобны и другъ съ другомъ сходны.

Да, то они, мои родные предки....
Идетъ Атрей съ Ѳіестомъ дружелюбно;
Цѣпляются вкругъ нихъ, играя, дѣти.
Такъ между вами здѣсь ужъ нѣтъ вражды?
Погасла ваша месть съ сіяньемъ солнца?
Примите-жъ и меня, найду и я
Въ торжественномъ собраньи вашемъ мѣсто.
Здорово, дѣды! Вамъ поклонъ приноситъ
Орестъ, послѣдній въ родѣ вашемъ мужъ.
Онъ жатву снялъ посѣяннаго вами,
Подъ бременемъ проклятья къ вамъ низпалъ онъ.
Но видно легче всякая здѣсь ноша:
Въ вашъ кругъ, въ вашъ кругъ его скорѣй возьмите!
Чту я тебя, Атрей, чту и тебя,
Ѳіестъ; мы всѣ здѣсь ненависти чужды!
Отца мнѣ покажите, въ жизни разъ лишь
Его я видѣлъ! Ты-ли то, отецъ мой?
И мать съ собой ты дружески ведешь?
Тебѣ дать руку смѣетъ Клитемнестра!
То и Орестъ къ ней можетъ приступить,
Сказать ей можетъ: вотъ твой сынъ, смотри!
Взгляните, вотъ вашъ сынъ! скажите: здравствуй!
Былъ на землѣ свой лозунгъ въ нашемъ домѣ
Привѣтствіе убійства, и лишь здѣсь
Въ подземной мглѣ родъ древняго Тантала
Свои находитъ радости впервые.
Вашъ слышу зовъ! вы приняли меня!
О, къ древнему праирадѣду ведите!
Гдѣ старецъ? Пусть увижу я его,
Въ совѣтѣ предсѣдавшаго съ богами,
Безцѣнную, столь чтимую главу!
Вы медлите, вы отвратили взоръ?
Что-жъ это? страждетъ мужъ богоподобный?
О горе, горе! тѣ, что насъ могучѣй,
Къ груди геройской тягостныя муки
Желѣзной цѣпью крѣпко приковали (19).

---

(19) Здѣсь Орестъ упоминаетъ о Танталѣ. Этотъ монологъ, какъ и вся сцена съ Ифигеніей, служитъ чуднымъ образцомъ искусства Гёте въ развитіи душевныхъ движеній; но, по глубинѣ своей идеи, которая состоитъ въ

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Орестъ, Ифигенія, Пиладъ.

И вы здѣсь тоже? Ты, сестра,
Счастлива! Нѣтъ одной Электры:
Пусть и ее къ намъ добрый богъ
Сведетъ скорѣй стрѣлою тихой.
Тебя, мой бѣдный другъ, мнѣ жаль!
За мной! за мной! принесть Плутону,
Какъ гости новые, поклонъ.

Ифигенія.

Братъ и сестра, вы, что съ небесъ далекихъ
Прекрасный свѣтъ на землю приливая
Порою дня и ночи, лишь усопшимъ
Не можете сіять, спасите насъ!
Діана, твой прекрасный братъ тебѣ
Всего, что могутъ дать земля и небо,
Дороже; къ свѣту вѣчному его
Съ любовью тихой дѣвственный свой ликъ
Ты обращаешь вѣчно.... Не дозволь-же,
Чтобъ погибалъ, объятъ безумства тьмой
Мой братъ единый, поздно такъ найденный!
И если тѣмъ, что здѣсь меня скрывала,
Твоя свершилась воля, и желаешь
Мнѣ чрезъ него, ему черезъ меня
Святую помощь даровать, то пусть
Съ него спадутъ того проклятья цѣпи,
Чтобъ не пропало намъ къ спасенью время.

Пиладъ.

Узналъ-ли насъ ты и святую рощу,
И этотъ свѣтъ, сіяющій не мертвымъ?

томъ, чтобы наглядно представить великій переворотъ, таинственно совершающійся въ душѣ человѣка, онъ не произвелъ-бы особеннаго дѣйствія при представленіи на театрѣ; видимое Орестомъ, какъ въ сновидѣніи, нужно-бы тогда вывести на сцену, а это противорѣчитъ общему содержанію драмы, гдѣ не является ни фурій, ни призраковъ.

Не чувствуешь? Рука сестры и друга
Тебя еще живаго крѣпко держитъ.
Насъ осязай, мы не пустыя тѣни.
Не слышишь развѣ словъ моихъ? Пойми-же,
Опамятуйся! каждый мигъ намъ дорогъ,
И нашъ возвратъ виситъ на тонкихъ нитяхъ,
Но, мнится, Парка добрая пряла ихъ.

Орестъ (*Ифигеніи*).

О пусть свободнымъ сердцемъ въ первый разъ,
Въ твоихъ рукахъ вкушу святую радость!
Вы, боги, что по пламеннымъ браздамъ
Тяжелыхъ тучъ грядете въ бранной силѣ
И милостиво-грозны дождь желанный
Со свистомъ бури, съ рокотомъ громовымъ
На землю токомъ яростнымъ ліете!...
Но ожиданья трепетъ въ человѣкѣ
Вдругъ разрѣшится счастьемъ; взоръ веселый
И благодарный кликъ замѣнятъ ужасъ,
Какъ въ капляхъ листьевъ оживленныхъ солнце
Заискрится свѣжо, разнообразно,
И легкою рукой цвѣтистый поясъ
Накинетъ свой привѣтливо Ирида
На сѣромъ лонѣ облаковъ послѣднихъ, —
О боги! пусть въ рукахъ моей сестры,
Въ объятьяхъ друга даннымъ вами счастьемъ
Вѣкъ наслаждаться буду, благодарный.
Проклятье спало, слышу это сердцемъ,
Я слышу, ужъ умчались Евмениды
Въ свой Тартаръ, и далеко гулъ раздался
Желѣзныхъ вратъ, захлопнутыхъ за ними.
Земля живымъ благоуханьемъ вѣетъ
И манитъ въ даль равнинъ своихъ безбрежныхъ
На подвиги, на радость милой жизни.

Пиладъ.

Не тратьте даромъ времени. Пусть вѣтеръ,
Вздымающій нашъ парусъ, принесетъ насъ
Къ Олимпу; тамъ вполнѣ мы вкусимъ радость.
Идемъ. Нужна здѣсь скорая рѣшимость.

АКТЪ IV.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ифигенія.

Удѣлить небожители
Думаютъ сыну земли
Много смутныхъ волненій,
И готовятъ ему
Переходъ глубокопотрясающій
Отъ радости къ горю,
Отъ страданій къ веселью,
То, чтобъ въ часъ тяжелый нужды
Была и помощь готова,
Воспитаютъ ему
Въ близкой отчизнѣ
Иль на чужомъ берегу
Спокойнаго друга.
Благословите нашего Пилада
И все, что ни предприметъ онъ, о боги!
Длань юноши на битвѣ у него,
Взоръ старца проницательный въ совѣтѣ.
Его душа ясна; хранитъ она
Неоцѣненное, святое благо
Спокойствія; блуждающему другу
Отъ сердца онъ даетъ совѣтъ и помощь.
Увлекъ онъ брата отъ меня, которымъ
Довольно не могла налюбоваться;
Усвоить счастья я была не въ-силахъ;
Къ его груди припала, позабывъ,
Какъ близко насъ опасность окружаетъ.
Теперь идутъ свой замыселъ исполнить
Они къ заливу, гдѣ корабль, укрытый
Со спутниками, только знака ждетъ.
И мудрое они вложили слово
Въ уста мнѣ, научивъ, что отвѣчать
Должна царю я, какъ пришлетъ за мной
И жертву тотчасъ повелитъ исполнить.
Ахъ! какъ дитя, должна я покориться.

Я не училась что-либо таить
И хитростью выманивать. Увы!
Ложь лицемѣрная! она груди,
Какъ всякое другое слово правды,
Не облегчитъ, утѣхой намъ не будетъ.
Того лишь, кто куетъ ее тайкомъ,
Она въ боязнь приводитъ; какъ стрѣла,
Пущенная изъ лука, возвратясь,
Уклонена рукой боговъ отъ цѣли,
Она разитъ стрѣлка-же самого.
Вся грудь моя взволнована заботой.
Быть можетъ, снова фурія терзаетъ
На берегу неосвященномъ брата?
Они открыты, можетъ! Слышу, вотъ
Идутъ, звеня оружьемъ.... здѣсь ужъ!... это
Спѣшитъ царевъ посланникъ. Бьется сердце,
Душа помрачена моя при мысли,
Какъ человѣку мнѣ глядѣть въ лицо (20),
Котораго должна я встрѣтить ложью.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ифигенія. Аркасъ.

Аркасъ.

Скорѣе, жрица, къ жертвѣ приступи.
Царь ждетъ давно и ужъ народъ собрался.

---

(20) Мы видѣли, что третій актъ окончился примиреніемъ Ореста со своею совѣстью. Теперь развивается другая, внутренняя борьба въ сердцѣ Ифигеніи за благодарность къ Тоасу,—борьба, которой начало положено еще въ первомъ актѣ. Если, еще не зная брата, Ифигенія готова была отвергнуть всѣ почести, чтобы возвратиться въ отчизну, то тѣмъ могущественнѣе стало это стремленіе теперь, когда братъ ей возвращенъ и она успѣла спасти его силою любви своей и чистоты душевной. Но едва одно чувство было удовлетворено, въ душѣ заговорилъ новый голосъ: Ифигенія вспомнила, что обманъ не послужитъ къ спасенію ея дома, отягченнаго и безъ того преступленіями, что болѣе чѣмъ когда-либо обязана она благодарностью къ Тоасу, самый гнѣвъ котораго происходилъ отъ любви къ ней. Разрѣшеніе этой новой и послѣдней борьбы найдемъ въ пятомъ актѣ.

Ифигенія.

Свершила-бъ я мой долгъ и то, о чемъ
Напоминаешь мнѣ, когда-бъ нежданно
Не встрѣтилось препятствіе тому.

Аркасъ.

Что-жъ царскому могло-бъ мѣшать приказу?

Ифигенія.

То случай, надъ которымъ мы не властны.

Аркасъ.

Скажи-же, донесу ему скорѣе:
Рѣшилъ онъ смерть обоихъ безвозвратно.

Ифигенія.

Ея еще не разрѣшили боги.
Изъ этихъ двухъ людей виновенъ старшій,
Что близкую, родную пролилъ кровь.
За нимъ повсюду фуріи слѣдятъ,
И даже здѣсь въ святилищѣ онъ былъ
Объятъ недугомъ, и святое мѣсто
Осквернено присутствіемъ его.
Спѣшу теперь съ прислужницами къ морю,
Омыть волною чистой ликъ богини
И совершить таинственный обрядъ,
Чтобъ не нарушилъ кто нашъ ходъ безмолвный!

Аркасъ.

О новомъ семъ препятствіи сейчасъ
Я извѣщу царя; святое дѣло
Начнешь не прежде, какъ дозволитъ онъ.

Ифигенія.

Исполнить это можетъ только жрица.

Аркасъ.

Столь рѣдкій случай долженъ знать и царь.

Ифигенія.

Его совѣтъ и воля здѣсь не нужны.

АРКАСЪ.

Для виду нужно сильнаго спросить.

ИФИГЕНІЯ.

Того не требуй, въ чемъ я откажу.

АРКАСЪ.

Я требую, что для тебя полезно.

ИФИГЕНІЯ.

Ступай-же, если только не замедлишь.

АРКАСЪ.

Я въ станъ схожу съ извѣстіемъ въ минуту
И чрезъ минуту буду здѣсь съ отвѣтомъ.
О еслибъ вѣсть еще я могъ отнесть,
Всѣхъ затрудненій нынѣшнихъ рѣшенье:
Ты не хотѣла внять совѣту друга.

ИФИГЕНІЯ.

Все, что могла, я сдѣлала охотно.

АРКАСЪ.

Еще въ свой срокъ ты перемѣнишь мысли.

ИФИГЕНІЯ.

Ужъ это болѣе не въ нашей власти.

АРКАСЪ.

Лишь потому считаешь невозможнымъ,
Что небольшаго требуетъ усилья.

ИФИГЕНІЯ.

Возможнымъ это кажется тебѣ,
Желаніемъ обманутому тщетнымъ.

АРКАСЪ.

И ты на все рѣшишься такъ спокойно?

ИФИГЕНІЯ.

Богамъ на волю все я предала.

Аркасъ.

Они людей спасаютъ милосердіемъ.

Ифигенія.

Рѣшится все по мановенью ихъ.

Аркасъ.

Я говорю, въ твоихъ рукахъ рѣшенье.
Лишь раздраженный духомъ царь желаетъ
Печальной смерти этимъ чужеземцамъ.
Жестокихъ жертвъ кровавые обряды
Отвыкло войско видѣть ужъ давно.
Ужъ не одинъ, противною судьбой
На чуждый берегъ занесенный, знаетъ,
Какъ божески несчастнаго скитальца,
Гонимаго изъ родины, встрѣчаетъ
Взоръ дружелюбный, кроткій человѣка.
О, не лиши насъ помощи своей,
Тебѣ легко начатое окончить:
Всего скорѣе, образъ человѣка
Пріявшая, съ небесъ нисходитъ кротость,
Чтобъ поселиться тамъ, гдѣ дикъ еще
Младой народъ, но полонъ жизни, силы
И мужества, оставленъ самъ себѣ
И робкому предчувствію, уныло
Несетъ земной, тяжелой жизни бремя.

Ифигенія.

Не потрясай души моей: ее
Къ своей ты волѣ наклонить не можешь.

Аркасъ.

Пока еще есть время, не жалѣю
Ни добраго совѣта, ни труда.

Ифигенія.

Себѣ даешь напрасный трудъ, а мнѣ
Безъ нужды горесть: такъ оставь меня.

Аркасъ.

Я эту горесть въ-помощь призываю:
Намъ другъ она, совѣтникъ добрый намъ.

Ифигенія.

Она сжимаетъ крѣпко сердце мнѣ,
Но все-жъ не уничтожитъ отвращенья.

Аркасъ.

И чувствуетъ прекрасная душа
Одно лишь отвращенье за добро,
Дарованное честнымъ человѣкомъ.

Ифигенія.

Да, если честный хочетъ мной владѣть,
А благодарности моей не принялъ.

Аркасъ.

Кто склонности не чувствуетъ, тому
Легко найти слова для оправданья.
Иду сказать царю, что здѣсь случилось.
О, еслибъ чаще ты твердила сердцемъ,
Какъ поступалъ съ тобой онъ благородно
Отъ самаго прибытья твоего!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Ифигенія (*одна*).

Не во-время мнѣ этотъ человѣкъ
Всю душу растерзалъ своею рѣчью.
Мнѣ страшно! Какъ волна въ потокахъ быстрыхъ
Растетъ, растетъ и заливаетъ камни,
Лежащіе въ песку береговомъ,
Такъ сердце все мнѣ радость обнимала.
Я невозможное въ рукахъ держала.
Казалось, тихо облако меня
Укрыло вновь, и отъ земли умчало,
Тѣмъ убаюкавъ сномъ, которымъ вѣжды
Мнѣ добрая богиня осѣнила,
Когда рука ея меня спасла.
Приникло сердце къ брату съ дивной силой,

Его лишь друга я словамъ внимала,
Лишь ихъ спасти душа моя стремилась,
И какъ пловцу пріятно миновать
Утесистаго острова прибрежья,
Такъ позади меня Таврида скрылась.
Теперь-же голосъ вѣрнаго мнѣ мужа
Прогналъ мой сонъ, напомнивъ снова мнѣ,
Что также здѣсь людей я оставляю.
Вдвойнѣ теперь обманъ мнѣ ненавистенъ.
О, успокойся, сердце! Уже поздно
Сомнѣньемъ колебаться: этотъ берегъ,
Печальный одиночества пріютъ,
Оставить должно! Снова примутъ волны
Тебя, бушуя; въ робости унылой
Себя и свѣта не узнало ты.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ифигенія. Пиладъ.

Пиладъ.

Гдѣ-жъ, гдѣ она? скорѣй-бы передать ей
Вѣсть радостную нашего спасенья.

Ифигенія.

Я здѣсь, полна заботы и тревоги,
И жду лишь отъ тебя утѣхи вѣрной.

Пиладъ.

Ужъ исцѣленъ твой братъ! Въ пески и скалы,
На брегъ неосвященный мы ступили,
Увлечены веселымъ разговоромъ.
Ужъ роща позади осталась; мы
Того не замѣчали. Все прекраснѣй,
Живѣе пламя юности сіяло
Вкругъ головы его кудрявой; взоръ,
Исполненный надежды и отваги,

Горѣлъ восторгомъ полнымъ; предался
Весь радости своимъ свободнымъ сердцемъ,
Весь наслажденью онъ: спасти свою
Спасительницу вѣрную и друга.

Ифигенія.

О, будь-же ты благословенъ, и пусть
Изъ добровѣстныхъ устъ твоихъ вовѣки
Звукъ жалобы и скорби не раздастся

Пиладъ.

Еще скажу я: свитою блестящей
Окружено, какъ царь, приходитъ счастье
И спутниковъ нашли мы. Между скалъ
Укрывши въ тѣсной бухтѣ свой корабль,
Они сидѣли въ грустномъ ожиданьи;
Увидѣвъ брата твоего, они
Всѣ съ кликомъ поднялись и стали дружно
Молить скорѣй отъѣздомъ поспѣшить.
Хватался каждый за весло рукою,
И даже вѣтръ, замѣтили то всѣ,
Вдругъ отъ земли крыломъ повѣялъ тихимъ.
То поспѣшимъ, веди меня во храмъ,
Дозволь вступить въ святилище, дозволь
Съ почтеньемъ взять предметъ желаній нашихъ.
Одинъ я въ-силахъ на привычныхъ плечахъ
Перенести богини истуканъ.
О, какъ стремлюся я къ желанной ношѣ!

(*При послѣднихъ словахъ идетъ въ храмъ, не замѣчая, что Ифигенія остается на мѣстѣ; наконецъ онъ оборачивается*).

Глядишь, трепещешь ты.... скажи.... молчишь?
Ты смущена какъ будто! Или снова
Разрушится готово наше счастье?
Скажи мнѣ: ты передала царю
Хитро обдуманное нами слово?

Ифигенія.

Да, милый другъ; но побранишь меня:
Твой видъ теперь безмолвнымъ мнѣ упрекомъ.

Пришелъ царевъ посолъ, и какъ вложилъ
Ты рѣчь въ уста мнѣ, такъ сказала я.
Онъ, мнится, удивленъ былъ; убѣждалъ
О небываломъ случаѣ сперва
Дать знать царю и у него спросить,
Какъ дѣлать; вотъ, я жду его возврата.

Пиладъ.

О горе! снова носится бѣда
Надъ нашей головой. Зачѣмъ себя ты
Не облекла по праву жрицы тайной?

Ифигенія.

Какъ тайной, этимъ правомъ никогда
Не пользовалась я.

Пиладъ.

То такъ погубишь
Себя и насъ, прекрасная душа!
Зачѣмъ объ этомъ прежде я не думалъ,
Не научилъ тебя, какъ уклониться
Отъ требованья этого.

Ифигенія.

Брани
Одну меня... виновна, это знаю;
Но какъ его иначе было встрѣтить?
Онъ требовалъ и строго и разумно,
Что справедливымъ я должна признать.

Пиладъ.

Опасность все страшнѣе; но и такъ
Не оробѣемъ мы иль въ безразсудной
Поспѣшности не выдадимъ себя.
Спокойно жди, какъ посланный вернется,
И чтобы ни принесъ онъ, будь тверда;
Затѣмъ, что дѣло не царя, а жрицы
Устроить освятительный обрядъ.
А видѣть пожелаетъ чужеземца,
Суровымъ отягченнаго недугомъ, —
То отклони его, сказавъ, что въ храмѣ
Скрываешь насъ обоихъ. Такъ свободу

Даруй намъ, чтобъ отсель скорѣй летѣли,
Отнявъ у недостойнаго народа
Сокровище святое. Аполлонъ
Счастливѣйшія знаменья намъ шлетъ.
Божественно, едва хотимъ исполнить
Условье мы, свое ужъ обѣщанье
Свершаетъ онъ: Орестъ здоровъ, свободенъ!
Съ освобожденнымъ, о попутный вѣтеръ,
Неси, неси скорѣе черезъ море
Насъ къ острову-скалѣ, жилищу бога;
Потомъ въ Микены, чтобъ свершилось это:
Пускай на очагѣ боговъ домашнихъ
Потухшій пепелъ возродится вновь,
И озарится радостнымъ огнемъ
Жилище ихъ. Пускай твоя рука
Изъ чаши золотой имъ сыплетъ первый
Благоуханный даръ. За тотъ порогъ
Ты принесешь спасеніе и жизнь,
Сотрешь проклятье и твоихъ украсишь
Цвѣтами жизни новой и прекрасной.

ИФИГЕНІЯ.

О милый! слушаю тебя, то сердце,
Согрѣтое лучами словъ твоихъ,
Обращено ужъ все къ утѣхѣ сладкой,
Какъ къ солнцу животворному цвѣтокъ!
Какъ дорога присущаго намъ друга
Порою рѣчь; ея небесной силы
Ждетъ одинокій, въ думы погруженъ.
Утаены въ груди, въ немъ тихо зрѣютъ
Мысль и рѣшенье, разовьются вдругъ
Въ присутствіи насъ любящаго друга.

ПИЛАДЪ.

Прощай! Спѣшу скорѣе успокоить
Друзей: они въ томленьи тяжкомъ ждутъ.
Въ мигъ возвращусь и, за скалой укрытый,
Здѣсь буду я, пока не дашь мнѣ знака.
Что пріуныла? Тѣнью тихой грусти
Покрылось вдругъ свободное чело.

ИФИГЕНІЯ.

Прости! какъ тучки легкія предъ солнцемъ,
Мнѣ черезъ душу легкія заботы
Проходятъ боязливо.

ПИЛАДЪ.

Не страшись!
Обманчиво живутъ въ союзѣ тѣсномъ
Съ бѣдою страхъ — сопутники другъ другу.

ИФИГЕНІЯ.

Я чту мою заботу: мнѣ она
Велитъ не обмануть, не обокрасть
Царя — отца втораго моего.

ПИЛАДЪ.

Его бѣжишь ты, какъ убійцы брата.

ИФИГЕНІЯ.

Онъ тотъ-же самый, что добро творилъ.

ПИЛАДЪ.

Тутъ нѣтъ неблагодарности: нужда
Ужъ такъ велитъ

ИФИГЕНІЯ.

Неблагодарность есть;
Нужда лишь можетъ оправдать ее.

ПИЛАДЪ.

Конечно, предъ людьми и предъ богами.

ИФИГЕНІЯ.

Но не спокойно собственное сердце.

ПИЛАДЪ.

Строга некстати скрытая въ немъ гордость.

ИФИГЕНІЯ.

Лишь, чувствую, изслѣдовать не мнѣ.

Пилатъ.

Себя-бы чтила, чувствуя, какъ должно.

Ифигенія.

Одно лишь сердце чистое вполнѣ
И наслаждаться можетъ.

Пиладъ.

То не даромъ
Себя скрывала въ храмѣ; жизнь насъ учитъ
Съ другими и съ собой быть меньше строгими.
Сама узнаешь это. Такъ чудесно
Устроенъ родъ нашъ, такъ неразрѣшимо
Запутано и смѣшано въ немъ все,
Что врядъ-ли кто въ себѣ или съ другими
Въ поступкахъ чистъ и ясенъ можетъ быть.
Но и не намъ судить самихъ себя.
Ближайшій, первый человѣка долгъ —
Идти и на свою смотрѣть дорогу:
Что сдѣлалъ, рѣдко онъ оцѣнитъ вѣрно;
Что дѣлаетъ, цѣнить почти не знаетъ.

Ифигенія.

Почти ты убѣдилъ меня.

Пиладъ.

Гдѣ нѣтъ
Ужъ выбора, тамъ нужно-ль убѣжденье?
Спасти себя и брата вмѣстѣ съ другомъ
Одинъ лишь путь: вопросъ — идти-ль по немъ?

Ифигенія.

О, дай помедлить! Самъ не допустилъ-бы
Такой несправедливости предъ тѣмъ,
Кому ты былъ-бы за добро обязанъ.

Пиладъ.

Когда погибнемъ мы, упрекъ жесточе,
Отчаянье тебѣ удѣломъ будетъ.
Какъ видно, ты потерь не испытала,

Что въ избѣжанье грозныхъ бѣдъ не хочешь
Пожертвовать однажды ложнымъ словомъ.

Ифигенія.

О, будь во мнѣ лишь мужеское сердце,
Что̀, если смѣлый замыселъ питаетъ,
Ужъ на другой совсѣмъ закрыто голосъ!

Пиладъ.

Напрасно уклоняешься: надъ нами
Судьбы рука желѣзная; ея
Одно движенье высшій намъ законъ,
Которому покорны сами боги.
Безсмертной дѣвой надо всѣмъ безмовно
Царитъ Необходимость; что возложитъ,
Неси, и что прикажетъ, исполняй.
Ты остальное знаешь. Возвращусь
Я скоро, чтобъ изъ чистыхъ рукъ твоихъ
Принять залогъ спасенья благодатный.

Ифигенія (*одна*).

Должна ему послѣдовать: къ друзьямъ
Бѣда такъ близко.... Но, увы! что будетъ
Со мной, о томъ страшусь, страшусь подумать.
И не спасти ужъ мнѣ надежды тихой,
Взлелѣянной средь жизни одинокой?
Проклятье это вѣчно будетъ въ силѣ?
И этотъ родъ не встанетъ никогда
Съ благословеньемъ новымъ? То возьмите
Все отъ меня.... Коль радостное счастье
И сила жизни лучшая увянуть,
Зачѣмъ-же не проклятье? Такъ напрасно
Надѣялася я, сокрыта здѣсь,
Чужда судьбы, родныхъ моихъ постигшей,
Рукой моей и сердцемъ непорочнымъ
Отъ тяжкой скверны домъ очистить нашъ!
Едва такъ чудно и такъ скоро братъ
Въ моихъ рукахъ отъ лютаго недуга
Былъ исцѣленъ, едва давно желанный
Корабль везти меня въ отчизну прибылъ,

Какъ рокъ слѣпой ужъ на меня двойное
Рукой желѣзной бремя наложилъ:
Священный, многочтимый ликъ богини,
На попеченье данный мнѣ, похитить
И обмануть того, кому я жизнью
И участью обязана моей.
О, чтобъ еще вражда въ душѣ моей
Не зародилась! — Ненависть Титановъ,
Боговъ старинныхъ яростная злоба
Къ вамъ, Олимпійцы, чтобъ и нѣжной груди
Когтями ястребиными не сжала!
Спасите вы меня и образъ вашъ
Въ душѣ моей спасите!
Раздается
Еще въ мой слухъ старинной пѣсни звукъ.
Охотно-бъ я ее забыть могла;
Ту пѣснь когда-то грозно пѣли Парки,
Какъ Танталъ палъ съ престола золотаго:
Боролся тщетно съ ними мужъ; кипѣла
Въ груди ихъ ярость, пѣснь была ужасна.
Ее кормилица, я помню, въ дѣтствѣ
Пѣвала часто мнѣ, сестрѣ и брату.

Родъ людской,
Страшися боговъ!
Безсмертной рукою
Власть они держатъ
И могутъ по волѣ
Направить ее.

Кто ими возвышенъ,
Страшись ихъ вдвойнѣ!
На тучахъ, утесахъ
Стоятъ ихъ престолы,
Вкругъ трапезъ златыхъ.

Возникнетъ вражда,
То падаютъ гости
Съ обидой, съ позоромъ
Въ глубокія бездны;

И ждутъ тамъ напрасно,
Окованы во мракѣ,
Чтобъ судъ справедливый
Отъ узъ разрѣшилъ.

Они-же сидятъ,
Блаженствуя вѣчно,
Вкругъ трапезъ златыхъ.
Они переходятъ
Чрезъ горы, чрезъ бездны.
Изъ пропастей темныхъ,
Дымясь, къ нимъ струится,
Какъ жертвенный дымъ
Иль облакъ прозрачный,
Дыханье Титановъ,
Задавленныхъ ими.

Властители-боги
Отъ цѣлаго рода,
Дарующій счастье,
Свой взоръ отвратятъ, —
И видѣть во внукѣ
Они избѣгаютъ
Любимыя прежде,
Безмолвно гласящія,
Прадѣда черты.

Такъ пѣснь пѣли Парки,
И пѣсню ихъ слышалъ
Въ подземныхъ пещерахъ
Изгнанникъ-старикъ.
О дѣтяхъ и внукахъ
Подумалъ, и грустно
Тряхнулъ головой (21).

---

(21) Подъ изгнанникомъ-старикомъ здѣсь разумѣется тотъ-же прапрадѣдъ Танталъ. Пѣснь Ифигеніи во всемъ носитъ античный характеръ пѣсней, посвященныхъ Евменидамъ. Передъ тѣмъ еще Пиладъ говорилъ о всесильной власти неумолимаго рока, и, кажется, подобно драмамъ Эсхила, трагедія Гёте ведетъ къ прославленію этой слѣпой силы необходимости. Но

АКТЪ V.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тоасъ. Аркасъ.

Аркасъ.

Смущенный, сознаюсь, и самъ не знаю,
Куда свое направить подозрѣнье?
На плѣнниковъ, задумавшихъ бѣжать?
На жрицу-ли, что тайно ихъ скрываетъ?
Молва все больше, что корабль, принесшій
Обоихъ ихъ, сокрытъ здѣсь гдѣ-то въ бухтѣ.
И пришлеца недугъ и освященье —
Предлогъ одинъ, чтобъ выиграть лишь время.
Тутъ ясно все и довѣрять не должно.

Тоасъ.

Пускай сюда придетъ скорѣе жрица!
Потомъ идите, зорко и поспѣшно
Отъ мыса до священной рощи берегъ
Весь осмотрите, не вступая въ рощу;
Устройте лишь искусную засаду, —
И гдѣ найдете, тотчасъ ихъ схватите.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тоасъ (*одинъ*).

Терзаетъ грудь мнѣ желчная досада:
Какъ на нее, — ее столь непорочной

читатель уже чувствуетъ, что готовится иная развязка, для которой данными служатъ свободная, непреклонная энергія воли въ душѣ Ифигеніи и благородный характеръ Тоаса. Послѣ примиренія съ богами, сила рока не могла имѣть значенія: все зависѣло только отъ свободнаго рѣшенія дѣйствующихъ лицъ, и пятый актъ выводитъ всѣхъ главныхъ борцевъ на арену, гдѣ побѣдителями являются Орестъ и Ифигенія: истинное мужество и душевная кротость.

Привыкъ считать я — такъ и на себя;
Ее къ измѣнѣ самъ я приготовилъ
Своею добротой и снисхожденьемъ.
Легко привыкнетъ къ рабству человѣкъ
И склонитъ выю, если у него
Совсѣмъ отнять свободу. Да, когда-бы
Она моимъ попала предкамъ въ руки,
То — пощади ее законный гнѣвъ —
Была-бы рада тѣмъ ужъ, что спаслась,
И, благодарна за свою судьбу,
Кровь чуждую охотно пролила-бы
Предъ алтаремъ, назвавши нужду долгомъ.
Теперь, на доброту мою надѣясь,
Она ужъ дерзскій замыселъ куетъ.
Напрасно привязать ее къ себѣ
Мечталъ я: ей мила судьба иная.
Мнѣ душу обольстить она умѣла
Ласкательствомъ; теперь ему противлюсь....
И вотъ ужъ ищетъ чрезъ обманъ и хитрость
Пути себѣ; ей доброта моя
Какъ старое, изношенное платье.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ифигенія. Тоасъ.

Ифигенія.

Ты звалъ! чего-же требуешь отъ насъ?

Тоасъ.

Ты медлишь жертвою — скажи, зачѣмъ?

Ифигенія.

Все ясно разсказала я Аркасу.

Тоасъ.

Я могъ-бы больше отъ тебя узнать.

Ифигенія.

Тебѣ даетъ богиня срокъ подумать.

Тоасъ.

Тебѣ лишь, мнится, нуженъ этотъ срокъ.

Ифигенія.

Когда совсѣмъ въ рѣшеніи жестокомъ
Ужъ затвердѣло сердце у тебя,
Пришелъ напрасно!... Царь безчеловѣчный
Найдетъ довольно слугъ, готовыхъ жадно
Принять проклятья половину въ дѣлѣ
За милость или плату; но его
Присутствіе ничѣмъ не осквернится.
Онъ смерть готовитъ, скрытъ въ тяжелой тучѣ,
И лишь гонцы губительное пламя
Его приносятъ на главы несчастныхъ;
А онъ паритъ на высотахъ спокойно,
Какъ богъ недосязаемый въ грозѣ.

Тоасъ.

Какъ дики, жрица, звуки устъ твоихъ!

Ифигенія.

Не жрица, нѣтъ! я дочь Агамемнона!
Ты неизвѣстной слово чтилъ и хочешь
Повелѣвать надъ дочерью царя?
Я съ юности училась покоряться
Родителямъ сперва, потомъ богамъ;
Но все-жъ моя покорная душа
Всегда была вполнѣ, вполнѣ свободна.
Ни тамъ, ни здѣсь не мыслила робѣть я
Предъ жесткимъ словомъ, грубой волей мужа.

Тоасъ.

Не я, законъ старинный такъ велитъ.

Ифигенія.

Хватаемся мы жадно за законъ,
Когда орудьемъ служитъ нашей страсти.

Другой законъ, старѣйшій, мнѣ велитъ
Противиться тебѣ: онъ намъ гласитъ,
Что каждый странникъ святъ.

Тоасъ.

Какъ видно, очень
Ужъ близки къ сердцу плѣнники тебѣ.
Увлечена сочувствіемъ, забыла
Ты первый мудрости уставъ, что сильныхъ
Опасно слишкомъ раздражать.

Ифигенія.

Смолчу
Или скажу, равно ты можешь знать,
Что̀ на сердцѣ моемъ теперь и вѣчно.
Ужель объ участи подобной мысль
Для состраданья сердца не раскроетъ?
Мое тѣмъ больше! въ нихъ себя я вижу,
Сама предъ алтаремъ я трепетала;
Смерть ранняя носилась надо мной,
Колѣнопреклоненной; ножъ сверкалъ ужъ,
Чтобъ грудь пронзить, исполненную жизни.
Въ душѣ крутился вихремъ ужасъ, око
Мое затмилось, вдругъ.... я спасена!
Мы не должны-ли воздавать несчастнымъ,
Что милосердно намъ даруютъ боги.
Меня ты знаешь и принудить хочешь.

Тоасъ.

Покорствуй долгу твоему, не мнѣ.

Ифигенія.

Оставь! не разукрашивай насилья,
Что̀ властвуетъ надъ слабостію женской.
Я родилась свободной, какъ мужчина.
Когда-бъ стоялъ Агамемнона сынъ
Передъ тобой, и требовать ты сталъ-бы,
Чего не должно, мечъ и руку онъ
Нашелъ-бы для защиты правъ своихъ.

Одни слова имѣю я: кто честенъ,
Пусть также слово женщины почтитъ.

Тоасъ.

Его я больше чту, чѣмъ брата мечъ.

Ифигенія.

Измѣнчива всегда судьба оружья;
Врагомъ своимъ не презритъ мудрый воинъ.
И слабому природа даровала
Защиту противъ твердости жестокой.
Онъ любитъ хитрость, знаетъ всѣ уловки,
Уступитъ, выждетъ.... смотришь: обойдетъ.
Да, сильный стоитъ часто быть обманутъ.

Тоасъ.

На хитрость есть и средство: осторожность.

Ифигенія.

Но сердцу чистому чужда и хитрость.

Тоасъ.

Свой приговоръ ты смѣло произносишь.

Ифигенія.

О еслибъ зналъ, какъ борется душа
Во мнѣ, чтобъ первый отклонить ударъ
Судьбины злой, сразить меня готовой,
То безоружной предъ тобой стою?
Отвергнулъ ты прекрасную мольбу,
Ту вѣтку мира, что въ рукахъ у женщинъ
Сильнѣе всѣхъ оружій и мечей.
Чѣмъ защитить свою теперь мнѣ душу?
Богиню-ль призову для чуда? Силъ-ли
Ужъ нѣтъ во глубинѣ моей души?

Тоасъ.

Какъ видно, плѣнниковъ судьба безмѣрно
Тебя тревожитъ. Кто они? скажи:
Кого съ такимъ ты жаромъ защищаешь?

Ифигенія.

Они.... они.... мнѣ кажется, что Греки.

Тоасъ.

Единоземцы? И въ тебѣ нашли
Прекрасный образъ родины далекой?

Ифигенія (*помолчавъ*).

Уже-ль дерзнуть на подвигъ небывалый
Одинъ мужчина смѣетъ? Невозможность
Лишь онъ удержитъ на груди геройской?
Что назовешь великимъ? Что пѣвца
Въ разсказѣ старомъ, новымъ окрыляетъ
Восторгомъ каждый разъ? Лишь подвигъ смѣлый,
Съ надеждой малой на успѣхъ зачатый.
Кто въ ночь прокрался къ вражескому стану
И вдругъ, какъ пламя, яростно ударилъ
На спящихъ, полусонныхъ — наконецъ
Въ табунъ коней отбитъ врагомъ возставшимъ;
Но все-же возвращается съ добычей,
Одинъ-ли славенъ онъ? (22) Одинъ-ли тотъ,
Кто безопасный путь презрѣвъ, идетъ
Отважно черезъ горы и лѣса,
Чтобъ отъ разбойниковъ страну избавить?
Что-жъ намъ осталось? Нѣжная жена
Должна-ли отъ природныхъ правъ своихъ
Отречься, дикой съ дикимъ быть и право
Меча отнять у васъ, какъ Амазонки,
И кровью за обиду мстить? Но грудь
Взволнована отважнымъ предпріятьемъ.
Не избѣгу я грознаго упрека
И гибели, когда мнѣ не удастся.....
То все вамъ въ руки предаю! когда
Правдивы вы, какъ славятъ васъ повсюду,
Участьемъ это вашимъ докажите,
И правду возвеличьте чрезъ меня.

---

(22) Здѣсь намекъ на Діомеда, о подвигѣ котораго разсказывается въ книгѣ Иліады. Впрочемъ, слова Ифигеніи имѣютъ общій смыслъ, потому-что она ничего не могла знать о дѣлахъ Троянскихъ.

Такъ, знай, о царь! готовь обманъ искусный;
Напрасно ищешь плѣнниковъ; ихъ нѣтъ:
Они къ своимъ отправились друзьямъ,
На берегу ихъ ждущимъ въ кораблѣ.
Старѣйшій, что недугомъ былъ объятъ
И нынѣ исцѣлился — то Орестъ,
Мой братъ; другой-же — искренній его
Отъ дѣтства другъ, по имени Пиладъ.
Ихъ Аполлонъ изъ Дельфъ на этотъ берегъ
Съ божественнымъ велѣніемъ прислалъ
Похитить ликъ Діаны, возвратить
Ему сестру и обѣщалъ за это
Освободить отъ фурій бѣглеца,
Пролившаго кровь матери родимой.
Обоихъ насъ, изъ Танталова рода
Послѣднихъ, предаю тебѣ во власть.
Губи, когда дерзнешь.

Тоасъ.

Ты полагаешь,
Гласъ человѣчества и правды гласъ
Услышитъ грубый Скиѳъ, когда имъ Грекъ,
Атрей не внялъ?

Ифигенія.

Пускай ихъ слышитъ каждый,
Подъ тѣмъ или другимъ рожденный небомъ,
Кому источникъ жизни черезъ грудь
Течетъ свободно, ясно.... Что молчишь?
Что мыслишь царь во глубинѣ души?
Погибель? то убей меня сперва!
Теперь, какъ намъ ужъ нѣтъ пути къ спасенью,
Я чувствую всю глубину несчастья,
Въ которое съ поспѣшностью излишней
Умышленно повергнула я милыхъ.
Увы! ихъ въ узахъ предъ собой увижу!
Какимъ должна, прощаясь, встрѣтить взоромъ
Я брата, убиваемаго мною!
Взглянуть и въ очи я ему не въ-силахъ!

ТОАСЪ.

Такъ выдумкой обманщики искусно,
Какъ сѣтію, опутали главу
Той, что, скучая долгимъ заключеньемъ,
Имъ ввѣрилась охотно и легко.

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, царь, о нѣтъ! Я, можетъ, строю ковы;
Но въ нихъ коварства нѣтъ: они правдивы.
Иначе пусть погибнутъ, и меня
Отвергни; пусть среди печальныхъ скалъ
На островѣ пустынномъ жизнь влачу
Я въ наказанье за мое безумство.
Но если этотъ человѣкъ — мой братъ,
Давно желанный, милый — отпусти насъ.
Будь дружелюбенъ къ брату, какъ ко мнѣ.
Погибъ отецъ мой отъ руки супруги,
Она-жъ чрезъ сына; въ племени Атрея
Послѣдняя надежда на него.
Пусть возвращусь, чиста рукой и сердцемъ,
И отъ проклятья домъ избавлю нашъ.
Ты сдержишь слово! Если мнѣ возвратъ
Къ роднымъ сужденъ когда-либо, клялся ты
Меня пустить; свершилось это нынѣ.
Тревожимъ просьбой, царь не обѣщаетъ,
Какъ человѣкъ простой, чтобъ удалить лишь
Просящаго, не обѣщаетъ также
Того, чего исполнить онъ не можетъ.
Свое вполнѣ достоинство онъ знаетъ,
Когда на просьбы робкаго счастливитъ.

ТОАСЪ.

Невольно, какъ огонь въ борьбѣ съ водой
Упорствуетъ и силится, шипя,
Преодолѣть врага, въ моей груди
Такъ гнѣвъ съ твоими борется словами.

ИФИГЕНІЯ.

О пусть-же милость, будто кроткой жертвы
Святой огонь, пылаетъ для меня
Съ хвалебной пѣснью, съ благодарнымъ кликомъ!

Тоасъ.

Смягчалъ меня не разъ ужъ этотъ голосъ!

Ифигенія.

О дай-же руку мнѣ въ знакъ мира

Тоасъ.

Просишь
Ужъ слишкомъ много ты въ короткій срокъ.

Ифигенія.

Творя добро, не нужно разсуждать.

Тоасъ.

Напротивъ! зло и отъ добра выходитъ.

Ифигенія.

Сомнѣнье только зломъ творитъ добро.
Не думай; какъ душа велитъ, исполни.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Орестъ (*вооруженный*). Прежніе.

Орестъ (*за сцену*).

Удвойте силы! Удержите ихъ!
Лишь мигъ одинъ! толпѣ не уступайте,
Чтобъ только на корабль прикрыть дорогу
Мнѣ и сестрѣ.

(*Ифигеніи, не видя царя*).

Пойдемъ, ужъ насъ открыли,
Немного къ бѣгству времени. Скорѣе!

(*Видитъ царя*)

Тоасъ (*хватаясь за мечъ*).

Никто въ моемъ присутствіи не думай
Мечъ обнажить безъ кары

Ифигенія.

Домъ богини
Не оскверняйте яростью и кровью;
Велите успокоиться толпѣ;
Ты жрицы, ты сестры послушай...

Орестъ.

Кто онъ?
Скажи мнѣ, кто грозитъ намъ?

Ифигенія.

Въ немъ царя
Почти, который былъ вторымъ отцемъ мнѣ!
Прости мнѣ, братъ! Ему я съ дѣтскимъ сердцемъ
Судьбу всю нашу въ руки предала,
Ему въ намѣреньи призналась вашемъ
И душу отъ предательства спасла.

Орестъ.

И дружелюбно онъ отпуститъ насъ?

Ифигенія.

Сверкающій твой мечъ не дозволяетъ
Мнѣ отвѣчать.

Орестъ (*влагая мечъ въ ножны*).

Ты видишь, я послушенъ

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежніе. Пиладъ (*Вскорѣ послѣ него*) Аркасъ. (*Оба съ обнаженными мечами*).

Пиладъ.

Не медлите! Ужъ наши напрягаютъ
Остатокъ силъ и уступить должны;
Ихъ понемногу оттѣсняютъ къ морю.
Какихъ владыкъ здѣсь нахожу въ бесѣдѣ?
То самъ глава, почтенный царь!

АРКАСЪ.

Спокойно
Какъ и прилично, царь, тебѣ, стоишь
Ты предъ врагами. Въ этотъ мигъ они
Наказаны за дерзость; уступаетъ
И гибнетъ ихъ отрядъ, корабль ихъ нашъ.
Одно лишь слово и въ огнѣ онъ будетъ!

ТОАСЪ.

Ступай, вели толпѣ спокойно ждать,
Пока мы говоримъ, враговъ не трогать.
(*Аркасъ уходитъ*).

ОРЕСТЪ.

Согласенъ я! Иди, любезный другъ,
Сбери остатокъ нашихъ; ждите мирно,
Какой конецъ даруютъ боги намъ.
(*Пиладъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ифигенія, Тоасъ и Орестъ.

ИФИГЕНІЯ.

Меня избавьте отъ заботы прежде,
Чѣмъ говорить начнете. Распри злой
Страшусь я, если, царь, не будешь слушать
Ты кроткаго умѣренности гласа,
А ты, мой братъ, свой юношескій пылъ
Не усмиришь.

ТОАСЪ.

Удерживаю гнѣвъ,
Какъ старшему прилично. Отвѣчай!
Чѣмъ мнѣ докажешь, что Агамемнона
Ты сынъ и братъ ея?

ОРЕСТЪ.

Вотъ мечъ, тотъ самый,
Которымъ храбрыхъ онъ Троянъ разилъ.
Его я отъ убійцы взялъ, моля
Боговъ мнѣ даровать отважность, силу
И счастіе великаго царя,
И лучшій дней конецъ назначить мнѣ.
Изъ благородныхъ въ войскѣ избери
Храбрѣйшаго, поставь противъ меня.
Пока есть на землѣ сыны героевъ,
Въ томъ чужеземцу вѣрно не откажутъ.

ТОАСЪ.

По старому обычью никогда
Такого предпочтенья чужеземцамъ
Здѣсь не давалось (23).

ОРЕСТЪ.

Такъ начни съ себя,
Съ меня обычай новый! Подражая,
Себѣ въ законъ поставитъ весь народъ
Поступокъ благородный властелина.
И пусть за чуждемцевъ чужеземецъ,
Не за одну свободу я сражусь.
Паду я, то съ моею участь ихъ
Ужъ рѣшена; но ежели побѣду
Даруетъ счастье мнѣ, то съ-этихъ-поръ
Пусть всякій, кто на здѣшній берегъ ступитъ,
Встрѣчаетъ взоръ заботливой любви
И на разстаньи будетъ имъ утѣшенъ.

ТОАСЪ.

Мнѣ кажется, о юноша, достоинъ
Ты предковъ тѣхъ, которыми хвалишься.

---

(23) Обычай атлетическихъ состязаній, о которыхъ разсказываетъ и Гомеръ, Гёте переноситъ отъ Грековъ къ варварамъ; но онъ придаетъ послѣднимъ и многія другія черты, которыхъ не хотѣли признавать въ нихъ гордые своею образованностью Греки. Впрочемъ, вызовъ Ореста и условія, имъ предложенныя, напоминаютъ скорѣе рыцарство среднихъ вѣковъ, чѣмъ современниковъ Агамемнона. Греки сражались только за плѣнницъ, за оружіе, за тѣла друзей своихъ, оставленныя на полѣ битвы.

Есть благородныхъ, храбрыхъ у меня
Мужей довольно; но и я могу
Въ моихъ лѣтахъ врагу на встрѣчу выйти,
Готовъ съ тобою попытать оружья.

Ифигенія.

Нѣтъ, нѣтъ! Такихъ кровавыхъ убѣжденій
Не нужно, царь! прочь руку отъ меча....
О мнѣ подумай, о моей судьбѣ.
Увѣковѣчитъ храбрый подвигъ мужа:
Падетъ онъ, пѣснь хвалу ему звучитъ.
Но слезы, безконечныя страданья .
Оставшейся, покинутой жены
Потомство не считаетъ, и молчитъ
Пѣвецъ о дняхъ проплаканныхъ и ночахъ,
Гдѣ кроткая душа, тоской терзаясь,
Напрасно ждетъ отшедшаго мгновенно
И для нея потеряннаго друга.
Я и сама тревожилась сначала,
То не обманъ-ли хищника, который
Меня изъ безопаснаго пріюта
Увлечь желаетъ, чтобъ рабыней сдѣлать.
Старательно о всемъ я разузнала,
И вотъ теперь увѣрена (24). Смотри,
На правой у него рукѣ пятно,
Тремъ звѣздочкамъ подобное; явилось
Оно ужъ въ самый день его рожденья
И жрецъ сказалъ тогда, что суждено
Рукѣ сей дѣло тяжкое свершить.
И этотъ вотъ рубецъ, что разсѣкаетъ
Здѣсь бровь ему, вдвойнѣ меня увѣрилъ.
Его дитей Электра въ-торопяхъ

(24) Въ трагедіи Еврипида «Ифигенія въ Тавридѣ» есть цѣлая сцена, гдѣ героиня задаетъ разные вопросы Оресту, чтобы въ этомъ увѣриться. Ничего подобнаго не видно въ третьемъ актѣ «Ифигеніи» Гёте. Героиня съ первой минуты, какъ Орестъ ей открылся, называетъ его своимъ братомъ. Она не думала ни о чемъ разузнавать, а прямо обратилась съ мольбою къ богамъ. Такимъ-образомъ настоящія слова ея должны служить только къ убѣжденію Тоаса.

Неосторожно, какъ случалось съ нею,
Сронила съ рукъ и о треножникъ онъ
Ударился, бѣдняжка... Онъ, тотъ самый...
Должна-ли приводить еще я сходство
Съ отцемъ; восторгъ неудержимый сердца
Въ свидѣтельство, чтобъ убѣдить тебя.

Тоасъ.

Пусть рѣчь твоя сомнѣнья всѣ рѣшаетъ,
Пусть укротилъ я гнѣвъ въ моей груди,
То все-жъ оружье дѣло между нами
Должно покончить; мира я не вижу.
Они пришли, сама созналась ты,
Богини ликъ похитить у меня.
Иль мните вы, на это равнодушно
Смотрю я? Грекъ свой взоръ корыстный часто
Къ сокровищамъ далекимъ обращаетъ.
Руно златое, кони, дѣвъ краса
Его въ чужую землю манятъ; жаль лишь,
Что не всегда счастливо удается
Ему домой вернуться съ этимъ кладомъ,
Добытымъ чрезъ насилье и обманъ.

Орестъ.

Царь, ликъ богини ссорить насъ не долженъ!
Теперь ужь тайна объяснилась эта;
Богъ, путь сюда намъ указавшій, ею
Какъ покровомъ, намъ осѣнилъ чело.
Просилъ совѣта и освобожденья
Отъ фурій у него я; мнѣ сказалъ онъ:
«Коль въ Грецію ты принесешь сестру,
Что противъ воли на брегу Тавриды
Въ святилищѣ живетъ, — спадетъ проклятье».
Сестру мы Аполлона разумѣли,
Но это о тебѣ изрекъ онъ (25). Нынѣ

(25) Эти слова говоритъ Орестъ, уже обращаясь къ Ифигеніи. Въ противоположность развязкѣ въ драмѣ того-же имени Еврипида, ликъ Діаны остается въ Тавридѣ. Это придумано Гёте не безъ цѣли. Присутствіе богини у чужеземцевъ будетъ отнынѣ служить символомъ новыхъ, болѣе кроткихъ обычаевъ, которымъ научила ихъ Ифигенія.

Разрѣшены уж тягостныя узы;
Святая, ты возвращена къ своимъ,
И я, тебя коснувшись, исцѣлился.
Въ послѣдній разъ въ твоихъ рукахъ меня
Схватилъ недугъ жестокими когтями,
Весь мозгъ во мнѣ ужасно онъ потрясъ,
Потомъ ушелъ, какъ змѣй, въ свою пещеру.
Вновь наслаждаюсь чрезъ тебя теперь
Дня необъятнымъ свѣтомъ.
Какъ чудесно
Исполнилось рѣшеніе богини!
Какъ ликъ ея, съ которымъ нераздѣльно,
По изреченью тайному боговъ,
Ужъ связана вся города судьба,
Тебя она, спасительницу дома,
Спасла и въ тишинѣ святой хранила
На счастье брату и твоимъ друзьямъ.
Когда, казалось, всякое спасенье
Потеряно на сей землѣ обширной,
Вдругъ возвращаешь все ты намъ обратно.
О царь, склони свою ты душу къ миру;
Не воспрепятствуй, чтобъ отцовскій домъ
Былъ ужь избавленъ нынѣ отъ проклятья,
Въ чертоги освященные вернуться
Мнѣ дай и древнюю принять корону.
Разстанься съ благомъ, ею принесеннымъ,
Ближайшимъ правомъ дай мнѣ насладиться!
Правдивостью души высокой этой
Посрамлено, что высшею хвалою
Мужчинѣ служатъ: хитрость и отвага.
И дѣтская довѣренность пусть будетъ
Для мужа благороднаго наградой.

Ифигенія.

Сдержи-же слово, тронься этой рѣчью,
Произнесенной вѣрными устами
Безхитростно! взгляни на насъ! Не часто
Къ такому благородному поступку
Найдешь ты случай. Нѣтъ, ты не откажешь.
Исполни-же скорѣе.

Тоасъ.

То ступайте.

Ифигенія.

Нѣтъ, царь, не такъ! благослови меня;
Я не могу съ тобой разстаться въ ссорѣ.
Не изгоняй насъ! дружескій союзъ
Гостепріимства пусть межъ нами будетъ;
Такъ не на вѣки мы разлучены.
Мнѣ дорогъ, милъ ты, какъ отецъ родной,
Въ душѣ моей пребудетъ это чувство.
Послѣдняго изъ твоего народа
Едва до слуха мнѣ коснется рѣчь,
Которую привыкла слышать здѣсь,
На самомъ бѣдномъ лишь одежду вашу
Увижу, я приму его, какъ бога.
Сама ему я ложе приготовлю
И посажу предъ очагомъ домашнимъ,
И о тебѣ лишь, о твоей судьбѣ
Разспрашивать его я буду. Боги
Пускай дарують должную награду
За всѣ дѣла тебѣ, за кротость также.
Прощай-же! о взгляни на насъ, скажи
Намъ на прощанье ласковое слово.
Тогда и вѣтеръ кроткій намъ повѣетъ,
И легче будетъ литься изъ очей
Слезамъ разлуки. Ужь прощай! Даруй мнѣ
Свои права въ залогъ старинной дружбы.

Тоасъ.

Прощайте!

Перев. съ Нѣмецк. **В. Водовозовъ.**

АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ГРЕЧЕСКАГО И ОБЪЯСНЕННЫЙ

ПРОФ. В. Н. КАРПОВЫМЪ.

(*Окончаніе*).

Сокр. Значитъ, мы возвращаемся къ прежнему вопросу. Говори мнѣ, отъ кого научился.

Алк. Отъ народа.

Сокр. Не къ отличнымъ-же учителямъ прибѣгаешь ты, когда ссылаешься на народъ.

Алк. А что? развѣ онъ не въ-состояніи научить?

Сокр. Даже и тому, что шашечная игра, и что нѣтъ; хотя это, думаю, гораздо ниже справедливаго. Развѣ твое мнѣніе не таково?

Алк. Не таково.

Сокр. Значитъ, не имѣя возможности научить худшему, онъ въ-состояніи преподать лучшее?

Алк. Я думаю. Да и дѣйствительно, народъ въ-состояніи научить многому, что будетъ получше шашечной игры.

Сокр. Чему-жъ это?

Алк. У него, на-примѣръ, научился я говорить по-Гречески, и въ этомъ отношеніи не могу назвать тебѣ другаго учителя, но чувствую себя обязаннымъ тому самому, котораго ты не считаешь отличнымъ.

Сокр. Да, почтеннѣйшій, въ этомъ-то народъ — хорошій учитель, и науку его по справедливости можно хвалить (36).

Алк. Почему-же?

Сокр. Потому-что онъ обладаетъ именно тѣмъ, чѣмъ должны обладать хорошіе наставники.

Алк. Что ты разумѣешь?

Сокр. Не извѣстно-ли тебѣ, что люди, намѣревающіеся учить чему-нибудь, должны напередъ сами знать это? Или нѣтъ?

Алк. Какъ-же нѣтъ?

Сокр. Но не правда-ли, что знающіе должны быть согласны другъ съ другомъ, а не разногласить?

Алк. Да.

Сокр. И скажешь-ли, въ чемъ они разногласятъ, то знаютъ?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Такъ какимъ-же образомъ быть имъ учителями въ томъ предметѣ?

Алк. Никакъ нельзя.

Сокр. Что-жъ? Разногласитъ-ли, думаешь, народъ, что камень, что дерево? Когда ты спрашиваешь объ этомъ у кого-нибудь, всѣ не то-же-ли самое разумѣютъ, не къ тому-же-ли самому бѣгутъ, съ намѣреніемъ взять камень или дерево? Не такъ-ли прочее въ этомъ родѣ? Эту-то почти мысль я соединяю съ твоими словами о знаніи Греческаго языка. Или неправда?

Алк. Правда.

Сокр. Не въ томъ-же-ли, какъ сказано, согласны между собою и города, взятые порознь и вмѣстѣ? Тутъ они не спорятъ другъ съ другомъ и не говорятъ — одинъ одно, другой другое.

---

(36) ***И науку его по справедливости можно хвалить*** — καὶ δικαίως ἐπαινεῖντ' αὐτῶν εἰς διδασκαλίαν. Мѣстоименіе αὐτῶν въ соединеніи съ словами εἰς διδασκαλίαν наводитъ подозрѣніе на неповрежденность этого текста. Проклъ (p. 260) пишетъ его такъ: καὶ δικαίως ἐπαινοῖτ' ἂν ἡ διδασκαλία. Въ этой конструкціи умѣстно будетъ и αὐτῶν. Если-же отдадимъ преимущество спискамъ, въ которыхъ стоитъ εἰς διδασκαλίαν, то αὐτῶν надобно тогда признать вовсе ненужною вставкою какого-нибудь глоссатора.

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно тутъ они по справедливости и хорошіе учители?

Алк. Да.

Сокр. И такъ, еслибы мы вздумали сообщить кому-нибудь подобное знаніе, то не справедливо-ли поступили бы, пославъ его въ науку къ народу?

Алк. Конечно, справедливо.

Сокр. Но что, еслибы намъ захотѣлось знать не только то, что̀ люди и что̀ лошади, но и то, которые изъ нихъ быстры и которые нѣтъ? Могъ-ли-бы народъ научить.

Алк. Не очень.

Сокр. Такъ — не убѣдительное-ли для тебя доказательство, что онъ этого не знаетъ, что въ этомъ онъ плохой учитель, когда тутъ не согласенъ самъ съ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы намъ захотѣлось знать, не только то, что̀ люди, но и то, которые изъ нихъ здоровы и которые больны: былъ-ли-бы народъ достаточнымъ для насъ учителемъ?

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. И не заключилъ-ли-бы ты, что въ этомъ отношеніи онъ худой учитель, когда-бы замѣтилъ его разногласіе съ самимъ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Что-жъ теперь? Кажется-ли тебѣ, что въ отношеніи къ справедливымъ и несправедливымъ людямъ и поступкамъ народъ согласенъ и въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ (37)?

Алк. Всего менѣе, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

---

(37) *И въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ* — αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἢ ἀλλήλοις. Различаются: общее мнѣніе народа и мнѣнія частныхъ гражданъ о справедливомъ и несправедливомъ. Поэтому тѣ неправильно понимаютъ мысль, которые ἀλλήλοις измѣняютъ на ἄλλοις.

Сокр. Не правда-ли, что тутъ онъ особенно разногласитъ?

Алк. Да и непрестанно.

Сокр. Ты, думаю, никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы разногласіе людей касательно здоровыхъ и нездоровыхъ доходило наконецъ до сраженія и взаимнаго убійства.

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, касательно справедливаго и несправедливаго, если не видѣлъ, то, знаю, слышалъ и отъ Омира, и отъ многихъ другихъ. Вѣдь объ Одиссеѣ и Иліадѣ слыхалъ?

Алк. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А эти поэмы — не о разногласіи-ли касательно справедливаго и несправедливаго?

Алк. Да.

Сокр. Тутъ вѣдь Ахейцы и Трояне, женихи Пенелопы, и Одиссей вступали въ сраженія и подвергались смерти именно за это разногласіе.

Алк. Твоя правда.

Сокр. Думаю, что и въ Танагрѣ (38) причиною смертей и сраженій между Аѳинянами, Лакедемонянами и Віотянами, а потомъ въ Херонеѣ, гдѣ палъ и отецъ твой Клиніасъ, было не какое другое разногласіе, какъ о справедливомъ и несправедливомъ. Не такъ-ли?

Алк. Правда.

Сокр. И такъ эти-ли, скажешь, знаютъ то, о чемъ разногласіе доводитъ ихъ самихъ до крайнихъ бѣдствій?

Алк. Нѣтъ, не думаю.

Сокр. И не такимъ-ли учителямъ приписываешь ты свое знаніе, которые, по твоимъ-же словамъ, сами не имѣютъ его?

Алк. Кажется.

Сокр. Такъ вѣроятно-ли, что ты знаешь справедливое и несправедливое, когда касательно его находишься въ такомъ

---

(38) Разумѣется сраженіе при Танагрѣ, бывшее 4,89 Олимп. См. Thucyd. 1,185 sqq. Diodor. XI, 81. Далѣе упоминается о сраженіи при Херонеѣ, случившемся 2,83 Олимп.

заблужденія, и когда, какъ видно, ты ни у кого не учился этому, и самъ не открылъ?

Алк. Да, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно.

Сокр. А видишь-ли, Алкивіадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ (39)?

Алк. Что такое?

Сокр. Что говоришь, судя по моимъ словамъ.

Алк. Отчего-же? Развѣ не твои слова, что я ничего не знаю о справедливомъ и несправедливомъ?

Сокр. Конечно, нѣтъ.

Алк. А мои?

Сокр. Да.

Алк. Какъ-же это?

Сокр. Узнаешь вотъ изъ чего. Если я тебя спрошу, что больше, — единица, или два, то не скажешь-ли ты, что два?

Алк. Скажу.

Сокр. Чѣмъ больше?

Алк. Единицею.

Сокр. Кто-же изъ насъ говоритъ, что два больше одною единицею?

Алк. Я.

Сокр. Не правда-ли, что я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Правда.

Сокр. Такъ я-ли говорю объ этомъ, поколику спрашиваю, или ты, поколику отвѣчаешь?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ-бы тебя, какія буквы въ словѣ Сократъ, и ты отвѣчалъ-бы мнѣ: кто тогда говорилъ-бы?

---

(39) *А видишь-ли, Алкивіадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ*, то есть: *судя по твоимъ словамъ*, *невѣроятно*, какъ будто эти слова сказаны мною, а не тобою. Оборотъ весьма искусный и прямо Сократическій. Но Шлейермахеру онъ почему-то не нравится. Въ словѣ «видишь-ли»? замѣтенъ пріятный тонъ нѣсколько насмѣшливой шутки, какимъ оно отзывается въ Symp. p. 202 D. Gorg. 475 E. и у Аристофана Rann. v. 1186 etc.

Алк. Я.

Сокр. Ну такъ скажи мнѣ однимъ словомъ: если предлагается вопросъ и отвѣтъ, то кто говоритъ, — вопрошающій, или отвѣчающій?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что отвѣчающій.

Сокр. А не я-ли сейчасъ непрерывно тебя спрашивалъ?

Алк. Да.

Сокр. И не ты-ли отвѣчалъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Что-жъ? Кто изъ насъ сказалъ, что было сказано?

Алк. Изъ допущеннаго видно, Сократъ, что я.

Сокр. И не то-ли было сказано, что прекрасный сынъ Клиніаса Алкивіадъ не знаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, а думаетъ, что знаетъ, и готовится идти въ собраніе Аѳинянъ съ намѣреніемъ подавать имъ совѣты въ томъ, чего вовсе не знаетъ. Не такъ-ли было?

Алк. Кажется.

Сокр. Такъ надъ нами, Алкивіадъ, сбылась Еврипидова поговорка. Ты, какъ видно, слышалъ это отъ себя, а не отъ меня (40); не я говорилъ, а ты: напрасно обвиняешь меня. Впрочемъ, и хорошо сказано. Вѣдь у тебя въ умѣ, добрякъ, въ самомъ дѣлѣ отчаянное предпріятіе (41) — учить тому, чего не знаешь и чему не думалъ учиться.

Алк. Но я полагаю, Сократъ, что Аѳиняне и прочіе Эллины весьма рѣдко совѣщаются о томъ, что справедливо, или несправедливо: ибо признаютъ это очевиднымъ для всякаго. Оставляя подобныя совѣщанія, они изслѣдываютъ, что полез-

(40) *Эврипидова поговорка:* σοῦ τά δε κινδινέυεις, ἀλλ' οὐκ ἐμοῦ. О ней см. *Muret*, Varr. lectt. V, 20 et *Valcken*. ad. Hippolyt 352. σοῦ τά δε, οὐκ ἐμοῦ κλύεις.

(41) *Отчаянное предпріятіе* — μανικὸν γὰρ ἐν νῷ ἔχεις. Значеніе слова μανικὸς въ этомъ мѣстѣ можетъ быть опредѣлено словами Ксенофонта (Mem. III, 9, 6): μανίαν γέ μὴν ἐναντίον μὲν ἔφη εἶναι σοφίᾳ, οὐ μέντοι γε τὴν ἀνεπιστημοσύνην μανίαν ἐνόμιζεν, τὸ δὲ ἀγνοεῖν ἑαυτὸν καὶ μὴ ἃ οἶδε δοξάζειν τε καὶ οἴεσθαι γινώσκειν ἐγγύτατα μανίας ἐλογίζετο εἶναι. То есть, манія есть не незнаніе, а увѣренность въ знаніи того, чего не знаешь.

нѣе имъ въ дѣлахъ: потому-что справедливое и полезное, по моему мнѣнію, не одно и то-же. Многимъ и величайшія несправедливости доставляли пользу, а инымъ и справедливые поступки, думаю, ни къ чему не послужили.

Сокр. Что-жъ? если вовсе иное дѣло — справедливость, и иное — польза, то ужъ не приписываешь-ли ты опять себѣ знанія, что̀ полезно людямъ и почему?

Алк. А что-же мѣшаетъ, Сократъ? лишь-бы ты снова не спросилъ меня, у кого я научился этому, или какимъ-образомъ открылъ самъ?

Сокр. Что ты дѣлаешь (42)! Если слова твои несправедливы и несправедливость ихъ можно доказать тѣмъ-же способомъ, какъ доказаны прежнія: то надобно, думаешь, слышать что-нибудь новое, какія-нибудь иныя причины, какъ будто высшія походятъ уже на изношенное платье (43), котораго надѣвать ты болѣе не хочешь, пока не принесутъ тебѣ доказательствъ чистыхъ, безъ пятенъ. Но, оставляя въ покоѣ предостерегательную твою оговорку (44), я все-таки спросилъ-бы тебя, гдѣ ты учился узнавать полезное и кто твой учитель. Я соединилъ-бы всѣ прежніе вопросы въ одинъ,—и ты, безъ сомнѣнія, пришелъ-бы къ тому-же, ты не былъ-бы въ состояніи сказать

(42) *Что ты дѣлаешь* — οἷον τοῦτο ποιεῖς. Формула удивленія, встрѣчающаяся также Charm. p. 166 C. Сократъ удивляется тому, что Алкивіадъ, опровергнутый вышеизложеннымъ доказательствомъ, проситъ не подводить подъ то-же доказательство новаго его положенія.

(43) *Какъ будто высшія походятъ уже на изношенныя платья* — ὥς τῶν προτέρων οἷον σκευαρίων κατατετριμμένων... Подъ словомъ τὰ σκεύη и τὰ σκευάρια разумѣется рухлядь всякаго рода, слѣдовательно и платье. Такъ у Аристофана Ran. 172. σκευάρια суть постельныя принадлежности; а у Персія соотвѣтствующимъ ему словомъ supellex означаются и нравственныя свойства души (Tecum habita, et noris quam sit tibi curta supellex). Здѣсь σκευάριον есть прежнее доказательство, которое Алкивіадъ хотѣлъ-бы теперь устранить, какъ старую, наскучившую ему мебель.

(44) *Предостерегательную твою оговорку*—τὰς σὰς προςδρομὰς Προςδρομὴ — передовая стража, авангардъ, выдвигаемый впередъ, чтобы безопаснѣе вести войну. Алкивіадъ въ родѣ передовой стражи представилъ оговорку, чтобы Сократъ противъ новаго его положенія не употреблялъ прежняго доказательства.

ни того, что самъ открылъ полезное, ни того, что научился узнавать его. Но какъ это тебѣ уже приѣлось и ты не съ удовольствіемъ принимаешь ту-же самую рѣчь, то я, пожалуй, оставлю вопросъ: знаешь ты или не знаешь, что полезно Аѳинянамъ? Скажи только, сдѣлай милость, справедливое и полезное—точно-ли одно и то-же, или не одно (45). Если угодно, спрашивай меня, какъ я спрашивалъ тебя; а не то, раскрой дѣло самъ по себѣ.

Алк. Не знаю, Сократъ, могу-ли я раскрыть это самъ по себѣ.

Сокр. Да вообрази, добрякъ, что я — собраніе, народъ. Тамъ вѣдь понадобится-же тебѣ убѣждать каждаго. Неправда-ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не все-ли ровно—убѣждать людей по-одиночкѣ, или вдругъ многихъ въ этомъ предметѣ, который знаешь, подобно грамматику, учащему грамотѣ и одного и нѣсколькихъ.

Алк. Да, все равно.

Сокр. Такимъ-же образомъ, преподающій науку чиселъ не учитъ-ли и одного, и многихъ?

Алк. Да.

Сокр. И кто знаетъ это, тотъ ариѳметикъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Ну а ты, будучи въ состояніи убѣждать многихъ, можешь-ли убѣдить одного?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. И ужь очевидно въ томъ, что знаешь?

Алк. Да.

Сокр. И человѣкъ, вступающій въ подобную бесѣду, отли-

---

(45) ***Точно-ли одно и то-же, или не одно.*** Когда оказалось, что Алкивіадъ не знаетъ, что надобно называть справедливымъ, — Сократъ положилъ доказать, что справедливое и полезное нераздѣльны, и что слѣдовательно, если Алкивіаду неизвѣстно справедливое, то неизвѣстно и полезное. Шлейермахеру не нравитс ходъ этого доказательства и даже самое мнѣніе Сократа о нераздѣльности справедливаго и полезнаго. Но это не ученое а личное его убѣжденіе.

чается отъ народнаго оратора только тѣмъ, что послѣдній убѣждаетъ толпу, а первый — одного?

Алк. Должно быть.

Сокр. Ну такъ теперь, если все равно убѣждать многихъ и одного, потрудись надъ однимъ мною (46) и рѣшись доказать, что справедливое иногда бываетъ не полезно.

Алк. Ты досадителенъ, Сократъ.

Сокр. Но начиная досадительностію, я намѣренъ увѣрить тебя въ противномъ, въ чемъ ты увѣрить меня не хочешь.

Алк. Хорошо, говори.

Сокр. Только отвѣчай на вопросы.

Алк. Нѣтъ, говори самъ по себѣ.

Сокр. Какъ? Развѣ тебѣ не хочется быть убѣжденнымъ?

Алк. Очень хочется.

Сокр. А не тогда-ли ты бываешь убѣжденъ, когда говоришь, что это такъ?

Алк. Кажется.

Сокр. Отвѣчай-же; а если не послушаешь самого себя, что справедливое — полезно, то не повѣришь и другому.

Алк. Конечно, нѣтъ, — и я готовъ отвѣчать; вреда, думаю, не будетъ.

Сокр. Да ты въ одушевленіи (47)! Говори-же, изъ дѣлъ справедливости, одни, по твоему мнѣнію, полезны, другія — нѣтъ?

Алк. Да.

Сокр. Равнымъ образомъ, иныя похвальны, иныя — нѣтъ?

Алк. Какъ это?

---

(46) *Потрудись надъ однимъ мною* — ἐν ἐμοὶ ἐμμελέτησον. Это Греческое чтеніе, по вѣроятному замѣчанію Бутмана, St. § 147 ann. 11, 12, испорчено: Въ спискахъ Кларковомъ, Ватиканскомъ и Венеціанскомъ стоитъ: ἕν μελέτησον. Поэтому приведенное выраженіе, думаю, надобно читать такъ: ἐν ἐμοὶ μελέτησον. Такое чтеніе будетъ соотвѣтствовать высшему выраженію: πολλούς τε καὶ ἕνα πείθειν.

(47) *Да ты въ одушевленіи*! Μαντικὸς γὰρ εἶ. Т. е. ты говоришь справедливо, хотя, подобно провѣщателямъ, и самъ не знаешь, что провѣщаваешь. Шлейермахеръ совсѣмъ иначе и невѣрно понялъ эту эпифонему Сократа.

Сокр. Казалось-ли тебѣ когда-нибудь, что можно совершать хотя и постыдное, однакожь справедливое дѣло?

Алк. Не казалось.

Сокр. Напротивъ, все справедливое казалось похвальнымъ?

Алк. Да.

Сокр. А что такое — похвальное? всегда-ли оно добро; или иногда добро, иногда нѣтъ?

Алк. Я думаю, Сократъ, что иное похвальное есть зло.

Сокр. Напротивъ, постыдное — добро?

Алк. Да.

Сокр. Не то-ли разумѣешь ты, что напримѣръ на войнѣ многіе, помогая другу или родственнику, получаютъ раны и умираютъ, а тѣ, которые не помогаютъ, хоть и обязаны, остаются здоровыми?

Алк. Конечно.

Сокр. Такую помощь ты называешь похвальною, смотря на намѣреніе спасти, кого надлежало: а это есть мужество; не такъ-ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Смотря-же на смерть и раны, ты назовешь ее злою; не правда-ли?

Алк. Правда.

Сокр. Но мужество не иное-ли дѣло, чѣмъ смерть (48)?

Алк. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно помогать друзьямъ есть дѣло похвальное и злое не по одной и той-же причинѣ?

Алк. Явно нѣтъ.

Сокр. Здѣсь — въ отношеніи къ похвальному и доброму, смотри, не одна-ли и та-же причина? Ты соглашаешься, что помощь есть дѣло похвальное по причинѣ мужества: такъ

(48) ***Но мужество — не иное-ли дѣло, чѣмъ смерть?*** Доказательство идетъ такъ: мужество, разсматриваемое само по себѣ, всегда хорошо и похвально. Посему преданный добродѣтели не будетъ обращать вниманія ни на какое, сопряженное съ нею зло. А отсюда вытекаетъ, что истинно-полезное не отдѣлимо отъ похвальнаго.

мужество-то само по себѣ и имѣй въ виду, — добро оно, или зло. Изслѣдывай такъ: что избралъ-бы ты себѣ, добро, или зло?

Алк. Добро.

Сокр. И не то-ли преимущественно, которое больше?

Алк. Да.

Сокр. И лишиться его хотѣлъ-бы всего менѣе?

Алк. Почему не такъ!

Сокр. Но какъ ты думаешь о мужествѣ? За какую цѣну согласился-бы ты отказаться отъ него?

Алк. Да лучше не жить, чѣмъ быть трусомъ.

Сокр. Слѣдовательно трусость кажется тебѣ крайнимъ зломъ.

Алк. По мнѣ — такъ.

Сокр. Которое, повидимому, равносильно смерти?

Алк. Я думаю.

Сокр. Но смерти и трусости не противоположны-ли жизнь и мужество?

Алк. Да.

Сокр. И послѣдняго ты желалъ-бы себѣ всего болѣе, а перваго — всего менѣе?

Алк. Да.

Сокр. Не потому-ли, что это почитаешь состояніемъ самымъ хорошимъ, а то — самымъ худымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Но содѣйствіе друзьямъ на войнѣ, какъ дѣло похвальное, не за то-ли ты назвалъ похвальнымъ, что оно производитъ добро, свойственное мужеству?

Алк. Разумѣется.

Сокр. И не за то-ли — дѣломъ злымъ, что отъ него происходитъ зло, соединенное съ смертію?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не въ-правѣ-ли мы теперь дать имя каждому дѣйствію? Извѣстнаго дѣйствія не назовешь-ли ты злымъ, если оно производитъ зло? и не должно-ли назвать его добрымъ, когда оно раждаетъ добро?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. А поколику добро, оно похвально, поколику зло — постыдно?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, сказавъ, что содѣйствіе друзьямъ на войнѣ есть дѣло хоть и похвальное, однакожь злое, ты сказалъ не болѣе того, что оно хоть и добро, однакожь зло.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы.

Сокр. Стало-быть, нѣтъ ничего похвальнаго, что, какъ похвальное, было-бы зломъ; и нѣтъ ничего постыднаго, что, какъ постыдное, было-бы добромъ.

Алк. Видно нѣтъ.

Сокр. Изслѣдуй еще и такъ: кто живетъ похвально, тотъ не хорошо-ли живетъ?

Алк. Хорошо.

Сокр. А живущіе хорошо не счастливы-ли?

Алк. Какъ не счастливы?

Сокр. Счастливы они не чрезъ пріобрѣтеніе-ли благъ?

Алк. Преимущественно.

Сокр. Блага-же пріобрѣтаются не посредствомъ-ли доброй и похвальной дѣятельности?

Алк. Да.

Сокр. Значитъ, хорошо жить есть дѣло доброе?

Алк. Какъ-же.

Сокр. А доброе дѣло похвально?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно похвальное и доброе опять у насъ — одно и то-же?

Алк. Видимо.

Сокр. Стало-быть, что находимъ мы похвальнымъ, то найдемъ и добрымъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Что-жъ? Дѣла добрыя полезны, или нѣтъ (49)?

Алк. Полезны.

Сокр. А касательно справедливаго, помнишь-ли, въ чемъ мы согласились?

Алк. Кажется, въ томъ, что поступающіе справедливо, по-необходимости поступаютъ похвально.

Сокр. А поступающіе похвально совершаютъ дѣла добрыя?

Алк. Да.

Сокр. А дѣла добрыя полезны?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно дѣла справедливыя, Алкивіадъ, суть также и дѣла полезныя?

Алк. Должно быть.

Сокр. Что-жъ? Вѣдь это говоришь ты, а я спрашиваю?

Алк. Мнѣ кажется, очевидно.

Сокр. Такъ вотъ, еслибы кто сталъ совѣтовать — Аѳинянамъ-ли то, или Пепаритянамъ (50), съ увѣренностію, что онъ знаетъ справедливое и несправедливое, и началъ-бы утверждать, что справедливость иногда бываетъ дѣломъ злымъ: то не посмѣялся-ли-бы ты надъ нимъ, когда держишься той мысли, что справедливое и полезное — одно и то-же?

Алк. Но, клянусь богами, Сократъ, что я и самъ не знаю, что говорю. Я просто похожу на помѣшаннаго. По поводу твоихъ вопросовъ, мнѣ кажется то то, то другое.

Сокр. Значитъ, такъ и будетъ: кто чего не знаетъ, того душа въ томъ и заблуждается.

Алк. Какъ-же иначе?

---

(49) ***Что-же? Дѣла добрыя полезны или нѣтъ?*** Доказательство имѣетъ форму слѣдующаго силлогизма: что хорошо, то полезно; а справедливое хорошо, слѣдовательно справедливое полезно.

(50) ***Аѳинянамъ-ли то, или Пепаритянамъ.*** Пепаритъ—одинъ изъ Цикладскихъ островъ, изобиловавшій виномъ и оливками. См. Shol. ad. h. l. ***Stephan. Byzant.*** p. 635. ***Ovid.*** Met. VII, 470. Здѣсь онъ противополагается Аѳинамъ по своей малозначительности.

Сокр. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе (51)?

Алк. Конечно, не знаю.

Сокр. Но представь, что тебя спрашиваютъ: два у тебя глаза, или три, двѣ руки, или четыре, и объ иномъ тому подобномъ. Что будешь ты отвѣчать? Иногда то, иногда другое, или всегда одно и то-же?

Алк. Хоть я уже и боюсь за себя, однакожь буду отвѣчать, кажется, одно и то-же.

Сокр. Не потому-ли, что знаешь? Это-ли причина?

Алк. Я думаю.

Сокр. Стало-быть, на что ты не-хотя даешь отвѣты противорѣчущіе, того не знаешь?

Алк. Вѣроятно..

Сокр. Но не самъ-ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣты о справедливомъ и несправедливомъ, о похвальномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и не полезномъ? Не очевидно-ли слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ предметовъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Но что? знаешь-ли ты, какимъ образомъ взойдешь на небо?

Алк. Клянусь Зевсомъ, не знаю.

---

(51) *А ты не знаешь, что это за состояніе?* Съ этимъ вопросомъ поставляя въ связи отвѣтъ Алкивіада, что онъ дѣйствительно не знаетъ, Шлейермахеръ находитъ разговоръ здѣсь крайне нелѣпымъ. Могъ-ли то есть Алкивіадъ не знать, что настоящее его состояніе есть состояніе незнанія, когда предъ этимъ онъ сказалъ, что походитъ на помѣшаннаго? Но должно замѣтить, что сынъ Клиніаса прежде почиталъ себя знающимъ и могъ прійти къ сознанію своего незнанія только тогда, когда увидѣлъ, что его самоувѣренность находится въ противорѣчіи съ его-же отвѣтами, да и тутъ не хотѣлъ-бы еще думать, что несообразность его отвѣтовъ происходитъ отъ незнанія разсматриваемаго предмета. Посему ходъ бесѣды въ этомъ мѣстѣ, мнѣ кажется, весьма естественъ. Мало-ли и нынѣ такихъ занятыхъ собою людей, которые, говоря нелѣпости, отнюдь не полагаютъ, что говорятъ ихъ по незнанію дѣла, и чтобы не сознаться въ незнаніи, начинаютъ спорить, т. е. къ нелѣпостямъ прибавлять новыя нелѣпости.

Сокр. Да не ошибочно-ли твое мнѣніе объ этомъ?

Алк. Нисколько.

Сокр. А знаешь-ли причину, или сказать тебѣ?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина та, другъ мой, что не зная этого, ты и не почитаешь себя знающимъ?

Алк. Это что опять?

Сокр. Разсматривай вмѣстѣ со мною. Чего ты не знаешь и знаешь, что не знаешь, въ томъ заблуждаешься-ли? Напримѣръ, ты вѣроятно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ самъ-ли думаешь, какъ приготовить его, и заблуждаешься, или поручаешь знающему?

Алк. Поручаю знающему.

Сокр. Ну, а плывя на кораблѣ, думаешь-ли, какъ держать руль — вправо или влѣво — и заблуждаешься, поколику не знаешь этого, или поручаешь кормчему, а самъ остаешься въ покоѣ?

Алк. Поручаю кормчему.

Сокр. Значитъ, ты не заблуждаешься въ томъ, чего не знаешь, если знаешь, что не знаешь?

Алк. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаешь-ли, что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ такого незнанія, которое бываетъ у человѣка, поколику онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ?

Алк. Какъ это опять?

Сокр. Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда приписываемъ себѣ знаніе того, что дѣлаемъ?

Алк. Да.

Сокр. А кто уже увѣренъ, что не знаетъ, тотъ поручаетъ дѣла другимъ?

Алк. Какъ-же иначе?

Сок. Поручая-же ихъ другимъ, онъ, въ отношеніи къ дѣламъ себѣ неизвѣстнымъ, живетъ безъ ошибокъ?

Алк. Да.

Сокр. И такъ, кто ошибается? ужь, конечно, не тѣ, которые знаютъ.

Алк. Разумѣется.

Сокр. Если-же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ, чего не знаютъ: то остаются-ли еще другіе, кромѣ тѣхъ, которые, не зная, приписываютъ себѣ знаніе?

Алк. Нѣтъ, только эти.

Сокр. Значитъ, это-то незнаніе, это низкое невѣжество и есть причина золъ.

Алк. Да.

Сокр. И не правда-ли, что оно особенно тогда гибельно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности?

Алк. Всего болѣе.

Сокр. Но что? можешь-ли ты наименовать предметы важнѣе справедливаго, похвальнаго, добраго и полезнаго?

Алк. Не могу.

Сокр. А не въ этомъ-ли признаешь себя заблуждающимся?

Алк. Въ этомъ.

Спкр. Если-же заблуждаешься, то изъ сказаннаго прежде не явно-ли, что этихъ важнѣйшихъ предметовъ ты не только не знаешь, но еще, не зная ихъ, думаешь будто знаешь?

Алк. Должно быть.

Сокр. Бѣдный Алкивіадъ! Какъ жалко твое состояніе! Я не рѣшился-бы и назвать его; но такъ-какъ мы — одни, скажу. Вѣдь ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ: въ этомъ обличаетъ тебя и твоя рѣчь, и ты самъ. Потому-то, стало быть, не выучившись, и скачешь (52) къ

---

(52) *Потому-то стало быть и скачешь*—διὸ καὶ ᾄττεις ἄρα. Глаголъ ᾄττεις употребленъ здѣсь весьма кстати и выражаетъ легкомысліе Алкивіада, съ которымъ онъ стремится къ дѣламъ общественнымъ, не бременѣя запасомъ знанія. О употребленіи этого глагола см. *Valckenar.* ad. Euripid. Phoemss. p. 497. *Boissonad.* ad. Philostr. Heroic. p. 732.

дѣламъ общественнымъ. Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь такою болѣзнію; между людьми, несущими гражданскія обязанности, есть много подобныхъ тебѣ; исключить должно развѣ нѣкоторыхъ и, можетъ быть, твоего опекуна Перикла.

Алк. Говорятъ однакожь, Сократъ, что онъ не самъ собою сдѣлался мудрымъ, а обращался со многими мудрецами, — Питоклесомъ и Анаксагоромъ; да и теперь еще, находясь въ столь глубокой старости, для той-же цѣли бесѣдуетъ съ Дамонтомъ (53).

Сокр. Что-жъ? Развѣ ты видывалъ мудреца, который не могъ-бы сдѣлаться мудрецомъ и другому въ томъ, въ чемъ онъ самъ таковъ? Напримѣръ, кто научилъ тебя грамотѣ, тотъ и самъ былъ въ этомъ мудрецъ, и тебя сдѣлалъ мудрецомъ, да могъ-бы сдѣлать такимъ и кого угодно. Не правда-ли?

Алк. Да.

Сокр. Вѣдь и ты, наученный имъ, будешь въ-состояніи научить другаго?

Алк. Да.

Сокр. Такимъ-же образомъ — и цитристъ и гимнастикъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Хорошо, безъ сомнѣнія, доказательство, что люди, знающіе что-нибудь, дѣйствительно знаютъ это, когда они умѣютъ сдѣлать знающимъ и другаго.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что-жъ? Можешь-ли сказать, что Периклъ кого-нибудь, начиная съ своихъ сыновей, сдѣлалъ мудрецомъ?

Алк. Но что дѣлать, Сократъ, когда сыновья Перикла были глупы (54).

(53) Питоклесъ, по схоліасту къ этому мѣсту, былъ музыкантъ, τῆς σεμνῆς μουσικῆς διδάσκαλος, Пиѳагореецъ, у котораго учились Агаѳоклъ, Лампроклъ к Дамонъ. О немъ упоминается также въ Протагорѣ, гдѣ онъ называется ὁ Κεῖος. Что Периклъ пользовался уроками Анаксагора, говорятъ *Plut.* vit. Per. init. *Cicer.* brut. C. 11. *Plat.* Phaedr. p. 270 A.

(54) Сыновей Перикла: Ксантиппа и Паралоса, по схоліасту, называли βλιττομάμμας: βλίττοι γαρ καὶ βλίττωνες οἱ εὐήθεις, μάμματα δὲ τὰ βρώματα, καὶ τὸ ἐσθίειν Αργεῖοι μαμμᾶν ἔλεγον. ἐκ τούτων οὖν σύνθετον ὁ βλιττομάμμας, ὁ ἐσθίων εὐήθως, ὡς καὶ συκομάμμας ὁ συκοφάγος.

Сокр. А твоего брата, Клиніаса?

Алк. О Клиніасѣ, этомъ бѣшеномъ человѣкѣ, зачѣмъ и упоминать.

Сокр. Ну, пусть ужь Клиніасъ — человѣкъ бѣшеный, а сыновья Перикла были глупы: тебя-то по какой причинѣ онъ оставляетъ въ такомъ состояніи?

Алк. Думаю, я самъ виноватъ; не слушаюсь.

Сокр. Но укажи мнѣ хоть на раба, хоть на свободнаго Аѳинянина, либо иностранца, который имѣлъ-бы причину сказать, что, обращаясь съ Перикломъ, онъ сталъ мудрѣе: вотъ какъ, напримѣръ, я укажу тебѣ на Питодора Исолохова и Калліаса Калліадова, изъ которыхъ каждый, заплативъ Зенону сто минъ, сдѣлался и мудрымъ и знаменитымъ (55).

Алк. Клянусь Зевсомъ, что не могу.

Сокр. Пусть такъ. Что-же думаешь ты о себѣ (56)? Хочешь остаться въ теперешнемъ состояніи, или приложить нѣсколько старанія?

Алк. Посудимъ вмѣстѣ, Сократъ. Впрочемъ, я помню твое замѣчаніе и согласенъ съ нимъ. Вѣдь и мнѣ правители города, исключая не многихъ, кажутся людьми необразованными.

Сокр. Такъ что-жъ?

---

(55) О Питодорѣ въ Парменидѣ (p. 126 B) упоминается какъ о другѣ Зенона; а Калліасъ былъ Аѳинскій полководецъ — Ἀθηναίων στρατηγός, по словамъ схоліаста, ἔνδοξός τε καὶ πολιτικός αὐτός. См. *Thucyd*. III, 61. sqq. *Groen van Prinsterer* (prosopogr. Plat. p. 74) говоритъ: Pythodorum fuisse mediocriter σοφὸν καὶ ἐλλόγιμον; quia neque a caeteris scriptoribus multum celebratur neque à Platone, nisi quod in Parmenide dicitur τις Ζήνωνος ἑταῖρος. Но и въ этомъ разговорѣ Платона онъ замѣтенъ только по софистическимъ своимъ тонкостямъ и по наклонности выводить изъ нихъ необыкновенныя заключенія. Поэтому свидѣтельство о Питодорѣ и Калліасѣ надобно понимать здѣсь въ смыслѣ ироническомъ, и силу Сократовой рѣчи сосредоточивать особенно на томъ, что эти мудрецы были знамениты только потому, что брали большія деньги за свои уроки.

(56) ***Пусть такъ, что-же думаешь ты о себѣ?*** Это εἶεν, пусть такъ, означаетъ, что Сократъ, показавъ Алкивіаду, какъ мало Периклъ заботился о его воспитаніи, вдругъ прерываетъ нить своей рѣчи и переходитъ къ другому предмету. У грамматиковъ такой оборотъ называется συγκατάθεσις μὲν τῶν εἰρημένων συναφὴ δὲ πρὸς τὰ μέλλοντα.

Алк. Такъ еслибы они были образованы, намѣревающійся вступить въ состязаніе съ ними, конечно, долженъ-бы учиться и упражняться, какъ-бы готовясь противъ бойцовъ; а теперь это — люди не ученые, и однакожь принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ: для чего-же упражняться и озабочивать себя наукою? Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ (57).

Сокр. Ахъ, что ты сказалъ, почтеннѣйшій! Это вовсе недостойно ни твоего лица, ни другихъ твоихъ качествъ.

Алк. Что-жъ тутъ особеннаго, и на что мѣтишь ты, Сократъ?

Сокр. Досадно мнѣ и за тебя, и за свою любовь.

Алк. Отчего?

Сокр. Пусть-бы ты предполагалъ борьбу съ домашними.

Алк. А то съ кѣмъ-же?

Сокр. И объ этомъ можетъ спрашивать человѣкъ, думающій о себѣ такъ высоко?

Алк. Что ты говоришь? Развѣ не съ ними будетъ у меня борьба?

Сокр. Да представь, что ты управляешь хоть гребнымъ судномъ, имѣющимъ вступить въ сраженіе: довольно-ли для тебя быть въ управленіи лучше всѣхъ корабельныхъ твоихъ соратниковъ? Или можетъ быть ты призналъ-бы дѣломъ болѣе нужнымъ смотрѣть на истинныхъ своихъ враговъ, чѣмъ, какъ теперь, на сподвижниковъ въ боѣ? Надобно то есть до такой

---

(57) *Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ.* Это самомнѣніе, опирающееся на естественныхъ способностяхъ и принимающее ихъ вмѣсто познаній, можно почитать существенною и самою замѣтною чертою Алкивіадова характера. Дарованіе его сильное, но юное и въ юности почти всегда живое, нерѣдко презирало опытность, требующую копотливости, усидчивости, долговременныхъ трудовъ, и только тогда начинало оцѣнивать ее, когда убѣждалось, что отъ легкихъ скачковъ молодаго коня не происходитъ ничего, кромѣ пыли. Такіе Алкивіады бывали гибельны и для самихъ себя и для другихъ, если не чувствовали надъ собою не только равныхъ имъ дарованій, но и пріобрѣтаемой трудомъ опытности, и почитали себя въ правѣ говорить: «Правители города, исключая немногихъ, мнѣ кажутся людьми необразованными».

степени превосходить ихъ, чтобы они и не думали состязаться съ тобою, но презираемые, стали-бы въ твои ряды для одолѣнія общаго непріятеля, если ужь ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ совершить подвигъ прекрасный, достойный тебя и города.

Алк. Да, я таки намѣренъ.

Сокр. Такъ куда какъ хорошо любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами (58), а не смотрѣть на непріятельскихъ полководцевъ, чтобы, смотря на нихъ и состязаясь съ ними, превзойти ихъ!

Алк. Которыхъ-же полководцевъ разумѣешь ты, Сократъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что нашъ городъ всякій разъ воюетъ съ Лакедемонянами и съ великимъ царемъ?

Алк. Твоя правда.

Сокр. И такъ, если думаешь быть полководцемъ своего города, то не слѣдуетъ-ли тебѣ предполагать войнъ съ царями Лакедемонскимъ и Персидскимъ?

Алк. Едва-ли не справедливо.

Сокр. Нѣтъ, добрякъ, ты долженъ смотрѣть на воспитывателя перепеловъ Мидіаса и на другихъ подобныхъ ему (59),

---

(58) ***Куда какъ хорошо любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами.*** Πάνυ σοὶ ἄρα ἄξιον ἀγαπᾶν, ἐι τῶν σρατιειτῶν βέλτιων εἶ. Очевидно, что̀ это выраженіе Сократа имѣетъ значеніе ироническое. Но Шлейермахеръ, почему-то считая иронію здѣсь неумѣстною, вмѣсто ἄξιον, совѣтуетъ читать ἀνάζιον. Какимъ-же образомъ съ прямымъ смысломъ сей рѣчи будутъ вязаться слѣдующія далѣе слова: ἀλλ'οὐ πρὸς τοὺς...?

(59) ***Ты долженъ смотрѣть на воспитателя перепеловъ Мидіаса.*** Самая колкая насмѣшка надъ личными качествами тогдашнихъ Аѳинскихъ правителей. Въ Аѳины въ то время стекались отовсюду искатели счастія и богатства. Случались между ними люди не только необразованные и не знавшіе хорошо Греческаго языка, но и такіе, которые въ своемъ отечествѣ принадлежали къ сословію мастеровыхъ и рабовъ. Всѣ подобные пришлецы, получая въ Аѳинахъ право гражданства, наравнѣ съ благородными Аѳинянами, втѣснялись въ ряды правителей и, чтобы тверже держаться на своихъ мѣстахъ, старались льстить народу. Такимъ-то необразованнымъ искателемъ счастія, вѣроятно, былъ и упоминаемый здѣсь Мидіасъ. Можетъ быть, онъ-же служилъ предметомъ шутки и Аристофану подъ именемъ ὄρτιξ. См. *Aristoph.* a. 1297. Снек. *Athen.* XI, p. 506 Д., гдѣ объясняется это самое мѣсто Платонова Алкивіада и Мидіасъ называется ὀρτυγοκόπος, т. е. птичникъ, учившій перепеловъ точно также драться между собою, какъ нынѣ въ Англіи учатъ

которые принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, по необразованности, сохраняя на душѣ, сказали-бы женщины, рабскіе волосы, а не отбрасывая (60) ихъ, которые съ своимъ варварскимъ нарѣчіемъ выходятъ не управлять городомъ, а льстить ему. На этихъ-то описываемыхъ мною людей долженъ ты смотрѣть, чтобы предаться нерадѣнію о самомъ себѣ, чтобы, то есть, приступая къ столь важному подвигу, и не учиться тому, что пріобрѣтается ученіемъ, и не упражняется въ томъ, что требуетъ упражненія, но приготовиться всякаго рода приготовленіемъ (61) и вступить на поприще гражданской службы.

Алк. Твои слова, Сократъ, хотя, кажется, и справедливы, однакожь я думаю, что Лакедемонскіе полководцы и Персидскій царь не превосходнѣе другихъ.

Сокр. Но разсмотри, почтеннѣйшій, это свое мнѣніе.

Алк. Что такое разсмотрѣть въ немъ?

Сокр. Во-первыхъ вотъ что: въ какомъ случаѣ ты станешь болѣе заботиться о себѣ, — въ томъ-ли, когда будешь бояться ихъ и почитать страшными, или не въ томъ?

Алк. Явно, что когда буду почитать ихъ страшными.

драться пѣтуховъ. См. Schol. ad. Olymp. p. 158. То-же говорятъ *Pollux* IX. 7. p. 1095, *Svid Meurs* De ludis Graecorum. Можетъ быть, примѣромъ Мидіаса Сократъ шутливо намѣкаетъ и на Алкивіада: ибо, по свидѣтельству Плутарха (T. I, p. 195 E), и Алкивіадъ также любилъ заниматься воспитаніемъ перепеловъ.

(60) *Сохраняя рабскіе волосы, а не отбрасывая ихъ.* Схоліастъ *Aristoph.* Avv. 911: ἦν δὲ τῶν ἐλευθέρων τὸ κομᾶν. Т. е. рабы стригли себѣ волосы до самой кожи; а юноши благородные отпускали ихъ и только слегка подстригали съ осмнадцатаго года жизни. См. *Junius* de coma. p. 499 sqq. ed. Hag. Но вольноотпущенники, по замѣчанію Бутмана, не вдругъ могли пользоваться этимъ правомъ. *Ruhnken.* Tim. Glossar. s. v. Ἀνδραποδώδη τρίχα p. 35. *Svid.* T. I, p. 188. *Eustath.* ad. Iliad. I, p. 79.

(61) *Приготовиться всякаго рода приготовленіемъ* — πᾶσαν παρασκευὴν παρασκευασμένον. Подъ именемъ παρασκευὴ здѣсь разумѣются всѣ внѣшнія условія ораторскаго искусства, служащія къ тому, чтобы понравиться народу, хотя-бы приготовившійся такимъ образомъ и ничего не зналъ. Особенно имѣлись въ виду при этомъ искусные и льстивые обороты рѣчи. См. Indices Demosthen. Reiskianos.

Сокр. А заботясь о себѣ, чаешь-ли получить какой-нибудь вредъ?

Алк. Нисколько; напротивъ, великую пользу.

Сокр. Такъ вотъ въ твоемъ мнѣніи и есть уже одно важное зло.

Алк. Правда.

Сокр. Во-вторыхъ, оно и ложно. Смотри на вѣроятность.

Алк. Какъ это?

Сокр. Благородныя-ли поколѣнія, по всему вѣроятію, даютъ бытіе лучшимъ природамъ, или неблагородныя?

Алк. Явно, что благородныя.

Сокр. А благородныхъ, если они притомъ и хорошо воспитаны, нельзя-ли почитать совершенно готовыми для добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. Разсмотримъ-же сравнительно ихъ и наше происхожденіе. Хуже-ли, думаешь, поколѣнія Лакедемонскихъ и Персидскихъ царей? Развѣ мы не знаемъ, что первые изъ нихъ суть потомки Иракла (62), а послѣдніе — Ахемена (63), и что родъ Иракла и Ахемена возводятъ къ Персею сыну Зевсову?

Алк. Но вѣдь и нашъ идетъ отъ Эврисака (64), Сократъ, а Эврисаковъ — отъ Зевса.

Сокр. Да и мой—отъ Дедала (65), благородный Алкивіадъ, а Дедаловъ—отъ Иѳеста сына Зевсова. Однакожь ихъ-то роды,

---

(62) Спартанцы производили свое племя отъ Эвристена и Прокла, которые своимъ родоначальникомъ признавали Геркулеса. См. *Manso* Sparta, 1, 2 p. 60. sqq.

(63) Схоліастъ, объясняя это мѣсто Алкивіада, родоначальникомъ Персовъ почитаетъ Ахемена, и потому Персидскихъ царей называетъ Ахеменидами. Но древніе писатели — Геродотъ (VII, 11—150), и Аполлодоръ (II, 4—5) говорятъ, что родоначальникомъ ихъ былъ Персъ, сынъ Персея и Андромахи, и что отъ нихъ уже произошли Ахемениды. *Wesseling*. ad. Herodot, 1, 25.

(64) То-же говоритъ и Плутархъ. См. vit. Alcib. 1.

(65) *Да и мой — отъ Дедала.* Шлейермахеръ сильно порицаетъ писателя Алкивіада между прочимъ и за то, что онъ заставляетъ Сократа производить свой родъ отъ Дедала. Вопросъ, говоритъ онъ, настоитъ о происхожденіи естественномъ, а Сократъ впутываетъ сюда происхожденіе по художеству его отца. Но генеалогія древнихъ Греческихъ фамилій — дѣло запутанное и

начиная ими, восходятъ до самаго Зевса линіею царей, изъ которыхъ одни всегда управляли Аргосомъ и Лакедемономъ, другіе—Персіею, а нерѣдко, какъ и теперь, Азіею. Напротивъ мы и сами-то люди частные, и отцы наши. Еслибы ты счелъ нужнымъ указать Артаксерксу, сыну Ксерса, на своихъ предковъ и на Саламинъ, отечество Эврисака, либо на Эгину, родину Эака (66), жившаго еще прежде: то какой, будь увѣренъ, поднялся-бы смѣхъ! Между тѣмъ смотри, мы малы не только по отношенію къ величію рода тѣхъ мужей, но и по отношенію къ ихъ воспитанію. Развѣ ты не знаешь, сколь важнымъ преимуществомъ пользуются Лакедемонскіе цари? Ихъ жены, по закону, охраняются эфорами, чтобы царь не былъ зачатъ какъ-нибудь тайно отъ другаго, кромѣ Ираклидовъ. А въ Персіи онъ такъ высокъ, что никто и не подозрѣваетъ, будто его дитя можетъ родиться отъ другаго, кромѣ его. Поэтому жена Персидскаго царя охраняется однимъ страхомъ. Когда-же раждается старшій сынъ, наслѣдникъ власти, сперва тутъ-же празднуютъ всѣ въ предѣлахъ его царства, потомъ этотъ день и въ послѣдующія времена, въ память царскаго рожденія (67),

---

доселѣ не рѣшенное. Извѣстно, что сословіе Аѳинскихъ врачей признаваемо было за потомство Эскулапа, но Асклепіады у Аѳинянъ только-ли по искусству были потомки этого корифея медицины, или и по естественному происхожденію? Тотъ-же самый вопросъ возможенъ и въ отношеніи къ фамиліи Сократа. Ничто не мѣшаетъ допустить, что въ Аѳинахъ было поколѣніе статуйщиковъ, возводившее свой родъ къ Дедалу, первому изобрѣтателю ваятельнаго искусства. Это даже весьма правдоподобно потому, что въ Аѳинской республикѣ въ числѣ демъ (δῆμος) одна называлась Дедалидою (Steph. Byzant). Правда, Сократова фамилія происходила изъ демы Алопекской, а не Дедаловой; но это могло случиться отъ того, что демы впослѣдствіи были раздѣлены на фратріи и чрезъ это подраздѣленіе перемѣшались. Что-же касается до Дедала, то онъ, по схоліасту, былъ потомокъ Эрехтея, сына Вулканова или Ифестова. Впрочемъ, не входя въ генеалогическія соображенія, можно сказать просто, что Сократъ, называя себя потомкомъ Дедаловымъ, могъ разумѣть это въ смыслѣ ироническомъ (Men. 97. E), дабы тщеславію Алкивіада противопоставить пріятную шутку.

(66) Эврисакъ, говорятъ, былъ сынъ Эака. Mülleri Aegenetica, p. 21 sqq.

(67) *Въ память царскаго рожденія* — βασιλέως γενέθλια. Аммоній хорошо различаетъ γενέθλια и γενέσια. Γενέθλια учреждается ради живущихъ: это — тотъ день, въ который кто родился, и называется днемъ рожденія. Напро-

становится днемъ жертвоприношеній и празднованія для всей Азіи. Напротивъ, когда родились мы, Алкивіадъ, по комической пословицѣ, и сосѣди что-то не очень знаютъ (68). Послѣ того дитя воспитывается не какою-нибудь ничтожною женщиною-кормилицею, а евнухами, знатнѣйшими особами, окружающими царя. На нихъ возлагается какъ всякое попеченіе о новорожденномъ, такъ въ особенности заботливость о его красотѣ, чтобы то есть они развивали и выправляли его члены. Такое занятіе доставляетъ имъ высокія почести. Достигнувъ семилѣтняго возраста, дѣти знакомятся съ лошадьми, ходятъ къ учителямъ въ верховой ѣздѣ и начинаютъ охотиться за звѣрями. А когда минетъ дитяти четырнадцать лѣтъ, тогда берутъ его къ себѣ такъ-называемые царскіе пѣстуны. Они избираются изъ Персовъ и составляютъ отличнѣйшую четверицу своего времени; это — самый мудрый, самый справедливый, самый разсудительный и самый мужественный. Самый мудрый учитъ его магіи (69), начертанной Зороастромъ

тивъ Γενέσια учреждается ради умершихъ: это — день, въ который кто скончался. По свидѣтельству Геродота (1. 133) и Атенея (IV, 143), день рожденія у Персовъ празднуемъ былъ неопустительно.

(68) *И сосѣди что-то не очень знаютъ*—οὐδ' οἱ γείτονες σφόδρα τι αἰσθάνονται. Пословица, происхожденіе которой Олимпіодоръ (p. 157) и Схоліастъ относятъ къ Платону комику. Платонъ-философъ имѣлъ ее въ виду также de Rep. VII, p. 531. A. *Lucian.* Charont. § 16. ἢν καὶ πέσῃ ἀφορητὶ κεῖσεται μόγις καὶ τοῖς γειτόσιν ἐξακουσθέντος τοῦ πτώματος. *Cicer.* Orat. Cat. 11, 10, 21. Corruant, sed ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant. Кромѣ того Муретъ (varr. lectt. VIII, 12) сравниваетъ съ этимъ мѣстомъ изъ Плутарха (Phoc. 30). Ἐμοῦ μεν, ὦ παῖ. τὴν σὴν μητέρα γαμοῦντος οὐδ' ὁ γείτων ᾔσθεται, τοῖς δέ σοῖς γάμοις καὶ βασιλεῖς καὶ δυνασταὶ συγχορηγοῦσιν.

(69) *Самыя мудрый учитъ его магіи.* Астъ (de vita et script. Plat. p. 439) замѣтивъ, что слово Μαγεία ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Платоновыхъ сочиненій не употребляется, заключаетъ, что весь этотъ разговоръ написанъ не Платономъ: заключеніе удивительное! О магахъ еще задолго до Платона говорилъ Геродоръ и другіе: слѣдовательно не могло не быть въ употребленіи тогда-же и слово μαγεία. А если это справедливо, то почему, говоря о магахъ, нельзя было-бы Платону употребить его? Такія доказательства подложности сочиненія не заслуживаютъ никакого вниманія. Къ числу словъ не Платоническихъ, Астъ относитъ также κοινῇ βουλῇ (p. 119. B 124. B), Κρηγύος (p. 111, E), δουλοπρέπεια (p. 135. C), основываясь опять на томъ, что они не встрѣчаются въ другихъ діалогахъ Платона. Его приводитъ въ недоумѣніе даже

Оромазовымъ (70) — это наука о богопочитаніи и обязанностяхъ царя; самый справедливый располагаетъ его слѣдовать во всю жизнь истинѣ, самый разсудительный наставляетъ не подчиняться ни одной страсти, чтобы получить навыкъ быть человѣкомъ свободнымъ и дѣйствительно царемъ, не служа, но господствуя надъ всѣмъ сперва въ самомъ себѣ; самый мужественный развиваетъ въ немъ чувство безбоязненности и неустрашимости и доказываетъ, что, предаваясь трусости, онъ уже — рабъ. Напротивъ тебѣ, Алкивіадъ, Периклъ далъ въ пѣстуны одного изъ домашнихъ слугъ, Зопира (71) Ѳракіянина, по причинѣ старости, человѣка самаго безполезнаго. Я раскрылъ-бы предъ тобою и другія черты воспитанія и образованія твоихъ противниковъ, еслибы это дѣло могло быть не продолжительно, и еслибы изъ сказаннаго доселѣ не вытекало все, что за этимъ слѣдуетъ. Что-же касается до рожденія, воспитанія и образованія тебя, Алкивіадъ, или всякаго другаго Аѳинянина, то это, смѣю сказать, ни для кого незанимательно, исключая тѣхъ людей, которые тебя любятъ. Взглянешь-ли опять на богатства, на пышность, на одежды, на шлейфы плащей, на разліяніе благовоній, на многочисленныя свиты прислужниковъ и на другое доволь-

и то, что μαγεία въ Алкивіадѣ называется θεῶν θεραπεία. Но зачѣмъ-же магію Халдейскую, занимавшуюся волхвованіемъ, гаданіями, таинственнымъ исцѣленіемъ болѣзней и другими видами предразсудковъ, сливать въ одно съ магіею Зороастровою, о которой, кромѣ Аристотеля (ap. Diog. L. Procm. § 8) говоритъ Порфирій (de abstin. IV, p. 165): παρά γε μὴν τοῖς Πέρσαις οἱ περὶ τὸ θεῖον σοφοὶ καὶ τούτου θεράποντες μάγοι προσαγορεύονται. То-же находимъ у Гезихія: Μάγον τὸν θεοσεβῆ καὶ θεόλογον καὶ ἱερέα οἱ Πέρσαι οὕτω καλοῦσι. Но лучше всѣхъ изслѣдываетъ это Beckius въ Anleitong zur genauern Kentnniss der allgemeinen Weltgeschichte. T. I, P. 1, p. 646, ed. 2.

(70) Древнѣйшимъ философамъ Грековъ Зороастръ былъ вовсе неизвѣстенъ. Свѣдѣнія о немъ и его ученіи распространились въ Греціи уже вовремя Персидскихъ войнъ и, какъ новыя, были крайне перетолковываемы и обезображиваемы. Вслѣдствіе сего и Платонъ называетъ Зороастра сыномъ Оромазовымъ т. е. Ормуздовымъ, и такимъ образомъ человѣка соединяетъ съ Богомъ узами рожденія.

(71) Объ этомъ изъ современниковъ упоминаетъ одинъ Платонъ. Только на свидѣтельствѣ Платона основываетъ тотъ-же фактъ и Плутархъ (Alc. c. 1.).

ство Персовъ, тебѣ будетъ стыдно за самого себя, ты увидишь, какъ далеко отсталъ отъ нихъ. Потомъ, если захочешь обратить вниманіе на разсудительность, благонравіе, услужливость, ласковость, великодушіе, добропорядочность, мужество, терпѣливость, трудолюбіе, стремленіе къ добродѣтели и честолюбіе Лакедемонянъ, то во всемъ этомъ признаешь себя дитятею. А когда еще остановишься на богатствѣ, и по богатству будешь придавать себѣ нѣкоторое значеніе, то и тутъ мы можемъ сказать, въ какомъ ты найдешь себя состояніи. Пожелай только обозрѣть Лакедемонскія богатства, и узнаешь, что здѣшнее далеко отстало отъ тамошняго. Никто не будетъ сомнѣваться какъ въ обширности, такъ и въ добротѣ земли, которою они владѣютъ и у себя, и въ Мессинѣ; всѣмъ извѣстно, какое множество у нихъ рабовъ, особенно илотовъ, также лошадей и другаго скота на пастбищахъ Мессинскихъ (72). Но я оставляю все это; говорю только, что золота и серебра нѣтъ столько въ цѣлой Элладѣ, сколько находится его въ одномъ Лакедемонѣ (73). Въ продолженіе многихъ поколѣній оно стекается туда отъ всѣхъ Эллиновъ, а нерѣдко и отъ варваровъ; выхода-же ему никуда нѣтъ. Это точно какъ въ Эзоповой баснѣ лисица говоритъ льву: слѣды денегъ, втекающихъ въ Лакедемонъ, видны, а вытекающихъ изъ него никто и нигдѣ не видитъ. Отсюда легко понять, что тамошніе жители золотомъ и серебромъ богаче всѣхъ Эллиновъ, особенно-же царь ихъ: потому-что важнѣйшіе и большіе изъ такихъ доходовъ назначены царямъ. Сверхъ того, не мала и подать, которую Лакедемоняне платятъ своимъ государямъ. Впрочемъ, какъ ни велики богатства Лакедемонянъ съ сравненіи съ Эллинскими, но въ отношеніи къ богатству Персовъ и ихъ царя, они ничего не значатъ.

(72) Олимпіодоръ (p. 162) и Схоліастъ при этомъ приводятъ стихъ Тиртея: Μεσσήνην ἀγαθὸν μὲν ἀροῦν, ἀγαθὸν δὲ φυτεύειν.

(73) О богатствѣ Лакедемона Платонъ упоминаетъ также въ Гиппіасѣ Старшемъ (p. 283. Д). Что Лакедемонъ во времена Платона былъ дѣйствительно такъ богатъ и сказаніе Платонова въ этомъ отношеніи не преувеличено, явствуетъ изъ изслѣдованій Беккія (Oecon. Athen. T. I, 32. T. II, p. 138 sq.)

Когда-то я слышалъ отъ человѣка достовѣрнаго (74), отъ одного изъ тѣхъ, которые сами ѣздили къ царю: онъ разсказывалъ, что проѣзжалъ чрезъ обширную и прекрасную область, простирающуюся почти на цѣлый день пути, и что эту область туземцы называютъ поясомъ царицы. Есть будто-бы и другія, называемыя опять головнымъ покрываломъ. Есть и нѣсколько столь-же обширныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, назначенныхъ для украшенія царской жены, и каждое ихъ нихъ носитъ названіе особаго ея наряда. И такъ я думаю, еслибы кто матери царя и женѣ Ксеркса Аместрисѣ (75) сказалъ, что съ ея сыномъ затѣваетъ бороться сынъ Димонахи, которой нарядъ стоитъ, можетъ быть, много какъ минъ пятьдесятъ, а у самого сына земли въ Эрхіи не будетъ и трехъ-сотъ плетровъ: то она удивилась-бы, на какія-же средства полагается этотъ Алкивіадъ, затѣвая вступить въ борьбу съ Артаксерксомъ, и кажется, замѣтила-бы, что у него быть не можетъ никакихъ другихъ способовъ, кромѣ старанія и мудрости: потому-что у Грековъ только это имѣетъ цѣну. А когда донесли-бы ей, что тотъ-же самый Алкивіадъ рѣшается на такое предпріятіе, во-первыхъ, не имѣя отъ роду и полныхъ двадцати лѣтъ, во-вторыхъ нисколько не приготовившись къ тому ученіемъ, да сверхъ того, если любящій его человѣкъ совѣтуетъ ему напередъ учиться,

(74) *Я слышалъ отъ человѣка достовѣрнаго.* Олимпіодоръ (p. 167) полагаетъ, что Сократъ разумѣетъ здѣсь Ксенофонта, который совершилъ походъ въ Персію, чтобы подать помощь Киру младшему противъ брата его Артаксеркса и могъ узнать о подробностяхъ въ жизни Персидскихъ царей. Этого-же мнѣнія держутся и другіе писатели, какъ-то Геродотъ (11, 98), Цицеронъ (Verr. 111, 33) и проч. Но еслибы Платонъ слышалъ это отъ Ксенофонта, то написаніе Алкивіада надлежало-бы отнесть ко времени, послѣдовавшему за смертію Сократа, что невѣроятно.

(75) *Матери царя и женѣ Ксеркса Аместрисѣ.* Эта Аместриса, жена Ксеркса, была-ли царица Эсѳирь, ученымъ образомъ изслѣдовалъ Весселингъ. (Observ. 11. 24. p. 25). Шестьдесятъ минъ у Грековъ составляли талантъ (τάλαντον); а талантъ на наши деньги равнялся 250 руб. сер., слѣдовательно нарядъ Диномахи (въ 50 минъ) стоилъ около 208 руб. Плетръ (πλέθρον) у древнихъ Грековъ обнималъ пространство земли 240 футовъ въ длину и 120 въ ширину, т. е. заключалъ въ себѣ 28,800 квадратныхъ футовъ. Ἐρχία было селеніе въ демѣ Эгейской, о которомъ см. *Diodor.* у Гарпократіона и Гезихія.

упражняться, трудиться и потомъ-то уже состязаться съ царемъ, онъ не хочетъ и утверждаетъ, будто довольно ему быть и такимъ, каковъ есть; тогда она, думаю, изумилась-бы и спросила: что-жъ-бы такое могло быть, на что этотъ мальчикъ надѣется? и какъ скоро мы сказали-бы ей, что на красоту, знаменитость, происхожденіе, богатство и способности души, то, видя у своихъ все такое, она почла-бы насъ, Алкивіадъ, сумасшедшими. Да хоть взять Лампиду, дочь Леонтихида, жену Архидама и мать Агаса (всѣ эти мужи, извѣстно, были царями): вѣдь и она, видя, какъ велики способы ея родныхъ, удивилась-бы кажется, еслибы узнала, что ты, столь худо приготовленный, намѣреваешься состязаться съ ея сыномъ. А не стыдно-ли, думаешь, что непріятельскія женщины лучше судятъ о насъ, какими намъ должно быть, возставая противъ ихъ гражданъ, нежели мы — о самихъ себѣ? Такъ повѣрь, почтеннѣйшій, и мнѣ и Дельфійской надписи: «познай самого себя»—что это-то наши противники, а не тѣ, которыхъ ты представляешь, и что изъ нихъ ни одного не пересилимъ мы иначе, какъ стараніемъ и искусствомъ. Если въ этомъ будетъ у тебя недостатокъ, то не сдѣлаться тебѣ славнымъ между Эллинами и варварами, къ чему ты, кажется, стремишься, какъ никто ни къ чему не стремился.

Алк. Въ чемъ-же должно состоять мое стараніе, Сократъ? Можешь-ли сказать это? Потому-что твои слова болѣе всего походятъ на правду.

Сокр. Пожалуй; однакожь поразсудимъ вмѣстѣ, какимъ-бы образомъ сдѣлаться намъ лучшими. Вѣдь я не говорю, что тебѣ надобно учиться, а мнѣ нѣтъ: потому-что между мною и тобою нѣтъ другаго различія, кромѣ одного.

Алк. Какого?

Сокр. Того, что мой опекунъ лучше и мудрѣе твоего — Перикла.

Алк. Кто-же онъ, Сократъ?

Сокр. Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ

говорить съ тобою. Вѣря ему, я утверждаю, что ты ни чрезъ кого другаго не достигнешь знаменитости (76), кромѣ какъ чрезъ меня.

Алк. Шутишь, Сократъ.

Сокр. Можетъ быть; однакожь то справедливо, что намъ нужно стараніе. Нужно оно, лучше сказать, и всѣмъ людямъ, но намъ-то особенно.

Алк. Что нужно мнѣ, такъ это не ложно.

Сокр. Да не ложно, что и мнѣ.

Алк. Что-жъ мы будемъ дѣлать?

Сокр. Не терять духа и не ослабѣвать, другъ мой.

Алк. Совсѣмъ не годится, Сократъ.

Сокр. Конечно, не годится, а изслѣдывать общими силами. И вотъ скажи мнѣ: вѣдь мы объявляемъ, что хотимъ сдѣлаться лучшими? Не такъ-ли?

Алк. Да.

Сокр. Въ какой добродѣтели?

Алк. Очевидно въ той, по которой люди бываютъ добрыми.

Сокр. Въ чемъ-же они бываютъ добрыми?

Алк. Явно, что въ совершеніи дѣлъ.

Сокр. Какихъ? Тѣхъ-ли которыя касаются лошадей?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Иначе тогда мы пошли-бы къ конюхамъ?

Алк. Да.

Сокр. Такъ скажешь, корабельныхъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому-что тогда мы пошли-бы къ корабельщикамъ?

---

(76) ***Не достигнешь знаменитости*** — ἡ ἐπιφάνεια — σοὶ ἔσται — люди въ обществѣ замѣтные или знаменитые у Платона называются ἐπιφανεῖς. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ-же смыслѣ онъ могъ употребить и ἐπιφάνεια, какъ употребляютъ его Isaeus p. 167 τὸ μέγεθος τῶν δικῶν ἐπιφάνειάν τινα ἐποίησεν *Diodor*. XIX. 1. διὸ καὶ τῶν πόλεων ἔνιαι τούς ἰσχύοντας μάλιςα τῶν πολιτευομένων ὑποπτέυουσι καθαιροῦσιν αυτῶν τὰς επιφανέιας. По этому Шлейермахеръ и Астъ не имѣли никакой причины почитать это слово не Платоническимъ.

Алк. Да.

Сокр. Какихъ-же дѣлъ? Какія дѣла совершаютъ они?

Алк. Тѣ, которыя свойственны честнымъ и добрымъ Аѳинянамъ.

Сокр. Но честными и добрыми ты называешь умныхъ, или не умныхъ?

Алк. Умныхъ.

Сокр. Слѣдовательно всякій умный — добръ?

Алк. Да.

Сокр. А кто не уменъ, тотъ золъ?

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. Ну вотъ сапожникъ уменъ-ли въ шитьѣ обуви?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть, въ этомъ онъ добръ?

Алк. Добръ.

Сокр. Что-жъ? а въ шитьѣ одежды сапожникъ не уменъ?

Алк. Да.

Сокр. Значитъ, въ этомъ онъ золъ?

Алк. Да.

Сокр. Такъ изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что одинъ и тотъ-же и золъ и добръ.

Алк. Явно.

Сокр. Но неужели ты допустишь, что люди добрые суть также и люди злые?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Кого-же ты назовешь добрыми?

Алк. Тѣхъ, которые въ-состояніи начальствовать въ городѣ.

Сокр. Вѣрно ужь не надъ лошадьми?

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. А надъ людьми?

Алк. Да.

Сокр. Больными?

Алк. Не думаю.

Сокр. Плавающими?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Собирающими жатву?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Такъ они ничего не дѣлаютъ? или что-нибудь дѣлаютъ?

Алк. Говорю, дѣлаютъ.

Сокр. Что-же такое? потрудись открыть мнѣ.

Алк. Они находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и пользуются одинъ другимъ, такъ какъ мы живемъ въ обществахъ.

Сокр. Значитъ, ты говоришь о начальствованіи надъ тѣми людьми, которые пользуются одинъ другимъ?

Алк. Да.

Сокр. То есть о начальствованіи надъ вахтенными, которые пользуются матросами?

Алк. Не то.

Сокр. Потому-что это — дѣло кормчаго?

Алк. Да.

Сокр. Но, можетъ быть, ты говоришь о начальствованіи надъ флейщиками, которые управляютъ людьми въ пѣніи и пользуются ими въ пляскѣ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому-что это опять есть дѣло хороводителя?

Алк. Конечно.

Сокр. Въ чемъ-же-бы, по твоему, люди пользуются людьми, когда можно бываетъ начальствовать надъ ними?

Алк. Я разумѣю людей, имѣющихъ участіе въ управленіи и сносящихся другъ съ другомъ; надъ ними-то начальствовать въ городѣ.

Сокр. Какое-же это искусство? Еслибы я и теперь опять спросилъ тебя: какое искусство доставляетъ умѣнье начальствовать надъ людьми, участвующими въ мореплаваніи?

Алк. Искусство кормчаго.

Сокр. Потомъ, надъ людьми, участвующими въ пѣніи, какъ сейчасъ говорили, какое знаніе дѣлаетъ начальникомъ?

Алк. То, о которомъ ты недавно упомянулъ, то есть хоро-водительство.

Сокр. Что-жъ? а надъ людьми, участвующими въ управленіи, какое поставляешь ты знаніе?

Алк. Благосовѣтливость, Сократъ.

Сокр. Какъ? Да знаніе кормчихъ развѣ представляется тебѣ злосовѣтливостію?

Алк. Нисколько.

Сокр. Напротивъ, благосовѣтливостію?

Алк. Мнѣ кажется, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ спасенію мореплавателей?

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что-жъ? а эта твоя благосовѣтливость, въ какомъ отношеніи — благосовѣтливость?

Алк. Въ отношеніи къ управленію обществомъ и храненію его.

Сокр. Но что въ немъ бываетъ и чего не бываетъ, когда оно подчиняется лучшему распорядку и храненію? Еслибы, напримѣръ, ты спросилъ меня: что есть и чего нѣтъ въ тѣлѣ, когда оно подчиняется лучшему распорядку и храненію? Я отвѣчалъ-бы, что въ немъ есть здоровье и нѣтъ болѣзни. Не такъ-ли и ты думаешь?

Алк. Такъ.

Сокр. А еслибы ты опять спросилъ меня: когда глаза лучше? Я тотчасъ отвѣчалъ-бы, когда бываетъ въ нихъ зрѣніе и не бываетъ слѣпоты. Тоже и уши бываютъ лучше и служатъ вѣрнѣе, когда въ нихъ нѣтъ глухоты и есть слухъ.

Алк. Справедливо.

Сокр. Ну, а общество? Что въ немъ есть и чего нѣтъ, когда оно бываетъ лучше и вѣрнѣе подчиняется управленію и распоряженіямъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что въ немъ есть взаимная любовь гражданъ и нѣтъ ненависти и раздоровъ.

Сокр. Но любовью ты называешь единомысліе, или разномысліе?

Алк. Единомысліе.

Сокр. Какимъ искусствомъ общества сохраняютъ единомысліе касательно чиселъ?

Алк. Ариѳметикою.

Сокр. Что-жъ? не имъ-ли — и частные люди?

Алк. Да.

Сокр. И каждый съ самимъ собою?

Алк. Да.

Сокр. А чрезъ какое искусство каждый находится въ единомысліи съ самимъ собою касательно того, что болѣе, пядень, или локоть? не чрезъ искусство-ли измѣрять?

Алк. Ну что-жъ?

Сокр. И частные люди — другъ съ другомъ, и общества?

Алк. Да.

Сокр. Не то-же-ли и о вѣсѣ?

Алк. Я полагаю.

Сокр. Но то-то упомянутое тобою единомысліе—что такое и въ отношеніи къ чему оно? Какимъ оно устрояется искусствомъ? Одинаково-ли оно и въ частномъ человѣкѣ—съ самимъ собою, и съ другимъ — и въ обществѣ?

Алк. Вѣроятно, одинаково.

Сокр. Такъ что-же оно? не полѣнись отвѣчать, скажи скорѣе?

Алк. Я думаю, что любовію и единомысліемъ называется то, когда отецъ въ своей любви къ сыну согласенъ съ матерью, братъ — съ братомъ, жена — съ мужемъ.

Сокр. Но думаешь-ли ты, Алкивіадъ, что мужъ можетъ-быть въ единомысліи съ женою касательно обработыванія шерсти, если онъ не знаетъ этого дѣла, а жена знаетъ?

Алк. Не думаю.

Сокр. Да и нельзя-таки: потому-что это вѣдь ремесло женское.

Алк. Конечно.

Сокр. Что еще? Жена можетъ-ли одно мыслить съ мужемъ касательно вооруженія, когда она не знаетъ этого?

Алк. Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Сокр. Потому, вѣроятно, скажешь ты опять, что это вѣдь дѣло мужчины.

Алк. Конечно.

Сокр. И такъ, по твоимъ словамъ, есть ремесла женскія и мужскія.

Алк. Какъ не быть?

Сокр. И ужь по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, нѣтъ единомыслія между женами и мужьями.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно нѣтъ и любви, если только любовь есть единомысліе.

Алк. Кажется.

Сокр. Стало быть жены, пока дѣлаютъ свое, не бываютъ любимы мужьями.

Алк. По-видимому, не бываютъ.

Сокр. Стало-быть и мужей, пока они дѣлаютъ свое, жены не любятъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. А не хорошо-ли живутъ общества, когда въ нихъ всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Мнѣ кажется, хорошо, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? Когда въ нихъ нѣтъ любви, съ которою, какъ мы утверждали, общества живутъ хорошо, а безъ ней — иначе?

Алк. Но я думаю, что въ обществахъ потому-то и есть любовь, что въ нихъ каждый дѣлаетъ свое.

Сокр. Однакожь недавно думалъ не то. Какъ! теперь ты уже говоришь, что гдѣ нѣтъ единомыслія, тамъ бываетъ любовь? Развѣ можно имѣть единомысліе касательно того, что одни знаютъ, другіе не знаютъ?

Алк. Нельзя.

Сокр. А справедливо, или несправедливо дѣлаютъ, когда всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Справедливо; какъ-же иначе?

Сокр. Но если граждане въ обществѣ дѣлаютъ справедливо, то любви между ними не бываетъ?

Алк. Мнѣ опять кажется, Сократъ, что она необходимо должна быть.

Сокр. Такъ что-же избираешь ты—любовь, или единомыслiе? Въ первой, или въ послѣднемъ должны мы быть мудры и благосовѣтливы, чтобы сдѣлаться людьми добрыми? Я никакъ не могу понять, что̀ и въ комъ надобно предполагать. По твоимъ словамъ, это находится то въ однихъ и тѣхъ-же, то не въ однихъ и тѣхъ-же.

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, что я и самъ не знаю, что говорю. Вѣроятно, давно уже я безъ всякаго сознанiя запутался въ нелѣпости.

Сокр. Однакожь не унывай: потому-что, еслибы ты началъ замѣчать за собою, имѣя отъ роду лѣтъ пятьдесятъ, то съ трудомъ могъ-бы заботиться о себѣ; а теперь у тебя тотъ самый возрастъ, въ которомъ надобно замѣчать за собою.

Алк. Что-же, Сократъ, долженъ дѣлать человѣкъ, замѣчающiй за собою?

Сокр. Отвѣчать на вопросы, Алкивiадъ. И если сколько-нибудь надобно вѣрить даже моему предсказанiю, то, исполняя это, мы оба — ты и я, волею Божiею, сдѣлаемся лучшими.

Алк. Сдѣлаемся, если только дѣло зависитъ отъ моихъ отвѣтовъ.

Сокр. Хорошо; что-же значитъ заботиться о себѣ? чтобы намъ, по незаботливости о себѣ, иногда забывшись, не подумать, что заботимся! Когда дѣлаетъ это человѣкъ? Тогда-ли онъ заботится о себѣ, когда старается о своемъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Напримѣръ, когда человѣкъ заботится о ногахъ? тогда-ли, когда заботится о вещахъ, относящихся къ ногамъ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь ручнымъ? Напримѣръ,

перстень къ чему-бы болѣе могъ относиться въ человѣкѣ, какъ не къ пальцу?

Алк. Конечно.

Сокр. Такимъ-же образомъ и обувь — къ ногѣ?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не заботимся-ли мы о ногахъ, когда заботимся объ обуви?

Алк. Не совсѣмъ понимаю, Сократъ.

Сокр. Что-же тутъ Алкивіадъ? Ты называешь что-нибудь надлежащею заботливостію объ извѣстной вещи.

Алк. Называю.

Сокр. И не тогда-ли, говоришь, бываетъ надлежащая заботливость, когда кто дѣлаетъ что-нибудь лучше?

Алк. Да.

Сокр. Но какое искусство лучше дѣлаетъ обувь?

Алк. Сапожническое.

Сокр. Слѣдовательно объ обуви мы заботимся посредствомъ искусства сапожническаго?

Алк. Да.

Сокр. Посредствомъ его-ли и о ногѣ? Имъ-ли и ноги дѣлаемъ лучшими?

Алк. Имъ.

Сокр. Однакожь ноги мы дѣлаемъ лучшими не тѣмъ-же-ли, чѣмъ и прочее тѣло?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И не гимнастика-ли это?

Алк. Наиболѣе.

Сокр. И такъ посредствомъ гимнастики мы заботимся о ногѣ, а посредствомъ сапожническаго мастерства,— о томъ, что относится къ ногѣ.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Равнымъ образомъ, посредствомъ гимнастики — о рукахъ, а посредствомъ искусства дѣлать рѣзьбу на перстняхъ — о томъ, что относится къ рукѣ?

Алк. Да.

Сокр. То-же посредствомъ гимнастики — о тѣлѣ, а посредствомъ ткацкаго и другихъ ремеслъ — о томъ, что относится къ тѣлу?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно съ помощію одного искусства мы заботимся объ извѣстномъ предметѣ, а съ помощію другаго — о томъ, что относится къ этому предмету.

Алк. Явно.

Сокр. И такъ заботясь о своемъ, ты заботишься не о себѣ.

Алк. Вовсе не о себѣ.

Сокр. Потому-что не одно и то-же искусство, какъ видно, требуется для попеченія о себѣ и о своемъ.

Алк. Очевидно, не одно.

Сокр. Скажи-же теперь, посредствомъ какого искусства можно-бы намъ позаботиться о самихъ себѣ?

Алк. Не умѣю сказать.

Сокр. Но въ томъ-то по-крайней-мѣрѣ мы согласились, что оно должно клониться къ улучшенію не вещей, принадлежащихъ намъ, а насъ самихъ?

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такъ знали-ли-бы мы когда-нибудь, какое искусство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?

Алк. Невозможно.

Сокр. Равно какъ и то, какое искусство дѣлаетъ лучшіе перстни, не зная перстня,

Алк. Справедливо.

Сокр. Что-жъ? Можемъ-ли мы узнать, какое искусство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?

Алк. Не можемъ.

Сокр. А легкое-ли дѣло — узнать себя, и глупъ-ли былъ тотъ, кто надписалъ это на Пиѳійскомъ храмѣ? или оно трудно и не всякому по силамъ?

Алк. Эта надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда — очень трудною.

Сокр. Легка она, или нѣтъ, Алкивіадъ; но у насъ положено, что, зная предметъ самъ по себѣ, мы тотчасъ узнали-бы, какъ позаботиться о насъ самихъ: а не зная перваго, нельзя знать и послѣдняго.

Алк. Правда.

Сокр. Что-жъ? какимъ-бы образомъ открыть это само по себѣ (77)? Тогда, вѣроятно, открылось-бы вѣдь и то, что такое мы сами по себѣ. Напротивъ теперь, когда мы находимся въ незнаніи касательно того, намъ не открыть и этого.

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Вникни-же, ради Зевса, съ кѣмъ ты теперь бесѣдуешь? не со мною-ли?

Алк. Да.

Сокр. А я — съ тобою?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно лице бесѣдующее есть Сократъ!

Алк. Конечно.

Сокр. А слушающее — Алкивіадъ?

Алк. Да.

---

(77) ***Какимъ образомъ открыть это само по себѣ*** — τίν' ἂν τρόπον ἑυρεθείη αὐτὸ τὸ αὐτό. Изъ дальнѣйшаго изслѣдованія видно, что подъ этими словами надо разумѣть идею человѣческой природы, замѣчаемую не въ недѣлимомъ, а въ цѣломъ родѣ человѣчества. Это подтверждается слѣдующими ниже словами Сократа (130 Д): ὃ ἄρτι οὕτω πῶς ἐρρήθη, ὅτι πρῶτον σκεπτέον εἴη αὐτὸ τὸ αὐτὸ, νῦν δέ αντὶ του αὑτοῦ αὐτὸ ἕκαστον ἐσκέμμεθα ὅτι εστι, καὶ ἴσος ἐξαρκέσει· οὐ γάρ ποῦ κυριώτερόν γε οὐδὲν ἂν ἡμῶν αὐτῶν φήσαιμεν ἢ τὴν ψυχήν. Здѣсь ημῶν αὐτῶν очевидно означаетъ насъ, какъ недѣлимыхъ; а подъ именемъ «само по себѣ» Сократъ разумѣетъ душу самую по себѣ, или душу въ абстрактѣ, и это само по себѣ почитаетъ идеею человѣческой природы. Подобнымъ образомъ къ идеѣ человѣка восходитъ и Василій Великій. Т. II, p. 18 C. ἄλλο ἐσμέν ἡμεῖς αὐτοί, καὶ ἄλλο τὰ περὶ ἡμᾶς. Εἱμεῖς μὲν οὖν ἐσμὲν ἡ ψυχὴ καὶ ὁ νοῦς, ημέτερον δέ τὸ σῶμα καὶ αἱ δἰ αὐτοῦ αἰσθήσεις. То-же Макробій (Saturn. 1. 13): Ergo qui videtur, non ipse verus homo est; sed verus ille est, a quo regitur quod videtur. И Цицеронъ (Somn. Scip. c. 8): Nec enim tu es quem forma ista declarat; sed mens cujusque, is est quisque; non ea figura, quae digito demonstrari potest. И Аристотель (Eth. IX, 4. 3): τὸ νοοῦν ἕκαστος εἶναι δοκεῖ.

Сокр. И Сократъ бесѣдуетъ не посредствомъ-ли слова?

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. Но бесѣдовать и пользоваться словомъ ты, вѣроятно, считаешь за одно и то-же?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, не суть-ли предметы различные?

Алк. Какъ это?

Сокр. Напримѣръ, сапожникъ рѣжетъ рѣзцомъ, ножемъ и другими орудіями.

Алк. Да.

Сокр. Такъ не правда-ли, что иное — тотъ, кто рѣжетъ и пользуется, и иное — то, чѣмъ пользуется тотъ, кто рѣжетъ?

Алк. Какъ не иное?

Сокр. Не такимъ-же-ли образомъ различаются — самъ цитристъ и то, чѣмъ онъ играетъ на цитрѣ?

Алк. Да.

Сокр. Вотъ объ этомъ-то я и спрашивалъ тебя сейчасъ; то есть, кажется-ли тебѣ, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы всегда различные?

Алк. Кажется.

Сокр. Но что мы скажемъ о сапожникѣ: орудіями-ли только рѣжетъ онъ, или и руками?

Алк. И руками.

Сокр. Слѣдовательно и руками пользуется онъ?

Алк. Да.

Сокр. А не употребляетъ-ли за работою и своихъ глазъ?

Алк. Употребляетъ.

Сокр. Но мы согласились, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы различные?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть, сапожникъ и цитристъ—не то, что руки и глаза, которыми они работаютъ?

Алк. Явно.

Сокр. Не пользуется-ли человѣкъ и всѣмъ своимъ тѣломъ?

Алк. Конечно, пользуется.

Сокр. А лице пользующееся, сказали мы, отлично отъ того, чѣмъ оно пользуется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ отличенъ отъ своего тѣла?

Алк. Походитъ на это.

Сокр. Что-же такое человѣкъ?

Алк. Не могу сказать.

Сокр. Но вѣдь можешь сказать, что онъ есть нѣчто пользующееся тѣломъ?

Алк. Да.

Сокр. Что-же иное пользуется имъ, кромѣ души?

Алк. Не иное что.

Сокр. Поколику душа управляетъ имъ?

Алк. Да.

Сокр. И я думаю, что этого-то уже никто иначе не понимаетъ.

Алк. Чего — то есть?

Сокр. Того, что человѣкъ есть по-крайней-мѣрѣ нѣчто одно изъ трехъ.

Алк. Изъ чего именно?

Сокр. Что это цѣлое есть или душа, или тѣло, или то и другое.

Алк. Что-же болѣе?

Сокр. А между тѣмъ мы согласились, что управляющее-то тѣломъ есть человѣкъ?

Алк. Согласились.

Сокр. Такъ неужели тѣло управляетъ самимъ собою?

Алк. Никакъ.

Сокр. Вѣдь мы сказали, что оно управляется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно искомое-то уже не оно?

Алк. Вѣроятно, не оно.

Сокр. Но можетъ быть тѣломъ управляетъ то и другое вмѣстѣ, и это-то есть человѣкъ?

Алк. Да, можетъ быть.

Сокр. Ужъ всего менѣе: потому-что если изъ двухъ одно не управляетъ, то управлять обоимъ вмѣстѣ невозможно никакимъ образомъ.

Алк. Правда.

Сокр. Если-же человѣкъ не есть ни тѣло, ни то и другое вмѣстѣ; то остается, думаю, заключить, что или вовсе нѣтъ ничего такого, или, когда есть, то человѣку всего приличнѣе быть душею.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Такъ нужно-ли еще яснѣе доказывать тебѣ, что человѣкъ есть душа?

Алк. Нѣтъ, для меня и этого, клянусь Зевсомъ, кажется достаточно.

Сокр. Да пусть доказательство и не точно, а только посредственно, все-таки мы можемъ быть довольны: потому-что разсматриваемый предметъ съ точностію узнаемъ не прежде, какъ, открывъ то, что теперь, для избѣжанія долговременнаго изслѣдованія, пропустили.

Алк. Что-же такое пропустили мы?

Сокр. Пропустили недавно высказанную мысль, что напередъ нужно-бы изслѣдовать «само по себѣ». Вѣдь вмѣсто «самаго по себѣ» мы теперь изслѣдываемъ «само по себѣ» отдѣльно, и этого, вѣроятно, будетъ достаточно: потому что въ насъ владычественнѣе души дѣйствительно нѣтъ ничего.

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Значитъ намъ хорошо будетъ думать, что я и ты, бесѣдуя другъ съ другомъ посредствомъ словъ, бесѣдуемъ душа съ душею?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Вотъ это-то самое мы недавно и сказали, то есть, что Сократъ, при посредствѣ слова, бесѣдуя съ Алкивіадомъ,

бесѣдуетъ, должно быть, не съ лицемъ его, а именно съ Алкивіадомъ, поколику онъ есть душа.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно предписывающій познать самого себя велитъ намъ познать душу?

Алк. Походитъ.

Сокр. Стало быть, кто знаетъ что-нибудь принадлежащее тѣлу, тотъ узналъ свое, а не себя.

Алк. Такъ.

Сокр. Поэтому ни одинъ врачъ не знаетъ себя, какъ врачъ, ни одинъ гимнастикъ, — какъ гимнастикъ.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. А земледѣльцы и другіе ремесленники, значитъ, ужь очень далеки отъ самопознанія: потому-что эти-то занимаются, какъ видно, и не своимъ, но такими дѣлами, которыя, по ремеслу, еще далѣе, чѣмъ свое. Они знаютъ вещи, относящіяся только къ служенію тѣлу.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. И такъ если самопознаніе состоитъ въ разсудительности, то изъ этихъ людей никто не разсудителенъ по ремеслу.

Алк. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Отъ того-то эти ремесла и представляются низкими, несвойственными человѣку порядочному.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ еще однажды: кто заботится о тѣлѣ, тотъ заботится о своемъ, а не о себѣ?

Алк. Должно быть.

Сокр. А кто — о деньгахъ, тотъ — и не о себѣ, и не о своемъ, но о вещи еще болѣе далекой, чѣмъ свое?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значитъ, ростовщикъ заботится даже и не о своемъ.

Алк. Справедливо.

Сокр. Стало быть, кто полюбилъ Алкивіадово тѣло, тотъ полюбилъ не Алкивіада, а нѣчто принадлежащее Алкивіаду.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Напротивъ, кто любитъ душу, тотъ — тебя?

Алк. Изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ.

Сокр. И кто любитъ твое тѣло, тотъ, когда оно перестаетъ цвѣсть, тотчасъ удаляется?

Алк. Очевидно.

Сокр. Напротивъ, любящій душу-то не удалится, пока ты не устремишься къ лучшему?

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. Вотъ я не удаляюсь, а остаюсь; между-тѣмъ-какъ другіе, видя, что твое тѣло отцвѣло, удалились.

Алк. И хорошо дѣлаешь, Сократъ. Не удаляйся и впередъ.

Сокр. Старайся-же быть, сколько можно, прекраснѣе.

Алк. Непремѣнно буду стараться.

Сокр. Такъ дѣло-то твое вотъ каково: выходитъ, что у Алкивіада, сына Клиніасова, не было и нѣтъ любителей, кромѣ одного, за то ужь милаго (78), то есть кромѣ Сократа, сына Софрониска и Фенареты.

Алк. Правда.

Сокр. А не говорилъ-ли ты, что я чуть-чуть упредилъ тебя своимъ приходомъ, что ты самъ хотѣлъ прійти ко мнѣ и узнать, почему я не отстаю отъ тебя?

Алк. Да, говорилъ.

Сокр. Такъ вотъ и причина: я одинъ любилъ тебя; а всѣ другіе — твое. Но твое отцвѣтаетъ; напротивъ, ты начинаешь расцвѣтать. Поэтому теперь я уже не оставлю тебя, чтобы, подъ вліяніемъ Аѳинскаго народа, ты не испортился и не сдѣлался хуже. А я очень боюсь, какъ-бы, полюбивъ народъ, ты не испортился: потому-что такому несчастію подвергались уже многіе и отличные Аѳиняне. Вѣдь народъ великодушнаго Эрех-

---

(78) *Кромѣ одного, за то уже милаго.* Сократъ весьма кстати пользуется здѣсь выраженіемъ Гомера о Телемакѣ (Iliad. II, 365): μοῦνος ἐὼν ἀγαπητός. Снес. *Demosth.* Mid. 43.

тея (79) носитъ прекрасную маску; а видѣть его надобно во всей наготѣ. Смотри-же, сохрани эту осторожность.

Алк. Какую?

Сокр. Сначала займись, мой милый, и узнай все, что нужно знать для вступленія на поприще гражданскихъ дѣлъ; а прежде того никакъ, чтобы тебѣ вступить съ запасомъ оборонительныхъ средствъ и не подвергнуться бѣдѣ.

Алк. Ты, Сократъ, кажется хорошо говоришь; но потрудись объяснить, какимъ-бы образомъ намъ позаботиться о себѣ.

Сокр. Да это и прежде уже было много разъ опредѣлено. Мы вполнѣ согласились, что̀ такое мы, и только опасались, какъ-бы не ошибиться въ этомъ и мимо сознанія не направить своего попеченія къ чему-другому вмѣсто насъ.

Алк. Точно такъ.

Спкр. Послѣ этого намъ остается заботиться о душѣ и ее имѣть въ виду.

Алк. Явно.

Сокр. А попеченіе о тѣлѣ и имѣніи предоставить другимъ.

Алк. Почему не такъ.

Сокр. Какъ-же-бы намъ уразумѣть это со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы, вѣроятно, узнаемъ и самихъ себя. Скажи, ради боговъ, не понятно-ли для насъ, сколь хорошо говоритъ Дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?

Алк. Къ чему клонится вопросъ твой, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, какой смыслъ и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ едва-ли много; — одно зрѣніе.

Алк. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Размысли самъ. Еслибы она совѣтовала глазу, какъ теперь совѣтуетъ человѣку, и сказала: гляди на самого себя:

---

(79) *Народъ великодушнаго Эрехтея*. Эрехтея Аѳиняне почитали четвертымъ своимъ царемъ и полагали, что онъ былъ сынъ Земли, а по другимъ, — сынъ Минервы и Вулкана. Bouillet. Diction. de l'antiquité. Сократъ говоритъ здѣсь словами Гомера (Iliad. B. 547) Δήμος ἐρεχθῆος μεγαλήτορος, ὅν ποτ' Ἀθήνη θρέψεν.

то какъ поняли-бы мы ея убѣжденіе? Не на то-ли смотрѣть убѣждала-бы она его, на что смотря онъ видѣлъ-бы себя?

Алк. Явно.

Сокр. Вникнемъ-же, на что въ ряду существъ должны мы глядѣть, чтобы видѣть и это существо, и самихъ себя?

Алк. Явно, Сократъ, что на зеркало, или на что другое въ томъ-же родѣ.

Сокр. Ты говоришь справедливо. Но нѣтъ-ли чего-нибудь такого и въ глазѣ, которымъ мы смотримъ?

Алк. Конечно, есть.

Сокр. Значитъ, ты замѣтилъ, что кто смотритъ на глазъ, того лице въ противоположномъ ему зрѣніи отражается, какъ въ зеркалѣ, которое мы называемъ зрачкомъ, какъ-бы то есть куколкою лица смотрящаго?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно то, чѣмъ онъ смотритъ?

Алк. Ясно.

Сокр. Если-же онъ глядитъ на что-другое въ человѣкѣ, или на какую-нибудь другую вещь, а не на то, что ему подобно, то не видитъ себя.

Алк. Правда.

Сокр. И такъ, желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ — на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, что, вѣроятно, есть зрѣніе.

Алк. Да.

Сокр. Подобно тому и душа, любезный Алкивіадъ, если хочетъ знать себя, не должна-ли смотрѣть на душу, особенно-же на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ заключается ея сила (мудрость), и на другое тому подобное?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ.

Сокр. Но можемъ-ли мы найти въ душѣ что-нибудь божественнѣе того, чѣмъ познаемъ и мудрствуемъ?

Алк. Не можемъ.

Сокр. Слѣдственно эта часть ея походитъ на божественную; и кто, смотря на нее, познаетъ все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно и познаетъ себя.

Алк. Видимо (80).

Сокр. А познавать себя, сказали мы, есть дѣло разсудительности.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не зная самихъ себя и не будучи разсудительны, можемъ-ли мы знать свое — зло и добро?

Алк. Да какъ-же это могло-бы быть, Сократъ?

Сокр. Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ — не зная Алкивіада, знать Алкивіадово, то есть, что оно принадлежитъ Алкивіаду.

Алк. Это, клянусь Зевсомъ, невозможно.

Сокр. Слѣдовательно — и наше, что оно наше, не зная насъ самихъ?

(80) ***Видимо*** — φαίνεται. Послѣ этого Алкивіадова отвѣта Евсевій (Praep. Evang. p. 551) вноситъ въ текстъ Платона взятыя изъ Стобея (1. p. 408) слова, влагая ихъ въ уста Сократа:

Socr. Ἆρα ὥσπερ κάτοπτρα σαφέστερα ἐστι τοῦ ἐν τῷ ὀφθαλμῷ ἐνόπτρου καὶ καθαρώτερά τε καὶ λαμπρότερα, οὕτω καὶ ὁ θεὸς τοῦ ἐν τῇ ἡμετέρα ψυχῇ βελτίστου καθαρώτερόν τε καὶ λαμπρότερον τυγχάνει ὄν. *Alc.* Ἔοικε γε ὁ Σώκρατες. *Socr.* Εἰς τὸν θεὸν ἄρα βλέποντες ἐκείνῳ καλλίστῳ ἐνόπτρῳ χρῴμεθ᾽ ἄν, καὶ τῶν ἀνθρωπίνων εἰς τὴν ψυχῆς ἀρετήν, καὶ οὕτως ἂν μαλλιςα ὁρῶμεν καὶ γιγνώσκοιμεν ἡμᾶς αὐτούς. *Alc.* Ναί.

Сокр. Слѣдовательно какъ отражающее въ глазахъ яснѣе, чище и свѣтлѣе, чѣмъ глазное зеркало, такъ и Богъ въ нашей душѣ есть нѣчто чистѣйшее и свѣтлѣйшее предъ самымъ наилучшимъ въ ней.—*Алк.* Да и правдоподобно, Сократъ.—*Сокр.* И такъ, смотря на Бога, мы могли-бы только пользоваться тѣмъ прекраснымъ зеркаломъ и въ отношеніи къ добродѣтели души въ дѣлахъ человѣческихъ, и только такъ особенно видѣли-бы и познавали себя самихъ.—*Алк.* Да.

О подлинности этихъ словъ было много споровъ между учеными изслѣдователями Платонова текста въ Алкивіадѣ. Послѣдній, опровергавшій ихъ подлинность, былъ Штальбомъ. Но его доказательства представляются не довольно сильными. Не утверждая рѣшительно, что этотъ отрывокъ написанъ самимъ Платономъ, я нахожу однакожь, что въ текстѣ онъ былъ-бы весьма умѣстенъ, ибо не заключаетъ въ себѣ мыслей, Платону чуждыхъ, и не разрываетъ логическаго хода рѣчи.

Алк. Да какъ-же?

Сокр. А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, что относится къ нашему?

Алк. Очевидно нельзя.

Сокр. Стало быть, мы были не совсѣмъ правы, недавно согласившись, что иные хоть себя-то и не знають, такъ знають свое. Напротивъ, они не знаютъ даже и того, что относится къ своему: потому-что знать все это, то есть, знать себя, свое и относящееся къ своему есть дѣло, кажется, одного и того-же искусства.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ-же причинамъ, не можетъ знать и чужаго.

Алк. Какъ знать?

Сокр. А незнающій чужаго будетъ-ли знать и то, что относится къ городамъ?

Алк. Это необходимо.

Сокр. Слѣдовательно такой человѣкъ не сдѣлается политикомъ.

Алк. Конечно, не сдѣлается.

Сокр. Даже и экономистомъ.

Алк. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Да онъ и не будетъ знать, что дѣлаетъ.

Алк. Безъ сомнѣнія, не будетъ знать.

Сокр. Не зная-же этого, не станетъ-ли погрѣшать?

Алк. Конечно, станетъ.

Сокр. А кто погрѣшаетъ, тотъ не станетъ-ли дѣлать зло дома и въ обществѣ?

Алк. Какъ не дѣлать?

Сокр. Дѣлающій-же зло не несчастенъ-ли?

Алк. И очень.

Сокр. А что тѣ, кому онъ это дѣлаетъ?

Алк. И тѣ также.

Сокр. Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ разсудительности и доброты, тотъ не можетъ быть счастливымъ.

Алк. Конечно, не можетъ.

Сокр. А потому люди злые суть люди несчастные.

Алк. И очень.

Сокр. Стало быть избавляется отъ несчастія не разбогатѣвшій, а сдѣлавшійся разсудительнымъ.

Алк. Явно.

Сокр. По этому, Алкивіадъ, общества, желающія сдѣлаться счастливыми, не имѣютъ надобности ни въ стѣнахъ, ни въ корабляхъ, ни въ гаваняхъ, ни въ большемъ количествѣ и величіи народа, чуждаго добродѣтели.

Алк. Конечно, не имѣютъ.

Сокр. И такъ, если ты намѣренъ устроить дѣла общества справедливо и хорошо, то гражданамъ его долженъ передать добродѣтель.

Алк. Что-же иное?

Сокр. Но можно-ли передать то, чего не имѣешь?

Алк. Какъ можно?

Сокр. Стало быть добродѣтель долженъ ты напередъ пріобрѣсти самъ, или вообще — тотъ, кто намѣренъ принять на себя власть и попеченіе не только о частныхъ своихъ дѣлахъ и объ относящихся къ нимъ обстоятельствахъ, но еще о дѣлахъ и обстоятельствахъ дѣлъ общественныхъ.

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно не къ владычеству и начальствованію долженъ ты стремиться, чтобы дѣлать, что захочешь, не къ этому долженъ направлять и общество, а къ справедливости и разсудительности.

Алк. Явно.

Сокр. Потому-что, дѣйствуя справедливо и разсудительно, какъ ты, такъ и общество, вы будете дѣйствовать богоугодно.

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. И, какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать, взирая на божественное и свѣтородное.

Алк. Очевидно.

Сокр. А взирая на это, увидите и узнаете какъ себя самихъ, такъ и свои блага.

Алк. Да.

Сокр. Тогда ваши дѣла не будутъ-ли справедливы и добры?

Алк. Будутъ.

Сокр. Еслиже такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы.

Алк. Порука весьма надежная.

Сокр. Напротивъ, дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное (81), а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная себя, станете совершать подобныя тому дѣла.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь кто имѣетъ власть дѣлать, что хочетъ, а ума не имѣетъ, тотъ — частное-ли это лице, или общество — до чего долженъ дойти? До чего дойдетъ больной, которому дана власть дѣлать, что угодно, а способность врачеванія не дана, — больной, который такъ тиранствуетъ, что никто не можетъ и укротить его? Не разрушится-ли, какъ и слѣдуетъ, его тѣло?

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. А что бываетъ на кораблѣ, когда власть дѣлать, что покажется, ввѣрена тому, въ комъ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели кормчаго? Знаешь-ли, что случается и съ нимъ, и съ его спутниками?

---

(81) *Будете взирать на безбожное и мрачное.* Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое — θεῖον καὶ λαμπρὸν так и познающій себя не видитъ ни Бога, ни свѣта, и называется ἄθεος καὶ σκοτεινός. Эти послѣднія слова, повидимому стоятъ въ ближайшей связи съ мыслями вышеприведеннаго Стобеева отрывка и, кажется, достаточно подтверждаютъ его подлинность. Штальбомъ отвергаетъ его, опасаясь навязать Платону мистическое представленіе; но это обыкновенный недугъ Германскихъ взглядовъ.

Алк. Разумѣется, всѣ погибаютъ.

Сокр. Не такое-же-ли бѣдствіе постигаетъ и общества, и всѣ начальства и власти, чуждыя добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. И такъ, почтеннѣйшій Алкивіадъ, не тираннію надобно приготовлять себѣ и обществу, а добродѣтель, если хотите счастія.

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Но пока добродѣтель еще не пріобрѣтена, гораздо лучше управляться кѣмъ-нибудь добрымъ, нежели управлять; это относится не только къ мальчику, но и къ мужу.

Алк. Явно.

Сокр. А что лучше, то и прекраснѣе?

Алк. Да.

Сокр. А что прекраснѣе, то и приличнѣе?

Алк. Какъ-же иначе?

Сокр. Значитъ, злу приличнѣе быть въ рабствѣ, потому что для него это лучше.

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, зло есть нѣчто, свойственное рабству.

Алк. Явно.

Сокр. Напротивъ добродѣтель — нѣчто, носящее характеръ свободы.

Алк. Да.

Сокр. Но того, что свойственно рабству, другъ мой, не должно-ли избѣгать?

Алк. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. А чувствуешь-ли, въ какомъ ты теперь состояніи? въ томъ-ли, которое свойственно свободѣ, или нѣтъ?

Алк. Кажется, чувствую, и очень живо.

Сокр. И знаешь, какъ избѣжать настоящаго своего состоянія? Не хочу назвать его изъ уваженія къ почтенному человѣку.

Алк. Знаю.

Сокр. Какъ?

Алк. Если ты захочешь, Сократъ?

Сокр. Не хорошо говоришь, Алкивіадъ.

Алк. Да какъ-же надлежало сказать?

Сокр. Если захочетъ Богъ.

Алк. Пусть такъ, но я прибавлю еще, что мы, должно быть, обмѣнимся ролями: я возьму твою, а ты — мою. Съ этого дня я не могу не ходить за тобою; ты будешь моимъ руководителемъ.

Сокр. О, благородный человѣкъ! Такъ моя любовь ничѣмъ не будетъ отличаться отъ аистовой, если, воспитавъ въ тебѣ любовь пернатую, она сама станетъ питаться ею.

Алк. Точно такъ. Съ этого времени я начну стараться о справедливости.

Сокр. Желаю тебѣ и продолжать, но, не довѣряя твоему характеру и видя могущество города, боюсь, какъ-бы онъ не пересилилъ и меня и тебя.

НАЧАЛО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ НЫНѢШНЕЙ ИНДІИ.

Англійское правительство, со-времени покоренія Индіи, постоянно заботилось о распространеніи просвѣщенія въ провинціяхъ ему подвластныхъ или сосѣдственныхъ. Средствами для этого были избраны *мѣстные языки* — *туземные матеріалы* духовнаго и умственнаго развитія народа; посему правительство сперва озаботилось обработкою этихъ началъ, а потомъ на нихъ положило основы существующаго тамъ нынѣ просвѣщенія. На языкахъ Индійцевъ начали учить ихъ разнымъ наукамъ. Давно успѣхи нѣкоторыхъ туземныхъ мусульманскихъ наукъ сдѣлались тамъ далеко болѣе примѣчательными, чѣмъ въ Константинополѣ, Тегеранѣ или Каирѣ; давно у Индійцевъ явились школы, и во множествѣ, въ которыхъ преподаются, сверхъ туземныхъ наукъ, еще Европейскіе языки и Европейскія науки; давно и гораздо прежде, чѣмъ гдѣ-либо на мухаммеданскомъ востокѣ (кромѣ Константинополя), учреждены тамъ типографіи, и давно мы читаемъ газеты и журналы, печатаемые на разныхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Индостанѣ.

Не берусь судить о цѣли такой политики, и о томъ, до какой степени она полезна для государства; по-крайней-мѣрѣ не сомнѣваюсь, что эта мѣра весьма благодѣтельна для человѣчества въ Индіи. Разсуждая объ этомъ, невольно приходишь къ важному вопросу, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ сдѣланъ мнѣ однимъ извѣстнымъ Американскимъ ученымъ пасторомъ-миссіонеромъ: что̀ болѣе полезно для успѣховъ христіанства между мусульманами — распространеніе-ли между ними просвѣщенія,

или-же препятствіе этому? Я не зналъ и до-сихъ-поръ не знаю, къ чему клонился этотъ вопросъ, но нимало не затруднился отвѣчать, что распространеніе просвѣщенія *во всѣхъ отношеніяхъ* полезно; между мусульманами-же оно можетъ имѣть то преимущество, что просвѣщенный мусульманинъ по-крайней-мѣрѣ перестаетъ быть фанатикомъ, а это величайшій шагъ на пути къ истинѣ. Съ этимъ-же вопросомъ имѣетъ непосредственную связь другой: живой языкъ какого-бы то ни было народа или народца, необразованнаго и положимъ даже не имѣющаго письменности, заслуживаетъ-ли поддержки, обработки и изслѣдованія? или ему погибнуть въ волнахъ чужеземныхъ потоковъ и переродиться въ новыя формы чужаго элемента? Это не новое, бывалое; многіе народы оставили намъ свое громкое имя, но тысячелѣтія поглотили ихъ общественный и государственный бытъ, унесли и изгладили даже и слѣды ихъ жизни нравственной и политической; и виною этого было всегда отсутствіе образованія. Сколько представляется трудности рѣшить этотъ вопросъ, прилагая его къ мелкимъ чужеплеменнымъ народцамъ, раздѣляющимъ съ нами осѣдлую жизнь въ нашемъ отечествѣ; столь-же легко, по общимъ основнымъ принципамъ науки, рѣшить, что гораздо полезнѣе и благодѣтельнѣе образовать ихъ, дать имъ средства къ обработкѣ своихъ языковъ, и тамъ, гдѣ есть письменность — какъ напримѣръ между мусульманскими нашими соотчичами—поощрять ихъ къ литературной разработкѣ ихъ языка, чтобы чрезъ то приспособить его къ воспріятію богатыхъ даровъ науки и просвѣщенія. Вотъ напримѣръ важное обстоятельство для соображенія тому, кого интересуетъ этотъ вопросъ. По вѣрнымъ, имѣющимся у меня, свѣдѣніямъ, между Татарами однѣхъ только Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской, Тобольской, Томской, Казанской, Тамбовской, Пензинской, Костромской и Рязанской губерній находится нынѣ 583 школы, большею частію, конечно, для мужскаго пола; изъ этого числа въ одной Казанской губ.

184, которыхъ число воспитанниковъ неизвѣстно; въ остальныхъ-же 399 школахъ постоянно обучается до 16,500 учениковъ муж. пола и болѣе 1000 женск. Такое-же число, если не больше, нужно положить на долю Татаръ восточной Сибири, южныхъ губерній Россіи и Закавказья. Почти всѣ эти школы неизвѣстны еще министерству народнаго просвѣщенія, и весьма малое число ихъ подчинено вѣдомствамъ удѣльнаго управленія государственныхъ имуществъ и военному. Такимъ образомъ почти всѣ эти частныя учебныя заведенія содержатся и существуютъ одними только пособіями, скудно отпускаемыми мусульманскими обывателями городовъ, селъ и деревень, что не можетъ не служить яснымъ доказательствомъ, что эти необразованные Татары, обучающіе своихъ дѣтей не только безъ всякаго принужденія, но даже безъ вѣдома своего высшаго духовнаго начальства, единственно по обычаю, не такъ чужды образованія, какъ они кажутся. Слѣдовательно, можно надѣяться на большой успѣхъ въ мѣрахъ просвѣщенія этого племени, лишь-бы только мѣры эти были осторожны и мудры.

Литературная дѣятельность у Индійцевъ дошла до такой степени, благодаря поощреніямъ Остъ-Индійской компаніи, до какой она не доходила еще ни въ Турціи, ни въ Персіи. Недавно поразило насъ довольно замѣчательное явленіе: въ одной изъ газетъ, издаваемыхъ въ Бомбаѣ, на Персидскомъ языкѣ, господствующемъ въ томъ краѣ (эта газета носитъ названіе *Ахсанулъ-Ахбаръ*, т. е. лучшія или *вѣрнѣйшія извѣстія*) (1), выставлено съ самой насмѣшливой и хулительной стороны поведеніе Англійскихъ дипломатическихъ лицъ въ Тегеранѣ. Редакторъ на 4 страницахъ разбираетъ самовластіе и злоупотребленія гг. Шилля, Томсона, Муррэ и другихъ Англійскихъ агентовъ, и совершенно обвиняетъ Англійское правительство въ его дѣйствіяхъ противъ Персіи (2)!! Такое, по нашему взгляду

(1) См. томъ XI, № 8 этой газеты.

(2) Эта длинная статья перепечатана въ «Тегеранскомъ дневникѣ случайныхъ происшествій», въ № 274, 1272—1856 года. Переводъ ея на Французскомъ языкѣ мы читали въ Le Nord, № 21, минувшаго февраля.

и убѣжденію, литературное злоупотребленіе, доказываетъ, что Англичане свой собственный, домашній законъ распространяютъ и тамъ, гдѣ никогда никто не осмѣливался осуждать дѣйствій правительства. Это ихъ политика, которая, впрочемъ, не мѣшаетъ дѣлать все, что имъ угодно въ своихъ Индійскихъ владѣніяхъ. Объ этомъ и говорить нечего; но дѣло въ томъ, что въ Бомбаѣ мы читаемъ на Персидскомъ языкѣ газеты, мы слышимъ судъ литераторовъ, видимъ движеніе и дѣятельность ума между туземцами.

Кромѣ Персидскаго и Арабскаго языковъ, употребляемыхъ въ Бомбаѣ, Калькуттѣ и въ другихъ мѣстахъ между учеными и просвѣщенными туземцами, въ центральной и сѣверной Индіи употребляются еще два живые богатые языка, имѣющіе письменность и литературу. Это *Урду* и *Гинди:* оба вмѣстѣ входятъ въ общее наименованіе *Индустани* (3).

---

(3) Въ Индіи находятся и другія нарѣчія, употребляемыя между туземными племенами. Надо замѣтить, что, съ паденіемъ священнаго языка Веды, сталъ господствовать тамъ и повсемѣстно языкъ, употреблявшійся нѣкогда въ древнемъ государствѣ Бгарата. Въ IX в. онъ носилъ неопредѣленное названіе *Бгаша* или *Бгака*, что значитъ *нарѣчіе*, *языкъ*, а потомъ сдѣлался извѣстнымъ подъ названіемъ *Гиндави* или *Гиндуи*, т е. языкъ Индійцевъ. Къ эпохѣ покоренія Индіи мусульманами (во второй половинѣ X вѣка), этотъ языкъ уже достигъ высшаго своего значенія и былъ языкомъ просвѣщенія повсюду. Смѣшеніе богатаго Персидскаго языка съ Индійскимъ, посредствомъ безпрерывныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній, нечувствительно образовало новыя нарѣчія, которыя впослѣдствіи употреблялись въ провинціяхъ, подвластныхъ мусульманамъ. Въ исходѣ XIV ст. одно изъ этихъ нарѣчій получило самостоятельное значеніе и сдѣлалось извѣстнымъ подъ отдѣльнымъ названіемъ *Орду:* отъ Турко-Монгольскаго слова того-же выговора, значущаго: *главная квартира арміи*, *резиденція государя* и т. п. (Русская *орда* взята также оттуда). Это было въ ту пору, когда Тимуръ вытѣснилъ послѣдняго князя «Гуридскихъ невольниковъ» изъ Дегли, и расположилъ свою орду въ этой столицѣ (1398). Это было на сѣверѣ. На югѣ также постепенно образовалось изъ того-же Гинди еще другое нарѣчіе, также подъ вліяніемъ Персидскаго языка, принесеннаго туда разными мусульманскими династіями. Это нарѣчіе называлось *Даккни*, т. е. *южное*, можетъ быть, отъ имени богатой страны *Деккана*, которая была на долгое время удѣломъ государей и князей великаго Могола. Такимъ образомъ повсюду въ Индіи, гдѣ было водворено могущество ислама, существовали и нынѣ существуютъ два нарѣчія Индійскія: сѣверное *Орду* и южное *Даккни;* они различаются между

Почтенный академикъ Гарсенъ де-Тасси (Garcin de Tassy), членъ института Франціи и Императорской С. Петербургской Академіи наукъ, уже нѣсколько лѣтъ, среди многочисленныхъ своихъ занятій, добровольно и безвозмездно читаетъ публичныя лекціи о литературѣ *Индустанской*. Этотъ предметъ составляетъ обширную сферу академической его дѣятельности въ Парижѣ, — и кто не знаетъ многочисленныхъ трудовъ его, которыми онъ, почти ежегодно, даритъ ученую и просвѣщенную публику? Слѣдовательно, въ *Индустани* Гарсенъ де-Тасси можетъ быть несомнѣннымъ авторитетомъ.

Ѳ современномъ просвѣщеніи Индійцевъ я приведу здѣсь между прочимъ главное содержаніе рѣчи, произнесенной этимъ академикомъ въ день открытія послѣдняго, нынѣ продолжающагося, курса публичныхъ его лекцій *о литературѣ Индустани*, 4 декабря 1856 года.

Слово *индустани*, говоритъ нашъ академикъ, есть родовое названіе языка Индостана, въ особенности языка, употребляемаго въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ Пенджабѣ. *Урду* есть Индустани, смѣшанный съ Персидскими и Арабскими словами, употребляемый во всей Индіи тамошними мусульманами, а съ особенной чистотою въ ихъ главныхъ городахъ *Дели*, *Агра*, *Лакну* и *Хайдаръ-Абадѣ* (4). *Гинди* есть Индустани Индійцевъ; этотъ языкъ почти весь составленъ изъ Санскритскихъ словъ, чистыхъ или подверженныхъ измѣненіямъ. Письмо, обыкновенно употребляемое для этого языка, Гинди, есть *деванагири* (т. е. письмо боговъ), обыкновенно называемое *нагари*. Но иногда употребляютъ также и письмена, называемыя

собою такъ незначительно, что оріенталисты обоимъ имъ вмѣстѣ съ кореннымъ *Гинди* даютъ общее названіе *Гиндустани*. *Гинди* (языкъ коренныхъ Индійцевъ), обыкновенно пишется Деванагирскимъ почеркомъ, а *Орду* и *Даккни* (нарѣчія мусульманскихъ Индійцевъ) пишутся Персидскимъ письмомъ. Другія мелкія нарѣчія коренныхъ Индійцевъ въ этотъ составъ литературнаго языка не входятъ. См. Histoire de la literature Hindoui etc., par M. Garcin de Tassy. Paris, 1839, p. III—IV.

(4) Это значитъ, что нашъ ученый академикъ и нарѣчіе *Даккни* причисляетъ къ *Орду*. См. выше примѣч. (3).

кайасти (kayasthi) и *саррафи*, которыя суть не иное что, какъ испорченное нагари. Послѣднимъ пишутъ на Индійскомъ языкѣ въ округахъ *Матура*, *Алигар'ѣ* и *Маинпури*. Въ Агрѣ число школъ, въ которыхъ учатъ и употребляютъ нагари, немногимъ больше тѣхъ, въ которыхъ принято *кайасти*, но въ другихъ округахъ кайасти употребляется почти повсемѣстно. Это письмо кайасти чаще называется *кайти-Нагари*, что значитъ письмо *кайатовъ*, а кайатъ есть простонародное названіе *кайастовъ*, т. е. членовъ особаго небольшаго сословія, къ которому принадлежатъ *патуари*, т. е. чиновники, ведущіе счеты по сборамъ съ деревень (agents comptables des villages). Почеркъ *саррафи*, называемый также *махаджани*, есть тотъ, который употребляютъ саррафи, т. е. мѣняльщики, и *махаджани* (великіе люди), т. е. банкиры. Онъ принятъ только въ счетоводствѣ по коммерческимъ дѣламъ, и самое письмо состоитъ изъ ряда цифръ, которыя доступны только знатокамъ этого дѣла; впрочемъ, знакомые съ курсивнымъ почеркомъ нагари легко могутъ добраться до почерка саррафи, между-тѣмъ-какъ *Индіанистъ*, который ничего не читалъ, какъ только на красивомъ Санскритскомъ почеркѣ, не въ-состояніи будетъ разбирать каракули Индійскихъ баніановъ. Для Урду въ хорошихъ книгахъ употребляютъ почеркъ *насталикъ*, такъ называемый по составу изъ *насхъ*, т. е. курсивный, и *таликъ*, т. е. наклоненный; въ обыкновенныхъ-же письмахъ употребляютъ почеркъ *шекестэ*, что значитъ разломленное. Это названіе доказываетъ небрежность, съ которою пишутъ этимъ почеркомъ (5).

---

(5) Понятно, что это, собственно Персидскіе почерки; названія заимствованы у Персіянъ, т. е. изъ Персидскаго языка. Первыя два названія суть Арабскія: *насхъ* — измѣненіе, замѣна, и т. п. (такъ называли его потому, что онъ *замѣнилъ* куфическій почеркъ первыхъ столѣтій); это есть тотъ самый почеркъ, который употребляется собственно въ Арабскихъ книгахъ — преимущественно въ коранѣ и въ молитвенникахъ, и который въ Европѣ употребляется въ печатныхъ книгахъ. Персіяне въ разныя времена подвергали его измѣненіямъ; первая степень измѣненія, чрезъ которое они немного отступили въ письмахъ своихъ отъ насха, состояла въ придачѣ прямому начертанію буквъ *наклоненія* совершенно того-же рода, какимъ отличаются наши курсив-

Въ 1854 г. у жителей сѣверо-восточныхъ провинцій и Пенджаба было 37 станковъ для книгопечатанія. У нихъ издавалось 33 журнала, которые расходились по рукамъ въ числѣ 2,216 экземпляровъ. Между этими журналами особенною популярностью пользовался всегда Лагорскій, на Урдускомъ языкѣ, подъ названіемъ *Кухи-Нуръ* (6); впрочемъ, онъ имѣлъ только 349 подписчиковъ. Издателемъ его былъ *Гаръ-Сухъ-Рай*, директоръ типографіи, которая носила имя этого-же журнала. Если прибавить къ этому числу журналовъ многочисленные экземпляры Англійскихъ, выпущенныхъ въ Индіи въ 1854 г., то итогъ всего будетъ 162,408-ю болѣе противу выпущенныхъ въ 1853 году (103,615) — 58,793-мя!

Эти типографіи въ продолженіе 1854 года выпустили въ свѣтъ, между прочимъ, 207 сочиненій на восточныхъ языкахъ. За 1855 годъ Гарсенъ де-Тасси не имѣлъ вѣрныхъ указаній; но не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что изданія этого года численностью гораздо больше.

Въ числѣ 175 восточныхъ книгъ, посланныхъ изъ Агры для института Франціи, равно какъ и въ особомъ реестрѣ новѣйшихъ изданій въ Дегли на языкѣ Индустани, академикъ Г. де-Тасси нашелъ довольно значительное число названій замѣчательныхъ по своему содержанію книгъ: по богословію и философіи, литературѣ и словесности, исторіи и біографіи, библіографіи и даже земледѣлію. Кромѣ оригинальныхъ сочиненій, писанныхъ на Урдускомъ и Индійскомъ нарѣчіяхъ, мы тамъ находимъ еще переводы съ Персидскаго, Англійскаго и Фран-

---

ныя буквы отъ прямыхъ печатныхъ; это они назвали *наскъ-таликъ*,—что, по истеченіи времени, обратилось въ одно слово *насталикъ*, т. е. наскъ съ наклоненіемъ. Вторая степень этого измѣненія былъ просто таликъ; буквы этого почерка гораздо больше подверглись наклоненію. Различіе между наскомъ и таликомъ то-же самое, какое мы имѣемъ между прямымъ печатнымъ шрифтомъ и рукописнымъ, писаннымъ красиво и *легко*. Третья степень было *шекесте*: въ этомъ почеркѣ буквы между собою связаны, будто *разбиты*.

(6) Значитъ *гора-свѣта*; взято отъ названія алмаза значительной величины Великаго Могола. Ихъ было два: одинъ назывался *кухи-нуръ*, другой — *дерьяи-нуръ* — море-свѣта.

цузскаго языковъ. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ суть: 1) переводъ на Индустани огромнаго историческаго сочиненія Мирхонда, подъ заглавіемъ *Раузатусъ-Сафа* (садъ наслажденія); 2) переводъ Wilson's *Manual of ancient history* на Урдускій языкъ, подъ заглавіемъ *Тарихи-Алемъ* (исторія міра), и на Гиндійскій языкъ, подъ заглавіемъ *Джегатъ-Бриттантъ* (также значитъ исторія міра); 3) *Табакати-Шо'арай-гинди* (т. е. колѣна или ряды Индійскихъ стихотворцевъ), изданное въ Дегли; это переводъ сочиненія нашего почтеннаго академика Г. де-Тасси Histoire de la litterature Hindoustanie: еще 4) самый новѣйшій переводъ на языкъ Урду его-же: *Notice des biographies originales des auteurs qui ont ecrit en langue Indienne et Hindoustanie* (7).

Къ числу современныхъ и новѣйшихъ писателей Индіи принадлежитъ, во-первыхъ, въ главѣ всѣхъ, *Ваджидъ-Али-Шахъ*, бывшій король *Удскій*, лишенный въ прошломъ году престола домогательствомъ Англійскаго правительства Индіи. Ваджидъ-Али-Шахъ и его родъ искони покровительствовали просвѣщенію. Отецъ его *Амджедъ-Али-Шахъ*, съ цѣлою династіею принцевъ, ему предшествовавшихъ, по свидѣтельству Г. де-Тасси, оказали большія услуги наукѣ, будучи часто сами дѣятелями на ея поприщѣ. Именно *Насирудъ-Дауля*, *Насирудъ-Динъ-хайдеръ*, *Газіудъ-Динъ-Хайдаръ* (8), *Саадатъ-Али-Ханъ*, *Асафудъ-Динъ* и *Сафдаръ-Джангъ* — извѣстны въ исторіи Индустанской литературы.

За Ваджидъ-Али-Шахомъ слѣдуютъ имена: 1) *Гаръ-Сухъ-Рай* (Har-Sukh-Rāé), издатель самаго популярнаго журнала *Кухи-Нуръ*, о которомъ мы говорили выше. 2) Мирза *Гкадыръ-Бахшъ*, извѣстный подъ поэтическимъ именемъ *Сабиръ* (терпѣливый). Этотъ писатель принадлежитъ къ числу князей царскаго рода въ Дегли, и глава этого дома, по имени *Сираджудъ-Динъ*, до-

(7) Прекрасное доказательство сознанія самихъ ученыхъ литераторовъ Индостана, какъ уважаются труды Парижскаго академика и на востокѣ, между самими Индійцами.

(8) Авторъ славнаго Персидскаго лексикона, подъ заглавіемъ: *Гафтъ-Кулзумъ*, т. е. семь морей, состоящаго изъ 7 томовъ (почему и назв. семь морей).

нынѣ пользуется царскимъ титломъ *шахъ* или *падишахъ*. Къ числу важныхъ трудовъ его принадлежитъ Тазкирэ или антологическая біографія, подъ заглавіемъ *Гулистани-Сухань* (цвѣтникъ-слова), которую мы находимъ въ реестрѣ новѣйшихъ восточныхъ книгъ, полученномъ Гарсеномъ де-Тасси изъ Дегли. 3) *Маулеви-Имамъ-Бахшъ-Саіди*, наставникъ предыдущаго, также извѣстенъ своими полезными сочиненіями, между которыми послѣдняя его поэма *Гюянъ-Шалиси* (guyan-chalici), т. е. 40 основныхъ правилъ, играетъ значительную роль. 5) *Бансид'аръ*, авторъ сочиненія, подъ заглавіемъ *Пушпа-Батика* или *Цвѣтникъ*, это отличный переводъ на Индійскій языкъ VIII гл. Гюлистана, о правахъ государей; изданъ въ Агрѣ количествомъ въ 3000 экземпляровъ. Бансид'ару-же принадлежатъ комментаріи на притчи Индійскаго государя-мудреца V столѣтія, по имени *Б'оджъ*. Сверхъ этихъ двухъ сочиненій, Бансид'аръ извѣстенъ еще другими своими трудами, между прочимъ переводомъ на Индійскій языкъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненія *Годда*, подъ заглавіемъ: *Hinlson self improuvement;* этотъ трудъ названъ переводчикомъ *Сихша-Манджари*, т. е. пиръ ученій. Бансид'аръ является весьма дѣятельнымъ сподвижникомъ современной Индустанской литературы. Его имя мы встрѣчаемъ во многихъ новѣйшихъ трудахъ. 6) *Гкамарудъ-Динъ* (луна вѣры), извѣстный писатель, между прочимъ авторъ двухъ переводовъ на прекрасный Урдускій языкъ избранныхъ мѣстъ Гюлистана и Бустана (9) съ Персидскимъ текстомъ. 7) *Кишанъ-Дадъ*, авторъ нравоучительнаго романа на Индійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Вюд'-Фасодайа*, т. е. появленіе плодовъ мудрости. Кишанъ-Дадъ

(9) Вѣроятно, Саади. Нашъ академикъ говоритъ объ этомъ неопредѣленно. Подъ заглавіемъ Гюлистанъ мы имѣемъ и другія литературныя произведенія; но когда рѣчь идетъ о Гюлистанѣ и Бустанѣ, то, думаю, говорится о сочиненіяхъ Саади. Вѣроятно, и въ предыдущемъ указаніи подъ Гюлистаномъ разумѣется сочиненіе Саади, по-крайней-мѣрѣ такъ можно понять изъ послѣдовательности въ рѣчи Г. де-Тасси (см. его Discours, стр. 5); непонятно только, почему онъ называетъ VIII главу, переведенную Бансид'аромъ, изложеніемъ о правахъ государей: это въ Гюлистанѣ Саади составляетъ первую главу. Нѣтъ-ли перемѣны въ порядкѣ статей въ Индійскомъ изданіи Гюлистана?

понынѣ находится въ числѣ преподавателей въ центральной школѣ въ Агрѣ. 8) *Маулеви-Убейдулла'-Абу-Муслимъ*, авторъ сочиненія на Урдускомъ языкѣ: *Тухфетуль-Гинду*, т. е. подарокъ Индійскій; оно содержитъ изслѣдованіе религіи Индійцевъ. 9) *Сада-Сухъ-Лаль*, авторъ біографическаго сочиненія на Урдускомъ языкѣ: *Тезкиретуль-Машаихъ*, т. е. воспоминаніе о старцахъ (т. е. объ ученыхъ); матеріалами для этого сочиненія послужили подлинники на Англійскомъ языкѣ. 10) *Шахъ-Мухаммедъ*, извѣстный своими образцами частныхъ и дипломатическихъ писемъ (10). По показанію г. Рейда, директора училищъ туземцевъ, въ 1853—1854 году, въ рукахъ воспитанниковъ 343 школъ было въ употребленіи и руководствѣ на Урдускомъ языкѣ собраніе сокращенныхъ образцовъ писемъ этого автора, подъ заглавіемъ *Инша-К'алифа* (правильнѣе *иншаи-халифа*, т. е. образцы учителя), вмѣстѣ съ Персидскимъ текстомъ. По словамъ Г. де-Тасси, это сочиненіе Шахъ-Мохаммеда считается совершенно классическимъ произведеніемъ *Сетъ-Бид'и-Нарайанъ* (Seth-Biddhi-Narayan), инспекторъ Матурасскихъ школъ, авторъ многихъ сочиненій, въ томъ числѣ одного новѣйшаго на Урдускомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Суд'-дарпанъ* (Sudh-darpan), т. е. зеркало чистоты—о чистотѣ и опрятности по понятіямъ Индійцевъ. 12) *Кали-Райе*, уважаемый между современными писателями, авторъ *Хэтъ-Карана*, сочиненія о земледѣліи. Г. де-Тасси очень хвалитъ это сочиненіе и говоритъ, что Европейскія земледѣльческія общества, конечно, могли-бы извлечь пользу какъ изъ этой, такъ и изъ другихъ ей подобныхъ книгъ о земледѣліи на Индійскомъ языкѣ. Это сочиненіе Кали-Райа являлось во многихъ изданіяхъ въ Агрѣ и Дегли на Ур-

(10) На востокѣ на всѣхъ языкахъ этотъ родъ литературныхъ произведеній считался весьма важнымъ и такимъ считается до-сихъ-поръ. Онъ носитъ общее имя *иншá* или *иншаâтъ* (во мн. ч.), но каждый изъ нихъ можетъ быть названъ еще отдѣльнымъ именемъ. Въ настоящее время въ Персіи и Турціи стараются упростить слогъ писемъ и вообще избѣгать прежней напыщенности; но все-таки образцы писемъ употребляются въ школахъ для руководства.

дускомъ и Индійскомъ языкахъ. 13) *Моганъ-Ляль*, авторъ извѣстнаго сочиненія о земледѣліи, на Урдускомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Пендъ-намэи-каштъ-геранъ*, т. е. наставленіе земледѣльцамъ. Подъ такимъ-же заглавіемъ о томъ-же предметѣ мы находимъ въ Индійскомъ языкѣ сочиненіе извѣстнаго выше упомянутаго Бансид'ара, а именно *Кисанъ-упадсъ* (наставленіе земледѣльцамъ). Гарсенъ де-Тасси думаетъ, что оба эти сочиненія одно и то-же, т. е. Бансид'аръ перевелъ свой трудъ изъ Пендъ-намэ сказаннаго Моганъ-Ляла (11). 14) *Роушенъ-Али*, извѣстный образованный Индіецъ, участвовавшій въ изданіи предыдущаго Пендъ-Намэ. 15) *Мохем медъ-Зокауллахъ*, которому принадлежитъ самый новѣйшій переводъ на Урдускомъ языкѣ сочиненія г. Гарсенъ де-Тасси: «Notice des biographies originales des auteurs qui ont ecrit en langue indienne et hindoustanie» (12).

Я помѣстилъ здѣсь имена только самыхъ новѣйшихъ Индустанскихъ литераторовъ, о сочиненіяхъ которыхъ извѣщаетъ насъ Г. де-Тасси, какъ о самыхъ позднѣйшихъ, еще неизвѣстныхъ Европѣ: нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій явились въ свѣтъ въ 1853—1855 годахъ. А видя такое множество именъ, нельзя не дивиться столь быстрому развитію просвѣщенія въ Индіи въ послѣднее столѣтіе. Изъ 760 именъ авторовъ, писавшихъ на Персидскомъ, Урдускомъ и Индійскомъ языкахъ, преимущественно на двухъ послѣднихъ, и помѣщенныхъ въ Histoire de la litterature Hindoui Г. де-Тасси (13), больше одной трети принадлежитъ этому періоду, а весьма значительная часть первой половинѣ нашего столѣтія. Реестръ 175 книгъ, присланныхъ изъ Индіи для института Франціи, равно и другая роспись печатныхъ книгъ въ Дегли, полученная Г. де-Тасси (см. его Discours à l'ouverture du cours d'Hindoustnie, 4 de-

(11) Хотя мы навѣрно не знаемъ этого; но какъ трудъ Моганъ-Ляла явился въ свѣтъ прежде, то, вѣроятно, подлинное сочиненіе принадлежитъ ему.

(12) См. L'Institut № d'octobre 1855.

(13) T. I. Paris. 1839. См. тамъ première table (noms des auteurs).

cembre 1856, p. 3—4), доказываютъ быстрое движеніе умственной дѣятельности въ послѣдніе 20 лѣтъ въ Индустанѣ. Судя по заглавіямъ этихъ книгъ, а въ особенности по заглавіямъ книгъ и руководствъ, распространенныхъ въ Индіи частію миссіонерами и частію мѣрами правительства, нѣтъ ни одной науки Европейской, о которой не было-бы написано что-нибудь на Индійскомъ или Урдускомъ языкѣ. Г. де-Тасси въ концѣ своего сочиненія помѣстилъ заглавія 292 сочиненій, большею частью изданныхъ въ Индіи въ послѣдніе 30 или 40 лѣтъ; сверхъ того мы еще находимъ около 600 названій книгъ, частію печатныхъ, а частью рукописныхъ, принадлежащихъ къ его исторіи литературы. Конечно, это число ничего не значитъ въ сравненіи съ библіографическими данными другихъ просвѣщенныхъ народовъ, и даже Азіатскихъ; но, съ другой стороны, мы должны принимать во вниманіе, что новѣйшее просвѣщенное сословіе въ Индіи не имѣетъ, подобно имъ, такого обширнаго историческаго значенія, и что огромная часть этихъ книгъ принадлежитъ нашему столѣтію, и половина ихъ печатана отдѣльными сочиненіями или отрывками.

Не лишнимъ считаю, сверхъ приведенныхъ выше современныхъ сочиненій, указать въ алфавитномъ порядкѣ на науки, по которымъ писаны и бо̀льшею частью обнародованы миссіонерами и учеными въ Индіи разныя сочиненія на туземныхъ языкахъ.

1. *Анатомія.* По этой отрасли медицинскихъ наукъ, называемой туземцами Арабскимъ названіемъ *ташрихъ*, извѣстны сочиненія, изданныя г. *Бретономъ* въ Калькуттѣ въ 1828—1829 годахъ. Авторъ былъ тогда попечителемъ или суперинтендантомъ медицинскаго института (the native medical institution) въ Калькуттѣ. Г. де-Тасси указываетъ на четыре его сочиненія: а) Anatomy of the urinary organs, б) Anatomy of the male organs of generation, в) Anatomy diseases of incidental complaints of the human year и г) Anatomy of the human integuments. Всѣ

эти сочиненія писаны на Индустанскомъ языкѣ и литографированы. Есть еще другія сочиненія по анатоміи, но я помѣстилъ ихъ въ отдѣленіи *медицины*.

2. *Ариѳметика*. Въ туземныхъ школахъ приняты въ руководство по ариѳметикѣ разныя сочиненія; между ними извѣстны: а) на Индійскомъ нарѣчіи, подъ заглавіемъ: *Arithmetic in Hindoui*, пастора *Адама*, автора многихъ полезныхъ сочиненій этого рода для туземныхъ школъ. Это руководство издано было въ 1807 году иждивеніемъ *Schoolbook society;* б) также на Индустанскомъ языкѣ, подъ Арабскимъ названіемъ: *'Ильми-хисабъ*, съ прибавленіемъ таблицъ логарифмовъ, издано *Брауномъ* (Brown) въ Калькуттѣ, по предположенію Г. де-Тасси, въ 1834 г.

3. *Астрономія:* 1) *Фергуссонова астрономія*, сокращенная *Брюстеромъ* (Brewster) и переведенная на Индійскій языкъ дѣвицею *Бэрдъ* (miss Bird), при помощи пастора *Милля* и *Титлера* (Mill et Tyttler), печатана въ Калькуттѣ еще въ 1834 г. 2) *Солнечная система*, на яз. Индустани; заглавіе ея на туземномъ языкѣ неизвѣстно. Это маленькое сочиненіе явилось въ двухъ изданіяхъ около 20 лѣтъ тому назадъ: одно на Персидскомъ, буквами, принятыми въ Урдускомъ нарѣчіи, другое *Латинскими* буквами, которыя Англичане стараются давно ввести тамъ въ общее употребленіе (см. ниже заключеніе этой статьи). Оба эти изданія вышли въ свѣтъ иждивеніемъ бывшаго Аудскаго короля, отца нынѣ низверженнаго.

4. *Богословіе*. По части богословія и ученія вѣры христіанской вышло множество большихъ и малыхъ сочиненій, кромѣ переводовъ священнаго писанія по частямъ и въ цѣлости. По этому предмету литература всѣхъ Индійскихъ языковъ вдоволь обогащена, такъ-что все готово для введенія христіанскаго богослуженія на туземныхъ языкахъ. Есть переводы библіи, новаго завѣта, апостоловъ по частямъ, молитвенниковъ, псалтири, гимновъ, изложенія христіанской вѣры и даже толкованія и поясненія на нѣкоторыя части священнаго писанія. У Гарсенъ

де-Тасси мы находимъ болѣе 28 названій разныхъ изданій по богословію на одномъ Индустани, т. е. Гинди и Урду.

5. *Военныя науки и искусство:* 1) *Ungrezee laschkuree kawead ka turjuma*, т. е. переводъ Англійскаго военнаго искусства, изданіе на половину печатное, на половину литографированное въ Калькуттѣ въ 1837 году, 8°, 343 стр. Англійское заглавіе этой книги: *Field exercises of the army*, in nagari and roman character, by Arthur Hogg. Подлинникъ напечатанъ, а переводъ литографированъ. 2) *Каидеи-фаргенгъ*, т. е. правила (военнаго) искусства; издано на Индустани, въ одномъ томѣ in 4°, на 538 страницахъ, литографированныхъ въ Мадрасѣ въ 1831 году. Это сочиненіе составляетъ переводъ и извлеченія изъ Field exercises of the army, сочиненія sir H. Torrens; переводъ принадлежитъ капитану Брауну. 3) *Тарджуменъ китабъ коваидъ турксоваранъ ка забани ангиризи си ордуминъ*, т. е. переводъ книги, заключающей въ себѣ правила кавалеріи, съ Англійскаго языка на Урдускій. Одна рукопись этого перевода находится въ Britisch Museum. 4) Правила (règlements) или уставы Англійской арміи, расположенной въ Индіи. Одна рукопись этого сочиненія in-folio, на Персидскомъ и Индостанскомъ языкахъ, подъ № 253, находится въ королевской библіотекѣ въ Берлинѣ; проф. Вилькенъ, сообщая объ этомъ Г. де-Тасси, ничего не говоритъ о заглавіи этой рукописи на туземныхъ языкахъ; въ каталогѣ-же она названа: *Règlements de l'armée anglaise stationnée aux Inds.* 5) *The soldier's manual in English and Hindi*, въ двухъ частяхъ. Первая часть напечатана въ Калькуттѣ въ 1826 г., вторая въ Серампорѣ въ 1828; обѣ представляютъ по двѣ графы на страницѣ: одна содержитъ Англійскій подлинникъ, другая Индустанскій переводъ. При второй части находится литографированный листъ съ изображеніемъ двухъ сипаговъ (солдатъ) въ надлежащемъ форменномъ одѣяніи. Авторъ этого сочиненія — генералъ Harriot, скончавшійся въ Парижѣ въ 1839 г. 6) Книга о военныхъ артикулахъ, печ. въ Калькуттѣ въ 1782—1787 г. на Англійскомъ, Персидскомъ и

Индустанскомъ яз. Киркпатрикомъ и Вилькенсомъ. Заглавіе ея: *Abstract of the articles of war.*

6. *Географія:* 1) Очерки географіи и астрономіи на Индустанскомъ яз., подъ Нагарійскимъ заглавіемъ: изложеніе о земномъ глобусѣ. Это сочиненіе издано въ Калькуттѣ въ 1825, in 8⁰, иждивеніемъ книжнаго общества Калькуттскихъ школъ (Calcutta-school-book-society). 2) *Geographie in Hindustanee,* составленная дѣвицею *Бэрдъ* (автора многихъ полезныхъ для образованія туземцевъ руководствъ); Калькутта, 1834. 3) Элементарные трактаты о географіи и астрономіи, на Индустанскомъ яз.; изд. въ Калькуттѣ, почеркомъ Деванагари. 4) *Атласъ географическій* на Индустанскомъ яз., дѣвицы *Бэрдъ*; Калькутта, 1834 г.

7. *Исторія.* Кромѣ приведенныхъ мною выше современныхъ переводовъ, есть еще: 1) *Стуардовы* историческіе разсказы и очеркъ исторіи Англіи, и проч., переведенные на Индустанскій яз. *W. T. Adam,* авторомъ извѣстнаго Индійскаго лексикона и многихъ другихъ полезныхъ трудовъ. Этотъ переводъ напечатанъ на Англо-Индустанскомъ языкахъ въ Калькуттѣ въ 1825, in 8⁰. 2) *Древняя исторія* въ сокращенномъ видѣ на Индустанскомъ яз., для руководства юношества; Калькутта, 1831, in 8, 368 стр. Изданіе очень красивое, на почеркѣ насхѣ. Это сочиненіе носитъ заглавіе: *Сіэри-мутакаддиминъ,* т. е. нравы древнихъ. Доходитъ до конца Римской имперіи. 3 и 4) Еще два изданія *древней исторіи,* одно—архидіакона *Корри* (Corrie) (Калькутта, 1834), другое—дѣвицы *Бэрдъ.* Послѣднее написано Персидскими буквами, но въ 1838 г. объявлено было о приготовленіи особаго изданія этой книги *Латинскими* буквами.

8. *Медицина.* По медицинѣ и хирургіи извѣстно множество полезныхъ сочиненій, большая часть которыхъ принадлежитъ г. *Бретону,* суперинтенданту туземнаго медицинскаго института. Вотъ главныя изъ никъ: 1) Брошюра о перемежающейся лихорадкѣ, на Индустанскомъ яз., Бретона. 2) Такая-же брошюра о томъ-же предметѣ, его-же. 3) Книга съ непонятнымъ

для меня заглавіемъ: *Methods of treatment for the recovery of persons dead* (!), т. е. методы леченія для выздоравливанія умершихъ лицъ!! — вѣроятно для леченія людей мнимо-умершихъ (thought to be dead), какъ напр. угорѣвшихъ или утонувшихъ, т. е. лицъ, которыя кажутся умершими. Это переводъ извѣстнаго доктора *Gilchrist* на Индустанскій яз., писанный Персидскими и Нагарійскими буквами и печатанный въ Лондонѣ въ 1826 году. 4) *О холерѣ-морбусѣ*—брошюра, изданная (литогр.) г. Бретономъ въ большую 8°, 22 стр. Индійское заглавіе ея: *Хейзи-ка беянъ*, т. е. изложеніе о холерѣ. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 — десять книгъ и брошюръ, составленныхъ на туземныхъ языкахъ г. Бретономъ и изданныхъ (литогр.) въ 1825—1829 годахъ. Въ этихъ изданіяхъ излагается: *введеніе въ анатомію*, *анатомія мозга*, *глазъ*, *костей* (ostology); *объ оспѣ*, *о катарактѣ*, *о водяной грыжѣ* (hydrocèle), *о вывихахъ*, *объ измѣненномъ ядѣ*, *о воздухѣ и его вліяніи*. 15) Книга на Индустанскомъ яз., подъ заглавіемъ: *Рогантака-Сара*, т. е. лучшіе медикаменты, сочиненіе г. *Форбеса*, Калькутта, 1811, in 8°. 16 и 17) Два сочиненія того-же Бретона на Индустанскомъ яз., одно *о минеральныхъ ядахъ*, а другое *о растительныхъ*. Обѣ эти книжки вышли въ свѣтъ въ двухъ изданіяхъ, одно Персидскими буквами, другое Деванагарскими. 18) Переводъ на Индустанскій яз. сочиненія подъ заглавіемъ: *Pharmacopeia collegii regalis medicorum*, Londinensis, литографированъ Нагарійскимъ почеркомъ въ Калькуттѣ 1824 года. Авторъ труда тотъ-же Бретонъ; онъ посвятилъ его лорду Амерсту (Amherst), генералъ-губернатору Индіи.

9. *Мораль*—отрасль словесности, уважаемая на востокѣ и своимъ болѣе религіознымъ направленіемъ занимающая особое, высшее мѣсто въ литературѣ. Сюда принадлежатъ: 1) брошюра на Индустанскомъ языкѣ: *о самоубійствѣ вдовъ, бросающихся въ огонь вмѣстѣ съ трупами своихъ мужей*. *W. Chaplin*, авторъ этого сочиненія, старается доказать, что этотъ обычай совершенно противенъ природному чувству человѣка и несообразенъ

съ моральными его обязанностями. 2) Моральныя поученія переведены съ Англійскаго яз. на Индустанскій, въ стихахъ; издано въ *Каунпурѣ* въ 1834 г. съ одобреніемъ бывшаго короля Аудскаго. Въ библіографическомъ отношеніи это изданіе представляетъ большую рѣдкость. 3) *Library of enterlaineng knowledge:* девять брошюръ, изданныхъ Бабтистами на Индустанскомъ яз. *Латинскими буквами* (Hindoutsani romanisé): а) жалкій разсказъ несчастной матери, принесшей дитя свое въ жертву, б) мемуаръ Моганъ-Ляла, в) жестокость къ животнымъ, г) нравоучительныя изрѣченія, д) *Люція* и мать ея, е) убіеніе невинныхъ дѣтей родителями, ж) добродѣтель, порокъ и проч., з) *Ибрагимъ* и его счастливое семейство, и и) исторія *Іосифа* (Прекраснаго). 4) Нравоучительное сочиненіе на Индустанскомъ яз. *Латинскими буквами*, подъ заглавіемъ: *Fruitos de arvore da vida* (плоды древа жизни) отца *Антонія де Сальданга* (P. Antonio de Saldanha). 5) Собраніе нравоучительныхъ изрѣченій и думъ, извлеченное изъ разныхъ источниковъ, на Англійскомъ и Индустанскомъ языкахъ, въ 2 частяхъ. 6) *Библіотека для чтенія:* вышло 2 нумера этой книги, подъ заглавіемъ: *Anglo-Hindustanie library of moral instruction for the natives*, Calcutta, неизвѣстно въ которомъ году. По заглавію видно, что изданіе это на двухъ языкахъ: Англійскомъ и Индустанскомъ.

10. *Словесность.* Изъ трудовъ Европейцевъ на Индустанскомъ языкѣ по части словесности, исключая многихъ, собственно туземныхъ матеріаловъ, обработанныхъ и изданныхъ ими, извѣстны: 1) брошюра на Индустанскомъ яз., писанная буквами Деванагири и помѣщенная въ *Primitiae orientales*, Calc., 1804, Ромера (Romer), подъ заглавіемъ: *The sanscrit is parent-language of India;* 2) Лексиконъ Индійско-Англійскій, подъ заглавіемъ: *Люгати-гинди.* Цѣлью сочиненія, конечно, была обоюдная польза Европейцевъ и туземцевъ. Но мнѣ неизвѣстно имя автора и издано-ли это сочиненіе въ свѣтъ или нѣтъ. Манускриптъ его находится, по указанію Г. де-Тасси, въ библіотекѣ Остъ-Индійскаго дома (East-India-Hous). 3) Индійскій повѣствователь

(*Hindee story teller*), извѣстнаго уже намъ *Gilchrist;* первое и второе изданы въ Лондонѣ (второе въ 1820, in 8°), послѣднее въ Калькуттѣ. Написано тремя почерками: Персидскимъ, Деванагирскимъ и *Латинскимъ*: цѣлью этого было, кажется, ознакомленіе туземцевъ съ Латинскими буквами, чтобы современемъ ввести это письмо между туземцами. Gilchrist, очень усердно заботившійся объ этомъ, назвалъ свое произведеніе: *Hindee-Roman orthoepigraphical ultimatum*, т. е. Индійско-Латинскій ультиматумъ относительно ортоэпиграфіи, т. е. правила выговора, или, лучше сказать—правила приложеніи туземнаго выговора къ Латинскому письму. 4) Сочиненіе съ такимъ-же заглавіемъ, съ такою-же цѣлью и тѣмъ-же авторомъ изданное въ Калькуттѣ 18 годами прежде предыдущаго, въ 2 частяхъ, in 8°. Понятно, почему Gilchrist *второе* свое сочиненіе назвалъ ультиматумъ. 5) О правилахъ хорошаго общества, на Индустанскомъ яз., Лондонъ, 1826, in 8°; Англійское заглавіе: *The humane society's rules*. 6) Разговоръ на Англійскомъ и Индустанскомъ яз.; Индустанская часть также писана *Латинскими* буквами. Этотъ разговоръ касается предметовъ науки, потому и названъ: *Scientifique dialogues*.

Въ заключеніе этой статьи я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о важномъ литературномъ предпріятіи, которое Англичане давно затѣваютъ въ Индіи. Это — введеніе Латинскаго алфавита въ туземные письменные языки. Конечно, услуга была-бы важная и благодѣтельная, но едва-ли можно вѣрить успѣху. Англичане еще въ началѣ этого столѣтія сдѣлали попытку. Однако, хотя теперь мы видимъ повѣсти, разсказы, діалоги, переводы, писанные и печатанные на туземныхъ языкахъ *Латинскими* буквами, или, говоря технически, *оримлененномъ Индустанскомъ* (Hindoustani romanisé); видимъ даже, что метода эта введена въ туземныя школы (напр. см. выше: ариѳметика — 2, военное искусство—1, исторія — 4, мораль—3, словесность — 3, 4, 6),—но плоды этихъ трудовъ далеко еще не созрѣли. Всмотрѣвшись въ дѣло всесторонне и

безпристрастно, можно убѣдиться въ томъ, что это предпріятіе, въ такомъ видѣ, какъ оно направлено до-сихъ-поръ, если не безполезно, то по-крайней-мѣрѣ неудобоисполнимо. Не надо забывать, что вселять мысль въ туземцевъ — безъ особой нужды принять въ свое семейство и усвоить чужой элементъ, имъ вовсе незнакомый и противоположный ихъ обычаю, ихъ вкусу, когда у нихъ есть свой, родной,—значило-бы оскорблять ихъ самолюбіе, тревожить ихъ духъ предложеніемъ бросить и забыть свое дѣтище и усыновить чужое, болѣе красивое и милое. Всякому свое мило, свое хорошо. Трудно Индійцевъ и мусульманъ увѣрить, что Европейскія письмена лучше ихъ. Но есть на все время, есть *интересы*, которые управляютъ всѣмъ. Кажется, легко-бы вводить какое-либо письмо въ языкъ, который не имѣетъ своей письменности, но и это довольно трудно. Мы до-сихъ-поръ не видимъ плодовъ нашихъ трудовъ между Черемисами, Чувашами, Мордвой и разными племенами Сибирскими и Кавказскими; были составлены алфавиты для многихъ изъ нихъ, были писаны Черемисскія и Чувашскія книги съ Русскими буквами, — но до-сихъ-поръ мы не могли прійти ни къ какому результату. Это оттого, что интересъ дѣла никѣмъ еще не понятъ. Персы, Турки и всѣ до-исламскіе жители Персіи, Туркистана и Малой Азіи приняли Арабскій алфавитъ, когда у большей части изъ нихъ было свое; но это значило только, что интересъ моральный, религіозный исподволь взялъ верхъ надъ всѣмъ другимъ, и ново-мусульмане, принимая алфавитъ Арабскаго языка, стали смотрѣть на него, какъ на свою религіозную собственность.

Слѣдовательно, покуда Индійцы не усвоятъ Европейскаго просвѣщенія или покуда у нихъ не образуется отдѣльное христіанское общество, трудно предположить, чтобы эти преждевременныя заботы Англійскихъ миссіонеровъ и ученыхъ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи.

Притомъ надо замѣтить, что, прежде *оримленія* Индустанскаго письма, необходимо приспособить Латинскій алфавитъ къ

совершенному выраженію звуковъ этого языка. Знаменитый оріенталистъ Вилліамъ Джонесъ въ свое время занимался этимъ дѣломъ, не столько съ цѣлію введенія въ Индустанскую письменность Латинскаго алфавита, сколько для того, чтобы Европейскимъ ученымъ передать точный говоръ туземнаго языка. Его ортоэпиграфія принята была многими его послѣдователями, но все-таки съ нѣкоторыми измѣненіями. Докторъ Gichlrist занимался этимъ дѣломъ еще больше, потому-что его главною цѣлью было ввести Латинское письмо въ Индустанскую литературу. Въ 1802 и 1803 годахъ издано въ Калкуттѣ его сочиненіе въ 2 томахъ, in 8°, подъ заглавіемъ: *Hindee story letter or Expositor the Roman, Persian and Nagaree*, etc. Это сочиненіе обратило на себя вниманіе оріенталистовъ того времени; даже и нынѣ оно считается весьма дѣльнымъ (Garsin de Tassy, Hist. de la Litter. Hind. p. 575). Впослѣдствіи писали о томъ-же и другіе дѣятели. Въ школахъ ввели Латинскій алфавитъ и заставляли учениковъ читать на своемъ собственномъ языкѣ книги, печатанныя Латинскими буквами, напримѣръ—брошюры, составляющія Library of entestaining knowledge, изданныя Баптистами; древняя исторія для начинающихъ, написанная г-жею Бэрдъ и изданная въ Бенаресѣ 20 лѣтъ тому назадъ; разговоръ о наукахъ, упомянутый выше, и проч. Видя хотя въ малой мѣрѣ свои успѣхи въ этомъ дѣлѣ, Англичане писали правила для руководства въ переложеніи туземныхъ звуковъ Латинскимъ алфавитомъ; вышло отдѣльное сочиненіе объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: *The application of the Roman alphabet to all oriental languages*. Докторъ Gilchrist написалъ приведенное выше ультиматумъ (второе изданіе котораго вышло въ Лондонѣ въ 1820 г., in 8°). Наконецъ въ 1834 г. Тревеліенъ (Trevelyan) издалъ въ Калькуттѣ *воззваніе* къ жителямъ Индостана о преимуществахъ Римскаго алфавита (*Adress to the people of Hindustan on the advantages of the Roman alphabet*); авторъ предложилъ здѣсь *свое* воззрѣніе на предметъ, *свою* ортоэпію, или, правильнѣе, *свою* ортографію оримлененнаго Индустан-

скаго языка. И что-же? Оказалось, что все это, покуда, ни къ чему еще не повело. Академикъ Гарсенъ де-Тасси, котораго мы считаемъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что Тревеліенова орѳографія уступаетъ Джильхристовой, что она есть не что иное, какъ прежняя ортографія Вильяма Джонеса, которая уже давно оставлена, и что наконецъ сомнительно, чтобы Тревеліенъ могъ успѣть въ своемъ предпріятіи — пріучить Индійцевъ писать на своемъ языкѣ Латинскими буквами.

Такимъ образомъ остается въ своей силѣ сказанное выше мнѣніе, что еще рано думать о введеніи Латинскаго алфавита въ Индустанскій языкъ; что это можетъ быть со временемъ, въ *особомъ кругу образованнаго и христіанскаго колѣна* Индійцевъ. И преобразователь будетъ непремѣнно *туземцевъ*. Не менѣе того, нельзя не похвалить стремленіе Европейскихъ преобразователей края за ихъ рвеніе перенести туда и самый наслѣдственный ключъ письменнаго своего достоянія, который нѣкогда счастливо отворилъ двери слова просвѣщенію Европы.

Ордин. проф. С. Петербургскаго унив.
М. КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

ГЕРМАНИКЪ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ).

Mihi, quanto plura recentium seu veterum revolvo, tanto magis ludibria rerum mortalium cunctis in negotiis obversantur.

Tac. Ann. III. 18.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ «Лѣтописей» Тацитъ жалуется на мрачное однообразіе эпохи, которую ему досталось описывать. «Такова-ли, говоритъ онъ, участв историковъ прежняго времени! Тамъ — знаменитыя войны, осады городовъ, полоненные, или-же изгнанные правители; споры консуловъ съ трибунами, полевые и хлѣбные законы, борьба черни съ оптиматами—открывали таланту историка достойное поприще. Мнѣ, напротивъ, выпалъ на долю неблагодарный трудъ изобразить постоянное, или-же изрѣдка возмущаемое спокойствіе государства, бѣдствіе его гражданъ,.... ученый перечень безчеловѣчныхъ декретовъ, вѣроломныхъ друзей, безпрестанныхъ доносовъ, несправедливыхъ приговоровъ»... (1).

Какъ художникъ и моралистъ, Тацитъ, можетъ быть, и имѣлъ основаніе сѣтовать на однообразіе и мрачный колоритъ событій, но онъ не правъ, какъ историкъ. Въ этомъ глухомъ, едва замѣтномъ броженіи общественныхъ элементовъ, еще неужившихся съ чуждымъ для нихъ началомъ не законной, но все-же фактической монархіи, заключается не только весь драматическій интересъ, но главный историческій смыслъ эпохи.

Время, описанное въ Тацитовыхъ «Анналахъ», т. е. эпоха четырехъ Римскихъ цезарей, непосредственно слѣдовавшихъ за Августомъ и принадлежавшихъ къ его фамиліи, по особенной формѣ государственнаго устройства, не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи. По

(1) Annal. IV. 32. 33.

оффиціальной теоріи, которую поддерживали сами императоры, Римское государство считалось, по-прежнему, республикой. Сенатъ, по принятымъ понятіямъ, былъ представителемъ верховной власти Римскаго народа, который юридически еще отъ нея не отказывался. По-прежнему, существовали и консулы и трибуны, нерѣдко самыя народныя собранія, и весь механизмъ древней общественной жизни оставался, повидимому, нетронутымъ. Надъ всѣми этими республиканскими учрежденіями стояло, правда, лицо императора, направлявшее ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли; но присутствіе и власть этого лица, по той-же теоріи, нисколько не противорѣчило идеѣ республики. На императорскую власть смотрѣли, какъ на родъ безсмѣнной диктатуры, цѣлію которой было возстановленіе древнихъ формъ государственнаго устройства, потрясеннаго продолжительными гражданскими войнами. Для легчайшаго выполненія задачи, императоры сосредоточиваютъ въ своей особѣ главнѣйшія республиканскія должности, чтобы тѣмъ удобнѣе управлять государственнымъ механизмомъ по одной общей идеѣ. Сколько разъ Августъ, какъ-бы считая цѣль достигнутою, пытался сложить съ себя власть, какъ слишкомъ тяжелое и ненужное бремя? Сколько разъ заговаривалъ о томъ-же Тиберій и другіе императоры?....

Такова была политическая теорія эпохи. Сами императоры Августова дома дѣлали, повторяемъ, многое, чтобъ поддержать ее въ общественномъ мнѣніи. Не всѣ-ли они, облекаясь властію, старались увѣрить сенатъ и публику въ своихъ республиканскихъ чувствахъ? Только для огражденія республики отъ своеволія партій, рѣшались принимать они верховную власть, поручая себя руководству сенаторовъ и давая имъ отчетъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ.

И между-тѣмъ все это былъ только обманъ, одна комедія, искусно разыгрываемая для того, чтобы незамѣтно и постепенно пріучить къ монархическому порядку вещей Римское общество. Августъ первый подалъ примѣръ этого политическаго лицемѣрія. Щадя и уважая республиканскія формы и имена, онъ въ то-же время осторожно прибиралъ къ рукамъ одну за другою всѣ вѣтви администраціи и всѣ дѣйствительныя силы государства: сенатъ, комиціи, провинціи, деньги, войско, самую религію; и, притворно отказываясь отъ власти, зналъ напередъ, что его станутъ умолять — удержать ее еще за собою. Не станемъ винить его въ

этомъ. Онъ видѣлъ себя посреди тѣхъ-же самыхъ сенаторовъ, которые еще такъ недавно были свидѣтелями и участниками убійства, совершеннаго Брутомъ, посреди того-же самаго народа, который съ негодованіемъ встрѣтилъ царскій вѣнецъ, появившійся на головѣ народомъ-же боготворимаго Цезаря, посреди, наконецъ, легіоновъ, съ одинаковымъ усердіемъ сражавшихся нѣкогда за Кассія, за Антонія, за Цезаря и противъ Цезаря. И хотя міръ былъ утомленъ столѣтними распрями и, повидимому, ничего уже не желалъ кромѣ покоя, но надо было дѣйствовать осторожно и осмотрительно: катастрофа Цезаря была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. И хотя народъ, казалось, охотно, даже съ радостію, предоставилъ императору власть, которою самъ не умѣлъ и не хотѣлъ распорядиться, но онъ помнилъ еще свое древнее величіе и свою древнюю свободу,—и требовалось много умѣнья, чтобы, польстивъ его гордости, тѣмъ усыпить его ревнивую бдительность.

Такъ, подлѣ отходящей республики, съ ея пышными именами, славными воспоминаніями и священными учрежденіями, скромно и незамѣтно выростала монархія. Особа императора, сначала дальновидно отказавшаяся отъ всѣхъ почестей и наружныхъ отличій, мало-по-малу сосредоточивала въ рукахъ своихъ ту верховную власть, которую царственный народъ раздѣлялъ нѣкогда между множествомъ лицъ и учрежденій? Императоръ сдѣлался представителемъ и олицетвореніемъ государства, республики Римской. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него перешло и то религіозное уваженіе, какимъ у классическихъ народовъ древности пользовалась идея отечества. Вотъ путь, какимъ Калигула, Неронъ, Домиціанъ и столько другихъ императоровъ могли дойти до страшнаго восточнаго деспотизма и наконецъ потребовать себѣ божескихъ почестей (2).

Прямымъ слѣдствіемъ этого неестественнаго порядка вещей, этого разлада между теоріей и дѣйствительностію, было утонченное притворство, распространившееся отъ правительства до послѣднихъ классовъ народа и проникшее во всѣ общественныя и житейскія отношенія. Тиберій представляетъ полнѣйшій типъ этого недуга эпохи, подготовленнаго сложеніемъ неотвратимыхъ историческихъ обстоятельствъ. Уже Августъ, умирая, просилъ друзей

(2) Вотъ почему, также, Тиберій могъ примѣнить къ особѣ императора древній Юліевъ законъ объ оскорбленіи величества (judicia majestatis), обнимавшій прежде одни государственныя преступленія.

своихъ — похлопать ему, какъ актеру, хорошо сыгравшему свою роль. Но, представляя всю жизнь республику и республиканца, онъ не имѣлъ еще нужды слишкомъ далеко простирать въ этомъ случаѣ лицемѣріе. Пріобрѣтенная имъ власть ограждалась его многочисленными заслугами государству и всеобщимъ сочувствіемъ согражданъ, любившихъ его за щедрость, тонкій государственный умъ, доступное и ласковое обращеніе, за кротость и справедливость въ администраціи, за его благоговѣйное уваженіе ко всему національному, Римскому. Однимъ словомъ, это былъ въ высшей степени популярный правитель, монархъ - гражданинъ, если можно такъ выразиться. Такому правителю, при его осторожной и тонкой политикѣ, казалось-бы, нечего было бояться за власть, которой онъ не казался похитителемъ. И все-таки неискренность, лицемѣріе и обманъ были главными орудіями его правленія.

Но вотъ умираетъ Августъ и ему наслѣдуетъ Тиберій. Легко представить, во-сколько разъ труднѣе было положеніе новаго цезаря. Его отношенія къ Римскому обществу оказались еще двусмысленнѣе, еще неопредѣленнѣе. Ему досталась верховная власть отъ отчима, который самъ не имѣлъ на нее законнаго права. Власть эту не обезпечивали за Тиберіемъ ни особенныя заслуги, ни сочувствіе и любовь согражданъ. Личный характеръ новаго правителя, мрачнаго, недовѣрчиваго лицемѣра, сухаго и гордаго, какъ весь патриціанскій родъ Клавдіевъ, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, не могъ внушить къ нему довѣрія, еще менѣе—любви. Оставалось одно средство—притворство, и Тиберій довелъ его до типическаго развитія. Не смотря на то, общество, которое, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, старались увѣрить, что императорская власть есть спасительница республики, въ первый разъ ясно почувствовало въ ней узурпацію. Напрасно Тиберій объявляетъ, что онъ государь — только для рабовъ и императоръ—только для войска, для всѣхъ-же прочихъ—не болѣе, какъ первый гражданинъ въ государствѣ (3); напрасно, вступая во власть, смиренно проситъ въ сенатѣ — предоставить ему только ту часть управленія, какую сенаторамъ угодно будетъ ему назначить (4). Никто уже этому не вѣритъ, хотя, изъ страха, всѣ и показываютъ видъ, что принимаютъ эту политическую комедію за

(3) Dio Cass. LVII. 8.
(4) Sueton. in Tib. 25.

чистую монету. Напрасно императоръ вездѣ уступаетъ консуламъ первое мѣсто, порицаетъ тѣхъ изъ сенаторовъ, которые воздерживаются отъ свободнаго разсужденія, и объявляетъ, что въ свободномъ государствѣ и слово должно быть свободно (5). Никто и не думаетъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Напротивъ, при первой вѣсти о смерти Августа, все, что есть въ Римѣ значительнаго—консулы, сенаторы, всадники, подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, наперерывъ устремляются въ рабство (6): ибо всѣ знаютъ, что въ рукахъ республиканца Тиберія деньги, преторіанцы, легіоны, сановники, всѣ дѣйствительныя силы государства....

Тогда начинается глухой, безмолвный, страдательный протестъ общества противъ новаго порядка вещей, грозившаго утвердиться въ немъ законно и навсегда. Все двадцати-трехъ-лѣтнее правленіе Тиберія прошло въ этой скрытной, косвенной борьбѣ республиканскихъ воспоминаній съ монархіей, сильной матеріальными средствами, но еще не имѣвшей опоры въ общественномъ мнѣніи, въ особенности, высшихъ, образованныхъ классовъ. Борьба эта обнаруживается уже не въ видѣ политическихъ партій, гражданской войны, возмущеній и заговоровъ, какъ бывало въ послѣднія времена республики. Теперь представителями древняго республиканскаго духа являются отдѣльныя личности, къ которымъ стремится безмолвное, тайное сочувствіе общества. Судьба этихъ личностей, ихъ отношенія къ правительству, ихъ преслѣдованіе и гибель составляютъ всю исторію эпохи, налагая на нее тотъ утомительно-грустный отпечатокъ, который вполнѣ отразился въ художественномъ разсказѣ Тацита.

По роковому стеченію обстоятельствъ, героемъ этой борьбы, въ началѣ Тиберіева правленія, является Германикъ и его семейство. Вкругъ нихъ группируются всѣ остатки республиканской партіи, всѣ недовольные настоящимъ порядкомъ вещей и личностію Тиберія. Имя Германика служитъ для всѣхъ нихъ общимъ лозунгомъ. Понятно, слѣдовательно, почему ревнивая бдительность недовѣрчиваго цезаря направлена преимущественно на это въ высшей степени популярное имя....

Исторія Германиковъ, составляя, такимъ-образомъ, ключъ къ

(5) Tac. Ann. 1. 23.
(6) Ibid. 1. 7.

уразумѣнію цѣлой эпохи, заслуживаетъ спеціальнаго изученія: ибо отношеніе къ нимъ Тиберія, тайные подкопы, которыми онъ подрывалъ благосостояніе этого знаменитаго семейства, испытавшаго такую трагическую судьбу, рисуютъ предъ нами какъ положеніе и характеръ верховной власти въ современномъ обществѣ, такъ и тѣ средства, какими ратовала она со вспышками республиканскаго духа, отъ-времени-до-времени пробуждавшаго онѣмѣвшую общественную жизнь.

Ливія Друзилла, послѣдняя и любимѣйшая супруга Августа (7), носившая, по смерти мужа, почетный титулъ Августы, ввела въ домъ императора двухъ сыновей отъ перваго брака своего съ Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ: старшій изъ нихъ, Тиберій, усыновленный Августомъ, былъ въ-послѣдствіи его преемникомъ; втораго-же, Друза Клавдія, Ливія родила уже три мѣсяца спустя послѣ брака своего съ Августомъ. Светоній упоминаетъ о злословіи и толкахъ, ходившихъ въ Римѣ по этому случаю: ибо новорожденнаго принца считали плодомъ тайной интриги императора съ женою Тиберія Нерона (8). Этотъ-то Друзъ Клавдій, носившій также имена Децима и Нерона, и былъ родоначальникомъ знаменитаго дома Германиковъ.

Хотя и нельзя вѣрить буквально тѣмъ похваламъ, которыя Веллей Патеркулъ, съ обыкновенною своею эмфазою, расточаетъ брату боготворимаго имъ Тиберія (9); но не подлежитъ однакожь сомнѣнію, что это былъ мужъ съ большими достоинствами. Свидѣтельства Светонія и позднѣйшаго Греческаго писателя Діона Кассія единогласно приписываютъ ему много важныхъ государственныхъ заслугъ, много личныхъ доблестей, военныхъ и гражданскихъ. Извѣстны его славные походы въ Реціи и, въ особенности, въ Германіи, гдѣ онъ побѣдоносно дошелъ до самой Эльбы, первый изъ Римскихъ генераловъ плавалъ по сѣверному океану (Нѣмецкому морю) и оставилъ по себѣ долговѣчную память громадными гидротехническими сооруженіями, извѣстными у Рим-

(7) Августъ женатъ былъ четыре раза: 1) на Сервиліи, 2) на Кнодіи, падчерицѣ М. Антонія, 3) на Скрибоніи, отъ которой имѣлъ дочь Юлію, 4) на Ливіи.

(8) Suet. in. Claud. 1.

(9) Hist. Rom. 11. 97.

лянъ подъ именемъ Друзова канала (Drusinae forsae), которымъ облегчалось сообщеніе Рейна съ Флавіевымъ озеромъ (нынѣшнимъ Зюдерзее) и который очень много способствовалъ успѣху дальнѣйшихъ Римскихъ экспедицій въ этой странѣ. За эти-то подвиги сенатъ, въ числѣ другихъ почестей, предоставилъ ему и его потомству почетное прозвище Германика (10).

Но не столько военная слава и неустрашимость въ бояхъ, сколько любовь къ общественной свободѣ привлекали къ нему сочувствіе и преданность согражданъ. Даже Веллей, горячій приверженецъ монархіи и попегиристъ цезарей, не можетъ умолчать о томъ, что онъ обладалъ неподражаемымъ искусствомъ кроткаго и привѣтливаго обращенія со всѣми, съ близкими-же обходился, какъ съ равными (11); а Светоній прямо говоритъ, что онъ никогда не скрывалъ своего намѣренія — возстановить древнюю республику, какъ скоро къ тому представится возможность (12). Мы не имѣемъ довольно данныхъ, чтобы опредѣлить, въ какой степени искренне было это намѣреніе; но достовѣрно то, что Римляне до того простирали въ немъ увѣренность, что и самую смерть Германика (въ 9-мъ году до Р. Хр.) приписывали тайной недовѣрчивости Августа, будто-бы отдѣлавшагося ядомъ отъ опасной популярности пасынка. Светоній положительно отвергаетъ этотъ слухъ, какъ невѣроятный (13), но онъ нашелъ отголосокъ даже въ лѣтописяхъ строго-разборчиваго Тацита, кажется, смотрѣвшаго на Друза, какъ на мученика публичной свободы (14). Какъ бы то ни было, но въ этомъ заключается тайна необыкновеннаго уваженія и любви, съ какими народъ чтилъ память Германика и боготворилъ его потомство, чѣмъ и проложилъ послѣднему путь къ той видной исторической роли, какую играло оно въ теченіе трехъ поколѣній.

Старшій сынъ Друза Клавдія, Германикъ (15), наслѣдовалъ доблести, характеръ и извѣстность своего отца. На немъ сосредо-

(10) Suet. in Claud. 1. D. Cass. LV. 2.

(11) Hist. Rom. 11. 97.

(12) In Claud. 1.

(13) Ibid.

(14) Annal. 11. 32.

(15) Germanicus, собственно, есть почетное прозвище старшаго сына Друзова, наслѣдованное имъ отъ отца; настоящихъ-же именъ его т. е. nomen и praenomen, мы не знаемъ.

точились надежды семейства, котораго онъ сдѣлался представителемъ, и успокоилось народное чувство, больно пораженное раннею потерею Друза, погибшаго въ полномъ развитіи жизненныхъ силъ.

Его-то кратковременное, но блестящее поприще намѣренъ я изобразить въ настоящемъ очеркѣ. Его военная слава, всегда столь обаятельно дѣйствующая на умы, его благородный характеръ, напоминавшій лучшія времена Римской національной доблести, его знаменитое, украшенное народнымъ сочувствіемъ имя, блистательная, хотя и трагическая судьба его потомства, управлявшаго въ теченіе цѣлаго полувѣка судьбами образованнаго міра, все это даетъ ему право на особенное вниманіе исторіи (16), которая, по справедливости, должна смотрѣть на Германика, какъ на лучшую, быть можетъ, единственно вполнѣ благородную личность во всемъ родѣ цезарей Августова дома, какъ на представителя тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ тогдашней Римской жизни, которыми онъ такъ рѣзко отдѣляется отъ мутнаго фона своей эпохи.

О дѣтствѣ и ранней юности Германика, обо всемъ времени до появленія его на поприщѣ публичной дѣятельности, когда впервые заговорила о немъ исторія, мы знаемъ очень немногое. А между-тѣмъ подъ вліяніемъ этихъ первыхъ впечатлѣній, въ пору нѣжной, воспріимчивой юности, сложились, безъ сомнѣнія, первыя убѣжденія, первыя основныя черты характера будущаго героя Германскихъ войнъ. Не смотря однакожь на всю скудость поло-

(16) Благодаря обстоятельному повѣствованію Тацита, съ особенною любовію разсказывающаго о Германикѣ въ первыхъ книгахъ своихъ Анналовъ, мы имѣемъ возможность возстановить вполнѣ только послѣдніе пять лѣтъ его дѣятельности, совпадающихъ съ началомъ Тиберіева правленія. Что-же касается до всего предшествующаго, двадцати-восмилѣтняго періода его жизни, то свѣдѣнія объ немъ далеко не такъ полны и состоятъ, преимущественно, изъ отрывочныхъ извѣстій, встрѣчающихся въ Светоніевыхъ анекдотическихъ біографіяхъ цезарей, у болтливаго и легковѣрнаго Грека Діона Кассія, писавшаго во-второй половинѣ III вѣка, въ сокращенной Римской исторіи Веллея Патеркула, говорящаго, впрочемъ, о Германикѣ весьма мало и, повидимому, весьма неохотно, и отчасти — уже въ позднѣйшей (XII в.) Византійской хроникѣ Зонары. Было еще, правда, сочиненіе Плинія Ст. «de bellis Germanicis», авторитетъ котораго приводитъ Тацитъ въ одномъ мѣстѣ своихъ Анналовъ; въ немъ, вѣроятно, говорилось многое и о Германикѣ, какъ объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ Римскихъ генераловъ, прославившихся въ этихъ войнахъ, но, къ-сожалѣнію, оно до насъ не дошло.

жительныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни, извѣстно, что Германикъ родился въ сентябрѣ 15 года до Р. Хр. и получилъ прекрасное и тщательное образованіе. Образованіемъ этимъ онъ обязанъ былъ не отцу, по смерти котораго остался шестилѣтнимъ ребенкомъ, но, вѣроятно, матери своей, Антоніи Младшей, дочери тріумвира М. Антонія и Октавіи, Августовой сестры, и, быть можетъ, самому чадолюбивому Августу, который, по свидѣтельству Светонія, любилъ заниматься воспитаніемъ своихъ внуковъ, самъ училъ ихъ грамотѣ, давалъ имъ уроки плаванія и пригласилъ въ Палатинскій дворецъ какого-то вольноотпущенника Верія Флакка, знаменитаго въ то время педагога, вмѣстѣ со всею его школою, съ тѣмъ, чтобы молодые принцы, не выходя изъ домашняго, родительскаго надзора, могли пользоваться, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми выгодами публичнаго воспитанія. Въ этомъ-то домашнемъ училищѣ воспитывался, можетъ-быть, и Германикъ.

Легко представить себѣ, чему учился онъ здѣсь, зная, какъ воспитывалось вообще знатное Римское юношество Августова вѣка. Отличительнымъ характеромъ этого воспитанія была разносторонность. Его не ограничивали какимъ-нибудь спеціальнымъ приготовленіемъ къ тому, или другому роду дѣятельности; но старались образовать государству гражданина, способнаго служить ему на разныхъ поприщахъ, что̀, впрочемъ, условливалось уже самымъ свойствомъ Римскаго общественнаго устройства, гдѣ одно и то-же лицо должно было нерѣдко исполнять обязанности самыя разнохарактерныя. Преторъ, напримѣръ, занимался правосудіемъ въ Римѣ, а въ военное время часто командовалъ арміями, или-же бывалъ администраторомъ провинціи. Консулъ долженъ былъ соединять въ себѣ способности военачальника, гражданскаго правителя, жреца, оратора, дипломата. Это одно уже давало воспитанію многостороннее направленіе, а Римскимъ характерамъ—ту гармоническую полноту, которая гораздо рѣже встрѣчается въ нашъ вѣкъ спеціалисма и которою отмѣчены всѣ почти знаменитыя личности Римской національной исторіи. Военное дѣло, юриспруденція, финансовыя операціи, ораторство, поэзія, политика, философія, исторія, всѣ эти поприща съ успѣхомъ, часто со славою проходились однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Чѣмъ, напримѣръ, не былъ Цицеронъ, или Цезарь?....

(17) In Augusto 64. De illustr. gramm. 17.

Если воспитаніе обыкновенной аристократической молодежи должно было приготовлять ее къ такому разнообразному развитію, то тѣмъ болѣе многосторонности должно было заключать въ себѣ воспитаніе принцевъ императорскаго дома, которымъ, по самому ихъ рожденію, открытъ былъ путь ко всѣмъ высшимъ общественнымъ должностямъ и на которыхъ лежала уже прямая обязанность готовить себя въ государственные люди Разумѣется, что въ кругу познаній, которыя они выносили изъ школы, первое мѣсто занимало военное искусство, тѣмъ болѣе необходимое, что почти всѣ они, какъ и большая часть тогдашней знатной молодежи, начинали службу въ легіонахъ. Съ этою цѣлію ихъ учили всѣмъ родамъ гимнастическихъ упражненій и отечественной исторіи, которая у Римлянъ, какъ и вообще у древнихъ, имѣла исключительно дидактическое значеніе. Далѣе слѣдовали право и краснорѣчіе, изученіе которыхъ было равно необходимо для всякаго, кто желалъ посвятить себя публичной дѣятельности. Послѣднее, въ особенности, составляя одинъ изъ существенныхъ элементовъ Римской жизни, требовало особеннаго вниманія воспитателя. Извѣстно, до какой утонченности доведено было у Римлянъ изученіе ораторскаго искусства, необходимость котораго на каждомъ шагу могла встрѣтиться въ жизни: ибо Римскія conciones, какъ нынѣшнія Англійскія speeches, говорились при всѣхъ возможныхъ случаяхъ. По этому передача множества разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по части грамматики, риторики, діалектики, или такъ-называемыхъ свободныхъ искусствъ (artium liberalium), равно какъ миѳологіи, декламаціи, мимики, музыки и безчисленныхъ родовъ упражненій палестры, — направлена была къ развитію въ юношѣ ораторскаго таланта. Преподаваніемъ всѣхъ этихъ ораторскихъ тонкостей занимались, преимущественно, ученые Греки, подъ именемъ софистовъ, риторовъ, грамматиковъ, педагоговъ — наводнившіе Римъ еще со времени Сципіоновъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ воспитательной монополіи было распространеніе Греческаго языка въ наукѣ и школахъ, а потомъ — и въ самой жизни, до такой степени сдѣлавшагося употребительнымъ и моднымъ, что Цезарь, даже подъ ножемъ Брута, говорилъ по-Гречески, а потомокъ того самаго Катона цензора, который съ такимъ негодованіемъ возставалъ противъ Греческихъ софистовъ, называя ихъ искусство — ludi impudintiae, и изгналъ ихъ потомъ изъ города опредѣленіемъ сената, — умеръ за чтеніемъ Фэдона.... Съ этого времени изученіе Грече-

скаго языка и литературы сдѣлалось потребностію всякаго порядочнаго воспитанія и, вмѣстѣ со своими хорошими сторонами, перенесло также въ Римское общество и множество тѣхъ недостатковъ, которыми страдала уже въ то время одряхлѣвшая и самоисчерпавшаяся Греческая жизнь. По поводу объясненій на Гомера, Геродота, или Аристотеля, пущены были въ обращеніе всѣ тонкости сухаго и безполезнаго анализа, всѣ ухищренія изворотливой и безцвѣтной діалектики, въ которыхъ, какъ въ паутинѣ, путались и темнѣли типическія, вѣчно-юныя красоты Эллинскаго генія.... Разсуждали, напримѣръ, о цвѣтѣ волосъ Венеры, или о днѣ рожденія Геркулеса, — и это дѣлали люди, не вѣрившіе уже ни въ Венеру, ни въ Геркулеса. Къ-сожалѣнію, эта пустая и лишенная всякаго содержанія наука въ Римской жизни, которая сама была проникнута формализмомъ, нашла для себя чрезвычайно воспріимчивую почву и, вмѣстѣ съ упадкомъ древняго общественнаго устройства, немало способствовала разрушенію того мощнаго, непоколебимо-послѣдовательнаго древне-Римскаго національнаго духа, который доставилъ ему нѣкогда владычество надъ міромъ. Если сообразимъ всѣ эти обстоятельства, да прибавимъ къ тому еще натянутое, не искреннее положеніе общества, въ виду постоянной, тяготѣвшей надъ нимъ узурпаціи цезарей, то поймемъ — въ чемъ должно было состоять ораторское искусство того времени. Лишенное содержанія и достойнаго поприща послѣ того, какъ его вытѣснили изъ общественной жизни, оно сдѣлалось жалкимъ умѣньемъ переливать изъ пустаго въ порожнее, родомъ фехтовальнаго упражненія на словахъ, cliquetie des paroles, какъ называютъ его Французы.

Таковъ былъ общій характеръ среды, въ которой воспитывался Германикъ. Въ какой степени указанные недуги привились и къ его воспитанію — съ точностію мы опредѣлить не въ-состояніи. У Тацита, правда, приводятся многія его рѣчи, говоренныя по разнымъ случаямъ,— рѣчи, мастерски составленныя, какъ умѣли ихъ влагать въ уста своимъ героямъ только Өукидидъ да Тацитъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что художественная форма ихъ принадлежитъ самому лѣтописцу. И хотя у современниковъ и потомства Германикъ пользовался извѣстностію замѣчательнаго оратора (18), но отъ его подлинныхъ рѣчей до насъ не дошло рѣши-

(18) Suet. in Calig. 3. — Ovid. Fast. 1. 21.— Ex Ponto IV. 65.— Soseph. Ovid. XVIII. 8.

тельно ничего. Такая-же почти участь постигла и его поэтическія произведенія, въ свое время доставившія автору немало славы. Изъ нихъ уцѣлѣлъ только отрывокъ сдѣланнаго имъ Латинскими гекзаметрами перевода Аратова сочиненія — Phaenomena et Prognostica, относящагося къ области астрономіи и физической географіи, да нѣсколько незначительныхъ Латинскихъ и Греческихъ эпиграммъ, не вполнѣ достовѣрно ему приписываемыхъ (19). Светоній упоминаетъ также о написанныхъ имъ Греческихъ комедіяхъ (20), но отъ нихъ не осталось даже слѣдовъ.

Такимъ образомъ, единственными памятниками его благородной личности остаются его дѣянія, записанныя исторіей. По нимъ только можемъ мы возсоздать ея характеръ и отмѣтить въ немъ преобладающія черты. Сопоставляя этотъ характеръ, напоминающій лучшія времена Римской національной доблести, съ пустотою и неприложимостію тогдашняго воспитанія, нельзя, кажется, не сдѣлать заключенія, что на его образованіе школа вообще имѣла немного вліянія. Едва-ли изъ нея могъ онъ вынести этотъ безкорыстный патріотизмъ, эту справедливость, умѣренность, обходительность и великодушіе, наконецъ, — это сочувствіе ко всему великому и прекрасному, которыми проникнута вся его историческая дѣятельность. Не школѣ, слѣдовательно, а жизни обязанъ былъ Германикъ настоящимъ своимъ воспитаніемъ, лучшими сторонами своего характера, прекрасно совмѣстившаго въ себѣ древне-Римскую простоту и строгое достоинство съ тою поэтическою, вызывающею сочувствіе душевною теплотою, которою украшены благороднѣйшія личности національной исторіи Эллады.

Посмотримъ-же, въ чемъ состояли первые уроки, полученные Германикомъ отъ жизни, этой суровой воспитательницы великихъ характеровъ.

Большимъ счастіемъ для Германика было то, что онъ рано оставилъ Римъ, и первые, лучшіе годы своей юности провелъ въ легіонахъ. Едва исполнился ему 21 годъ, какъ уже онъ посланъ былъ Августомъ въ Дунайскую армію, занятую въ то время трудною компаніей въ Панноніи и Далмаціи.

Рѣдко приходилось Римлянамъ выдерживать болѣе упорную войну. Задолго еще до паденія республики, уже со времени завое-

---

(19) Burmann. Antholog. Lat. V. II. 41. 103. — Brunck. Analecta II. 285.
(20) In Calig. 3.

ванія сѣверной Италіи и Илиріи, положено было начало той великой борьбѣ Римскаго міра съ Германскимъ, которая, шесть столѣтій спустя, кончилась разрушеніемъ имперіи. Съ первыхъ-же столкновеній съ Германцами Римляне почуяли въ нихъ грозную, неодолимую силу. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ непохожи были эти новые враги на изнѣженные и выродившіеся народы востока, растлѣнные разрушительнымъ вліяніемъ климата, деспотизма, исторіи. Быть можетъ, не столько своему оружію, сколько фарисейской дипломаціи своего сената обязанъ былъ Римъ владычествомъ надъ колоссальнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Но что могла сдѣлать эта военная и дипломатическая тактика противъ суровыхъ Альпійскихъ варваровъ, которыхъ жены бросались въ пламя, не желая живыми попасться въ руки непріятелю, и которые убивали собственныхъ дѣтей, чтобы тѣмъ спасти ихъ отъ Римскаго рабства? А между тѣмъ столкновенія съ ними были неизбѣжны. Италія до-тѣхъ-поръ не могла считаться спокойною, пока оставалась неподчиненною Римской власти вся широкая горная полоса, облегающая полуостровъ съ сѣвера. Здѣсь въ неприступныхъ ущельяхъ издавна гнѣздились хищническія племена Германскихъ горцевъ, защищенныя своею дикою мѣстностію, любившія до фанатизма свою дикую волю, всей душей ненавидѣвшія всякую чуждую имъ власть на землѣ. Не проходило года, чтобы въ томъ, или другомъ пунктѣ Цизальпинской Галліи страшное сосѣдство ихъ не напомнило о себѣ какимъ-нибудь опустошительнымъ набѣгомъ. Ужасная пора великаго Германско-Кимврскаго движенія, грозный напоръ котораго могъ остановить только Марій, была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Пока силы государства поглощены были внутренними смутами, потрясавшими его на исходѣ временъ республиканскихъ, Римъ, конечно, не могъ думать о дѣятельной борьбѣ съ Германцами, война съ которыми имѣла, по преимуществу, характеръ оборонительный. Но какъ только Августъ принесъ имперіи домашнее спокойствіе, — великій даръ, доставившій ему владычество надъ міромъ, — война на сѣверѣ предстала съ прежнею неизбѣжностію и съ прежними опасностями. Въ ней прошли цѣлые тридцать послѣднихъ лѣтъ Августова правленія. Благодаря настойчивымъ усиліямъ Римскихъ генераловъ, и въ особенности, пасынковъ императора — Тиберія и отца Германикова, Друза, эта ожесточенная борьба кончилась для Римлянъ успѣшно. Истреблены были цѣлыя племена, уцѣлѣвшіе отъ меча старцы и дѣти про-

даны въ рабство; но Альпійская цѣпь была покорена отъ Средиземнаго моря до Адріатическаго и на берегу Дуная воздвигнутъ Римскій трофей. Тогда отъ Германскаго океана до Понта Эвксинскаго, по Рейну и Дунаю, устроена была военная граница, оплотъ имперіи противъ Германскихъ племенъ. Она состояла изъ цѣлаго ряда крѣпостей и военныхъ колоній; по Рейну и Дунаю крейсировали безпрестанно Римскіе флоты, а лежащія на этихъ рѣкахъ провинціи — Бельгійская Галлія, Верхняя и Нижняя Германія, Реція, Винделиція, Норикъ, Иллирія, Далмація, Паннонія и Мэзія, — состояли на военномъ положеніи и усѣяны были легіонами. Иногда цѣлымъ племенамъ Германскимъ отводимы были земли на предѣлахъ имперіи, съ обязанностію—охранять ихъ военною силою; или же союзныя Риму Германскія племена за Рейномъ и Дунаемъ принимали на себя эту обязанность, составляя, такимъ образомъ, форпосты имперіи противъ Германскаго міра. Кромѣ того, Римскіе генералы, переходя, отъ-времени-до-времени, предѣлы имперіи, вносили Римское оружіе въ самую варварскую Германію. Такъ, быстро возникшее на Дунаѣ Дакійское царство, — арміи котораго, въ 200,000 человѣкъ, по замерзшей рѣкѣ переходили на Римскій берегъ и простирали грабежи даже до границъ Македоніи, — въ царствованіе Августа было оттѣснено за Дунай и едва само не сдѣлалось Римскою провинціей. Легіоны проникли даже во внутреннюю Германію, побѣдоносно перешли Майнъ и Эльбу и на правомъ берегу этой рѣки воздвигли Августу алтарь. Флотъ Римскій ходилъ по Друзову каналу изъ Флавіева озера въ Рейнъ, или же достигалъ океаномъ до устьевъ Эльбы. Легіоны потому только не перешли этой рѣки, что Августъ запретилъ имъ это. Вся Германія до Везера готова была сдѣлаться Римскою провинціей и платить Риму трибутъ. И то она признавала уже авторитетъ Римскаго полководца Вара, командовавшаго военными силами на Рейнѣ. Время это было апогеемъ Римскаго могущества и успѣховъ Римскаго оружія въ Германіи.

Но, между-тѣмъ-какъ за Рейномъ дѣла Римлянъ шли такъ успѣшно, на Дунаѣ собиралась на имперію новая гроза. Тамъ образовалось сильное Свевское царство, главою котораго явился отважный Маркоманнъ Марбодъ, успѣвшій перенять Римскую военную тактику и дисциплину во время своей долговременной службы въ Римскомъ войскѣ. Но въ то время, какъ Римляне посылаютъ противъ него 12 легіоновъ своей арміи, пламя возстанія охваты-

ваетъ всю Паннонію и Далмацію, гдѣ жители, выведенные изъ терпѣнія жадностію и тиранствомъ Римской администраціи, вооружились подъ начальствомъ какого-то туземнаго князя, Батона.

Въ такомъ состояніи были отношенія Римлянъ къ Германскому міру, когда, въ 7-мъ году по Р. Хр., Германикъ, въ званіи квестора, впервые посланъ былъ дѣдомъ къ Далматскимъ легіонамъ, состоявшимъ въ то время подъ командою Тиберія.

Число инсургентовъ въ Далмаціи, если вѣрить Титу Ливію (21), простиралось до двухъ-сотъ тысячъ человѣкъ. Множество Римскихъ гражданъ, купцовъ и солдатъ было захвачено ими въ-расплохъ и перерѣзано. Ужасъ и смятеніе распространились въ Римѣ при этой вѣсти. Поспѣшно призвали на службу ветерановъ, вооружили вольноотпущенниковъ; императоръ, въ полномъ собраніи сената, объявилъ, что если не будутъ приняты чрезвычайныя мѣры, то черезъ десять дней непріятель покажется въ виду городскихъ стѣнъ. На скоро составленная такимъ образомъ армія поручена начальству Тиберія, въ то время уже испытаннаго полководца, прославленнаго удачными походами въ Германіи. Не смотря однако на то, на новомъ театрѣ войны Тиберій не встрѣтилъ прежнихъ успѣховъ. Дѣла стали затягиваться. Тогда Августъ, недовольный медленностію пасынка, а быть можетъ и подозрѣвая, что онъ съ умысломъ старается продлить войну, чтобъ долѣе удержать команду надъ войскомъ, послалъ къ нему въ помощь Германика (22). Уже одно это назначеніе должно было возбудить въ душѣ Тиберія непріязненное чувство къ племяннику, въ которомъ онъ видѣлъ человѣка, присланнаго присматривать за нимъ и контролировать его дѣйствія. Когда-же Германикъ съ восторгомъ былъ принятъ солдатами, боготворившими память его отца, когда любовь легіоновъ и счастіе доставили ему нѣсколько побѣдъ надъ непріятелемъ,—вмѣстѣ съ оскорбленнымъ самолюбіемъ въ Тиберіи заговорила зависть. Тутъ въ первый разъ обнаружилась та глубоко-затленная, но неумолимая ненависть, которую Тиберій до конца дней своихъ питалъ къ Германику и ко всему его семейству.

Въ трехлѣтнюю Далматскую кампанію (7—10 г. по Р. X.) Германикъ испыталъ первыя прелести военнаго счастія и славы. Здѣсь-же впервые раскрылся въ немъ и блестящій военный геній, на-

(21) Epit. LXVIII.
(22) Dio Cass. LV. 31—34.

слѣдованный имъ отъ отца. Самъ Веллей Патеркулъ, боготворившій Тиберія и, повидимому, не любившій его племянника, отдаетъ ему, однакожь, въ этомъ отношеніи справедливость (23). И дѣйствительно, не смотря на соперничество и недоброжелательство дяди, онъ нанесъ инсургентамъ нѣсколько чувствительныхъ пораженій и много способствовалъ счастливому окончанію войны взятіемъ города Ардубы, гдѣ непріятель защищался съ такимъ ожесточеніемъ, что женщины сражались вмѣстѣ съ мужчинами и, увидѣвъ, что дѣло проиграно, бросались въ пламя или въ рѣку. Самъ Ватонъ попался въ плѣнъ, и на вопросъ Тиберія, какъ смѣлъ онъ возстать противъ имперіи? — варваръ отвѣчалъ ему своимъ грубымъ иносказательнымъ языкомъ: кто-жъ виноватъ, когда, вмѣсто пастуховъ, вы поручаете волкамъ стеречь ваши стада (24).

Новое возстаніе, вспыхнувшее вскорѣ послѣ того подъ руководствомъ того-же Батона, успѣвшаго ускользнуть изъ плѣна, имѣло для Далматовъ такой-же несчастный исходъ. Въ 9-мъ году вся страна была уже усмирена и усмирителей ея встрѣчали въ Римѣ заслуженными почестями и наградами (25).

Но, посреди самаго разгара Далматскихъ тріумфовъ, изъ-за Рейна неслись уже вѣсти о роковой Варовой катастрофѣ. Кровавая ночь въ Тевтобургскомъ лѣсу, гдѣ цѣлые три легіона, схваченные въ-расплохъ, были истреблены коварными союзниками Херусками и ихъ соплеменниками, сдѣлавшими Римлянамъ засаду, вдругъ уничтожила всѣ плоды двадцати-четырехъ-лѣтнихъ побѣдъ и усилій Августовыхъ военачальниковъ. Римляне потеряли всѣ свои пріобрѣтенія на правомъ берегу Рейна, потеряли свою армію, самого Вара, не желавшаго пережить своего безславія; но — что въ особенности было важно, — потеряли тотъ грозный авторитетъ и блестящее, почти повелительное положеніе, которымъ доселѣ пользовались въ Германіи. Римъ пришелъ въ ужасъ отъ этой вѣсти; старый императоръ посыпалъ голову пепломъ, отпустилъ бороду и волосы, бредилъ во снѣ пораженіемъ Вара, голова котораго была отослана Арминіемъ Марбоду, какъ залогъ и символъ союза между Герміонами и Свевами, между лигою Рейна и Дуная.

Волненіе умовъ въ Римѣ было такъ велико, что на улицахъ и площадяхъ нужно было разставить стражу, чтобы предохранить

(23) Hist. Rom. II. 116. 129.—Dio Cass. LV. 32 и сл. LVI. 11—15 Zonar. X. 37.
(24) Dio Cass. LVI. 31—34.
(25) Ibid. LVI. 17.

городъ отъ безпорядковъ (26). Каждый день проносились новые слухи о наступательныхъ движеніяхъ непріятеля. Опасались за Италію и за самый Римъ. Не смотря однако на это, не смотря на чрезвычайныя мѣры, принятыя Августомъ для составленія новой арміи, не прежде, какъ черезъ два года послѣ Варова пораженія, отправлены были къ Рейну войска подъ начальствомъ Тиберія и Германика, уже возведеннаго въ званіе проконсула.

Такимъ-образомъ, судьба опять столкнула эти два лица на одномъ поприщѣ, и хотя мы не знаемъ ничего положительнаго объ ихъ отношеніяхъ въ это время, но позволительно догадываться, что раздѣленіе команды между двумя военачальниками, популярность одного и несимпатичный характеръ другаго, наконецъ — различная степень довѣрія, какимъ пользовались они у императора, должны были, вѣроятно, еще болѣе усилить между ними чувство взаимнаго охлажденія. Неудивительно послѣ того, что и военныя дѣйствія, предпринятыя при такихъ условіяхъ, не могли быть рѣшительны и что весь успѣхъ кампаніи ограничился только тѣмъ, что Римляне сдѣлали нѣсколько опустошительныхъ вторженій въ земли, ближайшія къ Рейну, но не углублялись въ страну, на зиму же возвратились на лѣвый берегъ рѣки (27).

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ и въ какой школѣ совершилось истинное воспитаніе Германика. Не должно думать, что воспитаніе это было чисто-военное. Не одно боевое мужество и опытность въ ратномъ дѣлѣ вынесъ онъ съ театра Германскихъ войнъ; гораздо важнѣе еще было ихъ моральное на него вліяніе. Служба въ легіонахъ была въ то время едва-ли не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ могъ совершенствоваться нравственно, или, по-крайней-мѣрѣ, предохранить свою нравственную чистоту отъ тѣхъ разрушительныхъ вліяній, которыми духовно-разлагавшееся общество грозило каждому свѣтлому явленію, не довольно окрѣпшему силами. Сенатъ, магистратура, администрація, весь бюрократическій Римскій міръ— давно уже не представляли надежныхъ ручательствъ за неприкосновенность какихъ-бы ни было благородныхъ убѣжденій. Трудно было стяжать гражданскій вѣнецъ на поприщѣ, гдѣ на каждомъ шагу чувствовалось присутствіе произвола, тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ скрывался подъ личиною закона и ограждалъ себя громадны-

---

(26) Suet. in Aug. XXIII.

(27) Dio Cass. LVI. 25. — Zon. X. 37. — Vell. P. II. 120.

ми матеріальными средствами, — гдѣ нужно было вести мелкую, утомительную войну съ интригою, завистью, съ тайнымъ подкопомъ, со всѣми ихъ нечистыми порожденіями. Съ другой стороны, пустоту и неприложимость современной Римской науки мы имѣли уже случай оцѣнять довольно, для-того-чтобы видѣть, какъ мало представляла она пищи возвышенному уму и сильному характеру. Въ легіонахъ только жили еще остатки благороднаго древне-Римскаго духа. И въ то время, какъ самый Римъ и Италія, не смотря на всѣ усилія правительства, болѣе и болѣе утрачивали національный характеръ и превращались въ нестройную и безцвѣтную амальгаму различныхъ народныхъ элементовъ, въ войскахъ поддерживались еще лучшія качества народнаго Римскаго характера. Эти грубые провинціалы, собранные со всѣхъ концовъ имперіи, являли нерѣдко такіе примѣры самоотверженія и безкорыстной любви къ отечеству, къ какимъ неспособенъ уже былъ вовсе искусственный и формальный патріотизмъ Рима Августовыхъ временъ. Расположенный на предѣлахъ имперіи, вдали отъ моральнаго растлѣнія, заразившаго Италію, посреди опасностей, трудовой жизни и суровой дисциплины, легіонъ, безспорно, представлялъ для юноши лучшую нравственную школу, какую можно было въ то время найти въ государствѣ. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, господствовала простота и безъискусственность нравовъ. Тогда какъ въ Римѣ не вѣрили уже ни во что, здѣсь была своя особая религія— культъ Римскихъ орловъ; были нравственныя чувства — военнаго братства къ товарищамъ, преданности къ вождю.

Если вообще въ Римскихъ войскахъ того времени было еще столько здравыхъ жизненныхъ элементовъ, то, въ особенности, это можно сказать о Рейнскихъ легіонахъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ исключительно-счастливое положеніе. Ихъ безпрестанное соприкосновеніе съ Германскимъ міромъ, полнымъ юныхъ, свѣжихъ духовныхъ силъ, не могло не отразиться на нихъ благодѣтельными нравственными слѣдами. Чистота нравовъ, мужество, любовь къ отечеству и народной независимости, святость семейныхъ отношеній, наконецъ—гуманное чувство Германцевъ,—какъ ни были грубы и безъискусственны формы, въ которыхъ они выражались, какъ ни глубоко раздѣлены были обѣ націи вѣковою враждою, — должны были производить на Римлянъ невольное, не-

(28 Hist. Rom. II. 99 и сл.

уловимое вліяніе. Умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди Рима, каковы были Тацитъ и Плиній, не могли отказать имъ въ удивленіи, не смотря на непріязнь и презрѣніе гордаго Римскаго генія ко всему иностранному. По этому неудивительно, что Рейнскіе легіоны, въ теченіе долгаго времени, были для имперіи постоянною школою великихъ характеровъ. Отсюда вышли Друзъ, Германикъ, Цецина, Агрикола и много другихъ благородныхъ личностей, свѣтлые образы которыхъ передалъ Тацитъ потомству съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Самъ Тиберій даже, не смотря на свою жестокость, подозрительность, лицемѣріе, на всѣ темныя стороны своего характера, не чуждъ былъ однакожь извѣстнаго рода возвышенности, заставлявшей его презирать людей, съ такимъ подобострастіемъ сносившихъ его тираннію,—и нѣтъ почти сомнѣнія, что этою чертою обязанъ онъ былъ, преимущественно, своимъ девятилѣтнимъ Германскимъ походамъ. Изъ Рейнскихъ-же легіоновъ и въ послѣдующія времена выходили благородныя личности, столько разъ спасавшія общество отъ опасностей и нерѣдко съ достоинствомъ носившія заслуженную порфиру. Однимъ словомъ, Рейнскіе и Дунайскіе легіоны были тѣми постоянными проводниками, посредствомъ которыхъ свѣжій, полный жизненныхъ силъ Германскій духъ долгое время подновлялъ и оживлялъ дряхлую, больную имперію.

Съ другой стороны, Далматская и Рейнская кампаніи опредѣлили навсегда отношенія Германика къ Тиберію. Холодная, сосредоточенная натура послѣдняго вообще мало способна была къ сочувствію. Исторія его вообще представляетъ немного примѣровъ такого сближенія съ кѣмъ-нибудь, въ основаніи котораго не лежалъ-бы личный интересъ, или необходимость. Человѣкъ этотъ, постигавшій искусство самаго утонченнаго лицемѣрія и могшій прикинуться всемъ, чѣмъ угодно, никогда однакожь не имѣлъ надъ собой столько власти, чтобы притвориться любящимъ. Напрасно Веллей истощаетъ весь паѳосъ хвалебнаго краснорѣчія, чтобы прославить обходительность и привѣтливость Тиберія (28). Единогласныя свидѣтельства другихъ, болѣе уважительныхъ авторитетовъ, заставляютъ думать, что его наружность и манеры были, напротивъ, однѣми изъ самыхъ несимпатичныхъ: въ нихъ невольно проглядывала его сухая и черствая душа. Не менѣе преобладавшими

(28) Hist. Rom. II, 99 и сл.

чертами въ характерѣ Тиберія были гордость и властолюбіе, быть можетъ, по наслѣдству доставшіяся ему отъ Клавдіевъ, изъ рода которыхъ онъ происходилъ и которые всегда отличались столько-же своимъ исключительнымъ патріотизмомъ, сколько и кастическими патриціанскими предразсудками. Представьте теперь этотъ высокомѣрный, повелительный и мрачный характеръ, брошенный судьбою среди искусственнаго Августова семейства, куда открылъ ему доступъ бракъ Ливіи съ императоромъ, среди искусственной эпохи первыхъ временъ имперіи, — и вы отчасти поймете духовную организацію этой, на первый взглядъ, загадочной личности.

Въ родѣ цезарей, какъ и во всѣхъ почти узурпаторскихъ фамиліяхъ, никогда не было ни искренности, ни родственныхъ чувствъ между членами. Въ такихъ семействахъ отношенія родственниковъ, большею частію, опредѣляются взаимною недовѣрчивостію и страхомъ, ибо здѣсь каждый имѣетъ одинаковое право на первенство и даже на верховную власть; каждый смотритъ на другихъ, какъ на совмѣстниковъ, и слѣдовательно—какъ на опасныхъ враговъ. Система усыновленія, принятая Августомъ, не имѣвшимъ собственныхъ наслѣдниковъ, съ своей стороны, должна была еще болѣе усилять эти завистливыя и непріязненныя отношенія. И не одно семейство; цѣлое общество, среди котораго жилъ Тиберій, проникнуто было тѣмъ-же характеромъ неискренности, взаимныхъ опасеній и систематическаго притворства,—неизбѣжныхъ послѣдствій ложнаго положенія правительства. Вотъ, кажется, главный источникъ того поразительнаго лицемѣрія Тиберіева, которое могъ разоблачить только Тацитъ своимъ неумолимымъ Шекспировскимъ анализомъ. Вотъ отчего характеръ его представляетъ такую странную, поразительную смѣсь противорѣчій—высокомѣрія и униженности, отваги и робости, твердости и колебаній, неудовлетворимаго, пылкаго властолюбія и старческой осторожности. Характеръ этотъ оказался въ немъ уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его жизни.

Сколько извѣстно объ отношеніяхъ Тиберія къ другимъ членамъ Августова дома, постоянно они отличались холодностію, даже непріязнію. Все, что могъ онъ питать къ нимъ, были или страхъ, или зависть, хотя и то и другое скрывалось подъ непроницаемою маскою обычнаго лицемѣрія. Въ особенности, вражда его становилась неумолимою къ принцамъ, которыхъ Августъ предназначалъ въ наслѣдники. И хотя неизвѣстно, какъ велъ онъ себя въ отношеніи къ Марцеллу, но его послѣдующее поведеніе со всѣ-

ми, кто могъ быть для него сколько-нибудь опаснымъ совмѣстникомъ, даетъ право догадываться, что отношенія къ нему, вѣроятно, не были искренни, хотя молодость, быть-можетъ, нѣсколько и смягчала ихъ жесткость. Что касается до Кая и Люція Цезарей, которыхъ Августъ усыновилъ по смерти Марцелла, то положительно извѣстно, что Тиберій питалъ къ нимъ глубоко-затаенную вражду. Назначеніе ихъ въ наслѣдники имперіи до такой степени уязвило самолюбіе и гордость Тиберія, что онъ рѣшился даже оставить Римъ и удалиться въ добровольное изгнаніе на островъ Родосъ, прикрывая, впрочемъ, желчь свою предлогами, полными великодушія и самоотверженія, и увѣряя Августа, что онъ ѣдетъ на чужбину для того, чтобы не перебивать молодымъ принцамъ пути къ почестямъ и отличію (29). Нѣсколько лѣтъ спустя, впрочемъ, судьба, а можетъ-быть и тайныя казни Ливіи, избавили его отъ этихъ опасныхъ совмѣстниковъ. Еще прежде лишился онъ брата своего Друза, умершаго скоропостижно въ 9-мъ году до Р. Хр., на возвратномъ пути изъ Германіи въ Римъ. Не смотря на близкую кровную связь, мы знаемъ изъ Светонія, что Тиберій не только не любилъ брата, но даже не постыдился низости, чтобы уронить его въ добромъ расположеніи Августа. Онъ показалъ императору какое-то письмо Друза, гдѣ будто-бы онъ говорилъ о своемъ намѣреніи—насильственно возстановить республику (30).

Освободившись такимъ-образомъ отъ всѣхъ своихъ совмѣстниковъ, Тиберій началъ заискивать расположеніе и довѣріе императора. Въ угоду ему, не поколебался развестись со страстно-любимою супругою своею Агриппиною,— отъ которой у него былъ уже сынъ, Друзъ, и которая въ то время была беременна другимъ ребенкомъ, — для того чтобы жениться на Юліи, дочери Августа, которая овдовѣла тогда по смерти втораго мужа своего, Агриппы, и развратныя наклонности которой были ему хорошо извѣстны. Замѣчательно также поведеніе Тиберія на островѣ Родосѣ, гдѣ ему пришлось испытать немилость Августа и даже навлечь на себя его подозрѣнія: онъ смиренно сталъ просить, чтобъ его окружили стражею и шпіонами и тѣмъ убѣдились въ его невинности. Однимъ словомъ, всю жизнь свою Тиберій провелъ между страхомъ и надеждою и, по странному возмездію судьбы, будучи властолюбивѣй-

(29) Suet. in Tib. X.
(30) In Tib. L.

шимъ и высокомѣрнѣйшимъ изъ людей, долженъ былъ постоянно унижаться и наружно ползать предъ другими. Усиленнымъ просьбамъ матери, имѣвшей большое вліяніе на Августа, обязанъ онъ былъ тѣмъ, что, послѣ восьмилѣтняго изгнанія, ему наконецъ позволили возвратиться въ Римъ. Тогда только, уже по стерти Кая и Люція Цезарей, благодаря ходатайству и интригамъ Ливіи, усыновленъ онъ былъ Августомъ вмѣстѣ съ Агриппою Постумомъ, меньшимъ братомъ Кая и Люція Цезарей (въ 4-мъ году по Р. Хр.). Впервые блеснула ему тогда болѣе опредѣленная надежда на наслѣдство въ имперіи,— хотя Августъ, со свойственною ему проницательностію, прекрасно постигавшій истинный характеръ своего пасынка, и тутъ позаботился наложить на него сильное нравственное ограниченіе, заставивъ его усыновить въ свою очередь Германика и объявить его своимъ наслѣдникомъ мимо роднаго сына своего Друза, который въ то время былъ уже совершеннолѣтнимъ (31).

Познакомившись съ главнѣйшими обстоятельствами жизни Тиберія и съ нравственнымъ колоритомъ эпохи, среди которой онъ дѣйствовалъ, мы въ-состояніи будемъ понять его истинныя чувства къ Германику. Теперь яснѣе предстанутъ предъ нами сокровенные мотивы его неумолимой ненависти къ даровитому племяннику.

Съ той минуты, какъ Августъ заставилъ Тиберія усыновить Германика, онъ увидѣлъ въ немъ опаснаго совмѣстника и смертельнаго врага. Къ тому-же онъ не могъ не знать, что императоръ долго колебался между нимъ и племянникомъ и рѣшилъ выборъ въ его пользу только потому, что двадцати-двухъ-лѣтній Германикъ былъ слишкомъ молодъ для царства, и что Ливія, хлопотавшая, конечно, болѣе за своего роднаго сына, нежели за внука, осаждала его постоянно своими неотступными просьбами (32); онъ зналъ также, какъ дорогà была для Римлянъ память Друза, какъ популярно было его имя, сколько надеждъ таилось въ сердцахъ вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ его сыну. Когда-же Далматская война обнаружила въ Германикѣ будущаго героя, когда легіоны встрѣтили его съ восторгомъ, и имя его пронеслось по имперіи вмѣстѣ

(31) Suet. in. Aug. LXIII, in Tib. VII. XV, in Calig. IV.—Tac. Ann. I. 3. IV. 57. — Dio Cass. Lv. 13. — Zon. X. 36.

(32) Suet. in Claud. III. — Tac. Ann. IV. 57.

съ вѣстію о побѣдѣ, ненависть еще сильнѣе зашевелилась въ его душѣ и еще глубже заталъ онъ ея ропотъ. Для того-ли столько лѣтъ лелѣялъ онъ мечту о верховной власти, съ такимъ усиліемъ подавлялъ душившее его честолюбіе, боясь обнаружить его преждевременно и тѣмъ испортить все дѣло; весь, какъ улитка, уходилъ въ самого себя, понесъ столько трудовъ, стяжалъ военную славу,—чтобы уступить теперь мѣсто какому-нибудь неопытному счастливцу-юношѣ? И то уже императоръ, говорятъ, посылалъ его въ армію, съ тайнымъ порученіемъ — присматривать за его дѣйствіями въ Далмаціи. Кончена война, — и вотъ на Германика сыплются преждевременныя почести и награды: тріумфальные знаки, право подавать въ сенатѣ голосъ непосредственно послѣ консуловъ, позволеніе искать консульскаго званія прежде установленнаго законами срока. Народъ въ Римѣ встрѣчаетъ его, какъ полубога. Не прошло и года послѣ того, какъ уже двадцатипятилѣтняго Германика, не бывшаго еще преторомъ, дѣлаютъ прямо консуломъ (33). Это новое званіе обнаруживаетъ въ немъ и новые таланты: административную распорядительность, пониманіе права и такую строгую справедливость въ судопроизводствѣ, что даже вмѣшательство самого Августа не въ-силахъ смутить произнесеннаго имъ приговора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ растетъ къ нему народная любовь; а великолѣпныя игры, данныя имъ въ томъ-же году, въ память Друза, окончательно упрочиваютъ его господство надъ умами черни (34). Особымъ актомъ Августъ рекомендуетъ его сенату; а въ слѣдующемъ году, не смотря на всѣ происки Ливіи, ставитъ его во главѣ восьми Рейнскихъ легіоновъ, съ званіемъ проконсула и съ правами самостоятельнаго главнокомандующаго (35).

Понятно, какъ сильно должно было смутить Тиберія такое быстрое возвышеніе противъ воли усыновленнаго имъ племянника, въ особенности-же—назначеніе его въ главнокомандующіе, дававшее ему совершенно-независимое, а въ случаѣ нужды—даже грозное положеніе. И хотя императоръ, на старости лѣтъ совершенно подчинившійся вліянію своей жены, осыпалъ и его своими милостями, — назначилъ ему за усмиреніе Далмаціи великолѣпный трі-

(33) D. Cass. LVI. 26.
(34) D. Cass. LVI. 27.— Plin. H. N. II. 26.
(35) D. Cass. LVI. 26.— Tac. Ann. I. 3.— Vell. II: 123.

умфъ, возвелъ въ достоинство трибуна, званіе котораго считалось въ то время исключительнымъ аттрибутомъ верховной власти, представлялъ сенату, какъ будущаго главу государства; хотя Тиберій, повидимому, могъ считать себя спокойнымъ и положиться на бдительную любовь и усердіе Ливіи, но съ другой стороны, — независимая роль Германика, всѣ выгоды его положенія въ государствѣ, неизвѣстность его намѣреній—весьма мало ручались ему за будущее тѣмъ болѣе, что дни Августа были уже сочтены.

Была Тиберію еще и другая опасность, — это совмѣстничество Агриппы Постума, послѣдняго остававшагося въ-живыхъ сына Агриппы. И хотя этотъ принцъ, за злобность своего характера, былъ давно уже заточенъ Августомъ на островъ Планазію; но кто могъ поручиться, что, на закатѣ жизни, старый императоръ не возвратитъ правъ и довѣренности внуку, нравъ котораго могъ быть смягченъ уже долговременными несчастіями? Вѣдь носились-же слухи, что за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Августъ тайно посѣтилъ царственнаго узника и что свиданіе ихъ было чрезвычайно трогательно (36)....

Но между-тѣмъ, какъ всѣ эти опасенія тревожили ревнивое властолюбіе Тиберія, судьба подвигала ихъ къ развязкѣ. 19 августа 14 года по Р. Хр., въ Нолѣ, умеръ Августъ. Ближайшіе къ событію историки довольно различно разсказываютъ объ этой смерти. У Патеркула и Светонія находимъ извѣстіе, что императоръ, чувствуя приближеніе кончины, поспѣшно вызвалъ къ себѣ Тиберія, ѣхавшаго въ то время къ Иллирійской границѣ и, послѣ продолжительнаго съ нимъ совѣщанія, передалъ ему всѣ важнѣйшія дѣла, какъ будущему главѣ государства (37). Напротивъ того, Тацитъ и Плиній, авторитетъ которыхъ гораздо уважительнѣе въ исторической критикѣ, положительно говорятъ, что Августъ въ предсмертныя минуты вовсе не видѣлъ Тиберія, что его послѣднія намѣренія на счетъ преемника остались неизвѣстными и что Ливія, разставивъ стражу вокругъ квартиры императора, скрывала смерть его до прибытія сына; тогда только, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Августа, услышали, что Тиберій наслѣдовалъ его власть (38). Конечно, темныя обстоятельства эти еще не доказываютъ, что Августъ готовилъ себѣ въ непосредственные преемни-

(36) Tac. Ann. I. 5. — Plin. VII. 45.
(37) In Aug. 98, in Tib. 23; H. R. II. 123.
(38) Ann. I. 5; Plin. VII. 45.

ки Германика, молодость котораго едва-ли позволила-бы императору возложить на него трудныя заботы правленія. Скорѣе можно думать, не имѣлъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ въ виду Агриппу Постума, — догадка тѣмъ-болѣе вѣроятная, что первымъ дѣломъ новаго правленія было умерщвленіе этого несчастнаго принца (39). Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Августъ очень неохотно назначилъ Тиберія своимъ преемникомъ, отчего отношенія послѣдняго къ Германику становились еще болѣе неискренними и опасными: ибо къ прежнимъ причинамъ недовѣрчивости и непріязни въ душѣ новаго императора присоединились какъ тайная неувѣренность въ своихъ правахъ, такъ и страхъ справедливаго возмездія, — неизбѣжное послѣдствіе совершеннаго преступленія.

Опасенія Тиберія, впрочемъ, были преувеличены. Едва получено было въ Римѣ извѣстіе обо всемъ, случившемся въ Нолѣ, какъ всѣ, кто былъ въ городѣ и пользовался извѣстною властію—консулы, сенаторы, всадники — наперерывъ устремились въ рабство. Чѣмъ выше было ихъ общественное положеніе, тѣмъ болѣе старались они обнаружить лицемѣрнаго усердія. Съ настроенными лицами такъ, чтобы не показать ни особенной радости о смерти Августа, ни печали о вступленіи Тиберія во власть, они расточали и слезы и восторги, и сожалѣнія и ласкательства. Консулы первые присягнули новому цезарю; за ними—преторіанцы, чиновники, сенаторы и народъ (40). Однимъ словомъ, Тиберію нечего было бояться за Римъ: здѣсь его охраняли преторіанцы, Германскіе наемники, малодушіе поколѣнія, пріученнаго къ покорности сорока-пятилѣтнею систематическою узурпаціею Августа; солдаты сопровождали его въ сенатъ и на форумѣ; на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ города бодрствовала вѣрная стража (41). Оставалось только увѣриться въ повиновеніи легіоновъ, — и сюда-то, главнымъ образомъ, устремилась вся ревнивая бдительность Тиберія. Въ особенности, страшна была Рейнская армія. Во главѣ ея стоялъ Германикъ, располагавшій силами восьми легіоновъ, многочисленныхъ полуварварскихъ союзныхъ отрядовъ, боготворимый народомъ и провинціями, окруженный любовью солдатъ. Что могло быть для него легче, какъ, опи-

(39) Tac. Ann. I. 6.
(40) Ibid. I. 7.
(41) Ibid. I. 7. — Suet. in Tib. 24.

раясь на это всеобщее сочувствіе, объявить себя главою имперіи? Самъ Тиберій, будь онъ на его мѣстѣ, непремѣнно сдѣлалъ-бы это. Какъ-же было ему послѣ того предполагать въ Германикѣ столько благородства и великодушія, чтобы добровольно отказаться отъ всѣхъ выгодъ своего положенія и принести ихъ въ жертву человѣку, не имѣвшему никакихъ правъ на его сочувствіе и преданность. Да, Тиберій былъ твердо увѣренъ, что съ этой стороны грозятъ ему неминуемыя опасности. Его первыя распоряженія и мѣры касательно Рейнскихъ легіоновъ несомнѣнно доказываютъ это. Еще не кончены были торжественныя церемоніи великолѣпныхъ похоронъ покойнаго императора, какъ уже Тиберій пишетъ приказъ войскамъ, объявляя имъ о своемъ вступленіи во власть, проситъ въ сенатѣ проконсульства для Германика, назначаетъ особую депутацію для поднесенія ему этого званія вмѣстѣ съ соболѣзнованіями о смерти Августа; прикидывается даже опасно больнымъ, чтобы усилить въ глазахъ племянника вѣроятность близкаго наслѣдства и хотя этимъ удержать его отъ насильственныхъ мѣръ въ случаѣ, еслибы на него не подѣйствовали ласкательства (42).

Между-тѣмъ, какъ-бы въ оправданіе тревожныхъ опасеній правительства, приходятъ вѣсти о возстаніи корпуса, расположеннаго въ Панноніи и Иллиріи. Почти въ то-же самое время и въ Рейнскихъ легіонахъ, чего больше всего боялись въ Римѣ, вспыхнулъ мятежъ. Для Тиберія настала предвидѣнная имъ минута опасности. Все зависѣло теперь отъ того, какъ поведетъ себя Германикъ. Останется-ли онъ вѣрнымъ долгу, обязательность котораго онъ имѣлъ основаніе считать сомнительною; или-же захочетъ воспользоваться удобными обстоятельствами для достиженія верховной власти, на которую давали ему право какъ сочувствіе лучшей части Римскаго общества, такъ и неизвѣстность послѣднихъ намѣреній Августа на счетъ преемства въ имперіи. А тайная вражда Тиберія, рано или поздно, но всегда находившая средства губить отмѣченныя ею жертвы,—вражда, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстная Германику, должна была, повидимому, заставить его подумать о собственной безопасности и уже, по одному чувству самосохраненія, поднять оружіе противъ дяди. Такимъ образомъ, новый цезарь увидѣлъ себя въ положеніи тѣмъ-болѣе опасномъ, что всѣ

(42) Tac. Ann. I. 9. 14. — Suet. in Tib. 25.

вѣроятности успѣха были на сторонѣ его соперника и что самъ онъ, не имѣя другихъ правъ на имперію, кромѣ сомнительнаго завѣщанія отчима, не чувствовалъ подъ собой никакого твердаго, законнаго основанія, и потому не могъ дѣйствовать рѣшительно и открыто. Оставалось одно средство, къ которому прибѣгалъ онъ такъ часто и прежде — униженіе и лицемѣрное самоуничтоженіе предъ другими. Чтобъ имѣть въ государствѣ какую-нибудь законную точку опоры, еще съ первыхъ-же дней своего правленія, Тиберій сталъ заискивать расположеніе сената, который, впрочемъ, ненавидѣлъ въ глубинѣ души, какъ коллегію, въ рукахъ которой находилось, по господствовавшимъ въ то время понятіямъ, представительство верховной власти Римскаго народа. Съ своей стороны, сенатъ тоже не имѣлъ никакихъ поводовъ питать особенную симпатію къ Тиберію; но, по системѣ взаимнаго страха, который обыкновенно лежитъ въ основаніи узурпаціоннаго порядка вещей, императоръ лицемѣрно унижался предъ сенатомъ, сенатъ лицемѣрно раболѣпствовалъ предъ императоромъ. Такъ, первые эдикты Тиберія явились съ именами консуловъ на заголовкѣ, какъ бывало въ прежнія, республиканскія времена. Какъ-бы забывъ о своемъ новомъ достоинствѣ, цезарь предлагалъ въ нихъ различныя распоряженія только на основаніи своей трибунской власти, которую ему даровалъ еще Августъ. Но больше всего выказалъ онъ смиренія и даже униженія предъ сенатомъ, явившись туда въ первый разъ въ санѣ императора. Рѣчь, которую говорилъ онъ здѣсь, запутанная, уклончивая, какъ всѣ его рѣчи, какъ будто нарочно составлена была съ тѣмъ, чтобы скрыть настоящія желанія и мысли оратора. Поняли только, что цезарь просилъ въ ней—освободить его отъ тяжкихъ заботъ правленія, или, по-крайней-мѣрѣ, раздѣлить ихъ между нимъ и другими. Тогда сенаторы, очень-хорошо понимавшіе ненасытное властолюбіе Тиберія, притворяются, что принимаютъ его скромность за чистую монету, какъ-бы не понимая того, что, присвоивъ себѣ власть надъ войсками, финансами и всѣми дѣйствительными силами государства, Тиберій, безъ всякаго уполномоченія, фактически, уже захватилъ въ свои руки верховную власть. Начинаются вопли, мольбы и заклинанія. Призываютъ въ помощь боговъ, воздѣваютъ руки къ статуѣ Августа, обнимаютъ колѣни Тиберія. Тиберій тоже очень хорошо знаетъ, что все это — только комедія, вынужденная страхомъ, и что эти люди, ползающіе теперь у ногъ его, въ душѣ ненавидятъ его,

какъ своего смертельнаго врага; но тоже притворяется вѣрющимъ искренности всѣхъ этихъ изліяній, и послѣ долгихъ отговорокъ, какъ-бы черезъ силу, соглашается наконецъ принять власть, на достиженіе которой посвятилъ, по-крайней-мѣрѣ, двадцать лѣтъ своей жизни (43).

Вотъ каковы были отношенія Тиберія къ сенату, опора и авторитетъ котораго были столь необходимы для него въ критическую минуту возстанія легіоновъ. До-сихъ-поръ покорность сената еще можно было обезпечивать за собой грозою военной силы; но гораздо труднѣе было противопоставить своеволію войска авторитетъ коллегіи, настоящія чувства которой были очень сомнительны.

А между-тѣмъ опасность росла съ каждымъ днемъ. Три легіона, расположенные общимъ лагеремъ въ Панноніи, потребовали прибавки жалованья, сокращенія срока службы, улучшенія участи ветерановъ, смягченія дисциплины. Напрасно начальствовавшій ими Юній Блезъ, человѣкъ, полный самоотверженія и преданности законному порядку, подставлялъ имъ грудь свою, говоря, что уже не въ силахъ спасти честь своей арміи, но надѣется, по-крайней-мѣрѣ, своею смертію ускорить ея раскаяніе,—мятежники потребовали, чтобы онъ отправилъ къ Тиберію собственнаго сына, отъ лица всей арміи, съ предъявленіемъ ея требованій. Но прежде чѣмъ успѣли привести это въ исполненіе, изъ Рима явилась депутація отъ сената, въ сопровожденіи двухъ преторіанскихъ когортъ, и съ ними—Друзъ, сынъ императора, и префектъ Элій Сеянъ. Прибывши въ лагерь, они тотчасъ увѣрили всѣхъ въ милостивыхъ намѣреніяхъ правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что не могутъ рѣшиться ни на какія уступки безъ соизволенія сената и воли Тиберія. «Такъ зачѣмъ-же было приходить сюда, если ты не имѣешь власти помочь намъ, кричали мятежники сыну своего императора. А казнить и наказывать насъ — ты вѣрно имѣешь довольно полномочія? И надо-же было присылать сюда ребенка, который самъ еще нуждается въ опекѣ!» И вслѣдъ за тѣмъ зарѣзанъ былъ одинъ центуріонъ и едва не побитъ каменьями сенаторъ изъ Друзовой свиты. Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончился этотъ первый взрывъ военной фуріи, принесшей въ послѣдствіи столько зла государству, еслибъ совершенно случайное обстоятельство не

(43) Tac. Ann. I. IV. 12.—Suet in Tib. 24.—D. Cass. LVII. 2.

измѣнило внѣзапно настроенія умовъ. На небѣ показалось лунное затмѣніе. Суевѣрные солдаты, считая этотъ естественный феноменъ несомнѣннымъ признакомъ гнѣва боговъ, обнаружили раскаяніе и, въ своемъ усердіи загладить прошедшее, простерли его такъ далеко, что сами выдали и изрубили главныхъ зачинщиковъ мятежа (44).

Не такъ легко было управиться съ возстаніемъ Рейнскихъ легіоновъ. Здѣсь, кромѣ корыстныхъ побужденій, двигавшихъ Паннонскимъ мятежемъ, инсургентовъ одушевляла еще надежда, что Германикъ будетъ на ихъ сторонѣ, и тѣмъ усиливала ихъ смѣлость. Волненіе обнаружилось прежде всего въ четырехъ легіонахъ, стоявшихъ лагеремъ на Нижнемъ-Рейнѣ, подъ ближайшимъ начальствомъ легата Цецины. Первыми жертвами насилія сдѣлались центуріоны, всегда ненавидимые солдатами. Нѣкоторые изъ военныхъ трибуновъ и префектовъ подверглись той-же участи и были растерзаны разсвирѣпѣвшими легіонерами. Избраны новые начальники, отправлены эмиссары въ лагерь Верхняго-Рейна и къ войскамъ, стоявшимъ въ Панноніи. Опасность казалась тѣмъ-болѣе грозною, что возставшіе дѣйствовали съ рѣдкимъ единодушіемъ и дружно кричали, что имъ однимъ принадлежитъ право давать имперіи повелителей (45).

Германика въ то время не было при войскѣ. Онъ былъ занятъ въ Галліи распредѣленіемъ трибута и приводилъ къ присягѣ Тиберію Секвановъ и Бельговъ. Узнавъ о случившемся, онъ поспѣшно является въ лагерѣ. Кое-какъ возстановивъ тишину, онъ собираетъ солдатъ въ строевой порядокъ и съ военнаго трибунала говоритъ имъ рѣчь. Напоминаетъ имъ о подвигахъ Тиберія въ этой самой Германіи и съ этими самыми легіонами, указываетъ на общую покорность имперіи, осыпаетъ строгими упреками нарушителей военной дисциплины, дерзнувшихъ поднять руку на своихъ начальниковъ. Войска не ожидали такого безкорыстія отъ своего вождя и были имъ озадачены. Съ глухимъ, сдержаннымъ ропотомъ слушали они нежданныя для нихъ рѣчи и, мало-по-малу, переходя отъ колебаній къ рѣшимости, отъ рѣшимости—къ дерзости и насилію, подняли такой ужасный вопль, что Германикъ долженъ былъ замолчать. Тогда одни показываютъ ему свои раны, сѣдины, исху-

(44) Tac. Ann. I. 26—30.
(45) Ibid. I. 31.

давшіе, согбенные члены и синіе рубцы по тѣлу — слѣды палочныхъ ударовъ; другіе жалуются на скудость содержанія, на тяжкое бремя невознагражденныхъ трудовъ, на безчеловѣчное обращеніе офицеровъ. Наконецъ, смѣльчаки кричатъ ему, что они не хотятъ имѣть Тиберія императоромъ, какъ не ими возведеннаго въ этотъ санъ (non a se datum) и предлагаютъ свою помощь Германику, еслибы онъ захотѣлъ овладѣть верховною властію. Услышавъ эти слова, эти наглыя приглашенія, Германикъ выхватываетъ мечъ и бросается съ трибунала, какъ-бы спасаясь отъ грозящаго ему преступленія. Его удерживаютъ, грозятъ смертію, если онъ не займетъ своего мѣста. Только съ трудомъ и силою могли удержать его отъ самоубійства.

Люди разсудительные и спокойно-мыслящіе, конечно, оцѣнилибы въ этомъ поступкѣ Германика подвигъ высокаго самоотверженія, но волнуемой грубыми страстями толпѣ онъ показался малодушіемъ. «Такъ убей же себя!»—кричали ему изступленные голоса, и одинъ изъ безумцевъ подалъ ему даже мечъ свой, прибавивъ съ возмутительнымъ, грубымъ цинизмомъ: «вотъ этотъ будетъ острѣе!» Наглость эта, поразившая даже самихъ возмутившихся, спасла Германика отъ погибели. Воспользовавшись минутнымъ смущеніемъ толпы, озадаченной этой неожиданной выходкой, друзья увели его въ палатку (46).

Положеніе Германика было трудное. Уступить требованіямъ солдатъ — значило выказать свое безсиліе и тѣмъ поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ насиліямъ; съ другой стороны, твердость и крутыя мѣры могли ожесточить буйныхъ легіонеровъ и повлечь за собой гражданскую войну. Въ этой крайности важнѣе всего было—выиграть время; и потому рѣшили показать войскамъ подложное письмо, въ которомъ императоръ, будто-бы уступая ихъ желаніямъ, сокращаетъ для нихъ срокъ службы, облегчаетъ участь ветерановъ и, сверхъ того, удвоиваетъ сумму, которую слѣдовало роздать имъ, по завѣщанію Августа. Но и эта хитрость не удалась. Подозрѣвая обманъ, мятежники успокоились не прежде, какъ вынудивъ немедленное выполненіе всѣхъ этихъ обѣщаній и получивъ деньги, которыя Германикъ долженъ былъ выплатить имъ изъ собственныхъ суммъ. Тогда только легіоны согласились идти на отведенныя имъ зимнія квартиры (46).

(46) Tac. Ann. I. 34. 35.—Suet. in Tib. 25.
(47) Tac. ibid. I. 36. 37.

Но и тутъ броженіе встревоженныхъ умовъ нашло новый поводъ ко взрыву. Явилась депутація отъ сената. Полагая, что она явилась съ цѣлію — уничтожить исторгнутыя ими права, солдаты снова возмутились. Ночью нападаютъ они на домъ своего главнокомандующаго, ломаютъ двери, стаскиваютъ Германика съ постели и, грозя ему смертію, требуютъ выдачи знаменъ и орловъ, которые хранились въ его квартирѣ. Мунацій Планкъ, консуляръ, прибывшій во главѣ депутаціи, подозрѣваемый въ особенномъ недоброжелательствѣ къ легіонамъ, и бывшіе съ нимъ сенаторы подвергаются безчисленнымъ оскорбленіямъ и опасностямъ. На другой уже день удалось Германику возстановить въ городѣ порядокъ и успокоить солдатъ увѣреніемъ, что цѣль прибытія Планка и его товарищей состоитъ въ подтвержденіи льготъ, однажды уже дарованныхъ легіонамъ (48).

Хотя, такимъ-образомъ, спокойствіе было возстановлено и депутацію можно было отправить въ Римъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ союзныхъ отрядовъ; но, послѣ всего случившагося, кто могъ поручиться, что таящаяся въ умахъ крамола и однажды уже сорвавшійся буйный духъ мятежа не найдутъ для себя снова удобнаго выхода. Поэтому всѣ благомыслящіе люди совѣтовали Германику удалиться въ Верхне-Рейнскій лагерь подъ защиту тамошнихъ легіоновъ, или-же, по-крайней-мѣрѣ, отправить туда свое семейство, и тѣмъ спасти его отъ случайностей какого-нибудь новаго волнененія. Благоразуміе послѣдняго совѣта было очевидно. Самъ Германикъ, разумѣется, ни за что не рѣшился-бы оставить свой постъ въ минуту опасности; но семейныя чувства налагали на него долгъ подумать о безопасности беременной жены и малолѣтнаго сына, къ которымъ питалъ онъ рѣдкую въ то время привязанность. Вообще, въ отношеніи семейныхъ обязанностей, какъ мужъ и отецъ, Германикъ представлялъ собою поучительный въ тѣ времена примѣръ. Женатъ онъ былъ на Агриппинѣ, дочери Агриппы и Юліи, и слѣдовательно внукѣ Августа,—женщинѣ, правда властолюбиваго и вспыльчиваго нрава, но за то украшенной коренными добродѣтелями истинной Римлянки. Ея нѣжная любовь къ мужу и дѣтямъ, ея величавое и строгое достоинство, счастливое плодородіе, которымъ столько гордилась она предъ другими женщинами, безукоризненная чистота ея нрава, окружали особу ея тѣмъ величіемъ,

(48) Tac. Ann. I. 39.

въ какомъ являются въ исторіи типы древне-Римскихъ матронъ. Подобно мужу своему, она стояла среди современнаго ей общества какимъ-то почтеннымъ анахронизмомъ, Римлянкой доброты старыхъ временъ. Не даромъ называли ее уцѣлѣвшимъ образчикомъ древности, unicum antiquitatis specimen (49). Такимъ-образомъ, два эти характера — Германикъ и Агриппина, составляя во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную и гармоническую чету, въ самомъ сходствѣ направленія всегда находили новую пищу для взаимной привязанности и постоянный источникъ такого семейнаго счастія, какимъ въ то время могли похвалиться немногіе.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ Агриппина явила себя достойною своей репутаціи и своего супруга. Узнавъ о предполагаемомъ отправленіи ея въ Триръ, подъ защиту тамошнихъ провинціаловъ, она съ твердостію объявила, что никакая опасность не въ-состояніи удивить внуку Августа. Только послѣ долгихъ сопротивленій, она уступила настойчивымъ убѣжденіямъ мужа и мольбамъ своихъ приближенныхъ. Наступила трогательная сцена разлуки. Супруга главнокомандующаго, окруженная толпою рыдающихъ женщинъ, безъ свиты, безъ почетной стражи, съ младенцемъ Калигулой на рукахъ, прощалась съ мужемъ, съ которымъ, можетъ быть, разставалась на-вѣки, и изъ Римскаго лагеря шла искать защиты у чужеземцевъ. Зрѣлище это потрясаетъ загрубѣлыя чувства солдатъ. Женскіе вопли и слезы, колебавшіе нѣкогда желѣзную волю Коріолановъ, вызываютъ вдругъ благодѣтельный кризисъ. Стыдъ, состраданіе, раскаяніе, личныя качества Агриппины, воспоминаніе ея славныхъ предковъ, наконецъ зависть къ Трирянамъ—все въ эту минуту поражаетъ мятежные умы легіонеровъ. Они бросаются къ Германику, умоляютъ его оставить жену, не отдавать предпочтенія чужимъ, пощадить ихъ честь (50).

Германикъ постигъ важность этого мгновенія и съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ имъ воспользоваться. «Да, говорилъ онъ голосомъ, полнымъ негодованія и печали, я спасаю отъ вашей ярости жену и сына не потому, чтобы они были для меня дороже государства и его верховнаго представителя, — для вашей славы я-бы охотно ими пожертвовалъ, — но чтобы избавить васъ отъ позора новыхъ покушеній на правнука Августова, на племянницу Тиберія;

(49) Tac. Ann. 1. 62.
(50) Ibid. I. 40. 41.

пусть одна моя кровь искупитъ ваши преступленія. И то уже, на что не отваживались вы въ послѣднее время? Чѣмъ, какимъ именемъ назвать скопище, меня окружающее? Неужели воинами—васъ, осаждающихъ сына вашего императора въ его собственной ставкѣ? Неужели гражданами — васъ, такъ легкомысленно играющихъ авторитетомъ сената? Враги даже уважаютъ званіе и священныя права пословъ; вы не задумались посягнуть и на нихъ. Юлій Цезарь усмирилъ волненіе возмутившихся солдатъ, назвавши ихъ только—Quirites; Августъ однимъ взглядомъ привелъ въ трепетъ легіоны Акціумскихъ побѣдителей; — а мнѣ, потомку этихъ героевъ, суждено сдѣлаться посмѣшищемъ Испанской и Сирійской армій, которыя съ негодованіемъ и изумленіемъ услышатъ о вашихъ поступкахъ. Другія провинціи, другія войска могутъ порадовать моего отца добросовѣстнымъ исполненіемъ долга; одни вы играете его властію и никакія уступки не могутъ насытить вашей жадности. Съ какимъ прискорбіемъ услышитъ онъ обо всѣхъ вашихъ безчинствахъ—о пролитой крови вашихъ начальниковъ, о поруганіи представителей сената, обо мнѣ, осажденномъ солдатами, превратившимися въ моихъ враговъ! О, зачѣмъ было удерживать мою руку, уже занесенную на самоубійство! Я погибъ-бы, не бывши по-крайней-мѣрѣ свидѣтелемъ безславія и позора моей арміи. Вы избрали-бы другаго вождя, который повелъ-бы васъ на враговъ, неся имъ месть за гибель Варовыхъ легіоновъ! Духъ великаго Августа, тѣнь отца моего Друза,—вы, незримо намъ соприсутствующіе съ небесъ! сойдите къ вашимъ нѣкогда легіонамъ и устремите ихъ ярость на враговъ!» (51).

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было полное. Ея благородный, полный высокаго негодованія тонъ, справедливость упрековъ, искренность, которая звучала въ каждомъ ея слові, обаятельно подѣйствовали на толпу. «Казни виновныхъ,—кричали проникнутые глубокимъ раскаяніемъ легіонеры, — пощади слабыхъ, возврати намъ твое семейство, веди насъ въ бой!»

Подъ вліяніемъ этого настроенія начался судъ надъ виновниками и упорнѣйшими поджигателями мятежа,—судъ простой и быстрый, какъ того требовало значеніе и важность минуты. Легіоны съ обнаженными мечами окружали военный трибуналъ. Поочередно всходили на него обвиняемые, — и тутъ трибунъ показывалъ ихъ

(51) Tac. Ann. I. 42. 43.

солдатамъ. Кто былъ объявленъ ими виновнымъ, того повергали внизъ и тамъ подхватывали на мечи. Послѣ этого кроваваго очищенія, такимъ-же порядкомъ произведена была публичная повѣрка офицеровъ. Каждый центуріонъ долженъ былъ громко объявить о лѣтахъ своей службы, о своихъ заслугахъ, о полученныхъ за нихъ наградахъ. Если трибуны и солдаты находили его достойнымъ, за нимъ оставляли должность; въ противномъ случаѣ, тотчасъ-же избирали на его мѣсто другаго.

Такъ возстановлены были съ нѣкотораго времени забытые въ арміи порядокъ и дисциплина: ибо вскорѣ послѣ того приведены были также въ покорность и два легіона, стоявшіе на зимнихъ квартирахъ въ Castra vetera (52), подъ ближайшимъ начальствомъ Цецины. И здѣсь также мятежники, устрашенные грозными приготовленіями Германика, уже собиравшагося укротить ихъ силою, выдали и умертвили зачинщиковъ,—такъ-что къ прибытію въ эти мѣста Германика, на пространствѣ Рейнской военной линіи, спокойствіе уже господствовало повсюду (53).

Тогда безпокойный духъ, двигавшій возстаніемъ, сталъ искать для себя другой, болѣе славной дѣятельности. Солдаты, обагрившіе руки въ крови товарищей, всѣ горѣли желаніемъ—смыть свой позоръ, успокоить тѣни убитыхъ честною войною съ врагомъ и скорѣе покинуть эти ужасныя мѣста, ненавистныя по совершеннымъ здѣсь преступленіямъ. Поэтому рѣшенъ былъ походъ. На Рейнѣ построенъ мостъ (54), и Германикъ съ 12,000 легіонеровъ, 26-ю когортами союзниковъ и 8-ю полками кавалеріи — перешелъ рѣку. Трауръ по Августѣ и смуты, возникшія въ Римской арміи, до того усыпили бдительность варваровъ, что они предались совершенной безпечности. Получивъ объ этомъ извѣстіе и пользуясь одушевленіемъ войска, Германикъ ускоряетъ маршъ черезъ непроходимый Цезійскій лѣсъ, нападаетъ въ-расплохъ на землю Марсовъ (55) и опустошаетъ 50 Римскихъ миль (56) пространства. На возвратномъ пути Бруктеры, Тубанты и Узипеты попытались было загородить ему дорогу; но Германикъ поражаетъ ихъ на-голову и возвращается на зимнія квартиры (57).

(52) Нынѣшній Ксантенъ.
(53) Tac. Ann. I. 44—49. — Zon. XI. I. — Dio Cass. LVII. 5.
(54) Между Везелемъ и Рессомъ.
(55) Нынѣшняя Оснабрюкская область.
(56) 50,000 шаговъ.
(57) Tac. Ann. 48—51. — Dio Cass. LVII. 3—6.

Въ описаніи всѣхъ этихъ событій мы держались почти исключительно Тацита, передавшаго факты со всѣми живописующими ихъ подробностями. Но не одинъ Тацитъ, всѣ другіе, приведенные нами выше писатели, единогласно свидѣтельствуютъ о высокомъ безкорыстіи и самоотверженіи, съ какими Германикъ дѣйствовалъ въ пользу интересовъ Тиберія, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ и величайшихъ опасностей; а Діонъ даже положительно утверждаетъ, что въ рукахъ его была полная возможность достигнуть верховной власти, что Римъ, провинціи и войска очень охотно-бы ее признали, но что онъ самъ великодушно отъ нея отказался (58). Мало того: если сообразить все поведеніе Германика, вникнуть во всѣ его поступки и рѣчи, то мы не замѣтимъ въ нихъ даже ни милѣйшаго колебанія, или нерѣшительности. Подумаешь, что ему и въ голову не приходила возможность поспорить съ Тиберіемъ за власть, на которую уполномочивали его столько уважительныхъ оснований. Трудно, разумѣется, представить, чтобы имъ руководило въ этомъ случаѣ личное доброжелательство, тѣмъ-болѣе—преданность къ Тиберію. Мы знаемъ уже, что на подобныя чувства со стороны племянника Тиберій не имѣлъ ни правъ, ни притязаній. Еще менѣе допустить можно, что онъ потерялся и отступилъ малодушно предъ всѣми опасностями рискованнаго предпріятія. Скорѣе должно думать, что Германикъ дѣйствовалъ такъ по внушенію гражданскаго долга и безкорыстнаго патріотизма. Его чистая душа, безъ сомнѣнія, содрогалась при мысли, что его покушеніе на императорскій санъ будетъ не только сигналомъ къ неизбѣжной гражданской войнѣ, но даже въ будущемъ можетъ отозваться для государства несчастнымъ образомъ, ниспровергнувъ порядокъ наслѣдства въ имперіи по праву усыновленія, установленный Августомъ для блага и спокойствія общества. По-крайней-мѣрѣ, такъ заставляетъ насъ думать его всегдашнее строгое уваженіе ко всему, что считалъ онъ законнымъ и справедливымъ.

Побѣды и завоеванія покрыли вскорѣ особу Германика обаятельнымъ блескомъ военной славы, поставивъ его имя на ряду съ именами величайшихъ полководцевъ Римской исторіи. Но, по нашему мнѣнію, гораздо чище и лучезарнѣе тотъ вѣнецъ нравственнаго величія, которымъ украсило его благородное самоотверженіе

(58) H. R. LVII. 5. 6. — Suet. in Cal. I. — Zon. XI. I.

въ эпоху возстанія легіоновъ: ибо кто умѣлъ устоять противу всѣхъ обольщеній близкой, почти несомнѣнной власти и выйти побѣдоносно изъ коварныхъ, заманчивыхъ сѣтей собственнаго эгоизма, тому уже не трудно явиться мужемъ въ виду какой-бы ни было внѣшней опасности.

Такимъ-образомъ, Рейнскія событія конца 14-го года были послѣднимъ горниломъ, въ которомъ закалился благородный характеръ Германика, послѣднимъ, завершительнымъ актомъ того нравственнаго воспитанія, какое дала ему жизнь. Послѣ такихъ испытаній ему уже можно было смѣло выходить на широкое и скользкое поле жизненной дѣятельности.

(*Окончаніе впредь*).

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Православное ученіе о способѣ толкованія священнаго писанія. Соч. профессора *П. Савваитова.* С. Пб. 1857. I—VIII, 168 стр. (8).

Въ послѣднее десятилѣтіе духовная литература начала обогащаться многими произведеніями, не только полезными для чтенія, но и необходимыми для воспитателей и воспитанниковъ высшихъ и среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Въ числѣ ихъ упомянемъ: 1) «Введеніе въ православное богословіе» и «Православно-догматическое богословіе», преосвященнаго *Макарія*, — трудъ, отличающійся Европейскою ученостію; 2) «Догматическое богословіе», архимандрита *Антонія*, принятое учебникомъ въ духовныхъ семинаріяхъ; 3) «Православное нравственное богословіе», архимандрита *Платона;* 4) «Пастырское богословіе» архимандрита *Кирилла;* 5) «Исторію Русской церкви», преосвященнаго *Филарета*, 6) «Истинно-древнюю и истинно-православную Христову церковь», высокопр. митрополита *Григорія.* Къ числу подобныхъ книгъ принадлежитъ и священная герменевтика г. Савваитова, названная «Православнымъ ученіемъ о способѣ толкованія священнаго писанія». Наименованіе сіе дано наукѣ, вѣроятно, потому, чтобы самымъ названіемъ показать предметъ ея, состоящій въ изложеніи правилъ, какъ узнавать и изъяснять подлинный смыслъ Писанія. Впрочемъ, наука сія не новая: она извѣстна была древнимъ отцамъ и учителямъ церкви, въ особенности раскрыта была блаженнымъ Августиномъ въ его четырехъ книгахъ *Христіанской науки.* На западѣ, со временъ реформаціи, являлось немало системъ герменевтики подъ вліяніемъ вѣроисповѣданія Римскокатолическаго или люте-

ранскаго. У насъ, на Русскомъ языкѣ, первая сокращенная герменевтика вышла въ 1809 году подъ именемъ «*Драхмы* отъ сокровища божественныхъ писаній ветхаго и новаго завѣта», преосвященнаго Курскаго *Θеоктиста*; потомъ на Латинскомъ языкѣ въ 1814 году, подъ названіемъ: «Compendium Hermeneuticae sacrae», а въ 1832 году, подъ названіемъ: «Delineatio Hermeneuticae sacrae». Затѣмъ въ 1848 году напечатаны на Русскомъ языкѣ правила герменевтики преосвященнаго *Игнатія*, подъ названіемъ: «Примѣчанія къ чтенію и толкованію св. писаній, по указанію самаго писанія и толкованій святоотеческихъ». При скудости Русскихъ пособій по части герменевтики, появленію въ свѣтъ такой книги, какова герменевтика г. Савваитова, должны радоваться особенно тѣ, коимъ нужно учить или учиться этой наукѣ, занимающей важное мѣсто въ системѣ христіанскаго богословія. Но и безъ этой нужды, книга г. Савваитова имѣетъ полное право на уваженіе читающей публики, какъ книга, составленная ясно, полно и обстоятельно, и притомъ изданная со всѣми принадлежностями хорошаго учебника.

Вся система герменевтики, по требованію ея предмета, раздѣлена г. Савваитовымъ на три части, изъ коихъ *въ первой* говорится о смыслѣ св. писанія и главномъ руководительномъ началѣ толкованія, *во второй* — о средствахъ и пособіяхъ, необходимыхъ для уразумѣнія онаго смысла, а *въ третьей* — о способѣ изъясненія его другимъ.

Первая часть герменевтики состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Не говоря о первомъ, въ коемъ обстоятельно изложены виды смысла буквальнаго и таинственнаго, скажемъ о второмъ отдѣленіи, которое является замѣчательнымъ въ системѣ герменевтики, для отличія ея отъ всѣхъ другихъ герменевтикъ, составленныхъ внѣ православной церкви. Это-то отдѣленіе разсуждаетъ о главномъ руководительномъ началѣ толкованія св. писанія. «При чтеніи и изъясненіи св. писанія, говоритъ авторъ (стр. 39—45), должно всегда имѣть въ виду, что въ немъ, какъ произведеніи Духа Божія, все есть совершенная истина и нѣтъ ничего ложнаго или ошибочнаго. Но поелику заблужденіе сколько чуждо Виновнику писанія—Духу Божію, столько-же свойственно уму человѣческому, который нерѣдко износитъ оное изъ самаго источника истины, подобно тому, какъ нечистый сосудъ и свѣтлую воду, имъ почерпаемую, дѣлаетъ мутною: то, чтобы при чтеніи и изъясненіи св. писанія не имѣть въ

превратное разумѣніе онаго, толкователь долженъ имѣть *главное руководительное начало*, по которому можно-бы судить о вѣрности разумѣнія и изъясненія всѣхъ мѣстъ писанія». «Мы вѣруемъ, что божественное и священное писаніе дано намъ отъ Бога: посему мы должны вѣрить ему безпрекословно, и притомъ не какъ-нибудь по-своему, но именно такъ, какъ изъяснила и предала оное каѳолическая церковь. Ибо и суемудріе еретиковъ принимаетъ божественное писаніе, только превратно изъясняетъ оное, пользуясь иносказательными и подобнозначущими выраженіями и ухищреніями человѣческой мудрости, сливая то, чего нельзя сливать, и играя младенчески такими предметами, кои не подлежатъ шуткамъ. Иначе, еслибы всякій ежедневно сталъ изъяснять писаніе по-своему: то каѳолическая церковь не пребыла-бы донынѣ единомысленною въ вѣрѣ, всегда одинаковой и непоколебимой, но раздѣлилась-бы на безчисленныя части, подверглась-бы ересямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перестала-бы быть церковію святою, столпомъ и утвержденіемъ истины, а сдѣлалась-бы церковію лукавнующихъ, то есть, какъ должно полагать безъ сомнѣнія, церковію еретиковъ, кои не стыдятся учиться отъ церкви, а послѣ беззаконно отвергать ее. Посему свидѣтельство каѳолической церкви не меньшую имѣетъ силу, какъ божественное писаніе. Поелику виновникъ того и другаго есть одинъ и тотъ-же святый Духъ: то все равно — отъ писанія-ли научаться или отъ вселенской церкви. Человѣку, который говоритъ самъ отъ себя, можно погрѣшать, обманывать и обманываться; но вселенская церковь, такъ какъ она никогда не говорила и не говоритъ отъ себя, но отъ Духа Божія (Котораго она непрестанно имѣетъ и будетъ имѣть своимъ учителемъ до вѣка), никакъ не можетъ погрѣшать, ни обманывать, ни обманываться; но, подобно божественному писанію, непогрѣшительна и имѣетъ всегдашнюю важность» (*). Посему главнымъ руководительнымъ началомъ и, такъ сказать, пробнымъ камнемъ разумѣнія и изъясненія св. писанія необходимо должно быть слѣдующее неизмѣнное и вполнѣ благонадежное правило: священное писаніе должно понимать и изъяснять согласно съ ученіемъ православно-каѳолической церкви, которая, какъ богопоставленная хранительница и истолковательница божественнаго откровенія, есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15).

(*) Посланіе восточн. патр. о православной вѣрѣ, чл. 2.

Принявъ это ученіе отъ самого Господа чрезъ святыхъ апостоловъ и преемниковъ ихъ — пастырей и учителей, православно-каѳолическая церковь съ-тѣхъ-поръ сохраняетъ оное, какъ *священное и божественное преданіе.* Отсюда слѣдуетъ, что предложенное начало тожественно съ слѣдующимъ: священное писаніе должно понимать и изъяснять согласно съ священнымъ преданіемъ. Святая церковь всегда смотрѣла и смотритъ на священное преданіе, какъ на необходимое руководство къ правильному разумѣнію и изъясненію писанія, что можно видѣть изъ свидѣтельства отцевъ ея. Такъ св. Ириней рѣшительно отвергаетъ, чтобы «незнающіе преданія могли найти истину изъ писанія». Климентъ Александрійскій говоритъ, что «тѣ, кои толкуютъ писаніе вопреки церковному преданію, потеряли правило истины». По свидѣтельству Руфина, Василій Великій и Григорій Богословъ, при изъясненіи божественнаго писанія, руководствовались не собственными соображеніями, но преданіями предковъ. Св. Кипріанъ утверждаетъ, что «если мы обратимся къ источнику божественнаго преданія, то прекратится заблужденіе человѣческое». Посему-то отцы шестаго вселенскаго собора постановили: «Предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отцевъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнья въ семъ, не уклониться отъ подобающаго».

Источники, въ которыхъ течетъ изъ рода въ родъ священное преданіе и изъ которыхъ должно почерпать истинное ученіе православно-каѳолической церкви, необходимое для уразумѣнія и изъясненія смысла св. писанія, суть: 1) Никео-Константинопольскій символъ вѣры, 2) вѣроопредѣленія соборовъ, 3) дѣйствованіе или практика церкви и 4) творенія святыхъ отцевъ и учителей церкви».

Вторая часть герменевтики состоитъ также изъ двухъ отдѣленій: первое отдѣленіе говоритъ о средствахъ къ уразумѣнію смысла св. писанія, а второе—о пособіяхъ къ уразумѣнію онаго. Въ первомъ отдѣленіи предложены средства, каковы: словоупотребле-

ніе, составъ рѣчи, намѣреніе или цѣль говорящаго, историческія обстоятельства и параллелизмъ. Во-второмъ раскрыты пособія или вспомогательныя герменевтикѣ науки: грамматика, риторика, логика, естествознаніе, исторія, географія, хронологія и генеалогія, также переводы и толкованія св. писанія и сочиненія Іудейскихъ писателей. Изъ числа этихъ пособій укажемъ на переводы св. писанія, какъ на предметъ, относящійся къ исторіи судьбы самаго писанія. Авторъ, сказавъ о пользѣ различныхъ переводовъ св. писанія, перечисляетъ болѣе замѣчательные изъ нихъ (стр. 133—130). Таковы напр. «переводы *Халдейскіе*, извѣстные подъ именемъ *Таргумимъ*. 1) Халдейскій таргумъ пятокнижія Моисеево принадлежитъ *Онкелосу*, который принялся за этотъ трудъ по совѣту раввиновъ Еліезера и Іошуа, учениковъ раввина Іоханана. Этотъ таргумъ считается однимъ изъ превосходнѣйшихъ какъ по буквальной вѣрности съ подлинникомъ, кромѣ немногихъ исключеній, такъ и по чистотѣ языка. 2) *Р. Іонаоанъ бенъ Уріелъ* перевелъ книги Іисуса Навина, Судей, Царствъ, Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и двѣнадцати меньшихъ пророковъ. Его переводъ также отличается вѣрностію и чистотою языка; но въ настоящее время уже во многихъ мѣстахъ въ него включены выраженія несвойственныя Халдейскому языку, новыя названія мѣстъ вмѣсто древнихъ и даже нѣкоторые вымыслы (какъ Суд. 5, 8. Исаіи 32. 10 и др.). 3) Таргумъ книгъ Іова, Псалтири и Притчей приписываютъ рав. *Іосифу слѣпому* (III в.); но замѣчаемыя въ немъ противорѣчія и другіе недостатки показываютъ, что онъ, по-крайней-мѣрѣ въ настоящемъ видѣ, есть произведеніе различныхъ переводчиковъ. 4) Таргумъ пяти Мегиллоѳъ, т. е. книгъ: Руѳь, Эсѳирь, Пѣснь Пѣсней, Плачь Іереміи и Экклезіаста и 5) книгъ Паралипоменонъ. 6) Есть еще такъ-называемый *Іерусалимскій таргумъ* пятокнижія Моисеева: это — сборъ различныхъ парафразовъ и замѣчаній, сдѣланныхъ въ разныя времена и разными лицами.

Самарянскій переводъ пятокнижія Моисеева, который должно отличать отъ Еврейскаго пятокнижія, написаннаго только Самарянскими буквами. Въ этомъ переводѣ замѣчаютъ значительныя отступленія отъ подлинника и даже погрѣшности, съ намѣреніемъ внесенныя Самарянами; такъ напр. (Исх. 27, 4) вмѣсто *Гевалъ*, здѣсь читается *Гаразинъ* и т. п. Когда и кѣмъ именно сдѣланъ этотъ переводъ — неизвѣстно.

Сирскіе переводы *Ветхаго Завѣта*: одинъ съ Еврейскаго под-

линника, другой съ Греческаго перевода LXX толковниковъ; первый отличается древностію, простотою и близостію къ подлиннику, отъ чего извѣстенъ подъ именемъ *Пешито*; послѣдній — разнообразными украшеніями рѣчи. Поэтому первый болѣе уважается и донынѣ въ преимущественномъ употребленіи у христіанъ. Сирскій переводъ Пешито *Новаго Завѣта* съ Греческаго подлинника восходитъ, по-крайней-мѣрѣ, къ послѣдней половинѣ втораго вѣка. Есть и другой переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 508 году Поликарпомъ и посвященный Сирскому епископу Филоксену, отъ чего и называется *Филоксеновымъ*.

Между *Греческими* переводами св. писанія первое мѣсто занимаетъ *переводъ* LXX *толковниковъ*,—одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ лучшихъ переводовъ, какіе только дошли до насъ. Онъ сдѣланъ, по желанію Птоломея Филадельфа, мужами, избранными для сего первосвященникомъ Елеазаромъ. Достоинство его утвердили своимъ употребленіемъ Іисусъ Христосъ и апостолы: они большею частію по нему приводили ветхозавѣтныя свидѣтельства. Кромѣ этого перевода, по отрывкамъ, находящимся въ Оригеновыхъ эксаплахъ и тетраплахъ, извѣстны переводы: а) *Акилы* (90—130 г.), отличающійся буквальною вѣрностію; б) *Симмаха* (II в.), который при чистотѣ языка невсегда точно передаетъ мысли писателей, и в) *Өеодотіона* (полов. II в.), занимающій среднее мѣсто между переводами Акилы и Симмаха.

Изъ множества *Латинскихъ* переводовъ особенно уважался *древній Италійскій*, потому-что онъ яснѣе и точнѣе прочихъ. Этотъ переводъ сдѣланъ съ перевода LXX и до временъ Григорія Великаго былъ въ общемъ употребленіи въ западной церкви. Блаженный *Іеронимъ* повѣрилъ и исправилъ его по Еврейскому подлиннику. Изъ переводовъ Италійскаго и Іеронимова составился третій переводъ, извѣстный подъ именемъ *Вульгаты*, который съ VII вѣка вошелъ во всеобщее употребленіе на западѣ.

Славянскій переводъ книгъ св. писанія явился во второй половинѣ IX вѣка и есть безсмертный плодъ апостольскихъ трудовъ Кирилла и Меөодія. Приглашенные Моравскими князьями — Ростиславомъ, Святополкомъ и Коцеломъ для просвѣщенія народа ихъ чистымъ ученіемъ христіанской вѣры, сіи святые братья, по прибытіи въ Моравію, чрезъ четыре съ половиною года перевели съ Греческаго языка на Славянскій Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и нѣсколько чтеній изъ Ветхаго Завѣта; а по смерти Кирил-

ла, Меѳодій перевелъ и все св. писаніе. По мѣрѣ успѣховъ христіанства въ Россіи, стали распространяться въ ней и списки этого перевода. Но различные какъ по времени и происхожденію, такъ и по степени образованія, переписчики священныхъ книгъ оставляли въ своихъ спискахъ, кромѣ обыкновенныхъ ошибокъ, и признаки своего времени и нарѣчія, своего просвѣщенія или невѣжества. Отсюда-то произошли въ Славянскихъ рукописяхъ св. писанія не только разнорѣчія, но даже погрѣшности, число которыхъ умножали еще различные поправщики. По этимъ причинамъ издавна признаваема была необходимость исправленія Славянскихъ списковъ св. писанія не только сличеніемъ ихъ между собою, но и повѣркою прежнихъ переводовъ по подлинному тексту. Первый примѣръ такого благоговѣйнаго вниманія къ слову Божію подалъ св. Алексій, митрополитъ Московскій. Евангеліе, писанное собственною рукою его въ 1355 году, заключаетъ въ себѣ не только исправленіе ошибокъ, сдѣланныхъ Славянскими писцами, но представляетъ новый переводъ съ Греческаго, отличающійся буквальною близостію къ подлиннику. Митрополитъ Кипріанъ, около 1400 года, составилъ вновь переводъ Псалтири, въ которомъ слова и выраженія прежняго перевода, казавшіяся неясными, замѣнилъ другими; но отъ множества Сербскихъ словъ и оборотовъ переводъ его оказался для Русскихъ еще непонятнѣе прежняго. По волѣ святителя Филиппа, правившаго Русскою митрополіею съ 1465 по 1472 годъ, новокрещенный Еврей Ѳеодоръ перевелъ Псалтирь и книгу Эсѳирь съ Еврейскаго подлинника, а знаменитый Максимъ Грекъ въ 1554 году перевелъ Псалтирь буквально съ Греческаго на Русскій языкъ. Въ то-же время Острожскій князь Константинъ Константиновичъ, желая «благочестію нѣкое дарованіе духовное оставити», предпринялъ трудъ издать въ печати исправленный переводъ всей Славянской библіи. Это предпріятіе въ самомъ началѣ встрѣтило весьма важныя препятствія; но благочестивая ревность князя Острожскаго преодолѣла ихъ: Острожское изданіе библіи явилось въ 1581 году. Не смотря на многіе недостатки этого изданія, имъ пользовались болѣе 80 лѣтъ. Въ 1663 году, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, Острожское изданіе было повторено въ Москвѣ, съ перемѣною орѳографіи и съ поправкою нѣсколькихъ мѣстъ. Впрочемъ, и сами издатели сознавали какъ недостатки этого изданія, такъ и нужду полнаго исправленія Славянской библіи. Посему-то въ сентябрѣ 1674 года

поручено «многоученому и искуснѣйшему въ Еллиногреческомъ и Славенскомъ діалектахъ» Епифанію Славинецкому съ шестью помощниками перевести вновь всю библію, подъ главнымъ наблюденіемъ Сарскаго митрополита Павла. Но едва конченъ былъ переводъ Новаго Завѣта, какъ смерть митрополита Павла, а въ слѣдъ за нимъ и Епифанія, положили конецъ этому дѣлу. По повелѣнію Императора Петра I, отъ 14 ноября 1712 года, Заиконоспасскій архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, іеромонахъ Софроній Лихудъ и типографскіе справщики Ѳеодоръ Поликарповъ и монахъ Ѳеологъ, подъ надзоромъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, приступили къ исправленію Славянской библіи по Греческому переводу LXX толковниковъ; чрезъ десять лѣтъ дѣло это было кончено ими, и 5 февраля 1724 года государь повелѣлъ печатать новоисправленный переводъ, но предварительно поручилъ Ѳеофилакту, тогда уже епископу Тверскому, и архимандриту Аѳанасію Кондоиди еще разъ повѣрить всѣ поправки съ Греческимъ переводомъ LXX; а 7 сентября имъ-же поручено свести съ переводомъ LXX и Псалтирь, которая прежде была оставлена безъ исправленія. По кончинѣ Петра I, императрица Екатерина I Алексѣевна, 10 ноября 1725 года, подтвердила прежнее повелѣніе; а императрица Анна Іоанновна въ 1735 году повелѣла, сверхъ того, поспѣшить самымъ изданіемъ. Посему вскорѣ начато въ Александроневскомъ монастырѣ печатаніе Новаго и Ветхаго Завѣта, съ показаніемъ поправокъ внизу текста и съ означеніемъ содержанія главъ, и кончено въ 1739 году. Независимо отъ этого изданія, при благочестивѣйшей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, исправленіе всей Славянской библіи произведено уже вновь — сперва архимандритомъ Илларіономъ Григоровичемъ и іеромонахомъ Іаковомъ Блонницкимъ, а потомъ іеромонахами Варлаамомъ Лящевскимъ и Гедеономъ Сломинскимъ. Это последнее исправленіе разсмотрѣно св. сунодомъ и издано въ 1751 году».

Подобное исчисленіе авторъ дѣлаетъ и толкованіямъ, разсматривая ихъ въ церквахъ: 1) Греческой, 2) Сирской, 3) Русской и 4) Римской. Онъ не оставляетъ безъ вниманія и сочиненій Іудейскихъ писателей. «Немалое пособіе, по его словамъ (стр. 139—141), къ уразумѣнію св. писанія могутъ доставить толкователю тѣ писатели Іудейскіе, которые или сами занимались изъясненіемъ писанія, или составляли словари, собирали законы и постановленія, описывали

обычаи, праздники, обряды и различныя древности своего народа. Герменевтическія и археографическія замѣчанія на священныя книги Ветхаго Завѣта, которыми ученые раввины начали заниматься особенно со временъ Гиллела, мало-по-малу распространяясь въ преданіяхъ, значительно умножились съ III до IV вѣка и собраны въ школѣ Тиверіадской (Мазора). Въ XVI вѣкѣ раввинъ *Іаковъ бенъ Хаимъ* привелъ въ нѣкоторый порядокъ это собраніе, увеличенное новыми преданіями. Въ грамматическомъ и буквальномъ изъясненіи (перушимъ) книгъ ветхозавѣтныхъ прославились раввины: *Исаакъ Абарбанелъ*, *Авраамъ бенъ Езра*, *Соломонъ бенъ Мелехъ*, *Манассія бенъ Израелъ* и особенно *Моисей Маймонидъ*. Изъ тѣхъ, которые занимались составленіемъ словарей, славятся: *Давидъ Кимхи*, *Іосифъ бенъ Каспи*, *Наѳанъ бенъ Моисей* и нѣкоторые другіе. Сказанія славныхъ учителей Еврейскихъ, касавшіяся предметовъ вѣры, обычаевъ и житейскихъ отношеній народа, собраны учеными, жившими въ Іерусалимѣ и Тиверіадѣ. Эти собранія извѣстны подъ именемъ *талмудовъ* Іерусалимскаго и Вавилонскаго, которые со-временемъ получили для Евреевъ обязательную силу законовъ. Тотъ и другой состоитъ изъ двухъ частей: *мишны*, или подлиннаго текста, и *гемары*, или прибавленій и изъясненій. Іерусалимскую мишну собралъ р. *Іуда Гаккадошъ*, а гемару — ученикъ его *Іоханавъ бенъ Еліезеръ*, при помощи двухъ раввиновъ; Вавилонская мишна собрана въ Тиверіадѣ различными раввинами, а гемара начата р. *Ашеромъ* и кончена р. Іосифомъ. Не смотря на множество странныхъ и нелѣпыхъ басенъ и мелочныхъ предписаній, въ Талмудѣ есть много замѣчательныхъ древнихъ преданій и сказаній историческихъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя мѣста св. писанія. Такъ напр. въ Вавилонскомъ талмудѣ сказано: «Тому, кто выводится на убіеніе, даютъ пить оцетъ, смѣшанный съ виномъ, чтобы тѣмъ разстроить умъ его». Отсюда видно, для чего при распятіи Іисуса Христа, *даша ему оцетъ съ желчію смѣшенъ, и вкусивъ, не хотяше пити* (Мѳ. 27, 34). Въ описаніи обычаевъ, праздниковъ, обрядовъ, учрежденій и древностей Еврейскихъ превосходнѣе всѣхъ *Маймонидъ*, который изложилъ все это въ двѣнадцати книгахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: *Іадъ хазакахъ*, т. е. рука крѣпкая. За нимъ слѣдуютъ: *Іаковъ сынъ Ашеръ Іосифъ*, *Каро* и нѣкоторые другіе. Впрочемъ, при употребленіи сочиненій раввиновъ въ дѣлѣ изъясненія св. писанія, толкователь не долженъ безусловно вѣрить всѣмъ ихъ

повѣствованіямъ и полагаться на всѣ изъясненія ветхозавѣтныхъ книгъ, особенно когда эти изъясненія относятся къ таинственному смыслу».

Третья и послѣдняя часть герменевтики о способахъ изъясненія смысла св. писанія *другимъ* состоитъ изъ четырехъ главъ, изъ коихъ въ первой говорится о переводѣ, во второй — о парафразѣ, въ третьей — о примѣчаніяхъ, въ четвертой — о толкованіи. Часть сія гораздо короче первыхъ двухъ частей, вѣроятно, потому, что имѣетъ ближайшее сходство со второю частію, излагающею также средства и пособія къ изъясненію смысла св. писанія.

Этимъ оканчиваемъ обозрѣніе герменевтики г. Саввaитова. Къ достоинствамъ ея нельзя не отнести богатства приведенныхъ примѣровъ, равно и историческихъ указаній по разнымъ предметамъ. Таковы напр. въ первой части указанія на разныхъ языкахъ системъ герменевтики (стр. 7 и 8), библейскихъ словарей (стр. 57 и 58), лучшихъ изданій библій и симфоній (стр. 98 и 99); во второй части — указанія пособій къ грамматическому познанію языка священныхъ книгъ (стр. 111 и 112), пособій по священной географіи, хронологіи и генеалогіи (стр. 120), переводовъ св. писанія (стр. 123—130), толкованій св. писанія (стр. 131—138) и сводовъ толкованій св. отцевъ и учителей церкви (стр. 138 и 139). Если въ этихъ указаніяхъ не видно надлежащей критики, то на сіе должно замѣтить, что ее нельзя требовать отъ науки, которая предназначается къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по классу священной герменевтики, въ замѣну прежняго Латинскаго руководства по сей наукѣ. Да и нельзя думать о критическихъ изложеніяхъ наукъ тамъ, гдѣ нѣтъ еще положительныхъ руководствъ по наукамъ. Впрочемъ, настаетъ время ожидать подобныхъ руководствъ и по другимъ наукамъ: руководства сіи будутъ имѣть благотворное вліяніе на успѣхи духовнаго образованія и самой духовной литературы.

АРХИМ. И.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1856 годъ, представленный г. министру Императорскаго Двора директоромъ библіотеки, членомъ государственнаго совѣта, статсъ-секретаремъ барономъ *Корфомъ*. С. Петербургъ, 1857.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1856 годъ, значительно превосходящій объемомъ своимъ отчеты за предшедшіе годы, заключаетъ въ себѣ множество весьма любопытныхъ свѣдѣній, — свѣдѣній, повидимому, спеціальныхъ, частныхъ, но между-тѣмъ особенно отрадныхъ и утѣшительныхъ. Съ одной стороны, въ сообщаемыхъ симъ Отчетомъ свѣдѣніямъ вполнѣ выражается просвѣщенная заботливость объ устройствѣ нашей библіотеки на пользу общую со стороны тѣхъ, которые призваны служить оной своими познаніями, опытностію и усердіемъ, и трудами которыхъ въ столь короткое время она доведена до столь блистательнаго состоянія; а съ другой — свѣдѣнія сіи не менѣе выразительно свидѣтельствуютъ о сочувствіи публики къ постепенно и быстро развивающемуся процвѣтанію библіотеки со стороны публики: мы разумѣемъ посѣтителей ея, число которыхъ постепенно увеличивается, и тѣхъ, которые обогащаютъ ее приношеніями. Впрочемъ, пусть лучше говорятъ сами за себя свѣдѣнія и факты, которые мы извлекаемъ изъ сего Отчета.

«Въ исторіи Императорской публичной библіотеки 1856 годъ принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Въ продолженіе его, осуществились многія изъ главнѣйшихъ задачъ и начинаній библіотеки; сдѣлано много важныхъ шаговъ впередъ къ всестороннему и плодотворному ея обогащенію; наконецъ быстро и въ широкихъ размѣрахъ возрасло число пользующихся ея сокровищами. Библіотека стала въ нѣкоторомъ отношеніи средоточіемъ всѣхъ серьезныхъ занятій, и едва-ли обширный ученый трудъ можетъ нынѣ совершиться у насъ безъ ея пособій. Такимъ образомъ, она получила все значеніе государственнаго учрежденія, и къ прежнему своему характеру—памятника народной славы, присоединила еще другой—живаго источника въ дѣлѣ умственнаго образованія. Тѣсная связь нашего книгохранилища съ направленіемъ и развитіемъ общественной нашей жизни всего лучше выразилась въ увеличившемся приливѣ читателей въ залы библіотеки, съ-тѣхъ-поръ, какъ благодатный миръ, положивъ конецъ великой борьбѣ Россіи съ соединенными народами Европы, пробудилъ во всѣхъ слояхъ нашего общества живую потребность, горячее стремленіе къ распространенію круга нашихъ знаній; мы-же, приступая къ изложенію нашего Отчета за 1856 годъ, можемъ безъ нескромности сказать, что библіотека радушно встрѣтила готовыми, давно ожидающими сокровищами начавшееся у насъ съ обновленною

силою многообѣщающее движеніе умовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, однажды приподнявъ край завѣсы, за которою таятся сокровища и радости науки, наше общество уже болѣе не захочетъ съ ними разстаться и никогда не перестанетъ наполнять густою толпою залы открытаго ему Монаршими щедротами книгохранилища».

«Въ 1856 году библіотека украсилась разными новыми выставками, посредствомъ которыхъ внѣшность ея много выиграла въ изяществѣ, разнообразіи и устраненіи всегдашней монотонности публичныхъ книгохранилищъ. Побудительными причинами къ устройству этихъ выставокъ были однакожь не одна красивость и разнообразіе, не одно желаніе польстить вкусамъ и болѣе или менѣе развитому эстетическому чувству посѣтителей, не одно только стремленіе дать какъ-бы наглядный и быстрый отчетъ торопящемуся или разсѣянному посѣтителю въ томъ, что̀ есть въ библіотекѣ самаго драгоцѣннаго, рѣдкаго или примѣчательнаго. Намъ хотѣлось другаго, и именно: изъ разнородныхъ, многочисленныхъ подробностей образовать полную, систематически-связную картину всѣхъ сторонъ той разумной дѣятельности человѣческаго духа, которой произведенія совмѣстить въ себѣ есть призваніе всѣхъ большихъ библіотекъ нашего времени. Каждая изъ этихъ выставокъ, по возможности представляющая отдѣльный, удовлетворяющій требованіямъ современной науки рядъ явленій, должна служить здѣсь чертою общаго цѣлаго, общей великой картины. Многое въ этомъ отношеніи уже сдѣлано, и если многое остается еще впереди, то оно будетъ цѣлію постоянныхъ и неослабныхъ нашихъ сремленій.

«Главнѣйшія, самыя важныя изъ числа выставокъ библіотеки устроены именно въ 1856 году, и въ совокупности своей представляютъ одно изъ самыхъ значительнѣйшихъ проявленій ея дѣятельности.

«1) *Выставка библій.* Выставка эта находится въ нижнемъ этажѣ библіотеки, въ отдѣленіи языкознанія, и расположена въ витринахъ (ясеневаго дерева), идущихъ безъ всякаго перерыва по всей залѣ, имѣющей до 15 саженъ протяженія. Витрины раздѣлены въ длину на двѣ половины, и библіи размѣщены въ нихъ такимъ образомъ, что, начинаясь, при входѣ въ залу, огромными и знаменитыми *полиглоттами* кардинала Хименеса, Вальтона и проч., и продолжаясь вдоль всей правой стороны, огибаютъ залу на противоположномъ ея концѣ и идутъ вдоль лѣвой стороны

-вались къ начальному пункту, гдѣ цѣль разноязычныхъ переводовъ священнаго писанія замыкается изданіями его на Еврейскомъ языкѣ. Извѣстно, что ни одна книга въ мірѣ не была переводима такъ часто и на столько языковъ, какъ библія, тѣмъ самымъ оправдавшая свое Греческое названіе (библія — «книга по преимуществу»). Такимъ-образомъ, независимо отъ значенія религіознаго, выставка библій имѣетъ еще значеніе картины почти всѣхъ языковъ. Въ большинствѣ случаевъ, для народовъ и племенъ не Европейскихъ, переводъ библіи являлся первымъ памятникомъ ихъ письменности, литературы и даже установившихся формъ языка, и многіе изъ нихъ, быть можетъ, долго еще не имѣли-бы письменнаго языка безъ трудовъ Европейскихъ миссіонеровъ, — въ особенности Англійскаго библейскаго общества, — подъятыхъ для распространенія среди этихъ дикихъ племенъ свѣта христіанства. Рѣшась устроить возможно полную выставку переводовъ библіи, начальство библіотеки употребило всѣ усилія для пополненія значительныхъ пробѣловъ ея по этой части. Радушное содѣйствіе нашего посланника въ Лондонѣ, графа Хрептовича, и готовность Англійскаго библейскаго общества, а также обширныя связи нашей библіотеки со всѣми библіографическими Европейскими центрами, дали возможность составить такую коллекцію, которая смѣло можетъ выдержать сравненіе съ знаменитымъ собраніемъ графовъ Суссексовъ, считавшимся до-сихъ-поръ первымъ въ мірѣ; по количеству языковъ она уже и теперь его превосходитъ. Для расположенія этого великолѣпнаго собранія (*) согласно современному состоянію науки сравнительнаго языкознанія, была учреждена особая коммиссія. Ее составили библіотекари: Муральтъ, Минцловъ, Коссовичъ и, для устройства витринъ, Собольщиковъ (завѣдывающій строительною частію при библіотекѣ), подъ предсѣдательствомъ товарища ихъ, извѣстнаго оріенталиста Дорна; въ эту же коммиссію были приглашены академики Императорской Академіи наукъ: Броссе, Срезневскій и Шифнеръ. На старшаго библіотекаря Минцлова, сверхъ того, въ особенности возложено было привести выставку, по начертанному общему плану, въ окончательное устройство и составить ей алфавитный и описательный систематическій каталоги. Въ отчетѣ показанъ порядокъ размѣщенія библій по языкамъ и исчислены языки,

(*) Библіи на языкахъ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ сюда не вошли.

на [illegible] находится въ упомянутой коллекціи книги священнаго писанія въ цѣлости или въ разныхъ отдѣльныхъ частяхъ. «Число библій, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, восходитъ до 300 нумеровъ: потому что многіе изъ языковъ имѣютъ здѣсь по нѣскольку представителей, по нѣскольку разныхъ изданій, важныхъ или рѣдкостію своею, или примѣчательными комментаріями, или, наконецъ, по отношенію къ типографскому искусству. Такимъ-образомъ выставка эта удовлетворяетъ въ одно и то-же время многимъ и многостороннимъ задачамъ, представляетъ проявленіе высшей духовной дѣятельности человѣка сквозь длинную цѣпь вѣковъ, и образуетъ картину великаго торжества вездѣ распространяющагося свѣта науки, письменности и христіанства. Мысль обозрѣвающаго это собраніе прежде всего невольно обращается къ словамъ Спасителя: «Шедше убо научите вся языки». Но, сверхъ значенія религіознаго, оно возбуждаетъ высокій интересъ и въ отношеніяхъ библіографическомъ, типографическомъ и художественномъ. Сколько любопытныхъ экземпляровъ встрѣтитъ здѣсь *библіофилъ*, начиная отъ первообразовъ священныхъ текстовъ въ печати и доходя до многочисленныхъ изданій новѣйшаго времени! Сколько тутъ разнообразія въ шрифтахъ, иллюстраціяхъ и форматахъ! Подобно всѣмъ прочимъ искусствамъ, и типографское развилось и облагородилось на службѣ Христіанской церкви. Первою напечатанною книгою, въ XV стол., была Псалтирь; однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній тисненія нашего времени является изданіе (Берлинское) Новаго Завѣта.

«2) *Выставка произведеній Церковно-Славянскаго книгопечатанія.* Въ Отчетѣ за 1855 годъ было уже говорено о работахъ, предпринятыхъ для осуществленія и этой, важнѣйшей для насъ, Русскихъ, выставки. Въ теченіе 1856 года окончилъ ихъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, среди множества другихъ занятій, извѣстный знатокъ Русской археологіи и библіографіи, старшій библіотекарь Бычковъ, и результатомъ является теперь систематически-расположенное и не имѣющее подобнаго себѣ въ мірѣ собраніе рѣдчайшихъ и примѣчательнѣйшихъ памятниковъ Церковно-Славянскаго и Русскаго книгопечатанія: оно расположено въ залѣ Русскаго отдѣленія, въ витринахъ, совершенно сходныхъ съ устроенными для выставки библій, кромѣ того только, что здѣсь онѣ перерѣзаны въ двухъ мѣстахъ проходами, необходимыми для удобства выдачи книгъ, постоянно въ весьма значительномъ числѣ требуе-

мыхъ нашими читателями изъ Русскаго отдѣленія. Эта типографская выставка, начинающаяся изданіями немного моложе первыхъ памятниковъ книгопечатанія въ остальной Европѣ, представляетъ самые богатые и разнообразные матеріалы не только для занимающихся отечественною библіографіею, но и для изучающихъ исторію Русской церкви, Славянской литературы, археологіи и филологіи. Въ семъ отношеніи, наше собраніе представляетъ исходную точку для многочисленныхъ будущихъ работъ и, своею систематическою, выработанною формою, значительно возвышаетъ историческую цѣну и вѣсъ принадлежащихъ библіотекѣ сокровищъ. Устроителю выставки поручено составить и описаніе ея. Вотъ краткій очеркъ важнѣйшихъ составныхъ частей этого единственнаго собранія, заключающаго въ себѣ 266 изданій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ: а) Первое мѣсто въ выставкѣ занимаютъ четыре книги, вышедшія въ 1491 году изъ *Краковской* типографіи, именно: Шестодневъ, Часословъ, Тріодь постная и Тріодь цвѣтная. Эти первенцы Церковно-Славянскаго книгопечатанія, которыхъ экземпляры отличаются у насъ сохранностью и возможною полнотою, заслуживаютъ тщательнаго изученія по разностямъ, встрѣчающимся въ ихъ текстѣ сравнительно съ употребляемымъ нынѣ при богослуженіи. б) За изданіями Краковскими слѣдуютъ *Венеціянскія*, замѣчательныя вообще красотою шрифта и изяществомъ украшеній, напоминающихъ Италіянскія и Французскія тисненія первой половины XVI столѣтія. Собраніе Венеціянскихъ изданій на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, помѣщенное въ выставкѣ и превосходящее въ составѣ своемъ полныя коллекціи сихъ изданій, хранящіяся въ императорской Вѣнской и Ватиканской библіотекахъ, начинается Служебникомъ, напечатаннымъ въ 1519 году, въ типографіи Божидара Вуковича (*), и оканчивается стихотвореніемъ князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ «Венеція», явившимся въ свѣтъ въ 1853 году. Между находящимися здѣсь изданіями библіографы найдутъ нѣсколько весьма рѣдкихъ: Псалтирь съ Часословомъ 1519—20 года; Служебникъ 1527 года; Общую Минею 1538 года, украшенную многими рисунками; Псалтирь Слѣдованную 1546 года, которой каждая страница обведена фи-

(*) Къ сожалѣнію, первовышедшей въ Венеціи Славянской книги — Часослова, напечатаннаго въ 1493 г. Андреемъ Торесанскимъ (Andreas de Thoresanis de Azula), библіотека еще не имѣетъ.

гурною рамкою съ ликами святыхъ; Молитвословъ 1560 года; единственный доселѣ извѣстный экземпляръ книги, подъ заглавіемъ: «Различнiи потребiи», напечатанной Іаковомъ изъ Софіи въ 1572 году, и пр. в) Но многоцѣнное перло выставки составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, произведенія *Южно-Славянскихъ* типографій, т. е. Черногорскихъ, Герцеговинскихъ, Молдаво-Валахскихъ, Сербскихъ и другихъ. Каждый экземпляръ сего собранія представляетъ библіографическую рѣдкость. Оно открывается великолѣпнымъ и единственно-полнымъ экземпляромъ Слѣдованной Псалтири, напечатанной въ Цитинѣ (въ Черногорьи), въ 1495 г., въ которой заставки и прописныя буквы раскрашены и наведены золотомъ (*). За нею слѣдуютъ: Евангеліе, напечатанное въ извѣстномъ Седмиградскомъ городѣ Брашовѣ, безъ означенія года выхода, и относимое Дубровскимъ и Дурихомъ къ концу XV вѣка, а другими библіографами — къ началу XVI; Псалтирь 1529 года и Молитвенникъ 1531 года, изданные въ Гораждѣ (на рѣкѣ Дринѣ, въ Герцеговинѣ); Евангеліе 1537 года, напечатанное въ Руянскомъ монастырѣ (въ юго-западной Сербіи, близъ города Ужицы, на рѣкѣ Моравѣ), примѣчательное какъ по ксилографическимъ изображеніямъ Спасителя и Евангелистовъ, такъ и потому, что буквы его, съ начала до конца разныя, вырѣзаны изъ дерева; Псалтирь Слѣдованная, вышедшая въ 1544 году изъ типографіи Милешова монастыря (въ Герцеговинѣ, близъ города Пріеполя и рѣки Лима); Евангеліе, напечатанное грубо-отлитыми буквами въ Сербскомъ Бѣлградѣ, въ 1552 году, на иждивеніи Рагузскихъ графовъ (княжатъ изъ Дубровника) Радиша Дмитровича и Трояна Гундулича; два изданія типографіи, бывшей при монастырѣ Мьркшиной церкви, находившемся у самой Черной Горы: Евангеліе 1562 года и Тріодь Цвѣтная 1566 года; Цвѣтная-же Тріодь, напечатанная въ 1563 г., въ Скадере (Скутари), на рѣкѣ Боянѣ, бывшемъ въ XI ст. столицею Сербскихъ королей до-Нѣманевской династіи; Евангеліе 1579 года и Минея Праздничная 1580 года, вышедшія въ Седмиградскомъ городѣ Шебежѣ (по-Венгерски Szász-Sebes, по-Нѣмецки Mühlenbach); одинъ изъ двухъ извѣстныхъ доселѣ экземпляровъ Молитвослова 1635 года, напечатаннаго въ Долгопольѣ (Валахскомъ городѣ, на рѣкѣ Валлемаре не-

---

(*) Перваго изданія Южно-Славянскихъ типографій, Октоиха 1497 года, напечатаннаго въ Цѣтинѣ, также нѣтъ еще въ библіотекѣ.

вдалекѣ отъ Седмиградской границы) Тимоѳеемъ Александровичемъ Веромъ, бывшимъ, прежде переселенія своего въ Валахію, типографомъ въ Кіевѣ; два изданія, явившіяся изъ типографіи, существовавшей при Дельскомъ монастырѣ въ Валахіи: Служебникъ 1646 года и переводъ сочиненія Ѳомы Кемпійскаго «О Христовѣ подражаніи» 1647 года; Тріодь Цвѣтная, напечатанная въ 1649 году, въ Валахскомъ городѣ Торговищѣ; не менѣе рѣдкія изданія XVIII вѣка типографій: Ясской, Бухарестской, Епископіи Рымницской, изъ которыхъ Апостолъ, вышедшій въ Яссахъ, въ 1791 году, напечатанъ съ дозволенія князя Потемкина-Таврическаго. Наконецъ, къ этому-же отдѣлу выставки отнесены книги, напечатанныя въ новѣйшее время для южныхъ Славянъ въ Крагуевцѣ, Царьградѣ, Смирнѣ и другихъ мѣстахъ. г) Изданій, вышедшихъ въ *Богемской Прагѣ*, помѣщено въ выставкѣ только два; но одно изъ нихъ, именно Библія, переведенная на Бѣлорусское нарѣчіе докторомъ Францискомъ Скориною, которой печатаніе продолжалось съ 1517 по 1519 г., занимаетъ самое почетное мѣсто между библіографическими рѣдкостями. Экземпляръ публичной библіотеки, составленный изъ двухъ экземпляровъ, находившихся въ собраніяхъ графа Толстаго и Кастерина, отличается полнотою и превосходнымъ сбереженіемъ. Этотъ памятникъ Церковно-Славянскаго тисненія въ Богеміи оставался единственнымъ въ теченіе трехъ столѣтій: ибо, послѣ переѣзда Скорины въ Вильно, печатаніе Церковно-Славянскихъ книгъ въ Прагѣ прекратилось. Въ недавнее время начали опять печатать тамъ книги новымъ, красивымъ Кирилловскимъ шрифтомъ, котораго образцемъ можетъ служить находящееся здѣсь «Сазаво-Эмаузское благовѣствованіе», изданное достопочтеннымъ Ганкою въ 1846 году. д) Рядъ изданій *Виленскихъ* типографій начинается Апостоломъ и Канонами, напечатанными тѣмъ-же Скориною въ 1525 году, — первенцами типографскаго искусства въ этомъ городѣ. Изъ числа выложенныхъ въ витринахъ изданій, наиболѣе заслуживаютъ вниманія: Евангеліе и Псалтирь 1575 года, напечатанныя Петромъ Тимоѳеевымъ Мстиславцевымъ, — тѣмъ самымъ, которому мы обязаны первопечатнымъ Московскимъ Апостоломъ, — въ типографіи Мамоничей, основанной черезъ 50 лѣтъ послѣ уничтоженія первой Виленской типографіи; единственный экземпляръ Апостола 1575 года; весьма рѣдкая книга, напечатанная въ 1586 году, подъ заглавіемъ: «Трибуналъ обывателемъ великого князства Литовского, на сойме

Варшавском данный року 1581»; полный экземпляръ Статута великаго княжества Литовскаго 1588 года; единственный экземпляръ грамоты Польскаго короля Сигизмунда III, писанной 15 іюля 1589 года, ко всему княжеству Литовскому, о проѣздѣ Константинопольскаго патріарха Іереміи, съ предоставленіемъ ему права судить и наказывать (*); единственный также экземпляръ Цвѣтной Тріоди 1609 года, пріобрѣтенный библіотекою въ 1855 году; Служебникъ, напечатанный въ типографіи Виленскаго братства св. Духа, въ 1617 году, въ которомъ, по какому-то странному случаю, помѣщена Венеціянская заставка съ именемъ: Божидаръ; Уставъ божественной литургіи 1624 года; единственный экземпляръ Букваря 1652 года, и нѣсколько другихъ. Послѣдняя книга, напечатанная Кирилловскимъ шрифтомъ въ Вильно, есть Молитвословъ, вышедшій въ 1808 году. е) За Виленскими изданіями въ выставкѣ слѣдуютъ *Германскія*, явившіяся въ Тюбингенѣ, Стольценбергѣ, Кенигсбергѣ, Галле, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Будинѣ (Офенѣ), Карлсруэ, Берлинѣ и Брауншвейгѣ. Между ними наиболѣе замѣчательны: напечатанные Пресмусомъ Труберомъ въ Тюбингенѣ для Кроатовъ, въ 1562 году «Артикулы правой вѣры», гдѣ помѣщены три вѣроисповѣданія протестантовъ: Аугсбургское, Виртембергское и Саксонское; Краткое толкованіе воскресныхъ Евангелій, изданное въ 1562 году тѣмъ-же Труберомъ, въ Тюбингенѣ; Новый Завѣтъ на Хорватскомъ нарѣчіи, съ рѣзными на деревѣ изображеніями, вышедшій въ Тюбингенѣ-же, въ 1563 году; чрезвычайно рѣдкое «Руковеденіе въ грамматыку во Славянороссійскую», сочиненное Ильею Копіевичемъ и напечатанное въ Стольценбергѣ, въ 1706 году; изданныя въ Галле, въ 1735 году «Пять избранныхъ псалмовъ» и «Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ». ж) Изъ числа типографій *Бѣлорусскихъ* и *Кочевыхъ*, т. е. такихъ, которыя переходили для работы изъ одного имѣнія Литовскихъ вельможъ въ другое, особенно замѣчательны и рѣдки: Лютеранскій катихизисъ, на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, вышедшій, въ 1562 году, въ Несвижѣ; Евангеліе учительное 1569 года, напечатанное въ городѣ Заблудовѣ, принадлежавшемъ Литовскому гетману Ходкевичу, первыми Московскими типографами, діакономъ Иваномъ Θедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ, послѣ удаленія ихъ изъ древней нашей столицы; единственный доселѣ извѣстный экземпляръ Заблу-

(*) Три послѣднія изданія напечатаны рукописными буквами.

довской Псалтири 1570 года, обязанной явленіемъ своимъ въ свѣтъ трудамъ того-же діакона Ивана Θедорова; первое изданіе полной Славянской Библіи, напечатанной имъ-же въ Острогѣ, въ 1580 году; экземпляръ до-сихъ-поръ нигдѣ не встрѣчающейся Хронологіи, составленной Андреемъ Рымшею и вышедшей тамъ-же и въ томъ-же году; драгоцѣнное и единственное изданіе Евангелія, напечатаннаго въ кочевой, безъ всякаго сомнѣнія, типографіи Василія Тяпинскаго, въ два столбца, на Славянскомъ и Малороссійскомъ языкахъ, безъ означенія мѣста и времени печати, но вѣроятно около 1580 года; на поляхъ сего Евангелія, оставшагося неконченнымъ, во многихъ мѣстахъ находятся ссылки на *Евангеліе Московское, новымъ друкованное*, — вѣроятно то, которое было напечатано Иваномъ Θедоровымъ и о которомъ доселѣ мы имѣемъ только нѣкоторыя темныя догадки и неясныя указанія; Апокризисъ, изданный въ Острогѣ въ 1597 году, мѣстомъ печатанія котораго большая часть библіографовъ полагаетъ Вильно; отписъ на листъ (письмо) Ипатія, епископа Володимерскаго и Берестейскаго къ князю Константину Острожскому, вышедшая въ Острогѣ, въ 1598 году, и сочиненіе которой приписывается Кириллу Лукарю, бывшему потомъ Константинопольскимъ патріархомъ; Октоихъ, изданный въ 1604 году, при типографіи, устроенной въ Дерманскомъ Троицкомъ монастырѣ, принадлежавшемъ князю Острожскому; единственный экземпляръ Требника, напечатаннаго въ Острогѣ въ 1606 году; Псалтирь и Новый Завѣтъ 1611 года, первая книга, вышедшая изъ типографіи въ Евью, маетности князя Огинскаго; Евангеліе Учительное Кирилла Транквиліона, котораго тисненіе произведено кочевою типографіею въ 1619 году, въ Рохмановѣ, имѣніи княгини Ирины Вишневецкой; это Евангеліе, по грамотѣ царя Михаила Θедоровича (1627 г.) и по повелѣнію патріарха Филарета, было отбираемо въ великой Россіи и нѣсколько экземпляровъ его предано огню; Псалтирь 1625 года, напечатанная въ четвертку, кочевою типографіею; Часословъ 1632 года, изданный типографіею Кутеинскаго монастыря; единственный экземпляръ Псалтири, вышедшей въ 1637 году изъ Могилевской типографіи Спиридона Соболя; Страсти Христовы, изданныя въ Супраслѣ, въ 1689 году; Могилевское тисненіе 1702 года книги Житія Святыхъ за сентябрскую четверть; нѣсколько книгъ, напечатанныхъ въ прошедшемъ столѣтіи уніатами и старообрядцами. Изъ числа сихъ послѣднихъ семь, изданныхъ въ Почаевѣ, соединены въ

особый отдѣлъ. Примѣчательнѣйшія между ними: Зерцало Богословія, 1618 года, о дѣйствительности мѣста печатанія котораго нѣкоторыми учеными изъявлено, впрочемъ, сомнѣніе; Цвѣтникъ Аввы Дороѳея 1785 года, съ ложнымъ означеніемъ Варшавы, какъ мѣста выхода сей книги, — что старообрядцы нерѣдко употребляли на книгахъ, ими издаваемыхъ, и Библія 1798 года. 3) Столь-же много рѣдкаго и достойнаго примѣчанія находится между *Московскими* изданіями, къ которымъ причислены и книги, вышедшія въ Слободѣ, въ Валдайско-Иверскомъ монастырѣ и Троицко-Сергіевой Лаврѣ. По изданіямъ этой выставки (Кирилловскаго и гражданскаго шрифта) можно, такъ сказать, прослѣдить ходъ типографскаго искусства въ Москвѣ, отъ перваго его появленія тамъ до позднѣйшаго времени. Слѣдующіе печатные памятники заслуживаютъ наиболѣе вниманія: Апостолъ, начатый печатаніемъ Гостунскимъ діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Тимоѳеевымъ Мстиславцевымъ 19 апрѣля 1563 года и конченный ими 1 марта 1564 года — первенецъ Московской типографіи; единственный экземпляръ изданнаго тѣми-же типографщиками Часовника 1565 года; Псалтирь 1568 года, напечатанная уже новыми типографами Никифоромъ Тарасіевымъ и Невѣжею Тимоѳеевымъ; Апостолъ, вышедшій въ 1606 году, въ первое лѣто Лже-Димитія (*кресточнаго* царя и великаго князя) и лже-патріарха Игнатія, съ сохранившимся выходнымъ листомъ, которые были уничтожаемы въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; Минея Общая 1609 года, напечатанная вновь-отлитымъ шрифтомъ, въ новомъ *преславномъ* типографскомъ домѣ; Минея Служебная мѣсяцъ ноябрь, начатая 1-го августа 1609 года, при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, и конченная 17 сентября 1610 года, *при благородномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Владиславѣ Жигимонтовичѣ Московскомъ и всея Русіи;* весьма рѣдкія изданія: Минеи Общей 1610 года, Псалтири 1620 года, Апостола 1621 года, Часовника 1628 и 1631 годовъ, Псалтири Слѣдованной 1632 и 1636 годовъ и Евангелія Учительнаго 1633 года; Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, переводъ сочиненія: L'art militaire pour l'infanterie, par J. J. de Walhausen; Уложеніе 1649 года; Полная Библія 1663 г.; очень рѣдкій «листъ сошнаго письма», гравированный въ 1685 году Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аѳонасія Трухменскаго; единственный экземпляръ изображеній изъ книги Бытія и Апокалипсиса, гравированныхъ весьма глубо на деревѣ въ 1695 г.

1697 годахъ, Василіемъ Коренемъ, по рисункамъ какаго-то Григорія; Краткое ученіе въ строеніи пѣшихъ людей 1702 г.; полный экземпляръ первыхъ Русскихъ вѣдомостей 1703 года; Геометрія 1708 года,—первая книга, напечатанная гражданскимъ шрифтомъ; Приклады, како пишутся комплименты, того-же года, также гражданскаго шрифта; два листа изъ Брюсова календаря 1709 года; Московскія вѣдомости 1710 года, въ которыхъ находятся первые нумера, набранные гражданскимъ шрифтомъ; великолѣпный по времени экземпляръ напрестольнаго Евангелія 1717 года; стихотворенія В. А. Жуковскаго, подъ заглавіемъ: «Для немногихъ», выпущенныя въ свѣтъ въ 1818 году въ самомъ незначительномъ числѣ экземпляровъ и сдѣлавшіяся теперь величайшею библіографическою рѣдкостію; Псалтирь, напечатанная въ 1577 году въ *новомъ городѣ* Слободѣ, по всему вѣроятію, Александровской, хотя г. Снегиревъ и полагаетъ, что она была въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ; «Рай мысленный» 1659 года и «Брашно духовное» 1661 года, вышедшіе изъ типографіи Иверскаго монастыря, которая была переведена сюда изъ Кутеинскаго монастыря; наконецъ facsimile, исполненное въ 1853 г. въ литографіи Троицко-Сергіевой Лавры, съ древней рукописи, содержащей въ себѣ житіе св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, и украшенной на каждой страницѣ картинкою. і) Непосредственно за Московскими, въ выставкѣ слѣдуютъ изданія *Львовскія* и другихъ Галицкихъ типографій, именно: Стрятинской, Крилоской, Угорской, и Уневскаго монастыря Изъ числа первыхъ особенно замѣчательны слѣдующія: Апостолъ 1574 года,—первая книга, напечатанная Кирилловскимъ шрифтомъ, во Львовѣ, въ типографіи, основанной въ 1570 году, извѣстнымъ Московскимъ книгопечатникомъ, діакономъ Иваномъ Өедоровымъ, который переселился сюда изъ деревни, подаренной ему гетманомъ Ходкевичемъ; экземпляры, не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ нашихъ собраній старопечатныхъ Церковно-Славянскихъ книгъ: Часослова 1609 г., стихотворенія подъ заглавіемъ «На Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іс. Ха вѣршѣ для утѣхи православнымъ христіаномъ», вышедшаго въ 1616 г.; Анеологіона 1632 г.; Служебника 1637 г. и Святительскаго поученія Іерею, 1642 г.; наконецъ Ирмологій 1700 г.— первая книга съ наборными нотами. Изъ вторыхъ заслуживаютъ быть названными: Служебникъ 1604 года, изданный въ Стрятинѣ, мѣстечкѣ Бржежанскаго округа, принадлежавшемъ нѣкогда фамиліи Болобановъ;

Евангеліе учительное 1606 г., вышедшее въ Крилосѣ, деревнѣ подъ Галичемъ, и совершенно сходное съ Заблудовскимъ 1569 г.; Собраніе словесъ отъ Божественнаго писанія, напечатанное въ 1618 году, перевозною типографіею, снаряженною двумя иноками Волынскаго Загоровскаго монастыря, въ Угорцахъ, въ деревнѣ Самборскаго округа, и Выкладъ о церкви святой, 1670 г.,—первая книга, явившаяся изъ типографіи Уневскаго Грекоунитскаго монастыря, нынѣ деревни Злочовскаго округа; замѣчательно, что книги, печатавшіяся здѣсь съ половины XVII столѣтія, нерѣдко издавались подъ именемъ Почаевской типографіи. и) *Кіевскія* изданія начинаются очень рѣдкимъ теперь Часословомъ 1617 г., — первенцомъ книгопечатанія Кіевскаго. Изъ прочихъ помѣщенныхъ здѣсь книгъ, вышедшихъ изъ Кіево-Печерской типографіи, наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе: Служебникъ 1620 г., сходный во всемъ съ Стрятинскимъ 1604 года; очень рѣдкое изданіе Номоканона, 1620 г.; «Вѣршѣ на жалостный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана Запорозкаго», сочиненные ректоромъ Кассіаномъ Саковичемъ, одинъ изъ двухъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ; рѣдкіе: Евангеліе, 1644 г., и Столпъ цнотъ архіепископа Сильвестра Коссова, 1658 г.; первое изданіе Патерика Печерскаго, 1661 г., котораго экземпляръ подписанъ по листамъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ, и заглавный листъ Часослова 1741 г., напечатаннаго при императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. к) При Кіевскихъ изданіяхъ, но въ особомъ отдѣлѣ, помѣщены книги, вышедшія изъ *Новгородъ-Сѣверской*, *Черниговской* и *Клинцовской* (старообрядческой) типографій; изъ нихъ замѣчательны: Анѳологіонъ, 1678 г., напечатанный въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, и два изданія Черниговской типографіи: Псалтирь 1680 г. и сочиненіе подъ заглавіемъ «Царскій путь Креста Господня», вышедшее въ 1709 г. и украшенное весьма хорошо гравированными на мѣди рисунками, исполненными Стрѣльбицкимъ. л) Въ послѣдней витринѣ помѣщены изданія *Петербургскихъ* типографій и изданія, напечатанныя въ *Амстердамѣ*, *Римѣ*, *Стокгольмѣ*, *Парижѣ*, *Каружѣ* (близъ Женевы) и *Лондонѣ*. Изъ Петербургскихъ изданій стоятъ на первомъ ряду: книга Марѳова, 1713 года, украшенная многими планами и рисунками, — первое печатное произведеніе, вышедшее въ новой столицѣ, основанной Петромъ Великимъ, и упредившее 11 годами появленіе здѣсь книгъ, напечатанныхъ Кирилловскимъ шрифтомъ; полный экзем-

пляръ Новаго Завѣта, на Голландскомъ и Церковно-Славянскомъ языкахъ, въ два столбца, изъ которыхъ первый занятъ Голландскимъ текстомъ, напечатаннымъ въ 1717 году въ Гагѣ, Фанъ-Дюреномъ, а второй — Славянскимъ, припечатаннымъ въ послѣдствіи въ Петербургѣ (*); манифестъ о восшествіи на престолъ императора Іоанна Антоновича и двѣ брошюры, напечатанныя при томъ-же императорѣ: «Первые трофеи Іоанна III», ода Ломоносова и «Изображеніе фейерверка на день рожденія Іоанна III» — всѣ три 1741 года; манифестъ и сіи брошюры составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость, потому что все, напечатанное въ царствованіе младенца-императора, императрица Елисавета Петровна повелѣла отбирать и сжигать; перепечатка изъ буквы въ букву, изъ строки въ строку первыхъ Русскихъ вѣдомостей 1703 г., произведенная публичною библіотекою въ 1855 году; великолѣпное изданіе Евангелія, 1856 года, и нѣсколько басень Крылова миніатюрнаго формата (124 д. л.), напечатанныхъ самымъ мелкимъ шрифтомъ въ томъ-же году. Изъ Римскихъ изданій заслуживаютъ вниманія: два Глаголическіе служебника, вышедшіе *первый* въ XVI вѣкѣ, а *второй* въ 1631 году, и Исповѣданіе православной вѣры, напечатанное въ 1648 г., повелѣніемъ папы Урбана VIII, на Церковно-Славянскомъ и Латинскомъ языкахъ. Между Амстердамскими изданіями, которыя всѣ считаются у насъ весьма рѣдкими, болѣе примѣчательны: Краткое введеніе во всякую исторію, 1699 г., — первая книга Кирилловскаго шрифта, вышедшая въ Амстердамѣ изъ типографіи Тессинга, получившаго отъ Петра Великаго 15-лѣтнюю привилегію на торговлю въ Россіи напечатанными имъ книгами; переводъ сочиненія Авраама де-Графа, подъ заглавіемъ: «Книга учащая морскаго плаванія», изданнаго въ 1701 году; Символы и Эмблемата, 1705 года, съ 839 картинками, и Ѳеатръ или Зерцало монарховъ, 1710 года, на Греческомъ и Русскомъ языкахъ, въ переводѣ Беклемишева. Наконецъ весьма также любопытны слѣдующія изданія: Катихизисъ Лютера на Финскомъ языкѣ, напечатанный, въ 1644 г., Кирилловскимъ шрифтомъ въ Стокгольмской типографіи, заведенной по повелѣнію Шведскаго короля Густава Адольфа для распространенія Лютеранскаго исповѣданія между православными жителями областей,

(*) Въ описанной предъ симъ выставкѣ иноязычныхъ библій есть другой экземпляръ въ которомъ второй столбецъ остается бѣлымъ.

пріобрѣтенныхъ Швеціею отъ Россіи по Столбовскому миру; сочиненіе Каржавина, подъ заглавіемъ: «Описаніе вши», напечатанное въ 1789 г., въ Каружѣ, въ два столбца, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ; гравированная въ Лондонѣ, въ 1814 году, молитва «Отче нашъ», занимающая кружокъ менѣе нынѣшней полушки, и св. Евангеліе отъ Матѳея, въ Русскомъ переводѣ, изданное княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, въ 1821 году, въ извѣстной Парижской типографіи Фирмена Дидота.

3) *Гравюрная галерея* — представляетъ такую спеціальную выставку, какой до-сихъ-поръ не существуетъ еще ни въ одномъ музеумѣ, ни въ одной библіотекѣ Европейской: это—*собраніе образцовъ всѣхъ граверныхъ способовъ*, или *всѣхъ родовъ гравюры*. Кромѣ общаго художественнаго интереса, выставка сія имѣетъ еще значеніе такой галереи, которой разсмотрѣніе и изученіе можетъ и должно быть полезно столько-же для публики вообще, сколько и для художниковъ въ особенности, потому-что весьма немногіе изъ нихъ имѣли и имѣютъ случай разсматривать и сравнивать, за одинъ разъ, многообразныя произведенія граверного искусства.

4) *Выставка великолѣпнаго изданія Парижской типографіи «Jmitation de Jésus Christ».* Въ одной залѣ съ выставкою библій помѣщена «Jmitation de Jésus Christ»—книга, напечатанная необыкновенно тщательно и роскошно, въ Парижѣ, императорскою типографіею, для всемірной Парижской выставки 1855 года. По мнѣнію библіофиловъ, это есть самое блистательное, великолѣпное и тщательное изданіе, которое когда либо-было на свѣтѣ и которое никогда болѣе не повторится. При такомъ единогласномъ, восторженномъ отзывѣ всѣхъ знатоковъ дѣла, начальство библіотеки, не смотря на чрезвычайно высокую цѣну (6000 франковъ), вмѣнило себѣ въ обязанность пріобрѣсти экземпляръ этого знаменитаго изданія. Онъ подробно описанъ въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1856 года № 182 (*).

5) *Выставка Вѣнскаго полиграфическаго аппарата.* Въ залѣ, гдѣ расположены изданія разныхъ ученыхъ обществъ и книги, относящіяся до исторіи литературы, библіографіи и пр., помѣщенъ *полиграфическій* аппаратъ императорской Вѣнской типографіи, принесенный въ даръ нашей библіотекѣ Австрійскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ заключаетъ, въ уютномъ небольшомъ

(*) См. Ж. м. н. пр. ч. XCI, отд. VII, стр. 45.

шкафѣ, устроенномъ очень изящно, образчики всѣхъ тѣхъ графическихъ производствъ, которыя сосредоточены въ знаменитой Вѣнской типографіи. Въ этомъ учрежденіи, не имѣющемъ себѣ подобнаго въ Европѣ по разносторонности своей дѣятельности и достигшемъ блестящаго развитія при нынѣшнемъ его директорѣ Ауэрѣ, пользующемся общею Европейскою извѣстностію, совокуплены въ одномъ зданіи, съ главнымъ производствомъ типографическимъ, многія еще другія, какъ-то: литье шрифтовъ и печатаніе изданій и нотъ для слѣпыхъ, гальванопластическое изготовленіе барельефныхъ изображеній всѣхъ предметовъ естественной исторіи для слѣпыхъ-же; фотографія всѣхъ родовъ; гравированіе на деревѣ, стеклѣ и металлѣ (для типографскихъ изданій); гильошажъ прямой, выпуклый и вогнутый; литографія и хромолитографія; наконецъ то остроумное изобрѣтеніе, котораго слава, не смотря на всѣ притязанія Англичанъ, несомнѣнно принадлежитъ г. Ауэру и которое онъ назвалъ *самоотпечатываніемъ природы* (Naturselbstdruck). Нашъ полиграфическій аппаратъ вмѣщаетъ въ себѣ по большей части миніатюрные, но превосходные образцы каждаго изъ этихъ многочисленныхъ производствъ. Сверхъ того въ немъже уложено нѣсколько напечатанныхъ въ сей типографіи роскошныхъ изданій и огромный атласъ in-folio, содержащій въ себѣ молитву «Отче нашъ», на 608 разныхъ языкахъ, расположенныхъ по извѣстному филологическому сочиненію Аделунга «Mithridates», но съ прибавленіямъ 86, не вошедшихъ въ него, языковъ. Атласъ этотъ, которому дано названіе «Sprachhalle» (т. е. галерея языковъ), находился на Лондонской всемірной выставкѣ 1851 года и заслужилъ тамъ большую золотую медаль.

6) *Выставка роскошныхъ орнаментальныхъ новѣйшихъ изданій.* Она устроена въ той овальной залѣ бель-этажа, гдѣ находится выставка рѣдкихъ типографическихъ изданій всѣхъ народовъ, Эльзевировъ, Альдовъ, переплетовъ и историческихъ экземпляровъ. Въ новой выставкѣ разложено значительное число книгъ новѣйшаго времени съ цвѣтными окаймленіями, любопытныхъ для сравненія со знаменитыми орнаментальными миніатюрами средневѣковыхъ и восточныхъ манускриптовъ; оттиски монетъ и медалей, подражающіе настоящему цвѣту того или другаго металла и т. д.

1856 годъ былъ однимъ изъ самыхъ обильныхъ новыми приращеніями библіотеки и, послѣ 1852, который можно назвать без-

примѣрнымъ въ ея лѣтописяхъ, занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто. Особенное вниманіе въ Отчетѣ обращено на двѣ пріобрѣтенныя библіотеки, а именно: Юнгманна и графа М. Ю. Віельгорскаго.

«Обозрѣвъ,—говоритъ г. директоръ библіотеки»—во время заграничной моей поѣздки, сверхъ многихъ публичныхъ библіотекъ, всѣ замѣчательнѣйшіе книгопродавческіе склады въ Германіи, Франціи и Бельгіи, я успѣлъ пріобрѣсть, по цѣнамъ частію очень дешевымъ, нѣсколько тысячъ сочиненій, замѣчательныхъ рѣдкостію, изяществомъ, или общеполезностію. Въ слѣдствіе этихъ покупокъ перенеслись къ намъ изъ-за границы, въ теченіе второй половины 1856 года, цѣлыя библіотеки, и здѣсь я долженъ въ особенности указать на извѣстное всему ученому свѣту *собраніе Славянолога Юнгманна*, не имѣющее другаго себѣ подобнаго. Библіотека эта, которая состоитъ изъ 3900 томовъ и 7 рукописей и которую, послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ съ наслѣдниками владѣльца, мнѣ удалось купить за необыкновенно-сходную цѣну, удивившую всѣхъ знатоковъ, содержитъ въ себѣ, между-прочимъ, въ числѣ всего, что̀ есть примѣчательнѣйшаго или драгоцѣннѣйшаго въ Западно-Славянской и особливо Чешской литературѣ: 1) Библію на Чешскомъ языкѣ, 1506 года, folio. 2) Библію на Моравскомъ языкѣ 1579—1601 годовъ, 4°. 3) Библію на языкѣ Венгерскихъ Славянъ, напеч. въ Стригау въ 1829, folio. 4) Книгу Притчей и Экклезіастъ, по-Чешски и по-Латыни, напеч. въ Прагѣ въ 1856 г., 8°. 5) Новый Завѣтъ на Славяно-Карніольскомъ языкѣ, напеч. въ Лайбахѣ въ 1786, 12°. 6) Hus et Hieronimus Pragensis, historia et monumenta, Noribergae 1558, 4°. 7) Bibliotoka klassykow polskich, 1834—37 (37 томовъ), 12°. 8) Полныя серіи (по 1847 годъ, годъ смерти Юнгманна) болѣе двадцати журналовъ и другихъ періодическихъ изданій на разныхъ западныхъ и южныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. 9) Весьма значительное количество педагогическихъ, лексикологическихъ и бельлетрическихъ сочиненій, пополнившихъ бывшіе у насъ пробѣлы по части Славянскихъ литературъ. 10) Драгоцѣнное изданіе Санскритской поэмы «Наль», въ подлинномъ текстѣ съ переводомъ Боппа, напечатанное въ Лондонѣ въ 1819 г. Это первое изданіе знаменитой Санскритской поэмы, признанное классическимъ, принадлежитъ нынѣ къ числу величайшихъ библіографическихъ рѣдкостей. Оставляя исчисленіе прочихъ значительныхъ пріобрѣтеній библі-

отеки (сдѣланныхъ мною лично, или посредствомъ заграничныхъ корреспондентовъ библіотеки), для слѣдующихъ страницъ сего Отчета, куда они войдутъ въ своемъ мѣстѣ, въ систематическомъ ихъ порядкѣ, я считаю долгомъ благодарности назвать здѣсь еще другую полную коллекцію, поступившую въ библіотеку въ цѣльномъ ея составѣ, и именно: собраніе *теософо-философскихъ сочиненій*, принадлежавшее покойному нашему почетному члену, графу М. Ю. Віельгорскому, и принесенное намъ въ даръ его наслѣдницами. Эту библіотеку, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій покойнаго графа, не щадившаго на постоянное ея увеличеніе никакихъ издержекъ, составляютъ сочиненія, частію уже давно исчезнувшія изъ книжной торговли, частію-же никогда въ нее и не поступавшія и представляющія самый живой интересъ для исторіи какъ мистицизма, чернокнижничества и многихъ другихъ мистерій, такъ и тайныхъ обществъ, имѣвшихъ направленіе мистическое, благотворительное и соціальное. Къ составу этой-же библіотеки, кромѣ печатныхъ книгъ, въ количествѣ 2010 томовъ, принадлежатъ 161 рукопись подобнаго-же содержанія, на языкахъ: Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ. Затѣмъ слѣдуетъ систематическій обзоръ всѣхъ остальныхъ приращеній нашего книгохранилища за истекшій годъ.

Сводъ всѣхъ сихъ пріобрѣтеній представляетъ приращенія Императорской публичной библіотеки за 1856 годъ въ слѣдующемъ общемъ перечнѣ:

Печатныя книги, брошюры и отдѣльные листы.

	По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства	282	тома.
По закону.	Изъ ценсуры	5878	»
	Изъ таможенъ	2017	»
	Отъ частныхъ приношеній	5065	»
	Куплено самою библіотекою	12595	»
	Въ промѣнъ на дублеты, отъ Гатчинской библіотеки	1255	»
	Всего	27092	тома.

Эстампы, карты, музыкальныя произведенія и проч.

(изъ всѣхъ источниковъ въ совокупности):

Эстампы	1615
Карты и планы	52

Ноты	852
Каллиграфическія руководства	31

Рукописи и афтографы.

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства	2
Изъ таможень	25
Отъ частныхъ приношеній	241
Куплено самою библіотекою	26
Всего	294

Всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя библіотекою, сверхъ цѣны промѣненныхъ дублетовъ, стоили ей, съ перевозкою, заграничною перепискою и проч. 18,785 р. 75¼ к.

Вновь переплетено до 8000 томовъ,—что, вмѣстѣ съ другими переплетными въ библіотекѣ работами, т. е. исправкою и чисткою старыхъ экземпляровъ, картонами, надписями и проч., обошлось около 3000 рублей.

«Чрезвычайно обширныя, въ теченіе 1856 г., покупки библіотеки необходимо должны были нѣсколько замедлить работы каталогизированія. Если число поступившихъ путемъ закона книгъ оставалось приблизительно равнымъ числу ихъ въ предшедшіе годы, то въ цифрахъ прочихъ приращеній произошла огромная разница: въ 1854 году куплено библіотекою 5420, въ 1855—9109, въ 1856—12,595 томовъ, т. е. почти втрое больше, чѣмъ за два года прежде. Точно также приношенія частныхъ лицъ, не превышавшія въ 1855 году 2288 томовъ, возрасли въ 1856 году свыше 5000. Прибавивъ къ этому цифру тѣхъ многочисленныхъ изданій, которыя поступили къ намъ изъ библіотекъ Гатчинской и генеральнаго штаба и проч., а также довольно значительную цифру купленныхъ и подаренныхъ эстамповъ и фотографій, легко судить объ объемѣ и продолжительности той работы, которой требовало отъ библіотекарей принятіе, размѣщеніе и описаніе всѣхъ этихъ новыхъ пріобрѣтеній. Если-же ко всему этому принять въ соображеніе необходимость удѣленія, ежедневно, немалаго времени на пріисканіе и выдачу книгъ посѣтителямъ библіотеки, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, то ясно, какъ немного оставалось библіотекарямъ досуга для работъ каталогизаціи. Тѣмъ не менѣе, и съ этой стороны дѣятельность библіотеки продолжалась

съ возможнымъ прилежаніемъ и со всею тщательностію. Главнѣйшими результатами ея являются совершенно конченные каталоги слѣдующихъ отдѣльныхъ частей: 1) *Въ Русскомъ отдѣленіи* составлены каталоги инвентарный и алфавитный: отдѣла поэзіи эпической и лирической (2977 сочиненій въ 2959 переплетахъ), отдѣла сельскаго хозяйства и механическихъ искусствъ (1790 сочиненій въ 2557 переплетахъ) и отдѣла медицины (1413 сочиненій въ 1762 переплетахъ). 2) *Въ отдѣленіи рукописей* составленъ алфавитный указатель всѣмъ автографамъ, поступившимъ въ библіотеку съ 1850 года. На оберткахъ автографовъ не только означены мѣсто и время ихъ написанія, но и краткія біографическія свѣдѣнія о лицахъ болѣе замѣчательныхъ. Въ этой коллекціи (т. е. въ числѣ поступившихъ съ 1850 года) находится: 460 автографовъ на Русскомъ языкѣ, писанныхъ 190 разными лицами, и 145 на иностранныхъ языкахъ, писанныхъ 62 разными лицами, всего 605 автографовъ, писанныхъ 252 лицами (*). 3) *Въ отдѣленіи иноязычныхъ писателей о Россіи* составленъ полный систематическій каталогъ всего собранія, съ раздробленіемъ его на мелкія подраздѣленія, которыхъ вышло до 750. Этотъ каталогъ, систему котораго, по его важности для нашей отечественной науки, я намѣренъ обратить на разсмотрѣніе Академіи наукъ, составленъ, послѣ предварительныхъ, весьма важныхъ работъ старшаго библіотекаря Собольщикова, отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ Стасовымъ, который самъ вызвался на сей огромный трудъ и, приложивъ къ нему превосходящія всякую похвалу трудолюбіе и усердіе, довелъ до конца, безмездно, съ тою-же любовію и съ тѣмъ-же воодушевленіемъ, съ которыми за него принялся. Я считаю обязанностію сохранить въ Отчетѣ библіотеки память этого патріотическаго подвига (**). 4) *Въ отдѣленіи естественныхъ, физическихъ и математическихъ наукъ*, гдѣ уже существовали полные алфавитные каталоги, составлены систематическіе: зоологіи, ботаники, минералогіи, военныхъ наукъ, астрономіи, мореплаванія, алхиміи, химіи и

(*) Въ «Отеч. Запискахъ» за 1856 годъ (мѣсяцы октябрь, ноябрь и декабрь) помѣщена статья г. Стасова, подъ названіемъ «Музыкальные автографы Императорской публичной библіотеки», заключающая въ себѣ историко-критическое обозрѣніе нашихъ музыкальныхъ автографовъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

(**) Г. Стасовъ впослѣдствіи вновь поступилъ на службу, съ опредѣленіемъ его при моемъ лицѣ, по особо возложенному на меня (въ другомъ званіи) Государемъ Императоромъ порученію.

энтомологіи. 5) *Въ отдѣленіи полиграфіи и исторіи литературы* окончены инвентарные каталоги журналовъ и исторіи литературы. 6) *Въ отдѣленіи изящной литературы* оконченъ систематическій каталогъ Нѣмецкой литературы. 7) *Въ отдѣленіи специальныхъ коллекцій публичной библіотеки* окончены три каталога, заключающіе въ себѣ описаніе *всѣхъ* выставокъ библіотеки (кромѣ Славяно-Русскихъ типографій и гравюрной галереи). Эти три каталога, которыми мы обязаны ученому и трудолюбивому старшему библіотекарю Минцлофу, совершенно приготовлены для печати, и суть вмѣстѣ и систематическіе и инвентарные. Кромѣ вышеисчисленныхъ работъ, разрѣшено регистратору библіотеки Межову, по просьбѣ редактора «Отечественныхъ Записокъ» А. А. Краевскаго, составлять помѣщаемые въ журналѣ, съ начала 1856 года, «Библіографическіе листки», въ которыхъ содержится исчисленіе всего печатнаго, поступающаго въ наше книгохранилище изъ цензурнаго вѣдомства. Эта первая попытка восполнить въ нашей литературѣ чувствуемый всѣми недостатокъ библіографическаго журнала, заслужила самые одобрительные отзывы просвѣщенной публики».

«Въ началѣ Отчета упомянуто было о значительномъ приливѣ читателей въ библіотеку, который совпадаетъ съ окончаніемъ большой Европейской войны и есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, прямое слѣдствіе заключеннаго мира. Цифры за послѣдніе четыре года всего лучше сіе подтвердятъ, показавъ притомъ, что въ особенности возрасло послѣ войны число билетовъ, выданныхъ читателямъ изъ класса военныхъ и изъ воспитывающихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ медико-хирургической академіи и въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Военные.	Воспитанники военно-учебн. заведеній.	Студенты медико-хирург. акад.	Студенты С. П. бургск. университ.
Г. 1853—236.	16.	110.	155.
» 1854—206.	34.	159.	143.
» 1855—127.	51.	100.	171.
» 1856—353.	129.	347.	263.

«Любопытно еще замѣтить, что въ 1856 году выданы билеты для чтенія 28 морскимъ офицерамъ, между-тѣмъ-какъ до войны почти ни одинъ изъ нихъ не являлся въ наши залы. Въ началѣ того-же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о дозволеніи

нижнимъ военнымъ чинамъ, изъ дворянъ, посѣщать публичную библіотеку для занятій въ ней; этимъ дозволеніемъ воспользовалось 29 лицъ. Изъ числа воспитанниковъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства замѣтно прибавилось, противъ прежнихъ годовъ, количество читателей между воспитанниками училища правовѣдѣнія. Число воспитанниковъ Александровскаго лицея и студентовъ педагогическаго института, такъ-же какъ и лицъ духовнаго званія, художниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, иностранцевъ и лицъ женскаго пола осталось почти въ прежнемъ размѣрѣ. Билетовъ для чтенія въ 1856 году выдано 2875 (въ 1854 г. 1988, въ 1855 г. 2232); всѣхъ читателей было 27,866 (въ 1854 г. 20,645, въ 1855 г. 23,755), которыми истребовано, въ теченіе года: на Русскомъ языкѣ 37,003 тома, (въ 1855 г. 21,268), и на иностранныхъ 14,590 (въ 1855 г. 11,178), всего: 51,593 тома (въ 1855 г. 32,446). Цифры эти не могутъ не быть въ высшей степени утѣшительны для всякаго, слѣдящаго за успѣхами просвѣщенія въ Россіи. Одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ людей современной Франціи, Витé, говорилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ *рапортѣ* Французскому министру внутреннихъ дѣлъ, *о необходимости учрежденія публичныхъ библіотекъ во всѣхъ городахъ Франціи:* «Долго еще къ числу обязанностей правительства будетъ принадлежать распространеніе просвѣщенія въ государствѣ. Безъ сомнѣнія, правительство прежде всего должно уважать труды и усилія отдѣльныхъ лицъ, давать имъ полную свободу и возможность дѣйствовать; но и оно само обязано приняться за работу. Библіотеки могутъ сдѣлаться въ рукахъ его могущественнымъ средствомъ народнаго просвѣщенія; все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть ими пользоваться. До-сихъ-поръ онѣ были предоставлены сами себѣ и обратились почти въ кладовыя, вышедшія изъ моды и лишенныя потребителей; надобно дать имъ жизнь, связавъ ихъ съ нашимъ настоящимъ. Посмотрите что происходитъ въ частныхъ для чтенія библіотекахъ. Многіе люди, не помышлявшіе о чтеніи, незамѣтно сами для себя становятся постоянными читателями газетъ; вскорѣ у нихъ укореняется привычка къ чтенію; отъ газеты они переходятъ къ роману. Въ читательномъ кабинетѣ нѣтъ ничего имъ больше для чтенія, и потому они поневолѣ должны остановиться. Но еслибъ вокругъ нихъ были полки съ книгами историческими, географическими, имъ навѣрное пришла-бы охота заглянуть въ эти книги, хотя-бы для справки, о мѣстахъ и наро-

дахъ, о которыхъ говорится въ газетныхъ статьяхъ. Прежде всего нужно заставить публику ходить въ библіотеки, теперь почти-что пустыя; пусть только будутъ посѣтители въ библіотекахъ, и ужь навѣрное книги будутъ читаться». Въ этихъ словахъ заключается, до нѣкоторой степени, живая исторія нашей публичной библіотеки за послѣдніе годы. Стеченіе публики въ ея, прежде полупустынныхъ залахъ, теперь такъ многочисленно, что, не смотря на всѣ постепенно сдѣланныя распространенія, часто не достаетъ даже мѣста для читателей, а съ читателями и съ быстрымъ, предупредительнымъ удовлетвореніемъ ихъ требованій, явились и полезный трудъ и плодотворное воздѣлываніе науки!»

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Экономическій указатель. Еженедѣльное изданіе, посвященное народному хозяйству и государствовѣдѣнію, подъ редакціею И. *Вернадскаго* №№ 1—12.

Изъ новыхъ періодическихъ изданій, появившихся у насъ въ послѣднее время, обращаетъ на себя особенное вниманіе «Экономическій указатель» г. Вернадскаго, какъ одинъ изъ очень немногихъ, исключительно посвященныхъ наукѣ. Приступая къ обозрѣнію этого журнала, посвященнаго народному хозяйству и государствовѣдѣнію, мы считаемъ небезполезнымъ бросить взглядъ на состояніе въ Европѣ науки, служенію которой предназначилъ себя «Экономическій указатель», показать благодѣтельные плоды примѣненія здравыхъ началъ ея къ дѣйствительной жизни и указать на положеніе, въ которомъ находится политическая экономія въ нашемъ отечествѣ, дабы съ бо̀льшею правильностію вывести значеніе экономическаго журнала для нашего образованія и опредѣлить характеръ и направленіе, которое онъ долженъ былъ принять,—что̀ въ свою очередь укажетъ, въ какой мѣрѣ новое изданіе выполняетъ условія, которыхъ въ-правѣ требовать отъ него состояніе науки и экономическаго развитія въ Россіи.

По двойственной природѣ своей, человѣкъ естественно стремится какъ къ достиженію предназначенныхъ ему высшихъ духовныхъ цѣлей, такъ и къ удовлетворенію своимъ матеріальнымъ

потребностямъ. Тѣсная связь духовной стороны человѣка съ вещественною предполагаетъ взаимную зависимость этихъ двухъ сторонъ,—зависимость, которая въ продолженіе всего земнаго поприща человѣка ежеминутно обнаруживаетъ свое дѣйствіе. Еще древніе говорили: in corpore sano mens sana; слѣдовательно, только пріобрѣвъ способы удовлетворять своимъ матеріальнымъ нуждамъ, человѣкъ получаетъ возможность неуклонно слѣдовать своему великому назначенію—самоусовершенствованію. Въ этомъ единственно заключается справедливость стремленія къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ и на этомъ только основаніи и законна жажда богатства: потому что здѣсь человѣкъ освобождается отъ рабской зависимости и подчиненности матеріи и доставляетъ свободу своему духу. Исторія указываетъ намъ, что только народы, матеріально обезпеченные, достигали развитія и сохранили о себѣ добрую память въ лѣтописяхъ міра, и чѣмъ болѣе приближаемся мы къ первобытнымъ временамъ, къ первобытнымъ формамъ общественной жизни, тѣмъ болѣе убѣждаемся, какъ важно матеріальное благосостояніе для духовнаго развитія и какъ гибельно дѣйствуетъ отсутствіе его на организмъ человѣчества: страна бѣдная никогда не бываетъ образованною и на-оборотъ, богатая—невѣжественною, говоритъ Макъ-Коллохъ (1). Не было ни одного народа, который-бы сдѣлалъ значительные успѣхи въ философіи или искусствахъ, не будучи въ то-же время славнымъ по своему богатству: вѣкъ Перикла и Фидіаса былъ блестящимъ періодомъ бытія Греціи, равно какъ вѣкъ Петрарки и Рафаэля былъ цвѣтущимъ временемъ Италіянской торговли. Слѣдовательно человѣкъ долженъ полнѣе и совершеннѣе удовлетворять своимъ матеріальнымъ потребностямъ, насколько это нужно для доставленія независимости духовной сторонѣ. Но для достиженія этого недостаточно случайное и безсознательное приложеніе труда и силъ природы къ произведенію той, или другой вещи, а нужны раціональныя дѣйствія, основанныя на предварительно созданныхъ и усвоенныхъ человѣкомъ правилахъ, излагаемыхъ въ наукахъ техническихъ. Каждая изъ этихъ наукъ разсматриваетъ разныя части хозяйства отдѣльно и спеціально: каждая изъ нихъ имѣетъ задачею показать, какимъ образомъ наиболѣе совершенно и выгодно можно достигнуть цѣли даннаго производства. Но народное хозяйство,

(1) Рѣчь о началѣ и успѣхахъ политической экономіи, перев. Гиппіуса, стр. 3 и 4.

слагаясь изъ многоразличныхъ отдѣльныхъ частей, въ цѣломъ своемъ представляетъ такія явленія, которыя не могутъ быть объяснены науками техническими, и не могутъ быть также при-приписаны случаю: хозяйственная дѣятельность общества въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ составляетъ одно органическое цѣлое; всѣми явленіями ея управляетъ строгая послѣдовательность, открытіе которой есть цѣль политической экономіи,—науки, возникшей только въ новѣйшія времена. Она не была изъята отъ общей судьбы всѣхъ наукъ и дѣятели ея нерѣдко ошибались на пути своихъ изслѣдованій. Двоякая роль, которую играютъ деньги, говоритъ Адамъ Смитъ (2), какъ орудіе мѣны и какъ мѣрило цѣнностей, была причиною того, что деньги пріобрѣли издавна искусственную важность и всѣ пришли къ той мысли, что деньги составляютъ богатство по преимуществу, и богатство только и состоитъ въ изобиліи золота и серебра. Такое заблужденіе возведено было въ систему, извѣстную подъ именемъ *меркантильной*, которая можетъ считаться началомъ рожденія политической экономіи. Таже ошибка породила и всеобщую политику, по которой стремились умножить сумму народнаго богатства запрещеніемъ вывоза золота и серебра. Такой взглядъ на сущность богатства замѣтенъ уже въ древнія времена; но порожденная имъ политика особенно стала обнаруживаться въ половинѣ XVI столѣтія, когда стали распространяться торговыя сношенія между народами. Развитіе международной торговли произвело въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія то, что меркантильное ученіе развилось въ болѣе сложную и утонченную систему, чему способствовало особенно распространеніе непосредственныхъ сношеній между Англіей и Индіей чрезъ мысъ Доброй Надежды. Остъ-Индійская компанія, при учрежденіи своемъ въ 1600 г., получила позволеніе вывозить иностранную монету на сумму 30 тысячъ ф. стерл., съ обязанностію въ теченіе 6 мѣсяцевъ, по окончаніи каждаго путешествія, ввезти количество драгоцѣнныхъ металловъ равное суммѣ вывоза. Если сравнить такое видоизмѣненіе меркантильной системы съ прежнимъ грубымъ предразсудкомъ, то ясно видно, что оно было важнымъ шагомъ къ мнѣніямъ болѣе правильнымъ. Защитники этой системы говорили, что здравая политика должна дозволить вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ, но съ тѣмъ, чтобы товары, вмѣсто ихъ привози-

(2) Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, par *Ad. Smith*, traduit par *G. Garnier*. 1843 и 1844. vol. 2, p. 3.

мые, были послѣ проданы иностранцамъ за бо̀льшее количество слитковъ, нежели то, какое было израсходовано на ихъ покупку. Единственнымъ средствомъ для этого стали считать возможно бо̀льшій вывозъ произведеній сравнительно съ ввозомъ ихъ, и излишекъ цѣнности вывезенныхъ товаровъ (который состоялъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ), противъ привезенныхъ разсматривали, какъ причину и мѣрило успѣховъ общества. Такимъ образомъ пришли къ знаменитому ученію о *торговомъ балансѣ* и къ полному развитію меркантильной системы, породившей торговыя и промышленыя стѣсненія, такъ долго господствовавшія и до-сихъ-поръ еще не совершенно исчезнувшія. Безъ преувеличенія можно сказать, говоритъ извѣстный политико-экономъ Шторхъ (3), что весьма немногія политическія заблужденія произвели зла болѣе, чѣмъ меркантильная система. Страсть подводить все подъ уставы, ею внушаемая, совратила промышленость съ ея истиннаго пути. Меркантилизмъ заставлялъ народы почитать благосостояніе сосѣдей несовмѣстнымъ съ ихъ собственныхъ и отсюда произошелъ тотъ духъ торговаго соперничества, который былъ непосредственною, или отдаленною причиною большей части войнъ послѣднихъ столѣтій.

Но такая пагубная система не могла долго быть господствующею: уже защитники Остъ-Индійской компаніи, какъ замѣчаетъ Макъ-Коллохъ (4), осмѣлились привести въ сомнѣніе ученіе о вывозѣ слитковъ. Они постепенно брали тонъ болѣе смѣлый и наконецъ рѣшительно начали утверждать, что слитки суть не иное что, какъ товаръ. Это былъ первый и сильный ударъ, нанесенный меркантилизму практиками. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились многіе свѣтлые умы, понимавшіе экономическій порядокъ яснѣе своихъ современниковъ. Между ними особенно замѣчателенъ Додлей Нортъ. Его трактатъ: «Discourses on trade, principally directed to the coses of interest, coinage, cliping and increase of money», изданный въ 1691 г., содержитъ въ себѣ изложеніе началъ торговли, гораздо совершеннѣйшее, чѣмъ всѣ дотолѣ явившіяся разсужденія. Нортъ впослѣдствіи былъ поддерживаемъ Локкомъ, Юмомъ и др. Но должно сознаться, что сочиненія названныхъ писателей носятъ на себѣ отпечатокъ господствовавшаго духа вѣка, и пото-

(3) Cours d'Economie politique. T. 1 p. 122.

(4) Рѣчь о началѣ и успѣхахъ политической экономіи, стр. 87.

му положенія ихъ, не смотря на свое превосходство сравнительно съ прежними, не были достаточно сильны, чтобы окончательно низвергнуть прежнюю систему и построить науку на новыхъ началахъ. Меркантилизмъ господствовалъ и въ наукѣ и на практикѣ, пока не явился знаменитый Кене, основавшій школу физіократовъ.

Говоря о противникахъ меркантильной системы, нельзя пройти молчаніемъ предшествовавшихъ появленію Кене писателей, въ XVII столѣтіи, извѣстныхъ подъ именемъ «économistes financiers». Между ними замѣчательны: Вобанъ и Буажильберъ. Изъ-подъ пера послѣдняго вылились первыя свѣтлыя мысли о свободѣ промышлености и торговли: онъ первый обнаружилъ идею о превосходствѣ земледѣлія—главномъ пунктѣ ученія Кене. Подготовленный предшествовавшими трудами, Кене въ 1758 г. издалъ свои знаменитыя «Tableaux économiques», и вмѣстѣ съ тѣмъ родилась новая школа *физіократовъ*.

Въ основаніе всей системы своей послѣдователи этой школы приняли ту, по ихъ мнѣнію, неоспоримую истину, что земля есть единственный источникъ богатства и что она одна только производительна; одно земледѣліе доставляетъ чистый доходъ (produit net), превышающій издержки производства; всѣ-же прочія отрасли промышлености только переработываютъ то, что добыто земледѣліемъ. Утверждая на этой мысли дальнѣйшія свои положенія, Кене дѣлитъ общество на три класса: къ первому отнесены землевладѣльцы, живущіе чистымъ доходомъ отъ избытка произведеній; ко второму—работники первыхъ, существующіе тою частію земли, которая достается имъ, какъ плата за трудъ. Эти два класса названы производительными. Къ третьему, непроизводительному классу причислены мануфактуристы, купцы и проч., получающіе плату отъ двухъ первыхъ. Изъ такого раздѣленія общества на классы вытекъ тотъ знаменитый финансовый порядокъ, что всѣ налоги должны исключительно падать на владѣльцевъ земли, какъ единственныхъ лицъ, получающихъ чистый доходъ; и потому Кене предлагалъ ввести, взамѣнъ всѣхъ налоговъ, единственный налогъ (impôt unique), собираемый непосредственно съ чистаго дохода. Въ этомъ заключалась сущность ученія физіократовъ. Идеи, распространенныя Кене и его послѣдователями, имѣли весьма важное вліяніе. Не смотря на приверженность свою къ земледѣлію, Кене не настаивалъ однако на оказаніи ему исключительнаго преимущества: онъ проповѣдывалъ, что для выгодъ и успѣ-

ховъ вѣкъ необходима система совершенной свободы (la pleine liberté de la concurrence); laissez faire, laissez aller—было неизмѣннымъ его правиломъ. Такимъ образомъ, говоритъ Адамъ Смитъ (5), по началамъ этой свободной и благородной системы, утвержденіе совершенной независимости и справедливости есть единственное и непоколебимое средство къ обезпеченію благоденствія во всѣхъ классахъ общества. Но физіократы, высказавшіе такъ много благородныхъ и возвышенныхъ мыслей, были неправы въ самомъ основаніи, на которомъ утверждали они свое ученіе. Они говорили, что одно земледѣліе производительно, что земля есть единственный источникъ богатства, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ она сама по себѣ, какъ матерія, далеко не обладаетъ свойствомъ удовлетворять нашимъ нуждамъ. Только посредствомъ труда получаетъ она цѣнность и дѣлается богатствомъ, которое происходитъ не отъ умноженія вещества, а чрезъ сообщеніе ему полезности, чрезъ приспособленіе его къ нашимъ нуждамъ. Слѣдовательно всякое приложеніе труда, всякая отрасль промышлености одинаково производительны. Этотъ предметъ прекрасно разъяснилъ Destut de Tracy, который говоритъ: «Non seulement nous ne créons rien, mais il nous est même impossible de concevoir ce que c'est créer ou anéantir. Nous ne faisons jamais rien dans les êtres, qui nous entourent qu'operer des changements de forme ou de lieu, qui les approprient à notre usage, qui les rendent utiles à la satisfaction de nos besoins. Voilà ce que nous devons entendre par produire: c'est donner aux choses une utilité. Quel que soit notre travail, s'il en resulte une utilité—il est productif» (6). Физіократы не поняли этого существа богатства и сущности всякаго производства, отчего и происходило то преимущество, которое отдавали они земледѣлію. Впрочемъ, много побочныхъ обстоятельствъ способствовали тому, что они обратились къ земледѣлію и видѣли въ немъ единственный источникъ дохода. Не должно забывать, что Кене и его послѣдователи, сознавъ несостоятельность начала меркантилизма, полагавшаго сущность богатства въ изобиліи драгоцѣнныхъ металловъ, и проповѣдуя покровительство внѣшней торговлѣ, вооружились со всею силою противъ меркантилистовъ. Такая энергиче-

(5) Recherches sur la nature et les causes de la richesse de nations, t. 2, p. 117.

(6) Traité d' economie politique, p. 162.

ская реакція и желаніе яснѣе, убѣдительнѣе доказать несостоятельность прежней системы, естественно вовлекли ихъ въ другую крайность. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, труды Французскихъ экономистовъ много способствовали успѣхамъ политической экономіи.

Въ XVIII столѣтіи, когда обнаружилось сильное движеніе мысли въ Европѣ, предметы нравственнаго міра и общественнаго быта были подвергнуты пытливому изслѣдованію; при этомъ, конечно, и государственное хозяйство не могло остаться забытымъ. Труды физіократовъ, или (какъ они себя называли) *экономистовъ*, были подвергнуты строгому и точному разсмотрѣнію, такъ какъ замѣчательныя мысли ихъ заставили обратить усиленное вниманіе на экономическія явленія. Графъ-де-Вери первый доказалъ ложность мнѣній экономистовъ; но эта неосновательность была вполнѣ раскрыта и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая экономія поставлена на твердыя основы только съ выступленіемъ на поприще науки знаменитаго Шотландца Адама Смита, который въ 1776 г. издалъ свое изслѣдованіе о богатствѣ народовъ, и по справедливости считается творцемъ нашей науки. Онъ сказалъ, вопреки экономистамъ, что *трудъ* есть единственный источникъ богатства, что онъ равно производителенъ во всѣхъ отрасляхъ промышлености, и указалъ на средства умножить его чрезъ раздѣленіе занятій и употребленіе капитала; словомъ, онъ основалъ новѣйшую систему политической экономіи и указалъ путь, по которому продолжаютъ идти новѣйшіе экономисты. Съ него только политическая экономія стала на степень науки, пріобрѣла то значеніе и вліяніе на государственную жизнь народовъ, которое она имѣетъ въ образованныхъ государствахъ настоящаго времени. Она вышла изъ тѣхъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которые нѣкогда была заключена, оставила свои заблужденія, освободилась отъ жалкой роли быть проповѣдницею своекорыстныхъ стремленій и народной ненависти. «Съ ея свѣтомъ, какъ прекрасно выразился г. Вернадскій (7), мы не встрѣчаемъ ни безпорядка, какъ общаго правила, ни бездѣлія, какъ выгоднаго способа жизни. Честный трудъ, строгій порядокъ, постоянное изощреніе своихъ способностей — вотъ гдѣ источники богатства отдѣльныхъ лицъ и счастіе народовъ. Вражда и ненависть не находятъ мѣста въ этой сферѣ, какъ нѣтъ

(7) Журн. мин. нар. пр., ч. XC, отд. II, стр. 130.

ея въ нормальной природѣ человѣка. Такова цѣль нашей науки, таково послѣднее ея слово».

Ученіе Адама Смита не осталось безъ дальнѣйшаго развитія. Въ нашъ вѣкъ — вѣкъ быстраго движенія идей и совершенствованія, яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознали значеніе матеріальнаго благосостоянія въ дѣлѣ духовнаго развитія народовъ; и плодомъ такого воззрѣнія было развитіе естественныхъ, техническихъ и политическихъ наукъ, которое въ свою очередь породило тѣ изумительныя предпріятія и открытія, на которыя вѣкъ нашъ съ справедливою гордостію можетъ указать вѣкамъ послѣдующимъ и которыя упрочатъ за нимъ славу и признательность исторіи.

Въ этомъ общемъ умственномъ движеніи политическая экономія нашла себѣ достойныхъ представителей, которые своими трудами развили и продолжаютъ развивать ея великія истины: достаточно назвать имена Мальтуса, Рикардо, Сея, Шторха, Макъ-Коллоха, съ успѣхомъ продолжавшихъ развивать мысли знаменитаго Шотландца. Подробный обзоръ ученій ихъ выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи, и потому ограничимся только бѣглыми замѣтками о главнѣйшихъ изъ нихъ, каковы Мальтусъ и Рикардо, сдѣлавшіе первый и весьма важный шагъ къ подробнѣйшему изложенію законовъ, управляющихъ раздѣленіемъ богатства между различными классами общества. Теоріи ихъ сопровождались самыми благодѣтельными послѣдствіями: стоитъ только вспомнить, что отмѣною хлѣбныхъ законовъ своихъ Англія обязана главнѣйшимъ образомъ знаменитой теоріи ренты, развитой Д. Рикардо нетолько въ своихъ сочиненіяхъ, но и публично, въ парламентѣ. Другой великій мыслитель, Мальтусъ, классически изложилъ вопросъ о народонаселеніи и убѣдительно доказывалъ неосновательность господствовавшаго въ Европѣ мнѣнія, что народонаселеніе можетъ и должно умножаться до безконечности, и что всѣмъ найдутся средства къ удовлетворенію своихъ потребностей. Мальтусъ пытался, напротивъ доказать, что скудость этихъ средствъ дѣйствительно существуетъ и причина ея зависитъ отъ самого человѣка, его страстей и дурныхъ наклонностей.

Такимъ образомъ были развиваемы начала политической экономіи по пути, проложенному Смитомъ. Но теорія его, нося на себѣ вполнѣ отпечатокъ конца прошедшаго столѣтія, выражая собою всѣ его потребности въ противоположность средневѣковой организаціи общества, раздѣляетъ и космополитическій характеръ

его времени. Она пыталась создать теорію народнаго хозяйства, законы которой имѣли-бы безусловную истину для всѣхъ временъ и народовъ (8). Она хотѣла представить идеалъ экономическаго быта для цѣлаго міра, и потому съ трехъ сторонъ поднялась оппозиція противъ школы Смита. Эта оппозиція выразилась: 1) въ реакціи, имѣвшей въ виду возстановленіе прежнихъ условій и формъ экономическаго быта, 2) въ направленіи національномъ и 3) въ ученіи утопистовъ. Разсмотримъ эти ученія.

Начала Смита вошли въ жизнь, въ практику на всемъ Европейскомъ материкѣ; вездѣ рушились формы и учрежденія средневѣковой жизни, и Европа должна была представить одну экономическую семью. Но тотчасъ послѣ этого началась реакція, которая выразилась особенно въ Германіи. Сильныя политическія потрясенія, испытанныя этою страною въ эпоху Наполеона, застой въ промышлености и торговлѣ исполнили грустію сердца патріотовъ, заставили ихъ углубиться въ прошедшее и пожалѣть о немъ. Всѣ бѣдствія стали они приписывать свободѣ промышлености, уничтоженію цеховъ, и пришли къ отверженію новой экономической теоріи: явилась новая школа, во главѣ которой сталъ А. Миллеръ (9). Главная характеристическая черта его взглядовъ заключается въ предпочтеніи средневѣковыхъ формъ хозяйства и узкихъ, неественныхъ отношеній экономической жизни. Онъ указываетъ на особый, индивидуальный характеръ каждаго государства, что совершенно упускаетъ изъ вида школа Смита, теорія которой, по мнѣнію Миллера, прилагается исключительно къ Великобританіи. Къ-счастію, такія положенія Германскихъ экономистовъ не обратили на себя большаго вниманія, и возстановленіе отжившихъ формъ хозяйства не могло имѣть мѣста въ странѣ, которая не могла не сознать благихъ послѣдствій новаго порядка вещей.

Основателемъ другой враждебной Смиту школы былъ извѣстный Фридрихъ Листъ, проповѣдывавшій въ Германіи національную систему хозяйства (10). Вполнѣ соглашаясь, что система сво-

(8) Журн. мин. нар. пр., т. XC, стр. 62 и 68.

(9) Теорія его выражена въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Die Elemente der Staatskunst, 2) Neue Theorie des Geldes и 3) Gewerbpolizei in Beziehung auf den Landbau.

(10) Systême national d'economie politique, traduit par *H. Richelot*. Paris, 1851.

бодной торговли опирается на идеѣ здравой, — идеѣ, которая должна быть признаваема наукой и незабываема практикою, Листъ дѣлаетъ упрекъ послѣдователямъ Смита—космополитическимъ экономистамъ, въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на національности, на ихъ отдѣльные интересы и исключительное положеніе и стремятся согласить, или, лучше сказать, подчинить идею національности идеѣ человѣчества и всеобщаго мира. Онъ говоритъ, что *либръ эшанжисты*, предположивъ существованіе свободныхъ международныхъ отношеній, выводятъ отсюда идею всеобщаго мира и тѣмъ смѣшиваютъ причину съ слѣдствіемъ: миръ не есть слѣдствіе свободной международной торговли, а напротивъ свободная мѣна есть слѣдствіе дружественныхъ отношеній. Самая высшая осуществившаяся форма союза между отдѣльными лицами, говоритъ Листъ, есть государство, нація; самая высшая воображаемая—человѣчество. Какъ отдѣльныя лица счастливѣе въ государствѣ, нежели въ уединеніи, такъ точно народы должны испытать наибольшее благополучіе въ союзѣ между собою. Но при настоящемъ положеніи вещей международный союзъ несовершененъ; онъ ослабляется эгоизмомъ, войнами, которыя могутъ лишить народъ достоянія и свободы (11). Потому онъ проповѣдуетъ торговый союзъ между отдѣльными государствами, соединенными уже между собою одинаковостію ихъ интересовъ, и за образецъ беретъ свое отечество, Германію, которую предлагаетъ оградить таможенными линіями и развить внутри ея промышленость различными покровительственными мѣрами.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой системы, основателю которой нельзя отказать въ огромномъ умѣ и талантѣ, замѣтимъ только, что Листъ, исходя изъ того начала, что международная торговля безъ всякихъ стѣсненій можетъ производиться только между дружественными народами, забываетъ, что развитію этихъ дружественныхъ отношеній и способствуетъ свободная мѣна,—такъ-что трудно сказать, составляютъ-ли дружественныя отношенія народовъ причину свободной торговли, или-же послѣдняя есть причина первыхъ. Съ другой стороны, принявъ исходный пунктъ Листа, придемъ къ тому, что между всѣми народами, во время ихъ дружественныхъ отношеній, должна существовать свобода въ торговыхъ сношеніяхъ,—что уже противорѣчитъ націона-

(11) Ibid. p. 63 introd.

лизму, положенному въ основаніе разсматриваемой системы. Наконецъ, идея покровительства національной промышлености приводитъ къ вопросу: имѣло-ли успѣхъ это искуственное покровительство и лучше-ли оно полной свободы труда, которую должно признать, кажется, главнѣйшимъ условіемъ всякаго успѣха.

Перейдемъ къ третьей школѣ. Характеръ ученія новѣйшихъ утопистовъ, представившихъ оппозицію противъ школы Смита, вытекъ изъ преувеличеннаго взгляда на темныя стороны современной промышлености, безъ которыхъ, впрочемъ, не можетъ обойтись ни одно историческое явленіе. Утописты отрицаютъ всѣ основанія, на которыхъ въ настоящее время зиждется промышленая дѣятельность современныхъ народовъ. Пораженные тѣми невыгодами, которыя часто влечетъ за собою безграничная конкуренція и злоупотребленіе личной свободы, не руководимой высшимъ нравственнымъ чувствомъ, они хотѣли личную свободу каждаго отдѣльнаго лица, которую считали за корень всѣхъ золъ и бѣдствій, подчинить безусловно общественнымъ распоряженіямъ, и представляли различные проекты организаціи промышлености и труда. Изъ множества различныхъ сектъ каждая мечтала преобразовать общество и тѣмъ доставить ему неслыханное благополучіе.

Таковы новѣйшія ученія, возникшія въ Германіи и Франціи, какъ оппозиція школѣ Смита и его послѣдователей. Новый свѣтъ также не отсталъ отъ общаго движенія въ дѣлѣ экономической науки, и представилъ отъ себя противника ученію Англійскихъ экономистовъ въ лицѣ Карея, ученіе котораго, изложенное въ сочиненіи: «Past, present and futur, 1848 г.» было передано Пешенъ Смитомъ въ учебникѣ политической экономіи, переведенномъ на Французскій языкъ Камилломъ Баке (12). Американскій мыслитель вознамѣрился изложить политическую экономію, основанную на чисто-физическихъ законахъ, и въ заключеніяхъ своихъ прійти къ той абсолютной точности, которую представляютъ такъ-называемыя *точныя* науки. Ложное направленіе, которое мы встрѣчаемъ у всѣхъ почти экономистовъ, говоритъ онъ, произошло отъ соединенія и смѣшенія экономическихъ ученій съ нравственною философіею; всѣ ошибки произошли отъ стремленія ввести въ опре-

---

(12) Manuel d'Economie politique, par Peshine Smith, traduit par *C. Baquet.* Paris, 1854.

дѣленіе явленій чисто-физическихъ законы человѣческаго разума. Основываясь на этомъ положеніи, Карей подвергаетъ критикѣ преимущественно двѣ теоріи — Мальтуса о народонаселеніи и Рикардо — теорію ренты, которыя имѣютъ тѣсную связь между собой и служатъ одна другой дополненіемъ. Анализируя знаменитое ученіе Англійскаго экономиста о рентѣ, Карей приходитъ къ тому заключенію, что факты доказываютъ совершенно противное гипотезѣ Рикардо, которая, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, начиная обработку съ земель лучшаго качества, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, постепенно долженъ прибѣгать къ землямъ низшаго достоинства, которыя даютъ меньше продуктовъ, — чрезъ что доходъ съ земель болѣе плодородныхъ дѣлается все выше и выше, тогда какъ земли низшихъ разрядовъ едва вознаграждаютъ труды земледѣльца (13). Изъ этого вытекаетъ прямо и гипотеза Мальтуса, что народонаселеніе, если устранить всѣ обстоятельства, замедляющія ходъ его, размножается скорѣе средствъ существованія. Американскій мыслитель говоритъ, что теорія эта не можетъ выдержать критики и противорѣчитъ историческому опыту, ибо предположеніе, что первый разрядъ земель, подвергающійся прежде другихъ обработкѣ, ложно. Такъ напримѣръ болота, говоритъ Карей, какъ извѣстно, представляютъ, по осушкѣ ихъ, самыя плодородныя земли, тогда-какъ, по теоріи Рикардо, къ нимъ прибѣгаютъ только тогда, когда оказывается недостатокъ въ прочихъ земляхъ. Но противъ этого замѣтимъ, что противникъ Рикардо забываетъ, что если болота дѣлаются плодородными землями, то этимъ онѣ обязаны не себѣ, а другому могущественному двигателю — капиталу, употребленному на ихъ обработку, безъ котораго онѣ остаются не только безполезными, но даже вредными землями, тогда-какъ земли перваго разряда не требуютъ для себя ни большаго ухода, ни капитала и сторицею вознаграждаютъ труды земледѣльца. Подробный разборъ остроумной теоріи Карея здѣсь неумѣстенъ; цѣль наша была только указать на нее. Не должно забывать однако, при оцѣнкѣ этого ученія, страны, гдѣ оно возникло, — страны, находящейся въ исключительномъ положеніи и во многомъ отличной отъ стараго свѣта. Общее благосостояніе и довольство, которымъ наслаждаются Сѣверо-Американскіе штаты, благодаря своей удивительной дѣятельности и многимъ

(13) Economie politique de Ricardo, chap. 2.

другимъ обстоятельствамъ, представляющее иногда довольно сильный контрастъ съ экономическими явленіями въ Европѣ, могли побудить мѣстныхъ изслѣдователей къ сомнѣнію въ естественности часто грустнаго экономическаго порядка, который замѣчается въ старомъ свѣтѣ. Но такіе изслѣдователи не должны упускать изъ вида, что наблюденіе явленій у одного какого-либо народа, въ отдѣльный періодъ его жизни, не можетъ служить основаніемъ для построенія общихъ міровыхъ законовъ, равно примѣнимыхъ ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ народамъ: въ политической экономіи, какъ и въ другихъ наукахъ, историческій методъ одинъ непогрѣшимъ, исторія лучшая учительница. Въ современномъ обществѣ все сильнѣе и сильнѣе сознается эта мысль и находитъ себѣ достойныхъ представителей. И политическая экономія не осталась изъятою изъ этого общаго направленія: въ Германіи въ послѣднее время явился ученый, который приложилъ къ политической экономіи методъ историческій, — и съ нимъ вступила на послѣднюю ступень своего развитія современная наука о народномъ хозяйствѣ.

Бывшій профессоръ Геттингенскаго, а съ 1848 г. Лейпцигскаго университета, Вильгельмъ Рошеръ, высказалъ яснѣе другихъ необходимость обратиться къ историческому методу, и можетъ считаться основателемъ новой школы политической экономіи. Онъ открылъ рядъ трудовъ своихъ программою лекцій, напечатанною въ 1843 г., подъ заглавіемъ: «Grundriss zu Vorlesungen nach geschichtlicher Methode». Въ этой брошюрѣ онъ начерталъ методъ, которому намѣренъ былъ слѣдовать и сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. Въ каждой наукѣ, занимающейся изслѣдованіемъ народной жизни, говоритъ Рошеръ, замѣтны всегда два главные вопроса, а именно: 1) что существуетъ теперь, т. е. что было прежде и какъ получило оно настоящую форму и 2) что должно быть? Большая часть политико-экономовъ не раздѣляютъ этихъ двухъ вопросовъ, и потому не изслѣдуютъ отдѣльно и съ одинаковымъ вниманіемъ каждаго изъ нихъ, такъ-что у однихъ преобладаетъ первый, у другихъ второй. Напримѣръ Рикардо и его школа изслѣдуютъ преимущественно настоящее положеніе экономическихъ явленій; утописты напротивъ, забывая первый вопросъ, единственно заняты изслѣдованіемъ, какова должна быть экономическая организація обществъ. Поэтому въ стремленіяхъ организовать общество теоретики расходятся въ своихъ планахъ, и удивительное

различіе, часто противорѣчіе поражаетъ всякаго при первомъ взглядѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что всѣ теоріи мало уклонялись отъ дѣйствительно существовавшихъ условій и формъ народнаго хозяйства, среди котораго жили виновники ихъ. Это объясняется тѣмъ, что съ перемѣною поколѣній, съ теченіемъ времени измѣняется народъ и у него высказываются новыя потребности, которымъ удовлетворяютъ великіе умы того вѣка. Но идеальныя требованія, высказываемыя теретиками извѣстнаго періода, могутъ быть приличны только для своего времени и для народа, среди котораго живутъ эти мыслители; изъявлять-же притязаніе на непреложность, безусловную справедливость и годность ихъ для всѣхъ и каждаго, значитъ жестоко ошибаться. Одного экономическаго идеала, продолжаетъ Рошеръ, не можетъ быть для народовъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы заниматься разработкою подобныхъ экономическихъ идеаловъ, должно обратиться къ простому изложенію сначала хозяйственныхъ потребностей народа, потомъ законовъ и учрежденій, назначенныхъ для ихъ удовлетворенія, и наконецъ къ изложенію большаго или меньшаго успѣха послѣднихъ; слѣдовательно задача науки состоитъ въ томъ, чтобы представить, такъ сказать, анатомію и физіологію народнаго хозяйства.

Рошеръ беретъ каждое изъ экономическихъ явленій, согласно выше высказанной мысли, въ самомъ его зародышѣ, слѣдитъ за постепеннымъ его развитіемъ и за каждымъ видоизмѣненіемъ, вызваннымъ новыми историческими условіями народной жизни (14).

Такимъ-образомъ мы видимъ, что предѣлы науки расширяются новою школою. Цѣль ея, какъ замѣчаетъ г. Бабстъ, нетолько содѣйствовать успѣшнѣйшему развитію народнаго хозяйства, но и изложить, что придумали народы, чего хотѣли, къ чему стремились и чего достигли, каждый, въ своихъ хозяйственныхъ условіяхъ, наконецъ почему стремились и почему именно достигли; т. е. она старается разъяснить, каковъ былъ экономическій бытъ народа, каковъ есть и каковъ долженъ быть, и все это объясняетъ путемъ тщательныхъ историческихъ изысканій и строгой послѣдовательности фактовъ. Но это расширеніе предѣловъ науки не касается экономическихъ явленій; и въ этомъ послѣднемъ отно-

---

(14) См. статью г. Бабста: «Историческій методъ въ политической экономіи». Русск. Вѣстн., 1856 г., т. 9.

щеніи, какъ замѣчаетъ и Рошеръ, политическая экономія остается вездѣ и всегда одна и та-же.

Слѣдуя однажды принятому направленію, Рошеръ въ продолженіе 11 лѣтъ написалъ много трактатовъ объ отдѣльныхъ вопросахъ политической экономіи, и наконецъ въ 1854 г. издалъ первую часть замѣчательнаго труда своего: «System der Volkswirthschaft», который долженъ состоять изъ четырехъ томовъ. Этими трудами положено, какъ мы замѣтили, начало новой школѣ политической экономіи — школѣ исторической. Рошеръ нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, изъ которыхъ особенно замѣчательны: профессоръ Марбургскаго университета Бруно Гильдебрандтъ (15) и Карлъ Книсъ (16).

Таково положеніе, въ которое поставлена наука народнаго хозяйства въ наше время. Отдадимъ должную дань справедливости тѣмъ великимъ мыслителямъ, которые своими трудами способствовали ея развитію. Если они и ошибались, заслуга ихъ тѣмъ не менѣе несомнѣнна, потому-что самыя эти заблужденія послужили къ пользѣ нашей науки: они заставили подвергнуть тщательнѣйшему изслѣдованію тотъ или другой экономическій вопросъ, подвинуть его впередъ и тѣмъ приблизиться къ истинѣ.

Общее движеніе науки не осталось безъ вліянія и на государственную практику: стремленіе прилажить отвлеченные выводы науки къ дѣйствительной жизни есть замѣчательная черта нашего вѣка, великій шагъ впередъ. Только благодѣтельною связью науки съ жизнію можно объяснить тѣ громадные успѣхи современнаго общества, то удивительное развитіе, которымъ по справедливости можетъ гордиться XIX столѣтіе. Поэтому если мы уважаемъ и преклоняемся предъ философомъ, который своими изысканіями открылъ истину и подарилъ ее міру, то должны не менѣе того быть признательны человѣку, который приложилъ ее къ практикѣ и сроднилъ съ жизнію народа. Въ дѣлѣ народнаго, государственнаго хозяйства вѣкъ нашъ можетъ указать не на одного достойнаго дѣятеля, принявшаго въ себя начала науки и осуществившаго, къ пользѣ государства, внушенныя ею мысли на поприщѣ своей общественной дѣятельности; и замѣчательные государственные люди, которые оставили по себѣ славную память, всегда ува-

(15) Die Nationaloeconomie der Gegenwart und der Zukunft.

(16) Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, 1853.

жали науку и преклонялись предъ ея внушеніями. Обратимся для примѣра къ Англіи. Замѣчательная черта въ современномъ экономическомъ законодательствѣ Англіи, представляющаяся самому поверхностному наблюдателю,— удивительное согласіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ въ дѣлѣ народнаго хозяйства съ внушеніями науки: всякая хозяйственная мѣра, къ которой прибѣгаютъ въ соединенномъ королевствѣ, есть плодъ предварительнаго изученія вопроса съ научной точки зрѣнія. Достаточно вспомнить знаменитый актъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, съ которымъ соединено имя безсмертнаго Р. Пиля. Чему этотъ государственный мужъ обязанъ успѣшнымъ осуществленіемъ своей мысли, какъ не голосу науки, которая громогласно заговорила устами своихъ лучшихъ представителей противъ старинныхъ правилъ о ввозѣ хлѣба. Тогда и на парламентской трибунѣ и на митингахъ сознали и провозгласили безсмысленность стѣсненій въ международной торговлѣ, и всѣ, кто не остался глухъ къ голосу здравой политической экономіи, соединившись подъ знамя Кобдена, настоятельно потребовали отказа отъ мысли приносить въ жертву интересы всѣхъ интересамъ немногихъ корыстныхъ аристократовъ. Это было дѣйствительнымъ началомъ приложенія теоріи къ экономическому законодательству Англіи, и съ-тѣхъ-поръ поставленное усиліями лучшихъ министровъ и граждамъ своихъ на истинный путь, указанный наукою, оно смѣло идетъ по немъ. Отъ уничтоженія запрещеній относительно ввоза хлѣба перешли и къ отмѣнѣ другихъ стѣснительныхъ таможенныхъ постановленій, и настоящій тарифъ Англіи можетъ назваться самымъ либеральнымъ. Всѣ эти преобразованія служатъ лучшимъ подтвержденіемъ, какъ важно распространеніе здравыхъ экономическихъ познаній въ обществѣ и какъ оно благодѣтельно содѣйствуетъ предначертаніямъ правительства, стремящагося къ благу народа.

Посмотримъ на другое государство, небольшое по пространству, но замѣчательное во многихъ отношеніяхъ,—государство, которому хозяйственная наука обязана многимъ въ настоящее время. Мы разумѣемъ Бельгію, содѣйствовавшую приведенію въ исполненіе либеральныхъ таможенныхъ реформъ и заботящуюся о примѣненіи и распространеніи науки. Въ 1846 г. извѣстный Бельгійскій политико-экономъ, нынѣшній министръ финансовъ Брукеръ, подалъ мысль объ учрежденіи международныхъ конгрессовъ для обсужденія разныхъ экономическихъ вопросовъ и осо-

бенно вопроса о свободной торговлѣ. Подобныя собранія, на которыя съѣзжаются со всей Европы лучшіе ученые и просвѣщенные практики, много способствуютъ примѣненію началъ науки въ дѣйствительной жизни и къ знакомству съ политическою экономіею общества. Напримѣръ послѣдній конгрессъ, бывшій въ прошедшемъ году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, состоялъ изъ 128 членовъ, уполномоченныхъ отъ разныхъ государствъ, и на немъ присутствовало до 500 членовъ-посѣтителей. Подобный-же конгрессъ былъ въ Брюсселѣ въ 1853 г. для разсужденія о предметахъ статистики. Вообще Бельгійское правительство проникнуто въ настоящее время здравыми взглядами на хозяйственный бытъ народа и всѣми средствами содѣйствуетъ распространенію въ своихъ гражданахъ экономическихъ свѣдѣній, справедливо видя въ этомъ одно изъ важнѣйшихъ условій преуспѣянія общественной жизни.

Австрія, которая до послѣдняго времени упорно держалась устарѣлой рутины, начала также покидать свои ложно-консервативныя идеи, чему она обязана государственнымъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находятся государственныя дѣла имперіи. Между ними въ дѣлѣ народнаго хозяйства обращаетъ на себя вниманіе министръ финансовъ, баронъ Брукъ, оказавшій въ кратковременное свое управленіе важныя услуги отечеству. Вообще должно сказать, что промышленое и торговое движеніе, которое замѣчается въ Австріи, какъ и во всей Германіи, главнѣйшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что экономическія истины стали проникать въ массы народа, чему содѣйствуютъ, не говоря уже объ университетахъ, многочисленныя статьи и общепонятныя руководства, появившіяся въ послѣднее время въ Германіи. Примѣръ такаго популярнаго изложенія вопросовъ науки представили недавно въ Русскомъ переводѣ «Московскія вѣдомости».

Что касается до Франціи, то должно съ сожалѣніемъ замѣтить, что Французское общество не представляетъ такого утѣшительнаго явленія относительно экономическаго образованія, какъ Германія и Англія, что доказываетъ фактъ послѣдняго времени. Недавно, какъ извѣстно, французское правительство предложило законодательному собранію проектъ закона объ отмѣнѣ стѣснительныхъ таможенныхъ постановленій. Но, по отобраніи мнѣній отъ торговыхъ палатъ различныхъ городовъ Франціи, принуждены были отложить измѣненіе тарифа на 5 лѣтъ. Это грустное

обстоятельство, конечно, есть слѣдствіе отсутствія въ народѣ здравыхъ экономическихъ убѣжденій, и за это онъ не можетъ освободиться отъ упрека, потому-что онъ легче, чѣмъ многіе другіе могъ-бы ознакомиться съ основными началами науки: вспомнимъ огромное количество мелкихъ брошюръ и руководствъ, появляющихся во Франціи, припомнимъ извѣстнаго Бастіа, который остроумными и въ высшей степени общепонятными трактатами старался разъяснить своимъ соотечественникамъ науку народнаго хозяйства. Конечно, нашъ упрекъ нимало не касается людей, стоящихъ на высокой ступени общественной жизни, и въ въ этомъ отношеніи Франція можетъ представить многихъ весьма замѣчательныхъ лицъ.

Наконецъ и остальныя государства Европы, которыя до послѣдняго времени оставались сторонними зрителями всеобщаго экономическаго движенія, прибѣгли къ посредству болѣе образованныхъ народовъ, и недостатокъ въ своихъ знаніяхъ и капиталахъ стараются пополнить избытками средствъ, которыми обладаютъ болѣе развитыя Европейскія націи.

Изъ этого бѣглаго очерка вліянія экономической науки на практическую жизнь и дѣятельность современныхъ народовъ видно, что если не всѣ Европейскія государства въ одинаковой мѣрѣ сроднились съ началами науки и сремятся осуществить здравыя требованія народнаго хозяйства, то по-крайней-мѣрѣ нѣтъ ни одного, гдѣ-бы экономическія знанія остались совершенно чуждыми правительству и народу и не породили тѣхъ благодѣтельныхъ мѣръ, которыя должны быть прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ изученія политической экономіи.

Обратимся къ нашему отечеству. Въ Россіи политическая экономія, какъ наука, можно сказать не существовала до послѣдняго времени; экономической литературы у насъ почти не было. Старинный и плохой переводъ «Опыта» Смита, «Курсъ политической экономіи», Шторха, написанный на Французскомъ языкѣ, «Опытъ о богатствѣ народовъ», Бутовскаго и еще нѣсколько незначительныхъ переводовъ Французскихъ экономистовъ, — вотъ вся литература нашей науки, въ продолженіе почти полустолѣтія. Равнодушіе къ экономической наукѣ было удивительное. «Большинство, привыкшее къ рутинѣ, какъ замѣтилъ г. Бабстъ, выражало на каждомъ шагу свое недовѣріе, а нерѣдко и злобу къ теоріи. Нигдѣ не найдемъ мы такого неуваженія къ ней, нигдѣ не услышимъ

уже подобныхъ словъ, что не дворянское-де дѣло заниматься хозяйствомъ, не услышимъ похвалъ нашей внутренней торговлѣ по душѣ, безъ всякаго счетоводства, безъ книгъ, гдѣ рѣдкій купецъ, рѣдкій помѣщикъ въ-состояніи сдѣлать балансъ своимъ оборотамъ. Часто слышимъ мы возгласы противъ промышленаго, матеріальнаго направленія нашего вѣка, нерѣдко говорится о новомъ Вавилонѣ, о поклоненіи золотому тельцу, о томъ, что всѣ нравственные интересы принесены въ жертву интересамъ промышленымъ, и затѣмъ всѣ нападки обрушиваются на науку о народномъ хозяйствѣ; намъ указываютъ на широту нашей жизни, на ея размашистость, на разочетливость западной жизни». Такое неутѣшительное направленіе большинства нашего общества, такое презрѣніе къ наукѣ проистекало частію отъ недостатка у насъ самой науки; но съ другой стороны это-же самое направленіе и препятствовало ей развиться. У насъ не было науки въ массахъ, и не только экономической, но и всякой другой; скажемъ болѣе,—у насъ не было уваженія къ истинѣ, потому-что еслибы явилось разумное преклоненіе предъ истиною одного какого-либо рода, оно неизбѣжно распространилось-бы и далѣе, такъ-какъ цѣль всѣхъ наукъ есть одна и та-же истина. Отъ отсутствія этого благоговѣнія предъ сущностію науки и самое образованіе наше было безплодно. Юноша, нахватавшись въ школѣ разныхъ свѣдѣній, не оживотворивъ ихъ ни одною идеею, выходя изъ школы также скоро забывалъ ихъ, какъ и пріобрѣталъ, нимало не сознавая того, что наука тогда только благотворна, когда мы принимаемъ ее не только разумомъ, но и сердцемъ, когда сознаемъ ее, твердо сродняемся съ нею, и стремимся и мыслить, и чувствовать, и дѣйствовать по ея великимъ внушеніямъ, сохраняя ихъ, какъ завѣтный даръ, какъ величайшее благо. Несознаніе этой истины естественно уничтожало возможность стремленія и уваженія къ наукѣ и теоріи, на которую и теперь еще слышатся нападки. По этому не удивительно, что и экономическое образованіе наше не дѣлало долгое время никакихъ успѣховъ. Не касаясь уже низшаго класса, который остался вовсе чуждымъ самыхъ первыхъ, элементарныхъ истинъ науки народнаго хозяйства, и въ болѣе высшемъ обществѣ до-сихъ-поръ встрѣчаются мнѣнія, обличающія совершенное незнаніе основныхъ началъ экономическихъ. Впрочемъ, можно спросить: была-ли и возможность познакомиться съ ними при томъ состояніи политико-экономической литературы нашей, о которомъ мы упомянули вы-

ніе? Не говоря уже о популярныхъ сочиненіяхъ, которыя-бы распространяли знанія о хозяйственныхъ предметахъ въ народѣ, у насъ нѣтъ не только хорошихъ руководствъ, но даже хорошихъ переводовъ иностранныхъ сочиненій, такъ-что нѣсколько образованный человѣкъ, но незнакомый съ новѣйшими языками, не можетъ, при всѣмъ желаніи своемъ, пріобрѣсти какія-либо экономическія свѣдѣнія, тѣмъ-болѣе, что въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, исключая университетовъ и нѣкоторыхъ высшихъ училищъ, политическая экономія входитъ въ составъ курса. Но довольно сѣтовать о прошломъ: предъ нами открывается новое время, обѣщающее многое въ будущемъ,—время, въ которое обнаружилось уже столько утѣшительнаго. Фраза, что все принимаетъ у насъ движеніе, — и наука, и литература, и общественная жизнь,— слышится изъ всѣхъ устъ. Впрочемъ, нельзя и не повторять ее, потому-что она заключаетъ въ себѣ такъ много отраднаго. «Тяжкія народныя борьбы и страданія, говоритъ г. Бабстъ, заставляютъ народъ осматриваться, провѣрять свою пройденную жизнь и поправлять свои ошибки. Въ великихъ народныхъ битвахъ могучіе соперники знакомятся другъ съ другомъ, научаются уважать другъ-друга, — и народамъ юнымъ, но по своимъ историческимъ задаткамъ призваннымъ играть великую роль въ Европейской семьѣ, не мѣшаетъ поучиться многому у своихъ недавнихъ враговъ, съ которыми они побратались на ратномъ полѣ и которыхъ они научились уважать». Война доказала необходимость измѣненій въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, и потому во всеобщемъ движеніи вопросы политической экономіи поставлены на первое мѣсто. Вопросы о желѣзныхъ дорогахъ, о частныхъ компаніяхъ, о пониженіи тарифа стали занимать публику; она высказала къ нимъ живое сочувствіе, но, къ-сожалѣнію, не находила твердой опоры своимъ мыслямъ ни въ прежнемъ своемъ образованіи, ни въ сильныхъ авторитетахъ, съ которыми она не была знакома. При этомъ общемъ броженіи и проявившемся сознаніи необходимости знакомства хотя съ основными началами политической экономіи ясно почувствовалась необходимость въ хорошемъ руководствѣ. Какъ отвѣтъ на этотъ голосъ явился въ послѣднее время «Новый опытъ о богатствѣ народномъ», г. Каменскаго; но, къ-сожалѣнію, онъ не удовлетворилъ ожиданіямъ и требованіямъ общества. Трудъ г. Каменскаго, какъ недавно доказали «Отечественныя Записки», есть переводъ извѣстнаго курса Милля, съ выпускомъ нѣкото-

рыхъ главъ. Но сочиненіе Англійскаго экономиста, въ высшей степени философское, обнимающее весь хозяйственный бытъ въ его совокупности, можетъ быть прочтено съ пользою человѣкомъ, уже основательно знакомымъ съ политическою экономіею; переводить-же его для начинающихъ, еще непосвященныхъ въ тайны науки, по нашему мнѣнію—трудъ безполезный. При томъ переводъ г. Каменскаго написанъ языкомъ, который не легко читается. Поэтому понятно, что извѣстіе о появленіи журнала, исключительно посвященнаго народному хозяйству и государствовѣдѣнію, должно было встрѣтить живѣйшее сочувствіе въ обществѣ. Принимая въ соображеніе состояніе экономическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ, сравнительно съ другими государствами Европы, — состояніе, которое, какъ было уже замѣчено, отличалось совершеннымъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ понятій о наукѣ, понятно, что главная цѣль предпринятаго изданія должна состоять въ томъ, чтобы ознакомить общество съ истинами политической экономіи и статистики, прямой долгъ его — «просвѣтить публику по всѣмъ экономическимъ вопросамъ», какъ справедливо сказалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Экономическаго Указателя» (*). Достиженіе такой цѣли необходимо предполагаетъ извѣстную систему въ изложеніи истинъ, ибо иначе знакомство съ ними будетъ отрывочно, неполно и поверхностно; а такое знаніе, лишенное всякой систсистемы и не проникнутое одною идеею, едва-ли лучше совершеннаго незнанія. Слѣдовательно журналъ, поставившій себѣ цѣлію служить проводникомъ для распространенія экономическаго образованія, быть посредникомъ между наукой и публикой, долженъ направить всю свою дѣятельность къ тому, чтобы быть строгимъ руководителемъ общества, проливать полный свѣтъ на тѣ, или другія истины, такъ чтобы онѣ являлись не отрывочными, а ясно видна была ихъ общая связь и исходъ изъ одного начала. Особенно-же такой характеръ должно принять періодическое изданіе въ нашемъ отечествѣ; а принявъ его, журналъ вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на себя обязанность систематически и общедоступно излагать читателямъ основныя положенія науки. Польза отъ указаннаго направленія очевидна, — и въ особенности необходима тамъ, гдѣ, при бѣдности экономической литературы и другихъ препятствіяхъ къ изученію хозяйственной науки, должно прибѣгать къ журналу и

(*) См. Экономич. Указат. стр. 99.

за руководствомъ къ пріобрѣтенію знаній и за самыми знаніями. Въ объявленіи объ изданіи «Экономическаго Указателя» были высказаны планы, которыми намѣрена была руководствоваться редакція, согласные съ вышеприведеннымъ взглядомъ нашимъ на характеръ, который долженъ принять, по нашему мнѣнію, журналъ, посвященный народному хозяйству и государствовѣдѣнію. «Познаніе основныхъ силъ отечества, сказано въ помянутой программѣ изданія, должно быть задачею каждаго образованнаго человѣка; но это познаніе пріобрѣтается не однимъ простымъ знакомствомъ съ данными, относящимися къ извѣстной мѣстности, а предполагаетъ притомъ въ значительной степени разработку и правильную оцѣнку ихъ. То и другое возможно только при подробномъ изученіи предмета». Теоретическія статьи, сказано далѣе, будутъ образовать существенную часть изданія. Вторую часть предположено было занять болѣе или менѣе обработанными статьями статистическаго содержанія. Такимъ образомъ «Указатель» долженъ былъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ, рѣзко разграниченныхъ: 1) статьи теоретическія, разсматривающія вопросы изъ области политической экономіи и статистики, а также ихъ исторіи; 2) статьи, имѣющія цѣлію изложеніе статистическихъ данныхъ, касающихся Россіи и другихъ странъ. Кромѣ этихъ двухъ существенныхъ отдѣловъ, предположено включать въ журналъ свѣдѣнія библіографическія и отчеты объ экономическихъ и статистическихъ изданіяхъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ. Изъ этого обозрѣнія программы новаго журнала видимъ, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ былъ онъ задуманъ и какъ раціонально редакція намѣрена была приняться за дѣло.

Разсмотримъ вкратцѣ содержаніе главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ выпускахъ «Экономическаго Указателя» за первые три мѣсяца.

Въ первомъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья: «Значеніе природы въ государственномъ хозяйствѣ», въ которой авторъ развиваетъ мысль, что государственное хозяйство находится въ тѣсной связи съ внѣшнимъ очертаніемъ и внутреннимъ составомъ страны,—и тѣмъ доказывается необходимость знанія и оцѣнки особенностей извѣстной мѣстности, какъ неизбѣжное условіе успѣха всякой государственной мѣры. Это есть основная мысль статистики; благодаря развитію ея, статистика поступила въ число наукъ и пріобрѣла несомнѣнную важность для государственнаго

хозяйства. Заключенія, къ которымъ пришла наука въ настоящее время, представляютъ много интереснаго и поучительнаго;—и особенно важныя изъ нихъ изложены въ помянутой статьѣ. Здѣсь съ достаточною ясностію раскрыто важное вліяніе мѣстности какъ на объемъ государства, такъ и на развитіе его элементовъ: вліяніе это проявляется не въ однихъ только общихъ чертахъ, но проникаетъ собою весь хозяйственный порядокъ мѣстности; и то, въ чемъ съ перваго взгляда видна только случайность, при болѣе глубокомъ вниманіи представляется закономъ и историческою необходимостію. Вокругъ человѣческихъ попытокъ и желаній, какъ справедливо говоритъ авторъ, Провидѣніе ставитъ предѣлъ въ формахъ окружающей природы, и объ эти грани въ-прахъ разбиваются усилія отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, неумѣвшаго понять загадочный смыслъ явленій и значеніе своихъ силъ, въ которыхъ кроется не родникъ исторіи, а только ея объясненіе. Таково слово новой науки, ищущей естественнаго объясненія событіямъ и не признающей случайности тамъ, гдѣ дѣйствуетъ высокая рука Божества и гдѣ существуютъ предначертанные законы.

Подобная-же мысль, только не въ отношеніи къ государству, а къ отдѣльному человѣку, изложена въ статьѣ: «О законѣ причинъ случайныхъ, какъ основаніи нравственной статистики» (вып. 2 и 4), извлеченной изъ сочиненія знаменитаго Кетле: «Sur l'homme et le developpement de ses facultés, ou essai de physique sociale». Bruxelles 1846. «Въ мірѣ матеріальномъ, по словамъ составителя этой статьи, г. Заблоцкаго, мы находимъ законы, необходимости которыхъ мы должны повиноваться. Слѣдовательно, на какомъ-же основаніи намъ питать высокомѣріе и считать себя освобожденными отъ этихъ законовъ въ болѣе возвышенной сферѣ, — нравственной, гдѣ малѣйшія отъ нихъ отдаленія влекутъ за собою самыя важныя послѣдствія. Напротивъ того, здѣсь-то именно, въ нравственной сферѣ, мы находимъ удивительную гармонію, въ силу которой человѣкъ, пользуясь своею способностію дѣйствовать свободно, въ то-же время ограниченъ съ такою мудростію, что эта свобода ни въ чемъ не можетъ остановить непреложныхъ законовъ, властвующихъ надъ сохраненіемъ какъ міровъ, такъ и самыхъ простыхъ элементовъ, изъ коихъ они состоятъ». Предметомъ изслѣдованій статьи г. Заблоцкаго есть человѣкъ въ недѣлимомъ его состояніи; и относительно этого изложено нѣсколько

мыслей Кетле о томъ, какъ случайность теряетъ свое значеніе по мѣрѣ извѣстности фактовъ, какъ строгая законность можетъ-быть открыта даже тамъ, гдѣ съ перваго взгляда нельзя отличить ничего, кромѣ дѣйствія слѣпаго случая. Человѣкъ здѣсь разсмотрѣнъ въ тройкомъ отношеніи: въ отношеніи его физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. По удобствамъ вывода общихъ законовъ въ этомъ трояко мъ отношеніи, законы физическаго развитія опредѣлены наукою съ большею подробностію; но и въ нравственной сторонѣ человѣка также замѣтно сильное вліяніе общихъ законовъ, на основаніи коихъ она проявляется, такъ-что общественныя явленія, находясь подъ вліяніемъ свободнаго произвола человѣка, совершаются изъ-года-въ-годъ съ большею правильностію, нежели явленія, находящіяся подъ вліяніемъ причинъ, исключительно матеріальныхъ и случайныхъ. То-же должно сказать и объ умственной сторонѣ человѣка, хотя здѣсь изслѣдованія сопровождаются еще значительнѣйшими трудностями, и потому большая часть фактовъ не выведены еще изъ сферы случая и не подведены подъ скрытые въ нихъ законы.

Слѣдовательно обѣ разсмотрѣнныя статьи, указывая на основныя понятія, выработанныя новѣйшею наукою, имѣютъ цѣлію раскрыть значеніе статистики, интересъ ея для любознательности и важность для практическихъ соображеній.

Въ 3-мъ выпускѣ находимъ двѣ статьи, посвященныя изложенію основныхъ началъ политической экономіи: 1) «Объ условіяхъ благосостоянія» и 2) «Деньги, золото, богатство». Заглавіе первой статьи позволяло намъ ожидать бо́льшаго, чѣмъ мы нашли въ ней: по прочтеніи нѣсколькихъ общихъ фразъ, читатель приходитъ къ тому заключенію, что для благосостоянія народа нужны «сперва экономическія преобразованія, затѣмъ нравственныя условія и образованіе», т.-е. другими словами: для благосостоянія, понимая подъ нимъ развитое состояніе народныхъ силъ, нужно, чтобы силы эти были развиты. Истина очевидная! Мы коснулись этой статьи потому, что въ ней затронутъ вопросъ о значеніи и важности политической экономіи,— вопросъ, разъясненіе котораго было-бы полезно для большинства читателей «Экономическаго Указателя». Сознавая трудность опредѣленія границъ и полнаго содержанія этой науки, г. И. В. говоритъ: «Не желая пускаться въ споры и *безплодныя* разсужденія объ этомъ предметѣ, мы считаемъ полезнымъ *въ настоящемъ*

случаѣ признать наиболѣе широкіе ея предѣлы. Такимъ-образомъ подъ именемъ ея мы, вслѣдъ за нашимъ отечественнымъ экономистомъ г. Шторхомъ, разумѣемъ не только науку о трудѣ и матеріальномъ производствѣ, но и теорію производства духовнаго,—образованія, не только государственное хозяйство, но и систему благосостоянія,—*для того, чтобы ни одинъ трудъ специалиста не уклонился отъ нашего вниманія* (?)». «Мы полагаемъ, продолжаетъ авторъ, что только при такомъ условіи, устранивъ, такъ-сказать, индивидуальное воззрѣніе свое, мы будемъ въ-состояніи оказать дѣйствительную пользу отечественной литературѣ. И это тѣмъ удобнѣе выполнить для насъ, что въ сущности всѣ явленія общественной жизни, выходя изъ одного организма, тѣсно связаны между собою» (стр. 50). Противъ такихъ словъ автора замѣтимъ, что напрасно считаетъ онъ *безплодными* разсужденія объ опредѣленіи границъ и содержанія политической экономіи: дѣльное изложеніе этого вопроса было-бы во-всякомъ-случаѣ и занимательно и умѣстно въ журналѣ, посвященномъ народному хозяйству и государствовѣдѣнію. Далѣе авторъ едва-ли правильно даетъ столь-обширное значеніе политической экономіи, включая въ ея область и теорію производства духовнаго,—образованія, и систему благосостоянія. Такое мнѣніе тѣмъ-болѣе несостоятельно, что авторъ въ подкрѣпленіе его говоритъ, что *въ настоящемъ случаѣ* ему *удобнѣе* признать наиболѣе широкіе ея предѣлы. Придавая такую эластичность, если можно такъ выразиться, политической экономіи, онъ этимъ отнимаетъ у нея характеръ науки: наука должна имѣть и свое содержаніе, и свои границы, которыхъ не предоставлено кому-либо измѣнять, хотя-бы для того, чтобы ни одинъ трудъ спеціалиста не уклонился отъ его вниманія. Наконецъ, если авторъ признаетъ авторитетъ Шторха, то намъ казалось-бы не лишнимъ высказать болѣе убѣдительные доводы въ пользу его опредѣленія политической экономіи, тѣмъ-болѣе, что большинство писателей даетъ ей сферу дѣятельности болѣе тѣсную и опредѣленную, называя ее наукою о народномъ хозяйствѣ, между-тѣмъ какъ Шторхъ опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «l'Economie politique est la science des lois naturelles qui déterminent la prospérité des nations, c'est-à-dire leur richesse et leur civilisation». Такое опредѣленіе, смѣемъ думать, слишкомъ обширно: при немъ политическая экономія теряетъ характеръ самостоятельной науки и является сборникомъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ области наукъ

нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ; кромѣ того, оно не оправдывается и самою исторіею науки.

Гораздо занимательнѣе вторая статья: «Деньги, золото, богатство», барона Брамбеуса. Даровитый и ученый авторъ, какъ-бы шутя, высказываетъ въ этой статьѣ легкимъ, прекраснымъ языкомъ и съ наглядностію, доступною для ребенка, главнѣйшія положенія науки о значеніи капитала для народнаго хозяйства и благосостоянія, говоритъ о распредѣленіи цѣнностей, о важности внѣшней торговли, касается необходимости путей сообщенія и вообще даетъ читателю ясное понятіе о деньгахъ: «не деньги—деньги, говоритъ онъ, а движеніе денегъ—деньги».

Въ 5-мъ выпускѣ находимъ три дѣльныя статьи: 1) «Письмо къ редактору Экономическаго Указателя», 2) «Теорія и практика» и 3) «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства». Въ первой статьѣ г. Гагемейстеръ, со свойственною ему основательностію, отвѣчаетъ на вопросы, возникшіе въ Русской публикѣ по поводу постройки желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ отечествѣ и отдачи ихъ иностранной компаніи. Мнѣнія объ этомъ предметѣ двоякаго рода: одни опасаются, что иностранцы наводнятъ Россію и станутъ отбивать хлѣбъ у Русскихъ, обогатятся на нашъ счетъ и вывезутъ отсюда большія деньги; другіе, напротивъ, полагаютъ, что доходы отъ дорогъ будутъ такъ ничтожны, что казнѣ придется приплачивать ежегодно огромную сумму, вслѣдствіе принятаго ею на себя обязательства гарантировать предпринимателямъ 5% съ употребленнаго ими на постройку дорогъ капитала. Оба эти противорѣчащія мнѣнія разсмотрѣны авторомъ съ отчетливостію, на сколько позволялъ это объемъ статьи, и указаны вѣроятныя причины несостоятельности какъ того, такъ и другаго опасенія. Опровергнувъ сказанныя мнѣнія, авторъ указываетъ на выгоды, которыя повлечетъ за собою проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Не говоря уже о выгодахъ въ коммерческомъ и экономическомъ отношеніи, очевидныхъ для всякаго, такое предпріятіе обнаружитъ благодѣтельныя послѣдствія для всѣхъ отраслей государственной жизни. «Еслибы даже, говоритъ г. Гагемейстеръ, казнѣ приходилось на нѣкоторое время приплачивать къ обезпеченнымъ ею пяти процентамъ, то она въ убыткѣ не будетъ, сколько отъ усиленія сборовъ по другимъ статьямъ государственныхъ доходовъ, тѣсно связанныхъ съ общимъ благосостояніемъ народа, столько и отъ значительныхъ сбереженій, которыя послѣдуютъ,

за установленіемъ усовершенствованныхъ путей, по военному и гражданскому управленію». Развитіе-же промышленыхъ силъ народа и усиленіе матеріальнаго благосостоянія, которыми ознаменуется сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, неминуемо породитъ неисчислимые благіе перевороты въ умственномъ и нравственномъ состояніи гражданъ нашего обширнаго отечества, — въ чемъ, должно признаться, наукѣ предстоитъ обширное поле дѣятельности и трудная борьба съ «представителями старой, обветшалой рутины», какъ выражается г. Бабстъ въ статьѣ своей «Теорія и практика».

Въ этой статьѣ ученый авторъ подаетъ сильный, убѣдительный голосъ въ пользу настоятельной необходимости скорѣйшаго соединенія теоріи и практики. «Мы согласимся охотно, говоритъ г. Бабстъ, что книги и университетская аудиторія не дадутъ никогда готовыхъ практиковъ, но плохо довѣряемъ и практикамъ, не имѣющимъ научной подготовки и выходящимъ изъ канцелярій, или мучныхъ лавокъ. Практика пользуется постоянно только тѣмъ, что ей передано прежнимъ временемъ. Практика и рутина до такой степени всегда самодовольны, до такой степени всегда сживаются съ старыми, завѣщанными имъ формами, что постоянно смотрятъ враждебно на все, что хотя сколько-нибудь уклоняется отъ ея пути и ея привычекъ. За мелочами практика теряетъ сама изъ виду главное дѣло. Въ вопросахъ административныхъ, финансовыхъ особенно вредна рутина, лишенная всякаго научнаго основанія. Здѣсь путь ея особенно тяжелъ и болѣзненъ,—и не столько для самого практика, сколько для тѣхъ, надъ которыми начинаетъ практикъ пробовать свои силы. Положимъ, что въ практической жизни часто забываются начала науки, что часто нѣтъ ни времени, ни охоты ихъ подновлять и освѣжать, но все-же это лучше, нежели когда и забывать нечего. Практикъ-неучъ — всегда самый неумолимый врагъ науки, теоріи и вызываемыхъ ими благодѣтельныхъ реформъ. Онъ постоянно первый поднимаетъ голосъ противъ нихъ, и вотъ главная причина, почему практика всегда является отсталою и постоянно медлитъ воспользоваться благодѣтельными результатами науки, ожидающими только опытной руки, которая-бы приложила ихъ къ дѣлу». Но съ другой стороны и теоретики не всегда правы и иногда бываютъ причиною недовѣрчивости къ теоріи и вражды съ нею практиковъ; именно «теоретики вредятъ часто и себѣ и благому дѣлу народнаго развитія своею исключительностію и неумолимостію: иногда теоретики за-

бываютъ, что истина, высказанная великими умами, опережаетъ нерѣдко столѣтіями механизмъ народной жизни, что она можетъ служить только путеводною звѣздою, огненнымъ столпомъ, за которымъ шелъ народъ Израильскій прежде, нежели достигъ земли обѣтованной; иногда-же теоретики до такой степени дѣлаются исключительными и близорукими, что не замѣчаютъ, какъ народная жизнь переросла теорію и не довольствуется ею. Все дѣло въ томъ, заключаетъ авторъ, чтобы практика шла дружно рука-объ-руку съ наукой, чтобы каждая изъ нихъ сдѣлала взаимно другъ другу уступку,—чтобы практика сдѣлалась научнѣе, а наука практичнѣе. Прошла пора Буддистскаго воззрѣнія на науку, что будто наука—сама-по-себѣ, а жизнь—сама-по-себѣ; прошла пора видѣть въ наукѣ одно праздное занятіе. Наука всѣми своими сторонами болѣе, нежели когда-либо, связана теперь съ жизненными вопросами; и ежели она съ надменностію любуется сама-собой и свысока смотритъ на окружающую ее жизнь, то грѣшитъ точно такъ-же въ отношеніи къ практикѣ, какъ практика въ отношеніи къ ней,—последняя пожалуй еще съ большимъ правомъ».

Статья Д. Струкова: «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства», принадлежитъ къ числу теоретическихъ и есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ «Экономическомъ Указателѣ». Сельское хозяйство — это предметъ, который долженъ быть особенно интересенъ и важенъ для нашего отечества. Россія, по пространству, очертанію и качеству почвы, а также и по географическому положенію, есть страна, преимущественно земледѣльческая. Слѣдовательно всѣ другіе элементы благосостоянія стоятъ въ ней на второмъ планѣ и въ механизмѣ производительныхъ силъ занимаютъ мѣсто болѣе или менѣе второстепенное (*). Поэтому помянутая статья, имѣющая цѣлію изложить условія, при которыхъ эта отрасль промышлености можетъ наиболѣе процвѣтать, должна обратить на себя вниманіе, тѣмъ-болѣе, что авторъ исчислилъ и разъяснилъ эти условія обстоятельно и вѣрно. Предпославъ своему опыту небольшое введеніе, гдѣ онъ коснулся значенія цѣнностей вообще и тѣхъ условій, при которыхъ возможно естественное и успѣшное развитіе производительныхъ вещественныхъ, духовныхъ и разумныхъ силъ, составляющихъ богатство народовъ, авторъ переходитъ къ земледѣлію, или

(*) О производительныхъ силахъ Россіи, соч. Тенгоборскаго, часть II, стр. 2.

сельскому хозяйству въ частности. Здѣсь показано развитіе, которое получило сельское хозяйство въ разныхъ странахъ, исчислены тѣ условія, по которымъ земледѣльческія цѣнности созидаются, возрастаютъ и падаютъ, повинуясь общимъ законамъ; затѣмъ авторъ указываетъ на нѣкоторыя особенности, свойственныя земледѣльческой промышлености, и наконецъ переходитъ къ исчисленію вредныхъ условій, которыя задерживаютъ развитіе сельской промышлености, — что и составляетъ главный предметъ настоящей статьи. Главнѣйшія изъ нихъ, по изложенію г. Струкова, суть слѣдующія: 1) обязательный трудъ, 2) исключительное право на владѣніе поземельною собственностію и 3) нѣкоторыя вредныя особенности общественнаго пользованія землями, общепринятаго въ Европейскихъ государствахъ. Все, что сказано при этомъ г. Струковымъ, не ново, точно также, какъ и въ предшедшихъ статьяхъ; но, держась вышевысказаннаго нами мнѣнія о цѣли и характерѣ, который долженъ принять «Экономическій Указатель», т.-е. знакомить публику съ началами, выработанными наукою, мы обязаны признательностію автору за передачу истинъ, касающихся успѣховъ сельскаго хозяйства и сельской промышлености, передачу систематическую и вѣрную. Мы можемъ только замѣтить автору, что было-бы не лишнимъ съ большею подробностію развить весьма важный вопросъ о большой и малой поземельной собственности,—вопросъ, о которомъ такъ много было писано въ послѣднее время и который съ глубокимъ знаніемъ дѣла былъ разсмотрѣнъ покойнымъ Росси въ его лекціяхъ политической экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчисляя условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ сельскаго хозяйства, весьма прилично было-бы сказать и о поземельномъ кредитѣ, правильное устройство котораго служитъ твердымъ обезпеченіемъ развитія земледѣльческой промышлености.

Въ 8-мъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе дѣльная статья г. Гагемейстера: «О желѣзномъ промыслѣ въ Россіи». Трудъ этотъ составляетъ прекрасное статистическое изслѣдованіе. Обиліе данныхъ и вѣрная оцѣнка ихъ, плодъ добросовѣстнаго и тщательнаго изученія желѣзной промышлености Россіи, ставятъ эту статью въ число лучшихъ въ разсматриваемомъ журналѣ. Справедливо замѣчаютъ, что большее, или меньшее развитіе желѣзнаго промысла есть лучшее мѣрило успѣха или упадка всей промышлености вообще; поэтому вѣрное обозрѣніе настоящаго ея состоянія, тѣхъ

условій которыя благопріятно, или неблагопріятно дѣйствуютъ на него и указаніе средствъ къ его развитію, что г. Гагемейстеръ исполнилъ съ большимъ знаніемъ дѣла, — заслуживаетъ полнаго уваженія. Всѣ цифры, находящіяся въ трудѣ почтеннаго автора, имѣютъ большое значеніе, и тотъ, кто, по прекрасному выраженію г. Заблоцкаго, смотритъ на нихъ не какъ на пустой ариѳметическій счетъ, но какъ на букву, которая сама-по-себѣ имѣетъ значеніе только звука, но въ связи съ другими можетъ заключать глубокій смыслъ, — тотъ найдетъ много поучительнаго въ настоящей статьѣ.

Къ-сожалѣнію, мы не можемъ сказать того-же о статьѣ г. Порошина: «Протекціонисты». Статья эта, по громкому своему заглавію, обѣщала многое, но на дѣлѣ не оправдала ожиданій. Вопросъ о свободной торговлѣ, которому она посвящена, не смотря на множество статей, появившихся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ въ послѣднее время, — далеко еще не разрѣшенъ, а отъ г. Порошина, столь извѣстнаго въ нашей экономической литературѣ, мы въ-правѣ были ожидать чего-нибудь болѣе серьезнаго и дѣльнаго. Помѣщеніе хорошей статьи по этому предмету было-бы очень кстати въ «Экономическомъ Указателѣ» въ настоящее время, тѣмъ-болѣе, что почти въ каждомъ нумерѣ разсматриваемаго журнала упоминается о свободной торговлѣ хотя отчасти, а не смотря на то изъ нихъ все-таки нельзя вывести яснаго заключенія о томъ, что такое свободная торговля. Поэтому мы не понимаемъ значенія статей, подобныхъ напримѣръ «Современному вопросу». Эта статья посвящена опроверженію мнѣній г. Михайлова, принадлежащаго къ числу защитниковъ запретительной системы и высказавшаго свои убѣжденія въ очеркѣ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, помѣщенномъ въ «Сынѣ Отечества». Весьма странно было видѣть оговорку автора ея, что на предметъ, который опровергаетъ г. Михайловъ, давно отвѣтила наука, и еще страннѣе было прочесть обѣщаніе автора «настолько объяснить предметъ читателямъ, на сколько позволяетъ время». Кажется, напротивъ, что вопросъ о запретительныхъ тарифахъ стоитъ по всему, чтобы на него употребили лишній часъ времени и лишній листъ бумаги.

Относительно другаго весьма важнаго вопроса—о желѣзныхъ дорогахъ, также почти въ каждомъ выпускѣ «Экономическаго Указателя» появляется какая-либо статья, или замѣтка; но изъ всѣхъ ихъ заслуживаютъ вниманія только двѣ: вышеупомянутое «Письмо

цъ редактору» г. Гагемейстера и «Замѣтки о желѣзныхъ дорогахъ» Д. Г., — очень хорошая статья, въ которой авторъ старается рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ можетъ служить для насъ примѣромъ проложеніе желѣзныхъ путей въ западной Европѣ и сѣверной Америкѣ, отлагая рѣшеніе втораго, предложеннаго себѣ вопроса: чего мы можемъ ожидать отъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи,—до другой статьи, которую мы ждемъ съ нетерпѣніемъ. Упомянутыя замѣтки полезны тѣмъ, что читатель знакомится изъ нихъ съ исторіей новыхъ путей сообщенія въ Европѣ и Америкѣ, поучительной во многихъ отношеніяхъ.

Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателей и на статью «Каменный уголь въ Россіи», помѣщенную въ 11-мъ выпускѣ. Извѣстно, какъ важны для Р ссіи каменный уголь и торфъ, какъ суррогатъ лѣса, въ которомъ чувствуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества большой недостатокъ. Поэтому желательно побольше свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и всякая попытка разъяснить этотъ вопросъ, хотя-бы она ограничивалась одною замѣткой, имѣетъ значеніе, потому-что вопросъ о каменномъ углѣ очень новъ у насъ и можно сказать, что до настоящаго времени мы имѣемъ только одну обстоятельную статью по этому предмету, недавно помѣщенную въ «Морскомъ Сборникѣ». Что-же касается до статьи о торфѣ (вып. 12-й), то авторъ смотритъ на него исключительно съ технической точки зрѣнія и не касается его экономическаго значенія.

Наконецъ не можемъ пройти молчаніемъ статьи г. Ламанскаго «Баронъ Брукъ и финансовыя реформы въ Австріи», въ которой авторъ принялъ на себя трудъ ознакомить читателей съ замѣчательною личностію Австрійскаго министра финансовъ. Матеріаломъ для этой статьи, излагающей существенныя преобразованія въ финансовой системѣ Австріи, послужило между-прочимъ сочиненіе, изданное самимъ Брукомъ: «La nouvelle organisation du système des finances et du credit dans l'empire d'Autriche, 1856.

Кромѣ вышеуказанныхъ, по нашему мнѣнію, капитальныхъ статей, въ «Экономическомъ Указателѣ» находимъ множество маленькихъ статеекъ, имѣющихъ, кажется, цѣлію сообщать вкратцѣ новости, встрѣчающіяся въ экономическомъ мірѣ, указывать на главнѣйшія въ немъ явленія и сообщать статистическія данныя, почему-либо заслуживающія вниманія. Такія статейки, если дѣйствительно такова ихъ цѣль, конечно, вполнѣ умѣстны въ

разсматриваемомъ журналѣ и должны быть встрѣчены съ полною признательностію. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтенъ тотъ главный недостатокъ, что онѣ иногда уклоняются отъ вышесказанной предполагаемой нами и, смѣемъ думать, настоящей ихъ цѣли; не ограничиваясь своимъ характеромъ — указывать только на все замѣчательное въ области народнаго хозяйства и статистики, онѣ затрогиваютъ вскользь многіе важные политико-экономическіе и статистическіе вопросы, и, будучи не въ-состояніи, по краткости своей, дать имъ сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе, нерѣдко являются вслѣдствіе этого мало замѣчательными и интересными. Напр. во 2-мъ выпускѣ статья: «Выставка въ Парижѣ», какъ намъ кажется, не потеряла-бы нисколько, еслибы въ ней было выпущено все, исключая первыхъ шести строкъ; въ 3-мъ выпускѣ статья «Чугунки» также имѣетъ вышеуказанный недостатокъ, равно какъ и нѣкоторыя другія, которыя носятъ заглавія, позволяющія требовать отъ нихъ гораздо-болѣе, чѣмъ онѣ предлагаютъ, — такъ-что мѣсто, занимаемое ими въ журналѣ, при сокращеніи ихъ, могло-бы съ большею пользою быть предоставлено статьямъ болѣе серіознаго и общеинтереснаго содержанія, въ которыхъ редакція, при множествѣ поименованныхъ ею сотрудниковъ, не можетъ встрѣтить недостатка. Вообще, еслибы изъ указаній Русскихъ и иностранныхъ журналовъ, откуда большею частію почерпаются подобныя мелкія замѣтки, составлялись болѣе общія и связныя статейки, то это принесло-бы гораздо бо̀льшую пользу.

Нельзя не поблагодарить редакцію за то, что она помѣщаетъ въ «Экономическомъ Указателѣ» библіографическія свѣдѣнія, хотя бы желательно было, чтобы рецензіи книгъ были полнѣе (напр. при разборѣ сочиненія г. Каменскаго не указано, что это не оригинальный трудъ) и сообщались болѣе подробныя указанія на сочиненія иностранныхъ писателей по части наукъ, которымъ посвященъ разсматриваемый нами журналъ.

Мы остановились на разсмотрѣніи содержанія «Экономическаго Указателя», потому-что оно нѣсколько опредѣляетъ уже принятый имъ характеръ и слѣдовательно даетъ нѣкоторыя основанія къ сужденію о достоинствѣ и значеніи его. Конечно, мы далеки отъ намѣренія высказать окончательно нашъ приговоръ журналу, полная оцѣнка котораго теперь еще рановременна; но тѣмъ не менѣе считаемъ нелишнимъ присовокупить нѣкоторыя замѣтки, къ которымъ

привело насъ чтеніе разсмотрѣнныхъ нумеровъ «Экономическаго Указателя».

Не смотря на кратковременное существованіе свое, журналъ успѣлъ уже доказать прекрасное стремленіе свое — служить благому дѣлу просвѣщенія и встрѣтилъ должное сочувствіе въ обществѣ. Полное уваженіе къ прекраснымъ намѣреніямъ редакціи «Указателя» и искреннее желаніе успѣха трудамъ ея во имя науки налагаетъ на насъ обязанность указать на нѣкоторыя черты, еще не успѣвшія обнаружиться въ характерѣ разсматриваемаго журнала, при проявленіи коихъ, сколько намъ кажется, онъ вѣрнѣе достигнетъ своей истинной цѣли. Обозрѣвая современное состояніе науки, служенію которой онъ посвятилъ себя, мы могли замѣтить, что въ нашемъ отечествѣ экономическое образованіе еще не успѣло развиться до той степени, которой оно достигло на западѣ, и съ другой стороны — что возбудившееся желаніе въ Русскомъ обществѣ къ ознакомленію съ истинами народнаго хозяйства не могло быть удовлетворено, при бѣдности нашей экономической литературы. Слѣдовательно на журналѣ, явившемся при такихъ обстоятельствахъ, лежитъ обязанность — постепенно, правильнымъ путемъ, раскрывать предъ читателями картину современнаго состоянія науки и раціонально удовлетворять стремленію общества къ ея познанію. Но такое требованіе, какъ мы замѣтили выше, предполагаетъ извѣстную систему въ обозрѣніи предметовъ, — что до-сихъ-поръ намъ не удалось замѣтить въ этомъ журналѣ. Не говоря уже о внѣшней системѣ, которой мы могли ожидать, судя по программѣ «Указателя», онъ не обнаружилъ еще и системы внутренней, главною причиною чего — весьма малое число до-сихъ-поръ помѣщенныхъ въ немъ теоретическихъ статей, между-тѣмъ-какъ, соглашаясь съ словами редакціи, теоретическія статьи должны составлять существенную часть изданія. Вышепомянутое требованіе наше оправдывается напримѣръ тѣмъ, что статьи и замѣтки о желѣзныхъ дорогахъ и свободной торговлѣ, — двухъ важнѣйшихъ вопросахъ политической экономіи, не смотря на свое изобиліе, не имѣютъ значенія, за исключеніемъ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ, между-тѣмъ-какъ, при предварительномъ подробномъ разборѣ этихъ предметовъ съ теоретической точки зрѣнія, онѣ получили-бы свое значеніе, будучи связаны между собою и служа подтвержденіемъ и распространеніемъ одной основной идеи науки. Даже статьи, сами-по-себѣ замѣчатель-

ныя и дѣльныя, обнаружили-бы, при соблюденіи нѣкоторой системы, гораздо яснѣе заключающіяся въ нихъ достоинства. При такомъ взглядѣ нашемъ мы не можемъ согласиться съ словами редакціи, высказанными въ 11-мъ выпускѣ журнала, что «повременное изданіе не можетъ быть учебникомъ: оно должно возбуждать любовь къ знанію и руководить къ его пріобрѣтенію, а не излагать его въ системѣ. Это обязанность отдѣльныхъ трудовъ инаго рода и характера. Требовать отъ летучаго листка школьной методы—значитъ не понимать его назначенія и обижать читателей, которые не дали права укорять себя въ незнаніи того, что долженъ знать всякій образованный человѣкъ». Хотя мы допускаемъ, что повременное изданіе не можетъ быть учебникомъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но тѣмъ не менѣе наше требованіе остается въ своей силѣ: ибо для того, чтобы возбудить любовь къ наукѣ, надо сперва ознакомить съ нею, а для того, чтобы руководить къ пріобрѣтенію знанія, надо излагать его въ нѣкоторой системѣ. Если-же редакція подъ выраженіемъ «возбуждать любовь къ наукѣ и руководить къ ея пріобрѣтенію» понимаетъ сообщеніе отрывочныхъ, поверхностныхъ, несвязанныхъ одною идеею и лишенныхъ всякой системы свѣдѣній о наукѣ: то, во-первыхъ, такая ограниченная цѣль не соотвѣтствуетъ экономическому образованію большинства нашего общества, и, во-вторыхъ, она скорѣе можетъ составить обязанность періодическихъ изданій иного рода и характера, — изданій энциклопедическихъ, которыя, конечно, не имѣютъ назначенія и не могутъ знакомить преимущественно съ какою-либо отдѣльною наукою; между-тѣмъ-какъ журналъ, исключительно посвященный одной наукѣ, едва-ли можетъ довольствоваться характеромъ «летучаго листка» и не принимать для себя никакой системы. Если-же наконецъ редакція говоритъ, что читатели не дали права укорять себя въ незнаніи того, что долженъ знать всякій образованный человѣкъ, то, согласившись съ этимъ, мы должны будемъ сказать, что большая часть статей «Указателя», и особенно теоретическихъ, не имѣютъ значеніе: ибо онѣ сообщаютъ самыя элементарныя свѣдѣнія о наукѣ, извѣстныя всякому истинно-образованному человѣку. Впрочемъ, самая мысль основать періодическое изданіе, посвященное наукѣ народнаго хозяйства, должна вызвать глубокую признательность у всякаго, кто сочувствуетъ интересамъ Россіи, — и мы въ настоящемъ случаѣ приносимъ г. Вернадскому душевное слово благодар-

ности. Если въ нашемъ обзорѣ мы рѣшились сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно цѣли и характера журнала, то этимъ нисколько не имѣли въ виду уменьшить достоинства, которыя имѣетъ журналъ и которыя, мы увѣрены, еще увеличатся впослѣдствіи. При нашихъ замѣткахъ насъ руководило полное сочувствіе къ благороднымъ намѣреніямъ редакціи и твердая увѣренность въ необходимости экономическаго образованія въ нашемъ отечествѣ, слава и развитіе котораго, скажемъ вмѣстѣ съ г. Вернадскимъ, составляетъ нашу завѣтную мечту.

Д. И.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1856 ГОДА.

VI. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Русскаго географическаго Общества явились слѣдующія статьи: *Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества за 1855 годъ* (№ 4); *Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ.* IV. *Америка* (прод.), К. Ѳ. Свенске (ibid и № 5 и 6); *Географія растеній.* Ст. IV и послѣдняя. А. Н. Бекетова (№ 4); *Географическая и этнографическая терминологія восточной Азіи*, Н. С. Щукина (ibid); *О вулканическихъ явленіяхъ внутренней Азіи*, П. П. Семенова (ibid); *О религіи некрещенныхъ Черемисъ Казанской губерніи*, протоіерея Вишневскаго (ibid); *Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Кареліахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ, извлеченныя изъ его путевыхъ воспоминаній* 1838—1844 г. Ч. I и II. Составл. В. И. Ламанскимъ (ibid. и № 5) *Новѣйшія извѣстія о путешествіи братьевъ Шлагинтвейтъ* (№ 4); *Извѣстія о занятіяхъ Сибирской экспедиціи.* Донесеніе поручика Усольцева о путешествіи къ верховьямъ Витима (ibid.); *Показаніе Сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у Коканцевъ съ 1849 по 1852 годъ*, А. И. Макшѣева (ibid.); *Дѣйствительно-ли находится близъ полюса открытое море* (ibid.); *Юго-западные Славяне*, И. И. Срезневскаго (№ 5); *Свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ*, В. В. Вельяминова-Зернова (ibid.); *Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1856 года* (ibid.); *Указатель географическихъ,*

этнографическихъ и статистическихъ статей, помѣщенныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ 1854 *года* (ibid.); *Списокъ главнѣйшихъ иностранныхъ географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ изданій, за полугодіе съ ноября по май* 1856 *года* (ibid.); *Письмо дѣйств. члена П. П. Семенова о путешествіи его въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства* (ibid. и № 6); *Озеро Балхашъ и р. Или*, В. Кузнецова, № 6); *О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи, гдѣ открыта въ послѣднее время желѣзная руда*, В. И. Лапшина (ibid.); *О вскрытіи Волги въ Ярославлѣ съ* 1766 *по* 1786 *г.*, Е. Мельникова (ibid.); *Озеро Норъ-зай-санъ*, Н. А. Абрамова (ibid. № 6); *Отчетъ о путешествіи на Манычъ*, академика К. М. Бэра (ibid.); *Записки о Кокансномъ ханствѣ хорунжаго Потанина* (1830), *съ примѣчаніями*, П. С. Савельева (ibid.); *Крымскіе Татары*, Г. Радде. Ч. I (ibid.); *Карты р. Дона, изданныя въ Амстердамѣ*, М. Полуденскаго и Г. Геннади (ibid.); *Письмо главнаго астронома Сибирской экспедиціи Л. Э. Шварця о занятіяхъ натуралиста г. Радде въ Кулусутаевскомъ караулѣ* (ibid.); *Географическія замѣтки: степная рѣчка Сухал Волноваха. Гротъ Каписта*, В. Лапшина (ibid.); *Появленіе червя на хвойныхъ деревьяхъ, въ Иркутскомъ округѣ, въ* 1856 *г.* (ibid.); *Списокъ пунктовъ, астрономически-опредѣленныхъ г. Шварцомъ въ восточной Сибири съ* 1849 *по* 1853 *г.*, Е. Л. (ibid.).

— «Географическая и этнографическая терминологія восточной Азіи».— Въ этой статьѣ авторъ справедливо вооружается противъ неправильнаго правописанія и произношенія какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ, географическихъ и этнографическихъ названій мѣстностей восточной Азіи.

«Всего обиднѣе — говоритъ онъ — что наши географы, слѣпо вѣря во всемъ иностранцамъ, увлекаются ихъ заблужденіемъ.» Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Предъ временемъ Чингисъ-Хана усилился въ Монголіи родъ Татаръ, покорилъ всѣхъ Монголовъ, завоевалъ сѣверный Китай и простеръ свое оружіе на западную Азію. Китайскіе историки назвали его Тата̀, Татань, а западные Азіатцы — Татарами. Домъ этотъ уничтожилъ Чингисъ-Ханъ, изъ племени Монголъ, и когда онъ съ войскомъ своимъ явился въ средней Азіи, тамъ узнали прежнихъ Татаръ, и это названіе, распространясь по всей Азіи, перешло къ Русскимъ, а ими передано по всей Европѣ. Персидскій историкъ Рашидъ-Эддинъ весьма удовлетворительно объясняетъ, почему вся западная Азія называла Монголовъ Татарами. Европейцы и донынѣ коснѣютъ

въ мнѣніи, что вся средняя Азія есть Татарія. Еще смѣшнѣе ихъ мнѣніе, что на Китайскомъ престолѣ сидитъ Татарская династія. Проливъ между островомъ Сахалиномъ и Маньчжуріею называютъ они Татарскимъ, полагая въ простотѣ сердца, что Маньчжуръ и Татаринъ одно и то-же. Въ настоящее время нѣтъ ни одного народа, который-бы назывался Татариномъ. Народъ Тюркскаго племени, обитающій въ Россіи, а намъ извѣстный подъ именемъ Татаръ, называетъ самъ себя Нечай, Узбекъ. Къ югу отъ границъ западной Сибири кочуетъ Тюркское племя, называющее себя казакъ, извѣстно лѣтописцамъ нашимъ подъ именемъ Казачьей Орды и не далѣе, какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, названное Киргизами, вѣроятно, по сходству съ тѣми Киргизами, которыхъ Русскіе нашли на югѣ Енисейской губерніи, и которые перекочевали потомъ въ предѣлы Китайскаго государства. Подлѣ Аральскаго моря лежитъ ханство Хивинское, южнѣе его — Персія и Бухара. Къ востоку отъ казачьей орды лежитъ Зюнгарія, а еще ближе къ востоку — Монголія, а самая восточная земля, ограниченная уже восточнымъ океаномъ, — есть Маньчжурія. Гдѣ-же теперь верхняя, средняя и южная Татарія? Между Туркменомъ, Монголомъ и Маньчжуромъ такое-же сходство, какое между Русскимъ, Туркомъ и Грекомъ. Недавно въ Москвѣ издана «Русская Исторія.» Въ ней повторяются ошибки прошедшаго столѣтія, брошенныя Карамзинымъ. Тамъ періодъ Монгольскій названъ Татарскимъ. Тамъ увидите и нашествіе Татаръ и сверженіе Татарскаго ига. Пекинъ въ старинныхъ бумагахъ нашихъ назывался Хамбалыкъ, отъ Монгольскаго слова Ханъ-балгатъ, т. е. Царь-городъ. Потомъ стали называть его Бежень, а когда овладѣли нами Европейцы, увлеклись и мы словомъ Пекинъ. — Въ географіи, написанной Ободовскимъ для гимназій, сказано: въ Монголіи — одинъ только городъ Урга, а въ Маньчжуріи нѣтъ городовъ. Между-тѣмъ, въ кочевой Монголіи города невозможны по образу тамошнихъ жителей. Урга, или Курѐнъ, есть монастырь, въ которомъ живетъ первосвященникъ Кутухту, существо человѣческое, но вѣчное по переселенію души. Около монастыря поселились юртами Ламы. Важность въ томъ, что они живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Верстахъ въ двухъ отъ монастыря стоитъ Китайскій городокъ Май-май-ченъ, въ которомъ живутъ купцы, торгующіе съ Монголами. Такихъ монастырей въ Монголіи нѣсколько; напротивъ того осѣдлые жители Маньчжуріи необходимо должны имѣть города. Намъ извѣ-

сты: Сахалянъ-ула на Амурѣ, Цычагаръ на рѣкѣ Нанни, Гиріне, Нингути и другіе.» — Приведенныхъ нами примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе этой статьи въ области географической и этнографической терминологіи востока.

— «Свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ.» — «Изученіе Коканскаго ханства—лучшей страны въ цѣлой средней Азіи, чрезвычайно важно для Русскихъ. Не смотря на это, о Коканѣ было еще очень мало писано. Показанія о немъ ограничиваются данными, сообщенными Миллеромъ и Кушелевымъ въ 1739 г. Поспѣловымъ и Бурнашевымъ въ 1800, Назаровымъ въ 1813, Миръ-Иззетъ Уллою въ 1817, Магсумъ-Ходжою въ 1829 и разспросами, собранными въ западной Сибири въ 1842 г. Впродолженіе пятилѣтняго пребыванія автора настоящей статьи въ Оренбургѣ и во время его поѣздокъ по Киргизской степи, онъ имѣлъ случай встрѣчаться съ нѣкоторыми Русскими купцами, посѣщавшими Коканъ, и со многими мѣстными жителями, заслуживавшими полнаго довѣрія. Эти-то свѣдѣнія собраны авторомъ въ одно цѣлое и изложены въ настоящей статьѣ. Трудно обозначить предѣлы Кокана съ точностью; они измѣняются довольно часто. Такъ до 1845 года, тамошніе владѣльцы распространяли власть свою къ сѣверо-востоку на Черныхъ Киргизовъ. Безпорядки, возникшіе въ этомъ году, сдѣлали Бурутовъ независимыми, и Коканскія крѣпостцы, расположенныя въ ихъ землѣ, были оставлены. До 1853 г. Коканцы держались въ Акъ-Мечети; учрежденіе форта «Перовскій» положило здѣсь предѣлъ ихъ власти. Въ настоящую минуту Коканъ граничитъ: съ сѣвера — съ Киргизскою степью, подвластною Россіи; съ запада — съ Хивой и Бухарой; съ юга — съ Каратигиномъ, Дорвазомъ и Кулябомъ; съ востока — съ Кашгаромъ и землею Черныхъ Киргизовъ. Все это пространство, составляющее среднюю часть долины р. Сыра, расположено между двумя западными оконечностями Тхянъ-Шана. Сѣверная изъ нихъ оканчивается на правомъ берегу Сыра, неподалеку отъ г. Туркестана; южная теряется въ степяхъ близъ поворота р. Сыра на сѣверъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Ходжанда. Климатъ въ Коканѣ немного суровъ только въ мѣстахъ, лежащихъ около снѣговыхъ вершинъ. На остальныхъ пунктахъ онъ очень хорошъ. Лѣтомъ жаровъ удушливыхъ, подобныхъ тѣмъ, которые встрѣчаются въ долинахъ р. Аму, нѣтъ. Зима начинается поздно; снѣгъ почти не выпадаетъ. Почва въ ханствѣ, въ-особенности въ южной его половинѣ, въ такъ-называемой Фер-

танѣ, весьма хороша и способна къ воздѣлыванію. Растительность чрезвычайно сильна. Лучшія фруктовыя деревья въ изобиліи растутъ на открытомъ воздухѣ. Пажити отличны. Кустарникъ и мелкій лѣсъ для топлива попадаются въ достаточномъ количествѣ. Въ горахъ находится строевой лѣсъ, преимущественно еловый и пихтовый. Животныхъ разнаго рода довольно много. Встрѣчаются: барсы, тигры, медвѣди, волки и кабаны; въ сѣверной части ханства, въ Ташкеніи, живутъ сайги и куланы (дикія лошади). Въ лѣсахъ водятся пушные звѣри: лисицы красныя и полукрасныя, куницы и караганки. Птицъ различныхъ породъ (гусей, утокъ, лебедей, куропатокъ, перепеловъ и фазановъ) много. Рыба попадается часто въ рѣкахъ. Полезныя ископаемыя и металлы изобилуютъ въ ханствѣ. Глина превосходнаго качества, алебастръ, известнякъ и строевой камень встрѣчаются вездѣ. Золото, желѣзо, мѣдь, свинецъ, бирюза, сѣра, селитра, соль и каменный уголь находятся во многихъ мѣстахъ. Серебро попадается со свинцомъ. Народонаселеніе въ Коканѣ дѣлится по происхожденію на два главныя колѣна: Иранскаго и Тюркскаго племени; къ Иранцамъ, говорящимъ Персидскимъ языкомъ, принадлежатъ *Таджики*, называемые въ простонародьи Сартами. По всей вѣроятности, они суть древнѣйшіе обитатели долины р. Сыра. Сарты образуютъ преимущественно городской и промышленый классъ. Кромѣ Иранцевъ и Тюрковъ, находятся въ ханствѣ Евреи и другіе инородцы; но ихъ очень мало. Всѣхъ вообще жителей считается отъ $1^1/_2$ до 2 милл. Способъ заселенія осѣдлыхъ племенъ въ Коканѣ тотъ-же, какъ и въ средне-Азіатскихъ владѣніяхъ. На главныхъ торговыхъ путяхъ, при выгодныхъ урочищахъ, издавна образовалось болѣе тѣсное скопленіе промышленаго и земледѣльческаго класса, которое называется городами. По долинамъ рѣчекъ, въ отдѣльныхъ хуторахъ или деревняхъ, живутъ собственно хлѣбопашцы. Кое-гдѣ расположены обнесенные глиняными стѣнами квадраты, называемые *курганами*. Въ мирное время они служатъ мѣстопребываніемъ военныхъ начальниковъ съ небольшимъ гарнизономъ, а при междоусобіяхъ — пунктами склада и засады. Главнѣйшихъ городовъ въ ханствѣ два: Коканъ и Ташкендъ. Система управленія въ Коканѣ очень дурна. Ханъ есть высшее лице; но самъ онъ распоряжается рѣдко. Обыкновенно при немъ образуется партія, не изъ нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ, а изъ цѣлаго племени, рода и отдѣленія, которому случится оказать услугу государству или другимъ

какимъ-либо образомъ пріобрѣсть вліяніе и силу. Вредъ, происходящій отъ существованія такихъ партій, чрезвычайно великъ. Господствующій родъ забираетъ власть въ свои руки и дѣлитъ ее между своими сочленами. Старшіе остаются при ханѣ и занимаютъ главныя правительственныя должности, а другія лица этого рода получаютъ въ арендное содержаніе города съ ихъ округами. Тиранство партій длится до-тѣхъ-поръ, пока члены ея не разсорятся между собою или не одолѣетъ другая, противная сторона. Перемѣна власти выражается обыкновенно страшнымъ безпорядкомъ и кровопролитіемъ. Примѣръ подобнаго случая былъ недавно, именно въ 1852 и 1853 годахъ, когда погибъ почти цѣлый родъ Кипчаковъ. Промышленость въ Коканскомъ ханствѣ, какъ и во всѣхъ средне-Азіятскихъ областяхъ, стоитъ на низкой степени развитія. Естественныя богатства края мало разработываются Туземцами, по безпечности, недостатку капиталовъ, отсутствію техническихъ познаній и дурному образу управленія. Торговля Кокана, точно такъ-же, какъ и промышленость его, далеко не соотвѣтствуютъ природному назначенію края. Стоя на перекресткѣ сообщеній изъ Россіи, Кайсацкой степи, западной Монголіи, Китайскаго Туркестана и Бухары, ханство могло-бы играть важную роль въ коммерческомъ отношеніи; но есть причины, которыя дѣйствуютъ губительно на его внутренній и заграничный торгъ. Развитіе стѣснено не только худой администраціей и ограниченностью народныхъ потребностей, но еще *трудностью путей сообщенія, ничтожествомъ средствъ къ перевозкѣ тяжестей и значительностью таможенныхъ поборовъ.* Главный пунктъ заграничной торговли есть Ташкендъ. Коканъ не можетъ съ нимъ никакъ соперничать. Въ Ташкендѣ, а не въ столицѣ ханства, сосредоточиваются важнѣйшіе торговые пути. Ташкендъ лежитъ гораздо ближе къ Россіи. Дорога отъ него на Кульджу, чрезъ Auліе-Ата, довольно удобна. Бухарскіе караваны идутъ въ него прямо чрезъ Самаркандъ и Уратюбу. Единственное преимущество, которое находится на сторонѣ Кокана, состоитъ въ близости сообщенія съ Китайскимъ Туркестаномъ, именно съ Кашгаромъ; но нельзя не замѣтить, что дорога туда крайне затруднительна и доступна лишь для вьючныхъ лошадей. По этому бо́льшая часть купцовъ, въ особенности въ послѣднее время, когда Кульджа, вслѣдствіе учрежденія тамъ Русскаго консульства, получила новое важное значеніе, предпочитаютъ ѣздить въ западную Монголію. Заграничный торгъ производится

изъ ханства съ западной Монголіей, Китайскимъ Туркестаномъ, Каратигиномъ, Бухарой, Хивой и Россіей. Торгъ съ Россіею производится по двумъ путямъ, именно: чрезъ г. Троицкъ на Оренбургской линіи и чрезъ города Семиполатинскъ и Петропавловскъ на Сибирской. Торгъ съ послѣдними двумя городами значительнѣе, нежели съ Троицкомъ. О родѣ и количествѣ предметовъ, вывозимыхъ изъ Кокана въ Россію и привозимыхъ отъ насъ въ ханство, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Привезено изъ Кокана на Оренбургскую линію, на	Вывезено въ Коканъ съ Оренбургской линіи, на
въ 1843 г.	4,646 р. 45 к.	8,447 р. 70 к.
» 1844 »	19,745 » 45 »	35,543 » 25 »
» 1845 »	26,650 » 10 »	20,261 » 77 »
» 1846 »	74,563 » 10 »	36,610 » 5 »
» 1847 »	28,220 » 40 »	12,191 » 40 »
» 1848 »	45,291 » 75 »	8,609 » 36 »
» 1849 »	60,551 » 75 »	37,078 » 43 »
» 1850 »	137,199 » 50 »	32,690 » 25 »
» 1851 »	125,758 » 6 »	99,264 » 71 »
» 1852 »	96,338 » 17 »	47,685 » 18 »
» 1853 »	134,686 » 90 »	72,859 » 67 »
» 1854 »	137,371 » 55 »	101,124 » 30 »

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что торговля Кокана съ Россіею современемъ значительно увеличится. Коканъ поневолѣ принужденъ стараться о приращеніи подвоза товаровъ изъ Россіи. Вслѣдствіе недостаточнаго развитія фабричной и ремесленной дѣятельности, ханство не въ-силахъ удовлетворять своимъ потребностямъ; въ сосѣдствѣ-же его находится одно только государство, которое можетъ снабжать его нужными издѣліями: государство это есть Россія. Чѣмъ больше будутъ доставлять изъ нея товаровъ, тѣмъ они будутъ дешевле и выгоднѣе для Коканцевъ. Россія, съ своей стороны, находитъ пользу отъ поддержанія связей съ ханствомъ. Въ этой части средней Азіи она имѣетъ вѣрный источникъ для сбыта издѣлій съ своихъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ. Главное препятствіе къ торгу заключается въ томъ, что въ настоящую минуту отпускныя статьи изъ Кокана, однѣ по низкому достоинству, другія по ничтожному количеству ихъ, не могутъ служить для обширныхъ коммерческихъ оборотовъ. Препятствіе это устра-

нится, если Русскіе капиталисты обратятъ вниманіе на развитіе въ Ташкеніи и Ферганѣ болѣе правильной и значительной разработки хлопчатой бумаги и марены.»

— «О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи, гдѣ открыта въ послѣднее время желѣзная руда.» — «Вотъ приблизительное показаніе разныхъ мѣстностей, гдѣ находится богатая желѣзная руда, обратившая въ настоящее время вниманіе правительства:

1. *Государевъ* (Царскій) *Байракъ* — въ 25-ти верстахъ отъ Бахмута и 10 отъ Софіевки. Въ этой деревнѣ есть курганъ, на которомъ Петръ Великій, отдыхая, съ любопытствомъ разсматривалъ поданный ему кусокъ каменнаго угля, и произнесъ замѣчательныя слова: «сей минералъ не намъ, а внукамъ нашимъ.» Съ того времени это мѣсто получило названіе Государева Байрака. 2) *Корсунъ* — казенное селеніе. 3) *Софіевка* — имѣніе помѣщицы Раевской. Во всей окрестности лучшій и обильнѣйшій уголь. 4) *Каракуба* и *Стилла*—Греческія селенія въ 110—120 верстахъ отъ Бахмута. 5) *Ново-Троицкое* (середнее то-же), Александровскаго уѣзда— казенное селеніе. Чугунно-плавильный заводъ предполагаютъ устроить на землѣ г. Раевской. Мѣстность представляетъ значительныя выгоды, потому что каменный уголь подъ рукою, равно какъ и руда; есть лѣсъ, необходимый для построекъ, и вода въ такомъ количествѣ, что можно провести каналы въ заводъ и на нихъ устроить паровыя машины. Вниманіе, обращенное правительствомъ на желѣзную руду, открытую въ указанныхъ мѣстностяхъ, пробудило живое сочувствіе къ этому дѣлу и въ другихъ частныхъ лицахъ въ Бахмутскомъ, Александровскомъ и Славяно-Сербскомъ уѣздахъ, и многія изъ никъ затѣваютъ развѣдки какъ угля, такъ и желѣзной руды, приглашая горныхъ инженеровъ заняться этимъ дѣломъ.»

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ географіи и этнографіи нашего отечества принадлежатъ статьи: *Рѣка Большой Иргизъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 12); *Астраханскіе ловцы*. Ст. II и послѣдняя. Ив. Михайлова (Библ. для чт. № 7); *Изъ разъѣздовъ по Сибири* (ibid. № 8); *Ирбитская ярмонка*. Изъ путовыхъ замѣтокъ. Семена Черепанова (ibid. № 9); *Изъ Петербурга въ Аренсбургъ*, I. О. (ibid. № 12); *Изъ Крымскихъ замѣтокъ*, Н. В. Берга (Совр. № 8, 11; Русск. Вѣст. № 24); *Народный бытъ въ сѣверо-восточной Россіи. Записки о Малмыжскомъ уѣздѣ* (въ Вятской губерніи), С. М. Осокина. Три статьи. (Соврем. № 9,

11 и 12); *Москва* (Моск. № 8 и 10); *Замѣтки о Варнавинскомъ уѣздѣ*, П. Н. Зарубина (Русск. Вѣстн. № 19); *Изъ записокъ о южной Руси*, П. И. Кулиша (Русск. Бес. № 2 и 4); *Годъ Русскаго земледѣльца*, В. В. Селиванова (ibid.); *Письмо къ издателю* (Русской Бесѣды) *А. И. Кошелеву*, В. И. Даля (ibid. № 3); *Годъ на южномъ берегу Крыма* (1852—1853) (ibid. № 4); *Дни и мѣсяцы Украинскаго поселянина*, М. А. Максимовича (ibid. № 3); IV-е *Письмо Пятигорскаго подписчика*, Ю. Волкова (С. Пб. Вѣд. № 153); *Китайская граница въ Забайкальской области* (ibid. № 226); *Физико-географическій очеркъ Крыма и его производительности*. Ст. Д-ра Петерманна (Моск. Вѣд. № 79); *Донскіе рыболовы*, А. Филонова (ibid. № 84); *Поѣздка въ Бессарабію*. Письма I, II, III, IV А. Л. (ibid. № 105, 108, 110 и 114); *Донскія степи*, А. Филонова (ibid. № 110); *Московскія письма Англійскаго корреспондента* (ibid. № 122, 126, 128, 130 и 132); *Донскія рѣки и станицы*, А. Филонова (ibid. № 129); *Юрьевъ день въ Бобринцѣ* (Одесск. Вѣстн. № 101 и 102); *Нѣсколько словъ о рѣчныхъ Ташлыкахъ и ихъ прибрежныхъ селеніяхъ*, Вл. З. (ibid. № 117 и 122); *Святогорскій монастырь и сельцо Михайловское*. Изъ путевыхъ замѣтокъ Давида Мацкевича (ibid. № 127); *Хозяйственный бытъ Бобринцамъ* (ibid. № 134 и 135); *Свадебные обряды Армянъ Новобаязетскаго уѣзда*, М. Е. Майсурова (Кавк. № 55); *Прогулка по Покровской улицѣ* (Моск. Пол. Вѣд. № 181, 183, 184 и 186); *Очерки Финляндіи*, А. Милюкова (Морск. Сборн. № 9 и 11); *Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина*, Афанасьева-Чужбинскаго (Морс. Сб. № 10 и 14); *Нѣсколько свѣдѣній объ основаніи Кронштадта* (Журн. военно-учеб. зав. № 422).

— «Отрывокъ изъ записокъ о южной Руси». — Къ этой замѣчательной и исполненной живаго интереса статьѣ присоединенъ любопытный эпилогъ, въ которомъ говорится о причинахъ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ.

— «Письмо В. И. Даля къ издателю Русской Бесѣды А. И. Кошелеву». — Талантливый авторъ этого письма высказываетъ многія дѣльныя мысли относительно *слѣпаго* подражанія западной Европѣ, господствующаго у нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ, и изображаетъ яркими красками вредъ, который можетъ произойдти отъ *безсознательнаго пересажденія* на нашу почву западныхъ учрежденій. «Въ противоборствѣ западному приливу и волненію — говоритъ онъ — кажется,

не можетъ быть инаго смысла, какъ требованіе, во-1-хъ, принимать образованность и просвѣщеніе въ добромъ направленіи его, а не въ дурномъ (можно быть умнымъ и ученымъ негодяемъ), и во-2-хъ, принимать не безсознательно, а примѣняя и пріурочивая къ своей почвѣ, слѣд. отвергая или измѣняя все то, что намъ негоже, что не можетъ быть пріурочено». Эту-то мысль авторъ развиваетъ и доказываетъ многими примѣрами, заимствованными изъ нашего народнаго быта. Приводимъ здѣсь два изъ этихъ примѣровъ. «Нѣкоторые изъ образователей нашихъ ввели въ обычай кричать и вопить *о грамотности* народа и требуютъ напередъ всего, во что-бы ни стало, одного этого; указывая на грамотность другихъ просвѣщенныхъ народовъ, они безъ-умолку приговариваютъ: просвѣщеніе, просвѣщеніе! Но развѣ *просвѣщеніе и грамотность* одно и то-же? Грамота только *средство*, которое можно употребить на пользу просвѣщенія и на противное тому—на затмѣніе. Можно просвѣтить человѣка въ значительной степени безъ грамоты, и можетъ онъ съ грамотой оставаться самымъ непросвѣщеннымъ невѣждой и невѣжей, т. е. непросвѣщеннымъ и необразованнымъ, да сверхъ того еще и негодяемъ, что также съ истиннымъ просвѣщеніемъ несогласно. Лучшимъ несчастнымъ примѣромъ этому могутъ служить у насъ нѣкоторые толки закоснѣлыхъ раскольниковъ: они всѣ грамотны, отъ мала до велика, а конечно трудно найти болѣе грубую и невѣжественную толпу. Грамота, сама-по-себѣ, ничему не вразумитъ крестьянина; она скорѣе собьетъ его съ толку, а не просвѣтитъ. Перо легче сохи; вкусившій безъ толку грамоты, норовитъ въ указчики, а не въ рабочіе, норовитъ въ ходоки, коштаны, міроѣды, а не въ пахари; онъ склоняется не къ труду, а къ тунеядству. А что читать нашимъ грамотѣямъ? Вы мнѣ трехъ книгъ для этого не назовете. А что писать нашимъ писакамъ? Развѣ ябедническія просьбы и подложные виды? Фабричная промышленость приняла-было у насъ особенное направленіе. Гдѣ только одного земледѣлія не хватало на всѣ нужды мужика, тамъ онъ чутьемъ доходилъ до какого-либо промысловаго вспомогательнаго источника, говоря: промежь сохи и бороны не схоронишься; ищи хлѣба дома, а подати на сторонѣ. Нужда, которая такъ хитра на выдумки, почти всемѣстно заставила мужика взяться за ремесло, которое, обратившись вскорѣ въ общее достояніе всей деревни или села, приняло видъ фабричнаго производства. Такимъ образомъ есть цѣлыя села, занимающіяся сапожнымъ ремес-

сломъ, другія—башмачнымъ, третьи—портняжнымъ, плотничьимъ, столярнымъ, а въ числѣ послѣднихъ — особыя селенія краснодеревцевъ; есть селенія, выдѣлывающія обручную или вязаную посуду, другія работаютъ одну щепенную, снабжая ею всю Россію; есть санники, телѣжники, колесники, кузнецы разныхъ родовъ, такъ-что одно село работаетъ исключительно — косы, другое — подковы, третье — гвозди-двостесъ, четвертое — штукатурные; есть такія-же селенія тулупниковъ, шапошниковъ, валяльщиковъ, ткачей рогожъ, рѣшетъ и ситъ, полотенъ и разныхъ бумажныхъ тканей. Богородскій уѣздъ почти весь обратился въ шелкопрядовъ, какъ ихъ шутя называютъ, т. е. въ шелковыхъ ткачей. Замѣтимъ, что мѣстами начинало входить и раздѣленіе труда, въ чемъ и нынѣ еще легко убѣдиться: стоитъ заглянуть въ Ворсму, Павлово и Безводное Нижегородской губ., гдѣ также всѣ слѣпые и калѣки, не лишенные силы рукъ или ногъ, находятъ пріютъ и работу по себѣ: обращеніе точилъ и колесъ. Всѣ промыслы эти представляютъ ту особенность, что мужикъ не обращается вовсе въ мастероваго, а что онъ продолжаетъ *искать хлѣба дома*, т. е. заниматься земледѣліемъ. Выгоды таковаго порядка слишкомъ очевидны, чтобъ объ нихъ много толковать: дурное, безнравственное и буйное сословіе бездомныхъ бобылей, ни къ чему не привязанныхъ, ничѣмъ не дорожащихъ, живущихъ изъ кулака въ ротъ, этимъ порядкомъ вовсе устраняется, и Россія пошла-было сама собою по такому пути, что могла надѣяться избавиться отъ этого бича западныхъ государствъ». Письмо свое авторъ заключаетъ слѣдующими замѣчательными выводами: «Кто говоритъ, что у насъ нѣтъ ничего путнаго и что все надо перекорчивать по-заморскому, тотъ не знаетъ своего отечества, говоритъ на-обумъ и вредитъ этимъ много. Кто утверждаетъ, будто-бы все то прекрасно, что наше, и потому именно хорошо, что оно наше, что это мы, тотъ обольщенъ самолюбіемъ, говоритъ сказку за быль, морочитъ и себя и другихъ и вредитъ этимъ своему отечеству. Кто съ-умыслу скрываетъ худое, выставляетъ одни хазовые концы и нагло отрекается отъ всякаго худа, которое не умѣетъ или не въ-силахъ исправить, тотъ предатель. Станемъ изучать все доброе, что гдѣ найдемъ, но не станемъ увлекаться этимъ ученьемъ до слѣпоты, которая отчуждаетъ насъ отъ родины. Будемъ также помнить, что, не изучивъ по-крайней-мѣрѣ съ такою-же подробностію себя самого и своихъ, со всею обста-

новкою, нельзя приступать ни къ какимъ преобразованіямъ или улучшеніямъ. Даруй, Господи, долголѣтіе и благоденствіе правительству, которое дозволяетъ говорить правду и стоять за нее. Одна только *гласность* можетъ исцѣлить насъ отъ гнусныхъ пороковъ лжи, обмана и взяточничества и отъ обычая зажимать обиженному ротъ, и доносить, что *все благополучно*. Въ этомъ смыслѣ у насъ должна возродиться и Русская община, міръ; онъ обязанъ клеймить опалою и позоромъ негодяевъ, сымать съ нихъ шапки и сгонять съ базару, чтобъ имъ нигдѣ нельзя было показать глазъ».

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ относятся слѣдующія статьи: *Нѣкоторыя черты путешествія Ю. И. Венелина въ Болгарію*, Ц. А. Безсонова (Москв. № 10); *Очерки Туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря*, барона К. К. Боде (От. Зап. № 7, 8 и 9); *Художники въ Италіи*, М. С. Бибикова (ibid. № 11); *Отъ Кронштадта до мыса Лизарда*. Изъ путевыхъ записокъ И. А. Гончарова (Русск. Вѣстн. № 2); *Письма изъ Берлина*, П. Н. Кудрявцева (ibid. № 22); *Обмелѣніе устьевъ рѣкъ вообще и Волги въ особенности*, К. Ѳ. Бергштрессера, съ приложеніемъ письма о томъ-же предметѣ академика К. М. Бэра (ibid. № 23); *Письма изъ Германіи*, М. Н. Капустина (ibid.); *Нѣкоторыя черты изъ быта Сѣверо-Американскихъ штатовъ* (Сынъ От. № 2); *Флоренція*. Листки изъ дорожнаго альбома В. Яковлева (ibid. № 29—31 и 33); *Чуіеты*, А. Г. (ibid. № 32); *Островъ Цейлонъ и его значеніе* (Русск. Инв. № 185); *Экспедиція къ источникамъ Бѣлаго Нила* (ibid. № 187); *Цыгане въ Дунайскихъ княжествахъ* (ibid. № 209); *Черногорье* (ibid. № 222); *Ключи ко внутренности Африки* (ibid. № 240); *Вѣсти съ запада*. Изъ писемъ къ бывшему товарищу (Сѣв. Пч. № 158, 164, 169, 180); *Поѣздка на горы въ Савойи*. Ст. П. Гроліе (ibid, № 230); *Вѣсти изъ Константинополя* (ibid. № 259); *Нидерланды и Голландская жизнь* (Моск. Вѣд. № 96, 98, 100, 102, 107, 111 и 114); *Дунайскія области* (Вилен. Вѣстн. № 51); *Письма съ дороги въ Персію* VIII, IX и X Ад. П. Берже (Кавк. № 53, 60 и 61); *Воющіе дервиши* (ibid. № 54); *Экспедиція къ истокамъ Нила* (ibid. № 57); *Нѣчто о Чечнѣ* И. А. Клингера (ibid. № 101); *Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи*, подполковника Макшѣева (Морс. Сб. № 9); *Острова Тихаго Океана* (Журн. военно-учебн. зав. № 491).

VII. Исторія Русская и всеобщая.

Во Временникѣ Москов. Общества исторіи и древностей Россійскихъ (кн. 24) напечатаны слѣдующія статьи: *Записной расходной столбецъ приказу Галицкіе чети.* Дост. д. чл. И. А. Безсоновъ; *Чиновникъ патріарха Іоакима за* 1675 *годъ.* Дост. д. чл. архим. Макарій; *Событія, случившіяся въ Крыму въ царствованіе Шагинъ-Герея-Хана* (Переводъ съ современной Еврейской рукописи, сочиненной Караимомъ Рабби-Азарья сыномъ Иліи). Перев. Караимъ Авр. Сам. Фирковичъ; *Тетрадь, а въ ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повѣту* 7071 г. Дост. д. чл. П. С. Савельевъ; *Сотная выпись города Дмитрова* 7132 *г.* Дост. соревн. П. И. Бартеневъ; *Запись о ружныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пятинахъ XVI вѣка.* Дост. д. чл. арх. Макарій; *Приписка въ одномъ Софійскомъ синодикѣ XVI вѣка.* Достав. тотъ-же; *Наказъ сыщику Игнатью Парфеньеву, назначенному въ Суздаль по челобитью тамошнихъ граждань.* Дост. д. чл. И. В. Бѣляевъ; *Отписка воеводѣ съ челобитьемъ отъ гражданскихъ и уѣздныхъ людей.* Дост. онъ-же; *Проектъ изданія Россійскихъ лѣтописей въ* 1734 *году; Показаніе игумена Симона о пріѣздѣ инокини Елены (бывшей царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной) въ Кузминъ монастырь.* Дост. соревн. Чистовичъ; *Извѣстіе о Ярославѣ I въ прологѣ XIII вѣка.* Дост. сорев. И. Купріяновъ; *Въ докладъ* 198 *году.* Дост. д. чл. И. Д. Бѣляевъ; *Указатель статей, помѣщенныхъ въ Русскомъ Зрителѣ, журналѣ исторіи, археологіи и сравнительныхъ костюмовъ.* Сост. И. К. Калугинымъ.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ области отечественной исторіи принадлежатъ слѣдующія статьи: *С. Петербургское ополченіе* 1812—1814 *года*, Вс. Мамышева (Библ. для Чт. № 7); *Зарубежный мужичекъ Юрка, или пріѣздъ цесарскаго посольства въ XVII вѣкѣ, въ Россію*, М. М. Михайлова (ibid. № 9); *Очерки старинной жизни. I. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. II. Первый выпускъ сокола.* Разск. Д.... (ibid. № 11 и 12); *Сельская община въ Россіи г. Чичерина*, А. А. Сѣверцова (Совр. № 11); *Взглядъ на то время, когда совершилась коронація императрицы Екатерины II, съ описаніемъ фейерверка, даннаго по этому случаю противъ кремля*, С. Любецкаго (Москв. № 6); *Маневры при Красномъ Селѣ, происходившіе подъ собственною командою императрицы Екатерины*

II, въ 1765 *г.*, его-же (ibid.); ***Воспоминаніе о священномъ короновании*** (ibid. № 8); ***Дѣйствительно-ли Шеинъ измѣнилъ подъ Смоленскомъ въ*** 1634 *г.*, Н. И. Юхновскаго (ibid. № 9); ***Борьба Украинскихъ казаковъ съ Польшею въ половинѣ XVII вѣка, до Богдана Хмѣльницкаго***, Н. И. Костомарова (От. Зап. № 8); ***Объ исторіи національной по поводу описанія войны*** 1812 ***года Тьеромъ, въ его*** «Histoire du Consulat et de l'Empire», К. Штахеля (ibid.); ***Воспоминанія*** 1812 *г.*, Н. П. Сумарокова (ibid. № 10); ***Восточная Европа въ XVII вѣкѣ***, С. М. Соловьева (ibid. № 11); ***Три главы изъ политической и военной исторіи*** 1853, 1854 и 1855 гг., Е. М. Ковалевскаго (ibid.); ***Воспоминанія о бытности непріятеля въ Москвѣ въ*** 1812 *г.*, П. Г. Кичеева (Русск. Вѣст. № 17); ***Споръ о сельской общинѣ***, С. М. Соловьева (ibid. № 22); ***Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ статьѣ: «Споръ о сельской общинѣ»***, С. М. Соловьева (ibid. № 24); ***Борцы въ древней Руси***, И. В. Бѣляева (Русск. Бес. № 2); ***Сокола и кречета царя Алексѣя Михайловича***, А. Н. Попова (ibid.); ***Братчины***, С. М. Соловьева (ibid.); ***Сказаніе о сидѣніи Донскихъ казаковъ въ Азовѣ***, С. Максимова (Сынъ От. № 9); ***Окольничій Ѳ. Ртищевъ***, А. Терещенко (ibid. № 33); ***Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій*** (Русск. Инв. № 248); ***Коронаціи въ древнее и новое время***, Л. Сулеги (Моск. Вѣд. № 100); ***Московскіе сады въ XVII столѣтіи***, И. Забѣлина (ibid. № 103, 104, 107); ***Воспоминанія о Гребенскихъ казакахъ и Кавказской линіи.*** Разск. П. К. (ibid. № 110); ***Нѣсколько словъ о Московскомъ гербѣ*** (ibid. № 129); ***Судьба исторической женщины въ древней Россіи***, А. Строева (ibid. № 145 и 147); ***Рѣчь, произнесенная г. Чичеринымъ предъ открытіемъ диспута*** 21 ***декабря*** (ibid. № 154); ***Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданія Одесскаго Общества исторіи и древностей.*** Засѣданіе 27 сентября 1856 г. (Одесск. Вѣст. № 122); ***Формулярный списокъ князя Михаила Семеновича Воронцова*** (ibid. № 143); ***Петръ Великій въ Вѣнѣ въ*** 1688 *г.* (Журн. военно-учебн. зав. № 484); ***Обозрѣніе городовыхъ сотенъ и полковъ, бывшихъ въ Украйнѣ до смерти Богдана Хмѣльницкаго***, М. А. Максимовича (Вѣстн. Русск. геогр. Общ. № 4); ***Историческая записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря.*** Изъ бумагъ П. А. Словцова. Доставл. Н. А. Абрамовымъ (ibid. № 5).

— «Дѣйствительно-ли Шеинъ измѣнилъ подъ Смоленскомъ въ 1634 году?» — Разобравъ слѣдственное дѣло, повѣривъ справедливость его историческими данными и обозрѣвъ обстоятельства,

среди которыхъ Шеинъ былъ поставленъ въ этомъ походѣ,—на предложенный вопросъ: дѣйствительно-ли Шеинъ измѣнилъ подъ Смоленскомъ, авторъ выводитъ отвѣтъ отрицательный. Самое безпристрастное воззрѣніе на исторію похода и образъ дѣйствованія Шеина не откроетъ никакихъ доказательствъ его злонамѣренности. «Онъ потерпѣлъ здѣсь—говоритъ авторъ—большія неудачи.... Но и самые великіе полководцы, послѣ блестящихъ и часто изумительныхъ своихъ успѣховъ, не разъ должны были испытать то-же, что Шеинъ; однакожь и современники и потомство не клеймили ихъ позоромъ измѣнничества. Шеинъ много виноватъ, что походъ получилъ такой печальный конецъ: его гордость безграничная раздражала бояръ—вотъ основаніе несчастій, положенное имъ самимъ; остальное довершили ненависть и злоба бояръ. Его личныя намѣренія чисты, его дѣла, касающіяся пользъ отечества, безукоризненны. Не всѣ современники смотрѣли на Шеина, какъ на измѣнника. И самъ царь былъ къ нему справедливѣе бояръ: по мнѣнію Голикова, онъ вовсе не считалъ Шеина измѣнникомъ, и если казнилъ его, какъ измѣнника, то сдѣлалъ это единственно въ удовольствіе раздраженнаго народа. Это очень вѣроятно. Бояре были сильны въ своей злобѣ противъ Шеина; народъ былъ послушенъ ихъ убѣжденіямъ въ своемъ легковѣріи, вѣрилъ всѣмъ клеветамъ и съ дерзостію требовалъ смерти мнимаго измѣнника. Противиться буйной черни было невозможно, не навлекши новыхъ внутреннихъ бѣдъ на Россію.... Но....ей суждено были теперь отдыхать.... а ея спокойствіе, на этотъ разъ, было куплено кровію несчастнаго Шеина!..»

— «Борьба Украинскихъ казаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка, до Богдана Хмѣльницкаго».—Нельзя не благодарить г. Костомарова за этотъ трудъ: онъ пополнилъ пробѣлъ въ нашей исторіи, изложивъ мастерски и добросовѣстно энергическую борьбу Русскаго народа съ Польшею за свою религіозную и гражданскую самостоятельность». Борьба эта съ 1598 по 1648 годъ выразилась въ исторіи рядомъ возстаній Днѣпровскихъ казаковъ, и въ этихъ возстаніяхъ принимала участіе, болѣе или менѣе, вся масса народа, и всегда такъ, что участіе народа въ позднѣйшемъ казацкомъ возстаніи было обширнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ; чѣмъ болѣе Поляки старались потушить эти возстанія, чѣмъ рѣшительнѣе и жесточе были ихъ мѣры къ подавленію въ Русскомъ народѣ расцвѣтающихъ началъ независимости, тѣмъ живѣе народное чувство принимало потребность освобожденія Рус-

ской земли отъ Польши; наконецъ настала эпоха Хмѣльницкаго — эпоха всеобщей борьбы на жизнь и смерть, окончившейся присоединеніемъ южной Русси въ другой половинѣ Росси, которая составляла уже независимое государство». По слѣдующему отрывку о Сагайдачномъ наши читатели могутъ судить объ умѣньи автора изображать историческихъ дѣятелей: «Въ 1599 году избранъ былъ казацкимъ гетманомъ Конашевичъ Сагайдачный, человѣкъ ума замѣчательнаго, столько же храбрый и воинственный, сколько хитрый и уклончивый, умѣвшій жить по пословицѣ: помогай Богъ вашимъ и нашимъ. Съ одной стороны, онъ поддерживалъ Русскую національность вопреки стремленію Поляковъ уничтожить Греческую вѣру и обратить народъ въ унію; возстановилъ Кіевскую митрополію, которую съ намѣреніемъ оставили незанятою, признавая истиннымъ первенствующимъ лицомъ церкви уніатскаго митрополита и истинною Греческою вѣрою унію; возобновилъ древнія епископскія каѳедры; основалъ братства съ цѣлью противодѣйствовать Римскокатолическому прозелитизму, и вообще явно противился Польщѣ; съ другой стороны, онъ заискивалъ милостей короля и пановъ, помогалъ Полякамъ въ войнахъ съ Великороссіянами, не стѣсняя совѣсть разореніемъ Русскихъ городовъ и пролитіемъ Русской крови, хотя воспитаніе, полученное имъ, никакъ не могло оставить его въ невѣжествѣ относительно древняго единства сѣверо-восточной и юго-западной частей Руси. Этотъ человѣкъ думалъ исключительно объ интересахъ казацкаго сословія, отдѣляя ихъ отъ интересовъ южно-Русскаго народа, и одинъ изъ старыхъ Украинскихъ лѣтописцевъ сказалъ о немъ: «Конашевичъ завсегда въ миру съ панами жилъ, а за то казакамъ и добрѐ было только посполъство терпѣло зѣло». Такой народный предводитель не былъ въ состояніи разрѣшить возникшій вопросъ національностей; у него не доставало силъ облегчить развязку этого вопроса и для будущаго времени».

— «Объ исторіи національной по поводу описанія войны 1812 года Тьеромъ, въ его «Histoire du Consulat et de l'Empire». — Авторъ дѣлаетъ подробный разборъ 2 книгъ, въ которыхъ Тьеръ описываетъ войну 1812 года: факты, изложенные въ сочиненія Тьера, служатъ автору данными для вывода совершенно другихъ заключеній объ этой войнѣ, нежели какія дѣлаетъ Французскій историкъ, ослѣпленный Наполеономъ. «Тьеръ, разсказывающій факты съ добросовѣстнымъ безпристрастіемъ, объясняетъ ихъ

по-своему и находитъ способъ оправдать Наполеона даже тогда, когда самъ выводитъ новыя противъ него улики. Вотъ общее заключенiе автора статьи: «Тьеръ первый между Французами опровергнулъ парадоксъ, выдуманный Наполеономъ, что причиною его неудачъ въ 1812 г. была ранняя зима и сильная стужа; но въ отношенiи къ Русскому духу и Русскому обществу, Тьеръ сохраняетъ всѣ предразсудки самого Наполеона и Французовъ вообще. Не одни Французы, но и всѣ вообще западные Европейцы, за исключенiемъ развѣ нѣкоторыхъ Нѣмцевъ, поражены какимъ-то ослѣпленiемъ, когда разсуждаютъ о Россiи. Они перемѣшиваютъ эпохи, перепутываютъ происшествiя, и наконецъ изъ этого хаоса фактовъ образуютъ какую-то фантастическую, небывалую Россiю, въ ихъ только воображенiи существующую. Въ особенности мастера они на изобрѣтенiе разныхъ партiй, о которыхъ въ Россiи никто не слыхивалъ: le parti russe et le parti allemand, les boyards, the old moscovite party и т. п. Тьеръ не могъ отстать отъ другихъ—это сторона политическая, а вотъ понятiе Французскаго историка о нацiональномъ характерѣ Русскихъ: «Они столь-же нѣжны, какъ храбры, столь-же хитры, какъ и вспыльчивы, смотря по разсчету или по увлеченiю обстоятельствъ», какъ будто въ этихъ антитезисахъ заключается какая-нибудь характеристика и какъ будто нельзя того-же самаго сказать о каждомъ народѣ? Въ другомъ мѣстѣ Тьеръ идетъ нѣсколько далѣе и становится опредѣленнѣе: «Когда необходимость требуетъ, Русская гордость превращается внезапно въ униженную уступчивость, соединенную съ тою Азiатской любезностью, которая составляетъ исключительный даръ этого опаснаго народа». Въ этой галиматьѣ, гдѣ Русскимъ приписывается *Азiятская любезность*, по мнѣнiю сочинителя, вѣроятно, превосходящая любезность Французскую, хотя Русскiе никогда не изъявляли особеннаго притязанiя на любезность, а тѣмъ менѣе думали посредствомъ любезности сдѣлаться опасными,—въ этой галиматьѣ ясно только то, что Французская буржуази не въ состоянiи даже приблизительно понять, что такое Россiя. Между Россiей и буржуази западно-Европейской нѣтъ общаго мѣрила: это величины несоизмѣримыя. Русскiй можетъ еще, съ нѣкоторымъ усилiемъ, постигнуть буржуазныя начала и ихъ развитiе: потому что Русскому уму свойственно безкорыстiе, доходящее до забвенiя своей личности. Но буржуа, мѣрящiй все на свой аршинъ, не постигнетъ тайны Русскаго общества, еслибъ даже факты были

ему ближе и точнѣе знакомы, нежели теперь. Покамѣстъ въ наше время невѣжество принимаетъ значительное участіе въ общемъ ослѣпленіи касательно Россіи, и потому самъ Тьеръ, писатель, въ своей мѣрѣ, трудолюбивый и добросовѣстный, подвергается этому-же упреку. Самые странные промахи, которые показались-бы непростительными въ отношеніи ко всякой другой странѣ, сходятъ съ рукъ, когда дѣло идетъ о Россіи. Описывая Смоленскъ и его окрестности, Тьеръ говоритъ: le pays rapproché du pôle! Промаховъ и другихъ немало. Но простимъ ему все это, простимъ ему даже и недостатокъ высшихъ качествъ историка, неумѣнье изъ фактовъ вѣрныхъ, ясно изложенныхъ, добытыхъ прилежнымъ изысканіемъ, вывести общіе результаты, соотвѣтствующіе важности событій и достоинству исторіи. Тьеръ много трудился надъ тѣмъ, чтобъ объяснить самому себѣ и читателямъ, чего именно дѣйствующія лица его разсказа хотѣли въ данную минуту. Особенно занимаетъ его точное опредѣленіе намѣреній Наполеона въ различные моменты войны. Результаты этихъ изслѣдованій иногда любопытны и занимательны, но не въ этомъ задача историка. Воля человѣка, его намѣренія, пока не перешли въ дѣйствительность, не воплотились въ событія, составляютъ предметъ не исторіи, а романа; исторія развивается подъ вліяніемъ иныхъ, болѣе твердыхъ и неизмѣнныхъ началъ. Можно простить Тьеру всѣ его недостатки, потому что книга его произведетъ переворотъ въ понятіяхъ Французовъ о войнѣ 1812 года, а этотъ переворотъ можетъ имѣть благія слѣдствія на ихъ нравственное развитіе. Истина, даже въ формѣ неполной, недостаточной, драгоцѣнна, и потому мы готовы благодарить Тьера за усилія его достигнуть истины, и кончили-бы нашъ разборъ этой благодарностью, еслибъ не чувствовали себя обязанными протестовать во имя національной нравственности противъ того чувства, которое одушевляетъ отъ начала до конца сочиненіе Тьера, а въ особенности послѣдній его томъ. Идея, господствующая въ этой исторіи, та-же, которая руководила героя, избраннаго Тьеромъ. Великій полководецъ и знаменитый историкъ—оба восторженные поклонники славы. *Слава* т. е. долговѣчная молва, переходящая изъ рода въ родъ и передающая отдаленнымъ потомкамъ удивленіе, которымъ были исполнены современники чрезвычайныхъ дѣлъ или великихъ подвиговъ. Тутъ дѣло все въ значеніи подвига. Если это дѣйствіе лица на пользу общую, если это шагъ впередъ въ общемъ развитіи наро-

довъ и человѣчества, то слава истинна; если-же, напротивъ, она сохраняетъ память всякаго чрезвычайнаго поступка, все, что въ свое время внушало удивленіе, или ужасъ, или даже отвращеніе и ненависть—эта слава Аттилъ, Тамерлановъ, Карловъ XII и другихъ, неминуемо должна обратиться съ развитіемъ человѣчества въ Немезиду карающую. Мы не отрицаемъ въ жизни Наполеона подвиговъ истинныхъ, полезныхъ, способствовавшихъ къ развитію новыхъ началъ во Франціи и въ Европѣ; мы не отрицаемъ, что этими подвигами онъ заслужилъ славу; но гдѣ-же слава въ войнѣ 1812 года, и кому принадлежитъ она? Безъ сомнѣнія, Русскимъ, а не Наполеону. Слава, понятая какъ блескъ, какъ шумъ, какъ громкое эхо, прельщаетъ и всегда прельщала исключительно племена Латинскія. Тьеръ, живо чувствуя всѣ неудачи и несчастія похода въ Москву, принимая въ нихъ патріотическое участіе, утѣшается славою, тѣмъ, что онъ называетъ le prestige des armes, l'adcendant militaire. Какимъ образомъ могъ умъ, въ сущности ясный, до того отуманиться, чтобъ не понять, какимъ образомъ слава должна быть оцѣнена по результатамъ? Какое значеніе имѣла война 1812 года для Франціи? Это была прихоть деспота, не связанная ничѣмъ ни съ прошедшимъ, ни съ современными потребностями Французскаго народа; прихоть эта, въ случаѣ успѣха даже, не могла имѣть для Франціи слѣдствій иныхъ, кромѣ вредныхъ; неудача, которую легко было предвидѣть, сдѣлала ее пагубной. Франція потеряла разомъ все то, что пятьнадцатилѣтнія, непрестанныя войны и частыя побѣды ей доставили и, сверхъ того, подверглась безпримѣрному униженію, до того, что сохраненіемъ своей національной цѣлости обязана только великодушію Александра I. Для Россіи отечественная война была испытаніемъ, служила переломомъ въ развитіи, переходомъ отъ юности къ зрѣлости. Со времени Петра Великаго постоянно возрастая и укрѣпляясь, Россія наконецъ достигла той эпохи, когда ей было можно и даже необходимо требовать участія въ общихъ дѣлахъ Европы и человѣчества. При первомъ шагѣ на этомъ поприщѣ она встрѣтила соперничество обновленной Франціи, которой вооруженное могущество находилось въ рукахъ Наполеона. Этотъ геніальный полководецъ умѣлъ воспользоваться силами, отданными въ его распоряженіе; онъ покорилъ волѣ своей всю континентальную Европу, и въ борьбѣ съ Россіей принудилъ ее къ уступкамъ. Но этого ему было недостаточно. Имѣя притязаніе на рѣшительное первенство, даже

на владычество въ цѣлой Европѣ, онъ не могъ оставить Россію въ положеніи независимомъ, тѣмъ болѣе, что, по его убѣжденію, Англія могла быть побѣждена только порабощеніемъ Россіи. Этимъ самымъ честолюбивый завоеватель опредѣлялъ и судьбу и будущность Россіи. Назначеніе ея служить Европѣ примѣромъ и ручательствомъ независимости національностей, права соприсущаго каждому народу своеобразнаго развитія—словомъ, противоположностью и отпоромъ механической цивилизаціи запада; равно какъ въ отношеніи къ недвижимому востоку дѣятельность ея служитъ закваской и элементомъ жизненнаго развитія. Такою вышла Россія изъ борьбы, которой она не вызывала, но которую умѣла вести. Она опредѣлилась во внутреннемъ и внѣшнемъ своемъ значеніи, пріобрѣла окончательныя свои границы и съ той поры продолжала развиваться на незыблемыхъ основаніяхъ, пріобрѣтенныхъ ея геройскимъ мужествомъ. Прошло около полувѣка, Руссія не утратила ничего изъ пріобрѣтеннаго ею въ 1812 году, и правильно идетъ впередъ по пути, предначертанному судьбой, т. е. условіями національнаго характера».

— «Борцы въ древней Руси».—«Въ самыя первыя времена нашей исторіи мы встрѣчаемъ уже борьбу и притомъ, какъ дѣло серьезное. Въ отдаленныя отъ насъ времена началъ Русскаго государства, когда, съ одной стороны, была постоянная потребность защищаться, а съ другой средствомъ къ защитѣ прежде всего и болѣе всего служила тѣлесная сила, борьба уважалась, какъ средство къ развитію и испытанію тѣлесной силы. Вслѣдствіе сего борьба одного принималась за образщикъ тѣлесной силы цѣлой общины, къ которой принадлежалъ борецъ; слава или безславіе борца переносилась и на всю общину, его выставившую. При такомъ значеніи борьбы, какъ образца силы, она нерѣдко получала характеръ юридическій. На первыхъ-же страницахъ нашихъ лѣтописей можно видѣть борьбу, какъ доказательство народнаго права, борца, какъ представителя народной силы. Но не въ международныхъ только отношеніяхъ употреблялась борьба въ смыслѣ юридическаго доказательства: то-же было и въ сношеніяхъ частныхъ. Впослѣдствіи мы видимъ борьбу, какъ простую потѣху народную. Но и здѣсь она, утративъ юридическій характеръ, сохранила первоначальный свой смыслъ — служитъ образцомъ народной силы. Притомъ, обратившись въ потѣху, она стала искусствомъ нѣкоторыхъ особенно дюжихъ и способныхъ и приняла въ себя но-

вый, болѣе художественный элементъ—ловкость. Сознаніемъ этой силы и ловкости услаждался борецъ побѣдитель: «Вѣдь не то мнѣ-ко дорого, что чистое золото, а то мнѣ-ко дорого — похвала молодецкая».

Изъ критическихъ статей, появившихся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ по части Русской исторіи, замѣчательны слѣдующія: ***Изслѣдованія о лѣтописи Якимовской.*** Составилъ П. Лавровскій С. Пб. 1855 (От. Зап. № 7); ***Исторія Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина***, Желѣзнова (ibid. № 9); ***Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ.*** По поводу сочиненія г. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Москва 1856 г. Ст. К. Д. Кавелина (ibid. № 12); ***Исторія Россіи съ древнихъ временъ, соч. С. Соловьева.*** Т. IV. Ст. К. С. Аксакова (Русск. Бес. № 4); ***Споръ о сельской общинѣ. С. Соловьева.*** Ст. И. Д. Бѣляева (ibid.).

Къ исторіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: ***Очеркъ жизни Лорда Бэкона. Ст. Маколея***, В. Кеневича (Биб. для чт. № 9); ***Баронъ Штейнъ*** (ibid. № 10); ***Дѣтство и юность Вашингтона*** (ibid. № 11); ***Исторія.*** Ст. Маколея (ibid.); ***Историческій очеркъ возстанія общинъ въ царствованіе Карла V. Ст.*** Don Francisco Martinez de la Rosa. Съ Испанск. Н. К. (Совр. № 7); ***Разсказы изъ исторіи Англіи при короляхъ Іаковѣ II и Вильгельмѣ III и королевѣ Аннѣ.*** Изъ Маколея (ibid. № 10, 11 и 12); ***Новѣйшія открытія въ Вавилонѣ***, И. И. Березина (Отеч. Зап. № 10); ***Ансельмъ Кантерберійскій II***, Е. М. Ѳеоктистова (Русск. Вѣстн. № 13); ***Сиръ Робертъ Пиль***, ст. Гизо (ibid. и № 15, 19, и 24); ***Жизнь и сочиненія Даніелъ Вебстера II***, Д. И. Каченовскаго (ibid. № 14); ***Гибнущія туземныя племена сѣверной Америки*** (ibid.); ***Политическое обозрѣніе*** (ibid. № 13—24); ***Взглядъ на судьбу Испаніи въ XIX вѣкѣ*** (ibid. № 16, 17 и 18); ***Избраніе на Польскій престолъ наслѣднаго принца Шведскаго Сигизмунда Вазы***, С. М. Соловьева (ibid. № 17); ***Карлъ V***, V, П. Н. Кудрявцева (ibid. № 20, 22 и 23); ***О политической будущности Англіи***, Б. Н. Чичерина (ibid. № 20); ***Лордъ Меткальфъ, Англійскій государственный мужъ*** (Русск. бес. № 2); ***Лжепророкъ Мансуръ***, А. Терещенко (Сынъ от. № 15 и 16); ***О каменныхъ бабахъ*** (ibid. № 39); ***Вакеръ въ Никарагуѣ*** (С. Пб. вѣд. № 214, 218 и 219); ***Черногорскій князь Даніилъ***, Армана Баше (ibid. № 240 и 241); ***Причина Китайскаго возмущенія*** (Русск. Инв. № 150); ***Предводитель Китайскихъ инсургентовъ*** (ibid. № 280); ***Замѣчательные Сѣверо-Американцы*** (Сѣв. Пч. № 173); ***Ютлан-***

дія въ прошлое и настоящее время, Е. Ѳеоктистова (Моск. вѣд. № 118 и 120); *Французская община* (ibid. № 129 и 130); *Графъ Гастонъ де Руассе-Бульбокъ* (ibid. № 133 и 136); *Французская провинціальная аристократія при Людовикѣ XIV* (ibid. № 145); *Дополненіе къ статьѣ: «Французская община»* (ibid. № 155); *Маршалъ О'Доннель* (Вил. вѣстн. № 60); *Общество меньшихъ сестеръ бѣдныхъ во Франціи* (ibid. № 90 и 100); *Лазика и борьба за нее Персовъ съ Византійцами*, Дм. З. Бакрадзе (Кавк. № 52, 53, 54 и 57); *Матеріалы для исторіи Грузіи* (ibid. № 75).

— «Баронъ Штейнъ.» — Настоящая статья есть хорошо составленное извлеченіе изъ недавно-вышедшей въ Берлинѣ біографіи знаменитаго Прусскаго министра. Авторъ біографіи, *Перцъ*, посвятилъ шесть объемистыхъ томовъ жизнеописанію своего героя: въ статьѣ кратко и сжато изложены всѣ главныя событія изъ жизни гражданскаго героя Пруссіи, вмѣстѣ съ разсказомъ о великихъ заслугахъ, оказанныхъ министромъ Штейномъ какъ своей родинѣ, такъ и всему дѣлу Европейской цивилизаціи. Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, баронъ Штейнъ-фонъ-Штейнъ (von und zum Stein) родился въ 1757 г., въ наслѣдственномъ замкѣ, въ Нассаускихъ владѣніяхъ; воспитывался въ Геттингенскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ многими знаменитыми людьми его времени; 23-хъ лѣтъ онъ получилъ должность референдарія въ Прусскомъ департаментѣ горныхъ и литейныхъ дѣлъ. Молодой Штейнъ, по самому мѣсту своего служенія, уже былъ обязанъ учиться многому. Лица, служившія въ горномъ и литейномъ департаментѣ, обязаны были посѣщать курсы минералогіи, геологіи, химіи и т. д.; правительство не дѣлало повѣрки ихъ занятіямъ, не назначало имъ экзаменовъ; но всякій чиновникъ, не желавшій жить на одномъ и томъ-же мѣстѣ, очень хорошо видѣлъ, какъ ему необходима наука. Штейнъ пользовался плодами ученія болѣе всѣхъ, ибо складъ его ума по преимуществу практическаго, увлекалъ его къ естественнымъ наукамъ. За труды свои и усердную службу онъ былъ, въ 1784 г., назначенъ въ должность главнаго инспектора рудниковъ въ Вестфаліи, съ правомъ голоса по части управленія краемъ. Разсказываютъ, что въ Вестфаліи имя барона Штейна до-сихъ-поръ памятно по участію его въ управленіи области. Въ 1804 г. онъ назначенъ былъ министромъ финансовъ, предшествуемый значительною славою. Двадцать лѣтъ дѣятельность Штейна въ различныхъ областяхъ Пруссіи изобиловала безчисленными доказательствами искусства и энер-

гіи. Ни одинъ человѣкъ не произвелъ въ такое время столько полезныхъ дѣлъ и столько разумныхъ реформъ по администраціи. Выше всѣхъ заслугъ Штейна считалось его искусство выбирать подчиненныхъ и заставлять ихъ трудиться на пользу общую. Его подчиненные, въ исполненіи своихъ обязанностей, могли быть непреклонными и даже суровыми; но бѣда ждала ихъ, если они доводили эту суровость до оскорбительной грубости. До насъ дошла одна записка Штейна, въ которой онъ обвиняетъ одного изъ значительныхъ чиновниковъ, ему подчиненныхъ, въ *преднамѣренной дерзости обхожденія, подвергавшей его ненависти всѣхъ, отъ него зависящихъ, и презрѣнію со стороны независимыхъ наблюдателей.* Недостойное поведеніе виновнаго, прибавляетъ Штейнъ, приписываю я его невѣжеству и самонадѣянности, вслѣдствіе чего и объявляю, что онъ потеряетъ свое мѣсто, если подастъ поводъ къ новымъ жалобамъ. Въ 1792 г. Штейнъ вступилъ въ бракъ съ графиней Вильгельминой Вальмоденъ. Вскорѣ послѣ того наступаетъ періодъ могучей, государственной, Европейской дѣятельности въ жизни барона Штейна. Какому, хотя-бы самому поверхностно-образованному человѣку, неизвѣстно въ общихъ чертахъ положеніе Пруссіи и Европы въ послѣдніе мѣсяцы 1804 года? Могущество Наполеона, еще оспориваемое соединенною политикою Россіи, Англіи и Австріи, возвышалось не по годамъ, а по днямъ. Вліяніе Французской имперіи на Германію,—вліяніе оскорбительное и уничтожающее всѣ лучшіе инстинкты народовъ, давно началось и грозило принять еще бóльшіе размѣры. Кампанія 1805 г. окончилась въ пользу Наполеона и еще болѣе утвердила его властолюбіе. Видя противъ себя меньшее число противниковъ, императоръ Французскій сталъ обходиться еще самовластнѣе съ Пруссіей и Германскими владѣніями. Разрывъ былъ неизбѣженъ, разрыва требовала сама Пруссія. Въ короткіе мѣсяцы между концомъ 1805 г. и открытіемъ кампаніи 1806 г., Штейнъ произвелъ чудеса по финансовой части. Не считая Англійскихъ субсидій, на которыя всегда можно было разсчитывать, правительство имѣло въ своихъ рукахъ суммы, достаточныя на веденіе войны упорной и продолжительной. Провидѣнію, неисповѣдимыми путями посылающему свои испытанія на царства и народы, не угодно было благословить войну, поднятую за правое дѣло. Армія Фридриха Великаго была сокрушена двумя ударами — подъ Сеной и Ауэрштедтомъ. Старая Прусская дисциплина, недавно еще служившая образцомъ для войскъ почти

всей Европы, оказалась несостоятельною въ борьбѣ съ войсками новаго устройства. Неожиданность главной катастрофы, весь ходъ быстрой кампаніи, нарушившей всѣ вѣроятности и ожиданія, гибельно отразились на Прусскомъ войскѣ. Гарнизоны отрѣзанныхъ крѣпостей сдавались безъ выстрѣла, отряды когда-то стройной арміи, раскиданные по всей Пруссіи, потерявшіе бодрость и направленіе, клали оружіе при встрѣчахъ съ Французами. Послѣдствіями этого были извѣстный миръ и тягостное состояніе Пруссіи. Къ концу 1808 г. Пруссія должна была выплатить 120 милл. рубл. сер. военной контрибуціи. Въ Прусскихъ владѣніяхъ, въ то время не имѣвшихъ 6 милл., было расположено 160 т. чужеземнаго войска, на всемъ продовольствіи отъ жителей. Французы отъ маршала до барабанщика угнетали народъ и физически и нравственно. Положеніе Пруссіи въ 1807 г. могло назваться положеніемъ тягостнымъ, печальнымъ и щекотливымъ въ высшей степени. Страна бѣднѣла съ каждымъ мѣсяцемъ. Французскія войска должны были занимать ее до выплаты всей контрибуціи. Четвертый пунктъ Тильзитскаго трактата говорилъ всей Европѣ, что часть бывшихъ владѣній короля Прусскаго возвращается ему только вслѣдствіе предстательства императора Всероссійскаго, — возвращается, *какъ знакъ уваженія Наполеона къ своему сѣверному союзнику.* Короче сказать, дѣла шли такъ худо, что Нибуръ, другъ и помощникъ барона Штейна, счелъ за благо покинуть Пруссію и удалиться на родину, въ Данію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, знаменитый историкъ выражается такъ: «Наступила пора полнаго разрушенія. Старый порядокъ вещей гибнетъ окончательно. Насъ ждетъ одно что-нибудь: или совершенное уничтоженіе, или начало жизни на новыхъ, иныхъ условіяхъ.» Но тамъ, гдѣ великій ученый испускалъ вопль безполезнаго отчаянія, великій государственный мужъ видѣлъ обширное поле для практической дѣятельности. Два великія дѣла выпали на долю барону Штейну, какъ министру, совѣтнику короля и представителю просвѣщенной Пруссіи. Прежде всего надо было избавиться отъ Французскихъ гостей, съ какими-бы то ни было пожертвованіями. Отдѣлавшись отъ чужаго войска и враждебнаго надзора, слѣдовало пересоздать военныя, гражданскія и финансовыя силы Пруссіи. Исполненіе этихъ двухъ великихъ дѣлъ должно было вести къ третьему — къ новой борьбѣ съ Французскимъ владычествомъ. Прежде всего онъ заключилъ съ генералъ-интендантомъ Французскихъ войскъ, Пьеромъ Дарю. усло-

ніе относительно срока платежа и вывода Французскихъ войскъ, имѣющаго за нимъ послѣдовать. Для этого нужны были огромныя средства, и Штейнъ нашелъ ихъ. Былъ разрѣшенъ ввозъ звонкой Русской монеты. Дворянскія собранія разныхъ провинцій гарантировали кредитные билеты, выпущенные правительствомъ. Штаты другихъ областей постановили налогъ съ дохода. Бранденбургская область доставила особые поземельные сборы. Коронныхъ земель было продано на 15 милл. р. с., займы произведены, гдѣ только было можно. Энергія и изобрѣтательность Штейна увѣнчались полнымъ успѣхомъ, обиліе финансовыхъ мѣръ, имъ придуманныхъ въ самое короткое время, обезпечивали надлежащій сборъ, даже при неудачѣ многихъ операцій. Не взирая на тщетныя усилія занять деньги въ Амстердамѣ, не взирая на тяжелое положеніе земледѣльцевъ и торговаго класса, огромныя суммы поступали въ казну съ быстротою, и еще съ большею быстротою передавались во Французское интендантство. Многочисленныя, радикальныя реформы по внутреннему управленію краемъ, реформы военныя, экономическія и бюрократическія, шли за-одно съ финансовыми мѣрами. Штейнъ говорилъ всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать и кто могъ разумѣть его плана: *Пруссія должна выиграть внутреннимъ устройствомъ то, что она потеряла, уменьшившись въ объемѣ.* Идеи Штейна въ этомъ отношеніи раздѣлялись и королемъ, и принцами королевской крови и всѣмъ образованнымъ классомъ Пруссаковъ. Геніальный министръ былъ счастливъ въ друзьяхъ и помощникахъ. По гражданской части онъ имѣлъ подъ рукою Шёна, Гумбольдта, Сакка, Шреттера (трудившагося по дѣламъ о земледѣльцахъ и землевладѣльцахъ); изъ военныхъ людей, Блюхеръ, Шарнгоустъ, Рекель и Гнейзенау, первые генералы Пруссіи, глядѣли на дѣла своего званія глазами Штейна. Съ людьми подобнаго разбора можно было дѣлать все на свѣтѣ. Войску дана новая организація. Переформированіемъ одной постоянной арміи дѣло не могло кончиться. Въ силу тяжкаго трактата, Пруссія не могла имѣть подъ ружьемъ того-же числа людей, какое она имѣла до несчастной кампаніи 1806 г.; мало того, Наполеонъ видимо клонилъ къ тому, чтобы довести всѣ силы Пруссіи до 30,000 человѣкъ, считая тутъ и пѣхоту, и кавалерію, и артиллерію. Въ такихъ грустныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ, въ Пруссіи была составлена и принята система *ландверовъ*, сокращающая срокъ службы, знакомящая все молодое населеніе края съ военною службою, и всегда дающая правительству

большой резервъ запаснаго войска, уже бывшаго подъ знаменами. Гнейзенау и Шарнгорстъ были душою новой военной силы въ ея зародышѣ, такъ-какъ они были ея душою въ періодъ рѣшительной борьбы за свободу Европы. Штейнъ разсчитывалъ, что съ весною 1808 г. Пруссія будетъ имѣть до 80,000 превосходнаго войска; эта мысль его оживляла и радовала до такой степени, что осторожный Нибуръ, въ то время находившійся въ Амстердамѣ, писалъ къ министру отчаянныя письма, умоляя его не замышлять новой борьбы, не увеличивать постояннаго войска, не волновать Германіи перспективою брани съ непобѣдимымъ противникомъ! Знаменитая государственная реформа, съ которою преимущественно связано имя барона Штейна, въ сущности своей принадлежитъ къ разряду самыхъ простыхъ и не трудныхъ дѣлъ въ оффиціальной дѣятельности нашего министра. Мы говоримъ объ уничтоженіи феодальныхъ узаконеній по части владѣнія землею, про рядъ королевскихъ эдиктовъ, положившихъ конецъ вассальству (Guts-Unterthänigkeit), несвободному сословію земледѣльцевъ и привилегіямъ, связаннымъ съ рыцарской землею (Rittergut). Распространеніе просвѣщенія, общее смягченіе нравовъ, различные королевскіе эдикты, начавшіеся еще съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, давно готовили Пруссію къ тому прекрасному экономическому положенію, въ которомъ она теперь находится. На Штейна, при другихъ его должностяхъ, возложили и управленіе иностранными дѣлами. По мѣрѣ того, какъ близился новый разрывъ Наполеона съ Австріею, Штейнъ требовалъ усиленія военныхъ силъ Пруссіи, велъ дѣятельную корреспонденцію съ значительными лицами въ Россіи и Англіи, наконецъ, нѣсколько разъ, въ частныхъ собраніяхъ, выражалъ ту мысль, что часъ новой борьбы скоро наступитъ. Наполеонъ ясно выразилъ, что не одобряетъ Прусской политики и потребовалъ новаго сокращенія Прусской арміи. Королю осталось выбирать между войною и увольненіемъ министра. Въ концѣ 1808 г. Штейнъ сложилъ съ себя различныя званія по министерствамъ. Въ мартѣ 1812 г. онъ принялъ предложеніе Императора Александра Павловича жить въ Петербургѣ, гдѣ и пробылъ до конца этого года, и съ этихъ-то поръ всѣ силы души Штейна направлены были на освобожденіе Германіи и Европы отъ Наполеона. Съ миромъ 1815 г. окончилась оффиціальная его дѣятельность. Онъ умеръ въ 1831 году.

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Алмазовидный боръ. — Въ нашемъ журналѣ уже было говорено о блистательномъ открытіи *Велера* и *Сенъ-Клеръ-Девилля*, успѣвшихъ получить кристаллическій боръ, столь сходный съ алмазомъ (Февр. отд. VII, стр. 49). Сообщаемъ здѣсь дальнѣйшія ихъ изслѣдованія о физическихъ свойствахъ и анализѣ полученныхъ кристалловъ (*).

Боръ, какъ уже сказано, представляетъ различные цвѣта, отъ гранатно-краснаго, который бываетъ такъ густъ, что производитъ непрозрачность даже при незначительной толстотѣ, и до медово-желтаго, почти совершенно безцвѣтнаго. При разложеніи оказалось, что химическій составъ измѣняется вмѣстѣ съ цвѣтомъ. Въ настоящее время, говорятъ авторы, мы различаемъ три разновидности бора, хотя всѣ онѣ, по-видимому, кристаллизуются одинаково, по-крайней-мѣрѣ если судить по нѣсколькимъ угламъ, измѣреннымъ на двухъ изъ этихъ разновидностей. Одна изъ нихъ получилась въ кристаллахъ столь ясныхъ и правильныхъ, что можно было съ точностію опредѣлить углы. Именно — боръ кристаллизуется въ прямыхъ призмахъ съ квадратнымъ основаніемъ и съ октаедрическими заостреніями. Отношеніе боковыхъ осей къ главной, вычисленное на основаніи угловъ наиболѣе развитаго октаедра, будетъ 1:0,816. Вообще встрѣчаются два октаедра, налегающіе на ребра призмы, и двѣ призмы; плоскости одной притупляютъ ребра другой. По угламъ, представляемымъ этими формами, боръ можно считать совершенно изоморфнымъ съ оловомъ.

(*) Cosmos. 1857. X, 219.

Удѣльный вѣсъ бора есть 2,68,—слѣдовательно нѣсколько выше, чѣмъ вѣсъ кремнія. Можно замѣтить, что плотность кремнія равна плотности кремнезема, что плотность бора выше плотности борной кислоты и что наконецъ плотность алмаза весьма велика въ сравненіи съ плотностію жидкой углекислоты. Надѣясь на подтвержденіе нашего предположенія дальнѣйшими опытами, мы прибавимъ, что передъ кремніемъ въ томъ-же ряду стоитъ глиній и его плотность едва составляетъ двѣ трети плотности глинозема.

Твердость бора бываетъ очень различна, смотря по образчикамъ, но постоянно остается выше твердости корунда. Въ этомъ отношеніи ясно различаются три рода борныхъ кристалловъ.

1. Первая разновидность есть боръ въ видѣ пластинокъ съ металлическимъ блескомъ, по-меньшей-мѣрѣ равнымъ алмазному: онъ черенъ, непрозраченъ и просвѣчиваетъ только въ самыхъ тонкихъ частяхъ кристалла. Листопрохожденіе весьма совершенное, такъ-что кристаллы довольно легко ломаются; но твердость очень велика. Онъ ясно чертитъ алмазъ. Такой боръ получается въ томъ случаѣ, когда борная кислота и глиній не долго остаются въ прикосновеніи, или-же когда вся операція совершается при температурѣ сравнительно низкой. Впрочемъ, эти условія еще не опредѣлены совершенно точно.

Разложеніе этой разновидности даетъ: углерода — 2,4, бора — 97,6.

Разложеніе бора представило авторамъ нѣкоторыя трудности. Вотъ ихъ пріемъ: боръ, взвѣшенный и помѣщенный въ платиновою чашечку, былъ сожженъ въ длинной стекляной трубочкѣ, черезъ которую пропускался хлоръ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ была чашечка, трубку нагрѣвали до температуры размягченія стекла. Дымящійся хлористый боръ улеталъ, а уголь оставался—и его взвѣшивали, сожигая въ кислородѣ и опредѣляя количество углекислоты. При этомъ образуется сверхъ того очень малое количество бѣловатаго летучаго вещества, которое вполнѣ еще не изслѣдовано.

2. Боръ является также въ кристаллахъ совершенно прозрачныхъ и чистыхъ. Они группируются въ видѣ длинныхъ призмъ, зазубренныхъ, какъ пила. Иногда-же получаются очень маленькіе кристаллы дѣйствительно призматическіе, восьмигранные, и вѣроятно заостренные октаедрами, о которыхъ мы говорили. Алмазный блескъ ихъ силенъ чрезвычайно, но твердость нѣсколько меньше, чѣмъ у первой разновидности. Наконецъ продолжительное дѣй-

ствіе кислотъ и особенно царской водки, кажется, не остается безъ вліянія на ихъ поверхность. Этотъ видъ бора получается въ томъ случаѣ, когда глиній въ избыткѣ, а борная кислота долго и при высокой температурѣ остается съ нимъ въ прикосновеніи. Нужно по-крайней-мѣрѣ пять часовъ нагрѣванія, способнаго расплавить никкель. Не многіе тигли выносятъ такой жаръ.

Составъ этого бора не всегда одинъ и тотъ-же. Разложеніе нѣсколькихъ особенно красивыхъ кристалловъ дало слѣдующія числа, которыя можно принять за среднія: углерода — 4,2, глинія — 6,7, бора — 89,1.

Если успѣютъ получить чистые кристаллы такого бора, порядочной величины, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ можно будетъ употреблять, какъ драгоцѣнные камни.

3. Самая твердая изъ разновидностей бора, несравненно тверже первой, а тѣмъ болѣе второй, получается, когда въ нѣсколько пріемовъ дѣйствовать на глиній борною кислотою въ большомъ избыткѣ и при такой температурѣ, чтобы вся избыточная борная кислота улетучивалась. Такимъ образомъ, для добыванія одного или двухъ граммовъ этого вещества, нужно въ закрытыхъ сосудахъ, въ угольныхъ тигляхъ, которые мы описали, улетучить двадцать или тридцать граммовъ борной кислоты, нагрѣвая каждый разъ въ-теченіе двухъ или трехъ часовъ. Тогда въ тиглѣ остается ноздревая масса, свѣтлаго красношоколаднаго цвѣта, усѣянная сильно блестящими кристаллами бора; ихъ нужно очистить отъ желѣза, и вообще отъ постороннихъ металловъ и отъ глинія посредствомъ соды и хлористо-водородной кислоты. Къ-сожалѣнію, этимъ способомъ нельзя отдѣлить отъ бора глинія, который проникъ въ него и въ присутствіи котораго легко убѣдиться. Вотъ почему нельзя опредѣлить составныя части этой разновидности, хотя она очевидно чище двухъ другихъ.

Нельзя не остановиться на тѣхъ заключеніяхъ, которыя выводятъ авторы изъ своихъ анализовъ.

Во-первыхъ, углеродъ, встрѣчаемый въ борѣ, долженъ очевидно находиться въ состояніи алмаза. На-самомъ-дѣлѣ разложенія показываютъ, что кристаллы тѣмъ прозрачнѣе, чѣмъ больше въ нихъ углерода; а между тѣмъ извѣстно, что довольно нѣсколькихъ тысячныхъ, а можетъ быть и еще менѣе чернаго углерода, чтобы густо окрасить стекло, если только углеродъ ни съ чѣмъ не соединенъ. Сверхъ того нужно допустить, что въ нашихъ кри-

сталлахъ углеродъ кристаллизовался вмѣстѣ съ боромъ, съ которымъ однакожь онъ не представляетъ изоморфизма. Такая гипотеза подтверждается нѣкоторыми случаями, въ которыхъ вещество преизобилующее сообщаетъ свою форму другимъ веществамъ, если только они сходны съ нимъ въ химическомъ отношеніи; такъ напримѣръ глинозенъ находится въ амфиболахъ. Впрочемъ, ничто не доказываетъ, что алмазъ не есть диморфное тѣло, какъ большая часть тѣлъ природы, и что онъ самъ не можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ принять форму бора. Въ доказательство можно привести селенистую сѣру, которую можно получить искусственно, растворяя селенъ и сѣру въ сѣрнистомъ углеродѣ. При нѣкоторыхъ предосторожностяхъ можно достигнуть того, что сѣра увлечетъ съ собою часть селена, хотя незначительную, по причинѣ его слабой растворимости. Селенъ нисколько не сходенъ съ сѣрою по формѣ, а между тѣмъ присутствіе его легко показать въ такихъ кристаллахъ сѣры, которыхъ углы совершенно равны угламъ октаедрической сѣры, найденнымъ Мичерлихомъ. Впрочемъ, условія изоморфіи и взаимнаго увлеченія кристаллизаціею для простыхъ тѣлъ еще требуютъ опытнаго изученія и именно на тѣхъ тѣлахъ, которыя достаточно близки между собою, такъ-что смѣсь ихъ не даетъ соединеній по закону эквивалентовъ, а представляетъ только растворъ. Такимъ образомъ углеродъ, боръ, кремній (мы нашли слѣды его)—тѣла, столь близкія между собою, —могутъ взаимно растворяться и вмѣстѣ находиться въ борѣ, не соединяясь и не измѣняя его формы. Противоположный случай бываетъ, когда серебро растворено въ свинцѣ, къ которому оно такъ близко. Извѣстно, что свинецъ кристаллизуется, не увлекая замѣтнаго количества серебра; на этомъ даже основанъ способъ раздѣленія этихъ металловъ; свинецъ отдѣляется, какъ безводная соль изъ насыщеннаго воднаго раствора.

Всѣ эти замѣчанія относятся и къ глинію, количество котораго измѣняется (отъ 0 до 13%), но никогда не указываетъ на химическое соединеніе; формула $Al\,Br^7$ предполагаетъ до 20% глинія. Намъ кажется, прибавляютъ авторы, что этотъ новый фактъ очень важенъ для опредѣленія условій изоморфіи простыхъ тѣлъ и онъ представляетъ новое доказательство мнѣнія, высказаннаго однимъ изъ насъ, — именно, что глиній долженъ занять мѣсто въ ряду бора и углерода, точно такъ, какъ сюрьма въ раду азота и фосфора.

Новый телескопъ Леона Фуко (*). — Въ засѣданіи Парижской Академіи 16 февраля *Леверрье* говорилъ о новомъ родѣ телескопическихъ зеркалъ, устроенныхъ *Леономъ Фуко* и открывающихъ новые пути для катодіоптрики. Опыты знаменитаго физика будутъ, безъ сомнѣнія, съ величайшею радостью встрѣчены тѣми, кто знаетъ, какъ трудно дать надлежащую кривизну и полировку зеркаламъ изъ металлическихъ сплавовъ, какъ непостоянна эта политура и какъ часто нужно подвергать рефлекторъ дѣйствію машины, возобновляющей его блескъ. Сиръ Джонъ Гершель, находясь на мысѣ Доброй Надежды, приходилъ въ отчаяніе, видя, какъ поверхность его зеркала тускнѣла въ три или четыре дня и оказывалась неспособною отражать глубины неба.

Приводимъ здѣсь собственныя слова Фуко объ его новомъ приборѣ.

«Въ послѣднее время я былъ приглашенъ директоромъ императорской обсерваторіи изучить различные вопросы, относящіеся къ постройкѣ и усовершенствованію оптическихъ инструментовъ, употребляемыхъ въ астрономіи. Первое мѣсто между ними занимаетъ труба, дѣйствіе которой усиливается вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея размѣровъ и большею точностью въ отдѣлкѣ стеколъ.

«Познакомившись съ тѣми методами приближенія, которыя употребляются первостепенными нашими художниками при построеніи хорошей трубы, я замѣтилъ, что можно выиграть много времени при пробахъ, если, вмѣсто того, чтобы пробовать объективъ, направляя его на какой-нибудь отдаленный предметъ, мы возьмемъ изображеніе какого-нибудь маленькаго предмета, поставленнаго въ фокусѣ коллиматора. Правда, что затрудненіе въ этомъ случаѣ только отдаляется, а не устраняется, потому что роль, которую здѣсь играетъ коллиматоръ, предполагаетъ, что самъ онъ обладаетъ всѣми качествами совершеннаго объектива.

«Слѣдовательно, не дѣлая ложнаго круга (circulus vitiosus), невозможно прибѣгнуть къ какому-нибудь объективу и сдѣлать изъ него коллиматоръ. Я вздумалъ поэтому употребить телескопическое зеркало, такъ какъ степень его совершенства опредѣляется весьма легко, именно — поставивъ какой-нибудь тонкій предметъ близъ центра кривизны и изслѣдуя въ микроскопъ изображеніе, образующееся близъ предмета. Но я скоро долженъ былъ отка-

---

(*) Cosmos. 1857. T. X, p. 183 et 186.

заться отъ попытки устроить металлическое зеркало, которое могло-бы выдержать такую пробу, и, обратившись опять къ стеклу, я получилъ, черезъ частное отраженіе отъ вогнутой шаровой поверхности, изображенія довольно ясныя, чтобы вынести микроскопъ. Хотя было еще нѣкоторое затрудненіе въ недостаткѣ свѣта, но все-таки пробный коллиматоръ былъ найденъ. Онъ-то впослѣдствіи и сталъ новымъ телескопомъ.

Астрономическая труба, въ сравненіи съ телескопомъ тѣхъ-же размѣровъ, всегда имѣетъ то преимущество, что даетъ больше свѣта. Пучокъ лучей, падающихъ на стеклянный объективъ, большею частію проходитъ черезъ него и почти весь служитъ для образованія изображенія въ фокусѣ, — тогда-какъ телескопическое зеркало отражаетъ только часть свѣта, въ видѣ сходящагося пучка, который еще претерпѣваетъ потерю, когда обращается къ наблюдателю посредствомъ втораго отраженія.

Однакожь, такъ-какъ телескопъ изъятъ отъ аберраціи преломляемости, такъ-какъ чистота изображенія зависитъ въ немъ отъ совершенства только одной поверхности, такъ-какъ, при равномъ фокусномъ разстояніи, ему можно дать большій діаметръ, чѣмъ трубѣ, и слѣдовательно можно вознаградить его потерю свѣта при отраженіяхъ, то нѣкоторые наблюдатели, особенно въ Англіи, продолжали для изслѣдованія небесныхъ предметовъ предпочитать телескопъ трубамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время, не смотря на всѣ усовершенствованія въ приготовленіи большихъ стеколъ, самый могущественный инструментъ, который когда-либо былъ обращенъ къ небу, есть телескопъ съ металлическимъ зеркаломъ. Телескопъ лорда Росса имѣетъ 6 Англійскихъ футовъ въ діаметрѣ и 55 футовъ фокуснаго разстоянія. Быть можетъ, даже отражательные инструменты получили-бы полный перевѣсъ, еслибы металлъ обработывался такъ-же легко, какъ стекло, еслибы его политура была также прочна и еслибы онъ не былъ несравненно тяжеле.

Сравнивая такимъ образомъ эти два рода инструментовъ, и разбирая ихъ достоинства и недостатки, я дошелъ до заключенія, что было-бы необыкновенно выгодно устроить телескопъ изъ стекла, еслибы только, вырѣзавши и отполировавши зеркало, можно было сообщить ему металлическій блескъ и слѣдовательно получить отъ него такія-же свѣтлыя изображенія, какія даютъ трубы. Это представленіе, которое сначала казалось мнѣ только простою

игрою мыслей, скоро однакожъ осуществилось вполнѣ удовлетворительно.

«Именно, когда стеклю вырѣзано искуснымъ оптикомъ и совершенно отполировано, его легко можно покрыть по способу Драйтона пленкою серебра тонкою и ровною. Этотъ металлическій слой, который послѣ приготовленія кажется тусклымъ и темнымъ, легко свѣтлѣетъ отъ тренія мягкою кожею и въ нѣсколько минутъ пріобрѣтаетъ очень яркій блескъ.

«Такимъ образомъ поверхность стекла превращается въ металлическую и становится энергически отражающею; при этомъ самые тонкіе опыты не открываютъ ни малѣйшаго измѣненія въ ея формѣ.

«Посеребривши зеркало, я устроилъ изъ него телескопъ десяти сантиметровъ въ діаметрѣ, съ фокуснымъ разстояніемъ въ 50 сантиметровъ. Такое зеркало легко выноситъ окуляръ, возвышающій до 200 его увеличеніе, и даетъ, въ сравненіи съ трубою въ 1 метръ, значительно лучшіе результаты.

«Я желалъ опредѣлить силу отраженія такого серебрянаго слоя, наложеннаго на стекло, или хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ сравнить напряженіе свѣта, отражаемаго такою поверхностію, съ пучкомъ лучей, пропускаемымъ равною ей поверхностію объектива трубы. Сравненіе было произведено безъ затрудненія посредствомъ *фотометра съ отдѣлами* (photomètre à compartiments) и результатъ этого сравненія утверждаетъ за новымъ телескопомъ явное превосходство. Отраженный пучокъ составляетъ почти 90 сотыхъ пучка, проходящаго черезъ объективъ съ четырьмя частными отраженіями, такъ-что новый инструментъ при бóльшемъ размѣрѣ зеркала даетъ значительно болѣе свѣта для фокуснаго изображенія. При равныхъ діаметрахъ, стеклянный телескопъ вполовину короче трубы и даетъ почти столько-же свѣту и болѣе точности въ изображеніяхъ; при равныхъ длинахъ, телескопу можно дать діаметръ вдвое большій и получить въ три раза съ половиной больше свѣта.

«Съ другой точки зрѣнія, наша новая оптическая комбинація отличается тѣмъ, что она производитъ полное свое дѣйствіе, не подчиняясь тѣмъ многочисленнымъ условіямъ, которыя доселѣ необходимо было выполнить для полученія хорошаго инструмента, все равно — будетъ-ли это труба, или телескопъ. Особенно труба требуетъ, чтобы строющій ее въ одно и то-же время обращалъ вниманіе на однородность обоихъ сортовъ стеколъ, образующихъ

объективъ, на ихъ преломляющія и разсѣевающія силы, на сочетаніе кривизны ихъ поверхностей, на совпаденіе центровъ и на выдѣлку четырехъ шаровыхъ поверхностей. Между-тѣмъ въ новомъ телескопѣ, такъ-какъ стекло не служитъ здѣсь преломляющею срединою, а только поддерживаетъ тонкій слой металла, однородность его нисколько не нужна и самое обыкновенное стекло, отдѣланное тщательно и имѣющее достаточную толщину, можетъ принять вогнутую поверхность, способную послѣ посеребренія дать очень хорошія изображенія.

«Телескопическимъ зеркаламъ ставили въ упрекъ, что они современемъ окисляются и тускнутъ отъ прикосновенія воздуха. Вотъ уже шесть недѣль, какъ мои посеребренныя зеркала не потерпѣли замѣтнаго поврежденія. Долго-ли они сохранятся? Опытъ начался такъ недавно, что нельзя еще дать на это отвѣта; но и въ томъ случаѣ, еслибы зеркальный блескъ ослабѣлъ, его можно возстановить такимъ-же треніемъ, какимъ онъ былъ произведенъ въ началѣ. Еслибы, наконецъ, серебро пострадало и въ глубинѣ, то процессъ его наложенія такъ легокъ и быстръ, что его повтореніе не составитъ затрудненія. И такъ вообще новый инструмѣнтъ, въ сравненіи съ астрономическою трубою, даетъ при меньшихъ издержкахъ больше свѣта, больше точности и, какъ телескопъ, онъ совершенно свободенъ отъ аберраціи преломляемости.»

Наблюденія надъ водяною саламандрою (Triton cristatus) (*). — *Черманъ* сообщилъ, въ письмѣ къ *Келликеру*, любопытный опытъ съ водяною саламандрою. Когда я хотѣлъ, говоритъ онъ, перенести животное изъ одного сосуда въ другой, слизкое тѣло его выскользало изъ щипцовъ. Въ нетерпѣніи я схватилъ его щипцами за хвостъ и сжалъ очень крѣпко; но когда я перенесъ животное въ другой сосудъ съ водою, то замѣтилъ, что оно нѣсколько секундъ оставалось въ неподвижномъ оцѣпенѣніи, сохраняя искривленное положеніе, принятое отъ боли. То-же самое повторялось, когда сильно сдавливалъ ему плечо или бедро. Я повторялъ этотъ поразительный опытъ 15 или 20 разъ сряду, при чемъ силы животнаго быстро упадали. Черезъ нѣсколько часовъ, когда я вздумалъ снова сдѣлать опытъ съ измученнымъ животнымъ, онъ не удался. Къ большому сожалѣнію, я не могъ повѣрить этого наблюденія надъ

(*) Zeitschr. für Wissenschatl. Zoologie VI, 342.

другими экземплярами того-же вида. Triton taeniatus не представляетъ никакого слѣда подобныхъ явленій. Удерживаюсь отъ физіологическихъ замѣчаній, возбуждаемыхъ этимъ наблюденіемъ, и напомню только аналогическое оцѣпенѣніе Египетской змѣи (Naja haje), о которомъ у Окена (Allgem. Naturgesch. Thierreich. Bd. III, p. 563) сказано слѣдующее: «Заклинатели могутъ дѣлать ее негибкою, такъ что машутъ ею, какъ палкою по воздуху. Жоффруа Сентъ-Илеръ замѣтилъ, что они давятъ ее большимъ пальцемъ сзади головы, отчего она и приходитъ въ оцѣпенѣніе. Все явленіе происходитъ очевидно отъ давленія на голову. Жоффруа хотѣлъ, чтобы фокусникъ ничего другаго не дѣлалъ, а только положилъ-бы руку на голову змѣи. Но тотъ считалъ это страшнымъ преступленіемъ и не уступалъ никакимъ просьбамъ. Тогда Жоффруа самъ подавилъ ей голову и тотчасъ показались всѣ явленія, которыя заклинатель приписывалъ своимъ таинственнымъ обрядамъ. Увидя это, онъ убѣжалъ въ ужасѣ.»

Развитіе плоскихъ глистъ (*). — Извлекаемъ здѣсь изъ книги, изданной *Рудольфомъ Лейкартомъ*, замѣчательную статью объ его собственныхъ изысканіяхъ.

Рядъ изслѣдованій, говоритъ онъ, сдѣланныхъ мною въ послѣдніе годы надъ развитіемъ плоскихъ глистъ, и особенно надъ Taenia serrata собаки, даютъ мнѣ возможность пополнить промежутокъ въ наблюденіяхъ другихъ зоологовъ.

Но прежде я долженъ замѣтить, что различныя степени развитія плоскихъ глистъ, сколько доселѣ извѣстно, никогда не совершаются внутри одного и того-же животнаго. Яички ихъ непремѣнно выбрасываются наружу вмѣстѣ съ пометомъ животнаго и даже обыкновенно бываютъ еще заключены въ отдѣлившихся недѣлимыхъ, достигшихъ половой зрѣлости (**). Но зародыши, которые уже вполнѣ развиты въ это время, не выходятъ изъ яицъ, а остаются до-тѣхъ-поръ въ своихъ оболочкахъ, пока яички или же проглоттиды, еще движущіяся и ползающія нѣкоторое время, не будутъ случайно проглочены какимъ-нибудь животнымъ вмѣ-

(*) Uebersicht der neueren Leistungen über die Zoologie der Wirbellosen Thiere, von *Rud. Leuckart*. Leipz. 1856.

(**) Отдѣляющіеся члениками плоскихъ глистовъ (Proglottides), какъ открылъ Стенструпъ, суть отдѣльныя недѣлимыя, а вся глиста есть колонія такихъ недѣлимыхъ.

стѣ съ пищею. Обыкновенно травоядныя животныя принимають въ себя такимъ образомъ новое поколѣніе глистъ и даютъ ему случай къ дальнѣйшему развитію. Такъ напримѣръ яички Taenia serrata собаки попадаютъ въ кролика и зайца, Taenia solium человѣка — въ свиней, Taenia crassicollis кошки — въ мышей и пр. Само собою разумѣется, что опытомъ можно достигнуть того-же, что обыкновенно производитъ случай; слѣдующія данныя именно получены путемъ опыта, помощію искусственнаго кормленія зрѣлыми проглоттидами.

Когда яица собачьей плоской глисты пробыли нѣсколько времени въ кишечномъ каналѣ кролика и отъ дѣйствія пищеварительныхъ соковъ потеряли прежнюю твердость скорлупы, тогда зародышъ, вѣроятно, съ помощію своихъ крючковъ, разрываетъ заключавшія его оболочки; онъ мѣняетъ слѣдовательно свое прежнее жилище на кишечный каналъ. Но, не останавливаясь надолго въ кишкѣ, онъ тотчасъ вступаетъ въ дальнѣйшее странствіе. Онъ просверливаетъ стѣнки кишки, раздвигая своими крючками ея гистологическіе элементы, и попадаетъ въ различныя прилегающія части. Наибольшая часть зародышей попадаютъ въ кровеносные сосуды, преимущественно въ вены, которыхъ стѣнки, вѣроятно, легче прободаются, чѣмъ у артерій. Увлекаемые волною крови зародыши отлагаются потомъ въ волосныхъ сосудахъ воротной вены. Черезъ восемь дней послѣ кормленія, печень кролика бываетъ наполнена безчисленными бѣлыми желвачками, величиною никакъ не больше просянаго зерна. Почти всегда такіе желвачки встрѣчаются на разныхъ мѣстахъ брюшины, и еще въ большемъ числѣ въ легкихъ. Первые, вѣроятно, происходятъ отъ такихъ зародышей, которые вошли въ артеріи, или-же пробрались дальше безъ помощи тѣченія крови, а вторые — отъ такихъ, которые прошли черезъ волосные сосуды печени и были отложены въ волосныхъ сосудахъ легкихъ.

Если изслѣдовать помощію микроскопа эти желвачки, то найдемъ снаружи твердую оболочку, состоящую изъ многослойной свѣтлой ткани, а внутри зернисто-клѣтчатый экссудатъ съ зародышемъ. Зародышъ уже потерялъ свои крючки и представляетъ круглое или овальное тѣло не болѣе $1/_8$ мм., въ паренхимѣ котораго еще нельзя распознать никакихъ высшихъ гистологическихъ элементовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ крючки зародыша были находимы въ окружающемъ его экссудатѣ.

Но и печень служитъ для большей части этихъ паразитовъ только временнымъ жилищемъ. Зародыши растутъ, вытягиваются и все больше подвигаются къ поверхности печени; наконецъ разрываютъ ее и падаютъ въ полость тѣла. Такіе зародыши, выставившіеся изъ печени, встрѣчаются ежедневно на второй и третьей недѣлѣ послѣ кормленія.

Во время выхода изъ печени, молодыя животныя бываютъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ мм.; форма ихъ очень длинная и напоминаетъ аскариду. Тѣло, которое прежде состояло изъ одной паренхимы, начинаетъ свѣтлѣть внутри, особенно на заднемъ, нѣсколько остромъ концѣ, и постепенно превращается въ пузырь. Между-тѣмъ паренхима передняго конца образуетъ плотную массу, которая, подобно втулкѣ, выдается во внутреннюю полость. Эта втулка есть первый зачатокъ головы и шеи. Сначала, какъ сказано, она представляетъ плотную массу; но спустя нѣсколько времени во-внутренности ея замѣчается полость, которая вдается снаружи по ея оси и, расширяясь на нижнемъ концѣ, постепенно принимаетъ видъ бутылки. Кожа, выстилающая эту полость, представляетъ непосредственное продолженіе наружной кожи тѣла; она есть будущій наружный покровъ головы плоской глисты, и эта голова теперь выворочена и погружена въ пузырь; что это дѣйствительно такъ, можно легко узнать на нѣсколько позднѣйшей степени развитія, когда на днѣ этой полости начинаетъ развиваться кружокъ крючковъ, а надъ нимъ присоски. Послѣднія являются, какъ боковыя выпуклости раздутой полости, какъ полушаровидные мѣшки, которые очень скоро одѣваются снаружи мускульною покрышкою. Крючки сначала представляютъ маленькія острія, потомъ выростаютъ въ полыя палочки и наконецъ получаютъ оба мускульные отростки. Вершины крючковъ обращены кверху и наружу, къ отверстію втулки. Образованіе этихъ органовъ оканчивается около шестой недѣли послѣ кормленія.

Между-тѣмъ-какъ образуется голова, черви значительно выростаютъ. Они достигаютъ величины нѣсколькихъ миллиметровъ и представляютъ пузырь, стѣнки котораго покрыты сѣткою сосудовъ. Въ тончайшихъ развѣтвленіяхъ сосудовъ ясно видно мерцательное движеніе. Голова и шея также содержатъ сосуды, идущіе преимущественно вдоль и соединяющіеся съ сосудами пузыря.

Въ такомъ состояніи червь этотъ давно уже былъ извѣстенъ.

Онъ представляетъ пузырчатую глисту, Cysticercus и именно Cysticercus pisiformis.

Дальнѣйшія измѣненія его не такъ важны: они ограничиваются тѣмъ, что кружокъ крючковъ понемногу подымается, какъ-бы выворачивается, не оставляя однакожь своей оболочки—будущей шеи, и не выставляясь наружу, и что онъ вмѣстѣ съ присосками образуетъ на днѣ втулки плотный выступъ — будущую голову глисты.

Достигнувъ такого развитія, пузырчатая глиста способна, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, основать колонію плоскихъ глистъ. Для этого ей необходимо перемѣнить свое жилище; изъ полости тѣла или изъ печени кролика она должна перейти въ кишечный каналъ собаки. Какъ-скоро она попадетъ сюда, съ нею происходитъ рядъ новыхъ перемѣнъ. Въ желудкѣ собаки сперва исчезаетъ циста, въ которой она была заключена, а потомъ и хвостовой пузырь, происхожденіе котораго мы объяснили; такъ-что глиста, при входѣ въ двѣнадцати-перстную кишку, состоитъ только изъ втулки, которая, какъ мы знаемъ, представляетъ голову, втянутую въ оболочку (шею). Теперь голова выходитъ наружу и прикрѣпляется своими крючками къ слизистой оболочкѣ кишки. Шея, которая обхватывала прежде голову, выворачивается, такъ-что внутренняя ея поверхность, какъ прямое продолженіе наружной кожи головы, становится наружною, и передній конецъ заднимъ. Этотъ процессъ выворачиванія не былъ замѣченъ прежними наблюдателями. Каналъ, который сначала заключаетъ въ себѣ вывороченная шея, скоро пропадаетъ отъ срастанія стѣнокъ; разорванное мѣсто, гдѣ прикрѣплялся хвостовой пузырь, заростаетъ и черезъ 48 часовъ уже замѣтны слѣды начинающагося дѣленія на членики.

То-же развитіе, какое мы видѣли здѣсь у Taenia serrata, повторяется съ незначительными отличіями и у другихъ плоскихъ глистъ.

Чтенія Либиха о жизненной силѣ. — Въ Аугсбургской газетѣ (1856 № 24, 25) было помѣщено изложеніе первой лекціи *Либиха*, читанной имъ въ великолѣпной Мюнхенской лабораторіи. Эта лекція была переведена нъ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ (Русск. Вѣстн., февраль 1856 и Отеч. Зап. апрѣль 1856) и такъ какъ она касается современнаго спорнаго вопроса и излагаетъ давнишнія убѣ-

жденія великаго химика, то мы представимъ здѣсь извлеченіе изъ нея и прибавимъ нѣкоторыя замѣчанія.

Либихъ коснулся въ своей лекціи горячаго спора между нынѣшними Германскими естествоиспытателями,—спора между многочисленными приверженцами грубаго матеріализма, невидящими въ мірѣ ничего, кромѣ физическихъ и химическихъ явленій, и тѣми, которые защищаютъ бытіе духовной природы, или по-крайней-мѣрѣ особаго жизненнаго начала въ органическихъ тѣлахъ. Знаменитый химикъ опровергаетъ матеріализмъ со своей — химической точки зрѣнія. Онъ называетъ защитниковъ его дилеттантами въ наукахъ, дѣтьми въ познаніи законовъ природы и говоритъ, что ни одинъ истинный химикъ или физіологъ не признаетъ матеріализма; что только люди, не имѣющіе глубокихъ свѣдѣній, увлекаются въ эти ложныя мнѣнія, а легковѣрные, несвѣдущіе читатели вѣрятъ имъ, какъ они вѣрили и движущимся и говорящимъ столамъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, эта характеристика спора весьма справедлива; но, кажется, вѣрнѣе сказать, что великіе химики и физіологи не потому не были матеріалистами, что они химики и физіологи, а потому, что они *великіе*, т. е. что, кромѣ химіи и физіологіи, они опирались на другія начала, которыя одна только посредственность можетъ совершенно затемнить для себя. Химія-же, какъ и всѣ другія естественныя науки, взятыя сами-по-себѣ, не можетъ служить къ опроверженію матеріализма; скорѣе можно сказать, что естествовѣдѣніе легко даетъ поводъ къ такому заблужденію, если нѣтъ для поддержки ума чего-то другаго.

Нужно сказать очень многое для того, чтобы со всѣхъ сторонъ оправдать эту мысль. Здѣсь мы желаемъ только показать, что доводы Либиха противъ матеріализма, почерпаемые имъ изъ своей науки — химіи, не имѣютъ предполагаемой имъ силы.

Начало лекціи знаменитый химикъ посвятилъ на защиту существованія жизненной силы. Во-первыхъ, Либихъ указываетъ на различіе въ химическихъ явленіяхъ органическихъ тѣлъ и неорганической природы. Жизненный процессъ растенія, говоритъ онъ, есть противоположность окисленія, само-собою совершающагося въ неорганической природѣ. Что-же изъ этого слѣдуетъ? Каковы-бы ни были разсматриваемые процессы въ живыхъ тѣлахъ, не суть-ли это чисто-химическіе процессы? Если это есть *разокисленіе*, то чѣмъ-же оно, какъ химическій процессъ, разнится отъ *окисленія*. Для чего нужна жизненная сила? Правда, химія не можетъ ука-

зать, какія условія производятъ здѣсь явленіе, но она не можетъ также доказать и того, что, по законамъ неорганическимъ, здѣсь непремѣнно должно совершаться окисленіе, разрушеніе.

На самомъ-дѣлѣ обыкновенно говорятъ, что органическія тѣла удерживаютъ свой химическій составъ только при жизни и разрушаются лишь-только умираютъ. Чтобы усомниться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ огромные музеи, наполненные гербаріями и *натуральными предметами* животнаго царства. Какъ-же сохранились всѣ эти мертвыя тѣла, какъ не разрушились? Очевидно, нужно прибавить къ прежнему положенію, что они разрушаются только при извѣстныхъ условіяхъ, а при другихъ сохраняются. Химики лучше всѣхъ знаютъ эти условія, лучше всѣхъ съумѣютъ сохранить самое непостоянное органическое соединеніе. А если такъ, то чѣмъ-же можно отличать такія соединенія отъ неограническихъ? Какое-бы тѣло ни было, объ немъ одинаково можно сказать, что оно при однихъ условіяхъ сохраняется, при другихъ разрушается. Въ живомъ тѣлѣ человѣка происходитъ дыханіе, кровеобращеніе, образованіе теплоты, гальваническихъ токовъ и пр. Вотъ, можетъ быть, условія для сохраненія химическаго состава тѣла; въ мертвомъ ихъ нѣтъ и оно разрушается. И такъ химикъ долженъ смотрѣть одинаково на всѣ тѣла природы. Всѣ разложенія и соединенія совершаются одинаково химически и никакой духъ, никакая жизненная сила не можетъ помѣшать химику изслѣдовать точные законы этихъ процессовъ.

Далѣе Либихъ обращается къ органическому строенію живыхъ тѣлъ. Еслибы химика, говоритъ онъ, спросили — изъ чего состоитъ королевскій дворецъ? то онъ отвѣчалъ-бы: изъ кислорода, кремнія, глинія, кальція, желѣза и пр. Но не смѣшно-ли было-бы, еслибы онъ вздумалъ увѣрять, что все устройство великолѣпнаго зданія происходитъ отъ его химическаго состава? Что оно явилось отъ случайной игры химическихъ и физическихъ силъ? Конечно, эти силы служили для постройки зданія, но главное не онѣ, а идея, которой онѣ служили, тотъ идеальный домъ, по которому зодчій построилъ вещественный. При этомъ строеніи неорганическія силы дѣйствовали не сами, а повиновались органическимъ силамъ человѣческаго тѣла. Но устройство животныхъ и растеній превосходитъ правильностію и красотою все, что созидаетъ чело-

вѣкъ. И въ нихъ точно также мы должны видѣть зодчаго и должны признать силу, которая исполняетъ его мысль.

Это сравненіе прекрасно отвергаетъ одностороиность мнѣній нѣкоторыхъ естествоиспытателей, но оно нисколько не доказываетъ существованія жизненной силы. Во-первыхъ, сравненіе не доказательство. Если разоблачить отъ него мысль Либиха, то окажется, что осуществленіе идей въ устройствѣ живыхъ тѣлъ онъ считаетъ признакомъ особой силы, ихъ строющей. Въ такомъ случаѣ, нужно будетъ неорганическій міръ признать не цѣлесообразнымъ, —чего, конечно, не хотѣлъ Либихъ.

Небеса повѣдаютъ славу Божію, хотя нынѣшнее естествознаніе ничего не видитъ въ нихъ, кромѣ явленій силъ физическихъ и химическихъ. И какъ въ мірѣ неорганическомъ мы не имѣемъ права ни одному явленію приписать какую-нибудь таинственную причину, такъ и въ органическихъ тѣлахъ каждое явленіе должно быть объяснено необходимостію вещественныхъ законовъ. Пока мы смотримъ только на одно вещество, пока объясняемъ явленія вещественныя, мы не найдемъ въ нихъ ничего духовнаго, мы всегда будемъ находить, что вещественное явленіе совершается по вещественнымъ законамъ, и происходитъ отъ вещественной причины.

Этотъ взглядъ на явленія ни въ какомъ случаѣ не можетъ встрѣтить затрудненій. Напр. Либихъ далѣе говоритъ:

«Тѣла неогранеческія ограничены плоскостями и прямыми линіями, тѣла органическія ограничены поверхностями и линіями кривыми: слѣд. въ живыхъ тѣлахъ должна быть причина, которая закривляетъ прямую линію».

Какъ ясно здѣсь видно господство напередъ признанной мысли! Отчего не сдѣлать такого заключенія: слѣдоват. въ тѣлахъ неорганическихъ должна быть причина, которая выпрямляетъ кривую линію.

Различіе между формами организмовъ и мертвыхъ тѣлъ, безъ сомнѣнія, есть, но это различіе вещественное и изъ него нельзя заключить о существенномъ ихъ различіи.

Долго думали, что органическія соединенія могутъ образоваться только въ организмахъ и считали это доказательствомъ существованія жизненной силы. Нынѣ химики умѣютъ приготовлять изъ элементовъ многія органическія тѣла; и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ когда-нибудь приготовлять всѣ безъ исключенія. Но Либихъ и

здѣсь не видитъ опровержения своей мысли. «Въ организмахъ, говоритъ онъ, элементы вступаютъ въ органическія соединенія не сами собою, а только вслѣдствіе господствующей *не химической* силы, подобно тому, какъ разумная воля химика принуждаетъ ихъ соединяться внѣ живаго тѣла».

Такое разсужденіе совершенно непонятно. Не-ужели разумная воля химика участвуетъ въ этомъ химическомъ соединеніи? Скорѣе можно видѣть, что въ немъ участвуютъ его механическіе и химическіе пріемы. Скорѣе можно сказать, что какъ здѣсь, не смотря на явную разумность и свободную волю химика, соединеніе происходитъ по чисто-химическимъ законамъ, и душа человѣка въ немъ не участвуетъ, такъ точно подобное соединеніе элементовъ въ животномъ или растеніи, не смотря на явную его цѣлесообразность, совершается просто химически, безъ участія особыхъ силъ.

Впрочемъ, Либихъ далѣе выражаетъ яснѣе свою мысль. «Химія, говоритъ онъ, созидаетъ и можетъ создать только вещество, матеріалъ организма, но не создаетъ его ткани со всѣми ея жизненными свойствами. То, что производитъ химія, не есть собственно органическое соединеніе, а только его химическій составъ, только мертвое вещество, дающее кристаллы. Никогда не удастся ей произвести ни одной клѣточки, ни одной фибры»!

Справедливо-ли, что нынѣ химія не въ-силахъ произвести ни одной клѣточки. Вопросъ, кажется, не рѣшенъ безвозвратно, если вспомнимъ всѣ сомнительные случаи происхожденія организмовъ. Но положимъ, что всѣ они разрѣшаются въ пользу афоризма — omne vivum ex ovo. Откуда заключить, что химія *никогда* не будетъ въ-силахъ произвести что-нибудь органическое? Заключеніе здѣсь выводится уже a priori, не изъ опыта; на чемъ-же оно основывается? Шваннъ сравниваетъ образованіе клѣточекъ съ кристаллизаціею; Ашерсонъ думалъ даже, что нашелъ тайну строить живыя клѣточки, что нужно только смѣшать жиръ съ бѣлкомъ. Какое мы имѣемъ право обвинить ихъ въ безсмыслицѣ? Почему невозможно произвести клѣточку? Развѣ она не есть нѣчто вещественное? Кто-нибудь скажетъ: какая дерзкая мысль—произвести живое существо! Но въ этомъ случаѣ, кажется, болѣе дерзки выраженія тѣхъ, кто говоритъ, что онъ не можетъ построить клѣточки, но можетъ произвести кристаллъ, какое-нибудь неорганическое тѣло. Развѣ производитъ онъ? Развѣ вещество повинуется

ему? Развѣ не справедливо, что онъ только все видитъ, открываетъ, постигаетъ, но не можетъ ничего ни создать, ни измѣнить?

Предыдущія разсужденія относятся также и къ произвольному зарожденію. A priori противъ него ничего нельзя сказать.

Во-второй половинѣ своей лекціи Либихъ защищаетъ бытіе души, но очевидно защищаетъ только отрицательно, т. е. показываетъ, что физіологія не имѣетъ права рѣшить вопросъ.

«Если умозаключенія матеріалистовъ, говоритъ онъ, разоблачить отъ мишуры и пустословія, то останется одно только, именно — что безъ ногъ нельзя ходить, а безъ мозга думать. Но какъ нельзя отсюда заключить, что ноги ходятъ сами собою, такъ нельзя вывести и того, что мозгъ думаетъ самъ собою, а не есть орудіе высшей силы».

На это можно замѣтить, что заключить нельзя, а предположить можно, и что̀ найдетъ у себя физіологія для опроверженія такого предположенія?

«Матеріалисты, продолжаетъ великій химикъ, хотятъ увѣрить несвѣдущую и легковѣрную публику, что они постигаютъ даже происхожденіе мыслей, что мозгъ производитъ ихъ точно такъ-же, какъ печень отдѣляетъ желчь. А между тѣмъ физіологія совершенно ничего не знаетъ объ отношеніяхъ желчи и печени, не знаетъ, какъ происходитъ отдѣленіе. Конечно, мы должны принять, что механическая сила, производящая произвольныя и непроизвольныя движенія, зависитъ отъ химической смѣны вещества и именно въ мышечной системѣ, но какъ зависитъ, намъ совершенно неизвѣстно. Конечно, мы знаемъ, что, вслѣдствіе постоянной смѣны вещества въ всемъ тѣлѣ, большая трата этой механической силы имѣетъ вліяніе на весь механизмъ тѣла, что въ человѣкѣ утомленномъ движеніемъ ослабѣваетъ и органъ мышленія — мозгъ; но о химическихъ явленіяхъ мозга, производящихъ мысли, мы абсолютно ничего не знаемъ. *Все, что мы знаемъ, сводится на ту тривіальную истину, что голова безъ мозга не мыслитъ и не чувствуетъ*».

Эти слова, конечно, признаютъ вѣрными всѣ *истинные физіологи*. Послѣ нихъ становится ясно, что если матеріалисты не признаютъ души и весь міръ считаютъ игрою механизма, то не физіологія, не механика, не химія научила ихъ этой мудрости, а ихъ неточныя предположенія и выводы ихъ собственнаго ума, которыхъ не признаетъ никакая *точная наука*. Съ другой стороны, защит-

ники духовнаго не должны искать въ естествознаніи доказательствъ своихъ высокихъ истинъ. Это значило-бы стараться увидѣть незримое и хотѣть ощупать неосязаемое. Для познанія духовной природы есть другія высшія начала и токова, безъ сомнѣнія, существенная мысль знаменитаго химика. На-самомъ-дѣлѣ, неужели противъ утвержденія — мысль есть отдѣленіе мозга, только и можно сказать: мы ничего не знаемъ о такихъ отдѣленіяхъ?

Къ-сожалѣнію, Либихъ не остановился на этихъ заключеніяхъ. «Естествоиспытатели, говоритъ онъ, старались изслѣдовать, на сколько химія и физика могутъ объяснить жизнь. Тамъ, гдѣ онѣ недостаточны, мы признаемъ дѣйствіе еще неизвѣстнаго начала. Этой *методы исключенія* многіе не поняли и подумали, что естествоиспытатели отвергаютъ самостоятельную органическую жизнь».

Не ясно-ли однакожь, что подобная метода исключенія ничего не доказываетъ въ пользу спиритуализма. Новое начало, можетъ быть, есть нѣчто подобное электричеству или химическимъ силамъ, какой-нибудь *нервный духъ?* И тогда матеріалисты будутъ правы?

Печальное заключеніе! Грустно видѣть, что Германія—обѣтованная страна философіи, представляетъ такой упадокъ ея власти надъ умами. Очевидно, естествоиспытатели подняли между собою не физіологическій, а философскій споръ. Они взялись не за свое дѣло и никто изъ нихъ не замѣчаетъ этого. Каждый, химикъ, ботаникъ, зоологъ увѣренъ, что въ своей наукѣ онъ найдетъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какъ-бы они высоки и общи ни были, что нужны только факты, а за выводами дѣло не станетъ. Никто не думаетъ, что надъ нимъ есть еще высшій авторитетъ, что ему еще нѣчто нужно кромѣ скальпеля, микроскопа и хорошихъ глазъ. Отъ этого самыя простыя истины, самыя первыя начала мысли незнакомы часто ученѣйшимъ, и матеріализмъ распространяется съ каждымъ днемъ.

Н. СТРАХОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Важность народосчисленія и необходимость его для успѣховъ статистическихъ изслѣдованій. — Точное познаніе числа и состава населенія служитъ основаніемъ всѣхъ статистическихъ изслѣдованій. Наука опирается на основныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ для вывода всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и законовъ всѣхъ общественныхъ явленій. Вслѣдствіе сего, счисленіе жителей и правильное производство его составляютъ вездѣ самый важный предметъ вниманія какъ статистики, такъ и администраціи. Бо̀льшая или меньшая подробность и точность требуемыхъ отъ этой мѣры результатовъ вездѣ въ то-же время выражаютъ собою степени развитія науки и гражданскихъ успѣховъ. Постигая всю важность правильнаго народосчисленія для нашего отечества и имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе о производствѣ 10-й народной переписи, дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, академикъ *П. И. Кеппенъ* обратился съ ходатайствомъ къ Августѣйшему Предсѣдателю Общества объ испрошеніи оному разрѣшенія принять ученое участіе въ сужденіяхъ о порядкѣ производства 10-й переписи и предъявленіи требованій науки по этому предмету. Въ то-же время почтенный академикъ вошелъ съ подобнымъ-же ходатайствомъ и въ Совѣтъ Общества. Въ первомъ-же засѣданіи Совѣта вопросъ этотъ принятъ былъ къ сужденію. Необходимость въ положительныхъ и, по-возможности, подробныхъ свѣдѣніяхъ о населеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Статистика давно уже высказывала свои потребности по этому основному предмету науки, и потому на обязанности Совѣта ученаго общества въ Россіи лежала только лишь забота о пріисканіи наилучшихъ способовъ къ удовлетворенію потребностямъ науки. Желая, съ своей стороны, сколь возможно содѣйствовать къ осуществленію предположеній своего почтеннаго сочлена, Совѣтъ обратился съ просьбою къ г. министру финансовъ о допущеніи въ коммиссію, учреждаемую въ его управленіи для начертанія правилъ о производствѣ 10-й ревизіи, одного изъ членовъ Общества, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній могъ предъявить при

этомъ потребности науки въ-отношеніи къ счисленію жителей. Вмѣстѣ съ симъ, для основательнаго обсужденія средствъ къ улучшенію собираемыхъ данныхъ о ревизіи, изъ членовъ Общества составлена была спеціальная коммиссія, на которую возложено было сообщить Совѣту подробныя соображенія о томъ, какую пользу наука могла-бы извлечь нынѣ-же, при производствѣ 10 переписи, и, вообще, какія улучшенія могли-бы быть введены при собираніи данныхъ о населеніи. Коммиссія, назначенная Совѣтомъ изъ дѣйствительныхъ членовъ: В. П. *Безобразова*, К. С. *Веселовскаго*, Ю. А. *Гагемейстера*, П. И. *Кеппена* и Е. И. *Ламанскаго*, предъявила по этому предмету слѣдующую записку:

«Принимая во вниманіе ходатайство члена-учредителя Императорскаго Русскаго географическаго Общества, академика П. И. Кеппена о споспѣшествованіи къ усовершенствованію народныхъ переписей въ Россіи, для того, чтобы какъ правительство, такъ и наука могли извлекать изъ нихъ бóльшую пользу, Совѣтъ Общества (въ засѣданіи своемъ 11 октября 1856 г.), признавъ основательность сдѣланнаго предложенія, нашелъ нужнымъ обсудить этотъ предметъ въ особой коммиссіи. Коммиссіи предстояло опредѣлить, въ чемъ могли и должны-бы состоять улучшенія народныхъ переписей въ Россіи, какими средствами слѣдовало-бы достигнуть ихъ усовершенствованія и что именно желательно было-бы привести въ дѣйствіе теперь-же, при производствѣ предстоящей 10 ревизіи. Прежде, чѣмъ приступить непосредственно къ своей задачѣ, коммиссія не могла не остановиться на первомъ и, такъ-сказать, основномъ вопросѣ предлежащихъ ей соображеній, именно на вопросѣ о характерѣ и цѣли нашихъ народныхъ переписей въ настоящемъ ихъ видѣ и о тѣхъ существенныхъ требованіяхъ, которыя наука обязана предъявить въ-отношеніи къ ревизіямъ.

«Наши народныя переписи имѣютъ исключительною цѣлью исчисленіе лицъ, подлежащихъ въ государствѣ тѣмъ или другимъ государственнымъ податямъ и повинностямъ. Эта цѣль, исключительно финансовая, обусловливаетъ собою всю систему производства ревизіи. Отсюда проистекаютъ всѣ отличительныя свойства, достоинство и недостатокъ нашей системы народосчисленія. Главное достоинство настоящихъ переписей состоитъ въ томъ, что онѣ представляютъ достаточное обезпеченіе противъ значительныхъ невѣрностей въ числѣ лицъ тѣхъ состояній, на которыя онѣ распространяются. Намѣренное преувеличеніе это-

го числа рѣшительно несбыточно; прописка-же вообще рѣдко возможна, какъ по неоднократной повѣркѣ ревизіи въ разныхъ инстанціяхъ, такъ и по налагаемымъ пенямъ. Это тѣмъ важнѣе, что обыкновенно малообразованные производители ревизіи мало постигаютъ всю важность точныхъ исчисленій народа, видя въ нихъ только стремленіе правительства къ умноженію государственнаго дохода, а лично къ себѣ — неблагодарное и лишь обременительное занятіе. Другое достоинство нынѣ употребительныхъ формъ ревизіи состоитъ въ томъ, что бланки для внесенія лицъ содержатъ въ себѣ особую графу для показанія возраста записываемаго лица. Оба эти достоинства должны дорого цѣниться наукою, которая, впрочемъ, далеко ими еще не вполнѣ воспользовалась. Но тѣмъ и заключается все, что можно сказать въ пользу нынѣшняго порядка ревизіи. Недостатки ея, къ-сожалѣнію, несравненно многочисленнѣе. Самое достоинство получаемыхъ чрезъ нее свѣдѣній весьма умаляется ограниченнымъ кругомъ состояній, подлежащихъ переписи: ибо точность и строгая повѣрка показаній, въ-самомъ-дѣлѣ, соблюдаются только въ-отношеніи къ лицамъ податныхъ состояній, и то одного только мужскаго пола. При такой односторонней, чисто-финансовой цѣли ревизіи, не удивительно, что и классификація податныхъ состояній основана только на различіи оклада,—что̀ далеко не удовлетворяетъ потребностямъ администраціи и наукъ государственныхъ. Состоянія, не обложенныя прямыми налогами, не подлежатъ ревизіи. Одни вносятся въ оную только для одного счета, другія-же вовсе не вносятся. А какъ и тѣ, и другія составляютъ существенныя части народа, то спрашивается: на какомъ-же основаніи исключительное исчисленіе однихъ только лицъ податныхъ состояній вправѣ называться народною переписью? Между-тѣмъ, народосчисленіе, въ полномъ своемъ значеніи, есть потребность безусловная для каждаго правительства и предъ судилищемъ науки. Безъ нея приходится шарить тамъ, гдѣ слѣдовало-бы браться за дѣло съ полнымъ сознаніемъ истины. Но съ понятіемъ о переписи у насъ такъ тѣсно соединена мысль о податяхъ, что исчисленіе министерствомъ финансовъ лицъ неподатныхъ состояній могло-бы родить сомнѣніе въ дальнѣйшей свободѣ записываемыхъ лицъ. Поэтому умѣстнѣе было-бы производить поименованныя переписи лицамъ свободныхъ, неподатныхъ состояній подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое и въ другихъ государствахъ завѣдываетъ вообще ревизіею

и по окончаніи ея, передаетъ лишь въ министерство финансовъ списки лицамъ податныхъ состояній. Такимъ-образомъ, министерство финансовъ освободилось-бы отъ собиранія и представленія данныхъ, болѣе или менѣе невѣрныхъ, а правительство могло-бы пріобрѣсть числительныя показанія, заслуживающія довѣрія и могущія служить основаніемъ для безошибочныхъ соображеній. По министерству внутреннихъ дѣлъ явилась-бы классификація раціональная, и систематическое распредѣленіе всѣхъ безъ изъятія жителей по разнымъ категоріямъ удовлетворяло-бы статистика и политико-эконома. Тогда, конечно, исчезли-бы состоянія неопредѣленныя, въ родѣ разночинцевъ, и каждому лицу назначилось-бы свое мѣсто. При всемъ томъ однакожь, названіе народосчисленія тогда-только будетъ вполнѣ справедливо, когда время введетъ въ счетъ и тѣхъ инородцевъ, которые еще не входятъ въ перепись. До времени можно-бы и у насъ требовать только общія показанія отъ ихъ правителей или отъ старшинъ въ улусахъ и аулахъ. Между-тѣмъ, и ихъ слѣдовало-бы подготовить къ запискѣ въ ревизію, объявляя, что впредь и они, наравнѣ со всѣми прочими жителями государства, должны будутъ подавать о себѣ сказки. Какъ для порядка дѣлъ административныхъ, такъ и для выводовъ статистическихъ, столь важныхъ для правительственныхъ соображеній, нелязя не желать, чтобы народосчисленіе производилось въ опредѣленные періоды времени. Это такая истина, которая признана всѣми Европейскими государствами, не исключая самой Турціи, гдѣ перепись повторяется чрезъ каждыя семь лѣтъ. Нѣтъ еще надобности предпринимать ревизію чрезъ каждые три года, какъ это дѣлается во владѣніяхъ Германскаго Таможеннаго Союза. Нѣтъ также основанія придерживаться въ этомъ отношеніи и пятилѣтнихъ періодовъ, установленныхъ во Франціи (съ 16 января 1822 года). Но остановиться на десяти-лѣтнемъ періодѣ, принятомъ для повторенія переписей въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки (съ 1790 г.), въ Великобританіи (съ 1801 г.), въ Ирландіи (съ 1841 г.), въ Бельгіи и въ Папскихъ владѣніяхъ (съ нынѣшняго года), было-бы, кажется, всего умѣстнѣе и въ Россіи, для которой еще въ 1742 году былъ узаконенъ 15-лѣтній срокъ (1). Не говоря

---

(1) Докладомъ сената, Высочайше утвержденнымъ 17 сентября 1742 года, и инструкціею посланнымъ для учиненія ревизіи (16 декабря 1743 года). См. Полное собраніе законовъ, т. XI. №№ 8,619 (с. 662) и 8,836 (с. 965).

о томъ, что такое весьма-раціональное постановленіе, по разнымъ обстоятельствамъ, не было приведено въ исполненіе, нельзя не оставить безъ вниманія, что существуютъ въ Россіи и такія узаконенія, которыя предписываютъ исчисленіе жителей и въ менѣе продолжительные сроки. Такъ, напримѣръ, 9-го апрѣля 1812 г., положено производить перепись Камчадаламъ чрезъ каждыя 10 лѣтъ (2), а списки Евреямъ въ думахъ и ратушахъ велѣно (1 декабря 1844 года) возобновлять чрезъ каждые два года (3). Опредѣленіе единожды навсегда сроковъ отъ одного счисленія до другаго было-бы полезно какъ для правительства, которое заблаговременно могло-бы обсудить всѣ нужныя распоряженія, такъ и для частныхъ лицъ, могущихъ своевременно приготовить всѣ требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія. Годами переписи всего умѣстнѣе было-бы опредѣлить тѣ, которыя составляютъ начало новыхъ десятилѣтій, — напримѣръ, 1860 (или 1861), 1870 (или 1871) и т. д. Нельзя не выразить при этомъ желанія, чтобы счисленіе народа или самое отбираніе показаній по этому предмету производились въ возможно короткій и одинъ и тотъ-же срокъ для всей Россіи. Если, по малограмотности жителей Россіи, невозможно и думать о томъ, чтобы теперь-же, по примѣру разныхъ иностранныхъ государствъ, народосчисленіе могло быть кончено по всему государству въ одинъ и тотъ-же день (4), то, по-крайней-мѣрѣ, можно-бы у насъ ограничиться мѣсяцами, не допуская отсрочекъ въ-теченіе цѣлыхъ годовъ. Лучше удалить срокъ подачи свѣдѣній, чѣмъ производить счисленіе разновременно (5) и тѣмъ лишать правительство возмож-

(2) Полное собраніе законовъ, т. XXXII, № 25,081 (с. 289).

(3) Полное собраніе законовъ, № 18,546. § 5.—2 ноября.

(4) Такъ, въ Бельгіи предстоящая перепись будетъ произведена $^{19}/_{31}$ декабря сего года.

(5) По девятой переписи подача сказокъ началась съ изданія устава о переписи (§ 8), распубликованнаго указомъ правительствующаго сената 21 января 1850 года. Сроки подачи сказокъ, первоначальный и дополнительный, оканчивались вообще для имперіи 1 февраля 1851 года, въ губерніяхъ Ставропольской и Сибирскихъ—1 іюня 1851 года (§ 12). Впослѣдствіи эти сроки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжены по 1 марта, по 1 мая, по 1 іюня 1851 года и даже по 1 января 1852 года. Такія отсрочки назначены были для Остзейскихъ губерній, для двухъ уѣздовъ Архангельской губерніи, для уѣздовъ Вельскаго (Вологодской губерніи), Одесскаго (Херсонской губерніи), для бродячихъ и кочевыхъ Сибирскихъ инородцевъ и для Черноморскаго войска. Слѣдственно, при 9 ревизіи сказки подавались въ-теченіе, безъ малаго, двухъ лѣтъ.

ности судить безошибочно о движеніи народонаселенія, т.-е. о прибыли или убыли, въ-теченіе опредѣленнаго промежутка времени. При установленіи разъ навсегда для всей имперіи періодовъ народосчисленій, сокращеніе сроковъ для подачи показаній было не трудно. Кромѣ весьма полезнаго, нынѣ требуемаго для сказокъ, показанія возраста записываемаго лица весьма желательно было-бы означать также, какого оно племени. Знаніе народности обитателей края и отдѣльныхъ мѣстъ для администраціи иногда бываетъ весьма важно, иногда даже совершенно необходимо. Весьма неосновательно сужденіе, что такимъ показаніемъ затруднилось-бы быстрое производство счисленія. Возможно-ли, чтобы человѣкъ не зналъ, Русскій-ли онъ, или Татаринъ, Тунгусъ или Буратъ? О грамотности полезно-бы было отмѣчать для того, чтобы какъ нынѣ, такъ и впредь имѣть данныя, показывающія бо́льшее или меньшее распространеніе образованности въ простолюдинахъ. Не менѣе, и едва-ли не болѣе важно еще дознаніе состава народа по главнымъ отраслямъ его занятій. Распредѣленіе жителей по разрядамъ ихъ занятій и ихъ источникамъ пропитанія важно не только въ финансовомъ отношеніи, но и въ видахъ политическихъ и полицейскихъ. Поэтому въ отбираемыхъ показаніяхъ нужно-бы имѣть особую графу для внесенія главнаго занятія записываемаго лица. Въ иностранныхъ государствахъ народная перепись представляетъ правительству и удовлетворительныя данныя о распредѣленіи жителей по вѣроисповѣданіямъ. Въ Россіи, по разнымъ причинамъ, можно-бы повременить требованіемъ показаній въ этомъ отношеніи, предоставивъ записываемому лицу на волю обозначать свою вѣру или нѣтъ. Между-тѣмъ, нехудо было-бы отмѣчать главные неизлечимые недостатки лицъ, какъ, напримѣръ, глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и помѣшанныхъ. На это было обращено уже вниманіе Петра Великаго, который, при первой ревизіи, указомъ 31 іюля 1722 года, повелѣлъ показывать «слѣпыхъ, весьма увѣчныхъ и дряхлыхъ, и дураковъ». При повѣркѣ показаній, обращать одинаковое вниманіе на лицъ всѣхъ сословій и обоего пола. Это важно не только для дознанія общаго числа жителей, но и для опредѣленія числоваго отношенія, существующаго въ разныхъ полосахъ имперіи, между лицами обоего пола. По окончательной повѣркѣ показаній въ разныхъ инстанціяхъ, слѣдовало-бы отобранныя и повѣренныя показанія постепенно передавать въ губернскіе статистическіе комитеты, для ученой ихъ разработки во

всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, для которыхъ представляются данныя. Отъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ могли-бы зависѣть распространенія относительно плана такихъ изслѣдованій и назначеніе лицъ, долженствующихъ принять на себя эту работу въ губерніяхъ. Императорская Академія наукъ, конечно, не уклонится отъ содѣйствія преимущественно въ отношеніи къ критической сторонѣ дѣла, а Императорское Русское географическое Общество могло-бы, чрезъ своихъ членовъ и сотрудниковъ, споспѣшествовать успѣхамъ предстоящихъ разысканій. Принимая во вниманіе, что при ревизіи исчисляется лишь народонаселеніе *приписное*, и что, такимъ-образомъ, получается число не дѣйствительно наличныхъ душъ, а только тѣхъ, которыя, по какому-либо опредѣленному мѣсту, обязаны вносить подати и участвовать въ разныхъ повинностяхъ, желательно было-бы производить поголовныя переписи въ замѣчательныхъ городахъ, независимо отъ ревизіи.

«Въ этихъ видахъ коммиссія полагала-бы для опыта полезнымъ произвести *исчисленіе народонаселенія въ Санктпетербургѣ согласно всѣмъ современнымъ требованіямъ науки*. Само-собою-разумѣется, что это могло-бы быть дѣломъ только министерства внутреннихъ дѣлъ; а Императорское Руеское географическое Общество, безъ-сомнѣнія, готово будетъ содѣйствовать въ начертаніи плана, а можетъ-быть и въ подготовленія людей, которымъ надежнѣе было-бы поручить наблюденіе и трудъ, требующій ученаго пониманія задачи. Не входя въ дальнѣйшее исчисленіе свѣдѣній, которыя въ пользу статистики могли-бы пріобрѣтаться при составленіи народныхъ переписей, и которыя современемъ потребуются правительствомъ, представимъ здѣсь перечень изложенныхъ выше желаній: 1) Производить народныя переписи постоянно чрезъ каждыя 10 лѣтъ и, буде можно, въ годы, которыми начинаются десятилѣтія. 2) Одновременно съ производящеюся по министерству финансовъ переписью лицамъ податныхъ сословій, производить, подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, перепись всѣмъ безъ изъятія лицамъ, не состоящимъ въ окладѣ. 3) Для подачи сказокъ опредѣлить сколько можно краткіе сроки, назначивъ заблаговременно одни и тѣ-же для всего государства. 4) Всѣ безъ изъятія лица показывать по ихъ дѣйствительному состоянію, исключивъ вовсе названіе разночинцевъ. 5) Лѣта показывать по-прежнему. Вносить въ сказки по-

казанія о томъ: 6) Къ какому народу принадлежитъ записываемое лице. 7) Умѣетъ-ли читать и писать и 8) Какое его главное занятіе (или источникъ пропитанія). 9) Отмѣчать въ сказкахъ также неизлечимые случаи, какъ-то: слѣпоту, нѣмоту, безуміе и т. д. 10) Показанія о лицахъ женскаго пола повѣрять такъ-же, какъ повѣряется ревизія въ-отношеніи къ полу мужскому. 11) Выводы изъ собранныхъ данныхъ производить въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ, которымъ дозволить пользоваться подлинными ревизскими сказками. Вмѣстѣ съ этимъ желательно, чтобы Академіи наукъ и географическому Обществу даровано было право пользоваться перечневыми вѣдомостями о числѣ душъ и податей, представляемыми казенными палатами въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. 12) Независимо отъ общей народной переписи, произвесть для опыта въ С. Петербургѣ перепись всѣмъ, безъ изъятія, жителямъ на правилахъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ требованіямъ науки» (*).

(*Вѣстн. Имп. Р. геогр. Общ.* № 6, 1856 *г.*)

О ПРЕМІИ ГРАФА Н. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО. — Отставной штабсъ-ротмистръ графъ Николай Александровичъ *Кушелевъ-Безбородко*, съ Высочайшаго соизволенія, представилъ въ Императорскую Академію наукъ билетъ С. Петербургской сохранной казны на внесенныя въ нее, въ октябрѣ 1856 года, пять тысячъ рублей серебромъ. Всю эту сумму онъ назначилъ за полное, на Русскомъ языкѣ, жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородко, которое, по заключенію Академіи наукъ, признается достойнымъ награды; проценты-же съ означенной суммы — автору второй по достоинству біографіи сего государственнаго сановника.

Доводя о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, Императорская Академія наукъ, согласно волѣ учредителя преміи, приглашаетъ всѣхъ, желающихъ принять участіе въ соисканіи, представить ей свои сочиненія не позднѣе 31-го декабря 1861 года. Присужденіе награды будетъ произведено Академіею 6-го апрѣля 1862 года, въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года.

(*) Дальнѣйшія сужденія совѣта и распоряженія его по этому важному вопросу будутъ изложены въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Вѣстника».

Отъ соискателей требуется не простаго лишь очерка жизни Безбородко, но такого историческаго сочиненія, въ коемъ онъ былъ-бы изображенъ, какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ дѣйствіяхъ славнаго царствованія Екатерины II, для чего должны быть представлены, въ надлежащей полнотѣ, всѣ болѣе или менѣе относящіяся къ Россіи событія тогдашняго времени, особенный характеръ онаго, вліяніе его на государственныхъ людей эпохи, и между прочимъ на того, который долженъ быть предметомъ сего сочиненія. Авторъ біографіи будетъ обязанъ обратить вниманіе не на одни печатные, Русскіе и иностранные источники, но, по возможности, и на хранящіеся въ архивахъ и даже у нѣкоторыхъ частныхъ людей документы, письма и записки.

Тѣ, которые пожелаютъ участвовать въ состязаніи на полученіе преміи графа Кушелева-Безбородко, приглашаются представить свои сочиненія въ Академію наукъ къ вышеозначенному сроку, причемъ отъ усмотрѣнія ихъ будетъ зависѣть — означить свои имена на самыхъ сочиненіяхъ, или-же въ особыхъ, приложенныхъ къ онымъ, запечатанныхъ пакетахъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, сочиненіе и приложенный при немъ запечатанный пакетъ, съ означеніемъ имени автора, должны быть снабжены какимъ-либо девизомъ. Сіи пакеты сохранятся въ неприкосновенности до присужденія премій; послѣ чего вскрываются тѣ изъ нихъ, которые будутъ относиться къ сочиненіямъ, признаннымъ достойными награды; остальные останутся невскрытыми.

Рукописи сочиненій, кои, будучи представлены на сей конкурсъ, не получатъ преміи, передаются для храненія въ библіотеку Академіи наукъ (*). Сочиненія, кои будутъ удостоены премій — какъ первой въ 5,000 руб. сер., такъ и второй, имѣющей составиться изъ процентовъ съ сей суммы, — учредитель премій предоставляетъ себѣ издать на свой счетъ.

Конкурсъ на премію Императорскаго Археологическаго Общества за сочиненіе о халифскихъ монетахъ. — Императорское археологическое Общество предлагаетъ премію въ 400 руб. сер. за лучшее сочиненіе, написанное Русскимъ ученымъ, на Русскомъ языкѣ, *о халифскихъ монетахъ*. Сочиненіе должно заключать въ себѣ: 1) Краткое

(*) Авторы оныхъ не лишаются черезъ то права напечатать сіи сочиненія.

историческое введеніе о халифатѣ, со спискомъ именъ всѣхъ халифовъ и указаніемъ годовъ ихъ правленія; 2) географическія извѣстія о городахъ, въ которыхъ чеканены халифскія монеты; 3) топографію кладовъ съ этими монетами, найденныхъ въ Россіи и на сѣверѣ вообще, и 4) полную монографію халифскихъ монетъ Умейядскихъ и Аббасидскихъ, чеканенныхъ въ Азіи, Африкѣ и Испаніи, съ приложеніемъ указателей собственныхъ именъ и рисунковъ главнѣйшихъ видовъ монетъ. Рисунки эти могутъ быть исполнены по представленіи сочиненія; но въ рукописи должны быть указаны тѣ виды монетъ, которые авторъ считаетъ необходимымъ изобразить, съ указаніемъ музеевъ, гдѣ хранятся экземпляры, съ которыхъ могутъ быть сдѣланы рисунки. Отъ автора требуется отчетливое знаніе всѣхъ существующихъ описаній халифскихъ монетъ и указаніе всѣхъ источниковъ; при чемъ желательно, чтобы онъ воспользовался и не описанными еще монетами этого разряда, хранящимися въ нашихъ казенныхъ и частныхъ минцкабинетахъ; впрочемъ, послѣднее не поставляется обязательнымъ условіемъ. Премія выдается вполнѣ. На полученіе преміи имѣютъ право всѣ отечественные ученые, не исключая и дѣйствительныхъ членовъ Общества. Срокъ на соисканіе преміи назначается годовой, считая отъ 1-го марта 1857 по 1-е марта 1858 г. Сочиненія присылаются авторами въ рукописи, на имя Императорскаго археологическаго Общества, безъ подписи автора. На рукописи долженъ быть девизъ, который находился-бы и на приложенномъ къ сочиненію, запечатанномъ конвертѣ, съ запискою, содержащею въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя. Сочиненіе, увѣнчанное преміею, печатается въ «Запискахъ» Общества и «Трудахъ восточнаго Отдѣленія.»

Программа свѣдѣній для составленія сборника народно-врачебныхъ средствъ и матеріаловъ для географіи болѣзней въ Россіи. — Этнографическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго географическаго Общества напечатало въ истекшемъ году въ «Вѣстникѣ» Общества статью одного изъ своихъ членовъ о пользѣ составленія сборника народно-врачебныхъ средствъ и матеріаловъ для географіи болѣзней въ Россіи; въ этой статьѣ была между-прочимъ помѣщена и программа свѣдѣній, которыя необходимы для настоящей цѣли и къ доставленію которыхъ приглашаются всѣ имѣющія ихъ лица. Важнѣйшіе предметы, указанные въ программѣ, слѣдующіе: 1) Развѣ-

дать на мѣстѣ, въ губерніи или уѣздѣ, въ деревняхъ и селахъ, чѣмъ чтò лечатъ деревенскіе знахари и лекарки, какія лекарственныя вещества или домашнія врачебныя средства вообще и противъ какихъ болѣзней употребляются. 2) Опредѣлить, какія на мѣстѣ изысканія господствуютъ острыя и хроническія, эндемическія, спорадическія и эпидемическія болѣзни. 3) Замѣтить, какія, при господствующихъ внутреннихъ болѣзняхъ, всего чаще случаются или господствуютъ сыпи, или накожныя болѣзни. 4) Все это можетъ быть замѣчено въ отношеніи къ болѣзнямъ человѣка, точно такъ-же собирать свѣдѣнія и касательно болѣзней и леченія животныхъ. 5) Называя болѣзнь, заботиться о самомъ точномъ опредѣленіи ея, т. е. подробно описывать, чѣмъ и какими припадками она обнаруживается, для того, чтобы видѣть, не имѣетъ-ли описываемая болѣзнь какой-нибудь мѣстной характеристической особенности въ сравненіи съ тѣмъ типомъ, какой въ общихъ чертахъ внесенъ наукою въ анатомію. 6) Называя лекарства, въ особенности растительныя, которыя во многихъ мѣстахъ носятъ различныя имена, заботиться о самомъ точномъ опредѣленіи и сообщать какъ мѣстныя названія, такъ и Латинскіе и ученые синонимы. 7) Подробно опредѣлять способъ приготовленія, составъ и употребленіе каждаго средства. 8) По мѣрѣ возможности, опредѣлить давность употребленія средства. 9) Опредѣлить мѣстныя обстоятельства, могущія быть причиною или имѣть вліяніе на появленіе и развитіе болѣзней. 10) Опредѣлить, какъ велика смертность отъ какихъ болѣзней, въ какихъ возрастахъ и въ какомъ отношеніи къ приращенію народонаселенія. На эту программу получено уже въ Обществѣ нѣсколько отвѣтовъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ темѣ, между-прочимъ и превосходное медико-топографическое описаніе г. *Кашина* той мѣстности, на которой онъ живетъ по должности врача (въ Нерчинскомъ округѣ). Трудъ г. Кашина долженъ войдти въ одно изъ изданій Общества и, конечно, займетъ въ нихъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ; нельзя не надѣяться, что прекрасному примѣру его послѣдуютъ и другія лица, поставленныя по своимъ занятіямъ въ близкія столкновенія съ жизнію и предразсудками и обычаями простаго народа, что горячая любовь къ наукѣ, съ которою отозвался г. Кашинъ на призывъ Общества, найдетъ отголосокъ во многихъ. Въ числѣ многихъ другихъ, весьма-важныхъ медицинскихъ и этнографическихъ фактовъ, онъ сообщаетъ чрезвычайно-любопытныя подроб-

ности объ эндемически-господствующемъ въ томъ краѣ зобѣ и сопровождающихъ его сведеніяхъ сочленений и кретинизмѣ.

Торжественное собраніе въ Московской земледѣльческой школѣ. — 30-го апрѣля, по окончаніи годичныхъ экзаменовъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ, происходило въ Московской земледѣльческой школѣ торжественное собраніе, которое почтили своимъ присутствіемъ многія духовныя и свѣтскія особы, принимающія участіе въ успѣхахъ сельско-хозяйственнаго образованія. По примѣру прежнихъ лѣтъ, предъ началомъ акта сдѣлано было нѣкоторымъ воспитанникамъ всѣхъ классовъ испытаніе, по предмету закона Божія, потомъ прочтенъ былъ директоромъ школы отчетъ за учебный 1856—1857 г., изъ коего видно, что въ составъ преподаванія въ школѣ входятъ: законъ Божій, чистописаніе, рисованіе, черченіе землемѣрныхъ и архитектурныхъ плановъ, Русскій языкъ, географія Россіи, ариѳметика, геометрія, основныя начала физики и механики; естественныя науки: минералогія съ геогнозіей, ботаника и зоологія; химія и сельская технологія, сельское счетоводство, сельское строительное искусство, землемѣріе, огородничество, лѣсоводство, скотоводство и сельское хозяйство. Основательное обученіе этимъ обширнымъ и многоразличнымъ наукамъ составляло всегда и составляетъ нынѣ предметъ главнѣйшей заботливости начальства школы. Очевидно, что, при краткости четырехгодичнаго курса, за исключеніемъ, кромѣ того, лѣтнихъ занятій, остается такъ мало времени на теоретическое преподаваніе, что успѣхъ его возможенъ только при изложеніи совершенно сообразномъ съ цѣлію заведенія и при распредѣленіи учебныхъ предметовъ въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ степени подготовки воспитанниковъ и связи наукъ между собою. Приведеденіемъ въ исполненіе нѣсколькихъ значительныхъ измѣненій въ учебномъ отношеніи въ 1856—1857 году начальство школы сдѣлало несомнѣнно новый шагъ къ улучшенію теоретическаго преподаванія и имѣетъ полную надежду ожидать отъ нихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Самое преподаваніе производится по программамъ, уже разсмотрѣннымъ начальствомъ школы, и по руководствамъ, или нарочно для того составленнымъ преподавателями и литографируемымъ въ школѣ, или признаваемымъ за лучшія въ своемъ родѣ. Теоретическое преподаваніе пояснялось каждый разъ разсматриваніемъ учебныхъ пособій школы и пра-

ктическими упражненіями въ назначенные дни и часы въ химической лабораторіи, въ больницѣ школы, въ механическомъ заведеніи дѣйств. чл. Петровскаго и машинистовъ Вильсона и Бутенопа. Съ 1856 года воспитанники школы получили разрѣшеніе посѣщать университетскій музей, для изученія зоологіи и срисовыванія съ натуры, и находившіеся во множествѣ прекрасные рисунки подтвердили пользу этой мѣры. Съ 1 января 1856 года, производится при физическомъ кабинетѣ школы рядъ метеорологическихъ наблюденій, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателя физики Баталина. Наблюденія эти, вмѣстѣ съ мнѣніемъ о ихъ важности въ сельскомъ хозяйствѣ и планъ производства, предположено представить на благоусмотрѣніе Императорркаго Московскго Обществаа сельскаго хозяйства. Въ литографіи школы отлитографировано и роздано учащимся преподавательскихъ записокъ 4,500 листовъ. По окончаніи въ 1856 году публичныхъ испытаній и акта, воспитанники двухъ высшихъ классовъ были переведены на хуторъ Общества; низшіе-же классы оставлены въ школѣ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, воспитанники, жившіе на хуторѣ, занимались практикой геодезіи, ботаники, огородничества, лѣсоводства и сельскаго хозяйства. Занятія геодезіей происходили подъ руководствомъ топографа корпуса межевыхъ инженеровъ Ф. К. Подгурскаго, по 2 дня въ недѣлю. Въ теченіе всего лѣта составлены подъ его руководствомъ три черновые плана на количество 1,507 десятинъ 1,799 саженъ. Занятія ботаникой, огородничествомъ и лѣсоводствомъ происходили въ теченіе всего лѣта подъ руководствомъ магистра агрономіи А. М. Божанова. Дважды въ недѣлю ученики дѣлали ботаническія экскурсіи и такимъ-образомъ изучили всѣ мѣстныя растенія, относительно ихъ устройства, размѣщенія, условій произбенія и отношенія къ сельскому хозяйству. Но главнѣйшія и разнообразнѣйшія ихъ занятія были при устройствѣ ученическаго поля и ботаническаго сада на хуторѣ, гдѣ всякаго рода работы исполнены исключительно одними учениками школы. По остальнымъ предметамъ воспитанники были въ распоряженіи директора хутора и подъ его руководствомъ изучали полеводство, луговодство и скотоводство хутора. Въ теченіе-же лѣта воспитанники занимались выводкой шелковичныхъ червей, а въ ненастное время упражнялись въ чистописаніи, черченіи и рисованіи съ натуры хозяйственныхъ растеній и машинъ. Воспитанники низ-

шаго класса оставались все лѣто въ школѣ и все время проводили въ работахъ по уходу за садомъ школы. Садъ школы, весьма обширный по количеству воздѣлываемыхъ въ немъ растеній (до 800 видовъ различныхъ хозяйственныхъ растеній, какъ-то: хлѣбныхъ, огородныхъ, врачебныхъ, промышленыхъ, лѣсныхъ и кустарныхъ), въ настоящемъ году, со введеніемъ опытныхъ посѣвовъ комитета акклиматизаціи растеній, еще болѣе даетъ пищи любознательности и трудамъ учащихся. Разведеніе нѣкоторыхъ растеній, еще мало извѣстныхъ, привело къ результатамъ, поучительнымъ не только для учениковъ, но и отчасти не лишеннымъ интереса въ научномъ отношенія. Изъ нихъ особенно замѣчательны опыты надъ сорго, бѣлымъ льномъ, озимой Виттингтоновой пшеницей, озимой бѣлой пшеницей, вострецомъ, повиликой и дикушей, сердцелистною мареной, кумаръ-чекомъ, Персидкою ромашкой и особенно лѣсными и кустарными породами, интересныя подробности о коихъ можно видѣть въ печатномъ отчетѣ школы. Многочисленныя и разнообразныя учебныя пособія школы были описаны въ текущемъ году и изданы особою книгой, подъ назва- *«Учебныя пособія Московской земледѣльческой школы»*. Число учащихся въ школѣ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ настоящее время въ школѣ находится 170 воспитанниковъ, изъ коихъ 65 свободнаго происхожденія. Въ числѣ учащихся, 22 воспитанника принадлежать графу Д. Н. Шереметеву; кромѣ того графъ намѣренъ отдать въ текущемъ году 6 человѣкъ и постоянно воспитывать ихъ въ школѣ 28. Такое распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія въ имѣніяхъ одного изъ богатѣйшихъ вельможъ Русскихъ несомнѣнно принесетъ пользу нашему хозяйству, и такое стремленіе графа Д. Н. Шереметева заслуживаетъ особеннаго вниманія и полной признательности Общества. Воспитанники свободнаго сословія, кончившіе курсъ въ прежніе годы, присылали свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ по сельскому хозяйству на основаніи § 2 правъ и обязанностей воспитанниковъ земледѣльческой школы для полученія званія ученаго управителя. Для разсмотрѣнія таковыхъ статей составленъ комитетъ изъ преподавателей школы; изъ опредѣленій этого комитета можно заключить, что нѣкоторыя изъ отчетовъ и донесеній воспитанниковъ весьма хороши и оставляютъ ничего желать болѣе отъ юноши, только-что с шаго съ ученической лавки; другіе доказываютъ набл ность и вѣрность взглядовъ ихъ авторовъ и обѣщаютъ

хорошихъ будущихъ агрономовъ; и наконецъ, что всѣ вообще болѣе или менѣе удовлетворяютъ требованіямъ условія о правахъ и обязанностяхъ воспитанниковъ земледѣльческой школы. Начальство школы, желая поощрить воспитанниковъ своихъ на новомъ поприщѣ, опредѣлило, съ разрѣшенія совѣта Общества, издавать лучшія сочиненія особою книгою, подъ заглавіемъ: «*Труды воспитанниковъ Московской земледельческой школы*»; первый выпускъ ихъ появится въ непродолжительномъ времени.

По прочтеніи отчета о школѣ, провозглашены имена удостоенныхъ къ выпуску и переводамъ въ высшіе классы и розданы его преосвященствомъ *Алексіемъ*, епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московскимъ, всѣмъ воспитанникамъ, оканчивающимъ курсъ, по экземпляру Новаго Завѣта и награды книгами и рисунками всѣмъ лучшимъ воспитанникамъ. Его преосвященство изволилъ также вписать въ книгѣ посѣтителей свое имя и слова священнаго писанія: «Сѣмя есть Слово Божіе; земля есть сердце человѣческое».

Послѣ раздачи наградъ, воспитанниками школы было пропѣто «Аще и во гробъ» и народный гимнъ «Боже, Царя храни». А. П. *Богдановъ* нѣкоторымъ ученикамъ школы роздалъ по экземпляру переведеннаго имъ сочиненія Шахта «Дерево». За тѣмъ посѣтители перешли къ осмотру школы, ея учебныхъ кабинетовъ, а равно и рисунковъ земледѣльческихъ орудій, растеній, животныхъ, сельскихъ построекъ, геогностическихъ и геодезическихъ плановъ и другихъ трудовъ воспитанниковъ школы, и этимъ заключилось скромное, но торжественное собраніе въ оной.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ НА КОНКУРСЪ 1857, 1858, 1859, 1860 И 1861 ГОДОВЪ. — Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ просилъ редакцію Журн. м. н. пр. напечатать изданное имъ особою брошюрою объявленіе о задачахъ, предлагаемыхъ комитетомъ на конкурсъ означенныхъ выше годовъ. Всѣхъ предлагаемыхъ задачъ — четырнадцать. Предѣлы нашего Журнала не позволяютъ намъ напечатать всѣ сіи задачи вдругъ, и потому мы будемъ печатать по двѣ и болѣе задачи, смотря по возможности, но начиная съ четвертой: ибо срокъ для представленія отвѣтовъ на двѣ первыя задачи — *Хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ* и *Руководство къ сельской архитектурѣ и сельскому инженерному искусству* истекаетъ уже 1 іюля текущаго года, а о преміи

за сочиненіе «Руководства къ разработкѣ торфяниковъ» напечатано уже въ мартовской книжкѣ нашего Журнала.

IV. **Наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.** — Продолжительный, постоянный успѣхъ хозяйства обезпечивается правильною его огранизаціею; главная-же основа такой огранизаціи есть счетоводство. Безъ рачительнаго счетоводства хозяинъ не можетъ самъ себѣ дать отчета въ томъ — въ-пользу-ли или въ-убытокъ ему та или другая отрасль хозяйства, какая изъ нихъ помогаетъ другимъ, и на-оборотъ — какая служитъ къ истощенію хозяйства. Къ-сожалѣнію, счетоводство въ большей части имѣній находится у насъ въ небреженіи. Многіе хозяева остаются даже въ томъ убѣжденіи, что правильное, болѣе или менѣе систематическое счетоводство есть только безполезная трата труда и времени. Ученый Комитетъ предлагаетъ написать: *Общепонятное наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.*

Въ этомъ наставленіи слѣдуетъ изложить: 1) Значеніе и цѣль сельско-хозяйственнаго счетоводства; необходимость, кромѣ веденія общаго прихода и расхода, учитывать отдѣльныя отрасли хозяйства. 2) Системы счетоводства (простаго, двойнаго, Англійскаго); сущность каждой. 3) Удобства и неудобства каждой изъ нихъ въ примѣненіи къ дѣлу сельскаго хозяйства вообще и къ нашимъ хозяйствамъ въ особенности. 4) Изложеніе удобнѣйшихъ системъ счетоводства для нашихъ хозяйствъ большихъ и малыхъ, и особенно помѣщичьихъ, гдѣ работы отправляются барщиною. Правила должны быть пояснены примѣрами и формами книгъ, счетовъ, журналовъ и вѣдомостей. За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается первостепенная награда — золотая медаль въ 300 рублей. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ програмы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины — въ 150 рублей. Наконецъ сочиненія, не соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей или почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 іюня 1858 года.

V. **Руководство къ разведенію хмѣля.** — Разведеніе хмѣля, при извѣстныхъ условіяхъ, принадлежитъ къ числу выгоднѣйшихъ занятій въ хозяйствѣ. Какъ за границею, такъ и у насъ въ Рос-

сіи, есть мѣстности, въ которыхъ хмѣль составляетъ главный источникъ доходовъ земледѣльцевъ. Для крестьянскихъ хозяйствъ разведеніе хмѣля имѣетъ еще и то важное значеніе, что оно не требуетъ ни большихъ пространствъ земли, ни значительнаго оборотнаго капитала или дорогихъ и сложныхъ сооруженій. За удовлетвореніемъ внутренней потребности въ хмѣлѣ, онъ отпускается отъ насъ, хотя и не въ значительномъ количествѣ, за границу; но въ то-же время мы ежегодно выписываемъ по высшимъ цѣнамъ нѣкоторое количество хмѣля изъ-за границы. Это показываетъ, что наши хозяева или разводятъ не лучшіе сорты этого растенія, или не вполнѣ знакомы съ лучшими способами воздѣлыванія и ухода за нимъ. Въ видахъ содѣйствія къ улучшенію и распространенію воздѣлыванія хмѣля въ небольшихъ, преимущественно крестьянскихъ, хозяйствахъ, ученый комитетъ предлагаетъ написать: *Общепонятное руководство къ разведенію хмѣля.*

Такое руководство должно обнимать слѣдующіе предметы: 1) Указаніе на разные сорты хмѣля. 2) Почва, наиболѣе пригодная для хмѣля. 3) Выборъ мѣстности для хмѣльника въ различныхъ отношеніяхъ. 4) Приготовленіе мѣста, обработка земли, удобреніе и проч. 5) Время и способы посадки хмѣля. 6) Постановка кольевъ и уходъ во время произрастанія. 7) Сборъ шишекъ, различные пріемы, время спѣлости, признаки и т. д. 8) Обращеніе съ собранными шишками, сушка, укладка, набивка и проч. 9) Сохраненіе хмѣля. 10) Сбытъ его, цѣны и т. д. 11) Болѣзни хмѣля, вредныя насѣкомыя, средства противъ нихъ. Наставленіе должно быть написано языкомъ общепонятнымъ, безъ излишнихъ разсужденій, и гдѣ нужно пояснено рисунками. Порядокъ изложенія предоставляется усмотрѣнію автора. За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается золотая медаль въ 150 руб. сер. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены серебряными медалями или удостоены почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 іюня 1858 года.

VI. **Изслѣдованія объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи.** — Въ числѣ условій, имѣющихъ вліяніе на состояніе сельскаго хозяйства, одно изъ важнѣйшихъ есть *способъ пользованія землею.* У большинства нашихъ хозяевъ, именно крестьянъ-земледѣльцевъ, господствуетъ *общественный* способъ пользованія поземель-

ными угодьями, подчиняющійся въ разныхъ мѣстахъ разнымъ обычаямъ относительно назначенія земель, ихъ передѣла, срока и времени ихъ пользованія и т. п. Ученый комитетъ предлагаетъ написать: *Изслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи.* Въ такомъ изслѣдованіи должно быть объяснено исторически происхожденіе у насъ этого способа; различные виды его въ настоящее время; постановленія или обычаи, съ нимъ соединенные; вліяніе его на состояніе сельскаго хозяйства и на самый бытъ крестьянъ; какія изъ того проистекаютъ слѣдствія для народной экономіи вообще; чѣмъ и съ какою постепенностію могутъ быть отвращены невыгоды общественнаго пользованія землею. Предлагая эту задачу на рѣшеніе, ученый комитетъ желаетъ въ отвѣтъ получить положительныя изслѣдованія, основанныя не на голословныхъ разсужденіяхъ, но на разборѣ фактовъ и на взятыхъ изъ дѣйствительности разсчетахъ. Авторъ, буде пожелаетъ, можетъ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, выставить различія въ послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ существующихъ въ разныхъ странахъ видовъ землевладѣнія; но главнымъ условіемъ поставляется, чтобы всякое положеніе было подкрѣплено числовыми разсчетами, а гдѣ надобно — историческими и статистическими фактами. За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается первостепенная награда—золотая медаль въ 300 рублей. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины — въ 150 рублей. Наконецъ сочиненія, несоотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 іюня 1859 года.

VII. **Описаніе не тонкорунныхъ овецъ и способовъ къ ихъ содержанію.** — Тонкорунное овцеводство тамъ, гдѣ оно распространено, составляетъ важную статью доходовъ для сельскихъ хозяевъ; но разведеніе мериносовъ не вездѣ возможно, а въ малыхъ хозяйствахъ оно и невыгодно. Между тѣмъ овцы составляютъ необходимую принадлежность хозяйства крестьянъ, доставляя имъ шерсть, овчины, мясо и сало. Разведеніе простыхъ — не тонкорунныхъ овецъ — можетъ быть прибыльно и не въ крестьянскихъ хозяйствахъ, именно тамъ, гдѣ мериносы, по мѣстнымъ

обстоятельствамъ, не могутъ быть разводимы или гдѣ сбытъ сала, мяса, овчинъ и грубой шерсти можетъ доставлять хорошій доходъ. Но разведеніе не тонкорунныхъ овецъ мало обращало на себя вниманіе нашихъ хозяевъ и изслѣдователей. У насъ есть нѣсколько мѣстныхъ, вполнѣ сроднившихся съ коренным обиталищемъ своимъ, породъ овецъ, именно: простыя Русскія, Рѣшетиловскія, Крымскія, Чундукскія, Корочаевскія, Цыгайскія, Калмыцкія, Романовскія; но породы эти, за исключеніемъ послѣдней, не изслѣдованы и не описаны надлежащимъ образомъ; положительно не объяснено, какія изъ нихъ, въ какихъ отношеніяхъ и при какихъ условіяхъ, заслуживаютъ предпочтенія, какъ могутъ быть улучшены, какого требуютъ ухода. Ученый комитетъ предлагаетъ составить: *Описаніе одной или нѣсколькихъ породъ туземныхъ нашихъ (не тонкорунныхъ) овецъ и способовъ къ ихъ содержанію съ цѣлію полученія наибольшаго отъ нихъ дохода, въ особенности въ небольшихъ хозяйствахъ.* Описаніе должно заключать: опредѣленіе отличительныхъ признаковъ породы (*) и мѣстныхъ условій страны, въ которой порода водится; уходъ за овцами въ разные возрасты и по временамъ года; кормленіе на пастьбищахъ и въ хлѣвахъ; болѣзни овецъ и способы леченія, доступные въ хозяйствѣ; количество и качество шерсти, мяса, сала, получаемаго отъ овцы; сбытъ произведеній овцеводства; мѣста сбыта, цѣны на живыхъ барановъ, овецъ, ягнятъ, шерсть, мясо, сало, овчины; исчисленіе доходовъ, расходовъ и чистой прибыли. За сочиненія, которыя будутъ найдены вполнѣ удовлетворительными, назначаются первостепенныя награды — золотыя медали въ 300 рублей. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины — въ 150 рублей. Наконецъ сочиненія, не соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 іюня 1859 года.

И. Ѳ. ШТУКЕНБЕРГЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. — Корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ *А. И. Штукенбергъ* напечаталъ въ С.

(*) Желательно, чтобы для большей ясности были приложены рисунки барана и овцы каждой породы; во всякомъ случаѣ, должны быть означены обыкновенные размѣры и вѣсъ взрослыхъ животныхъ.

Петерб. вѣд. извѣстіе о жизни и трудахъ отца своего; сообщаемъ эту статью въ сокращеніи. Іоганъ-Христіанъ *Штукенбергъ* родился 6 февраля 1788 г. въ великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ, близъ главнаго города, въ мѣстечкѣ Бланкенбургѣ. Ив. Ѳед. получилъ основательное образованіе сперва дома, потомъ въ Клостербергенѣ, извѣстной тогда школѣ близъ Магдебурга; потомъ довершилъ его въ университетахъ: въ Геттингенѣ, Іенѣ и Эрлангенѣ. Въ 1807 г. событія войны, потрясавшей тогда всю Европу, принудили его оставить Германію, и онъ рѣшился искать счастія въ Россіи. Въ томъ-же году прибылъ въ Петербургъ, и опредѣлился на службу въ морскую артиллерію унтеръ-офицеромъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Россію принцъ Георгъ Ольденбургскій, принявшій Ив. Ѳед. подъ свое покровительство, которое доставило ему возможность перейдти въ генеральный штабъ колоновожатымъ. Въ 1809 г. Иванъ Ѳедоровичъ уже былъ поручикомъ, а въ 1811 г. опредѣленъ въ инженеры путей сообщенія, корпусъ которыхъ поступилъ подъ главное начальство принца Георга, и мѣстомъ его служебныхъ полевыхъ занятій сдѣлались города Тверь и Вышній-Волочекъ и ихъ уѣзды. Въ 1811 г. онъ женился; но вскорѣ спокойныя его занятія и семейная жизнь въ новомъ отечествѣ были прерваны войною 1812 г.: онъ получилъ приказаніе отправиться въ 1-ю запасную армію въ Вильно. Походная жизнь его продолжалась до 1814 г.; онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, начиная съ Смоленскаго, потомъ въ Бородинскомъ, при Люценскомъ и Бауценскомъ. Русско-Германскій легіонъ причислялся къ корпусу графа Вальмодена и Ив. Ѳед. состоялъ въ его штабѣ, участвовалъ еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ маршала Даву и отличился быстрымъ наведеніемъ моста чрезъ Эльбу, за что награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени; кромѣ-того за кампаніи 1812—1813 годовъ получилъ серебряную медаль и тотъ-же орденъ 4 степени на шпагу, бывъ уже тогда въ чинѣ капитана. Потомъ корпусъ Вальмодена присоединился къ Прусской арміи и Ив. Ѳед. былъ посланъ съ депешами въ Лондонъ; а по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился въ Россію къ прежней службѣ по корпусу инженеровъ путей сообщенія и въ 1814 г., будучи зачисленъ въ резервъ, поселился въ Волочкѣ. До 1824 г., занимая различныя должности, былъ директоромъ Боровицкихъ пороговъ, потомъ Московскаго тракта между Новгородомъ и Тверью, достигнувъ чина подполковника, и нако-

нецъ переведенъ въ военныя поселенія, въ Старую Руссу, къ графу Аракчееву, гдѣ, послѣ одной роковой съ нимъ встрѣчи, въ томъ-же году былъ уволенъ отъ службы. Тяжелъ былъ ударъ, нанесенный судьбою, но онъ не упалъ духомъ и сталъ искать утѣшенія въ ученыхъ занятіяхъ, къ которымъ съ-давнихъ-поръ имѣлъ особенное влеченіе, прерываемое обстоятельствами. Еще въ Геттингенскомъ университетѣ, какъ значится въ оставленныхъ имъ запискахъ, ему попалось въ 1806 г. сочиненіе Гасселя: «Статистическія картины Европы», и съ той-же минуты страсть его къ географіи и статистикѣ была рѣшена. Проживъ въ Вышнемъ-Волочкѣ въ отставкѣ около 4 лѣтъ самаго тяжелаго времени всей своей жизни, въ 1828 г. онъ переселился со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, получивъ мѣсто по гражданской службѣ архиваріуса депо-картъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Около 100,000 плановъ, хранившихся здѣсь, и архивъ главнаго управленія дали ему мысль и богатые матеріалы для составленія его гидрографіи. Но въ 1830 году открылась Польская кампанія и на время опять изъ мирной жизни отвлекла его на поприще войны. Въ 1842 г., при преобразованіи состава главнаго управленія путей сообщенія, Ив. Ѳед. остался за штатомъ. Пробывъ безъ мѣста до 1845 года, онъ поступилъ въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ прослужилъ до 1850 года, а оттуда въ 1851 году перешелъ библіотекаремъ въ музеумъ графа Румянцова, при которомъ служилъ до конца своей жизни. Эти годы были для него самыми спокойными: въ тишинѣ и уединеніи, послѣ тревожной безъ счастія жизни, отдохнулъ онъ въ покойныхъ трудахъ, посреди книгъ и манускриптовъ, своихъ любимыхъ собесѣдниковъ. Скончался онъ 9 мая 1856 г., на 69 году жизни. Каждое сочиненіе Ив. Ѳед. при появленіи своемъ заслуживало лестные отзывы нашихъ журналовъ; онъ былъ членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и членомъ-сотрудникомъ Императорскаго географическаго Общества. Числясь иностранцемъ, онъ принялъ въ 1853 году подданство Россіи, хотя давно уже любилъ ее, какъ родину, и полвѣка посвятилъ себя службѣ. Вотъ перечень ученыхъ трудовъ Штукенберга. Гидрографическія занятія его начались въ 1826 — 1828 г. составленіемъ нѣкоторыхъ картъ по водянымъ сообщеніямъ и собираніемъ матеріаловъ для сочиненія. Съ 1835 по 1839 г. помѣщено было имъ

весьма много большихъ и малыхъ статей въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» А. Плюшара, доставившихъ автору извѣстность. Въ то-же время онъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ и издалъ въ Берлинѣ въ 1840 г.: «Опытъ теоріи военной географіи», составленный подполковникомъ, нынѣ генералъ-маіоромъ Языковымъ». Исправилъ и дополнилъ въ Русскомъ переводѣ изданную Брифомъ въ 1838 г. третью тетрадь военной географіи Европы въ таблицахъ, Рутдорфера. Въ 1841 г. издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ одномъ томѣ описаніе всѣхъ въ Россіи устроенныхъ и проектированныхъ каналовъ. Съ 1844 до 1849 г. издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ шести томахъ, съ указателемъ и дополненіями, свою «Гидрографію Россіи», именно: 1-й томъ—бассейнъ Балтійскаго моря, 2-й томъ—сѣвернаго и восточнаго Океана, 3-й томъ — Чернаго моря, 4-й томъ—стараго Каспійскаго моря, 5-й томъ — новаго Каспійскаго моря, и 6-й томъ съ дополненіями и подробнымъ указателемъ ко всей гидрографіи. Съ 1849 до 1852 г. издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ четырехъ книгахъ, «Указатель для изученія Россіи въ отношеніи географіи, топографіи, этнографіи и статистики», именно: 1-я книга—о картахъ и планахъ, 2-я книга—библіографія, 3-я книга—сборники и журналы и 4-я книга—губернскія вѣдомости. Въ 1849 г. —свои стихотворенія «Reime und Verse», упоминаемыя здѣсь, чтобы показать, что Ив. Өед. былъ одаренъ и прекраснымъ поэтическимъ чувствомъ. Въ стихотвореніи «Karyatide» онъ, кажется, хотѣлъ выразить свою судьбу. Еще напечатано имъ нѣсколько дѣльныхъ статей въ «С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ» (Нѣмецкихъ), изъ коихъ лучшія: «Замѣтки по натуральной исторіи» въ № 86—128, въ 1852 г. и статьи «О нахожденіи въ Россіи сѣры» въ №№ 22, 245, 257 и 265—1854 г. Изъ этого всего многое перепечатано въ иностранные журналы. Сверхъ-того онъ оставилъ въ рукописяхъ огромный запасъ подготовленныхъ сочиненій и собранныхъ матеріаловъ; глядя собственно на одну массу ихъ, трудно повѣрить, чтобы все это было работою одного человѣка и еще въ преклонныхъ лѣтахъ. Самый главный изъ оставшихся по смерти трудовъ его есть предпринятое въ обширномъ видѣ статистическое сочиненіе: «Россія въ отношеніи къ обилію почвы и ея разработкѣ, къ земледѣлію, промышлености и торговлѣ». Оно возникло и составлялось подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ генералъ-адъютанта *Ростовцева*, который исходатайствовалъ соизволеніе Государя Императора, дарованное 13 іюля 1855 года, вмѣстѣ съ пособіями

для изданія и разрѣшеніемъ доступа къ архивамъ министерствъ. Въ этихъ трудахъ много содѣйствовалъ Ив. Ѳед. глубоко-чтимый имъ академикъ *П. И. Кеппенъ.* Работая неутомимо, Ив. Ѳед. почти въ годъ составилъ описаніе 38 губерній, изъ которыхъ 6 были уже переписаны имъ набѣло и приготовлены для перевода на Русскій языкъ. Планъ сочиненія изложенъ въ предисловіи къ описанію Архангельской губерніи. Желая, чтобы это сочиненіе принесло ту пользу, для которой задумано, А. И. Штукенбергъ предпринялъ изданіе его отдѣльно по губерніямъ въ томъ видѣ, какъ оно ему досталось, переводя съ Нѣмецкаго на Русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Статистическіе труды Ивана Ѳедоровича Штукенберга», на что получилъ милостивое соизволеніе Государя Императора, съ оставленіемъ за нимъ всѣхъ тѣхъ пособій, которыя были дарованы автору. Остальные матеріалы для статистики, географіи и этнографіи, которые большею частію состоятъ изъ писанныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ отдѣльныхъ листковъ, А. И. Штукенбергъ собралъ въ тетради и соединилъ по предметамъ въ отдѣльные томы: 1) Одинъ — съ дополненіями къ гидрографіи, онъ подарилъ въ библіотеку института корпуса инженеровъ путей сообщенія. 2) Три тома и тетрадь различныхъ статей и выписокъ подарены имъ Академіи наукъ, давшей первое поощреніе автору на его ученомъ поприщѣ присужденіемъ Демидовской преміи за «Каналы и первые два тома гидрографіи». 3) Три тома отмѣтокъ для продолженія «Указателя въ изученіи Россіи», изъ которыхъ первый уже былъ приготовленъ къ печати, подарены Императорскому географическому Обществу. Въ заключеніе А. И. Штукенбергъ прибавляетъ: «Хотя не мнѣ судить о сочиненіяхъ моего отца, но, въ ожиданіи полнаго разбора, рѣшаюсь сказать объ нихъ нѣсколько словъ. «Гидрографія, стоившая ему 20 лѣтъ труда, занимаетъ первое мѣсто; нѣсколько разъ онъ ее перерабатывалъ и дополнялъ, пока рѣшился печатать; особенно-хорошо обработаны каналы и первые три тома, изложенные систематически; но послѣдующіе томы гидрографіи содержатъ болѣе собраніе свѣдѣній въ томъ видѣ, какъ они взяты изъ источниковъ. Достойно сожалѣнія, что гидрографія его до-сихъ-поръ не переведена на Русскій языкъ и потому не для всѣхъ доступна: въ ней заключается, кромѣ описанія водъ, весьма-много и другихъ свѣдѣній, имѣющихъ общественный интересъ, напримѣръ о мѣстонахожденіи различныхъ рудъ, полезныхъ минераловъ и способахъ ихъ доставки, что

для разработки почвы и промышлености весьма-важно. «Указатель къ изученію Россіи» также составляетъ весьма-важное пособіе для занимающихся приведенными въ немъ предметами, знакомя съ полной ихъ литературой. Послѣднее-же сочиненіе, изданіемъ котораго теперь я занимаюсь, должно наиболѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ для развитія торговли и промышлености, представляя для каждой губерніи, въ одной совокупной картинѣ, все, чѣмъ край изобилуетъ, что въ немъ въ упадкѣ и наконецъ, какую изъ него можно извлечь общественную и частную пользу».

Возобновленіе изданія газеты: «Посредникъ». — Съ марта мѣсяца текущаго года вновь предпринято изданіе *Посредника, газеты промышлености, хозяйства и реальныхъ наукъ.* Назначеніе газеты—способствовать быстрому сообщенію общеполезныхъ свѣдѣній. При нынѣшнемъ способѣ телеграфическихъ сообщеній, какъ сельскому хозяину, такъ фабриканту и торговому лицу, полезнѣе всего получать необходимыя для нихъ свѣдѣнія по телеграфу, какъ предупреждающія всѣ прочія нѣсколькими днями. По этому газета Посредникъ, сохраняя прежнюю свою программу, ниже сего изложенную, обратить особенное вниманіе на этотъ родъ извѣстій, т.-е. будетъ сообщать самыя свѣжія торговыя телеграфическія извѣстія. Главный сбытъ нашихъ произведеній — въ Англіи; отъ Лондонскихъ цѣнъ зависитъ продажа и покупка сельско-хозяйственныхъ и другихъ товаровъ въ портахъ Россіи, а потому каждому изъ означенныхъ лицъ необходимо слѣдить за этими цѣнами. Газета «Посредникъ» обѣщаетъ употребить все стараніе для удовлетворенія требованій такого рода. Программа газеты слѣдующая: 1) Правительственныя постановленія, относящіяся къ промышлености или хозяйству. 2) Промышленость сельская, фабричная, торговая и судоходная или перевозная. 3) Городское и сельское хозяйство. 4) Новыя открытія и изобрѣтенія. 5) Науки. 6) Извѣстія о книгахъ, машинахъ, орудіяхъ и привилегіяхъ (*).

(*) Газета «Посредникъ», выходитъ еженедѣльно. Подписная цѣна на 1857 годъ здѣсь, въ С. Петербургѣ, съ доставкою 10 р. сер., съ пересылкою во всѣ города — 13 р. сер.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА
НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предтетовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

3/1

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА АПРѢЛЬ 1857 ГОДА.

12. (15 апрѣля) *О продолженіи срока литературной и художественной собственности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о продолженіи срока литературной и художественной собственности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: *Предсѣдатель государственнаго совѣта князь Орловъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, о продолженіи срока литературной и художественной собственности, согласно съ заключеніемъ его, главноуправляющаго, *мнѣніемъ положилъ:* въ измѣненіе тѣхъ статей устава о ценсурѣ (Прилож. къ ст. 147 *Уст. пред. и прес. прест.* Св. Зак. Т. XIV), кои относятся къ правамъ собственности литературной и художественной, постановить:

1) По смерти сочинителя или переводчика какой-либо книги, исключительное право пользованія изданіемъ и продажею сочиненій или переводовъ его переходитъ къ его наслѣдникамъ по закону, или по завѣщанію, или-же къ тѣмъ лицамъ или учре-

жденіямъ, коимъ отъ него оное передано; но сіе право не можетъ продолжаться долѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти сочинителя или переводчика.

2) Дѣйствіе сего постановленія распространяется на всѣ лица, для коихъ не истекъ еще установленный существующими нынѣ законами срокъ исключительнаго пользованія правомъ изданія и продажи, дошедшихъ къ нимъ по наслѣдству или завѣщанію, сочиненій и переводовъ.

3) Въ отношеніи къ сочиненіямъ и переводамъ, которые изданы или будутъ изданы послѣ смерти сочинителя или переводчика, означенный пятидесятилѣтній срокъ считается со времени перваго изданія сихъ сочиненій или переводовъ.

4) Общества, издающія книги или иныя произведенія наукъ и словесности, пользуются исключительнымъ правомъ собственности на сіи произведенія, если авторъ имъ оное предоставилъ, также въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. По истеченіи сего времени, такія произведенія становятся собственностію публики, кромѣ лишь случаевъ, когда авторъ оныхъ еще въ живыхъ и удерживаетъ за собой сію литературную собственность. Означенный срокъ считается съ изданія въ свѣтъ послѣдняго тома, если сочиненіе въ нѣсколькихъ томахъ, или-же съ изданія каждой отдѣльной статьи, если общества издаютъ труды своихъ членовъ въ видѣ такихъ отдѣльныхъ книжекъ или нумеровъ.

5) Исключительное право собственности и продажи музыкальныхъ сочиненій принадлежитъ также авторамъ, или наслѣдникамъ ихъ, или тѣмъ, къ коимъ сіе право перешло на законномъ основаніи, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, какъ сіе постановлено въ отношеніи къ правамъ собственности сочинителей, переводчиковъ, или издателей книгъ.

6) Для наслѣдниковъ и пріобрѣтателей права собственности художественной на произведенія живописи, гравированія, литографіи, фотографіи, скульптуры, архитектуры, искусства медальйорнаго и другихъ, срокъ такого права продолжается

также не долѣе пятидесяти лѣтъ, считая со дня смерти художника, или появленія въ свѣтъ произведенія, не изданнаго до смерти его.

7) Права академій, университетовъ, училищъ, художественныхъ и ученыхъ обществъ, относительно изданія произведеній изящныхъ искусствъ, суть тѣ-же, которыя предоставлены подобнымъ учрежденіямъ на издаваемыя ими произведенія наукъ и словесности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателями и членами.

13. (19 апрѣля) *Объ опредѣленіи чиновника особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) При попечителѣ Виленскаго учебнаго округа опредѣлить, временно, чиновника для особыхъ порученій, съ производствомъ ему жалованья по 500 руб. сер. въ годъ изъ 200,000 руб. сер., отпускаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія изъ государственнаго казначейства, въ замѣнъ доходовъ съ общаго эдукаціоннаго фундуша; 2) должность чиновника для особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа, въ порядкѣ росписанія должностей гражданской службы по классамъ, отнести къ VIII классу, по мундиру къ VIII и по пенсіи къ VI разрядамъ; и 3) предоставить министру народнаго просвѣщенія право упразднить эту должность по миновaніи въ ней надобности.

14. (23 апрѣля) *О подчиненіи вѣдѣнію и надзору попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа училища взаимнаго обученія въ С. Петербургѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть

соизволилъ: за смертію члена главнаго правленія училищъ графа Віельгорскаго, имѣвшаго въ непосредственномъ завѣдываніи своемъ существующее въ С. Петербургѣ училище взаимнаго обученія для бѣдныхъ Русскихъ мальчиковъ, подчинить это училище вѣдѣнію и надзору попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, который, по сему званію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и членъ главнаго правленія училищъ и въ вѣдѣніи котораго состоитъ подобное-же, существующее въ С. Петербургѣ, училище для дѣтей бѣдныхъ иностранцевъ.

Высочайшій рескриптъ.

Господинъ тайный совѣтникъ *Красовскій!* Во изъявленіе Монаршаго благоволенія Моего къ вамъ за отлично-ревностную службу и труды ваши по должности предсѣдателя комитета цензуры иностранной, начальствомъ засвидѣтельствованные, Всемилостивѣйше жалуя вамъ препровождаемую у сего табакерку съ Моимъ портретомъ, алмазами украшенную, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С. Петербургѣ.
17 апрѣля 1857 г.

Указы правительствующему сенату.

I.

Снисходя на просьбу попечителя Харьковскаго учебнаго округа, сенатора, тайнаго совѣтника *Катакази*, Всемилостивѣйше увольняемъ его отъ должности попечителя, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

24 апрѣля 1857 г.

II.

Члена главнаго правленія училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Новосильскаго*, Всемилостивѣйше уволняя, согласно съ его прошеніемъ, отъ сего званія, повелѣваемъ причислить его къ министерству народнаго просвѣщенія.

26 апрѣля 1857 г.

III.

Помощнику попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Зиновьеву* Всемилостивѣйше повелѣваетъ быть исправляющимъ должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

28 апрѣля 1856.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Въ С. Петербургѣ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ПРОИЗВЕДЕНЪ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Чихачевъ* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники (17 апрѣля).

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

По Императорской академіи наукъ.

Кандидатъ Дерптскаго университета *Вагнеръ* — помощникомъ астронома при Николаевской главной обсерваторіи (11 апрѣля).

По университету св. Владиміра.

Отставной статскій совѣтникъ *Богородскій* — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ законовъ благочинія и уголовныхъ (20 апрѣля).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: Оставной подпоручикъ *Мясниковъ* — почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы (16 апрѣля); отставной штабсъ-капитанъ *Дружининъ*—почетнымъ смотрителемъ Грязовецкаго уѣзднаго училища, съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари; отставной губернскій секретарь *Титовъ* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Копыскаго уѣзда (27 апрѣля).

Московскому: Отставной коллежскій ассессоръ *Путята*—почетнымъ смотрителемъ Вяземскаго уѣзднаго училища (19 апрѣля).

Казанскому: Отставной коллежскій регистраторъ *Детцель*— почетнымъ смотрителемъ Глазовскаго уѣзднаго училища (16 апрѣля).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По Императорской академіи наукъ.

Въ званіяхъ: экстраординарнаго академика — адъюнктъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гротъ*, и ординарнаго академика — экстраординарный академикъ по части ботаники, коллежскій совѣтникъ *Рупрехтъ* (16 апрѣля).

По учебнымъ округамъ.

Московскому: Почетными попечителями гимназій: Ярославской — состоявшій въ сей должности по прежнимъ выборамъ, надворный совѣтникъ *Михалковъ* и Костромской—вновь избранный, отставной подпоручикъ *Григоровъ* (16 апрѣля).

Харьковскому: Почетнымъ попечителемъ Орловской гимназіи — состоявшій въ той должности по прежнимъ выборамъ, гвардіи полковникъ баронъ *фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ* (13 апрѣля).

Одесскому: Отставной поручикъ *Кохъ*—почетнымъ попечителемъ Екатеринославской гимназіи (16 апрѣля).

НАЗНАЧЕНЫ:

По главному управленію цензуры.

Цензоръ С. Петербургскаго цензурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Елагинъ* — чиновникомъ особыхъ порученій при семъ управленіи (20 апрѣля).

По учебнымъ округамъ.

Московскому: Исправляющій должность директора училищъ Смоленской губерніи, надворный совѣтникъ *Шестаковъ* — директоромъ училищъ той губерніи (21 апрѣля).

Казанскому: Директоръ училищъ Архангельской губерніи, статскій совѣтникъ *Гриппенбергъ* — директоромъ училищъ Симбирской губерніи (20 апрѣля).

Харьковскому: Директоръ училищъ Симбирской губерніи, статскій совѣтникъ *Верниковскій* — директоромъ училищъ Харьковской губерніи; инспекторъ Тамбовской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Бернгардтъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Тамбовской губерніи (20 апрѣля).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: Рязанскаго — младшій чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ Рязанской губерніи, коллежскій регистраторъ *Елагинъ* (2 апрѣля); Лугскаго — канцелярскій чиновникъ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій секретарь *Нарышкинъ* (27 апрѣля).

УВОЛЕНЫ:

По учебнымъ округамъ.

Московскому: Почетный смотритель Смоленскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Потресовъ* — по прошенію, съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго секретаря (28 апрѣля).

Харьковскому: Директоръ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ *Шопинъ* — за выслугою срока, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности (20 апрѣля).

НАГРАЖДЕНЫ:

а) *Чиномъ статскаго совѣтника.*

Членъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической коммиссіи, коллежскій совѣтникъ *Калачевъ* — за отлично-усердную службу и особые труды (21 апрѣля).

б) *Орденами.*

Св. Владиміра 4-й степени: Статскіе совѣтники, члены и главные редакторы состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической коммиссіи: старшій библіотекарь Императорской публичной библіотеки *Бычковъ* и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Куникъ*—за отлично-усердную службу и особые труды по археографической коммиссіи (21 апрѣля).

Св. Анны 2-й степени: Профессоръ Аѳинскаго университета Іоаннъ *Суццо* (Soutzo)—въ ознаменованіе Высочайшаго вниманія къ ученымъ его заслугамъ (17 апрѣля).

Св. Станислава 3-й степени: Тюменскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ *Шешуковъ*—за сдѣланныя имъ пожертвованія (25 марта).

Св. Станислава 2-й степени: Врачъ студентской больницы при Московскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ *Летуновъ*—за безмездные и неусыпные труды по леченію студентовъ изъ Кавказскихъ воспитанниковъ (17 марта); цензоръ Рижскаго цензурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Напьерскій*—за отлично-усердную и полезную службу и особые труды по состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической коммиссіи (21 апрѣля).

в) *Подарками.*

Князь Петръ *Долгоруковъ*—за поднесеніе Его Величеству 4-го тома составленной имъ «Россійской родословной книги»; профессоръ Аѳинскаго университета *Фреаритисъ*—за изданное имъ сочиненіе по части Римско-Византійскаго права (4 апрѣля); профессоръ Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Медлеръ*—за поднесеніе Его Величеству сочиненія его: «Die Eigenbewegung der Fixsterne» etc. (20 апрѣля).

г) *Единовременными выдачами.*

Исправляющій должность адъюнкта Ришельевскаго лицея *Орбинскій*—за исполненіе во время минувшихъ военныхъ дѣйствій

обязанностей переводчика между Одесскимъ начальствомъ и командирами военныхъ судовъ (4 апрѣля); чиновники археографической коммиссіи, коллежскій секретарь *Тимофеевъ* и губернскій секретарь *Бермельевъ* (21 апрѣля).

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Дорну* Всемилостивѣйше разрѣшено принять и носить пожалованный ему Персидскимъ шахомъ орденъ Льва и Солнца 1-й степени, за поднесеніе Его Величеству экземпляра изданной имъ исторіи Мазандерана (27 апрѣля).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА АПРѢЛЬ 1857 ГОДА.

5. (13 марта) *Циркулярное предложеніе по поводу Высочайшаго повелѣнія о предоставленіи пансіонерамъ и пансіонеркамъ капитула орденовъ права на полученіе, во время нахожденія ихъ на воспитаніи, пенсіи изъ государственнаго казначейства за службу отцовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, въ 14 день февраля Высочайше повелѣть соизволилъ: право на полученіе пенсій изъ государственнаго казначейства, во время нахожденія на воспитаніи, предоставленное указомъ правительствующаго сената 8 августа 1856 года дѣтямъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, воспитывающимся въ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ суммъ комитета, Высочайше утвержденнаго въ 18 день августа 1814 года, распространить и на пансіонеровъ капитула орденовъ, воспитывающихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ чтобы, согласно 239 ст. т. III *Уст. о пенс.* по XIX прод., пенсіи эти на руки имъ не выдавались, но доставлялись къ начальству заведеній, которое должно вносить оныя въ кредитныя установленія, для приращенія процентами, и выдавать вмѣстѣ съ процентами воспитанникамъ и воспитанницамъ при выпускѣ изъ заведенія.

О сей Монаршей милости, сообщенной мнѣ генералъ-адъютантомъ графомъ Адлербергомъ, имѣю честь увѣдомить

къ надлежащему объявленію и исполненію по учебнымъ округамъ и управленіямъ.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія *А. Норовъ.*

6. (21 апрѣля) *О введеніи во 2-ой Харьковской гимназіи преподаванія естественныхъ наукъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, разрѣшилъ ввести во 2-ой Харьковской гимназіи преподаваніе естественныхъ наукъ.

7. (21 апрѣля) *О введеніи въ Θеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ преподаванія Французскаго и Италіянскаго языковъ, вмѣсто Греческаго и Татарскаго.*

По представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ отмѣнить въ Θеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ преподаваніе Греческаго и Татарскаго языковъ, и вмѣсто того ввести, согласно желанію тамошняго градскаго общества, преподаваніе Французскаго и Италіянскаго языковъ.

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Канцелярскій чиновникъ сего департамента, коллежскій секретарь *Верещагинъ* — старшимъ помощникомъ столоначальника (10 апрѣля).

НАЗНАЧЕНЫ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Старшій помощникъ столоначальника, коллежскій секретарь *Бутузовъ*—исправляющимъ должность начальника стола (9 апрѣля).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По Московскому учебному округу.

Вышневолоцкій уѣздный судья, поручикъ *Медвѣдевъ* — почетнымъ смотрителемъ Старицкаго уѣзднаго училища, сверхъ настоящей должности; Юрьевскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассессоръ *Калачевъ* — почетнымъ смотрителемъ Юрьевскаго уѣзднаго училища, сверхъ настоящей должности (29 апрѣля).

ПЕРЕМѢЩЕНЪ:

Почетный смотритель Данковскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Муромцевъ* — согласно изъявленному имъ желанію, къ такой-же должности въ Зарайское уѣздное училище (14 марта).

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Директору первой Казанской гимназіи, статскому совѣтнику *Сахарову* — за усердіе его къ благолѣпію храма при ввѣренной ему гимназіи (18 апрѣля).

О КНИГАХЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Приготовительный курсъ Русскаго языка, соч. *Михельсона.*

Учитель Ларинской гимназіи въ С. Петербургѣ *Михельсонъ* издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Приготовительный курсъ Русскаго языка». Ученый комитетъ главнаго правленія учи-

лицъ призналъ, что книга эта заслуживаетъ вниманія учителей, почему о выходѣ въ свѣтъ сего сочиненія доводится до свѣдѣнія учебныхъ заведеній.

Городской и сельскій строитель, механикъ и технологъ.

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію ихъ, пріобрѣтать для библіотекъ училищъ журналъ, подъ названіемъ: «Городской и сельскій строитель, механикъ и технологъ», съ тѣмъ чтобы съ требованіемъ онаго обращались къ редактору сего изданія, въ С. Петербургъ.

СКОЛЬКО ГЛАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ?

ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦѢНКИ УСПѢХОВЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

При первомъ зародышѣ нашей грамматики у Грековъ, величайшіе ихъ мыслители, какъ напр. Платонъ, замѣчали только двѣ главныя части сужденія: onoma и rhema, т. е., подлежащее и сказуемое (*). Вѣроятно, у нихъ-же, впрочемъ, какой-нибудь тонкій діалектикъ открылъ еще одинъ членъ въ предложеніи— *связку*(**)—и съ-тѣхъ-поръ теорія трехчленнаго состава предло-

(*) Такъ надобно передать приведенныя Греческія слова, а не *имя* и *глаголъ*. Чисто-грамматическихъ понятій тогда еще не было.

(**) Понятіе о *связкѣ* встрѣчается уже у Платона (см. Geschichte der Kategorienlehre, von Trendelenburg. Berl. 1846, стр. 12). Въ Теэтетѣ говорится: «Какъ въ вещахъ первыя стихіи соединены между собою, такъ и имена ихъ, соединенныя между собою, составили рѣчь: ибо связь между именами есть сущность рѣчи (ὀνομάτων γὰρ συμπλοκὴν εἶναι λόγου οὐσίαν)». Выраженіе: συμπλέκων τὰ ῥήματα τοῖς ὀνόμασι въ Софистѣ, прямо означаетъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ. Еще опредѣленнѣе выражается о *связкѣ* Аристотель. Въ трактатѣ о категоріяхъ онъ говоритъ: «изъ того, что говорится, одно говорится въ связи, другое—безъ связи: въ связи—какъ напр. *человѣкъ бѣжитъ*, *человѣкъ побѣждаетъ*; безъ связи—напр. *человѣкъ*, *волъ*, *бѣжитъ*, *побѣждаетъ* (τῶν λεγομένων τὰ μὲν κατὰ συμπλοκὴν λέγεται, τὰ δ' ἄνευ συμπλοκῆς· τὰ μὲν οὖν κατὰ συμπλοκήν· οἷον ἄνθρωπος τρέχει, ἄνθρωπος νικᾷ· τὰ δ' ἄνευ συμπλοκῆς οἷον ἄνθρωπος, βοῦς, τρέχει, νικᾷ)». Что̀ считаетъ онъ *связью* между словами, объяснять не нужно. Но онъ-же, Аристотель, невольно сдѣлался виновникомъ и превратнаго понятія о *связкѣ*, которое господствовало до нашего времени. Отыскивая и установляя

женія переходила изъ вѣка въ вѣкъ, въ-теченіе двухъ тысячелѣтій, въ видѣ аксіомы, какъ $2\times2=4$. И вдругъ мы узнаемъ въ наши дни, что пресловутое ученіе, прошедшее чрезъ милліоны умныхъ головъ, есть ни что иное, какъ ловкій софизмъ, и

категоріи понятій, онъ между прочимъ исключаетъ изъ числа ихъ понятіе *бытія* (τὸ ὄν): потому, какъ говоритъ онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ (см. у Тренделенбурга стр. 65—69), что оно не содержитъ въ себѣ никакого особеннаго понятія, а составляетъ всеобщій предикатъ (κοινῇ κατηγορούμενον, κατηγόρημα μόνον), который идетъ ко всякой категоріи (τὸ ὂν (καὶ τὸ ἕν) τῶν πᾶσιν ἑπομένων ἐςίν, συμβαίνει κατὰ πάντων, ὧν τὸ γένος κατηγορεῖται), не придавая имъ никакого оттѣнка: ибо «нѣтъ никакой разницы сказать: *человѣкъ есть здравствующій* и *человѣкъ здравствуетъ*, или *человѣкъ есть идущій* и *человѣкъ идетъ* (ἐπεὶ οὖν τῶν κατηγορουμένων τὰ μὲν τί ἐςι σημαίνει, τὰ δὲ ποιόν, τὰ δὲ ποσόν, τὰ δὲ πρός τι, τὰ δὲ ποιεῖν ἢ πάσχειν, τὰ δε ποῦ, τὰ δὲ ποτέ, ἑκάςῳ τούτων τὸ εἶναι ταὐτὸ σημαίνει· ουδὲν γὰρ διαφέρει τὸ ἄνθρωπος ὑγιαίνων ἐςὶν ἢ τὸ ἄνθρωπος ὑγιαίνει, οὐδὲ τὸ ἄνθρωπος βαδίζων ἐςὶν ἢ τέμνων τοῦ ἄνθρωπος βαδίζει ἢ τέμνει· ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων)». Бытіе само по себѣ, нагое, не имѣетъ никакого дѣйствительнаго содержанія и означаетъ только нѣкоторое совокупленіе, котораго безъ присовокупляемыхъ понятій нельзя и помыслить (οὐδὲ γὰρ τὸ εἶναι ἢ μὴ τὸ εἶναι σημεῖόν ἐςι τοῦ πράγματος. οὐδ᾽ ἐὰν τὸ ὂν εἴπῃς αὐτὸ καθ᾽ ἑαυτὸ ψιλόν· αὐτὸ μὲν γὰρ οὐδέν ἐςι, προςσημαίνει δὲ σύνθεσίν τινα, ἣν ἄνευ τῶν συγκειμένων οὐκ ἔςι νοῆσαι). Всѣ эти разсужденія, очевидно, перенесены были въ ученіе о сужденіи и предложеніи, и выраженію бытія отказано въ значеніи сказуемаго, безъ сомнѣнія, потому, что выраженіе κατηγορία понято было не въ Аристотелевскомъ смыслѣ родовъ или разрядовъ сказуемыхъ или общихъ понятій (γένη τῶν κατηγοριῶν), а въ общемъ смыслѣ сказуемаго въ отношеніи къ подлежащему, тогда-какъ въ этомъ смыслѣ Аристотель понятіе бытія прямо признаетъ всеобщимъ сказуемымъ, но отнюдь не связкой — «copula», какъ выражается Тренделенбургъ (стр. 68). Глубокомысленный истолкователь Аристотеля дозволилъ себѣ употребить здѣсь это позднѣйшее выраженіе, конечно, потому только, что оно очень ясно передаетъ мысль подлинника объ отношеніи понятія чистаго бытія къ дѣйствительности, не воображая при томъ, чтобы кто-нибудь сталъ искать воззрѣній Аристотеля на составъ предложенія въ такой части философскаго ученія, гдѣ категоріи разсматриваются не въ логическомъ только (субъективномъ), но вмѣстѣ въ онтологическомъ значеніи, и гдѣ о чисто-субъективномъ значеніи понятія чистаго бытія въ нашемъ мышленіи говорится почти мимоходомъ, лишь въ опроверженіи тѣхъ философовъ, которые принимали это понятіе за онтологическое начало. Соотвѣтственно этому субъективному воззрѣнію, для опредѣленія категорій Аристотель беретъ понятія сами по себѣ, а не по мѣсту ихъ въ составѣ предложенія, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: «изъ того, что говорится *безъ всякой связи*, каждое означаетъ или существо, или количество, или качество и т. д. (τῶν κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγομένων ἕκαςον ἤτοι οὐσίαν σημαίνει ἢ ποσὸν ἢ ποιὸν ἢ πρός τι ἢ ποῦ ἢ ποτὲ ἢ κεῖσθαι ἢ ἔχειν ἢ ποιεῖν ἢ

обязанъ своею долговѣчностью какому-то непонятному слабоумію или равнодушію: такъ по-крайней-мѣрѣ теперь кажется. Такое открытіе, конечно, заслуживало-бы нѣкоторой гласности, даже молвы удивленія и признательности, потому-что оно имѣетъ значеніе не только ученое, но и практическое: оно освобождаетъ преподаваніе грамматики отъ механическихъ пріемовъ, которые, и при господствѣ прежней теоріи, людямъ здравомыслящимъ казались отвратительной нелѣпостью. Между-тѣмъ это открытіе прошло у насъ тихо, почти незамѣтно, такъ-что теперь едва-ли многіе знаютъ, кому мы имъ обязаны. Люди, оставшіеся при прежней теоріи, не удостоиваютъ новое ученіе ни прямыхъ, ни косвенныхъ возраженій. Да и послѣдователи новаго ученія, отвергая старое, въ то-же время дѣлаютъ ему тѣ или другія уступки, или даже стараются согласить противорѣчіе посредствомъ механическаго совмѣщенія обѣихъ противоположностей. Но видно по-крайней-мѣрѣ, что старая теорія отжила свой вѣкъ и не воскреснетъ болѣе, хотя имѣетъ еще именитаго представителя.

Новое ученіе, признающее въ предложеніи только двѣ главныя части—подлежащее и сказуемое—явилось въ первый разъ въ «Русской Грамматикѣ» Востокова, 1844 года (*). Между-тѣмъ г. Гречъ, въ своихъ учебникахъ, донынѣ повторяетъ то, что говорилъ въ 1827, 1834 и 1840 годахъ, какъ-бы не зная новаго ученія и не замѣчая, что онъ остается единственнымъ представителемъ отжившей теоріи, во всей чистотѣ ея.

κεῖσθαι)» (у Тренделенбурга стр. 11). Такимъ образомъ, эту оцѣнку понятія бытія, какъ объективную, вовсе некстати было прилагать къ субъективному значенію этого понятія въ сужденіи и еще менѣе въ грамматическомъ выраженіи его въ предложеніи. Кто первый сдѣлалъ такое дурное приложеніе—для насъ здѣсь все равно; а что искаженіе его мыслей столько вѣковъ считалось за непреложную истину, такъ это не первый примѣръ въ исторіи словесныхъ наукъ.

(*) Можетъ быть, еще раньше? Пусть рѣшатъ другіе, если имъ удается собрать всѣ изданія грамматики Востокова.

Зная неминучую судьбу этой теоріи, можно-бы оставить ее въ покоѣ: пусть доживала-бы свой вѣкъ въ послѣднемъ своемъ представителѣ. Но извѣстно, что г. Гречъ не хочетъ признать своихъ грамматическихъ понятій устарѣлыми и готовъ, кажется, увѣрять, что наука Русскаго слова дошла въ его грамматикѣ до Геркулесовыхъ столбовъ, которые не суждено пройти, по-крайней-мѣрѣ его современникамъ. Этими притязаніями онъ самъ вызываетъ критику, которая безъ того была-бы не въ-правѣ (да не имѣла-бы и надобности) прилагать къ прошедшему мѣрку настоящаго. Все-же, впрочемъ, я не рѣшился-бы тревожить прахъ отжившаго, еслибы не видѣлъ въ томъ пользы для настоящаго, въ которомъ, какъ я сказалъ, есть еще недоразумѣнія — слѣдствіе прежняго лжеученія.

Теорія трехчленнаго состава предложенія получила въ грамматикѣ г. Греча систематическое развитіе: съ одной стороны, ей дано логическое основаніе посредствомъ анализа мышленія, съ другой — логическій выводъ подтверждается грамматическимъ разборомъ. Систематическое развитіе ложной теоріи, конечно, не могло обойтись безъ насилій языку: таково свойство самой теоріи. Но, кромѣ этого рода недостатковъ, въ системѣ г. Греча есть недочеты, которые трудно отнести лишь на счетъ теоріи.

Логическая часть ученія изложена слѣдующимъ образомъ:

«Разсуждать о предметѣ значитъ мысленно приписывать ему или отнимать у него какое-либо качество; посему предложеніе должно заключать въ себѣ: а) понятіе о предметѣ, б) понятіе о принадлежности предмета и в) выраженіе бытія или отсутствія сей принадлежности въ предметѣ», т. е. должно состоять изъ трехъ частей: «подлежащаго, сказуемаго и связки».

(Практическая Русская грамматика, изд. Н. Гречемъ. 1834. Стр. 220—221, § 261).

Это опредѣленіе отзывается умственнымъ настроеніемъ *природнаго* мыслителя, не стѣсняющаго себя требованіями *науки* мышленія — логики. «*Разсуждать*» значитъ произносить рядъ сужденій, — и принимать это слово за безразличный синонимъ слова *судить* противно и логикѣ, и общему употребленію. Далѣе, *предметъ* и его *качество* отнюдь не выражаютъ всѣхъ видовъ подлежащаго и сказуемаго, и потому, если вы захотите оправдать это опредѣленіе приложеніемъ къ разнымъ видамъ предложеній, вамъ понадобится множество оговорокъ, ограниченій, поясненій. *Умереть — уснуть; разсуждать значитъ приписывать; тогда не то, что нынѣ:* гдѣ тутъ предметы, гдѣ качества? Логика не допускаетъ такихъ опредѣленій; потому-что они «тѣснѣе своего опредѣляемаго». Правда, понятіе *качества* у г. Греча расширено потомъ замѣною этого слова — *принадлежностію:* но, во-первыхъ, понятіе принадлежности все-таки тѣсно для сказуемаго, и во-вторыхъ, развѣ это, опять, синонимы? Не всякая принадлежность есть качество. *Оружіе* — принадлежность воина, но, конечно, не качество. Ни въ ученой, ни въ учебной книгѣ такія неточности не позволительны. Людей зрѣлыхъ онѣ, конечно, не введутъ въ заблужденіе, но за то предоставляютъ имъ трудъ вновь составить опредѣленіе. А для молодыхъ умовъ такой неудачный выборъ терминовъ и сбивчивое ихъ употребленіе—сущая гибель. Замѣтьте, далѣе, съ какою рабскою точностью это опредѣленіе сужденія держится буквы предложенія въ словахъ *приписывать* и *отнимать!* Оно скользитъ, такъ сказать, по наружной плоскости предложенія безъ всякой попытки понять въ немъ чистую форму сужденія, отдѣливъ ее отъ второстепеннаго содержанія. Отмѣченныя слова, очевидно, указываютъ на присутствіе или отсутствіе отрицанія въ предложеніи: но развѣ этимъ опредѣляется сущность сужденія? Отрицаніе можетъ быть или не быть и въ разныхъ другихъ соединеніяхъ понятій и словъ: ужели-же они дѣлаются отъ того сужденіями? Опредѣленіемъ г. Греча сужденіе, дѣйствительно, не отличается отъ другихъ соединеній понятій. Нельзя

не согласиться, что и въ словахъ: *ученый человѣкъ*, *неученый человѣкъ*, *послушный сынъ*, *непослушный сынъ*, качества дѣйствительно приписываются и отнимаются — но, конечно, иначе, нежели въ сужденіяхъ: вотъ эту-то разницу и слѣдовало уловить и выразить въ опредѣленіи сужденія; а она состоитъ, очевидно, не въ положеніи и отрицаніи. Присутствіе или отсутствіе отрицанія въ предложеніи точно также ничего не даетъ для опредѣленія сущности *сужденія вообще* и точно также не заслуживаетъ при этомъ вниманія, какъ всѣ другія слова, служащія опредѣленіемъ главнаго понятія въ сказуемомъ. И наоборотъ, принимая въ соображеніе отрицаніе или его отсутствіе, нельзя отказать въ этомъ и всѣмъ другимъ опредѣленіямъ сказуемаго. Частица *не* при глаголѣ *есть* или *говорить* есть такая-же второстепенная часть предложенія, какъ всѣ другія нарѣчія, напр. *нынѣ* есть, *охотно* говоритъ. Вопреки опредѣленію г. Греча, сказуемое всегда только *приписывается* подлежащему, и *отнять* первое у послѣдняго значило-бы уничтожить сужденіе, т. е. перестать мыслить. При отрицаніи, у подлежащаго не отнимается сказуемое, а приписывается ему отрицаніе какого-либо понятія, потому-что и отрицаніе есть своего рода положительное опредѣленіе.

По правдѣ-же сказать, это приписываніе и отнятіе, и предметъ съ своими качествами и принадлежностями, хотя сами по себѣ понятія дѣльныя и ясныя, но, при неумѣстномъ употребленіи въ настоящемъ случаѣ, показываютъ только несостоятельность такъ-называемаго здраваго смысла, когда онъ касается непривычной для него сферы чистаго мышленія. Мыслители этого разряда, повидимому, не въ-силахъ стать выше обыденной манеры употребленія разсудка и языка, въ которой формы мышленія слиты съ вещественнымъ содержаніемъ: они и не заботятся отдѣлить одно отъ другаго, а обыкновенно ставятъ себѣ въ заслугу, когда въ логическихъ опредѣленіяхъ сохраняютъ наглядныя формы представленія, напоминающія реальное содержаніе, тогда-какъ эта неумѣстная наглядность [illegible]

и есть источникъ темноты, сбивчивости и заблужденій. Въ настоящемъ случаѣ требовалось опредѣлить общую форму сужденія изъ конкретнаго содержанія предложенія. Что-же? Г. Гречъ находитъ возможность опредѣлить сужденіе не иначе, какъ его содержаніемъ: онъ говоритъ; «Разсуждать о *предметѣ*», тогда какъ этого послѣдняго именно и не должно-бы быть въ названіи опредѣляемаго, потому-что требовалось опредѣлить само сужденіе, а не предметъ его. И посмотрите, къ какимъ послѣдствіямъ повела эта невѣрность точки выхода: вслѣдъ за *предметомъ* потянулись его *качества* и *принадлежности*, а потомъ ихъ *приписываніе* и *отниманіе*, тогда-какъ всѣ эти реальныя воззрѣнія, соотвѣтственно логическому, формальному понятію *сужденія*, слѣдовало-бы возвести также въ субъективную форму — въ форму *понятія*, общую всѣмъ тѣмъ воззрѣніямъ. Для опредѣленія общей формы сужденія нѣтъ непремѣнной нужды знать, что составляетъ его содержаніе: *бытіе, качество*, или дѣйствіе и т. д.? Въ разсчетъ идетъ только то, что всѣ эти стихіи — понятія. При такой переработкѣ стихій предложенія, въ опредѣленіи сужденія уже не могли-бы явиться ни *приписываніе* и отниманіе, ни даже лучшее ихъ выраженіе — *утвержденіе* и отрицаніе: различіе этихъ [illegible]*ностей само* собою исчезло-бы въ общей имъ [illegible] *понятія*, въ какой только и могутъ онѣ входить въ [illegible] *сужденія* вообще (*). Самъ языкъ подалъ-бы [illegible] помощи: онъ очевидно не допускаетъ выраженій [illegible] одно понятіе другому», «отрицать», или еще «[illegible] понятіе у другаго», и опредѣленіе сужденія [illegible] въ слѣдующемъ видѣ: «судить значитъ [illegible] полную мысль».

Ниже мы увидимъ [illegible] неисправностей въ опредѣленіи г. Греча [illegible] но даже нарочно

(*) Утвержденіе и [illegible] сказуемаго, идутъ въ соображеніе только [illegible]скаго ученія о сужденіи. — [illegible] а не для опредѣленія

пригнана въ пользу готовой теоріи предложенія: это видно и здѣсь, въ самомъ выводѣ членовъ предложенія изъ опредѣленія сужденія. Только имѣя въ виду готовую теорію трехчленнаго состава, можно было принять за основаніе вывода предложенія съ глаголомъ *быть*, пропустивъ огромную массу предложеній другаго рода. Три слова, изъ которыхъ состоитъ предложеніе этого избраннаго рода, могли превратиться въ три самостоятельные члена, только благодаря рѣшительному желанію найти это число, во что-бы-то ни стало. Третьимъ членомъ [illegible], какъ мы видѣли, выставлено выраженіе «бытія принадлежности въ предметѣ». Но глаголъ *есть* при именахъ прилагательныхъ или существительныхъ означаетъ бытіе не принадлежности, а, на-оборотъ, бытіе самого предмета. Въ предложеніи «Петръ Великій былъ солдатомъ», дѣло идетъ, конечно, о бытіи Петра въ солдатахъ, а не солдата въ Петрѣ, какъ слѣдовало-бы заключить по опредѣленію третьяго члена у г. Греча. Не такъ странно выходитъ примѣненіе этого опредѣленія къ предложеніямъ отвлеченнаго содержанія; но все-же «бытіе принадлежности въ предметѣ» есть выводъ, заключеніе, сдѣланное изъ смысла предложенія, а не прямое и точное его выраженіе. Опредѣливъ значеніе глагола *быть* въ предложеніи съ надлежащею точностью, нельзя-бы было сказать, что понятіемъ бытія только приписывается предмету качество или принадлежность, т. е. сказуемое, и что само оно, слѣдовательно, есть не сказуемое, а связка. Напротивъ: принимая глаголъ *есть* за выраженіе бытія предмета, слѣдовало-бы заключить, что имъ приписывается предмету самое бытіе, а не качество или принадлежность — одно, чистое бытіе, когда глаголъ *быть* стоитъ одинъ при подлежащемъ, и бытіе, опредѣленное какимъ-либо качествомъ, обстоятельствомъ, когда онъ сопровождается именами. Такимъ образомъ глаголъ *быть* явился-бы сказуемымъ, и третій членъ г. Греча слился-бы, по своему логическому значенію, со вторымъ, въ которомъ онъ составляетъ главную, существенную часть. Но гдѣ-же была-бы связка? Для нея нѣтъ и не

могло быть мѣста въ опредѣленіи, которымъ сужденіе, какъ мы видѣли, не отличается отъ другихъ родовъ соединенія мыслей: потому-что это отличіе и сущность сужденія состоитъ именно въ особомъ способѣ соединенія понятій, о чемъ нѣтъ и намека въ опредѣленіи г. Греча. Потому понятіе о связкѣ и о ея необходимости не могло быть выведено изъ этого опредѣленія: она является у г. Греча, какъ deus ex machina, и навязывается мнимому третьему члену предложенія потому только, что надобноже было какъ-нибудь привязать ее къ предложенію, за неимѣніемъ лучшаго объ ней понятія.

Теперь, когда уже давно открыто и установлено г. Востоковымъ правильное воззрѣніе, дѣло стало такъ просто и ясно, что, повидимому, вовсе не должно-бы быть разногласія и недоразумѣнія. Между тѣмъ теорія г. Греча, какъ я сказалъ, повторяется имъ въ своихъ учебникахъ до послѣдняго года. Пересмотрѣвъ нѣсколько другихъ новѣйшихъ грамматикъ, я также убѣдился, что намъ не обойтись безъ обстоятельныхъ и рѣшительныхъ объясненій. Видно, что глаголъ *быть*, по своему отвлеченному значенію, многимъ еще кажется способнымъ служить только связкой, а не сказуемымъ, какъ прямо говорится у Востокова. Какъ объяснить это?.... Есть люди, для которыхъ отвлеченность равна отсутствію всякаго содержанія, совершенной пустотѣ, гдѣ мышленію не на чемъ остановиться. Сказать *быть* для такихъ людей значитъ *ничего* не сказать, и напрасно было-бы объяснять имъ, что понятіе бытія имѣетъ такое-же опредѣленное содержаніе, какъ значеніе глагола *ѣсть*. Понятіе бытія доступно для ихъ представленія только въ реальныхъ своихъ опредѣленіяхъ: *быть чѣмъ-нибудь;* но тогда оно совершенно исчезаетъ для нихъ въ своихъ опредѣленіяхъ. Такую степень умственнаго развитія напоминаетъ *понятіе* (*) о

(*) Но я вовсе не думаю приписывать такую неспособность къ отвлеченному мышленію *лицамъ*, которыя держатся этого понятія: напротивъ, я готовъ вѣрить, что каждый изъ такихъ грамматиковъ могъ-бы, еслибъ *захотѣлъ*, не только уяснить свои понятія о связкѣ, но и положить конецъ всѣмъ

связкѣ посредствомъ глагола *быть*. Г. Гречъ, принимая и развивая это понятіе, знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что глаголы *быть* и *стать* имѣютъ свое собственное значеніе, именно: «выражаютъ бытіе»: слѣдовательно они приписываютъ подлежащему свое собственное содержаніе, кромѣ значенія прибавочныхъ словъ? Слѣдовательно сами составляютъ сказуемое? Нѣтъ: наперекоръ этому, казалось-бы, необходимому заключенію, они остаются у него связкой. Почему-же? Отъ чего другіе глаголы въ подобномъ случаѣ не считаются прямо за связку, хотя посредствомъ ихъ также относятся къ подлежащему понятія управляемыхъ ими словъ? Очевидно, отъ того, что въ сравненіи съ ними, значеніе глаголовъ *быть* и *стать* слишкомъ тонко, почти пусто, такъ-что кажется скорѣе какимъ-то призракомъ глагольнаго понятія, чѣмъ дѣйствительнымъ содержаніемъ.

Замѣчательно, что здѣсь, въ ученіи о предложеніи, г. Гречъ уменьшаетъ или какъ-бы забываетъ вѣсъ самостоятельнаго значенія глаголовъ *быть* и *стать;* а тамъ, гдѣ слѣдовало взять во вниманіе только ихъ форму, устранивъ значеніе по содержанію, тамъ онъ ставитъ на видъ именно это значеніе: ясный признакъ, что въ томъ и другомъ случаѣ передаются лишь готовыя понятія, мало переработанныя самостоятельнымъ мышленіемъ. Нѣчто подобное встрѣчается и въ его теоріи такъ-называемыхъ самостоятельныхъ и совокупныхъ глаголовъ, которой намъ нельзя миновать, потому-что она изобрѣтена для оправданія теоріи предложенія.

Глаголъ *быть* въ этимологическомъ ученіи объ этой части рѣчи играетъ у г. Греча необыкновенно важную роль. Это —

разногласіямъ и недоразумѣніямъ касательно этого простаго вопроса, — что, конечно, вскорѣ и будетъ. Но какъ внутреннія причины, по которымъ въ нихъ доселѣ не явилось подобнаго желанія, неизвѣстны и во всякомъ случаѣ едва-ли могутъ подлежать литературному разбору, то я принужденъ (и считаю себя въ-правѣ) оцѣнивать разсматриваемое понятіе о связкѣ по его внутреннему достоинству безусловно, какъ будто-бы оно было послѣднимъ результатомъ, какого тотъ или другой грамматикъ могъ, по степени своего умственнаго образованія, достигнуть самыми настойчивыми и отчетливыми изслѣдованіями.

«первоначальный, самый необходимый глаголъ въ языкѣ». Онъ, и близнецъ его, глаголъ *стать*, произошли самостоятельно, а чрезъ совокупленіе съ «качествомъ дѣйствующимъ» (и съ простымъ качествомъ) произвели всѣ другіе глаголы. Отъ того послѣдніе называются *совокупными*, а первые — *самостоятельными*. (П. Р. Г. § 145. 146). Впрочемъ, первымъ поводомъ къ послѣднему названію могло послужить старинное названіе глагола *быть* «существительнымъ», и самъ г. Гречъ, въ позднѣйшихъ учебникахъ, отказался отъ своего изобрѣтенія и снова ввелъ его первообразъ: глаголъ *существительный* (см. напр. «Руководство» и пр. 1850 стр. 12, 114, 172). Спрашивается: въ какой мѣрѣ умѣстно и нужно это названіе и соединенное съ нимъ воззрѣніе на предметъ?... По моему мнѣнію, этотъ терминъ принадлежитъ къ числу изобрѣтеній схоластики, которыми она безъ нужды обременяла грамматику. Допустивъ это опредѣленіе глагола *быть* и распространяя методу этого опредѣленія на другіе глаголы, слѣдовало-бы говорить о глаголахъ *стоятельныхъ*, *лежательныхъ*, *сидѣтельныхъ*, и т. д. Эта метода съ-родни грамматическимъ понятіямъ Фонъ-Визинскаго «Недоросля» о двери. Глаголы въ этимологіи разсматриваются не по значенію, выражаемому корнемъ, а по формамъ образованія, и г. Гречъ, раздѣляя глаголы на дѣйствительные, страдательные, и т. д., напрасно думаетъ, что они такъ дѣлятся именно по *своему значенію* (П. Р. Г. § 147): это выраженіе не совсѣмъ точно. Глаголы бываютъ дѣйствительными или страдательными не по значенію вообще, а по формальнымъ оттѣнкамъ одного и того-же значенія, по роду дѣйствія, выражаемому той или другой ихъ формой. Въ названіи глагола *быть* существительнымъ берется, напротивъ того, прямо и исключительно — значеніе корня: совсѣмъ наперекоръ задачѣ этимологіи. Вмѣсто того, держась строгой терминологіи, слѣдовало-бы сказать: глаголъ *быть*, какъ глаголъ, означаетъ дѣйствіе, — дѣйствіе бытія или бытіе въ дѣйствіи, въ движеніи. (Не затрудняйтесь наружнымъ противорѣчіемъ: его нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Противорѣчащія

понятія здѣсь не приходятъ въ столкновеніе, потому-что одно изъ нихъ выражается корнемъ слова, а другое формой, и значеніе корня нисколько не мѣшаетъ ему переходить по формѣ въ другія категоріи, напр. въ категорію качества: *сущій*, *былой*, *бывалый*). Особенной самостоятельности въ его происхожденіи также не видно: какъ всѣ другіе глаголы первообразнаго производства, онъ образуется чрезъ прибавленіе къ корню глагольныхъ окончаній: ни одной черты необычайнаго. А глаголъ *стать*, означая и по корню и по глагольной формѣ дѣйствіе, получилъ свое отвлеченное значеніе только съ теченіемъ времени, чрезъ утонченіе совершенно конкретнаго значенія.

Такимъ образомъ правильное этимологическое воззрѣніе ведетъ къ понятіямъ, совершенно отличнымъ отъ теоріи «самостоятельныхъ» глаголовъ; но какова-бы ни была эта теорія, послѣ нея, повидимому, нельзя-бы было ожидать ученія о связкѣ посредствомъ самостоятельныхъ глаголовъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что глаголъ преимущественно предъ другими частями рѣчи способенъ быть сказуемымъ; а по теоріи г. Греча, всѣ совокупные глаголы потому только и глаголы, что содержатъ въ своемъ составѣ тотъ или другой самостоятельный глаголъ, такъ-что настоящихъ, коренныхъ глаголовъ только и есть, что *быть* да *стать*: какимъ-же образомъ эти два глагола могутъ быть лишены способности служить сказуемымъ и остаются только при значеніи связки? Это затрудненіе, на самомъ дѣлѣ неразрѣшимое, предоставляется рѣшить теоріи «совокупныхъ» глаголовъ: какъ оно рѣшается, увидимъ ниже; а здѣсь я замѣчу, что, и по мнѣнію г. Греча, глаголъ *быть* означаетъ иногда не связку, напр. есть деньги (П. Р. Г. стр. 239 § 294. № 4); но это допускается имъ, какъ особенный случай, въ которомъ глаголъ *быть* употребляется въ смыслѣ совокупнаго глагола (*быть сущу!*) и имѣетъ значеніе «существованія», — значеніе, стало быть, отличное отъ того, въ какомъ онъ употребляется при существительномъ или прилагательномъ. Чистый догма-

тизмъ, явно опровергаемый самымъ дѣломъ. Еслибы глаголъ *быть* тогда употреблялся въ смыслѣ *существованія*, то этотъ послѣдній и долженъ-бы былъ являться при естественномъ способѣ выраженія; а между тѣмъ въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ обыкновенно *быть*, а отнюдь не *существовать: есть* Богъ, *есть* промыслъ, *есть* правосудіе, *было* время; *есть, будетъ* мѣсто, просторъ; *есть* люди, *есть* мнѣнія, *есть* все, что вамъ угодно: всюду *есть* говоримъ мы, а не *существуетъ*. На-оборотъ, и глаголъ *существовать*, при строгомъ употребленіи въ собственномъ значеніи, никогда не можетъ быть вполнѣ замѣненъ глаголомъ *быть*. Такимъ образомъ двоякое значеніе этого послѣдняго предполагается совершенно произвольно: онъ всегда употребляется въ одномъ и томъ-же смыслѣ, одинъ-ли составляетъ сказуемое или вмѣстѣ съ дополненіемъ. Разница въ томъ только, что за отсутствіемъ дополненія на него падаетъ вся сила вниманія и ударенія (онъ *ѐсть*, онъ *бы̀лъ*): въ противномъ-же случаѣ удареніе переходитъ на дополненіе (онъ былъ *велѝкъ*). Но отсутствіе вниманія не есть отсутствіе значенія: пропуская предметъ между глазъ, смѣшно увѣрять, что его вовсе нѣтъ. Какъ мало значитъ здѣсь вѣсъ, придаваемый вниманіемъ, видно изъ того, что удареніе можетъ быть на каждой части предложеній, не исключая второстепенныхъ: смотря по значенію того или другаго слова въ цѣломъ ряду предложеній, одинъ разъ мы говоримъ: онъ былъ *ма̀лъ* — съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ; въ другой разъ — онъ *бы̀лъ* малъ; въ третій — *онъ* былъ малъ. Точно также: онъ говоритъ *пра̀вду;* онъ *говорѝтъ* правду; онъ *всегда̀* говоритъ правду. Ни значеніе словъ, взятыхъ отдѣльно, ни значеніе ихъ въ составѣ предложенія не измѣняется переходомъ ударенія.

Попытка дать иное значеніе глаголу *быть*, когда онъ одинъ составляетъ сказуемое, и пріурочить связкѣ лишь самое отвлеченное значеніе этого глагола обнаруживаетъ какое-то предчувствіе того, что связка не должна быть частью однородною съ подлежащимъ и сказуемымъ, и ея значеніе не должно со-

ставлять, какъ тѣ двѣ части, содержаніе мышленія; но это предчувствіе не было поддержано ни настойчивымъ мышленіемъ, ни строгостью грамматическаго анализа, столько нужно было того и другаго противъ авторитета тысячелѣтняго ученія, — и вотъ, вопреки этому предчувствію, связкой въ теоріи Греча остается глаголъ *быть*, и остается именно по причинѣ своего значенія, какъ «выраженіе *бытія* принадлежности въ предметѣ». Отъ чего-же этому понятію предоставляется такое исключительное значеніе въ предложеніи? Чѣмъ оно отстало отъ другихъ, столь-же отвлеченыхъ и общихъ понятій, каковы: дѣйствіе, качество, состояніе и т. д., у которыхъ никто не отрицаетъ способности быть стихіею мышленія, подлежащимъ и сказуемымъ сужденія? Развѣ понятіе бытія не можетъ быть предметомъ мышленія, подлежащимъ? Въ этомъ всѣ согласны: такъ отъ чего-же не быть ему сказуемымъ, «принадлежностью предмета»? Но и этого никто не оспариваетъ: напротивъ, оно составляетъ первую принадлежность всякаго, и мыслимаго и дѣйствительнаго, предмета. Всѣ знаютъ это, и между тѣмъ нисколько не затрудняются объявить глаголъ *быть* за связку. Но если этому глаголу, по его коренному значенію, по самому понятію бытія, суждено быть связкой, отъ чего-же онъ не во всѣхъ своихъ формахъ бываетъ ею, какъ слѣдовало-бы ожидать, а только въ нѣкоторыхъ? Развѣ грамматическими формами измѣняется значеніе корня? И если для того, чтобы быть ему связкой, нужны еще, кромѣ значенія, тѣ или другія грамматическія формы, то не въ нихъ-ли лучше искать настоящей связки, вмѣсто того, чтобы безъ причины предполагать ее въ значеніи корня? И вотъ мы попали на слѣдъ истиннаго понятія о связкѣ; но въ ученіи г. Греча нѣтъ ничего, что могло-бы наводить на эти слѣды: онъ догматически твердитъ въ своихъ учебникахъ о связкѣ въ глаголахъ существительныхъ.

Что касается глагола *стать*, то принимать его за связку значитъ вдаваться въ крайность, которая едва-ли заслуживаетъ критики. Если въ предложеніи: «ученикъ сталъ прилеженъ»,

сталъ есть связка, то ничто не мѣшаетъ признать за связку и глаголъ *сдѣлаться*, а за тѣмъ и всѣ другіе глаголы.

Разсматриваемое понятіе о связкѣ непосредственно прилагается только къ предложеніямъ съ глаголомъ *быть;* а чтобы сдѣлать ее приложимою къ другимъ предложеніямъ, нужно было изобрѣсть теорію «совокупныхъ» глаголовъ, или искусство разлагать ихъ на мнимыя составныя части, именно на вспомогательный глаголъ съ причастіемъ. Эта механика, какъ всѣмъ извѣстно, не была новостью; но г. Гречъ далъ ей систематически выдержанное развитіе. Ученіе объ этой механикѣ начинается съ первыхъ страницъ его грамматики (П. Р. Г. § 49), какъ будто понятіе о совокупномъ глаголѣ само собою возникаетъ изъ грамматическаго и логическаго разбора словъ для опредѣленія частей рѣчи, безъ всякаго вліянія какой-нибудь задней мысли. Нѣтъ; «совокупный» глаголъ нуженъ былъ г. Гречу только для теоріи предложенія, лежавшей у него на душѣ, и въ пользу этой теоріи онъ пожертвовалъ естественнымъ чувствомъ языка, рѣшившся навязывать Русской рѣчи обороты, ей несвойственные (какъ сейчасъ увидимъ). Съ этой-же цѣлью, при опредѣленіи сужденія, содержаніе сказуемаго ограничено, какъ мы видѣли, понятіемъ качества или принадлежности: такъ можно было понять сужденіе только по теоріи совокупныхъ глаголовъ.

Теорія эта выражена слѣдующимъ образомъ (П. Р. Г. § 146).

> «Глаголъ самостоятельный, совокупляясь съ причастіемъ или именемъ прилагательнымъ, выражающимъ качество дѣйствующее, производитъ глаголы совокупные, коими собственно выражается дѣйствіе предмета, напр. *громъ есть гремящъ*, *громъ гремитъ; птица есть летающа*, *птица летаетъ; дерево есть цвѣтуще*, *дерево цвѣтетъ; бумага стала желта*, *бумага пожелтѣла*».

Послѣдній примѣръ, какъ видите, не подходитъ подъ правило, потому-что содержитъ въ себѣ чистое прилагательное, а

не отглагольное или причастіе, какъ говорится въ текстѣ. Но оставляя въ сторонѣ этотъ недосмотръ, я спрашиваю: точно-ли *сталъ желтъ* совершенно то-же, что *пожелтѣлъ*, такъ-что послѣднее можно-бъ было считать совершенно равносильнымъ выраженіемъ одного и того-же представленія? Если внимательно будемъ разсматривать подобныя выраженія даже отдѣльно, то и въ нихъ легко замѣтимъ разницу между глаголомъ и его переложеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ Русскихъ скажетъ: *я становлюсь старъ*, *онъ сталъ старъ*, гдѣ слѣдуетъ сказать: *я старѣю*, *онъ постарѣлъ?* И кто не чувствуетъ, что перваго рода фразы имѣютъ свой оттѣнокъ смысла и свое употребленіе, какъ и послѣднія? Но попробуйте отыскать подобные глаголы въ текстѣ литературныхъ произведеній и замѣнить ихъ прилагательными съ глаголомъ *стать:* вы увидите, что отъ этой замѣны изложеніе пострадаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ строже авторъ употребляетъ слова и формы въ собственномъ ихъ значеніи. Предоставляю сдѣлать опытъ подобной замѣны «Практической Русской Грамматикѣ»: она должна-бы была не только сдѣлать это, но вмѣстѣ истолковать самое происхожденіе и свойство разницы между тѣмъ и другимъ способомъ выраженія. Окончаніе, посредствомъ котораго изъ прилагательныхъ образуются глаголы, дѣйствительно имѣетъ въ себѣ значеніе *стать;* но изъ соединенія этого значенія съ качествомъ происходитъ, по свойству всякаго флексивнаго образованія, не два понятія, а одно: качество и дѣйствіе въ немъ представляются не отдѣльными и самостоятельными понятіями, но одно служитъ формой другаго. Качество, не теряя своего значенія, становится вмѣстѣ дѣйствіемъ, и глаголъ означаетъ качество въ дѣйствіи. А въ выраженіи посредствомъ прилагательнаго съ глаголомъ *стать*, напротивъ, дѣйствіе остается отдѣльнымъ отъ качества и послѣднее отличается какою-то неподвижностью, свойственною именамъ. Такимъ образомъ разложеніе не передаетъ именно того, что составляетъ сущность значенія этимологической формы, и грамматикамъ не передѣлать того, что

положено въ самой этимологіи словъ и утверждено употребленіемъ.

Если здѣсь «Практическая» Русская грамматика обнаружила въ себѣ отсутствіе практическаго такта, то въ переложеніи другихъ «совокупныхъ» глаголовъ она поступаетъ совершенно наперекоръ естественному чувству языка. Принимая въ помощь искусственный, небывалый оборотъ, она навязываетъ предполагаемое въ немъ значеніе совокупнымъ глаголамъ. Оборотамъ, не существующимъ въ живомъ употребленіи, легко приписывать то или другое значеніе по произволу; но замѣтьте, что также легко и отвергать такія значенія. Ни та ни другая сторона не имѣетъ въ свою пользу главнаго авторитета—живаго употребленія, и дѣло останется не рѣшеннымъ, если не призовемъ на помощь иностранные языки, въ которыхъ такіе обороты общеупотребительны. Англичане говорятъ: I am writing, he is sleeping: кто-же возьмется увѣрять, что эти обороты однозначащи и совершенно безразлично употребляются съ словами: I write, he sleeps? Разница между тѣмъ и другимъ выраженіемъ для насъ дѣлается ощутительною посредствомъ существующаго въ Петербургскомъ нарѣчіи оборота: *онъ ужъ вставши, онъ былъ вставши, ушедши*. Нужно-ли доказывать, что эти обороты не совсѣмъ то-же, что *всталъ* и *ушелъ*, и что этими послѣдними не могутъ быть вполнѣ замѣнены первые? А въ Англійскомъ языкѣ, гдѣ значеніе разсматриваемыхъ двухъ оборотовъ развито и утверждено литературнымъ и устнымъ употребленіемъ, поставить одинъ вмѣсто другаго было-бы ошибкой. Такимъ образомъ, произвольное предположеніе не выдерживаетъ первой попытки повѣрить его фактами (*).

(*) Не знаю, жалѣть-ли о томъ, что автору теоріи совокупныхъ глаголовъ осталось неизвѣстнымъ новѣйшее сравнительное языкознаніе; а въ немъ онъ нашелъ-бы сильное подкрѣпленіе своей теоріи, которое, можетъ быть, надолго поддержало-бы вѣсъ ея въ нашей грамматикѣ. Теперь приводится упомянуть о возможности этой поддержки лишь для того, чтобы навсегда отнять ее. Дѣло въ томъ, что въ спряженіи Индо-Европейскихъ глаголовъ употребляются суффиксы, образовавшіеся изъ того или другаго корня существи-

И что достигается этимъ предположеніемъ? Дѣло идетъ, повидимому, о происхожденіи и образованіи словъ, «выражающихъ дѣйствіе», т. е. глаголовъ. А между тѣмъ такія выраженія предполагаются уже существующими одною изъ стихій ихъ мнимаго состава: совокупный глаголъ, какъ вы видѣли, есть совокупленіе качества *дѣйствующаго* съ самостоятельнымъ глаголомъ. Качество дѣйствующее или причастіе, очевидно, не можетъ служить къ образованію глаголовъ, потому-что содержитъ въ себѣ уже готовое выраженіе дѣйствія, отъ котораго само оно происходитъ, и только эта отглагольная форма даетъ возможность, хотя съ неестественною натяжкой, употребить для выраженія глаголъ *быть*. Исключите-же изъ теоріи совокупныхъ глаголовъ во-первыхъ понятіе качества, потому-что оно принадлежитъ только дальнѣйшей отглагольной формѣ (причастію), и во-вторыхъ самостоятельный глаголъ, потому что онъ можетъ сопровождать только эту отглагольную форму: что тогда останется? Одно понятіе дѣйствія! Это, конечно, очень близко къ истинѣ; но за то ужь не изъ чего составить теорію совокупныхъ глаголовъ.

При несостоятельности этой теоріи, понятіе г. Греча о связ-

тельнаго глагола, что и сохранилось во многихъ языкахъ этого племени. Въ Латинскомъ напр. окончанія *ba-m* и *vi* происходятъ отъ корня, тожественнаго съ нашимъ бы-ть. Но замѣтимъ, во-1-хъ, что суффиксъ этотъ ни въ одномъ Индо-Европейскомъ языкѣ не встрѣчается въ настоящемъ времени— признакъ того, что онъ употребляется только для образованія временъ, а не глагольной формы вообще. Во-2-хъ, корень, значительный самъ по себѣ, непремѣнно теряетъ свое самостоятельное значеніе, какъ скоро дѣлается словопроизводнымъ суффиксомъ, и потому окончанія временъ, образовавшіяся изъ глагола *быть*, все-таки нельзя сравнивать по значенію съ самымъ этимъ глаголомъ. Сложныя формы временъ, состоящія изъ причастія со вспомогательнымъ глаголомъ, не были равносильною замѣною простыхъ, образуемыхъ суффиксами, происшедшими отъ корня того-же вспомогательнаго глагола, но тѣ и другія имѣли свое особенное значеніе, что̀ и доказывается своеобразнымъ употребленіемъ тѣхъ и другихъ въ одно время, напр. въ старо-Славянскомъ — рѣче и реклъ есть. Причастіе, употребляемое вмѣсто прошедшаго въ нынѣшнемъ Русскомъ, напр. сказалъ, свидѣтельствуетъ не о тожествѣ тѣхъ и другихъ въ древнія времена, а о томъ, что древнее различіе между ними для нашего чувства давно не существуетъ.

кѣ дѣлается рѣшительно неприложимымъ къ предложеніямъ съ такъ-называемыми совокупными, т. е., дѣйствительными и средними глаголами въ сказуемомъ, и намъ нѣтъ болѣе надобности ни опровергать это ученіе, ни отыскивать чрезъ его разборъ правильное воззрѣніе. Обратимся къ ученію г. Востокова.

Прежде всего посмотримъ, въ какомъ видѣ являются въ грамматикѣ г. Востокова (по шестому изданію, СПб. 1844) тѣ стихіи предложенія, которыя въ теоріи г. Греча подвергались натянутымъ толкованіямъ. У г. Востокова нѣтъ ничего похожаго на «совокупные» глаголы. Есть, правда, глаголы «составные»: *буду читать, былъ посланъ;* но нѣтъ никакого покушенія ввести глаголы *быть* и *стать* въ этимологическую форму дѣйствительныхъ и среднихъ глаголовъ. *Быть* и *стать*, по употребленію въ подобныхъ случаяхъ, называются вспомогательными, но нигдѣ не называются ни самостоятельными, ни существительными: эти названія справедливо исключены, какъ неумѣстныя въ грамматикѣ, которыя безъ пользы обременяютъ учебную книгу лишними терминами и опредѣленіями. Вспомогательные глаголы употребляются, по Востокову, для «присвоенія» предмету какого-либо званія, качества и т. д.; но считать это присвоеніе за связку не подано достаточнаго повода. Напротивъ, въ одномъ мѣстѣ можно подозрѣвать даже намѣреніе отстранить подобное мнѣніе. Именно: глаголъ *быть* упоминается въ числѣ среднихъ, но не самъ по себѣ, а въ совокупности съ прилагательнымъ: *быть весelу, быть здорову*. При этомъ глаголомъ считается, конечно, только глаголъ *быть*, а не прилагательное, какъ это прямо говорится въ другихъ мѣстахъ (напр. § 130 д.); но кто пойметъ эти два слова за одно, совокупное и какъ-бы недѣлимое выраженіе, тотъ уже не можетъ принять за сказуемое только прилагательное, отдѣляя глаголъ *быть* для связки.

А въ синтаксисѣ нашъ грамматикъ прямо говоритъ, что предложеніе состоитъ только изъ *двухъ* частей: подлежащаго и сказуемаго, а глаголъ *быть*, какъ глаголъ, прямо признается

сказуемымъ. Вотъ параграфъ (104), излагающій это ученіе съ классическою опредѣленностью:

«Предложеніе съ глаголомъ личнымъ состоитъ изъ *двухъ* частей, называемыхъ подлежащимъ и сказуемымъ».

«Подлежащее есть имя предмета, о которомъ говорится. Сказуемое есть *глаголъ*, или все то, что о предметѣ говорится; напр. *Солнце сіяетъ. Науки полезны. Праздность есть порокъ.* Въ сихъ трехъ предложеніяхъ подлежащія суть *солнце, науки, праздность;* сказуемыя *сіяетъ, полезны, есть порокъ*».

Въ частности о сказуемомъ говорится (§ 105):

«Въ сказуемомъ полагается глаголъ одинакій или составной. Послѣдній можетъ состоять изъ глагола вспомогательнаго, приложеннаго къ имени существительному или прилагательному спрягаемому; напр. въ предложеніи личномъ: праздность *есть* порокъ. Ученикъ *былъ* прилѣженъ. Учитель *будетъ* доволенъ. Въ предложеніи безличномъ: Пора *было* вставать. Надобно *будетъ* работать».

А связка? Ея нѣтъ у г. Востокова, даже по имени.

Эта оригинальность ставила другихъ грамматиковъ въ немалое затрудненіе, хотя оно не высказывалось прямо. Это мы увидимъ ниже; а теперь посмотримъ, куда дѣвалась связка? Замѣнена-ли она чѣмъ-нибудь у г. Востокова, или брошена безъ замѣны?

Было время, когда и въ Востоковской грамматикѣ существовало не только ученіе о связкѣ, но и глаголъ *быть* красовался въ ея значеніи. Какимъ-же образомъ онъ потерялъ это званіе?

Въ первомъ изданіи грамматики г. Востокова (СПб. 1831), вслѣдъ за понятіями о подлежащемъ и сказуемомъ, говорится (§ 109):

«1. Между подлежащимъ и сказуемымъ должна быть *связка*».

«2. Когда сказуемое состоитъ изъ одинаковаго глагола, тогда связано съ подлежащимъ посредствомъ окончанія своего, показывающаго лицо, число и *время*»!

Вотъ первое выраженіе правильнаго воззрѣнія, которымъ вскорѣ должно было упраздниться старое ученіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, оно какъ нельзя лучше объясняетъ грамматическій составъ предложенія и вполнѣ соотвѣтствуетъ логическому анализу мысли. Опредѣливъ сужденіе соединеніемъ понятій въ одну полную мысль, я не хочу увѣрять, что этимъ опредѣленіемъ исчерпывается логическое значеніе сужденія; но думаю, что этого опредѣленія достаточно для объясненія состава предложенія. Принимая это послѣднее за выраженіе такого соединенія, слѣдуетъ спросить, чѣмъ-же именно обозначается въ рѣчи соединеніе понятій, свойственное сужденію? Прежде всего, отнюдь не отдѣльнымъ словомъ. Въ предложеніи: «человѣкъ мыслитъ» или «человѣкъ говоритъ», мы имѣемъ только два понятія: третьяго, для роли связки, нѣтъ и быть не можетъ. Логическую связь составляетъ не отдѣльное и самостоятельное понятіе, которое въ то-же время служило-бы, наравнѣ съ понятіями подлежащаго и сказуемаго, какъ-бы вещественнымъ содержаніемъ сужденія; ее составляетъ только взаимное отношеніе тѣхъ двухъ понятій, и мыслящій умъ ставитъ два понятія во взаимное отношеніе тѣмъ, что понимаетъ это отношеніе между ними. Слѣдовательно связь между подлежащимъ и сказуемымъ есть *пониманіе* отношенія между ними, т. е. дѣйствіе ума, форма (особенный видъ или способъ) его дѣятельности въ сужденіи. Потому и въ предложеніи, какъ точномъ выраженіи сужденія, связь должна выразиться не присовокупленіемъ третьяго, однороднаго съ подлежащимъ и сказуемымъ, слова, а чѣмъ-нибудь въ самомъ подлежащемъ и въ самомъ сказуемомъ, въ ихъ формѣ (*). Поверхностно, механически понимаетъ

(*) Весьма мѣтко и значительно сказалъ въ своей логикѣ (стр. 129 прим. 68) профессоръ Карповъ: «При переходѣ сужденія на языкъ, когда, т. е., оно становится предложеніемъ, формы его, *собственно говоря*, нельзя выразить

связку тотъ, кто представляетъ ее чѣмъ-то въ родѣ цемента между кирпичами; нѣтъ: если пользоваться этимъ сравненіемъ, то связку надобно уподобить формѣ камней, обточенныхъ такъ, что они укладываются въ одно крѣпкое и стройное цѣлое, безъ всякой вещественной смазки. А такими формами словъ, ничего не прибавляющими къ вещественному ихъ значенію, выражаемому корнемъ, служатъ, какъ извѣстно, грамматическія окончанія.

Это понятіе о связи естественно прилагается и къ предложеніямъ съ глаголомъ *есть*. Въ нихъ съ понятіемъ подлежащаго соединяется или одно понятіе бытія, или вмѣстѣ съ другими понятіями. Что такое эти понятія сказуемаго въ отношеніи къ подлежащему? По объясненію г. Карпова, это собственные признаки подлежащаго, матеріальные или формальные, слитно содержащіеся въ его понятіи, но въ сужденіи выводимые изъ этого замкнутаго круга и полагаемые внѣ его, въ сказуемомъ. Заключается-ли понятіе бытія, выражаемое глаголомъ *есть*, въ подлежащемъ? Непремѣнно, если подлежащимъ служитъ имя, потому-что въ формѣ имени всякое понятіе представляется въ видѣ бытія, даже существа. Когда-же подлежащимъ бываетъ глаголъ (въ неопредѣленномъ наклоненіи), т. е. дѣйствіе, тогда глаголъ *быть* не имѣетъ мѣста въ сказуемомъ, потому-что понятія бытія нѣтъ въ формѣ подлежащаго: вотъ ясное доказательство, что глаголъ *есть* въ предложеніи является, какъ отдѣлившійся признакъ подлежащаго и слѣдовательно составляетъ сказуемое, а не связку или выраженіе отношенія. Если-же г. Карповъ назвалъ глаголъ *есть* знакомъ «положенія отношенія», то изъ его-же словъ слѣдуетъ, что онъ сказалъ это не «собственно», потому-что въ собственномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, «формы сужденія нельзя выразить отдѣльнымъ рѣченіемъ». Говоря точно, знакомъ положенія слу-

---

какимъ-либо *особымъ* рѣченіемъ». Но дальнѣйшія выраженія въ этомъ примѣчаніи требуютъ оговорки, которую мы и сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ, для предупрежденія какихъ-либо недоразумѣній.

житъ не самъ глаголъ *есть*, а только его окончаніе, потому-что тотъ-же глаголъ, получивъ иное, не свойственное сужденію окончаніе, напр. окончаніе причастія, перестаетъ быть знакомъ отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ. «Посему», скажемъ мы, подражая выраженіямъ достопочтеннаго мыслителя, «этотъ глаголъ» несправедливо «называется *связью* между подлежащимъ и сказуемымъ» (*).

Между тѣмъ у самого г. Востокова въ первомъ изданіи грамматики этотъ глаголъ принимается еще за связку. Вслѣдъ за приведенными выше, двумя пунктами параграфа, въ третьемъ говорится:

> «3. Когда сказуемое есть глаголъ составной, тогда связью служитъ вспомогательный глаголъ *есть*, *суть*, *былъ*, *будетъ* и пр.; напр. Праздность *есть* порокъ. Ученикъ *былъ* прилѣженъ. Учитель *будетъ* доволенъ».

Это значитъ, что открытіе г. Востокова было тогда еще вновѣ и не успѣло пока оказать всего своего дѣйствія на преобразованіе ученія о составѣ предложенія. Оно даже выражено на первый разъ не совсѣмъ точно. Отношеніе сказуемаго къ подлежащему обозначается только окончаніемъ лица и числа, но не времени, какъ сказано было у Востокова. Поставьте вмѣсто перваго лица первое или второе, или вмѣсто единственнаго множественное: слова потеряютъ связь и смыслъ предложенія. Но съ измѣненіемъ времени и наклоненія предложеніе остается въ цѣлости, лишь-бы правильны были окончанія лица и числа.

(*) Что касается двоякаго значенія, находимаго г. Карповымъ въ глаголѣ *быть*, то и здѣсь дѣло идетъ не «собственно» объ этомъ глаголѣ. «Имъ выражается», по словамъ его, «во-первыхъ, нахожденіе понятія въ объемѣ его признака, во-вторыхъ — нахожденіе признака въ объемѣ понятія»: слѣдовательно, прибавлю я, въ обоихъ случаяхъ — одно и то-же: нахожденіе или *бытіе*. Разница, очевидно, не въ самомъ значеніи слова, а въ отношеніи этого значенія къ другимъ понятіямъ, содержащимся въ сужденіи. Но отъ этой разницы, какъ-бы мы ни понимали ее, нисколько не зависитъ рѣшеніе вопроса о значеніи глагола *быть* въ составѣ предложенія.

Любопытно-бы узнать положительно, нѣтъ-ли между изданіями 1831 и 1844 года какого-либо средняго состоянія разсматриваемаго ученія; а въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, не только третій пунктъ ученія о связкѣ выпущенъ и глаголъ *быть* причисленъ къ сказуемому, но и все это ученіе, съ самымъ именемъ связки, исчезло. Такой оригинальности я не встрѣчалъ ни въ одной изъ Русскихъ и иностранныхъ грамматикъ; но какъ-бы она ни казалась съ перваго взгляда странною, по зрѣломъ обсужденіи всякій долженъ согласиться, что такъ и должно быть. Связка — терминъ не грамматическій, и употреблялся онъ не для обозначенія синтаксической формы предложенія, а для объясненія отношенія между понятіями, входящими въ предложеніе. Но и въ логическомъ отношеніи этотъ терминъ не удовлетворителенъ: онъ худо передаетъ понятіе отношенія, представляетъ его даже въ ложномъ видѣ, и былъ, можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ, почему такъ долго не замѣчали ошибки въ прежнемъ ученіи о выраженіи отношенія сказуемаго къ подлежащему. Потому, при открытіи правильнаго понятія, именно надобно было изгнать этотъ терминъ, чтобъ устранить поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ и поступилъ г. Востоковъ. Не страдаетъ-ли отъ этого точность и надлежащая полнота ученія о составѣ предложенія? Но съ исключеніемъ названія связки и упоминанія объ ней въ ученіи о составѣ предложенія исчезаетъ только неточный терминъ, а выраженіе самого понятія объ отношеніи между подлежащимъ и сказуемымъ остается подъ своимъ собственнымъ, *грамматическимъ* именемъ и является на своемъ собственномъ мѣстѣ. Какъ скоро выраженіемъ отношеній признаны окончанія, ученіе объ этомъ выраженіи, прежней связкѣ, естественно должно было занять мѣсто при изложеніи правилъ, по которымъ употребляются въ извѣстныхъ случаяхъ тѣ или другія этимологическія формы. Такимъ образомъ, новое понятіе должно было отойти въ главу о согласованіи (и отчасти о управленіи) словъ: чисто грамматическое названіе того, что прежде называлось *связкой*,

есть *согласованіе*. Ученіе-же о согласованіи много выигрываетъ, когда на него переносится и будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнено значеніе логической связи. Правда, и въ грамматикѣ г. Греча мы находимъ, что въ согласованіи «грамматическими формами выражается связь между частями предложенія» (§ 189): но что значитъ эта связь для мышленія, когда оно въ образованіи сужденія обходится извѣстнымъ употребленіемъ глагола *быть* въ видѣ связки? Эти грамматическія формы, посредствомъ которыхъ производится согласованіе, представляются какою-то наружною роскошью, отъ которой нашему уму ни тепло, ни холодно, и различіе средствъ согласованія въ этомъ значеніи не даетъ никакого существеннаго преимущества одному языку предъ другимъ. Самое существованіе средствъ согласованія, безъ отношенія къ мышленію, можно почесть какимъ-то внѣшнимъ обрядомъ, обычаемъ по случайному навыку, которому нѣтъ причины приписывать какое-либо вліяніе па развитіе мысли. Отъ такого взгляда на формы языка едва-ли можно когда-нибудь перейти къ настоящей теоретической грамматикѣ, т. е. къ оцѣнкѣ языка въ отношеніи къ мышленію.

Въ грамматикѣ г. Востокова, по ея положительному характеру, конечно, можно находить только факты для такой оцѣнки языка: важно и то, если эти факты выставлены вѣрно, безъ искаженія учеными предразсудками, въ своемъ истинномъ значеніи, какъ напр. согласованіе въ значеніи логической связи. Но вотъ что странно: нашъ грамматикъ, говоря объ управленіи словъ, какъ-бы возвращается къ прежнему понятію о связкѣ посредствомъ глагола *быть*. Тамъ онъ говоритъ:

«§ 120. Прямые падежи, не завися отъ другихъ словъ, сочиняются одинъ съ другимъ, именительнымъ подлежащаго съ именительнымъ сказуемаго, посредствомъ *связывающаго* ихъ вспомогательнаго глагола» (§ 105).

«§ 121. Глаголы, служащіе *связью* прямымъ *падежамъ*, разнствуютъ, смотря по значенію словъ, ими *связываемыхъ*.

Сказуемое, состоящее изъ существительнаго, *привязывается* къ подлежащему глаголомъ настоящаго времени *есмь*, *еси*, *есть*, *суть* и пр.; напр. *Человѣкъ есть существо разумное; слова суть выраженія мыслей*. Также глаголомъ прошедшаго времени *былъ;* но только тогда, когда говорится о природномъ состояніи предмета, а не о случайномъ, зависящемъ отъ какихъ-либо дѣлъ его; напр. *Адамъ былъ первый человѣкъ. Каинъ и Авель были дѣти Адамовы.* Когда-же означается состояніе случайное, какими-либо дѣлами пріобрѣтенное, тогда глаголъ *былъ* обращается въ *сказуемое*, а существительное служитъ дополнительнымъ къ оному словомъ и полагается въ падежѣ творительномъ; напр. Адамъ былъ первымъ земледѣльцемъ. Каинъ былъ убійцею брата своего».

«Глаголъ *былъ* обращается въ сказуемое»: а при выраженіи природнаго состоянія глаголы *есть*, *былъ*, значатъ, стало быть, не сказуемое, а связку? И что значитъ въ концѣ 120 §, ссылка на § 105, въ которомъ говорится, что глаголъ *быть* служитъ сказуемымъ, но нѣтъ ни слова о томъ, чтобы онъ связывалъ что-нибудь? Полагаю, что это остатки отъ прежнихъ изданій грамматики, въ которыхъ глаголъ *быть* и *связка* понимались нѣсколько иначе, нежели въ изданіи 1844 года и позднѣйшихъ. Тогда какъ § 105 (о частяхъ предложенія) въ новѣйшихъ изданіяхъ совершенно переработанъ, выписанные нами 120 и 121 §§ не во всѣхъ выраженіяхъ соглашены съ переработаннымъ. Впрочемъ, всматриваясь пристальнѣе въ выраженія сейчасъ выписанныхъ параграфовъ, можно замѣтить, что въ нихъ подъ связью разумѣется уже не то, что прежде разумѣлось подъ логическою связкой. По прямому смыслу отмѣченныхъ курсивомъ выраженій, глаголъ *быть* служитъ связью *падежамъ*, т. е. составляетъ грамматическую причину, почему съ именительнымъ подлежащаго одинъ разъ ставится сказуемое въ именительномъ, въ другой разъ въ творительномъ. Т. е.,

глаголъ *быть* служитъ посредникомъ, *синтаксическою* связью между падежами подлежащаго и сказуемаго. Такимъ посредникомъ служитъ, какъ говорится далѣе въ томъ-же параграфѣ, не только глаголъ *быть*, въ предложеніяхъ, въ которыхъ этотъ глаголъ въ 105 § признанъ за сказуемое, но и многіе другіе глаголы, средніе, возвратные и общіе, которыхъ, конечно, никто не признаетъ за связку, напр. становится старъ, остался одинъ, пребылъ твердъ. Такимъ посредникомъ можно назвать и глаголъ дѣйствительный, по его положенію между именительнымъ субъекта и винительнымъ объекта. Такое посредничество въ синтаксисѣ называется собственно «управленіемъ» словъ, и разсматриваемый параграфъ дѣйствительно находится въ отдѣлѣ «управленія словъ». Употребляя-же здѣсь вмѣсто собственнаго названія: «управлять или сочиняться» выраженія: «связывать, привязывать», авторъ какъ-бы хочетъ сказать, что послѣ открытія истиннаго выраженія отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ, прежней «связкѣ» можно дать какой-нибудь смыслъ и значеніе въ синтаксисѣ развѣ лишь по причинѣ посредничества глагола *быть* между падежами по управленію. Надобно, впрочемъ, согласиться, что этотъ образъ выраженія можетъ имѣть нѣкоторую цѣну только теперь, пока еще мерещится въ умахъ прежнее понятіе о связкѣ посредствомъ глагола *быть;* впослѣдствіи-же здѣсь надобно будетъ говорить просто о *сочиненіи* глагола *быть* и нѣкоторыхъ другихъ съ именительнымъ (и творительнымъ) падежемъ. Во всякомъ случаѣ этотъ параграфъ напоминаетъ прежнее ученіе о связкѣ только словами, а не значеніемъ.

Востоковское ученіе, при своей вѣрности, драгоцѣнно для преподавателей по необычайной простотѣ и удобству для передачи: оно устраняетъ прежнія натянутыя и ложныя, грамматическія и логическія, объясненія. Достоинство его съ этой стороны для всѣхъ осязательно: но многимъ-ли извѣстно, что оно стоитъ на-ряду съ великими открытіями, которыми въ наше время ознаменовало себя вообще сравнительное языкознаніе?

Новѣйшая лингвистика оцѣниваетъ и сортируетъ языки по особенной системѣ образованія, господствующей въ каждомъ изъ племени: достоинство той или другой системы оцѣнивается главнымъ образомъ по тому, какъ понимается въ извѣстномъ языкѣ (или въ цѣломъ ихъ разрядѣ) различіе между формальными и матеріальными стихіями мышленія и какое дѣлается употребленіе изъ выраженія тѣхъ и другихъ въ образованіи этимологическихъ формъ, назначенныхъ для извѣстнаго употребленія въ составѣ рѣчи. Изъ разбора языковъ въ этомъ отношеніи оказывается, что во многихъ изъ нихъ означенное различіе понимается слабо и недовольно мѣтко, и изъ выраженія тѣхъ и другихъ стихій дѣлается неумѣстное употребленіе. Недостатки этого рода разнообразны въ языкахъ и оказываютъ неблагопріятное вліяніе какъ на образованіе ихъ самихъ, такъ и на развитіе мышленія, и за тѣмъ на судьбу всего образованія. Такіе недостатки съ ихъ двоякими послѣдствіями всего разительнѣе обнаруживаются на составѣ предложенія, который бываетъ въ разныхъ языкахъ весьма различенъ, смотря по системѣ ихъ образованія, по зависящимъ отъ нея этимологическимъ средствамъ для раздѣленія матеріальныхъ стихій мышленія, для приличнаго выраженія стихій формальныхъ и для отличія первыхъ отъ послѣднихъ. Чтобы не вдаваться въ соображенія, которыя въ отвлеченномъ видѣ, безъ примѣровъ и въ краткомъ изложеніи, были-бы не довольно понятны, я спрошу только: далеко-ли уйдетъ въ своемъ мышленіи народъ, который не имѣетъ мѣткихъ средствъ или даже никакихъ не имѣетъ для того, чтобы отличить сочетапія идей въ фразахъ: *добрый отецъ* и *отецъ добръ*, *любящій отецъ* и *отецъ любитъ* и т. д.? Легко представить себѣ, какъ неотчетливо должно быть у такого народа мышленіе и какъ слабо сознаніе его процесса. Принимая такіе примѣры въ соображеніе, можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что если Европейскіе народы такъ далеко ушли въ анализѣ мышленія по содержанію и по формѣ, то они тѣмъ обязаны прежде всего формѣ своихъ языковъ, которая

даетъ имъ средство съ величайшею точностью выражать основной актъ мышленія и его произведеніе — сужденіе, раздѣляя однѣ отъ другихъ матеріальныя стихіи мысли, обозначая формальныя соотвѣтственно ихъ значенію въ мышленіи и строго соблюдая различіе между обѣими.

Между тѣмъ признавать глаголъ *быть* за связку между подлежащимъ и сказуемымъ значитъ прямо допускать въ нашемъ языкѣ выраженіе формальной стихіи мысли словомъ матеріальнымъ; значитъ, стало быть, навязывать ему недостатокъ, свойственный только языкамъ низшаго образованія, и не узнавать въ этомъ составѣ предложенія самаго важнаго преимущества нашего языка, принадлежащаго ему наравнѣ съ другими одноплеменными языками. Лингвистика не можетъ допустить такого понятія о связкѣ: рано или поздно, она вывела-бы насъ изъ заблужденія и открыла-бы истинное понятіе о выраженіи отношеній; но для насъ это открытіе сдѣлано г. Востоковымъ. Простое наблюденіе надъ однимъ языкомъ открыло нашему филологу то, что Боппамъ и Гумбольдтамъ досталось цѣною обширнѣйшихъ занятій разнородными и трудными для изученія языками, при помощи неутомимаго микроскопическаго анализа словъ, и самаго чуткаго глубокомыслія, умѣющаго цѣнить проявленія духа въ отдѣльномъ звукѣ. Не думайте, впрочемъ, что г. Востокову досталось это открытіе, какъ нечаянный даръ вдохновенія въ счастливую минуту: одно сравненіе двухъ изданій его грамматики ясно показываетъ, что открытіе далось ему не безъ усилій, что оно уяснялось и созрѣвало въ его умѣ постепенно, что вопросъ въ теченіе лѣтъ былъ имъ не разъ обдуманъ и передуманъ. Эти думы, бывъ предложены въ надлежащей полнотѣ положительнаго и отрицательнаго развитія, конечно, могли-бы составить прекрасную и поучительную страницу отечественной филологіи, и согласитесь, что одна эта страница, безъ другихъ ученыхъ заслугъ, могла-бы доставить и навсегда упрочить почетную извѣстность. Между тѣмъ г. Востоковъ предлагаетъ свое открытіе лишь въ послѣднемъ его

результатѣ, безъ всякаго слѣда заботъ о томъ, чтобъ оно было принято и оцѣнено по достоинству: новое ученіе стоитъ у него въ видѣ сухаго грамматическаго опредѣленія, на ряду съ сотней другихъ правилъ и опредѣленій, которыя въ грамматикѣ, за исключеніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ оттѣнковъ, въ сущности съ незапамятныхъ временъ повторяются неизмѣнно. Высокій примѣръ ученой скромности, отсутствія притязаній ученаго самолюбія, образецъ нравственности въ наукѣ, который инымъ не худо-бы взять для подражанія.

Когда-нибудь при случаѣ я попытаюсь объяснить, что значитъ та, можно сказать, Аристотелевская простота и сухость, какая царствуетъ въ грамматикѣ г. Востокова; а теперь, къ-сожалѣнію, я долженъ замѣтить, что эти качества его изложенія кажутся большей части современныхъ грамматиковъ почти недостаткомъ, или по-крайней-мѣрѣ не удовлетворяютъ ихъ любознательности, которая естественно ищетъ осязательной очевидности у другихъ, когда не находитъ ея собственными средствами. Г. Востоковъ, какъ видно изъ внимательнаго наблюденія надъ его методой изложенія, рѣшился строго держаться разъ принятыхъ и зрѣло обдуманныхъ границъ своей грамматики, полагая, что сказаннаго имъ въ этихъ границахъ sapienti sat. Но вопреки его ожиданіямъ, законы языка, выставляемые имъ въ видѣ объясненныхъ фактовъ, нерѣдко кажутся догмами, лишенными логическаго основанія, и не способными замѣнить собою прежнія грамматическія умствованія. Такимъ образомъ новѣйшіе грамматики, принимая Востоковское ученіе въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ оно очевидно какъ фактъ, тотчасъ возвращаются къ старому, когда новое ученіе требуетъ соображеній, не излагаемыхъ въ грамматикѣ г. Востокова. Отъ этого происходитъ довольно странная смѣсь стараго съ новымъ, безъ достаточнаго отчета о ихъ совмѣстимости. Послѣ всего сказаннаго выше, я не считаю нужнымъ подвергать эту смѣсь критическому разбору: ограничиваюсь простымъ фактическимъ

обозрѣніемъ мнѣній въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ грамматическихъ сочиненіяхъ.

По «Начертанію Русскаго синтаксиса», г. Перевлѣсскаго (Москва 1848), предложеніе есть сужденіе, выраженное словами (§ 1). «Сужденіемъ называется дѣйствіе ума, по которому понятіе о признакѣ соединяется въ одно цѣлое съ понятіемъ о предметѣ» (§ 2). «Понятія, изъ которыхъ составляются сужденія, называются его матеріею и въ предложеніи выражаются словами, а отношеніе понятій, называемое формою сужденія, выражается измѣненіями словъ (flexio)» (§ 3). Потому «подлежащее и сказуемое суть *два* существенные члена предложенія, соединенные между собою связью» (§ 7). Такимъ образомъ составъ предложенія опредѣленъ очень мѣтко и точно. Далѣе, разбирая распространенное предложеніе, г. Перевлѣсскій находитъ въ немъ четыре члена. Опредѣленіе и дополненіе, конечно, не слѣдовало-бы ставить наравнѣ съ подлежащимъ и сказуемымъ; но изъ этого видно, что г. Перевлѣсскій готовъ скорѣе эти второстепенные члены, чѣмъ связку, признать за самостоятельныя и существенныя части предложенія. Тѣмъ страннѣе встрѣтить у него въ значеніи связки глаголы *быть* и *стать*. «Когда сказуемое» — говоритъ онъ — выражается прилагательнымъ или существительнымъ, то отношеніе его къ подлежащему обозначается глаголами *быть* и *стать*. Эти глаголы называются связью предложенія, и въ этомъ случаѣ они уже не знаменательныя части рѣчи, но служебныя» (§ 44). Почему-же сами глаголы *быть* и *стать* служатъ связью, а не окончанія ихъ, какъ въ другихъ глаголахъ? Потому, вѣроятно, что «они служатъ только къ обозначенію наклоненій и временъ, и потому равносильны окончаніямъ» (§ 46). Но связью служатъ окончанія не наклоненій и временъ, а только лицъ и числъ: точно также должно быть и въ вспомогательныхъ глаголахъ. Хорошо по-крайней-мѣрѣ, что въ заключеніе этого параграфа сказано: «не выражая собою никакого особаго понятія, связь не составляетъ особаго члена въ предложеніи».

«Начертаніе Русскаго синтаксиса» въ ученіи о составѣ предложенія, очевидно, стоитъ на одной степени съ первымъ изданіемъ Востоковской грамматики. Почему не оказано вниманія къ позднѣйшимъ изданіямъ, неизвѣстно.

Понятія г. Перевлѣсскаго буквально перенесены въ «Общесравнительную грамматику» (изд. 2-ое 1853. § 347. Ср. § 356, 357, 386—387); но содержащееся въ нихъ противорѣчіе здѣсь увеличено еще вліяніемъ позднѣйшаго Востоковскаго ученія и примѣсью изъ грамматики г. Греча. Выраженіемъ отношенія подлежащаго къ сказуемому считается согласованіе (§ 386—387), а глаголъ *быть* съ прилагательнымъ или существительнымъ принимается, какъ у г. Востокова, за сказуемое (§ 362); но въ примѣчаніяхъ къ тому-же самому параграфу этотъ глаголъ въ тѣхъ-же самыхъ случаяхъ объявляется, какъ у г. Перевлѣсскаго, только связью, и читателю не дано средства рѣшить, чѣмъ-же собственно бываетъ тогда этотъ глаголъ — сказуемымъ или связью? Скорѣе всего — тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Но этотъ глаголъ предполагается, кромѣ того, во всѣхъ личныхъ глаголахъ. Во 2-мъ пунктѣ того-же (362) параграфа подъ буквою *а*) говорится:

> «Дѣятельность изображается а) глаголомъ быть съ причастіемъ или личнымъ глаголомъ. За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ».

Въ поясненіе этого пункта прибавлено:

> «Въ Русскомъ языкѣ, вмѣсто причастія личнаго глагола съ глаголомъ быть, употребляется обыкновенно глаголъ личный: *пишетъ* вм. *есть пишущій*».

Кто не узнаетъ въ этихъ словахъ теоріи «совокупныхъ» глаголовъ? Но она принята здѣсь подъ другимъ именемъ, выражается какъ-то нерѣшительно и тѣмъ подаетъ поводъ къ возраженію, на которое не дается никакого отвѣта.

«Русскій глаголъ, *соединяясь* съ лицами и *существительнымъ глаголомъ*, принимаетъ два вида: или 1) мѣстоименія и глаголъ существительный *есть* стоятъ отдѣльно при прошедшемъ времени, страдательномъ причастіи и при неопредѣленномъ, напр. я писалъ, онъ образованъ, я буду писать; или 2) личныя мѣстоименія соединяются съ корнями первообразныхъ и производныхъ глаголовъ, и *существительный глаголъ не допускается*, напр. пишу, куплю. Первый способъ соединять или спрягать можно назвать *не слитнымъ*, второй — *слитнымъ* (§ 126)».

Но если въ этомъ *слитномъ* спряженіи существительный глаголъ, какъ сказано во 2-мъ пунктѣ, *не допускается*, такъ изъ чего-же видно, что съ нимъ спрягаемый глаголъ *соединяется*, какъ говорится въ началѣ параграфа? Ужели, серьёзно, изъ того только, что, благодаря гибкости Русскаго языка при усиліи гнуть его, вмѣсто *пишу*, *куплю*, можно сказать: *есть пишущь*, *буду купить?*... Взять оборотъ искусственный, едва возможный, но неестественный, едва понятный, но не имѣющій опредѣленнаго смысла, и увѣрять, что именно этотъ оборотъ и его значеніе выражаются естественною формой слова — ужели это филологическая метода? Еще понятно, если такое толкованіе допускалось при прежнемъ состояніи грамматики вообще и ученія о предложеніи въ частности. Когда связкою считался только глаголъ *быть* съ своими викаріями и когда не знали другой связки, тогда было естественно, даже необходимо предполагать присутствіе этого глагола въ «совокупныхъ» или «слитныхъ» глаголахъ: иначе надобно-бы было признать лишенною связки цѣлую половину возможныхъ предложеній. Но когда открыто истинное понятіе о связкѣ, избавляющее насъ отъ необходимости этого предположенія, когда въ самой «Общесравнительной грамматикѣ» это понятіе принято, зачѣмъ теперь навязывать грамматикѣ это безполезное, неестественное и произвольное мудрованіе?

Синкретизмъ ученой грамматики, переходя въ учебники, естественно, долженъ являться тѣмъ грубѣе, чѣмъ прямѣе и короче излагаются здѣсь грамматическія понятія. Г. Михельсонъ, допуская этотъ синкретизмъ въ своемъ «Приготовительномъ курсѣ Русскаго языка» (СПб. 1856), старался избѣгнуть противоестественнаго разложенія глагола на причастіе съ глаголомъ *есть*, *былъ;* за то, для указанія послѣдняго въ спряженіи, онъ увѣряетъ, что *лисица живетъ* значитъ то-же, *лисица есть животное* (стр. 14).

Всѣхъ строже выдержалъ Востоковское ученіе о составѣ предложенія Александръ Смирновъ въ своемъ «Учебникѣ Русскаго языка (изд. 2-ое. Москва 1851—1854)». Главными членами предложенія у него значатся только подлежащее и сказуемое, а о связкѣ ни слова: она отошла къ ученію о согласованіи. Вспомогательный глаголъ, не смотря на свое формальное значеніе, всегда причисляется къ сказуемому, и только для лучшаго отличія его матеріальнаго значенія, онъ называется существительнымъ. Г. Смирновъ, какъ извѣстно, строжайшимъ образомъ выдерживаетъ практическую методу изложенія грамматики: онъ не навязываетъ ей теоретическихъ мыслей, а только выводитъ изъ фактовъ то, что въ нихъ содержится; но и не упускаетъ выводить изъ нихъ грамматическое содержаніе. Такой практицизмъ можетъ служить пробнымъ камнемъ всякой теоріи, и Востоковское ученіе оправдывается имъ какъ нельзя лучше. Всѣ явленія языка, относящіяся къ разсматриваемому пункту ученія, объясняются взглядомъ г. Востокова естественно, удовлетворительно и полно: не оказывается ни одной формы рѣчи, для которой нужно-бы было прибѣгать къ какой-либо другой теоріи.

Г. Мининъ, въ своемъ «Краткомъ учебникѣ Русскаго языка» (СПб. 1857) также исключительно держится г. Востокова, который не одобрилъ-бы въ немъ развѣ нѣкоторыя не совсѣмъ точныя выраженія, иногда допускаемыя для избѣжанія суровости искусственной грамматической терминологіи.

Тогда какъ понянутыя выше грамматики болѣе или менѣе слѣдуютъ ученію г. Востокова, не такъ давно явилось сочиненіе, въ которомъ нельзя указать по-крайней-мѣрѣ прямаго вліянія Востоковскаго ученія: я разумѣю «Русскую грамматику» г. Классовскаго (СПб. 1856). Но замѣчательно, что авторъ не вполнѣ выдерживаетъ и старинную теорію, хотя это едва-ли обходится безъ ущерба ея систематической послѣдовательности.

Не далѣе, какъ за годъ до того, въ «Грамматическихъ замѣткахъ» (СПб. 1855), г. Классовскій говорилъ (§ 14): «Понятія въ предложеніи выражаются словами съ самостоятельнымъ значеніемъ, а *отношенія* между понятіями — разными *формами флексіи* или даже отдѣльными словами, лишенными самостоятельнаго смысла». Но въ его «Грамматикѣ», въ ученіи о составѣ предложенія, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этого воззрѣнія: отъ чего? Не потому-ли, что въ учебникѣ онъ не считалъ себя въ-правѣ, какъ говоритъ онъ въ предисловіи (стр. IV, V), «сворачивать съ вѣковой колеи на сторону перемѣнъ, можетъ-быть только потому увлекательныхъ, что онѣ еще не осуществлены въ преподаваніи»? Но уже-ли употребленіемъ грамматики г. Востокова и другихъ болѣе или менѣе согласныхъ съ нею учебниковъ, по его мнѣнію, еще не достаточно «осуществлена перемѣна», введеная г. Востоковымъ въ вѣковой теоріи?

Какъ-бы то ни было, а г. Классовскій предпочитаетъ слѣдовать г. Гречу. Въ понятіи о сужденіи онъ повторилъ почти буквально его опредѣленіе (*) и сверхъ того дополнилъ новыми чертами, изобрѣтенными по той-же описательной методѣ и, по моему мнѣнію, совершенно послѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, если въ опредѣленіи г. Греча словами *приписывать* и *отнимать*, дано понятіе объ утвердительномъ и отрицательномъ предложеніи, почему не ввести въ опредѣленіе и другіе виды предложенія? Но чтобы вполнѣ выдержать послѣдовательность, надлежало коснуться и всѣхъ прочихъ видовъ предложенія: отъ

(*) Но вмѣсто: «*разсуждать* о предметѣ» сказано: *судить*: это, конечно, улучшеніе (см. выше, стр. 269).

этого опредѣленіе не сдѣлалось-бы хуже, хотя, конечно, не освободилось-бы отъ своего существеннаго недостатка. По этой методѣ дается лишь «описаніе» предложенія, наглядное понятіе о составныхъ стихіяхъ его въ разныхъ способахъ выраженія, но не дается такого понятія, которое вело-бы къ опредѣленію основныхъ частей предложенія, потому-что въ это описаніе входятъ второстепенныя части предложенія наравнѣ съ главными. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ описаніи мы видимъ не только *предметъ* и *признакъ*, но еще *отрицаніе*, *условіе*, *вопросъ;* а въ выводѣ частей находимъ только *подлежащее* и *сказуемое:* куда-же дѣвались тѣ три стихіи? Опускать такимъ образомъ въ выводѣ то, что дано въ основаніи—развѣ значитъ пріучать къ отчетливому мышленію? И если тѣ три стихіи не годятся для вывода главныхъ частей, зачѣмъ-же онѣ допущены были въ опредѣленіе, которое, безъ сомнѣнія, должно служить основаніемъ для вывода? Такимъ образомъ авторъ едва-ли имѣлъ право сказать (§ 161), что два непремѣнные члена предложенія выведены имъ «изъ условій сужденія», какъ описаны эти условія въ его опредѣленіи. Еще менѣе можно угадать на основаніи этого опредѣленія его мнѣніе о связкѣ.

Связкой между подлежащимъ и сказуемымъ г. Классовскій считаетъ отнюдь не окончанія, а глаголы: *быть*, *начать*, *стать*, *показаться*, *оказаться* (§ 26, стр. 44), и въ то-же время онъ признаетъ только два члена въ предложеніи (§ 9 и 161). Связку онъ считаетъ не самостоятельною частью предложенія, а принадлежностью сказуемаго (§ 163, 164); потому-что сказуемымъ предназначенъ служить собственно глаголъ (§ 165). «Если-же мы находимъ въ предложеніяхъ нерѣдко сказуемое, состоящее изъ прилагательнаго и существительнаго, то не нужно упускать изъ виду, что они, играя роль сказуемаго, принимаютъ смыслъ глагольный, посредствомъ *сліянія* съ чистымъ глаголомъ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. (§ 165). Сливаются-ли точно также прилагательныя и существительныя съ глаголами: *показаться* и *отка-*

заться, когда они составляютъ только связку, объ этомъ не упомянуто: но для меня не ясно, на какомъ основаніи предполагается сліяніе ихъ съ самымъ глаголомъ *быть*. Если «безъ содѣйствія этого глагола не возможно ни существительному ни прилагательному сдѣлаться сказуемымъ», то я еще не нахожу здѣсь слiянія, и въ предложеніяхъ: онъ *добръ*, *былъ добръ*, *будетъ добръ*, *будь добръ*, въ прилагательномъ всякій видитъ только качество, а отнюдь не «глагольное значеніе» съ его принадлежностями — временемъ и наклоненіемъ. А покуда не доказано сліяніе, до-тѣхъ-поръ связку послѣдовательнѣе было признавать самостоятельнымъ членомъ предложенія, а не принадлежностью сказуемаго, если за связку принимается отдѣльное слово, съ своимъ собственнымъ значеніемъ.

Что касается слiянія глагола *быть* съ другими глаголами, то здѣсь г. Классовскій воспроизводитъ теорію «совокупныхъ» глаголовъ, но понимаетъ ее совсѣмъ иначе. «Всякій глаголъ», говоритъ онъ, «въ сущности есть сліяніе дѣйствія съ мыслью о существованіи дѣйствователя». Дѣйствіе, безспорно, предполагаетъ дѣйствователя и потому глаголамъ нѣтъ нужды сливаться съ глаголомъ *быть*, чтобы пробуждать въ насъ это предположеніе. Но мысль о дѣйствователѣ только предполагается понятіемъ дѣйствія, но отнюдь не сливается съ нимъ: напротивъ, очень часто мы говоримъ только о дѣйствіяхъ, безъ всякой мысли о дѣятеляхъ, и можемъ отдѣлять первыя отъ послѣднихъ именно потому, что и въ языкѣ они не слиты. Въ томъ-то и состоитъ значеніе и услуга языка въ отношеніи къ мышленію, что онъ своимъ организмомъ даетъ намъ средство различать и раздѣлять то, что въ природѣ существуетъ и душѣ нашей представляется слитно. Чѣмъ строже и тоньше различаются и раздѣляются въ языкѣ понятія, тѣмъ богаче наше мышленіе и тѣмъ строже его анализъ. Сліяніе различныхъ самостоятельныхъ понятій свойственно только языкамъ низшаго образованія.

Какова должна быть ближайшая судьба спорнаго вопроса, пусть судятъ читатели: для меня она очевидна. Современное поколѣніе преподавателей должно впредь позаботиться о прочномъ установленіи этого важнаго пункта грамматическаго ученія, не оставляя своихъ разногласій и недоразумѣній нерѣшенными. Пока назначеніемъ Русской грамматики было только «научить правильно говорить и писать по-Русски», до-тѣхъ-поръ не могло происходить значительнаго вреда отъ того, какъ понимается та или другая форма языка и рѣчи въ отношеніи къ мышленію. Но при настоящемъ составѣ воспитанія, изученію отечественнаго языка, кромѣ помянутой цѣли, предоставляется вообще умственное развитіе воспитанниковъ, и грамматикѣ приходится замѣнять логику. Этого значенія наша грамматика достигнетъ только тогда, когда практическое ея направленіе подготовитъ грамматику теоретическую. А какъ ожидать теоріи языка, когда практическая грамматика выставляетъ основныя формы рѣчи, въ ихъ существенномъ значеніи, или шатко, или вовсе невѣрно?...

П. БИЛЯРСКІЙ.

ПРЕДѢЛЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ВОСПИТАНІИ.

СТАТЬЯ КИПРА,

ДИРЕКТОРА ОБРАЗЦОВОЙ ШКОЛЫ ВО ФРАНКФУРТѢ НА МАЙНѢ (*).

> Чтобы воспитать мужей, приходится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рисковать дѣтьми и юношами.
>
> *Гербартъ.*

Смѣлое слово Гербарта, приведенное нами въ эпиграфѣ, написано не для легкомысленныхъ воспитателей: такіе воспитатели могли-бы употребить его во зло, для оправданія своего легкомыслія. Потому самому и все нижеслѣдующее мы обращаемъ къ воспитателямъ добросовѣстнымъ. Только добросовѣстные люди могутъ уразумѣть, что, при всей бдительности надзора за дѣтьми, имъ необходимо предоставлять извѣстную степень самостоятельности и свободы.

Въ наше время, когда такъ часто раздаются жалобы на своеволіе, даже необузданность юношества, многимъ можетъ показаться безразсуднымъ предложеніе—ослабить воспитательную узду. Но вникнемъ въ дѣло безпристрастно, посмотримъ, дѣйствительно-ли наше юношество стало своевольнѣе, необузданнѣе, сравнительно съ прежними временами. Если и допустить, что оно стало испорченнѣе, порочнѣе, то вовсе не отъ

(*) Изъ сентябрской книжки Paedagogische Revue, 1856 г.

того, что надзоръ за нимъ сталъ менѣе тщателенъ и что воспитательная узда ослабѣла. Напротивъ, на нашъ взглядъ, самостоятельность юношей въ наше время стѣснена гораздо болѣе, чѣмъ прежде. Съ одной стороны, возрастающіе размѣры обученія стѣсняютъ такъ-называемое свободное проявленіе юношескихъ силъ; съ другой—въ самомъ воспитаніи, какъ домашнемъ, такъ и общественномъ, система надзора за всѣми дѣйствіями питомцевъ выражается въ такомъ множествѣ разнообразныхъ мѣръ и пріемовъ, какого и не знали въ прежнія времена. Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что наше юношество страдаетъ не отъ внѣшней *необузданности*, а отъ недостатка узды *внутренней*. И потому необузданность его, на которую слышатся нерѣдко жалобы, вовсе не стала больше сравнительно съ прежними временами, а къ-сожалѣнію, приняло другой характеръ, гораздо злокачественнѣе. Эта необузданность уже не есть проявленіе крѣпкой самостоятельной силы, чувствующей свою самобытность: это шаткое, безпрерывное волненіе, движимое первымъ встрѣчнымъ вѣтромъ; это — не стремительный напоръ силы дѣйствующей, а безбрежный разливъ бездѣйствія, это — не проявленіе дикости, а свидѣтельство разслабленія, изнѣженности, испорченности юношества.

Но все это можетъ быть исправлено не внѣшними стѣсненіями самостоятельности: такой разливъ не ограждается плотинами, такая необузданность не укрощается уздою. Здѣсь нужна обузданность внутренняя, укорененіе въ юношествѣ той внутренней силы, которая была-бы въ-состояніи обуздывать сама свои порывы; а этою уздою, этою силою не обладаетъ тотъ, кто никогда не дѣлалъ шагу безъ узды, наложенной на него постороннею рукою.

Если дѣло идетъ о томъ, чтобы сложился и развился характеръ, для этого нужна извѣстная степень свободы и самоопредѣленія. Мальчику нуженъ просторъ, гдѣ-бы онъ могъ самостоятельно испытать и упражнять свои силы. Вотъ почему придется, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допустить

его *къ древу познанія добра и зла* безъ всякой другой охраны, кромѣ заповѣди Божіей, начертанной въ его сердцѣ, и страха Божьяго гнѣва. И только тогда, когда онъ среди постепенныхъ самопроизвольныхъ испытаній окрѣпнетъ до разумной самостоятельности въ поступкахъ, только тогда мы имѣемъ право сказать, что мы образовали въ немъ характеръ.

Во всякомъ случаѣ, должно воздерживаться отъ желанія успокоивать свою совѣсть мыслію, что мы уже все сдѣлали для воспитанія нашихъ дѣтей, если тщательно хранили ихъ нравственность и дали имъ хорошее школьное образованіе.

Въ наше время обыкновечно предоставляютъ преподаванію бо̀льшую часть воспитательнаго дѣла. И дѣйствительно, нельзя вообразить себѣ воспитанія безъ преподаванія, равно какъ и преподаванія, которое не обнаруживало-бы въ высокой степени воспитательнаго дѣйствія. Упражненіе духовныхъ силъ, пріученіе къ быстрому и сознательному сочетанію понятій, та нравственная выправка, которой подвергаетъ ученика всякая серьезная работа, тотъ нравственный прибытокъ, которымъ надѣляютъ его новыя для него истины, наконецъ самое школьное общежитіе — все это составляетъ могущественныя воспитательныя средства. Но и преподаваніе, обученіе, можетъ имѣть спасительное дѣйствіе только тогда, когда оно воспринимается безъ всякаго насилія, а съ живымъ участіемъ и свободнымъ увлеченіемъ. Благодатное вліяніе свободнаго труда, вслѣдствіе котораго дитя пріучается любить свое дѣло, и тѣмъ нравственно крѣпнетъ и возвышается, — это благодатное вліяніе исчезаетъ для ученика, если онъ, вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ, пріучится смотрѣть на ученіе, какъ на дѣло, которое не худо-бы поскорѣе сбыть съ рукъ, и въ особенности если ему будетъ внушено, что онъ долженъ учиться для того, чтобы составить себѣ такъ-называемую *карьеру* въ будущемъ. Но если вся принудительность воспитательныхъ мѣръ будетъ направлена исключительно къ тому, чтобъ *подготовить* мальчика, какъ можно ранѣе, къ опредѣленному роду служебныхъ занятій, то

воспитатели рискуютъ сдѣлать изъ него діаметрально-противуположное тому, чего они намѣревались достигнуть. Потому-что человѣкъ, котораго пріучили смотрѣть на вещи только съ той стороны, съ какой онѣ могутъ быть полезны въ опредѣленномъ, ограниченномъ случаѣ, такой человѣкъ никогда не сдѣлается человѣкомъ практическимъ. Напротивъ того, изъ него выйдетъ человѣкъ крайне непрактическій. То *практическое*, чего въ наше время такъ неотступно требуютъ отъ школьнаго образованія, состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы ученикъ усвоилъ умѣнье производить только извѣстный, опредѣленный трудъ, — но въ томъ, чтобъ онъ вообще *привыкъ* трудиться, набрался-бы опытности и былъ въ-состояніи разнообразно примѣнять въ дѣйствительной жизни тѣ умственныя пріобрѣтенія, которыми надѣлила его школа. Вотъ почему, какъ ни отваженъ этотъ шагъ, но мы имѣемъ и право, и даже обязанность направлять школьное ученье такъ, чтобы знанія, добытыя свободнымъ трудомъ воспитанниковъ, имѣли возможность плодотворно примѣняться въ ихъ будущемъ призваніи.

Здѣсь кстати будетъ разсмотрѣть вопрось: въ какой мѣрѣ школьныя занятія мальчика требуютъ поддержки внѣ школы. Нельзя не видѣть пользы, какая проистекетъ для ученья отъ тщательнаго надзора и помощи со стороны родителей и вообще домашнихъ, въ томъ случаѣ, когда заданная всему классу работа нѣсколько превышаетъ силы этого ученика. Но не слѣдуетъ забывать и того, что подобныя работы обыкновенно задаютъ послѣ предварительнаго объясненія, и потому при нихъ намѣренно требуется извѣстная доля самостоятельныхъ усилій ученика, внѣ школы. Нѣтъ ничего хуже, когда на заданное смотрятъ, какъ на докучный трудъ, которой долженъ быть произведенъ во что-бы то ни стало, и притомъ все равно—самимъ-ли ученикомъ или кѣмъ другимъ; и ничто не портитъ въ такой степени ученика, какъ постоянная готовность домашнихъ объяснять ему то, что онъ могъ и долженъ былъ понять и усвоить въ школѣ. Родители и вообще всѣ домашніе должны постоянно помнить,

что помощь съ ихъ стороны составляетъ для ученика то-же, что *помочи* для дитяти, начинающаго ходить, и потому, помогая ученику въ его работахъ, они *должны* имѣть постоянно въ виду доводить его до самостоятельности въ трудѣ, до возможности обходиться безъ посторонней помощи. Самая лучшая и всего болѣе заслуживающая похвалы, помощь состоитъ въ томъ, когда родители принимаютъ живое участіе въ трудахъ своего сына, когда они такъ-сказать учатся вмѣстѣ съ нимъ, и тѣмъ уясняя ему и цѣль и способы труда, возбуждаютъ въ немъ охоту трудиться самостоятельно.

Наконецъ необходимо обратить особенное вниманіе и на то, чтобы ученику, при работахъ, задаваемыхъ на домъ, предоставлялось нѣсколько простору *для самостоятельнаго испытанія и упражненія своихъ силъ.* Подобно тому, какъ корень растенія въ тысячѣ извивовъ и изгибовъ буравитъ глинистую и песчаную почву, дабы добраться до питающей и плодотворной для него основы, такъ и здравая юношеская сила, безсознательно для себя самой, — пытливо пролагаетъ самобытные пути для своего образованія. Когда ребенокъ роется въ пескѣ, строитъ изъ него горки, стѣнки; когда мальчикъ устроиваетъ плотину или пытается отвести въ сторону воду изъ дождевой лужи; когда онъ карабкается по сучьямъ дерева за птичьимъ гнѣздомъ или гоняется по лугу за блестящею букашкою; когда онъ разрушаетъ и строитъ, пилитъ или рѣжетъ; когда онъ грубыми штрихами карандаша пытается нарисовать человѣка или животное; когда онъ тѣснится къ взрослымъ, вслушиваясь въ ихъ разговоры и всматриваясь, что̀ и какъ они дѣлаютъ; наконецъ когда онъ по цѣлымъ часамъ праздно лежитъ на травѣ подъ тѣнью дерева, прислушиваясь къ шороху листьевъ, — какою безполезною и даже вредною праздностію кажется такое препровожденіе времени въ глазахъ многихъ людей, которые привыкли считать за *дѣло* только то занятіе ребенка, когда онъ сидитъ за книгой! А между-тѣмъ и здѣсь есть тоже своего рода дѣятельность — да еще какая! Тутъ примѣняется и глазо-

мѣръ, и снаровка, и изобрѣтательность, и находчивость, и навыкъ; тутъ дитя запасается многостороннею опытностію. Сверхъ того, такая дѣятельность есть дѣятельность свободная, въ которой дитя имѣетъ тысячи случаевъ узнать и свои силы и силы окружающихъ его вещей; здѣсь онъ имѣетъ случай проложить тысячи путей для самообразованія, — путей, какихъ не укажетъ ему никакая учебная книга.

Стоитъ ознакомиться поближе съ біографіями знаменитыхъ людей, чтобы убѣдиться, сколь многіе сильные, истинно-мужественные характеры образовались среди этой свободной дѣтской жизни. Мы согласны, что подобная свобода въ жизни деревенской, гдѣ дитя, среди луговъ и лѣсовъ, можетъ научиться множеству полезныхъ вещей отъ перваго встрѣчнаго земледѣльца или охотника, сопряжена съ меньшими опасностями, нежели свобода среди городской жизни, гдѣ искусственно-возбужденная любознательность ребенка можетъ безпрестанно натыкаться на предметы, отъ которыхъ ее слѣдуетъ отклонять всѣми мѣрами. Но здѣсь-то и нужно *воспитаніе*, здѣсь его прямая задача — соединить искусно-разсчитанныя и направленныя мѣры съ тою кажущеюся свободою, которую оно не замедлитъ предоставлять питомцу тамъ, гдѣ для него нѣтъ нравственной опасности. Если воспитатель имѣетъ уважительныя причины не предоставлять своему воспитаннику полной свободы, онъ постарается предоставить ему хотя нѣкоторую свободу въ небольшомъ, тѣсномъ кругу дѣйствій (*). Конечно, прежде всего надлежитъ настойчиво требовать отъ ребенка выполненія тѣхъ работъ, которыя заданы учителемъ въ школѣ; но пусть, выполняя работу, дитя имѣетъ въ виду, что въ остальное время оно

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что полная, безъ всякаго соображенія предоставленная ребенку свобода можетъ быть для него гибельна, и только особенно счастливая организація его духа можетъ отвратить въ такомъ случаѣ пагубныя слѣдствія. Стоитъ вспомнить то, что говоритъ Гётѣ о своемъ отрочествѣ когда его характеру приходилось вырабатываться, съ одной стороны, подъ вліяніемъ жесткаго педантизма его отца, а съ другой — подъ вліяніемъ полной свободы среди шумной и безпорядочной жизни большаго города.

будетъ предоставлено само себѣ, безъ обремененія его новыми частными занятіями, для какихъ-либо условныхъ, частныхъ цѣлей. Пусть свободное время будетъ дѣйствительно свободнымъ для мальчика, только не для такого, который рѣшительно не умѣетъ имъ пользоваться во благо, а также и не для такого, который постоянно сидитъ *умникомъ* въ своемъ углу. Такихъ именно и слѣдуетъ почаще шевелить новыми и новыми занятіями: потому-что сонливое отупѣніе въ свободные часы гораздо опаснѣе, нежели злоупотребленіе свободою.

Во всякомъ случаѣ, нечего удивляться, если свободная дѣятельность ребенка устремится, можетъ-быть, на такіе предметы, которые или вовсе не подходятъ къ предметамъ школьнаго обученія, или только съ трудомъ могутъ-быть подчинены прямымъ, *полезнымъ* цѣлямъ. Нерѣдко можно будетъ замѣтить также, что мальчикъ находчивый, бойкій, изобрѣтательный и энергическій — во-всемъ, что касается его самостоятельныхъ попытокъ, окажется въ школьныхъ занятіяхъ и тупымъ, и лѣнивымъ, и вялымъ. Но воспитатель не долженъ приходить отъ того въ-отчаяніе, потому-что нѣтъ никакого сомнѣнія, что, съумѣвъ употребить какъ слѣдуетъ въ-дѣло ту самостоятельную силу и ловкость, которую ребенокъ выработалъ въ свободныхъ занятіяхъ, воспитатель всегда успѣетъ направить эти качества къ пользамъ преподаванія, и такимъ-образомъ сдружить *самостоятельное* съ *внушеніями* школы.

Между дѣтьми попадаются такія натуры, которыя съ изумительною полнотою силъ, съ необыкновенною изобрѣтательностію и настойчивостію приводятъ въ исполненіе свои маленькіе предпріятія въ тѣсномъ мірѣ своихъ представленій, — натуры, которыя обыкновенно раньше другихъ созрѣваютъ для жизни, и которыя потому являются изумительно-находчивыми во всемъ житейскомъ, во всемъ, что не касается школы. Такія натуры, конечно, подвержены опасности — не дозрѣть, не пріобрѣсти именно того, что нужно для практической жизни, и даже совершенно погибнуть среди напора враждебныхъ жи-

зненныхъ обстоятельствъ. Но такія натуры несправедливо считать за худшія между дѣтьми; напротивъ, онѣ большею частію оказываются лучшими, если воспитателю удастся сосредоточить и направить къ одной благой цѣли столь рано пробужденныя въ нихъ силы.

Что этого нельзя достигнуть иначе, какъ постепенно, малопо-малу, что при этомъ пропадетъ, какъ-бы даромъ, годъ или даже два, т. е. что дитя такого рода пробудетъ въ низшихъ классахъ училища двумя-тремя годами долѣе того, которому пресѣчена была всякая самостоятельность, котораго силы были принудительно направлены только къ ученью — этого мы не рѣшаемся и оспаривать. Но мы позволяемъ себѣ сдѣлать такой вопросъ: въ томъ-ли состоитъ задача воспитанія, чтобы провести мальчика, во что-бы то ни стало, въ наискорѣйшее время, черезъ всѣ классы училища? Кто хочетъ видѣть дѣтей не *обученныхъ* только, но воспитать юношей разсудительныхъ, смыслящихъ, самостоятельныхъ, способныхъ на каждомъ шагу своей жизни поступать самоопредѣлительно, тотъ съ охотою пожертвуетъ для этого двумя-тремя годами дѣтской жизни; тотъ будетъ болѣе радоваться плоду, вполнѣ созрѣвшему на 18 году жизни, нежели пятнадцатилѣтней скороспѣлкѣ.

Всѣ эти соображенія, какъ намъ кажется, въ достаточной степени доказываютъ необходимость предоставленія свободы и самостоятельности юношамъ, на ряду съ тѣми понудительными мѣрами, къ которымъ приходится прибѣгать, чтобы заставить ихъ трудиться надъ уроками.

Но еще большее значеніе имѣетъ наше требованіе въ примѣненіи его собственному къ *воспитанію*.

Мы должны напомнить, во-первыхъ, о той воспитательной дѣятельности, которая носитъ весьма удачно придуманное названіе *присмотра* за дѣтьми, направленнаго къ тому, чтобы отклонять всякаго рода безпорядки и поддерживать всюду порядокъ. Хоть эта дѣятельность обыкновенно и не имѣетъ въ виду нравственнаго образованія, но при благоразумномъ ея

направленіи можетъ имѣть значительное нравственное дѣйствіе. Она подавляетъ необузданную шаловливость, непослушаніе, какъ корень всякаго безначалія и безурядицы; нравственной свободѣ она опредѣляетъ спасительныя грани; пріучаетъ молодыхъ людей къ порядку и точности въ исполненіи того или другаго дѣла, и тѣмъ сообщаетъ извѣстную мѣрность, тактъ всѣмъ вообще движеніямъ духа.

Но этотъ присмотръ получилъ въ ряду нашихъ цивилизованныхъ отношеній такіе неестественно-широкіе размѣры, что грозитъ поглотить собою всякую собственно-воспитательную дѣятельность. Въ нашихъ домахъ, въ нашихъ садахъ, на нашихъ улицахъ попадается такое множество предметовъ, которые легко испортить; дѣти такъ вообще шаловливы по своей природѣ, и такъ мало склонны понимать условія приличій, — что воспитатель то и дѣло долженъ останавливать, отстранять, напоминать, укорять и въ этомъ почти все его занятіе. Дѣйствительно, ему приходится учить своего воспитанника, какъ ходить, какъ стоять, какъ пить, какъ ѣсть, какъ говорить, какъ молчать — словомъ, всѣмъ приличіямъ, всѣмъ формамъ общественной жизни. Но если мальчикъ ведетъ себя неприлично, напр. или онъ сидитъ на софѣ, поджавши ноги по-Азіатски, вмѣсто того чтобы сидѣть *пристойно*, по-Европейски, или онъ сбѣгаетъ съ лѣстницы съ шумомъ, большими прыжками, вмѣсто того, чтобы спускаться какъ слѣдуетъ, ступенька за ступенькой; или если въ поискахъ за какой-нибудь блестящей букашкой онъ изорветъ о шиповникъ свое красиво-сшитое платье, словомъ надѣлаетъ тысячу непристойностей: то мы и тутъ не должны забывать, что всѣ эти проступки не суть нарушеніе законовъ нравственныхъ, и что все это такія вещи, противъ которыхъ блаженной памяти отцы и дѣды наши грѣшили не въ примѣръ чаще нашего. Если воспитатель не уразумѣетъ, какъ слѣдуетъ, этой разницы, то мы рискуемъ увидѣть, съ какимъ педантизмомъ и упрямствомъ примѣняется на нашихъ дѣтяхъ тотъ надзоръ, который въ сущности необхо-

димъ: потому-что онъ дѣйствительно пріучаетъ дѣтей къ порядку, и, что всего хуже, мы рискуемъ увидѣть, какъ подобныя педантическія мѣры примѣняются съ тою важностію, какъ будто дѣло идетъ о существенныхъ цѣляхъ воспитанія. Мало проку въ томъ воспитаніи, которое всѣ нравственные рычаги предоставляетъ въ вѣдѣніе *полиціи заведенныхъ порядковъ и приличій*, и при которомъ воспитатель вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу приводить въ исполненіе всѣ эти полицейскія мѣры, съ необыкновенною готовностію и точностію, какъ будто дѣло идетъ о чемъ-то весьма важномъ, даже о самоважнѣйшемъ въ дѣлѣ воспитанія. И каковъ-же бываетъ результатъ подобной системы строгаго присмотра и выправки? Очень часто она оказывается неудачною, потому-что ожесточаетъ питомцевъ, вызываетъ съ ихъ стороны противодѣйствія, слѣдственно, портитъ ихъ нравственно. А если эта система оказывается удачною, то въ чемъ состоитъ обыкновенно ея успѣхъ? въ развитіи въ мальчикахъ той робости, той запуганности, которая не знаетъ другихъ добродѣтелей, кромѣ *умѣренности* и *аккуратности*. И потому весьма благоразумно, свои требованія въ отношенія приличій ограничивать для каждаго возраста небольшимъ числомъ предписаній, и только постепенно расширять эти предѣлы, когда питомцевъ уже пріучится выполнять то доброе и приличное, которое отъ него требовалось въ возрастѣ предыдущемъ. Если проступки въ отношеніи приличій происходятъ не отъ рѣшительнаго упрямства и непокорности воспитанника, ихъ надо устранять или напоминаніемъ или наказаніемъ,—но наказаніемъ спокойнымъ, приберегая свою запальчивость и *справедливое негодованіе* для болѣе важныхъ случаевъ, для тѣхъ, гдѣ обнаруживаются дурныя наклонности сердца.

Во всякомъ случаѣ, при такой снисходительности придется кое-чѣмъ и рисковать: больше встрѣтится и шалостей, и безпорядковъ, а главное — дѣти не будутъ сидѣть на своихъ мѣстахъ такими *милыми, благовоспитанными умниками*, какъ тѣ, которыхъ держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Но если воспи-

татель, спокойно и съ неослабною послѣдовательностію, станетъ примѣнять тѣ необходимыя мѣры порядка, которыя образуютъ въ юношествѣ добрыя нравственныя навыки, то онъ можетъ-быть совершенно спокоенъ за небольшіе промахи своихъ питомцевъ противъ общественныхъ приличій: во-первыхъ, потому, что самая общественная жизнь научитъ ихъ, какъ держать себя въ томъ или другомъ случаѣ, а во-вторыхъ, что за бѣда, если честный и благородный человѣкъ будетъ отличаться отъ другихъ какими-нибудь, хотя даже и рѣзкими, особенностями?

Къ присмотру за дѣтьми относится еще одна воспитательная дѣятельность, заслуживающая разсмотрѣнія, это—*тѣлесный уходъ* за дѣтьми. Много было писано противъ баловства и изнѣженности дѣтей. Никакая благоразумная мать, въ настоящее время, не станетъ держать своего сына вѣчно подъ своимъ крылышкомъ, въ теплой комнатѣ, если вспомнитъ, что, ставъ взрослымъ, онъ принужденъ будетъ переносить всякую непогоду. Въ настоящее время большинство родителей заботится методически пріучать дѣтей къ суровой жизни, такъ-что, можно сказать, у насъ начинаетъ входить въ моду что-то въ родѣ Спартанскаго воспитанія. Но только — *въ родѣ* Спартанскаго: потому-что Спартанская суровость укрѣпляла не только тѣло, но и духъ; она пріучала терпѣливо переносить боль и мужественно встрѣчать всякаго рода опасности. Вотъ почему намъ кажется, что въ Спартанскомъ пріученіи тѣла къ суровому образу жизни заключалось нѣчто болѣе дѣйствительное, нежели въ новѣйшемъ способѣ укрѣпленія тѣла, при которомъ духъ весьма часто остается слабымъ по-прежнему. Спартанецъ обращался съ своимъ сыномъ не какъ съ растеніемъ, которое надо осторожно акклиматизировать: онъ рисковалъ имъ. Но именно этотъ рискъ, эта отвага обыкновенно весьма нравится крѣпкому, здоровому мальчику: онъ ищетъ опасности, потому-что инстинктъ говоритъ ему, что только среди опасностей образуется истинное мужество и быстрая рѣшимость.

Правда, что въ то время, какъ мальчикъ весело играетъ въ снѣжки, при рѣзкой вьюгѣ, или въ сильный морозъ мчится на конькахъ въ-перегонку съ товарищемъ, или въ лѣтнее время, не смотря на проливной дождь, продолжаетъ какую-нибудь изъ своихъ забавъ—правда, что въ такое время онъ легко можетъ схватить насморкъ или даже горячку. Правда, что въ борьбѣ съ товарищами онъ можетъ повредить себѣ руку, ногу, или когда онъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы устоять на крутомъ обрывѣ или удержаться на ломкомъ суку дерева, — конечно, въ этихъ случаяхъ онъ ежеминутно подвергается опасности сломать себѣ шею, остаться навѣкъ калѣкою или даже лишиться жизни. Но развѣ педагогика изобрѣла болѣе безопасныя средства развивать въ юношествѣ осмотрительность, хладнокровіе, отвагу, довѣріе къ своимъ силамъ? Тотъ, кто вполнѣ уразумѣлъ, что только тогда человѣкъ можетъ надѣяться найти въ себѣ силы противостоять опасности, когда онъ испыталъ свои силы въ минуту дѣйствительной опасности, тотъ съумѣетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на нашъ вопросъ (*).

Такой рискъ, такія испытанія, если только они должны быть признаны необходимыми, слѣдуетъ начинать какъ можно ранѣе. Уже тогда, когда дитя дѣлаетъ первыя попытки подниматься съ полу на ноги, оно должно пріучаться—своими силами держаться на ногахъ, своими усиліями подниматься послѣ паденія. Въ противномъ случаѣ, лишь только дитя замѣтитъ, что къ его инстинкту самохраненія каждый разъ присоединяется посторонняя помощь, оно каждый разъ, въ случаѣ опа-

---

(*) Само собою разумѣется, что этотъ рискъ не долженъ допускаться иначе, какъ при внимательномъ наблюденіи со стороны воспитателей и принятіи извѣстныхъ предосторожностей, но такимъ-образомъ, чтобы дѣти этого не замѣчали. Пусть, подвергаясь умѣреннымъ опасностямъ, они пріобрѣтаютъ навыкъ избѣгать ихъ собственною твердостію и искусствомъ, но пусть также не пріучаются къ безразсудству и дерзости, устремляясь отважно на такіе подвиги, или выходки, при которыхъ, какъ говорится въ текстѣ, они могутъ сломить себѣ шею.

Примѣчаніе Редакціи.

сности, будетъ разсчитывать на содѣйствіе, и каждый разъ, когда такое содѣйствіе замедлитъ явиться, будетъ приходить въ то состояніе страха и безнадежности, которое убавитъ самостоятельную силу. Напротивъ того, при каждомъ удавшемся самостоятельномъ усиліи, въ дитяти ростетъ и довѣріе къ своей силѣ и самая сила. Крѣпость и сила, которыя образуются среди подобныхъ попытокъ, будутъ проявляться въ послѣдствіи не только при опасностяхъ физическихъ, но всюду, гдѣ дѣло идетъ объ энергической борьбѣ съ обстоятельствами и людьми. И потому-то дитя, отъ котораго воспитатели со всею тщательностію старались отстранить малѣйшую опасность, оказывается слабымъ и безпомощнымъ во всѣхъ физическихъ и нравственныхъ бѣдахъ своей жизни, и ни на мигъ не въ-состояніи освободиться отъ вкравшейся въ его характеръ робости и недовѣрія къ своимъ силамъ.

Впрочемъ, въ этой области риска, воспитатель не можетъ ничему опредѣленному научить своихъ питомцевъ: ему остается только воспрещать или дозволять. Нельзя также опредѣлить и того, до какихъ предѣловъ надлежитъ простирать подобный рискъ: все зависитъ отъ благоразумія воспитателя.

Мы перейдемъ къ той области воспитанія, гдѣ приходится рисковать еще бо́льшимъ, нежели жизнь тѣлесная,—къ области воспитанія нравственнаго. Въ этомъ отношеніи нашъ вопросъ о рискѣ представляется въ самомъ простомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ рѣзкомъ видѣ: долженъ-ли надзоръ за питомцемъ быть до такой степени тщателенъ и бдителенъ, чтобы имъ отстранялось малѣйшее поползновеніе ребенка къ дурному поступку—или воспитатель можетъ, прекращая по-временамъ надзоръ, подвергать питомца возможности сдѣлать что-либо дурное?

Конечно, всякій легко найдетъ готовый отвѣтъ на этотъ вопросъ, а именно, что самый бдительный надзоръ никогда на-самомъ-дѣлѣ не бываетъ столь неусыпенъ, чтобы питомцу не выдавалось минуты остаться безъ присмотра. Но мы замѣтимъ

на это, что тѣ минуты небреженія со стороны воспитателя, тѣ щели, которыя повременамъ оказываются въ самой, повидимому, плотной оградѣ непорочности, словомъ: тѣ случайности и промахи со стороны воспитателя, которыми питомецъ пользуется иногда къ своему вреду, не составляютъ того, что мы привыкли называть воспитаніемъ. Только та свобода, которую мы предоставляемъ питомцу умышленно, преднамѣренно, входитъ въ область воспитанія. Всякая другая свобода принадлежитъ къ числу тѣхъ случайностей, которыя, къ-сожалѣнію, весьма часто вторгаются въ область воспитанія.

Несомнѣнно, по-крайней-мѣрѣ, что свобода, которую питомецъ пріобрѣтетъ насиліемъ — т. е. явнымъ ослушаніемъ, или которую онъ выманиваетъ хитростью, есть свобода самая опасная, потому-что всегда соединена съ какимъ-нибудь порочнымъ и вреднымъ умысломъ.

Подобныхъ небрежностей воспитатель долженъ избѣгать тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ слабѣе воля питомца, — значитъ, преимущественно въ первые годы дѣтства. Родители весьма ошибаются, если думаютъ, что дитя съ слабою волею и потому впадающее въ легкіе проступки, требуетъ, съ ихъ стороны, меньшей бдительности, нежели такое дитя, которое, при волѣ болѣе развитой и настойчивой, впадаетъ въ проступки болѣе важные, и потому, въ случаѣ слабаго надзора, можетъ подвергаться дѣйствительно неисправимымъ несчастіямъ. На-оборотъ, именно въ эти раннія лѣта, когда мягкая, нѣжная душа ребенка особенно впечатлительна, неусыпный надзоръ за его поступками обязанъ отстранять отъ его взора все дурное и соблазнительное. Та-же самая мать, которая съ такимъ опасеніемъ сторожитъ ребенка отъ малѣйшаго ушиба, еслибы она могла замѣтить, какъ часто его нравственная природа подвергается опасности въ пріютной дѣтской комнатѣ, — еслибы она могла замѣтить тѣ, невидные сначала, но неистребимые вовѣкъ сѣмена зла, которыя западаютъ въ никѣмъ не охраненное сердце ребенка, еслибы, говоримъ мы, та-же мать могла замѣ-

тить опасности, которымъ подвергается ея дитя на прогулкахъ по городскимъ улицамъ и садамъ, подъ охраною няньки, — опасности, гораздо значительнѣйшія, нежели вывихъ руки или ноги, — то такая мать поняла-бы, что надзоръ и храненіе еще не составляютъ воспитанія.

Мать, которая въ настоящую минуту съ довольною улыбкою смотритъ на шаловливыя выходки своего дитяти, — на его маленькое лукавство, напр., потому-что оно является въ такомъ забавномъ видѣ; на упрямство, которое выражается въ такой милой бойкости, на тысячу маленькихъ продѣлокъ, выражающихъ очевидную будущую смышленость, смотритъ на все это съ улыбкою, потому-что все это такъ легко въ настоящую минуту унять и исправить, еслибы эта-же мать, нынѣ столь очарованная своимъ ребенкомъ, могла заглянуть въ будущее, когда этотъ посѣвъ, брошенный на юную духовную почву среди улыбокъ радости и самодовольства, взойдетъ бѣдою и горемъ, — то она поняла-бы, что и годы самаго ранняго дѣтства нуждаются во всей строгости воспитанія.

Вотъ почему мы непрестанно готовы увѣщевать родителей какъ можно тщательнѣе хранить эдемъ дѣтской непорочности; но мы предостерегаемъ ихъ также отъ мысли, что такимъ храненіемъ уже выполняется все дѣло воспитанія. Когда отецъ, посылая въ свѣтъ взрощеннаго имъ сына, увѣряетъ насъ, что онъ постояннымъ надзоромъ сохранилъ его сердце во всей его первобытной непорочности, и кромѣ того внушилъ ему *правила* жизни, которыя на будущее время должны ограждать его отъ пороковъ; когда мать, исполненная надеждъ, довѣрчиво говоритъ намъ о сынѣ, что она постоянно молилась съ нимъ и за него и укоренила въ его сердцѣ заповѣди Божіи: то мы готовы видѣть во всемъ этомъ много, весьма много добрыхъ залоговъ прекраснаго будущаго. Но каждый разъ тутъ-же намъ приходитъ на мысль вопросъ: упражняли-ли вы въ достаточной мѣрѣ волю вашего сына? И если нѣтъ, то найдется-ли въ немъ достаточно силы и твердости, чтобы, встрѣчаясь

въ жизни съ искушеніями, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ доселѣ, благодаря вашему тщательному храненію, противустоять имъ и побороть ихъ? Не будетъ-ли его паденіе и глубже и тяжелѣе отъ того самаго, что въ его дѣтствѣ отстранялась возможность легкихъ и почти безопасныхъ уклоненій отъ законовъ нравственности?

Представимъ себѣ, что мы взростили юношу въ чистѣйшей, почти ангельской непорочности, оградили его юныя лѣта такою высокою охранительною стѣною надзора, что онъ не имѣлъ возможности бросить ни одного взгляда на соблазнительный и порочный міръ. Но вотъ распахнулись двери родительскаго дома, юноша вступаетъ въ дѣйствительную жизнь, исполненную и обмановъ и коварства и ласкательства — словомъ, всего, чего онъ не зналъ доселѣ и по названію.

Что̀ будетъ съ нами, если мы за тѣмъ услышимъ голосъ благосмыслящихъ людей, берущихъ живое участіе въ судьбѣ той-же самой порочной жизни, — голосъ, который намъ скажетъ: «намъ нужны мужественные люди, а вы дали намъ слабаго ребенка; намъ нужна рѣшимость, сила, а вы дали намъ нѣжное слабодушіе, которое, правда, не творитъ зла, но за то не въ силахъ и бороться съ нимъ»? Не будемъ-ли мы, со страхомъ прислушиваясь къ скрипу дверей, каждый разъ ожидать, что питомецъ возвратится къ намъ, но увы! возвратится, какъ блудный сынъ? И если не возвратится, то не станетъ-ли онъ, со временемъ, на склонѣ своей жизни, вспоминая пройденный имъ путь, тоскливо укорять насъ? не скажетъ-ли онъ: «я нашелъ міръ вовсе не такимъ, какимъ вы мнѣ его представляли. Правда, вы говорили мнѣ о порочности его, но говорили какъ-то иначе, слишкомъ въ общихъ, неубѣдительныхъ выраженіяхъ. Зачѣмъ вы не дали мнѣ хотя нѣсколько испытать на себѣ эту порочность заблаговременно? Правда, вы заботились о томъ, чтобы ваши наставленія служили мнѣ охранною бронею противъ мірскаго зла, но къ чему могла послужить мнѣ броня, когда вы не дали мнѣ зоркаго глаза, чтобы усмотрѣть врага,

ни неиспытанной силы, чтобы побороть его! зачѣмъ вы не допустили меня хотя нѣсколько испытать то, что я долженъ-же былъ испытать современемъ. Зачѣмъ вы не давали мнѣ возможности падать въ то время, когда ваша твердая рука была надо мною и могла во всякую минуту помочь мнѣ встать послѣ паденія? Вы хотѣли сдѣлать меня лучшимъ, нежели нѣкоторые, а сдѣлали гораздо безпомощнѣе и неискуснѣе въ борьбѣ съ жизнію, чѣмъ многіе».

Такимъ обвиненіямъ подвергается воспитаніе, которое научало питомца всему, кромѣ — *свободной дѣятельности.*

Эти обвиненія направлены не противъ разумнаго и необходимаго надзора, не противъ того надзора, который охраняетъ питомца въ первоначальные годы дѣтства, или въ періоды, особенно опасные для нравственности, но противъ того педантическаго надзора, который преслѣдуетъ питомца, съ одинаковою строгостію, какъ разъ заведенный порядокъ, по всѣмъ ступенямъ его развитія. «Кто склоняется на сторону такого надзора, тотъ не ожидай отъ питомца, подъ нимъ взросшаго, никакой находчивости, изобрѣтательности, никакой рѣшительности, никакой самоувѣренности; подъ такимъ надзоромъ образуются обыкновенно темпераменты равнодушные, привыкающіе безучастно выполнять свои дѣла, *по заведенному порядку,* которыхъ не привлекаетъ ничто высокое и необыкновенное, которые привязаны душою только къ ежедневному, мелкому (*)». Тотъ, кто нисколько не рискуетъ дѣтьми, тотъ подвергаетъ ихъ, весьма вѣроятно, опасности тѣлесной, и навѣрное — духовной» (**).

Само собою разумѣется, что было-бы безсовѣстно перетолковать слова наши такъ, что будто воспитаніе должно рисковать всѣмъ, и что легкомысленные воспитатели, оставляющіе дѣтей своихъ вовсе безъ надзора, самые лучшіе воспитатели. Свобода, которой мы требуемъ, нисколько не облегчаетъ воспита-

(*) Слова Гербарта.

(**) Слова Жанъ-Поля.

тельнаго труда; напротивъ, она прибавляетъ воспитателю новыя трудности: она требуетъ отъ него большей осмотрительности, неусыпности и энергіи, нежели сколько требуется тогда, когда ребенка всегда ведутъ на помочахъ. Тотъ, кто до-сей-поры ограждалъ своего питомца постояннымъ надзоромъ, не долженъ думать, будто, по нашему мнѣнію, все дѣло заключается въ томъ, чтобы вдругъ прекратить или ослабить надзоръ. Предварительно нужно измѣнить свои отношенія къ питомцу,—а это требуетъ особеннаго труда, совершенно новаго рода. Желая испытать, какъ будетъ воспитанникъ вести себя отнынѣ, при ослабленномъ надзорѣ, воспитатель долженъ предварительно укрѣпить его силы для испытанія. Прежде нежели ослабнетъ внѣшняя воспитательная узда, надо дать образоваться въ сердцѣ дитяти той внутренней силѣ, которая сдерживала-бы порывы его произвола. Гдѣ кончается надзоръ, тамъ должны заступать его мѣсто новыя силы: *любовь*, *довѣріе*, *нравственная строгость* и *страхъ Божій*.

Но когда мы говоримъ *о любви*, то да не думаютъ тѣ, которые ни на шагъ не отпускали отъ себя свое дитя, что они доказали тѣмъ вполнѣ свою любовь къ нему. Сторожить свое дитя не есть еще труднѣйшая задача воспитанія, а поручать его надзору другихъ есть способъ самый удобный. При этомъ вѣдь все идетъ обыкновенно такъ кругло, ровно, въ такомъ отрадномъ, благоустроенномъ порядкѣ. Мы только сильно опасаемся за родителей, чтобы какъ-нибудь вдругъ не разрушилось ихъ очарованіе, чтобы какъ-нибудь насильственно не прервался успокоительный заведенный порядокъ. И что если онъ прервется такимъ случаемъ, при которомъ любимое ихъ милое дитя, утѣха всего дома, окажется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ?.... Но мы не сомнѣваемся, что есть и такая любовь, которая становится неизмѣннымъ ангеломъ-хранителемъ питомца на всѣхъ путяхъ его жизни, которая имѣетъ силу руководить къ доброй цѣли даже самаго непокорнаго и своенравнаго. Это безыскусственная, сердечная любовь, которая обильнымъ ключемъ проистекаетъ изъ чистой и благочестивой души матери, и

которую не трудно бываетъ замѣтить и подъ болѣе суровою оболочкою отцовскаго авторитета. Эта любовь выразительнѣе высказывается тономъ и взглядомъ, нежели нѣжными словами или приторными ласками. Она не многорѣчива въ охужденіяхъ; еще немногословнѣе въ похвалѣ; она чувствительнѣе наказываетъ молчаніемъ, нежели бранью: ея улыбка заключаетъ въ себѣ больше поощренія, нежели иная награда. Такая любовь застѣнчива; она не навязчива своими ласками: ихъ трудно добиться, но за то она составляетъ такую животворную стихію для ребенка, что онъ только и чувствуетъ себя счастливымъ, когда находится въ ея живительной сферѣ. Такая любовь не принимаетъ на себя высокомѣрнаго тона, не гонится за всѣми мелочами свѣтскаго приличія, но она не стремится также и къ тому, чтобы стать на одну ногу съ дѣтьми. Она начинаетъ еще скупѣе выказываться въ то время, когда питомецъ становится взрослѣе, но за то обнаруживаетъ себя тогда еще болѣе выразительными признаками. Ея вниманіе и *надзоръ* выражаются тѣмъ, что она живетъ съ дѣтьми неотлучно, не становясь нисколько имъ въ тягость: она принимаетъ на себя видъ не докучнаго надзирателя, а благодушнаго друга, наставляющаго на все доброе. Искусство ея состоитъ только въ томъ, что она умѣетъ сочувствовать дѣтямъ и постепенно установлять гармоническое единство между ихъ ощущеніями и своими собственными. Она обнаруживаетъ свое нравственное могущество не столько прямо, непосредственно, сколько тѣмъ, что незамѣтно для дѣтей успѣваетъ овладѣть всѣмъ настроеніемъ ихъ духа, и отъ того нравъ, обычай и образъ мыслей воспитателя становится для питомцевъ какъ-то самъ собою милъ, привлекателенъ и убѣдителенъ. И такая-то любовь становится самымъ неусыпнымъ стражемъ нравственности питомца, во всѣ часы, когда онъ остается безъ видимаго внѣшняго надзора. Ея влекущая сила въ состояніи вести по должному пути самаго повидимому своенравнаго мальчика. Мысль о привѣтливой улыбкѣ, которая его ожидаетъ дома, или страхъ увидѣть слезу въ лю-

бящемъ взорѣ матери, воспоминаніе о тѣхъ обѣтахъ любви и вѣрности, которыя онъ произносилъ когда-то передъ родителями, все это, даже въ безпредѣльной дали отъ родительскаго дома, вѣчно манящаго его подъ свою кровлю, — возникаетъ въ вообраясеніи юноши, каждый разъ, когда ему представляется какое-либо искушеніе. Но кто не чувствуетъ себя способнымъ привязать къ себѣ своего питомца узами такой любви, тотъ, конечно, поступитъ весьма благоразумно, если поручитъ его неусыпному постороннему надзору.

Другая сила, которую мы призываемъ заступить мѣсто прекращающагося надзора, есть *довѣріе*. Надзоръ самъ по себѣ есть недовѣрчивость. Когда мы живемъ съ нашимъ дитятею, играемъ съ нимъ, помогаемъ ему и совѣтуемъ, то между нами существуютъ самыя откровенныя, простыя и потому безобидныя отношенія. Но если мы станемъ продолжать нашъ неотступный надзоръ и въ тѣхъ положеніяхъ, когда ребенокъ могъ-бы и самъ управляться своими силами, онъ скоро подмѣтитъ, что мы чего-то боимся, что мы боимся какихъ-то поводовъ для него сдѣлать что-либо дурное; тогда и самъ онъ станетъ осматриваться по сторонамъ, искать случаевъ испытать то дурное, котораго возможность для него мы подозрѣваемъ. Дѣтей легко убѣдить, что въ большихъ массахъ, напр. въ школѣ, ихъ оставлять нельзя безъ присмотра; но убѣдить въ этомъ ребенка, который воспитывается одинъ, очень трудно: онъ неохотно вѣритъ своей неспособности владѣть самимъ собою. Во всякомъ случаѣ, недовѣрчивость, которая сама собою проглядываетъ сквозь строгій надзоръ, въ-состояніи ослабить благотворную самоувѣренность дитяти. Но если надзоръ, со всею непрерывностію и неослабностію, простирается и до болѣе зрѣлыхъ годовъ юношества, то онъ, смотря по индивидуальности воспитанника, производитъ различный, но одинаково важный и неисправимый вредъ. Или въ молодомъ человѣкѣ образуется какое-то сонное равнодушіе, безучастно исполняющее волю посторонняго, или злое начало беретъ верхъ, и онъ всѣми улов-

ками, а иногда и наглымъ неповиновеніемъ, стремится вырваться на волю и не слушаетъ никакихъ благоразумныхъ внушеній. Въ послѣднемъ случаѣ, всякая попытка возстановить гармонію между воспитателемъ и воспитанникомъ, довѣрчиво предоставивъ послѣднему извѣстную степень свободы, окажется или безуспѣшною, или рѣшительно вредною.

А между-тѣмъ подобный кризисъ могъ-бы быть предотвращенъ, еслибы задолго до него воспитатель, дѣйствуя по вѣрному психологическому разсчету, удѣлялъ своему питомцу, вмѣстѣ съ довѣріемъ, и ту благоразумную долю свободы, которая нужна питомцу для испытанія и развитія своихъ нравственныхъ силъ. Вспомнимъ, какъ, даже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, ребенокъ съ радостію говоритъ намъ: «я это сдѣлалъ самъ, никто не помогалъ мнѣ». И съ каждою подобною удачею растетъ въ немъ и сила и самостоятельность. А управлять самимъ собою— развѣ это не дѣло? Надо только предоставлять ребенку случаи для подобныхъ дѣлъ. Вотъ почему весьма благоразумно, выбравъ удобную минуту, предоставить иногда ребенка его собственной волѣ. Но чтобъ не испортить дѣла, не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ удаляться незамѣтно, или произнося что-нибудь въ родѣ того: «я сейчасъ вернусь назадъ». Напротивъ того, давая свободу, надо показать, что вы считаете ее знакомъ особеннаго довѣрія, что это вещь немаловажная, дабы дитя употребило всю свою силу — владѣть и управлять собою самостоятельно. И весьма часто можетъ случиться, что мальчикъ, который подъ надзоромъ воспитателя велъ себя дурно, несмотря ни на какія угрозы и наказанія, въ часы столь довѣрчиво предоставленной ему свободы будетъ вести себя гораздо лучше, чтобы оправдать довѣріе.

При каждой удачѣ испытанія, самостоятельность все болѣе будетъ укореняться въ характерѣ воспитанника, и тѣмъ будутъ представляться воспитателю новые поводы и побудительныя причины довѣрять питомцу свободу. Но если опытъ на первый разъ не удался, воспитаніе этимъ-же самымъ пріобрѣтаетъ но-

вое, весьма дѣйствительное средство *отнять свободу* и вмѣстѣ съ тѣмъ *наглядно убѣдить* воспитанника, что свобода ему пока еще вредна, что ему нуженъ надзоръ, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока онъ вновь не заслужитъ довѣріе. При возрастаніи воли, попытки снять съ нея ограниченіе должны повторяться чаще, и притомъ въ болѣе серьезныхъ случаяхъ. Чаще всего это должно происходить при переходѣ мальчика въ юношескій возрастъ, если только воспитаніе его вообще шло правильно и успѣшно. Въ это переходное время, когда въ юношѣ развивается самосознаніе, и когда ему чаще всего бываетъ пріятно побыть на-единѣ съ собою, въ это время, именно для лучшей изъ дѣтскихъ натуръ, постоянно слѣдящій за нею надзоръ и бываетъ особенно докученъ и стѣснителенъ. Именно лучшія натуры особенно и нуждаются въ это время въ самостоятельныхъ попыткахъ, и онѣ-то именно и оказываются наиболѣе непокорными докучливому воспитателю, когда онъ старается пресѣчь для нихъ поводы къ самостоятельности. Конечно, бываютъ случаи, что именно въ эти годы и нуженъ самый строгій надзоръ; но эти случаи всегда составляютъ исключеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ подобныя попытки предоставленія питомцу свободы, будутъ иногда оказываться неудачными; но на то онѣ и попытки, и мы всегда должны быть готовы къ этому. Но и при подобныхъ неудачахъ, благодѣтельное слѣдствіе не замедлитъ явиться, если воспитателю будетъ удаваться доводить до раскаянія заблуждающагося питомца. Для этого необходимо одно только условіе: откровенность воспитанника въ отношеніи къ воспитателю. Потому-что не то еще слѣдуетъ считать за худшее, что воспитанникъ провинился, но то, когда онъ скрываетъ отъ воспитателя свою вину—или, вѣрнѣе, исторію своего сердца, и тѣмъ не даетъ воспитателю возможности довести его до сознанія вины. Только тогда, когда прежнія дружественныя отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ возстановлены раская-

ніемъ и нелицемѣрнымъ, разумнымъ сознаніемъ вины, только тогда можно приступить къ довѣрчивой попыткѣ предоставленія свободы. Если-же вина не заглажена сознаніемъ ея, или, что еще хуже, прикрыта ложью оправданія, тогда слѣдуетъ опасаться, что злое начало повлечетъ воспитанника къ новымъ и новымъ паденіямъ, такъ-что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вовсе отобьется отъ рукъ. И тутъ-то воспитатель принужденъ удвоить свою бдительность, дабы имѣть возможность какими-нибудь другими воспитательными мѣрами, находящимися въ его распоряженіи, предотвратить окончательное паденіе своего воспитанника.

Подобной откровенности нельзя ни вынудить, ни выманить отъ питомца: она бываетъ прочною только тогда, когда проистекаетъ изъ нравственнаго превосходства и вліянія воспитателя. Въ этомъ случаѣ, она не слабѣетъ даже и тогда, когда воспитанникъ увѣренъ, что встрѣтитъ въ воспитателѣ строгаго судью своихъ проступковъ.

Разумная строгость не только совмѣстна съ любовью, или, какъ говоритъ св. писаніе: *любяй сына, наказуетъ прилежно;* но она вполнѣ сообразна съ системою предоставленія свободы, и служитъ даже подпорою свободѣ, составляя законное возмездіе ея злоупотребленію.

Тотъ-же самый Сенека, который сказалъ: «духъ крѣпнетъ въ свободѣ и слабѣетъ въ рабствѣ», тотъ-же самый Сенека, въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, съ благодарностію вспоминалъ о своей матери, которая не раздѣляла слабостей своего вѣка, не *потворствовала своимъ дѣтямъ.* И Лютеръ, который говорилъ: «молодые люди любятъ рѣзвость, любятъ веселье, и дурно, если мы станемъ на каждомъ шагу останавливать и бранить ихъ», тотъ-же самый Лютеръ говоритъ о себѣ: «мои родители держали меня очень строго; однажды мать прибила меня до крови за какую-то бездѣлицу; но, впрочемъ, они все-таки отъ чистаго сердца желали мнѣ добра». Біографъ Лютера Маттезій замѣчаетъ при этомъ: «чему суждено статъ великимъ; то должно

начаться съ малаго, и если воспитывать дѣтей въ нѣгѣ и въ холѣ, имъ-же будетъ впослѣдствіи хуже». И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не вспомнить при этомъ, что почти всѣ замѣчательные историческіе характеры сложились подъ такимъ воспитаніемъ, которое, предоставляя большой просторъ для самостоятельнаго развитія силъ, въ то-же время строго наказывало всѣ уклоненія отъ нравственности. Напротивъ того, слабость или недостатокъ взыскательности, никогда не въ-состояніи развить въ питомцѣ того, что мы называетъ великимъ характеромъ: потому-что одинъ изъ признаковъ величія, есть, безъ сомнѣнія, самообладаніе. Нѣжныя просьбы, увѣщанія, желаніе уговорить, осторожно перегнуть на свою сторону упрямую волю, когда ее можно и должно переломить, эти вѣчныя прощенія въ послѣдній, въ самый послѣдній разъ, безъ ясныхъ признаковъ раскаянія, — все это самыя вѣрныя средства сдѣлать дитя рѣшительно своевольнымъ еще въ то время, какъ думаешь имѣть надъ нимъ власть, и вполнѣ безнравственнымъ, когда онъ наконецъ выйдетъ изъ-подъ опеки воспитателя. Если мы хотимъ, чтобы дитя наше было послушно нашимъ внушеніямъ даже внѣ прямаго нашего надзора, то мы должны развить въ немъ послушаніе подъ нашею рукою, передъ нашими глазами. Строгость, которая поставитъ себѣ задачею развить такое послушаніе, конечно, не будетъ слишкомъ настойчиво преслѣдовать нѣкоторые проступки противъ условныхъ общественныхъ приличій, — но за то она удвоитъ свою силу тамъ, гдѣ идетъ дѣло о порочныхъ наклонностяхъ сердца. Такая строгость ограничится небольшимъ числомъ предписаній, но будетъ твердо настаивать на ихъ исполненіи, и порою дерзкое, злобное *слово* накажетъ такъ-же, какъ наказала-бы злое *дѣло*. Такая строгость будетъ рости вмѣстѣ съ годами воспитанника, и по-мѣрѣ-того-какъ будетъ ослабляться надзоръ за нимъ. И мы вполнѣ увѣрены, что эта строгость, не оставляющая безъ должнаго наказанія ни одного дурнаго поступка, одна въ-состояніи развить то чувство законности, которое составляетъ необходимое условіе для поль-

зованія свободою. Только такая нравственная строгость въ состояніи воспитать мужей.

Но да не подумаетъ кто-нибудь, что строгость, любовь, довѣріе, или какое-нибудь другое воспитательное средство, сами по себѣ вполнѣ достаточны для того, чтобы служить охраною развивающейся самостоятельности. Всѣ эти средства окажутся обманчивыми и ложными, если они будутъ примѣняемы только какъ извѣстная *метода*, не имѣющая болѣе глубокихъ основаній въ вѣрованіяхъ воспитателя. Верховное чувство, которымъ долженъ быть проникнутъ воспитатель, есть *страхъ Божій*. Только страхъ Божій, это вѣковѣчное начало всякой премудрости, можетъ служить твердою опорою самостоятельности юноши. Если желаешь твердости и мужества въ годину искушенія, запечатлѣй въ своемъ сердцѣ слово Божіе, проникнись страхомъ грозы Его. И удивительно-ли, что мы, въ наше время принуждены прибѣгать къ такому тщательному надзору, къ такому неусыпному храненію непорочности, если желаемъ отвратить дѣтей нашихъ отъ соблазновъ и паденія! И удивительно-ли, что всѣ наши старанія остаются столь часто вовсе безуспѣшными, когда общественная жизнь сама собою разрушаетъ ту спасительную охрану, которою въ прежнія времена была сберегаема непокорность юношей! Кто уразумѣлъ, какъ должно воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, тому немного потребуется искусныхъ воспитательныхъ пріемовъ. Молодой человѣкъ, взращенный въ духѣ истиннаго богопочитанія и страха Божія, пріученный съ дѣтства ненавидѣть все лживое и низкое, любить все благое и возвышенное; вкусившій въ домѣ родительскомъ тихую прелесть семейной жизни,—уже пріобрѣлъ надежную охрану и для той искусительной минуты, когда онъ останется безъ надзора, на-единѣ съ своею свободою.

Послѣ всего сказаннаго нами, намъ остается рѣшить еще одинъ вопросъ: какъ опредѣлить время, когда можно прекратить надзоръ за воспитанникомъ. Только безрасудный воспитатель дастъ полную свободу мальчику, не научившемуся упра-

влять своею волею. Но встрѣчается много людей, впадающихъ въ такую безразсудную ошибку, единственно отъ нетерпѣливости. Это обвиненіе всего чаще можетъ относиться къ тѣмъ родителямъ, которые, не соображаясь съ зрѣлостію дѣтей своихъ, хотятъ, во что-бы то ни стало, какъ можно ранѣе увидѣть ихъ самостоятельно-дѣйствующими на какомъ-нибудь служебномъ поприщѣ. За справками о зрѣлости обращаются обыкновенно только къ цифрамъ: къ метрическому свидѣтельству, или къ экзаменному баллу, который ихъ сынъ получилъ въ такомъ-то классѣ учебнаго заведенія. Но вѣдь зрѣлость характера нельзя опредѣлять числами, подобно тому, какъ возрастъ дерева опредѣляется слоями его сердцевины. И вотъ почему такъ часто случается, что все прежнее храненіе и надзоръ, всѣ старанія воспитателей — обращаются въ ничто, когда вдругъ, вслѣдствіе нетерпѣнія родителей, предоставляется самостоятельность молодымъ людямъ, недозрѣлымъ нравственно, не пріученнымъ владѣть и управлять собою. И потому не безъ причины жалуются, что наше время бѣдно сильными характерами, что люди какъ-то мельчаютъ. Причина тому—нетерпѣніе и стараніе доводить юношество до преждевременной зрѣлости. Конечно, это еще нѣсколько возможно въ отношеніи познаній, хотя и здѣсь такъ-называемые скороспѣлки оказываются на дѣлѣ большею частію безполезными людьми, но въ отношеніи характера нѣтъ никакой возможности ускорить его созрѣваніе. Если внимательнѣе вглядѣться въ современность, то можно дойти до противуположнаго заключенія, а именно—что, въ наше время быстрыхъ успѣховъ цивилизаціи, характеры зрѣютъ медленнѣе прежняго, и потому должно не сокращать срокъ воспитанія, а напротивъ увеличивать его продолжительность.

Почти нѣтъ надобности упоминать, что высказанныя нами основанія касательно воспитанія мальчиковъ имѣютъ свою силу и въ-примѣненіи къ женскому воспитанію. Въ какой степени ихъ нужно ограничивать или видоизмѣнять въ этомъ примѣненіи, каждая здравомыслящая мать легко пойметъ сама.

Мы желаемъ только, чтобы написанное нами было принято во вниманіе благосклонными читателями, примѣнено къ дѣлу добросовѣстными людьми, и не было перетолковано во-вредъ воспитанію — недобросовѣстными. Тѣ требованія, которыя мы обратили къ воспитателямъ, относительно осмотрительности, добросовѣстности и мужественнаго взгляда на свое воспитательное дѣло, придется выполнять по большей части самимъ родителямъ: потому-что школа, имѣя задачею воспитывать и содержать въ дисциплинѣ большую массу дѣтей, принуждена бываетъ во многихъ случаяхъ ограничивать ихъ личную свободу. Она принуждена обходиться съ своими воспитанниками вообще осторожнѣе, нежели родители, и въ особенности съ такими дѣтьми, которыя не пріучены были къ самостоятельности въ родительскомъ домѣ, гдѣ на самостоятельность смотрѣли, какъ на нѣчто весьма опасное для дитяти. И такъ пусть родители первые сознаютъ, что самостоятельность, въ благоразумныхъ предѣлахъ, не только не опасна, но даже необходима для будущаго блага ихъ дѣтей, и пусть они соединятъ свои усилія съ усиліями школы для укорененія ея въ характерѣ молодыхъ людей.

Перев. съ Нѣмецк. И. ТИМОФЕЕВЪ.

ОЧЕРКЪ
СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ПОЗНАНІЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ФАУНЫ
ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ПЕТЕРБУРГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе перечня мѣстной фауны есть лучшее средство поощренія къ дальнѣйшему изслѣдованію оной. Это доказано многими примѣрами, не только въ Германіи и Франціи, но и у насъ, въ С. Петербургѣ. Благодаря каталогу здѣшнихъ чешуекрылыхъ (Lepidotera), изданному г. Фиксеномъ въ 1849 г., этотъ отрядъ нѣнѣ изученъ у насъ лучше прочихъ. Въ перечнѣ г. Фиксена упоминается о 766 видахъ; три года спустя, въ 1852 году г. Сиверсъ издалъ новый перечень, заключавшій 860 видовъ, а нынѣ онъ-же приготовляетъ второе изданіе, въ коемъ число видовъ будетъ простираться до 1070. Значитъ, въ 7 лѣтъ прибыло 300 видовъ. Душевно желаемъ, чтобы предлагаемый нами перечень жесткокрылыхъ оказалъ такую-же пользу ихъ изученію.

Не довольствуясь перечнемъ, мы присовокупили къ оному по возможности полный отчетъ о современномъ состояніи познанія нашей фауны, съ тою цѣлію, чтобы начинающіе, незнакомые съ занятіями здѣшнихъ энтомологовъ въ послѣдніе годы, не ограничивались повтореніемъ ихъ изслѣдованій, а обращались къ предметамъ новымъ, менѣе извѣстнымъ. Желая притомъ, чтобы начинающіе энтомологи смотрѣли на свое занятіе

съ надлежащей точки зрѣнія, какъ на отрасль науки, а не какъ на пустое развлеченіе, мы изложили въ первой главѣ общія начала географическаго распредѣленія насѣкомыхъ и примѣнили ихъ къ здѣшней мѣстности. Съ тою-же цѣлію составлено библіографическое приложеніе, т. е. списокъ сочиненіямъ, которыми необходимо пользоваться при изученіи здѣшней фауны.

Сознавая всю неполноту и несовершенство предлагаемаго опыта, мы утѣшаемъ себя мыслью, что самое несовершенство это тѣмъ скорѣе побудитъ другихъ энтомологовъ къ предпринятію подобнаго, но болѣе удовлетворительнаго труда.

Намъ остается исполнить пріятный долгъ благодарности въ отношеніи лицъ, которыя способствовали намъ при выполненіи этого труда. Прежде всѣхъ упомянемъ о хранителѣ музеума Академіи наукъ Э. Ф. Менетріе, доставлявшемъ намъ свободный, во всякое время, доступъ въ библіотеку и музеумъ Академіи, и о В. И. Мочульскомъ, оказавшемъ намъ важную помощь сообщеніемъ рукописнаго каталога своей коллекціи Русскихъ насѣкомыхъ. Прочіе гг. энтомологи охотно дѣлились съ нами наблюденіями и рѣдкими видами. Изъ нихъ назову гг. Бремера, Гернета, Кеппена, Моравица, Оберта и Сиверса.

Вмѣстѣ съ этимъ, не можемъ не сказать, что весьма чувствительнымъ для насъ было отсутствіе гг. Я. А. и А. А. Кушакевичей, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручиковъ. Многосторонняя опытность ихъ въ познаніи здѣшней фауны и богатая ихъ коллекція въ значительной степени могли-бы содѣйствовать намъ при выполненіи настоящаго туда.

Наконецъ неизлишнимъ считаемъ присовокупить, что настоящій трудъ нашъ написанъ въ началѣ 1856 года.

ГЛАВА I.

Изученіе мѣстныхъ флоръ и фаунъ пріобрѣло особенное значеніе съ-тѣхъ-поръ, какъ ученые начали обращать вниманіе

на законы географическаго распредѣленія растеній и животныхъ. Введенная сперва Гумбольдтомъ въ ботанику, эта новая отрасль естествознанія занимаетъ нынѣ и зоологовъ.*

Долгое время направленіе ботаники и зоологіи было чисто-*аналитическое*, т. е. стремилось *къ познанію всѣхъ видовъ организованныхъ существъ*. Флора и фауна каждой страны разлагалась на составныя части (виды), и изъ разъединенныхъ частей этихъ сооружалось новое зданіе—*система*. Въ системѣ заключались всѣ извѣстные виды растеній и животныхъ, но совершенно въ другомъ порядкѣ, нежели въ природѣ. Сродство организаціи сближало виды самые отдаленные въ топографическомъ отношеніи. Нашъ дубъ помѣщался подлѣ Американскаго, наша домашняя кошка — въ сосѣдствѣ тигра, и т. п.

Но познанія составныхъ частей недостаточно для уразумѣнія цѣлаго. Необходимо изслѣдованіе законовъ, на основаніи которыхъ эти составныя части сложены. Какъ анатомія не можетъ обойтись безъ физіологіи, такъ и систематическая зоологія и ботаника не полны безъ содѣйствія другой науки, которая соединила-бы снова разъединенное ими, и показала-бы ту связь между климатомъ, почвою, растительностью и фауною, вслѣдствіе которой природа, взятая въ своей цѣлости, представляетъ такой-же самостоятельный, живой организмъ, какъ отдѣльное растеніе или животное.

Идея такой науки едва-ли когда-либо осуществится вполнѣ. Но тѣмъ не менѣе человѣческій умъ стремится къ достиженію этой цѣли, какъ къ крайнему предѣлу всякаго естествознанія. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе законовъ географическаго распредѣленія растеній и животныхъ имѣетъ огромное значеніе: оно доставитъ намъ матеріалы, съ помощью которыхъ можно надѣяться, со-временемъ, рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ въ наукѣ.

Энтомологія, какъ часть зоологіи, должна принять участіе въ современномъ движеніи науки; разсматриваемое съ этой

точки зрѣнія *изученіе мѣстныхъ энтомологическихъ фаунъ* пріобрѣтаетъ настоящее свое значеніе. Но предметъ энтомологіи такъ обширенъ, уже одно число насѣкомыхъ до того превосходитъ число животныхъ всѣхъ прочихъ классовъ, взятыхъ вмѣстѣ (*), что небольшаго числа ученыхъ, посвящающихъ себя спеціально этой отрасли зоологіи, было-бы совершенно недостаточно для ея разработки; при быстрыхъ успѣхахъ другихъ отраслей, она постоянно отставала-бы отъ нихъ.

Поэтому *дилеттантизмъ* т. е. содѣйствіе не спеціалистовъ, такъ-называемыхъ *любителей*, вещь совершенно необходимая въ энтомологіи; только при содѣйствіи многочисленныхъ дилеттантовъ (въ Европѣ ихъ, безъ-сомнѣнія, не одна тысяча) энтомологія могла, въ краткій періодъ немногихъ дѣсятилѣтій, дойти до той степени совершенства, на которой находится нынѣ. Но дилеттантизмъ имѣетъ и дурныя стороны; дилеттантъ, выискивая въ наукѣ только то, что можетъ служить для развлеченія, нерѣдко теряетъ изъ виду высокую цѣль ея—истину. Энтомологія, въ рукахъ дилеттанта, легко обращается въ пустую забаву, не требующую никакой умственной дѣятельности; не только дѣти, даже взрослые обращаютъ ее въ игру красивыми жуками и бабочками. Положительнаго вреда отъ такого направленія не происходитъ; но все-таки желательно было-бы, чтобы по-крайней-мѣрѣ люди образованные, посвящающіе часы досуга энтомологіи, смотрѣли на нее съ другой точки зрѣнія.

При изложеніи нынѣшняго состоянія познанія С. Петербургской энтомологической фауны, мы преимущественно старались разсматривать ее съ точки зрѣнія науки и придавать всѣмъ, пріобрѣтеннымъ объ оной доселѣ свѣдѣніямъ, форму *матеріаловъ для зоологической географіи*.

(*) Позвоночныхъ животныхъ насчитываютъ до 23,000, моллюсковъ до 15,000, Radiata — до 10,000. (См. руководство зоологіи Агасси и Гульда). Насѣкомыхъ, по новѣйшимъ, гипотетическимъ соображеніямъ, никакъ не менѣе 1,500,000 видовъ! (См. Schaum's Bericht ueber die Fortschritte d. Entom. für 1852).

§ 1. Общія понятія о законахъ географическаго распредѣленія насѣкомыхъ.

Въ зоологическомъ отношенія поверхность земнаго шара раздѣляется на области, съ самостоятельными, характеристическими фаунами (regiones zoologicae, zoologische Reiche). Въ новѣйшихъ сочиненіяхъ ихъ принимаютъ до 30. Въ составъ такой области входитъ обыкновенно нѣсколько смежныхъ странъ, съ болѣе или менѣе сходными фаунами. Изъ этихъ словъ уже видно, какъ неопредѣленно понятіе о зоологической области. Тамъ, гдѣ границы ея образуются естественными преградами, особенно горами, фауна бываетъ сомкнутою, независимо отъ фаунъ сосѣднихъ. (Напр. фауна восточной Индіи). Гдѣ нѣтъ такихъ естественныхъ преградъ, фауны сосѣднихъ областей сливаются, совершенно незамѣтно переходя одна въ другую. (Такимъ образомъ, между средне-Европейскою и полярною зоологическою областью, граница чисто-идеальная).

Исторія земной поверхности доказываетъ, что очертаніе материковъ въ теченіе вѣковъ измѣняется. Постепенное поднятіе морскаго дна составило сплошные материки изъ бывшихъ прежде островов, и, на-оборотъ, море раздѣлило страны сначала соединенныя. Такъ произошло, вѣроятно, существующее нынѣ неопредѣленное очертаніе зоологическихъ областей и смѣшанный составъ фаунъ, которыя, при происхожденіи своемъ, были, можетъ быть, самостоятельными и сомкнутыми.

Кромѣ разнообразія фаунъ, характеризующихъ зоологическія области, каждая изъ нихъ заключаетъ въ предѣлахъ своихъ множество *мѣстныхъ фаунъ;* другими словами, насѣкомое, свойственное какой-либо зоологической области, не распространено по всему пространству оной, но имѣетъ болѣе или менѣе ограниченный округъ, который опредѣляется законами особаго рода. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. *Зависимость насѣкомыхъ отъ растеній.* Значительная часть насѣкомыхъ всѣхъ отрядовъ живутъ на счетъ растеній (insecta phytophaga), питаясь разными частями и соками оныхъ.

Нѣкоторыя объѣдаютъ растеніе извнѣ, не проникая подъ внѣшніе его покровы. Другія-же весь періодъ своего развитія проводятъ во внутренности растенія: въ стеблѣ травы, въ стволѣ дерева, въ плодахъ и листьяхъ. Многія насѣкомыя придерживаются опредѣленнаго вида растенія (insecta monophaga); распространеніе ихъ обусловливается распространеніемъ растенія, служащаго имъ пищею. Другія нападаютъ на многіе сродные виды; третіи, еще менѣе разборчивыя, питаются растеніями разныхъ родовъ и семействъ (ins. polyphaga). Кромѣ того, огромное число насѣкомыхъ, не питаясь растительными веществами, находится въ *косвенной зависимости* отъ растеній. Это такія, которыя живутъ на-счетъ насѣкомыхъ, находящихся въ *непосредственной* зависимости отъ растительности. Сюда относятся напр. *чужеядныя насѣкомыя* отряда перепончатокрылыхъ (ichneumones, pteromalini и проч.).

2. *Зависимость насѣкомыхъ отъ почвы.* Растенія находятся въ прямой зависимости отъ почвы, и черезъ это ставятъ въ *косвенную* отъ нея зависимость живущихъ на нихъ насѣкомыхъ. Но существуетъ и непосредственное вліяніе почвы на насѣкомыхъ независимыхъ отъ растительности; многія встрѣчаются напр. исключительно на песчаной почвѣ (Broscus cephalotes, Liochiton arcticum, Amara tibialis, нѣкоторыя Birrhi и Heteromera), другія на известковой, глинистой (Ophonus), солончаковой (многія Heteromeria) и проч.

3. *Зависимость насѣкомыхъ отъ климата.* Климатъ ограничиваетъ распространеніе сѣверныхъ насѣкомыхъ на югъ и южныхъ на сѣверъ. Вслѣдствіе этого насѣкомое, при прочихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть гораздо больше распространеніе съ востока на западъ, нежели съ сѣвера на югъ. Непосредственное вліяніе климата на жизнь насѣкомыхъ зависитъ, кажется, отъ *продолжительности* лѣтняго времени и характера погоды (т. е. сухости, сырости, утреннихъ морозовъ весною и осенью), болѣе, нежели отъ средней температуры года. Насѣкомое одарено до извѣстной степени

способностью *приспособлять свои нравы къ климатическимъ условіямъ*. (Доказательствомъ тому служитъ майскій жукъ, Melolontha vulgaris, развитіе котораго, въ сѣверной части Германіи, продолжается четыре года, на югѣ-же, напр. въ Швейцаріи,— только три). Но эта способность весьма ограниченна, и притомъ не одинакова у всѣхъ насѣкомыхъ. Климатъ простираетъ свое вліяніе и на насѣкомыхъ, живущихъ на растеніяхъ; растеніе нерѣдко переноситъ климатъ уже непригодный для жильца его.

Смотря по измѣненіямъ трехъ условій—*почвы, растительности и климата*, въ предѣлахъ зоологическихъ областей образуется безчисленное разнообразіе мѣстныхъ фаунъ. Но оцѣнки этихъ условій не бываетъ достаточно для объясненія состава какой-либо фауны. Нельзя допустить, что распредѣленіе насѣкомыхъ, не зависящихъ отъ растительности, опредѣляется единственно качествомъ почвы и атмосферическими условіями, обыкновенно совокупляемыми подъ названіемъ климата. Тутъ дѣйствуютъ многія другія, еще никѣмъ не изслѣдованныя причины, разъясненіе коихъ весьма трудно и требуетъ самыхъ тщательныхъ наблюденій.

Въ отношеніи *состава фауны*, въ зоологическихъ областяхъ надобно различать мѣстности двухъ родовъ: такія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе *самостоятельную* фауну, т. е. населены большимъ или меньшимъ числомъ видовъ, принадлежащихъ исключительно имъ, или по-крайней-мѣрѣ, весьма ограниченному округу; какъ-бы аборигенами этого округа. Къ этому разряду преимущественно относятся горы, имѣющія Альпійскій характеръ; напр. Швейцарскія и Кавказскія Альпы, знаменитыя по богатству фауны. Другія мѣстности такихъ аборигеновъ не имѣютъ; всѣ насѣкомыя ихъ фауны пользуются огромнымъ распространеніемъ, иногда на всю зоологическую область, даже на сосѣднія области. Такая безхарактерность фауны особенно свойственна равнинѣ, хотя бываютъ и равнины съ оригинальными формами насѣкомыхъ. Мы увидимъ ниже, что Скандинавскій полуостровъ и Финляндія, со

включеніемъ и нашей мѣстности, принадлежатъ ко второму разряду фаунъ. Всѣ насѣкомыя этихъ странъ распространены далеко на востокъ и западъ. Можно насчитать нѣсколько сотъ жуковъ, распространенныхъ по всей равнинѣ сѣв. Россіи и Сибири до самыхъ береговъ Тихаго Океана; очень многія даже, переходя чрезъ Беринговъ проливъ, распространяются и по сѣвернымъ частямъ Америки. Почти всѣ эти виды доходятъ, на западъ, до береговъ Атлантическаго океана.

Изслѣдованіе законовъ географическаго распредѣленія насѣкомыхъ въ высшей степени занимательно. Мы ограничились здѣсь только самымъ сжатымъ изложеніемъ тѣхъ началъ, которыя намѣрены примѣнить при разсмотрѣніи состава нашей фауны.

§ 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ФАУНЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ПЕТЕРБУРГА.

Описаніе фауны окрестностей города представляетъ то неудобство, что опредѣленіе границъ округа ея бываетъ большею частью произвольное. Городъ нерѣдко находится на самомъ рубежѣ двухъ, или болѣе геогностическихъ формацій, съ совершенно различною почвою, а за тѣмъ и флорою и фауною. Въ-такомъ-случаѣ, приходится описывать нѣсколько округовъ, несходныхъ между собою въ естественномъ отношеніи.

Столица наша расположена именно означеннымъ образомъ, почти на точкѣ соприкосновенія четырехъ геологическихъ формацій. Къ сѣверу отъ р. Невы — округъ древнихъ наносовъ (diluvium), съ почвою большею частью песчаною. Около береговъ Финскаго залива — новые наносы (alluvium — песокъ, глина). Къ югу, узкою полосою черезъ Гатчино и Павловскъ, тянется силурійская формація (плита); еще южнѣе — девонская формація занимаетъ остальную часть губерніи и (глина, мергель). (См. геогностическую карту С. Петербургской губерніи С. С. Куторги).

Соотвѣтственно различію почвъ, эти формаціи представляютъ весьма несходныя флоры и фауны. Всего естественнѣе

было-бы разсматривать каждую изъ нихъ отдѣльно, определяя характеръ ея энтомологической фауны въ связи съ почвою и растительностью. Къ-сожалѣнію, при неполнотѣ свѣдѣній нашихъ, этого еще сдѣлать нельзя. Большая часть здѣшнихъ энтомологовъ, въ томъ числѣ и мы сами, изслѣдовали преимущественно часть губерніи, лежащую по сѣверную сторону р. Невы; сравнительно съ нею, южная сторона мало извѣстна. Это обстоятельство и заставляетъ насъ довольствоваться на этотъ разъ характеристикою означенной только части губерніи, принадлежащей къ округу древнихъ и новыхъ наносовъ (*).

Примѣняя къ нашей энтомологической фаунѣ начала географическаго распредѣленія насѣкомыхъ, изложенныя въ предыдущемъ параграфѣ, намъ придется разрѣшить слѣдующіе вопросы:

а) Какъ опредѣлить характеръ фауны разсматриваемой мѣстности, въ отношеніи къ условіямъ почвы и растительности?

б) Въ чѣмъ выражается непосредственное вліяніе климата на эту фауну?

в) Къ какой зоологической области принадлежитъ она?

г) Относится-ли она къ разряду болѣе или менѣе самостоятельныхъ фаунъ, или-же она принадлежитъ къ совершенно безхарактернымъ?

Вопросы о почвѣ и растительности такъ тѣсно связаны, что необходимо разсматривать ихъ въ совокупности.

Растительность сѣверной части нашей губерніи характеризуется *хвойнымъ лѣсомъ* и *болотною флорою;* тамъ-же, гдѣ человѣкъ преобразовалъ первоначальный характеръ природы, явились *луга*, большею частью *низменные*, и *хозяйственныя растенія.*

Хвойный лѣсъ у насъ—*сосновый* и *еловый;* первый преимущественно на сухой, песчаной почвѣ, второй—на низменностяхъ. *Лиственныя деревья*, сравнительно съ хвойными, занимаютъ не-

(*) Въ концѣ настоящей главы мы укажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, на рѣзкую противуположность фаунъ по сѣверную и по южную стороны Невы (особенно фауны девонской формаціи).

большое пространство. Изъ нихъ главное—*береза*, за тѣмъ — *ольха* (Alnusincana), *осина*, отчасти *рябина* и *орѣшина*. (Прочія деревья наши или не встрѣчаюся дикорастущими, или встрѣчаются такъ рѣдко, что нимало не способствуютъ къ характеристикѣ нашей лѣсной флоры).

Сосновый лѣсъ, вслѣдствіе песчаной почвы, которой онъ ищетъ, сопровождается обыкновенно травянистыми растеніями и кустарникаам, свойственными пескамъ. Верескъ (Calluna vulgaris), толокнянка (Arbutus uva ursi), отчасти и брусника (Vaccinium vitis idaea) покрываютъ прогалины и просѣки. На сырой почвѣ еловаго лѣса растутъ багульникъ (Ledum palustre), шикша (Empetrum nigrum), черника (Vaccinium myrtillus), голубица (Vaccinium uliginosum). Клюква (Vaccinium oxycoceos) любитъ болѣе открытыя лѣса, торфяныя болота.

Болото имѣетъ свою флору; характеристическіе признаки ея — Eriophorum, разные виды Carex и Scirpus, Phragmites communis и проч.

Разсмотримъ теперь элементы здѣшней фауны, состоящіе въ зависимости отъ нашихъ древесныхъ породъ, и начнемъ съ *сосны*.

Надобно различать слѣдующія категоріи насѣкомыхъ сосны, по условіямъ зависимости ихъ отъ этого дерева (*):

(*) Въ слѣдующихъ перечняхъ помѣщены только виды, встрѣчающіеся у насъ. Тамъ, гдѣ показано одно родовое названіе, напр. Aphis, безъ видоваго, это означаетъ, что насѣкомыя того рода хотя и встрѣчаются у насъ, но видовыя названія ихъ еще не опредѣлены. Пересматривая наши перечни, легко замѣтить, что нерѣдко одно и то-же насѣкомое упомянуто подъ рубрикою нѣсколькихъ деревъ. Это *разноядныя* насѣкомыя (insecta polyphaga см. § 1). Различеніе насѣкомыхъ *одноядныхъ* (monophaga) отъ *разноядныхъ* весьма затруднительно, и требуетъ самыхъ точныхъ наблюденій. Разноядность чрезвычайно зависитъ отъ обстоятельствъ, и часто только вынуждается недостаткомъ обыкновенной пищи. По-этой-причинѣ, наблюденія, сдѣланныя въ одномъ мѣстѣ, не всегда подтверждаются въ другомъ; вслѣдствіе сего и перечни наши, составленные отчасти по иностраннымъ сочиненіямъ (преимущественно по Рацебургу), не имѣютъ никакихъ притязаній ни на полноту, ни на безусловную примѣнимость къ нашей фаунѣ. При составленіи ихъ, единственною цѣлію нашею было — обратить вниманіе энтомологовъ на наблюденія подобнаго рода. Названія насѣкомыхъ, найденныхъ на извѣстномъ деревѣ *въ здѣш-*

I. Питающіяся частями дерева или сокомъ его (въ возрастѣ личинки или совершеннаго насѣкомаго):

a) Кореньями: Melolontha hippocastani (L), *Amphimallus solstitialis* (L), нѣкоторые Aphides, рода Rhizobius.

b) Корою, лубомъ, заболонью (здѣсь надобно отличать насѣкомыхъ, водящихся исключительно на толстыхъ стволахъ или сучьяхъ, отъ такихъ, которыя предпочитаютъ молодыя вѣтви; разграниченіе между ними иногда довольно затруднительно): Bostrichus acuminatus, laricis, suturalis, *Hylesinus palliatus, piniperda*, stenographus, *Hylobius abietis, pineti*, Pissodes pini, piniphilus, *Brachyderes incanus;* Rhyparochromus pini (Hemipt.) также попадаются подъ корою сосны.

c) Молодыми вѣтвями и побѣгами: Pogonocherus fascicularis, *Pissodes notatus*, *Magdalinus violaceus*, Anthaxia 4 punctata, Bostrichus bidens, laricis, suturalis, *Hylesinus piniperda*, ater, Anobium molle, Tortrix *cosmophorana*, *resinana*, Cecidomyia pini.

d) Хвоемъ: Melol. hippocastani (I), предпочитающій впрочемъ березу, *Amphimallus solstitialis* (I), Brachyderes incanus (I), Pissodes pini (I), Cleonus nebulosus (I?) и другіе Curculiones. Luperus pinicola, Cryptocephalus pini. Цѣлая стая чешуекрылыхъ, какъ-то: Bombyx monacha, *pini*, *helvola*, *coenobita*, *lobulina*, *Geometra piniaria*, *lituraria* alterrnaria, *dentaria*, *fasciaria*, *obeliscaria*, orbicularia, secundaria, signaria, *Tortrix buoliana*, piceana. Множество Tenthredines (напр. pini, pratensis, rufa etc.) и Aphides (родовъ Aphis, Chermes, Coccus); нѣкоторые другіе Hemiptera (Capsus magnicornis, rubicundus); изъ двукрылыхъ, *Cecidomyia brachyntera*.

e) Древесиною (надобно отличать здоровую древесину живаго дерева и срубленнаго пня, древесину полусгнившую и совершенно гнилую; каждая имѣетъ своихъ насѣкомыхъ, но и

ной мѣстности, напечатаны курсивомъ. Кромѣ того, употреблены еще знаки: буква L, когда рѣчь идетъ о личинкѣ (larva); буква I (imago), когда подразумѣвается совершенное насѣкомое.

тутъ строгое подраздѣленіе невозможно): *Astynomus aedilis. griseus*, Rhagium indagator, Monochamus sartor, Leptura maculicornis, Asemum striatum, Criocephalus rusticus, *Spondylis buprestoides*, Tragosoma depsarium, Hylotrupes bajulus, Molorchus minor, *Buprestis mariana*, *Ancylocheira octoguttata*, flavomaculata, Melanophila tarda etc. Изъ чешуекрылыхъ Bombyx cossus; изъ перепончатокрылыхъ Sirex juvencus. Въ гнилыхъ пняхъ попадается *Leptura rubro-testacea*, Ceruchus tenebrioides, Caphria gibbosa, flava и проч.

f) Шишками и сѣменами: Sitones lineatus, Tortrix turoniana.

II. Насѣкомыя, существованіе которыхъ болѣе или менѣе тѣсно связано съ сосною, хотя они и не питаются на счетъ ея. Такъ, въ корѣ и подъ корою сосны, Rhizophagus depressus, Hypophlaeus fraxini, linearis (?), Plegaderus, Paromalus malus хищничаютъ насчетъ короѣдовъ и лубоѣдовъ. Сюда-же можно отнести *Clerus formicarius*, *Dromius* fenestratus, *marginellus* и множество *Brachelytra* (родовъ Homalota, Oxypoda, Placusa etc.). На поверхности коры разные *Psocus* питаются, вѣроятно, органическими остатками. На хвоѣ, *Exochomus* 4 *pustulatus*, Coccinella oblongoguttata, ocellata, Scymnus discoideus, nigrinus etc. и нѣкоторые *Syrphus* (L) пожираютъ *Aphis* и *Coccus*; Anthribus varius поселяется подъ щитками сихъ послѣднихъ. Несмотря на косвенную зависимость всѣхъ этихъ насѣкомыхъ отъ сосны, многія изъ нихъ попадаются исключительно на ней. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ, вѣроятно, отнести множество насѣкомыхъ, сопровождающихъ сосну, хотя въ точности неизвѣстно, чѣмъ обусловливается ихъ зависимость. Мы разумѣемъ напр. *Pytho depressus*, *Dircaea laevigata*, Calopus serraticornis, *Elater praeustus*, sanguineus, Cratonychus fulvipes, Cardiophorus ruficollis, *Diacanthus impressus*, Silvanus unidentatus, разныхъ *Epuraea*, Laemophlaeus, Peltis etc. также многихъ двукрылыхъ (напр. Lonchaea albitarsis, разныя *Sciara*, *Ceratopogon* etc.) которыхъ неизвѣстно куда причислить — къ 1 или 2 отдѣлу.

III. Огромная стая чужеядныхъ сопровождаютъ насѣкомыхъ первыхъ двухъ отдѣловъ. Каждое изъ этихъ насѣкомыхъ подвержено нападеніямъ нѣсколькихъ перепончатокрылыхъ (отдѣловъ Ichneumonides, Braconides и Pteromalini). Рацебургъ насчитываетъ до 40 чужеядныхъ, живущихъ на счетъ Bombyx pini, и до 30 посѣщающихъ Pissodes notatus. Чужеядныя большею частію весьма разборчивы при выборѣ посѣщаемаго насѣкомаго и придерживаются постоянно одного, или, по-крайней-мѣрѣ, небольшаго числа сродныхъ видовъ. Чужеядныя Diptera (семейства Tachinariae) менѣе разборчивы. По этимъ даннымъ легко судить объ огромномъ числѣ насѣкомыхъ этого разряда, существованіе коихъ хотя *косвеннымъ*, но большею частью *весьма тѣснымъ* образомъ сопряжено съ сосною.

При исчисленіи насѣкомыхъ сосны, мы приняли за основаніе дѣленія *части дерева*, которыя подвергаются ихъ нападеніямъ. Мы могли-бы расположить ихъ совершенно другимъ образомъ, еслибы обратили вниманіе на *возрастъ дерева*. Всѣ эпохи жизни сосны, начиная отъ рожденія молодаго деревца, до смерти и разрушенія ея, въ видѣ гнилаго пня, сопровождаются особенными насѣкомыми, также какъ и у человѣка, каждый возрастъ имѣетъ свойственныя ему болѣзни. *Tortrix buoliana*, *Hylurgus piniperda*, Disopus pini и мошка *Cecidomyia brachyntera* нападаютъ на молодыя деревца. На возмужалыхъ, но нѣсколько слабыхъ деревьяхъ (замѣчено вообще, что насѣкомыя не нападаютъ на здоровыя деревья, пока вблизи есть слабыя и больныя) поселяются Pissodes notatus, Melanophila tarda, *Hylesinus ater*, palliatus, Rhagium indagator, *Astynomus griseus*, Sirex juvencus etc. Вѣтви страдаютъ отъ Anobium molle, *Magdalinus violaceus* etc. На срубленномъ деревѣ поселяются *Criocephalus rusticus*, *Astynomus aedilis*, *Spondylis buprestoides* etc.; въ полусгнившихъ пняхъ живутъ *Leptura rubrotestacea*, *Elater praeustus*, Cardiophorus ruficollis etc.; дѣло разрушенія оканчивается обыкновенно муравьями (*Form. ligni-*

pusilla; *trinacola*. *Nyl.* и др.), обращающими остатки дерева въ пыль и прахъ (*).

При исчисленіи насѣкомыхъ другихъ деревъ нашихъ, мы не будемъ придерживаться подраздѣленій, принятыхъ нами для образца, при разсмотрѣніи фауны сосны. Само собою разумѣется, что общія замѣчанія, сдѣланныя по поводу этого дерева о насѣкомыхъ 2 и 3 разрядовъ, косвенно отъ него зависящихъ, относятся ко всѣмъ деревьямъ и вообще ко всѣмъ растеніямъ.

На *ели* встрѣчаются: *Bostrichus autographus*, laricis, *suturalis*, *lineatus*, *pusillus*, *typographus*, *chalcographus*; Hylesinus decumanus, micans, *palliatus*, *pubescens*, *binodulus*, *Hylecoetus dermestoïdes*, *Hylobius abietis*, Pissodes hercyniae, pini, Rhyncolus chloropus, Dryophthorus lymexylon, Astynomus aedilis, *Rhagium indagator*, *Isarthron luridum*, Callidium violaecum, Necydalis minor, Toxotus cursor, Pogonocherus fascicularis; Cryptocephalus pini, 4 pustulatus, *Rhizophagus dispar*, *politus*, Scymnus discoïdeus, nigrinus, abietis, Exochomus auritus, Coccinella hieroglyphica, *Paromalus parallelopipedus*, *Nypophlaeus suturalis*, Adelocera *fasciata*, *conspersa* (или на соснѣ?), Elater nigrinus, ephippium, Serropalpus barbatus, Calopus serraticornis, etc. Bombyx monacha, Tortrix piceana, histrioniana, pygmeana, strobilana, Geometra abietaria, fasciaria, prasinaria, signaria, variaria, Noctua coenobita etc. Sirex gigas, spectrum, Lonchaea tarsata etc.

На *березѣ*: *Melolontha hippocastani*, Anomala Iulii, Omalоplia brunnea, *Agrilus fagi*, *Rhynchites betulae*, *betuleti*, *nanus*, Strophosomus Coryli, Brachyderes incanus, Anthribus albinus,

(*) Совѣтуемъ всѣмъ энтомологамъ обратить вниманіе на любопытную, единственную въ своемъ родѣ, статью г. Перри (Perris), въ Annales de la Soc. Ent. de France 1852 и слѣдующихъ годовъ, подъ заглавіемъ: Histoire du pin maritime. Г. Перри наблюдалъ приморскую сосну во всѣхъ періодахъ ея жизни, и подробно описалъ нравы и превращенія свойственныхъ ей 117 видовъ насѣкомыхъ. Почти всѣ насѣкомыя приморской сосны южной Франціи, которыхъ изучалъ г. Перри, встрѣчаются и на нашей соснѣ.

Phyllobius vespertinus, *Lina* aenea, *lapponica*, Adimonia Capreae, Phyllobrotica 4 maculata, *Cryptocephalus distinguendus*, *flavilabris*, *labiatus*, Bostrichus dispar, *Eccoptogaster destructor*, Saperda scalaris, Gracilia pygmaea, *Pyrochroa pectinicornis*, Upis ceramboides, Dircaea 4 guttata, *Hypophlaeus bicolor*, *Rhizophagus bipustulatus* etc., *Papilio antiopa*, *betulae*, *Sesia sphecifornis*, *Bombyx betulifolia*, *camelina*, *carpini*, *dictaea*, *dictaeoides*, *dromedarius*, *ilicifolia*, *populi*, *quercus*, *Tau versicolor*, *bucephala*, *lanestris*, *pudibunda*, *Geometra* defoliaria, *pusaria*, aeruginaria, *alniaria*, *hirtaria*, hepararia, margaritaria, *papilionaria*, repandaria, strigaria, *Noctua alni*, *auricoma*, *lacertula*, luctuosa, *lepornia*, *parthenias*, *trapezina*, Pyralis barbalis, Tortrix ameriana, caudana, dissimilana, laevigana, lipsiana, musculana, *prasinana*, scabrana, *triquetrana*, urticana, Tinea coracipenella, fagella, goedartella, proximella etc. Hylotoma ustulata, *Cimbex variabilis*, *Tenthredo septentrionalis* etc.; *Aradus betulae*, Syromastes marginatus, Acanthosoma grisea, haematogaster, Zircona coerulea, Phytocoris populi, Capsus claratus etc.

На *ивѣ* разныхъ породъ: *Anisoplia horticola*, *Cryptorhynchus lapathi*, *Phyllobius oblongus* (чаще на тополѣ), *Erirhinus* taeniatus, pectoralis, *dorsalis*, Ellescus scanicus, bipunctatus, *Balaninus brassicae*, *Orchestes populi*, *salicis*, Plagiodera armoraciae, Ptilinus pectinicornis, *Adimonia capreae*, Chrysomela polita, *Phratora vitellinae*, *Lina populi*, *Gonioctena viminalis*, rufipes, Cryptocephalus cordiger, *variablis*, sexpunctatus, 10-*punctatus*, labiatus, Phyllobrotica 4 maculata, *Haltica helxines*, Leiopus nebulosus, *Aromia moschata*, Saperda carcharias, Necydalis, major, Saperda populnea, *Oberea oculata*, Lamia textor etc. *Papilio antiopa*, *Sphinx ocellata*, *populi*, *Bombyx bucephala*, *lanestris*, *pudibunda*, *salicis*, *anachoreta*, anastomosis, *antiqua*, *crataegi*, *palpina*, *populifolia*, *quercifolia*, *quercus*, *Tau vinula*, *zic-zac*, Geometra defoliaria, pusaria, *alniaria*, *artesiaria*, consortaria, *hitaria*, *pulveraria*, *sexalaria*, undularia, Tortrix campoliliana, musculana, caudana, *revayana*, *clorana*, salicana, heparana, Tinea gelatella, lusciniae penella, upupaepenella etc. Hylotoma enodis, Tenthredo septentrionalis, scalaris, lateritia,

gonagra, Cimbex lucorum, fasciata etc. Miris ruficornis, Phytocoris populi, Capsus sanguineus, fulvomaculatus etc.

На *ольхѣ: Apoderes coryli*, Rhynchites betuleti, Cryptorhynchus lapathi, Orchestes scutellaris, Anoplus plantaris, Trachodes hispidus, Lina aenea, *Agelastica alni*, Phyllobrotica 4 maculata, Necydalis major etc. ***Bombyx bucephala***, alni, Geometra pusaria etc. Tenthredo lutea, septentrionalis, ovata, ephippium luteiventris Kl., pusilla Kl., obesa Kl., scalaris Kl. etc.

На *осинѣ:* Obrium cantharinum, Clytus liciatus, Lamia textor, Saperda populnea, scalaris, Lina populi, tremulae, Rhychites populi, Erirhinus tremulae, tortrix, affinis etc.

Еслибы энтомологія находилась на болѣе высокой степени совершенства, то легко было-бы составить подобные перечни для всѣхъ растеній нашихъ; за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, мы заключимъ этотъ обзоръ однимъ классомъ растительнаго царства, весьма характеристическимъ для нашихъ лѣсныхъ низменностей, — *грибами*. Соотвѣтственно этому богатству нашей флоры, у насъ изобилуютъ двукрылыя, личинки которыхъ развиваются въ грибахъ (Tipularia fungicola); жесткокрылые *грибоѣды* (***Mycetophagus***, ***Ditoma***, ***Tetratoma***, ***Tritoma***, ***Triplax***, ***Cis***, ***Mycetoporus***, ***Oxyporus*** etc.) въ сравненіи съ ними занимаютъ второстепенное мѣсто.

Мы замѣтили выше, что условія существованія насѣкомыхъ, не находящихся въ видимой зависимости отъ растительнаго царства, мало изслѣдованы; ограничимся нѣкоторыми отрывочными общими замѣчаніями.

Первое мѣсто въ нашей фаунѣ, по числу видовъ и многочисленности недѣлимыхъ, занимаютъ Diptera tipularia. Если лѣса, и вообще тѣнистыя мѣста, изобилуютъ мошками семейства Tipularia fungicola, то болота и низменности наши рѣзко характеризуются семействами Tipularia culiciformia и terricola.

Тучи комаровъ и мошекъ, появляющіяся весною и лѣтомъ, всѣмъ извѣстны. Chironomus и Tanypus, самые разнообразные по видовымъ признакамъ, образуютъ такія-же тучи, имѣющія обыкновенно видъ колонны, въ осеннія вечера, во время захожденія солнца. Тучи образуются одними самцами; съ головою, обращенною противъ вѣтра, они устремляются то вверхъ, то внизъ, кружась постоянно на одномъ мѣстѣ, такъ-что вся колонна неподвижна. Иногда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ густой колонны, образуемой самцами красиваго Tanypus monilis (бѣлаго съ черными крапинками), строится колонна Chironomus tricinctus (желтаго съ черными полосками); нѣсколько далѣе третья, изъ зеленыхъ Chironomus pusillus, тамъ четвертая изъ черныхъ Chironomus picipes и проч.

Въ такихъ-же мѣстахъ, но во-время дня, начиная съ весны до поздней осени, толпятся въ травѣ разнообразныя Tipula, Limnobia, Erioptera, и взлетаютъ сотнями подъ шагами прохожаго.

Значительное число видовъ и безчисленное количество недѣлимыхъ—отличительная черта двукрылыхъ отдѣла Tipularia. Изъ 200 видовъ, приведенныхъ въ нашемъ перечнѣ, по-крайней-мѣрѣ 3/4 весьма обыкновенны и появляются не иначе, какъ огромными стаями. (Напротивъ, большая часть видовъ жесткокрылыхъ болѣе или менѣе рѣдки; не многихъ можно назвать весьма обыкновенными).

Libellulinae и Phryganidae, также свойственныя сырымъ мѣстностямъ, и требующія близости стоячихъ водъ, изобилуютъ у насъ.

На сухой, песчаной почвѣ, особенно въ близости соснoваго лѣса, фауна совершенно измѣняется; тутъ являются Hymenoptera fossoria (Sphex, Pompilus, Crabro etc.), множество Hemiptera (растущій въ такихъ мѣстахъ верескъ изобилуетъ ими), нѣкоторые Orthoptera (напр. Acridium stridulum) и Coleoptera

(Broscus cephalotes, Liochiton arcticum, Microzoum tibiale, Byrrhus murinus, Amara tibialis etc.

Непосредственное влiянiе климата на нашу фауну (кромѣ влiянiя его чрезъ посредство растительности) выражается отсутствiемъ многихъ видовъ, даже цѣлыхъ группъ насѣкомыхъ, свойственныхъ той-же почвѣ и тѣмъ-же растенiямъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ.

Большая часть насѣкомыхъ, найденныхъ г. Перри на приморской соснѣ южной Францiи, встрѣчаются и у насъ, такъ что наблюденiя его цѣликомъ можно примѣнить и къ нашей соснѣ, не смотря на разность широтъ. Есть однако и виды несвойственные нашей фаунѣ. Изъ Buprestidae напр. Ancylocheira octoguttata, flavomaculata, Melanophila tarda встрѣчаются въ ю. Францiи и у насъ; но намъ чужды Chrysobothrys Solieri и Anthaxia morio; послѣдняя замѣняется на нашей соснѣ другимъ видомъ, Anthaxia quadripunctata, которую поэтому можно считать *викарною формою*, т. е., такъ-сказать, *исправляющею должность* первой. Не знаемъ, на какомъ деревѣ живетъ личинка нашей Chrysobothrys chrysostigma (*); если на соснѣ, то и она будетъ викарною формою Chr. Solieri.

Въ перечнѣ насѣкомыхъ свойственныхъ соснѣ въ Германiи, составленномъ Рацебургомъ, заключаются многiе виды, не встрѣчающiеся у насъ. Отсутствiе ихъ должно приписывать климату. На-оборотъ, нѣкоторые виды, живущiе на соснѣ на сѣверѣ, постепенно исчезаютъ къ югу (напр. Pytho depressus).

Сѣверная широта, подъ которою находится наша мѣстность, выражается преобладанiемъ (по числу видовъ) нѣкоторыхъ семействъ насѣкомыхъ надъ другими. Сумма видовъ Carabi и Staphylini, исчисленныхъ въ нашемъ перечнѣ, равняется

(*) Нѣсколько южнѣе, она водится на дубѣ. (См. Гилленталя, Дюфура и пр.).

одной трети суммы всѣхъ жесткокрылыхъ. Такая пропорція не встрѣчается на югѣ; чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе преобладаютъ жесткокрылыя, питающіяся растеніями. Между тропиками относительное число Carabi и Brachelytra совершенно незначительно.

На-оборотъ, группы Copridae и Dynastidae, представляющія между тропиками столько гигантскихъ формъ, совершенно исчезаютъ у насъ. Жалкіе представители ихъ существуютъ какъ-бы для того только, чтобы напоминать о размѣрахъ и развитіи этихъ группъ въ другихъ климатахъ. У насъ встрѣчаются только три вида Copridae, между тѣмъ какъ-уже въ средней Европѣ ихъ отъ 10 до 20; даже эти три вида попадаются рѣдко, въ незначительномъ числѣ, что опять составляетъ характеристическую черту сѣвера. Единственный средне-Европейскій представитель Dynastidae, Oryctes nasicornis, рѣшительно не переноситъ, кажется, нашего климата; сколько намъ извѣстно, онъ всего только раза два былъ найденъ въ окрестностяхъ С. Петербурга.

Семейства Blapes и Opatri (Melasomata Latr.) характеризуютъ степь; южная Россія и Сибирь изобилуютъ ими. Единственный представитель этихъ семействъ на нашихъ пескахъ —крошечное Microzoum tibiale; (Blaps mortisaga, живущая въ погребахъ, на свободѣ у насъ не встрѣчается).

Другаго рода непосредственное вліяніе климата выражается въ цвѣтѣ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Этому вліянію подвергаются обыкновенно виды, имѣющіе большое распространеніе съ юга на сѣверъ (кромѣ насѣкомыхъ, живущихъ въ темныхъ мѣстахъ). Общій законъ—преобладаніе на сѣверѣ темныхъ оттѣнковъ. Такъ сѣверные экземпляры многихъ бабочекъ (напр. рода Argynnis) замѣтно отличаются отъ южныхъ преобладаніемъ чернаго цвѣта. (Иногда, впрочемъ, бываетъ на-оборотъ; напр. Liparis monacha въ Германіи цвѣтомъ темнѣе, нежели у

насъ). (Явленія этого рода мало изслѣдованы; опытъ теоріи расположенія оттѣнковъ и цвѣтныхъ пятенъ у бабочекъ предложенъ г. Притвицомъ въ Стеттинскомъ энтомологическомъ листкѣ 1855 г. стр. 175; впрочемъ, не совсѣмъ удачно). Всего поучительнѣе въ этомъ отношеніи наблюдать измѣненія, которымъ подвергались *металлическія цвѣта* насѣкомыхъ отъ вліянія климата. Эти цвѣта принадлежатъ къ разряду явленій, извѣстныхъ въ физикѣ подъ названіемъ *явленій тонкихъ пластинокъ*. Нѣкоторыя Chrysomelae металлическаго зеленаго цвѣта съ яркими отливами и болѣе или менѣе опредѣленными синими и красными полосами (напр. Chrys. fastuosa, cerealis, graminis) подвергаются слѣдующимъ измѣненіямъ: на югѣ преобладаетъ у нихъ яркокрасный и золотистый отливъ, а чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ явственнѣе дѣлаются цвѣта синій и зеленый; подъ самыми сѣверными широтами является фіолетовый отливъ. Порядокъ появленія этихъ отливовъ соотвѣтствуетъ, какъ видно, расположенію цвѣтовъ радуги. Въ Екатеринославской губерніи намъ нерѣдко попадались экземпляры Chrysomela fastuosa почти совершенно красные. Въ окрестностяхъ С. Петербурга это насѣкомое большею частью зеленое съ синею полосою и золотистымъ отливомъ; изрѣдка встрѣчаются экземпляры ярче окрашенные, но они никогда не достигаютъ яркости нашихъ Екатеринославскихъ экземпляровъ. Chrysomela cerealis подвераетcя подобнымъ-же измѣненіямъ. Нормальные, средне-Европейскіе экземпляры ея—зеленые, съ нѣсколькими продольными малиновыми полосами. У насъ попадается лишь ея разновидность (Chr. ornata Ahrens), у которой малиновыя полосы совершенно исчезли, и замѣнены синими, съ болѣе или менѣе фіолетовымъ оттѣнкомъ. Встрѣчающіяся въ нашей мѣстности насѣкомыя Лапландской фауны Diacanthus melancholicus и Callidium coriaceum отличаются тѣмъ-же характеристическимъ темносинимъ и фіолетовымъ цвѣтомъ. (Подобныя явленія извѣстны и ботаникамъ; красные и розовые цвѣтки пріобрѣтаютъ

на сѣверѣ фіолетовый оттѣнокъ; онъ вообще замѣтно преобладаетъ въ полярной флорѣ).

Мы опредѣлили составъ нашей фауны въ отношеніи его къ условіямъ *почвы*, *растительности* и *климата*. Остается рѣшить вопросъ — къ какой зоологической области относится наша фауна (*)?

Вся средняя Европа, со включеніемъ южной Швеціи и большей части Россіи, составляетъ одну зоологическую область. На югѣ эта область ограничивается Пиренеями и Альпами, на сѣверо-западѣ и западѣ — морями; на сѣверо-востокѣ она совпадаетъ съ *полярною областью*.

Полярная зоологическая область (circumpoläre или arctische Region) обнимаетъ Европейскіе, Азіатскіе и Американскіе берега Ледовитаго океана и представляетъ самостоятельную, характеристическую фауну. Граница ея съ средне-Европейскою — идеальная; фауны ихъ сливаются и незамѣтно переходятъ одна въ другую. Небольшая примѣсь полярной фауны замѣтна во всей средней Европѣ; она увеличивается къ сѣверо-востоку. «Экваторіальный предѣлъ арктическихъ формъ — говоритъ г. Меклинъ — въ восточныхъ частяхъ Финляндіи значительно понижается на югъ; въ Выборгской губерніи встрѣчаются насѣкомыя, которыхъ никогда не находили на западныхъ Финляндскихъ берегахъ».

Наблюденіе весьма важное для насъ! Оно вполнѣ объясняетъ зоографическій характеръ нашей фауны, который можно опредѣлить такъ: *общая средне-Европейская фауна, съ замѣтною примѣсью арктическихъ формъ*. Такое опредѣленіе от-

(*) При разсмотрѣніи этого вопроса, мы преимущественно будемъ пользоваться изслѣдованіями молодаго Финляндскаго энтомолога, г. Меклина, въ прекрасной диссертаціи его, появившейся въ 1854 г. въ Гельсингфорсѣ, на Шведскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для изслѣдованія географическаго распространенія насѣкомыхъ на сѣверѣ».

носится преимущественно къ разсматриваемой нами фаунѣ по сѣверную сторону Невы. На девонской формаціи южной стороны, преобладаніе средне-Европейскаго характера фауны гораздо сильнѣе; оно дѣлается замѣтнымъ уже на силюрійской формаціи, что извѣстно каждому, кто дѣлалъ энтомологическія экскурсіи въ Павловскъ, Лопухинку и проч.

Говоря о законахъ распредѣленія насѣкомыхъ въ предѣлахъ извѣстной зоологической области, мы различали мѣстности съ болѣе или менѣе самостоятельною фауною отъ такихъ, насѣкомыя которыхъ имѣютъ весьма обширный округъ распространенія. Наша мѣстность принадлежитъ рѣшительно ко второй категоріи; всѣ наши, также какъ и всѣ Шведскія и Финляндскія насѣкомыя, далеко распространяются на востокъ и отчасти на западъ (*). Здѣсь мы опять приведемъ слова г. Меклина; все, сказанное имъ о Финляндской фаунѣ, совершенно примѣняется къ нашей.

«Большая часть видовъ жесткокрылыхъ—говоритъ онъ—считавшихся прежде исключительною принадлежностью сѣверной Швеціи, Лапландіи и даже Финляндіи, были найдены съ тѣхъ-поръ въ разныхъ частяхъ Сибири и отчасти въ сѣверной Америкѣ. Видовыя названія: fennicus и lapponicus въ большей части случаевъ имѣютъ одно лишь историческое значеніе, свидѣтельствуя тѣмъ, что эти виды впервые были найдены въ Финляндіи и Лапландіи. Lina lapponica равно справедливо могла-бы называться sibirica или americana»......... «Обстоятельство, что нѣкоторые виды насѣкомыхъ не были еще найдены внѣ предѣловъ Финляндіи, не можетъ служить доказательствомъ существованія самостоятельныхъ формъ въ нашей фаунѣ; осо-

---

(*) Carabus Menetriesii и Otiorhynchus rugosus, находимые почти исключительно въ окрестностяхъ С. Петербурга, не могутъ служить опроверженіемъ сказаннаго. Весьма правдоподобно, хотя еще и не доказано, что то и другое насѣкомое далеко распространяются на востокъ. То-же самое можно сказать о нѣкоторыхъ новыхъ видахъ бабочекъ, найденныхъ въ здѣшнемъ краѣ.

бенно если принять въ соображеніе, что все пространство между С. Петербургомъ, Архангельскомъ и Уральскимъ хребтомъ почти совершенно не изслѣдовано въ энтомологическомъ отношеніи»....... «Фауна сѣверной части Скандинавскаго полуострова, Лапландіи и Финляндіи состоитъ изъ двухъ элементовъ различнаго происхожденія; одинъ переселился къ намъ изъ Сибири и преобладаетъ преимущественно на сѣверѣ; другой, значительнѣйшій по числу видовъ, слабая отрасль средне-Европейской фауны»...... Далѣе г. Меклинъ замѣчаетъ, *что насѣкомыя, встрѣчающіяся въ большей части Европы и проникающія далеко на сѣверъ*, *въ то-же время имѣютъ огромное распространеніе на востокъ*, *вмѣстѣ съ полярными или Сибирскими видами*. Нерѣдко бываетъ трудно рѣшить, должно-ли считать такихъ насѣкомыхъ пришельцами изъ Сибири или Европейскими аборигенами. *Напротивъ*, *изъ средне-Европейскихъ насѣкомыхъ*, *несвойственныхъ сѣвернымъ широтамъ*, *весьма немногія достигаютъ восточной Сибири*. Слѣдующій отрывокъ представляетъ намъ примѣръ примѣненія энтомологіи къ геологическимъ изслѣдованіямъ. «Фактъ достовѣрный и извѣстный, что Финляндія и сѣверныя части Швеціи подвержены постепенному поднятію надъ уровнемъ моря, и что, напротивъ, южная часть Скандинавскаго полуострова понемногу понижается. Нильссонъ приводитъ многія, кажется, несомнѣнныя доказательства, въ пользу той гипотезы, что южная часть этого полуострова *примыкала къ сѣверной Германіи*, даже *послѣ* періода переворотовъ, которымъ подвергался полуостровъ. Южная Швеція получила оттуда свою нынѣшнюю фауну; сѣверная-же въ то время не могла быть обитаема; гораздо позднѣе, когда поверхность ея значительно поднялась, она населилась насѣкомыми изъ сѣверной Россіи и Сибири; переселеніе ихъ продолжается доселѣ. Къ доказательствамъ Нильссона, взятымъ изъ класса млекопитающихъ, можно присовокупить многія изъ класса насѣкомыхъ. Часть южной Скандинавской фауны не можетъ считаться переселившеюся съ сѣ-

веро-востока, потому-что не свойственна сѣвернымъ частямъ полуострова»; и проч.

Г. Меклинъ оканчиваетъ свою диссертацію весьма любопытнымъ перечнемъ нѣсколькихъ сотъ насѣкомыхъ Лапландіи и Финляндіи, распространенныхъ кромѣ того по большей части Сибири и отчасти по сѣверной Америкѣ. Всѣ эти насѣкомыя, почти безъ исключенія, вотрѣчаются и у насъ.

Слова г. Меклина о Финляндской фаунѣ совершенно примѣнимы къ нашей; она также состоитъ изъ двухъ элементовъ средне-Европейскаго и сѣверо-восточнаго или Сибирскаго; хотя, какъ мы уже замѣтили выше, по замѣчанію г. Меклина, относительно большей части видовъ трудно рѣшить, принадлежатъ-ли они къ тому или другому элементу. Слѣдующіе виды несомнѣнно относятся къ полярной фаунѣ:

Blethisa Zetterstedtii, Liochiton arcticum, Amara erratica, Dytiscus lapponicus, Boreaphilus Henningianus, Diacanthus melancholicus, Campylus borealis, Lymexylon flabellicorne, Lina lapponica, Callidium coriaceum, Mesosa myops, Pachyta smaragdula, interrogationis, Upis ceramboïdes, Pytho depressus etc. (Dermestes vulpinus, Ditylus laevis и Onthophagus austriacus суть Сибирскія насѣкомыя, подвигающіяся мало-по-малу на западъ; сюда-же относится, можетъ быть, Aphodius bipunctatus).

Изъ чешуекрылыхъ нашихъ, принадлежащихъ къ полярной фаунѣ, назовемъ; Argynnis Frigga, Ossianus, Hipparchia Norna, Disa, Embla, Colias pelidne, Agrotis fennica, Hadena amica, Catocala pacta, Cidaria pyroparia, Xylina ingrica etc.

Изъ Hemiptera намъ только извѣстны Phymodera lapponica Zett. и humeralis Dalm.

Въ отрядѣ двукрылыхъ, по нашему мнѣнію, примѣсь полярныхъ формъ должна быть еще значительнѣе; но онѣ мало изслѣдованы. Къ нимъ мы относимъ напр. Tipula lineata Stäg, 4 vittata Stäg, crassicornis Zett; можетъ быть, что Limnobia imperialis Loew и caesarea Nob. также сѣверо-восточные виды; до-сихъ-

поръ ихъ не находили нигдѣ, кромѣ окрестностей С. Петербурга. Eristalis anthophorinus — Лапландское насѣкомое.

§ 3. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы старались опредѣлить характеръ нашей энтомологической фауны на основаніи общихъ законовъ географическаго распредѣленія насѣкомыхъ, имѣя притомъ преимущественно въ виду фауну той части С. Петербургской губерніи, которая находится по сѣверную сторону Невы.

Мы видѣли, что, въ отношеніи *почвы* это —

Фауна формацій древнихъ и новыхъ наносовъ;

въ отношеніи растительности —

Фауна хвойнаго лѣса (*еловаго на низменностяхъ, сосноваго на песчаной почвѣ*), *болота* и *низменностей*;

въ отношеніи зоографическомъ —

Сѣверная, *довольно малочисленная*, *отрасль общей средне-Европейской фауны*, *съ замѣтною примѣсью полярныхъ формъ.*

Такъ какъ, при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, намъ приходилось на каждомъ шагу жаловаться на скудость и неполноту нашихъ свѣдѣній, то всего естественнѣе будетъ заключить это обозрѣніе сравненіемъ познаній о нашей фаунѣ, уже пріобрѣтенныхъ трудами здѣшнихъ энтомологовъ, съ тѣмъ, что еще остается изслѣдовать.

Представимъ сначала въ табличкѣ численныя отношенія видовъ насѣкомыхъ, уже приведенныхъ въ извѣстность, къ вѣроятнымъ итогамъ всѣхъ видовъ здѣшней фаунѣ. (Въ столбцѣ общихъ итоговъ мы вездѣ ставимъ вѣроятное minimum, т. е. такое число, которое, по нашему предположенію, ниже дѣйствительнаго итога существующихъ видовъ)

Отряды.	Число видовъ, уже приведенныхъ въ извѣстность.	Вѣроятное minimum общаго итога.
Coleoptera	1,700	2,700.
Lepidoptera	1,000	1,300.
Diptera	400	3,000 (*)
Orthoptera, Hemiptera, Neuroptera, Aptera Lin.	200	1,000 (?)
Hymenoptera	???	2,000(?? **)
Итого	3,300	10,000.

И такъ, изъ 10,000 видовъ, существованіе которыхъ можно предположить въ здѣшней мѣстности, приведены въ извѣстность 3,300, т. е. *третья доля*. Табличка показываетъ намъ также, какіе отряды всего лучше обработаны и какіе, всего менѣе. На первомъ планѣ стоятъ Lepidoptera и Coleoptera, которыми предпочтительно занимались не только здѣсь, но и во всей Европѣ. Самый многочисленный изъ отрядовъ нашей фауны, по числу видовъ, а еще болѣе по числу недѣлимыхъ,

(*) Это число двукрылыхъ нисколько не покажется преувеличеннымъ, если принять въ соображеніе, что, по мнѣнію г. Лёва (Loew), опытнѣйшаго изъ современныхъ диптерологовъ, число видовъ Германіи простирается до 7000, Цеттерштедтъ описываетъ 3000 видовъ, свойственныхъ Скандинавскому полуострову; но его сочиненіе весьма неполно: общій итогъ видовъ полуострова, вѣроятно, превосходитъ 5000.

(**) При опредѣленіи общаго итога отряда Hymenoptera, мы не имѣли рѣшительно никакихъ данныхъ, основанныхъ на познаніи здѣшней фауны. Хотя по сочиненіямъ Дальбома и Ниландера о нѣкоторыхъ семействахъ этого отряда можно опредѣлить довольно приблизительно число нашихъ видовъ, но огромное семейство Ichneumonidae — всегдашній камень преткновенія всѣхъ разсчетовъ. На основаніи разсчетовъ Рацебурга и Шаума (см. Entom. Ber. für 1859), отношеніе Германскихъ Ichneumonidae къ насѣкомымъ всѣхъ прочихъ семействъ и отрядовъ, какъ 1 : 4. Допустивъ, что такое-же отношеніе существуетъ и въ нашей фаунѣ, число нашихъ Ichneumonidae равнялось-бы 2000. Значитъ, полагая 2000 *на весь отрядъ* Hymenoptera, мы оцѣнили его *гораздо ниже дѣйствительности.*

Diptera, началъ разработываться только въ новѣйшее время. Но даже о наилучше изслѣдованныхъ отрядахъ нельзя утверждать, что они вполнѣ исчерпаны. Въ-теченіе семи лѣтъ, число приведенныхъ въ извѣстность чешуекрылыхъ нашихъ увеличилось тремя стами (въ 1849 — 766, въ 1856 — 1070 видовъ); это обѣщаетъ сильное приращеніе и на будущее время. Нашъ перечень заключаетъ около 1700 жесткокрылыхъ; но если принять въ соображеніе, что такъ-называемыми microcoleoptera (т. е. жесткокрылыми весьма малой величины, примѣрно менѣе одной линіи въ длину) почти никто въ С. Петербургѣ не занимался послѣдовательно, то сумма 2700, какъ общаго итога здѣшнихъ жесткокрылыхъ, никому не покажется преувеличенною. Списки нашихъ Catops, Trichopteryx, Agathidium, Anisotoma, Cryptophagus, Atomaria, Meligethes, Epuraea, Malthinus, Ptinus, Apion, Haltica, Scydmaenus etc. весьма неполны. Цѣлыя семейства, какъ напр. Dytisci, Curculiones, Staphylini, Pselaphi, изслѣдованы очень неудовлетворительно. Семействомъ Staphylini, самымъ многочисленнымъ изъ жесткокрылыхъ нашей фауны, занимался основательно одинъ только г. Мочульскій. Неуспѣшность занятій нѣкоторыми отдѣлами жесткокрылыхъ происходила отчасти оттого, что многіе способы ловли насѣкомыхъ были слишкомъ мало употребляемы; укажемъ на важнѣйшіе изъ нихъ, для назиданія будущимъ энтомологамъ. Во-первыхъ, ловля посредствомъ сита. Берется сито, довольно рѣдкое (отверстія должны быть въ одну квадратную линію, или немногимъ менѣе), и чрезъ него просѣеваютъ, на разостланное полотно, сырой мохъ, особенно растущій у подножья деревьевъ, перегнивающія древесныя листья, образующіе цѣлые слои, весною и осенью, обломки камыша и всякій соръ, выбрасываемый рѣками и озерами и т. п. При подобномъ просѣеваніи, все крупное остается въ ситѣ; проходитъ только песокъ, земля, а съ ними множество мелкихъ жесткокрылыхъ. Стоитъ потомъ слегка придавить рукою просѣянное, чтобы замѣтить этихъ

жуковъ, съ живостью высвобождающихся оттуда. Pselaphi, Ptilii, Scydmaeni и Monotomae добываются точно такимъ-же образомъ, весною и осенью, изъ муравейниковъ; муравьи, по величинѣ своей, не проходятъ чрезъ сито (ихъ бояться не надобно, они не причиняютъ никакого вреда). Полезно раннею весною, положивъ взятый въ лѣсу мохъ въ хорошо закрытый ящикъ (чѣмъ онъ больше, тѣмъ лучше), поставить его въ комнату, или, еще лучше, въ сѣни, чтобы переходъ съ холода въ тепло не былъ слишкомъ внезапный; вскорѣ подъ крышею ящика начинаютъ появляться насѣкомыя различныхъ семействъ и отрядовъ; ихъ слѣдуетъ собирать по мѣрѣ появленія. Во время захожденія солнца, до начала сумерокъ, попадаются налету самыя рѣдкія насѣкомыя, которыхъ иногда невозможно найти въ другое время. Colon, Anisotoma и др. добываются такимъ образомъ. Разостлавъ утромъ или въ полдень, на удобномъ мѣстѣ, бѣлую скатерть, можно привлечь ея блескомъ множество насѣкомыхъ, между прочими виды Trichopteryx. Ночью, зажженный фонарь или свѣча приманиваютъ насѣкомыхъ; тутъ также полезна разостланная скатерть, ярко освѣщенная. Ночью-же не худо осматривать стволы деревьевъ, разумѣется, съ фонаремъ въ рукѣ; многія насѣкомыя выходятъ ночью на добычу. Ясно, что всѣ эти способы ловли не всегда и не всякому удобно употреблять въ дѣло; жизнь въ городѣ въ самое лучшее для ловли время, раннею весною и позднею осенью, чрезвычайно затрудняетъ примѣненіе ихъ. Необходимъ порядочный запасъ доброй воли, любви къ дѣлу и терпѣнія, чтобы преодолѣвать препятствія, съ которыми приходится бороться энтомологу, жителю большаго города. (Но безъ этихъ качествъ нѣтъ истиннаго энтомолога!)

Не только въ численномъ, но и въ топографическомъ отношеніи, познаніе нашей фауны весьма несовершенно. Выше (въ § 2) было замѣчено нами, что, не говоря о прочихъ частяхъ губерніи, даже самыя окрестности столицы, по южную сторону

Невы, очень мало изслѣдованы въ-сравненіи съ сѣверною стороною, и что фауна ихъ, совершенно отличная, представляетъ болѣе средне-Европейскій характеръ. Насѣкомыя, довольно обыкновенныя тамъ, нерѣдко вовсе не встрѣчаются на сѣверной сторонѣ. Два вида Phytoecia, найденныя во множествѣ близъ Каскова, и Agapanthia — въ Павловскѣ, суть средне-Европейскія формы, едва-ли кѣмъ-либо найденныя по другую сторону р. Невы; Cicada, найденная на Дудергофской горѣ, была-бы совершеннымъ анахронизмомъ въ Парголовѣ.

Сличеніе фаунъ разныхъ формацій нашихъ, розысканіе отношенія фаунъ и флоръ ихъ — труды занимательные и благодарные; они полезны не для одного познанія здѣшней фауны, но для науки вообще. Это значитъ ввести въ энтомологію элементъ совершенно новый, обыкновенно, неизвѣстно почему, пренебрегаемый. Само собою разумѣется, что геогностическая карта С. Петербургской губерніи профессора С. С. Куторги должна быть постоянною путеводительницею подобныхъ изслѣдованій. Ботаническія свѣдѣнія также необходимы.

Въ окрестностяхъ нашей, энтомологически очень счастливо расположенной, столицы, есть мѣстности, которыя, по оригинальности и исключительному характеру своей флоры и фауны, заслуживаютъ подробнаго, такъ-сказать *монографическаго* изученія (нап. Дудергофская гора, отчасти и Лопухинка).

Кромѣ ближайшихъ окрестностей города, надобно обратить вниманіе и на прочія части губерніи. Намъ не удалось ни разу, къ искреннему сожалѣнію нашему, сдѣлать экскурсію далѣе мѣстъ, причисляемыхъ еще къ здѣшнимъ *окрестностямъ*. Не немногія насѣкомыя, присланныя намъ изъ Луги, доказываютъ, что фауна этого уѣзда замѣтно отличается отъ всѣхъ изслѣдованныхъ нами мѣстъ въ окрестностяхъ С. Петербурга. Скажемъ сперва, что эти насѣкомыя были присланы не энтомологомъ, значитъ человѣкомъ, собиравшимъ только то, что

наиболѣе бросалось ему въ глаза и что чаще встрѣчалось. Несмотря на это, въ числѣ ихъ было нѣсколько Crypticus glaber, который хотя и встрѣчается ближе къ С. Петербургу, но, кажется, весьма рѣдко; множество Broscus cephalotes, также довольно рѣдкаго, и одинъ экземпляръ весьма рѣдкаго Ceruchus tenebrioides.

Предлагаемый иногда вопросъ о томъ, какія границы слѣдуетъ положить для округа С. Петербургской фауны, по нашему мнѣнію, совершенно напрасенъ. Само собою разумѣется, что здѣшніе энтомологи всего тщательнѣе будутъ обыскивать ближайшія окрестности города; но чѣмъ дальше они распространятъ кругъ своихъ изслѣдованій, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе отъ этого выиграетъ наука. Зачѣмъ стѣсняться административными дѣленіями территорій, неимѣющими никакого значенія для науки. На хорошей географической картѣ изображается не только страна, но и часть странъ съ нею смежныхъ. Такъ и раціональное описаніе мѣстной фауны должно показать отношеніе ея къ фаунамъ ближайшаго сосѣдства. Еслибы въ Лугѣ и Выборгѣ существовали энтомологическія общества, они могли-бы доставлять намъ всѣ потребныя свѣдѣнія объ этихъ, сродственныхъ нашей, фаунахъ. Въ такомъ случаѣ можно-бы было, пожалуй, ограничить округъ С. Петербургской фауны ближайшими окрестностями города. Но, сколько мнѣ извѣстно, въ Лугѣ и Выборгѣ энтомологическихъ обществъ не существуетъ; поэтому энтомологи наши сами должны взять на себя трудъ изслѣдованія южнаго предѣла распространенія Parnassius Apollo, довольно обыкновеннаго въ Выборгѣ, и еще не найденнаго у насъ, и сѣвернаго предѣла Procrustes coriaceus, чрезвычайно рѣдкаго у насъ, и, кажется, совсѣмъ не свойственнаго Финляндіи, и т. п.

Очевидно, что при составленіи перечней, какъ мы ихъ желаемъ, нельзя ограничиваться одними названіями видовъ, а непремѣнно надобно присовокупить къ нимъ показаніе мѣста на-

хожденія насѣкомаго и другія касающіяся до распредѣленія ихъ наблюденія. Голые перечни, къ-счастію, нынче стали выходить изъ моды (образцами въ этомъ родѣ могутъ служить нѣкоторые перечни Силезскаго энтомологическаго Общества, напр. перечни Силезскихъ hemiptera). Факты, факты, факты, вотъ чего требуетъ наука. Пусть только наши этномологи наберутъ ихъ побольше, и право никто не попрекнетъ ихъ тѣмъ, что они перешли за предѣлы губерніи!

(Продолженіе впредь).

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ГРЕЦІИ

ЗА 1855—56 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ГРЕЧЕСКОМУ КОРОЛЮ МИНИСТРОМЪ ДУХОВНЫХЪ ДѢЛЪ И НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

По случаю окончанія 1855—1856 г. учебнаго года, имѣю честь повергнуть на благоусмотрѣніе вашего величества разультатъ трудовъ, совершенныхъ въ продолженіе этого года въ разныхъ училищахъ королевства, равно какъ и изложеніе нынѣшняго ихъ состоянія. Настоящій отчетъ составленъ на основаніи оффиціальныхъ донесеній, сообщенныхъ подлежащими властями министерству народнаго просвѣщенія.

За статистическими свѣдѣніями слѣдуютъ двѣ общія вѣдомости о числѣ учебныхъ заведеній, по ихъ свойствамъ и разрядамъ, а также и по областямъ; въ сихъ вѣдомостяхъ означено число преднодающихъ, учащихся и суммы, употребленныя на содержаніе училищъ. За тѣмъ изложены мѣры, какія приняты были для успѣховъ народнаго просвѣщенія, и упомянуто о главныхъ

фактахъ, послѣдовавшихъ по этой важной отрасли администраціи, и наконецъ о тѣхъ улучшеніяхъ, какія нужно ввести въ организмъ учебный.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О СОСТОЯНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1855—1856 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ.

Такъ-какъ историческая записка о началѣ и ходѣ первоначальнаго предподаванія въ нашемъ отечествѣ, о которой упомянуто мною въ прошлогоднемъ отчетѣ моемъ, еще не приведена къ концу, то я счелъ полезнымъ, для усненія нижеслѣдующихъ свѣдѣній, предпослать изложенію нынѣшняго состоянія этой отрасли нардонаго просвѣщенія нѣсколько словъ о первомъ ея водвореніи.

Греческая нація никогда не переставала одушевляться благороднымъ желаніемъ просвѣщенія, и ни въ какихъ обстоятельствахъ не забывала она тѣхъ безсмертныхъ памятниковъ, которые воздвигла высокая образованность ея предковъ: посему лишь-только получила она право свободно располагать собою, немедленно занялась развитіемъ просвѣщенія. Она постановила, что первоначальное обученіе народа должно производиться на счетъ государства, и обратила дѣятельное вниманіе на то, чтобы въ Греціи былъ введенъ методъ взаимнаго обученія, который тогда уже изучали въ Европѣ нѣкоторые ревностные патріоты. Въ числѣ ихъ нужно назвать прежде всѣхъ г. Клеовула Филиппопольскаго. Этотъ благонамѣренный человѣкъ, изучивъ въ Парижѣ еще до 1820 г. методъ взаимнаго обученія, составилъ таблицы для чтенія на Греческомъ языкѣ. Эти таблицы были напечатаны на счетъ другаго Грека, Николая Россето, буквами, отлитыми нарочно для этого случая. Эти таблицы были такъ хорошо составлены и такъ хорошо приспособлены къ цѣли взаимнаго обученія, что составитель ихъ въ 1819 г. получилъ одобреніе Общества методъ, суду кото-

раго онѣ были подвергнуты. Докладчикъ этого Общества г. Лебёфъ (Leboeuf) сказалъ между прочимъ по этому поводу, что г. Клеовулъ не ограничился въ своемъ трудѣ однимъ только подражаніемъ таблицамъ, введеннымъ въ употребленіе во Французскихъ школахъ, или переводомъ ихъ; но, напротивъ того, удалился отъ строгости Европейскаго метода уже вслѣдствіе одной гормоничности Греческаго языка, который не терпитъ слоговъ грубыхъ и рѣзкихъ, и въ размѣщеніи этихъ слоговъ онъ слѣдовалъ постепенному ходу, представляя рядъ словъ, составленныхъ изъ слоговъ уже извѣстныхъ ученикамъ. Г. Лебёфъ прибавилъ, что Греческія таблицы вовсе такъ не загромождены, какъ Французскія, что слова подобраны съ большимъ искусствомъ, и что за всѣ эти достоинства Общество методъ съ удовольствіемъ одобряетъ это нововведеніе, и желаетъ, чтобы оно было принято и во Французскихъ школахъ. Благодаря неутомимымъ стараніямъ этого Грека и учениковъ его, методъ взаимнаго обученія былъ скоро введенъ въ Греціи. Сперва, въ началѣ 1821 г., завели школы взаимнаго обученія въ Долѣ (въ Маньѣ), въ Айо-Петро, въ Паросѣ и въ Сирѣ, куда г. Клеовулъ переселялся самъ, чтобы лучше содѣйствовать распространенію этого метода, и чтобъ образовать преподавателей. Между-тѣмъ другіе Греки, также изучавшіе въ Европѣ этотъ методъ, завели еще школы взаимнаго обученія сначала въ Триполицѣ, потомъ въ Навпліи при помощи и покровительствѣ Общества благотворительности, бывшаго тогда въ Греціи. Мало-по-малу такія школы были заведены и въ другихъ мѣстахъ; а именно въ Аѳинахъ были заведены на счетъ Аттическихъ монастырей двѣ школы взаимнаго обученія—одна для мальчиковъ и одна для дѣвочекъ. Эта послѣдняя состояла подъ управленіемъ покойнаго Никитопла, одного изъ тѣхъ людей, которые много трудились для умственнаго возрождежденія нашего отечества. И такъ это явленіе достойно того, чтобъ на него обратить вниманіе: методъ взаимнаго обученія, встрѣтившій при своемъ введеніи повсюду въ Европѣ столько препятствій, порожденныхъ предразсудками и клеветами, въ Греціи, какъ только былъ признанъ полезнымъ, былъ введенъ безъ затрудненія; и, насколько позволяли военныя обстоятельства, примѣненъ быстро.

По пріѣздѣ въ Грецію президента графа Іоанна Каподистрія, методъ взаимнаго обученія, который и до того времени былъ уже

довольно распространенъ, получилъ новый толчекъ, и вслѣдствіе этого болѣе широкое развитіе отъ постояннаго попеченія этого государственнаго мужа. Тогда, а именно въ 1829 г., была впервые учреждена въ Эгинѣ образцовая школа взаимнаго обученія. Циркуляромъ, обращеннымъ къ учителямъ всѣхъ существовавшихъ тогда школъ, президентъ приглашалъ въ эту школу учениковъ, оказавшихъ наиболѣе наклонности и способности къ ученію, для того, чтобы они изучили въ совершенствѣ методъ взаимнаго обученія. Для бо̀льшаго поощренія, онъ назначилъ награду въ триста піастровъ каждому изъ учениковъ, которые приложатъ наиболѣе старанія къ этому дѣлу съ цѣлью сдѣлаться преподавателями. Тѣмъ не менѣе изъ этого циркуляра видно, что предзидентъ признавалъ удовлетворительнымъ и то состояніе, въ которомъ находились школы въ ту пору; онъ говоритъ, что, «посѣтивъ нѣкоторыя школы, онъ остался ими совершенно доволенъ, и что онъ спѣшитъ выразить свою признательность тѣмъ почтеннымъ гражданамъ, которые, будучи сами лишены почти всѣхъ средствъ, нашли однако возможность содѣйствовать успѣху этихъ учрежденій». Образцовая Эгинская школа стала выпускать хорошо образованныхъ преподавателей, которыхъ тотчасъ и разсылали въ тѣ мѣста, гдѣ было наиболѣе въ нихъ надобности.

Къ концу 1830 г. школъ въ полномъ дѣйствіи было въ Мореѣ 31, учениковъ въ нихъ было 2,664; на островахъ было 37 школъ съ 3, 650 учениками, а на самомъ Греческомъ материкѣ—3 школы съ 407 учениками; всего 71 школа и 6,721 ученикъ.

Весьма естественно, что при тѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось государство въ 1831—1832 г., постепенный ходъ первоначальнаго образованія былъ прерванъ. Въ половинѣ 1832 г. въ Греціи было всего только 60 школъ взаимнаго обученія, и большая часть изъ нихъ находилась на островахъ Архипелага.

Ваше величество съ самаго дня пріѣзда своего въ Грецію,—дня, навсегда для насъ счастливаго, приняли къ сердцу просвѣщеніе народное. $^{6}/_{18}$ февраля 1834 г. былъ обнародованъ законъ о первоначальныхъ школахъ. Этотъ мудрый законъ, представляющій соединеніе всего, что было сдѣлано лучшаго по этой части въ образованной Европѣ, направляетъ въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ начальное образованіе въ нашемъ отечествѣ.

Необходимымъ слѣдствіемъ или, лучше сказать, главнымъ основаніемъ этого закона было образцовое первоначальное училище (педагогическій институтъ), предназначенное для приготовленія преподавателей, которые приводили-бы этотъ законъ въ исполненіе. Объ этомъ ученіи я довольно подробно изложилъ въ своемъ прошлогоднемъ отчетѣ, и потому не считаю нужнымъ возвращаться къ нему снова.

Осмѣливаюсь повторить, государь, что исторія начальнаго образованія у насъ будетъ для меня предметомъ спеціальнаго труда, который я буду имѣть честь представить вашему величеству. Потому теперь перехожу прямо къ изложенію настоящаго состоянія школъ.

1) *Институтъ первоначальныхъ учителей* (*дидаскаліонъ*). Въ этомъ институтѣ въ послѣдній годъ преподавали два профессора и пять учителей. Управленіе школою было ввѣрено главному директору всѣхъ первоначальныхъ школъ; профессоръ, постоянно жившій въ заведеніи, надзиралъ за поведеніемъ и содержаніемъ какъ пансіонеровъ, такъ и приходящихъ. Классы посѣщались 42 учениками. На экзаменахъ, которые бываютъ въ концѣ года, 15 изъ сихъ учениковъ перешли во второй классъ, а 23 получили дипломы на званіе преподавателей, именно: 14 второй степени и 9—третьей; на экзамены также явились девять кандидатовъ, обучавшихся внѣ школы; шестеро изъ нихъ были признаны достойными званія преподавателей третьей степени, и одинъ—званія преподавателя второй степени; двумъ остальнымъ было отказано. Кромѣ того, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, обучавшихся въ разныхъ женскихъ заведеніяхъ, выдержали здѣсь экзаменъ, назначенный закономъ; двадцать четыре изъ нихъ получили дипломъ на званіе наставницъ второй степени, а шесть—на званіе наставницъ третьей степени. Издержки по бюджету на содержаніе этого заведенія полагались въ 26,722 драхмы, къ которымъ нужно прибавить 9,000 на содержаніе тридцати пансіонеровъ-стипендіатовъ

2) *Школы взаимнаго обученія.* Для народнаго образованія существуютъ въ разныхъ общинахъ королевства 357 общественныхъ школъ взаимнаго обученія для мальчиковъ и 29 частныхъ, и для дѣвочекъ 52 общественная и 12 частныхъ; общественныя посѣщались 30,520 мальчиками и 4,753 дѣвочками; частныя школы—4,580 мальчиками и 1,743 дѣвочками.

Изъ этого видно, что общее число учениковъ обоего пола, обу-

чавшихся въ означенномъ году въ училищахъ взаимнаго обученія, общественныхъ и частныхъ, простирается до 41,597; общее-же число учителей 495, а школъ 450.

3) *Начальныя частныя школы.* По отчетамъ и оффиціальнымъ актамъ, недавно собраннымъ министерствомъ, которыя я считаю неполными, существуетъ въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра общинахъ, въ маленькихъ деревняхъ и пригородахъ, 300 частныхъ школъ, содержимыхъ на добровольныя приношенія родителей. Эти школы посѣщаютъ 10,000 учениковъ обоего пола, которые обучаются здѣсь основаніямъ первоначальнаго образованія, а именно — чтенію, письму и первымъ началамъ практической ариѳметики. Министерство скоро получитъ въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный мѣстнымъ властямъ, болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ и состояніи этихъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Сложивъ предшедшія цифры, получимъ въ общемъ числѣ 750 школъ взаимнаго и общаго обученія, общественныхъ и частныхъ, доставляющихъ образованіе 51,597 дѣтямъ обоего пола, и 795 наставниковъ и наставницъ.

4) *Издержки на начальныя школы.* Государство выдало на содержаніе начальныхъ школъ для мальчиковъ 97,955 драхмъ, а на содержаніе такихъ-же школъ для дѣвочекъ — 4,700 драхмъ. Остальныя издержки, доходящія до суммы 287,000 драхмъ, сдѣланы на счетъ общинъ.

5) *Результатъ экзаменовъ.* Результатъ экзаменовъ въ упомянутыхъ училищахъ оказался вообще удовлетворительнымъ по отзывамъ всѣхъ подлежащихъ властей. Часть учениковъ, выпущенныхъ изъ начальныхъ школъ, поступила въ Эллинскія (уѣздныя) училища; остальные-же вступили въ разныя званія. Министерство народнаго просвѣщенія не знаетъ еще въ точности числа ни первыхъ, ни послѣднихъ, потому что оффиціальные отчеты объ нихъ еще не поступили.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СРЕДНЕЕ ОБУЧЕНІЕ.

Такъ какъ я имѣлъ уже честь въ моемъ послѣднемъ спеціальномъ отчетѣ подробно изложить вашему величеству все, что

касается организаціи среднихъ учебныхъ заведеній въ Греціи, то ограничусь здѣсь изложеніемъ только того, что сдѣлано въ этихъ училищахъ въ прошедшемъ году.

1) Эллинскія школы.

Въ королевствѣ было всего 88 Эллинскихъ школъ; изъ нихъ 80 общественныхъ и 8 частныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ были въ полномъ комплектѣ, т. е. состояли изъ трехъ классовъ съ столькими-же преподавателями, другія состояли только изъ двухъ классовъ и имѣли двухъ преподавателей; наконецъ были такія, которыя состояли только изъ одного класса съ однимъ преподавателемъ. Я долженъ прибавить, что многіе изъ этихъ преподавателей заслужили одобреніе министерства тѣмъ, что преподавали въ двухъ классахъ, не бывъ къ этому обязанными, и не имѣя даже помощниковъ. Въ Эллинскихъ королевскихъ школахъ учило 137 преподавателей, а обучалось 4,224 человѣка. Изъ этихъ послѣднихъ явилось на экзамены 3,070, а 2,166 были повышены; между ними были и такіе, которые, окончивъ курсъ въ Эллинскихъ школахъ, перешли въ гимназіи или вступили въ свѣтъ. Число такихъ простирается до 441. Въ частныхъ Эллинскихъ школахъ преподавали 25 учителей, изъ которыхъ большая часть принадлежали къ общественнымъ школамъ, а на частное преподаваніе употребляли тѣ часы, которые оставались у нихъ свободными отъ исполненія обязанностей въ общественныхъ заведеніяхъ. Въ этихъ школахъ считалось до 288 учениковъ; изъ нихъ выдержало экзаменъ 248 человѣкъ, а было повышено 169. Въ этомъ послѣднемъ числѣ находились 69 учениковъ, поступившихъ въ гимназіи. Что касается Эллинскихъ школъ для дѣвочекъ, то въ прошедшемъ году ихъ было пять: три въ Аѳинахъ и двѣ въ Сирѣ. Въ этихъ школахъ училось 480 дѣвочекъ; изъ нихъ 300 были переведены изъ низшаго класса въ высшій, а 50 назначены къ выпуску. Въ этихъ школахъ преподавали 22 учителя, которые по большей части состояли при общественныхъ школахъ для мальчиковъ. Сумма, назначенная на содержаніе королевскихъ Эллинскихъ школъ, простиралась до 236,240 драхмъ.

Всего въ 1855—56 учебномъ году считалось 93 Эллинскія училища, общественныя и частныя, для учащихся обоего пола; въ нихъ обучало 165 преподавателей, а обучалось 4,992 человѣка;

изъ сихъ послѣднихъ 3,718 явились на экзаменъ и 2,635 выдержали оный, считая въ томъ числѣ и окончившихъ курсъ.

2) Гимназіи.

Во всемъ государствѣ было одиннадцать гимназій, изъ нихъ семь общественныхъ, три частныя и одна духовная, а именно Ризаріевская семинарія, которая замѣняетъ гимназію для молодыхъ людей, предназначающихъ себя въ священническое званіе.

Семь гимназій, содержимыхъ на счетъ государства, находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: 2 въ Аѳинахъ, 1 въ Навпліи, 1 въ Патрахъ, 1 въ Триполи, 1 въ Ламіи и 1 въ Сирѣ. Изъ трехъ частныхъ гимназій одна находится въ Ѳивахъ, а двѣ другія въ Сирѣ. Извѣстно, что Ризаріевская семинарія находится въ столицѣ. Въ общественныхъ гимназіяхъ профессоровъ было 49, учащихся 1,031. Изъ числа сихъ послѣднихъ 687 подвергались экзамену, 533 были переведены въ слѣдующіе классы и 87 получили дипломы на званіе баккалавра.

На содержаніе этихъ гимназій было назначено бюджетомъ 186,692 драхмы. Въ частной Аѳинской гимназіи было 35 учениковъ, изъ нихъ 18 выдержали экзаменъ, 14 были переведены въ высшій классъ и 4 объявлены выпускными. Профессоровъ было 9.

Въ частныхъ гимназіяхъ, находящихся въ Сирѣ, сбираются обыкновенно ученики, предназначаемые къ торговлѣ, потому-что преподаваніе тамъ имѣетъ характеръ болѣе коммерческій, нежели ученый. Въ одной изъ этихъ гимназій, управляемой Г. І. Н. Валлетою, находилось семь профессоровъ и 67 учениковъ; изъ нихъ 49 подвергались экзамену и 42 были переведены. Въ другой, состоявшей подъ управленіемъ Г. П. Антоніади, при томъ-же числѣ профессоровъ, учениковъ было только 26; изъ нихъ 22 держали экзаменъ, и 19 выдержали. Я долженъ замѣтить, что профессоры, преподающіе въ этихъ частныхъ гимназіяхъ, принадлежатъ по большей части къ числу профессоровъ королевскихъ гимназій, и потому они могутъ посвящать частному преподаванію только тѣ часы, которые не заняты у нихъ исполненіемъ ихъ главной обязанности.

3) Духовная семинарія.

Въ Ризаріевской семинаріи преподавали шесть профессоровъ и три учителя. Учениковъ было 33; изъ нихъ 22 были переведены

по экзамену въ высшіе классы, а 11 получили дипломы на выпускъ изъ заведенія.

4) Общее число профессоровъ и учениковъ въ гимназіяхъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ гимназіяхъ вообще было 67 профессоровъ, 1,182 ученика, 808 учениковъ подвергавшихся экзамену, 644 ученика выдержавшихъ экзаменъ, и изъ нихъ 102 признанныхъ достойными степени баккалавра.

Чтобы дополнить статистическія свѣдѣнія относительно общаго числа профессоровъ и учениковъ по части средняго обученія, я считаю нужнымъ привести нѣсколько цифръ, относящихся къ заведеніямъ той-же степени, которыя состоятъ, вполнѣ или отчасти, въ другихъ вѣдомствахъ.

Кадетскій корпусъ.

(Школа эвельпидовъ. По военному министерству).

Профессоровъ	15
Учителей	10
Учениковъ	75

Политехническая школа.

(По министерству внутреннихъ дѣлъ).

Профессоровъ и учителей 14, изъ коихъ нѣкоторые состоятъ въ то-же время и при другихъ заведеніяхъ. Учениковъ всего 486. Учениковъ, принадлежащихъ исключительно школѣ, 155.

Тиринеское земледѣльческое училище.

(По министерству внутреннихъ дѣлъ).

Профессоровъ и учителей 5, учениковъ 30. Изъ числа профессоровъ двое принадлежатъ къ Навплійской гимназіи.

Родильный институтъ.

(По министерству внутреннихъ дѣлъ).

Профессоръ	1
Повивальныхъ бабокъ	11

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Высшее обученіе.

Оттоновскій университетъ.

Среди важныхъ заботъ объ управленіи государствомъ, въ которомъ все нужно было организовать, 2 іюля 1839 г., въ половинѣ осьмаго утра, ваше величество изволили положить, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ до того времени были только стойла для козъ и овецъ, первый камень въ основу зданія, которое посвящалось музамъ и предназначалось служить со-временемъ средоточіемъ учености для Греческой націи. Это заведеніе, въ исторіи котораго участвуетъ имя только вашего величества, служитъ нынѣ прочнымъ памятникомъ высокой мысли вашего величества и безграничной любви къ просвѣщенію всѣхъ Грековъ.

Матеріалы, нужные для исторіи университета, съ начала его основанія и до сего времени, находятся въ годовыхъ отчетахъ ректоровъ (перитановъ). Въ предѣлы настоящаго труда не входитъ ни исторія этого заведенія, ни изложеніе того благодѣтельнаго вліянія, которое произвелъ университетъ на Греческое общество, — изложеніе, которое, конечно, было-бы довольно длинно. Посему я ограничиваюсь только статистическими данными, относящимися къ настоящему положенію высшаго обученія.

Въ 1855—56 г. было въ университетѣ 590 учениковъ, изъ нихъ 315 живущихъ въ королевствѣ и 235 принадлежащихъ Греческимъ семействамъ, живущимъ внѣ королевства; эти ученики были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ богословскомъ факультетѣ	22
— юридическомъ —	219
— медицинскомъ —	229
— словесномъ —	79
— аптекарской школѣ	42

Профессоровъ было 42, и сверхъ того одинъ учитель восточныхъ языковъ. 46 человѣкъ получили степени лиценціата и доктора; аптекарская школа выдала 12 дипломовъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОБЩІЙ ИТОГЪ УЧИЛИЩЪ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВЪ ПО ВСѢМЪ СТЕПЕНЯМЪ ОБУЧЕНІЯ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ теченіе прошлаго учебнаго года число училищъ всѣхъ родовъ и степеней въ Греціи доходило до 860; что въ этихъ училищахъ преподавали 1111 профессоровъ и учителей; что учениковъ обоего пола и разныхъ возрастовъ было 58,674, и что эти профессоры, учители и ученики были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) Въ частныхъ начальныхъ школахъ—300 учителей и 10,000 учениковъ.

2) Въ школахъ взаимнаго обученія — 495 учителей и 41,597 учениковъ.

3) Въ училищахъ среднихъ — профессоровъ и учителей 239 и 6,217 учениковъ.

4) Въ университетѣ — 43 профессора и 590 студентовъ.

5) Въ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, профессоровъ и учителей 34, воспитанниковъ 271.

Къ означенному числу учениковъ должно прибавить 41 стипендіата, которые обучаются въ Европейскихъ училищахъ на иждивеніи правительства. Я не упоминаю о тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые учатся въ Европѣ на собственный счетъ, такъ-какъ число ихъ въ точности неизвѣстно.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

СТИПЕНДІАТЫ.

Министерство содержитъ въ школахъ королевства и въ иностранныхъ университетахъ всего 214 стипендіатовъ, а именно:

1. По бюджету: въ университетѣ 10, въ гимназіяхъ 32, въ Эллинскихъ школахъ 8, въ образцовомъ начальномъ училищѣ 30, въ Европѣ 4, въ Ризаріевской семинаріи 6, въ дѣвичьихъ пансіонахъ 30, всего 120.

2. На счетъ разныхъ завѣщаній: въ Европѣ 11, въ училищахъ королевства 88, всего 99.

Всего издерживается 104,420 драхмъ, изъ которыхъ 57,806 на счетъ правительства, и 45,560 на счетъ кассы завѣщаній.

Сверхъ того другія министерства раздаютъ ежегодно 112 стипендій, а именно: *министерство военное* имѣетъ въ Европѣ 14, въ кадетскомъ корпусѣ 27 стипендіатовъ; *министерство внутреннихъ дѣлъ* — въ Европѣ для обученія искусствамъ 9, въ училищѣ политехническомъ 19, въ училищѣ земледѣльческомъ 10; *министерство морское*—въ Европѣ 1, въ кадетскомъ корпусѣ 3.

Такимъ-образомъ всѣхъ стипендіантовъ правительства 331.

Общая таблица учебныхъ заведеній.

Общественныя училища.	Число училищъ.	Профессоры.	Учители.	Ученики.	Ученики экзаменованные.	Ученики переведенные.	Ученики выпускные	Бюджетъ издержекъ.
Университетъ.	1	42	1	590	»	»	58	186,692
Гимназіи общест. и част.	11	62	5	1,182	808	644	102	182,692
Образцовое начальное училище.	1	2	5	42	42	38	23	26,722
Школы Эллинскія общест. и част.	93	»	165	4,992	3,718	2,635	560	236,420
— начальныя.	450	»	95	41,597	»	»	»	102,655
— общія частныя. .	300	»	600	10,000	»	»	»	»
Училища не подвѣдомст. м. н. пр.	4	16	18	271	»	»	»	»
Итого. . . .	860	122	989	58,674	4,568	3,317	7,743	735,181

Таблица учебныхъ заведеній по номамъ.

Номы.	Число жителей.	Число заведеній.	Учители и профессоры.	Ученики.
Аттика и Віотія	95,229	84	239	8,961
Фтіотида и Фокида	87,676	42	54	3,395
Акарнанія и Этолія.	101,578	42	44	2,784
Эввія.	67,847	39	44	3,089
Киклады.	139,337	102	129	8,716
Ахаія и Элида.	125,967	48	61	3,714
Арголида и Коринѳія	109,477	57	76	5,288
Аркадія.	126,860	56	66	4,692
Лаконія.	88,425	50	52	4,474
Мессенія	100,757	40	46	3,561
Школъ начальныхъ частныхъ въ 10 номахъ.	»	300	300	10,000
Итого	1,043,153	860	1,111	58,674

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ИЗЛОЖЕНІЕ ОФФИЦІАЛЬНЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ И ФАКТОВЪ ОТНОСИТЕЛЬНО НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ДО 31 ДЕКАБРЯ 1856.

Послѣ этого быстраго взгляда на состояніе и дѣйствія нашихъ учебныхъ заведеній въ теченіе послѣдняго года, перехожу ко 2 части моего отчета, а именно къ изложенію главныхъ распоряженій и фактовъ по 3 отраслямъ народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ.

1) Институтъ первоначальныхъ учителей (дидаскалІонъ):

Институтъ первоначальныхъ учителей, для того, чтобы соотвѣтствовать полученному имъ развитію, нуждался въ такомъ новомъ уставѣ, который могъ-бы даже своими подробностями значительно содѣйствовать цѣли этого учрежденія образованіемъ наставниковъ просвѣщенныхъ, а въ особенности нравственныхъ и преданныхъ своему будущему званію. Вашему величеству угодно было полнѣе и лучше прежняго устроить содержаніе воспитанниковъ и порядокъ между ними, равно какъ и опредѣлить обязанности служащихъ. Вмѣняю себѣ въ счастіе сказать, что примѣненіе новаго устава принесло значительное улучшеніе, и обѣщаетъ еще больше въ будущемъ. Сверхъ того, для лучшаго распознанія поведенія лицъ, вступающихъ въ это училище, дабы принимать лишь такихъ, которыхъ прошедшее безъукоризненно и которые имѣютъ надлежащія способности, издано было королевское повелѣніе, которымъ опредѣлены требуемые отъ вступающихъ экзамены. Тѣмъ-же повелѣніемъ назначено было испытаніе, которому должны подвергаться кандидаты на званіе наставниковъ и самые наставники, два года по выходѣ ихъ изъ училища. Оставалось только даровать нѣкоторое облегченіе наставникамъ какъ относительно способа, такъ и относительно времени ихъ испытанія: это и было опредѣлено повелѣніемъ 11 іюля 1856 г.

По дѣйствующимъ законамъ, 30 изъ числа прилежнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ воспитанниковъ института первоначальныхъ учите-

лей содержатся на счетъ казны. Ваше величество, имѣя въ виду, что первоначальное образованіе народа будетъ плодотворнѣе, если преподается просвѣщенными и добродѣтельными священниками, изволили постановить, чтобы этими стипендіями пользовались предпочтительно тѣ лица, которыя уже посвящены въ священники, или-же посвятятъ себя духовному званію съ обязательствомъ преподавать впослѣдствіи въ качествѣ наставниковъ. Эта мѣра произведетъ еще и другое дѣйствіе: она увеличитъ денежныя средства сельскаго священника, прибавивъ къ его обыкновенному содержанію жалованье наставника.

2) Наставники.

Каждый, обращающійся къ какому-либо занятію, рѣшается на это главнымъ образомъ по призванію, а затѣмъ и въ надеждѣ на честный кусокъ хлѣба. Я старался, насколько это отъ меня зависѣло, возвысить въ глазахъ юношества важность званія наставника въ обществѣ, и доказать юношеству, какъ уважается это званіе самимъ правительствомъ. Ваше величество изволили дать наставникамъ матеріальное поощреніе, повелѣвъ увеличить 50—60 драхмами жалованье наставникамъ третьяго разряда, согласно съ бюджетомъ 1855 года. Но какъ по многимъ, ничѣмъ не оправдываемымъ причинамъ, жалованье имъ выдавалось общинами неисправно, такъ-что оказывалось замедленіе на нѣсколько мѣсяцевъ, и какъ всѣ благородныя усилія предшественниковъ моихъ не привели къ удовлетворительному результату: то большая часть наставниковъ, доведенныхъ до крайности, стали противъ воли и призванія своего покидать мѣста наставниковъ, и вступать въ другія званія. Тогда и число воспитанниковъ института первоначальныхъ учителей, естественно, уменьшилось. Для пресѣченія такого печальнаго положенія дѣлъ, изданъ былъ законъ, въ силу котораго жалованье наставникамъ и наставницамъ начальныхъ школъ выплачивается ежемѣсячно изъ казны государственной, которая вознаграждаетъ эту ссуду изъ доходовъ общины. Этотъ законъ, отстранивъ главныя причины изнеможенія, въ которое впало начальное обученіе, сообщилъ ему новую жизнь. Многіе преподаватели, уже удалившіеся отъ службы, снова взялись за прежнія свои занятія, а число учениковъ института первоначальныхъ учителей возрасло на $^{1}/_{5}$. Такимъ-образомъ можно было замѣстить ваканціи преподавателей, и учредить

новыя училища, а именно: 44 для мальчиковъ и 22 для дѣвочекъ. Не безъ основанія даже полагаю, что вскорѣ можно будетъ пополнить всѣ пробѣлы, умножить число этихъ школъ, и такимъ-образомъ сдѣлать излишними начальныя школы частныя. Нѣкоторыя общины, признавъ потребность образованія дѣвушекъ, почти единовременно просили у министерства наставницъ. Къ-сожалѣнію, невозможно было удовлетворить всѣмъ этимъ просьбамъ; но онѣ навели меня на мысль — пригласить общины отправить на собственный свой счетъ въ училище Филекпедевтическаго Общества избранныхъ ими дѣвушекъ, съ обязательствомъ преподавать въ-теченіе трехъ лѣтъ въ одной изъ начальныхъ школъ той общины (*). Этотъ совѣтъ началъ приносить добрые плоды: однѣ общины уже отправили, а другія отправляютъ дѣвушекъ въ Аѳины. Такимъ-образомъ образованіе дѣвицъ, безъ-сомнѣнія, распространится по всему государству: ибо всякая община будетъ въ-состояніи, если только пожелаетъ, за небольшую сумму образовать для себя наставницу.

3) Зданія для первоначальныхъ школъ.

Для первоначальныхъ школъ построены были на счетъ общинъ и частныхъ лицъ зданія въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Спеціяхъ; въ Ѳуріи (въ Каламахъ); въ Алагоніи (въ Каламахъ-же, на счетъ П. Димаки); въ Харакокіи (въ Пиліи); въ Фигаліи (въ Олимпіи); въ Трипюли 2; въ Трипѣ (въ Лакедемонѣ); въ Молаяхъ (въ Эпидаврѣ Лимирскомъ); въ Апидіи Ильской (въ томъ-же округѣ); въ Кардамилѣ (въ Итилѣ); въ Памфіи (въ Триконіи); въ Птелеѣ, Гардики и Мосхохоріи (во Фтіотидѣ); въ Кукувистѣ (въ Парнассидѣ); въ Пиреѣ (на счетъ частныхъ лицъ) и въ Мараѳонѣ (въ Аттикѣ); въ Ѳивахъ; въ Стени (въ Эввіи).

4) Методы обученія.

Въ нашихъ начальныхъ школахъ принятъ методъ взаимнаго обученія, котораго подробности изложены въ 1829 году въ руководствѣ Саразена, переведенномъ по распоряженію тогдашняго правительства г. І. П. Кокони, и получившемъ съ того времени авторитетъ почти оффиціальный. Приложеніе этого руководства къ практикѣ открыло въ немъ нѣкоторые недостатки, побу-

дившіе къ пересмотру его. Для сего назначена была, подъ управленіемъ одного изъ моихъ предшественниковъ, коммисія изъ специалистовъ, которые, по долгомъ обсужденіи, представили министерству просвѣщенія результатъ своихъ трудовъ и мнѣніе свое о необходимости улучшить это руководство. Повелѣніемъ 23 іюля 1856 года ваше величество изволили одобрить нѣкоторыя изъ этихъ предположеній; между ними должно упомянуть объ употребленіи круглаго почерка, какъ болѣе приспособленнаго къ Греческому письму, и о введеніи грамматики одного только древне-Греческаго языка: такъ какъ нынѣшній письменный языкъ съ каждымъ днемъ стремится къ совершенству древняго, и все больше и больше подчиняется его правиламъ. Для того, чтобы школы имѣли учебники, и какъ можно болѣе совершенные и доступные понятіямъ юныхъ воспитанниковъ, вашему величеству угодно было повелѣніемъ 1 сентября учредить ежегодную денежную премію, которыя должна быть присуждена по конкурсу за лучшее сочиненіе для начальнаго обученія. Въ нынѣшнемъ году объявленъ конкурсъ на премію за составленіе начальной грамматики и образцовъ чистописанія, на основаніи изданныхъ министерствомъ программъ.

5) Обязательное посѣщеніе школъ.

Не смотря на общее стремленіе страны къ образованію, есть, конечно, и у насъ, какъ и вездѣ, лица настолько простыя, что считаютъ позволеннымъ употреблять на свою личную пользу то время, которое дѣти ихъ могли-бы употребить въ училищѣ. Съ самаго нѣжнаго возраста заставляютъ они заниматься дѣтей разнаго рода домашнимъ ремесломъ, и такимъ-образомъ мѣшаютъ имъ посѣщать училище. Я счелъ обязанностью привести въ исполненіе распоряженіе 6 и 7 статей закона о начальномъ обученіи относительно возложенной на каждое дитя до 12 лѣтъ обязанности посѣщать курсъ начальныхъ школъ, кромѣ развѣ если будетъ дознано, что они и до этого возраста уже обладаютъ знаніями, тамъ преподаваемыми. Не сомнѣваюсь, что данныя по сему предмету инструкціи приведутъ къ удовлетворительному результату.

По закону о начальныхъ школахъ, надзоръ за ними ввѣренъ, кромѣ главнаго ихъ директора, наблюдательнымъ и испыта-

тельнымъ коммиссіямъ, учрежденнымъ въ общинахъ (димахъ), округахъ (епархіяхъ) и губерніяхъ (номахъ), и іерархически одна другой подчиненныхъ. Эти коммиссіи посылаютъ въ министерство народнаго просвѣщенія донесенія о состояніи школъ, о ихъ недостаткахъ и нуждахъ. Таковы были на-самомъ-дѣлѣ общинныя коммиссіи. Если въ коммиссіяхъ замѣчались недостатки, то подлежащимъ властямъ поручаемо было исправлять оные. Что-же касается до окружныхъ коммиссій, то объ нихъ никогда и рѣчи не было. Дабы устранить вредный недостатокъ, даны уже инструкціи окружнымъ совѣтамъ, вѣдомству которыхъ подлежитъ избраніе членовъ окружныхъ коммиссій.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СРЕДНЕЕ ОБУЧЕНІЕ.

1) Училища духовныя.

Ваше величество, принявъ къ сердцу образованіе духовенства, соизволили на учрежденіе школъ духовныхъ, а повелѣніями 27 и 28 октября и 1 ноября опредѣлили ихъ устройство и управленіе, назначивъ финансовую коммиссію для общей кассы; наконецъ повелѣли учредить три такія училища. Вскорѣ многія обители, архіепископы и епископы и другія благочестивыя особы сдѣлали денежныя приношенія на учрежденіе этихъ училищъ. Если приложить эти приношенія къ 100,000 драхмъ, которыя угодно было ассигновать вашему величеству на образованіе духовенства, то составится капиталъ въ 123,000 драхмъ, проценты котораго пойдутъ на содержаніе этихъ училищъ. Къ этой суммѣ не присоединяю ежегодно по подпискѣ жертвуемыхъ пособій, которыя доселѣ восходятъ до 7,850 драхмъ. Я имѣю основаніе полагать, что эти суммы вскорѣ удесятерятся, благодаря ревнію, возникшему между благонамѣренными людьми, вслѣдствіе выраженнаго вашимъ величествомъ желанія видѣть полный успѣхъ этихъ столь важныхъ для нравственной будущности страны училищъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, польза, ожидаемая отъ учрежденія ихъ, огромная. Въ скоромъ времени отечество наше

будетъ имѣть низшее духовенство достаточно образованное и просвѣщенное преимущественно знаніями религіозными. Каждая община, какъ-бы она ни была маловажна, будетъ въ-состояніи имѣть священника, не только способнаго достойно исполнять обязанности богослуженія, но и проповѣдывать слово Божіе, и образовать религіознымъ и нравственнымъ ученіемъ сердца своихъ прихожанъ.

2) Ризаріевская семинарія.

Говоря объ образованіи духовенства, съ истинною радостью довожу до свѣдѣнія вашего величества объ успѣхахъ за нынѣшній годъ Ризаріевской семинаріи, выдавшей выпускные дипломы 11 воспитанникамъ. Для возбужденія рвенія въ остающихся воспитанникахъ и для нравственнаго поощренія училища, ваше величество повелѣли, чтобы двое изъ выпущенныхъ воспитанниковъ назначены были преподавателями закона Божія въ Эллинскихъ уѣздныхъ школахъ столицы, а прочіе были приняты стипендіатами въ университетъ. Такимъ-образомъ всѣ ученики, выпущенные въ прошломъ году, будутъ имѣть возможность продолжать ученіе въ факультетахъ богословскомъ и словесномъ, а потомъ поступить преподавателями въ училища духовныя. Я убѣжденъ, что, съ измѣненіемъ организаціи семинаріи въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, получены будутъ впредь результаты достойные какъ вниманія вашего величества, такъ ожиданій ея благочестивыхъ основателей.

3) Обученіе коммерческое.

Вашему величеству угодно было учредить коммерческое отдѣленіе при Сирской гимназіи, и установить порядокъ для главныхъ предметовъ коммерческаго обученія, назначивъ двухъ особыхъ профессоровъ: одного — для началъ коммерческаго права, а другаго — для бухгалтеріи, торговой географіи и другихъ предметовъ, соприкосновенныхъ съ торговлею вообще. Опытъ доказалъ, какъ важно и неизбѣжно было улучшеніе помянутой гимназіи. Теперь не только ученики этой гимназіи, приготовляющіеся къ торговлѣ, обучаются безмездно, вмѣстѣ съ прочимъ ученіемъ, необходимымъ для негоціанта наукамъ, но и многія лица, состоящія уже при Сирскихъ конторахъ, посѣщаютъ эти уроки.

4) Преподаваніе морское.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ ваше величество одобрили проектъ Варвакіескаго лицея и назначено правительствомъ мѣсто для постройки его, стало несомнѣннымъ, что краеугольный камень этому заведенію уже положенъ. Такимъ-образомъ устраненіемъ затрудненія по дѣлу о завѣщанномъ Варвакіемъ пожертвованіи не будетъ болѣе замедлено и учрежденіе Варвакіевскаго лицея, существеннымъ предметомъ котораго будетъ преподаваніе морскаго дѣла. Въ то-же время въ разныхъ краяхъ будутъ учреждены практическія школы мореплаванія, гдѣ будутъ снабжать необходимыми познаніями тѣхъ, которые намѣрены будутъ когда-либо посвятить себя многочисленному и важному у насъ званію матросовъ.

5) Внутренній порядокъ въ гимназіяхъ и Эллинскихъ школахъ.

Согласно съ тѣмъ, что уже повелѣно въ законѣ объ устройствѣ Эллинскихъ школъ и гимназій, я предписалъ, чтобы утренняя молитва всегда предшествовала началу ученія въ классахъ, и чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики посѣщали храмъ Божій, подъ надзоромъ учителей. Что-же касается отлучекъ, поведенія и успѣховъ учениковъ, то это было предметомъ особенныхъ распоряженій, какъ я имѣлъ уже честь изложить въ донесеніи 28 февраля 1856 года.

По статьѣ 18 закона объ устройствѣ гимназій и Эллинскихъ школъ требовалось, чтобы праздничные дни для училищъ опредѣлены были декретомъ; но какъ объ этомъ не было сдѣлано никакого распоряженія, то посему относительно праздниковъ господствовала краняя неопредѣлительность и происходила величайшая трата времени. Наконецъ декретовъ вашего величества 26 іюля 1856 года опредѣлены праздничные дни, и безпорядокъ устраненъ.

Не меньше безпорядка происходило для общественныхъ училищъ вслѣдствіе преподаванія, безъ всякаго контроля, общественныхъ учителей въ частныхъ школахъ и въ другихъ мѣстахъ. Противъ этого злоупотребленія не разъ возставали нѣкоторые изъ гимназическихъ директоровъ. Изъ числа ихъ достопочтенный г.

И. Хортаки вотъ какъ выражается въ денессніи своемъ отъ 7 іюля 1856 г.: «При окончаніи нынѣшняго учебнаго года, считаю нужнымъ *опять* донести министерству, что мнѣ кажется неприличнымъ и неумѣстнымъ, чтобы учители Эллинскихъ школъ составляли изъ болѣе богатыхъ и имѣющихъ будто-бы нужду въ приготовленіи учениковъ своего собственнаго класса — особый классъ, которому они преподаютъ вторично тѣ-же предметы, за деньги». Для отвращенія этого вреда, изданъ декретъ 18 августа 1856 г., которымъ безусловно запрещено устроивать въ училищахъ особые классы за деньги, и постановлены правила о преподаваніи въ частныхъ школахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Къ курсу гимназическихъ предметовъ принадлежитъ и опытная физика. Но преподаваніе этой науки требуетъ, какъ видно и изъ самаго ея названія, опытовъ, безъ которыхъ она вовсе непонятна, а становится пустою тратою времени. По этому ваше величество повелѣли снабдить обѣ Аѳинскія гимназіи необходимыми физическими инструментами, и приняты мѣры къ снабженію ими и прочихъ гимназій.

6) Учрежденіе новыхъ училищъ.

Среднее обученіе пріобрѣло въ этомъ году еще 2 новыя училища въ Аѳинахъ, учрежденныя съ разрѣшенія правительства: одно, названное лицеемъ, для мальчиковъ, а другое — для дѣвицъ. Въ двухъ Сирскихъ частныхъ училищахъ умножилось число преподавателей: первое и старѣйшее имѣетъ теперь до 17, а второе до 16 преподавателей, которые большею частью принадлежатъ второй тамошней гимназіи и школѣ.

7) Учрежденіе училища общественнаго.

Новое общественное Эллинское училище основано нынѣ только одно, въ Амаліополѣ. Во многихъ мѣстахъ чувствуется надобность въ школахъ этого разряда, какъ-то: въ Псофидѣ, Дриміи, Керитенѣ и въ другихъ мѣстахъ; но невозможно въ настоящее время основать ихъ по недостатку въ учителяхъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЫСШЕЕ ОБУЧЕНІЕ.

1) Университетъ.

Въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ образуются тѣ изъ Греческихъ юношей, которые имѣютъ состояніе и любовь къ наукѣ, произошло слѣдующее:

Повелѣніемъ вашего величества лекціи Римскаго права заняты были снова лицомъ, прежде оное преподававшимъ. Два профессора получили высшее званіе; основаны двѣ каѳедры: одна глазныхъ и ушныхъ болѣзней, и другая — физіологіи. Лекціи фармаціи, какъ существенно нужныя, повелѣніемъ 18 іюля 1856 года отдѣлены отъ каѳедры акушерства. Преподаваніе фармаціи возложено на экстра-ординарнаго профессора патологической анатоміи, а на директора анатомическо-патологическаго музея возложены лекціи топографической анатоміи въ приложеніи къ хирургіи. Вслѣдствіе многократно-выраженнаго медицинскимъ факультетомъ мнѣнія, каѳедра спеціальной носологіи и терапіи, прежде отдѣленная отъ каѳедры клиники, опять съ нею соединена и обѣ поручены двумъ профессорамъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ профессоромъ клиники.

Болѣе прочихъ надлежало пополнить факультетъ богословскій. Это исполнено назначеніемъ въ ординарные профессоры приглашеннаго изъ Іерусалима архимандрита Д. Клеопа, который давно уже приступилъ къ преподаванію догматическаго богословія.

Въ Аѳинахъ существуетъ родильный институтъ, который считается отдѣленіемъ университета, такъ-какъ онъ управляется профессоромъ акушерства, и такъ-какъ въ немъ обучаются практической части этого предмета студенты медицины. Это училище получило улучшеніе въ слѣдствіе закона, предложеннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Я упомянулъ слегка о родильномъ институтѣ, подвѣдомственномъ министерству внутреннихъ дѣлъ, только по связи его съ университетомъ. Студенты и медицинскаго факультета до-сихъ-поръ изучали клиническую медицину въ

гражданской больницѣ. Такъ какъ въ ней, по малочисленности больныхъ, не представлялось большаго разнообразія въ болѣзняхъ, то практическая часть медицины по-необходимости преподавалась не полно. Для того, чтобы студенты медицины имѣли больше практики, вашему величеству угодно было, повелѣніемъ 10 августа 1856 г., учредить городскую клинику. Учрежденіе ея полезно еще и для больныхъ изъ бѣднаго класса, которыхъ пользуютъ врачи, входящіе въ составъ городской клиники. Это будетъ приведено въ исполненіе въ-теченіе нынѣшняго года.

Медицинскій совѣтъ многократно жаловался на неполноту образованія, получаемаго учениками фармацевтическаго училища, на недостатокъ начальныхъ основаній, и—что всего важнѣе—на неопытность ихъ въ самой практикѣ изготовленія лекарствъ. Медицинскій факультетъ составилъ проектъ устава образованія фармацевтовъ, разсмотрѣнный въ медицинскомъ совѣтѣ, и изданный 21 октября 1856 г.

2) Библіотека и находящіяся при ней нумизматическія собранія.

Вашему величеству благоугодно было распорядиться приведеніемъ въ порядокъ нумизматическаго собранія, состоящаго при библіотекѣ, и назначить на это нумизмата съ обозначеніемъ его обязанностей. Монеты, располагаемыя теперь на основаніи науки, принесутъ пользу какъ студентамъ, такъ и другимъ ученымъ, занимающимся археологіей. Увеличеніемъ и храненіемъ библіотеки обязаны мы неутомимой ревности эфора ея, который съ отличнымъ благоразуміемъ и добросовѣстностью управлялъ библіотекою, хотя и не имѣлось доселѣ по этой части никакого устава. Теперь этотъ недостатокъ пополненъ: изданъ уставъ, составленный на основаніи другихъ Европейскихъ уставовъ и сущесвовавшихъ въ библіотекѣ обычаевъ. Этимъ уставомъ опредѣляются правила, на основаніи которыхъ предоставляется публикѣ пользоваться книгами, а также обязанности служащихъ при библіотекѣ и взаимныя ихъ сношенія.

3) Обсерваторія.

Къ-сожалѣнію, я долженъ донести, что, по случаю отсутствія на неопредѣленное время директора оборваторіи и по разнымъ

недостаткамъ, никакихъ наблюденій въ ней не производилось. Между-тѣмъ приложено всевозможное стараніе, чтобы, при существующихъ способахъ, приступлено было хотя къ небольшимъ занятіямъ въ обсерваторіи. Мнѣ пріятно довести до свѣдѣнія вашего величества, что, по бывшему между министерствомъ и г. Синою соглашенію, благодаря ревностному содѣйствію этого благороднаго сына основателя нашей обсерваторіи, судьба сего важнаго учрежденія утвердится на прочныхъ основахъ.

4) Археологическій музей.

Хотя во времена бѣдствій Греція и была расхищаема, однако она скрывала и скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ еще много драгоцѣнныхъ остатковъ разныхъ приношеній, свидѣтельствующихъ о приверженности праотцевъ нашихъ къ ихъ религіи; у насъ осталось еще много мастерскихъ произведеній древняго искусства. Раскопка и открытіе произведеній и правильное размѣщеніе ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда стояли эти произведенія, новыя и блистательныя,—можетъ обратить всю Грецію въ одинъ прекрасный археологическій музей. Но какъ многіе изъ этихъ остатковъ разбросаны, подлежатъ разрушенію и не могутъ, въ слѣдствіе большихъ затрудненій, приносить пользу археологамъ, то министерство назначило ежегодно 10 тысячъ драхмъ на постепенное устройство археологическаго музея. Еще предшественниками моими обдуманъ былъ планъ такого музея, но суммы на устройство его были малы, а дѣло велико. Узнавъ объ этомъ затрудненіи, истинный патріотъ г. Бернардаки, живущій въ С. Петербургѣ, рѣшился воздвигнуть такой музей въ Аѳинахъ, на свой счетъ, и выслалъ на это первоначальный капиталъ. Такъ-какъ рѣчь зашла объ археологическомъ музеѣ, то я довожу до свѣдѣнія вашего величества, что раскопки, прекратившіяся съ 1840 г., возобновлены въ прошломъ году, и я замѣчаю съ удовольствіемъ, что археологическія собранія наши съ каждымъ днемъ обогащаются новыми памятниками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ.

Оканчивая этотъ отчетъ, долгомъ считаю представить здѣсь нѣсколько общихъ соображеній о тѣхъ улучшеніяхъ, на которыя

указало мнѣ, какъ на самонужнѣйшія, тщательное изученіе нуждъ и предметовъ народнаго просвѣщенія.

§ 1-й. Начальное обученіе.

Здѣсь успѣхъ представляется съ двухъ точекъ зрѣнія—со стороны объема и со стороны содержанія.

Учрежденіе и содержаніе столь значительнаго числа народныхъ училищъ въ такой державѣ, какова Греція, явно доказываютъ, что по объему у насъ произошелъ такой успѣхъ, какого, можно смѣло сказать, не представилъ ни одинъ народъ, въ теченіе равнаго періода времени. Но множество школъ и ежедневное увеличеніе числа учениковъ не поведутъ ни къ чему, если это не соединено съ надлежащимъ преподаваніемъ, постоянно и преимущественно стремящимся къ нравственному образованію юношества. Что-же касается до успѣховъ народнаго образованія въ отношеніи къ его содержанію, то много было причинъ, почему усилія правительства не произвели тѣхъ послѣдствій, какихъ желаетъ отеческое сердце вашего величества. Посему я думаю, что впредь на направленіе и на духъ народнаго образованія больше всего должно обратить вниманія министерство просвѣщенія. Народныя училища, безъ-сомнѣнія, не имѣютъ только цѣлью выучить чтенію, письму, счету и т. д., но преимущественно предназначены содѣйствовать образованію народныхъ нравовъ: они дополняютъ, особенно для дѣтей бѣднаго класса, первое и необходимое воспитаніе домашнее. Но ничто столько не споспѣшествуетъ тому, чтобы сообщить надлежащее направленіе школьному преподаванію, какъ образованіе народныхъ учителей въ духѣ христіанства. Народный учитель — это орудіе, посредствомъ котораго попеченіе начальства о нравственности народной дѣйствуетъ на нѣжное сердце дѣтей. Народный учитель собственнымъ примѣромъ и ученіемъ предуготовляетъ добродѣтельныхъ гражданъ, вдыхая въ нихъ самоотверженную привязанность къ вѣрѣ, любовь къ отечеству и ея правителю, подчиненіе себя законамъ и властямъ, взаимное между гражданами согласіе. Онъ становится видимымъ образомъ общественныхъ и частныхъ доблестей, нравственнымъ союзомъ между гражданами и правительствомъ. *Достойные своего назначенія народный учитель, священ-*

никъ и мирный судія дѣйствуютъ на общество плодотворнѣе, нежели самыя многосложныя и дорого-стоющія учрежденія, и дѣлаютъ почти излишнимъ всякой другой органъ административный. Итакъ всѣ усилія центральной власти на пользу народнаго просвѣщенія должны стремиться къ пріобрѣтенію такихъ народныхъ учителей, потому что отъ нихъ происходятъ настоящіе успѣхи народнаго просвѣщенія. Я убѣжденъ, что мѣры, принятыя въ прошломъ году, будутъ значительно споспѣшествовать этому дѣлу.

§ 2-й. Среднее обученіе.

Переходя къ среднему обученію, я тѣмъ съ большею подробностью займусь вопросомъ о раздѣленіи этой отрасли народнаго просвѣщенія, что ваше величество въ прошломъ году изволили издать много постановленій для ея преобразованія.

Гимназіи и школы въ томъ видѣ, какъ онѣ у насъ устроены, имѣютъ главною цѣлью обученіе древнимъ языкамъ. Однакожь такъ-называемыя классическія знанія, на усвоеніе которыхъ потребны и время и не малыя издержки, вовсе не необходимы для того, кто не намѣренъ сдѣлаться учителемъ, правовѣдомъ, или врачемъ, и кто по многимъ причинамъ предпочитаетъ принести пользу обществу инымъ способомъ, сдѣлавшись землѣдельцемъ, промышленикомъ, ремесленникомъ, купцомъ и проч. Такому мальчику на что продолжительное и многотрудное изученіе Латинскаго языка и древнихъ нарѣчій Греческаго? Не въ тысячу-ли разъ лучше ему знать начальную химію, приложенную къ обыденнымъ нуждамъ житейскимъ, или нынѣшнія производительныя силы какой-нибудь пограничной страны, или устройство полезной машины.

По нынѣшнему устройству средняго обученія, выходящіе изъ народныхъ школъ должны или ограничиться тѣмъ, что въ нихъ преподается, или начать ученіе классическое. Большая часть мальчиковъ, увлекаемые стремленіемъ къ просвѣщенію, не соразмѣривъ ни умственныхъ силъ своихъ, ни денежныхъ средствъ, вступаютъ въ многочисленныя училища среднія. Но, къ-несчастію, въ срединѣ учебнаго поприща, соскучившись или не имѣя достаточныхъ средствъ, прекращаютъ ученіе, и совершенно неприготовленные ни къ какому промыслу, напрасно ищутъ

средствъ къ жизни. Это видно изъ множества учащихся въ низшихъ классахъ, и изъ несоразмѣрно-малаго числа ихъ въ высшихъ.

Итакъ у насъ нѣтъ школъ, въ которыхъ мальчики, недовольствующіеся ученьемъ народныхъ школъ, и не желающіе или не имѣющіе средствъ пройти весь пространный кругъ ученья классическаго, могли-бы найти такое образованіе, которое въ короткое время сдѣлало-бы ихъ способными къ занятіямъ прибыльнымъ, или достаточно приготовило-бы ихъ къ дальнѣйшему ученію въ спеціальныхъ школахъ техническихъ или коммерческихъ. Такія школы давно уже имѣютъ успѣхъ въ Германіи подъ именемъ реальныхъ: онѣ приготовляютъ ежегодно множество полезныхъ земледѣльцевъ, промышлениковъ, ремесленниковъ, купцовъ и т. д. Съ 1835 г. подобныя школы заведены и во Франціи.

Изъ нѣкоторыхъ предметовъ, назначенныхъ въ Эллинскихъ школахъ, можно заключить, что законъ 1835 г. о школахъ и гимназіяхъ имѣетъ въ виду придать нѣкоторое практическое направленіе ученію, получаемому въ этихъ училищахъ. Но соединеніе двухъ разныхъ ученій въ однихъ и тѣхъ-же заведеніяхъ, естественно, привело къ преобладанію одной изъ нихъ. Такимъ образомъ, помимо смысла помянутаго закона, всѣ Эллинскія школы обратились въ низшія классы гимназій. Посему надо снова сообщить практическое направленіе нѣкоторымъ изъ Эллинскихъ училищъ, или, лучше сказать, превратить нѣкоторыя изъ нихъ въ приготовительныя технологическія. Такъ-какъ этого нельзя еще сдѣлать по многимъ причинамъ, а болѣе всего по недостатку способныхъ на это учителей, то полезно, кажется, было-бы, на первое время, учредить такое образцовое училище въ Аѳинахъ. Оно послужитъ къ преобразованію по этому плану нѣкоторыхъ неполныхъ Эллинскихъ школъ, находящихся въ провинціяхъ. Испрашивая разрѣшеніе на учрежденіе школъ техническихъ приготовительныхъ, я нисколько не предполагаю уменьшить достоинство образованія гимназическаго. Напротивъ того, я полагаю, что, въ слѣдствіе отдѣленія одной спеціальности есть другой, можетъ произойти замѣчательный успѣхъ и для образованія въ самыхъ Эллинскихъ школахъ и гимназіяхъ. Безъ-сомнѣнія, я считаю лучшимъ, чтобъ было меньше гимназій и Эллинскихъ школъ, но чтобъ онѣ были полнѣе и лучше достигали своей цѣли.

Учрежденіемъ приготовительныхъ школъ, которыя будутъ содѣйствовать къ развитію и размноженію спеціальныхъ школъ земледѣльческихъ, промышленыхъ и торговыхъ, удачно пополняется вся система нашего образованія. Такимъ образомъ прежде всего образованіе народное, эта непремѣнная умственная пища человѣка, для всѣхъ обязательная, дается всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ Грековъ въ школахъ народныхъ. Выходящіе отсюда дѣти умѣютъ только хорошо читать, писать и считать. Если они поставлены въ необходимость кормиться трудами своихъ рукъ, то по-необходимости обращаются прямо къ какому-нибудь ремеслу. А если могутъ еще нѣсколько лѣтъ заниматься образованіемъ себя, то вступаютъ въ приготовительныя школы техническія. Отсюда опять они или приступаютъ къ жизни практической, лучше прежняго приготовленные къ ней, или для усовершенствованія себя переходятъ въ школы техническія и торговыя спеціальныя. Что касается до тѣхъ, которые стремятся къ занятіямъ умственнымъ и обладаютъ нужными на то средствами, то они тотчасъ-же по выходѣ изъ школъ народныхъ переходятъ въ школы Эллинскія, отсюда въ гимназіи, а изъ нихъ въ высшее учебное заведеніе въ государствѣ.

Такова, ваше величество, единственная приспособленная къ современному состоянію Греціи система просвѣщенія, за развитіе которой послѣдующія поколѣнія возблагодарятъ, какъ благодѣтеля своего, перваго короля возрожденной Греціи.

§ 3-й. Внѣшній порядокъ и методъ обученія въ школахъ и гимназіяхъ.

Между разными улучшеніями, какія должно ввести въ гимназіи и Эллинскія школы, министерство имѣетъ въ виду издать программы, облегчающія составленіе учебниковъ, свести частности къ единообразію въ преподаваніи, ввести правила объ обязанностяхъ и повиновеніи учениковъ, раздѣлить большіе классы на отдѣленія и завести репетиторовъ, въ помощь учителямъ и для надзора за учениками.

§ 4-й. Училища частныя.

Необходимость учредить училища частныя, о которыхъ упомянулъ я во 2-й главѣ этого отчета, конечно, не служитъ доказа-

тельствомъ паденія училищъ общественныхъ; она показываетъ только, что любовь къ просвѣщенію усиливается. Какъ-бы ни было многосторонне преподаваніе въ училищахъ общественныхъ, однакожь оно не можетъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворить многообразнымъ требованіямъ людей достаточныхъ, относительно воспитанія ихъ дѣтей; одинъ только частный интересъ можетъ удовлетворить такимъ требованіямъ. Я смотрю на учрежденіе новыхъ училищъ частныхъ, какъ на пріятный признакъ успѣха, и какъ на необходимое дополненіе училищъ общественныхъ. Однакожь я считаю необходимымъ постоянный и строгій за ними надзоръ, для того, чтобъ они не увлекались корыстью, не отклонялись отъ предписаннаго имъ пути, и не блистали только внѣшностію, во вредъ учащимся. Потому-то я и считаю необходимымъ точнѣйшее и подробнѣйшее развитіе дѣйствующихъ по этой части узаконеній.

§ 5-й. Высшее обученіе.

Что касается до университета, носящаго имя вашего величества, то настало, кажется, время дать ему опредѣленный уставъ, въ которомъ были-бы исправлены всѣ могущія встрѣтиться въ его устройствѣ недостатки. Довольно для насъ двадцати-пяти-лѣтняго собственнаго нашего опыта, къ которому легко будетъ присовокупить и тѣ уроки, которые даетъ намъ многолѣтній опытъ другихъ народовъ. Въ университетѣ, всего больше нуждается въ развитіи такъ-называемый *фрондистиріи*, который уже изъ одного самолюбія народнаго долженъ былъ-бы, изученіемъ языка нашихъ предковъ, превосходить всѣ подобныя учрежденія даже и въ самой образованной Европѣ, и который по справедливости долженъ быть почитаемъ за единственный разсадникъ ученыхъ профессоровъ и преподавателей въ нашемъ народѣ.

§ 6-й. Учители.

Здѣсь долженъ я замѣтить, что число учителей не соотвѣтствуетъ той надобности въ нихъ, которая съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Итакъ, чтобъ усилить охоту вступать въ это званіе, и чтобъ привязать тѣхъ, которые въ немъ находятся, необходимо

улучшить ихъ судьбу. Между прочимъ и справедливымъ, и необходимо нужнымъ считаю я исполненіе статей 41 и 107 органическаго закона о гимназіяхъ и Эллинскихъ училищахъ, относительно постепеннаго увеличенія учительскаго жалованья. Кстати было-бы также возобновить на прежнемъ основаніи окладъ профессоровъ университетскихъ, въ 1842 г. сокращенный изъ видовъ экономическихъ.

§ 7. Центральное вѣдомство.

Для исполненія возложенныхъ на меня вашимъ величествомъ важныхъ обязанностей, я часто спрашивалъ мнѣніе людей свѣдущихъ какъ въ церковныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлѣ общественнаго воспитанія, между которыми пришлось мнѣ быть когда я призванъ былъ къ управленію министерствомъ, и я всегда почти пользовался ихъ драгоцѣнными совѣтами, за что и обязанъ объявить имъ здѣсь величайшую благодарность. Такъ я на опытѣ узналъ, какую пользу принесло-бы учрежденіе при министерствѣ церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія постояннаго совѣщательнаго собранія, состоящаго изъ людей не только свѣдущихъ, но и получившихъ особенную опытность въ дѣлахъ церковныхъ и въ преподаваніи. Многосложные и трудные вопросы, представляемые нравственнымъ и умственнымъ возрожденіемъ нашего народа, главнымъ образомъ относительно метода преподаванія и относительно разбора учебниковъ, требуютъ столь разнообразныхъ познаній, что они не могутъ быть сосредоточены въ одномъ или въ двухъ лицахъ. Изъ преній, происходящихъ между нѣсколькими спеціалистами, обыкновенно тверже и явственнѣе возникаетъ истина. Потребности въ такихъ совѣщательныхъ собраніяхъ предшественники мои старались удовлетворить спеціальными коммиссіями; но коммиссіи, бывъ назначаемы на время и безъ вознагражденія за труды составлявшихъ ихъ лицъ, мало пособляли дѣлу.

Таково состояніе просвѣщенія въ Греціи; таковы въ немногихъ словахъ соображенія мои о дальнѣйшемъ его развитіи. Поводомъ къ этому изложенію были — сознаніе моихъ обязанностей и возникшее изъ разсмотрѣнія дѣйствій министерства убѣжденіе,

что ваше величество съ постояннымъ и живымъ стремленіемъ искали правду, дабы на ней одной, какъ на незыблемомъ основаніи, воздвигнуть великое зданіе нравственнаго и умственнаго образованія юношества, другими словами, — будущность Греческаго народа.

Подписалъ: Х. Христопуло.

Аѳины,
1 февраля 1857 г.

ГЕРМАНИКЪ.

(*Окончаніе*).

Въ то время, когда въ Римѣ узнали о счастливомъ исходѣ опасностей, грозившихъ имперіи съ Рейна, волненіе умовъ въ городѣ достигало крайнихъ предѣловъ. На улицахъ и площадяхъ громко порицали малодушіе Тиберія, не рѣшавшагося личнымъ появленіемъ смирить буйное безначаліе легіоновъ. Съ своей стороны, Тиберій, по-обыкновенію, хитрилъ, притворялся самоувѣреннымъ, распускалъ слухи о скорой поѣздкѣ своей на Рейнскую границу; но ни за что не рѣшался оставить городъ и сенатъ, въ которыхъ не могъ быть увѣреннымъ. Получивъ, наконецъ, благопріятныя вѣсти отъ Германика, онъ не обнаружилъ никакой особенной радости, чтобы тѣмъ не открыть также и того томительнаго страха, который мучилъ его въ теченіе всего послѣдняго времени. Притомъ-же, раздачею различныхъ льготъ и наградъ Германикъ упрочивалъ свою популярность въ арміи, что подавало императору поводъ къ зависти и подозрѣніямъ. Къ подозрѣніямъ? спросите вы; да развѣ можно было сомнѣваться въ человѣкѣ, представившемъ такія поразительныя доказательство вѣрности и безкорыстія? Да, какъ ни странно подобное явленіе, но оно оправдывается исторически и психологически. Въ первомъ отношеніи, мы имѣемъ положительное свидѣтельство Тацита (59); во второмъ также нѣтъ недостатка въ вѣроятностяхъ. Если справедливо, что человѣкъ всегда склоненъ заключать о другихъ по себѣ, то о Тиберіи это можно сказать тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что въ тѣ смутныя времена, какъ бываетъ всегда въ пору глубокаго

(59) Tac. Ann. 1. 50.

нравственнаго упадка, вообще имѣли мало вѣры въ людей. Поэтому, Тиберій едва-ли серьезно повѣрилъ, что Германикъ могъ, но не хотѣлъ лишить его власти; а какъ онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ искренности поступковъ своего племянника, то недовѣрчивость къ нему должна была усилиться тѣмъ болѣе, что теперь онъ могъ предполагать въ немъ опасное искусство утонченнаго лицемѣрія. Съ другой стороны, допустивъ даже, что услуга Германика точно была чистосердечна, Тиберій, поставленный въ необходимость принять благодѣяніе отъ человѣка, къ которому питалъ онъ въ душѣ столько ненависти, тѣмъ не менѣе чувствовалъ, какъ сильно отъ того страдало его самолюбіе и врожденная гордость. Каковы-бы ни были, однимъ словомъ, сокровенные мотивы поведенія Германика, во всякомъ случаѣ оно скопляло надъ его головою неизбѣжныя опасности въ будущемъ. Вражда Тиберія не способна забывать ничего.

Въ сенатѣ однакожь, и вообще въ публикѣ Тиберій отдавалъ справедливость заслугамъ племянника, но въ выраженіяхъ слишкомъ напыщенныхъ, говоритъ Тацитъ, для того, чтобъ они могли показаться искренними. Самого Германика онъ благодарилъ искусственно-трогательнымъ письмомъ (60).

Мы переходимъ теперь къ изображенію лучшей, славнѣйшей поры въ жизни Германика,—къ исторіи его Германскихъ походовъ. Тацитъ, который и здѣсь будетъ служить для насъ главнымъ руководителемъ, съ какою-то особенною любовію и одушевленіемъ разсказываетъ о военныхъ подвигахъ своего любимаго героя, какъ-бы желая этими отрадными картинами вознаградить себя и читателя за пошлость и мрачный колоритъ образовъ, почерпнутыхъ ихъ внутренняго быта изображеннаго имъ Римскаго общества. И дѣйствительно, военная доблесть была въ тѣ времена одною изъ немногихъ свѣтлыхъ сторонъ, какія уцѣлѣли еще отъ прежней славной исторической жизни Римскаго народа. Вотъ почему, быть можетъ, люди, которымъ доставалась въ удѣлъ военная слава, такъ особенно высоко становились во мнѣніи своихъ согражданъ, невольно порабощали себѣ ихъ умы.

---

(60) Tac. Ann. 1. 52. — D. Cass. LVII. 6.

Благодаря этому сочувствію историка къ военной дѣятельности описанной имъ эпохи, мы имѣемъ возможность прослѣдить вполнѣ боевое поприще нашего героя въ Германіи.

Германскій міръ, облегавшій, по Рейну и Дунаю, сѣверные и сѣверо-восточные предѣлы имперіи, состоялъ въ то время изъ множества отдѣльныхъ племенъ, не только не связанныхъ никакимъ политическимъ единствомъ, но еще постоянно враждовавшихъ между собою. Казалось-бы, что при такомъ состояніи легче всего было подчинить его Римскому преобладанію. При Августѣ, до самыхъ временъ Варова пораженія, отношенія Римлянъ къ Германцамъ уже какъ-бы дѣйствительно клонились къ этой развязкѣ. Римляне поддерживали и сѣяли раздоры между Германцами, знакомили ихъ съ своею цивилизаціею; многіе изъ благородныхъ Германцевъ получали воспитаніе въ Римѣ и служили въ легіонахъ, сражаясь нерѣдко подъ Римскимъ знаменемъ со своими-же земляками. Хотя послѣ Варовой катастрофы Римляне и потеряли всѣ выгоды своего преобладанія въ варварской или за-Рейнской Германіи, однакожъ положеніе ихъ въ отношеніи къ Германскому міру отъ того не сдѣлалось еще безнадежнымъ. У нихъ оставалась въ Германіи сильная партія, преданная ихъ интересамъ; множество Германскихъ наемниковъ, набранныхъ, большею частію, по сю сторону Рейна, служили въ Римскихъ войскахъ; между военачальниками Германцевъ были еще люди, которые не только по какимъ-нибудь личнымъ интересамъ, но даже по убѣжденію, желали Римскаго владычества въ своей родинѣ. Въ числѣ такихъ племенныхъ вождей наиболѣе извѣстенъ былъ своею приверженностію къ Риму нѣкто Сегестъ, одинъ изъ Херусскихъ князей, личный врагъ Арминія, похитившаго у него дочь, уже обѣщанную другому,—тотъ самый Сегестъ, который неоднократно предостерегалъ Вара отъ замысловъ вѣроломныхъ Херусковъ.

Начиная кампанію за Рейномъ, Германикъ основывалъ много надеждъ на этой враждѣ Арминія съ Сегестомъ, пользовавшихся большимъ уваженіемъ у своихъ земляковъ, хотя предпріимчивый и пылкій характеръ Арминія, его надежная опытность въ ратномъ дѣлѣ, наконецъ его непоколебимая ненависть къ Римлянамъ доставляли ету нравственный перевѣсъ надъ соперникомъ (61).

Первая экспедиція Германика направлена была въ землю Кат-

(61) Tac. Ann. 1. 55.

товъ или въ область нынѣшняго Нассаускаго герцогства (62). Раздѣливъ армію на двѣ части, Германикъ принимаетъ личное начальство надъ одною, а другую поручаетъ вѣрному и опытному легату Цецинѣ. Нападеніе, сдѣланное въ-расплохъ, удалось вполнѣ. Вся земля до озера была опустошена, захвачено множество плѣнниковъ. Преодолѣвъ упорное сопротивленіе, легіоны проникли даже за рѣку и разорили главное мѣсто Каттовъ—Мацціумъ (63). На возвратномъ пути къ Рейну Херуски и Марсы покушались потревожить отступленіе Римлянъ, но были запуганы, или разбиты (64).

Этотъ удачный набѣгъ, раздраживъ варваровъ, подалъ Арминію поводъ объявить виновникомъ его Сегеста и поднять противъ Римлянъ своихъ земляковъ, которые, какъ-бы предчувствуя упорную борьбу, сначала неохотно брались за оружіе. Разумѣется, что первою жертвою народнаго негодованія сдѣлался Сегестъ. Приверженцы Арминія до того стѣснили его въ его собственныхъ владѣніяхъ, что ему оставалось только просить помощи у Германика. Родной сынъ Сегеста, Сигмондъ, прибылъ въ Римскій лагерь просить покровительства и защиты отцу. Принявъ милостиво посольство, Германикъ тотчасъ-же двинулся на выручку союзника. Легко одолѣвъ сопротивленіе осаждавшихъ, Римляне направили путь обратно къ Рейну. За ними слѣдовалъ самъ Сегестъ, его семейство, кліенты и множество благородныхъ Германскихъ женщинъ, и между ними супруга Арминія, Туснельда, съ малолѣтнымъ ребенкомъ на рукахъ. Какъ истинная Германка, она шла спокойно и твердо, безъ слезъ, безъ мольбы и упрековъ; глаза ея неподвижно покоились на сынѣ Арминія... Отецъ ея Сегестъ, человѣкъ колоссальнаго роста, самоувѣренно и гордо слѣдовалъ вмѣстѣ съ дочерью, оправдывая свое поведеніе предъ Римлянами. «Я не измѣнникъ, не врагъ моей родинѣ, говорилъ онъ, но думалъ и думаю, что неразрывно связаны интересы Германіи и Рима и что для обѣихъ сторонъ доброе согласіе выгоднѣе войны. Съ той минуты, какъ Августъ даравалъ мнѣ достоинство Римскаго гражданина, съ Римлянами у меня были общіе друзья и враги. Не корысть и не жажда наградъ и отличій заставляютъ меня дѣйствовать такимъ образомъ, но желаніе блага моей родинѣ, которая всегда найдетъ

---

(62) При опредѣленіи мѣстностей я пользовался изслѣдованіями Ледебура и Мёзера.

(63) Нынѣшній Маденъ, близъ Гуденсберга.

(64) Tac. Ann. 1. 56.

во мнѣ посредника и заступника предъ вами, если когда-нибудь настанетъ для нея часъ холодной разсудительности и раскаянія». Германикъ обѣщалъ имъ всѣмъ безопасность, покровительство и приличное содержаніе отъ одной изъ древнихъ Римскихъ провинцій (65).

Вѣсть о подданствѣ Сегеста, о плѣнѣ семейства Арминіева произвела на варваровъ различное впечатлѣніе: одни видѣли въ этомъ начало добраго согласія съ Римлянами и надежду на близкій миръ; но большая часть—новый поводъ ко враждѣ, для которой, кромѣ войны, не было другаго исхода. Что касается до самого Арминія, то, какъ и можно было предвидѣть, негодованіе его не знало границъ. «Какъ?—кричалъ онъ землякамъ своимъ,—такъ вотъ это знаменитый вождь, это могущественная армія, ограничивающая свои подвиги похищеніемъ слабой женщины! Я не прибѣгалъ къ измѣнѣ, не воевалъ съ беременными женами; но открыто уничтожилъ три легіона вооруженныхъ воиновъ враговъ. И теперь еще находятъ въ нашихъ лѣсахъ Римскія знамена, посвященныя мною отечественнымъ богамъ. Пусть Сегестъ на чужой землѣ наслаждается спокойствіемъ рабовъ; никогда сыны брани не простятъ ему вины появленія Римской сѣкиры и тоги между Рейномъ и Эльбою. Между-тѣмъ-какъ другія націи своей неизвѣстности обязаны спасеніемъ отъ Римскаго ига, Германцы въ одномъ мужествѣ найдутъ защиту своей независимости»! Такими и подобными рѣчами онъ поднялъ противъ Римлянъ почти всю варварскую Германію. На голосъ его возстали не только Херуски и всѣ окрестныя племена, но даже знаменитый своею военною славой, престарѣлый вождь Ингіомеръ, дядя Арминія, принялъ участіе въ коалиціи.

Чтобъ раздѣлить силы враговъ, Германикъ различными путями соединяетъ свои войска на берегахъ Эмса, покоряетъ Хауковъ, разоряетъ землю Бруктеровъ и проникаетъ до самыхъ оконечностей ихъ области, опустошивъ все пространство между Эмсомъ и Липпою (66).

Неподалеку оттуда лежалъ Тевтобургскій лѣсъ (67). Тамъ кости Вара и останки его легіоновъ лежали безъ погребенія. Дви-

(65) Tac. Ann. 1. 37. 38.
(66) Ibid. 1. 59. 60.
(67) У истоковъ Эмса и Липпы.

жимый участіемъ, воспоминаніями, религіознымъ чувствомъ, самою поэтическою заманчивостью предпріятія, Германикъ рѣшился туда проникнуть и отдать послѣдній долгъ погибшимъ товарищамъ. Съ чрезвычайными предосторожностями углубились Римляне въ эти непроходимыя, болотистыя дебри, на каждомъ шагу встрѣчая слѣды роковой катастрофы: остатки лагеря Варова, бѣлыя груды костей, изломанное оружіе, алтари, гдѣ принесены были въ жертву богамъ трибуны и центуріоны, человѣческія головы, пригвожденныя къ деревьямъ. Уцѣлѣвшіе свидѣтели событія указываютъ даже мѣста, гдѣ отбиты были знамена, гдѣ закололся раненный Варъ... Начался печальный обрядъ погребенія. Сколько трогательныхъ воспоминаній возбудили въ сердцахъ эти одинокія, побѣлѣвшія кости, сколько братьевъ, родныхъ, друзей погребали здѣсь дружественныя руки,—какимъ негодованіемъ горѣли въ эту минуту лица и души легіонеровъ! Никакое зрѣлище не могло воспламенить большей ненависти ко врагу, возбудить сильнѣе жажду кроваваго съ нимъ разсчета; хотя, съ другой стороны, ничто не могло произвести на войска болѣе тяжелаго впечатлѣнія, какъ эти нѣмые свидѣтели безславно павшихъ собратій. Германикъ слишкомъ, кажется, увлекся поэзіей героизма и славолюбіемъ, когда велъ сюда легіоны, въ надеждѣ возвысить ихъ мужество подобнаго рода картинами.

«Но все-же шесть лѣтъ спустя послѣ Варова пораженія,—прибавляетъ Тацитъ съ чувствомъ удовлетворенной народной гордости,—другая Римская армія пришла въ эти мѣста за тѣмъ, чтобы воздать послѣдній долгъ товарищамъ» (68).

Полагаясь на одушевленіе войска, Германикъ рѣшился преслѣдовать Арминія, но настигъ его слишкомъ на невыгодной для себя мѣстности для того, чтобъ отважиться на рѣшительную битву. Варвары укрылись въ окрестныхъ лѣсахъ и своимъ внезапнымъ появленіемъ и смѣлымъ натискомъ едва не разстроили Римской боевой линіи; невозмутимая стойкость легіоновъ, однакожь, спасла ихъ отъ опасности, и арміи разошлись безъ особеннаго успѣха съ той или съ другой стороны (69).

Обратный путь къ Рейну стоилъ Римлянамъ болѣе жертвъ, нежели ихъ наступательное движеніе. Имъ предстояло идти по

---

(68) Tac. Ann. 1. 61. 62.
(69) Ibid. 1. 63.

непроходимымъ и большею частію неизвѣстнымъ мѣстамъ, на каждомъ шагу преодолѣвая преграды со стороны дикой природы и отбиваясь отъ непріятеля, ободреннаго нѣкоторыми успѣхами, умѣвшаго извлекать выгоды изъ такихъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ Римляне встрѣчали только препятствія.

Чтобы сколько возможно облегчить трудности такого отступленія, Германикъ раздѣлилъ войска. Свои четыре легіона посадилъ на суда, стоявшія въ готовности на Эмсѣ, приказавши кавалеріи слѣдовать берегомъ океана въ виду кораблей; другіе-же четыре легіона поручилъ Цецинѣ вести къ Рейну кратчайшимъ, но за то болѣе опаснымъ путемъ. Оба отряда должны были испытать много лишеній и бѣдствій, прежде-чѣмъ достигли назначенныхъ имъ мѣстъ.

Корпусъ Германика, во-первыхъ, не могъ безопасно размѣститься на судахъ, и потому два легіона сошли на берегъ, чтобы продолжать слѣдованіе сухимъ путемъ. Сначала путь былъ удобенъ и все шло хорошо; но вскорѣ подулъ сильный сѣверный вѣтеръ; къ нему присоединились высокіе морскіе приливы, и волны стали затоплять низкіе берега. Въ короткое время уже невозможно было различить ни береговъ, ни моря, ни деревень; все покрылось безразличнымъ воднымъ пространствомъ. Напрасно солдаты, по грудь и по горло въ водѣ, старались выбраться на болѣе возвышенную и безопасную мѣстность. Преслѣдуемые волнами, затрудняемые обозомъ и тяжелой аммуниціей, многіе изъ нихъ погибли. Только къ утру слѣдующаго дня удалось имъ достигнуть возвышенности, откуда Германикъ могъ посадить ихъ снова на корабли (70).

Еще печальнѣе была участь легіоновъ, возвращавшихся подъ начальствомъ Цецины. Въ-особенности большими опасностями грозилъ имъ переходъ по такъ-называемымъ «длиннымъ мостамъ», или узкой плотинѣ, посреди болотъ и лѣсовъ, построенной еще Домиціемъ, ходившимъ сюда при Августѣ (71). Время и вліяніе естественныхъ перемѣнъ разрушили большую часть этихъ работъ. Арминій, хорошо знакомый съ мѣстностію, кратчайшими путями успѣлъ предупредить прибытіе Римлянъ въ эту окрестность и занялъ своими войсками всѣ ближайшіе лѣса. Солдатамъ

(70) Tac. Ann. 1. 70.
(71) Въ нынѣшней Мюнстерской области.

приходилось, такимъ образомъ, и работать надъ исправленіемъ дороги, и въ то-же время отбиваться отъ варваровъ. Всѣ выгоды мѣстности, оружія, привычки были на сторонѣ врага. Римлянъ, быть можетъ, ждала участь Вара. Самъ Цецина, сдѣлавшій въ теченіе своей жизни сорокъ кампаній, хорошо знакомый со всѣми превратностями военнаго счастія, на-этотъ-разъ сталъ уже отчаяваться въ успѣхѣ и, видя ослабѣвающее мужество своихъ, отвелъ ихъ къ-вечеру того дня на одну ближайшую равнину, простиравшуюся между болотами и горами. Германцы, направивъ на плотину воды, стекавшія съ горъ, и затопивъ ими сдѣланныя Римлянами работы, тоже расположились на ночь. Разумѣется, что ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ никто не думалъ о снѣ. Но у Германцевъ пылали частые огни, шелъ видно пиръ, слышались веселыя пѣсни и грозные клики. Въ Римскомъ станѣ царствовало мрачное безмолвіе. Истомленные усталостію и ожиданіемъ близкой опасности солдаты печально бродили вокругъ палатокъ и насыпей. Ихъ военачальникъ видѣлъ въ ту ночь зловѣщій сонъ: Квинктилій Варъ, весь забрызганный кровью, почудился ему выходящимъ изъ мрака болотъ и простирающимъ къ нему руки... На разсвѣтѣ, какъ только Римляне стали переправлять по плотинѣ свой тяжелый обозъ, и въ слѣдствіе того разстроился нѣсколько ихъ боевой порядокъ, Арминій атаковалъ ихъ, воскликнувъ, что судьба предаетъ ему въ руки втораго Вара. Отступавшіе легіоны опять должны были весь день выдерживать неравный, невыгодный бой, и только къ-вечеру удалось имъ выдти на болѣе твердую и открытую почву, понесши тысячи потерь людьми, лошадьми и багажемъ. Слѣдующая ночь не принесла Римлянамъ покоя. Раздѣливъ остатки скудной пищи, смѣшанные съ кровью и грязью, солдаты должны были разбивать лагерь, копать рвы, насыпать ретраншаменты,—что было тѣмъ болѣе трудно, что большая часть необходимыхъ для того орудій была потеряна во время гибельной переправы. Ночью варвары пытались нѣсколько разъ напасть въ-расплохъ. Напуганные и обезкураженные легіонеры до того потеряли присутствіе духа, что при каждомъ малѣйшемъ шумѣ готовы были обратиться въ бѣгство. Случилось, что сорвавшаяся откуда-то лошадь прибѣжала въ Римскій лагерь. Стража пришла въ движеніе; произошла суматоха. Не зная ея причины и постоянно ожидая нападенія, солдаты опрометью стали бросаться изъ окоповъ. Напрасно Цецина грозитъ, приказываетъ, умоляетъ; никто не

обращаетъ на него вниманія. Каждый думаетъ о себѣ, всѣ толпятся къ заднимъ воротамъ. Римскому военачальнику оставалось только броситься на-земь и своимъ тѣломъ загородить выходъ бѣглецамъ. Сострадавіе, стыдъ, возвратившееся сознаніе долга остановили, наконецъ, солдатъ, когда офицеры объяснили имъ причину происшедшаго безпорядка. Тогда Цецина, находя минуту благопріятною, собираетъ солдатъ и объясняетъ имъ опасное положеніе арміи, спасеніе которой зависѣло теперь единственно отъ мужества легіоновъ. Напомнивъ имъ объ отличіяхъ и славѣ, о близкомъ возвратѣ на родину, въ случаѣ дружнаго исполненія долга, онъ предсказываетъ имъ неизбѣжную гибель, если войска откажутся дѣйствовать самоотверженно и единодушно. Затѣмъ положено было не выходить изъ лагеря и ждать непріятеля въ окопахъ. На утро, дѣйствительно, густыя массы Германцевъ, предводимыхъ Арминіемъ и Ингіомеромъ, окружили станъ, воображая Римлянъ немногочисленными и худо вооруженными и стараясь проникнуть за ретраншаменты. Тогда, по данному Цециной сигналу, вдругъ раздались звуки военныхъ трубъ и рожковъ, и въ ту-же минуту легіоны въ стройномъ порядкѣ выступили изъ-за окоповъ и со всѣхъ сторонъ окружили изумленнаго и растерявшагося врага. Это первое впечатлѣніе рѣшило дѣло. Объятые ужасомъ варвары бросились бѣжать; но на ровной и открытой мѣстности успѣли спастись немногіе. Самъ Ингіомеръ былъ тяжело раненъ. Цѣлый день Римляне преслѣдовали и кололи бѣгущихъ и только къ-вечеру собрались въ общій лагерь, гдѣ ихъ по прежнему ожидали голодъ и нужда, но гдѣ сознаніе совершеннаго подвига и надежда на близкій конецъ воинскимъ трудамъ замѣнили для нихъ наилучшія удобства и изобиліе (72).

Когда на Рейнѣ узнали объ опасномъ положеніи арміи, паническій страхъ заставилъ многихъ подумать о разрушеніи моста на этой рѣкѣ съ тѣмъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, предохранить Галлію отъ вторженія близкаго, увлеченнаго успѣхами врага. Одна Агриппина воспротивилась исполненію этого малодушнаго намѣренія. Въ эти опасныя минуты она приняла на себя обязанности и заботы главнокомандующаго. Раздавала солдатамъ одежду, пособія бѣднымъ и лекарства больнымъ; когда-же войска достигли благополучно береговъ Рейна, то, стоя на мосту, поздравляла воз-

(72) Tac. Ann. 1. 63—68.

вращавшіеся изъ похода легіоны и благодарила ихъ за мужество и самоотверженіе. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ и Германикъ съ своимъ корпусомъ и, съ своей стороны, также употребилъ всѣ усилія и всю нѣжную заботливость, чтобы вознаградить солдатъ за всѣ ихъ лишенія, воздать каждому по заслугамъ, и тѣмъ поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и трудамъ (73).

Между тѣмъ Тиберій зорко слѣдилъ за всемъ, что происходило въ Германіи и на Рейнской границѣ. Еслибы онъ располагалъ большею свободой дѣйствій, то, безъ всякаго сомнѣнія, воспротивился-бы походамъ Германика, или, по-крайней-мѣрѣ, поручилъ-бы начальство надъ ними другому. Но при шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ находилась его властъ въ Римѣ, ему не было никакой возможности отмѣнить распоряженіе Августа. Оставались косвенные пути и интриги, въ которыхъ цезарь чувствовалъ себя наиболѣе сильнымъ. Уже послѣ первой экспедиціи Германика, не ознаменованной никакими особенными успѣхами и похожей болѣе на набѣгъ, чѣмъ на кампанію, онъ назначилъ ему тріумфъ съ тѣмъ, чтобы, польстивъ его юному честолюбію, приманкою чрезвычайныхъ почестей привлечь его въ Римъ и тамъ, подъ какими-нибудь благовидными предлогами, разлучить его съ легіонами. Не смотря однакожь на то, Германикъ не поддался на уловку, не поѣхалъ въ Римъ и, какъ мы видѣли, съ весною 15-го года началъ войну. Тогда Тиберій перемѣнилъ планъ аттаки. Не нападая явно на племянника, сохраняя, со свойственнымъ ему искусствомъ, всѣ признаки наружнаго безпристрастія, онъ началъ, отъ-времени-до-времени, публично порицать его распоряженія, чтобы тѣмъ уменьшить его славу. Такъ, напримѣръ, не одобрялъ онъ похода въ Тевтобургскій лѣсъ, находя, что зрѣлище раковыхъ слѣдовъ Варова пораженія подѣйствовало невыгодно на воинственный духъ легіоновъ и внушило варварамъ смѣлость тревожить отступленіе Римлянъ,—но забывая весь глубоко-трогательный, религіозно-патріотическій смыслъ этого поступка (74). Когда-же кампанія 15 года, противу всѣхъ ожиданій, кончилась такъ удачно, и Германикъ вышелъ побѣдоносно изъ всѣхъ трудныхъ обстоятельствъ и опасностей, которыми сопровождалось его отступленіе, зависть и подозрѣнія Тиберія проснулись съ

(73) Tac. Ann. 1. 69. 71.
(74) Ibid. 1. 62.

новою силою. Въ заботливости Германика объ успокоеніи пострадавшихъ и изувѣченныхъ въ походѣ солдатъ онъ видѣлъ намѣреніе окончательно расположить къ себѣ войска, въ его желаніи продолжать такъ успѣшно начатую войну—опасные честолюбивые замыслы. Въ-особенности сильно было его негодованіе на поведеніе Агриппины. На этотъ разъ Тиберій забылъ даже свою обычную осторожность и громко жаловался въ публикѣ на гордость и властолюбіе этой женщины, самовольно присвоившей себѣ права и обязанности вождя. Онъ не могъ простить ей сцены на Рейнскомъ мосту, считая ее прямымъ посягательствомъ на императорское величіе. Не забылъ онъ также и того, что ребенокъ, меньшой сынъ Агриппины и Германика, какъ любимое дѣтище легіоновъ, носилъ простой солдатскій костюмъ и что родители допустили прозвать его фамиліарнымъ именемъ «Калигулы» (75). Наконецъ, блистательная роль Агриппины во время возстанія арміи, презрѣвшей авторитетъ императора и сената и уступившей нравственному вліянію этой женщины, во всемъ этомъ Тиберій видѣлъ доказательства опасной популярности ненавистнаго ему семейства, и въ душѣ его все болѣе и болѣе накоплялось къ нему вражды. Въ первый разъ тогда рѣшился написать онъ къ Германику, что пора-бы кончить войну и возвратиться въ Римъ, гдѣ его ждутъ награды, спокойствіе и слава (76).

Съ своей стороны, Германикъ, видя возрастающую ненависть дяди и не безъ основанія полагая, что ему не дадутъ долго остаться на Рейнѣ, спѣшилъ воспользоваться временемъ и одушевленіемъ преданной ему арміи для того, чтобы кончить войну какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ.

Вникая въ причины незначительности результатовъ прежнихъ Римскихъ кампаній въ Германіи, онъ убѣдился, что варварамъ преимущественно благопріятствовали счастливыя для нихъ мѣстныя условія—болота, лѣса, непроходимость путей, раннія зимы, и что легіоны не столько теряли отъ меча непріятельскаго, сколько отъ трудностей изнурительнаго и далекаго похода. Онъ видѣлъ, что только по устраненіи этихъ препятствій можно ожидать прочныхъ успѣховъ, и потому рѣшился воспользоваться мыслію и

---

(75) Названіе это есть уменьшительное отъ *caliga*, солдатская обувь. Suet. in. Cal. IX.

(76) Tac. Ann. 1. 69.

трудами отца своего Друза, который, большею частію, водилъ войска свои на судахъ, и съ этой цѣлію выстроилъ даже искусственный каналъ, облегчавшій соединеніе Рейна съ Флавіевымъ озеромъ (нынѣшнимъ Зюдерзее) и слѣдовательно — съ океаномъ. Согласно этому плану, на Рейнѣ зимою выстроено было тысяча судовъ разнаго калибра съ тѣмъ, чтобы на нихъ доставить войска къ устьямъ Эмса, или-же Везера, смотря по тому, куда укажетъ необходимость. Такимъ-образомъ Германикъ надѣялся сберечь силы и здоровье войска и, настигши Арминія на открытой мѣстности, принудить его къ правильному сраженію, которое всегда представляло для Римлянъ много вѣроятностей успѣха.

Весною 16-го года суда были готовы, и Германикъ посадилъ на нихъ корпусъ, состоявшій изъ восьми легіоновъ, не считая кавалеріи, союзническихъ отрядовъ, преторіанскихъ когортъ и стрѣлковъ пѣшихъ и конныхъ со всѣми ихъ принадлежностями — лошадьми, оружіемъ и провіантомъ. Сборнымъ мѣстомъ для этой сильной флотиліи назначена была земля Батавовъ, лежавшая между двумя рукавами Рейна — собственно Рейномъ и Вагаломъ. Отсюда суда поплыли къ устьямъ Эмса; но сдѣлали ошибку, высадивъ войска на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ землѣ Фризовъ, ибо потомъ нужно было терять время на постройку мостовъ для переправы на правый берегъ, и самая переправа эта не обошлась безъ потерь. Дальнѣйшее движеніе къ сѣверу совершено было, впрочемъ, безпрепятственно и армія вскорѣ достигла Везера, за которымъ начинались земли Херусковъ и гдѣ Арминій, въ-ожиданіи Римлянъ, расположенъ былъ съ многочисленнымъ войскомъ.

Какъ-только легіоны приблизились къ рѣкѣ, на правомъ ея берегу показался Арминій со свитою и освѣдомившись — находится-ли Германикъ при войскѣ, просилъ позволенія видѣться съ братомъ своимъ Флавіемъ, служившимъ въ Римской арміи и отличавшимся неподкупною вѣрностію Римлянамъ. Свиданіе было разрѣшено, и тогда на берегахъ Везера произошла сцена, въ маломъ видѣ олицетворившая два различныя направленія, раздиравшія въ то время Германскій міръ. Два родные брата, стоявшіе подъ враждебными знаменами, наканунѣ рѣшительнаго боя, сошлись сюда съ тѣмъ, чтобы оправдать другъ передъ другомъ искренность своихъ убѣжденій, правоту своего дѣла. Каждый приводилъ свои доводы, стараясь ими поколебать рѣшимость другаго. Флавій говорилъ о величіи

Рима, могуществѣ цезарей, о страшномъ возмездіи, какое готовятъ они отпавшимъ, или измѣнившимъ союзникамъ, наконецъ— о великодушіи, ожидающемъ чистосердечно-раскаявшихся, приводя въ примѣръ милостивый пріемъ, оказанный женѣ и сыну Арминія. Съ своей стороны, Арминій старался подѣйствовать на душу и воображеніе брата, напомнивъ ему о священныхъ правахъ отечества, о свободѣ и независимости ихъ предкокъ; грозилъ ему гнѣвомъ національныхъ боговъ Германіи, заклиналъ именемъ матери, умолявшей его сложить съ себя позорное имя измѣнника и отступника. Увлеченные горячимъ разговоромъ, они незамѣтно перешли ко взаимнымъ оскорбленіямъ и угрозамъ. Уже Флавій требовалъ коня и оружіе, — и рѣка, раздѣлявшая собесѣдниковъ, едва-ли-бы удержала его отъ крававой раздѣлки съ братомъ, еслибы приближенные насильно не увлекли его съ берега; но на той сторонѣ долго еще раздавались негодующіе клики Арминія. Слышно было, какъ своимъ ломаннымъ Латинскимъ языкомъ онъ вызывалъ Римлянъ на бой (77).

На-утро слѣдующаго дня дѣйствительно увидѣли Херусковъ, уже построенныхъ въ боевой порядокъ. Въ виду такой встрѣчи переправа чрезъ Везеръ была не легка. Поэтому, чтобъ раздѣлить силы союзниковъ, легіоны въ нѣсколькихъ мѣстахъ стали переходить рѣку и совершили это довольно удачно. Одни союзные Римлянамъ Батавы, предводимые вождемъ своимъ Каріовальдомъ, понесли сильный уронъ отъ непріятеля, притворнымъ бѣгствомъ заманившаго ихъ на невыгодную лѣсную позицію (78).

Переправившись чрезъ Везеръ, Германикъ узналъ отъ переметчиковъ и своихъ разъѣздовъ, что Арминій не въ-далекѣ оттуда занялъ позицію и что силы его состоятъ изъ огромныхъ скопищъ не только Херусковъ, но и другихъ окрестныхъ племенъ. На другой день ждали сраженія...

Въ эту рѣшительную минуту для Германика очень важно было испытать расположеніе солдатъ и увѣриться, въ какой степени онъ можетъ разсчитывать на ихъ преданность и усердіе. На донесенія офицеровъ, вольноотпущенниковъ, даже друзей полагаться было нельзя: потому что и лесть и излишнее доброжелательство часто представляли дѣло не въ томъ видѣ, въ какомъ оно нахо-

(77) Tac. Ann. 11. 5. 6. 8—10.
(78) Ibid. II. 11.

дилось дѣйствительно. Поэтому онъ рѣшился прибѣгнуть къ другому средству. Ночью, незамѣченный никѣмъ и переодѣтый въ простое платье, въ-сопровожденіи одного только человѣка, онъ прокрался по опустѣвшимъ дорожкамъ лагеря, съ-тѣмъ-чтобы подслушать въ палаткахъ непринужденный разговоръ солдатъ у походнаго котла и отсюда извлечь заключеніе о настоящемъ настроеніи арміи. Эти минуты, быть-можетъ, были счастливѣйшими въ жизни Германика: ибо судьба послала ему великое и рѣдкое наслажденіе — слышать нелицемѣрную себѣ похвалу изъ устъ людей, свободно и непринужденно высказывавшихъ другъ другу все, что было у нихъ на душѣ. Одинъ превозносилъ его привѣтливость, другой—твердость, терпѣніе и боевое мужество; всѣ были готовы доказать ему свою признательность на полѣ сраженія. Тогда-же случилось, что одинъ непріятельскій всадникъ, подскакавъ на близкое разстояніе къ лагерю, громко закричалъ, что Арминій обѣщаетъ каждому легіонеру, который-бы захотѣлъ перейдти на его сторону, земли, жену и по сту сестерцій въ день жалованья во все продолженіе войны; но солдаты съ негодованіемъ отвѣчали, что они лучше дождутся дня и тогда съ боя возьмутъ всѣ предлагаемыя имъ награды.

Увѣрившись, такимъ-образомъ, въ надежномъ расположеніи своей арміи, Германикъ возвратился въ свою палатку и предъ самымъ утромъ столь рѣшительнаго для него дня видѣлъ отрадный, полный счастливаго предзнаменованія сонъ. Онъ видѣлъ себя приносящимъ жертву, кровь которой забрызгала его бѣлую, шитую пурпуромъ тогу; но въ то-же время онъ получилъ другую, прекраснѣйшую, изъ рукъ бабки своей Августы. Какъ истинный Римлянинъ, Германикъ вѣрилъ въ предзнаменованія, въ сны, въ могущество національныхъ боговъ, и потому посѣтившее его ночное видѣніе исполнило его радостію и новою увѣренностію въ успѣхѣ.

Весь еще подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній отраднаго сна, на разсвѣтѣ, Германикъ собралъ солдатъ и, со свойственною ему разсудительностію, представилъ имъ всѣ выгоды ихъ положенія, если они съумѣютъ воспользоваться превосходствомъ своего оружія и своей тактики. «Эльба теперь уже ближе, чѣмъ Рейнъ, сказалъ онъ въ заключеніе, и у этой рѣки, всегда служившей предѣломъ Римскимъ походамъ въ Германіи, должна окончиться война. Если васъ утомило скучное плаваніе по морямъ и трудные, далекіе переходы по сушѣ, то въ предстоящемъ сраженіи вы найдете

конецъ вашимъ трудамъ. Въ вашихъ рукахъ — доставить побѣду сыну Друза, племяннику Тиберія, идущему въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ по ихъ славнымъ слѣдамъ»!

Съ своей стороны, Арминій тоже старался одушевить своихъ, называя Римлянъ жалкими остатками Варовыхъ легіоновъ, обреченными той-же неумолимой судьбѣ. «Если Германцы помнятъ, кричалъ онъ, высокомѣріе, жадность и жестокость Римлянъ, то имъ остается или отстоять свою независимость, или смертію избавиться отъ рабства» (79).

Одушевленные рѣчами своихъ предводителей, варвары сошли на «Идиставизскую равнину» (80), образуемую Везеромъ и лѣсистыми возвышенностями, остававшимися у нихъ въ-тылу. Легіоны, готовые къ бою, хладнокровно двинулись въ аттаку.... Но въ ту мунуту, когда Римская боевая линія, въ стройномъ порядкѣ, приближалась къ непріятельской, восемь большихъ орловъ пронеслось по направленію къ лѣсу. Это случайное обстоятельство, сочтенное счастливѣйшимъ предзнаменованіемъ, новымъ мужествомъ одушевило войска. Видя въ немъ несомнѣнный залогъ побѣды, Германикъ указывалъ его движущимся колоннамъ, убѣждая ихъ слѣдовать за этими священными птицами Рима, богами-покровителями легіоновъ. Въ пять часовъ утра началось сраженіе и продолжалось до поздней ночи. Напрасно Арминій своими криками и примѣромъ старался одушевить растерявшіяся массы Германцевъ. Раненный и залитый кровью, онъ все еще носился верхомъ отъ одного отряда къ другому, своимъ личнымъ присутствіемъ поддерживая повсюду порядокъ и стойкость своихъ, не разъ уже покушавшихся разсѣяться въ бѣгствѣ. Послѣ полудня послѣднія усилія непріятеля были уже истощены и онъ началъ въ безпорядкѣ оставлять поле сраженія. Тогда началось истребитетьное преслѣдованіе бѣгущихъ, — и когда ночь сошла на равнину, десять Римскихъ миль пространства было усѣяно убитыми, раненными, растеряннымъ оружіемъ и багажемъ. Самъ Арминій спасся только хитростію, запачкавъ себѣ лицо собственной кровью, чтобы неузнаннымъ легче пробиться сквозь непріятельскіе ряды. Такимъ-же образомъ ускользнулъ раненный Ингіомеръ.

Въ тотъ-же день армія поднесла Германику высшій военный

(79) Tac. Ann. II. 12—15.

(80) Между Ринтельномъ и Гаусбергомъ.

титулъ — imperator. На полѣ битвы воздвигнутъ былъ трофей съ надписью побѣжденныхъ имъ народовъ (81).

При видѣ этого оскорбительнаго для ихъ національной гордости памятника, Германцы, готовые уже оставить отечество и бѣжать за Эльбу, приходятъ въ новую ярость. Юноши и старики, народъ и вожди — все снова поднялось противъ Римлянъ, пылая мщеніемъ. Выбравъ удобную позицію, окруженную рѣкою, болотами и лѣсами, на дорогѣ, по которой нужно было отступать Германику, они приготовились къ новой битвѣ. По условіямъ мѣстности, Римляне имѣли у себя въ-тылу горы и рѣку, Германцы — болота. Ни той, ни другой сторонѣ отступленіе было невозможно. Единственнымъ средствомъ оставалось личное мужество, единственной надеждой — побѣда. Поэтому, бой былъ самый ожесточенный, но за то и пораженіе варваровъ — совершенное. Германикъ, съ открытымъ лицомъ и безъ шлема, носился на конѣ по полю сраженія, приказывая не щадить никого, съ-тѣмъ-чтобы добыть спокойствіе совершеннымъ истребленіемъ націи. До самой ночи легіоны купались въ крови непріятельской; сраженіе подъконецъ превратилось въ рѣзню. Въ числѣ добычи найдены были цѣпи, которыя варвары, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, приготовили было для Римлянъ.

По волѣ Германика, на мѣстѣ этого послѣдняго ожесточеннаго боя построенъ былъ трофей съ великолѣпною надписью въ стилѣ добрыхъ старыхъ временъ: «Армія Тиберія цезаря, побѣдивъ народы между Эльбою и Рейномъ, посвятила этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу». О себѣ Германикъ не упомянулъ ничего, опасаясь-ли зависти Тиберія, или-же находя достаточную награду въ сознаніи совершеннаго подвига (82).

Между-тѣмъ лѣто близилось къ концу и Римлянамъ нужно было подумать объ отступленіи. Отправивъ нѣсколько легіоновъ сухимъ путемъ, Германикъ съ большею частію сѣлъ на суда и Эмсомъ вошелъ въ океанъ. Сначала плаваніе счастливыхъ побѣдителей шло благополучно и весело; но вскорѣ поднялся свирѣпый южный вѣтеръ и сталъ метать въ разныя стороны непрочныя и наскоро-сколоченныя суда, переполненныя народомъ и грузомъ. Солдаты и матросы, вообще непривыкшіе къ грознымъ явленіямъ

(81) Tac. Ann. II. 16. 18.
(82) Ibid. II. 19—22.

неизвѣстнаго имъ океана, потеряли вскорѣ изъ виду берега, служившіе для нихъ путеводною нитью. Множество кораблей пошло ко дну; другіе выкинуты были бурею на скалистые острова, отдаленные и враждебные берега, или-же на неизвѣстныя, необитаемыя мѣста, гдѣ несчастные солдаты умирали съ голоду, или-же питались раковинами, растеніями и дохлымъ мясомъ выброшенныхъ моремъ лошадей. Иныхъ занесло бурею даже въ Британію. Изъ всей громадной флотиліи одна трирема Германика пристала къ берегамъ союзныхъ Римлянамъ Хауковъ.

Соображая всѣ обстоятельства этого бѣдственнаго плаванія, нельзя не видѣть, что, предпринимая его, Германикъ не разсчиталъ всѣхъ опасностей, съ нимъ сопряженныхъ, и многое пустилъ наудачу, тогда-какъ, слѣдуя сухимъ путемъ, онъ могъ-бы надѣяться совершить его безопасно, ибо обезсиленный потерями и павшій духомъ непріятель едва-ли-бы осмѣлился преслѣдовать побѣдоносные легіоны. Германикъ самъ понималъ это и чѣмъ болѣе сознавалъ свою опрометчивость, тѣмъ сильнѣе было его отчаяніе. День и ночь бродилъ онъ по прибрежнымъ скаламъ и мысамъ, напрасно устремляя взоры въ даль бушующаго океана и обвиняя себя въ столь великомъ несчастіи. Друзья едва могли удерживать его отъ намѣренія броситься въ море. Наконецъ буря стала стихать, и нѣкоторые корабли возвратились въ плачевномъ видѣ. Одни безъ веселъ, другіе — съ развѣшенными платьемъ вмѣсто паруса, или-же влекомые другими, менѣе поврежденными судами. Наскоро исправивъ еще сколько-нибудь годные корабли, объѣхали тотчасъ-же сосѣдніе острова и берега, гдѣ и подобрали остатки выброшенныхъ туда и уцѣлѣвшихъ отъ голодной смерти солдатъ. Иныхъ, уже въ послѣдствіи, выкупили изъ варварскаго плѣна и рабства.

Въ такомъ плачевномъ видѣ прибыли остатки Германиковой арміи къ Рейну. Но тамъ ее ждали уже новые труды и новые подвиги. Слухъ о несчастіяхъ Римлянъ, ободривъ Германцевъ, поднялъ на ноги многія союзныя племена. Германикъ понялъ, что только быстрыя и рѣшительныя мѣры могутъ возстановить уваженіе къ Римскому авторитету въ Германіи, пріобрѣтенное недавними побѣдами. Поэтому, не теряя времени, онъ тотчасъ-же, съ сильнымъ, семидесяти-тысячнымъ корпусомъ, вторгнулся въ землю Каттовъ и Марсовъ и опустошилъ ее огнемъ и мечемъ. Пораженные этимъ внезапнымъ ударомъ, варвары сопротивлялись сла-

бо и покорились вмѣстѣ съ вождемъ своимъ Маловендомъ, выдавшимъ Римлянамъ хранившагося въ тѣхъ мѣстахъ орла одного изъ Варовыхъ легіоновъ (83).

Послѣ этихъ новыхъ успѣховъ, войско было отведено на зимнія квартиры, гдѣ Германикъ своими попеченіями и наградами старался отдать справедливость заслугамъ каждаго.

Послѣдніе подвиги Германика до того изумили варваровъ, что они совершенно пали духомъ и называли Римлянъ непобѣдимыми и стоящими выше ударовъ судьбы. Ничто не можетъ смутить ихъ: ни неудачи, ни случайныя несчастія, ни трудности,—и послѣ каждаго посланнаго имъ испытанія они являются тѣми-же неодолимыми. Германцы начинали уже думать о мирѣ. Еще одна кампанія, — и война, быть можетъ, была-бы кончена.

Если только Тацитъ не преувеличиваетъ заслугъ и подвиговъ своего героя въ Германіи по невольному чувству національной гордости, то кто знаетъ, такія громадныя послѣдствія могли-бы повлечь они, еслибы Германику позволили окончить такъ блистательно начатое имъ дѣло. Возобновился-бы, вѣроятно, прежній политическій вѣсъ Римлянъ въ Германіи, какимъ пользовались они въ Августовы времена; Римская цивилизація, быть-можетъ, успѣла-бы пустить здѣсь свои легко принимающіеся корни, — и исторія образованнаго міра пошла-бы инымъ путемъ....

Но Тиберій слалъ къ Германику письмо за письмомъ, настойчиво приглашая его въ Римъ. Мучимый подозрѣніями и завистью, онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, разлучить его съ легіонами. Формальнаго приказанія, впрочемъ, онъ прислать не посмѣлъ; но онъ надоѣдалъ ему просьбами, льстилъ его самолюбію, обѣщая назначить его вторично кунсуломъ, напоминалъ, что его ждетъ въ Римѣ тріумфъ. Онъ представлялъ ему превратности человѣческаго счастія, собственный примѣръ, говоря, что Августъ девять разъ посылалъ его въ Германію, но что всегда онъ находилъ лучщее средство привесть варваровъ въ покорность — въ политикѣ; что такъ принудилъ онъ къ миру Сигамбровъ, Свевовъ и царя Марбода; что такъ и теперь, когда честь Римскаго имени отомщена, лучше всего — предоставить варваровъ ихъ собственнымъ междоусобіямъ. Зная, наконецъ, великодушіе Германика, онъ убѣждалъ его уступить свое мѣсто Друзу, еще не успѣвшему ничѣмъ

(83) Tac. Ann. II. 23—25.

прославиться, такъ какъ Германская война была въ то время единственнымъ поприщемъ для отличій.

Напрасно Германикъ, хорошо понимая коварство всѣхъ этихъ совѣтовъ, просилъ оставить ему команду только на одинъ еще годъ. Ему отказали, — и тогда, повинуясь судьбѣ и долгу, рѣшился онъ ѣхать въ Римъ (84).

Тріумфъ, ожидавшій Германика въ Римѣ, судя по краткости Тацитова о немъ разсказа, вообще былъ довольно бѣденъ, — и уже ни въ какомъ случаѣ не могъ сравниться съ ослѣпительными торжествами этого рода въ послѣднее время республики. Впрочемъ, воздвигнута была тріумфальная арка подлѣ храма Сатурна, въ память того, что Германикъ возвратилъ Римлянамъ орлы, отбитые у Вара. Народу роздано было отъ имени тріумфатора по триста сестерцій на человѣка. Добыча, плѣнники, искусственныя горы, рѣки, сраженія, по обыкновенію, украшали помпу.... Но что болѣе всего, говоритъ Тацитъ, привлекало сердца и приковывало взоры, такъ это самъ Германикъ, его мужественная красота и его пятеро дѣтей, сидѣвшихъ вмѣстѣ на колесницѣ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ своего любимца; несмѣтныя толпы встрѣтили его уже за двадцать Римскихъ миль отъ города; многіе рисковали жизнію, чтобъ ближе протолпиться къ его колесницѣ.... Но въ то-же время сердца сжимались тайной боязнью, когда вспоминали, сколь пагубна была народная любовь къ отцу его Друзу, что дядя его Марцеллъ во цвѣтѣ лѣтъ похищенъ былъ смертію у пылкихъ восторговъ плебса, — сколь вообще кратковременны и несчастны были привязанности Римскаго народа (85). Чуткій народный инстинктъ не могъ не понимать, какія опасности висѣли въ то время надъ каждою даровитою головою, умѣвшею привлечь общественное вниманіе, и на свѣтломъ челѣ ликующаго побѣдителя уже читалъ неотвратимый приговоръ его судьбы....

Мы не знаемъ ничего о первой встрѣчѣ Тиберія съ Германикомъ по возвращеніи послѣдняго въ Римъ; но достаточно вспомнить вообще ихъ отношенія, чтобы понять, какъ долженъ былъ

(84) Tac. Ann. II. 26.
(85) Ibid. II. 41. 42. — Suet. in Cal. IV. — Strabo VII. 1.

императоръ обрадоваться этому возвращенію. У него словно гора свалилась съ плечъ, когда онъ увидѣлъ, что человѣкъ, внушавшій ему столько опасеній, столько тайныхъ, мучительныхъ тревогъ, попался, наконецъ, къ нему въ руки, возвратился въ этотъ тлѣтворный Римъ, въ это нечистое море интригъ, низостей и преступленій.... Впрочемъ, по обыкновенію, Тиберій ласкалъ Германика, показывалъ къ нему много наружнаго расположенія, назначилъ его на 17-й годъ своимъ товарищемъ по консульству; но въ то-же самое время изыскивалъ средства поставить племянника въ какое-нибудь совершенно безвредное для себя положеніе. Для этого, разумѣется, лучше всего было — удалить его изъ Рима, гдѣ громкая военная слава Германика, его опасная популярность и общее къ нему сочувствіе — кололи глаза Тиберію и не давали ему покоя. Оставалось найти только благовидный предлогъ. Онъ не замедлилъ представиться въ тогдашнихъ восточныхъ дѣлахъ.

На востокѣ въ это время поднялись волненія и неустройства. Архелай, царь Каппадокійскій, навлекшій на себя ненависть Тиберія, еще во время пребыванія послѣдняго на островѣ Родосѣ, былъ коварно заманенъ имъ въ Римъ и тамъ умеръ отъ скорби и лишеній. Царство его, обращенное въ Римскую провинцію, требовало новой организаціи. Коммагена и Киликія, по смерти царей своихъ Антіоха и Филопатора, тоже были въ волненіи: одни требовали Римскаго владычества, другіе — національныхъ правителей. Сирія и Іудея, обремененныя налогами, просили облегченія своей участи (86).

Тиберій изложилъ всѣ эти запутанныя отношенія въ сенатѣ, прибавивъ, что, по его мнѣнію, одинъ только Германикъ, по своему благоразумію и опытности, способенъ устранить всѣ затрудненія и успокоить востокъ. Онъ ссылался на свои преклонныя лѣта и правительственныя заботы, на слишкомъ раннюю молодость сына своего Друза и просилъ полномочій для племянника, какъ единственнаго надежнаго члена своей фамиліи, на котораго можно было положиться въ столь важныхъ обстоятельствахъ. Сенатъ, дѣйствительно, назначилъ Германика высшимъ правителемъ областей, лежавшихъ по ту сторону моря, подчинивъ его авторитету всѣхъ частныхъ правителей и чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ, или сенатомъ.

---

(86) Tac. Ann. II. 1—4. 42.

Такимъ-образомъ судьба бросила теперь Германика на самое трудное и опасное поприще изъ всѣхъ, пройденныхъ имъ въ своей жизни, — труднее въ особенности потому, что оно нисколько не согласовалось съ его характеромъ и наклонностями. Какъ далека, какъ не похожа была эта пышная роль верховнаго администратора восточныхъ провинцій на простую, лагерьную жизнь посреди Германскихъ легіоновъ, гдѣ, правда, много было трудовъ и опасностей, но за то много и чистыхъ наслажденій, честной и безукоризненной славы. Здѣсь, напротивъ, Германика ждала разрушительная и душная атмосфера интригъ, обмановъ и козней, весь одуряющій чадъ страстей нравственно-растлѣннаго востока, буйный духъ избалованныхъ роскошью и климатомъ войскъ, продажность и жадность чиновниковъ, но — что всего страшнѣе — какъ тѣнь слѣдившая за нимъ ненависть дяди, ничего столь жадно не искавшаго, какъ его погибели.

Едва Германикъ успѣлъ оставить Римъ, какъ уже вслѣдъ за нимъ посланъ былъ человѣкъ, предназначенный слѣдить и присматривать за нимъ всюду, повѣрять его дѣйствія, окружить его шпіонами, опутать цѣлою сѣтью интригъ. То былъ Кней Пизонъ, человѣкъ вспыльчиваго, неуживчиваго и высокомѣрнаго нрава, гордый своими предками, богатствомъ и связями жены своей Планцины, извѣстной интригантки, состоявшей въ дружественныхъ связяхъ съ Августой. Тиберій назначалъ его правителемъ Сиріи, вмѣсто Кретика Силана, друга Германикова и будущаго тестя его старшаго сына Нерона. Какія инструкціи везъ съ собой Пизонъ на востокъ, положительно неизвѣстно. Хотя и носились слухи, что онъ имѣлъ тайное порученіе погубить Германика; но ни Тацитъ, упоминающій объ нихъ, ни другіе авторитеты не ручаются за ихъ достовѣрность (87). Впрочемъ, зная всегдашнюю осторожность Тиберія, нельзя и предполагать, чтобы онъ въ этомъ случаѣ такъ легкомысленно рисковалъ своимъ именемъ, и тѣмъ ставилъ себя въ опасное положеніе въ виду многочисленной и сильной партіи приверженцевъ Германика: ибо не только въ Римѣ, войскахъ и провинціяхъ, но даже при самомъ дворѣ императорскомъ у послѣдняго было много явныхъ и тайныхъ друзей. Скорѣе должно думать, что Пизонъ не получалъ никакихъ ясныхъ приказаній на счетъ Германика, но что ему, вѣроятно, не безъ-

(87) Tac. Ann. II. 43. III. 16.—Suet. in Tib. 52.

извѣстны были тайныя желанія императора и Августы, которая, по женской зависти и соревнованію, еще сильнѣе ненавидѣла Агриппину, чѣмъ Тиберій Германика. Притомъ-же Тиберій, зная властолюбивый и заносчивый характеръ Пизона, могъ смѣло разсчитывать на личную непріязнь его къ Германику, которую легко было предвидѣть при неизбѣжности частыхъ столкновеній ихъ правительственныхъ авторитетовъ, съ умысломъ поставленныхъ въ неопредѣленныя и сбивчивыя отношенія. Такимъ-образомъ можно было предполагать почти навѣрное, что гордый Пизонъ, едва уступавшій самому императору и не въ-шутку ставившій себя выше его дѣтей, не уживется съ прямодушнымъ и неопытнымъ совмѣстникомъ и безъ всякихъ инструкцій самъ догадается погубить Германика, въ надеждѣ на тайное покровительство двора и на ожидающую его безнаказанность. Что-же касается до Планцины, то мы знаемъ изъ Тацита, что она имѣла отъ Ливіи прямое приказаніе — преслѣдовать Агриппину оскорбленіями и стараться причинить ей всевозможное зло (88).

Между-тѣмъ Германикъ уже былъ на пути къ своему новому назначенію. Буря, повредившая его корабли, заставила его на нѣкоторое время остановиться въ Никополисѣ, гдѣ онъ началъ свое второе консульство, 18 года. Обстоятельства эти доставили ему случай посѣтить мѣста, прославленныя Акціумской побѣдой, столь живо интересовавшія его воображеніе и душу по воспоминаніямъ и слѣдамъ его великихъ предковъ: ибо онъ доводился внукомъ какъ Октавію Августу, такъ и Марку Антонію. Отсюда отправился онъ въ Аѳины, куда, изъ уваженія къ знаменитому городу, въѣхалъ только съ однимъ ликторомъ. Греки встрѣтили его съ чрезвычайными почестями; по своему обыкновенію, разсказывали ему много о своей славной старинѣ, но для того только, впрочемъ, чтобы еще болѣе придать цѣны тѣмъ ласкательствамъ, которыя они расточали знаменитому посѣтителю. Далѣе, чрезъ Эвбею, достигъ онъ береговъ Ѳракіи, гдѣ посѣтилъ Перинеъ и Византію и, переправившись на Азіатскій берегъ, видѣлъ мѣста древняго Иліона, знаменитаго столькими несчастіями и славой. Здѣсь, подобно Александру Великому, принесши жертвы на могилахъ славныхъ героевъ древности, направилъ онъ путь по западному берегу Малой Азіи, чрезъ Колофонъ, гдѣ мѣстный оракулъ, говорятъ, предска-

(88) Tac. Ann. II. 43.

залъ ему своимъ обыкновеннымъ аллегорическимъ языкомъ преждевременную кончину. Посѣщая всѣ эти мѣста, какъ любознательный путешественникъ, какъ человѣкъ, сочувствующій всему великому и прекрасному и чтущій ихъ даже въ оставленныхъ ими слезахъ и воспоминаніяхъ, Германикъ въ то-же время не забывалъ и своего гражданскаго долга, всюду занимаясь мѣстной администраціей, повѣркой дѣйствій чиновниковъ, облегченіемъ участи угнетенныхъ.

А между-тѣмъ Кней Пизонъ началъ уже свои козни. Оскорбленный одною мыслію, что есть на востокѣ лицо, превышавшее его своею властію и значеніемъ, онъ явно набивался на ссору съ Германикомъ; гордо и повелительно въѣхалъ въ Аѳины и въ нахальной рѣчи, говоренной къ народу, косвенно порицалъ Германика за его ласковое обращеніе съ этимъ «colluvies gentium», сбродомъ, нисколько уже не похожимъ на древнихъ славныхъ Аѳинянъ и не заслуживающимъ того, чтобы ради его унижать достоинство Римскаго имени. Въ отношеніи къ жителямъ онъ велъ себя, какъ настоящій Римскій проконсулъ добрыхъ республиканскихъ временъ — недоступно, жестоко и презрительно, на каждомъ шагу давая имъ чувствовать, что они — народъ побѣжденный. Изъ Аѳинъ Пизонъ послѣдовалъ за Германикомъ въ Родосъ; но буря застигла его не въ далекѣ отъ острова и грозила разбить суда его о скалистый берегъ. Узнавъ объ этомъ, Германикъ тотчасъ послалъ свои лучшіе корабли спасти человѣка, котораго онъ зналъ за своего отъявленнаго врага и смерть котораго, какъ дѣло простаго случая, никакъ не могла быть поставлена ему въ вину. Такое великодушіе, достойное благороднѣйшихъ характеровъ, о которыхъ знаетъ исторія, ставившее Германика выше его среды, не укротило однакожь Пизона; напротивъ, еще болѣе разожгло его вражду, какъ это обыкновенно случается со злыми людьми, поставленными въ необходимость воспользоваться благодѣяніемъ ненавистнаго имъ лица. Изъ Родоса онъ поспѣшилъ въ Сирію, предупреждая прибытіе туда Германика и желая воспользоваться выиграннымъ временемъ, чтобы предубѣдить противъ него стоявшія тамъ войска и тѣмъ лишить его главной опоры. Щедростью, потворствомъ буйному поведенію солдатъ, интригами, смѣною лучшихъ центуріоновъ — ему, дѣйствительно, удалось этого достигнуть. Солдаты, въ восторгѣ отъ его ласкъ и обращенія, провозгласили его отцемъ легіоновъ. Планцина, съ своей стороны,

позволяя себѣ самые невыгодные отзывы объ Агриппинѣ, стараясь подорвать ея доброе имя въ общественномъ мнѣніи (89).

Германикъ хотя и зналъ объ всемъ этомъ, но рѣшился прежде всего заняться дѣлами и успокоить востокъ. Онъ далъ Армянамъ въ цари Зенона, сына Понтійскаго царя Полемона, собственноручно короновавъ его въ Артаксатѣ. Коммагену-же и Каппадокію обратилъ въ Римскія провинціи. Въ Римѣ такъ обрадовались этимъ событіемъ, столько льстившимъ народной гордости, что сенатъ назначилъ виновнику ихъ овацію и велѣлъ поставить его статую въ храмѣ Марса-Мстителя.

Самъ Германикъ однакожъ не успѣлъ вполнѣ насладиться радостію о такомъ счастливомъ исходѣ восточныхъ дѣлъ. Пизонъ во всемъ старался дѣйствовать ему на-перекоръ и, казалось, вовсе не признавалъ его авторитета. Получивъ повелѣніе — вести часть легіоновъ въ Арменію для поддержанія новой власти царя Зенона, онъ и не думалъ его исполнить. Оба военачальника встрѣтились, наконецъ, въ Киррѣ. Послѣдовало объясненіе. Германикъ съ трудомъ удерживалъ порывъ негодованія, Пизонъ—затаенной дерзости. Они разошлись смертельными врагами. Оскорбленія слѣдовали за оскорбленіями. Пизонъ рѣдко сталъ засѣдать въ трибуналѣ Германика; когда-же и дѣлалъ это, то всегда съ видомъ неудовольствія и неодобренія. На одномъ пиру у царя Масботеевъ, онъ до того простеръ свою дерзость, что бросилъ на полъ предложенный ему золотой вѣнокъ, обидѣвшись, что поднесенные Германику и Агриппинѣ были богаче и драгоцѣннѣе. Германикъ, сначала довольно равнодушно сносившій наглости Пизона, вышелъ, наконецъ изъ себя и сталъ отплачивать ему тою-же монетой. Парѳянскій царь Артабанъ предложилъ Римлянамъ дружественный союзъ, желалъ даже личнаго свиданія съ Германикомъ, прося только удалить изъ Сиріи Вонона, который не переставалъ волновать его магнатовъ. Германикъ согласился и сослалъ Вонона въ Киликію, чѣмъ сильно уязвилъ самолюбіе Пизона, покровительствовавшаго изгнанному Парѳянскому царю (90).

Таковы были отношенія совмѣстниковъ, когда Германикъ рѣшился на-время оставить Сирію и посѣтить Египетъ. Предлогомъ поѣздки служили административныя нужды страны. На самомъ-же-

(89). Tac. Ann. II. 53—55.—Suet. in Cal. 111.
(90) Ibid. II. 56—58. 64.

дѣлѣ Германика влекла туда любознательность, заманчивая слава Египетскихъ древностей, но болѣе всего желаніе — въ чистой сферѣ науки и искусства обновить свои нравственныя силы и почерпнуть примиреніе съ жизнію, такъ горько его обманувшею. Онъ направилъ путь чрезъ Сицилію, гдѣ пониженіемъ цѣны на хлѣбъ и другими благодѣяніями снискалъ полную народную любовь и восторженный пріемъ въ Сиракузахъ, а явившись въ публикѣ безъ стражи и въ Греческомъ костюмѣ, возбудилъ къ себѣ такой энтузіасмъ, какимъ пользовался здѣсь нѣкогда только Сципіонъ Африканскій.

Тиберій съ завистію смотрѣлъ даже и на эти успѣхи племянника; норицалъ въ сенатѣ его поведеніе въ Сициліи, какъ несогласное съ достоинствомъ цезаря; намѣреніе-же его — ѣхать въ Египетъ подвергнулъ строгому осужденію, ссылаясь на одно древнее постановленіе Августа, по которому сенаторамъ и другимъ облеченнымъ извѣстною властію лицамъ воспрещалось посѣщеніе этой страны безъ особеннаго разрѣшенія императора.

Ничего не зная объ этомъ, Германикъ продолжалъ путешествіе и, прибывъ въ городъ Конопъ, пустился оттуда вверхъ по Нилу, обозрѣвая на пути замѣчательнѣйшія древности края. Былъ на исполинскихъ развалинахъ Ѳивъ, гдѣ жрецы объясняли ему надписи на уцѣлѣвшихъ памятникахъ и обломкахъ; посѣтилъ Сіэну и островъ Элефантинэ, бывшіе въ то время крайними пунктами имперіи на югѣ; видѣлъ и пресловутую статую Мемнона, издававшую, при восходѣ солнца, звуки, похожіе на человѣческій голосъ (91).

Едва отдохнувъ немного отъ тяжкихъ заботъ и огорченій, Германикъ спѣшилъ обратно въ Сирію, не думая, вѣроятно, какая участь тамъ его ожидаетъ. Во-первыхъ, всѣ свои распоряженія по войскамъ и провинціямъ онъ нашелъ или отмѣненными, или и вовсе уничтоженными. Тогда, не скрывая болѣе своихъ чувствъ, онъ разразился противъ Пизона явнымъ негодованіемъ; Пизонъ-же отвѣчалъ ему новыми оскорбленіями. Когда въ Антіохіи приносили благодарственныя жертвы богамъ, по случаю разнесшейся вѣсти о выздоровленіи Германика, занемогшаго около этого времени, Пизонъ велѣлъ раскидать жертвы, принесенныя къ подножію алтарей, и разогнать народъ, собравшійся въ праздничныхъ

(91) Tac. Ann. II. 59. 61.

одеждахъ. Къ этимъ моральнымъ потрясеніямъ присоединилось вскорѣ сильное органическое разстройство, подъ вліяніемъ котораго силы Германика стали замѣтно ослабѣвать. Къ тому-же возникли подозрѣнія, что Пизонъ тайными средствами отравилъ его, и эта мысль усиливала страданія больнаго. Дѣйствительно, хотя приводимые Тацитомъ улики противъ Пизона, какъ-то: куски вырытыхъ труповъ, найденные около дома Германика, кучи полусожженнаго и окровавленнаго пепла, свинцовыя таблички съ именемъ Германика, талисманы и разныя заклинанія — и не могутъ служить несомнѣнными доводами преступленія, но все предыдущее и послѣдующее поведеніе Пизона довольно ясно указываютъ на то, что виновникомъ злодѣянія могъ быть дѣйствительно онъ, а множество современныхъ свидѣтельствъ дѣлаютъ такое предположеніе еще болѣе вѣроятнымъ (92). Но такъ сильно было въ Германикѣ чувство гражданскихъ обязанностей и такъ высоко стояло оно надъ всякими личными побужденіями, что, будучи уже тяжело больнымъ и имѣя противъ Пизона столько сильныхъ подозрѣній, все еще долго не рѣшался онъ, безъ воли императора, приказать ему оставить провинцію. Только за нѣсколько дней до своей кончины написалъ онъ къ нему письмо, въ которомъ, по древнему Римскому обычаю, отказывая ему публично во всякихъ дальнѣйшихъ дружелюбныхъ сношеніяхъ, приказывалъ ему выѣхать изъ Сиріи.

Пизонъ сначала медлилъ, показывалъ видъ, что собирается въ путь, остановился на нѣсколько дней въ Селевкіи, видимо выжидая, какой оборотъ приметъ болѣзнь Германика; агенты его постоянно бродили около дома, гдѣ лежалъ умирающій. Сѣвъ, наконецъ, на корабль, онъ плылъ очень медленно и держался вблизи Сирійскаго берега, чтобы, при первой вѣсти о смерти Германика, поспѣшно туда возвратиться (93).

А между-тѣмъ уже весь Эпидафнъ и Антіохія были въ волненіи. Въ томительномъ ожиданіи толпился народъ по улицамъ. Вѣсть за вѣстью тревожно перебѣгала изъ устъ въ уста. Близилась послѣдняя минута Германика...

Еще разъ собрались вокругъ печальнаго одра друзья и семейство пожать умирающему руку, выслушать его послѣднюю волю.

(92) Tac. Ann. II. 69—71. III. 8—16. —Suet. in. Tib. 52—D. Cass. LVII. 18.
(93) Ibid. II. 69. 70. — D. Cass. LVII. 18. — Zon. XI. 2.

Страдалецъ трудно разставался съ жизнію. «Еслибъ смерть моя была естественна, говорилъ онъ, то и тогда я имѣлъ-бы право роптать на суровость судьбы, такъ рано отрывающей меня отъ родныхъ, друзей, отечества. Но вамъ извѣстно, что я умираю жертвой злодѣянія Планцины и Пизона, — пріймите-же мои последнія мольбы... Разскажите моему отцу и брату всѣ горечи, отравившія мои дни, всѣ преслѣдованія и козни, меня окружавшія... Не только родные и близкіе мнѣ люди, но даже тѣ, кто питалъ ко мнѣ зависть и неприязнь, не откажутъ въ слезѣ участія человѣку, который, стяжавъ нѣсколько славы, переживъ столько сраженій, падаетъ жертвою женскаго коварства. Вы будете имѣть случай требовать правосудія сената, просить защиты законовъ. Помните-же, что не безплодныхъ слезъ и сожалѣній, надъ бездыханнымъ прахомъ, но точнаго исполненія ихъ воли ждутъ мертвые отъ живыхъ своихъ друзей. Вы будете мстителями Германика, если любили его самого болѣе, чѣмъ прежнее его счастіе и могущество. Представьте народу внуку Августа, покажите ему шестерыхъ осиротѣлыхъ дѣтей Германика, — состраданіе будетъ говорить за нихъ предъ судомъ; и если клевета предполагаетъ здѣсь тайну преступныхъ повелѣній, знайте, что Римляне или не повѣрятъ ей, или-же будетъ неумолимы» (94).

Слыша подобныя предсмертныя рѣчи изъ устъ лучшаго мужа своей эпохи, невольно приходишь къ мысли — какъ бѣдна была, какъ низко стояла нравственная идея тогдашняго времени. Человѣкъ разставался съ жизнію не съ примѣреніемъ, но съ проклятіемъ и местію въ душѣ, и послѣднее чувство, провожавшее его въ вѣчность, была ненависть къ врагамъ. Господствовавшее въ то время стоическое ученіе, воспитавшее, впрочемъ, столько великихъ характеровъ древности, на рубежѣ земной жизни покидало человѣка одинокаго и безнадежнаго, сознавая свое безсиліе и отказываясь далѣе служить ему руководителемъ. Выше всего въ мірѣ оно ставило нравственный долгъ и справедливость, и потому не прощало никакихъ отъ нея уклоненій. Естественно, что и Германикъ, какъ видно по всему, воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, считалъ своимъ священнымъ правомъ, въ предсмертный часъ свой, требовать мести врагамъ, несправедливо и незаконно посягнувшимъ на жизнь его; а если вспомнимъ, какъ мало тогдашняя ре-

(94) Tac. Ann. II. 70. 71.

лигія сулила человѣку въ будущемъ, то поймемъ, почему даже самыя сильныя въ нравственномъ отношеніи личности такъ трудно разставались съ дорогою земною жизнію, если жизнь эта, по своимъ прелестямъ и счастію, имѣла для нихъ сколько-нибудь цѣны.

Между-тѣмъ какъ друзья у смертнаго одра клялись исполнить завѣщанную имъ месть, Германикъ собралъ еще послѣднія силы и, обратившись къ женѣ, увѣщевалъ ее смирить свою гордость, покориться суровой судьбѣ и, въ-особенности, удерживать себя отъ тѣхъ властолюбивыхъ порывовъ, которые были слишкомъ свойственны характеру Агриппины и которые больше всего могли расшевелить ненависть и вражду самыхъ людей. Потомъ онъ говорилъ ей еще что-то наединѣ, полагаютъ — о своихъ подозрѣніяхъ на счетъ участія Тиберія и Ливіи въ преступленіи Пизона и Планцины.

Это были его послѣднія рѣчи. Онъ умеръ на рукахъ Агриппины....

На Антіохійской площади, по обычаю того времени, стояло нагое тѣло Германика въ-теченіе нѣсколькихъ дней. Неизвѣстно, показались-ли на немъ какіе-нибудь признаки отравленія. Говорили различно, смотря по предубѣжденію — въ пользу-ли Германика, или Пизона.

Потомъ наступили похороны, простые, искренно-трогательные. Не было ни фамильныхъ портретовъ, ни помпы. Слава и воспоминаніе доблестей усопшаго замѣняли все.... По обыкновенію, тѣло сожгли, пепелъ собрали въ урну. Съ драгоцѣнными останками этими, Агриппина и друзья Германика, помня лежавшій на нихъ долгъ, приготовились ѣхать въ Римъ (95).

Вѣсть о смерти Германика, пронесшись по восточнымъ странамъ, произвела на всѣхъ тяжелое и горестное впечатлѣніе. Не только провинціи, сосѣднія земли, варварскіе цари оплакивали этого необыкновеннаго человѣка. Если вѣрить Светонію, Германскія племена, бывшія въ войнѣ съ Римлянами, почтили память Германика и трауръ по немъ добровольнымъ перемиріемъ. Нѣкоторые

(95) Tac. Ann. II. 72—74.

нихъ ихъ вождей остригли бороды въ знакъ глубокой печали. Пароянскій царь не пировалъ въ тотъ день съ своими магнатами и не ѣздилъ на охоту.

Еще сильнѣе была скорбь Италіи и Рима. Едва въ Римѣ узнали о болѣзни Германика со всѣми ея страшными подробностями, какъ взрывъ публичнаго негодованія обрушился тотчасъ-же на Тиберія. «Такъ вотъ цѣль этого изгнанія въ далекіе края, — кричали въ народѣ — посылки Пизона въ Сирію и тайныхъ бесѣдъ Августы съ Планциной»! Старики при этомъ вспоминали о Друзѣ; не сомнѣвались, что и Германикъ, подобно отцу своему, сдѣлался жертвою намѣренія — возстановить свободу Римскаго народа. На чемъ основывали подобныя надежды, мы опредѣлить не умѣемъ. Прослѣдивъ все поведеніе Германика, всю его жизнь, мы нигдѣ не могли замѣтить, чтобы онъ серьезно думалъ объ этомъ. Ему представлялся даже случай привести такой планъ въ исполненіе, еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ его, — это тотчасъ-же по смерти Августа, въ эпоху возстанія легіоновъ. Тогда, дѣйствительно, онъ легко могъ-бы собрать подъ республиканское знамя многочисленную и сильную партію; но мы видѣли, что онъ и не подумалъ объ этомъ. Напротивъ, его благоговѣйное уваженіе къ своему гражданскому долгу всегда удерживало его отъ насильственныхъ мѣръ. Не вѣрилъ-ли онъ уже вовсе въ возможность республики, или ждалъ только болѣе благопріятной минуты, напримѣръ смерти Тиберія, когда онъ могъ-бы законно возстановить общественную свободу, нельзя сказать навѣрное. Скорѣе, впрочемъ, должно думать, что, какъ человѣкъ мыслящій и понимавшій современное ему движеніе исторіи, едва-ли онъ могъ увлечься несбыточною уже въ то время химерою республики, если-же и мечталъ когда-нибудь объ этомъ, то, вѣроятно, въ слишкомъ юные свои годы. Еслибъ точно судьба помогла ему сдѣлаться императоромъ, то мы полагаемъ, что монархія устояла-бы по прежнему, съ тою только разницею, что Германикъ, опираясь на всеобщую любовь народа, быть можетъ, съумѣлъ-бы дать ей болѣе законный, естественный видъ; своимъ кроткимъ и благодушнымъ правленіемъ въ древне-Римскомъ духѣ заставилъ-бы согражданъ забыть объ утратѣ свободы, такъ точно, какъ заставлялъ ихъ забывать объ ней Августъ своимъ благоразуміемъ, славою своего правленія и своею хитростію. Во всякомъ случаѣ, однакожь, великая выгода для Римлянъ состояла

бы въ томъ, что они и не замѣтили-бы въ Германикѣ узурпатора такъ точно, какъ не замѣчали его въ основателѣ имперіи.

Но массы народа не скоро и не легко забываютъ старый порядокъ вещей. Высшіе классы—сенаторскія фамиліи, всадники, вообще оптиматы никогда не благоволили къ новому и всегда съ тайнымъ сожалѣніемъ вспоминали о прошломъ: ибо лучшія времена Римской республики были господствомъ аристократіи. И тѣ и другіе до тѣхъ только поръ безропотно уживались съ монархіей, пока Августъ своимъ мудрымъ правленіемъ, державшимъ всѣ партіи въ равновѣсіи, дѣлалъ утрату общественной свободы незамѣтною и нечувствительною. Когда-же во главѣ государства явилась несимпатичная личность Тиберія и общество почуяло въ будущемъ неизбѣжность суроваго и тираннческаго правленія, сожалѣнія о прошедшемъ проснулись съ новою силою, и народъ, тревожимый мрачными предчувствіями, сталъ съ безпокойствомъ искать глазами лица, на которое-бы безъ страха можно было возложить надежды на лучшую будущность. Такимъ лицомъ общій голосъ считалъ Германика, какъ по воспоминаніямъ объ отцѣ его, который, если вѣрить молвѣ, въ душѣ былъ усерднымъ приверженцемъ республики, такъ и по личному характеру его самого, характеру открытому, благородному, способному на всякое добро для людей. Замѣтивъ въ немъ, можетъ быть, слишкомъ много популярности, привѣтливости и Гелленскаго гуманнаго чувства, ему приписали идеи и намѣренія, слишкомъ слабо, вѣроятно, занимавшія его душу.

Какъ-бы то ни было, однакожь, теряя Германика, Римъ терялъ лучшія надежды, и потому общественная скорбь не знала предѣловъ. Когда пришла вѣсть о смерти Германика, народъ, не ожидая ни эдикта сановниковъ, ни опредѣленія сената, заперъ дома, закрылъ театры и присутственныя мѣста. Во всемірномъ городѣ воцарилась скорбная тишина. Изъ многихъ глазъ полились сердечныя, искреннія слезы... Вдругъ, среди всеобщаго оцѣпенѣнія разносится вѣсть, что Германикъ еще живъ и болѣзнь его клонится къ выздоровленію, — запоздалая вѣсть, привезенная Сирійскими купцами, и все народонаселеніе города съ восторгомъ бросается къ храмамъ благодарить боговъ. Когда-же открылась ошибка и горестное событіе сдѣлалось несомнѣннымъ, уныніе и

скорбь сильнѣе прежняго овладѣли обществомъ, какъ будто Римъ вторично потерялъ Германика (96).

Сенатъ почтилъ память покойнаго чрезвычайными почестями. Имя Германика положено внести въ Саліискіе гимны; въ театрахъ поставить его курульскія кресла, украшенныя дубовыми вѣнками, въ ряду мѣстъ жрецовъ Августа, къ коллегіи которыхъ онъ былъ причисленъ за нѣсколько лѣтъ до того времени. Опредѣлили носить его статую изъ слоновой кости въ циркѣ каждый разъ предъ началомъ игръ. Въ Эпидафнѣ, гдѣ онъ скончался, памяти его посвятили трибуналъ; въ Антіохіи, мѣстѣ его погребенія,—надгробный монументъ. Тріумфальныя арки въ честь его предположены были въ Римѣ, на Рейнѣ и въ Сиріи на Аманскихъ горахъ, съ исчисленіемъ его подвиговъ и съ надписью, что онъ умеръ за республику. Кромѣ того, предложено было множество статуй, культовъ и другихъ почестей. Во времена Тацита, т. е. лѣтъ сто спустя послѣ смерти Германика, еще существовали нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ. Большая часть была уже въ забвеніи (97).

Между тѣмъ, больная и убитая горемъ Агриппина, съ прахомъ своего супруга и съ двумя изъ своихъ дѣтей, не смотря на суровую зимнюю пору, торопливо ѣхала въ Римъ, направляя свой путь чрезъ Корфу къ берегамъ Калабріи. Она должна была высадиться въ Брундузіумѣ, гдѣ уже множество друзей покойника, его бывшихъ сослуживцевъ и всякаго рода людей ждало ея прибытія.

Безмолвно и мрачно приближалась погребальная флотилія къ гавани, усѣянной тысячами народа. Въ толпѣ господствовало недоумѣніе, какъ принять прахъ Германика—скорбнымъ-ли молчаніемъ, или-же какимъ-нибудь возгласомъ. Но какъ только Агриппина, съ траурной урной въ рукахъ, ступила на землю, общій, единодушный вопль поднялся на берегу и пронесся по всему городу. Отсюда печальная процессія потянулась по Калабріи, Апуліи, Кампаніи до Рима. Начальства лежавшихъ на пути мѣстъ, получивъ инструкціи отъ Тиберія, вездѣ встрѣчали почтенный прахъ со всевозможными почестями. Народъ, въ траурныхъ одеждахъ, съ окрестностей стекался къ дорогѣ, всадники и другіе зажиточные люди сожигали ароматы, матеріи и другія погребальныя жертвы. Шествіе сопровождали двѣ преторіанскія когорты, высланныя

(96) Tac. Ann. II. 82. — Suet. in Cal. 5.
(97) Ibid. II. 83.

изъ Рима. Трибуны и центуріоны несли погребальную урну на плечахъ своихъ; ей предшествовали опрокинутыя сѣкиры, опущенныя къ землѣ знамена. По мѣрѣ приближенія къ Риму, процессія встрѣчаема была разными депутаціями и сановниками. Въ Террацинѣ выѣхалъ ей на встрѣчу Друзъ, сынъ императора, Клавдій, братъ покойника, и четверо дѣтей Германика, не ѣздившихъ съ отцомъ на востокѣ. Сюда-же явились сенатъ, всадники, консулы и большія массы народа. Все плакало непритворными, искренними слезами, въ которыхъ не было ни лицемѣрія, ни ласкательства: потому что всѣ знали, какъ пріятна была Тиберію преждевременная кончина Германика. Ни императоръ, ни Ливія не вышли на встрѣчу дорогому для Римлянъ праху, показывая видъ, будто не хотятъ публично предаться своей печали, но на-самомъ-дѣлѣ опасаясь, чтобы сотни тысячъ испытующихъ взоровъ не открыли на ихъ лицахъ притворства.

День, когда снесли останки Германика въ фамильный склепъ Августова семейства, былъ днемъ то мрачной тишины, то смѣнявшихъ ее порывовъ неудержимой скорби. По улицамъ, окнамъ и кровлямъ домовъ тѣснился народъ. Безчисленными факелами искрилось Марсово поле. Стояли войска безъ оружія, сановники безъ знаковъ своего достоинства. Одинъ общій голосъ несся по Риму отъ края до края, что республика погибла и что нѣтъ болѣе надежды. Многіе въ порывѣ отчаянія бросали каменьями въ храмы, ниспровергали статуи боговъ, выкидывали на улицу своихъ новорожденныхъ дѣтей. Вдова Агриппина была предметомъ особеннаго народнаго энтузіасма. Ее называли украшеніемъ отечества, настоящею кровью Августа, единственнымъ образчикомъ древнихъ добродѣтелей. Возносили къ небу мольбы о благоденствіи ея семейства, призывали гибель на голову ея враговъ. Не смотря на то, что похороны были, дѣйствительно, великолѣпны, многіе находили погребальную помпу слишкомъ скромною и громко упрекали Тиберія, что онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ воздать достойныхъ почестей знаменитому праху. «И все это — прибавляетъ Тацитъ, повѣствователь этой сцены, — говорилось громко и съ увлеченіемъ. На этотъ разъ народъ какъ будто забылъ, кто и какой былъ у него повелитель» (98).

---

(98) Tac. Ann. III. 1—5.—Suet. in. Cal. 5.

Тиберій смотрѣлъ сквозь пальцы на этотъ взрывъ общественной скорби и негодованія и старался успокоить народъ эдиктомъ, гдѣ говорилось, что хотя горесть Римлянъ дѣлаетъ имъ честь, но что она должна имѣть предѣлы; что много другихъ знаменитыхъ мужей погибало за отечество, не повергая общества въ отчаяніе, приличное болѣе какому-нибудь мелкому государству, но неидущее царственному народу. Затѣмъ онъ приглашалъ гражданъ обратиться къ ихъ обыкновеннымъ занятіямъ. Тогда открылись лавки и присутственныя мѣста, въ городѣ закипѣло обычное движеніе и все, повидимому, пришло въ прежній порядокъ; но народъ долго не могъ забыть своей потери и долго еще толпа собиралась по ночамъ у оконъ Тиберія кричать «отдай намъ Германика» (99).

Когда волненіе умовъ въ Римѣ, возникшее по случаю перенесенія туда праха Германикова, нѣсколько успокоилось, общественное вниманіе съ тревожнымъ любопытствомъ обратилось къ начавшемуся процессу Пизона.

Пизонъ находился на островѣ Косѣ, когда узналъ о смерти Германика. Онъ и не думалъ скрывать своего восторга при этой вѣсти. Принесены были благодарственныя жертвы богамъ, устроенъ великолѣпный пиръ; Планцина, бывшая въ то время въ траурѣ, надѣла праздничный нарядъ. Впрочемъ, надежды Пизона на верховное управленіе Сиріей и другими восточными провинціями оказались вскорѣ неосновательными: ибо легаты и сенаторы, бывшіе тогда на Востокѣ, тотчасъ-же по смерти Германика, избрали ему преемникомъ Сенція, одного изъ усерднѣйшихъ почитателей памяти усопшаго. Напрасно Пизонъ пробовалъ разъ отбить у совмѣстника управленіе провинціями и начальствованіе надъ Сирійскими легіонами. Его покушеніе склонить на свою сторону войска кончилось неудачно, ибо лучшая и большая часть арміи осталась вѣрною долгу. Такъ-же точно не имѣла никакого успѣха его попытка дѣйствовать открытою силой. Собравъ наскоро легіонъ изъ рабовъ, маркитантовъ, дезертировъ и другой сволочи, онъ вздумалъ было угрожать Лаодикеѣ; но Сенцій, съ вѣрными легіонами, сбивъ его съ позиціи, принудилъ запереться въ одномъ укрѣпленномъ Киликійскомъ замкѣ, и когда Пизонъ отвергъ предложеніе

(99) Ibid. III. 5. — Suet. in Tib. 52.

в сдачѣ, повелъ войска на приступъ. Тогда инсургентамъ оставалось только положить оружіе. Пизону и его семейству позволено было ѣхать въ Римъ (100).

Но явиться въ Римѣ въ такое время, когда не улеглось еще общественное негодованіе противъ враговъ Германика, когда еще такъ свѣжа была оплакиваемая народомъ могила, было дѣломъ небезопаснымъ. Пизонъ могъ, правда, разсчитывать на тайное содѣйствіе Тиберія, на покровительство Августы; но ему извѣстенъ былъ также осторожный и вѣроломный характеръ цезаря, и друзья не-даромъ предупреждали его, что люди, наиболѣе въ душѣ порадовавшіеся смерти Германика, предъ публикой покажутъ наиболѣе участія къ его дѣлу и негодованія къ его врагамъ. Но, предчувствуя опасности, онъ все-таки рѣшился явиться въ Римъ самоувѣренно и гордо, какъ человѣкъ, который, чувствуя себя правымъ, не обращаетъ вниманія на безсильную злобу ослѣпленной пристрастіемъ толпы. Планцина, въ-особенности, выказала въ этомъ случаѣ много наглой самонадѣянности. Она въѣхала въ городъ съ торжествующимъ видомъ и съ многочисленною свитою кліентовъ; въ окнахъ ея дома горѣли въ тотъ вечеръ яркіе огни; видно было, какъ шелъ тамъ ликующій пиръ. Все это еще болѣе оскорбляло народное чувство и усиливало негодованіе къ Пизону.

Начался судъ. Обвинителями явились Вераній, Вителій и Серней, какъ друзья Германика, исполнители его воли и свидѣтели самаго преступленія. Они избрали судьею Тиберія; того-же требовалъ и Пизонъ, не сомнѣваясь, что сынъ Ливіи, вѣроятно, участвовалъ въ ея тайнѣ. Но Тиберій, зная, какія сильныя подозрѣнія устремлены на него самого, очень дальновидно отклонилъ отъ себя это дѣло, предоставивъ его сенату. Вообще императоръ и сынъ его Друзъ вели себя съ необыкновенною осторожностію и искусствомъ. Они приняли Пизона довольно благосклонно, какъ человѣка, вина, или невинность котораго еще не доказаны; но не подавали ему никакихъ надеждъ на свое заступничество и тщательно избѣгали всякихъ тайныхъ съ нимъ сношеній.

Напряженныя ожиданія всего Рима устремились къ начавшемуся процессу, ибо каждый съ жадностію желалъ видѣть, до чего

(100) Tac. Ann. II. 75—81.

будетъ простираться усердіе Германиковыхъ друзей, ихъ самоотверженіе и настойчивость, и, съ другой стороны, до чего дойдетъ наглая самоувѣренность обвиненнаго и лицемѣрное спокойствіе императора. Тиберій открылъ судебное засѣданіе сената рѣчью, стараясь соблюсти въ ней тонъ самаго невозмутимаго безпристрастія. Онъ убѣждалъ сенаторовъ обсудить дѣло съ холоднымъ благоразуміемъ, не увлекаясь ни ненавистью, ни участіемъ къ какой-либо сторонѣ; приглашалъ обвинителей изложить обстоятельно всѣ доводы и свидѣтельства, какія можетъ внушить имъ справедливость и благоговѣніе къ памяти усопшаго, но предоставлялъ также и Пизону смѣло воспользоваться всѣми законными средствами защиты. «Прошу васъ, говорилъ онъ, обращаясь къ сенаторамъ, чтобы ваше сочувствіе къ моему горю не увлекало васъ за предѣлы холоднаго безпристрастія,.. не смотрите на слезы Друза, закройте глаза на мою собственную скорбь»...

Пизонъ защищался слабо противъ всѣхъ пунктовъ; только обвиненіе въ отравленіи Германика успѣлъ почти опровергнуть. Дѣйствительно, доказательства, представленныя по этому вопросу обвинителями, оказались весьма неудовлетворительными. Не смотря на то, однакожъ, сенатъ казался неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что народъ у дверей и подъ окнами залы кричалъ, что онъ самъ съумѣетъ управиться съ Пизономъ, если судьи рѣшатся оправдать его.

Тогда надежды подсудимаго стали ослабѣвать. Сама Планцина, успѣвшая стать подъ Эгиду Августы, и имѣя обѣщаніе пощады, нечувствительно отдѣлилась отъ мужа. Пизонъ понялъ весь зловѣщій смыслъ этого отпаденія и рѣшился предаться своей судьбѣ. Друзья и адвокаты уговорили его однакожъ еще разъ явиться въ сенатъ; но здѣсь его встрѣтили такимъ общимъ негодованіемъ, что трудно было сохранить какую-нибудь надежду. Напрасно обвиненный устремлялъ молящіе взоры къ трибуналу цезаря. Тиберій оставался спокойнымъ, безстрастнымъ, какъ всегда, безъ гнѣва, но и безъ состраданія, и на его ледяномъ и неподвижномъ лицѣ нельзя было прочесть рѣшительно ничего.

Возвратившись въ свою квартиру, Пизонъ написалъ записку въ нѣсколько строкъ на имя жены, письмо къ Тиберію, поручая го милосердію дѣтей своихъ, и, вручивъ ихъ вѣрному вольноот-

нущеннику, заперся въ своей комнатѣ. На утро нашли его мертвымъ.

Хотя Тиберій жаловался въ сенатѣ, что насильственная смерть подсудимаго ему крайне непріятна, какъ случай, могшій навлечь на него ненависть Пизоновой партіи; но внутренно не могъ не порадоваться такому счастливому исходу дѣла, выручавшему его изъ весьма затруднительнаго положенія: ибо, не компрометируя себя, онъ не могъ поддерживать Пизона, а между тѣмъ отчаяніе и безнадежность могли ожесточить несчастнаго и вызвать съ его стороны какія-нибудь признанія, которыя, быть можетъ, бросилибы тѣнь на самого цезаря. Вѣдь ходили-же слухи, что въ рукахъ Пизона были инструкціи и письма Тиберія и Августы, слишкомъ ясно свидѣтельствовавшія объ ихъ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Германика, и что онъ непремѣнно представилъ-бы ихъ сенату, еслибъ Сеянъ не отклонилъ его отъ этого намѣренія, постоянно поддерживая въ немъ надежду на заступничество двора. Говорили также, что Пизонъ не самъ наложилъ на себя руки. Тацитъ, правда, не выдаетъ этихъ слуховъ за достовѣрные, но говоритъ, что онъ самъ, въ своей юности, слышалъ ихъ отъ стариковъ, современниковъ и очевидцевъ тѣхъ событій (101).

Такимъ образомъ, истинные причины смерти Германика остаются неразгаданными для потомства, какъ были онѣ неразгаданными и для современниковъ. Не только Діонъ и Светоній, но даже Тацитъ, имѣвшій подъ-руками всѣ документы и пользовавшійся ими съ чрезвычайною добросовѣстностію, не могутъ сказать объ этомъ ничего утвердительнаго, хотя и есть нѣкоторыя вѣроятности, что Германикъ, дѣйствительно, былъ отравленъ Пизономъ (102).

Еще труднѣе рѣшить вопросъ объ участіи Тиберія въ преступленіи. Сообразивъ объ этомъ всѣ свидѣтельства, можно прійти къ заключенію, какое мы высказали уже и прежде, а именно, что осторожный и дальновидный цезарь не давалъ своему проконсулу никакихъ положительныхъ и ясныхъ инструкцій на счетъ Германика, хотя и позволилъ, быть можетъ, ему замѣтить—сколько

(101) Tac. Ann. III. 7—16.
(102) Ibid. III. 19.—D. Cass. LVII. 18.—Suet. in Cal. 2.

недовѣрчивости и затаенной вражды къ племяннику таилось въ его душѣ. Иное дѣло Ливія. Гордая и властолюбивая, она никогда не скрывала своей ненависти къ Агриппинѣ и ея семейству, и потому очень легко могла уполномочить Планцину на какое-нибудь жестокое дѣло, на что есть даже и указаніе у писателей. Какъ бы то ни было, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію одно: что если смерть Германика была и естественна, то интриги и ненависть двора все-таки были моральными ея причинами, и въ такомъ случаѣ преступленіе тѣмъ не менѣе остается на совѣсти и памяти Тиберія и его клевретовъ: ибо, по нашему мнѣнію, предъ лицомъ высшаго закона, не такъ велика еще разница убить-ли человѣка ядомъ, ножемъ, или-же какимъ-нибудь сильнымъ нравственнымъ ударомъ.

Мы видѣли Германика въ школѣ и семействѣ, посреди возставшихъ легіоновъ на Рейнѣ, на форумѣ въ Римѣ и Антіохіи, въ непроходимыхъ дебряхъ Тевтобургскаго лѣса, на равнинахъ Идиставиза, на развалинахъ Иліона, у Ливійской границы имперіи, на смертномъ одрѣ; мы старались слѣдить за каждымъ его нравственнымъ шагомъ, и можемъ теперь составить объ немъ заключеніе.

Если предположить даже, что Тацитъ отчасти увлекся своимъ любимцемъ и представилъ его достоинства въ нѣсколько идеальномъ свѣтѣ, подобно тому, какъ идеализировалъ онъ «Агриколу» и «нравы Германцевъ», то все-же самыя событія его жизни, занесенныя въ исторію, уваженіе, съ какимъ отзывались объ немъ лучшіе и умнѣйшіе люди имперіи, громкая слава, оставленная имъ въ потомствѣ, и сравненіе съ другими историческими дѣятелями тогдашняго времени даютъ намъ право думать, что Германикъ былъ, дѣйствительно, одною изъ самыхъ даровитыхъ и свѣтлыхъ личностей не только своей эпохи, но и всего вѣка цезарей Августова дома. Допустимъ, что его военные подвиги, гражданскія и семейныя добродѣтели преувеличены патріотическимъ одушевленіемъ историка, благоговѣвшаго предъ всемъ, что напоминало ему древнія, лучшія времена Римской жизни,—во всякомъ случаѣ, нельзя

не согласиться, что онъ былъ единственнымъ, вполнѣ благороднымъ и возвышеннымъ характеромъ во всей фамиліи первыхъ цезарей. Не будемъ искать въ этомъ характерѣ того всеобъемлющаго чувства, согрѣтаго высшей любовью, какое въ его время уже теплилось въ сердцахъ немногихъ избранниковъ Промысла; для такихъ высокихъ нравственныхъ движеній безсильна была языческая древность, и напрасно мы ждали-бы ихъ отъ Германика, воплотившаго въ себѣ именно всѣ лучшія стороны древняго Греко-Римскаго генія.

Въ числѣ этихъ сторонъ на первомъ мѣстѣ стояло у него благоговѣйное уваженіе къ гражданскому долгу. Оно служило основой всѣхъ другихъ его убѣжденій, опредѣляло во всѣхъ случаяхъ его поведеніе, давало направленіе всей его жизни. Ради него онъ дѣйствовалъ самоотверженно въ эпоху возстанія легіоновъ, подвергалъ себя безчисленнымъ опасностямъ на Везерѣ, Эмсѣ и Липпѣ, на волнахъ негостепріимнаго океана; ради него онъ вѣрно служилъ Тиберію, зная всю его къ себѣ ненависть, протянулъ руку спасенія погибавшему Пизону, посланному на востокъ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться его палачемъ; оно-же шевелило еще его умирающими устами, когда онъ требовалъ мести своимъ врагамъ.

Къ чести Германика должно сказать однакожъ, что такое благоговѣніе предъ долгомъ гражданина не перешло въ немъ въ односторонность, не исключило другихъ благородныхъ стремленій души. Мы видѣли, что онъ сочувствовалъ одинаково всему великому и прекрасному, принадлежало-ли оно къ области искусства и науки, къ жизненной-ли практикѣ, или къ явленіямъ исторіи. Не даромъ сравниваетъ его Тацитъ съ Александромъ Великимъ, сошедшимъ съ поприща въ такихъ-же раннихъ лѣтахъ и почти въ такихъ-же обстоятельствахъ (103). Между этими двумя личностями, дѣйствительно, есть много общихъ сторонъ. То-же неустрашимое личное мужество и военачальническій геній, та-же поэтическая теплота души, то-же легкое искусство обоятельно дѣйствовать на массы, съ тою только разницею, что въ Германикѣ было болѣе нравственной чистоты и строгаго національнаго Римскаго достоинства, не дававшаго въ немъ простору тому космополитическому

(103) Tac. Ann. II. 73. — Подобно отцу своему Друзу, Германикъ умеръ 33 лѣтъ отъ роду, а именно 9 окт. 19 г. по Р. Хр.

духу, которымъ отличался генiй Македонскаго героя. Однимъ словомъ, характеръ этотъ представлялъ прекрасное сочетанiе лучшихъ элементовъ обѣихъ классическихъ цивилизацiй, въ пору своего слiянiя успѣвшихъ подарить отходящiй мiръ древности этимъ свѣжимъ, отраднымъ явленiемъ.

Но не одни нравственныя достоинства такъ высоко цѣнили Римляне въ Германикѣ. Еще важнѣе была для нихъ его общественная роль. На него смотрѣли они, какъ на единственную надежду лучшихъ временъ, хотя, быть-можетъ, безплодныя сожалѣнiя о невозвратимой республикѣ заставляли ихъ слишкомъ далеко простирать эту надежду. Въ немъ видѣли, — и въ этомъ состояло, какъ намъ кажется, главное, дѣйствительное значенiе общественной роли Германика, — надежное противовѣсiе тиранническому характеру Тиберiя. И дѣйствительно, пока живъ былъ Германикъ, Тиберiй правилъ благоразумно и справедливо, и общество наслаждалось возможнымъ для него благоденствiемъ. Тиберiй боялся гражданскаго величiя племянника и, встрѣчая въ немъ постоянное и сильное нравственное ограниченiе, удерживалъ въ предѣлахъ свое властолюбiе и жестокость. Но чѣмъ болѣе дѣлалъ онъ надъ собой усилiй, чтобы казаться благодушнымъ и кроткимъ правителемъ, умѣющимъ уважать гражданское достоинство подданныхъ, тѣмъ сильнѣе была его ненависть къ человѣку, налагавшему на него такую стѣснительную узду. Отъ того такъ велика была его радость о смерти Германика и такъ безутѣшна скорбь о ней Римлянъ.

Съ другой стороны, неестественный, неискреннiй порядокъ вещей, господствовавшiй тогда въ Римскомъ обществѣ, гдѣ деспотъ-правитель долженъ былъ притворяться республиканцемъ, а граждане, вздыхавшiе о республикѣ, горячими приверженцами монархiи; гдѣ весь жизненный механизмъ насквозь проникнутъ былъ лицемѣрiемъ и притворствомъ; гдѣ правительство, основанное на узурпацiи, со страхомъ и подозрѣнiемъ слѣдило за каждою даровитой и значительной личностью, не могъ служить для Германика симпатичною и правильною средою. Съ его открытой и благородной натурой ему нельзя было низойти до притворства, интриги, ласкательствъ и низостей, которыми прокладывали себѣ въ жизни дорогу Сеяны, Макроны и другiе сильные люди эпохи. Затѣять борьбу съ этимъ обществомъ онъ не рѣшался по чувству

святаго гражданскаго долга, да и что могъ-бы одинъ человѣкъ противъ неудержимаго движенія исторіи?..

Поставленный въ такія опасныя отношенія, полныя трагическаго смысла, Германикъ долженъ былъ погибнуть. Грустно подумать, какъ неумолимо караетъ судьба великихъ дѣятелей, не-во-время появившихся на жизненномъ поприщѣ.

Адъюнктъ Харьковскаго унив.

П. ПЕТРОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1856 ГОДА.

VIII. Языкознаніе.

Въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности помѣщены слѣдующія статьи: *О приписанныхъ замѣткахъ въ древнихъ церковныхъ книгахъ*, И. И. Срезневскаго (вып. IV); *Поученіе Иларіона по харатейному списку Новороссійской Софійской библіотеки*, сообщ. И. К. Купріяновымъ (ibid.); *Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ*, А. Ѳ. Гильфердинга (ibid.); 2-е *Продолженія Болгарскаго словаря*, Н. Герова (ibid.); 12-е, 13-е, 14-е и 15-е *Продолженіе Санскрито-Русскаго словаря*, К. А. Коссовича (вып. IV, V, VI и VII); *Еще нѣсколько словъ о канонѣ св. Вечеславу*, И. И. Срезневскаго (вып. V); 9-й *отчетъ кандидата С. П. Микуцкаго* (ibid.); *Продолженіе Церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова (ibid. и вып. VI); *О словарѣ Русскихъ синонимъ*, И. И. Давыдова (вып. VI и VII); *Программа путешествія кандидата Микуцкаго* (вып. VI); *Извѣстіе о Супрасльской рукописи XI вѣка*, А. Ѳ. Бычкова (ibid.); *Акты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ XV вѣка*, М. А. Коркунова (вып. VII).

— «О словарѣ Русскихъ синонимъ.» — Въ этой статьѣ, для опыта объясненія синонимъ, авторъ, во-1-хъ, изложилъ понятія свои о значеніи синонимъ; во-2-хъ, исчислилъ лучшихъ авторовъ по этому предмету какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ, и въ 3-хъ, представилъ нѣсколько примѣровъ Русскихъ синонимъ, изъясненныхъ по идеѣ, взятой имъ въ основаніе. Вотъ понятія автора о

значеніи синонимъ: «Слово человѣческое — говоритъ онъ — служитъ выраженіемъ двухъ міровъ: физическаго или видимаго, и духовнаго или внутренняго. Оттого каждый языкъ состоитъ изъ двухъ родовъ реченій: одни соотвѣтствуютъ *представленіямъ*, другія означаютъ *понятія*. Названія видимыхъ предметовъ не могутъ быть принимаемы одни вмѣсто другихъ: потому-что представленія столь-же рѣзко различаются между собою, какъ и самые предметы, ими выражаемые. Посему слова ремеслъ, искусствъ, естественныхъ наукъ точны и опредѣленны: въ этомъ разрядѣ реченій не должно искать синонимъ. Здѣсь встрѣчаются различныя названія для одного и того-же предмета; но это или областныя реченія, или заимствованныя изъ соплеменныхъ и другихъ иностранныхъ нарѣчій, а отнюдь не синонимы. Таковы наприм. слова: *око* и *глазъ*, *конь* и *лошадь*, *сабля* и *шашка*, *житіе* и *жизнь*, *ароматъ* и *благовоніе*, *адресъ* и *надпись*, *плугъ* и *соха*, *уста* и *губы*, *ичиги* и *сапоги*, *голомя* и *давно*. Между областными словами находимъ мы дѣйствительно такія, которыя или уклонилось отъ нормальнаго употребленія, нерѣдко въ искаженномъ видѣ, или иноземныя, заимствованныя отъ сосѣдственныхъ инородцевъ, или принадлежавшія нѣкогда къ общему языку народа, впослѣдствіи времени раздѣлившемуся на разныя нарѣчія. Подобныя особенности языка могутъ свидѣтельствовать о сближеніяхъ одного народа или племени съ другимъ народомъ или племенемъ и о переселеніяхъ изъ одного края въ другой; но въ литературномъ отношеніи они не служатъ ни къ обогащенію, ни къ украшенію языка. Изъ нихъ драгоцѣнны лишь тѣ, которыя уцѣлѣли въ народѣ вмѣстѣ съ пѣснью, сказкой, пословицей. Совершенно иное свойство встрѣчаемъ мы въ словахъ міра внутренняго, или служащихъ выраженіемъ понятій. Тутъ многія реченія кажутся съ перваго взгляда тожественными, тогда-какъ они только сродныя по значенію, *подобнозначащія* (συνώνυμα). Свойство этого рода словъ таково, что они, будучи сходны между собою, какъ братья въ общемъ понятіи, отличаются одно отъ другаго какою-нибудь *особенностью*. Этотъ внутренній міръ словъ собственно заключаетъ въ себѣ такъ-называемыя синонимы. Названіе *сослововъ*, придаваемое нѣкоторыми синонимамъ, неправильно. Предлогъ *со*, присоединяемый къ различнымъ частямъ рѣчи, показываетъ равенство или тожество лица, вещи, дѣйствія, напр. *сочленъ*, *собратъ*, *соплеменный*, *содѣйствіе*. Но синонимы не представляютъ ни равенства, ни тожества словъ въ отношеніи къ ихъ

значенію. Очевидно, что это буквальный переводъ Греческаго слова, не выражающій самаго смысла. Какія-же слова принадлежатъ къ области синонимъ и какъ они объясняются? — Изъ предыдущаго явствуетъ, что сюда относятся собственно реченія, имѣющія хотя различныя значенія, однако сходныя между собою и одно къ другому близкія. Но, при близкомъ сходствѣ понятій, различеніе ихъ выраженій бываетъ затруднительно, и единственное средство найти оттѣнки ихъ — состоитъ *въ опредѣленіи*, или логическомъ разложеніи понятій на *роды* и *виды*. Признаки въ понятіяхъ тѣмъ труднѣе опредѣляются, чѣмъ они болѣе сходны между собою. Разложивъ понятія на роды и виды, иногда мы встрѣчаемъ новое затрудненіе въ показаніи отличій подобнозначащихъ реченій, происходящее отъ понятій *подчиненныхъ* и *соподчиненныхъ*. Такъ напр. реченія: *геній* и *умъ* легко различаются; но весьма трудно опредѣлить оттѣнки различныхъ степеней умственной дѣятельности, каковы: *разумъ*, *разсудокъ*, *смыслъ*, *понимание*. Пособіемъ при опредѣленіи подобнозначающихъ слово могутъ служить *корни*, хотя также не всегда удовлетворительно. Многія слова столько отдалились отъ первоначальныхъ, коренныхъ значеній своихъ, что нимало не походятъ на нихъ, и лишь только постепенный, аналогическій переходъ отъ одного значенія къ другому открываетъ сродство послѣдняго значенія съ кореннымъ. Какое напр. съ перваго взгляда сходство между словами *лукавый* и *лукъ?* Но дѣйствительно реченія: *излучина*, *излучистый*, *лукоморье*, *лукавый*, при внимательнѣйшемъ соображеніи, представляютъ сродство и принадлежатъ къ одному корню: *лукъ*. *Созерцаніе*, по происхожденію, родственно съ понятіемъ зрѣнія; въ переносномъ-же значеніи — съ понятіемъ *мышленія*. *Слѣдовать*, по одному значенію, относится къ понятію *идти по чьимъ-либо слѣдамъ*, по другому — къ понятію *одинаково мыслить*. Въ сомнительныхъ случаяхъ, народное употребленіе и писатели должны служить руководителя при подобныхъ объясненіяхъ.» Что-же касается до порядка, въ какомъ удобнѣе излагать объясненія синонимъ, то авторъ полагаетъ, что всего лучше группировать ихъ по роду понятій, каковы напр. душевныя способности, нравственныя чувствованія: воля, желанія, страсти, хотѣніе, вожделѣніе, жадность, алчность, или безпокойство, мученіе, досада, огорченіе, скорбь, горесть, печаль, грусть, уныніе и т. п. Такому расположенію И. И. Давыдовъ отдаетъ преимущество предъ порядкомъ азбучнымъ по той причинѣ, что

оно доставляетъ возможность видѣть въ одномъ отдѣлѣ полное развитіе однородныхъ понятій.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, къ области языкознанія принадлежатъ: *О Словѣ Даніила Заточника*, П. А. Безсонова (Москв. № 7 и 8); *О преподаваніи Русскаго языка и словесности.* (Замѣтки на статью г. Греча, въ № 7-мъ Морскаго Сборника), Ѳ. И. Буслаева (От. Зап. № 12); *Нѣсколько словъ о Русскомъ переводѣ Гораціевыхъ одъ А. А. Фета*, С. Д. Шестакова (Русск. Вѣст. № 24); *Новая редакція Даніила Заточника.* Открытіе В. М. Ундольскаго (Русск. Бес. № 2); *Филологическія письма къ М. П. Погодину*, М. А. Максимовича (ibid. № 3); *Отвѣтъ на эти письма*, М. П. Погодина (ibid. № 4); *Записка о книгѣ: Разсмотрѣніе «Опыта общесравнительной грамматики Русскаго языка»* (С. Пб. Вѣд. № 263 и 264); *Мнѣніе о статьѣ г. Греча: Замѣтки о преподаваніи Русскаго языка и словесности*, І. А. Галахова (ibid. № 266—268); *О языкѣ Вотяковъ* (Русск. Инв. № 208); *Гоненіе на нѣкоторыя Русскія буквы*, Григорія Книжника (Моск. Вѣд. № 92).

— «О Словѣ Даніила Заточника.» — «*Слово о Даніила Заточника*» напечатано было въ первый разъ Н. М. Карамзинымъ въ «Исторія государства Россійскаго», въ прибавленіяхъ къ VIII т. (2-изд., стр. 150—155), съ нѣкоторыми выпусками, по списку, доставленному К. Ѳ. Калайдовичемъ; рукопись, въ которой оно помѣщалось, принадлежала тогда Московскому купцу А. С. Шульгину и заключала въ себѣ, въ числѣ многихъ отрывковъ духовнаго содержанія, нѣсколько словъ Іосифа Волоцкаго на еретиковъ Новгородскихъ; ея скоропись указывала на конецъ XVI или начало XVII вѣка; исторіографъ прибавилъ нѣсколько разнорѣчій изъ какого-то другаго списка, ему извѣстнаго. Потомъ та-же самая рукопись перешла въ библіотеку гр. Толстаго и отсюда уже напечатана была Калайдовичемъ въ «Памятникахъ XII вѣка (1821)», съ нѣсколькими лучшими измѣненіями чтенія и съ повтореніемъ Карамзинскихъ разнорѣчій: это было первое изданіе полнаго текста. Въ третій разъ напечаталъ «Слово» И. П. Сахаровъ въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», по списку, сообщенному И. П. Морозовымъ, но безъ всякихъ почти измѣненій противъ первопечатнаго (вѣроятно, того-же вѣка была и рукопись). Всѣ три поименованные списка представляютъ собою образецъ *одного извода* (одной редакціи). *Другаго извода*, во многомъ отличнаго, «Слово», нынѣ напечатанное. Руко-

ниeв, изъ которой оно взято, содержитъ въ себѣ: 1) «Пчелу»; 2) «*Данила Заточника моление к своему князю Ярославу Всеволодовичю*»; 3) «Святаго и славнаго и всехвальнаго первомученика и архидіякона Стеѳана (житіе)». Прекрасная, четкая и своеобразная скоропись конца XV вѣка, въ осьмушку. *Третій изводъ* есть собственно передѣлка и сокращеніе предыдущаго: это «*Слово Данила Заточника*», напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г., томъ XXII, смѣсь, стр. 57—59) гр. Д. Толстымъ, изъ принадлежащаго ему сборника, писаннаго скорописью первой половины XVII вѣка. Каждый изъ трехъ изводовъ, различаясь болѣе или менѣе содержаніемъ, различается и заглавіемъ. По старшинству вѣка рукописей мы получаемъ для памятника нашего *три разряда*, коимъ соотвѣтствуютъ и три различія изводовъ: *разрядъ первый* — нынѣ напечатанный памятникъ конца XV вѣка; *второй* — три списка одного извода (Карамзинскій, Калайдовичевъ и Сахаровскій), конца XVI или начала XVII вѣка; *третій* — списокъ (Толстовскій) первой половины XVII вѣка. Авторъ въ настоящей статьѣ предложилъ себѣ задачу — опредѣлить сходство и различіе разрядовъ, по рукописямъ и изводамъ; тѣмъ самымъ представить читателю текстъ памятника въ полнотѣ, освобождая отъ труда справляться въ томъ или другомъ печатномъ изданіи; разбирая текстъ, способствовать уясненію начала, происхожденія и значенія памятника; къ одному средоточію свести главнѣйшія и существенныя показанія другихъ ученыхъ, подвергавшихъ памятникъ изслѣдованію; присоединить собственныя положительныя данныя и болѣе-менѣе вѣроятныя предположенія. Всѣ эти вопросы разрѣшены авторомъ добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла.

IX. Теорія словесности и критика.

Изъ статей по отдѣлу критики замѣчательны явившіяся по поводу выхода въ свѣтъ слѣдующихъ сочиненій: *Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленныя изъ воспоминаній его друзей и изъ его собственныхъ писемъ* (Библ. для Чт. № 8); *Сочиненія Т. Н. Грановскаго* (ibid. № 10); *Чиновникъ. Комедія гр. Соллогуба*. Ст. Н. Ф. Павлова (Русск. Вѣстн. № 14); *Были и небылицы. Соч. Императрицы Екатерины II*. Ст. А. Д. Галахова (Отеч. Зап. № 10).

Къ теоріи словесности принадлежитъ статья: *О правдѣ и искренности въ искусствѣ*, А. А. Григорьева (Русс. Бес. № 3). Статья эта не безъ достоинствъ и хорошо составлена.

X. Исторія литературы.

Извѣстія Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности содержатъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Даніилъ, митрополитъ Московскій*, И. Д. Бѣляева (вып. IV); *Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, какъ писатель*, преосв. Макарія, епископа Винницкаго (нынѣ Тамбовскаго) (вып. V); *Замѣчанія на статью П. М. Строева*, В. И. Собольщикова (ibid.); *Еще замѣтка о твореніяхъ св. Кирилла, епископа Туровскаго*, И. И. Срезневскаго (вып. VI); *Русскій библіографическій указатель за* 1855 *годъ*, составл. П П. Ламбинымъ (ibid.); *Акты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ XV вѣка*, М. А. Коркунова (вып. VII); *Историческій очеркъ Софійской библіотеки*, составл. И. К. Купріяновымъ (ibid.).

— «Даніилъ, митрополитъ Московскій.» — «Даніилъ, по прозванію Рязанецъ, вѣроятно, Рязанскій уроженецъ, былъ ученикомъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, и еще при жизни Іосифа былъ избранъ братіею въ его преемники, на игуменство въ Волоколамскомъ монастырѣ. Время, въ которое жилъ Даніилъ, было самое смутное; движеніе и шатаніе умовъ въ западной Европѣ, породившее и сопровождавшее реформацію, сообщилось и Россіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; и на Руси явились люди, сочувствовавшіе Европейскому движенію и недовольные современнымъ имъ порядкомъ вещей въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ и въ церкви. Даже само правительство, вводя новые порядки въ только-что присоединенныхъ къ Москвѣ удѣлахъ, нѣкоторымъ образомъ, хотя отрицательно, способствовало этому новому движенію, и при вел. кн. Василіѣ Іоанновичѣ нѣкоторое время, кажется, находило нужнымъ дать новый порядокъ и церковнымъ уставамъ; такъ изъ дѣла о Максимѣ Грекѣ мы знаемъ, что современникъ его старецъ Вассіанъ, сынъ князя Ивана Юрьева Патрикѣевича, писалъ церковные уставы или правила и подалъ ихъ вел. кн. Василію Іоанновичу. Это, вѣроятно, была попытка исправленія церковныхъ правилъ, предварившая стоглавый соборъ 1551 года, но, очевидно, не имѣвшая успѣха: ибо, по свидѣтельству того-же дѣла о Ма-

ксинѣ, Вассіановы кровила остались у великаго князя въ казнѣ, и на соборѣ 1531 г., бывшемъ противъ старца Вассіана, были отвергнуты и признаны еретическими и противными уставамъ церковнымъ. Митрополитъ Даніилъ, ревностный ученикъ Іосифа Волоколамскаго, главнѣйшаго противника ереси жидовствующихъ и ихъ послѣдователей, естественно, не могъ жить въ согласіи съ тогдашними приверженцами западнаго движенія. Одно имя Іосифлянина поднимало въ нихъ желчь и возбуждало къ ненависти. Разводъ великаго князя съ первою своею супругою Соломоніею и второй бракъ съ Еленою Глинскою Даніиловымъ врагамъ послужили предлогомъ съ сильнымъ нападеніямъ и клеветамъ. Даніилъ въ этомъ дѣлѣ принялъ сторону великаго князя: знавши двадцатишестилѣтнее неплодство Соломоніи и предвидя безпорядки, которые произойдутъ въ государствѣ по смерти бездѣтнаго великаго князя, онъ рѣшился отступить отъ церковныхъ правилъ, уступая настоятельной нуждѣ государственной, и согласился на разводъ великаго князя съ Соломоніею и самъ вѣнчалъ его вторымъ бракомъ; враги-же Даніиловы, явные нарушители и поругатели церковныхъ правилъ, предводимые дерзкимъ вольнодумцемъ княземъ старцемъ Вассіаномъ, объявили себя защитникомъ церковныхъ уставовъ относительно развода, провозгласили Даніила льстецомъ, человѣкоугодникомъ и даже развратителемъ. Они успѣли привлечь на свою сторону и Максима Грека. Заточеніе Максима было самымъ блестящимъ торжествомъ для враговъ Даніиловыхъ. И должно сказать, что враги Даніиловы не были скупы ни на клеветы, ни на ругательства; они преслѣдовали его даже и тогда, когда онъ уже умеръ: такъ напр. князь Курбскій прямо говоритъ, что Максимъ пострадалъ «по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и отъ вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ.» А при жизни всѣмъ и каждому чернили его, даже пріѣзжимъ иностранцамъ: такъ они увѣряли Герберштейна, что Даніилъ преданъ обжорству и пьянству, и, чтобы показаться предъ людьми постнымъ, неиначе выходитъ въ общество, какъ наведши на лицо блѣдность посредствомъ сѣрнаго дыма. Впрочемъ, пока былъ живъ вел. кн. Василій Іоанновичъ и его супруга Елена, высоко цѣнившіе заслуги Даніила и питавшіе къ нему сильную довѣренность, всѣ клеветы и сплетни, разсѣеваемыя Даніиловыми врагами, не имѣли успѣха; Даніилъ былъ твердъ на своемъ святительскомъ престолѣ, управлялъ церковію съ непоколебимою строгостію, и не робѣлъ пе-

редъ врагами, хотя, придерживаясь строго церковныхъ правилъ, и не рѣшалъ дѣлъ иначе, какъ по соборнымъ опредѣленіямъ, — что, конечно, было особенно необходимо по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Но когда скончался вел. кн. Василій Іоанновичъ, а потомъ и супруга его, то враги не замедлили возстать на Даніила, и въ первой-же боярской смутѣ, когда князья Шуйскіе захватили кормило правленія, онъ принужденъ былъ оставить святительскій престолъ и сосланъ въ Іосифовъ монастырь; враги даже принудили его дать запись, по которой онъ будто-бы добровольно отказывается отъ престола, находя себя неспособнымъ. Даніилъ, упрекаемый врагами въ невниманіи къ пастырскому учительству, на самомъ дѣлѣ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ учителей нашей церкви. После него намъ осталось нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ; посланій сихъ и теперь хранится цѣлый сборникъ въ Императорской публичной библіотекѣ, и сверхъ того нѣсколько посланій имѣется въ разныхъ сборникахъ въ библіотекѣ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, и большой сборникъ поученій или словъ находится въ библіотекѣ Московской духовной академіи; изъ послѣдняго сборника ясно видно, что митрополитъ Даніилъ въ своихъ поученіяхъ отзывался на всѣ современные ему вопросы, и внимательно смотрѣлъ за жизнію своихъ современниковъ, такъ-что его поученія служатъ живымъ изображеніемъ многихъ обычаевъ Московскаго общества въ началѣ XVI вѣка. Даніилъ особенно сильно и настойчиво преслѣдовалъ вольнодумство и непокорность церковнымъ правиламъ; почти нѣтъ поученія, въ которомъ-бы онъ не касался сего предмета; ясно, что это былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ недуговъ того времени».

— «Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, какъ писатель.» — «Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей древней литературы, если не самое первое, какъ по достоинству своихъ произведеній, такъ по количеству ихъ и разнообразію. Между современниками и ближайшими потомками, онъ пользовался величайшею славою и народностію: древній жизнеописатель называетъ его вторымъ златословеснымъ учителемъ, «паче всѣхъ», въ Россіи возсіявшимъ, и упоминаетъ о «множайшихъ» его сочиненіяхъ, которыя онъ предалъ церкви и которыми просвѣтилъ всѣ концы Россійскіе. Въ рукописныхъ сборникахъ проповѣдей, начиная съ XIII вѣка, творенія св. Кирилла помѣщались на-ряду съ твореніями знаменитѣйшихъ ораторовъ христіан-

скаго міра: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и потомъ читались въ церквахъ для поученія народа. Новѣйшія наши изслѣдователи и историки обратили справедливое вниманіе на произведенія святителя Туровскаго. Незабвенный Калайдовичъ первый извлекъ изъ мрака библіотекъ и издалъ въ свѣтъ пятьнадцать статей этого святителя въ «Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка», сообщивъ въ предисловіи свѣдѣнія какъ о писателѣ, такъ и о достоинствѣ его писаній. Проф. Шевыревъ въ своей «Исторіи Русской словесности», еще глубже вникъ въ духъ его проповѣдей и подробнѣе опредѣлилъ характеръ его произведеній, представивъ анализъ трехъ изъ нихъ, болѣе замѣчательныхъ. Преосвященный Филаретъ въ «Исторіи Русской церкви» и проф. Соловьевъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» высказали хотя краткія, но весьма меткія замѣчанія о тѣхъ-же произведеніяхъ. Другіе любители отечественной словесности стараются отыскивать и издавать въ свѣтъ новые списки твореній св. Кирилла Туровскаго или даже новыя его творенія, доселѣ остававшіяся въ неизвѣстности. Въ настоящей статьѣ преосвященный Макарій обозрѣлъ, по-возможности, всѣ извѣстныя и доступныя ему сочиненія св. Кирилла, какъ изданныя въ печати, такъ и неизданныя; опредѣлилъ, какія сочиненія его не дошли до насъ и какія несправедливо ему приписываются, и показалъ частныя, отличительныя свойства подлинныхъ его сочиненій. Вотъ краткій отзывъ достопочтеннаго автора о подлинныхъ сочиненіяхъ св. Кирилла Туровскаго: «Въ проповѣдяхъ св. Кирилла преобладаетъ воображеніе и духовная поэзія; въ статьяхъ, обращенныхъ къ инокамъ, виднѣе мысль, подъ сильнымъ однакожь вліяніемъ воображенія и фантазіи; молитвы и канонъ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ. По самому изложенію — въ первыхъ болѣе витіеватости, искусственности, риторизма; во вторыхъ всѣ эти недостатки замѣтно ослабѣваютъ; третьи почти вездѣ запечатлѣны естественностію и простотою. И, кажется, не будетъ несправедливости, если на высшемъ мѣстѣ по достоинству поставить молитвы св. Кирилла, на среднемъ — статьи его къ инокамъ и на низшемъ — его церковныя поученія. Современники и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть святителя Туровскаго Русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы его сочиненія равнялись по достоинству и характеру съ твореніями древняго златоустаго учителя, а въ томъ, что

св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Изъ всѣхъ писателей Русской церкви, жившихъ въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, можно указать на одного только митрополита Иларіона, котораго, по нашему мнѣнію, не превосходилъ св. Кириллъ своими талантами и образованіемъ, хотя и превзошелъ количествомъ сочиненій. Главныя, отличительныя свойства святителя Туровскаго, какъ писателя: живое, плодовитое, неистощимое воображеніе; мягкое, доброе, воспріимчивое чувство; легкій, свободный, витіеватый языкъ. А въ твореніяхъ митрополита Иларіона находимъ болѣе твердый и обширный умъ, болѣе зрѣлости и послѣдовательности въ мысляхъ, болѣе точности и правильности въ выраженіяхъ и, по мѣстамъ, самое высокое и истинно-ораторское одушевленіе.»

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ матеріаламъ исторіи отечественной литературы принадлежатъ слѣдующія статьи: *Критика Гоголевскаго періода Русской литературы и наши къ ней отношенія*, Редактора Дружинина (Библ. для чт. № 11 и 12); *Очерки Гоголевскаго періода Русской литературы* (Совр. № 7, 9, 10, 11 и 12); *Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. Изд. кн. Дашковой и Екатерины II.* 1783—1784. Лайбова. (ibid № 8 и 9); *О миѳическомъ значеніи Горя Злощастія* (ibid. № 10); *Библіографическія записки*, Мих. Лонгинова (Совр. ibid. № 8 и 11); *Записки о жизни Н. В. Гоголя*. Ст. П. Е. Б—ва (От. Зап. № 9 и 11); *Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей*, А. Н. Егунова (ibid. № 10 и 11); *Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя*, А. Т. Т—ва (ibid. № 12); *Повѣсть о горѣ и злощастіи, какъ горе-злощастіе довело молодца въ иноческій чинъ. Древнее стихотвореніе.* Ѳ. И. Буслаева (Русск. Вѣст. № 13 и 14); *Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ*, М. С. (ibid. № 21); *Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ характеристикѣ Кольцова*, М. Н. Каткова (ibid.); *О народномъ образованіи*, Ю. Ѳ. Самарина (Русск. Бес. № 2); *Еще нѣсколько словъ о Русскомъ воззрѣніи*, К. С. Аксакова (ibid.); *Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій* (ibid. № 4); *Богатыри временъ великаго князя Владиміра, по Русскимъ пѣснямъ*, К. С. Аксакова (ibid. № 4); *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ*, В. В. Григорьева (ibid. № 3 и 4); *Максимъ Ивановичъ Невзоровъ*, П. А. Безсонова (ibid. № 3); *М. П. Бибиковъ* (ibid. № 4); *Историческій очеркъ Русскаго прозаическаго романа*, Г. Благосвѣтлова (Сынъ От. № 28, 31 и 38); *Помміанъ Песаровіусъ, основаніе и первые шаги военной газеты «Рус-*

скій Инвалидъ», Лебедева (Русск. Инв. № 144); *Матеріалы для словаря Русскихъ писателей. Пушкинъ* (1799—1837), Сергѣя Полторацкаго (Сѣв. пч. № 158); *Поясненія къ библіографическимъ запискамъ г. Лонгинова*, К. П. (ibid. № 182); *Открытыя письма* (ibid. № 202, 214, 251); *Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ*, А. Афанасьева (Моск. Вѣд. № 80, 83 и 84); *Къ воспоминанію о Н. И. Надеждинѣ*, Н. Лавровскаго (ibid. № 81); *Столѣтіе Московскихъ вѣдомостей* (ibid. № 87, 101, 149, 155); *Библіографическая замѣтка*, М. Полуденскаго (ibid. № 90); *Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ* (ibid. № 91); *Замѣтка по поводу статьи г. Афанасьева: «О сатирическихъ изданіяхъ девяностыхъ годовъ»* (ibid. № 119); *Взглядъ на старинную Русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ*, С—та (ibid. № 132, 135, 137 и 156); *Замѣтка по поводу этой статьи*, Н. Попова (ibid. № 137); *Замѣтка для будущихъ издателей сочиненій Пушкина*, М. Лонгинова (ibid № 153); *Неизданныя сочиненія Н. И. Надеждина* (Вѣст. Русск. геогр. общ. кн. 6).

— «Богатыри в. к. Владиміра по Русскимъ пѣснямъ». — «Преданіе о богатыряхъ и времени Владиміровомъ находится въ пѣсняхъ и сказкахъ, отчасти изданныхъ, отчасти записанныхъ, а отчасти живущихъ только въ устахъ народа. Общая поэтическая словесная форма этихъ сказаній о богатыряхъ есть пѣсня. Но Русская наша пѣсня такая стихотворная форма, которую сами мы еще не довольно себѣ объяснили. Наша Русская пѣсня (т. е. народная) не есть опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющагося отъ прозы. Между Русскою прозою и Русскимъ стихомъ нѣтъ ярко-проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. Отдѣльной, заранѣе готовой стихотворной формы, въ которую можно было-бы отливать слова, нѣтъ у насъ. Слово само должно отдѣляться отъ обыденной рѣчи непоэтической, называемой прозой, и давать себѣ прямую гармоническую форму, доходить до стиха; такъ что процессъ образованія поэтической рѣчи или стиха совершается тутъ-же, и стихъ возникаетъ изъ прозы, какъ скоро поэтическая сила вдохновенія подымаетъ слово. Богатырскія пѣсни, очевидно, принадлежатъ къ древнему періоду нашей исторіи; вѣроятно, были онѣ пѣты, если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Языкъ и строй этихъ пѣсенъ во многомъ различается отъ пѣсенъ Новгородскихъ или отъ пѣсенъ Іоаннова времени; при сравненіи ихъ, живо чув-

ствуешь, что пѣсни Владиміровы древнѣе и по содержанію и по изложенію. Время, конечно, имѣло на нихъ свое дѣйствіе, оно нанесло многое на нихъ, и многое прилипло къ нимъ; встрѣчается много анахронизмовъ, но объяснить ихъ не трудно. Народъ, продолжая пѣть старыя пѣсни о битвахъ богатырскихъ съ врагами, былъ тревожимъ новыми врагами, вызывавшими его на новыя битвы. Образы этихъ новыхъ враговъ замѣняли въ его воображеніи образы враговъ древнихъ. Такъ Татары заступили въ пѣсняхъ мѣсто Печенѣговъ и Казаръ; такъ вольное и радостное положеніе великаго князя Кіевскаго Владиміра, сохраняющееся въ пѣсняхъ, смущается послѣдующими отношеніями князей Русскихъ къ Ордѣ. Кромѣ слѣдовъ общихъ историческихъ событій, отдѣльныя понятія и свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя съ теченіемъ времени, примыкаютъ къ этому самородку народной поэзіи. Такъ сюда входятъ названія Черкесъ Пятигорскихъ, Долгополой Сорочины, Чюкчей, Алюторъ. Такъ послѣ копья Мурзамецкаго, послѣ Аравитскаго золота, являются желѣза Нѣмецкія, и наконецъ говорится о Нѣмецкихъ трубкахъ, объ игрѣ въ шахматы; Ильѣ Муромцу часто придается названіе козака: очевидно, наростъ отъ казацкой эпохи. Что касается до собственныхъ именъ, то многія, безъ сомнѣнія, замѣнены именами позднѣйшими. Настасья, Афросинья Королевишны, король Золотой Орды Этмануйлъ Этмануйловичъ и проч. и проч. все это, вѣроятно, называлось иначе; но самыя эти несообразности скорѣе доказываютъ древность и подлинность произведенія, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ характеръ историческій; испытующее созерцаніе отдѣляетъ все, неловко приставшее къ древнимъ пѣснямъ; эти позднѣйшіе наросты доказываютъ только, что пѣсни продолжали пѣться и въ позднѣйшее время. Сказочный міръ дней Владиміровыхъ является въ отдѣльныхъ пѣсняхъ о томъ или другомъ богатырѣ или знаменитомъ мужѣ, о томъ или другомъ подвигѣ или событіи; утвердительно можно сказать, что эти пѣсни не дошли до насъ во всей полнотѣ; иная пѣсня очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была, можетъ быть, цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости. Но во всякомъ случаѣ видно и теперь, что всѣ эти разсказы составляютъ одно живое цѣлое; они соединены между собою не однимъ какимъ-либо великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя, а жизнію, единствомъ жизни; это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнію, весь ею про-

никнутый. Такимъ образомъ передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самимъ существомъ Русской земли. Мы не видимъ въ ней могущественно-движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ, передъ нами другой образъ,—образъ жизни, волнующейся сама въ себѣ и не стремящейся въ какую-нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно, праздничный, полный веселія, образъ Русской общины. Этимъ духомъ проникнуто, этимъ образомъ запечатлѣно все, что идетъ отъ Русской земли; такова сама наша пѣсня, таковъ напѣвъ ея, таковъ строй земли нашей. Если говорить о сравненіяхъ, то не рѣка, текущая куда-нибудь въ своихъ берегахъ, можетъ служить намъ эмблеммою, а волнующійся, со всѣхъ сторонъ открытый, безбрежный океанъ-море. Таковъ въ особенности міръ Владиміровыхъ пѣсенъ; въ этомъ мірѣ играетъ и тѣшитъ себя молодая, еще никуда событіями не направленная сила. Пиры Владиміровы давно прошли; грознымъ испытаніямъ подверглась богатырская Русская сила, но она не сокрушилась; она просторно раздвинула себѣ границы и пугаетъ не-хотя своихъ сосѣдей. Широко раздолье по всей землѣ, нѣкогда сказала она, и недаромъ, по тремъ частямъ свѣта раскинулась Россія. Но далеко еще не кончились подвиги Русской силы; не только матеріальные, но и нравственные подвиги предлежатъ ей. Теперь обратимся къ народной нашей эпопеѣ... и вотъ, властію народнаго долговѣчнаго слова, передъ нами возникаютъ во всей жизни: Кіевъ, пиры безконечные и могучіе витязи, собравшіеся вокругъ в. к. Владиміра. Много ихъ сидитъ на богатырской скамьѣ; не по аристократическому праву породы занимаютъ они это почетное мѣсто. Аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси. На богатырской скамьѣ сидитъ и Ставря, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ сынъ гостя (купца), и наконецъ Илья Муромецъ крестьянинъ. Всѣмъ имъ ровный почетъ. Дворъ князя Владиміра всегда открытъ: на дворѣ его княженецкомъ врыты дубовые столбы, въ столбы ввернуты булатныя кольца. Пріѣзжаетъ богатырь, привязываетъ ретиваго коня къ булатному кольцу, потомъ идетъ въ свѣтлую гридню молиться Спасову образу, кланяется князю со княгинею, и на всѣ четыре стороны. Великій князь спрашиваетъ богатыря о родѣ и племени, велитъ поднести или самъ подноситъ турій рогъ меду сладкаго. Богатырь выпиваетъ, садится на богатырскую скамью и пируетъ.

Середи пированья, въ тотъ часъ, когда день будетъ въ половину дня, будетъ пиръ въ полупирѣ, Владиміръ князь распотѣшится, ходитъ по своей гриднѣ, расчесываетъ черныя кудри и предлагаетъ подвиги богатырямъ. Одинъ изъ нихъ вызывается, выпиваетъ подносимую чашу, и тогда ѣдетъ въ дальній путь, на трудный подвигъ и прославляетъ вновь свою богатырскую силу». Очертивъ такимъ образомъ общій характеръ и содержаніе пѣсенъ о богатыряхъ временъ Владиміра, авторъ переходитъ къ изображенію характера нашей народной эпопеи, а за тѣмъ обрисовываетъ и личности богатырей современниковъ Владиміра, на основаніи пѣсенъ, начиная съ самого великаго князя. Главнымъ источникомъ для этой статьи служилъ автору сборникъ Русскихъ пѣсенъ, извѣстный подъ имени сборника Кирши Данилова.

— «Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ». — «Эти изданія явились продолжателями направленія, вызваннаго въ Русской литературѣ сатирическими журналами. Объемъ ихъ содержанія, впрочемъ, ограниченнѣе; обходя многіе изъ общественныхъ вопросовъ, поднятыхъ журналами Новиковскаго времени, сатирическія изданія девяностыхъ годовъ главнымъ образомъ осмѣиваютъ нравы моднаго свѣта, недостатки моднаго воспитанія и слѣпое пристрастіе къ Французскому языку и Французскимъ обычаямъ. Ту-же задачу преслѣдовали, какъ извѣстно, и періодическія изданія Крылова и Клушина (1789—1793); тотъ-же обличительный голосъ противъ мелочныхъ и крайнихъ сторонъ Французскаго вліянія долго слышался въ нашей литературѣ и съ особенною энергіей высказался въ сочиненіяхъ гр. Ростопчина и въ книгахъ различнаго содержанія, вышедшихъ въ 1812 г. и въ ближайшее къ этому достопамятному году время. Большая часть сатирическихъ изданій принадлежитъ перу Николая Страхова. Въ 1790—92 годахъ онъ выдавалъ небольшими книжками «Сатирическій вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдомаго числа, незнаемымъ сочинителемъ». Въ 1791 г. напечатаны имъ: «Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, нѣвестъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и проч. или иносказательныя для нихъ наставленія и совѣты, писанные сочи-

нителемъ сатирическаго вѣстника» и «Переписка моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ, пуговицъ и старозавѣтныхъ манекъ, кунташей, шлафоровъ, тѣлогрѣй и проч., «Нравственное и критическое сочиненіе, въ коемъ съ истинной стороны открыты нравы, образъ жизни и разныя смѣшныя и важныя сцены моднаго вѣка»; наконецъ въ 1793 г.—«Плачъ моды о изгнаніи модныхъ и дорогихъ товаровъ, писанной сочинителемъ Переписки Модъ». Подъ этими затѣйливыми заглавіями передавались сатирическія замѣтки въ тѣхъ искусственныхъ литературныхъ формахъ, какія придуманы были въ XVIII столѣтіи и долго удерживались силою привычки. «Сатирическій Вѣстникъ», постоянно удерживая форму газеты, печаталъ: письма отъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстъ, извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ щеголяхъ, игрокахъ, мотахъ и тому подобныхъ лицахъ, о привозѣ модныхъ товаровъ, о выходѣ небывалыхъ книгъ, брачный курсъ, объявленія о мнимомъ подрядѣ, наймѣ, продажѣ, вызовѣ» и все это съ примѣсью обычныхъ тому времени названій *Зальгалкиныхъ*, *Вертушкиныхъ*, *Промотовыхъ* и другихъ». Въ настоящей статьѣ авторъ останавливается на болѣе серьезныхъ и любопытныхъ указаніяхъ «Сатирическаго Вѣстника» и приводитъ выписки, которыя характеризуетъ какъ самое изданіе Страхова, такъ и нравы и обычаи тогдашняго общества.

Къ матеріаламъ для исторіи литературы иностранной принадлежатъ слѣдующія статьи: «*Ифигенія*» *Гёте*, В. Водовозова (Библ. для чт. № 9); *Пэйнъ Коллье́ръ, комментаторъ Шекспира, и новое важное открытіе, имъ сдѣланное* (ibid. № 11); *О послѣднемъ романѣ Корреръ-Белля.* Иногородн. подписчика (ibid. № 12); *Жизнь Жоржа Санда* (Совр. № 7 и 8); *Евгенія Туръ* (Русск. Вѣст. № 16); *Бальзакъ* (Соврем. № 9); *Англійскіе комики временъ реставраціи. Уичерлэ и Конгривъ.* Ст. Т. Б. Маколея (ibid.); *Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность*, Н. Г. Чернышевскаго (ibid. № 10, 11 и 12); *Мнѣніе Вольфа о томъ, какъ составились Гомеровы поэмы*, А. К. (Москв. № 5); Les Contemplations, *Виктора Гюго*, К. Штахеля (От. Зап. № 8); *Маккіавелли*, ст. Маколея (ibid. № 10); *Маколей о лордѣ Байронѣ* (Русск. Вѣстн. № 19); *Новости Польской литературы*, П. П. Дубровскаго (ibid. № 22); *Горацій и его оды*, И. Знаменскаго (Сынъ От. № 5 и 6); *Фениморъ Куперъ.* Ст. Жоржа Зан-

да (ibid. № 38); *Простонародная литература въ Англіи* (Русск. Инв. № 200); *Гёте, какъ директоръ театра* (ibid. № 205); *Эдгаръ По* (ibid. № 238); *Стернъ.* Литературный этюдъ (ibid. № 278 и 279); *Журналистика въ Соединенныхъ Штатахъ* (Моск. Вѣд. № 85, 86 и 88); *Китайскіе романы* (ibid. № 90); *Сидни Смитъ.* Ст. Гильома Гизо (ibid. № 121 и 126); *Торквато Тассо* (ibid. № 148 и 150).

— «Пэйнъ Колльеръ, комментаторъ Шекспира, и новое важное открытіе, имъ сдѣланное».—«Пэйнъ Колльеръ—говоритъ авторъ—случайно купилъ изданіе Шекспира 1632 года, in-folio. Наружность книги не имѣла въ себѣ ничего много обѣщающаго. На старомъ кожаномъ переплетѣ значилось имя Р. Перкинса, выписанное старыми буквами; на другомъ листкѣ стояло имя какого-то Перри. По всей вѣроятности, книга провела много времени въ трактирахъ или лакейскихъ, между любителями, иногда собиравшимся кое-что прослушать изъ *Шекспира*, на страницахъ красовались пивныя и табачныя пятна, прожженныя диры со слѣдами свѣтиленъ отъ сальныхъ свѣчъ, листы книги были истерты и едва держались вмѣстѣ. Книга эта впослѣдствіи показывалась желающимъ; ее узналъ Перри, послѣдній ея владѣтель; по его отзыву, она у него пропала и таскалась неизвѣстно гдѣ. Не смотря на рукописныя замѣтки, которыми была испещрена книга, пріобрѣтенная Колльеромъ, самъ ея послѣдній пріобрѣтатель долгое время не обращалъ на нее вниманія. Только послѣ долгаго времени Колльеръ сталъ перелядывать сказанныя замѣтки и, просмотрѣвъ ихъ, исполнился невыразимымъ восторгомъ. Всѣ замѣтки, отъ первой до послѣдней, были писаны почеркомъ, очевидно показывавшимъ ихъ великую древность. Безъ опасенія можно было сказать, что онѣ были набросаны тотчасъ-же послѣ изданія книги! Всѣхъ замѣтокъ (а замѣтки эти были по большей части поправки текста) было до *двадцати тысячъ*, считая тутъ и мелочи, какъ-то: перестановки знаковъ препинанія, помарки ненужной буквы и т. д. Большая часть поправокъ этихъ уже вошла въ новыя изданія Шекспира, до Колльерова открытія, и оно понятно, ибо искаженія смысла легко исправлялись по догадкѣ; но въ весьма многихъ мѣстахъ экземпляра, принадлежащаго Колльеру, поправки *уясняли, возстановляли и измѣняли* текстъ Шекспира самымъ неожиданнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разумнымъ образомъ! Были еще двѣ особенности въ замѣткахъ. Во-первыхъ, часть пассажей была вычеркну-

та, съ очевидной цѣлію сокращенія драмъ и приспособленія ихъ къ сценѣ; во-вторыхъ, на поляхъ книги безпрестанно встрѣчались сценическія указанія для актеровъ, декораторовъ и т. д.—указанія подробныя, весьма интересныя сами по себѣ, а главное, ясно показывающія, что книга была въ рукахъ у артиста или театральнаго директора, близко знакомаго съ рукописами Шекспира, писанными для сцены. Двѣ книги издалъ Колльеръ, и онѣ разошлись съ крайнею быстротою: одна изъ нихъ заключала въ себѣ текстъ всего Шекспира, выправленный сообразно новымъ указаніямъ; вторая была занята простымъ изложеніемъ открытія и перепечаткою замѣтокъ, найденныхъ въ старомъ экземплярѣ 1632 года. Находка Колльера драгоцѣнна; ее необходимо имѣть въ виду при всѣхъ изданіяхъ и будущихъ переводовъ Шекспира: ибо она состоитъ изъ замѣтокъ, очевидно сдѣланныхъ или по рукописямъ самого поэта, или по какому-нибудь весьма тщательному, но, къ-сожалѣнію, не дошедшему до насъ списку съ его рукописей. Сообразивъ, что большая часть этихъ замѣчаній состоитъ въ исправленіи типографскихъ погрѣшностей, что многія изъ нихъ, угаданныя старательными комментаторами Шекспира, касаются ошибокъ очевидныхъ для глаза; что другія замѣчанія (и это самая важная часть аргумента) относятся къ подробностямъ текста, досихъ-поръ казавшимся ясными и не требующими поправокъ; что наконецъ весь трудъ неизвѣстнаго корректора сопровождался сценическими указаніями, совершенно сообразными съ преданіями Шекспирова времени, мы придемъ къ тому заключенію, что вся эта масса поправокъ, замѣтокъ и указаній *никакъ не можетъ быть трудомъ догадочнымъ, плодомъ досуга и остроумія какого-нибудь простаго читателя Шекспировыхъ твореній.* Шекспиръ въ 1632 г. не былъ въ понятіяхъ народа тѣмъ Шекспиромъ-геніемъ, какимъ онъ теперь для насъ существуетъ. *Догадочно* исправлять изданіе его твореній съ такой микроскопической тонкостью не сталъ-бы никто изъ тогдашнихъ біографовъ. Допустивъ однако, что въ старой Англіи нашелся такой корректоръ, мы приходимъ къ другому вопросу: для чего-же онъ выправлялъ слова и пассажи, повидимому совершенно понятные и не требующіе исправленія? Съ какой цѣлью онъ отбрасывалъ иныя слова, нисколько не портившія текста, и вставлялъ другія, прибранныя такъ, что чрезъ нихъ текстъ постоянно выигрывалъ? Какъ могъ одинъ человѣкъ, жившій такъ давно, *угадать* однимъ своимъ разумомъ часть попра-

вокъ, сдѣланныхъ въ наше время глубокими знатоками дѣла? Какъ могъ онъ, изъ своей головы, придумывать обороты и мысли достойные Шекспира, золотить чистое золото, прибавлять остроту, глубину, опредѣлительность къ поэзіи, не нуждавшейся ни въ какихъ повидимому опредѣленіяхъ? Выводъ нашъ таковъ: или мы ошибаемся самымъ изумительнымъ образомъ, *или предъ нами нѣкоторая часть подлиннаго Шекспирова текста»*. Въ настоящей статьѣ изложены и нѣкоторыя замѣтки съ Русскимъ переводомъ. По значенію своему, онѣ раздѣлены на нѣсколько отдѣловъ; система отдѣловъ заимствована изъ Edinbourgh Review.

— «Маколей о лордѣ Байронѣ».— Вотъ что говоритъ между прочимъ знаменитый историкъ о Байронѣ: «Байронъ былъ созданіемъ своего вѣка и не могъ быть ничѣмъ другимъ. При Карлѣ I, Байронъ усвоилъ-бы всѣ странности Донна; при Георгѣ I, монотонная плавность его версификаціи и гладкость выраженія возбуждали-бы зависть самого Попа. Но ему суждено было жить тринадцать лѣтъ въ XVIII и двадцать три года въ XIX вѣкѣ. Онъ принадлежалъ на-половину къ старой, на-половину къ новой школѣ поэзіи. Личный вкусъ увлекалъ его къ первой; жажда похвалы — ко второй; по талантамъ онъ былъ способенъ къ обѣимъ. Его слава была общимъ полемъ, на которомъ ревнители той и другой секты, напр. Гиффордъ и Шелли, могли-бы встрѣтиться. Онъ не представитель той или другой литературной партіи, но обѣихъ вмѣстѣ, ихъ борьбы и побѣды, которою окончилась борьба. Его поэзія наполняетъ и измѣряетъ весь обширный промежутокъ, черезъ который прошла вся Англійская литература со временъ Джонсона. Въ геніи Лорда Байрона не было ничего драматическаго. Онъ представляетъ совсѣмъ обратныя качества: всѣ его характеры похожи другъ на друга. Разница только въ лѣтахъ, положеніи и внѣшнемъ видѣ. Говоря безъ преувеличенія, Байронъ могъ изобразить только одного мужчину и одну женщину: мужчину гордаго, мрачнаго, циническаго, съ презрѣніемъ на челѣ и съ тоскою въ сердцѣ, мизантропа, неумолимаго въ мести, но способнаго къ глубокой и сильной симпатіи; женщину, чрезвычайно нѣжную и кроткую, любящую ласкать и получать ласки, но способную превратиться въ тигрицу подъ вліяніемъ страсти. Даже эти единственные характеры онъ не могъ обрисовать драматически. Онъ изображалъ ихъ, какъ Кларендонъ, а не какъ Шекспиръ. Онъ анализировалъ, позволялъ имъ самихъ себя анализировать, но не

высказываться. Любопытно замѣтить, что разговоръ у Байрона почти всегда теряетъ характеръ разговора и дѣлается монологомъ. Описаніе и дума—вотъ двѣ формы, которыми особенно отличался Байронъ. «Описаніе; сказалъ онъ въ Донъ-Жуанѣ, было его forte». Въ-самомъ-дѣлѣ, его манера оригинальна, почти несравненна: быстра, искусна въ обрисовкѣ, полна силы; выборъ всегда удаченъ; черты немногословны, но смѣлы. Пословица стараго Гезіода, что *половина нерѣдко бываетъ больше цѣлаго*, особенно прилагается къ описаніямъ. Поэтамъ слѣдовало-бы подражать политикѣ Голландцевъ, которые вырубили на островахъ Пряностей большую часть драгоцѣнныхъ деревьевъ, чтобы увеличить цѣнность остальныхъ. Этой политики никто не понималъ лучше Байрона. Какіе-бы ни были его недостатки, но онъ не отличался растянутостью до-тѣхъ-поръ, пока сохранялъ силу духа. Его описанія, какъ ни велико внутреннее ихъ достоинство, заимствуютъ главный интересъ отъ чувства, всегда соединеннаго съ ними. Онъ составлялъ самъ начало, средину и конецъ своей поэзіи, былъ героемъ каждаго разсказа, главнымъ предметомъ каждой картины. Гарольдъ, Лара, Манфредъ и многіе другіе характеры, по общему мнѣнію, не что иное, какъ самъ-же Байронъ инкогнито, и, кажется, Байронъ самъ желалъ, чтобы такъ думали. Ни одинъ писатель не повелѣвалъ такими массами краснорѣчія, насмѣшки, мизантропіи и отчаянія. Никакое искусство не могло усладить, никакія изліянія не могли истощить этихъ вѣчно-горькихъ водъ. Ни у кого нѣтъ такого разнообразія въ монотонности, какъ у Байрона. Отъ безумнаго смѣха до пронзительнаго плача онъ овладѣлъ всѣми нотами человѣческой скорби. Безпрестанно, каждый годъ, каждый мѣсяцъ повторялъ онъ, что быть несчастными суждено всѣмъ, что быть особенно несчастными предназначено лучшимъ, что всѣ волнующія насъ желанія ведутъ къ бѣдѣ, именно къ разочарованію или къ пресыщенію. Всѣ его герои пришли разными дорогами къ одному концу—къ отчаянію; они утомлены жизнію въ войнѣ съ обществомъ; ихъ, какъ Прометея на скалѣ, или сатану въ огнѣ, поддерживаетъ въ страданіи только непреклонная гордость; они одолѣваютъ свои мученія однимъ упорствомъ воли, и до конца враждуютъ со всѣми силами земли и неба».

XI. Изящная словесность.

Въ обозрѣваемый періодъ напечатаны слѣдующія стихотворенія:

Въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (Вып. V): *Ода на священное коронованіе и миропомазаніе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра втораго.*, Мих. Дмитріева; *Ода на священное коронованіе на царство Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра втораго*, С. Шевырева; *Царское слово,* его же; *На церковное строеніе*, кн. П. А. Вяземскаго; А. С. Хомякова: *Звѣзды, Вечерняя пѣснь, Ночь, Беззвѣздная полночь дышала прохладой, Какъ часто во мнѣ пробуждалась* и *Не гордись передъ Бѣлградомъ.*

Въ Библіотекѣ для чтенія: В. Курочкина: *Барышня* (изъ Беранже) (№ 7), *Тоска по родинѣ* (изъ Беранже) (№ 8), *Какъ въ наши лучшіе года* (№ 12), *Общій знакомый* (ibid.); Л. Мея: *Въ альбомъ* С. Г. П. (№ 8), *Еврейскія пѣсни* (№ 9) и *Вихорь* (№ 11); Н. Щербины: *Слово юношѣ* (№ 9), *Плачущей дѣвушкѣ* (ibid.), *Нимфа вьюги* (№ 11) и *Айлуда* (ibid.); Н. Некрасова: *Прекрасная партія* (№ 10), *Школьникъ* (ibid.) и *Прости* (ibid.); А. Фета: *Въ альбомъ*, Е. П. К—у (ibid.) и *На лодкѣ* (ibid.); А. Майкова: *Журавли* (№ 11) и *Ласточки* (№ 12); Я. Полонскаго: *На пути изъ гостей* (ibid.); Н. Гербеля: *Дума,* съ Малороссійскаго (ibid.).

Въ Современникѣ: А. А. Фета: *Германъ и Доротея.* Поэма Гёте. Перев. (№ 7), *Ивы и березы* (№ 9), *Послѣднее слово* (№ 10), *Отвѣтъ И. С. Тургеневу* (№ 11) и *Вечеръ у взморья* (ibid.); А. Жемчужникова: Septuor *Бетховена* (№ 7); Н. А. Некрасова: *Секретъ.* Опытъ современной баллады (№ 8), *Сознаніе* (ibid), *Какъ ты кротка, какъ ты послушна!* (ibid.), *Я посѣтилъ твое кладбище* (№ 9), *Самодовольныхъ болтуновъ* (ibid.), *Давно отвергнутый тобою* (ibid.) и *Прощай! завидую тебѣ* (№ 10); А. Н. Струговщикова: *Фаустъ.* Трагедія Гёте. Перев. (ibid.) и *Волнуется море* (№ 11); графа А. К. Толстаго: *Крымскіе очерки* (ibid.); В. М. Павлова: *Намъ говорятъ, что міръ земной* (ibid.) и *Къ Мефистофелю* (ibid.); Н. П. Грекова: *Изъ корана* (ibid.) и *Зоя;* Н. В. Гербеля: *Орманская дѣва.* Изъ Шиллера (ibid.); А. В. Дружинина: *Король Лиръ.* Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Шекспира. Перев. (№ 12).

Въ Москвитянинѣ: *Аксюта*. Повѣсть. Глав. I. М. Стаховича (№ 5); *Илья Муромецъ*. Посвящ. М. П. Погодину, А. Цурикова (ibid.); *Стихи, читанные въ г. Переяславль-Залѣсскомъ*, Д. Демидова (ibid.); *На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра втораго*, Ѳ. Б. Миллера (№ 8); *Мечтаніе*, А. С. Хомякова (№ 9); *Пророкъ*, его же (ibid.); *Къ братіямъ*, его-же (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: А. А. Фета: *Оды Квинта Горація Флакка*. Кн. IV и послѣдняя. Перев. (№ 7), *Сонъ* (№ 9) и *Діана, Индиміонъ и Сатиръ* (№ 10); Н. П. Грекова: *Послѣдняя сцена первой части «Фауста»* Гёте (№ 7), *Войду-ли въ сказочный мой лѣсъ*. Изъ Гейне (ibid.), *Ожиданіе* (ibid.), *Въ іюнѣ* (ibid.) и *Я былъ еще дитя*. Изъ А. Шенье (ibid.); К. Павловой: *Амфитріонъ* (№ 10); К. Ѳ. Г—вой: *Съ Еврейскаго* (ibid.); А. Н. Майкова: *Осень* (№ 12); Яхонтова: *Голосъ природы* (№ 12), *Ущелье лѣсомъ поросло* (ibid.) и *Сонно, лѣниво шалитъ вѣтерокъ* (ibid.); Н. В. Гербеля: *Изъ Крабба* (ibid.) и *Зной* (ibid.); Лунева: *Эльфа* (ibid.); Н. Никитина: *Въ саду* (ibid.), *Вечеръ* (ibid.), *Пыль* (ibid.) и *Гнѣздо ласточки* (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: Н. П. Огарева: *Я наконецъ оставилъ городъ шумный* (№ 13), *Прощаніе съ Италіей* (ibid.) и *Сплинъ* (№ 14); Лермонтова: *Три неизданныя стихотворенія* (ibid.); Н. П. Грекова: *Въ іюлѣ* (№ 15), *Весною*. Подражаніе Гейне (ibid.) и *Прощаясь въ аллеѣ, мы долго сидѣли* (№ 17); А. Н. Майкова: *Звуки ночи* (№ 18), *Старый хламъ* (№ 19) и *Голосъ въ лѣсу* (№ 21); П. М. Вейнберга: *Четыре піесы. Изъ Гейне* (№ 19); И. Я. Лебедева: *Бѣлый камень*. Монгольская пѣсня (№ 20); А. П—ва: *Послѣ чтенія газетъ* (ibid.), *Закатъ*. Изъ Гейне (№ 21) и *Шесть стихотвореній* (№ 24); М. Л. Михайлова: *Пѣсни Гейне* XI—XX (№ 21); Н. В. Берга: *Въ горахъ* (ibid.); Д. Е. Мина: *Приходскіе списки*. Поэма Георга Крабба (№ 23); Ѳ. Б. Миллера: *Невольничій корабль*. Изъ Гейне (№ 24).

Въ Русской Бесѣдѣ: *Стихотворенія* А. С. Хомякова (№ 2); *Степи*, М. А. Стаховича (ibid.); *Литераторы-натуралисты*, К. С. Аксакова (ibid.); *26 августа*, А. С. Хомякова (№ 3); *И. С. Аксакову*, Я. П. Полонскаго (ibid.); *Пять стихотвореній*. Съ Чешскаго и Иллирійскаго, М. П. (ibid.).

Въ Сынѣ Отечества: Л. Мея: *Амариллина*. Идиллія Ѳеокрита (№ 2), *Алкидъ—побѣдитель льва, или богатства Авгіаса* (№ 8),

Волынская дума (№ 11), *Бѣги-ев* (№ 15), *Обѣтъ.* Изъ Θеокрита (№ 29), *Пѣсня на два голоса* (№ 30), *Дѣтство Алкида.* Начало Идилліи Θеокрита (№ 35), *Подражаніе восточнымъ* (№ 38) и *Красавицѣ* (ibid.); В. С. Курочкина: *Слѣпая мать.* Изъ Беранже (№ 4), *Умѣренность.* Изъ Беранже. (№ 9), и *Птичка.* Изъ Беранже (№ 30); В. Бенедиктова: *Стансы по случаю мира* (№ 6) и *Встрѣчный голосъ при торжественномъ въѣздѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра втораго въ С. Петербургѣ* (№ 30); Мятлева: *Стихотвореніе* (№ 16); В. П. Попова: *Изъ Байрона* (№ 32); Б. Ф.: *Облачко* (№ 32); А. Хвощинской: *Новыя пѣсни* (№ 35); Вл. Зотова: 30 *августа* 1856 *г.* Столѣтній юбилей Русскаго театра. Драматическій прологъ (№ 36).

Въ Сѣверной Пчелѣ: Ольги П.: *Паукъ* и *Блудящій огонь* (№ 175); Л. Бранта: 26-*е августа* 1856 *года* (№ 219); Н. 6 *ноября* (№ 249).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Москва,* 26 *августа* 1856 *года. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ,* кн. П. А. Вяземскаго (№ 127).

Въ Одесскомъ вѣстникѣ: *Двѣ поры,* Д. Фридмана (№ 140).

Въ Московскихъ полицейскихъ вѣдомостяхъ: *Новый праздникъ Русскаго народа,* В. Бажанова (№ 181).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Четыре письма строеваго солдата къ земляку-инвалиду, на родину* (кн. 5 и 6).

Прозаическую часть изящной словесности составляли слѣдующія произведенія:

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Кулачокъ.* Разсказъ С. Максимова (№ 7); *Было да быльемъ поросло.* Повѣсть Е. Моллера (№ 8); *Воспитанница* (изъ семейной переписки), В. К. (ibid.); *Бѣлая камелія.* Изъ разсказовъ моего пріятеля. В. Тунѣева (ibid.); *Домикъ на Окѣ.* Разсказъ Влад. Павлова (№ 9); *Изъ путевыхъ разсказовъ дорожнаго человѣка. I Разсказъ на желѣзной дорогѣ. II. Докторъ Форшманъ* (№ 10 и 11); *Крушинскій.* Романъ Потѣхина (ibid.); *Премьеръ-маіоръ или помѣщикъ прошедшаго столѣтія.* Глава изъ повѣсти (№ 9); *Лихой сосѣдъ.* Повѣсть изъ стараго казацкаго быта. Е. Дріанскаго (№ 11); *Приличная партія.* Отрывокъ изъ романа. М. Авдѣева (ibid.); *Плевое дѣло.* Коломенская легенда. Ст. Н. М. (ibid.); 30 *августа* 1756 *года.* Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Гр. В. А. Соллогуба (№ 12); *Встрѣча въ.*

отрядѣ съ Московскимъ знакомымъ. Изъ Кавказскихъ записокъ кн. Нехлюдова. Гр. Л. Н. Толстаго (ibid.); *Замѣтки и увеселительные очерки Петербургскаго туриста* (№ 11 и 12).

Въ Современникѣ: *Бродячіе артисты.* Пов. А. Ѳ. Рабиновича (№ 7); *Записки учителя музыки*, А. Е. Надеждина (№ 8); *Завтракъ у предводителя.* Комедія въ одномъ дѣйствіи И. С. Тургенева (ibid.); *Картины изъ Русскаго быта: I. Послухъ. II. Архистратигъ: III. Кладъ. IV. Грѣхъ. V. Двухъаршинный носъ. VI. Крушеніе. VII. Степнячокъ. VIII. Бочка вина. IX. Червоно-Русскія преданія. X. Подземное село. XI. Удавлюсь, а не скажу. XII. Ракита. XIII. Мандаринъ. XIV. Круговая бесѣда. XV. Другая круговая бесѣда. XVI. Напраслина.* Разсказы В. И. Даля (№ 9 и 11); *Фаустъ.* Разсказъ въ 9-ти письмахъ. И. С. Тургенева (№ 10); *Провинціяльныя воспоминанія.* Изъ записокъ чудака (№ 11); *Изъ-за границы.* Путевыя впечатлѣнія А. Фета (ibid.); *Дѣтство и отрочество.* Разск. Гр. Л. Н. Толстаго (№ 12); *Военные разсказы*, его-же (ibid.).

Въ Москвитянинѣ: *Самоварница.* Разск. Вельяминова Зернова (№ 7 и 8); *Изъ записокъ: Годъ траура. I. Демонъ. II. Воспоминаніе.* Франциски К. (№ 9).

Въ Отечеств. Запискахъ: *Переселенцы.* Романъ изъ простонароднаго быта. Д. В. Григоровича (№ 7 и 8); *Сцены изъ представленія въ 5-ти дѣйствіяхъ: «Сплошь да рядомъ»*, Д. Горева (№ 7); *Страница изъ моей жизни.* Дневникъ провинціялки. Елены М. (№ 8); *Сцены на почтовой станціи*, К. (ibid.); *Портретная галерея.* Романъ Е. Данковскаго. Ч. I (№ 9); *Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.* Ольги Н. (№ 10); *Сумерки.* Изъ записокъ пожилой дѣвушки. П. А. Ф—ва (ibid.); *Картины Русскаго быта:* 1) *Вдовецъ.* 2) *Ворожея.* 3) *Промышленикъ.* 4) *Савраска.* 5) *Иванъ Непомнящій.* 6) *Генеральша.* Разск. В. И. Даля (№ 12); *Свободное время.* Романъ В. Крестовскаго (№ 11 и 12); *Утро помѣщика*, гр. Л. Н. Толстаго (№ 12); *Молодо-зелено.* Разск. С. Мица (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе. Соляной Приставъ и его дочь*, И. И. Лажечникова (№ 13); *Мельница на межѣ.* Изъ записокъ, завѣщанныхъ Дмитріемъ Николаичемъ А. Д. (№ 14); *Семейная хроника. Жизнь въ Уфѣ.* Отрывокъ V. С. Т. Аксакова (№ 15); *Губернскіе очерки*, Н. Щедрина (№ 16, 18, 20, 22—24); *Пыль.* Пов. кн. Г. В. Кугушева (№ 16 и 17); *Первая любовь.* Записки моего сосѣда. Кн. Д. Д—аго (№ 17); *Тон-*

кій разсчетъ. Пов. А. (№ 18 и 19); *Безъименные типы. I. Чиновникъ. II. Провинціяльный левъ.* А. С. Чужбинскаго (№ 23).

Въ Русской Бесѣдѣ: *Семейная хроника*, С. Т. Аксакова (№ 2); *Старый дворецкій*, М. П. Бибикова (ibid.); *Няня*, его-же (ibid.); *Разговоръ въ Подмосковной* (ibid.); *Ѳеклуша.* Пов. П. А. Кулиша (№ 3); *Литературныя и театральныя воспоминанія*, С. Т. Аксакова (№ 4); *Картины Русскаго быта:* 1) *Осколокъ льду.* 2) *Разсказъ Верхолонцова о Пугачевѣ.* 3) *Цыганъ* и 4) *Подтопъ.* В. И. Даля (№ 4).

Въ Сынѣ Отечества: *Женщина-писательница.* Фантаст. разсказъ (№ 1); *Линеецъ.* Военный типъ В. Толбина (№ 3 и 4).

Въ С. Пб. вѣдомостяхъ: *Разговоръ.* Разск. В. Крестовскаго (№ 238 и 239).

Въ Московск. вѣдомостяхъ: *Два друга.* Разск. М. Бибикова (№ 94); *Горница съ привидѣніемъ*, его-же (№ 120); *Частное дѣло.* Быль (№ 143).

Въ Одесск. Вѣстникѣ: *Бомбардированіе Одессы.* Разск. ночника (№ 123); *Ошиблись въ разсчетѣ.* А. Аѳ. (№ 133).

Въ газетѣ Кавказъ: *Ра амбавіа. Что новаго?* (№ 52).

Въ Моск. полиц. вѣдомостяхъ: *Сваха.* Разск. И. Полякова (№ 274 и 275).

Въ Журн. военно-учебн. заведеній: *Ветеранъ и новобранецъ* (№ 492).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Русскому сердцу не чуждо чувство благодарности* (кн. 5); *Рекрутъ* (кн. 6), и *Быль* 1828 *года* (ibid.).

Въ отдѣлахъ истранной словесности помѣщены переводы слѣдующихъ произведеній:

Въ Библ. для чт.: *Ньюкомы.* Записки весьма почтеннаго семейства (№ 7 и 8); *Толстый джентельменъ* (№ 8); *Истребитель крокодиловъ.* Разск. А. Гарро (№ 9); *Ральфъ-Кренфильдъ.* Разск. Н. Готорна (ibid.); *Боецъ на смерть.* Повѣсть Уильяма Карльтона (№ 10); *Спускъ въ Мельстромъ.* Эдгара А. Поэ. (ibid.); *Исторія милліона*, Филиберта Одебранда (ibid.); *Американскія повѣсти: I. Семеро праздношатающихся. II. Честолюбивый гость. III. Легенды губернаторскаго дома:* 1) *Маскарадъ у Гоу*, 2) *Портретъ Рондольфа*, 3) *Мантилья леди Элеоноры* (№ 11 и 12); *Пропавшее письмо. Сцены провинціяльной жизни въ Англіи* (№ 11); *Замужство по разсчету.* Повѣсть въ трехъ эпизодахъ автора «The unholy

wish» (№ 12); *Розочка Шорель* (ibid.), и *Старикъ Лазариль.* Разсказъ Шарля Дели (ibid.).

Въ Современникѣ: *Говорящіе столы и стучащіе духи.* Ст. Литтре (№ 7); *Красная буква.* Ром. Натаніэля Готсорна (№ 9 и 10); *Измаилъ Эль Рашиди.* Пов. Т. Пави (№ 10); *Нраво-описательные очерки и путешествія по Лондону,* В. М. Теккерея (№ 11 и 12).

Въ Отеч. Записк.: *Крошка Дорритъ.* Романъ Чарл. Диккенса (№ 7—12); *Три дня изъ жизни Маріи Стуартъ.* Историческія сцены Даніэля Стерна (№ 9).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Торни-Галлъ.* Записки одной старинной фамиліи (№ 13 и 14); *Маленькой городокъ.* Очеркъ изъ Диккенса (№ 14); *Дѣвица Дюрозье.* Разск. Амедея Ашара (№ 15); *Сѣверъ и Югъ.* Романъ, перев. съ Англійск. (№ 20—24).

Въ Сынѣ Отеч.: *Рахиль Грэй.* Ром. Юліи Кавана (№ 9 и 11); *Ференцъ и Ценци.* Разск. изъ Венгерскаго быта (№ 36 и 37); *Веселыя святки.* Изъ посмертнаго сочиненія Эдуарда Сувестра (№ 39).

Въ Одесск. Вѣстн.: *Всего на пять минутъ.* Изъ Сафира (№ 129); *Маленькія непріятности,* его-же (№ 140).

Въ Москов. полиц. вѣдом.: *Двѣ дочери* (№ 148 и 149); *Племянникъ и дядя* Съ Франц. (№ 152 и 153); *Какъ вамъ нравится моя невѣста?* Съ Нѣм. (№ 160—162); *Часы Гертруды* (№ 240 и 241); *Замокъ Валькрезъ.* Пер. съ Франц. (№ 256—263).

XII. Свободныя художества.

Въ Музыкальномъ и театральномъ Вѣстникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Изложеніе методы фортепіанной игры,* А. Контскаго (№ 26, 27, 31 33—36, 41 и 47); *Голоса и шумъ эха* (№ 26); *Русалка, опера А. С. Даргомыжскаго,* А. Сѣрова (ibid. и № 27, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40 и 41); *Гармоніи скалъ* (№ 27); *Либретто къ Донъ-Жуану,* К. Званцова (ibid. и № 30); *Разсказы стараго актера* (№ 27); *Различные взгляды на одинъ и тотъ-же аккордъ,* А. Сѣрова (№ 28); *Историческій очеркъ театральнаго искусства на западѣ, преимущественно въ Германіи* (28, 32, 34, 35, 40 и 47); *Россини въ Трувиллѣ* (№ 29); *Два анекдота о Моцартѣ* (ibid.); *Новая книга г. Ленца о Бетховенѣ,* А. Сѣрова (ibid. и № 30); *Письмо изъ-за границы,* N. N. (№ 29); *Торжествующая Минерва,*

В. С. (ibid.); *Возстановленіе статуи Мемнона. Звучные камни. Гармонія деревьевъ* (№ 30); *Артистическое семейство Богдановыхъ* (ibid. и № 31); *Новоизданныя музыкальныя сочиненія*, Модеста З—на (№ 32—42, 46 и 48); *Письмо изъ Варшавы*, Луціана фонъ-Шале (ibid. и № 32); *Курсъ музыкальной техники*, А. Сѣрова (№ 32); *Письма изъ Парижа о Малибранъ*, К. Званцова (№ 33 и 34); *Растительныя гармоніи* (№ 34); *Исторія зданій Московскихъ театровъ*, Москвича (№ 34 и 35); *Письмо изъ Воронежа*, В. К. (№ 34); *Вечеръ 27 августа* (№ 35); *Отрывокъ изъ записокъ*, П. Шпилевскаго (ibid.); *Александръ Петровичъ Сумароковъ*, Владиміра Стоюнина (№ 36, 37, 38, 39, 40 и 46); *О единицѣ звуковъ* (№ 37); *Разсказы изъ жизни Паганини* (№ 37, 38, 39, 40, 41 и 42); *Сюрпризъ, опера*, П. Шпилевскаго (№ 38); *Автобіографія Франциска Бенды* (№ 41 и 42); *Библіографическія указанія къ біографіи Сумарокова* (№ 41); *Марта, опера Флотова*, А. Сѣрова (№ 42); *Совѣты касательно искусства пѣнія*, А. С. (№ 46) *Письма къ редактору*, П. Б... ва (ibid.); *Разговоръ по случаю «Гугенотовъ»*, Э. Кверштанда (№ 47 и 48); *Нѣсколько словъ объ обнародованіи музыки*, Б. В. (№ 47); *Балетъ «Фаустъ»*, М. Р. (№ 48); *Біографическія свѣдѣнія объ Іосифѣ Верди*, Марка Моннье (№ 48); *Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій*, съ Нѣмецкаго, В. Ленца (№ 49 и 51); *Лаблашъ и его ученица* (№ 49); *Г-жа Ристори въ Варшавѣ*, Луціана фонъ-Шале (ibid.); *Графъ «Ори», опера Россини*, А. Сѣрова (№ 50 и 51); *Разсказы о музыкантахъ* (№ 51).

— «Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій». — Заимствуемъ изъ примѣчанія переводчика къ этой статьи нѣсколько свѣдѣній о художественномъ поприщѣ этого замѣчательнаго сановника. «Художественныя стремленія въ жизни графа Михаила Юрьевича — говоритъ г. Сѣровъ — были всегда на одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ. Центръ тяготѣнія его души почти постоянно лежалъ въ музыкѣ. Можно прямо сказать, что еслибъ онъ не стоялъ такъ высоко по рожденію своему и мѣсту въ обществѣ, то онъ снискалъ-бы Европейскую извѣстность необыкновенными заслугами своими по музыкѣ. Первые уроки на скрипкѣ онъ бралъ на 10-лѣтнемъ возрастѣ, отъ Кизеветтера, въ послѣдствіи отъ Здражевскаго, выписаннаго отцомъ его изъ Польши. Авторъ «Рѣдкой вещи» (Cosa rara), маестро Мартини (бывшій тогда при здѣшнемъ Императорскомъ дворѣ), былъ первымъ наставникомъ графа въ гармоніи. Впослѣдствіи въ Парижѣ онъ

прошелъ курсъ контрапункта подъ руководствомъ Керубини. Тринадцати лѣтъ гр. Михаилъ Юрьевичъ сочинилъ уже нѣсколько піесъ для пѣнія съ оркестромъ, по случаю семейныхъ праздниковъ въ родномъ домѣ. Шестнадцати лѣтъ участвовалъ въ квартетахъ. Въ Ригѣ, подъ руководствомъ органиста Тауберта, гр. Михаилъ Юрьевичъ также написалъ нѣсколько музыкальныхъ сочиненій, исполненныхъ съ заслуженнымъ успѣхомъ. Въ теченіе 1808 г., графы Віельгорскіе, лишившіеся отца въ Кенигсбергѣ, прибыли въ Парижъ, тотчасъ по заключеніи Тильзитскаго мира. На вечерахъ королевы Гортензіи они встрѣчали всѣ тогдашнія знаменитости по искусствамъ, особенно по музыкѣ, въ томъ числѣ извѣстнаго пѣвца Гарà (Garat). Гр. Михаилъ Юрьевичъ очень часто на фортепіано акомпанировалъ пѣнію королевы Гортензіи. На возвратномъ пути въ Петербургъ, гр. Михаилъ Юрьевичъ прогостилъ довольно долго въ Вѣнѣ. Тамъ познакомился онъ лично съ великимъ Бетховеномъ, котораго встрѣчалъ почти каждый день у г-жи Фуксъ, знаменитой въ то время своею красотою. Безсмертный симфонистъ въ то время еще вовсе не былъ признанъ большинствомъ публики. Извѣстность его ограничивалась тѣснымъ кружкомъ музыкантовъ, да и тѣ косились на его геніяльность. Политическія и военныя бури того времени не позволяли углубляться въ музыку, какъ ее постигалъ Бетховенъ. Моцартъ тогда еще безъ соперника властвовалъ въ музыкальномъ мірѣ. Въ гостиныхъ г-жи Фуксъ гр. Віельгорскій, только замѣтивъ Бетховена, не отлучался отъ него, заводилъ музыкальную бесѣду и увлекалъ великаго художника въ отдаленные покои, гдѣ иногда, среди бесѣдъ объ искусствѣ, имѣлъ «невѣроятное» для насъ счастіе слушать «импровизаціи» высочайшаго въ мірѣ генія симфонической музыки. Графъ любилъ припоминать, что ему довелось быть при самомъ «первомъ» исполненіи «Пасторальной симфоніи» въ числѣ *восьми* (!) слушателей. Графъ аплодировалъ въ восторгѣ и авторъ пасторальной симфоніи (самъ дирижировавшій), замѣтивъ это, сошелъ съ своего капельмейстерскаго мѣста и низко поклонился заѣзжему цѣнителю. Здѣсь, въ Петербургѣ, домъ графовъ Віельгорскихъ былъ постоянно лучшимъ пріютомъ для всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей нашего времени. М. И. Глинка, графъ Росси, Берліозъ, Листъ, Віардо, Рубини, Лаблашъ, Вьетанъ и др. пользовались высокогуманнымъ гостепріимствомъ этого аристократическаго дома и каждая изъ этихъ знаменитостей, восхищая

Михаила Юрьевича своимъ талантомъ, въ свою очередь любовалась его высокою образованностью въ искусствѣ, его необыкновеннымъ техническимъ знаніемъ, его постиженіемъ всѣхъ тонкостей музыкальнаго дѣла. Многообразныя занятія по государственной службѣ, и придворная жизнь не дозволили гр. Віельгорскому сдѣлаться настолько значительнымъ въ композиторствѣ, сколько, быть можетъ, требовала его художническая природа. При всемъ томъ, онъ почти окончилъ партитуру большой оперы, весьма широко-задуманной; въ симфоніи его (которой исполнялось только 1-е аллегро) есть бездна несомнѣнныхъ достоинствъ, а изъ числа огромнаго количества мелкихъ музыкальныхъ піесокъ, многіе романсы графа и по вдохновенной мысли и по технической обработкѣ, и по благородству вкуса могутъ стать наряду съ первостепенными произведеніями въ этомъ родѣ».

Изъ исчисленныхъ нами статей особенно замѣчательны труды г. А. Контскаго и Сѣрова по части музыки, а изъ прочихъ заслуживаютъ одобренія статья г. Стоюнина: «Сумароковъ» и «Историческій очеркъ театральнаго искусства на западѣ, преимущественно въ Германіи».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ свободнымъ художествамъ относятся слѣдующія статьи: *Значеніе Брюлова въ искусствѣ*, художника Михаила Желѣзнова (Совр. № 7 и Отеч. Зап. № 7); *О Голландской живописи. По поводу статьи г. М. Д. М. въ Русской Бесѣдѣ* (кн. I), В. В. Стасова (Совр. № 12); *Автографы музыкантовъ въ Императорской публичной библіотекѣ*, его-же (От. Зап. № 10, 11 и 12); *Мастерскія Русскихъ художниковъ въ Римѣ.* Письмо изъ Рима А. А. Авдѣева (Русск. Вѣст. № 14); *Фотографія и гравюра*, В. В. Стасова (ibid. № 23 и 23); *О Фламандской живописи. Отвѣтъ г-ну фонъ-Крузе*, М. Д. М. (Русск. Бес. № 3); *Почему большею частію миніатюрны Фламандскія картины*, А. Себинова (ibid. № 4); *Джованни Анжелико Фіезолійскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи*, Ѳ. В. Чижова (ibid.); *Россини.* Изъ путевыхъ замѣтокъ Дусео (Сынъ От. № 2); *Картина Моллера*, Сѣрова (ibid. № 5); *Брюлловъ и его значеніе въ Русской живописи*, В. Толбина (ibid. № 23); *О. А. Кипренскій*, его-же (ibid. № 35); *Обзоръ событій, предшествовавшихъ основанію правильнаго Русскаго театра*, В. Петрова (С. Пб. Вѣд. № 194); *Возобновленіе большаго Московскаго театра*, Н. Басистова (ibid. № 220); *Рубенсъ и Антверпенская*

школа (Русс. Инв. № 148 и 149); *Художественная лѣтопись*, Н. М. Рамазанова (Моск. Вѣд. № 81, 104, 115, 141 и 152); *Рафаэль-ваятель* (ibid. № 84); *Шопенъ* (ibid. № 87); *Головинскій дворецъ*, А. К. (ibid. № 112 и 113); *Фрески Кіево-Софійскаго собора, изображающіе велико-княжескую охоту*, Н. Сементовскаго (ibid. № 124).

— «Значеніе Брюлова въ искуссвѣ». — Авторъ, изложивъ историческое развитіе новѣйшей школы живописи, родоначальникомъ которой считается Чимабуэ, опредѣляетъ значеніе Брюлова слѣдующимъ образомъ: «Въ настоящее время есть художественная секта, именующая себя пуристическою: она подражаетъ художникамъ XIII и XIV столѣтій. Пуристы говорятъ, что искусство должно служить одной только религіи; но почему-же оно должно ограничиться одною религіей. Они вполнѣ убѣждены, что святость не можетъ быть выражена хорошимъ рисункомъ, и что для выраженія ея должно прибѣгать къ искаженнымъ формамъ художниковъ XIII и XIV столѣтій! Это еще не все: пуристы не только подражаютъ уродливости фигуръ древнихъ художниковъ, но даже не хотятъ писать аксессуаровъ такъ, какъ видятъ ихъ въ натурѣ. Другое, не менѣе странное заблужденіе, состоитъ въ томъ, что даже молодые, едва начинающіе свое поприще художники говорятъ: я историческій живописецъ, я пейзажистъ, я жанристъ. Развѣ художникъ можетъ знать заранѣе, какая мысль или какое чувство займетъ его? А художникъ именно долженъ слѣдовать внушенію чувствъ своихъ и не стѣсняться предположеннымъ себѣ заранѣе кругомъ дѣйствій. Неуже-ли такъ-называемый пуристъ не долженъ писать сильно занимающаго его сюжета изъ гражданской исторіи или изъ народнаго быта, потому только, что сюжеты эти не духовнаго содержанія? «Художникъ долженъ умѣть писать все», сказалъ Леонардо да-Винчи, мнѣнія котораго даже и пуристы уважаютъ, — но самъ, какъ изъ картинъ видно, всего писать не умѣлъ. Первый и единственный художникъ, равно прекрасно умѣвшій писать все, былъ Карлъ Павловичъ Брюловъ, и въ этомъ отношеніи на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на человѣка, рѣшившаго давно заданную, но до него никѣмъ неразрѣшенную задачу. Другую не менѣе важную задачу рѣшилъ Брюловъ своими композиціями: съ каждой его картины можно сдѣлать архитектурный планъ; между группами и фигурами есть всегда приличное разстояніе, каждому аксессуару найдено мѣсто такъ, какъ и въ натурѣ.

Что-же касается до исполненія, т. е. рисунка и лѣпки, то въ этомъ отношеніи Брюлову нѣтъ равнаго, даже по сознанію многихъ изъ тѣхъ художниковъ, которые противятся его нововведеніямъ. Нѣкоторые художники находятъ, что Брюловъ иногда придерживался натуры, несовсѣмъ благородной, и въ примѣръ приводятъ воина въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи». Брюловъ былъ естественъ во всемъ и всегда. Онъ понималъ ту изящную простоту, которая заставляла его давать различныя формы фигурамъ по различію лѣтъ и званія. «Помпея» можетъ быть разсматриваема, какъ образецъ въ этомъ отношеніи: потому-что въ ней можно видѣть переходы отъ самыхъ разнообразныхъ, деликатныхъ, образцовыхъ женскихъ формъ до изможженнаго старческаго тѣла. Всѣ фигуры Брюлова живутъ и дышатъ. Брюловъ владѣлъ механизмомъ въ высшей степени совершенства и говорилъ, что «тотъ не художникъ, для кого исполненіе составляетъ трудъ; что копотность исполненія сообщаетъ вялость даже самой мысли». Брюловъ требовалъ, чтобы всякій сюжетъ былъ трактованъ буквально вѣрно своей исторіи, а потому и фонъ занялъ у него не послѣднее, хотя и не видное мѣсто. Фонъ даетъ характеръ вѣку и странѣ, и въ этомъ случаѣ играетъ очень важную роль, особенно въ исторической живописи. Брюловъ былъ геній, и, какъ геній, смотрѣлъ на искусство съ новой точки зрѣнія, до него бывшей неизвѣстною, сообразной вѣку и требованіямъ его. Онъ показалъ новый путь, по которому идетъ молодое поколѣніе, не смотря на отчаянное сопротивленіе и брань стараго».

XIII. Математическія науки.

Въ Журналѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій явились слѣдующія статьи: *Практическія замѣтки по строительной части*, Штукенберга (№ 4 — 6); *Объ условіяхъ сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Англіи частными компаніями* (№ 4); *Машинный каперъ съ непрерывнымъ движеніемъ* (ibid.); *Гангскій каналъ* (ibid.); *Замѣтки о Русскихъ дорогахъ* (ibid.); *О путяхъ сообщенія, какъ средствѣ для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ* (ibid.); *Германскія желѣзныя дороги въ первое двадцатилѣтіе ихъ существованія* (ibid.); *Несчастные случаи на Англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ съ 1 іюля 1854 по 1 іюля 1855 года* (ibid.); *Свѣдѣнія о судоходствѣ по путямъ къ С. Петербургу, въ 1856 году* (ibid. № 5 и

6); *Подробныя свѣдѣнія о движеніи пассажировъ на Николаевской желѣзной дорогѣ въ* 1852, 1853 и 1854 *годахъ* (№ 4—6); *Вѣдомости о количествѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ продуктовъ, привезенныхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ С. Петербургъ и Москву въ май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы* 1856 *года* (ibid.); *Дренажныя трубы*, Безпалова (№ 5); *Свѣдѣнія объ Англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ* 1855 *году* (ibid.); *Расходы на содержаніе желѣзныхъ дорогъ во Франціи и Англіи* (ibid.); *Свѣдѣнія о движеніи пассажировъ и грузовъ въ*1854—55 *годахъ, на участкѣ С. Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, между С. Петербургомъ и Гатчино* (ibid.); *Выдѣлка рельсовъ и ихъ соединеній*, Усова (№ 6); *Желѣзный маякъ во Флоридскихъ рифахъ* (ibid.); *Сборы на Французскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ первое полугодіе* 1856 *года* (ibid.); *Изслѣдованіе состава и свойствъ нѣкоторыхъ сортовъ Русскаго каменнаго угля* (ibid.); *О движеніи грузовъ по водянымъ путямъ имперіи въ* 1855 *году* (ibid.).

Къ этому отдѣлу относятся также слѣдующія статьи, помѣщенныя въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ: *Новый способъ интегрированія четырехъ дифференціальныхъ уравненій*, М. Остроградскаго (Морск. Сбор. № 12); *Система всеобщихъ мѣръ*, К. Кодинскаго (ibid. № 18); *Историческій очеркъ построенія постояннаго моста черезъ Неву*, И. Поляновскаго (Библ. для Чт. № 10); *Круговой планиметръ*, П. А. Зарубина (Моск. Вѣд. № 91); *Нѣсколько словъ о полярномъ планиметрѣ Амслера*, Б. Швейцера (ibid. № 94); *Нынѣшнее состояніе телеграфическихъ сообщеній* (ibid. № 103 и 110); *О новомъ усовершенствованіи въ электрическихъ телеграфахъ*, А. Савельева (Мор. Сб. № 11); *Очеркъ исторіи воздухоплаванія* (Журн. военн-учеб. зав. № 481 и 482); *Жизнь и изобрѣтенія Джемса Уатта* (ibid. № 489 и 490).

— «Объ условіяхъ сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Англіи частными компаніями». — Статья эта извлечена изъ сочиненія Французскаго инженера Бино, извѣстнаго писателя по части желѣзныхъ дорогъ. Она представляетъ особенную занимательность какъ по современности предмета въ настоящую эпоху у насъ, въ Россіи, такъ и по заключающимся въ ней интереснымъ сближеніямъ условій, на которыхъ устройство желѣзныхъ дорогъ въ Англіи и во Франціи предоставляется частнымъ компаніямъ. Въ Англіи всѣ вообще разрѣшенія, относящіяся до выдачи *привилегій* или *уступочныхъ актовъ* (actes de conossion) на

сооруженіе и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, зависятъ отъ парламента. Если компанія, по составленіи проекта, пожелаетъ исходатайствовать привилегію, то она подаетъ объ этомъ прошеніе въ нижній парламентъ, и затѣмъ начинается подробное обсужденіе ея проекта въ обѣихъ палатахъ. При подачѣ прошенія, компанія предоставляетъ удостовѣренія въ томъ, что съ ея стороны выполнены всѣ формальности, предписанныя *общими постановленіями* (standing orders). Прежде подачи прошенія, половина компанейскаго капитала должна быть покрыта и 10% его внесены въ общественный банкъ. По представленіи компаніею удостовѣренія о выполненіи установленныхъ формальностей, наряжается коммиссія для производства изслѣдованія. Общими постановленіями опредѣлены предметы изслѣдованія и указаны статьи, по которымъ коммиссія обязана дать свое мнѣніе. Это изслѣдованіе имѣетъ цѣлію оцѣнить пользу проекта, правильность линіи, размѣръ издержекъ, предполагаемые доходы, благонадежность компаніи и проч. Въ изслѣдованіи, производящемся публично, участвуютъ инженеры, законовѣдцы и свидѣтели въ защиту и противъ проекта, такъ-что этотъ проектъ разсматривается во всѣхъ отношеніяхъ и обсуживается по предварительномъ выслушаніи защитниковъ и противниковъ его. До поступленія донесенія коммиссіи въ парламентъ, компанія представляетъ удостовѣреніе, что три четверти ея капитала обезпечены уже подпискою и что, по особо заключенному договору, подписчики обязались внести полную уплату за ихъ акціи. Прежде третьяго засѣданія по этому предмету въ верхней палатѣ, подписка должна быть уже собрана на ⁵/₇ долей всего капитала. Если представлено нѣсколько проектовъ для какого-либо предпріятія, то парламентъ избираетъ тотъ изъ нихъ, который, по разсмотрѣніи, окажется болѣе удовлетворительнымъ; тогда одобренный проектъ выполняется компаніею, предложившею его. Иногда парламентъ, какъ это было по сооруженію Лондонъ-Брайтонской дороги, одобривъ сперва одинъ проектъ, а въ послѣдствіи другой, предоставляетъ двумъ соперничествующимъ кампаніямъ право участія въ предпріятіи, въ извѣстной долѣ капитала и по обоюдному соглашенію, на которое онѣ были склонены предварительно коммисеіею».

— «Замѣтки о Русскихъ дорогахъ.»—«Внутреннія сухопутныя сообщенія въ Россіи не подчинялись особому надзору до царя Алексѣя Михайловича. Съ изданіемъ Уложенія, было опредѣлено

направленіе большихъ дорогъ и назначена ширина имъ въ 3 сажени. При немъ-же послѣдовало учрежденіе заграничной почты, а при Петрѣ Великомъ возникла правильная, внутренняя корреспонденція, и почтовыя заграничныя сношенія сдѣлались гораздо дѣятельнѣе. Петръ Великій предпринялъ соединеніе С. Петербурга съ Москвою посредствомъ большой, такъ-называемой «перспективной дороги», чрезъ Старую Руссу, Ржевъ и Волоколамскъ; устройство ея продолжалось, съ нѣкоторыми отступленіями отъ первоначальнаго направленія, и при слѣдующихъ царствованіяхъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ изданы первыя правила построенія дорогъ и мощенія ихъ фашинами и бревнами. Сооруженіе дорогъ по этому способу велѣно было начать въ 1738 г., въ видѣ опыта, по перспективной дорогѣ отъ С. Петербурга, чрезъ Новгородъ и Крестцы до Москвы, и по Псковскому тракту до Печерскаго монастыря. Чрезъ 10 лѣтъ, послѣ начала работъ (12 ноября 1742 г.), проѣздъ былъ открытъ только на протяженіи 125 верстъ, отъ Петербурга до Сосницкаго яма. Въ 1746 г. дорога отъ С. Петербурга до Москвы вновь измѣрена и на ней назначены станціи. Длина ея составляла тогда 728 верстъ. При Екатеринѣ II, въ слѣдствіе указа ея 18 января 1782 г., были составлены, подъ руководствомъ генералъ-губернаторовъ, примѣрныя карты почтовыхъ дорогъ. Къ этимъ картамъ были приложены точныя описанія предполагаемыхъ линій, съ находящимися на нихъ переправами, селеніями и съ подробнымъ росписаніемъ станцій, отъ 15 до 25-верстныхъ перегоновъ. По этому, весьма справедливо отнести только къ 1782 г. систематическое начало улучшенія путей сообщенія въ Россіи, съ цѣлію содѣйствовать тѣмъ распространенію какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли, хотя нѣкоторыя изъ существовавшихъ дорогъ были построены еще въ царствованіе Елисаветы и съ-тѣхъ-поръ уже постоянно поддерживались попечительнымъ правительствомъ».

XIV. Военныя науки.

Въ Военномъ Журналѣ напечатаны слѣдующія статьи: *Исторія военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія государя Алексѣя Михайловича* (№ 4); *Воспоминанія о Суворовѣ*, Астафьева (ibid.); *Благодарное воспоминаніе побѣжденнаго о побѣдителѣ* (ibid.); *Сужденія Англійскихъ журналовъ о*

Британской арміи (ibid.); *Случайности войны между сѣверною Америкою и Англіею* (ibid.); *Уронъ Французской арміи во время восточной войны* (ibid.); *Составъ Прусской арміи* (ibid.); *Проектъ преобразованія Датской арміи* (ibid.); *О высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена*, Драгомирова (№ 5 и 6); *Война за Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ*, Н. Писаревскаго (№ 5); *Газета Times о манифестѣ по случаю коронованія Императора Александра II-го* (ibid.); *Отзывы Французовъ и Англичанъ о Русскомъ войскѣ* (ibid.); *Устройство Французской арміи во время восточной войны* (ibid.); *Англійская армія* (ibid.); *Судьба Англо-Германскаго легіона* (ibid.); *Турецкіе жандармы* (ibid.); *Свѣдѣнія объ арміяхъ Неаполитанской, Римской, Швейцарской и Испанской* (ibid.); *Увеличеніе Прусской и уменьшеніе Баварской арміи* (ibid.); *Новый законъ о рекрутскихъ наборахъ въ Австріи* (ibid.); *Лордъ Гардингъ* (ibid.); *Письмо генерала Жомини къ редактору журнала* «Spectateur Militaire», *по поводу разбора его брошюры о боевомъ образованіи войскъ* (№ 6); *Свѣдѣнія объ арміяхъ Персидской и сѣверо-Американской* (ibid.); *Положеніе Англійскаго солдата и переформированіе полковъ Британской арміи* (ibid.); *Стратегическое значеніе острова Исландіи* (ibid.); *Графъ Радецкій и его сверстники* (ibid.); *Знамя Пизарро и сабля Донъ-Карлоса* (ibid.); *Евреи въ Австрійской арміи* (ibid.). Сверхъ того въ отдѣлѣ библіографіи этого журнала разсмотрѣны шесть новыхъ изданій по военной исторіи (№ 4 и 5), и помѣщены двѣ статьи: *О военно-библіографическихъ источникахъ*, Дела-Борръ-Дюнарка (№ 6) и *Нѣсколько замѣтокъ о Русскихъ военныхъ библіографическихъ источникахъ*, Я. Турунова (ibid.).

Въ Инженерныхъ Запискахъ (ч. XLII, кн. 2) помѣщены: *Измѣненія, происшедшія въ послѣднее время въ атакѣ и оборонѣ крѣпостей; Бараки Англійской арміи въ Крыму; Замѣненіе свинцовыхъ бѣлилъ цинковыми для окраски проволочныхъ мостовъ; Краткое понятіе объ электрическомъ телеграфированіи; Предохраненіе дерева отъ гніенія; О разведеніи живыхъ изгородъ; Способъ образованія камеръ для разрыванія скалъ порохомъ; Примѣчательная фундаментная работа Римлянъ; Свѣдѣнія о лѣсахъ, нужныя для офицеровъ, служащихъ въ техническихъ артиллерійскихъ заведеніяхъ; Способъ отапливанія комнатъ съ вентиляціею.*

Въ Артиллерійскомъ Журналѣ: *Отчетъ о занятіяхъ комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей за* 1855 *годъ* (№ 4); *Перечень занятій артиллерійскаго отдѣленія за іюнь, іюль, августъ,*

сентябрь, октябрь и ноябрь 1856 *года* (№ 4, 6 и 6); *О гремучекислой ртути*, А. Шишкова (№ 4); *Опытъ разысканія главнѣйшей причины разрыва картечныхъ гранатъ въ каналѣ орудій*, Михайловскаго (ibid.); *Объ употребленіи мортиръ при оборонѣ крѣпостей*, перев. К. Рота (ibid.); *Свѣдѣнія объ издѣліяхъ изъ литой стали Круппа*, А. Энгельгардта (ibid.); *Подвижныя мортирныя батареи и горные единороги въ контръ-апрошахъ и на вылазкахъ*, Вл. Лучинина (ibid.); *Стрѣльба картечными бомбами и гранатами въ Севастополѣ*, его-же (ibid.); *Сравнительная стоимость лѣсныхъ операцій* (ibid.); *Прощальный обѣдъ г. Л. Бриммеру* (ibid.); *Объясненіе къ плану Севастополя*, Вл. Лучинина (ibid.); *Описаніе прицѣла, квадранта и мушекъ*, Петрушевскаго (№ 5); *Снаряженіе ручныхъ гранатъ съ трубками, воспламеняющимися отъ тренія* (ibid.); *О сбереженіи подъемнаго винта артиллерійскихъ орудій*, А. Горасова (ibid.); *Посѣщеніе лагеря союзниковъ на Ѳедюхиныхъ горахъ*, Н. Крыжановскаго (ibid. и № 6); *О начальной скорости снарядовъ*, А. Веревкина (ibid.); *Мнѣніе объ этой статьѣ*, П. Л. Чебышева (№ 6); *Бельгійскій полевой желѣзный лафетъ*, А. Энгельгардта (№ 5); *Свѣдѣнія о боевыхъ ракетахъ*, Ю. де-Шарьера (ibid.); *Замѣтки о лѣсахъ*, С. (ibid.); *Біографическіе матеріалы: Тимоѳеевъ, Загоскинъ, Москалевъ*, Ѳ. М. (ibid.); *Пребываніе гвардейской артиллеріи въ Москвѣ и фейерверкъ*, Р. (ibid.); *Праздникъ гвардейской артиллеріи въ селѣ Преображенскомъ* (ibid.); *Опредѣленіе разстояній*, А. Горлова (№ 6); *О выдѣлкѣ пороха* (ibid.); *Новая гальваническая батарея* (ibid.); *Матеріальная часть Французской артиллеріи*, А. Платова (ibid.); *О выдѣлкѣ пружинной стали изъ негодныхъ штыковыхъ лезвій*, Зв. (ibid.); *Еще нѣсколько словъ о генералѣ Н. Д. Тимоѳеевѣ*, Карпова (ibid.); *Походъ гвардейской артиллеріи отъ западныхъ границъ въ Москву*, Р. (ibid.); *Свѣдѣнія о 50-лѣтней службѣ генерала-отъ-артиллеріи Вл. А. Глинки* (ibid.); *Возвращеніе на Донъ казачьей № 7 батареи* (ibid.). Сверхъ того въ отдѣлѣ библіографіи разсмотрѣны три новыя сочиненія по части артиллеріи (№ 4—6).

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Русское войско до Петра Великаго* (№ 483); *Изъ воспоминаній о походѣ въ Венгрію въ* 1849 *г.* (№ 486 и 487); *Рапорты, письма и записки Суворова къ графу Ивану Петровичу Салтыкову съ* 6 *мая по* 11 *іюля* 1773 *года* (№ 486); *Артиллерійское дѣло при устьѣ Наровы*

6 *іюня* 1855 (№ 487); *Сраженіе при Бауценѣ* $^{8}/_{20}$ *и* $^{9}/_{21}$ *іюня* 1813 *г.* (№ 488); *Экспедиція въ Дарго* 1845 *г.* (№ 490).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Воспоминаніе о главнокомандовавшемъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, генералъ-адъютантѣ гр. Өедорѣ Васильевичѣ Ридигерѣ* (кн. 5); *Построеніе новыхъ мостовъ, разрушеніе и возстановленіе мостовъ существующихъ въ военное время*, Григорьева (кн. 6).

— «Стратегическое значеніе Исландіи.»—«Нѣтъ въ мірѣ страны, которая, при подобномъ топографическомъ положеніи, какъ Исландія, представляла-бы такую превосходную базу для морскаго оплота, которая могла-бы быть обороняема такъ легко и откуда такъ удобно было-бы атаковать обѣ части свѣта, Америку и Европу. Сѣверозападная часть Исландіи, имѣющая глубокіе и просторные заливы, которые могутъ быть защищены наилучшимъ образомъ, единственная въ своемъ родѣ. Между-тѣмъ какъ заливы, обращенныя къ Ледовитому морю, замыкаются зимою полярными льдами, западныя бухты, начиная отъ Брейдафіорда, остаются открытыми на всю зиму, всѣ могутъ служить отличными гаванями и бассейнами, а одна изъ нихъ, Онундфіордъ, вмѣстила-бы въ себѣ, конечно, флоты всего міра. Перешеекъ, въ 14 верстъ шириною, расположенъ такъ, что полуостровъ легко можетъ быть сдѣланъ неприступнымъ. Отсюда многочисленный флотъ можетъ угрожать, съ одной стороны, Англійскимъ владѣніямъ въ сѣверной Америкѣ и Соединеннымъ Штатамъ, а съ другой — судоходству въ сѣверныхъ моряхъ и пути въ Архангельскъ. Ко всему этому надобно присоединить, что море чрезвычайно богато рыбою и привлекаетъ, для рыбныхъ промысловъ, многіе народы, въ томъ числѣ и Французовъ, которые ежегодно имѣютъ въ тамошнихъ водахъ отъ 400 до 500 судовъ и постоянно содержатъ, для покровительства ихъ, два военные корабля».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ Военнымъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *Отрывокъ изъ Севастопольскихъ замѣтокъ*, Н. Берга (Библ. для Чт. № 10); *Описаніе экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ* 1854—1855 *года* (Сынъ Отеч. № 8 и 10); *Годовщина отбитія Севастопольскаго штурма* 6 *іюня* 1855. *Праздникъ въ Александраполѣ*, Москвича (Русск. Инв. № 145); *Воспоминаніе о главнокомандовавшемъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами генералъ-адъютантѣ графѣ Өедорѣ Васильевичѣ Ридигерѣ*, П. Лебедева (ibid. № 147, 160 и 184); *Памяти князя Ни-*

колая Дмитріевича Эристова, Кн. Т. (ibid. № 151); *Тринадцатый томъ «Исторіи Консульства и Имперіи, соч. Тьера». Оборона береговъ и фортификаціонная система Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Инженеръ Стивенсъ* (ibid.); *Описаніе экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ* 1854 — 1855 *г.* L'expedition de Crimée par Bazancourt (ibid. № 156, 260, 262, 264, 268, 269 и 275.); *Война въ Большой Чечнѣ*, ст. Власова (ibid. № 159, 160, 164, 165, 166 и 167); *Нѣсколько дней среди Французскихъ войскъ*, ст. Волькенштейна (ibid. № 173); *Шаво. Матеріялъ для исторіи Фридриха Великаго и его времени* (Chazot. Zur Geschichte Fredrich's des Grossen und seiner Zeit. Von Kurd von Schloezer) (ibid. № 180); *Военные расходы Англіи* (ibid. № 209); *Рапортъ военнаго министра маршала Вальяна императору Французовъ о мѣрахъ, принятыхъ Французскимъ военнымъ министерствомъ по отправленію войскъ и военныхъ запасовъ на востокъ, во время минувшей войны* (ibid. № 236 и 237); *Военная администрація во Франціи* (ibid. № 245); *Записки маршала Мармона* (ibid. № 270); *Русскіе фельдмаршалы-писатели.* Библіографическія изысканія Гр. Геннади. Ст. II. Суворовъ (ibid. № 275).

XV. Науки, относящіяся къ мореплаванію.

Въ Морскомъ Сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Снаряженіе экспедиціи для съемки и промѣра Каспійскаго моря*, Ивашинцова (№ 9); *На мысъ Доброй-Надежды*, Ив. Гончарова (ibid.); *Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи*, Макшѣева (ibid.); *Отрывокъ изъ сокращенной исторіи Шведскихъ морскихъ войнъ, К. А. Гилленграната* (1742 — 1751). Перев. Н. Шипилевской (ibid.); *Иванъ Осиповичъ Салтановъ*, Висковатова (ibid.); *Черноморцы въ Архангельскѣ*, С. Максимова (ibid.); *Осеннее плаваніе отряда паровыхъ и парусныхъ судовъ, въ ноябрѣ* 1855 *г.*, Н. Р. (ibid.); *Гонка судовъ С. Петербургскаго яхтъ-клуба.* Ст. Вс. М—го (ibid.); *Боцманатъ* 3-*го ласт. экипажа Дьячковскій* (ibid.); *Лоцманскія замѣтки* (ibid. № 11 и 14); *Указатель статей, относящихся до пароходства, помѣщенныхъ въ Русскихъ и Французскихъ періодическихъ изданіяхъ съ* 1750 *по* 1851 *годъ, съ краткимъ обзоромъ ихъ содержанія.* Сост. К. Константиновъ (№ 9); *Всеподданнѣйшій отчетъ гр. Путятина о плаваніи отряда военныхъ судовъ нашихъ въ Японію и Китай*, 1852—1855 (№ 10); *Замѣтки Елки-*

на о гидрографическихъ занятіяхъ во время кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Діана», съ 1853 *по* 1855 *годъ* (ibid.); *О заготовленіи пеньки для флота и портовъ Балтійскаго управленія*, К. Мосолова (ibid.); *Общій взглядъ на бытъ Приднѣпровскаго крестьянина*, Афанасія-Чужбинскаго (ibid. № 14); *Винтовая канонирская лодка «Стерлядь»*, барона Бойе (№ 10); *Три мѣсяца во Флессингенѣ*, Николая Р....а (ibid. № 11); *Описаніе города Баку и его бухты*, Филиппова (№ 10); 23 *флотскаго экипажа матросъ Иванъ Антоновъ* (ibid.); *Опредѣленіе разстояній до предметовъ въ морѣ и на берегу*. Съ таблицею. Ивашинцова (ibid.); *Способъ для сысканія разстояній до предметовъ, въ открытомъ морѣ, по углу сниженія ихъ относительнаго горизонта* (съ таблицами), Некрасова (ibid.); *Примѣчанія академика О. Струве на таблицы Некрасова*. Съ таблицею (ibid.); *Стрѣльба изъ морскихъ орудій*, Владиміра Струкгова (№ 11); *Королевская морская коллегія въ Неаполѣ*, П. Кузнецова, (ibid.); *Практическія правила девіаціи на судахъ*, Бѣлавенца (ibid.); *Адмиралъ Рикордъ и его современники*, В. С. Мельницкаго (ibid.); *Французскій флотъ въ* 1845 *г.* Пер. Г. Сведерусъ (ibid. № 12); *Русское общество пароходства и торговли*, В. С. Мельницкаго (ibid.); *Задача изъ морской съемки*, П. Кузнецова (ibid.); *Разныя мысли и замѣчанія о морскомъ дѣлѣ*, И. И. фонъ-Шанца (ibid.); *Фрегатъ Бальчикъ*, В. З. (№ 13); *Описаніе боковаго прицѣла, предлагаемаго Петрушевскимъ*, Струкгова (ibid.); *Еще о прицѣливаніи орудій при большихъ углахъ возвышенія*, Бѣлавенца (ibid.); *О теченіяхъ моря Ирмингера*, перев. Паукера (ibid.); *Разборъ нѣкоторыхъ неосновательныхъ замѣчаній неопытнаго командира о воображаемыхъ недостаткахъ мелкихъ судовъ*, И. И. фонъ-Шанца (ibid.); *Способъ заготовленія солянаго мяса для Голландскаго флота*, бар. Штейгера (№ 14); *Объ испытаніяхъ надъ чугунными юферсами, на кораблѣ «Полтава» въ* 1856 *году* (ibid.); *Разныя бѣдствія военныхъ и коммерческихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ, въ* 1856 *году* (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу возбужденныхъ вопросовъ о способахъ заготовленія провіанта для арміи и флота*, —O— (ibid.); *Мысли о Сухумѣ*, Соковнина (ibid.); *Предостерегательные знаки у береговъ Англіи*. Пер. его-же (ibid.); *Карты Мори*, перев. Н. Тресковскаго (ibid.); *Новые паровые Американскіе фрегаты*, С—с—го и С. Ш. (ibid.); *Еще о дѣлѣ капитана 2-го ранга Сакена и о самомъ Сакенѣ*, Висковатова (ibid.); *Андрей Даниловичъ Фарварсонъ*, Ал. Соколова (ibid.). Сверхъ того въ отдѣлѣ Смѣси помѣщены 73

статейки различнаго содержанія, а въ отдѣлѣ Библіографіи разсмотрѣно 76 новыхъ изданій, относящихся къ морскимъ наукамъ.

XVI. Горныя науки.

Въ Горномъ Журналѣ напечатаны: *О добываніи сѣры*, Іоссы (№ 5); *О новыхъ изслѣдованіяхъ платиновыхъ рудъ*, Фреми (ibid.); *Нѣсколько замѣчаній объ Алавердскомъ и Шамлугскомъ мѣдныхъ рудникахъ, въ Сомхетіи*, акад. Абиха (ibid.); *О мѣсторожденіи сѣры въ Рязанской губерніи*, Романовскаго 3-го (ibid.); *Отчетъ о дѣйствіи поисковыхъ партій въ Алтайскомъ округѣ въ* 1855 *г.* (ibid.); *Штирійскія каменноугольныя разработки* (ibid.); *Разложеніе эвклаза* Дамуромъ (ibid.); *Приготовленіе кислорода чрезъ дѣйствіе хлора на водяные пары* (ibid.); *Мѣсторожденія наждака на островахъ Наксосѣ и Икаріи* (ibid.); *Присутствіе кремневой кислоты въ углекисломъ кали* (ibid.); *Посуда изъ цинка* (ibid.); *Проба наждака* (ibid.); *Электролитическій способъ приготовленія металловъ, щелочей и земель, и о свойствахъ кальція* (ibid.); *О мѣсторожденіи Гжельской глины, въ Московской губерніи* (ibid.); *О новыхъ солоноваренныхъ заводахъ, которые разрѣшено устроить близъ г. Бахмута, въ Екатеринославской губерніи* (ibid.); *О гидравлическомъ хозяйствѣ съ описаніемъ устройствъ, въ немъ употребляемыхъ*, Рожкова (ibid.); *Удѣльные объемы*, Д. Менделѣева (№ 7, 8 и 9); *О мѣсторожденіи сѣры въ Трусовскомъ ущельѣ, близъ деревни Абано*, Хевскаго *участка, Тифлисской губерніи*, Сапальскаго (№ 7); *Сравнительные опыты, произведенные въ Богословскомъ заводѣ надъ проплавкою мѣдныхъ рудъ, въ обыкновенныхъ шахтныхъ печахъ, тамъ употребляемыхъ, и въ устроенной по образцу печей, введенныхъ г. Норденшильдомъ, въ Выйскомъ гг. Демидовыхъ заводѣ* (ibid.); *О количествѣ воды, заключающейся въ везувіанѣ*, Магнуса (ibid.); *Присутствіе вивіанита въ костяхъ человѣческихъ* (ibid.); *Изысканія о перемѣнахъ, которыя должны происходить въ составѣ воды Мертваго моря*, Буссенго; *Минеральныя богатства герцогства Нассаускаго*, Зандбергера (ibid.); *Артезійскіе колодцы близъ Тамерны, въ Сагарской степи* (ibid.); *Приготовленіе кричныхъ и пудлинговыхъ шлаковъ для проплавки въ доменныхъ печахъ*, Краса Кальверта (ibid.); *О потерѣ серебра при купелляціи*, Бурбриджа Гамбли (ibid.); *Каменоломни въ окрестностяхъ Москвы* (ibid.); *Мѣсторожденіе графита близъ г. Сердоболя, въ Финляндіи*

(ibid.); *Добыча каменнаго угля въ Европѣ* (ibid.); *О новомъ способѣ обращенія чугуна въ желѣзо и въ сталь* (№ 8 и 9); *Новѣйшія извѣстія о приготовленіи желѣза, по способу Бессемера* (ibid.); *Свѣденіе о двойной тюрбинѣ съ горизонтальнымъ валомъ, построенной на Екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ* (ibid.); *Способъ разложенія чугуна и желѣза Гурльта* (ibid.); *Мѣсторожденіе магнитнаго желѣзняка на берегу Чернаго моря.* Сообщ. академ. Абихомъ (ibid.); *Описаніе Путинцовскаго и Москвинскаго пріисковъ въ Алтайскомъ округѣ и развѣдочныхъ работъ, на нихъ производимыхъ*, Кулибина 2-го (ibid.); *Новый способъ испытанія сѣрнистыхъ соединеній свинца и сурьмы*, Леволя (ibid.); *О вольфрамѣ и нѣкоторыхъ его соединеніяхъ*, Риша (ibid.); *Геологическій очеркъ Суэзскаго перешейка*, Рено (ibid.); *Результаты опытовъ, произведенныхъ въ 1855 г. при нѣкоторыхъ частныхъ золотыхъ промыслахъ Канскаго и Енисейскаго округовъ, надъ примѣненіемъ амальгамаціи въ большомъ размѣрѣ, къ промывкѣ золотоносной мути* (ibid.). *Объ очищеніи золота, содержащаго въ себѣ осмистый иридій*, Бѣлозерова (№ 10); *Успѣхи неорганической химіи въ 1854 году* (ibid.); *Описаніе генератора для полученія газовъ изъ мелкаго каменнаго угля*, Дорошина (ibid.); *Мѣдные рудники близъ Верхняго озера, въ сѣверной Америкѣ* (ibid.); *О способахъ г. Патера для извлеченія серебра, кобальта и никкеля изъ богатыхъ Іоахансталькихъ рудъ*, Гауера (ibid.); *Углекислая известь, встрѣченная на пригоркахъ, въ степяхъ центральной Азіи* (ibid.); *О причинахъ иногда случающейся значительной потери серебра, при обжиганіи серебросодержащихъ рудъ и заводскихъ продуктовъ*, Платтнера (ibid.); *Искусственное метеорическое желѣзо* (ibid.); *Новый сплавъ*, Рюо и Фонтене (ibid.); *Извлеченіе мышьяка изъ металловъ, въ большомъ видѣ*, Патера (ibid.); *Сравнительная добыча золота въ различныхъ странахъ земнаго шара, въ теченіе нынѣшняго столѣтія* (ibid.); *Приготовленіе сѣрной кислоты изъ сѣрнокислой извести* (ibid.); *Новое соединеніе золота и ртути*, Ганри (ibid.); *О нѣкоторыхъ новыхъ сплавахъ*, Кальверта и Жонсона (ibid.); *Кремній*, Вёлера (ibid.); *Минералогическія замѣтки* (ibid.); *Минеральныя богатства Виртембергскаго королевства* (ibid.); *Еще нѣсколько словъ о графитѣ, добываемомъ въ окрестностяхъ г. Сердоболя, въ Финляндіи* (ibid.); *О горныхъ развѣдкахъ, близъ Суоярвскаго завода, въ восточной Финляндіи*, Влангали (№ 11); *Отчетъ о занятіяхъ Уральской химической лабораторіи за 1855—56 заводскій годъ* (ibid.);

Наблюденіе надъ мѣдью. Прибавленіе къ металлургіи мѣди Дика (ibid.); *Паденіе метеорическихъ камней* 13 *мая* 1855 *года, въ трехъ милляхъ къ югу отъ Бремерведе,* Гауссмана (ibid.); *Отзывъ Французскихъ горныхъ инженеровъ о стали,* Ухацiуса (ibid.); *Способъ опредѣленія сѣры въ желѣзѣ и чугунѣ,* Ноада (ibid.); *Замѣчанія о сплавахъ алюминія,* К. и А. Тиссье (ibid.); *Объ очищеніи борной кислоты, тинкала и буры,* А. Клуе (ibid.); *О торфяныхъ продуктахъ Шаллетона* (Tourbe Challeton), Рюльмана (ibid.); *Предварительная обработка шлаковъ для полученія желѣза по способу Мартьена* (ibid.); *Приготовленіе молибденовой кислоты,* Велера и Вика (ibid.); *Золотыя розсыпи во Французской Гвіанѣ,* В. А. Мальтъ-Брена (ibid.); *О сопротивленіи переплавленнаго чугуна* (ibid.); *О бронзовыхъ медаляхъ, приготовленныхъ на С. Петербургскомъ монетномъ дворѣ, въ память войны* 1853, 1854, 1855 и 1856 *г.,* Бѣлозерова (№ 12); *О приготовленіи на С. Петербургскомъ монетномъ дворѣ монетныхъ и медальныхъ штемпелей,* Бѣлозерова (ibid.); *О произведеніи весьма высокихъ температуръ Сенъ-Клеръ-Девилля* (ibid.); *Замѣчанія на изобрѣтенный Бессемеромъ способъ приготовленія желѣза* (ibid.); *Развѣдки бураго угля на юго-восточномъ отклонѣ южной части Уральскаго хребта и открытіе въ этой мѣстности пластовъ песчаника,* Антипова 2-го (ibid.); *Приготовленіе алюминія въ большомъ видѣ,* Дюма (ibid.); *Употребленіе алюминія въ настоящее время* (ibid.); *Усовершенствованный способъ приготовленія искусственной соды и сѣрной кислоты,* Коппа (ibid.); *Серебреніе и позолота стекла,* Н. Любиха (ibid.); *Печь для выжиганія кокса, братьевъ Аппольтъ, въ Зульцбахѣ,* К. Рерига (ibid.); *О парѣ сурьмы,* Шнейдера (ibid.); *О серебреніи стекла безъ нагрѣванія и мокрымъ путемъ,* Ж. Лове (ibid.); *Минералогическія замѣтки* (ibid.); *О приготовленіи и свойствахъ мышьяковой кислоты,* Е. Коппа (ibid.); *О составѣ синяго и зеленаго ультрамарина* (ibid.); *О баріѣ,* Матіессена (ibid.); *О приготовленіи торфа* (ibid.); сверхъ того въ отдѣлѣ Смѣси помѣщено 57 статеекъ.

— «Сравнительная добыча золота въ различныхъ странахъ земнаго шара въ-теченіе нынѣшняго столѣтія».—Изъ данныхъ, изложенныхъ въ этой статьѣ, видно: 1) что количество добычи золота въ различныхъ странахъ земнаго шара, въ-теченіе нынѣшняго столѣтія, болѣе чѣмъ удесятерилось, ограничиваясь въ 1800 г. болѣе 1,230 пудовъ и достигнувъ въ 1852 г. около 16,360 пуд.

2) Около 1845 г. Россія производила 47% всего количества золота; съ открытіемъ-же его въ Калифорніи, и потомъ въ Австраліи, процентъ производимости значительно уменьшился, а именно въ 1850 — до 20,9%, въ 1851 — до 15,8%, въ 1852 — до 8,9% и въ 1853 — до 10,8%; количество ежегодной добычи тоже нѣсколько уменьшилось. 3) Въ прочихъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Австріи, количество добычи золота совершенно ничтожно; въ Австріи-же оно ежегодно простирается отъ 123 до 130 пудовъ. 4) Въ южной Азіи получается всего золота до 570 пуд.; слѣд. производительность ея значительно менѣе сѣверной части, составляющей владѣнія Россіи. 5) Въ Африкѣ ежегодно добывается золота около 91 пуда. 6) Въ Мексикѣ и областяхъ южной Америки, вмѣстѣ взятыхъ, производимость простиралась до 10,8%; съ открытіемъ-же золота въ Калифорніи и Австраліи, процентъ производимости этихъ странъ упалъ до 7,8% въ 1851 г., до 4,7% — въ 1852 г. и до 5,7% — въ 1853 г. 7) Наибольшее количество добычи золота было въ Австраліи, гдѣ добыча началась всего съ 1851 г.; въ 1852 г. она вдругъ достигла до 7,520 пуд., понизясь въ слѣдующемъ-же году до 4,785 пуд. 8) Въ Калифорніи самое большое количество золота было добыто въ 1851 г., достигнувъ до 5,970 пуд. или 60,7%; въ слѣдующіе два года количество добычи уменьшилось».

XVII. Естественныя науки.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ явились слѣдующія статьи: *Летучая мышь*, Н. П. Вагнера (№ 14); *Старый и новый свѣтъ*, Арнольда Гюйо (№ 15); *Олени восточной Сибири*, И. П. Корнилова (ibid. № 16); *Круговой планиметръ Зарубина*, А. М. Ламовскаго (№ 15); *Астраханская водяная роза*, С. И. Гремяченскаго (№ 16, 18, 23 и 25); *Восковая пальма*, того-же автора (№ 17, 19, 20 и 21); *Горная природа Швейцаріи: II. Альпійская полоса* (№ 17, 18 и 19); *Паукъ-скакунчикъ*, В. Н. Рудакова (№ 17); *Рыбоводство*, С. А. Усова (№ 19, 20 и 21); *Гальванические опыты въ 1 Московскомъ кадетскомъ корпусѣ*, М. Ѳ. Спасскаго (№ 20); *Бертоллетово дерево* (ibid.); *Дикая Сирійская лошадь*, К. Ф. Рулье (№ 21 и 26); *Фульгуриты*, Ф. Араго (№ 21); *Первыя открытія въ астрономіи*, Митчеля (№ 21, 22 и 23); *Дятелъ*, В. Н. Рудакова (№ 22); *Гальвонопластика въ*

искусствахъ и въ природѣ. Изъ соч. Бабине (ibid.); *Горилла*. (№ 23); *Живъ ли Франклинъ?* Кена (№ 25); *Статистика градовъ въ Россіи*, А. Н. Егунова (ibid.); *Водоемы, или акваріумы*, А. Н. Богданова (№ 26); *Физіологическое дѣйствіе тяжести свѣта и теплорода*, Маттеучи (ibid.); *Землетрясеніе въ Селенгинскѣ*, Кельберга (ibid.); *Злаки* (ibid.).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по разнымъ отраслямъ естествознанія напечатаны слѣдующія статьи: *О вліяніи вѣтра на дождь въ Россіи*, К. Веселовскаго (Журн. мин. госуд. им. № 9); *О послѣднихъ весною и первыхъ осенью ночныхъ морозахъ въ Россіи*, его-же (ibid. № 10); *Объ учрежденіи естественно-историческаго музея въ Астрахани*, Бера (ibid. № 12); *Новѣйшіе успѣхи теоріи и приложенія естественныхъ наукъ* (От. зап. № 8, 9 и 12); *О происхожденіи антрацита и каменнаго угля*, Г. Е. Щуровскаго (Русск. Вѣстн. № 16); *Послѣдовательное развитіе жизни на нашей планетѣ*, Н. А. Любимова (ibid. № 17); *Замѣтки о Мертвомъ морѣ*, его-же (ibid.); *Ньютонъ, характеристика*, его-же (ibid. № 18); *Эрратическія явленія*, Г. Е. Щуровскаго (ibid. № 19); *Новѣйшія изслѣдованія о животной теплотѣ*, Н. А. Любимова (ibid. № 20); *Новости естественныхъ наукъ* (Моск. Вѣд. № 91, 95 и 124); *Извѣстія о небесныхъ картахъ, издаваемыхъ Берлинскою академіею наукъ* (ibid. № 88); *Собраніе натуралистовъ и врачей въ Вѣнѣ* (ibid. № 93); *Колебательное движеніе Европейскаго материка въ историческое и близкое къ историческому время*, проф. Щуровскаго (ibid. № 114 и 115); *Нѣсколько словъ о значеніи микроскопа въ новѣйшей ботаникѣ*, А. Бекетова (ibid. № 121 и 128); *Гальваническіе опыты въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ*, проф. Спасскаго (ibid. № 124); *О современномъ направленіи физическихъ изслѣдованій и означеніи законовъ природы*, проф. Спасскаго (ibid. № 125); *О нѣкоторыхъ новыхъ растеніяхъ*, В. Хлопова (ibid. № 129); *Значеніе и успѣхи метеорологіи*, И. П. (ibid. № 133 и 136); *Предстоящее покрытіе планеты Юпитера луною*, Б. Швейцера (ibid. № 152); *О дѣйствіи земнаго магнитизма на ходъ хронометровъ*, П. Коргуева (Морс. Сб. № 10); *Учрежденіе главной въ Россіи обсерваторіи, блаженныя памяти Императоромъ Николаемъ I*, В. Струве (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу статьи о воздухоплаваніи*, К. В. (ibid.); *Кирновскій камень* (ibid.); *О новомъ усовершенствованіи электрическихъ телеграфовъ* (ibid. № 11); *Замѣчанія объ устройствѣ земли и постоян-*

стептъ климатовъ, А. Савича (ibid.); *О приливѣ и отливѣ въ Бѣломъ морѣ*, М. Талызина (ibid. № 12).

XVIII. Медицинскія науки.

Въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ напечатаны: По практической медицинѣ и хирургіи: *Какъ должно понимать введеніе различныхъ лекарственныхъ веществъ въ организмъ посредствомъ гальваническаго тока?* Е. Пеликана и А. Савельева (№ 1); *О резекціяхъ и ампутаціяхъ*, І. Ф. Гейфельдера (ibid.); *О болѣзняхъ предстательной железы*, П. Заблоцкаго (№ 2); *Объ осложненіяхъ травматическихъ поврежденій черепа*, его-же (ibid.). По госпитальной клиникѣ и казуистикѣ: *Краткая характеристика эпидеміи, господствовавшей въ Крыму въ теченіе Крымской кампаніи*, П. Дьяконова (№ 1); *Случаи переломовъ костей, леченныхъ въ военно-временномъ № 2 госпиталѣ*, Ф. Кіяковскаго (№ 2). По военно-медицинской полиціи и гигіенѣ: *Нѣсколько вопросовъ относительно дѣйствія іодистаго калія, преимущественно въ токсикологическомъ отношеніи.* Результаты опытовъ, произведенныхъ Е. Пеликаномъ, вмѣстѣ съ докторами Арентомъ и Здекауеромъ (№ 1). По судебной медицинѣ: *Описаніе трупныхъ явленій и значенія ихъ при судебно-медицинскихъ и патологическихъ вскрытіяхъ человѣческихъ тѣлъ*, Іосифа Энгеля (№ 1 и 2). По Ветеринарнымъ наукамъ: *О значеніи чумопрививанія въ ветеринарной практикѣ*, А. Золотовскаго (ibid.). По военно-медицинской статистикѣ: *Изслѣдованіе состава Славянскихъ соленыхъ водъ и грязи*, проф. Е. М. Гордѣенко (№ 1); *Годовой отчетъ о болѣзняхъ, господствовавшихъ въ войскахъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса съ 1 ноября 1852 по 1 ноября 1853 г.*, К. А. Попова (ibid.); *О болѣзняхъ, господствовавшихъ въ военно-временномъ № 3 госпиталѣ* (въ г. Николаевѣ, Херсонской губерніи) *въ апрѣлѣ 1856 года*, проф. Т. С. Иллинскаго (ibid.); *Лабинскія перемежающіяся лихорадки, съ геологическимъ и медико-топографическимъ очеркомъ Лабинской линіи*, П. Попова (№ 2); *Количественный химическій анализъ воды въ рѣкахъ Наревѣ и Вислѣ, у крѣпости Новогеоргіевской, въ царствѣ Польскомъ*, Штерніталя (ibid.). Сверхъ того въ отдѣлѣ Смѣси помѣщено 13 статей, а въ отдѣлѣ Библіографіи разсмотрѣно 11 новыхъ изданій.

Въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ явились статьи: А. И. Полунина: *Некрологъ П. И. Страхова* (№ 3 и 4); А. И. Гли-

ки-Кендюкова: *Замѣчанія на счетъ холерныхъ больныхъ и леченія холеры въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники Императорскаго Московскаго университета, находящемся подъ дирекціею орд. проф. І. В. Варвинскаго* (ibid.); А. Ѳ. Редлиха: *Объ открытіи новаго водолечебнаго заведенія* (ibid.); Ал. Полунина: *продолженіе и окончаніе IV тома «Патологіи и терапіи или руководства къ акушерской клиникѣ». Соч. Сканцони*, переводъ съ измѣненіями и прибавленіями (ibid. № 5 и 6); заслуженнаго профессора Хр. Г. Бунге: *Практическая ветеринарная фармакологія, составленная по руководству профессора Гертвига* (№ 3 и 4); Ѳ. И. Иноземцева: *О бѣломъ размягченіи вещества головно-спинной нервной системы, какъ припадкѣ простуднаго катарра* (№ 5); А. И. Поля: *О нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, встрѣчающихся при камнедробленіи (литотритіи), и о мѣрахъ, къ которымъ нужно прибѣгать въ такихъ случаяхъ* (ibid.); *Отчеты по акушерской клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, за августъ, сентябрь и октябрь* 1856 *года* (ibid.); Е. Ф. Миндера: разборъ сочиненія профессора Фебуса: «Zur Vereinfachung der Arznei-Verordnungen».

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ Здравія, укажемъ на слѣдующія: *О количествѣ жизни на земномъ шарѣ* (№ 14 и 15); *Новѣйшее ученіе о происхожденіи паразитовъ въ человѣческомъ тѣлѣ*, Шлегеля (№ 15); *Клиническія лекціи*, Н. И. Пирогова (№ 23); *Нѣсколько наблюденій къ разрѣшенію вопроса объ отношеніяхъ холеры къ нѣкоторымъ другимъ болѣзнямъ*, А. Вѣтрова (№ 24); *По вопросу о возможности передачи сифилиса посредствомъ оспы*, І. Ф. Гейфельдера (№ 25 и 26); *О кормленіи грудныхъ дѣтей, въ гигіеническомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ*, Грума (№ 29); *Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ огнестрѣльныхъ ранъ*, Минкевича (№ 30); *Примѣненіе новѣйшихъ физіологическихъ данныхъ къ патологіи и терапіи діабета*, В. Шебякина (№ 31, 32 и 33); *О способахъ леченія перемежающагося сумасшествія*, проф. Иноземцова (№ 34); *Критическій обзоръ всѣхъ методовъ леченія коклюша*, Зиссермана (№ 35, 36 и 37); *Наблюденія надъ холерою въ Финляндскихъ военныхъ госпиталяхъ съ 25 октября 1855 по 1 января 1856 г.*, І. Ф. Гейфельдера (№ 38); *Замѣчательный случай мѣшетчатой опухоли въ мягкомъ небѣ*, Лаговскаго (№ 39); *Мочегонное дѣйствіе лимоновъ и ягодъ морошки*, Тринковскаго (№ 40).

Къ медицинскимъ наукамъ относятся также статьи: *Контузіи*, В. Даля (Морс. Сб. № 13); *Взглядъ врача на Горація и его творенія* (Сынъ От. № 37), и *Нѣчто о гомеопатіи* (С. Пб. Вѣд. № 203 и 204).

XIX. Промышленость, технологія и сельское хозяйство.

Къ теоретической части хозяйство относятся слѣдующія статьи: *Наблюденія надъ количествомъ теплоты и влажности, необходимымъ при выращиваніи хлѣбныхъ растеній*, ст. Рего съ примѣчаніями Веселовскаго (Журн. мин. гос. им. № 11); *О способахъ улучшенія производительности полей, луговъ и выгоновъ*, Соколова (Журн. сельс. хоз. № 7); *Собраніе постановленій объ огражденіи луговъ, полей, лѣсовъ и пр.* (Зап. Им. Каз. эк. общ. № 12); *Объ управленіи имѣніями* (Земл. газ. № 60); *Объ управленіи рабочими людьми* (ibid. № 98).

— «Наблюденія надъ количествомъ теплоты и влажности, необходимымъ при выращиваніи хлѣбныхъ растеній». — «Въ различныхъ климатахъ — говоритъ г. Рего — находятся и различныя растенія. За богатой флорой пальмовыхъ, банановыхъ и подобныхъ деревъ тропической страны, слѣдуютъ вѣчно-зеленѣющія миртовыя и лавровыя деревья; за ними произрастаютъ виноградъ, кипарисы и лиственные лѣса; потомъ эти смѣняются хвойными лѣсами нашихъ сѣверныхъ странъ, переходящими въ свою очередь въ кустарники далекаго сѣвера, и наконецъ одни только мхи и нѣкоторые злаки встрѣчаются до предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ и морозовъ, гдѣ нѣтъ болѣе никакой растительности. Такимъ образомъ каждое растеніе имѣетъ свое отечество, свою родную страну, гдѣ оно хорошо произрастаетъ. Правда, человѣкъ старается разводить нѣкоторыя растенія и въ другихъ странахъ, акклиматизировать ихъ, — что ему часто удается, если условія произрастанія растеній не слишкомъ удаляются отъ условій родной ихъ страны. Но все-таки растенія акклиматизированныя растутъ гораздо бѣднѣе и хуже, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Причина хорошаго произрастанія растеній въ опредѣленныхъ только странахъ зависитъ, безъ-сомнѣнія, отъ климата тѣхъ странъ, т. е. отъ степени теплоты и влажности, которыя необходимы для развитія и произрастанія растеній. Основываясь на этомъ, Буссенго составилъ теорію, что каждое растеніе требуетъ для своего произрастанія и разви-

тія извѣстнаго количества теплоты (1). Теорія эта была принята впослѣдствіи Альфонсомъ Декандолемъ (2). На основаніи ея, если число дней, необходимыхъ для произрастанія какого-либо растенія, умножить на среднюю ихъ температуру, то полученное произведеніе количества теплоты должно быть одно и то-же во всѣхъ странахъ, гдѣ растеніе это произрастаетъ. Наоборотъ, если количество теплоты, требуемое для произрастанія растенія, извѣстно, то въ этомъ есть средство напередъ опредѣлить — возможно-ли разводить это растеніе въ другой странѣ. Само собою разумѣется, что для этой цѣли должны быть произведены метеорологическія наблюденія въ той мѣстности, въ которой предполагается разводить растеніе. Основываясь на теоріи Буссенго, можно составить слѣдующія формулы, принимая количество теплоты, необходимой извѣстному растенію для его произрастанія за K, ежедневную среднюю температуру за T, а число дней, въ которые растеніе произрастало, за D:

$$1)\ \frac{K}{D} = T, \text{ или}$$

$$2)\ K = T.\,D.$$

«Если напримѣръ ячмень требуетъ отъ своего всхода до со-

(1) Изъ этихъ словъ можно-бы подумать, что Буссенго первый высказалъ мысль, что каждое растеніе требуетъ для своего развитія извѣстнаго количества теплоты. Но это совершенно несправедливо. Едва Реомюръ далъ правильныя основанія дѣленіямъ термометра, какъ уже онъ предложилъ дѣлать сравненія между суммами температуръ и продолжительностью растительности извѣстныхъ растеній. Адамсонъ, Котте, старались объ осуществленіи этого предложенія, но они не имѣли еще необходимыхъ данныхъ для полученія точныхъ результатовъ. Буссенго-же предложилъ только новый способъ, болѣе точный, для выраженія связи между теплотою и растительностью. *Примѣч. акад. Веселовскаго.*

(2) Если А. Декандоль сперва принималъ гипотезу Буссенго, то нельзя умолчать, что впослѣдствіи онъ самъ замѣтилъ ея недостаточность и въ своемъ сочиненіи Géographie botanique raisonnée (1855, tom. I, стр. 51—54) указалъ разныя причины погрѣшностей, которымъ она подвержена; вслѣдствіе этого онъ предложилъ иной способъ для опредѣленія связи между теплотою и растительностью. Кромѣ того, если ужъ упоминать о различныхъ гипотезахъ ученыхъ по этому предмету, то нельзя не указать на предположенія Кетле и Бабине, явившіяся послѣ гипотезы Буссенго и имѣющія цѣлью устранить недостатки сей послѣдней. *Примѣч. акад. Веселовскаго.*

зрѣванія сѣмянъ 1276° теплоты, а ежедневная средняя теплота послѣ посѣва будетъ 14,5°, то ячмень дозрѣетъ въ 88 дней;

$$\frac{1276}{14,5} = 88, \text{ или}$$

$$14,5 \times 88 = 1276.$$

«Законъ этотъ, впрочемъ, въ-дѣйствительности значительно измѣняется разными другими обстоятельствами, оказывающими свое вліяніе на произрастаніе растеній. Такъ, между прочимъ, большая или меньшая степень влажности или засухи производятъ значительное измѣненіе въ продолжительности созрѣванія растеній, и особенно въ этомъ отношеніи важную роль играетъ количество своевременно-выпавшаго дождя. При излишнемъ количествѣ дождя, періодъ развитія растеній удлинняется и требуется гораздо бо̀льшая степень теплоты, чѣмъ при засухѣ, какъ это видно изъ приложенныхъ таблицъ. Напротивъ, чѣмъ воздухъ теплѣе и менѣе влаженъ, тѣмъ растенія развиваются скорѣе. Одинъ и тотъже сортъ ячменя вызрѣваетъ напримѣръ въ умѣренныхъ и влажныхъ климатахъ въ-теченіе двадцати недѣль, между-тѣмъ-какъ въ болѣе сѣверномъ и сухомъ климатѣ требуется на это менѣе половины того-же самаго времени. Далѣе, чѣмъ больше ясныхъ дней, тѣмъ скорѣе развивается растительность, и тѣмъ меньше становится количество теплоты, необходимое для полнаго развитія и созрѣванія растеній. Въ Архангельской напримѣръ губерніи количество теплоты для развитія какого-либо растенія будетъ гораздо менѣе, чѣмъ въ Курляндской: потому что тамъ лѣтнія ночи гораздо короче, и потому растенія могутъ пользоваться бо̀льшимъ количествомъ свѣта, чѣмъ въ Курляндской губ. Нѣкоторыя растенія требуютъ для своего развитія высокой температуры, а при низшей развиваются гораздо хуже, хотя-бы количество теплоты было такое-же, какое имъ необходимо для полнаго своего развитія. Такъ напримѣръ дыни и арбузы произрастаютъ гораздо лучше въ Астраханской губерніи, чѣмъ въ Волынской, хотя въ послѣдней количество лѣтней теплоты гораздо больше. Занимаясь нѣсколько лѣтъ наблюденіями относительно времени посѣва хлѣбныхъ растеній, цвѣтенія и созрѣванія ихъ, я составилъ въ настоящее время таблицы, въ которыхъ выведено количество теплоты и влажности, необходимыхъ для выращиванія главнѣйшихъ хлѣбныхъ растеній. Наблюденія сдѣланы надъ растеніями, выращиваемыми въ ботаническомъ саду Горыгорецкаго земледѣльче-

скаго института. Мѣстность сада составляетъ отклонъ къ юговостоку; почва богатая суглинистая. Растенія разводятся на грядахъ и отличаются значительно ростомъ и урожаемъ отъ сосѣднихъ, выращиваемыхъ на поляхъ. Однакожь время посѣва, всхода, цвѣтенія и созрѣванія плодовъ совпадаетъ почти совершенно съ растеніями, разводимыми на поляхъ, въ окрестностяхъ института. Метеорологическія наблюденія производимы были г. профессоромъ Шмидтомъ. До 1851 года они производились четыре раза въ сутки, именно въ 10 часовъ утра, въ 2 и 4 часа по полудни и въ 10 часовъ вечера. Съ 1851 года наблюденія производились въ 6 часовъ утра, 2 ч. по полудни и въ 10 часовъ вечера. Метеорологическія наблюденія отпечатаны въ особенной брошюркѣ, изъ «Свода наблюденій, произведенныхъ въ главной физической и подчиненныхъ ей обсерваторіяхъ».

Г. академикъ Веселовскій въ заключеніе своихъ примѣчаній присовокупляетъ: «Вообще замѣчу, что отысканіе связи между теплотою и растительностью занимало многихъ знаменитыхъ ученыхъ; но задача, какъ всегда, когда мы имѣемъ дѣло съ живыми силами органической природы, оказалась не столь проста, какъ представлялась сначала. Розыскивая связь между температурою и растительностію, очевидно нельзя упускать изъ вида и другихъ климатическихъ элементовъ; кромѣ того, при подобномъ изслѣдованіи нельзя не различать растеній дикорастущихъ отъ разводимыхъ искусствомъ человѣка, растеній въ особенности многолѣтнихъ и древесныхъ, обсѣменяющихся и размножающихся сами собою, и такихъ, которыя, въ данной мѣстности будучи посажены или искусственно выращены въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, продолжаютъ рости въ этихъ особяхъ, но не размножаются естественнымъ образомъ. Кромѣ того, изъ замѣченнаго факта, что нѣкоторыя по-крайней-мѣрѣ растенія подвержены закону миграціи, переселенія, точнѣе—постепеннаго расширенія своей области нахожденія, должно заключать, что ненахожденіе въ данной мѣстности извѣстнаго растенія не есть еще само по себѣ прямое доказательство того, что оно тамъ и не можетъ произрастать по климатическимъ причинамъ, пока прямые опыты или многостороннія изслѣдованія не доказали противнаго. Наконецъ, задача усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ климата, при объясненіи предѣловъ распространенія какихъ-либо растеній, нельзя упускать изъ вида возможнаго вліянія почвы и геогности-

ческаго характера. Въ подтвержденіе приведу только два примѣра: на Дону, по свидѣтельству профессора Эверсмана (1), первые виноградники начинаются недалеко отъ станицы Нижнечирской; слѣдовательно кажется-бы, что здѣсь, подъ 48° 15′ с. ш., возможность разведенія винограда на открытомъ воздухѣ достигаетъ своего самаго сѣвернаго предѣла; но, взглянувъ на геогностическую карту Мурчисона, изданную А. Д. Озерскимъ, мы видимъ, что именно здѣсь сходятся границы двухъ различныхъ формацій—мѣловой, распространяющейся на сѣверъ отъ долины р. Чира, и эоценовой, развивающейся на югъ отъ нея. Другой примѣръ: по замѣчанію г. Эверсмана (2), Кама при устьѣ своемъ составляетъ ботаническую межу: къ сѣверу вообще флора сѣверная Европейская, а къ югу флора степей; но есть-ли это предѣлъ климатическій или геогностическій? Взглянувъ опять на карту Мурчисона, мы видимъ, что именно въ этомъ мѣстѣ сходятся двѣ различныя геологическія формаціи. Этими замѣчаніями я хотѣлъ только сказать, что изслѣдованія о связи климата вообще, или главнаго климатическаго элемента — теплоты, съ растительностью, принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ, требующихъ многосторонняго изученія; при нынѣшнемъ успѣхѣ науки, они разрослись до того, что, по весьма справедливому положенію А. Декандоля, составляютъ собою главную часть цѣлой науки — *ботанической географіи*. Поэтому, приступивъ къ одной изъ главныхъ задачъ этой науки съ немногими отрывочными фактами, нельзя не впасть въ односторонность, особенно-же если изслѣдователь взялъ въ руководство одну какую-нибудь гипотезу, не подвергнувъ ее критикѣ и не обративъ даже вниманія на возраженія, сдѣланныя противъ нее другими учеными, и на позднѣйшія гипотезы, предложенныя извѣстными авторитетами науки въ разрѣшеніе той-же задачи. Я думаю, что еслибы г. Рего ознакомился съ современнымъ состояніемъ изслѣдованій относительно связи между теплотою и растительностью и принялъ-бы къ соображенію хотя труды по этому предмету Гаспарена, Кетле и въ особенности А. Декандоля (въ его послѣднемъ сочиненіи: «Géographie botanique raisonnée»), то

---

(1) Выписка изъ донесенія о путешествіи г. Эверсмана въ 1830 г. къ Кавказскимъ горамъ, въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1831, XXXI, 171.

(2) Путешествіе отъ Казани по разнымъ мѣстамъ Оренбургской и Астраханской губерній 1829; въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* 1830, XXVIII, 500.

онъ во многомъ измѣнилъ-бы свои вычисленія, представленныя въ приведенныхъ выше таблицахъ».

— По земледѣлію: *Объ обработки земли вообще*, А. Копфа (Тр. Имп. в. эк. общ. № 7); *О постепенномъ развитіи и совершенствованія земледѣлія въ Англіи* (ibid. № 11, 12); *Частные предметы земледѣлія Англичанъ, заслуживающіе вниманія иностранныхъ сельскихъ хозяевъ*, Копфа (ibid.); *О воздѣлываніи и обработкѣ льна*, Навлянскаго (Журн. с. х. № 8, 9); *О воздѣлываніи пшеницы въ Ананьевскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи*, Н. Гижицкаго (Зап. Имп. е. х. юж. Рос. кн. 3); *Почему воздѣлываніе рядами и плугополольная система находятъ столь мало распространенія?* (Земл. газ. № 67); *Объ удобреніи полей торфомъ* (ibld. № 71); *Нѣчто о желтомъ лупинѣ* (ibid. № 76); *Мысли о сельскомъ хозяйствѣ въ песчаныхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи* (ibid. № 77); *Мысль о четырехпольномъ сѣвооборотѣ* (ibid. № 78); *Мысль объ отношеніи полеводства къ луговодству* (ibid. № 79).

— По скотоводству: а) по скотоводству вообще: *Разведеніе животныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ Тверской губерніи*, В. Преображенскаго (Журн. м. г. им. № 9, 10, 11); *Объ акклиматизаціи животныхъ*, Богданова (Журн. с. х. № 12); *Наблюденія при падежѣ скота отъ чумы* (Земл. газ. № 54, 55); *О кормленіи, содержаніи и откармливаніи животныхъ* (ibid. № 84, 85); б) по овцеводству: б) *О воспаленіи селезенки у овецъ*, А. Ренье (Тр. Имп. в. эк. общ. № 9); *Причина объѣданія овцами одна на другой шерсти и средства къ отвращенію этого* (Земл. газ. № 63); *Шленскія овцы* (ibid. № 69, 70); *О Крымскомъ рогатомъ скотѣ* (ibid. № 78); в) по коннозаводству: въ Журн. Конноз. и Охоты: *Лекціи профессора Гюеля объ упражненіяхъ* (№ 7); *Коннозаводскія учрежденія въ Алжиріи* (ibid.); *О выкидышахъ и содержаніи заводскихъ жеребыхъ кобылъ* (ibid.); *Улучшеніе породъ* (№ 8); *Подсѣдальная болѣзнь* (№ 8); *Леченіе вывиховъ, свойство и мѣстопребываніе поврежденій, при этомъ бывающихъ, и историческое разысканіе о способахъ леченія, употреблявшихся въ различное время* (№ 9); *Нѣсколько словъ о переломахъ ногъ у лошадей* (ibid.); *О произведеніи и улучшеніи лошади въ Алжиріи; Верховая лошадь; О системѣ воспитанія лошади во Франціи* (№ 10); *Годъ практики* (№ 10, 11, 12); *Калмыцкія лошади* (Земл. газ. № 58); *Вятскія лошади* (ibid. № 66); *Битюги* (ibid. № 74, 75); *Орловскія рысистыя лошади* (ibid. № 91, 92); г) по части охоты въ Журн. Конноз. и Охоты:

Охота на зайцевъ со становья или изъ засады и съ сътью и ширмами (№ 7); *Болъзни собакъ* (№ 8); *Школа съ гончими или охотничье дъло въ Нормандіи* (ibid.); *Дъйствія подати за собакъ во Франціи; Охота на медвъдей на Уралъ; Охота съ гончими* (№ 9); *Охоты въ Стиріи* (№ 10, 11, 12); въ Газ. и Лѣсов. Охоты: *Два случая на охотъ за тиграми и львами въ Индіи* (№ 28); *Случай на охотъ въ Америкъ* (№ 36); *Соколиная охота въ Голландіи* (№ 37, 38); *Воспоминаніе и Сибирской охотъ* (№ 39); *Принадлежности охоты* (№ 39, 43, 44, 45, 47, 48); *Охота за медвъдемъ на Уралъ* (№ 48); *Нъсколько анекдотовъ о дерзости и хищничествъ волковъ* (№ 49); *Ньюфаундлендская собака* (№ 50); *Нъкоторыя мысли и замъчанія о весенней стръльбъ* (№ 52).

— «Нѣсколько анекдотовъ о дерзости и хищничествѣ волковъ».—Приводимъ изъ этой статьи описаніе слѣдующаго случая, разсказаннаго помѣщикомъ Лифляндской губерніи: «Однажды зимой я послалъ верхомъ моего человѣка, Бартеля, съ письмомъ верстъ за десять. Возвращаясь домой лѣсомъ, Бартель проѣхалъ болѣе половины пути совершенно благополучно и только уже верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дому лошадь его стала какъ-то по-временамъ безпокоиться и шевелить ушами. Осмотрѣвшись кругомъ, но не видя ничего необыкновеннаго, Бартель продолжалъ путь свой. Но постепенно-возрастающее безпокойство лошади заставило его наконецъ обернуться и онъ замѣтилъ 4-хъ волковъ, которые прокрадывались въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи лѣсомъ. Такъ-какъ до дому осталось всего версты 2 или даже менѣе, то Бартель, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ маленькой сабли, которую всегда бралъ съ собою, разсчиталъ, что лучше всего спасаться бѣгствомъ и пришпорилъ лошадь. Однако волки поняли его намѣреніе и также ускорили свой бѣгъ. Между тѣмъ лѣсъ кончился и до дому оставалась только одна верста. Дорога полемъ сдѣлалась шире и волки, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, забѣжали впередъ лошади. Она испугалась, увидѣвъ ихъ, бросилась въ сторону и Бартель, неожидавшій этого движенія, упалъ въ снѣгъ и въ то-же мгновеніе почувствовалъ на груди своей острыя когти. Однако онъ успѣлъ еще во-время подняться и отогналъ отъ себя хищника, который вмѣстѣ съ товарищами своими пустился преслѣдовать бѣдную лошадь. Нѣсколько минутъ она отчаянно сопротивлялась, но наконецъ волки, загнавъ ее въ глубокій снѣгъ, бросились на нее со всѣхъ сторонъ. Она пронзи-

тельно заржала и повалилась. Бартель оставался во все это время на мѣстѣ и издали смотрѣлъ на эту сцену. Вдругъ изъ лѣсу выскочили еще два волка, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, бросились на него и сбили его съ ногъ. Ужасная смерть быть растерзаннымъ волками и отчаяніе придали Бартелю такую невѣроятную силу, что онъ еще разъ на нѣсколько секундъ успѣлъ освободиться отъ хищниковъ; но видъ крови его, замаравшей снѣгъ, еще болѣе усилилъ ихъ ярость. Минута была самая критическая. Хинко (собака) былъ въ это время дома и спокойно спалъ въ кухнѣ возлѣ жены Бартеля. Вдругъ, вѣроятно, услышавъ ржаніе лошади, онъ насторожилъ уши и вскочилъ. Потомъ подбѣжалъ къ дверямъ и съ визгомъ посматривая на женщину, сталъ помахивать хвостомъ, какъ-бы прося ее отворить. Такъ-какъ подобнымъ образомъ онъ всегда встрѣчалъ Бартеля, то женщина, думая, что и на этотъ разъ пріѣхалъ ея мужъ, отворила дверь и Хинко стремглавъ пустился къ лѣсу, хотя на дорогѣ ровно никого не было видно. Тѣ, которые бывали въ смертельныхъ опасностяхъ, обыкновенно говорятъ, что въ эти минуты ни о чемъ другомъ не думаешь, какъ только о собственномъ спасеніи. Но Бартель увѣрялъ меня, что мысль о женѣ и дѣтяхъ не покидала его ни на одно мгновеніе и что она-то именно и придавала ему силу и мужество. Не смотря однако на то, онъ все-таки видѣлъ, что ему не справиться съ своими кровожадными врагами и внутренно уже приготовлялся къ смерти, какъ вдругъ между волками появился какой-то новый звѣрь. Когда Бартель увидѣлъ наконецъ, что это Хинко—собака уже давно боролась съ хищниками—неожиданное прибытіе ея возвратило Бартелю бодрость. Рѣшившись отстоять во что-бы то ни стало своего вѣрнаго друга, онъ съ яростью кинулся на волковъ и первымъ-же ударомъ сабли свалилъ одного изъ нихъ. Въ то-же время Хинко ухватилъ за горло другаго, а Бартель добилъ его эфесомъ. Побѣдители возвратились домой въ самомъ ужасномъ видѣ, но къ-счастію ни Бартель, ни Хинко не были опасно ранены и вскорѣ оба оправились. Нечего, я думаю, говорить, что съ-этихъ-поръ между ними завязалась самая нѣжная и трогательная дружба».

— По лѣсоводству: *Лѣса Владимірской губерніи*, Дубенскаго (Ж. с. х. № 8, 9); *Замѣчанія о лѣсоразведеніи вообще и о состояніи лѣсныхъ посадокъ въ селѣ Моховомъ*, Майера (ibid. № 12); *О выжиганіи угля*, И. Юрковскаго (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 12); въ

Газ: Лѣсов. и Охоты: *Статистическое описаніе въ лѣсномъ отношеніи Валуйскаго уѣзда Воронежской губерніи* (№ 27); *О вычисленіи запаса и прироста лѣса на пробныхъ площадяхъ* (№ 27, 28); *Объ устройствѣ среднихъ лѣсовъ* (№ 29); *О составленіи статистическаго описанія устроенныхъ лѣсныхъ дачъ* (ibid.); *Бесѣда о томъ, что по расчету выгодно и что убыточно въ хозяйствѣ помѣщичьимъ лѣсомъ* (№ 30); *О съемкѣ ситуаціи въ кварталахъ и составленіи вѣдомости исчисленія площадей* (ibid.); *О правильномъ выборочномъ лѣсномъ хозяйствѣ* (№ 32, 33); *Зола* (№ 34); *Поѣздка въ Дарму* (№ 32, 33, 34, 35); *Краткій обзоръ Подольской губерніи въ лѣсномъ отношеніи* (№ 35); *Шадрикъ* (№ 36); *О лѣсныхъ дорогахъ* (ibid.); *О вліяніяхъ чужеядныхъ растеній на лѣсныя деревья* (№ 37); *Письма Русскаго лѣсничаго изъ Германіи* (№ 38, 46, 47); *Валовая заготовка дровъ на Пермскихъ заводахъ* (№ 38); *О важнѣйшихъ причинахъ неразсчетливаго сведенія помѣщичьихъ лѣсовъ* (№ 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44); *Нѣсколько словъ о появленіи непарнаго шелкопряда въ лѣсахъ Сапожковскаго лѣсничества* (№ 45); *О жизни растеній* (№ 45, 46); *О лѣсо-ботаническихъ признакахъ хвойныхъ породъ, произрастающихъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ* (№ 48, 49); *Наблюденіе и ученіе въ лѣсу* (№ 50); *Описаніе ракитоваго шелкопряда и причиняемаго имъ вреда* (ibid.); *Какого рода лѣсовозращеніе заслуживаетъ въ Россіи предпочтеніе — искусственное или естественное?* (№ 51); *Нѣсколько замѣчаній о лиственницѣ на Альпахъ* (ibid.); *О пересадкѣ деревъ* (ibid.); *Взглядъ на лѣсоустройство* (№ 52).

— «Наблюденіе и ученіе въ лѣсу». — Мы приведемъ изъ этой прекрасной статьи нѣсколько отрывковъ съ тою цѣлію, что содержаніе этой статьи легко можетъ быть примѣнено къ занятію всякаго, посвятившаго свою дѣятельность на изученіе той или другой отрасли знаній, почерпаемыхъ непосредственно изъ природы. «Вѣроятно—говоритъ г. Боде—ни одинъ лѣсничій не сомнѣвается въ той истинѣ, что лучшая наставница для него—природа. Теорія лѣснаго хозяйства образовалась изъ наблюденій. Прежде всего необходимо было дѣлать наблюденія и производить опыты, и на нихъ ужe построить теорію. Но какъ природа въ своихъ проявленіяхъ бываетъ разнообразна, смотря по мѣстности, то неудивительно, что наблюденія нерѣдко приводятъ къ различнымъ результатамъ, и что объ одномъ и томъ-же предметѣ образовались, если и не прямо противорѣчащія, то по-крайней-мѣрѣ часто несходныя мнѣнія и ученія. Это-то

обстоятельсво должно побуждать каждаго лѣсничаго безпрестанно наблюдать, дабы постепенно разъяснить кажущіяся противорѣчія теоріи и обогатить свою опытность. Пересматривая обширную литературу лѣсоводства, покажется неудивительнымъ, если иному и придетъ на мысль, что всѣ явленія въ лѣсахъ уже достаточно изслѣдованы и что ничего новаго болѣе открыть нельзя; но, вникая болѣе въ дѣло, оказывается, что лѣсничему наблюдателю остается рѣшить еще много задачъ. Для того, чтобы результатъ наблюденій былъ хотя сколько-нибудь поучителенъ, необходимо прилежаніе и умѣнье наблюдать. О первомъ условіи нечего говорить; пояснимъ второе. Для успѣшнаго наблюденія недостаточно лишь *видѣть;* кто лишь *видитъ*, тотъ еще *не наблюдаетъ*. Подъ наблюденіемъ разумѣется точнѣйшее вниканіе, изслѣдованіе и объясненіе видѣннаго предмета или замѣченнаго явленія. Только при этихъ условіяхъ возможно выводить изъ наблюденій своихъ результаты и по нимъ дѣлать полезныя примѣненія въ лѣсномъ хозяйствѣ». Авторъ избираетъ, повидимому, самое обыкновенное явленіе въ жизни растеній—паденіе сѣмянъ съ деревъ, и показываетъ, сколько данныхъ можетъ родиться въ наблюдателѣ этого явленія. «Мы ежегодно видимъ паденіе сѣмянъ съ деревъ; но это паденіе сопровождается различными явленіями у сосны, пихты, ольхи, осины, березы, дуба и проч. Если при видѣ этого явленія зададимъ себѣ простые вопросы: когда, какъ и куда летитъ или падаетъ спѣлое сѣмя, то намъ представится множество отвѣтовъ, которые тотчасъ указываютъ на разнобразныя предназначенія природы, достигаемыя этими различествующими явленіями». «Изъ такихъ наблюденій смѣло можно составить законы возращенія различныхъ древесныхъ породъ; и какъ эти законы предписаны наблюдателю какъ-бы самою природою, то они въ извѣстномъ отношеніи могутъ быть названы *законами природы*. Для примѣра приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) Всѣ древесныя породы, сѣмена которыхъ отлетаютъ далеко отъ дерева, при искусственномъ разведеніи не требуютъ въ первые годы жизни накакой защиты и прикрытія. 2) Всѣ древесныя сѣмена, опадающія прежде листвы и недалеко отъ сѣменнаго дерева, при искусственномъ посѣвѣ для хорошаго всхода требуютъ значительнаго прикрытія землею и защиты. 3) Чѣмъ далѣе сѣмя какой-либо породы отлетаетъ отъ сѣменного дерева, тѣмъ менѣе всходъ его зависитъ отъ свойства почвы». Мы указали примѣрами, какимъ-образомъ лѣсничій по-

средствомъ наблюденій можетъ узнать отъ самой природы первыя потребности растенія, предоставленнаго его попеченію; а какъ жизнь всякаго растенія сопровождается извѣстными явленіями, то изъ нихъ внимательный наблюдатель можетъ вывести правила и для дальнѣйшаго ухода за растеніями. Каждая маленькая площадка въ лѣсу, на которой подъ защитою старыхъ деревъ произрастаютъ молодыя древесныя растенія, ясно говоритъ испытующему взору наблюдателя о потребныхъ для нихъ степеняхъ свѣта и отѣненія. Многословныя книги не въ-состояніи впродолженіе нѣсколькихъ часовъ разсказать того, что при одномъ взглядѣ въ самомъ лѣсу познается ясно и врѣзывается въ память. Правда, всѣ описанія признаковъ здороваго или больнаго взрослаго подъ защитою растенія вразумительны; но при сравненіи тѣхъ-же растеній на мѣстѣ ихъ произрастеній открывается множество признаковъ и примѣтъ, о которыхъ ничего не упомянуто въ книгахъ. Каждый лѣсъ представляетъ въ томъ или другомъ отношеніи отступленія отъ способа обращенія съ одною и тою-же древесною породою и тѣмъ побуждаетъ лѣсничаго къ новымъ наблюденіямъ и изученіямъ. Какъ напр. различенъ уходъ за сосною въ разныхъ мѣстахъ ея произрастанія? Начиная отъ формы корней и до самой вершины представляются разности, зависящія отъ мѣстности. При тщательномъ изслѣдованіи каждаго отступленія въ произрастаніи одной и той-же древесной породы, открываются извѣстные признаки, указывающіе на необходимость, смотря по различію мѣстности, особеннаго способа ухода за этой породой. При этомъ однако необходимо одно условіе: умѣнье изслѣдованія, потому-что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на всѣ вопросы — если только они сдѣланы разумно — природа даетъ отвѣты. Многому, очень многому мы можемъ научиться въ нашихъ лѣсахъ! Немногіе сдѣланныя уже открытія заставляютъ предполагать цѣлое сокровище неузнанныхъ еще истинъ о сокрытомъ для взоровъ нашихъ дѣйствіи природы. Лишь при прилежномъ изученіи лѣсовъ возможно достиженіе той цѣли, въ которой должно быть направлено все наше стремленіе, т. е. основаніе Русскаго лѣснаго хозяйства, сообразнаго съ временемъ и мѣстностію. Германское лѣсное хозяйство, которымъ мы руководствуемся теперь, указываетъ, что не ко всѣмъ древеснымъ породамъ Русскихъ лѣсовъ можно примѣнять правила этого хозяйства. Такъ напр. мало примѣнимы правила Германскаго лѣсоводства къ разведенію дуба въ Тульской гу-

берніи и во всей восточной Россіи. Гдѣ, какъ не у насъ, изъучать удобнѣйшій способъ посадки и разведенія лиственницы для потребностей флота? Никто не знаетъ, какія именно мѣры, смотря по мѣстности, слѣдуетъ принять для предупрежденія исчезновенія въ нашихъ лѣсахъ липы; необходимыя для того средства могутъ указать одни лишь дѣлаемыя въ лѣсахъ наблюденія. Тамъ мы должны вопрошать самыя деревья и они сами пояснятъ намъ, почему напр. у насъ породы, требующія свѣта, не только выносятъ въ молодости сильную защиту, но даже требуютъ ея». «Но не одно только наблюденіе и изслѣдованіе таїнаго дѣйствія природы составляетъ предметъ наблюденій лѣсничаго; главное дѣло состоитъ въ ученіи въ лѣсу, на которое мы намѣрены здѣсь обратить вниманіе читателей. Многіе думаютъ, что достаточно пріобрѣсти теоретическія познанія, чтобы быть въ-состояніи хорошо устроить хозяйство въ каждомъ лѣсу. Это мнѣніе совершенно несправедливо и весьма нерѣдко случается, что лѣсничіе, получившіе хорошее теоретическое образованіе, оказываются очень неспособными на самомъ дѣлѣ. Это происходитъ отъ того, что они, на основаніи теоріи, составляютъ себѣ о лѣсахъ такое понятіе, которое совершенно не сходно съ дѣйствительностію вовсе не подтверждается на самомъ дѣлѣ. Усилившаяся, какъ извѣстно, въ наше время страсть къ попыткамъ подводить подъ извѣстныя математическія формулы не только приростъ и отношенія растительности, но и самое состояніе лѣсовъ, — эта страсть утвердила многихъ въ томъ мнѣніи, что достаточно одного основательнаго изученія математики для образованія лѣсничихъ, которые былибы въ-состояніи съ успѣхомъ примѣнять изученныя ими формулы къ хозяйству каждаго лѣса. Но при первоначальной практикѣ въ лѣсу тотчасъ убѣждаемся, что эти отвлеченныя исчисленія служили лишь для того, чтобы установить опредѣленное отношеніе между преподавателемъ и учениками. Тогда-то начинается настоящее ученіе и только при усиленномъ прилежаніи удается частію исправить ошибочныя представленія, частію-же усвоить себѣ новыя. Учащемуся представится множество предметовъ, основанныхъ на практическомъ воззрѣніи и упражненіи, о которыхъ въ теоріи говорится только поверхностно, а между-тѣмъ приступъ къ нимъ требуетъ извѣстныхъ пріемовъ, хотя и простыхъ, но такихъ, которые могутъ быть изучены только на самой практикѣ». «Сколько разъ прежніе наши ученики, послѣ однолѣтняго лишь пребыванія

въ лѣсу, увѣряли насъ, что они теперь только вполнѣ поняли многія теоретически-преподанныя имъ наставленія и что этими наставленіями они пользуются только какъ руководствомъ, самое-же примѣненіе ихъ дѣлается по собственному убѣжденію, сообразно разнымъ обстоятельствамъ. Изъ этого явствуетъ, что никакое теоретическое правило не можетъ быть примѣнено безусловно во всѣхъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи, съ лѣсоводствомъ бываетъ то-же, что съ медициною. Учебники весьма хорошо научаютъ медика, какія лекарства онъ долженъ употреблять, напр. противъ болѣзней крови; но какимъ образомъ и какія именно изъ указанныхъ лекарствъ должны быть употреблены при различныхъ организаціяхъ паціентовъ въ южномъ, сѣверномъ и умѣренномъ климатѣ, —опредѣлить это во всякомъ данномъ случаѣ можетъ лишь тщательное наблюденіе практическаго врача. Нельзя, впрочемъ, составить спеціальнаго руководства о томъ, въ чемъ именно должно состоять ученіе въ лѣсу. Да и все равно, обратить-ли прилежный и любознательный лѣсничій свое вниманіе въ лѣсу на познаніе почвы, или на приростъ древесины, или на другой какой-нибудь спеціальный предметъ лѣсной науки: потому-что чрезъ всякое спеціальное изслѣдованіе и обработываніе того или другаго предмета лѣсничій познаетъ всѣ обстоятельства, имѣющія отношенія къ лѣсамъ, и они по-необходимости входятъ въ кругъ его изслѣдованій. Такъ напр. изученіе почвы наведетъ его на разнообразное образованіе корней древесныхъ породъ; оттуда взоръ его обратится къ образованію ствола, и такимъ-образомъ онъ оканчиваетъ свое изслѣдованіе познаніемъ свойства и всѣхъ явленій, сопровождающихъ растеніе во всѣ періоды его жизни, отъ зарожденія до смерти. И такъ, хотя и нельзя прямо указать на предметы, требующіе вниманія учащагося въ лѣсу, но за то можно доказать, какъ необходимо не пропускать ни одного случая, могущаго расширить кругъ изслѣдованій и познаній нашихъ. Кто не испытывалъ самъ на себѣ, какія горькія послѣдствія влекутъ за собой упущенія такого рода? Но не одно только умѣнье пользоваться каждымъ представляющимся случаемъ составляетъ обязанность учащагося въ лѣсу; онъ долженъ обращать вниманіе и на ежедневныя явленія, происходящія вокругъ него, и изъ собранныхъ изъ всего этого свѣдѣній выводить основныя правила и убѣжденія. Только тотъ полюбитъ лѣсъ и станетъ посѣщать его по-возможности часто, кто идетъ въ него съ твердымъ намѣре-

ніемъ научиться, возвращаясь каждый разъ все болѣе и болѣе удовлетворенный обиліемъ тѣхъ познаній, которыя даетъ ему лѣсъ изъ своего неисчерпаемаго сокровища. Плоды такихъ наблюденій немало обогатили уже науку, но они могли-бы послужить еще къ бо̀льшему ея обогащенію, еслибы всѣ наблюдатели старались распространить ихъ ко всеобщему свѣдѣнію. Изучаемые въ лѣсу предметы, по причинѣ особаго отношенія имъ къ мѣстности, имѣютъ ту особенность, что они вполнѣ могутъ быть поняты только тогда, когда мы видимъ ихъ собственными глазами, и поэтому описаніе или изображеніе этихъ предметовъ по большей части можетъ быть только поверхностное. А поэтому ученіе въ лѣсу не перестанетъ быть необходимымъ и для всѣхъ грядущихъ поколѣній и никогда не удастся составить такое руководство къ лѣсоводству, правила котораго были-бы безошибочны для всѣхъ странъ».

— По садоводству: *Руководство къ разведенію и содержанію деревьевъ и кустарниковъ въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи*, Денгинка (Зап. Имп. Об. с. х. юж. Рос. 2-я треть); *Садовничество*, Делла-Воса (ibid. 2 и 3-я трети); *О шпалерованіи плодовыхъ деревъ на открытомъ воздухѣ, примѣнительно къ южному краю Россіи* (ibid. 3-я треть); *Наблюденіе надъ ростомъ окулированныхъ деревъ, въ Одесскомъ ботаническомъ саду*, Лучинскаго (ibid.); *О разведеніи гіацинтовъ* (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 7—8); въ Журн. Садов.: *Ахименесъ великолѣпный; Башмачекъ крупноцвѣтный; Вербены; Опыты акклиматизаціи растеній въ саду села Никольскаго; Персики и ихъ воспитаніе на шпалерѣ; Московскіе сады въ XVII столѣтіи*, П. Забѣлина (№ 8); *Крымская флора*, Н. Волокитина; *Луковичныя растенія и ихъ воспитаніе; Колиптростима Миддендорфа*, Э. Регеля; *Очеркъ значенія культуры*, проф. Бутлерова (№ 9); *Камеллія, ея исторія и воспитаніе; О растительности Гималая; Садовыя заведенія въ Парижѣ; Маранта царская* (№ 10); *Бигнонія крупноцвѣтная; Красивая архидея Америки и Азіи; Выборъ грушъ для грунта южной Россіи*, Іонга; *Мода въ цвѣтоводствѣ; О топкѣ оранжерей и теплицъ; Растенія, появившіяся въ Европѣ въ* 1855 (№ 11); *Гарденіи и ихъ воспитаніе; Хвойныя деревья; Размноженія хвойныхъ сѣменами; Текома желтая; Семейства кактусовъ*, кн. М. Голицына; *Шалфей огненный Суше; Замѣтка о садоводствѣ въ Петербургской губерніи* (№ 12); *Устройство оконныхъ ящиковъ для содержанія цвѣточныхъ растеній* (Земл. Газ. № 64);

О размноженіи комнатныхъ растеній посредствомъ черенковъ (ibid. № 81); *О нѣкоторыхъ цвѣточныхъ растеніяхъ, служащихъ для украшенія дерновымъ площадей* (ibid. № 90); *О болѣзни винограда и о простомъ средствѣ противъ нее* (ibid. № 102).

— «Московскіе сады въ XVII столѣтіи.» — Въ обозрѣніи журналовъ и газетъ за первое полугодіе 1856 года мы познакомили съ содержаніемъ первой главы любопытной статьи г. Забѣлина. Вторая глава любопытна не менѣе первой, и потому мы представляемъ перечень содержанія ея и нѣсколько отрывковъ. «Ни одинъ изъ древнихъ нашихъ царей, — говоритъ г. Забѣлинъ, — въ домашнемъ своемъ быту, не занимался съ такою страстью сельскимъ хозяйствомъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по живости своего характера, онъ всякому дѣлу предавался съ особенною горячностію, и любилъ доводить всякое дѣло до полнаго, по тогдашнимъ средствамъ, *благочинія* и *устроенія*. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ части домашняго и государственнаго устройства, которыя, по близкому, непосредственному отношенію къ нимъ государя, получили новый видъ, новое *уряженіе*. Замѣтимъ только, что въ стремленіи дать это уряженіе домашнихъ средствъ весьма часто недоставало, и государь по-необходимости долженъ былъ прибѣгать къ иностранцамъ. Оттого въ его царствованіе ни одного почти дѣла не было предпринято безъ участія и руководства специалистовъ, призванныхъ съ запада, а иногда и съ востока, смотря по характеру и ближайшимъ нуждамъ предпріятія. Потребность улучшеній во всѣхъ сферахъ жизни почувствована была царемъ въ полной мѣрѣ; на это вызывала настоятельная, почти вседневно-представлявшаяся необходимость. Но дойти до яснаго, твердаго пониманія и сознанія этой потребности онъ еще не могъ, ибо въ полной-же мѣрѣ опутанъ былъ стариною, которой уставы, обряды, преданія хранилъ, какъ святыню, уважалъ съ горячностію, искренно, чистосердечно, что также условливалось его живою, страстною натурою, неумѣвшею останавливаться на успокоительномъ равнодушіи. Однимъ словомъ, въ характерѣ царя Алексѣя были черты, которыя во многомъ напоминаютъ его Великаго сына. Вступивъ на престолъ въ молодыхъ лѣтахъ (16 лѣтъ), царь Алексѣй Михайловичъ въ первое время своего царствованія не могъ еще обращать особеннаго вниманія не только на свое домашнее хозяйство, но и вообще на дѣла, требо-

вавшія серьезныхъ занятій. Въ это время любимымъ развлеченіемъ его въ домашней жизни была охота, особенно-же *красная* и *славная* птичья охота соколиная, которою царь потѣшался съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Особенная любовь его къ этой полевой потѣхѣ выразилась въ его письмахъ, гдѣ благодушный государь со всею наивностью страстнаго охотника подробно описываетъ свои удачи и неудачи, и потомъ въ Сокольничьемъ Урядникѣ—новомъ уложеніи и устроеніи сокольничьяго пути или чина, составленномъ, по всему вѣроятію, подъ редакціею самого царя, въ 1656 году. Съ такою-же любовью и страстью, съ половины своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Но само собою разумѣется, что старое царское хозяйство, существовавшее при загородныхъ дворцахъ въ Покровскомъ (Рубцовѣ), Коломенскомъ, Воробьевѣ и др., не могло удовлетворить его живой дѣятельности и новымъ требованіямъ, которыя явились въ то-же время, лишь только государь обратилъ вниманіе на этотъ предметъ. Тамъ самая мѣстность не давала того простора, какой былъ нуженъ предпріимчивому хозяину. Задумавъ устроить хозяйственный хуторъ въ обширныхъ размѣрахъ, царь избралъ село Измайлово, съ приселками и пустошами, старинную вотчину родственника своего, боярина Никиты Ивановича Романова, по смерти котораго она поступила, вѣроятно, въ дворцовое вѣдомство. Въ хозяйственномъ отношеніи выбрать мѣсто лучше было нельзя: здѣсь представлялись всѣ удобства, по всѣмъ частямъ хозяйства, также и для садоводства, которое впослѣдствіи заняло въ Измайловскомъ хозяйствѣ весьма видное мѣсто. Таннеръ, описавшій пребываніе въ Москвѣ, въ 1678 году, Польскаго посольства, говоритъ, что «обширная Измайловская равнина такъ понравилась царю, что онъ завелъ на ней два сада, одинъ на манеръ Италіянскій, а въ другомъ построилъ огромное зданіе (дворецъ) съ тремя стами малыхъ со шпицами башенъ. Это мѣсто такъ нравится царю, что онъ постановилъ себѣ правиломъ бывать въ немъ по-крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы посмотрѣть, не надо-ли еще чего прибавить для его украшенія.» Рейтенфельсъ также упоминаетъ объ Измайловѣ, какъ объ одномъ изъ любимыхъ загородныхъ царскихъ мѣстъ, въ которомъ, говоритъ онъ, *былъ* огромный садъ и *лабиринтъ* (?). «Въ садъ ведутъ четверо высокихъ воротъ. Тутъ устроенъ обширный звѣринецъ или, лучше, лѣсъ, обнесенный заборомъ и наполненный разными животными, и весьма красивая аптека съ ботаническимъ

садомъ (*). Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ главный предметъ нашъ—садоводство, то мы и остановимся на немъ». Авторъ приводитъ за симъ нѣсколько свѣдѣній о заботахъ царя Алексѣя Михайловича относительно устройства садовъ въ селѣ Измайловѣ, и потомъ говоритъ: «Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія удалось намъ собрать о замѣчательныхъ по времени предпріятіяхъ царственнаго садовода въ его любимомъ Измайловскомъ хуторѣ. Пожалѣемъ вмѣстѣ съ читателями, что свѣдѣнія эти, по своей скудости, не могутъ знакомить съ главнымъ, т. е. съ самыми пріемами старинныхъ садоводовъ въ разведеніи растеній и уходѣ за ними и со всѣмъ тѣмъ, что̀ должно было-бы характеризовать старинное садоводство. Чтобы познакомиться съ внѣшнимъ устройствомъ Измайловскихъ садовъ и съ тѣмъ, въ какомъ количествѣ разведены были тамъ плодовыя деревья, представляемъ описаніе этихъ садовъ, сдѣланное въ 1689 году, спустя четырнадцать лѣтъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, слѣд. въ то время, когда многое изъ его начинаній было уже совершенно оставлено. «Виноградный садъ, огороженъ кругомъ заборы въ столбы, а въ заборѣ четверы ворота съ калитками, крыты тесомъ, верхи у воротъ шатровые. А по мѣрѣ того саду шестнадцать десятинъ. А въ саду яблони, вишни, грущи, сливы, дули, малина, смородина, земляница, клубница и разныя всякія травы съ цвѣтами; девять кустовъ винограду, одиннадцать кустовъ орѣховъ грѣцкихъ. А среди саду три терема со всходы и съ красными окнами, кругомъ ихъ перила; около теремовъ пути, межъ путей столбцы точеные. Теремы, столбцы и грядки писаны красками. Въ томъ-же саду *Средина* 210 саж., поперечнику 190 саж., а огорожена заборы четвероугольно, 383 прясла заборовъ. А въ ней четверы ворота съ калитками, крыто тесомъ и скалою. Въ виноградномъ-же саду *грушевой садъ* и *дули*, длиною и шириною по 80 саж., огороженъ заборы, въ садъ ворота створчатые съ калиткою крыты тесомъ. Въ томъ-же саду *сливной садъ* длиною и шириною по 100 саж. Въ томъ-же саду *два сада вишневыхъ*, одинъ длиною и шириною по 100 саж., другой садъ длиною 150 саж. въ ширину 45 саж. Въ томъ-же саду *два пруда*, плотины кладены дерномъ, сливные мосты дубовые». По смерти царя Алексѣя Михайловича, всѣ его предпріятія по разведенію винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, марены были

(*) Журн. м. н. пр. 1839, іюль.

оставлены. Өедоръ Алексѣевичъ, вступившій на царство также въ молодыхъ лѣтахъ, по слабости здоровья, едва-ли могъ съ такою-же энергіею вести это дѣло дальше, и тѣмъ болѣе, что положительные успѣхи были весьма сомнительны. Возращеніе винограда, грецкаго орѣха и т. п. растеній сдѣлалось уже принадлежностью садовъ увеселительныхъ въ Кремлѣ и въ Преображенскомъ. Домашнее, плодовое садоводство составляло все-таки главную цѣль садоваго хозяйства, и потому старательно поддерживалось и по мѣрѣ надобности распространялось въ разныхъ мѣстахъ Москвы и даже въ увеселительныхъ Кремлевскихъ садахъ. Кремлевскіе набережные сады, верхній и нижній, при царѣ Алексѣѣ и его дѣтяхъ, приведены были въ самое цвѣтущее состояніе. Верхній садъ, какъ мы уже сказали, расположенъ былъ на сводахъ обширнаго каменнаго зданія, спускавшагося фасадомъ до подошвы кремлевской горы. Онъ былъ обнесенъ каменной оградой съ частыми окнами, которая составляла собственно стѣны зданія, гдѣ помѣщался садъ. Изъ оконъ, украшенныхъ рѣзными, раскрашенными рѣшетками, открывался обширный видъ на Замоскворѣчье. Въ такомъ видѣ этотъ садъ изображенъ на панорамѣ Москвы, изданной въ Голландіи при Петрѣ Великомъ (*)». «Что-же касается *верховыхъ* или собственно *комнатныхъ* садовъ, то ихъ было нѣсколько и опредѣлить ихъ мѣстность совершенно невозможно. Какъ въ частномъ быту садъ составлялъ необходимую принадлежность почти каждаго двора, такъ и въ быту царей почти каждое отдѣленіе дворца имѣло свой собственный, отдѣльный садикъ, который, соотвѣтственно мѣстности самыхъ хоромъ, устроивался обыкновенно на сводахъ какого-либо хозяйственнаго зданія, надъ погребами, подвалами и т. п. Мы видѣли, что въ началѣ XVII ст. верховые сады были устроены при хоромахъ государя и царевича Алексѣя. Комнатный садъ Михаила Өеодоровича поддерживался и старательно украшался и при Алексѣѣ. Въ 1668 г. въ этомъ саду поставлено было *Царское мѣсто*, великолѣпно украшенное живописью. Перила и двери сада были также росписаны красками. Но съ особенною заботливостью этимъ садомъ занимался Өедоръ Алексѣевичъ. Въ 1680 г., по его указу, здѣсь поставленъ рѣзной деревянный чердакъ или беседка, расписанная красками и сдѣланная по образцу такого-же чердака, находившагося въ аптекарскомъ саду

(*) Достопамятности Моск. Кремля, г. Вельтмана.

на Неглинной. Въ то-же время садъ былъ обнесенъ оградою, украшенною 137-ю деревянными столбами; изъ нихъ сто были круглые, а остальные четвероугольные, всѣ рѣзные и раскрашенные красками. Въ 1685 г. при хоромахъ царицы Натальи Кирилловны и тринадцатилѣтняго царя Петра Алексѣевича устроенъ новый верховый садъ, также на каменныхъ сводахъ, длиною 10 саж., поперегъ 4 саж. На покрытіе площади для сада вышло $639^1/_2$ пудовъ свинцу, изъ котораго водовзводнаго дѣла мастеръ Галактіонъ Никитинъ лилъ доски, покрывалъ ими своды и прочно ихъ запаивалъ. Въ апрѣлѣ въ это свинцовое вмѣстилище наносили хорошо просѣянной земли, глубиною въ аршинъ съ четвертью. И въ этомъ саду стоялъ также разукрашенный теремъ или бесѣдка. Въ 1687 г. здѣсь устроенъ небольшой прудокъ, въ который вода проведена посредствомъ свинцовыхъ трубъ. Подобнымъ-же образомъ, безъ сомнѣнія, были устроены описанные выше и всѣ другіе *верховые* сады. Послѣ пожара въ 1737 г. изъ пруда въ верхнемъ набережномъ саду вынуто обгорѣлаго свинца 176 пудъ 10 ф.» Далѣе авторъ представляетъ обзоръ собственно садоваго *строенія* и сообщаетъ современныя записки о матеріалахъ, которые въ разное время требовались для садоваго дѣла, и затѣмъ переходитъ къ садамъ частныхъ лицъ. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Основываясь на общихъ потребностяхъ и любви къ садоводству, можемъ замѣтить, что въ XVII ст. и сады частныхъ лицъ разводились старательно. Нововведенія и улучшенія въ царскомъ садоводствѣ, особенно въ Измайловѣ, кажется, не должны были остаться безъ вліянія и на частное садоводство, если не повсемѣстно, то по-крайней-мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ бояръ и другихъ богатыхъ сановниковъ. Притомъ выѣхавшіе въ Москву иностранные садовники могли и между боярствомъ разнести свѣдѣнія и понятія о садоводствѣ, какое существовало на западѣ. Такія свѣдѣнія привозили изъ-за границы и наши посланники, ѣздившіе туда не одинъ разъ, особенно въ концѣ XVII ст. Въ ихъ запискахъ находимъ описанія тогдашнихъ садовъ въ Италіи, Испаніи и Франціи. Посланникъ Лихачевъ, ѣздившій во Флоренцію въ 1659 г., такъ описываетъ тамошніе сады. «На княжомъ дворѣ садъ (садокъ) рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, и устроенъ іорданъ (водоемъ), и выше іордана, сажени съ двѣ вверхъ, безпрестанно вода прыгаетъ, на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжова двора древа кедро-

выя и кипарисныя и благоуханіе веліе; а о Крещеніи жары великіе: у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Яблока великіе и лимоны родятся, по дважды годомъ; а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца». Но у Флоренскаго князя было много садовъ и въ городѣ и за городомъ и посланникъ цѣлую недѣлю, по вся дни, любовался этими садами, удивлялся тамошнимъ диковинкамъ. А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное—восклицаетъ онъ — древа всѣ кедровыя и кипарисныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблока предивныя и лимоны двои — одни величествомъ по шапкѣ, и виноградъ двойной, бѣлый да вишневый, и анисъ. А питья — вино церковное свѣжее и бѣлое Французское и малвазія, и аликантъ; а водокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковитка; пуще тройнаго вина.... А ягодъ винныхъ и изюму нѣтъ, а иныхъ овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иныхъ именъ не знаю.... А красоту въ садахъ нельзя описать — потому что не бываетъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ (садковъ) много-же, а рыбы дикія, безчешуйныя. А за тѣмъ и игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много, а иные люди (статуи) сами играютъ въ органы, а никто имп не движетъ; а много описать неумѣть: потому—кто чего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ». Потемкинъ, бывшій въ Испаніи и Франціи въ 1667 году, замѣчаетъ о садѣ въ Севилліи, что «въ томъ саду воды взводныя (фонтаны) и травы сажены разными образцы, по ихъ извычаю». Въ Мадритѣ онъ видѣлъ королевскій дворецъ и садъ. «Около всѣхъ палатъ сады и воды взводныя и травы узорами устроены разными; потому что зимы у нихъ и большихъ морозовъ никогда не бываетъ.... Въ большомъ королевскомъ саду яблоки, груши, дули, вишни, ядра миндальныя, ягоды винныя, виноградъ, лимоны, померанцы, орѣхи грецкіе, кипарисы, финичныя древа. А вода въ томъ саду приведена за двадцать верстъ — и устроены пруды, плотины каменныя.... Въ Фаледолидѣ (Валладолидѣ) на королевскомъ дворѣ палаты многія, въ саду воды взводныя, травы сажены узорами; винограда и всякихъ деревъ много, на которыхъ родятся винныя ягоды, миндальныя ядра, гранаты, яблоки, груши лимоны, аранцы, оливки, цитроны, орѣхи грецкіе, вишни и финичныя деревья; кипариса множество».... Живые разсказы о заграничномъ садоводствѣ, конечно, были полнѣе этихъ замѣтокъ. Они-то, можетъ быть, и возбуждали предпріимчивость царя Алексѣя и вызывали разныя нововведенія и улучшенія въ старинномъ нашемъ

садоводствѣ, особенно въ отношеніи садовъ увеселительныхъ. Государю подражали и нѣкоторые изъ бояръ, болѣе къ нему приближенныхъ и болѣе цѣнившихъ западные обычаи. У боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, въ числѣ картинъ и рисунковъ, описанныхъ по случаю его ссылки въ 1677 году, — были *три большихъ листа садоваго строенья да девять маленькихъ*, привезенные, по всему вѣроятію, изъ-за границы. Такимъ-образомъ въ это время существовали уже рисунки и планы увеселительныхъ садовъ и, можетъ быть, были уже примѣры разведенія ихъ по иностраннымъ образцамъ и у частныхъ лицъ. Вообще во второй половинѣ XVII ст. явно обозначаются стремленія и попытки дать старинному садоводству новое направленіе. Но такъ какъ совершенствованіе и улучшеніе экономическаго быта идетъ объ-руку съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ понятій и вкусовъ народа, то сказанныя стремленія и попытки представляли въ до-Петровской жизни явленія исключительныя, уединенныя, возникавшія случайно и также случайно и безслѣдно исчезавшія. Они не въ-силахъ были измѣнить общаго теченія дѣлъ, которое, въ отношеніи садоводства, какъ и во всемъ другомъ, все еще оставалось вѣрнымъ своему старинному, привычному взгляду, и въ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ видѣло только прихоть, роскошь и ни малѣйшей *прохлады* т. е. тѣхъ благъ, которыя услаждали физическое существованіе нашихъ прадѣдовъ. Эстетическія потребности народа еще спали мертвымъ сномъ. Не одни разсказы посланниковъ, указанія иностранцевъ, или небывалыя дотолѣ диковинки, появлявшіяся въ царскихъ садахъ, разносили новыя свѣдѣнія между тогдашними садоводами и давали имъ образцы и примѣры для подражанія. Несравненно болѣе въ этомъ отношеніи могла содѣйствовать Нѣмецкая Слобода на Яузѣ, цѣлая колонія иностранцевъ, которые въ теченіе пятидесяти лѣтъ, со времени поселенія въ слободѣ, разводили свои сады и ходили за ними по своимъ обычаямъ т. е. во многомъ лучше и старательнѣе Русскихъ, по правиламъ и способамъ, которыми руководило стремленіе совершенствовать дѣло, а не привычка вести его такъ, какъ вели отцы и дѣды, съ боязнью отступить хотя на шагъ отъ ихъ указаній, неизмѣнныхъ, освященныхъ вѣковою давностью. Но какой-же результатъ вышелъ отъ того, что, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, подъ-бокомъ существовало садоводство, управляемое Нѣмцами. Въ отвѣтъ на это приводимъ нѣсколько замѣтокъ о нашихъ старинныхъ садахъ путешествен-

ника Le Brun, бывшаго въ Москвѣ въ 1702 году. «Въ садахъ, говоритъ онъ, много орѣховъ, но большею частію мелкихъ, яблоки хороши и вкусны; мнѣ случалось видѣть столь прозразные, что сѣмячки насквозь виднѣлись. Грушъ мало, онѣ не вкусны и очень мелки. Сливы и вишни также ничего не стоютъ въ сравненіи съ тѣми, какія ростутъ въ Нѣмецкихъ садахъ. Нѣмецкіе сады ведутся весьма чисто; въ нихъ много плодовыхъ деревъ и хорошихъ ягодъ; множество различныхъ цвѣтовъ, которые они выписываютъ изъ-за границы. Напротивъ-того, Русскіе сады запущены, заглохли, ведутся безъ искусства и безъ всякихъ украшеній. Фонтаны и водопады здѣсь неизвѣстны, хотя воды вдоволь и очень легко было-бы все это устроить. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи замѣтны также нѣкоторыя перемѣны со времени пріѣзда царя изъ-за границы. Князь Данила Григорьевичъ Черкасскій приказалъ разбить садъ въ Голландскомъ вкусѣ, близъ своей деревни Sietjove (*), въ 13 верстахъ отъ Москвы, для чего выписалъ садовника изъ Голландіи. Садъ обширенъ, очень изященъ, и по своему отличному устройству и убранству, безъ-сомнѣнія, единственный въ Россіи. Такъ какъ эта страна не производитъ хорошихъ цвѣтовъ, а тѣ, которые растутъ въ поляхъ, весьма посредственны, то Русскимъ, когда они бываютъ въ Нѣмецкихъ садахъ, нельзя сдѣлать пріятнѣе подарка, какъ поднести букетъ цвѣтовъ. Впрочемъ, теперь и изъ нихъ нѣкоторые любители, особенно изъ зажиточныхъ, стараются разводить хорошіе цвѣты». Объ огородныхъ овощахъ Le Brun разсказываетъ, что въ большомъ употребленіи была капуста, составлявшая почти единственную пищу бѣдныхъ, которые ѣли ее по два раза въ день, вѣроятно, во щахъ. Огурцы также были очень любимы, ихъ ѣли какъ яблоки и груши, и во множествѣ заготовляли въ-прокъ, особенно люди зажиточные. Много также росло чесноку, этой необходимой и весьма любимой приправы въ старинныхъ кушаньяхъ. Въ обиліи росъ хрѣнъ, изъ котораго дѣлали хорошую приправу къ меснымъ и рыбнымъ яствамъ. Рѣпа разныхъ сортовъ, красная и цвѣтная капуста, морковь, пастернакъ, свекла, разведены иностранцами съ давняго времени. Есть спаржа и артишоки, которые, впрочемъ, употребляются въ пищу только иностранцами. Салатъ и селлерей были также здѣсь неиз-

(*) Мы не могли узнать, какую мѣстность обозначилъ авторъ этимъ *Sietjove.*

вѣстны и разведены иностранцами. Есть арбузы огромной величины, но весьма водянистые и похожіе на наши огурцы». Въ заключеніе г. Забѣлинъ сообщаетъ хозяйственное описаніе всѣхъ дворцовыхъ садовъ, составленное въ 1701 году. Оно послужитъ въ нѣкоторомъ отношеніи оффиціальнымъ отчетомъ стариннаго садоводства въ самыхъ широкихъ его размѣрахъ, какіе могъ поддерживать только царскій дворецъ.

— По шелководству: *О разныхъ породахъ шелковичныхъ червей въ Китаѣ*, Скачкова (Журн. м. г. им. № 7); *Открытіе новыхъ заведеній при практической школѣ шелководства* (Журн. с. х. № 8); *Отчетъ по практической школѣ шелководства съ 1 мая по 1 октября* 1856 *г.* (ibid. № 10); *Отчетъ по шелководству директора земледѣльческой школы*, Анненкова (ibid.); *Отчетъ о занятіяхъ шелководствомъ при Московской духовной семинаріи* (ibid.); *О разведеніи шелковицы*, С. Гремяченскаго (Зап. Им. Каз. общ. № 11).

— По пчеловодству: *О состояніи и дѣйствіяхъ школы пчеловодства въ селеніи Пальчикахъ въ* 1855 *г.*, Великдана (Журн. м. г. им. № 8); *Пасѣчныя замѣтки*, Н. Даценко (Тр. Имп. в. эк. общ. № 10); *О пчелиномъ воровствѣ* (Земл. газ. № 99, 100, 101); *Объ ульяхъ Дзирзона* (ibid. № 103).

— «О пчелиномъ воровствѣ». — Жизнь пчелъ представляетъ въ себѣ весьма много поучительнаго и любопытнаго, и служила предметомъ множества сочиненій, которыя весьма охотно читаются всякимъ любознательнымъ человѣкомъ, совершенно чуждымъ пчеловодства, какъ отрасли промышлености. Вышеозначенная статья г. Великдана принадлежитъ къ этому-же роду статей, хотя и имѣетъ форму учебнаго изложенія, съ раздѣленіемъ на главы и параграфы и съ другими болѣе дробными подраздѣленіями. Слѣдующее извлеченіе нѣсколько познакомитъ съ содержаніемъ этой любопытной статьи: «Воровствомъ пчелинымъ называется, когда иносемейныя пчелы летаютъ не въ свой улей, и выносятъ изъ чужаго улья медъ въ свои ульи. Эти насилія пчелъ приличнѣе-бы называть грабительствомъ, а не воровствомъ; но пчеловоды привыкли употреблять послѣднее слово. Причины пчелинаго воровства бываютъ различныя, именно: природная наклонность пчелъ къ грабительству; атмосферическое вліяніе, вслѣдствіе котораго во всѣхъ пасѣкахъ пчелы стремятся на воровство; неблагополучное состояніе пчелиныхъ семействъ всегда подвергаетъ износу ворами; неосторожность

и оплошность самого пчеловода и злонамѣренность пчеловодовъ, которые пріучаютъ пчелъ къ воровству. Каждое пчелиное семейство по природѣ для другихъ семействъ есть врагъ, стремящійся или ограбить ихъ, или и совсѣмъ истребить; отъ этой природной семейной ненависти происходитъ и стремленіе пчелъ къ похищенію чужаго меда. Кромѣ того, между пчелиными семьями выдаются, хотя весьма рѣдко, безпрерывно ворующія семейства, и особенно тѣ семьи бываютъ воровскими, въ которыхъ пчелы черныя, лоскльыя, или черно-желтыя (желтопоясыя); такія пчелы нерѣдко воруютъ изъ всѣхъ ульевъ беззащитно. Въ иные годы, въ-теченіе весны и подъ конецъ лѣта, въ одно и то-же время, во всѣхъ пасѣкахъ, повсемѣстно, замѣчается сильное воровство пчелъ, отъ неизвѣстнаго атмосферическаго вліянія. Это воровство начинается вездѣ въ одномъ и томъ-же часу дня. Такое вліяніе нерѣдко производитъ воровство взаимное. Семейства безматочныя, съ трутневыми и съ молодыми свищевыми матками, съ гнильцемъ, и малосильныя прежде всѣхъ подвержены нападенію. Пчелы съ неблагополучіями не защищаются надлежащимъ образомъ; въ гнильцовыхъ-же привлекаетъ воровъ острый запахъ; а у малосильныхъ семей нѣтъ для защиты достаточной силы. Пчелиные воры своимъ нападеніемъ весьма часто указываютъ пчеловоду неблагополучные ульи, которыхъ онъ безъ того не могъ прежде замѣтить. Надобно знать: 1) что въ каждомъ ульѣ въ рабочее время наряжается къ летнику караулъ изъ особыхъ пчелъ, а если воры вьются около улья, то и ко всякой щелкѣ становятся сторожа на-верху улья для защищенія отъ воровъ; если воры умножаются, то и число сторожей прибавляется; 2) что во всякомъ пчелиномъ семействѣ свои пчелы скоро узнаютъ пчелку-вора или чужую иносемейную пчелку, тотчасъ ее схватываютъ и грызутъ, а злыя семейства вмигъ умерщвляютъ вора. Можно думать, что у пчелъ есть своя рѣчь — языкъ, и что въ ихъ семьѣ назначается каждый день пароль (отзывъ), который спрашиваютъ у прилетающихъ пчелъ, и пчелку, которая этого отзыва не знаетъ, въ улей не пускаютъ. Это можно замѣтить изъ того, что если своя пчела не ночуетъ дома, то безъ прошенія ее уже не впускаютъ въ улей, также и послѣ проигры (пролета). Пчелиные воры, узнавъ пароль другаго семейства, безпрепятственно уже идутъ въ улей и грабятъ медъ. Всѣ воры-пчелы, намѣревающіяся воровать, пока не узнаютъ дневнаго пароля, сильно боятся попасть въ руки сторожей, а поэтому съ боль-

шою осторожностію вьются около ульевъ и увертываются отъ схвата—снуютъ (лавируютъ) около летковъ; жужжаніе ихъ замѣтно въ тонкомъ визгѣ; полетъ у нихъ легкій и быстрый. Если воръ попадется въ руки обороняющихся пчелъ и изъ нихъ только хотя одна схватитъ его, то къ ней являются на-помощь двѣ и до семи пчелокъ; всѣ грызутъ вору то крылья, то усики, а воръ, пятясь всѣми ножками, силится вырваться и всѣхъ тянетъ за собою; иногда его искалѣчиваютъ, а иногда умерщвляютъ; если-же онъ успѣваетъ вырваться, то уже безъ оглядки быстро отлетаетъ. Пчелы умѣютъ различать украденный изъ ульевъ медъ, старый, отъ свѣжаго, собраннаго изъ цвѣтовъ. Если нѣсколько пчелъ принесутъ въ улей украденнаго стараго меда, то пчелы тотчасъ стремительно пускаются изъ улья искать того улья, изъ котораго начали ихъ товарищи красть, и по всему заводу (пасѣкѣ) вьются около каждаго улья, производя особый визгъ, жужжаніе, пока сыщутъ грабимый улей; это исканіе, полетъ и визгъ воровской представляютъ всегда воровскую тревогу въ пасѣкѣ. Воровская тревога служитъ пчеловоду первымъ признакомъ къ замѣчанію, что въ его пасѣкѣ пчелы воруютъ; при чемъ обыкновенно говорятъ: пчела взбунтовалась, воры лѣзутъ по ульямъ, нападаютъ воры. Опытный пчеловодъ издали, не входя даже въ пасѣку, однимъ слухомъ по воровскому визгу пчелъ и необыкновенному полету, тотчасъ узнаетъ воровскую тревогу. Признаки грабимыхъ (изворовываемыхъ) пчелъ бываютъ двоякіе; именно: если пчелы-воры еще не привыкли воровать, а только-что начинаютъ, то онѣ около улья вьются съ боязнію, стараясь прокрасться чрезъ летокъ въ улей, вокругъ улья опускаются внизъ и вертятся, подобно небольшой проигрѣ. Защищающіяся пчелы бѣгаютъ около летика и стараются схватывать воровъ. Въ то-же время съ летика выбѣгаютъ полнобрюхія, насосавшіяся меда пчелки, которыя, вылетѣвши и подымаясь вверхъ, не отлетаютъ вдругъ прочь, но, кружась (лавируя) сюда и туда, сначала предъ леткомъ и ульемъ, а потомъ предъ всѣмъ мѣстомъ, гдѣ воруютъ, осматриваютъ какъ улей, такъ и всѣ окружающіе предметы, стараясь замѣтить всю мѣстность и извѣстить о немъ все свое семейство. Впрочемъ, надобно большое умѣнье различать пчелъ и полноту брюшковъ у воровъ отъ обыкновенной проигры, съ которою нападеніе воровъ много сходно; но умѣнье это пріобрѣтается однимъ практическимъ изученьемъ. Воры-пчелы, напавшія на какой-либо улей, сильно уже не вьются, не снуютъ около

улья, но прямо летятъ въ летикъ легкія и такъ густо, что и входить и выходить не помѣщаются, въ-особенности если летикъ малъ; выходящіе-же изъ улья воры очень полные, толстобрюхіе, не оглядываясь и не лавируя, прямо летятъ домой. Различать съ перваго взгляда воровъ отъ грабимыхъ пчелъ не иначе можно научиться, какъ долговременными опытами, всматриваясь на ворующихъ и грабимыхъ.»

— По технологіи вообще: *Изслѣдованіе нѣкоторыхъ дубильныхъ веществъ въ южной Россіи*, Кваскова (Журн. м. г. им. № 7); *О красильномъ веществѣ изъ сорго*, П. Сокальскаго (ibid.); *Смоляное и скипидарное производство Вельскаго уѣзда*, П. Воронова (Тр. Имп. в. эк. общ. № 8); *О новомъ способѣ извлеченія сока изъ свекловицы, посредствомъ горячей вымочки*, кн. Шаховскаго (ibid. № 9); *Опытъ разведенія сахарнаго сорго, произведенный Лангерфельдомъ въ Сарептѣ въ 1855 г. и разныя изъ него произведенія* (ibid. № 10); *О добываніи торфа, торфянаго угля, пораффина и прочаго* (ibid. 11, 12); *Свѣдѣнія о льно-машинномъ производствѣ на нѣкоторыхъ фабрикахъ Костромской губерніи*, И. Вазанскаго (ibid.); *Выдѣлка мелкой гречневой крупы, извѣстной подъ названіемъ Смоленской*, А. Верещагина (ibid.); *Объ урожаѣ сахарнаго сорго въ селѣ Перкинѣ, Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи*, фонъ-Гейдеръ-Боровскаго (Журн. с. х. № 9); *О приготовленіи спирта изъ свекловицы*, Милованова (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 7, 8); *Замѣтки о селитряномъ дѣлѣ*, Киттары (ibid.); *Производство хлѣбныхъ подошвенныхъ кожъ*, И. Благовѣщенскаго (ibid. № 7, 9, 10, 12); *Производство поташа*, Заварицкаго (ibid. № 7, 8, 9, 10, 11, 12); *Матеріалы для Русскаго заводско-фабричнаго словаря*, М. Киттары (ibid.); *Витебскій способъ обработки льна* (ibid. № 8); *Аппаратъ для выгонки спирта*, его-же (ibid.); *Очеркъ 25-лѣтняго развитія мануфактурной промышлености Владимірской губерніи* (Журн. ман. торг. № 4—6); *Производство Богемскаго или бѣлаго стекла въ Россіи* (ibid.); *О производствѣ сургуча и разнаго рода лака* (ibid.); *О дѣйствіи губернскихъ механиковъ* (ibid. № 7—9); *О замѣнѣ оливковаго масла олеиномъ* (ibid.); *О красильномъ и набивномъ искусствахъ со стороны химической* (ibid.).

— По хозяйству вообще: ***Наставленіе о молочномъ хозяйствѣ***, К. Іордана (Журн. м. г. им. № 7, 8, 9, 10); ***Наблюденія по осушенію и воздѣлыванію болотъ и по дренажу въ Лифляндской и***

Курляндской губерніяхъ, Заневскаго (Журн. м. г. им. № 7); *Объ искусственномъ размноженіи рыбы въ озерѣ Селигерѣ, при городѣ Осташковѣ*, В. Преображенскаго (ibid. № 8); *Состояніе сельскаго хозяйства въ южной Россіи въ* 1855 *г.* (ibid. № 9, 12); *Макъ и маслянники*, Л. Сахарова (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 7); *О разведеніи ворсильныхъ шишекъ* (ibid.); *Изслѣдованіе по предмету опредѣленія количества припека въ печеномъ хлѣбѣ*, С. Усова (ibid. № 8); *Руководство къ изготовленію гонта и о гонтовыхъ крышахъ*, Д. Неелова (ibid. № 10); *Краткій очеркъ объ истребленіи молодыхъ лѣсовъ въ Россіи для обручей*, Петровскаго (Журн. с. хоз. № 7); *Опытъ сушенія зерноваго хлѣба*, Н. Шишкова (ibid. № 8); *Замѣчанія о зерносушильняхъ*, Ф. Майера (ibid. № 9); *Нѣкоторыя соображенія комитета Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства по застрахованію строеній и скота во Владимірской губерніи* (ibid.); *О физическомъ составѣ картофеля*, В. Сокольскаго (Зап. Имп. в. э. Общ. № 9); *О различныхъ маслахъ*, Вакурова (ibid. 9); *О размолѣ муки на мельницѣ Американской системы*, М. Окатова (ibid. № 10); *О химическомъ составѣ картофеля*, В. Сокольскаго (ibid. № 10, 11 12); *Сельское хозяйство Хошоутовскаго улуса*, въ 1855 г., Церенъ-Норбо Тюменева (Зап. Имп. Общ. с. хоз. юж. Р. 3-я треть); *Естественные и злоумышленные пороки муки и способы ихъ распознаванія*, Неннингера (Зап. Кавк. Общ. с. хоз. № 9 10); *Замѣтки по поводу статей, касающихся улучшенія крестьянскаго быта* (Земл. газ. № 61, 62); *Дренажный заводъ и дренажныя работы въ имѣніи академика Желѣзнова* (ibid. № 64); *О приготовленіи коровьяго масла* (ibid. № 72, 73); *О новомъ приготовленіи квашенаго сѣна* (ibid. № 96).

— По домашней медицинѣ и гигіенѣ: *О врачебной пользѣ можжевеловыхъ ягодъ* (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 8); *Способъ леченія водобоязни*, К. Майера (ibid. № 10); *О пищѣ изъ царства животныхъ; Объ употребленіи въ пищу раковъ, устрицъ, рыбы, черепахъ, лягушекъ и птицъ* (Земл. газ. № 92); *О пищѣ по отношенію къ возрасту* (ibid. № 96); *О винѣ* (ibid. № 103).

По разнымъ отраслямъ хозяйства и промышлености: *Путевыя замѣтки по нѣкоторымъ округамъ Земли войска Донскаго*, Баумана (Журн. м. г. им. № 7); *Агрономическое путешествіе по нѣкоторымъ уѣздамъ Казанской и Нижегородской губерній въ* 1855 *г.*, Ѳ. Целлинскаго (ibid. № 9); *Извлеченіе изъ отчета министра государственныхъ имуществъ за* 1855 *годъ* (ibid. № 12); *По-*

ѣздка въ Илецкую Защиту, А. Баховкова (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 9); *Путевыя замѣтки и наблюденія при поѣздкѣ въ царство Польское изъ Москвы до Остроленки*, Соколова (Ibid. № 11); *Матеріалы для сельско-хозяйственнаго словаря*, Я. Клыковскаго (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 7, 8, 9, 10, 11, 12); *Обозрѣніе рѣкъ, почвъ и мѣстоположеній Новороссійскаго края и Бессарабіи, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, Гроссула Толстаго (Зап. Имп. Общ. с. х. ю. Р. 2-я треть); *Карлъ Ивановичъ Тарданъ* (ibid.); *Экстраординарное собраніе Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи*, 15 *ноября* 1856 *г., по случаю кончины основателя и президента этого Общества, генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова и произнесенныя на этомъ собраніи рѣчи* (ibid. 3-я треть); *Нѣсколько мыслей и замѣчаній объ Имеретіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, Бобылева (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 7, 12); *О распространеніи грамотности между помѣщичьими крестьянами* (Земл. газ. № 65); *Обзоръ сѣверной учебной учебной фермы, Вологодской губерніи, съ основанія ея до* 1854 *года* (ibid. № 73, 74); *Взглядъ на состояніе погоды, урожаи и цѣны на хлѣбъ въ* 1856 *году* (ibid. № 104); *Свѣдѣнія о промышлености и торговли Харьковской губерніи* (Ком. газ. № 79, 134, 135); *О денежномъ кризисѣ въ западной Европѣ* (ibid. № 133); *Торговля Англіи съ Индіею и Китаемъ и вывозъ серебра* (ibid. № 136); *О торговлѣ льдомъ въ Каспійскомъ морѣ* (ibid. № 136).

— «Извлеченіе изъ отчета министра государственныхъ имуществъ за 1855 годъ». — Сообщаемъ изъ этого извлеченія изъ отчета нѣкоторыя свѣдѣнія и цифры, наиболѣе знакомящія съ дѣйствіями министерства государственныхъ имуществъ и съ состояніемъ сихъ послѣднихъ въ 1855 году. Отчетъ начинается исчисленіемъ исполненія военныхъ потребностей, а именно: «Въ 1855 году произведено было чрезвычайныхъ рекрутскихъ наборовъ: два частныхъ съ восточной и западной полосы и одинъ общій. При сихъ наборахъ слѣдовало собрать съ государственныхъ крестьянъ, не включая Сибири, 144,155 рекрутъ (*болѣе* противъ 1854 года 32,360). Для составленія государственнаго ополченія собрано ратниковъ: пѣшихъ — 141,178, конныхъ 6,568, погонщиковъ — 2,640, итого 150,386 Сформировано 637 пароконныхъ повозокъ для подвижнаго парка и сверхъ того на укомплектованіе взятыхъ въ 1854 году у государственныхъ крестьянъ 4,395 подводъ въ составъ подвижнаго магазина поставлено въ 1855 году вновь 255 подводъ. Для содѣйствія

движенію войскъ и для перевозки воинскихъ запасовъ поставлено 2,423,365 подводъ, изъ которыхъ многія должны были совершить путь на протяженіи 600 верстъ безъ перемѣны. Квартирная повинность составляла 39,556,225 дней, *болѣе* противъ 1854 года 18,792,845 дней. Сія повинность преимущественно касалась губерній, сопредѣльныхъ съ театромъ войны; мѣстные поселяне радушно принимали войска, доставляли имъ улучшенную пищу, а колонисты, въ-особенности, принимали къ себѣ больныхъ и раненныхъ и призрѣвали ихъ безмездно съ необыкновенною заботливостію. Исполненіе всѣхъ натуральныхъ повинностей, не считая квартирной, оцѣнивается въ 13,479,571 р., *болѣе* 1854 г. на 4,753,655 р. Въ семъ числѣ: на сдачу рекрутъ—3,112,825 р., на ратниковъ — 2,885,913 р., за подводы—2,555,661 р., итого 8,554,399 р. Если присоединить къ сему прибавку въ сборѣ земскихъ повинностей на ополченіе, на сформированіе парковыхъ подводъ, на поставку хлѣба для продовольствія дружинъ, то увеличеніе повинности крестьянъ по исполненію военныхъ потребностей можно считать до 10,000,000 руб. Усердіе поселянъ не останавливалось на выполненіи общихъ требованій и повинностей; оно проявлялось повсемѣстно въ частныхъ посильныхъ приношеніяхъ, которыя въ теченіе года составляли деньгами 191,482 р., хлѣбомъ 14,725 четвер., мукою, крупою и сухарями 37,469 пудовъ, холстомъ 252,624 арш., разнымъ бѣльемъ, полушубками и проч. 30,126 штукъ и корпіею 2,407 пуд. Многія общества отказывались отъ вознагражденія за поставку припасовъ, подводъ и т. д.; частные ремесленники изъ крестьянъ не принимали платы за работы въ пользу войскъ; а въ Архангельской губерніи крестьяне прибрежныхъ селеній образовали всеобщее ополченіе и, подъ начальствомъ лѣсныхъ офицеровъ, повсемѣстно отражали нападеніе непріятеля; словомъ, всѣ были одушевлены чувствомъ благоговѣйной любви и преданности къ Государю и отечеству. Но заботы министерства, по исполненію военныхъ потребностей, не остановили обыкновенной дѣятельности его по улучшенію нравственнаго и матеріальнаго быта сельскихъ обывателей, которыхъ общее число въ 1855 году простиралось до 9,034,712 душъ мужескаго пола (*). Вслѣд-

(*) Въ томъ числѣ:

государственныхъ крестьянъ . .	8,813,821
иностранныхъ поселенцевъ . . .	193,402
Евреевъ-земледѣльцевъ	27,489

ствіе сего, сооруженіе и благолѣпіе церквей, улучшеніе содержанія духовенства, исправленіе безнранія и пороковъ были, какъ и прежде, предметомъ постояннаго попеченія министерства. Члены приходскаго духовенства, назначенные для религіозно-нравственнаго образованія сельскаго юношества, занимались своимъ дѣломъ, за весьма малымъ исключеніемъ, съ истинною ревностію. Число учащихся въ приходскихъ училищахъ по казеннымъ селеніямъ простиралось до 110,994 обоего пола, въ томъ числѣ изъ Татаръ 15,925. Въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ обучалось 58,114 обоего пола, у Евреевъ-земледѣльцевъ 1,024 муж. пола, у Калмыковъ 62 муж. пола. Всего въ 1855 году обучалось 170,194. Изъ сего приходилось на общее число населенія: у государственныхъ крестьянъ 1 на 163, у колонистовъ 1 на 7, у Евреевъ-земледѣльцевъ 1 на 49 душъ. Въ послѣднее время министерство старалось присоединить къ образованію сельскаго юношества нѣкоторыя свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства. Съ сею цѣлію въ 1855 году назначены по западнымъ губерніямъ каждому училищу особые участки земли, для разведенія садовъ и огородовъ, нѣкоторымъ училищамъ предоставлены въ пользованіе находящіеся въ имѣніяхъ фруктовые сады и разрѣшено выписывать въ каждую губернію по нѣскольку экземпляровъ «Земледѣльческой Газеты», для ознакомленія какъ учащихъ, такъ и учениковъ, съ улучшеніями въ земледѣліи и сельскомъ домоводствѣ. Сельскія волостныя расправы, учрежденныя съ 1839 года въ видѣ домашняго суда, дѣйствуя на искорененіе безнравія, подвергли въ 1855 году за проступки различнымъ исправительнымъ наказаніямъ и штрафамъ 74,893 чел. Сельскія общества, содѣйствуя обузданію пороковъ, отдали, по приговорамъ своимъ, въ опеку и присмотръ за дурное поведеніе 330. При такомъ строгомъ наблюденіи за общественною нравственностію, количество важныхъ преступленій съ каждымъ

Сверхъ того:

Киргизовъ	188,784
Калмыковъ	123,758
Самоѣдовъ	5,741

Въ казенныхъ селеніяхъ проживало:

отставныхъ солдатъ	71,873
солдатокъ	318,371
кантонистовъ	90,054
купцевъ, мѣщанъ и разночинцевъ	104,686

годомъ становится рѣже: въ 1855 году число обвиненныхъ судебными мѣстами въ уголовныхъ преступленіяхъ было *менѣе* противъ 1854 года 2,137 чел., а число присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ ограничивалось 97, *менѣе* противъ 1854 года 4 челов. Между иностранными поселенцами не было ни одного осужденнаго къ тяжкому наказанію. Для уравненія крестьянъ въ денежныхъ повинностяхъ соразмѣрно съ выгодами отъ земель и промысловъ, въ теченіе 1855 года совершено *переложеніе податей съ душъ на землю* въ губерніяхъ Нижегородской и Владимірской. Нынѣ новая система поземельной подати объемлетъ 19 Великороссійскихъ губерній, населенныхъ 3,843,279 душами. За тѣмъ въ 6 губерніяхъ (*) производятся приготовительныя оцѣночныя работы. Взаимное страхованіе строеній, введенное въ казенныхъ селеніяхъ, съ каждымъ годомъ распространяется болѣе. Въ 1855 году застраховано сельскихъ строеній на 75,390,557 р., *болѣе* противъ 1854 года на 5,852,262 р.; страховыхъ премій получено 610,539 р.; но, къ-сожалѣнію, пожары въ прошломъ году отъ сухаго лѣта, а частію и отъ дѣйствія непріятелей были весьма значительны. Сгорѣло 16 церквей, 43 общественныхъ зданій, 316 заводовъ, мельницъ и амбаровъ и 23,072 крестьянскихъ дома, всего на сумму 2,880,444 р., *болѣе* 1854 года на 926,965 р. Уплачено пожарныхъ убытковъ 785,143 р., *болѣе* противу полученныхъ премій 191,253 р. Состоящее при министерствѣ врачебное учрежденіе, пополняясь постепенно, сообразно утвержденному штату, опредѣленіемъ врачей, фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ, распространяло свои дѣйствія къ охраненію народнаго здравія. Медицинское управленіе, наблюдая постоянно за дѣйствіями врачей, направляло ихъ къ изученію мѣстныхъ болѣзней и способовъ предотвращенія оныхъ. Особенная дѣятельность врачей обращена была на прекращеніе существовавшихъ эпидемическихъ болѣзней, которымъ подвергалось въ теченіе года 157,130 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 120,129 душъ поражено было холерою. Изъ нихъ выздоровѣло почти двѣ трети. Оспа привита 710,826 новорожденнымъ, *болѣе* прошедшаго года 19,245. Число сельскихъ аптекъ увеличено. Призрѣніе бѣдныхъ и немощныхъ обезпечивается у насъ заботливостію родственниковъ или обществъ; при всемъ томъ, въ устроен-

(*) Херсонской, Таврической, Ярославской, Костромской, Казанской и Самарской.

ныхъ по селеніямъ 418 богадѣльняхъ призрѣвалось въ 1855 году 2,997 чел. обоего пола, *менѣе* противъ 1854 года 111 человѣкъ. Но призрѣніе сиротъ, какъ будущихъ членовъ и дѣятелей общества, составляло предметъ правительственнаго попеченія. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерства введены между государственными крестьянами опеки надъ сиротами въ примѣненіи къ общимъ законамъ и министерство постоянно слѣдитъ за успѣхами ихъ и постоянно убѣждается въ пользѣ сего учрежденія, обезпечивающаго будущность сиротъ сохраненіемъ ихъ достоянія. Въ 1855 году число опекъ возрасло до 41,214, *болѣе* противъ 1854 года 1,762; въ вѣдѣніи ихъ находилось 90,097 сиротъ, *болѣе* противъ 1854 года 3,222, и сиротскихъ капиталовъ и имущества на 5,204,196 р., *болѣе* противъ 1854 года на 293,600 р. Сироты большею частію обучаются полезнымъ въ крестьянскомъ быту ремесламъ и для сего отдаются извѣстнымъ мастерамъ или въ заведенія. Число обучающихся такимъ образомъ сиротъ и дѣтей, отдаваемыхъ по собственному желанію родителей, увеличивается съ каждымъ годомъ въ замѣчательной пропорціи. Въ 1855 году обучалось ремесламъ 50,335, *болѣе* противъ 1854 года 10,883. Сверхъ того обучалось ремесламъ: дѣтей колонистовъ 701, Евреевъ-земледѣльцевъ 6 и Калмыковъ 30. *Посѣвы* въ 1855 году *хлѣба* простирались до 22,958,268 четв., родилось 51,968,641 четв., *менѣе* противъ 1854 года на 15,028,788 четв.; картофеля посѣяно 1,643,548, *болѣе* противъ 1854 года на 101,157 четв.; родилось 5,761,433, *болѣе* противъ 1854 года 230,102. Количество *скота* у поселянъ, колонистовъ и кочующихъ народовъ въ 1855 году составляло 36,600,044 головы, *менѣе* противъ 1854 года на 492,260. Убыль скота произошла въ мѣстахъ, бывшихъ театромъ войны, и исключительно отъ изнуренія перевозкою воинскихъ тяжестей. *Фабрикъ и заводовъ* (въ томъ числѣ свѣтлицъ) состояло въ казенныхъ селеніяхъ и у колонистовъ 5,944, *болѣе* противъ 1854 на 167, на нихъ мастеровыхъ и работниковъ 62,482, *менѣе* противъ 1854 года 1,441. Отъ фабричной промышлености поселяне получили 9,758,138 р., *менѣе* противъ 1854 года 2,179,566 р. Учрежденіе *сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ* (сельскихъ банковъ) распространяется съ каждымъ годомъ въ значительной степени. Въ 1855 году открыто вновь сберегательныхъ кассъ 102 и вспомогательныхъ 34; затѣмъ, къ 1856 году состояло сберегательныхъ кассъ 515, а вспомогательныхъ 1,178; первыя имѣли вкладовъ на сбереженіе 948,216 р.,

болѣе противъ 1854 на года 213,134 р., а послѣднія произвели ссудъ на 1,681,715 р., *болѣе* противъ 1854 года на 173,258 р. Вспомогательныя кассы получили со времени своего учрежденія прибыли 437,065 р., которые обращаются на усиленіе оборотовъ кассы. *Мірскіе капиталы*, учрежденные въ 1855 году и находящіеся въ распоряженіи сельскихъ обществъ, для содѣйствія имъ къ удовлетворенію общественныхъ и частныхъ нуждъ, увеличились до 3,423,636 р., *болѣе* противъ 1854 года 492,586 р.; у колонистовъ они составляли 752,872 р., по случаю употребленія на военныя потребности *менѣе* противъ 1854 года на 131,356 р. Для пособія поселянамъ и на расходы по разнымъ предметамъ попечительства, употреблено въ 1855 году, на основаніи Высочайшихъ разрѣшеній и постановленій, 2,342,028 р., *болѣе* противъ 1854 года 867,857 р., преимущественно на продовольствіе; за тѣмъ къ 1 января 1856 года состояло всѣхъ капиталовъ 22,991,465 р., въ томъ числѣ крестьянскихъ 18,596,575 р., *болѣе* противъ 1844 года 1.743,834 р. По управленію *землями, лѣсами и оброчными статьями*, министерство продолжало распоряженія свои о приведеніи ихъ въ извѣстность съемкою на планы и объ извлеченіи доходовъ. Количество *казенныхъ земель* (не включая лѣсовъ), за послѣдовавшими измѣненіями, къ 1856 году составляло 81,402,230 дес., *болѣе* противъ 1854 года 695,239 дес. (*). Изъ сихъ земель въ 1855 снято на планы и рекогносцировано 6,781,521, а съ прежними 62,230,944 дес. Для составленія собранія межевыхъ актовъ на казенныя заселенныя и свободныя земли, скопировано *плановъ генеральнаго межеванія* на 3,641,132 дес., а съ прежними — на 54,398,290. Въ 1855 году архивъ министерства заключалъ въ себѣ 26,721 картъ и плановъ. *Казенныхъ лѣсовъ* въ 1855 году состояло 108,947,309 десят., *менѣе* противъ 1854 на 611,742 дес., по случаю передачи въ другія вѣдомства. Для приведенія въ точнѣйшую извѣстность лѣсовъ, *снято на планы* 1,289,921 дес., а съ прежними 13,338,237 дес., составлено хозяйственныхъ описаній лѣсовъ на 3,454,535 дес.; а съ прежними на 36,046,081 десят. Не смотря на затрудненія по военнымъ обстоятельствамъ, въ нарядѣ рабочихъ, въ-теченіе 1855 года произведены слѣдующія лѣсныя работы: въ

(*) Количество земель увеличилось отъ прибавки земли, открытой по люстраціи и релугированію, а также при измѣреніи земель въ губерніяхъ Вятской, Вологодской и Олонецкой.

6 дачахъ на пространствѣ 89,560 десят. введено правильное лѣсное хозяйство, которое нынѣ объемлетъ 3,408,251 дес. Разведено и посѣяно лѣса на вырубленныхъ лѣсосѣкахъ и прогалинахъ на пространствѣ 38,714 десят.; масса посаженныхъ деревъ простиралась до 3,822,058 деревъ, черенковъ до 3,062,840, кольевъ до 319,777 и употреблено на посѣвъ сѣмянъ 4,977 пуд.; укрѣплено летучихъ песковъ на 1,222 десят.; устроено вновь 25 питомниковъ; окопано канавами и рвами лѣсовъ на протяженіи 228 верстъ, огорожено молодыхъ засѣкъ 12 дес., расчищено просѣкъ отъ молодой поросли на 207 верстъ; уничтожено излишнихъ дорогъ на 278 и учреждено новыхъ на 166 верстъ, прорыто водоотводныхъ канавъ для осушки болотъ на 79,441 погон. сажен.; поставлено указательныхъ столбовъ 2,814. Совершенное прекращеніе заграничнаго отпуска лѣса весьма неблагопріятно дѣйствовало на лѣсную торговлю. При всемъ томъ *лѣснаго дохода* получено 867,100 р., *менѣе* предположеннаго оклада 132,899 р.; но недостатокъ сей пополненъ государственному казначейству изъ доходовъ отъ устроенныхъ дачъ, который въ семъ году простирался до 242,305 р. Такимъ образомъ, мѣры приведенія въ извѣстность, охраненія и хозяйственнаго устройства лѣсовъ продолжаются постоянно съ возрастающимъ успѣхомъ и доходы съ лѣсовъ поступаютъ въ опредѣленной нормѣ, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства и прекращеніе заграничной тоговли. Положивъ твердыя основанія къ постепенному лѣсоустройству на будущее время, министерство обратило вниманіе, во-первыхъ, на распространеніе лѣсотехническихъ свѣдѣній, для извлеченія изъ лѣсныхъ матеріаловъ бóльшихъ доходовъ, и, во-вторыхъ, на пріисканіе способовъ, для замѣна лѣснаго топлива другими горючими веществами. Въ сихъ видахъ въ Лисинскомъ лѣсничествѣ и въ особо-устроенной лѣсной школѣ въ Вологодской губерніи производятся постоянно опыты для добыванія лѣсныхъ произведеній, какъ-то: гонка смолы и дегтя, переугливаніе лѣса и проч. Въ сихъ опытахъ участвуютъ не только лѣсные офицеры, но и ученики изъ крестьянъ казенныхъ и владѣльческихъ, дабы посредствомъ ихъ распространить лѣсотехническое производство въ народной промышлености. Съ сею также цѣлью съ начала 1855 года предпринято изданіе лѣсной газеты, въ которой объявляются распоряженія правительства и всѣ усовершенствованія въ Россіи и другихъ государствахъ какъ по лѣсоустройству вообще, такъ и по части лѣсотехнической въ-особенности. Въ отношеніи

замѣна лѣснаго топлива, два продукта были предметомъ разработки: 1) *каменный уголь* и антрацитъ и 2) *торфъ*. Каменный уголь доселѣ отысканъ только въ Екатеринославской губерніи, мало нуждающейся въ топливѣ и не имѣющей удобныхъ сообщеній, для доставленія сего продукта въ другія мѣста. Посему разработка каменнаго угля производится, на первый разъ, для пріученія поселянъ, въ малыхъ размѣрахъ (въ 1855 году 43,500 пуд.). Разработка *торфа* предпринята недавно и съ сомнительнымъ успѣхомъ; но постоянное усиліе министерства, назначеніе опытнаго торфмейстера и нѣкоторыя денежныя пожертвованія, — начинаютъ распространять разработку торфа въ губерніяхъ: Курляндской, Лифляндской, Московской, Псковской, Витебской, Черниговской и Курской. Въ 1855 году по одному вѣдомству государственныхъ имуществъ выработано болѣе 19 милліоновъ кирпичей. Можно надѣяться, что употребленіе торфа съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться, особенно для фабричнаго дѣла».

— «О денежномъ кризисѣ въ западной Европѣ». — Въ газетѣ «La Presse» помѣщены между прочимъ слѣдующія соображенія о финансовомъ положеніи Европы. «Денежный кризисъ, испытываемый нами въ настоящее время, отличается свойствами, которыя обнаруживаютъ недостаточность нынѣшнихъ учрежденій по части денежныхъ оборотовъ и кредита и необходимость продолжать преобразованіе ихъ. Повсюду, въ одно и то-же время, оказывается рѣдкость звонкой монеты и вывозъ золота, либо серебра, служащихъ для выдѣлки этой монеты. Оттого кризисъ сдѣлался общимъ: промышленость, торговля, кредитъ частный и общественный, все пришло въ застой. Краткое изложеніе самыхъ фактовъ можетъ, по нашему мнѣнію, всего лучше доказать настоятельную надобность въ реформѣ. Въ прошедшемъ (1855 г.) году кризисъ произошелъ отъ двухъ причинъ: отъ недостаточнаго урожая и отъ усиленія государственныхъ займовъ. Пораженныя неурожаемъ, Европейскія государства напрягали свои усилія къ пріобрѣтенію звонкой монеты для уплаты Сициліи, Египту и Соединеннымъ Штатамъ за привозъ оттуда хлѣба. Сверхъ того, война на востокѣ заставила всѣ государства приступить къ займамъ, и деньги устремились на покупку облигацій, которыя были предлагаемы съ большою преміею и огромными выгодами. Банки, для удержанія у себя звонкой монеты, должны были прибѣгнуть къ стѣснительнымъ мѣрамъ, а именно: къ возвышенію учетнаго

процента. къ сокращенію платежныхъ сроковъ. къ ограниченію размѣра ссудъ подъ залогъ облигацій и обязательствъ по промышленымъ предпріятіямъ. Кризисъ 1856 года приписываютъ вообще болѣе коренной и глубокой причинѣ: она не только случайна, но заключается въ самомъ организмѣ. Между количествомъ звонкой монеты и числомъ предпріятій, какъ удостовѣряютъ люди, свѣдущіе въ финансовыхъ дѣлахъ, нѣтъ никакой соразмѣрности, или, выражаясь другими словами,—кредитныя установленія не соотвѣтствуютъ болѣе развитію оборотовъ. Государства континентальной Европы, долго наблюдавшія, болѣе съ удивленіемъ, нежели съ завистью, стремленіе Франціи къ обширнымъ промышленымъ предпріятіямъ, рѣшились наконецъ послѣдовать ея примѣру. Въ-теченіе года возникло за границею множество предпріятій разнаго рода. Такимъ образомъ появились, однѣ за другими: желѣзныя дороги Австрійскія, Ломбардо-Венеціянскія, Сардинскія, Швейцарскія, Испанскія, Бельгійскія и др.; учрежденія кредита движимыхъ имуществъ, подъ разными формами и названіями, въ Гамбургѣ, Вѣнѣ, Мадритѣ, Туринѣ, Женевѣ; компаніи рудниковъ, лѣсной торговли, каналовъ и проч., въ главныхъ государствахъ Европы. Германія отличилась преимущественно въ этомъ общемъ движеніи предпріимчивостью. Ею овладѣла такъ-называемая по ту сторону Рейна «банкирочная лихорадка» (Bank-Fieber). Нѣтъ ни одного городка, который не хотѣлъ-бы имѣть собственнаго банка или, если угодно, кредита движимыхъ имуществъ. Новые банки учредились въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Кенигсбергѣ, Бременѣ, Любекѣ, Франкфуртѣ, Гановерѣ, Мейнингенѣ, Дессау и Готѣ. Всѣ эти учрежденія имѣютъ цѣлью поддерживать большія предпріятія и поощрять развитіе промышлености. Между тѣмъ, при этихъ банкахъ, которые всѣ требуютъ, для своего основнаго капитала, звонкой монеты, существуютъ прежніе банки, которые, въ свою очередь, стараются удерживать ее на покрытіе огромнаго обращенія кредитныхъ бумагъ, выпущенныхъ правительствами. По словамъ г. Горна, кредитныхъ бумагъ обращается въ Германіи на 1,490,289,555 фр., а во Франціи только на 620 мил.; въ Соединенныхъ Штатахъ на 900 мил. и въ Англіи на 937 мил. А какъ подобная сумма не соотвѣтствуетъ ни степени развитія коммерческой дѣятельности, ни количеству звонкой монеты, находящейся въ кассахъ, то понятно, въ какой мѣрѣ должно было уве-

личиться требованіе на драгоцѣнные металлы. При томъ должно замѣтить, что Германія съ настоящею яростью устремилась на эти спекуляціи, между-тѣмъ-какъ во Франціи привыкли дѣйствовать въ подобныхъ дѣлахъ тихо и осторожно. Было время, когда много кричали о баснословныхъ суммахъ, являвшихся на подписку при малѣйшемъ государственномъ займѣ. На послѣдній заемъ Французскаго правительства, требовавшаго 750 мил. фр., подписка составила колоссальную сумму, 3,653 мил. фр. Это ничего не значитъ въ-сравненіи съ результатами, какіе представляетъ проектъ учрежденія какого-нибудь банка въ Германіи. Учреждался въ Гамбургѣ банкъ, который требовалъ 13 мил. б. мар., а явилось 600 мил. Нѣсколько дней спустя, учреждается въ томъ-же городѣ другой банкъ; онъ открылъ подписку на 8 мил. б. мар., а явилось желающихъ взять акціи на 1,595 мил. б. мар. Развитіе большихъ общественныхъ сооруженій и размноженіе банковъ сопровождалось выпускомъ, на всѣхъ Германскихъ биржахъ, огромной массы кредитныхъ бумагъ, вовсе несоразмѣрныхъ съ наличностью звонкой монеты. Отсюда возникли мѣры, принятыя банками къ удержанію звонкой монеты и къ накопленію ея въ ихъ кассахъ; отсюда произошло странное явленіе: возвышеніе учетнаго процента вслѣдъ за увеличеніемъ числа кредитныхъ учрежденій. Исчисливъ суммы, которыя должны быть внесены на промышленныя предпріятія въ Австріи, Германіи, Швейцаріи, Испаніи, Сардиніи, находимъ, что цифра составляетъ свыше 1,500 милліоновъ, которая должна быть покрыта въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ. При невозможности уплатить эту сумму, государства эти обратились къ странамъ, менѣе обремененнымъ кредитными бумагами и болѣе богатымъ звонкою монетою. Франція и Англія сдѣлались преимущественно цѣлью ихъ операцій. Между-тѣмъ оба эти государства сами находятся въ затруднительномъ положеніи и, подобно другимъ, наводнены кредитными бумагами, несоразмѣрно съ массою обращенія звонкой монеты. Банки Французскій и Англійскій не только были принуждены обратиться къ прошлогоднимъ ограничительнымъ мѣрамъ, но должны были присовокупить къ нимъ еще новыя ограниченія. Въ 1853 г. было исчислено, что цѣнность народнаго богатства во Франціи составляетъ около 20,000 мил. фр., представляемыхъ кредитными бумагами на 16,600 милліоновъ и звонкою монетою на 3,000 мил. фран. Слѣдующее

исчисленіе, заимствованое изъ новѣйшаго сочиненія Анжело Тедеско (*), можетъ дать понятіе о быстромъ приращеніи цѣнностей, имѣющихъ курсъ на биржѣ:

Государственный долгъ	10,144,260,840	фран.
Разные банки	1,677,167,660	
Облигаціи	2,170, 97,377	
Желѣзныя дороги	3,156,910,000	
Страхованія	262,650,000	
Горные заводы	491,306,545	
Дилижансы и транспорты	352,990,000	
Освѣщеніе газомъ	213,197,100	
Рудники	145,895,595	
Мосты и каналы	301,136,137	
Разныя предпріятія	412,012,437	
Итого	19,507,623,491	фран.

Въ это исчисленіе Анжело Тедеско не включилъ тѣ компаніи, капиталъ коихъ неизвѣстенъ, или которыя въ настоящее время разстроились или-же не имѣютъ важнаго значенія. Онъ не принялъ также въ разсчетъ среднюю цифру банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи. За тѣмъ цѣнность государственныхъ и кредитныхъ бумагъ въ настоящее время можетъ доходить до 25,000 мил. фр., т. е. въ семь разъ болѣе противъ наличности звонкой монеты. Но, можетъ быть, намъ замѣтятъ, что по всѣмъ этимъ обязательствамъ платежъ не требуется по предъявленію ихъ; что они составляютъ не текущій, а постоянный долгъ, и что по этому несоразмѣрность между количествомъ ихъ и суммою звонкой монеты имѣетъ гораздо менѣе важности, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда-бы дѣло шло объ обязательствахъ, уплачиваемыхъ по востребованію. На это замѣчаніе мы отвѣчаемъ, что цѣнность обязательствъ состоитъ частью именно въ томъ, что они, во всякое время, по желанію ихъ владѣльцевъ, могутъ быть реализированы, т. е. обращены въ деньги; что лишь только реализація эта становится затруднительнѣе, курсъ ихъ тотчасъ упадетъ, и что, вслѣдствіе того, не все равно, какая пропорція существуетъ между количествомъ звонкой монеты и кредитныхъ обязательствъ. Оста-

(*) Les reports faits par une caisse de l'Etat, 1856.

новимся. впрочемъ, на обязательствахъ, подлежащихъ уплатѣ по востребованію, т. е. на билетахъ банковыхъ. По исчисленію г. Гюбнера, билетовъ, необезпечиваемыхъ фондомъ звонкой монеты, обращалось въ Европѣ въ 1846 г. на 2,027,025,385 фр., а въ 1854 г. на 3,785,616,930 фр.; слѣдовательно болѣе на 1,759,591,545 фр. или почти на 87%. Возможно-ли доказать, что въ-теченіе того-же времени добываніе золота изъ Калифорнійскихъ и Австралійскихъ пріисковъ увеличилось въ такой-же пропорціи?»

Въ-заключеніе обратимъ вниманіе на весьма любопытныя и дѣльныя статьи г. академика Веселовскаго по метеорологіи, а именно: *О вліяніи вѣтра на дождь въ Россіи* (Журн. м. г. им. № 9) и *О послѣднихъ весною и первыхъ осенью морозахъ въ Россіи* (ibid. № 10).

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Сродство и географическое распредѣленіе насѣкомоядныхъ млекопитающихъ (*). — Объ этомъ предметѣ написалъ статью академикъ Θ. Θ. *Брандтъ*, которому случалось уже нѣсколько разъ обращать свое ученое вниманіе на насѣкомоядныхъ. Мы передадимъ здѣсь сущность его замѣчаній, которыя тѣмъ любопытнѣе, что касаются предметовъ, особенно занимающихъ зоологовъ въ послѣднее время, — именно параллельныхъ классификацій и географіи животныхъ.

Впрочемъ, г. Брандтъ находитъ, что уже Воттонъ (De diff. anim. 1552) и особенно Германъ (Tabula affinitatum Animalium, Argent. 1783), котораго онъ называетъ забытымъ основателемъ сравнительной зоологіи, уже высказали основныя понятія объ отношеніи насѣкомоядныхъ къ двуутробнымъ съ одной стороны и къ грызунамъ — съ другой. Въ новое-же время тѣ-же отношенія были еще полнѣе разобраны *Лихтенштейномъ* (Abhandl. d. Berliner Acad. f. 1851) и три года спустя *Исидоромъ Жоффруа* (Voyage d. Belanger. Zool.), который вообще обратилъ особенное вниманіе на параллельныя классификаціи.

Разсматривая насѣкомоядныхъ по образу ихъ жизни и по тому, какъ онъ отражается въ ихъ наружномъ и внутреннемъ устройствѣ, легко видѣть, что различныя формы ихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ біологическимъ типамъ грызуновъ и сумчатыхъ. Г. Брандтъ принимаетъ пять типовъ насѣкомоядныхъ, именно: земныя (Chersobia),

---

(*) Bulletin de la classe physico-math. T. XVI, p. 18. 1857.

роющіяся (Geoscapteres s. Chersobia hypogaea), прыгуны (Haltopodes), лазуны (Dendrobia) и плавуны (Hygrobia).

1) Насѣкомоядныя, которыя хотя большею частію скрываются въ норахъ въ землѣ, однакожь ищутъ своей добычи на поверхности земли, именно землеройки съ ихъ подраздѣленіями — Sorex, Pachyura, Crocidura, Diplomesodon, Solenodon и Gymnura, и Мадагамарскій родъ Eupleres — соотвѣтствуютъ между грызунами мышинымъ (Myoides и Spalacopodoides); между сумчатыми имъ сродны біологически и морфологически роды Didelphis, Dasyurus, Phascogale, Myrmecobius и Phascolomys и даже Thylacinus.

Между-тѣмъ нѣкоторые роды земныхъ насѣкомоядныхъ, покрытые иглами, какъ Erinaceus, Centetes, Ericulus и Echinogale, живо напоминаютъ между грызунами не лазящихъ дикобразовъ (родъ Hystrix), и также тѣхъ Myodes и Spalacopodoides, у которыхъ есть иглы; съ ними-же можно сравнить родъ Echidua изъ птицезвѣрей, которые подходятъ къ сумчатымъ.

2) Настоящія роющіяся, т. е. тѣ формы, которыя отыскиваютъ свою добычу постоянно подъ землею, именно роды Talpa, Scalops, Condylura, Urotrichus и Chrysochloris, ясно указываютъ на семейство крысо-кротовъ между грызунами и на семейство Sciurospalacides (роды Thomomys и Ascomys).

Между сумчатыми нѣтъ настоящихъ роющихся; даже Вомбатъ долженъ быть собственно отнесенъ къ надземнымъ формамъ (epigaea).

3) Плавающія насѣкомоядныя въ морфологическомъ отношеніи принадлежатъ къ семейству землероекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (Crossopus) очень мало отличаются отъ настоящихъ сухопутныхъ землероекъ. Они соотвѣтствуютъ родамъ Fiber и Hydromys между мышиными и putorius lutreola и Vison между хорьковыми хищными. Дальнѣйшее аномальное развитіе рода Crossopus представляетъ вполнѣ водный родъ выхухоли, въ которомъ насѣкомоядныя достигаютъ высшей, возможной для нихъ, степени приспособленія къ жизни въ водѣ. Аналогическіе роды суть — бобёръ и койпу между грызунами, выдры и морской бобёръ — между хищными, Chironectes — между сумчатыми и даже утконосъ между птицезвѣрями. Замѣтимъ, что проницательный Линней уже называлъ нашу выхухоль — Castor moschatus.

4) Такъ точно, какъ прыгающіе грызуны примыкаютъ къ мышинымъ, прыгающія насѣкомоядныя, открытыя не такъ давно

(Macroscelides, Petrodromus и Rhynchocyon) представляютъ намъ видоизмѣненныя формы землеройковыхъ. Между сумчатыми съ ними наиболѣе сродны хищныя Perameles, Macrotis и Choeropus, нѣсколько менѣе—травоядныя Halmaturina.

5) Лазящія насѣкомоядныя, извѣстныя до настоящаго времени (Tupaja, Hylomys и Ptilocercus), соединяютъ голову и зубы насѣкомоядныхъ, съ наружнымъ видомъ и шерстью бѣлокъ и соней изъ отряда грызуновъ. Менѣе сходны съ этими насѣкомоядными лазящіе Американскіе дикобразы. Изъ сумчатыхъ сюда принадлежитъ родъ Phalangista съ его подраздѣленіями, также Tarsipes, Dendrolagus и даже Phascolarctus.

По мнѣнію г. Брандта, отрядъ беззубыхъ также представляетъ два соотвѣтствующіе біологическіе типа, именно земныхъ и лазуновъ. Въ родѣ муравьеѣдовъ встрѣчается и тотъ и другой типъ; ящеры (Manis) представляютъ нѣчто среднее между ними, но болѣе примыкаютъ къ земнымъ.

Разсмотрѣнные пять типовъ не исчерпываютъ однакожь всего біологическаго разнообразія грызуновъ и сумчатыхъ; между ними есть еще *летающія* животныя. Но можно считать соотвѣтствующими насѣкомоядными летучихъ мышей. На-самомъ-дѣлѣ, положеніе сосцевъ на груди, которымъ они отличаются, явно зависитъ отъ образа ношенія дѣтенышей, а аномальное развитіе переднихъ членовъ для полета можно, вмѣстѣ съ Палласомъ и Кювье, также не считать особенно важнымъ признакомъ. Тогда окажется даже, что число летающихъ насѣкомоядныхъ далеко превосходитъ число соотвѣтствующихъ формъ другихъ отрядовъ. Между грызунами сюда принадлежатъ Pteromys, Sciuropterus и Anomalurus, между сумчатыми—родъ Petaurus съ его подраздѣленіями. Наконецъ всетаки не всѣ группы грызуновъ повторяются насѣкомоядными; недостаетъ родовъ, соотвѣтствующихъ полукопытнымъ, зайцамъ и шаншилламъ. Полукопытныхъ не можетъ быть между насѣкомоядными, потому-что, по ихъ хищной природѣ, у нихъ непремѣнно должны быть острые когти.

Точно такъ зайцы и сродныя съ ними шаншиллы слишкомъ исключительно травоядны.

Вообще-же можно замѣтить, что сродство между грызунами и насѣкомоядными постоянно обнаруживается въ органахъ движенія, но не всегда въ пищѣ; такъ летающіе грызуны питаются ра-

стеніями, а летающія мыши большею частію суть хищныя животныя.

Географическое распредѣленіе насѣкомоядныхъ представляетъ много особеннаго.

Въ южной Америкѣ нѣтъ настоящихъ насѣкомоядныхъ. Они замѣняются тамъ родами Didelphis и Chironectes, многочисленными рукокрылыми, далѣе родами Nasua и Cercoleptes и беззубыми. Въ сѣверной Америкѣ недостаетъ прыгуновъ, лазуновъ, иглистыхъ и настоящихъ плавуновъ; наши кроты замѣняются тамъ особыми родами Scalops и Condilura.

Новая Голландія также не имѣетъ насѣкомоядныхъ, если не считать летучихъ мышей. Замѣну ихъ составляютъ многочисленные сумчатые и потомъ птицезвѣри.

Азія всего богаче насѣкомоядными. Въ ней встрѣчаются всѣ біологическіе типы, кромѣ прыгуновъ, принадлежащихъ исключительно Африкѣ.

Въ Африкѣ за то недостаетъ плавуновъ и лазуновъ; впрочемъ, число родовъ, водящихся въ Азіи и въ Африкѣ, одинаково.

Наконецъ Европа и въ этомъ отношеніи является, какъ полуостровъ Азіи; въ ней встрѣчаются только тѣ формы, какія есть въ Азіи, но недостаетъ въ сравненіи съ нею—лазуновъ.

По мнѣнію г. Брандта, *вѣрные* Европейскіе виды суть слѣдующіе 12: Erinacuus europaeus и auritus, Talpa europaea, Crocidura leucodon, C. aranea, Pachyura etrusca, Sorex vulgaris, S. pygmaeus, S. alpinus, Crossopus fodiens, Myogale moschata и M. pyrenaica.

Россія имѣетъ 11 видовъ насѣкомоядныхъ; именно изъ Европейскихъ въ ней недостаетъ трехъ—Pachyura etrusca, Sorex alpinus и Myogale pyrenaica; но въ Россіи встрѣчаются два вида, только ей принадлежащіе: Diplomesodon pulchellus и Erinaceus hypomelas.

Изъ Русскихъ видовъ Crossopus fodiens, Sorex pygmeus и особенно Sorex vulgaris замѣчательны весьма обширнымъ географическимъ распространеніемъ; они встрѣчаются въ Италіи и въ южной полосѣ полярнаго пояса, отъ запада Европы и до востока Азіи. Академикъ Миддендорфъ нашелъ Sorex vulgaris подъ 71° с. ш. и предполагаетъ, что она водится подъ 72°.

Кротъ также принадлежитъ къ животнымъ очень распространеннымъ.

На-оборотъ, Diplomesodon pulchellus и Erinaceus hypomelas очень ограниченны въ этомъ отношеніи; первый водится только въ Кир-

гизскихъ, второй въ Трухменскихъ степяхъ. Точно такъ Myogale moscovitica (какъ и M. pyrenaica), представляетъ небольшую область распространенія; она водится только въ средней и южной рѣчной области Волги и Камы.

Значеніе азотнокислыхъ солей въ питаніи растеній (*). — Съ нѣкотораго времени обращено большое вниманіе на участіе, принимаемое азотнокислыми солями въ питаніи растеній. Эти соли были употребляемы съ успѣхомъ, какъ удобреніе, и нужно было рѣшить вопросъ, чему приписать ихъ дѣйствіе — кислотѣ, или основанію.

Мнѣнія на этотъ счетъ были различны. Либихъ, какъ извѣстно, полагаетъ, что не изъ этихъ солей растенія получаютъ азотъ и что дѣйствіе ихъ зависитъ скорѣе отъ основанія, чѣмъ отъ кислоты. Но мнѣніе это было опровергаемо другими учеными и въ нашемъ журналѣ (январь, 1857. Смѣсь) были указаны послѣдніе опыты Буссенго, доказывающіе, что растенія принимаютъ изъ этихъ солей и азотъ и щелочь.

Вилль, столь извѣстный своими изслѣдованіями о поглощеніи азота растеніями, также старался рѣшить этотъ вопросъ т. е. опредѣлить, какъ дѣйствуютъ азотнокислыя соли и откуда онѣ являются въ сокахъ растеній.

Прежде всего ученый изслѣдователь старался найти точное средство опредѣлять въ присутствіи примѣсей количество азота въ разсматриваемыхъ соляхъ. Для этого онъ воспользовался изысканіями Кульмана, который давно уже указалъ на весьма легкое превращеніе всѣхъ окисловъ азота въ амміакъ.

Вилль сперва кипятитъ азотнокислое кали съ однохлористымъ желѣзомъ и получаетъ окись азота; потомъ пропускаетъ этотъ газъ вмѣстѣ съ избыткомъ водорода черезъ трубку, наполненную губчатою платиною и накаленную до-красна. Или-же, вмѣсто водорода, онъ бралъ сѣрнистый водородъ, вмѣсто платины—содистую известь. Въ обоихъ случаяхъ получается амміакъ, который опредѣляется очень легко. При этомъ вовсе не мѣшаютъ органическія вещества, тогда какъ при способѣ Пелуза они вредятъ точности анализа. При первомъ способѣ т. е. при употребленіи губчатой платины, ошибки простираются только до $^{2}/_{10}$ миллиграма; при

(*) *G. Wille.* Annales de chimie et de physique. T. XLVI, 314 и t. XLIX, 168, Fevr. 1857.

второмъ оно доходитъ до $^{4}/_{10}$. Вилль указываетъ подробности и предосторожности своихъ пріемовъ.

Опыты его надъ растеніями дали слѣдующіе результаты:

1. Если посадить сѣмена въ прокаленный песокъ и прибавить къ нему нѣсколько селитры (*), то, по мѣрѣ возрастанія новыхъ растеній, количество селитры уменьшается, и наконецъ она вовсе исчезаетъ. Тогда анализъ показываетъ, что растенія приняли въ себя столько азота, сколько его было въ селитрѣ. Отсюда видно, что въ этомъ случаѣ растенія не поглощаютъ азота изъ воздуха, и также, что въ почвѣ не образуется вновь азотнокислыхъ солей.

2. Если прибавить селитры больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, то возрастаніе идетъ гораздо быстрѣе и наконецъ окажется, что въ растеніяхъ больше азота, чѣмъ сколько его было въ сѣменахъ и въ прибавленной селитрѣ. Избытокъ азота, очевидно, поглощенъ изъ воздуха. Слѣдовательно, начиная съ извѣстнаго времени растенія начинаютъ поглощать азотъ. Этотъ замѣчательный фактъ объясняется точно такъ-же, какъ и то явленіе, что нѣкоторыя сѣмена, посаженныя въ чистый прокаленный песокъ, не производятъ растеній, тогда-какъ другія въ тѣхъ-же условіяхъ развиваются въ полныя растенія. Извѣстно, что во время прорастанія сѣмена ничего не берутъ изъ воздуха; поэтому, если въ нихъ достаточно питательнаго вещества для образованія первыхъ листьевъ, то они выростаютъ, если-же нѣтъ, то необходимо, чтобы въ почвѣ было питательное вещество; иначе они пропадутъ. Такъ зерно табака не растетъ въ прокаленномъ пескѣ; но если взять уже развившееся растеніе и посадить въ этотъ песокъ, то оно поглощаетъ азотъ и продолжаетъ расти.

Кромѣ того Вилль находитъ здѣсь ясное подтвержденіе своихъ изысканій о поглощеніи азота прямо изъ воздуха. На основаніи опытовъ Рейзе и своихъ собственныхъ, онъ совершенно отвергаетъ образованіе азотнокислыхъ солей въ почвѣ. Притомъ, если-бы растенія поглощали только азотнокислыя соли или амміакъ, то для этого вовсе не были-бы необходимы вполнѣ развитые листья.

3. Обыкновенно предполагаютъ, что азотнокислыя соли сначала производятъ амміакъ, и что амміакъ уже служитъ для питанія

(*) Количество селитры опредѣляется опытами и различно, смотря по растенію.

растеній. Но въ этомъ случаѣ, при равномъ количествѣ азота, сальміакъ дѣйствовалъ-бы на растенія гораздо лучше, чѣмъ селитра. Вилль показалъ опытами, что, на-оборотъ, селитра даетъ растеніямъ больше азота, чѣмъ сальміакъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что селитра дѣйствуетъ, по-крайней-мѣрѣ, не превращаясь предварительно въ аммiакъ.

4. Рейзе (*) уже доказалъ, что при гніеніи органическихъ тѣлъ часть азота отдѣляется въ видѣ газа. Вилль подтверждаетъ это своими опытами, которые были произведены другимъ путемъ. Въ горшокъ съ прокаленнымъ пескомъ былъ примѣшанъ порошокъ зеренъ горошка (Lupinus); потомъ горшокъ былъ закрытъ герметически колпакомъ и черезъ колпакъ пропускалось ежедневно до 500 метровъ воздуха, очищеннаго отъ всякихъ азотистыхъ веществъ, кромѣ чистаго азота. Аммiакъ, уносимый этимъ воздухомъ, былъ опредѣляемъ, равно и тотъ, который заключался въ водѣ, садившейся на стѣнки колокола и стекавшей въ особую подставку. Потомъ было опредѣлено количество азота, оставшееся въ пескѣ. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ оказалось, что сумма азота въ пескѣ и въ аммiакѣ меньше, чѣмъ количество азота, заключавшееся въ порошкѣ сѣмянъ. Остальной азотъ, очевидно, отдѣлился въ видѣ газа.

Когда въ горшкахъ, также приготовленныхъ, были засѣяны и выращены растенія, оказалось, что въ пескѣ осталось столько-же азота, какъ и безъ растеній, и что растенія усвоили себѣ больше азота, чѣмъ сколько его было въ отдѣлившемся аммiакѣ; слѣдовательно растенія не принимали азота изъ веществъ, находящихся въ почвѣ, а поглощали азотъ изъ воздуха.

Вилль заключаетъ свой мемуаръ общими разсужденіями о поглощеніи растеніями азота въ видѣ газа. Легко видѣть, что аммiака недостаточно для доставленія растеніямъ всего ихъ азота.

Въ Альзасѣ гектаръ земли, подъ земляными яблоками (topinambours), даетъ каждый годъ 26,440 килограммовъ въ шишкахъ и 14,100 килограммовъ въ деревянистыхъ стебляхъ; разложеніе показываетъ, что здѣсь на 43 килограмма больше азота, чѣмъ въ навозѣ, употребленномъ для удобренія. Если вычислить количество аммiака, заключающееся въ дождевой водѣ, падающей въ продолженіе года на гектаръ земли, то получимъ 3,540 килограммовъ аммiака

(*) *Reiset*. Comptes rendus. T. LXII, 58.

и слѣд. 2, 92 азота. Прибавимъ сюда еще 3 кил. на азотнокислыя соли, образующіяся въ воздухѣ; всего будетъ 6 килограммовъ и и далеко еще до 43.

Результаты всѣхъ этихъ опытовъ и соображеній Вилль выражаетъ слѣдующими положеніями:

1. Растенія усвояютъ газообразный азотъ; это можно доказать тремя способами:

a) Воспитывая нѣкоторыя растенія въ почвѣ, не содержащей никакихъ азотистыхъ веществъ, и въ искусственной атмосферѣ, въ которой нѣтъ ни амміака, ни какихъ-нибудь посторонних частицъ.

b) Воспитывая нѣкоторыя растенія на свободномъ воздухѣ съ помощію селитры, или безъ нея.

c) Замѣняя селитру азотистымъ удобреніемъ.

2. Азотнокислыя соли дѣйствуютъ азотомъ своей кислоты. Поглощеніе этихъ солей совершается прямо и непосредственно.

3. При равномъ количествѣ азота, селитра дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ амміачныя соли.

4. Всякое органическое вещество при разложеніи теряетъ часть своего азота въ видѣ газа.

Теплота тѣла животныхъ. (Продолженіе) (*). — *Клодъ Бернаръ*, продолжая свои изслѣдованія о распредѣленіи теплоты въ тѣлѣ животныхъ, старался опредѣлить значеніе дыхательныхъ органовъ въ отношеніи къ теплотѣ. Извѣстно, что мнѣніе древнихъ физіологовъ объ этихъ органахъ было совершенно противоположно тому, которое введено въ науку знаменитымъ Лавуазье. Они думали, что легкія служатъ для того, чтобы умѣрять или уменьшать жаръ крови черезъ прикосновеніе съ холоднымъ воздухомъ. Лавуазье, создавши новую теорію горѣнія, доказалъ также, что въ легкихъ поглощается кислородъ и отдѣляется углокислота. Изъ этого онъ заключилъ, что въ легкихъ происходитъ какъ-бы родъ медленнаго горѣнія, т. е. соединеніе кислорода съ другими элементами. А какъ при подобномъ соединеніи или окисленіи всегда и вездѣ отдѣляется теплота, то и дыханіе производитъ теплоту, и легкія есть очагъ, дающій животнымъ ихъ жизненную теплоту. Такимъ-образомъ простое химическое соображеніе разрѣшило во-

(*) Comptes Rendus T. XLIII, p. 561.

просъ о причинѣ животной теплоты. Въ этомъ рѣшеніи нельзя не видѣть огромнаго шага науки. Предъ этимъ теплоту животныхъ приписывали какой-то таинственной причинѣ, помѣщали источникъ ея въ сердцѣ, или-же объясняли ее треніемъ о стѣнки сосудовъ. Теперь оказалось, что ея происхожденіе въ животныхъ сводится на самое обыкновенное химическое явленіе. Но нѣкоторыя изъ заключеній были слишкомъ поспѣшны. Лавуазье предположилъ, что именно въ легкихъ кровь выдѣляетъ свой углеродъ и совершается горѣніе. Въ этомъ заключается ошибка великаго химика. На-самомъ-дѣлѣ, если легкія суть очагъ животной теплоты, то почему она распространяется равномѣрно по всему тѣлу? Очевидно, легкія должны-бы имѣть гораздо высшую температуру, чѣмъ другія части тѣла. Многіе физіологи старались разрѣшить этотъ вопросъ. Старались опытами опредѣлить, какая кровь теплѣе—та-ли, которая выходитъ изъ легкихъ т. е. артеріальная, проходящая черезъ лѣвую половинку сердца (лѣвое предсердіе и лѣвый желудочекъ), или-же та, которая идетъ къ легкимъ, т. е. венная кровь, собирающаяся въ правую половинку сердца (правое предсердіе и правый желудочекъ) и отсюда достигающая того очага, въ которомъ, по мнѣнію Лавуазье, она получаетъ свою теплоту. Первые опыты Сесси, Деви, Нассе и другихъ были еще не рѣшительны; но Кравфордъ, Кримеръ, Скудаморе, самъ Деви въ слѣдующихъ своихъ опытахъ, Бекерель, Брешe нашли, что артеріальная кровь теплѣе венной и слѣдовательно подтвердили мнѣніе Лавуазье. Первое ясное сомнѣніе въ его справедливости возникло тогда, когда превосходный рядъ работъ Лагранжа, В. Эдвардса и Магнуса показалъ, что въ легкихъ происходитъ только одинъ обмѣнъ газовъ — изъ воздуха поглощается кислородъ, изъ крови отдѣляется углекислота. Этотъ обмѣнъ совершается, на основаніи общихъ физическихъ законовъ просачиванія (эндосмоса и экзосмоса). Углекислота уже готова въ венной крови, и не образуется въ легкихъ, и кислородъ только растворяется кровью, а не соединяется химически съ ея элементами. Слѣдовательно горѣніе совершается не въ легкихъ, а во всемъ тѣлѣ, въ различныхъ частяхъ его. Вслѣдъ за тѣмъ изысканія Реньо и Рейзе указали на то, что образованіе одной углекислоты не можетъ объяснить всего количества животной теплоты, а опыты Аутенрейта, Бергера, Мартиньи, Геринга и Либиха доказали, что венная кровь теплѣе артеріальной. Отчего-же происходили ошибки первыхъ наблюда-

телей, которые, на-оборотъ, находили, что артеріальная кровь теплѣе венной? Это объяснилъ Либихъ — слѣдующимъ образомъ. Для опытовъ обыкновенно снимали грудныя ребра у только-что убитаго животнаго и наблюдали температуру крови въ обѣихъ половинкахъ сердца. Но, вслѣдствіе устройства сердца, обѣ половинки при этомъ подвергались не равному охлажденію. На-самомъ-дѣлѣ, правая половинка, которая гонитъ венную кровь въ легкія, слѣдовательно на небольшое разстояніе, имѣетъ тонкія мускульныя стѣнки. Лѣвая половина сердца, изъ которой кровь должна разойтись по всему тѣлу до самыхъ отдаленныхъ концовъ его, имѣетъ очень толстыя мускульныя стѣнки, такъ-что сокращеніе ихъ даетъ крови сильный толчокъ. Понятно, что эти толстыя стѣнки, когда сердце обнажено, болѣе препятствуютъ охлажденію крови, чѣмъ стѣнки правой половинки. Вотъ отчего первые наблюдатели и нашли, что кровь лѣвой половинки т. е. артеріальная, теплѣе, чѣмъ кровь правой т. е. венная. Для доказательства справедливости этого объясненія Либихъ сдѣлалъ слѣдующій опытъ. Сердце, промытое отъ крови, онъ наполнилъ теплой водою, а потомъ оставилъ на нѣкоторое время на воздухѣ. Черезъ нѣсколько времени вода лѣвой части сердца оказалась теплѣе воды правой.

Бернаръ желалъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ и, чтобы не впасть въ ошибки своихъ предшественниковъ, наблюдалъ температуру крови обѣихъ половинъ сердца, не убивая животныхъ, а сдѣлавши на ихъ груди и въ сердцѣ отверстія, въ которыя прямо вставлялъ точные термометры. Онъ употреблялъ при этомъ термометры, устроенные по методѣ Вальфердина и дающіе наибольшую температуру, какая получится въ продолженіе опыта. Десять опытовъ съ собаками дали слѣдующій средній выводъ: въ правой половинкѣ температура крови 38°, 92, въ лѣвой 38°, 79. Девять опытовъ надъ овцами дали слѣдующія среднія: въ правой части сердца температура 40°, 1, въ лѣвой 40°, 0 (по Цельсіеву термометру). Эти опыты и нѣкоторые изъ прежнихъ дали право Бернару сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Обращеніе крови въ легкихъ производитъ ея охлажденіе.

2) Слѣдовательно легкія нельзя считать источникомъ животной теплоты.

3) Превращеніе венной крови въ артеріальную не сопровождается возвышеніемъ температуры.

Выводы эти вполнѣ согласуются съ тѣмъ фактомъ, что въ легкихъ происходитъ только обмѣнъ газовъ, а не окисленіе, и что углекислота происходитъ не въ легкихъ, а во всѣхъ частяхъ тѣла. Если при этомъ вспомнимъ опыты, доказывающіе дыханіе мускуловъ, т. е. способность ихъ поглощать кислородъ и выдѣлять углекислоту, если примемъ во вниманіе повсемѣстное, почти равномѣрное распредѣленіе теплоты въ тѣлѣ животныхъ, то мы получимъ довольно полное понятіе о всемъ процессѣ образованія жизненной теплоты и увидимъ, гдѣ совершается то горѣніе, которое открылъ Лавуазье.

Теорія ледниковъ. (*). — Любопытныя явленія, представляемыя ледниками, недавно снова обратили на себя вниманіе ученыхъ. Одна изъ главныхъ трудностей ихъ теоріи состоитъ въ объясненіи, какъ происходятъ среди ихъ бѣлой и пористой массы слои или полосы голубаго, болѣе плотнаго льда.

Эдимбургскій профессоръ Форбесъ (Forbes) предположилъ для объясненія, что ледъ, когда онъ движется, находится въ состояніи вязкомъ или полужидкомъ. Такъ какъ середина ледника движется быстрѣе, чѣмъ его края, то образуются трещины, въ которыя набирается вода; замерзая, она и производитъ эти голубыя полосы.

Профессоръ Тиндаль (Tyndall) представилъ для тѣхъ-же явленій другую теорію. Онъ полагалъ, что вязкость льда есть предположеніе, противорѣчащее ежедневному опыту, и что слоистое сложеніе льда зависитъ отъ той-же причины, какъ и слоистое сложеніе сланцевъ, именно отъ давленія. Относительно сланцевъ онъ доказалъ это на опытѣ; для этого онъ растиралъ аспидный шиферъ въ порошокъ, смѣшивалъ его съ водою и сжималъ. Масса, которая получалась отъ этого, ломалась перпендикулярно къ направленію давленія совершенно подобно настоящему шиферу.

Тотъ-же опытъ Тиндаль повторилъ надъ снѣгомъ; отъ давленія онъ принималъ строеніе ледника въ миніатюрѣ.

Что касается до закрытія трещинъ и непрерывной сплошности ледника, то эти явленія объясняются другимъ опытомъ. Именно: куски льда, подверженные жару солнца или лежащіе другъ на другѣ въ горячей водѣ — *смерзаются*. Тиндаль думалъ поэтому, что принимать вязкость льда совершенно излишне.

(*) Archives des sciences phys. et natur. Mars 1857, p. 179.

Въ прошломъ году Тиндаль, заинтересованный наблюденіями Форбеса, самъ посѣтилъ ледники Швейцаріи и тщательно изучалъ ихъ. Способность ихъ наполнять изгибы долинъ, сходство ихъ движенія съ движеніемъ рѣки, невольно внушаютъ предположеніе а вязкости льда, высказанное Форбесомъ. Не смотра на то, его теорія такъ прямо противорѣчитъ нашему обыкновенному представленію о свойствахъ льда, что нельзя не сомнѣваться въ ней Чтобы устранить это сомнѣніе, обыкновенно говорятъ, что вязкость льда ясно обнаруживается только въ большихъ массахъ. Никогда и не думали, чтобы небольшой кусокъ льда могъ представить явленія вязкости. Тиндаль показалъ это на опытѣ. При помощи небольшаго гидравлическаго пресса, онъ превращаетъ шары льда въ плоскіе прозрачные кружки; прямая ледяная призма, длиною въ шесть дюймовъ, сгибается въ полукольцо, если ее заставить пройти черезъ нѣсколько формъ съ постепенно-возрастающею кривизною. Кусокъ льда, положенный въ полушаровидную чашку и сдавливаемый тѣломъ, которое нѣсколько уже, самъ принимаетъ видъ чашки. Эти удивительные опыты ясно доказываютъ справедливость теоріи Форбеса.

Другое пластическое свойство льда, именно смерзаніе, о которомъ мы упомянули, было открыто Фарадеемъ въ 1850 г. Онъ показалъ, что два куска льда при 0° смерзаются между собою, тогда-какъ при низшей температурѣ они остаются отдѣльными.

Тиндаль старался также опытами доказать свою теорію касательно жилистаго или слоистаго строенія ледниковъ. Противъ гипотезы трещинъ, наполняющихся потомъ льдомъ, онъ замѣчаетъ, что зимою нѣтъ воды, а лѣтомъ она не можетъ замерзнуть; слѣдовательно къ концу каждаго лѣта можно-бы было найти въ ледникахъ множество трещинъ, образовавшихся впродолженіе цѣлаго года, тогда-какъ этого не бываетъ. Кромѣ того, противъ теоріи Форбеса говорятъ уже предыдущіе опыты, доказывающіе полужидкое состояніе льда, при которомъ трещины невозможны. Между-тѣмъ всѣ явленія согласны съ теоріею происхожденія слоевъ отъ давленія. Слои ледниковъ всегда почти перпендикулярны къ направленію сильнѣйшаго давленія и тѣмъ болѣе развиты, чѣмъ давленіе сильнѣе вслѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ. Когда два ледника сливаются въ одинъ, отъ взаимнаго ихъ давленія развивается пластинчатое строеніе вдоль линіи ихъ сліянія. Точно такъ по краямъ ледника пласты принимаютъ косвенное по-

ложенiе относительно продольной линiи ледника. Дѣйствительно, такъ какъ нельзя предположить здѣсь ледъ совершенно однороднымъ въ механическомъ отношенiи, то должно принять, что нѣкоторыя части станутъ отъ давленiя гораздо плотнѣе, чѣмъ другiя, и слѣдовательно произойдутъ пласты.

Тиндаль подвергалъ давленiю снѣгъ и иногда получалъ слабое, но ясное подобiе жилковатого строенiя ледниковъ; на разрѣзѣ являлись полоски, болѣе прозрачныя, чѣмъ остальная масса. Онъ успѣлъ также придать ледяной призмѣ, совершенно прозрачной, листопрохожденiе, превзошедшее его ожиданiя. Одинъ изъ людей, способныхъ судить объ этихъ предметахъ, принялъ-было подобный кусокъ льда за гипсъ.

Размноженiе насѣкомыхъ безъ оплодотворенiя. — Явленiя оплодотворенiя какъ у животныхъ, такъ и у растенiй, съ давняго времени представляютъ одну изъ величайшихъ загадокъ между явленiями жизни. Размноженiе отпрысками и дѣленiемъ гораздо понятнѣе для насъ, потому что подводится отчасти подъ обыкновенныя явленiя возрастанiя органическихъ тѣлъ. Въ половомъ-же размноженiи совершенно загадочно, почему необходимы два пола и въ чемъ состоитъ ихъ взаимнодѣйствiе. Изслѣдованiя послѣднихъ годовъ тѣмъ именно любопытны, что сближаютъ половое размноженiе съ безполовымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ яички развиваются безъ всякаго оплодотворенiя, слѣдовательно ихъ можно сравнить съ почками или отпрысками, выростающими внутри тѣла.

Извѣстно знаменитое открытiе Боннета, что многiя поколѣнiя тли (Aphis) слѣдуютъ одно за другимъ безъ оплодотворенiя. Впослѣдствiи нашли, что у этихъ насѣкомыхъ развиваются не настоящiе яички, а *возродительныя клѣточки* или *крупинки*, и что слѣдовательно все явленiе сводится на безполовое размноженiе, хотя и приближается къ половому. Нынѣ-же найдены многiе случаи, въ которыхъ развиваются безъ оплодотворенiя настоящiя яички, имѣющiя всѣ свои характеристическiя части.

Уже давно, впрочемъ, были приводимы случаи размноженiя безъ оплодотворенiя. Такъ Одеберъ (*), знаменитый авторъ естественной исторiи обезьянъ, доказалъ опытами, что у пауковъ одно оплодотворенiе достаточно для нѣсколькихъ рожденiй, слѣдующихъ

(*) *Latreille*. Le regne animal. T. 4, p. 223.

одно за другимъ часто черезъ нѣсколько лѣтъ. Недавно однакожъ Эмиль Бланшаръ (1) показалъ своими наблюденіями, что здѣсь нѣтъ исключенія изъ общаго правила. Онъ наблюдалъ Mygale caementaria, Segestria perfida и Filistata tricolor и нашелъ, что у нихъ послѣ совокупленія двѣ трубки, идущія изъ яичниковъ и соединяющіяся потомъ въ одинъ яйцепроводъ, бываютъ наполнены сѣменемъ. Сѣмя сохраняется здѣсь безъ всякаго измѣненія нѣсколько лѣтъ и яички, выходя изъ яичниковъ, оплодотворяются имъ. Самки-же не оплодотворенныя приносятъ только безплодныя яички, какъ это нашелъ уже Одеберъ.

Въ послѣдніе годы съ особенною любовью занимался этимъ предметомъ Фонъ-Зибольдтъ. Онъ критически разсмотрѣлъ всѣ многочисленныя наблюденія, доказывающія развитіе насѣкомыхъ изъ неоплодотворенныхъ яичекъ (2), и показалъ сомнительность многихъ изъ этихъ случаевъ. Потомъ онъ самъ сдѣлалъ наблюденія, которыя не допускаютъ сомнѣнія (3).

Именно онъ собралъ нѣсколько куколокъ ночныхъ бабочекъ (Talaeporia lichenella и Psyche helix), замѣчательныхъ тѣмъ, что самки ихъ безкрылы и не выходятъ изъ оболочки куколки. Къ его большему удивленію, самки, которыя произошли изъ куколокъ, приносили яички, хотя не были оплодотворены, и изъ этихъ яичекъ снова выходили самки, способныя приносить плодотворныя яички. Такимъ-образомъ онъ успѣлъ воспитать нѣсколько поколѣній одно за другимъ, состоявшихъ изъ однѣхъ только самокъ. По микроскопическимъ изслѣдованіямъ (4), плодотворные органы этихъ самокъ вполнѣ образованы, яички развиваются обыкновеннымъ образомъ и нѣтъ никакого слѣда живчиковъ (spermatozoa).

Въ прошломъ году Зибольдтъ представилъ Французской академіи мемуаръ (5), въ которомъ доказываетъ возможность размноженія пчелъ и шелковичныхъ червей безъ оплодотворенія. Самое замѣчательное явленіе представляютъ матки пчелъ, которыя, перезимовавши въ дѣвственномъ состояніи, точно также, какъ и оплодотворенныя матки, начинаютъ класть яички, но изъ этихъ яичекъ выходятъ только самцы. Открытіе это принадлежитъ

(1) L'Institut, 1857. XXI. 123.

(2) Zeitschr. für wissench. Zool. I, 53.

(3) 28 Bericht der schlesisch. Gesell. für vaterl. Cultur. p. 84.

(4) R. Leuckart. Handwört. der Physiol. IV, 959.

(5) Comptes vendus. XLIII, p. [illegible].

Цирцону (1) и подтверждено Берлепшемъ (2). Микроскопическія наблюденія Зибольдта показали, что въ яичкахъ, изъ которыхъ выходятъ самцы (трутни), никогда не встрѣчается живчиковъ, но что они постоянно бываютъ въ яичкахъ, производящихъ самокъ или рабочихъ пчелъ (3). И даже только одного оплодотворенія достаточно на четыре или на пять лѣтъ и сѣмя сохраняется въ сѣменныхъ пріемникахъ. Матка можетъ какъ-бы по произволу положить оплодотворенное, или неоплодотворенное яичко. Только въ старости, когда запасъ сѣмени истощенъ, она начинаетъ класть яички, производящія однихъ трутней.

Всѣ эти факты, какъ и нѣкоторыя подобныя наблюденія относительно другихъ классовъ животныхъ и также относительно явнобрачныхъ растеній, показываютъ, что оплодотвореніе не есть необходимое условіе развитія. Впрочемъ, можно было предъугадывать такое заключеніе уже потому, что первыя фазисы развитія яйца происходятъ ранѣе оплодотворенія и что слѣдовательно оплодотвореніе не производитъ самаго процесса развитія, а только его поддерживаетъ.

Н. Страховъ.

(1) Theorie und Praxis der Bienenzucht.

(2) Bienenzeitung. 1855 № 7.

(3) Cosmos. 1857. X, 124.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новое пріобрѣтеніе музея Императорскаго эрмитажа.— Щедротами Государя Императора, музей Императорскаго эрмитажа обогатился весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ, именно собраніемъ медалей и монетъ покойнаго графа *Л. А. Перовскаго*. Этотъ кабинетъ, заключающій въ себѣ нѣсколько тысячъ медалей и монетъ Греческихъ, Римскихъ, восточныхъ и средневѣковыхъ, былъ плодомъ многолѣтнихъ стараній и любви къ нумисматикѣ просвѣщеннаго вельможи. Въ коллекціи есть много золотыхъ монетъ, чрезвычайно красивыхъ или рѣдкихъ, каковы напр: Бактрійскія, Индо-Скиѳскія, Сассанидовъ, Саманидовъ и въ особенности прекрасныхъ экземпляровъ монетъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ Пантикапейскихъ и царей Босфорскихъ. Сіи послѣднія придаютъ исключительную важность уже весьма богатой части нумисматическаго эрмитажнаго кабинета, именно отдѣленію Греческихъ колоній Понта Эвксинскаго, имѣющему столь великое значеніе для Россіи.

Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. — Въ засѣданіи 30 декабря 1855 года секретарь Императорскаго археологическаго Общества довелъ до свѣдѣнія собранія, что отдѣленіе Русской и Славянской археологіи въ засѣданіи, бывшемъ 16 февраля сего года, между прочими предположеніями о распространеніи своей дѣятельности, изъявило намѣреніе издавать протоколы своихъ засѣданій, не ожидая выхода въ свѣтъ «Записокъ Общества». Къ симъ протоколамъ отдѣленіе полагало присовокуплять переписку свою и получаемыя имъ мелкія статьи, которыя, по содержанію своему или по объему, не могли-бы войти въ составъ собственно «Записокъ». Секретарь Общества доложилъ при томъ, что хотя протоколы засѣданій Общества и отдѣленій помѣщались до сего времени въ приложеніяхъ къ «Запискамъ», но какъ сіи послѣднія выходятъ по одному тому въ теченіе года, то большая

часть статей или извѣстій нерѣдко теряютъ цѣну и значеніе отъ несвоевременнаго ихъ появленія въ свѣтъ. Предполагаемымъ-же изданіемъ, цѣль котораго сообщать публикѣ, по возможности чаще, отчеты о трудахъ Общества, оно можетъ привлечь къ участію въ своихъ занятіяхъ ученыхъ соотечественниковъ, и возродить въ нихъ охоту содѣйствовать успѣшной разработкѣ Русской археологіи, которая представляетъ еще мало воздѣланную, но плодородную почву. Мысль о подобномъ изданіи не есть что-либо новое. Она была уже предложена и принята въ засѣданіи 16 мая 1850 года. Посему теперь остается только разрѣшить отпускъ денегъ для преднамѣреннаго изданія. По выслушаніи сего представленія, собраніе Общества изъявило согласіе на сіе изданіе съ тѣмъ, чтобы къ приведенію въ исполненіе сего намѣренія приступлено было безотлагательно на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Протоколы, съ приложеніями къ нимъ, печатать подъ заглавіемъ: «Извѣстій Императорскаго археологическаго Общества» и выпускать въ свѣтъ книжками по мѣрѣ ихъ отпечатанія. 2) Въ этомъ изданіи, кромѣ протоколовъ общихъ засѣданій и засѣданій каждаго отдѣленія и особыхъ комитетовъ, дать мѣсто библіографическому обозрѣнію сочиненій, касающихся археологіи и близкихъ къ ней знаній. Изслѣдованія членовъ и постороннихъ ученыхъ, а равно и полезныя ихъ замѣчанія, которыя не войдутъ въ составъ «Записокъ», помѣщать также въ «Извѣстіяхъ». 3) «Извѣстія» сіи печатать двумястами экземпляровъ болѣе противъ «Записокъ». 4) По отпечатаніи каждаго выпуска, разослать его ко всѣмъ членамъ Общества, не исключая и членовъ-корреспондентовъ и сотрудниковъ, и къ тѣмъ постороннимъ лицамъ, которыя принимаютъ участіе въ трудахъ Общества. Для сего предоставить въ распоряженіе редактора 50 экземпляровъ. Остающіеся за разсылкою экземпляры обращать въ продажу. 5) Управляющаго отдѣленіемъ Русской и Славянской археологіи д. ч. *И. И. Срезневскаго* просить принять на себя редакцію «Извѣстій» Общества, поручивъ составъ ихъ въ полное его завѣдываніе, и по его назначенію отпускать изъ суммъ Общества нужныя на издержки по сему изданію деньги. 6) Просить секретарей восточнаго отдѣленія и отдѣленія западной археологіи доставлять редактору «Извѣстій» протоколы засѣданій сихъ отдѣленій немедленно по утвержденіи оныхъ. Д. ч. *И. И. Срезневскій* изъявилъ согласіе принять на себя обязанность редактора «Извѣстій». Сообщая это извлеченіе изъ протокола засѣданій Император-

скаго археологическаго Общества, спѣшимъ присовокупить, что недавно вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ «Извѣстій» этого Общества, которымъ такимъ образомъ начинается новое повременное изданіе, посвященное отечественной археологіи, представляющей столько разнообразнѣйшихъ матеріаловъ для изученія и описанія. Дабы познакомить читателей съ содержаніемъ этого выпуска, выписываемъ оглавленіе статей его: Mater Verborum Чешскаго музея. (Съ литограф. рисункомъ). *И. И. Срезневскаго;* Древній крестъ въ церкви погоста Унжи, Владимірской губерніи. (Съ 4 литограф. рисунками). *К. Н. Тихонравова;* Изображеніе Литовской богини Милоты. (Съ рисункомъ). *А. К. Киркора;* Археологическія розысканія *П. С. Савельева* во Владимірской губерніи; Археологическія розысканія *А. К. Киркора* въ Виленской губерніи; Князь М. П. Баратаевъ. Некрологическая записка *П. С. Савельева;* Старинное Русское серебро, собранія графа Л. А. Перовскаго, *П. С. Савельева;* Лѣтопись Императорскаго археологическаго Общества. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій: А. Общія собранія. Б. Собранія отдѣленія Русской и Славянской археологіи. В. Собранія отдѣленія восточной археологіи; Библіографія: Изданія Императорскаго археологическаго Общества. Составъ Общества.

Трудъ русскаго ученаго, одобренный Французскою академіею наукъ. — Въ приказѣ г. начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ (29 марта № 2,377) печатано слѣдующее: «Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ *Шишковъ*, командированный за границу въ минувшемъ году отъ Михайловской артиллерійской академіи для собранія свѣдѣній по части химіи и артиллерійской техники, представилъ Французской академіи наукъ мемуаръ о раціональной формулѣ гремучекислой ртути. Академія поручила коммиссарамъ гг. Баляру (Balard) и Дюма (Dumas) разсмотрѣть означенный мемуаръ. Г. Дюма (Dumas), въ засѣданіи 12 января (новаго стиля) сего года, доложилъ академіи о трудахъ поручика Шишкова, между прочимъ, слѣдующее: «Изслѣдованія г. Шишкова доказали положительно, что формула гремучекислой ртути, предложенная гг. Гей-Люссакомъ (Gay-Lussac) и Либихомъ (Liebig) и принимаемая понынѣ всѣми химиками, ошибочна. Формула, предложенная г. Шишковымъ, объясняетъ всѣ извѣстныя свойства гремучекислой ртути несравненно-естественнѣе и проще. Г. Шишковъ, рядомъ произведенныхъ имъ опытовъ, вѣр-

ными пріемами, употребленными при химическихъ работахъ, обнаружилъ глубокое знаніе какъ предмета, избраннаго для изслѣдованій, такъ и законовъ науки, до малѣйшихъ ея подробностей. Мемуаръ г. Шишкова заключаетъ въ себѣ, — сверхъ открытія новыхъ, весьма-замѣчательныхъ тѣлъ,—ученый, раціональный анализъ гремучекислой ртути и показываетъ осязательнымъ образомъ составъ оной. При исполненія этого труда, тягостнаго и опаснаго (г. Шишкову приходилось часто изслѣдовать разомъ отъ 8 до 10 килограмовъ гремучекислой ртути), авторъ мемуара воспользовался всѣми пособіями науки, которыя имъ замѣчательнымъ образомъ усвоены. Коммиссія полагаетъ, что трудъ г. Шишкова вполнѣ достоинъ занять мѣсто въ «Recueil des savants étrangers». Такое заключеніе коммиссіи было единогласно академіею одобрено. Пріятнымъ долгомъ поставляю себѣ выразить г. Шишкову душевную благодарность мою за полезные труды его на поприщѣ науки, — труды, дѣлающіе честь и ему лично, и заведенію, гдѣ онъ воспитывался и гдѣ служитъ. Объявляю о семъ по военно-учебнымъ заведеніямъ».

Древніе военные снаряды, найденные въ Вяткѣ. — Въ Вятскихъ губ. вѣд. напечатано: «Спѣшимъ подѣлиться съ читателями Вятской газеты новостью, занимающею теперь Вятскую публику,—это шары или, какъ говорятъ здѣсь, шарицы, найденныя случайно, и имѣющія связь съ исторіею Вятчанъ-предковъ. Для того, чтобы читателю имѣть какое-нибудь понятіе объ этомъ историческомъ значеніи шаровъ, необходимо, хотя мелькомъ, коснуться исторіи Вятчанъ. Извѣстно, что они вышли изъ Новгородской области и поселились въ здѣшнихъ мѣстахъ, обитаемыхъ Черемисами, которыхъ они выгнали съ собственныхъ земель. Черемисы, народъ мстительный, крѣпко осерчали на пришельцевъ-враговъ своихъ, и всѣми мѣрами старались имъ сдѣлать зло: дѣлали набѣги врасплохъ на поселенцевъ, жгли ихъ селенія, и били Новогородцевъ, гдѣ-только находили возможность. Съ своей стороны, и новые поселенцы, превосходившіе туземцевъ умственными способностями и развитіемъ, колотили ихъ немало, и наконецъ взяли надъ ними перевѣсъ, заставивши ихъ удалиться на юго-западъ Вятской губерніи, гдѣ и теперь еще есть ихъ остатки: потому-что племя это, сказать мимоходомъ, уменьшается съ каждымъ годомъ обратно-пропорціонально увеличенію населенія прочихъ народовъ. Новгородцы, поселившіе-

ся въ нынѣшнемъ городѣ Вяткѣ, для безопасности отъ нарушителей ихъ спокойствія, построили крѣпость съ деревянными стѣнами на горѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь св. Пятницы, чрезвычайно-древней архитектуры, присутственныя мѣста и Александровскій садъ. Исторія Вятки не даетъ положительныхъ свѣдѣній о убіеніи Вятчанами Устюжанъ, случившемся во рвѣ, ограничивающемъ сказанный садъ, и идущемъ отъ рѣки Вятки; неизвѣстно даже время, когда это событіе произошло. Надъ этимъ рвомъ стоитъ и теперь ветхая деревянная часовня, гдѣ, какъ говорятъ, есть образъ или крестъ, присланный Іоанномъ Грознымъ. Въ этой-то часовнѣ ежегодно, въ четвертую субботу послѣ пасхи, совершается панихида по убіеннымъ Устюжанамъ духовенствомъ церкви св. Пятницы, а затѣмъ слѣдуетъ народная свистопляска. Прежде на этомъ празникѣ происходили кулачные бои, борьба и бросали съ горы глиняные шары, а внизу ихъ ловили, отчего происходили дѣйствительныя драки; но благоразумными мѣрами полиціи такія потѣхи прекращены. Преданія объ убіеніи Устюжанъ говорятъ различно: одно повѣствуетъ, что Устюжане шли на-помощь Вятчанамъ противъ Черемисъ, но Вятчане, «своя своихъ не познаша», приняли ихъ ночью за врагомъ, и всѣхъ побили, за что и до-сихъ-поръ зовутъ Вятчанъ слѣпородами. Такое происшествіе, помрачающее славу Вятчанъ, быть можетъ, и заставило ихъ скрыть въ своихъ запискахъ эти событія. Другое-же преданіе говоритъ, что Устюжане шли противъ Вятчанъ, чтобы покорить ихъ удѣльнымъ князьямъ за неплатежъ дани. Такъ или иначе было дѣло это, рѣшать не беремся, а сообщаемъ читателю фактъ — найденные здѣсь шары; равнымъ образомъ не беремся до времени ничего сказать о нихъ, потому-что не имѣемъ пока никакихъ положительныхъ данныхъ. Со-временемъ сообщимъ подробнѣе, что знаемъ, а теперь переходимъ къ находкѣ. Подъ церковью св. Пятницы и далѣе къ югу, по берегу рѣки Вятки, ниже, нежели въ полугорѣ, идетъ рядъ домовъ, называемый въ простонародьѣ односторонка, принадлежащихъ небогатымъ людямъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ, почти подъ сказанною церковью, владѣлецъ дома, чиновникъ Поповъ, вздумалъ построить себѣ погребъ; нанятый работникъ, начавъ рыть яму, нашелъ какое-то подземелье, запертое желѣзною дверью, и сообщилъ объ этомъ хозяину, который, надѣясь найдти кладъ, не говорилъ о томъ никому, но кто-то добрый человѣкъ сообщилъ объ этомъ мѣстной

полиція, которая, открывъ дверь, нашла кучу шаровъ, не совершенно гладкихъ, изъ песчаника, булыжника и брусянаго камня, въ діаметрѣ около трехъ вершковъ. Тутъ найденъ и порохъ, бывшій, надо думать, въ боченкахъ: потому что отъ нихъ остались гнилушки, а теперь онъ представляетъ черную массу, которою запачканы найденные шары, служившіе, какъ видно, вмѣсто ядеръ во время военныхъ дѣйствій Вятчанъ. Найденный порохъ ясно говоритъ, что эти военныя времена были никакъ не ранѣе XVI столѣтія; самая-же яма служила складочнымъ мѣстомъ боевыхъ снарядовъ».

Мозаическое заведеніе въ Россіи. — Заимствуемъ изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей (№ 76) любопытное извѣстіе объ этомъ замѣчательномъ, въ художественномъ отношеніи, учрежденіи въ Россіи. Извѣстно, что при Императорской Академіи художествъ существовала мозаическая мастерская, гдѣ произведены тѣ колоссальные образа, которые украшаютъ, въ настоящее время, главный иконостасъ Исакіевскаго собора. Эта мастерская перенесена теперь на Императорскій стеклянный заводъ, гдѣ прежде приготовлялись для нея только матеріалы. Еще въ 1846 году, вслѣдствіе доклада покойнаго министра Императорскаго Двора князя П. М. Волконскаго, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе объ устройствѣ мозаическаго заведенія при Императорскомъ стеклянномъ заводѣ и, съ этою цѣлію, былъ заключенъ четырехлѣтній контрактъ съ Римскимъ профессоромъ Рафаэлли, которому было поручено устройство этого заведенія. Въ то-же время предписано Императорской Академіи художествъ избрать четырехъ художниковъ и отправить ихъ въ Римъ, для изученія художественной стороны мозаическаго искусства. Академія избрала гг. Солнцева, Шаповалова, Ѳедорова и Раева, которые и отправились въ Римъ подъ главнымъ наблюденіемъ князя Г. П. Волконскаго. Князь Волконскій устроилъ въ Римѣ студію, въ которой и работали эти Русскіе художники, вмѣстѣ съ Италіянскими, двумя братьями Бонафеде, Коки и Рубиконди, подъ руководствомъ г. Барбіери. Вслѣдъ за тѣмъ было предписано покойнымъ министромъ Императорскаго Двора управляющему стекляннымъ заводомъ П. А. Языкову приготовить помѣщеніе для техническаго отдѣленія мозаичнаго заведенія, квартиру для профессора Рафаэлли, равно какъ и металлическія окиси для окраски смольтовъ, которые предполага-

лись для изготовленія четырехъ образовъ въ Исакіевскій соборъ, чтò и исполнено г. Языковымъ. Послѣ того былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго герцога Лейхтенбергскаго (*), комитетъ для устройства мозаичнаго заведенія, состоявшій изъ профессоровъ Бруни и Рафаэлли и управляющаго заводомъ П. А. Языкова. Такимъ-образомъ возникло первое въ Россіи техническо-мозаическое заведеніе, подъ непосредственнымъ начальствомъ президента Академіи художествъ герцога Лейхтенбергскаго. Г. Рафаэлли, законтрактованный на четыре года, просилъ, по устройствѣ техническаго заведенія, т.-е. за годъ до истеченія срока контракту, уволить его, по болѣзни, отъ службы, на чтò и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, тѣмъ-болѣе, что приближался срокъ контракту, заключенному съ г. Барбіери, и предполагалось перевести Русскую мозаическую студію изъ Рима въ Петербургъ. И это предположеніе князя Г. П. Волконскаго удостоилось Высочайшаго одобренія. Тогда были заключены контракты съ Римскими мозаистами, братьями Бонафеде. По прибытіи ихъ въ Петербургъ, поручено было П. А. Языкову, вмѣстѣ съ княземъ Г. П. Волконскимъ, составить штатъ, по которому покойный министръ приказалъ, вслѣдствіе прежде объявленной Высочайшей воли, учредить техническое отдѣленіе мозаическаго заведенія при стеклянномъ заводѣ, а художественное—при Академіи художествъ. По утвержденіи штатовъ, оба заведенія начали свои дѣйствія (съ 1-го января 1852 года), въ видѣ опыта, на четыре года, и получили Высочайшее повелѣніе окончить четыре образа для Исакіевскаго собора, чтò ими и исполнено—и вы можете видѣть теперь эти четыре колоссальные мѣстные образа въ самомъ соборѣ. Работа удивительная! Не утрачено ни малѣйшей тонкой черты оригинала, ни малѣйшаго оттѣнка, ни свѣтотѣни — ничего. Это та-же картина, только окаменѣвшая и потому сдѣлавшаяся вѣчною. Штаты были составлены по даннымъ, указаннымъ княземъ Г. П. Волконскимъ, въ томъ размѣрѣ, какъ была устроена Русская студія въ Римѣ. Управляющимъ мозаическими заведеніями были назначены, по Высочайшему повелѣнію: художественнымъ — графъ Толстой, а техническимъ — П. А. Языковъ, который вышелъ въ 1855 году въ отставку и былъ замѣщенъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ графомъ Стенбокомъ. Нынѣ царствующему Государю Им-

(*) Мѣсто герцога заступилъ, по кончинѣ его, графъ Толстой.

ператору благоугодно было соединить оба мозаическія отдѣленія и помѣстить ихъ въ одномъ изъ зданій Императорскаго стекляннаго завода. Высочайшая воля уже исполнена и 30 января текущаго года открыто преобразованное мозаическое заведеніе. По этому случаю, въ самомъ зданіи заведенія — зданіи свѣтломъ, просторномъ, вполнѣ приспособленномъ къ мозаичной работѣ, отслужено, въ присутствіи г. министра Императорскаго Двора, членовъ Академіи художествъ и другихъ посѣтителей, молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ котораго и по окропленіи всего зданія св. водою, приступлено къ работѣ—именно къ производству четырехъ колоссальныхъ мѣстныхъ образовъ для Исаакіевскаго собора, въ дополненіе къ тѣмъ четыремъ, которые уже сдѣланы прежде. Затѣмъ гости и художники приглашены были къ завтраку, за которымъ г. министръ Императорскаго Двора провозгласилъ тосты за здравіе Августѣйшаго Покровителя искусствъ Государя Императора, за весь Августѣйшій Домъ и за процвѣтаніе въ Россіи мозаическаго искусства; потомъ г. управляющій заведеніемъ графъ Стенбокъ предложилъ тостъ за г. министра Императорскаго Двора, который съ своей стороны отвѣчалъ тостомъ за графа Стенбока. Наконецъ, одинъ изъ присутствовавшихъ на завтракѣ журналистовъ подалъ мысль вспомнить при этомъ случаѣ перваго Русскаго ученаго и литератора, который въ то-же время былъ и первымъ Русскимъ мозаистомъ — Ломоносова; г. министръ Императорскаго Двора самъ захотѣлъ произнесть этотъ тостъ, который и принятъ былъ всѣми присутствующими съ громкимъ и единодушнымъ выраженіемъ сочувствія. Тутъ-же было рѣшено поставить въ залѣ мозаическаго заведенія портретъ Ломоносова, и мы слышали, что этотъ портретъ будетъ мозаичный. Новое, прочное устройство мозаическаго заведенія обѣщаетъ ему счастливую будущность, а потому мы не сомнѣваемся, что всѣ любители искусства порадуются, вмѣстѣ съ нами, этому прекрасному дѣлу. Конечно, въ строгомъ смыслѣ, мозаика не самостоятельное искусство; она—не болѣе, какъ отраженіе живописи, но такое отраженіе, которое увѣковѣчиваетъ ея произведенія. Ни одно изъ искусствъ не подвержено разрушительному вліянію времени въ такой мѣрѣ, какъ живопись: время не только измѣняетъ, но и совершенно истребляетъ самое живое, самое привлекательное ея достоинство: цвѣта, краски. Въ этомъ случаѣ мозаика является на помощь живописи, дѣлаетъ безсмертною быстро-исчезающую и ничѣмъ-

незамѣнимую прелесть колорита, яркость и свѣжесть красокъ. Мозаика не самостоятельное искусство; но много великихъ произведеній живописи, нынѣ обезображенныхъ временемъ, уцѣлѣли-бы во всей красотѣ своей, еслибъ мозаика воспроизводила ихъ при ихъ появленіи. Какъ-же не радоваться, что эта новая отрасль искусства упрочена нашему отечеству? Итакъ, да преуспѣваетъ она во славу своего Основателя и Его Августѣйшаго Преемника, которому первое въ Россіи мозаическое заведеніе обязано прочнымъ устройствомъ своимъ, обѣщающимъ самыя отрадныя послѣдствія!»

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ НА КОНКУРСЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ: VIII. РУКОВОДСТВО КЪ ОСУШЕНІЮ И ВОЗДѢЛЫВАНІЮ БОЛОТЪ. — Въ числѣ причинъ, задерживающихъ у насъ развитіе сельскаго хозяйства, особенно въ сѣверо-западной части имперіи, главнѣйшая заключается въ несоразмѣрности луговъ и пастбищъ съ количествомъ скота, потребнаго для поддержанія надежной степени плодородія пашенъ. Несоразмѣрность эта происходитъ, говоря вообще, не столько отъ недостатка угодій, сколько отъ нехозяйственнаго обращенія съ ними и отъ неумѣнья пользоваться естественными средствами, скрытыми въ землѣ. Кому неизвѣтно, что въ помянутой части государства повсюду встрѣчаются обширныя болотныя пространства, остающіяся не только безъ пользы для хозяйства, но наносящія вредъ: ибо они служатъ причиною позднихъ приморозковъ,—источникомъ особенныхъ болѣзней и во всякомъ случаѣ потопляютъ лѣса и пастбища. А между-тѣмъ въ нихъ накоплены природою огромныя массы удобрительныхъ веществъ; въ нихъ скрыты и кормъ и подстилка для скота и топливо для человѣка. Безъ-сомнѣнія, можно указать у насъ на похвальные примѣры благоразумнаго осушенія и разработки болотъ; но эти примѣры малочисленны и остаются безъ подражанія какъ по ихъ малоизвѣстности, такъ равно и потому, что самые способы осушенія и обработки болотныхъ мѣстъ не всегда довольно просты и часто требуютъ предварительныхъ знаній техническихъ и соображенія со многими внѣшними обстоятельствами. Желая обратить на этотъ важный предметъ вниманіе просвѣщенныхъ владѣльцевъ и всѣхъ ревнителей преуспѣянія сельскаго хозяйства, ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ предлагаетъ составить *полное руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ*, по слѣдующей программѣ:

Программа руководства къ осушенію и воздѣлыванію болотъ.

Изложеніе общихъ понятій объ осушеніи полей, выгоновъ, луговъ, лѣсовъ и болотъ.—Польза осушенія въ хозяйственномъ отношеніи и въ гигиеническомъ. — Осушеніе болотъ въ особенности.

§ 1. Причины образованія болотъ: а) отъ застоя водъ, падающихъ въ углубленія съ непроницаемою подпочвою; б) отъ стока воды съ окрестныхъ мѣстъ; в) отъ разливовъ рѣкъ; г) отъ засоренія русла ручьевъ; д) отъ подземныхъ ключей и проч.

§ 2. Различные роды болотъ, смотря по ихъ образованію и покрывающей ихъ растительности.

§ 3. Приготовительныя къ осушенію работы: предварительное изслѣдованіе мѣстности въ топографическомъ отношеніи; разсмотрѣніе хозяйственныхъ условій и опредѣленіе ожидаемыхъ отъ осушки и обработки выгодъ; опредѣленіе естественныхъ стоковъ водъ, помощію наблюденія надъ ихъ теченіемъ; нивелировка помощію ватерпаса и нивелира; составленіе смѣтъ издержкамъ.

§ 4. Предохранительныя работы, т. е. имѣющія цѣлію отстранить на осушаемое мѣсто притокъ внѣшнихъ водъ: а) проведеніе обводныхъ каналовъ; б) образованіе плотинъ или насыпей.

§ 5. Собственно осушительныя работы: а) помощію каналовъ главныхъ и побочныхъ; размѣръ ихъ при разныхъ условіяхъ; способы рытья, укрѣпленія и прочее; б) помощію рытья колодцевъ, достигающихъ до пропускающихъ воду слоевъ; в) помощію насыпки искусственнаго слоя; г) помощію выкачиванія посредствомъ машинъ.

§ 6. Приготовленіе къ обработкѣ осушенныхъ пространствъ. Срытіе кочекъ, очищеніе кустарника и лѣса, корчеваніе пней; снятіе торфа; выжиганіе поверхности.

§ 7. Обращеніе осушенныхъ пространствъ въ хозяйственныя угодья: а) подъ луга; б) подъ выгоны и пастбища; в) подъ разведеніе зерновыхъ, маслянистыхъ, овощныхъ и другихъ хозяйственныхъ растеній; г) подъ сады; д) подъ лѣсныя посадки. При этомъ слѣдуетъ указать, какого рода растенія могутъ съ большимъ успѣхомъ произрастать на осушенныхъ пространствахъ, смотря по ихъ свойству, а равно изложить главныя основанія, которыя должно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о томъ, подъ какое назначеніе, при данныхъ условіяхъ, могутъ быть съ большею выгодою обращены осушаемыя болота.

§ 8. Описаніе и изображеніе на чертежахъ орудій, необходимыхъ и полезныхъ при осушеніи и обработкѣ болотъ.

§ 9. При всѣхъ указываемыхъ способахъ должно быть, по возможности, указано на примѣры осушенія и разработки болотъ, особенно на тѣ, которые были сдѣланы въ Россіи.

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается первостепенная награда — золотая медаль въ 300 руб. сер. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ програмы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины—въ 150 руб. сер. Наконецъ сочиненія, несоотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 іюня 1859 года.

IX. **Руководства къ лѣсоводству и къ егерскому искусству.** — Для руководства воспитанниковъ старшаго класса въ лѣсномъ отдѣленіи лѣснаго и межеваго института требуется составить учебныя руководства къ лѣсоводству и егерскому искусству, по прилагаемымъ програмамъ. Объемъ этихъ сочиненій долженъ соотвѣтствовать годичному курсу и опредѣленному на преподаваніе каждаго предмета числу уроковъ, а именно: для лѣсоводства—по два урока и для егерскаго искусства—по одному уроку въ недѣлю. Впрочемъ, конкурентамъ предоставляется, не теряя изъ вида главной цѣли составляемыхъ учебниковъ, присовокупить къ своимъ сочиненіямъ, въ видѣ особаго приложенія, тѣ дополненія и замѣчанія, которыя не могли войти въ составъ учебника, но тѣмъ не менѣе могутъ служить къ обогащенію науки и познаній учащихся. Для удобнѣйшаго примѣненія на самомъ дѣлѣ положеній и правилъ, излагаемыхъ въ учебникахъ, необходимо присовокупить числовыя данныя и пояснительные примѣры. Для всѣхъ упоминаемыхъ орудій, машинъ и снарядовъ должны быть приложены чертежи съ показаніемъ масштаба. Приводимыя въ сочиненіяхъ мѣры должны быть Русскія; если-же предстоитъ надобность указать на иностранную мѣру, то при ней должно быть означено отношеніе ея къ Русской мѣрѣ. Срокъ для присылки сочиненій назначается 1 іюня 1859 года. По разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій въ ученомъ комитетѣ министерства государственныхъ имуществъ, авторы тѣхъ изъ нихъ, которыя вполнѣ удовлетворятъ програмѣ

и вышесказаннымъ условіямъ, получатъ: за *Руководство къ лѣсоводству* — 1,000 рублей, за *Руководство къ егерскому искусству* — 500 рублей.

Програма руководства къ лѣсоводству.

Введеніе. Изложеніе способа возобновленія лѣсовъ въ природѣ, безъ содѣйствія человѣка. Послѣдующія явленія въ развитіи роста лѣсовъ до приспѣванія и до вторичнаго своего естественнаго возобновленія. Сходство этихъ явленій съ тѣми, которыя замѣчаются въ развитіи травянистыхъ растеній. Подчиненность древесныхъ и травянистыхъ растеній однимъ и тѣмъ-же физіологическимъ законамъ и общность правилъ растеніеводства. Вліяніе климатическихъ и почвенныхъ условій на ростъ и форму растеній и на урожай ихъ сѣмянъ. Зависимость роста и формы растеній и урожай ихъ сѣмянъ отъ свѣта и тѣни, отъ густоты или рѣдкости насажденія. Вліяніе поименованныхъ обстоятельствъ на качества и количества древесины, луба, коры, листьевъ, сѣмянъ и древесныхъ соковъ. Вліяніе тѣхъже дѣятелей на временныя качества и покровъ почвы (мха, лишая, травы, подлѣсокъ и подроста). Нарушеніе естественнаго порядка возрожденія лѣсовъ дѣйствіями человѣка. Разработка лѣсовъ лѣсоводственная и ея послѣдствія. Необходимость въ содѣйствіи природѣ для возобновленія лѣсовъ, при уменьшеніи ихъ. Цѣль лѣсоводства и средства достиженія этой цѣли: лѣсовозобновленіе, лѣсоразведеніе и послѣдующій за возобновленіемъ или разведеніемъ хозяйственный уходъ за лѣсомъ.

Примѣчаніе. При изложеніи предметовъ послѣдующихъ главъ этой программы должно, при описаніи каждой лѣсохозяйственной работы, представлять примѣрные, на лѣсоводственной практикѣ основанные разсчеты о расходѣ рабочей силы, необходимой для совершенія этой работы въ опредѣленное время.

Часть I. *Лѣсовозобновленіе.*

Гл. I. — Понятіе о лѣсномъ хозяйствѣ. Виды или системы лѣснаго хозяйства. Обстоятельства, имѣющія вліяніе на выборъ системы лѣснаго хозяйства. Правильное состояніе лѣса и польза, отъ того проистекающая. Правильность лѣсонасажденій и ихъ различные виды. Правильность порубокъ. О продолжительности и порядкѣ порубокъ. Понятіе о лѣсосѣкѣ. Величина и выборъ лѣсосѣкъ. Періодическія изрѣживанія лѣсонасажденій или проходныя поруб-

ки. Значеніе, цѣль и стоимость этихъ порубокъ. О правильномъ изрѣживаніи насажденій. Цѣль и польза правильнаго изрѣживанія насажденій. Возрастъ насажденій, съ котораго можно начинать изрѣживаніе. Количество вырубаемыхъ деревъ и главныя правила, при этомъ соблюдаемыя; время, по прошествіи котораго снова предпринимается изрѣживаніе, и зависимость изрѣживанія древонасажденій отъ удобства сбыта вырубаемаго матеріала.

Гл. II. — Понятіе о хозяйствѣ высокоствольномъ. Условія выгодности этого хозяйства. Способы возобновленія высокоствольныхъ лѣсовъ. Рубки сѣменныя и сплошныя разнаго рода. Преимущества и недостатки тѣхъ и другихъ порубокъ. Перечисленіе древесныхъ породъ, удобно возобновляемыхъ сѣменными порубками. Общія правила для всѣхъ сѣменныхъ порубокъ. Правила отвода лѣсосѣкъ. О подготовленіи лѣсосѣкъ для самосѣва осушкою и очисткою отъ валежника, сучьевъ, пней, кустовъ, мха.

Гл. III. — О возобновленіи самосѣвомъ лѣсовъ дубовыхъ. Главныя правила при рубкѣ въ дубовыхъ лѣсахъ. Порубка приготовительная и сѣменная. Выборъ и число сѣменныхъ деревъ, расположеніе ихъ и обозначеніе. Очистка лѣсосѣки и приготовленіе земли къ принятію сѣмянъ. Покрываніе сѣмянъ. Порубка для свѣта и предосторожности при ней. Порубка очистная и облѣсеніе пустыхъ мѣстъ. Оставленіе сѣменныхъ деревъ на перестой. Дополненіе всходовъ. Признаки пострадавшихъ отъ излишней тѣни молодыхъ дубковъ. Дальнѣйшее возвращеніе и охраненіе дубовыхъ молодниковъ. Подчистка и обрѣзка сучьевъ. Возращеніе стволовъ съ погибью и успѣхъ въ этомъ. Необходимыя измѣненія изложенныхъ въ введеніи и въ І-й главѣ общихъ правилъ въ примѣненіи къ лѣсамъ дубовымъ съ неправильными насажденіями, смотря по роду самой неправильности. О возобновленіи и возвращеніи самосѣвомъ лѣсовъ буковыхъ, правильныхъ и неправильныхъ. О возобновленіи и возвращеніи самосѣвомъ лѣсовъ березовыхъ, осиновыхъ, грабовыхъ и насажденій ольховыхъ, илимовыхъ, ясеневыхъ и кленовыхъ. О возобновленіи и возращеніи самосѣвомъ лѣсовъ правильныхъ и неправильныхъ сосновыхъ и еловыхъ сѣменными и разными сплошными порубками.

Примѣчаніе. При изложеніи способовъ возобновленія древесныхъ породъ соблюдается та-же полнота и послѣдовательность, какъ означено при дубѣ.

Гл. IV. — О возобновленіи и возвращеніи самосѣвомъ смѣшан-

ныхъ насажденій. О постоянномъ и временномъ смѣшеніи древесныхъ породъ. Смѣшенія древесныхъ породъ, встрѣчаемыя въ природѣ. Породы деревъ для выгоднаго смѣшенія постояннаго и временнаго. Правила при возобновленіи самосѣвомъ смѣшанныхъ насажденій. Причины, по которымъ мягкія древесныя породы водворяются и распространяются въ лѣсахъ, и мѣры противъ этого.

Гл. V. О хозяйствѣ низкоствольномъ. Условія выгодности низкоствольнаго хозяйства. Способы введенія низкоствольнаго хозяйства и способы возобновленія низкоствольныхъ лѣсовъ. Общія правила при рубкѣ низкоствольныхъ лѣсовъ. Употребленіе для этого особаго топора. Частныя правила рубки низкоствольныхъ лѣсовъ по древеснымъ породамъ и по роду смѣшанныхъ насажденій. Временное употребленіе почвы въ низкоствольныхъ лѣсахъ для возращенія хозяйственныхъ не лѣсныхъ растеній.

Гл. VI. — О среднемъ хозяйствѣ. Условія выгодности этого хозяйства. Способы введенія средняго хозяйства и способы возобновленія среднихъ лѣсовъ. Выборъ древесныхъ породъ для крупныхъ деревъ и для подлѣска. Правила для выбора маяковъ, опредѣленія числа ихъ и распредѣленія въ лѣсосѣкѣ. Общія правила возобновленія и возращенія крупныхъ деревъ и подлѣска въ среднихъ лѣсахъ.

Гл. VII. — О выборочномъ хозяйствѣ. Недостатки выборочнаго хозяйства. Случаи, гдѣ это хозяйство необходимо. Порядокъ порубки и способы возобновленія лѣсовъ при выборочномъ хозяйствѣ.

Гл. VIII. — О возращеніи лѣсныхъ деревъ на лугахъ и поляхъ, для пользованія вершинами (безвершинное хозяйство), сучьями (хозяйство на сучья) и цѣлыми деревьями (древопольное хозяйство). Понятіе о лядахъ или подсѣкахъ и о значительномъ ихъ распространеніи въ Россіи.

Гл. IX. — Объ измѣненіи системы лѣснаго хозяйства. Правила перехода отъ высокоствольнаго хозяйства въ среднее, и наоборотъ. Правила перехода отъ низкоствольнаго хозяйства въ среднее или въ высокоствольное, и наоборотъ. Объясненіе обстоятельствъ, требующихъ перехода изъ одного въ другое хозяйство.

Часть II. *Лѣсоразведеніе.*

Гл. I. — Условія выгодности лѣсоразведенія. Раздѣленіе лѣсоразведенія на посѣвы и посадки. Способы лѣсоразведенія и заня-

симость ихъ отъ древесныхъ породъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Преимущества и недостатки каждаго способа лѣсоразведенія. Выборъ древесныхъ породъ для разденія и зависимость этого отъ обстоятельствъ. Понятіе о соотвѣтственности каждой породы мѣсту. Климатъ и его вліяніе на произрастаніе древесныхъ породъ. Почва, подпочва, ихъ роды и виды и качества въ отношеніи роста древесныхъ породъ. Мѣстоположеніе и вліяніе его на произрастаніе разводимыхъ деревъ.

Гл. II.—О собираніи, очищеніи и храненіи древесныхъ сѣмянъ. Способы испытанія годности сѣмянъ къ посѣву и способы ускоренія проростанія сѣмянъ. О приготовленіи и воздѣлываніи почвы для посѣва древесныхъ породъ, смотря по качествамъ мѣстности, древесной породѣ и способу посѣва. Способы воздѣлыванія почвы и употребляемыя при этомъ орудія. Примѣненіе способовъ воздѣлыванія и приготовленія почвы къ даннымъ мѣстностяхъ. Сравнительная стоимость разнаго рода воздѣлыванія почвы. О времени посѣва древесныхъ сѣмянъ. О количествѣ сѣмянъ, потребныхъ для даннаго пространства при посѣвѣ сплошномъ, бороздами и мѣстами. Способы и равномѣрность посѣва. Покрываніе посѣянныхъ сѣмянъ землею. Толщина покрова. Условія, необходимыя для проростанія сѣмянъ. Время всхода сѣмянъ послѣ посѣва. Охраненіе посѣвовъ отъ разнаго рода поврежденій.

Гл. III.—Частныя правила посѣва, заготовленія сѣмянъ, приготовленія почвы, и проч. по древеснымъ породамъ. О посѣвѣ разнаго рода древесныхъ сѣмянъ вмѣстѣ, и о посѣвѣ древесныхъ сѣмянъ вмѣстѣ съ другими хозяйственными растеніями.

Гл. IV.—О сажаніи древесныхъ растеній и выгодахъ его въ сравненіи съ посѣвомъ. О качествѣ и величинѣ сажанцевъ. О времени садки. О выниманіи и выкапываніи зажанцевъ и употребляемыхъ при томъ орудіяхъ. Предосторожности при переноскѣ и перевозкѣ сажанцевъ. Порядокъ размѣщенія сажанцевъ и разстояніе между ними. Приготовленіе ямъ и орудія, для того употребляемыя. Подрѣзка вѣтвей и корней при садкѣ. Самое сажаніе, укрѣпленіе, окучиваніе и поливка сажанцевъ. Дальнѣйшій уходъ за сажанными деревцами.

Гл. V.—Въ частности о сажаніи разныхъ древесныхъ породъ. О сажаніи породъ въ смѣшеніи.

Гл. VI.—О питомникахъ. О мѣстахъ для заложенія древеснаго питомника. Воздѣлыванія земли въ питомникѣ. Раздѣленіе питом-

ника. Огорожа питомника. Возращеніе растеній въ питомникѣ и уходъ за растеніями. Высадка и отпускъ растеній изъ питомника. О питомникахъ временныхъ, закладываемыхъ на лѣсосѣкахъ и прогалинахъ. Особенности лѣсоразведенія по способу Бирмана, Мантейфеля, Бутлера, Алеманна и другихъ.

Гл. VII. О посадкѣ черенковъ и кольевъ и о разведеніи древесныхъ породъ отводками. Какія породы разводятся такимъ образомъ и преимущественно въ какихъ мѣстностяхъ. Способъ заготовленія черенковъ и кольевъ и способъ садки ихъ. Способъ размноженія деревъ отводками, прививкою, окулировкою и прочее.

Гл. VIII.—Порядокъ, принятый въ Россіи, при производствѣ культуръ въ устроенныхъ дачахъ относительно составленія смѣтъ, заготовленія сѣмянъ, воздѣлыванія почвы, количества сѣмянъ, самаго посѣва и прочее.

Гл. IX. Способы лѣсоразведенія на летучихъ пескахъ и въ степяхъ. Происхожденіе, движеніе, форма и особыя почвенныя свойства летучихъ песковъ приморскихъ и летучихъ песковъ среди материковъ. Древесныя породы и травы, удобноразводимыя на пескахъ. Устройство заборовъ, плетней и другихъ плотныхъ преградъ движенію песка. Ограниченная и кратковременная польза этихъ преградъ. Покрытіе песковъ сучьями, хвоемъ, торфомъ, дерномъ и непрочность подобныхъ покрововъ. Разведеніе травъ и естественное образованіе вала вдоль морскаго берега. Укрѣпленіе этого вала и его ремонтъ. Разведеніе кустарныхъ породъ и деревьевъ за приморскимъ валомъ и на материковыхъ пескахъ. Хозяйственныя и полицейскія мѣры для упроченія культуры сыпучихъ песковъ и способы пользоваться разведеннымъ на нихъ лѣсомъ. Объ особенностяхъ климата степей южной Россіи относительно древоводства. Породы древесныя для плотныхъ, для рыхлыхъ и для солонцоватыхъ почвъ въ степяхъ. Глубокое воздѣлываніе плотныхъ и вязкихъ почвъ. Необходимость и способы огораживанія питомниковъ и лѣсныхъ плантацій. Особыя правила ухода за сѣмянными грядами въ питомникахъ. Защита всходовъ отъ солнечнаго припека. Защита отъ грызуновъ. Особыя правила пересадки сѣянцевъ и саженцевъ. Особыя правила для сохраненія рыхлости поверхностнаго слоя почвы и для истребленія сорныхъ растеній. Дальнѣйшій уходъ за лѣсными плантаціями и рощами въ степяхъ.

Программа руководства къ егерскому искусству.

Введеніе. Понятіе о егерскомъ искусствѣ. Польза правильнаго производства охоты. Вредъ излишняго сбереженія дикихъ животныхъ. Необходимость знанія егерскаго искусства для практическаго лѣсовода. Важность звѣринаго и птичьяго промысла въ Россіи. Основанія, на коихъ охота раздѣляется на высокую, среднюю и малую. Заключеніе о пользѣ и безполезности этого раздѣленія охоты.

Гл. I. *Описаніе охотничьяго оружія, снастей и снарядовъ, употребляемыхъ для охоты.* — Въ этой главѣ, въ особыхъ §§ описываются: 1) Лучшаго устройства ружья, винтовки и иныя оружія, необходимыя для охоты, съ принадлежностями къ нимъ. Къ этому присовокупляются правила объ исправномъ содержаніи огнестрѣльнаго оружія и осторожнаго обращенія съ нимъ. 2) Способъ приготовленія, храненія и употребленія тенетъ, пугалъ, снастей, капкановъ и иныхъ полезныхъ снарядовъ для поимки звѣрей и птицъ.

Гл. II. *Возвращеніе и натаскиваніе охотничьихъ собакъ.*—Здѣсь въ особыхъ §§ излагаются типическіе признаки, правила возвращенія и натаскиванія охотничьихъ собакъ, а именно: легавыхъ, гончихъ, борзыхъ, осочальныхъ, травильныхъ, выжглъ.

Гл. III. *Описаніе мѣстонахожденія и образа жизни звѣрей и производства на нихъ охоты.*—Въ этой главѣ, послѣ краткаго описанія мѣстопребыванія и образа жизни, излагаются способы охоты и ловли слѣдующихъ звѣрей въ особыхъ §§: медвѣдя, зубра, лося, краснаго оленя, сѣвернаго оленя, козули, лани, кабана, зайца, бѣлки, выдры, куницы, горностая, соболя, лисицы, рыси и волка.

Гл. IV. *Описаніе мѣстопребыванія и образа жизни птицъ и производство на нихъ охоты.* — Подобно какъ и въ предыдущей главѣ звѣри, описываются здѣсь, въ особыхъ §§, слѣдующія птицы: драхва, стрепетъ, фазанъ, лебедь, гусь, утка, глухарь, тетеревъ, рябчикъ, куропатки, лѣсной куликъ, бекасы, дрозды.

Гл. V. *О звѣринцѣ.* — Цѣль устройства звѣринцевъ. Качество годной для этого мѣстности. Огражденіе звѣринца. Количество сохраняемой въ немъ дичи. Кормленіе дичи. Выстрѣливаніе излишней дичи.

Гл. VI. *Законы объ охотѣ.* — Въ этой главѣ излагаются дѣйствующія въ Россіи узаконенія: о правѣ производства охоты; о дозволеніи времени охоты; объ истребленіи хищныхъ животныхъ и объ установленныхъ штрафахъ за нарушеніе законовъ объ охотѣ.

X. **Изслѣдованіе о разведеніи въ Россіи красильныхъ растеній.**—Вопросъ о необходимости или пользѣ водворенія въ Россіи, въ большихъ размѣрахъ, разведенія красильныхъ растеній, съ цѣлію избавиться, по мнѣнію нѣкоторыхъ, зависимости отъ иностранныхъ рынковъ, снабжающихъ Россію красильными веществами, былъ неоднократно у насъ возбуждаемъ; но и до-сихъ-поръ онъ невполнѣ рѣшенъ путемъ точныхъ изслѣдованій. Со временъ графа Канкрина, устроившаго бывшую Луганскую ферму главнѣйше съ цѣлію извѣдать на опытѣ—какія изъ красильныхъ растеній могутъ быть усвоены Россіи, было произведено какъ въ казенныхъ заведеніяхъ, такъ и многими хозяевами, немало опытовъ разведенія, имѣвшихъ различный успѣхъ; но и при первомъ взглядѣ на дѣло нельзя не видѣть, что всѣ подобные опыты, какъ-бы они ни были многочисленны, не могутъ окончательно рѣшить вопроса о пользѣ разведенія означенныхъ растеній. Для подобнаго рѣшенія нужно прежде всего разсмотрѣть и рѣшить еще нѣкоторые другіе вопросы. Не довольно того, что, по климатическимъ условіямъ края, то или другое растеніе можетъ быть разводимо; нужно еще, чтобы разводить его было выгодно. Важность этого дѣла заключается не въ возможности избавиться отъ мнимой зависимости отъ иностранцевъ, а скорѣе въ томъ, что разведеніе новыхъ растеній или усиленіе разведенія тѣхъ, которыя засѣваются въ маломъ размѣрѣ, еслибы оказалось выгоднымъ, могло-бы составить важное подсобіе для нашего хозяйства введеніемъ бо̀льшаго разнообразія воздѣлываемыхъ растеній и умноженіемъ нашихъ земледѣльческихъ произведеній такими продуктами, которые при большей цѣнности лучше могли-бы оплачивать земледѣльческій трудъ. По этимъ соображеніямъ, подробныя изслѣдованія вопроса о красильныхъ растеніяхъ, во всемъ его объемѣ, нельзя не признать существенно-полезными въ нынѣшнемъ положеніи нашего сельскаго хозяйства. Вслѣдствіе сего ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ предлагаетъ написать *изслѣдованіе о возможности и пользѣ разведенія въ Россіи разныхъ красильныхъ растеній*, по слѣдующей программѣ:

1) Изъ всѣхъ извѣстныхъ красильныхъ веществъ разсмотрѣть, какія наиболѣе употребляются въ нашихъ ремеслахъ и мануфактурахъ; откуда они получаются; какія качества составляютъ ихъ достоинство; отъ чего зависятъ эти качества: отъ способа-ли обдѣл-

ки красильнаго вещества, или-же отъ климатическихъ и мѣстныхъ условій края, производящаго его; цѣны на различныя красильныя вещества за границею и у насъ.

2) Показать, какія изъ красильныхъ веществъ, наиболѣе употребляемыхъ въ нашемъ мануфактурномъ дѣлѣ, вовсе у насъ не могутъ разводиться и какія могли-бы быть производимы; и для сихъ послѣднихъ сравнить иноземныя страны, ихъ производящія, съ тѣми мѣстами Россіи, которыя равномѣрно могутъ ихъ производить: это сравненіе должно состоять въ сличеніи какъ климата, и если нужно почвъ, такъ и экономическихъ отношеній. Само-собою-разумѣется, что соображенія о возможности разведенія тѣхъ или другихъ растеній должны быть основаны на положительныхъ данныхъ и на разборѣ результатовъ опытовъ, произведенныхъ доселѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, надъ введеніемъ различныхъ красильныхъ растеній.

3) Въ какой мѣрѣ краски нашего мѣстнаго произведенія входятъ въ наше мануфактурное употребленіе, съ какимъ успѣхомъ и съ какою выгодою для производителей и мануфактуристовъ.

Результатомъ всего этого изслѣдованія должно быть положительное и на фактахъ основанное заключеніе о томъ, какія красильныя растенія мы можемъ съ выгодою разводить у себя и какія краски намъ выгоднѣе получать изъ-за границы, имѣя въ виду пользу не одного земледѣлія, но и самыхъ фабрикъ.

Необходимымъ условіемъ поставляется, чтобы все изслѣдованіе было основано на достовѣрныхъ и критически разобранныхъ фактахъ, а потому требуется, чтобы всѣ положенія были подкрѣплены надежными авторитетами и ссылками на сочиненія, съ указаніемъ года ихъ изданія, тома и страницы.

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается первостепенная награда — золотая медаль въ 300 рублей. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ програмы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины въ 150 рублей. — Наконецъ сочиненія, не соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается 1-го іюня 1860 года.

Протоколы засѣданій Общества Русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ. — Подъ этимъ заглавіемъ Высочайше утвержденное Общество Русскихъ врачей въ С. Петербургѣ, съ разрѣшенія высшаго начальства, приступаетъ къ обнародованію занятій своихъ, въ видѣ отдѣльныхъ листковъ, по установленной программѣ. Цѣль этого изданія — ближайшее соотношеніе Общества съ практическими врачами имперіи, дабы обмѣномъ мыслей и наблюденій способствовать успѣхамъ отечественной медицины. Общество надѣется найдти сочувствіе своимъ безскорыстнымъ стремленіямъ во всѣхъ Русскихъ врачахъ, и потому обращается къ ихъ содѣйствію въ трудахъ его, къ ихъ участію въ его занятіяхъ. Безчисленное множество драгоцѣнныхъ наблюденій и опытовъ теряется у насъ для науки единственно только отъ невозможности обнародованія ихъ, отъ невозможности обсужденія и повѣрки ихъ, отъ недостатка увѣренности въ ихъ значеніи и пользѣ. Между-тѣмъ, бывъ сообщены Обществу, всѣ эти наблюденія, какъ-бы они ни были кратки и отрывочны, непремѣнно послужатъ единицами — можетъ быть и мелкими, но все-же не ничтожными, изъ соединенія которыхъ составится сумма фактовъ, способная послужить прочнымъ основаніемъ стройнаго зданія Русской медицины. Общество Русскихъ врачей заботится о собираніи этихъ разрозненныхъ фактовъ, этихъ мелкихъ единицъ и приглашаетъ соотечественниковъ своихъ принять участіе въ этихъ заботахъ и трудахъ его, предлагая свои услуги къ совмѣстному и такъ-сказать семейному ихъ обсужденію. Оно съ благодарностію и уваженіемъ приметъ всякое дотросовѣстное наблюденіе или замѣтку, всякій полезный трудъ какъ отъ членовъ своихъ, такъ и отъ постороннихъ врачей, и удѣлитъ ему все должное вниманіе, необходимое для обмѣна мыслей и плодовъ опытности. Съ тою именно цѣлію оно приступило къ печатанію протоколовъ своихъ.

«Протоколы засѣданій Общества Русскихъ врачей» будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ (кромѣ лѣтнихъ каникулярныхъ мѣсяцевъ, когда не бываетъ засѣданій Общества), по установленной программѣ, напечатанной въ 1-мъ нумерѣ изданія. Внѣшняя форма ихъ—отдѣльные листки, которыхъ объемъ не можетъ быть опредѣленъ заблаговременно, потому-что зависитъ отъ количества матеріаловъ, не всегда одинаковаго. Подписка на полученіе «Протоколовъ засѣданій Общества» принимается въ С. Петербургѣ, въ залѣ собранія Общества, при медицинскомъ департаментѣ воен-

наго министерства, а также въ газетной экспедиціи С. Петербургскаго почтамта и у всѣхъ С. Петербургскихъ книгопродавцевъ. Подписная цѣна за годовое изданіе 1 руб. 50 коп. сер., безъ пересылки, а съ пересылкою во всѣ города имперіи — 2 р. сер. Дѣйствительные члены Общества, на основаніи § 19 Высочайше-утвержденнаго проекта устава Общества, получаютъ «Протоколы засѣданій» безплатно, присылая только 50 коп. сер. за пересылку по почтѣ (если живутъ внѣ Петербурга) и точные свои адресы.

Неизданныя сочиненія Н. И. Надеждина. — Въ дополненіе къ извѣстію о жизни и трудахъ Н. А. Надеждина, напечатанному нами въ одной изъ книжекъ нашего журнала прошедшаго года, сообщаемъ слѣдующую замѣтку, помѣщенную въ «Вѣстникѣ» Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Въ статьѣ: «Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ», помѣщенной въ «Вѣстникѣ» (1856 г., ч. XVI, Смѣсь, стр. 1—16), сказано, на стр. 15, въ примѣчаніи: «Между бумагами покойнаго Николая Ивановича найдены были, между-прочимъ, слѣдующія его сочиненія: 1) Духовная статистика Сиріи и Палестины,—большое сочиненіе, повидимому, окончательно отдѣланное; оно переписано въ двѣ тетради. 2) Исторія православной церкви въ Молдавіи, Валахіи, Булгаріи и матеріалы для полной исторіи православія внѣ Россіи. 3) Путешествіе его за границу, въ видѣ дневныхъ записокъ. Кромѣ-того, найдено было нѣсколько тетрадей, *писанныхъ имъ по-Гречески*».

Къ-сожалѣнію, извѣстія эти оказались не совсѣмъ вѣрны. Всѣ означенныя рукописи, дѣйствительно, найдены въ бумагахъ Н. И. Надеждина; но это не его сочиненія, а оффиціальные или полуоффиціальные матеріалы для предполагавшагося труда его изъ исторіи восточной церкви; равнымъ-образомъ, и Греческія рукописи не имъ писаны, а переписаны для него и по его указанію для другаго изданія, которое онъ также предполагалъ составить. Мы сочли нужнымъ сообщить это читателямъ, чтобъ не вводить ихъ въ заблужденіе относительно этихъ мнимыхъ сочиненій Надеждина. Въ-замѣнъ ихъ, отысканы въ бумагахъ его другія, дѣйствительно ему принадлежащія и оставшіяся до-сихъ-поръ неизданными, какъ-то: двѣ статьи о Русскихъ миѳахъ и сагахъ, читанныя имъ въ Русскомъ географическомъ Обществѣ, вторая статья объ исторической географіи Россіи (первая напечатана была въ «Библіотекѣ для Чтенія»), о Русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ (по по-

воду сочиненія Копитара) (*) и нѣкоторыя другія. Всѣ эти «Неизданныя сочиненія Н. И. Надеждина» приготовлены къ печати П. С. Савельевымъ и будутъ изданы въ-теченіе нынѣшняго (1857) года.

Статистика Германскихъ университетовъ. — въ Аугсбургской газетѣ Allgemeine Zeitung напечатано обозрѣніе состояніе собственно Германскихъ университетовъ въ 1856—1857 годахъ. Число ихъ двадцать: въ Берлинѣ, Боннѣ, Бреславлѣ, Эрлангенѣ, Фрейбургѣ, Гиссенѣ, Гёттингенѣ, Грейфсвальдѣ, Галлѣ, Гейдельбергѣ, Іенѣ, Килѣ, Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Марбургѣ, Мюнхенѣ, Минстерѣ, Ростокѣ, Тюбенгенѣ и Вюрцбургѣ. Число учащихъ лицъ 1,441; въ томъ числѣ 673 ординарныхъ профессоровъ, 266 эстраординарныхъ, 45 почетныхъ, 346 приватъ-доцентовъ и 111 учителей языковъ и искусствъ. Число студентовъ 12,670. Болѣе всего въ Берлинѣ (2,276) и въ Мюнхенѣ (1,406). Въ Бреславлѣ 862, въ Боннѣ 856, въ Лейпцигѣ 811, въ Вюрцбургѣ 711, въ Тюбингенѣ 704, въ Галлѣ 700, въ Геттингенѣ 624, въ Гейдельбергѣ 615, въ Эрлангенѣ 500. Въ остальныхъ менѣе пяти сотъ. Менѣе всего въ Минстерѣ — 104. Изъ сего числа въ богословскихъ Римско-католическихъ факультетахъ 1,227, въ протестантскихъ 2,063, въ юридическихъ и камеральныхъ 3,661, въ медицинскихъ 2,390, въ философскихъ и филологическихъ 2,393.

Объ открытіи подписки на сооруженіе въ Новгородѣ памятника тысячелѣтію Россіи. — Въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го мая сего года, изъяснено: «Государство Русское въ 1862 г. совершаетъ, по сказанію лѣтописи, первое тысячелѣтіе своего сoществованія. Съ гордостію и любовію каждый истинный сынъ отечества долженъ обратить взоръ на его славное прошедшее и уразумѣть, чрезъ какіе тяжкіе пути испытаній Россія, при помощи Божіей, доведена до настоящаго ея самобытнаго могущества и величія. Для увѣковѣченія столь достославной эпохи, Государь Императоръ соизволилъ, чтобы на мѣстѣ княженія перваго Русскаго государя Рюрика, въ Новгородѣ, былъ торжественно воздвигнутъ народный памятникъ тысячелѣтію Россіи, и съ сею цѣлію Его Величеству благоугодно было разрѣшить

(*) Статья эта напечатана въ февральской книжкѣ Журн. м. н. пр. на текущій годъ.

открыть повсемѣстную по имперіи подписку для сбора добровольныхъ на сей предметъ денежныхъ пожертвованій отъ всѣхъ сословій, продолжая принятіе сихъ пожертвованій до самаго открытія памятника. Подписка принимается въ канцеляріяхъ Санктпетербургскаго оберъ-полицеймейстера и гражданскаго губернатора. По открытіи таковой подписки, всѣ денежныя пожертвованія вносятся въ приказъ общественнаго призрѣнія и о количествѣ всей суммы, какая по 1-е число января 1859 года собрана будетъ, а равно и о накопившихся на оную процентахъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, по полученіи свѣдѣній, извѣститъ г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, на обязанность коего повелѣніемъ Государя Императора возлагается сооруженіе самаго памятника.

Некрологъ: Л. В. Тенгоборскій.—30 марта, съ кончиною Людвига Валеріянова *Тенгоборгскаго*, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена государственнаго совѣта, Россія понесла тяжкую утрату, особенно чувствительную въ настоящее время—при столь быстромъ и обширномъ развитіи производительныхъ силъ Россіи, изученію которыхъ преимущественно была посвящена государственная и ученая дѣятельность почившаго. Сообщаемъ краткій біографическій очеркъ его, напечатанный въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 84).

Л. В. Тенгоборскій поступилъ на службу въ 1812 году счетоводцемъ въ главную счетную палату. По учрежденіи вскорѣ послѣ того царства Польскаго, онъ состоялъ при временномъ правленіи, а впослѣдствіи при государственномъ совѣтѣ царства. Въ 1820 году онъ сопровождалъ князя Любецкаго въ Парижъ для занятій тамъ по разнымъ финансовымъ вопросамъ, касающимся бывшаго герцогства Варшавскаго; при этомъ случаѣ онъ уже успѣлъ выказать свои рѣдкія способности. Въ 1828 году, Л. В. Тенгоборгскій перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ коего и состоялъ по самый день своей смерти. Назначенный тогда-же генеральнымъ консуломъ въ Данцигъ, онъ въ тридцатыхъ годахъ оказалъ важныя услуги Россіи, во время польской кампаніи. Въ Данцигѣ Тенгоборскій оставался не болѣе четырехъ лѣтъ. Въ 1832 году отправленный съ особеннымъ порученіемъ въ Вѣну, онъ оставилъ мѣсто генеральнаго консула, тѣмъ болѣе, что вышеозначенное порученіе требовало продолжительна-

го пребыванія его въ Вѣнѣ. Если судить по тому обстоятельству, что, годъ спустя послѣ его прибытія въ Вѣну, сенатъ города Кракова даровалъ ему дипломъ на почетное званіе гражданина этого города, то надо заключить, что занятія его относились до составленія новой конституціи Кракова, вышедшей около этого времени. Покончивъ свои занятія въ Вѣнѣ, Л. В. Тенгоборскій отправился съ княземъ Любецкимъ въ Парижъ, для ликвидаціи счетовъ между Франціею и царствомъ Польскимъ, по дѣламъ бывшаго герцогства Варшавскаго. Занятія его въ Парижѣ продолжались полтора года; вслѣдствіе разногласій въ мнѣніяхъ, возникшихъ между нимъ и княземъ Любецкимъ, онъ, по собственной просьбѣ, былъ уволенъ въ 1835 году отъ занятій въ Парижѣ и получилъ приказаніе опять ѣхать въ Вѣну, гдѣ съ разными промежутками (*) оставался до 1846 года, непрерывно занятый исполненіемъ важныхъ порученій со стороны своего правительства; однимъ изъ послѣднихъ были переговоры, которые онъ долженъ былъ вести въ 1846 г. съ Австрійскимъ правительствомъ, касательно взаимныхъ торговыхъ сношеній этихъ двухъ странъ. Результатомъ переговоровъ было заключеніе 8-го (20-го) іюля 1846 г., судоходной конвенціи съ Австріею, вслѣдствіе которой вышеозначенныя торговыя сношенія основались на началѣ справедливаго взаимства. По возвращеніи Тенгоборскаго въ Петербургъ, ему было предписано участвовать въ работахъ комитета, который былъ тогда учрежденъ для обсужденія проекта таможенныхъ реформъ. Назначеніе это было тѣмъ лестнѣе, что означенный проектъ былъ представленъ имъ-же самимъ. Мнѣніе Л. В. Тенгоборгскаго относильно международныхъ торговыхъ сношеній должны быть извѣстны каждому, кто читалъ или просматривалъ его сочиненія. Стараясь облегчать и упрощать сколько возможно эти сношенія, онъ въ то-же время допускалъ необходимость покровительства вновь возникающимъ промышленостямъ, требуя только, чтобы это покровительство не переходило за предѣлы чрезмѣрности. При такомъ взглядѣ на вещи, Л. В. Тенгоборскій не могъ согласоваться съ существовавшимъ тогда у насъ почти запретительнымъ тарифомъ. Измѣненія, предлагаемыя въ его проектѣ, потому именно относились къ значительному пониженію многихъ пошлинъ. Послѣ долгихъ изслѣдованій, комитетъ убѣдился окончательно въ ихъ необходи-

(*) Причиняемыми болѣе или менѣе краткими отсутствіями.

мости, и въ 1850 году вышелъ составленный имъ новый тарифъ, существенно отличавшійся отъ прежняго. Не заключая въ себѣ почти никакихъ запретительныхъ статей, тарифъ 1850 года представлялъ въ то-же время сильно-уменьшенныя пошлины по главнымъ статьямъ, а особенно относительно хлопчато-бумажныхъ тканей, красильныхъ веществъ, колоніальныхъ продуктовъ и т. п. Несмотря однако на столь значительное попиженіе, таможенный доходъ пострадалъ очень мало, ибо два года спустя онъ уже почти достигъ до прежней высоты. Такой результатъ могъ быть достигнутъ только при необыкновенномъ расширеніи нашей Европейской торговли, которая дѣйствительно поднялась съ 163 мильйоновъ руб. сер. въ 1850 г. до 227 мильйоновъ въ 1853. Въ то-же время наша промышленость сохранила еще достаточную защиту, и потому нисколько не пострадала. Въ 1848 г. Л. В. Тенгоборскій былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта — назначеніе, вполнѣ доказывавшее все довѣріе Монарха къ его дѣятельности. Наконецъ въ 1850 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, устроенной по поводу Лондонской всемірной выставки. Если наша производительность заняла тамъ сколько возможно по обстоятельствамъ приличное мѣсто, то именно благодаря усиліямъ коммиссіи. Послѣднія семь лѣтъ своей жизни Л. В. Тенгоборскій провелъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ, погруженный въ различныя важныя государственныя занятія, прерываемыя только учеными работами. Вотъ главные пункты служебной карьеры покойнаго; ученая дѣятельность его ознаменовалась слѣдующими трудами. Важнѣйшее для Россіи изъ его сочиненій, безъ сомнѣнія, извѣстныя: «Etudes sur les forces productives de la Russie». Книга эта пользуется полнымъ авторитетомъ не только въ Россіи, но и за границей. На нее ссылаются во всѣхъ статьяхъ иностранныхъ журналовъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россіи, потому-что она, можно сказать, первая вполнѣ познакомила иностранцевъ съ нашимъ отечествомъ. Нѣсколько недѣль до смерти автора, Русское географическое Общество признало это твореніе достойнымъ Константиновской медали. Въ отчетѣ, представленномъ по этому случаю совѣту Общества отъ комитета рецензентовъ, сказано, между-прочимъ, что наше земледѣліе и его важность никогда еще не были представлены въ такомъ сжатомъ, повидимому, сухомъ видѣ, и въ то-же время легко усвояемомъ читателемъ; нигдѣ такъ безпристрастно, на основаніи непреложныхъ фактовъ, не были оцѣнены

наша мануфактурная и наша торговая промышленость.... Изъ другихъ сочиненій Л. В. Тенгоборскаго самое замѣчательное — изданое въ 1843 году, о финансахъ Австріи («Essai sur les finances de l'Autriche, etc.)» Сочиненіе это, замѣчательное ясностью изложенія и богатое весьма-полезными теоретическими объясненіями, доставило автору извѣстность замѣчательнаго финансоваго писателя. Оно возбудило своимъ появленіемъ жаркую полемику въ Нѣмецкой журналистикѣ и въ ученомъ мірѣ; но окончательно идеямъ его была отдана справедливость со стороны всего общественнаго мнѣнія въ Германіи. Два года передъ тѣмъ Л. В. Тенгоборскій издалъ тоже весьма-интересную книгу объ общественномъ образованіи въ Австріи, представляющую весьма-основательный критическій разборъ всѣхъ учрежденій этого рода. Эти два сочиненія были плодомъ долгаго пребыванія автора въ Вѣнѣ, гдѣ онъ на подобныя изслѣдованія и изученія употреблялъ свободное отъ дѣлъ время. Не смотря на всѣ эти занятія, Л. В. Тенгоборскій находилъ еще возможность высказывать отъ-времени-до-времени, въ разныхъ брошюрахъ, свое мнѣніе о главныхъ, господствующихъ вопросахъ. Не говоря о трехъ брошюрахъ (*), напечатанныхъ имъ по-случаю восточной войны, мы можетъ упомянуть о его небольшомъ сочиненіи — объ открытіи новыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и о вліяніи ихъ и т. д., о его брошюрѣ о кредитѣ движимыхъ имуществъ и т. д. Столь разнообразная и полезная ученая дѣятельность была вполнѣ оцѣнена даже за предѣлами Россіи. За нѣсколько дней до смерти, Л. В. Тенгоборскій получилъ радостное извѣстіе о назначеніи его въ члены-корреспонденты Французской Академіи. Но, не ограничиваясь одною государственною ученою дѣятельностію на пользу Россіи, онъ всѣми средствами старался защищать ея интересы и способствовать къ развитію условій ея благосостоянія. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ. При большомъ значеніи за границей журнальныхъ органовъ и при вліяніи ихъ на общественное мнѣніе, явилась мысль основать такой органъ и въ пользу Россіи, и основать его частными средствами, чтобы, не имѣя оффиціальнаго характера, онъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могъ-бы дѣйствовать на общественное мнѣніе въ нашу пользу. Основался «Nord» и въ короткое время онъ занялъ весьма-видное мѣсто въ числѣ

(*) De la politique anglo-française dans la question d'Orient.—Encore quelques mots sur la question d'Orient. — Eine Stimme aus Norden an Oesterreichs Freunde.

главнѣйшихъ органовъ публичности. Въ настоящее время ссылка на него и выписка изъ «Nord» встрѣчаются во всѣхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ журналахъ, а число подписчиковъ его увеличивается съ-году-на-годъ; теперь, однимъ словомъ, уже нельзя отрицать, что онъ имѣетъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе въ Европѣ. Въ числѣ лицъ, въ головѣ коихъ впервые возникла мысль объ учрежденіи этого журнала, мы находимъ Л. В. Тенгоборскаго; онъ-же наиболѣе дѣятельно участвовалъ въ первомъ устройствѣ означеннаго журнала. Потеря, которую Россія понесла со смертію Людвига Валеріановича Тенгоборскаго, еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что его кончина послѣдовала именно въ такое время, когда необыкновенное развитіе ея промышленыхъ и производительныхъ силъ и ея торговли сильно нуждалось въ трудахъ того просвѣщеннаго экономиста, который такъ вѣрно понялъ и такъ хорошо изложилъ условія благосостоянія нашего отечества.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Стран.

Министерскія распоряженія за февраль, мартъ и апрѣль 1857 года.

О книгахъ и учебныхъ пособіяхъ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія:

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

в) Книга, изданная за границею.

ѣ) Обозрѣніе журналовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и смѣсь.

I. Новости по части наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ.

II. Разныя извѣстія.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

